МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
[108]
СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(60)

Редакционный совет:
д. иск., проф. И. И. Тучков (председатель);
д. и. н., академик РАН, проф. С. П. Карпов (основатель серии);
д. и. н., член-корреспондент РАО, проф. Л. С. Белоусов;
д. и. н., проф. Н. С. Борисов;
д. и. н., член-корреспондент РАН, проф. Л. И. Бородкин;
д. и. н., проф. А. Г. Голиков; д. и. н., проф. С. В. Девятов;
д. и. н., гл. н. с. Л. В. Кошман; д. и. н. А. Р. Канторович;
д. и. н., академик РАН, проф. Ю. С. Кукушкин;
к. и. н. Н. В. Литвина; д. фил. н., проф. О. В. Раевская;
д. и. н., проф. Г. Ф. Матвеев; д. и. н., проф. С. В. Мироненко;
д. и. н., член-корреспондент РАН, проф. Е. И. Пивовар;
д. и. н. А. В. Подосинов; к. и. н., доц. Ю. Н. Рогулев;
д. и. н. С. Ю. Сапрыкин; д. и. н., проф. В. В. Симонов;
д. иск., член-корреспондент РАН, проф. В. В. Седов;
к. и. н. О. В. Солопова;
к. и. н. А. А. Талызина; д. и. н., проф. Д. А. Функ

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет
Факультет политологии

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Факультет политологии

Российское историческое общество

Российское общество политологов

Отделение историко-филологических наук РАН
Институт российской истории РАН

Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси
Институт истории НАН Беларуси

Государственный исторический музей

Государственный центральный музей
современной истории России

Московский городской педагогический университет
Институт гуманитарных наук и управления

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
Историко-филологический факультет

при участии
ГБУ «Московский дом национальностей»

Столетие Революции 1917 года в России

Научный сборник

Часть 1

Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова от 28.06.2017 г. (протокол № 4)

Рецензенты:
Чернобаев А. А. – доктор исторических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, главный редактор журнала «Исторический архив», профессор
Быковская Г. А. – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и философии Воронежского государственного университета инженерных технологий, профессор

Ответственный редактор: доктор искусствоведения, профессор
И. И. Тучков

Редакционная коллегия:
Абрамова Н. Г.; Алексеев В. В.; Андреев Д. А.; Байбаков С. А.; Белоусов Л. С.; Белоусова О. В.; Богданов В. П.; Бородкин Л. И.; Ватлин А. Ю.; Вдовин А. И.; Голиков А. Г.; Голубева М. И. (зам. ответственного секретаря); Гусев А. В.; Девятов С. В.; Жигальцова Л. В.; Запальский Г. М.; Кайкова О. К. Кошман Л. В.; Кукушкин Ю. С.; Леонова Л. С.; Маныкин А. С.; Матвеев Г. Ф.; Муромцева Л. П.; Остапенко А. И. (ответственный секретарь); Пивовар Е. И.; Салиенко А. П.; Симонов В. В.; Солопова О. В.

Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. ред. И. И. Тучков. – М., Изд-во АО «РДП», 2018. – 1000 с. – (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60).
ISBN 978-5-88697-280-1

Научный сборник подготовлен на основе материалов научных докладов, сделанных в рамках международной конференции «Революция 1917 года в России», проходившей 29–31 марта 2017 года в Москве в МГУ имени М. В. Ломоносова и ГБУ «Московский дом национальностей». В первую часть научного сборника вошли статьи более чем ста ученых из России, стран ближнего зарубежья, западных стран и Китая. Авторы сборника представляют все основные части научного сообщества: академическую и вузовскую науку, архивы и библиотеки, музеи и общественные организации. Издание состоит из семи крупных разделов, которые отражают тематические направления исследований. Данный сборник наглядно демонстрирует плюрализм взглядов, подходов и методов, составляющих современную историческую науку. Статьи, опубликованные в научном сборнике, подводят некоторые итоги изучения Революции 1917 года в России, поднимают дискуссионные вопросы, намечают перспективы исследования этой ключевой проблемы отечественной и всеобщей истории XX века.

Для специалистов в области истории XX века, отечественной и всеобщей истории, истории стран ближнего зарубежья, а также учащихся и интересующихся историей.

ISBN 978-5-88697-280-1

© Исторический факультет МГУ, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Изд-во АО «РДП», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия участникам Международной научной конференции «Столетие Революции 1917 года в России» 12

Приветствие ректора МГУ имени М. В. Ломоносова академика РАН В. А. Садовничего, 29 марта 2017 г. 12

Приветствие ректора МГИМО (У) академика РАН А. В. Торкунова 14

Раздел 1. Политические процессы в России в период Революции 1917 г.

Аннин А. Г. Участие солдат тыловых гарнизонов Центральной России в политическом процессе в августе–октябре 1917 года 18

Березко В. Э. Революция как болезнь государственного организма ... 25

Головин Ю. А. Строительство органов политического управления в Красной армии (1917–1919 гг.) 32

Голубева М. И. Проблемы легитимности власти в Революции 1917 года в России 37

Горская Н. И. «Очистительная сила революции» и милиция Временного правительства 47

Закатов А. Н. Осмысление причин и следствий Революции 1917 года Российским императорским домом Романовых 55

Коваленко В. И. От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса 77

Комкова Г. Н. Революционные декреты о свободе совести: основа отношений государства и церкви в советский период 84

Малышева О. Г. Представительная власть в Революции 1917 года 89

Морозов К. Н. «Источником слабости партии была ее тактика»: причины побед и поражений партии социалистов-революционеров в 1917 году 98

Невежин В. А. «Орел» и «замухрышки»: характеристика большевистского руководства в застольной речи И. В. Сталина 7 ноября 1937 года 108

Обухов Л. А. Роль «человека с ружьем» в Революции 1917 г. (по материалам Урала) 117

Омельянчук И. В. Контрреволюция, которой не было, или почему монархисты не встали на защиту монархии в феврале 1917 г. 126

Подпрятов Н. В. Проблемы сохранения боеспособности армии в 1917 г. в условиях ускоренной национализации воинских частей 134

Стадник В. А. Повстанческие движения в Донбассе: 1917–1921 гг. 144

Стариков С. В. Об основных этапах Великой Российской революции и большевистско-левосоциалистическом блоке в центре и на местах (октябрь 1917–июль 1918 г.) 152

Раздел 2. Революция 1917 г. в России и общество

Березкина О. С. Советское общество как результат Октябрьской революции..... 160

Бочарова З. С. К вопросу о понимании патриотизма после эмигрантского исхода..... 168

Ганин А. В. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А. Л. Носовича..... 176

Голубева-Монаткина Н. И. О языковой культуре послереволюционной русской эмиграции (1920–1990-е годы) 184

Ермишина С. А. Русские мыслители о Революции 1917 г. 190

Козлов О. В. Трансформация системы управления народным образованием в Западном регионе России в годы революционных преобразований (1917–1920 гг.) 200

Леонова Л. С. Российская революция 1917 года в идейном наследии П. Б. Струве..... 209

Македонская В. А. Государственно-церковные отношения в Советской России в 1917–1920 годах 217

Мамаев А. В. Финансы городского самоуправления и Революция 1917 г.: проблема реформирования..... 224

Митяева О. И. П. Н. Милюков – участник и историк Российской революции 1917 года 232

Муромцева Л. П. Унесенные ветром революции (формирование культурных центров российской эмиграции) 243

Наумов Н. В. Трибуна для Ленина 255

Омельченко Н. А. Революция 1917 года в России и русская эмиграция: в поисках общественного идеала 263

Пейч Д. И. Анархисты в Революции 1917 года..... 271

Полякова С. В. Истоки и смысл русского атеизма (на материале русской религиозной философии XX века)..... 279

Романишина В. Н. Женский фактор Великой русской революции 287

Сафонов М. М. М. В. Родзянко против М. В. Алексеева (Вокруг отречения Николая II) 295

Скотони Джорджо Ренато. Влияние Русской революции 1917 года на отношение итальянцев к России..... 303

Чжан Чжунминь. Значение Октябрьской революции для Китая 312

Шефов Н. А. Проблема продовольствия накануне Февраля 1917 года 316

Яхшиян О. Ю. Советы, община и концепция крестьянской революции 323

Раздел 3. Международные отношения периода Революции 1917 года и Россия

Байбакова Л. В. «Твердой поступью суровых репрессий»: правительство США против радикализации американских левых в период Российской революции 1917–1918 гг. 329

Белоусов Л. С. Революционные события в России в восприятии правящих кругов стран Европы и Америки (1917–1918) 337

Ватлин А. Ю. Российская революция в откликах правящих кругов Германии с марта по октябрь 1917 г. 347

Вершинин А. А. Миссия Альбера Тома в революционной России (апрель–июнь 1917 г.) 355

Гришаева Л. Е. Советская Россия и Версальско-Вашингтонская система 363

Дубровина О. В. Революционная Россия в представлениях итальянцев 372

Корунова Е. В. Кризис 1917 года в Швеции. Влияние революции в России на демократизацию шведской партийно-политической системы 381

Листиков С. В. В. Вильсон и революционный кризис в России в 1917 году 390

Магадеев И. Э. Боеспособность российской армии в оценках французской военной миссии в России (январь–июль 1917 г.) 398

Манухин А. А. Какая Россия нужна Америке: мастер пропаганды Артур Буллард о подходе США к решению «русского вопроса» после Революции 406

Матвеев Г. Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах 414

Миньяр-Белоручев К. В. Революция 1917 года в России глазами посла Великобритании во Франции Френсиса Берти 425

Миронова Е. М. Российский МИД на переломе эпох. Год 1917-й 435

Наумова Н. Н. Революция 1917 года в отражении французской прессы 445

Остапенко А. И. Идеи мировой революции и формирование внешнеполитического ведомства Советской России в конце 1917–начале 1918 года 455

Мирослав Радивоевич. Русская революция 1917 года и Сербия 468

Романова Е. В. Революционная Россия как союзник? Взгляд из Великобритании 476

Суслопарова Е. А. Октябрь 1917 года в России в освещении британской прессы 484

Тимофеев А. Ю. «Переворот в России»: Февральская революция глазами официальных представителей королевства Сербии в России 493

Чернов О. А. Н. В. Чарыков накануне и в период Революции 1917 года: деятельность и взгляды 501

Чжан Цзяньжун. Размышление о китайском пути в контексте столетия Октябрьской революции 1917 года 509

Шеляг А. И. Подходы к решению польского вопроса в 1917 году в освещении российской и польской историографии 518

Юрген Царуски. Российская революция в современной немецкой историографии и общественное мнение 529

Раздел 4. Революция 1917 года в России и национальный вопрос

Алексеев В. В., Ховалыг С. С. Проблемы властных взаимоотношений в Урянхайском крае в период Российской революции 1917 года... 539

Борисенок Ю. А. Белорусский вопрос в водовороте революционных событий и значение польского фактора для его разрешения (1917–1923) 547

Булатов Б. Б., Рамазанова Д. Ш. Автономия Дагестана в составе Советской России как формат решения национального вопроса на периферии большевистского государства: противоречия в позициях Центра и местного руководства (1920–1930-е годы) 556

Бурнашева Н. И. Идеи революции в Якутии: классовые и национальные приоритеты 563

Вдовин А. И. Революционное решение национального вопроса в России: 1917–1924 568

Лавринович Д. С. Белорусский вопрос в 1917–1918 гг.: от проектов национальной автономии к советской государственности 580

Муса Джафар оглу Гасымлы. Февральская революция и политика государств Антанты на Южном Кавказе (март–декабрь 1917 года) ... 588

Раздел 5. Революция 1917 года в России и Церковь

Агеева Е. А. Великая русская революция и старообрядчество (по эпистолярным источникам) 598

Бабкин М. А. Духовенство Православной Российской церкви и свержение монархии в 1917 году 605

Гайда Ф. А. Накануне Поместного собора: Временное правительство и Православная церковь весной–летом 1917 г. 620

Гасанов М. М. Великая революция и мусульманское духовенство Дагестана (Шейх Али-Хаджи Акушинский) 625

Данилова Е. Н. Революция и религиозные меньшинства: использование хозяйственного опыта духовных христиан в преобразовании деревни (1920-е годы) 630

Запальский Г. М. Монашество революционной эпохи: в поисках корпоративных связей 639

Зоитакис А. Г. Революционное движение и Православная церковь в Греции в 1917 –1945 годах 645

Леонов Д. Е. Духовенство Российской православной церкви в период свержения монархии (по материалам периодической печати епархий Верхнего Поволжья) 653

Набокина М. Е., Смирнова Ю. В. Эволюция взглядов московской и петербургской религиозно-философской интеллигенции на революционный процесс в России начала XX века 662

Симонов В. В. Отзвуки 1917 года через столетие: современный кризис институционального христианства 667

Таканова Н. С. Московское духовенство и противодействие революционной пропаганде в начале XX века 675

Раздел 6. Изучение истории Революции 1917 года в России: методология, источниковедение и историография

Абрамова Н. Г. «Россия накануне великих свершений» (о книге профессора В. И. Бовыкина) 684

Байбаков С. А. Переосмысление в современной российской историографии теоретических основ Конституции, рожденной Октябрем 692

Белоусова О. В. «Новое время „междуцарствия" да воодушевится примерами древнего...»: Февральская революция 1917 года в дневнике графа С. Д. Шереметева 702

Богданов В. П. Власть и общество в России накануне революционных потрясений 1917 года (по материалам стенограмм заседаний Государственного совета, 1914–1916) 708

Вандалковская М. Г. Понятие «революция» в эмигрантской историографии 714

Ватыль Н. В. И. А. Ильин о причинах русской революции 721

Вершинина И. А. «Контрреволюция» 1917–1918 годов глазами генерала Н. Н. Головина 725

Галкин П. В. Земство и Революция 1917 года (по материалам британской прессы) 732

Галкина О. И. Лидеры русской социал-демократии и Революция 1917 года в освещении газеты «The Times» 737

Голиков А. Г. Источниковедческие проблемы изучения революционных событий 1917 года в России 745

Зезегова О. И. Народ vs интеллигенция в ходе Великой Российской революции (по дневникам В. В. Бирюковича) 753

Иванова Р. М. Великая Российская революция 1917 года: проблемы методологии истории и историографии 761

Костриков С. П. Отражение событий февраля–октября 1917 года на страницах русской прессы 768

Лю Сяоин. Переосмысление исторического значения Октябрьской революции 777

Сидорова Л. А. 1917 год и проблема смены научных поколений в исторической науке России 780

Томашевич О. В. Великая русская революция и хроника одной жизни 787

Трифонова Е. К. Концепт «нация» и национальный вопрос в России в публицистике П. А. Сорокина в период Революции 1917 года 795

Челнокова А. Ю. Война и революция в религиозно-философской и политической публицистике С. Л. Франка 801

Яковлева С. И. Дискуссионные проблемы Российской революции 1917 года в трудах П. А. Сорокина 806

Раздел 7. Революция 1917 года в России: проблемы культуры и искусства

Борисенко В. В. Информационно-пропагандистское воздействие на население во время Великой русской революции (на примере революционного плаката) 815

Буданова Н. Ю. Мотив андрогинности в русском искусстве первой трети XX века: трансформация идеала 822

Вакар И. А. Беспочвенные и укорененные. Отношение художников к быту и собственности в эпоху революции 830

Веселова С. С. Судьбы русского садового искусства в 1920-е годы 839

Воскресенская В. В. Идеально-утопическое миростроение как преломление революционного «космизма»: художественное сознание и искусство в России 1920-х годов 849

Гусева А. С. Фотомонтаж в Советской России: к вопросу о форме и методе. Теория и практика Г. Клуциса 859

Еремеева А. Н. Проблема сохранения культурного и природного наследия в условиях революционных событий 1917 года 868

Зимин И. В. Эвакуация императорских сокровищ в 1914–1917 годах, или «Путешествие из Петербурга в Москву» 877

Кайкова О. К. Московский Кремль и Революция 1917 года: дискуссии и практика формирования нового статуса 885

Кокшенева К. А. «Театральный Октябрь» и концепции преобразования сценического искусства: 1917–1921 895

Котеленец Е. А., Сергеева М. О. Творческая интеллигенция Серебряного века о Революции 1917 года 904

Купцова И. В. Массовая культура и Революция 1917 года 911

Лиманова С. А. Столичные памятники императорам и Революция 1917 года: коммеморативное противостояние 918

Ментюкова О. К. Революция в письмах, дневниках и воспоминаниях художников (по материалам ОР ГТГ, ОР ГРМ, РГАЛИ) 926

Морозова Е. Н. Революция 1917 года: начало формирования культурной политики Советского государства 934

Мусянкова Н. А. Пролетарское искусство и супрематизм: опыт мастерских ИЗОРАМ 944

Салиенко А. П. Испытание авангардом. Искусство революционной эпохи: от «пластического ощущения» к образу-символу 955

Струкова А. И. Первые знамена революции и художники Петрограда в 1917 году 969

Хорошева А. В. Физическая культура и спорт в первые годы советской власти 977

Швец Т. Д. Православный храм как центр сохранения национального самосознания в годы Великой русской революции 984

Об авторах 993

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ»

Приветствие ректора МГУ имени М. В. Ломоносова академика РАН В. А. Садовничего, 29 марта 2017 г.

Уважаемые участники конференции, гости и коллеги!

Сто лет назад свершилась Великая российская революция, разделившая историю России на «до» и «после» и оказавшая значительное влияние на мировое развитие в XX столетии.

Столетие – этот солидный срок отделяет нас от того времени. Однако, несмотря на такой внушительный юбилей, мы все еще далеки от объективного изучения этого, действительно, эпохального события. Сегодня, как и сто лет назад, споры о значении, итогах, последствиях революции не утихают, носят острый полемический, а порой, политически ангажированный характер. Они ведутся не только в тихих академических кабинетах, но и на самых широких общественных площадках. Такой накал и ожесточенность современной дискуссии о событиях столетней давности – яркое свидетельство того, что мы еще в начале пути осмысления уроков Великой российской революции.

Необходимо беспристрастно и всесторонне взглянуть на события вековой давности. Как сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин в связи со столетием революции в последнем послании Федеральному собранию (1.12.2016 г.): «Российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий... Уроки истории нужны нам, прежде всего, для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь».

Безусловно, все это ставит перед академическим сообществом задачу поднять на качественно новый уровень исследование Великой российской революции. Для этого необходимы усилия исследовате-

лей самых разных областей научного знания: историков, философов, политологов, социологов, экономистов и других. Отрадно, что наша международная конференция не только объединила ученых со всей России и зарубежья, но проходит на базе двух факультетов Московского университета – исторического и политологического и представляет широкий спектр ведущих специалистов различных направлений гуманитарных и общественных наук.

Революция – это сложное, противоречивое и многогранное явление. Не стоит забывать, что XX столетие стало эпохой революций, чреда которых прокатилась по всем континентам мира. Они имели различный характер, движущие силы и итоги. Последовавшие за ними трансформации охватывали все сферы жизни человечества: политическую, социально-экономическую, научно-техническую, духовную и культурную. С начала XXI века прошло менее 20 лет, но мы уже неоднократно стали свидетелями этого сокрушительного явления во многих государствах мира. До сих пор в науке остаются открытыми важнейшие теоретические проблемы, в том числе, определение самого понятия революции, раскрытие ее природы и внутренних механизмов.

Великую российскую революцию 1917 г. как объект научного исследования следует изучать многомерно, с позиции разных дисциплин в нескольких плоскостях. С одной стороны, ее нужно исследовать в контексте и сравнении с другими историческими событиями и явлениями той эпохи. С другой стороны, наша революция – уникальное явление, поскольку нигде в мире не было столь масштабного по своему размаху и последствиям социального катаклизма. Она должна получить историко-социологическое и историософское осмысление, оценку с правовой, духовной, этической и нравственной точек зрения. Необходимо найти новые методологические концептуальные подходы к исследованию проблемы.

Главным критерием в оценке революции должен быть принцип историзма. Рассматривая события 1917 г., следует избегать накладывания кальки современной этики и морали на события начала прошлого века. В истории Великой российской революции много лакун и дискуссионных проблем. По-прежнему актуальны вопросы о причинах и предпосылках революции 1917 г., периодизации революционных событий, о движущих силах и характере происходивших изменений и, конечно, оценки, значения и последствий этого перелома в российской и мировой истории.

Сколько же было революций в 1917 г. – одна или две? Что дала революция 1917 г. нашей стране и что она из-за нее потеряла? Даже сегодня, спустя сто лет вряд ли возможно найти окончательный ответ. Очевидно, что она имела как разрушительные, так и созидательные результаты и последствия. Великая российская революция

стала поворотным событием истории не только нашей страны, но прямо или косвенно оказала значительное влияние на процесс развития многих государств мира.

Убежден, что спустя сто лет надо не просто осмыслить этот драматический и противоречивый период нашей истории, но и принять его со всеми трагедиями и победами. Об этом справедливо сказал В. В. Путин в послании Федеральному собранию в декабре 2016 г.: «Недопустимо тащить раскол и злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь».

Надеюсь, что наша конференция положит начало глубокой научной дискуссии, которая обозначит новый серьезный этап в изучении истории Великой российской революции. Столетие, отделяющее нас от революционных событий, – достаточный срок для того, чтобы дистанцироваться от той эпохи и объективно взглянуть в прошлое.

Приветствие ректора МГИМО (У) академика РАН А. В. Торкунова

Уважаемый Виктор Антонович!
Уважаемые гости!

Разрешите от лица Организационного комитета прежде всего сердечно поприветствовать собравшихся по случаю начала работы столь представительной конференции и пожелать докладчикам и участникам предстоящей дискуссии плодотворных полемических обсуждений, открытого, откровенного диалога, стремления к объективности взгляда на непростые события вековой давности. Думается, что основой такого диалога может быть только вооруженный действительными фактами беспристрастный и разносторонний, но вместе с тем ответственный и в известном смысле деликатный подход к анализу нашего общего прошлого.

Несколько слов о возглавляемом мной Оргкомитете.

Организационный комитет – общественная структура, образованная под эгидой Российского исторического общества по рекомендации Президента России. Оргкомитет объединил авторитетных и молодых историков, деятелей культуры и просвещения, руководителей музеев, архивов, библиотек, средств массовой информации, представителей церкви и русской эмиграции. Всего 63 человека. Первое заседание Оргкомитета состоялось 23 января этого года.

При формировании Оргкомитета нами сознательно был избран именно такой – общественно-научный критерий определения его состава, поскольку смысл и предназначение планируемых мероприятий, а в конечном счете наша с Вами, как историков, общая цель –

объединение академического сообщества на принципах глубокого, деполитизированного осмысления революционных событий, ключом к которому может быть только очищенное от идеологических наслоений достоверное историческое знание.

Тема Революции, особенностей ее преподавания в школе уже прошла широкое обсуждение на различных площадках в рамках разработки концепции преподавания отечественной истории в средней школе. Я, как председатель Оргкомитета, вижу его задачу именно в том, чтобы оказать посильное концептуально-методологическое содействие всем творческим союзам, университетам, исследовательским институтам, но прежде всего школам и общественным организациями при освещении тех событий.

Для России революционные события вековой давности – существенная и неотъемлемая часть национальной истории, на десятилетия определившая экономическое, научное и культурное развитие нашего государства.

Революция стала результатом чрезвычайного стечения обстоятельств, но вместе с тем имела в основе глубокие внутренние причины, отражала чаяния основной массы населения страны.

Более того, революционный процесс своими корнями уходил в цивилизационную специфику России с ее общинной основой, с ее стремлением стать вровень с Европой и в то же время с ее постоянной опаской чрезмерной вестернизации.

Много десятилетий в общественном и научном сознании имело место разделение событий 1917–1921 годов на Февральскую буржуазно-демократическую революцию, период двоевластия, Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. В головах людей не только моего поколения, но и молодежи, особенно нынешнего студенчества, до сих пор прочно сидит тезис, а точнее политическая догма 1930-х годов о двух принципиально разных революциях – «ущербной» буржуазной в феврале и «настоящей» социалистической в октябре 1917 г.

Новая концепция этого процесса как Великой российской революции акцентирует внимание на том, что события февраля и октября 1917 г., падение монархии и установление республики, выборы в Учредительное собрание, Корниловский мятеж, установление советской власти и кровопролитная Гражданская война – все это были этапы единого революционного процесса, в силу разных причин достигшего крайней радикализации.

Предложенная трактовка, нацеленная на примирение сторонников и противников «красной смуты» и извлечение из событий столетней давности важных уроков, в настоящее время закреплена в Историко-культурном стандарте для общеобразовательных организаций и написанных на его основе современных школьных учебниках.

Последнее крайне важно в контексте общего курса на восстановление единства и преемственности отечественной истории.

На мой взгляд, концепция единой революции 1917 г. вместо идеи «двух противоположных революций», вносящей разлад в общественно-политическую дискуссию, помимо прочего, может иметь и известный «оздоравливающий» эффект, способствует примирению людей разных политических взглядов – от нынешних «либералов» (их исторические предшественники в лице партии кадетов оказались во главе революционных событий февраля 1917 г.) до коммунистов, считающих себя последователями большевиков, взявших власть в октябре 1917 г.

Революция, как известно, имела и колоссальный международный резонанс. Выдвинутые под влиянием ее идей принципы социально-политического и социально-экономического переустройства так или иначе затронули, пожалуй, каждый народ, каждое государство Запада и Востока.

Неоспоримая роль нашей страны в тот исторический период состояла в последовательной поддержке процессов деколонизации, закреплении в практике международных отношений принципов суверенного равенства государств, их права на самостоятельное определение своего будущего. Трактовка Революции в качестве исторического события исключительной важности, имевшего всемирные последствия и являющегося частью общего исторического пути всего человечества, – разумная основа для деполитизированных оценок 1917 г.

В духе продвижения и популяризации этих подходов Оргкомитетом сведен план памятных мероприятий. Он включает в себя реализацию образовательных и издательских проектов, проведение научных конференций, выставок в регионах России и за рубежом, производство кинофильмов и телепередач, мемориальные мероприятия.

Всего в Сводный план буквально на сегодняшний день с учетом проектов, предложенных региональными отделениями РИО, вошло 107 мероприятий. Следует подчеркнуть, что этот план родился в инициативном режиме и продолжает расширяться. Хотел бы очень кратко осветить некоторые ключевые события, отраженные в плане.

В нем выделено несколько блоков. В первом блоке, «Экспозиционные и выставочные мероприятия», отмечу открывшуюся буквально на днях, 21 марта, в Музее современной истории России чрезвычайно интересную выставку под названием «1917. Код революции».

Среди издательских проектов выделю готовящуюся к публикации по инициативе Архива социально-политической истории энциклопедию «Россия в 1917 году».

Одним из ключевых событий, посвященных изучению уроков революции, станет Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук, которая впервые пройдет в Москве 29–30 сентября 2017 г. с участием 150 представителей национальных объединений историков из самых разных стран мира. В рамках ассамблеи состоится открытие подготовленной Росархивом выставки «Ленин», а накануне Ассамблеи в МГИМО и РАН состоится международная научная конференция «Революция 1917 года и ее место в истории XX века».

Российское военно-историческое общество ведет работу по созданию памятника «Примирение», открытие которого запланировано на 4 ноября 2017 г. в Республике Крым у основания Керченского моста.

Очень интересный проект буквально в эти дни реализуется студентами и преподавателями МГИМО совместно с телеканалом «Культура». Речь идет о художественном чтении отрывков из опубликованных в феврале этого года отдельным томом «Размышлений над Февральской революцией», куда вошли четыре обобщающие главы каждой из частей «Красного колеса» Александра Исаевича Солженицына, который он не включил при издании в основной корпус текстов.

Наконец, в рамках ежегодного Санкт-Петербургского международного культурного форума 16–17 ноября 2017 г. будет организована серия тематических мероприятий с участием российских и зарубежных творческих деятелей, посвященная оценке феномена революции в отечественной и мировой культуре.

В заключение хотел бы еще раз выразить уверенность, что честный и непредвзятый анализ причин, событий и последствий революционного 1917-го года в рамках работы оргкомитета и при действенной поддержке профессиональной корпорации историков, в том числе на этой конференции, поможет нам избежать использования этой годовщины в конъюнктурных политических целях, будет способствовать преодолению противоречий в российском обществе, его консолидации на основе ценностей национального единства и гражданской солидарности.

Раздел 1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Аннин А. Г.

Участие солдат тыловых гарнизонов Центральной России в политическом процессе в августе–октябре 1917 года

Аннотация. Статья посвящена деятельности политических партий социалистической направленности среди солдат тыловых гарнизонов после выступления генерала Л. Г. Корнилова. Рассматривается процесс вовлечения партиями солдат в политику, создания землячеств, Советов солдатских депутатов, партийных военных организаций.

Ключевые слова: политические партии, тыловые гарнизоны, политический процесс в 1917 г., большевистская пропаганда.

The involvement of the rear garrison soldiers of Central Russia in the political process, August–October 1917

Abstract. The article covers the activities of political parties of socialist orientation among the soldiers of the garrisons of the rear after the revolt of General L. G. Kornilov. The process of engaging of soldiers into politics, the creation of local associations, Councils of soldiers' deputies, the party military organizations.

Keywords: political parties, the rear garrisons, the political processin 1917, bolsheviks' propaganda.

При всех своих негативных последствиях Приказ № 1 стал важным средством вовлечения солдат в политический процесс[1]. Политические партии социалистической направленности стремились привлечь на свою сторону солдатские массы, опереться на них в

[1] Рабочий путь. 1917. 3 сент.

борьбе за власть. Особенно ярко это проявилось в августе–октябре 1917 г.

Гарнизоны Центральной России были мощной военно-политической силой. От их позиции в революционных событиях зависело решение вопроса о том, кто будет находиться у власти и какие порядки будут существовать в этом регионе. Усталость от несправедливой войны, беспокойство о своих семьях, хозяйстве, тяжелое экономическое положение, недовольство правительством, продолжавшим войну, усиливавшееся недоверие к офицерам толкали солдат на активную деятельность в демократических военных организациях, к протестным акциям, демонстрациям и митингам.

Укреплению связей социалистов с солдатскими массами способствовали созданные в августе–октябре землячества. В их создании принимали активное участие члены Московского областного бюро (МОБ) РСДРП(б), организовавшие учредительные собрания уроженцев Калужской (19 августа), Ярославской (28 августа), Тульской (17 сентября), Смоленской (24 сентября), Орловской (22 октября) губерний. Земляческие организации были созданы во Владимире, Воронеже, Калуге, Нижнем Новгороде, Рязани, Тамбове, Твери, Туле, Ярославле и других городах[2].

Представители политических партий социалистической направленности проводили организационную и агитационную работу на военных предприятиях. 6 сентября Совет рабочих и солдатских депутатов Тамбовского порохового завода 37 голосами против 5 решительно протестовал против заявлений эсера М. Вольского в газете «Дело деревни» о большевиках как «вредном элементе, не признававшем родину»[3].

12(25) сентября в Тамбовском гарнизоне началось восстание солдат всех полков. Возмущенные внешней и внутренней политикой Временного правительства, соглашательством эсеро-меньшевистского Совета, солдаты не признавали приказов штаба Московского военного округа. 18 сентября (1 октября) восстание было подавлено прибывшими из Москвы войсками, которые разоружили 204-й пехотный запасной полк, арестовали 170 солдат[4].

На сентябрьском пленуме МОБ РСДРП(б) отмечалось, что после подавления мятежа генерала Л. Г. Корнилова на позиции большевиков встали Советы солдатских депутатов Калуги, рабочих и солдатских депутатов Кинешмы. Владимирский гарнизон, ставший «един-

---

[2] Пролетарская революция. 1927. № 4 (63). С. 279, 280; 1928. № 10 (81). С. 185; 1930. № 11. С. 149.

[3] *Крошицкий П., Соколов С.* Хроника революционных событий в Тамбовской губернии. 1917–1918. Тамбов, 1927. С. 22.

[4] Там же. С. 26; Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 513.

ственной революционной опорой для Совета» и большевиков и 40-тысячный гарнизон в Калуге находились «под безусловным влиянием большевистской организации»[5].

Стремясь стабилизировать ситуацию, предотвратить быстрый переход солдат на сторону большевиков, Временное правительство пыталось разоружить революционные гарнизоны или отправить солдат на фронт. Учитывая возникшую угрозу, МОБ РСДРП(б) приняло решение «бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путем вывода из них революционных частей войск»[6].

26 сентября расширенное заседание Коломенского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием завкома, делегатов профсоюзных организаций, солдат 81-го пехотного запасного полка большинством голосов потребовало передать власть Советам, отменить смертную казнь, прекратить войну. Его участники решили послать делегатов во все полки 111-й пехотной дивизии, дислоцированной в Рязанской губернии, с предложением присоединиться к их резолюции, предложили Рязанскому Совету рабочих и солдатских депутатов безотлагательно созвать совещание представителей Советов всех частей бригады для дальнейших согласованных действий за прекращение войны и для подготовки демобилизации солдат[7].

Одним из недостатков третьей и последней коалиции правых социалистов и кадетов была излишняя «словесность», которая не могла «заменить дело». В этих условиях солдаты все более проникались «психологией большевизма»[8].

Военная организация при МК РСДРП(б) в конце сентября провела совещание по вопросу о захвате власти, на котором выяснилось, что большинство солдат пойдет в решающий момент за большевиками[9].

Меньшевистские и эсеровские агитаторы пропагандировали лозунги «гражданского мира», «классового мира», но успеха среди рабочих и солдат многих городов не имели. В печати и на митингах левые эсеры указывали на разницу интересов буржуазии и народных масс в революции и, как следствие, «разное представление о задачах коалиции у буржуазных и социалистических партий»[10]. Левое крыло

---

[5] ГАВО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 198. Л. 3; Пролетарская революция. 1928. № 10 (81). С. 189; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Документы и материалы. М., 1961. С. 96–104.

[6] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Документы и материалы. С. 107.

[7] ЦГАМО. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 2. Л. 57 об., 58.

[8] *Авксентьев Н.* Большевистский переворот. Воспоминания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 144, 152.

[9] Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 309, 310.

[10] Знамя труда. 1917. 19 октября.

партии эсеров в сентябре–октябре усилилось в результате бездеятельности коалиционной власти в вопросе войны и мира.

Члены Русского народного союза Михаила Архангела 2–3 октября устроили погром в Рославле, в котором участвовали солдаты. После погрома Совет создал специальную комиссию для наведения порядка. В начале октября солдаты 196-го пехотного запасного полка в Рославле избрали в Совет правых эсеров[11].

Вторая Калужская губернская конференция РСДРП(б) (8 октября) констатировала, что на выборах нового состава Калужского Совета солдатских депутатов прошло 90 % большевиков[12]. Совет противодействовал отправке из Калуги революционных войск. 17–18 октября военный комиссар Минского военного округа направил «войска в Калугу в связи с усилением большевистских настроений в гарнизоне»[13], объявил город на военном положении. Были арестованы большевики, революционно настроенные войска отправлены на фронт, а Калужский Совет разгромлен силами двух сотен казачьего полка, полком драгун при поддержке трех броневиков. Документы Совета, партийных организаций большевиков, меньшевиков и – эсеров уничтожены[14].

Добиваясь усиления влияния в солдатской среде, большевики защищали солдат от репрессий органов Временного правительства. В бюро группы политических защитников МОБ направило трех большевиков. Из Бутырской тюрьмы по требованию большевистских центров во второй половине сентября освобождены 869 двинцев-солдат Западного фронта и нижегородские солдаты, арестованные карательным отрядом в начале июля. ЦК РСДРП(б) 4 октября рекомендовал всем областным комитетам связаться с МОБ и ознакомиться с деятельностью коллегии политических защитников[15]. В начале октября большевистский Калужский Совет солдатских депутатов принял решение об освобождении из тюрьмы четырех анархистов, обвиненных Московской судебной палатой в захвате имения Чумазово в Мосальском уезде и сместил с должности начальника тюрьмы[16].

В целях разъяснения солдатским массам позиции партии в начале октября при исполкоме Калужского Совета большевики соз-

---

[11] РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 43, 44, 46.

[12] Там же. Д. 49. Л. 10.

[13] Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году: Сб. документов. Калуга, 1999. С. 306.

[14] Голос Калуги. 1917. 20 окт.; Социал-демократ. 1917. 24 окт.; Деревенская правда. 1917. 25 окт.

[15] Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 148.

[16] Установление Советской власти в Калужской губернии. Документы и материалы. Калуга, 1957. С. 146–148; Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году: Сб. документов. Калуга, 1999. С. 305–306, 320–321.

дали курсы агитаторов, лекторами эти курсы обеспечил комитет РСДРП(б)[17]. Единственной трибуной для агитационной работы рославльских большевиков в октябре был Совет рабочих и солдатских депутатов. Фракция большевиков добилась упрочения своего влияния. Комитет большевиков Рославля 11 октября писал в МОБ РСДПР(б): «военная секция Совета почти чисто большевистская с большевистским президиумом» и председателем из большевиков[18]. Политическая и идеологическая деятельность большевиков сдерживалась из-за недостатка «интеллигентных сил».

Губернские Советы солдатских депутатов в октябре продолжали укреплять связи с воинскими частями в уездных городах. 2 октября исполком Владимирского губернского Совета солдатских депутатов направил своих представителей в Ковров и другие уездные города для организации выборов в губернский Совет депутатов от пехотных полков и объединения Советов губернии в единый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[19].

В октябре усилился процесс большевизации Советов и военных гарнизонов. 2 октября исполком Владимирского губернского Совета солдатских депутатов перешел «на сторону большевизма»[20]. О поддержке большевиков заявили Тейковский Совет рабочих и солдатских депутатов, Советы солдатских депутатов Александрова и Владимира[21].

В Тамбове росло влияние большевиков в 60-м, 61-м, 204-м пехотных запасных полках. В 7-м, 11-м, 13-м, 14-м кавалерийских полках, офицеры которых состояли в партии эсеров, а полковые комитеты находились под сильным эсеровским влиянием, большевиками агитационная работа велась слабо[22].

5 октября на расширенном заседании Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с полковыми, ротными и заводскими комитетами эсеро-меньшевистское большинство, отвергнув предложенный большевиками лозунг «Вся власть Советам!», поддержало требование немедленного заключения демократического мира[23].

7 октября бюро фракции большевиков Московского Совета солдатских депутатов обратилось к солдатам с предложением провести перевыборы Совета[24].

---

[17] РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.

[18] Там же. Д. 11. Л. 45.

[19] ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

[20] Там же. Л. 91.

[21] ГАИО. Ф. П-1814. Оп. 2. Д. 2. Л. 2–6; Владимирская жизнь. 1917. 21 окт.

[22] *Андреев В., Кулаев С.* Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 28, 29.

[23] *Крошицкий П., Соколов С.* Указ. соч. С. 28.

[24] Деревенская правда. 1917. 7 октября.

Скопинский Совет солдатских депутатов 9 октября направил во Владимир и другие воинские гарнизоны резолюции 81-го пехотного запасного полка и других полков 10-й бригады, дислоцированных в Рязанской губернии, с призывом «открыто стать на борьбу за мир»[25].

Возрастание в октябре роли солдатских масс в революционных событиях учитывали во Владимире командный состав 82-го и 215-го пехотных полков, полковые и ротные комитеты, президиум бригадного комитета, гарнизонный и губернский Советы солдатских депутатов. Накануне II губернского съезда Советов делегаты этих органов обсудили текущие проблемы и заявили о необходимости передачи всей власти Советам[26].

10 октября липецкий комиссар написал в Тамбов, что «в полку, расположенном в Усмани, замечаются тенденции большевизма», а 18 октября губернский комиссар сообщил в Министерство внутренних дел, что в Усманском Совете «преобладают большевики»[27]. Исполком Брянского Совета 20 октября отметил «единодушие полков стать на защиту революции и свободы»[28]. Передачи всей власти Советам потребовал Меленковский Совет рабочих и солдатских депутатов[29].

14 октября Рязанский губернский съезд Советов, 16–17 октября II Владимирский губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов приняли решение всю политическую власть немедленно передать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[30]. Резолюцию Рязанского губернского съезда Советов о прекращении войны и передаче власти Советам поддержали солдаты 78-го, 79-го, 81-го, 208-го пехотных запасных полков[31].

Под влиянием агитации большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов на сторону власти Советов встали пехотные запасные полки: в Александрове, Владимире, Воронеже, Иваново-Вознесенске, Калуге, Коврове, Костроме, Моршанске, Москве, Муроме, Новохоперске, Ростове, Рыбинске, Рязани, Смоленске, Шуе, Ярославле[32]. Фракции социалистов Воронежского Совета рабочих и

---

[25] ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.

[26] Там же. Л. 33.

[27] *Андреев В., Кулаев С.* Указ. соч. С. 29.

[28] ГАБО. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 14 (Т. 2). Л. 124.

[29] ГАВО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 127. Л. 15.

[30] Там же. Д. 55. Л. 27, 28; ГАВО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 175. Л. 2.

[31] Рабочий путь. 1917. 22 октября; Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.): Сб. документов и материалов. Рязань, 1957. С. 115–117.

[32] РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 12. Л. 4; ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 21, 213; ГАИО. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 10. Л. 31; ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 4. Л. 9а; ГАНИКО. Ф. П-383. Оп. 1. Д. 22. Л. 170; Д. 26. Л. 811, 822; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 33. Л. 77, 95; ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 92. Л. 2, 3, 7, 23, 34, 35, 39, 41, 57, 61; Наш путь. 1917. 3 декабря.

солдатских депутатов получали поддержку солдат 58-го пехотного запасного полка, 8-й пехотной запасной бригады, первой бригады кавалерийского запаса, 66-й ополченской бригады, 681-й и 682-й пеших воронежских дружин, 61-го, 62-го, 63-го, 64-го сводных эвакуационных госпиталей[33]. Передачи всей власти Советам в Москве требовали 2000 солдат 193-го пехотного запасного полка, 168-й, 169-й, 170-й, 194-й перевязочные отряды, Мызо-Раевский гарнизон, вторая рота 251-го пехотного запасного полка[34]. На Московской областной конференции военных организаций 22 октября делегаты гарнизонов заявили о готовности солдатских масс выступить против Временного правительства по первому призыву большевиков. Фракцию большевиков в Калужском Совете поддерживали 25 тысяч солдат трех пехотных запасных полков[35]. Передачи всей власти Советам накануне восстания требовали солдаты пехотных запасных полков в Москве – 56-й, 85-й, 192-й, 193-й, в Костроме – 202-й, в Туле – 76-й, 77-й полки. На сторону большевиков перешел 15-тысячный гарнизон Смоленска. 24 октября солдаты захватили арсенал и выдали из него оружие солдатам и рабочим[36]. За переход всей власти к Советам высказались солдаты 254-го пехотного запасного полка в Ярославле[37]. 16 октября исполком Ярославского Совета солдатских депутатов осудил правительство за передачу власти реакционной буржуазии, «продолжение грабительской войны»[38]. Исполком Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов требовал «немедленного предложения демократического мира всем воюющим странам»[39]. Такую же резолюцию приняли полковой комитет 206-го полка в Ростове[40], Коломенский Совет рабочих и солдатских депутатов[41]. Солдаты 83-го, 256-го, 278-го пехотных запасных полков поддержали Брянский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, оказали сопротивление попыткам расформировать полки[42]. Солдаты во Владимире, Нижнем Новгороде, Ярославле отказывались отправляться на фронт в составе маршевых рот или других воинских подразделений[43].

---

[33] Воронежские губернские ведомости. 1917. 11 ноября.

[34] Деревенская правда. 1917. 21, 24 октября.

[35] РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 2. Д. 4. Л. 11, 26, 27.

[36] Пролетарская правда. 1917. 17, 18 октября; Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М., 1957. С. 317, 382, 383; Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. Т. 4. М., 1963. С. 397; Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии: Сб. документов. Смоленск, 1957. С. 154, 358.

[37] РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16. Л. 44.

[38] Там же. Л. 47.

[39] Там же.

[40] ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 65. Л. 422.

[41] ЦГАМО. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 2. Л. 63 об., 64.

[42] ГАБО. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 22 (Т. 1). Л. 15, 17, 19, 20, 94; Д. 22 (Т. 2). Л. 379, 433.

[43] ГАВО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 114. Л. 93, 102; Владимирская жизнь. 1917. 21 октября.

24 октября госпитальный комитет 27-го сводного эвакуационного госпиталя во Владимире выступил против передачи власти Советам, осудил тактику большевиков, а общее собрание солдат госпиталя 26 октября приняло резолюцию о передаче всей власти Советам. Комитет госпиталя солдаты переизбрали[44].

В Александрове 21 октября Совет и ревком отстранили от руководства офицеров 197-го пехотного запасного полка, солдаты избрали нового командира. Полк приведен в боевую готовность, солдатам выданы 300 винтовок и боевые патроны[45]. Несмотря на сохранявшееся до 16 октября в Ярославском Совете рабочих депутатов сильное влияние эсеров и меньшевиков фракция большевиков добилась создания ревкома, а Совет солдатских депутатов и 254-й полк высказались за передачу власти Советам[46].

С июня до октября количество военных большевистских организаций в России увеличилось почти в два раза. В момент Октябрьского вооруженного восстания в стране действовало около 350 большевистских военных организаций, в том числе 95 организаций РСДРП(б) в тыловых гарнизонах. Только в воинских частях, размещенных в губерниях Центральной России, имелось 62 военные организации (и секции) РСДРП(б), в которых состояло более 5300 человек. Самыми большими военными организациями большевиков в Центральной России накануне Октябрьской революции были Московская, Брянская, Воронежская, Дмитровская, Зубцовская, Кимрская, Костромская, Нижегородская, Рославльская, Савеловская.

Солдаты значительной части тыловых гарнизонов Центральной России под влиянием большевистских идей требовали прекращения империалистической войны, заключения справедливого, демократического мира без аннексий и контрибуций.

Березко В. Э.

Революция как болезнь государственного организма

Аннотация. В статье анализируются революционные события 1917 г. в России с точки зрения фундаментальных аспектов бытия государства и права. Революция рассматривается как отрицание правового порядка и организованной государственности. Как убедительно доказывает история, это всегда ведет к общественному распаду и попранию элементарных юридических прав населения.

[44] ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1. Л. 160, 164.
[45] ГАВО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 124. Л. 15.
[46] РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16. Л. 44.

Ключевые слова: Великая русская революция, государственная власть, правовой порядок.

Revolution as the disease of the body politic

Abstract: The article analyzes the revolutionary events of 1917 inRussia through the perspective of the fundamental aspects of the existence of state and law. The revolution is consideredas a denial of law order and organized statehood. As history convincingly proves, it always leads to social disintegration and violation of elementary legal rights of the peopie.

Keywords: Great Russian revolution, state power, law and order.

Дух революции – это всегда дух разрушения и разложения. Опыт 1917 г. показывает нам это со всей очевидностью. Рассматривая сложнейшую проблему «Великая русская революция и государство», необходимо прежде всего отметить, что революция полностью отрицает существующую государственность и правовой порядок. В революционные эпохи, как правило, торжествует романтическая и бесконечно наивная вера в чудодейственность отказа от средств государства и права, в мистику «избавления от гнета». Любой, кто хотя бы поверхностно знаком с научным представлением о государстве и праве, вряд ли примет подобную веру. И в первую очередь потому, что ее постулаты полностью противоречат ratio.

Об этом пронзительно написал Максимилиан Волошин:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль[47].

С необъяснимым упорством новые правители России игнорировали фундаментальные законы бытия власти, существования государства и права. И в результате полностью утратили способность к влиянию, что и составляет важнейшее свойство всякой власти. Пенистые волны наивных и прекраснодушных мечтаний попросту разбились о скалы суровой реальности бытия...

С горечью писал об этом великий русский юрист Павел Иванович Новгородцев: «Временное правительство со своей стороны не имело в виду ничего противопоставить этому процессу разрушения,

[47] *Волошин М. А.* Мир // Волошин М. А. Стихотворения. М., 2009. С. 90.

кроме своей веры в конечное торжество свободы и в моральную силу. В основу своего управления оно полагало „добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти". Оно не хотело применять „старых насильственных приемов управления", не хотело „насилия и принуждения", говоря короче, не хотело неизбежных средств государства и права»[48].

Новгородцев совершенно справедливо отмечал, что: «в той системе свободы, которая признавалась здесь за норму государственного управления, идея государства, власти и права, в сущности, упразднялась. Революция отдавалась на произвол стихийных сил, для которого впоследствии было найдено украшающее наименование „правотворчества снизу". В своем стремлении как можно менее походить на старую власть Временное правительство и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия»[49].

Но бессмысленное, радикальное отрицание государства и права, наивные, розовые мечты о «безвластном управлении» свидетельствуют о полном непонимании существа вопроса. Ибо власть – это и есть исходный пункт любого государства и, как следствие, управления.

Еще князь Трубецкой писал по этому поводу: «Чтобы найти определение государства, надо начать с того признака, который никогда не возбуждал спора. Таким признаком является *власть*: никто никогда не сомневался в том, что государство есть союз, обладающий властью над своими членами. Стало быть, исходной точкой для определения государства должна послужить *власть*»[50].

И власть должна иметь способность влиять на общественные отношения. Это – аксиома государственного права и государственного управления. Весьма точно об этом высказался еще замечательный русский мыслитель Иван Александрович Ильин. Так, он писал: «Власть есть, прежде всего, *сила*. Это выражается в том, что она есть способность к воздействию и влиянию. Бессильная власть есть в логическом отношении бессмыслица...»[51].

Отсутствие власти – это исчезновение государства. И по мнению известного немецкого правоведа Рудольфа фон Иеринга, «...анархия, т. е. полное бессилие государственной власти, никоим образом не может быть названа государственною формою, она – абсолютно антисоциальное состояние общества, разложение его. Всякий, полагающий ей конец, каким бы то ни было образом, огнем или мечом,

---

[48] *Новгородцев П. И.* Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 562.

[49] Там же.

[50] *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 223–224.

[51] *Ильин И. А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 133–134.

будь он узурпатор или же чужеземный завоеватель, оказывает обществу услугу, является спасителем его, благодетелем, потому что самая невыносимая форма государственного состояния все-таки лучше полного ее отсутствия»[52].

Один из парадоксов Великой русской революции – отношение интеллигенции к событиям февраля и марта 1917 г. Поэт Максимилиан Волошин об этом сказал в своей речи «Россия распятая»: «Обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию, как свершение всех своих исторических чаяний. Происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя»[53].

А между тем демон революции вырвался на свободу, уничтожая все элементы государственного порядка. В воюющей (!!!) армии вводится в действие печально известный приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Иван Александрович Ильин, кстати, довольно резко писал по этому поводу: «Голосования в русской армии в 1917 году были проявлением политического кретинизма...»[54].

Напомню, что согласно приказу № 1 власть в воинских частях переходила к выборным солдатским комитетам. А реальность, которую создавал для военной и государственной организации этот приказ, весьма показательно описал известный сатирик Михаил Зощенко: «...С медициной я сталкивался и даже одно время был врачом. Меня избрали на этот пост свои же полковые товарищи вскоре после Февральской революции.

Я тогда служил в царской армии и был рядовым ефрейтором.

Вот после революции ребята мне и говорят:

– У нас полковой врач такая, извините, холера, что никому почти освобождения не дает, несмотря на Февральскую революцию. Очень бы хотелось его сменить»[55].

Специалисты подчеркивали, что именно революционное разложение армии и не позволило России добиться победы в Первой мировой войне: «В 1917 г., когда революция предвещала полное банкротство военных усилий России, русские войска фактически были лучше вооружены и экипированы, чем когда-либо прежде. Однако огромные и совершенно напрасные потери подорвали боевой дух наиболее терпеливых и готовых к самопожертвованию войск в Европе»[56].

---

[52] *Иеринг Р.* Цель в праве // Иеринг Р. Избранные труды. Т. 1. СПб., 2006. С. 286.

[53] *Волошин М. А.* Россия распятая // Волошин М. А. Стихотворения. М., 2009. С. 23.

[54] *Ильин И. А.* О грядущей России // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М., 2006. С. 27.

[55] *Зощенко М. М.* Какие у меня были профессии // Зощенко М. М. Рассказы. М., 2006. С. 322.

[56] *Лиддел Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., Владимир, 2012. С. 249.

Довольно глубокий анализ событий Февральской революции дал в своей знаменитой статье и писатель Александр Исаевич Солженицын. Новой «власти» он давал просто уничижительные характеристики. Так, Солженицын писал: «Размазню князя Львова „Сатирикон" тогда же изобразил в виде прижизненного памятника самому себе „за благонравие и безвредность"»[57].

И для великого писателя совершенно очевидно следующее: «Всякий народ вправе ожидать от своего правительства СИЛЫ – а иначе зачем и правительство?»[58].

Увы, но именно отсутствие способности влиять на общественные отношения, говоря проще – силы, о которой писал и Ильин, называет Солженицын фактически главной причиной Февральской революции. Он с горечью замечал: «Такие ли перебои в хлебе еще узнает вся Россия и тот же Петроград – и стерпят? Теперь-то мы знаем, что этот же самый город в войне против этой же самой Германии безропотно согласился жить – не одну неделю, но год – не на два фунта хлеба в день, а на треть фунта – и без всех остальных продуктов, широко доступных в феврале семнадцатого, и никакая революция не шевельнулась. А в 1931-м и города хлебородного Юга жили и жили на полфунта, без всякой войны! – и тоже сошло. Теперь-то мы знаем, что никакой голод не вызывает революции, если поддерживается национальный подъем или чекистский террор, или то и другое вместе. Но в феврале 1917-го не было ни того, ни другого – и хлеб подай!»[59].

О недопустимости слабости власти в кризисные моменты истории предупреждал в свое время известный юрист дореволюционной России, один из крупнейших специалистов в области государственного права, Борис Николаевич Чичерин: «...только твердость, благоразумие и честность правительства могут спасти государство от глубоких потрясений и от долгой внутренней борьбы. Если власть, при первом напоре, показывает малодушие и отдает себя в руки революции, смуты неизбежны»[60].

И еще одно великолепное замечание Чичерина.

«Слабость правительства особенно непростительна, когда революционное движение не имеет корней в народе. Общий поток революции вызывает иногда чисто поверхностные волнения, с которыми легко справиться на первых шагах»[61].

А именно это и происходило в феврале 1917 г. Но власть с этими волнениями не справилась...

---

[57] *Солженицын А. И.* Размышления над Февральской революцией // http://lib.ru
[58] Там же.
[59] Там же.
[60] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 776.
[61] Там же. С. 777.

Истоки, первопричины смут и революций следует, на мой взгляд, искать в извечном российском нигилизме, негативном понимании государства, права и власти. Или, как писал в свое время Петр Бернгардович Струве в далеком от нас 1909 г.: «Идейной формой русской интеллигенции является ее *отщепенство*, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»[62]. Михаил Бакунин задолго до Струве отмечал, что «народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись»[63].

А уже в 1918 г. Струве вынесет суровый приговор революционным идеям и событиям: «*Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором* – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий»[64].

Подчеркну, что революционеры стремятся к безудержному, анархическому отрицанию самоценности государства и права, их фундаментального значения для развития любого человеческого общества.

Печально, но факт: нигилистическое понимание государства, его отрицание как созидающей силы (а вовсе не насилия!), увы, в современном мире не только не исчезает, но и продолжает завоевывать умы (может, и не самые далекие). При этом совершенно очевидно, что подобные мыслители наступают на те же грабли, что и их предшественники в предыдущих – XIX и XX веках. Но и сейчас нигилизм в России почему-то считается едва ли не доблестью. Современные специалисты в области государственного управления пишут об этом с горечью.

«Более полутора столетий назад и в мире, и в России ***особенно***, считается модным нигилистическое отрицание ***государственности*** в комплексе ее элементов и структуры, хотя практически ***нигде*** не было образовано государство в его ***истинно объективных*** параметрах, элементах (частях) и свойствах. Множество суждений выдающихся, честных и порядочных умов постоянно ***игнорируются*** со стороны тех, кому в какой-то исторический момент удалось овладеть всего лишь одним элементом государства (или его частью) – ***властью***»[65].

После октября 1917 г. на просторах рухнувшей империи стала активно укрепляться новая власть. И действовали большевики в пол-

---

[62] *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007. С. 207.

[63] *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. М., 2014. С. 662.

[64] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 235.

[65] *Атаманчук Г. В., Степашин С. В., Шахрай С. М.* Государство, государственное управление, государственный аудит в Российской Федерации (сущность явлений и механизмы их реализации). М., 2012. С. 3.

ном соответствии с объективным предназначением государства – решать «общие дела». Конечно, не отказываясь от идеологии. Но идеология уже начинала подчиняться и служить более фундаментальным, объективным целям. Советские народные комиссариаты выполняли те же функции, что и министерства Российской империи.

Зачастую именно советская власть обеспечивала государственный порядок. Вот как об этом высказывался известный поэт Максимилиан Волошин: «Положение было у нас настолько парадоксальное, что советская власть в городе была крайне правой партией порядка. Во главе Совета стоял портовый рабочий – зверь зверем, но когда пьяные матросы с «Фидониси» потребовали устройства немедленной резни буржуев, он нашел для них слово, исполненное неожиданной государственной мудрости: „Здесь буржуи мои и никому чужим их резать не позволю", установив на этот вопрос совершенно правильную хозяйственно-экономическую точку зрения. И едва ли не благодаря этой удачной формуле Феодосия избегла своей Варфоломеевской ночи»[66].

Развернувшаяся гражданская война, «красный» и «белый» террор, другие революционные и послереволюционные события в полной мере подтвердили слова Ивана Ильина: «Таков великий урок всех революций: люди не хотят малых, но огражденных прав, они хотят максимума (величайших полномочий и полного освобождения от обязанностей и запретностей); революционеры обещают им этот желанный максимум, ниспровергают старый правопорядок, и люди радуются, как поток истории уносит и поглощает их малые, но огражденные права; тогда революция развертывает свои разрушительные силы, и к концу ее люди с ужасом удостоверяются в том, что за ними остался *минимум прав, лишенных всякой прочности и защиты...*»[67].

И в заключение хотелось бы отметить, что главный принцип развития человеческих обществ, который нарушают революции, это историческая преемственность. Выдающийся испанский философ полагает его незыблемым: «Революции, безоглядные в своей нетерпеливой спешке, лицемерно щедрые на обещания всевозможных прав, попирают первейшее право человека, настолько первейшее, что оно определяет человеческую сущность, – право на непрерывность, на преемственность. Единственное коренное отличие „естественной истории" от человеческой в том, что последняя не может начинаться заново»[68].

---

[66] *Волошин М. А.* Россия распятая. С. 31.

[67] *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М., 2006. С. 318.

[68] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2005. С. 206.

Головин Ю. А.

Строительство органов политического управления в Красной армии (1917–1919 гг.)

Аннотация. В переломные периоды истории государства решающую роль играют действия Вооруженных сил. В революционных событиях 1917 г. в России армия оказалась деморализована и не смогла защитить власть от переворота. Печальный опыт военной политики Временного правительства был должным образом оценен советским правительством. В ходе создания Красной армии была создана уникальная и эффективная система политического управления в Вооруженных силах – политорганы. Опыт политической и воспитательной работы в советских Вооруженных силах актуален и в современных условиях.

Ключевые слова: институт военных комиссаров, политорганы, заместители командиров по политчасти, партийно-политическая работа в Вооруженных силах, подготовка кадров политсостава.

The creation of political authorities in the Red Army (1917–1919)

Abstract. In critical times of any country the Military forces play a key role. During the 1917 revolution events in Russia the army was demoralised and could not defend the authorities. The Soviet government learned a lesson from the fatal politics pursued by the Temporary government. There was a unique and effective political management system set up within the Red Army – political force. The experience of the political force in the soviet Army may still be useful nowadays.

Keywords: institute of military commissars, political force, deputy commanders on political work, party and political work in the Military forces, training of the political force.

Февральская революция 1917 г., отречение Николая II от престола, первые приказы Временного правительства существенно подорвали боеготовность сражающейся на фронте русской армии. Массовое дезертирство, падение воинской дисциплины, репрессии и убийства офицерского состав нижними чинами фактически развалили Армию и Флот.

Октябрьская революция открыла путь к строительству государства нового типа, которое сразу же было вынуждено отражать внешнюю агрессию в обстановке гражданской войны.

В 1917 г. большевики не имели целостной программы военной реформы, первоначально они использовали опыт Французской революции и Временного правительства по введению института воен-

ных комиссаров. Однако развернувшаяся Гражданская война и иностранная военная интервенция заставили вплотную заняться вопросами военного строительства, в том числе и созданием эффективной системы политического управления и воспитания.

После Февральской революции Временное правительство ввело в армии и на флоте комиссаров для контроля за вооруженными силами.

В период подготовки и проведения Октябрьской революции по решению Петроградского военно-революционного комитета от 20 октября 1917 г. в строевые части гарнизона, на корабли флота, в военные учреждения, на крупные военные заводы и склады были назначены комиссары Военно-революционного комитета (ВРК).

Комиссары занимались агитацией среди солдат и матросов, привлечением их на сторону большевиков, созданием вооруженных отрядов и нейтрализацией антибольшевистских сил[69].

15(28) января 1918 г. был принят декрет Совета народных комиссаров «Об организации Красной армии». Руководство формированием армии возлагалось на Наркомвоен и вновь созданную Всероссийскую коллегию.

Когда Красная армия строилась на добровольческих началах, агитационно-вербовочную работу среди населения и политико-просветительную работу среди красноармейцев-добровольцев вел Организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии по формированию РККА, начавший свою деятельность 22 января 1918 г. В его обязанности входило широкое разъяснение трудящимся цели создания Красной армии, вербовка добровольцев через местные органы советской власти. Его агитационно-просветительный подотдел открыл курсы по подготовке агитаторов, создал Агитационную коллегию для широкого распространения идей создания Красной армии, наладил издание и распространение брошюр и воззваний, организовывал культурно-просветительную работу среди красноармейцев[70].

На местах агитационно-вербовочную работу вели организационно-агитационные подотделы военных отделов при местных Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и войсковых комитетах, учрежденные распоряжением Организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по формированию РККА от 31 января 1918 г. Весной 1918 г. стали создаваться организационно-агитационные отделы окружных и губернских военных комиссариатов.

---

[69] *Терещенко В. В.* На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 450–457.

[70] Политорганы Советских Вооруженных Сил: Историко-теоретический очерк / П. Ф. Исаков, А. М. Волков, В. Г. Колычев и др., под ред. Г. В. Средина. М., 1984. С. 27–35.

8 апреля 1918 г. создается Всероссийское бюро военных комиссаров. Военные комиссары наделялись большой властью, ни один приказ без их подписи не имел силы. С апреля 1918 г. руководство всей политико-просветительной работой в Красной армии осуществлялось агитационно-просветительным отделом Всероссийского бюро военных комиссаров, куда влился Организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии по формированию РККА. Его задача сводилась к тому, чтобы «намечать планы работ для всех агитационно-просветительных отделов на местах, установить социалистические основы для развития всех видов организационной и политико-просветительной работы среди Красной армии, созывать съезды и совещания политработников для объединения работы, снабжать местные учреждения средствами и материалами, необходимыми в просветительной работе, организовывать выставки, музеи, показательные экскурсии, составлять учебные программы и планы, рассматривать и утверждать сметы, представляемые окружными военными комиссариатами, и отпускать на них средства»[71].

В июне 1918 г. в Москве Всероссийский съезд военных комиссаров принял Положение о военных комиссарах, а в июле создание института военных комиссаров было узаконено на V съезде Советов.

Всероссийское бюро военных комиссаров не сразу стало единым центральным военно-политическим органом. До 14 ноября 1918 г. руководство партийно-политической работой в Красной армии осуществлялось из нескольких центров. Вопросами политической работы в частях на фронте вначале занимался политотдел Высшей военной инспекции. Кроме того, центральным политорганом было также военно-политическое отделение Наркомвоена, преобразованное в военно-политический подотдел (политотдел) Реввоенсовета Республики. 14 ноября 1918 г. политотделы Высшей военной инспекции и РВС влились во Всероссийское бюро военных комиссаров.

Процесс создания органов управления Красной армии был достаточно трудным. Шли поиски и за короткие промежутки времени внедрялись новые структуры руководства Красной армией.

К весне 1919 г. в Красной армии и на флоте имелось 6 фронтов, 19 армий, 1 флот, 8 флотилий, 125 стрелковых и 9 кавалерийских расчетных бригад. В них было примерно 80 политорганов[72].

Летом и осенью 1918 г. повсеместно создавались политорганы окружных и губернских военных комиссариатов. В 1918 г. на территории Советской республики было сформировано 7 окружных и 39 губернских военкоматов, и во всех стали действовать политорганы.

---

[71] Политорганы Советских Вооруженных Сил: Историко-теоретический очерк / П. Ф. Исаков, А. М. Волков, В. Г. Колычев и др., под ред. Г. В. Средина. М., 1984. С. 27–35.

[72] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 69.

Главной их задачей было ведение политической и культурно-просветительной работы в тыловых красноармейских частях. Они издавали красноармейские газеты, брошюры, листовки и другие материалы[73].

Декретом СНК РСФСР об учреждении пограничной охраны, подписанным 28 мая 1918 г., одновременно вводился институт военных комиссаров. Для них 1 июля 1918 г. была установлена временная инструкция. Введение института военных комиссаров в пограничной охране преследовало цель обеспечить руководящую роль партии большевиков в войсках, организовать воспитательную работу, установить революционный порядок и дисциплину на границе. На комиссаров возлагался политический контроль за организацией и жизнью пограничной охраны, ответственность за политическую благонадежность военных руководителей и военспецов.

В пограничных войсках республики первым политическим органом стал Военно-политический инспекторский отдел при Главном управлении пограничной охраны, созданный 17 сентября 1918 г.[74].

Приказом ГУПО от 29 ноября 1918 г. во всех пограничных округах и районах были введены помощники военкомов. 20 декабря 1918 г. объявлен штат военных комиссаров в частях пограничной охраны: в ГУПО – 2 комиссара, 2 секретаря, 2 машинистки; в управлении пограничного округа – 1 комиссар, 1 помощник, 1 секретарь, 1 делопроизводитель; в управлении пограничного района – 1 комиссар, 4 помощника (в подрайонах), в дистанциях – 16 помощников, 1 секретарь. К концу 1918 г. пограничная охрана имела двух военкомов в ГУПО, трех военкомов и трех их помощников – в пограничных округах, 15 военкомов в районах, 300 их помощников – в подрайонах и дистанциях[75].

В начале своей деятельности политотделы выступали в роли административно-политического аппарата военных комиссаров, помогали им в организации политической и культурно-просветительной работы среди красноармейцев, в расстановке политработников в частях, осуществлении контроля за военными специалистами. Партийными функциями они еще не обладали. Параллельно существовавшие с ними и независимо от них дивизионные и армейские партийные комитеты занимались созданием партийных организаций боевых частей и руководили их деятельностью.

Таким образом, к началу 1919 г. повсеместно в войсках, на фронте и в тылу, были образованы политорганы по единому плану. Однако партийные конференции в дивизиях, армиях и округах, проводившиеся перед VIII съездом РКП(б), отметили незавершенность

---

[73] Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. В 3 т. Т. 1. М., 1960. С. 168–169.

[74] Боевой путь советских пограничных войск: Краткий очерк. 2-е изд., доп. М., 1967. С. 21.

[75] *Терещенко В. В.* Указ. соч. С. 450–457.

этой работы. Нужно было четко определить обязанности политорганов, нуждались в совершенствовании стиль их деятельности, руководство их работой со стороны центрального политоргана.

Жизнь показала, что наличие двух самостоятельных органов – политотделов и парткомов – не оправдывает себя. Обобщив опыт военного строительства в действующей армии, ЦК РКП(б) Постановлением от 25 октября 1918 г. упразднил парткомы. 5 декабря 1918 г. Революционный военный совет Республики утвердил Положение о политотделах Революционных военных советов фронтов и армий – первый руководящий документ для политорганов, действующих на фронте. Оно определяло, что политотделы имеют функции политической (партийной) и культурно-просветительной работы среди бойцов Красной армии и населения прифронтовой полосы. После совещания заведующих политотделами фронтов, проведенного в январе 1919 г., были выработаны единая структура, штаты и уточнены конкретные функции политотделов фронтов, армий и дивизий. Круг обязанностей политорганов в дальнейшем уточнялся, повышалась их роль в войсках[76].

Итоги годового опыта строительства Красной армии были подведены на VIII съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1919 г. Особое внимание было обращено на усиление работы по политическому воспитанию личного состава, разработку подробного положения о правах и обязанностях комиссаров.

Было решено взамен Всероссийского бюро военных комиссаров учредить политический отдел при РВСР, переименованный в мае 1919 г. в Политическое управление Реввоенсовета Республики. Так окончательно была создана единая система политического обеспечения войск[77].

События 1917 г. требуют дальнейшего изучения и анализа, актуальны и сегодня проблемы политического контроля над силовыми ведомствами, востребован опыт политического образования и воспитания личного состава вооруженных сил. При этом опыт гражданского контроля за вооруженными силами западных стран надо использовать с учетом отечественных традиций. Так, практику назначения на должность министра обороны гражданских лиц нельзя признать удачной. В нашей стране министр обороны – командир – единоначальник, прежде всего военный специалист. В СССР военноначальники были включены в систему органов политического управления страны: избирались в состав партийных комитетов, законодательные и представительные органы. Ключевым органом политического контроля над вооруженными силами стал институт по-

[76] Политорганы Советских Вооруженных Сил. С. 27–35.

[77] Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах. Учеб. пособие. ВПА, 1978. С. 153–167.

литорганов и заместителей командиров по политчасти. Главное Политическое управление Советской армии и Военно-морского флота имело статус Отдела ЦК КПСС и осуществляло руководящую и направляющую роль КПСС в вооруженных силах. Представляется полезным усилить контроль за состоянием политико-воспитательной работы в силовых структурах со стороны Администрации Президента России и Совета безопасности РФ.

Взыскательного анализа требует и подготовка кадров для организации и проведения воспитательной работы в войсках. В 2017 г. исполнилось 50 лет создания системы высших военно-политических училищ в армии, на флоте, в пограничных и внутренних войсках. Головным учебным заведением для подготовки политработников среднего и старшего звена стала Военно-политическая академия имени В. И. Ленина – одно из ведущих научных и учебных заведений политического образования в нашей стране.

Опыт подготовки кадров политических работников необходимо использовать и в настоящее время. В условиях обострения информационного противоборства, бурного развития технических средств информации важно формировать единый подход к методологии подготовки кадров воспитательной работы. Надо восстановить подготовку офицеров – воспитателей среднего и высшего звена ведомств, имеющих вооруженные силы, в Военном университете Министерства обороны РФ.

Опыт Гражданской и Великой Отечественной войн свидетельствует, что важнейшие стратегические направления, а порой и конкретные виды партийно-политической работы в войсках руководители нашего государства разрабатывали лично. Представляется, что вопросы строительства Вооруженных сил, организации политико-воспитательной работы с личным составом должны быть под личным контролем Президента Российской Федерации.

И сегодня актуальным является развитие научно-исследовательской работы по вопросам организации политического руководства Вооруженными силами, повышения эффективности гражданского контроля над военным строительством в нашей стране.

Голубева М. И.

Проблемы легитимности власти в Революции 1917 года в России

Аннотация. В статье поясняется различие между понятиями «легитимность» и «легальность» власти. Рассмотрена проблема отношения к легитимности собственной власти различных общественно-

политических сил и органов власти, их представляющих, в период Революции 1917 г. в России. Автор поэтапно освещает позицию по данному вопросу Временного правительства, Советов до Октябрьского вооруженного восстания, большевиков и их лидера В. И. Ленина. Отдельно поднят вопрос об Учредительном собрании как общероссийской конституанте.

Ключевые слова: «легитимность» и «законность», правосознание, легитимизация власти, Временное правительство, отречение Николая II, большевики, II съезд Советов, диктатура пролетариата, Учредительное собрание.

The issues of the legitimacy of power in the Revolution

Abstract. The paper explains the difference between the notions of legality and legitimacy of power. It shows how the various political currents engaged in the Russian revolution of 1917 and the official bodies that represented them perceived their own legitimacy. Step by step the author considers the positions of the Provisional government, the Soviets before the October uprising, the bolsheviks and their leader V. I. Lenin. The specialissue regarded by the author is the work of the Constituent Assembly as the all Russian constituant.

Keywords: legality and legitimacy, legal consciousness, power legitimation, Provisional government, demise of Nicolas II, the bolsheviks, II congress of Soviets, proletarian dictatorship, Constituent Assembly.

Легитимность власти в революции – тема не просто малоизученная в отечественной историографии, она, по существу, еще даже не заявлена исследователями. Вместе с тем, эта обширная и многоплановая тема может лечь в основу фундаментальных и специальных работ историков, правоведов и философов.

При высокой степени разобщенности гуманитарных наук на современном этапе обмен понятийным аппаратом между ними затруднен. В исторической науке термин «легитимность» часто смешивается с близким, но не идентичным термином «законность», хотя и теория права и политология четко разделяют эти понятия. Если законность, или по-другому легальность, власти связана с ее соответствием законам, то легитимность относится к сфере правосознания. Легитимность определяется как признание обществом правомерности данной власти и конкретной формы государства. Легитимизация власти – это процесс официального законодательного закрепления власти и формы государственного устройства. Если следовать данной терминологии, то вопрос о законности власти в период революции не стоит. Революция по определению является сломом всех старых общественных систем, в том числе и правовой. А вопрос о легитимности

как признания правомерности власти обществом или его частью выходит на первый план. Особую остроту и актуальность приобретает эта проблема при рассмотрении конкретно-исторических событий 1917 г. в России. При этом проблема настолько крупная, что для данной работы ее пришлось существенно ограничить, выделив из нее один аспект – отношение различных общественно-политических сил и органов власти, их представляющих, к вопросу о собственной легитимности на разных этапах Революции 1917 г. в России.

Вопрос о легитимности собственной политической власти каждая из общественно-политических сил, действовавших в период Революции 1917 г., решала по-своему.

Отношение к правомерности своей власти Временного правительства первого состава наиболее очевидно. Оно олицетворяло собой кадетскую правовую традицию, для которой вопрос о преемственности закона и передачи власти были краеугольными. Знаменитая цитата П. Н. Милюкова о том, что «нас выбрала русская история! Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам. На нее потом и ссылались как на канонический источник нашей власти», – всего лишь красивое построение талантливого историка[78]. Историю каноническим источником власти мог считать разве что сам П. Н. Милюков. К тому же, сама эта фраза была сказана значительно позже, уже в эмиграции, как ретроспективное осмысление процесса. На деле Временное правительство сразу же в момент происходящих событий стремилось заручиться санкцией на власть от всех значимых общественно-политических сил.

Известно, что Указ о назначении князя Г. Е. Львова Председателем Совета министров был подписан Николаем II по просьбе А. И. Гучкова и В. В. Шульгина за час до подписания отречения от престола (по официальной версии в 14.00 и 15.05 2 марта 1917 г. – соответственно). Иными словами, Временное правительство получило санкцию от еще действующего императора. В том же ключе был составлен Отказ от восприятия престола Михаила, над которым работали одни из лучших специалистов по государственному праву своего времени В. Д. Набоков и барон Б. Э. Нольдэ[79]. Великий князь Михаил отказывался от вступления на престол вплоть до созыва Учредительного собрания, передавая на этот срок власть Временному правительству под руководством Г. Е. Львова. Таким образом, с точки зрения кадетов-либералов, сложилась почти идеальная ситуация преемственного перехода власти от самодержавия к Временному правительству.

---

[78] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 573.

[79] См.: *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 21–22.

В тот же день 2 марта вопрос о формировании Временного правительства обсуждался и с Петроградским Советом, причем, именно с Советом, а не с его Исполкомом, так как в совещании приняли участие около 400 депутатов. 3 марта была опубликованы два документа: «Декларация Временного правительства о его составе и задачах»[80] и обращение Исполкома Петросовета, вышедшее в газете «Известия», с призывом поддержать программу Временного правительства, «постольку оно, в согласии с Советом, будет неуклонно идти в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний». Исполком Петросовета сообщал, что Временное правительство, сформированное по соглашению с Советом «достойно доверия масс»[81]. Чуть позже (8 марта) была создана Контактная комиссия Петросовета для выработки совместно с правительством политики и осуществления «непрерывного контроля» за ним. Скорее всего, в данном случае «непрерывный контроль» за правительством – лишь фигура речи, так как у Контактной комиссии не было никаких механизмов контроля. Просуществовала эта комиссия меньше месяца, до начала апрельского кризиса. Таким образом, Временное правительство получало властную санкцию и «слева».

Временное правительство искренне стремилось сохранить преемственность власти и права, в этом оно видело основу своей легитимности. Оно принесло присягу в Сенате, закрепив законность своих полномочий, объявило о сохранении 16-го тома Свода законов Российской империи (в основном касающихся процессуального права), создало Юридическое совещание во главе с крупнейшим юристом Ф. Ф. Кокошкиным. Юридическое совещание должно было работать над согласованием Свода законов с издаваемыми Временным правительством постановлениями. Оно пыталось приспособить уже существующие органы к новой революционной реальности, передав земствам функции самоуправления на местах. Но сложная и стремительная революционная действительность диктовала свои условия.

Под влиянием этих условий status quo разрушался. Временное правительство довольно быстро меняло свой состав, включая Председателей. После подавления корниловского мятежа 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой, хотя определение будущего политического устройства было прерогативой Учредительного собрания. В сентябре были созданы Демократическое совещание и Предпарламент (или Временный Совет Российской респуб-

---

[80] Декларация Временного правительства о его составе и задачах// Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1997. С. 292.

[81] Обращение Исполкома Петросовета о создании Временного правительства// Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты... Т. 1. Ленинград, 1991. С. 32.

лики). В этой сложной ситуации вопрос о легитимности отходил на второй план. Непросто развивались и отношения Временного правительства с Советами, несмотря на то что социалисты входили в состав самого правительства уже с мая 1917 г. Процесс большевизации Советов, лавинообразно нараставший осенью 1917 г., открыл период противостояния Советов и Временного правительства, разрешившегося Октябрьским вооруженным восстанием и свержением Временного правительства.

Для того чтобы вопрос о легитимности власти был полным, необходимо сказать несколько слово о попытках монархии удержаться у власти с помощью юридических коллизий. Веками оттачивая репрессивный аппарат, самодержавие в нужный момент не просто не смогло, а даже не успело начать его применять против начавшейся революции. Оно пало после пяти дней бурных, но довольно мирных событий в Петрограде, что косвенно показывает высшую степень его нежизнеспособности. Отречение Николая II от престола – единственный в отечественной истории юридический документ такого рода. Известно, что Николай II после консультации со своим ближайшим окружением изменил текст Отречения, привезенного ему А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным. Он отрекался за себя и за сына в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. Этим он впрямую нарушал Статью 37 Свода Основных государственных законов, которая была полностью перенесена из более раннего Свода законов Российской империи. Эта статью предусматривала возможность отречения императора, но без нарушения порядка престолонаследия. Николай II сознательно нарушал этот порядок, отрекаясь за сына. При этом назначение приемника не допускалось в принципе, а Николай II передавал престол брату. Генерал Данилов, присутствовавший при подписании документа, указал на это в момент происходящих событий[82]. Исходя из общих политических воззрений последнего императора, можно с уверенностью предположить, что он считал революцию делом временным и конечным. Император предполагал, что когда взбунтовавшийся народ усмирится, то станет очевидным: отречение незаконно, и император как бы и не отрекался от престола. Возможность сохранения монархии была заложена и в тексте отказа Михаила. Великий князь Михаил Александрович отказывался воспринять престол по воле брата, то есть быть связанным с провалами царствования Николая II. Но если Учредительное собрание сделает выбор в пользу монархии, пусть и конституционной, то у Михаила будет совершенно иной источник власти – воля народа. Но закладывая эти юридические коллизии, самодержавие не учло одного непреложного факта: подавляющее большинство

[82] *Чернов В. М.* Великая русская революция. М., 2007. С. 89.

русского общества в 1917 г. не желало сохранения монархии ни при каких условиях.

Что касается Советов в период с февраля до октября 1917 г., то вопрос об их отношении к легитимности собственной власти не столь очевиден. Петроградский Совет, возникший в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. явочным порядком, «революционным творчеством масс», как говорилось в советской историографии, был органом прямого народного представительства, «уличной демократии». Он избрал свой руководящий орган Исполком, обратившийся с воззванием «К населению Петрограда и России»[83]. Довольно быстро (ко 2 марта) руководящую роль в Исполкоме заняли профессиональные политики, имеющие серьезный опыт работы в IV Государственной думе и в рабочей группе Центрального военно-промышленного комитета, в основном эсеры, трудовики и меньшевики. В течение месяца Советы рабочих и солдатских депутатов образовались в 600 городах, то есть практически во всех крупных промышленных центрах Российской империи. Как говорили в то время, Советы создавались «по телеграфу», то есть после получения сообщения из Петрограда.

Вопрос о законности собственных полномочий не занимал руководство ни Петросовета, ни позже ВЦИКа. Это объясняется двумя причинами. С одной стороны, Советы как органы прямого народовластия обладали огромным вотумом доверия масс: рабочих, солдат, крестьян. Социалистический, по составу руководства, «предварительный парламент рабочего класса», как назвал Советы лидер эсеров В. М. Чернов[84], на этом этапе революции отражал интересы большинства населения. Косвенно это подтвердят позже выборы в Учредительное собрание, где до 70 % совокупно получат социалистические партии. Для представителей революционных партий, эсеров и меньшевиков, воля народа – высший источник легитимности власти. С другой стороны, эсеро-меньшевистское руководство Советов не желало превращать Советы в органы государственной власти, поэтому вопрос о легитимности их полномочий намеренно обходило стороной.

Тогда, в ходе стремительно развивавшихся событий никто, кроме лидера большевиков В. И. Ленина, не заметил важных особенностей Советов. Создание Советов в течение одного месяца во всех промышленных центрах страны показывает высокую степень самоорганизации масс в этот период. Сформированные и функционирующие по общему принципу советы от районного, батальонного или волостного до Всероссийского съезда Советов тяготели к объ-

[83] Воззвание Исполнительного комитета представителей рабочих и солдат от 27 февраля 1917 года // Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 26.

[84] *Чернов В. М.* Указ. соч. С. 102.

единению, консолидации, созданию единой системы органов. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполком практически в момент своего создания проявили законодательную инициативу. Приказ № 1 подчинил войска Петроградского гарнизона Совету. То была не просто законодательная инициатива, это – моментально введенный в действие закон, явочным порядком распространившийся на всю армию, хотя изначально этого не предполагалось.

Из рабочих были сформированы отряды Красной гвардии, непосредственно подчиненные Исполкому. Петроградский Совет организовал свой печатный орган, газету «Известия» для оперативного доведения позиции и решений Исполкома до масс, подчинил себе другие печатные издания, взял под свой контроль средства связи, прежде всего телеграф. Для решения ключевых вопросов в Исполкоме Петросовета, а потом и во ВЦИКе, создавались специальные комиссии. Одновременно с формированием Исполкома Петросовета в нем были организованы две комиссии: продовольственная и военная. Иными словами, система Советов изначально по своим сущностным чертам имела тенденцию к трансформации в систему государственной власти. Эту особенность Советов точно характеризовал в своих мемуарах В. М. Чернов. К сожалению, такое осмысление пришло к нему только в середине 30-х годов. Он пишет: «Как и в 1905 году, обязанности Советов не были четко определенными. Это были любые точки приложения революционной энергии», и далее: «Что же делала советская демократия? Она не брала власть, не объявляла себя правительством, но действовала как немедленный революционный законодательный орган»[85].

Выдвигая лозунг «Вся власть Советам!», В. И. Ленин осознал, а скорее даже почувствовал, политический, законодательный и организационный потенциал Советов, возможность их превращения в органы государственной власти. При этом, за полгода революционных событий сами Советы в определенной степени утратили порыв к развитию революции, мобилизуя свой потенциал только в кризисные моменты июня, июля 1917 г., а также для обороны Петрограда от войск генерала Корнилова. Процесс большевизации, лавинообразно нараставший с конца августа, придал организационному потенциалу Советов мощный импульс. Жестко структурированная, обладающая железной дисциплиной, ежеминутно нацеленная на политическую борьбу большевистская партия, в определенной степени привнесла эти черты в систему Советов. Особая роль в этом процессе принадлежала Л. Д. Троцкому, ставшему председателем Исполкома Петросовета 9 сентября 1917 г., а также ВРК, создан-

[85] *Чернов В. М.* Указ. соч. С. 104.

ному при Исполкоме непосредственно для подготовки вооруженного восстания.

Отношение к легитимности собственной власти большевиков было прямым и понятным. Пришедшие к власти путем вооруженного переворота большевики открыто заявляли не только об антагонизме Временному правительству, но и о разрыве со всей предыдущей традицией государственного строительства и права. Волю народа, а точнее определенной его части: пролетариата, солдат и беднейших крестьян, они считали не просто достаточным, а абсолютным источником своей легитимности. Справедливости ради необходимо отметить, что эту идею разделяло большинство представителей революционных партий. Выступая с программной речью еще на II съезде РСДРП, Г. В. Плеханов привел латинское изречение «salus popoli suprema lex» (благо народа – высший закон), но перевел он его, как «успех революции – высший закон»[86]. В 1903 г. это выглядело как изящное построение революционера-интеллектуала, а социалистическая революция в России казалась делом следующих поколений. Но эта идея глубоко угнездилась в сознании российских социал-демократов.

Даже накануне Октябрьского вооруженного восстания В. И. Ленин, главный теоретик большевизма, имел весьма абстрактные представления о методах «внедрения» диктатуры пролетариата, государства нового типа, в российскую действительность. Он явно преувеличивал готовности следовать за большевистской программой слоев населения, безоговорочно поддерживающих Советы, и недооценивал возможную степень сопротивления. В своей фундаментальной теоретической работе «Государство и революция» он писал, что «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии... Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи»[87]. Чуть позже он подчеркивал: «Это не гражданская война будет, а безнадежнейший бунт кучки корниловцев»[88].

Вопрос заключался в другом. После громко декларированного разрыва со старой традицией необходимо было предложить собственную программу. Оставшись на Съезде Советов без поддержки социалистической коалиции, большевики приняли этот вызов.

---

[86] Второй съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 181–182.

[87] *Ленин В. И.* Государство и революция//Полн. собр. соч. Т. 33. С. 90.

[88] *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть//Полн. собр. соч. Т. 34. С. 324.

II съезд Советов решил два основных вопроса любой революции: о власти и собственности.

В этой связи следует остановиться на нескольких важных для проблемы легитимности власти аспектах. Во-первых, II съезд Советов и последовавшие за ним декреты советской власти заложили основы государственного строя. Было установлено советское государство в форме диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата открыто признавала законность и правомочность применения насилия «для подавления сопротивления бывших эксплуататорских классов», а таковыми считались все несогласные с установившейся властью. В условиях революционного перехода власти это был рискованный шаг, говорящий о том, что большевики свято верили в поддержку большей части пролетариата и беднейшего крестьянства и на основании этой поддержки – в непреложную легитимность собственной власти. Во-вторых, исходя из марксистско-ленинской теории В. И. Ленин, а вслед за ним и все руководство партии, считали, что социалистическая революция, в конечном счете, приведет к отмиранию государства как такового[89]. Несмотря на это они с момента захвата власти начали жестко отстраивать государственную систему. Эта система имела свои специфические черты: советы всех уровней снизу до верху становились органами государственной власти, учреждался однопалатный революционный парламент, имеющий в своем составе постоянно действующий ВЦИК, в основе системы лежал отказ от идеи разделения властей и передача исполнительному (в терминологии большевиков распорядительному) органу СНК законодательных функций. Таким решительным подходом к государственному строительству большевики принципиально отличались от Временного правительства, заручившегося санкцией на власть от основных социально-политических сил, но так и не преступившего к реализации этих санкций.

Третьим аспектом проблемы, вытекающим из первых двух, стало то, что большевики, даже еще не установив свою власть на всех уровнях и на всей территории страны, сохранив в названии своего правительства слово «временное», действовали как государственная власть, причем власть, пришедшая надолго, если не навсегда. Такой подход стал одним из значимых преимуществ большевиков в ходе Гражданской войны. У Временного же правительства основную смысловую нагрузку в названии несло слово «временное», а не «правительство». Такой подход к собственной власти унаследовали от Временного правительства и силы, вступившие в открытую вооруженную борьбу с большевиками в период Гражданской войны. Целый ряд причин обусловил то, что ни одно из белых правительств не

[89] *Ленин В. И.* Государство и революция. С. 18–19.

смогло даже претендовать на роль государственной власти, тем более пришедшей надолго.

В таком разрезе становится понятным вопрос о том, почему большевикам удалось так быстро и относительно легко сломить Учредительное собрание, орган, легитимность которого никто не подвергал сомнению. Учредительное собрание стало для России 1917 г. своеобразной сверхцелью, единственной идеей, консолидирующей раздираемое противоречиями русское общество. Его разгон во многом предопределил начало Гражданской войны. Среди причин победы большевиков над Учредительным собранием обычно называют их тщательную юридическую подготовку, а также прямое силовое давление не только на Учредительное собрание, но и на все общество. Все это является объективной, но очень поверхностной картиной событий[90]. Глубинной же причиной слома Учредительного собрания стало то, что большевики противопоставили этой общенациональной конституанте свою узкоклассовую, но ясную и четко отстроенную конституанту – II съезд Советов и первые декреты советской власти. В условиях, когда государственная власть уже принадлежала большевикам, вопрос о разгоне Учредительного собрания был предрешен.

С первых дней существования советской власти большевики начали процесс ее легитимизации, то есть официального законодательного закрепления. Значимую роль в этом процессе сыграла идеологическая легитимизация, то есть комплекс агитационных и пропагандистских мероприятий, направленных на формирование у населения представлений о правомерности и законности большевистской власти. В стране, где была провозглашена диктатура одного класса, этот процесс шел крайне сложно. Большие трудности в признании легитимности власти большевики испытывали и на международной арене. Совершенно ясно, что у этого процесса были свои этапы, которыми можно считать разгон Учредительного собрания, заключение Брестского мира, принятие Конституции РСФСР 1918 г. Особую сложность составляет определение времени окончания процесса легитимизации. Можно предположить, что такой вехой следует считать образование СССР и Конституцию 1924 г. Но имеет под собой основание и другая точка зрения, полагающая полосу дипломатического признания СССР окончательным этапом легитимизации большевистской власти. В любом случае, только тщательная проработка вопроса заинтересованными исследователями может внести ясность в эту обширную и многоплановую проблему.

---

[90] Подробнее см: *Голубева М. И.* Правовая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. М., 2011. С. 265–276.

Горская Н. И.

«Очистительная сила революции» и милиция Временного правительства

Аннотация. В статье анализируется процесс создания милиции Временного правительства на примере Смоленской губернии. В центре внимания проблема необходимости сохранения общественного порядка и соответствия распоряжений центральной власти требованиям «революционного момента». Показано, что до октября 1917 г. процесс создания милиции не был завершен, что способствовало росту преступности и усилению анархии.

Ключевые слова: Временное правительство, милиция в 1917 г., земство, общественный порядок.

«The purifying power of the revolution» and the militia of the Provisional government

Abstract. The article analyzes the process of creating a militia of the Provisional government in the province of Smolensk. The focus is the problem of the need to preserve public order and compliance with the orders of the Central government to the requirements of the revolutionary moment. It is shown that in October 1917 the process of creating militia was not completed what contributed to the increase o crime and strengthening of anarchy.

Keywords: Provisional government, militia in 1917, Zemstvo, public order.

После падения монархии Временное правительство вынуждено было немедленно приступить к реорганизации управления страной. Реформы властных структур, проводившиеся на основе либерально-демократических представлений о созидательном потенциале революции, в условиях чрезвычайно быстрой радикализации народных масс осложняли ситуацию в стране. Временное правительство не смогло создать новые эффективные институты и механизмы поддержания власти (или использовать старые), включая правоохранительные органы, реализовать свою программу и обеспечить социальную стабильность и правопорядок.

Оценивая действия и решения Временного правительства по отношению к милиции, можно условно выделить два этапа в ее истории до октября 1917 г. Первый следует датировать мартом – второй половиной апреля 1917 г. Это было время ликвидации старой полиции (10 марта, Департамента полиции) и создания народной милиции (общественной полиции), которое происходило на местах без конкретных решений сверху, а порой и стихийно путем самозащиты

и самовооружения населения. Второй период пришелся на конец апреля – конец октября 1917 г., когда Временное правительство, на основе «Временного положения о милиции», стремилось создать организованную, «профессиональную» милицию.

Первый период характеризовался взаимным доверием между Временным правительством, уповавшим «на очистительную силу революции», и местной властью, выражавшей надежду, что «с этим правительством страна может быть покойна за то, что борьба с упорным врагом будет доведена до победного конца, а продовольственная и внутренняя неурядицы в ближайшее время будут устранены»[91].

Непосредственно задача формирования милиции входила в компетенцию МВД, которое возглавил глава Временного правительства князь Г. Е. Львов. По мнению министра иностранных дел Временного правительства и лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, Г. Е. Львов в качестве министра внутренних дел «был особенно угнетен и растерян» и не имел программы конкретных действий. Поэтому он «прикрылся своей идеологией», призывая «творить новую жизнь народа – не для народа, а вместе с народом»[92]. Временное правительство явно рассчитывало на то, что революционный народ не только создаст милицию, но и не допустит разгула грабежей и насилия, сам обеспечит общественный порядок.

2 марта оно приняло Декларацию о замене полиции народной милицией, подчиненной местному самоуправлению и основанной на выборном начале. Эти принципы (децентрализация, выборность) не учитывали специфику милиции как специального военизированного органа правопорядка и изначально предопределили ее слабость, неспособность к правоохранительным действиям и, пожалуй, самое главное – отсутствие единства и дисциплины в ее рядах.

Охрана общественного порядка была передана Временному управлению по делам общественной полиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, которое 15 июня 1917 г. было переименовано в Главное управление по делам милиции (Главмилицию). Это структурное подразделение МВД занималось ликвидацией старых дел и подготовкой нормативно-правовой базы для обеспечения деятельности новой милиции. Поэтому в первые месяцы революции вопрос об обеспечении порядка и борьбы с преступностью решался по собственному усмотрению земскими управами и городскими думами, осознававшими жизненную необходимость создания специальных органов правопорядка.

Процесс создания милиции Временного правительства имел свои территориальные особенности, которые проявлялись даже в

---

[91] Смоленский вестник. 1917. 3 марта.

[92] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 287–288.

границах отдельных губерний. Организация и деятельность милиции в губернских городах значительно отличалась от аналогичного процесса в уездах. Смоленская губерния, на материалах которой попытаемся показать эту специфику, являлась прифронтовой губернией. Здесь располагались тыловые части Западного фронта, штаб Минского военного округа, большое количество госпиталей, нескончаемым потоком шли беженцы. Солдаты и дезертиры принимали самое активное участие в политических событиях и оказывали революционизирующее воздействие на местное население. Начиная с 1915 г. в губернии остро стояла продовольственная проблема, на разрешение которой новым правительством надеялось местное население.

Смоленская городская дума во главе с городским головой Б. П. Рачинским деятельно взялась за формирование милиции. 4 марта на заседании временного городского исполкома, вышедшего «из недр земских и городских деятелей», создается комиссия по ее организации[93]. Начальником милиции избирается известный в Смоленской губернии общественный деятель, член кадетской партии В. К. Унтилов. Унтилов вошел в комитет обеспечения спокойствия города. Под его руководством за короткое время была создана смоленская городская милиция. Казалось, что произошло только переименование полиции в милицию. Милиция даже расположилась в здании бывшего полицейского управления близ Лопатинского сада. Сохранилось прежнее деление города на участки, количество постов на улицах[94]. 22 марта на заседании городской думы было утверждено Положение о городской милиции для Смоленска, избран новый руководитель А. В. Марголис и утверждена годовая смета на содержание милиции[95]. Основной проблемой, с которой столкнулись организаторы смоленской милиции, была проблема рядового состава. Понимая необходимость сохранения профессиональных кадров, руководители смоленской городской милиции нарушили принцип выборности и оставили в ее составе бывших «чинов полиции», а в структуре – уголовно-розыскной отдел, в котором работали специалисты из дореволюционного угрозыска. В начале марта некоторую преемственность между полицией и милицией, видимо, пытались обеспечить и в центре, и на местах. В марте МВД телеграфировало губернским комиссарам, что оно не встречает препятствий» для принятия на службу в милицию бывших полицейских[96]. Губернский комиссар А. М. Тухачевский в свою очередь призывал начальников милиции

---

[93] *Ильюхов А. А.* Революция 1917 года на Смоленщине. Смоленск, 2007. С. 20–21.

[94] Государственный архив Смоленской губернии (ГАСО). Ф. 799 (Комиссары Временного правительства). Оп. 3. Д. 1. Л. 44.

[95] Смоленский вестник. 1917. 24 марта.

[96] ГАСО. Ф. 799. Оп. 3. Д. 1. Л. 44.

не отказываться от услуг бывших полицейских, которые помогут обеспечить порядок и дисциплину[97].

Однако при начальнике милиции Смоленска появился революционный орган – совет, в который входили не только начальники городских участков и их заместители (что было вполне оправданно), но и представители общественных и городских организаций. Его главная задача заключалась в формировании новой милиции, выражающей «общественный интерес». По настоянию совета началась решительная перестройка городской милиции губернского города. В конце марта произошли массовые увольнения «чинов» старой полиции, на место которых пришли добровольцы, часто не имевшие никакого опыта работы в правоохранительных органах, и солдаты местного гарнизона. Солдаты время от времени откомандировывались в распоряжение начальника городской милиции для несения постовой службы и патрулирования, но смотрели на эти командировки как «на увольнение в город». Попытки руководства путем бесед изменить их отношение не увенчались успехом. Солдаты местного гарнизона, казавшиеся оплотом новой власти, в действительности несли угрозу еще сохранявшейся стабильности и порядку. Тем не менее, руководство милиции сумело обеспечить дисциплину в ее рядах. 6 апреля совет при городской милиции отказался от услуг военных[98]. В милицию был закрыт доступ людям без образования и лицам с криминальным прошлым. В целом, милиция города Смоленска вплоть до октября 1917 г. вела борьбу с преступностью и обеспечивала порядок в городе. Некоторое время она «сосуществовала» с рабочей милицией. 4 декабря 1917 г. состоялось общее собрание членов городской милиции, которое осудило вторжение представителей советов в деятельность милиции[99].

По-другому обстояли дела в уездных городах. Раньше, чем где бы то ни было в Смоленской губернии, полиция была ликвидирована в Вязьме. 1 марта она «исчезла» с улиц города. В тот же день был создан исполнительный комитет для обеспечения «порядка, тишины и спокойствия». Чины полиции явились в комитет и сдали оружие[100]. Похожая ситуация сложилась и в остальных уезда. Полиция нигде не оказывала сопротивления и разоружалась. Однако местная власть не придавала особого значения проблеме сохранения общественного порядка, полагаясь на «разум народа» и «очистительную силу революции», поэтому до апреля в уездах вообще обходились без полиции. В начале марта в Поречье вместо милиции порядок в городе охраняли «случайные лица», в Гжатске – местное пожарное обще-

[97] ГАСО. Ф. 799. Оп. 4. Д. 2. Л. 9.
[98] Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 281–281 об.
[99] Смоленский вестник. 1917. 5 дек.
[100] ГАСО. Ф. 799. Оп. 3. Д. 3. Л. 283 об.

ство, в Сычевке – боевая дружина, в Юхнове – солдаты по наряду, а в Красном и Духовщине «все шло само по себе». Только в Ельне земская управа сразу избрала начальника городской милиции. Им стал заведующий отделом народного образования Ельнинского земства М. И. Погодин[101].

К формированию милиции в большинстве уездов власть перешла с середины марта. В основу ее комплектования было положено, как того требовало Временное правительство, выборное начало. Начальников городских и уездных милиций избирали многообразные комитеты общественной безопасности, действовавшие в уездах, а рядовых – сами жители, которые на сходах «голосовали за своих милиционеров». Начальниками милиций становились состоятельные лица (в Сычевке – дворянин Н. Я. Манько, в Духовщине – землевладелец А. С. Попов, в Гжатске – богатый крестьянин эсер Парфенов, в Ельне, после ухода из милиции М. И. Погодина, – эсер А. С. Федоров)[102]. В результате такой демократизации уездные управления оказались неспособными управлять милицией. Между начальствующим составом и рядовыми сразу же возникла социальная рознь. Почти повсеместно начальники милиций давали отрицательную характеристику личному составу: «милиционеры не слушаются приказов начальников», «ставят на первый план свою собственную работу по хозяйству», «укрывают дезертиров», «вместе с односельчанами занимаются незаконным винокурением»[103].

В апреле 1917 г. состояние милиции в уездах Смоленской губернии было плачевным. Полная неразбериха царила в вопросах штатного расписания, организационного подчинения, финансирования, вооружения. Произошло численное сокращение милиции по сравнению с царской полицией. Специальные отделы уголовного розыска были ликвидированы. Розыскные дела возлагались на наружную милицию, а в Гжатске «в виде малой грамотности милиционеров» – на крестьянские волостные комитеты. Почти не было конной милиции, мизерное жалованье в 50–100 рублей часто не выплачивалось. Масла в огонь подливали солдаты, соперничавшие с милицией. Например, в Ельне они вступали в вооруженный конфликт со «штатной милицией»[104]. Местные власти требовали от милиции выполнения несвойственных ей обязанностей. По словам начальника Краснинской милиции П. Н. Шредера, «безвременье ставит и начальника уездной милиции... то в роль законодателя, то судьи, то продовольственного комитета... Разноречивые требования и желания населе-

[101] ГАСО.Ф. 799. Оп. 3. Д. 3. Л. 281–282 об.
[102] Там же. Ф. 161 (отдел управления Смолоблисполкома). Оп. 1. Д. 2336. Л. 21, 134, 152, 199.
[103] Там же. Ф. 799. Оп. 3. Д. 3. Л. 281–281 об.
[104] Там же.

ния не дают работать»[105]. Таким образом, весной 1917 г. образовался вакуум исполнительно-полицейской власти на местах.

25 апреля 1917 г. в Смоленске были опубликованы, принятые 17 апреля постановления Временного правительства «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции». По Временному положению милиция как «исполнительный орган государственной власти на местах» передавалась в ведение «земских и городских общественных управлений»[106]. Анализ этого акта Временного правительства показывает, что он отражал несбыточные надежды правительства на революционную сознательность масс и на способность земств и городов держать ситуацию на местах под контролем. Принцип двойного подчинения (общее руководство осуществляли комиссары Временного правительства как представители МВД, а непосредственное – земства и города), неопределенность источников финансирования (из государственных средств и из «местных источников» городских и земских самоуправлений), деление милиции на городскую и уездную, назначение начальников милиций и их заместителей городскими и земскими управами – все это не могло привести к укреплению милиции. Временное правительство пыталось реализовать довоенные установки о придании земству исполнительной власти. В этот исторический момент подчинение милиции земству и городам не принесло никакой пользы ни органам самоуправления, ни самой милиции, а в конечном счете – обеспечению общественной безопасности.

Губернский комиссар А. М. Тухачевский дал ряд распоряжений о необходимости формирования милиции на основе вышедших законов[107]. Однако губернская власть, по-видимому, не только не влияла на положение дел в милиции, но не обладала достаточной информацией о состоянии дел на местах. Только 22–23 июля 1917 г., уже при новом комиссаре эсере С. Д. Ефимове, состоялось заседание исполкома губернского совета с участием уездных комиссаров и начальников милиций. Его задача заключалась в том, чтобы выяснить состояние милиции в губернии и принять меры к ее укреплению. Из выступлений начальников милиции следовало, что постановления Временного правительства выполняются медленно и неохотно. Только в Смоленске милиция находилась в подчинении городской думы. В уездах земские управы не торопились взять управление милицией в свои руки. Земцы считали, что переподчинение милиции должно произойти после земских выборов, намеченных на осень. К тому же земские учреждения находилось в состоянии финансового кризиса. Не выполнялись указания Временного правительства по

[105] ГАСО. Ф. 799. Оп. 3. Д. 3. Л. 124.
[106] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 308–314.
[107] Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 13.

кадровым вопросам. Население «не желало знать назначенных милиционеров, а требовало своих». Чрезвычайно обременительным, по мнению начальников милиции, было возложение на милицию дополнительных обязанностей по делам судебного (участие в предварительном следствии и в суде в качестве обвинения) и военного ведомств (реквизиции, охрана пленных, поиски без вести пропавших и др.)[108]. Колоссальные трудности вызывала борьба с пьянством и дезертирством. Ни население, ни милиционеры не считали их «злом» и оказывали покровительство дезертирам и самогоноварению.

23 июля совещание Смоленского губисполкома и начальников милиции высказалось против создания советов при управлениях милиции, против сохранения принципа выборности и разделения милиции на городскую и уездную. Оно считало необходимым освободить милицию от дополнительных «неслужебных» обязанностей, увеличить ее численность, ввести однотипное обмундирование (отличительным знаком милиции в это время были нарукавные повязки) и повысить жалование. Другими словами, губернское совещание видело возможности улучшения работы милиции на путях ее профессионализации и централизации управления, назначаемости и единоначалия[109]. На местах лучше, чем в центре, осознавали, что для «силовых структур» в условиях войны и революции не подходят нормы, по которым создаются и действуют общественные организации.

Эти решения носили рекомендательный характер. Тем не менее, видимо, на местах в вопросах организации милиции следовали именно этим установкам, хотя они и не приносили желаемых изменений в смысле укрепления дисциплины и выполнения милиционерами своих обязанностей. В октябре губернский комиссар С. Д. Ефимов указывал, что формирование новой милиции идет неудовлетворительно: «во многих местах постановка милиции не согласуется с Временным положением... В некоторых уездах начальник милиции носит название – начальник (такой-то) уездной и городской милиции... в уездах сохраняется деление на станы, начальника милиции называют становой». Губернский комиссар требовал от земских собраний избирать «достойных лиц»[110]. Уездные комиссары в свою очередь констатировали, что «иногда милиционеры сами совершают правонарушения, часто не только не борются с производством самогонки, но и сами пьянствуют», что состав милиции «мал и не в силах справиться с возрастающими беспорядками»[111].

А между тем ситуация в губернии осложнялась, летом началось массовое крестьянское движение за землю. Например, в конце авгу-

---

[108] ГАСО.Ф. 799. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 310–314.
[109] Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2336. Л. 165.
[110] Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 82.
[111] Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 146.

ста в Сычевском уезде «крестьяне разгромили имения княгини Голицыной, князя Лобанова, помещиков Ермакова, Синягина, Андреевского, Крымова, Безобразова и многих других. Князь Лобанов за оказанное сопротивление был посажен в тюрьму сначала в Сычевке, потом в Смоленске. Помещик Безобразов объявил голодовку и умер голодной смертью в тюрьме. Княгиня Голицына была убита восставшими крестьянами в своем имении»[112]. Примирительные меры не работали. Опасаясь направлять милицию на подавление крестьянских выступлений, власти привлекали ее только к охране следователей и прокуроров, выезжавших на места для разбора дел. Для борьбы с недовольными крестьянами использовались регулярные воинские части и казаки. В Сычевском уезде начальник милиции Н. Я. Манько во главе отряда казаков произвел расправу над крестьянами Монинской волости, отобравшими у помещиков скот и инвентарь: «состязали всех направо и налево нагайками без разбора»[113].

Милиция не смогла обеспечить порядок при проведении выборов в земства, проходившие в губернии в сентябре–октябре 1917 г. На избирательных участках дело доходило до изгнания и избиения председателей избирательных комиссий, уничтожения избирательных списков и бюллетеней, до «открытых бесчинств»[114].

Состояние милиции Временного правительства на территории Смоленской губернии являлось отражением общего состояния власти в стране и усиливало недовольство провинции Временным правительством. Деятельность милиции создавала новые точки напряжения и конфликтов на местах (милиция – воинские части; начальствующий состав – рядовые милиционеры, профессионализм – вера власти в «очистительную силу революции»). Резко увеличилась общеуголовная преступность, у населения возрастало ощущение беззащитности перед лицом анархии и безвластия. В еженедельных донесениях начальников милиции губернскому комиссару, несмотря на успокоительные фразы – «особых беспорядков не наблюдалось» – ощущается общий рост напряжения. Повсеместно увеличивалось число разбойных нападений и краж, особенно скота, инвентаря, заготовленного леса; в уездах появились шайки разбойников; с целью ограбления совершались вооруженные нападения на земские управы; в июне произошли винные погромы в Духовщинском и Дорогобужском уездах. Уездный комиссар Духовщинского уезда А. П. Миронов распорядился ввести ночное дежурство милиции по волостям и «выдать на каждого по одной винтовке с патронами», а земским управам – «обзавестись охотничьими ружьями[115].

---

[112] *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 144.
[113] ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2336. Л. 160.
[114] Там же. Ф. 799. Оп. 2. Д. 22.
[115] Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 24. Л. 477.

Население теряло доверие к правительству, не способному обеспечить защиту личной и имущественной безопасности. Островками стабильности и власти для крестьянского населения оставались крестьянские сходы, волостные комитеты и старосты. По сообщению одной из центральных газет, в августе 1917 г. в Богородицкой волости Ельнинского уезда решением начальника милиции 3-го участка сменены милиционеры, выбранные крестьянами, и назначены свои. Однако волостной Исполком отказался подчиниться этому решению. И вот «ходят милиционеры, назначенные начальником милиции, и ходят милиционеры, избранные крестьянами. Первые из них для населения волости крайне нежелательны»[116].

Милицейская реформа Временного правительства, оправданная логикой борьбы с монархическим режимом, проведенная на началах децентрализации и демократизации, была непродуманной и не оправдала себя. Она способствовала радикализации и криминализации обстановки в стране, нарастанию анархии, ослаблению институтов власти и, в конечном счете, завоеванию власти большевиками. В. Д. Набоков признавал, что Временное правительство не сумело преодолеть «всероссийского похода против городовых, в результате которого весь полицейский аппарат был разбит вдребезги, а милиция новой властью фактически не была образована, что сыграло очень большую роль в общем процессе разложения России»[117].

Закатов А. Н.

Осмысление причин и следствий Революции 1917 года Российским императорским домом Романовых

Аннотация. В статье освещается правовой статус, идейные и социокультурные основы и состояние династии Романовых в ее историческом развитии и, в частности, накануне и в ходе Революции 1917 г., рассматривается институционализация Российского императорского дома в изгнании, анализируется его позиция в отношении причин, хода и последствий Революции, а также видение императорской фамилией путей изживания рецидивов братоубийственной Гражданской войны.

---

[116] *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 126.

[117] Цит по: Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 40.

Ключевые слова: Российский императорский дом Романовых, революция, монархия, патриотизм, легитимизм, историческая институция, социокультурный суверенитет, цивилизационное пространство.

Russian Imperial House on the Causes and Consequences of the Revolution of 1917

Abstract. This article covers the legal status, ideological, social, and cultural foundations, and changing situation of the Romanov dynasty over time, in particular, on the eve of and during the Revolution of 1917. The article also discusses the reconstitution of the Imperial House of Russia in exile, and analyzes its position over the causes, course, and consequences of the Revolution. Finally, the article explores the vision of the Imperial Family on the ways to eliminate any possibility of a return to Russia of the fratricidal Civil War.

Keywords: Russian Imperial House of Romanov, revolution, monarchy, patriotism, legitimism, historical institutions, socio-cultural sovereignty, cultural space.

Российский императорский дом Романовых до Революции 1917 г. не просто являлся первым родом Российской империи, но имел статус государственного учреждения, из которого, в определяемом законом порядке наследования, происходили носители верховной власти. У него были все признаки госучреждения: выполнение управительных функций, наличие законодательной базы и внутреннего распорядка, штата вспомогательных учреждений, бюджета и делопроизводства.

После Революции 1917 г. дом Романовых лишился политической власти и подвергся у себя на Родине репрессиям и дискриминации, но сохранился в изгнании не просто как совокупность родственников, рассеянных по миру, а в статусе исторической институции, то есть корпорации (в данном случае – фамильной), обладающей несомненной преемственностью с момента возникновения на основе своих внутренних исторически сложившихся правовых установлений, идей и традиций[118]. В этом качестве он признается другими царственными династиями, Русской православной церковью и другими историческими институциями.

С 1991 г. начался процесс реинтеграции Российского императорского дома в общественную жизнь современной России. Избегая по

[118] Аналогично Церковь, независимо от отношения к ней государства, сохраняется не только в сугубо религиозном понимании, но и как учреждение – историческая институция со своим каноническим правом, иерархией, таинствами, обычаями и обрядами. Подробнее см.: *Закатов А. Н.* Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы. 2016. № 1 (41). С. 36–47 (http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-suverenitet-istoricheskih-institutsiy-istoki-i-sovremennost).

принципиальным соображениям любых форм участия в политической борьбе, дом Романовых остается хранителем и символом исторической преемственности, вносит посильный вклад в возрождение традиций благотворительности и в укрепление религиозного, национального и общегражданского мира в России и ряде других государств, связанных с цивилизационным пространством бывшей Российской империи. В частности, императорская семья стремится способствовать объективному и разностороннему изучению общей всероссийской истории, всех ее славных и трагических страниц. И, несомненно, в год 100-летия Революции представляет особый интерес отношение к ней династии, свергнутой в ходе именно тех событий вековой давности.

Принято считать, что идеология и общественная деятельность императорского дома и людей, поддерживающих его и разделяющих его убеждения, абсолютно противоположны всему, что связано с Революцией и порожденными ею последствиями. В советский период пропаганда приписывала уцелевшим Романовым крайние реставрационистские планы, вплоть до восстановления сословного общества, привилегий дворянства, помещичьего землевладения и даже крепостного права, а также стремление к реваншу и кровавой мести.

Эти обвинения были в высшей степени демагогическими. Конечно, в смуте 1917 г. и в том политическом режиме, который возник в ее ходе, было много неприемлемого для императорского дома. Но, в то же время, отношение к Революции у династии гораздо более сложное, чем это кажется многим.

Чтобы глубже понять суть позиции императорского дома, необходим краткий экскурс в более давнюю историю.

Дом Романовых призван на царство Великим собором 1613 г. после своего рода «революции» – Смуты начала XVII в. С одной стороны, это была реставрация самодержавной монархии, законной династической наследственности и многих прежних устоев государственной жизни России. Но с другой стороны, Смута произвела глубокие изменения в народном менталитете и разорвала ряд прежде существовавших связей. Национально-освободительная борьба усилила влияние служилых сословий, обновила и расширила административную опору монархии.

Примерно в тот же период в Европе начинается разрушение средневековых порядков и наступление Нового времени. Россия при первых Романовых еще в значительной степени отдалена от общеевропейских процессов, но отнюдь не изолирована полностью. Вопреки расхожему мнению, и до Петра I цари из дома Романовых не были чужды модернизаторским устремлениям, смелым (хотя и не всегда удачным) решениям в социальной и экономической политике, интереса к зарубежному опыту.

Петр Великий своей «революцией сверху», безусловно, затмил предшественников. Новый всплеск преобразований происходит при Петре III и Екатерине II. И в последующие царствования при объективном рассмотрении бывает трудно провести грань между «революционными» и «реакционными» начинаниями императоров. Социально-политическое экспериментирование, тяга к изучению и анализу учений и теорий, считавшихся передовыми, поведенческий демократизм были присущи большинству Романовых. Не случайно А. С. Пушкин в разговоре с великим князем Михаилом Павловичем позволил себе весьма вольную фразу: «Vous êtes bien de votre famille, – сказал я ему, – tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs» («Вы истинный член своей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители» (*франц.*)), а младший брат Николая I с юмором поблагодарил за это великого поэта: «Спасибо: ты меня жалуешь в якобинцы! Благодарю, voila une réputation que me manquait («вот репутация, которой мне недоставало» (*франц.*))»[119].

«Революционность» Романовых была, естественно, иного рода, чем политические установки большинства революционеров, не видевших решения проблем без упразднения монархии, влияния Церкви и практически всех традиционных основ общественного бытия. Но несправедливо утверждать, будто государи и другие члены династии тупо противостояли всему новому и во всем были препятствием развитию страны. Идя эволюционным путем, они были способны и к радикальным рывкам, и во многих случаях оказывались весьма эффективными модернизаторами.

Тем не менее, предотвратить разрушительную Революцию не удалось. Царствование Николая II оказалось самым противоречивым и драматическим и завершилось падением монархии.

Нельзя сказать, что власти пытались противопоставить революционному движению только «реакцию», т. е. встречное насилие. Но попытки перехватить инициативу у революционеров и возглавить стремление нации к обновлению не увенчались успехом.

В начале XX века все слои российского общества охватило ощущение неизбежности коренных перемен. В чем эти перемены должны заключаться, разные партии и группы понимали по-разному, но у большинства вызрело некое общее чувство, что «так дальше жить нельзя». Насколько это было правильно – тема для дискуссии. Но как бы то ни было, даже императорский дом не остался в стороне от воцарившейся общественной атмосферы.

Не секрет, что значительная часть членов династии относилась к политике государя с разной степенью критицизма. Причем оппозиционные мнения высказывались не только какими-то членами им-

---

[119] *Пушкин А. С.* Собр. соч. В 10 т. Т. 7. М., 1976. С. 294.

ператорского дома, имевшими поводы для обид, но и наиболее близкими и любящими родственниками императорской четы, например, матерью Николая II императрицей Марией Феодоровной и родной сестрой императрицы Александры Феодоровны великой княгиней Елисаветой Феодоровной. Многие члены династии сходились в том, что существующий политический курс ошибочен и ведет к Революции.

При этом, вопреки растиражированным слухам и сплетням, нет никаких достойных доверия доказательств наличия «заговоров», будто бы зревших в среде августейших родственников. Начальник Канцелярии Министерства двора и уделов, осведомленный и объективный мемуарист генерал-лейтенант А. А. Мосолов утверждал, что «заговор» великих князей существовал лишь в воображении света[120]. Только великий князь Николай Николаевич не просто позволял себе эмоциональные критические замечания и салонные пересуды или направление императору записок с предложениями реформ, а реально участвовал в переговорах о возможном отстранении царствующего монарха от власти[121]. Но и он не решился примкнуть к заговорщикам, и его в данном случае можно упрекнуть лишь в недонесении о готовящемся государственном преступлении.

В ходе февральско-мартовских событий 1917 г. Революцию поддержали три члена династии.

Великий князь Николай Николаевич присоединился к организаторам переворота и в числе прочих командующих фронтами направил государю телеграмму с требованием отречения от престола, а потом присягнул не просто Временному правительству, как переходной власти, а какому-то «новому государственному строю»[122] (хотя основы «нового государственного строя» еще только предстояло выработать Учредительному собранию). Однако его надежды играть одну из ведущих ролей при революционных властях не оправдались.

С радостью приветствовали Революцию великие князья Николай Константинович (сосланный в Ташкент за неблаговидное поведение еще при Александре II) и Николай Михайлович (прозванный «красным великим князем» и «русским Филиппом Эгалите»). Оба они вскоре погибли[123].

---

[120] *Мосолов А.* При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 35.

[121] О чем довольно подробно писал апологет Николая Николаевича генерал Ю. Н. Данилов (см.: *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 315).По ряду свидетельств, уже находясь в эмиграции, Николай Николаевич подтверждал факт этих предложений и выражал сожаление о своем отказе (см.: *Аврех А.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 55).

[122] Биржевые ведомости. 1917. 14 марта. № 16134.

[123] Николай Константинович умер или был казнен при до сих пор не выясненных обстоятельствах 27 января 1918 г., а Николай Михайлович расстрелян по приговору ВЧК в Петропавловской крепости 30 января 1919 г.

Так по иронии судьбы три Николая Романова поддержали низложение императора, который носил то же имя.

Несколько великих князей предприняли попытки противодействовать начавшимся беспорядкам или хотя бы смягчить катастрофичность их последствий. Великие князья Павел Александрович и Кирилл Владимирович при участии великого князя Михаила Александровича прилагали усилия, чтобы «всячески, всеми способами сохранить Ники на престоле»[124]. Когда стало ясно, что силовое подавление мятежа невозможно, они решили пойти по пути частичных компромиссов и сотрудничества с умеренной, на их взгляд, думской оппозицией, в противовес радикальным революционерам. Для этого ими, при участии адвоката Н. И. Иванова, был подготовлен проект высочайшего манифеста о предоставлении Государственной думе права «составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны», с последующим созывом «Законодательного собрания» для рассмотрения проекта новых Основных Законов[125]. Кирилл Владимирович, еще сохранявший контроль над Гвардейским экипажем, командиром которого он был, 1 марта привел его в Таврический дворец, предполагая, что «Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями» действительно преследует цели, заявленные в его официальном названии. Все эти маневры потеряли смысл после подписания акта об отречении[126].

Великий князь Борис Владимирович, бывший походным атаманом всех казачьих войск, импульсивно попытался лично направиться на выручку Николаю II, но не смог пробиться. За этот порыв он оказался единственным из членов императорского дома, помимо собственно царской семьи, кто подвергся аресту еще по приказу Временного правительства. Правда, спустя несколько дней его освободили.

Прочие Романовы изначально восприняли Революцию как-то пассивно и, можно сказать, обреченно, хотя, наверное, еще не представляли масштабов предстоящих им бедствий.

Представлял ли их Николай II, в точности утверждать невозможно. Но совершенно бесспорно, что, оказавшись фактически лишенным свободы и испытывая моральное давление со стороны организаторов переворота, 2 марта государь подписал акт об отречении от престола, даже не попытавшись добиться для себя и своей

---

[124] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2098.

[125] Там же. Д. 2095. Л. 1 об.; Ф. 5881. Оп. Д. 369. Л. 10–11; Манифест великих князей. Из архива Н. И. Иванова // Путь. Берлин, 1926, 19 декабря.

[126] Подробнее см.: *Закатов А. Н.* Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. М., 1998.

семьи каких бы то ни было гарантий. Единственным личным моментом стало небесспорное с правовой точки зрения отречение не только за себя, но и за своего сына[127].

Великий князь Михаил Александрович, следующий в порядке престолонаследия, не «отрекся», как часто неверно пишут, а отложил принятие верховной власти и объявил, что согласен взойти на престол, «если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые законы Государства Российского»[128].

Все члены династии выразили солидарность с актом великого князя Михаила Александровича, последовали его указанию подчиниться Временному правительству и подтвердили отказ от претензий на удельное имущество (имущество, принадлежавшее Российскому императорскому дому как институции).

Никто их членов дома Романовых не принял участие в Гражданской войне. Имеются сведения о попытках присоединиться к антибольшевицкой борьбе великого князя Андрея Владимировича, но ему в этом сразу было отказано. Лишь «ассоциированный член» императорского дома – последний князь Романовский герцог Лейхтенбергский Сергий Георгиевич недолго воевал в составе Вооруженных сил Юга России, но был изгнан П. Н. Врангелем, будто бы заподозрившим его в «заговоре».

После казни большевиками в 1918 г. Николая II, цесаревича Алексия и великого князя Михаила, т. е. всего мужского потомства Александра III, права на возглавление дома Романовых и, соответственно, на престол в случае восстановления монархии в соответствии со статьями 27–29 Основных законов Российской империи перешли к потомству Александра II. Старшим представителем старшей династической линии на тот момент являлся великий князь Кирилл Владимирович. В 1922 г. он объявил себя Блюстителем Государева Престола, т. е. регентом, а в 1924 г., окончательно убедившись в смерти всех, кто был старше его в порядке наследования, принял титул императора в изгнании. Так осуществилось конституирование Российского императорского дома как исторической институции в новых для него постреволюционных условиях[129].

---

[127] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 5. Подробнее об отречении см.: *Александров М. А.* Отречение от прав на престол по законам Российской империи // http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/3606.html.

[128] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 7; Биржевые ведомости. 1917. 5 марта. № 16120.

[129] Подробнее см.: *Закатов А. Н.* Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. Т. 3 (150). Романовы: династия и эпоха. М., 2013, апрель. С. 208–253; Т. 6 (153). История – свидетельница времен. М., 2013, декабрь. С. 146–237.

После кончины Кирилла Владимировича в 1938 г. ему наследовал его единственный сын великий князь Владимир Кириллович, которому было суждено в ноябре 1991 г. начать возвращение дома Романовых на Родину. После его кончины в апреле 1992 г. династию в силу ст. 30 Основных законов Российской империи возглавила его дочь великая княгиня Мария Владимировна, так как последний, помимо самого Владимира Кирилловича, член императорского дома мужского пола князь Василий Александрович скончался еще в 1989 г. Наследником Марии Владимировны является ее сын от брака с принцем Францем-Вильгельмом Прусским (в православии – Михаилом Павловичем) великий князь Георгий Михайлович[130].

Заявив о восприятии прав и обязанностей своих предков и вступив на путь общественной деятельности по защите идеала монархии, Кирилл Владимирович не мог не выразить своей оценки Революции и не сформулировать позицию относительно ее причин, хода и следствий.

Глава дома Романовых, в отличие от многих эмигрантов, отчетливо понимал, что Революцию следует рассматривать не только как событие, но и как явление, и как процесс.

В Революции-событии, произошедшем в пространстве и времени, было много случайного и спонтанного. Но Революция-явление (т. е. событие в своей сущности) развивалась, в целом, по типичному сценарию подавляющего большинства революций. А Революция-процесс (т. е. последовательная смена состояний в едином непрерывном движении) уходит корнями в предшествующие эпохи, прошла стадии зарождения и трансформаций, достигла кульминации в двух переворотах 1917 г. и Гражданской войне и продолжилась в форме коммунистического режима.

Из такого анализа проистекает признание домом Романовых закономерности Революции. Кирилл Владимирович и его наследники проявляют понимание, что 1917 г. и его последствия – это не нелепая случайность, которой можно было избежать, а исторический этап, ставший неизбежным из-за накопившихся в прежние периоды причин.

Нисколько не отрицая наличие в Российской империи глубоких проблем политического, социального и экономического характера, дом Романовых считает, что главной причиной Революции были не они, а глубокий кризис народного сознания, наступившее разочарование во всей системе традиционных ценностей.

---

[130] Подробнее см.: *Закатов А. Н.* Биографии императора Николая Александровича, императора в изгнании Кирилла Владимировича, главы дома Романовых великого князя Владимира Кирилловича и великой княгини Марии Владимировны и наследника цесаревича и великого князя Георгия Михайловича и статья «Дом Романовых. История продолжается» // Дом Романовых. 400 лет. М., 2014. С. 867–1198.

Поэтому для династии Революция в ее катастрофической, разрушительной ипостаси ассоциируется, прежде всего, не с преступлением, а с болезнью. Соответственно, поиск путей преодоления Революции мыслится не в виде пресечения и наказания виновных, а как комплекс мер по духовному и ментальному исцелению.

Императорский дом признает собственную ответственность за Революцию. Кирилл Владимирович в 1923 г. писал: «Не утаим и греха; много было его на Руси. За наши общие вины принесены величайшие жертвы; кара Господня вразумила нас, дабы впредь мы греха сторонились»[131]. Его внучка Мария Владимировна в 2017 г. формулирует данную мысль еще более конкретно: «На нашей династии, на аристократии и правящем слое в целом, на части церковной иерархии, на промышленных и финансовых кругах лежит значительная часть ответственности за развитие болезненных тенденций, подточивших организм исторической российской государственности. Императорский дом не отказывается от признания своей доли вины. Мы каемся в совершенных грехах и ошибках перед Богом и нашим народом и убеждены, что чтобы понять причины трагедии, следует не обвинять друг друга, а в совместном обсуждении постараться честно разобраться в том, что совершилось в 1917 году, что к этому привело, и какие последствия повлекло за собой»[132]. Династия не пытается выступить в роли «безгрешного судьи», а призывает соотечественников к совместному поиску способов восстановления прочного народного единства.

Программу национального примирения, исходящую от дома Романовых, начал формулировать Кирилл Владимирович, причем с самых же первых своих обращений. Проекты этих актов поначалу готовились князем Д. М. Голицыным-Муравлиным, придававшим им неуместную пафосность при некотором дефиците содержания. Впоследствии язык обращений главы династии станет более современным. Но и в воззваниях периода блюстительства достаточно твердо выражены мысли о необходимости преодолеть «красно-белое» противостояние не на основе победы одной стороны над другой, а на пути синтеза всего жизненного и созидательного, что есть у обеих сторон.

В самом первом своем обращении от 8 августа 1922 г. Кирилл Владимирович провозгласил лозунг изживания красно-белой вражды: «Нет двух Русских армий! Имеется по обе стороны рубежа Россий-

---

[131] Воззвание Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей, Канны, 2/15 апреля 1923 г. (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

[132] Интервью главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны газете «Монархист»: http://monarhist.info/newspaper/article/97-98/4270.

ского единая Русская армия, беззаветно преданная России, ее вековым устоям, ее исконным целям. Она спасет нашу многострадальную Родину»[133].

Глубоко неверно устойчивое представление, что Белое движение было преимущественно монархическим, а императорский дом ассоциировал себя в эмиграции с «белыми» в противовес «красным». На самом деле, Белое движение в основной своей массе противостояло большевизму под лозунгами Февральской революции, то есть было революционным. В эмиграции у многих «белых» произошла промонархическая эволюция взглядов, но и у них продолжали довлеть представления периода Гражданской войны. На это обращала внимание Канцелярия императора Кирилла в своих «Руководящих указаниях», выпущенных в 1931 г.: «То чувство, которое создалось у „белых" (эмиграции) против „красных" (всего Русского народа), понятно: оно есть следствие гражданской войны. Но это чувство уже давно надо было отбросить, ибо нельзя стремиться спасать Россию, тая в себе чувство мести и презрения к ее народу. Нельзя и ныне продолжать верить в то, что эмиграция вернется в Россию силою оружия и там „наведет порядок"»[134].

Возлагая надежды на слияние Красной и Белой армий на основе патриотизма, Кирилл Владимирович недвусмысленно и последовательно отвергал интервенционистские настроения, господствовавшие среди значительной части русских эмигрантов: «Я ни в коем случае не могу стать на точку зрения тех вождей, которые сочли бы возможным поддаться искушению воевать со своими соотечественниками, опираясь на иностранные штыки, – как бы еще ни заблуждались в данное время русские народные массы»[135].

Что касается «заблуждений народных масс», то глава дома Романовых видел их отнюдь не во всем, что произошло после Революции: «Не нужно уничтожать никаких учреждений, жизнью вызванных, но необходимо отвернуться от тех из них, которые оскверняют душу человеческую»[136].

---

[133] Обращение Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича «К российскому воинству» с призывом к объединению «белой» и «красной» армий и их совместном выступлении для освобождения России от режима большевиков. Сен-Бриак, 26 июля/8 августа 1922 г. (Граф Г. К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович. Мюнхен, 1922. С. 27–28).

[134] Извлечение из Руководящих указаний Канцелярии его императорского величества // Младоросская искра. 1931. 15 дек.

[135] Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича «Верноподданным русским людям», осуждающее ставку на иностранную интервенцию в борьбе с большевиками. 1/14 Января 1925 года (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

[136] Воззвание Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей, Канны, 2/ 15 апреля 1923 г.

В программном обращении от 26 января 1928 г. Кирилл I декларировал: «...не отвергая советской системы народного представительства, Я обеспечу свободное избрание в советы представителей всех хозяйственных и производительных слоев населения, а равно членов профессиональных организаций и специалистов, выдвинувшихся своим знанием и опытом в делах государственных. Советы сельские, волостные, уездные, губернские и областные или национальные, увенчанные периодически собираемыми Всероссийскими Съездами Советов – вот, что способно приблизить Русского Царя к народу и сделать невозможным какое-либо средостение в виде всесильного чиновничества или же иного, пользующегося особыми преимуществами, сословия»[137].

Лозунг «Царь и Советы» открыто провозглашала близкая к императорскому дому в 1920–1930-е годы Партия младороссов, являвшаяся одной из крупнейших организаций русской эмиграции.

Здесь уместно сопоставить позиции большевиков и дома Романовых. У В. И. Ленина встречаются весьма интересные и неожиданные признания. В интервью американской газете «The New York Herald» о «кронштадтском мятеже», опубликованном 15 марта 1921 г., вождь коммунистического режима заявил: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или Советское»[138]. Эта фраза не вяжется с пропагандистскими утверждениями, что монархия полностью себя исчерпала, прогнила и ни на что не годна. Ленин, относясь к «царскому правительству», безусловно, враждебно, признавал, тем не менее, его жизненность как принципа власти. Наверное, не будет преувеличением сказать, что положение, отмеченное В. И. Лениным, в основных чертах сохраняется по сей день. Не случайно В. С. Черномырдин отозвался о современных политических конструкциях: «Какую партию ни возьмемся строить, все у нас КПСС получается». Только происходит это от того, что современные политики подсознательно следуют большевицкой парадигме, жестко противопоставляющей «царское» и «советское», и, видя несостоятельность в России либерально-демократических моделей, апеллируют к 73-летнему советскому опыту в том виде, в каком он на практике сложился под властью Коммунистической партии, не вспоминая о свыше чем тысячелетнем опыте дореволюционной России. Императорский же дом настроен на синтез этих систем: возрождение легитимной монархии в сочетании с очищенной от ком-

---

[137] Декларация императора в изгнании Кирилла Владимировича о принципах преобразований, планируемых им в случае восстановления обновленной народной самодержавной монархии в России. Сен-Бриак, 13/26 января 1928 года (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

[138] *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 43. С. 128 («О кронштадтском восстании. Краткая запись беседы с корреспондентом американской газеты „The New York Herald"»).

мунистической идеологии и наделенной реальной властью системы народного представительства в форме Советов.

В своем последнем программном обращении от 24 марта 1938 г. Кирилл I, подтверждая неизменность своих прежних установок (к которым мы еще вернемся), выражал уверенность, что «установление устойчивой национальной власти» может быть обеспечено «лишь Законной Монархией, строительство которой сочетает преемственность управления с новым духом и требованием времени»[139]. Его сын Владимир Кириллович говорил: «Монархия – это единственная форма правления, совместимая с любой политической системой, поскольку предназначение монарха – быть высшим арбитром»[140].

И тут вновь напрашивается параллель с непривычным для устойчивого советского восприятия монархии признания В. И. Ленина, на сей раз вполне созвучного позиции дома Романовых: «Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства учреждение»[141]. Правда за монархией Николая II такой способности В. И. Ленин категорически не признавал. Но если бы ему было суждено прожить подольше, он был бы вынужден признать, что, перефразируя Ш. М. Талейрана, Романовы ничего не забыли, но многому научились. Примечательно, что в канонической статье Большой советской энциклопедии[142], начав с обычного для марксистов утверждения, что «легитимисты» выступают с открытым требованием реставрации самодержавия, выдвигая кандидатом на престол «законного престолонаследника» бывшего великого князя Кирилла Владимировича Романова, автор М. Алехин отметил так называемую «левую эволюцию» легитимизма как организованного движения и направления общественно-политической мысли[143].

---

[139] Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича с характеристикой деятельности коммунистического режима и изложением его видения программы государственного строительства после восстановления монархии. Сен-Бриак, 11/24 марта 1938 г. (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1; Бодрость. 1938. 3 апр. № 171).

[140] Корона Российской империи // Огонек. 1996. 1–3 января. С. 28–29. Первое интервью государя, опубликованное в СССР.

[141] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 359 («Об избирательной кампании и избирательной платформе»).

[142] В первом издании БСЭ недвусмысленно признавалось существование российского легитимизма как социально-политического течения русской эмиграции, тогда как в последующих изданиях стало принято умолчание об этом и характеристика легитимизма преимущественно как зарубежного (главным образом, французского) явления. Противостояние в русском зарубежье легитимизма и «непредрешенчества» в марксистской исторической науке и коммунистической пропаганде начало сводиться к конфликту между сторонниками Кирилла Владимировича и Николая Николаевича.

[143] БСЭ. М., 1934. Т. 64. С. 168.

Из всего комплекса обращений, заявлений, интервью и других публичных выступлений Кирилла Владимировича, Владимира Кирилловича и Марии Владимировны явствует, что для императорского дома из черт установившегося в России в ходе Революции коммунистического режима неизменно неприемлемыми всегда оставались: богоборчество, обязательная и агрессивно навязываемая материалистическая идеология, тоталитаризм, террористические методы управления, теория классовой борьбы как главного фактора исторического развития, полное отрицание частной собственности, целенаправленное разрушение традиционных нравственных основ и уничтожение историко-культурного наследия, принесение интересов России в жертву утопической идее коммунизма и мировой революции. Нужно отметить, что все эти черты ныне осуждаются или, по крайней мере, приглушаются здравомыслящими представителями левого политического спектра.

В то же время, дом Романовых проявляет полную готовность принять, поддерживать и развивать идеи социальной справедливости, обеспечения и расширения народного самоуправления, гибкой национальной политики, постоянной модернизации системы политического управления, институтов гражданского общества и экономических отношений. Все главы династии в изгнании с самого начала отвергали присущие значительной части эмиграции идеи реституции экспроприированной собственности и какого бы то ни было восстановления сословных привилегий.

В первых обращениях Кирилла Владимировича, помимо общих слов о сохранении послереволюционных «учреждений, жизнью вызванных», признается безусловная необходимость правового закрепления за крестьянами перешедшей к ним земли, ограничения возможностей эксплуатации труда, расширения политических и гражданских прав и свобод, выстраивания новой системы межнационального сотрудничества.

В рескрипте учрежденному им «Совещанию по вопросам устроения Императорской России» («Государеву совещанию») Кирилл I подчеркивал: «Долгое лихолетие и особое устройство, полученное некоторыми народами Империи за время смуты, настолько потрясли и изменили ее действенные силы, что духовно-нравственное возрождение и хозяйственное преуспеяние России может быть впредь достигнуто лишь на началах, соответствующих современным ее нуждам, с сохранением тех из происшедших изменений ее строя, которые усвоены населением и могут быть с пользой для него оставлены на будущее время»[144].

---

[144] Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания его императорским величеством государем императором Кириллом I манифеста 31 августа 1924 г. София: Издание Представительства его императорского величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 62–63.

Совещанию было поручено анализировать советский опыт и готовить на случай восстановления легитимной монархии проекты относительно обеспечения всему населению полноценных возможностей участия в государственной жизни, соглашений с отпавшими от России народностями, юридического закрепления веротерпимости, расширения прав местных органов власти, подтверждения упразднения сословных привилегий, полноценного оформления прав собственности крестьян на земельные угодья, восстановления и модернизации промышленности и торговли, создания условий для инвестиций, совершенствования системы путей сообщения, новой системы образования, рабочего законодательства, страхования трудящихся и развития социальной сферы.

В программном обращении Кирилла I от 26 января 1928 г., кроме уже упомянутой декларации о признании советского строя и о готовности его развивать, содержатся гарантии широкого областного самоуправления, отсутствия любых форм национального угнетения, правового закрепления земли за крестьянами с установлением обязанности использовать ее по назначению, присвоения государству и общинам преимущественного права приобретать землю по рыночной стоимости в случае ее продажи собственниками, содействия городским жителям в приобретении на льготных условиях неиспользуемой земли, поддержки механизации и интенсификации сельского хозяйства, сохранения 8-часового рабочего дня и законодательства об охране труда и социальной защиты работников, государственной помощи в улучшении жилищных условий, дальнейшего развития профсоюзного движения, недопущения возрождения сословных привилегий, возрождения основ судебной системы, созданной Александром II – «суда скорого, справедливого и милостивого, равного для всех».

В области экономики предполагалась дальнейшая индустриализация (но без крайних мобилизационных мер, создающих рабский, по сути, сектор, основанный на принудительном труде заключенных в лагерях) и восстановление частной собственности в сочетании с собственностью государственной и коллективной (причем приватизация предусматривалась только в случаях, «когда это не нарушит государственных интересов или интересов кооперации» и не распространялась на недра, крупные лесные хозяйства и «нефтеносные земли»). Кирилл Владимирович полагал, что «верховная собственность Государства» на недра и леса даст возможность «не обременять население чрезмерными налогами».

Также в обращении 1928 г. выделялись направления «широкого народного просвещения и насаждения профессионального образования, беспощадного искоренения хулиганства и праздности, уменьшения косвенного обложения и налогов на мелкие ремесла и

промыслы, целесообразная свобода печати и общественной жизни, удешевления железнодорожных и почтовых тарифов, возможно широкая медицинская помощь всем страдающим тяжкими болезнями».

Еще более «просоветским» «зубры» эмиграции сочли обращение главы дома Романовых от 23 декабря 1931 г. В нем Кирилл I открыто признал, что «капитализм выродился в форму порабощения народных масс незначительным меньшинством», и это, по его мнению, оправдывало «борьбу против поработителей» прозревших народов. Но результатом этой борьбы он видел не победу защищающих капитализм «полицейских диктатур» и не торжество материалистического коммунизма, а появление «новой культуры», сочетающей традиционные ценности с требованиями современности.

Император выражал радость в связи с ростом трудового энтузиазма и успехами в хозяйственном развитии СССР: «Я от всего сердца желаю успеха в творчестве окрепшему и познавшему любовь к Родине русскому человеку. Я всей душой скорблю, что нынешняя власть создала нестерпимые и рабские условия труда, держит народ в голоде и нищете. Но еще немного усилий, немного настойчивости и терпения, и Русский народ расправит могучие плечи и сбросит обветшавшие одежды. Я приветствую нарождение новой жизни как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа Русского народа. Допустимо ли ему мешать в достижении полного торжества? Каждый русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию русской мощи мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю. Мои взоры всецело обращены к будущему. Я чувствую лихорадочное стремление Русского народа к обновлению. Я горжусь его жизнеспособностью и жаждой творчества и глубоко страдаю, видя, какие муки ему приходится терпеть в борьбе за лучшее будущее. Но близится час торжества, и недалек тот день, когда весь мир преклонится перед величием свободной России»[145].

Выступления главы дома Романовых не были обойдены вниманием в СССР. Коммунистическая пропаганда принялась высмеивать «левую эволюцию» легитимизма. Например, в феврале 1932 г. в «Комсомольской правде» были опубликованы цитаты из обращения Кирилла I и вместе с ними такие стихи:

---

[145] Новогоднее обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича с изложением его взглядов на общемировую и советскую действительность и на перспективы освобождения России. Машинопись. Сен-Бриак, 10/23 декабря 1931 г. (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

Вот это открытие.
Редко да метко.
Откровение
От строки до строки.
А мы-то думали,
Что пятилетку
Организовали большевики!

А мы-то думали,
Что семья народов
Рабочих,
Трудящихся,
Крестьян –
Под руководством партии
В четыре года
Выполняет пятилетний план.

Мы думали
Ленинской партии сила –
Основа победы,
Пароль, девиз...
[А,] оказывается:
„Народ"
Под руководством... Кирилла
Строит социализм[146].

Автор стихотворения откровенно искажает смысл обращения, в котором вовсе нет претензии на то, что советский народ достигает побед «под руководством Кирилла». При объективном рассмотрении понятно, что глава династии отвергает коммунистическую идеологию и практику, но радуется народным успехам. А это показывает, что Кирилл Владимирович – не закоснелый реакционер и «враг народа», а, во всяком случае, более сложный субъект политической борьбы. Но, судя по всему, агитаторы были уверены: читатели не станут так глубоко вдумываться и не воспримут идею о том, что народ способен творить самостоятельно и даже вопреки политике ВКП(б).

Кирилл I приветствовал усиление Красной армии. Если в 1922 г. он говорил о возможности объединения «красных» и «белых» на общем принципе защиты Родины, то 10 лет спустя, когда «Белое воинство» перестало существовать, а его остатки переродились либо в мемориальные организации, либо в политические группы, импе-

[146] Комсомольская правда. 1932. 15 февр.

раторское воззвание от 25 ноября 1932 г. адресовано исключительно к РККА: «Ваша мощь – залог целости и нерушимости Русского государства. Став вооруженной силой России, будучи неотъемлемой частью ее народа, вы приняли на себя наследие многовековой славы Российских Армии и Флота, которые всегда стояли на страже Отечества и служили залогом международного мира. Ничто преходящее, наносное не может изменить сущности вашего воинского служения. Вы уже осознали себя защитниками родной Земли. Придет время, когда это сознание решит судьбу России. В настоящем вы должны готовить себя к будущему. России нужны сильные армия и флот. Они нужны ей для обороны ее границ и необходимы для освобождения от гнета коммунизма. Ваш долг усилять мощь Армии и Флота, возвышать их дух, закалять дисциплину, упорно трудиться над их техническим совершенствованием»[147].

Дому Романовых не только не свойственен дух реваншизма, но, напротив, в этой тенденции он усматривает страшную угрозу будущему России. «Пусть откажется каждый от кары и мщения, – писал в 1923 г. Кирилл Владимирович. – Божьему предадим Суду: и кровь, невинно пролитую, и те преступления, что навеял на Русский Народ его совратитель»[148].

Эти призывы зазвучали от императорского дома, когда взаимная ненависть противоборствовавших в Гражданской войне сторон и боль от причиненных друг другу ран были еще чрезвычайно остры. Но все главы династии в изгнании понимали, что без взаимного прощения невозможно восстановить народное единство.

Если применить метафору, в насилиях Революции дом Романовых видит некое коллективное безумие. Но преступления, совершенные в состоянии безумия, суть невменяемые деяния. Здесь требуется не возмездие, а лечение. В «социальном безумии», охватывающем массы, все, конечно, намного сложнее, чем в психическом расстройстве частного лица. Но принцип, по существу своему, тот же.

Великий князь Владимир Кириллович придерживался несколько более консервативных взглядов, чем его отец. Но все основные его идеи он исповедовал в неизменном виде. На первом листе подлинника обращения своего покойного отца, обобщившего все сказанное им ранее, новый глава дома Романовых уже во время Второй мировой войны, 18 января 1940 г. написал: «Основы, изложенные в настоящем акте Моего Отца от 24 Марта 1938 года, полностью отра-

---

[147] Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича к воинам Рабоче-крестьянской красной армии. Машинопись. Сен-Бриак, 12/25 ноября 1932 года (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

[148] Воззвание Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей, Канны, 2/ 15 апреля 1923 г. (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

жают и Мои взгляды на будущее устроение Государства Российского. Владимир. S[ain]t Briac, 18-I-[19]40».

Во время Великой Отечественной войны великий князь Владимир Кириллович сумел пройти между Сциллой коллаборационизма и Харибдой соглашательства с коммунизмом. Коммунистическая идеология была для него категорически неприемлема из-за своего богоборческого характера, и он принципиально призывал к борьбе с ней в любых исторических условиях и обстоятельствах. Но при этом он никогда ни прямо, ни косвенно не одобрял сотрудничество с оккупантами и пособничество завоеванию родной страны, действия в интересах врага и в ущерб своему государству и его союзникам.

Находясь во Франции на оккупированной немцами территории, великий князь использовал свое знакомство с антинацистски настроенными германскими офицерами, чтобы оказать помощь советским пленным, содержавшимся в концентрационных лагерях в г. Сен-Мало и на о. Джерси.

Информация об этой помощи советским узникам содержится в воспоминаниях самого великого князя[149] и в архивных документах. Во время отпевания государя в Исаакиевском соборе 29 апреля 1992 г. возглавлявший богослужение патриарх Алексий II в своем надгробном слове особо отметил: «Характерно, что во время Второй мировой войны, находясь во Франции, Владимир Кириллович установил связь с немецкими офицерами, оппозиционно настроенными к фашистскому режиму, и благодаря этому деятельно помогал советским военнопленным. В 1944 г. последовали его арест и депортация в Германию»[150].

Владимир Кириллович смотрел на возможность внутреннего освобождения от коммунизма народом СССР более скептически, чем его отец. Но и он прекрасно понимал: «Тщетно ждать спасение Родины от иностранцев. Другие народы могут являться нашими временными союзниками в борьбе, но каждый из них неизбежно будет преследовать свои национальные цели»[151].

---

[149] Владимир Кириллович, великий князь, Леонида Георгиевна, великая княгиня. Россия в нашем сердце. СПб., 1995. С. 61.

[150] Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Слово перед отпеванием Великого Князя Владимира Кирилловича (29 апреля 1992 г., Исаакиевский собор, Санкт-Петербург) // Журнал Московской патриархии.

[151] Пасхальное обращение главы Российского императорского дома Великого Князя Владимира Кирилловича к русским людям, провозглашающее бессмысленность ожидания помощи в борьбе с коммунизмом от иностранных держав и выражающее надежду на свержение богоборческого коммунистического режима собственными силами. Мадрид, 23 апреля/6 мая 1956 г. (АРИД. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1; Сборник обращений главы династии Великого Князя Владимира Кирилловича / Сост. А. П. Волков. Нью-Йорк, 1971. С. 37–39).

Оставаясь убежденным антикоммунистом, глава дома Романовых никогда не переносил неприятие атеистической материалистической идеологии на своих соотечественников (чем грешат многие эмигрантские деятели, по сей день сохраняющие внутреннюю враждебность к «подсоветским» и «совкам», как они изволят выражаться, и продолжающие требовать от нас покаяния, не понимая, что нужно сначала покаяться самим). Об этом свидетельствуют заявления Владимира Кирилловича периода самого пика холодной войны, когда западный мир, а вместе с ним и русскую эмиграцию, захлестывали волны истерии, подменяющие антикоммунизм откровенной русофобией. Императорский дом свидетельствовал, что народ России остается великим народом, а сама Россия никогда не может утратить статус великой державы.

«Мы радуемся исключительным техническим достижениям, покрывшим славой русское имя, среди которых гордимся полетами в космос как Юрия Гагарина, так и других русских смельчаков», – писал Владимир Кириллович в обращении от 25 декабря 1967 г.[152]. «Отмечаю наличие в России, во всех отраслях человеческого творчества, даже при теперешних условиях существования, целого ряда выдающихся деятелей науки, литературы, художества, отважных исследователей сверхвоздушных пространств. До каких бы еще более совершенных и обширных творческих высот они все дошли бы при открывшихся перед ними возможностях свободного мышления и труда!»[153], – говорится в его обращении от 16 апреля 1973 г.

Характерные особенности менталитета главы дома Романовых отметил журналист В. Литвинский, отнюдь не придерживавшийся монархических убеждений, но описавший встречу с Владимиром Кирилловичем доброжелательно и объективно: «Меньше всего считает себя великий князь лидером монархистов, – пишет В. Литвинский, – постоянно подчеркивая, что для совместного труда на благо России достаточно быть просто русским. Будучи человеком вполне современным, он вполне отдает себе отчет в полной невозможности восстановления дореволюционного сословного строя России и в абсурдности реставраторских вожделений столь многих из старшего поколения монархистов. „Эти люди не способны признать тех колоссальных перемен, которые произошли в психологии народа за все эти годы; их жизнь остановилась в 1917 году, и они ничему не смогли научиться. Понять их по-человечески можно, но они принадлежат прошлому, а не будущему", – говорит он... Мне было очень интересно отметить в нем одну любопытную особенность. В разговоре на полити-

[152] Сборник обращений главы династии Великого Князя Владимира Кирилловича / Сост. А. П. Волков. Нью-Йорк, 1971. С. 75.
[153] АРИД. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1.

ческие темы, употребляя выражение „мы", он подразумевает не „мы, эмиграция", а „мы – русский народ"; получается это у него совершенно натурально, и без всякой рисовки, и мне понадобилось некоторое время, чтобы приспособиться к его образу мышления. По-видимому, своим сознанием, – либо врожденным, либо воспитанным в нем, он принадлежит России, причем России не отвлеченной, существующей в представлении столь многих эмигрантов, а самой настоящей, сегодняшней»[154].

Великий князь вполне отдавал отчет, что США является геополитическим конкурентом не только СССР как коммунистической державы, но и России как таковой. «Когда я поинтересовался, – отмечал В. Литвинский, – почему он избрал своим местожительством Испанию, а не, скажем, Америку, он, в качестве первого соображения, сказал: „В Америке мне жить не пристало. Что бы мы ни говорили, Америка сегодня наш враг. Испания – маленькая страна, России ничем и никак не угрожает"»[155].

Американский журналист, хотя и выходец из России, был шокирован некоторыми рассуждениями великого князя: «Когда зашел разговор о распродаже советским правительством национальных музейных ценностей, попавших в конце концов в американские музеи, он высказал мысль, что покупатели картин Рембрандта и Леонардо были не более, не менее, как скупщиками краденого, и что когда придет день, „мы все это потребуем обратно". И только после некоторого спора, он согласился, что „мы дадим возможность американцам продать нам картины назад за символическую цену"»[156].

Когда в 1980-е годы в СССР начались перемены и коммунистический режим стремительно терял доверие населения, силу и опору, Владимир Кириллович занял чрезвычайно взвешенную и деликатную позицию. Он понимал, что «эффект маятника», антикоммунистический реванш, «белый большевизм» и иные подобные проявления губительны для страны. «Как глава Российского императорского дома и блюститель нашей многовековой исторической традиции, – заявил великий князь в обращении от 20 декабря 1990 г., – я всегда буду всячески способствовать всем созидательным стремлениям наших соотечественников и решительно отвергать все разрушительные выступления, даже если они исходят от людей, заявляющих о своей верности нашему великому прошлому (выделено мной»)[157].

Предостерегал глава дома Романовых и от увлечения западным опытом: «Благоденствие и процветание не придут вслед за подач-

[154] Новое Русское Слово. 1954. 31 окт.
[155] Там же.
[156] Там же.
[157] http://monarhist.info/LEG/1990/Ot_Glavy-90.htm.

ками с Запада – пусть щедрыми, но никогда не бескорыстными»[158], – написал он в своем последнем обращении 1992 г.

Великая княгиня Мария Владимировна, впервые прибывшая на Родину в апреле 1992 г., следуя за гробом отца, уже имела возможность беспрепятственно общаться с соотечественниками в самой России, лучше понять их мировоззрение и на собственном опыте постигнуть образ жизни, сформировавшийся за десятилетия после Революции.

Мы не можем здесь охарактеризовать все аспекты идеологии императорского дома, сформулированные и развитые в течение последних 25 лет. Но можно в целом утверждать, что основные идеи остались неизменными: сохранение монархических убеждений и веры в то, что монархия как идея Государства-Семьи во главе с наследственным надпартийным Арбитром сохраняет свой потенциал и может быть востребована народом в будущем; при этом готовность быть полезными своей стране независимо от отношения к монархии на данном историческом этапе; патриотизм и лояльность существующей государственной власти как гаранту законности, порядка, территориальной целостности и международного положения России и ее поддержка в этом качестве; симфоническое соработничество с Русской православной церковью; сотрудничество с другими традиционными конфессиями России; внепартийность и неучастие в каких бы то ни было формах политической борьбы; открытость для диалога с соотечественниками любых общественно-политических убеждений; служение делу национального, религиозного и общегражданского мира; приоритетность социокультурных направлений деятельности; поддержание духовных и культурных связей между всеми народами, принадлежащими к цивилизационному пространству бывшей Российской империи и СССР; отстаивание положительного образа России в мире; неприятие любых разновидностей реваншизма (как «красного», так и «белого»), фанатизма и экстремизма.

В отношении Революции и ее последствий Мария Владимировна придерживается позиции, сформулированной ее дедом и отцом, главные положения из обращений которых она нередко цитирует. Мария Владимировна отвергает теорию «двух революций» 1917 г. и убеждена, что события февраля и октября следует рассматривать как закономерные стадии единого революционного процесса.

В эссе, написанном к 90-летию Революции, глава дома Романовых отстаивает мысль о том, что первопричиной Революции явился духовный кризис всех традиционных ценностей, прежде всего, упа-

---

[158] Обращение главы Российского императорского дома к российскому крестьянству, апрель 1992 г.; Владимир Кириллович, великий князь, Леонида Георгиевна, великая княгиня. Россия в нашем сердце. С. 136.

док религиозности и патриотизма, а политические, социальные и экономические причины имели второстепенное значение. Монархия, по мнению Марии Владимировны, была свергнута не потому, что у нее не было способности к модернизации страны, и не потому, что у нее были сильные враги в лице революционеров и иностранных противников Российской империи, а потому, что во всех слоях народа, прежде всего в элите, ослабели механизмы защиты веры, исторического государственного строя и национального единства.

Великая княгиня указывает, что Белое движение не было монархическим, а также следовало логике революционного процесса и утопическим идеям, далеким от подлинных народных интересов. Это свидетельствует о глубинных причинах Революции, о том, что не пройти через это испытание было, к сожалению, невозможно.

Главной бедой, принесенной Революцией, Мария Владимировна считает богоборчество, искоренение значительной части исторического наследия и подрыв традиционных ценностей, братоубийство под лозунгом «классовой борьбы» и колоссальный ущерб генофонду нации, нанесенный массовыми репрессиями, насильственной коллективизацией и другими тоталитарными социальными экспериментами.

Наряду с этим глава дома Романовых признает огромную значимость достижений советского периода и уважает всех, кто внес свой вклад в эти свершения, в том числе и деятелей Коммунистической партии. Однако утверждения, что без Революции, без коммунистического режима и его идеологии наша страна не смогла бы ничего добиться, великая княгиня считает бессмысленными и унизительными для национального самосознания.

Независимо от существующих различий в трактовках прошлого, Мария Владимировна призывает и согласных, и несогласных с ней вынести эту дискуссию в научную сферу, а на общественном поприще в настоящем и будущем перестать обвинять друг друга и искать точки сближения и площадки для совместного служения своему Отечеству. «Хватит уже искать виновных, – писала великая княгиня в 2007 г. – В наших бедах виноваты мы все без исключения. И мы не исцелимся, если вместо того, чтобы поставить диагноз и избрать правильные методы лечения, будем ссориться и нападать друг на друга... Наша первоочередная общая цель – восстановить национальное единство, нарушенное революцией. Последний руководитель СССР М. Горбачев в 1987 г. назвал свой программный доклад на партийном съезде „Октябрь и перестройка: революция продолжается". С тех пор прошло еще 20 лет. Дай Бог, чтобы революция, наконец, завершилась»[159].

[159] http://www.imperialhouse.ru/rus/word/maria/3931.html.

Великая княгиня придает большое значение совместному поминовению на религиозных и светских мероприятиях потомками (физическими и идейными) «красных» и «белых» всех жертв Революции, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали. В обращении к участникам панихиды «по всем, в годину смут убиенным и в изгнании скончавшимся», отслуженной по благословению святейшего патриарха Кирилла в храме Знамения в Романовом переулке, Мария Владимировна написала: «Главным итогом и уроком минувшего трагического столетия для нас должно стать осознание того, что никакая цель не может являться оправданием для безбожной и бесчеловечной злобы, взаимного истребления, ненависти и клеветы. У каждой из сторон в великой Смуте XX века были своя правда и своя ложь, свои идеалы и своя корысть, свои герои и свои негодяи. Но, в конечном итоге, от революции пострадали все – и побежденные, и победители. Вчерашние палачи назавтра становились жертвами, а многие из тех, кто выжил и даже видимо обрел власть и благополучие, оказались изуродованными духовно и нравственно. Мы не должны ничего забывать, чтобы не повторять ошибок. Мы должны постараться исправить совершенное зло. Но мы также должны уметь прощать и просить прощения. Ради будущих поколений нам необходимо научиться находить в прошлом и в настоящем в первую очередь не то, что разъединяет, а то, что сближает нас друг с другом»[160].

Коваленко В. И.

От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин, характера и исторических уроков революции 1917 г. в России. Эти проблемы спустя столетие не только продолжают сохранять свою актуальность, но выходят в центр современных теоретических и политических дискуссий. Несмотря на множественность конспирологических трактовок русской революции, определяющим в понимании ее смыслов остается выявление ее объективной обусловленности, системы противоречий, логики политического процесса в стране, характера представлений ведущих политических

[160] Обращение главы дома Романовых по случаю празднования Дня народного единства и служения в этот день в московском храме иконы Божией Матери «Знамение» в Романовом переулке панихиды по всем жертвам революции и Гражданской войны, 4 ноября 2009 г. // http://www.imperialhouse.ru/rus/allnews/news/1374.html.

сил о путях решения назревших политических и социальных преобразований.

Ключевые слова: революция, политический процесс, общедемократическая альтернатива, правая и левая диктатура, социализм.

From February to October: the logic and contradictions of the political process

Abstract. The aruthor analyzes the reasons, character and historical lessons of the 1917 revolution in Russia. These problems after a century not only remain relevant, but are at the center of modern theoretical and political discussions. Despite the plurality of conspiratorial interpretations of the Russian revolution, the determining of its meanings remains the identification of its objective conditionality, the system of contradictions in the country, the logic of the political process, the nature of the representations of the leading political forces on ways to resolve the urgent political and social transformation.

Keywords: revolution, political process, general democratic alternative, right and left dictatorship, socialism.

Как любое эпохальное событие, революция 1917 г. в России, конечно же, не может не рождать многообразных дискуссий, столкновения полярных подчас мнений и оценок ее исторического значения. В центре этих дискуссий оказываются вопросы: Одна это революция или две? В чем причины краха Февральской республики? Является ли Октябрь попыткой нового цивилизационного прорыва или, напротив, это обвал в историческую пропасть? В чем вообще историческое значение и смысл этой революции? На чем основывали свою логику большевики, искренне убежденные марксисты, идя на свершение пролетарской революции в стране, где, согласно всем канонам материнской доктрины и их неоднократным собственным констатациям, материальные и культурные предпосылки утверждения социализма еще не сложились? Остановимся только на двух взаимосвязанных вопросах.

Первый: был ли Октябрьский переворот воплощением некоей «демонологии истории», следствием беспринципного популизма большевиков и даже – в крайних своих выражениях – исполнения планов германского генштаба? Или он закономерное (во всяком случае, ожидаемое) выражение логики политического процесса в стране и мире, нацеленной на решение определившихся к тому моменту острейших политических и социальных противоречий?

Признавая небесполезность конспирологических трактовок политического процесса в отношении некоторых, относительно частных, его моментов, тактических приемов, которые, безусловно, имели место в деятельности различных его субъектов, категориче-

ски не приемлю подобного рода объяснительных конструкций применительно к глубинным измерениям политических событий. Радикализм русской революции 1917 г., диапазон ее смыслов не могут быть рассмотрены вне системы вызовов и потребностей, вполне четко определившихся к началу XX века.

Если Великая французская революция, ставившая своей задачей сбросить оковы абсолютизма, на первый план закономерно выдвинула концепты политической свободы, гражданского раскрепощения общества, то последующие времена жестко поставили во главу угла задачи перехода к новому качеству социальной жизни, коренного переворота в социальных отношениях, утверждения в жизни принципов социальной справедливости. Логика политического процесса в России в 1917 г. выдерживалась именно в этом направлении. И если рассуждать об Октябрьском перевороте не в стилистике: «Сегодня рано, завтра поздно», то, думаем, можно определенно усмотреть в нем попытку воплотить строй вполне назревших ожиданий и представлений.

Более того, русскую революцию в этом смысле правомерно рассматривать не только в качестве звена в системе меняющихся траекторий общественного развития, но и как мощный катализатор этого процесса. Теодору Драйзеру принадлежат слова: «Всей системой социального законодательства тридцатых годов (Новый курс президента Ф. Д. Рузвельта) Соединенные Штаты целиком обязаны Советскому Союзу». Шведская модель социализма тоже начала свой разбег и как ответ на накапливающиеся противоречия и как ответ на вызов, брошенный Советской Россией.

Выделяя этот момент как принципиальный, я вместе с тем отдаю отчет в том, что тема требует сосредоточиться в большей степени на выявлении внутренней логики самого политического процесса в России в 1917 г.

Начнем с напоминания о классической для «социологии революции» работе Крейна Бринтона «Анатомия революции» (1938). Исследовав особенности протекания четырех «больших» революций – английской, американской, французской и русской, автор пришел к выводу о принципиальной однотипности логики революционного процесса здесь. Речь, конечно же, не идет в данном случае о социальных задачах и целях, о главных политических силах и акторах, но только о закономерных стадиях всех этих революций. Это: сам революционный переворот, затем – движение к диктатуре все более крайних левых – и, наконец, «термидор» (не как окончание революции, но как ее составная часть, ее вторая фаза). В контексте заявленной нами темы оставим в стороне соображения Бринтона о месте и значении «термидора» (весьма, впрочем, любопытные и перспективные для любого революциологического исследования) и выделим вехи, знаковые для характеристики политического процесса России в 1917 г.

Показательна в этом смысле эволюция составов Временного правительства. Ее власть, по выражению В. М. Чернова, была «диктатурой на холостом ходу»[161]. Если в первом (не коалиционном еще) его составе политиков левого толка не было (за исключением лишь А. Ф. Керенского – трудовика, с марта эсера), то формирование трех его последующих составов было отмечено неуклонным вытеснением деятелей правого толка. Более того, в кризисные дни (июнь–июль 1917 г. в Петрограде, корниловское выступление и др.) правительство вообще удерживалось у власти только благодаря поддержке со стороны руководства центральных Советов. И, самое главное: если в феврале 1917 г. большевики практически не играли никакой роли в свержении царизма и, скорее, на эту роль могли претендовать (наряду, конечно, с массовыми, во многом стихийными выступлениями рабочих) организации торгово-промышленной буржуазии, генералитет и, в определенной степени, иностранные посольства, то уже к июлю большевики стали обладать весом партии, могущей претендовать на власть. После же разгрома корниловского мятежа их ведущая роль в революционном процессе вообще стала неоспоримой. Единственным воспринимавшимся лозунгом к октябрю был призыв к созданию «однородного социалистического правительства», то есть коалиции партий, но уже на совершенно иной (непредставимой в феврале) социально-политической основе. Вспомним, что первой серьезной угрозой для новой власти стал ультиматум Викжеля именно с этим требованием как главным. Последовал достаточно ощутимый для большевиков кризис советского правительства. Со стороны же правых политических сил в первые послеоктябрьские месяцы угроз сколь-нибудь сравнимого масштаба просто не возникало.

В чем причины краха «февральской альтернативы»? Казалось бы, страна получила передовую для того времени демократию, широкие (в ряде случаев, излишне широкие – распространение многих норм на действующую армию) политические и гражданские свободы? При ответе на эти вопросы нужно, безусловно, иметь в виду целый комплекс причин. Пьер Бауст, французский философ, заметил, что во время революционных бурь люди, едва годные для того, чтобы грести веслом, овладевают рулем. Мелкотравчатость политической элиты «февральской республики» (несоизмеримость, во всяком случае, их политической воли и политической воли В. И. Ленина) современниками была описана многократно, но, безусловно, не это определяло главные пружины движения страны к Октябрю. Эти пружины определялись войной, истощавшей силы государства и в духовно мобилизующем измерении бездарно проигранной еще

[161] *Коновалова О. В.* В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 111.

царизмом, и затягиванием и даже очевидной неспособностью правительства решать социальные проблемы.

Для России, русского мужика (мы употребляем это слово отнюдь не в уничижительном его значении – это 80 % населения страны) всегда были приоритетны социальные чаяния. Вопросы многопартийности, свободы организаций, парламентаризма волновали его в гораздо меньшей степени, если вообще волновали. Можно, конечно, развернуть эту констатацию в очередную иеремиаду относительно изначальной порочности отечественной политической традиции, сервилизма как основы политической культуры России (подобных утверждений, к сожалению, в стране сегодня с избытком), непреложным и действительно значимым для революционного контекста того времени остается иное. Это – жгучая потребность в обеспечении социальных прав рабочих, уже начинающих осознавать себя как сила, заставлявшая с ней считаться. Это – требование «черного передела»(что и было выражено названием одной из неонароднических организаций), то есть земли и свободного труда на ней.

Н. Н. Суханов едко, но достаточно точно писал об А. Ф. Керенском: «Пышно-расплывчатые фразы Керенского дышали неподдельной искренностью и искренней любовью к родине и свободе... И опять [он] – был на высоте Великой *французской* революции. Но – не *русской*»[162].

Эсерами, как известно, была разработана привлекательная для крестьянства аграрная программа, но к ее реализации они не решились приступить даже в момент своего наибольшего политического влияния. И большевики, взяв эту программу на вооружение и дополнив ее требованиями демократического мира, эффективно расчистили политическое пространство в своей борьбе за власть. Остается, конечно, большой и сверхсерьезный вопрос о том, как впоследствии большевики распорядились этой властью? Но нам сейчас важно подчеркнуть только, что политическая инициатива февральской политической элитой была утрачена, и вопрос о реализации идеалов Февраля уже не мог рассматриваться в своих реально-практических измерениях. А после того, как на Демократическом совещании в сентябре социалисты, хотя и после крайне жестких споров внутри своих партий и организаций (766 его делегатов голосовали за сохранение социал-либеральной коалиции, 688 – против) вновь пошли в Каноссу к кадетам, когда в организованном Предпарламенте был осуществлен дальнейший сдвиг вправо, запрос на свершение радикального политического переворота стал, по удачному выражению одного из современных исследователей, реализовывать себя в формате математического закона.

---

[162] *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 3. М., 1991. С. 62.

Мы, собственно, переходим ко второму заявленному нами вопросу: а не является ли ложной сама эта дилемма: Февраль–Октябрь, если, конечно, не иметь в виду сугубо теоретический срез этой проблемы? Мы склоняемся к ответу, что этой дилеммы, если оценивать характер политических событий 1917 г., не было. Точнее, она переставала быть единственной или даже центральной, она была наполнена определенным содержанием лишь до лета, и Октябрь, образно говоря, начался уже в этот период – с раздела помещичьих земель, поджогов помещичьих усадеб, братания на фронте, глухого недовольства и прямых выступлений рабочих и солдат.

Реальная антибольшевистская альтернатива воплощалась уже не в духе Февраля, а концентрировала себя на ином полюсе. Современные защитники «февральской республики», как это ни парадоксально, невольно для себя выстраивают логику своих рассуждений на постулатах сталинистской историографии. Именно в «Кратком курсе» истории ВКП(б) утверждалось: направление главного удара – меньшевики и эсеры. Так ли это было на самом деле и как оценивали действительную ситуацию большевики семнадцатого года, в том числе, и признанный лидер партии В. И. Ленин?

В статье «Русская революция и гражданская война», написанной после разгрома корниловского выступления, Ленин прямо утверждал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделали бы гражданскую войну в России невозможной»[163]. Эсеров и меньшевиков он упрекал в другом: на страну надвигался голод, росла безработица. И это при наличии достаточных запасов хлеба, при растущих потребностях милитаризируемой военными обстоятельствами экономики. Не Церетели или Черновы лично повинны в этом, писал Ленин, но они виновны в том, что своим бездействием, своей неспособностью они не могут остановить надвигающуюся катастрофу, расчищая тем самым дорогу «российским Кавеньякам».

Уже к лету 1917 г. зримо обозначилась альтернатива правой диктатуры, утверждения во власти «партии порядка» в разрушающейся стране. Идея новой твердой власти, мысль о необходимости наделения диктаторскими полномочиями «сильного человека», которого нужно искать, прежде всего, в военных кругах, открыто прозвучала уже на IX съезде партии кадетов и на II Всероссийском торгово-промышленном съезде. На Государственном же совещании 12–15 августа (около 2,5 тыс. участников – представители торгово-промышленных кругов и банков, армии и флота, земств, профсоюзов, интеллиген-

[163] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34.

ции, депутаты Государственной думы всех созывов, делегация ВЦИК и пр.) эта идея приобрела уже черты серьезной политической альтернативы Временному правительству. И эти требования были услышаны: Л. Г. Корнилов 25 августа двинул войска на Петроград.

Другими словами, мы хотим подчеркнуть, что основные узлы натяжения в политической сфере завязывались уже не только и, может быть, даже не столько вокруг дилеммы Февраль–Октябрь, но реализовали себя в плоскости левой или правой диктатуры. Или охлократии – то есть разрушения всех скреп российской государственности.

Это утверждение мы можем подкрепить следующими соображениями. Гражданская война, которая, конечно же, должна рассматриваться как часть русской революции, как бы подкрепила, хотя и в изменившихся формах, логику политического процесса «февральской республики». Первое значимое сопротивление новой власти было оказано со стороны политических сил февральской формации. Сначала в мирных формах – Учредительное собрание, затем в вооруженном сопротивлении – Савинков, Комуч, Уфимская директория и прочее (мы говорим здесь только о внутренних очагах, опуская сложные перипетии, связанные с Брестским миром, начинающейся интервенцией – Архангельск и пр.). Да, серьезную тревогу у большевистской власти вызывало положение дел в казачьих областях, да, на антибольшевистской платформе стали консолидироваться национальные движения, но это не было выражением «каменьяковской» альтернативы. Формирующуюся Корниловым Добровольческую армию не приняли казаки Дона, при переходе на Кубань ее вполне основательно трепали отряды полуанархической конницы Сорокина.

И все же в историю, в историческую память гражданская война вошла как война между красными и белыми. В своей замечательной книге «В тупике» В. Вересаев, говорил о трагедии демократической интеллигенции ее же словами: выбор только один: большевики либо добровольцы. Идейные наследники Февраля были растерты этими двумя жерновами. Причем если большевики первоначально действовали в стиле «Караул устал», то Колчак, разогнав Уфимскую директорию осенью 18-го года, с самого начала продемонстрировал свое стойкое отвращение ко всяким сантиментам. И хотя «февральская», условно говоря, альтернатива еще не раз напоминала о себе (Кронштадт, тамбовское восстание и др.), и напоминала настолько грозно, что В. И. Ленин в 1921 г. характеризовал ситуацию как самый глубокий внутренний политический кризис советской власти, – после ожесточений гражданской войны, коренного изменения в балансе сил шансов на реализацию эта альтернатива уже не имела.

Таковы факты. И хотя эти факты нуждаются, конечно же, во внятном оценочном сопровождении и интерпретации, нужно все же

отталкиваться от них, а не от неких умозрительных конструкций сослагательного толка.

2017 год – год столетия русской революции. Дискуссия развернута, и это правильно. Нам нужно, наконец-то, определиться в отношении стержневых вех нашей истории. Это наша история, и Россия – это наша страна, со всеми ее трагическими изломами, со всеми ее великими достижениями.

Комкова Г. Н.

Революционные декреты о свободе совести: основа отношений государства и церкви в советский период

Аннотация. В статье анализируются декреты, принятые сразу после победы Великой Октябрьской революции 1917 г., посвященные реформированию Русской православной церкви. Исследуется лишение всех привилегий и собственности церкви, законодательное оформление отделения ее от государства. Прослеживается закрепление в декретах Советской власти равенства прав верующих различных конфессий, а также атеистов. Подвергается детальному анализу декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Ключевые слова: отделение церкви от государства, права верующих, отделение школы от церкви, равенство религиозных конфессий в Советской России.

The revolutionary decrees on freedom of conscience: the basis of relations of Church and state in the Soviet period

Abstract. The article analyzes the decrees, adopted after the victory of the Great October revolution of 1917, dedicated to the reform of the Russian Orthodox Church. The author explores the deprivation of all privileges and property of the Church, enacting a separation from the state, traces the consolidation of the decrees of the Soviet government of equal rights of believers of various faiths and also atheists. The detailed analysis of the decree «On the separation of Church from state and school from Church» was fulfilled.

Keywords: separation of Church and state, the rights of believers, the separation of the school from the Church, the equality of religious confessions in Soviet Russia.

Сразу же после завоевания власти большевиками были разработаны и приняты декреты, связанные с регулированием отношений

в религиозной сфере, лишением церкви имущества, привилегий и льгот[164]. Так, Декрет о земле передал в распоряжение Советов крестьянских депутатов все церковные, монастырские земли, запретил церкви заниматься сельскохозяйственной, производственной деятельностью, получать доходы, которые были достаточно значительными: в 1913 г. церкви принадлежало 2,2 млн десятин земли, которые приносили в год до 13 млн руб. дохода[165].

Декларация прав народов России провозгласила ликвидацию всех и всяческих национально-религиозных привилегий и ограничений, чем устранялось неравноправное положение различных конфессий, а также привилегированное положение православия.

Православная церковь была отстранена от выполнения государственных функций регистрации актов гражданского состояния. В соответствии с Декретом о расторжении брака и о гражданском браке, детях и ведении книг актов состояния[166] исключались условия для существовавшего ранее произвола православных священнослужителей, которые не регистрировали браки между православными и иноверцами, неверующими, а потому дети от таких браков считались незаконнорожденными и подвергались дискриминации всю свою жизнь. Кроме того, в соответствии с данным Декретом юридическую силу теперь имел только гражданский брак и развод, которые, как и смерть гражданина, регистрировались только государственными органами.

Декрет от 11 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению»[167] передавал Наркомпросу не только церковно-приходские школы, но и духовные академии, семинарии, училища со всем их имуществом. В приложении к этому декрету впервые сообщалось, что вопрос о церквях, религиозных строениях, передаваемых Комиссариату по народному просвещению, будет решен в связи с декретом об отделении церкви от государства, который впоследствии стал базовым документом в отношениях между новым Российским государством и религиозными организациями.

Важнейшей привилегией православной церкви было получение государственного финансирования своей деятельности, чего она была лишена после революции 25 октября 1917 г. Декретом 20 декабря 1918 г.«О прекращении выдачи государственных средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей, законоучителей и на со-

---

[164] Подробнее см.: *Комкова Г. Н.* Конституционные вопросы свободы совести в СССР. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1991. С. 28–43.

[165] Церковь в истории России. М., 1967. С. 261.

[166] См.: *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства в СССР. М., 1926. С. 19–20.

[167] Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1 (с 28 окт. 1917 по 7 нояб. 1918). С. 33.

вершение церковных обрядов», по которому выдача денег на содержание церквей, часовен и совершение религиозных обрядов прекращалась сразу, а выплата содержания священнослужителям и законоучителям – с 1 марта 1918 г. Причем указывалось, что «безработному причту, выразившему желание работать на благо народа, может быть предоставлена работа по Комиссариату общественного призрения»[168].

Незаслуженно был забыт еще один из декретов революционного периода – Декрет «О демократизации флота», изданный Народным комиссариатом по морским делам 12 января 1918 г.[169]. Освобождение от всех видов «духовного гнета» выразилось в данном декрете в следующих положениях: «Все военнослужащие моряки имеют право быть членами любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза. Они имеют право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные и прочие взгляды». Таким образом, закладывались основы не только свободы совести, но и свободы слова, мысли и собраний.

Все эти декреты подготовили почву для принятия основополагающего Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который был опубликован 21 января 1918 г.[170]. Для разработки этого декрета была создана комиссия, в которую вошли А. В. Луначарский, П. И. Стучка, П. А. Красиков, М. А. Рейснер, священник М. В. Галкин.

Одним из демократических начинаний новой власти явилось всенародное обсуждение проекта данного декрета, который был опубликован в газетах в конце декабря 1917 г. Как и следовало ожидать, православное духовенство и руководители других религиозных организаций выступили против его принятия. Позиция Русской православной церкви была выражена на проходившем тогда Поместном Соборе, на котором было восстановлено патриаршество. Патриарх Русской православной церкви рассматривался как лицо, призванное отстаивать интересы церкви в борьбе с государством и его органами. Избранный патриархом митрополит Тихон занял враждебную позицию по отношению к советской власти и принимаемым ею декретам в отношении церкви и религии.

Тем не менее 19 января 1918 г. проект декрета был одобрен коллегией Наркомюста и представлен в Совет народных комиссаров на утверждение. Проект декрета под названием «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», был отредактирован лично

---

[168] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 17. Ст. 249.

[169] Первая Советская Конституция. М., 1938. С. 352.

[170] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 18. Ст. 263.

В. И. Лениным, который сделал принципиальные изменения и дополнения к нему.

Так, например, пункт 1 Декрета имел формулировку: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики», В. И. Ленин заменил на «Церковь отделяется от государства», что кардинально меняло смысл текста, а впоследствии вошло в измененное название декрета.

В содержание пункта 2 Декрета о запрещении издавать местные законы или постановления, ограничивающие свободу совести, была внесена существенная поправка, обеспечивающая принцип равенства граждан различных вероисповеданий или атеистов: эти местные законы не должны были устанавливать какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

Пункт 3 был дополнен примечанием: «Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность или непринадлежность граждан устраняется». Этим весьма важным дополнением устранялось неравенство в положении верующих и атеистов, существовавшее в Российской империи, где в паспортах была графа «вероисповедание».

При обсуждении проекта декрета была предложена совершено новая статья 5: «Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности».

Все без исключения статьи декрета были скорректированы в сторону демократизации. Подвергся редакции и пункт 9: вместо положения о том, что «отменяется всякое преподавание религиозных предметов в учебных заведениях», закреплялось более жесткое: «школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». Однако в последующие годы положение об обучении религии частным образом истолковывалось по-разному, вплоть до запрещения такого обучения вообще. Такая трактовка противоречила смыслу декрета, так как не допускалось именно обязательное обучение религии, наряду с другими предметами в системе народного просвещения, а право родителей на религиозное воспитание своих детей не попиралось.

Одним из самых важных вопросов, подвергшихся регулированию статьями декрета, был, конечно, вопрос о собственности рели-

гиозных обществ. В проекте декрета эта проблема решалась довольно просто: «Все имущество церковных и религиозных обществ с момента издания декрета поступает в собственность государства. Церковные здания для общественных богослужений представляются лишь с разрешения присутствий по заведованию церковным имуществом».

Статья 13 окончательной редакции Декрета более четко регламентировала вопрос о собственности церквей: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ являются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ». Кроме того, все религиозные общества лишались прав юридического лица, т. е. не являлись собственниками церковного имущества, не могли распоряжаться им. Результаты такой политики Советского государства привели к ликвидации религиозных зданий, многие из которых являлись памятниками культурного наследия. По данным НКВД в 1917 г. в России было 116 356 молитвенных зданий, из которых к 1928 г. осталось 37 774, то есть в 3,3 раза меньше, причем использовались для религиозных целей еще меньше – 33 622[171].

Впервые Декрет был опубликован 21 января 1918 г. в газетах «Правда» и «Известия», 23 января в «Газете Рабочего и Крестьянского правительства» под названием «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Однако уже 26 января 1918 г. в официальном издании «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» документ был напечатан под другим названием: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Духовенство и религиозные центры Русской православной церкви пытались помешать претворению в жизнь данного и других декретов, которое, по их мнению, представляло собой «злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения»[172]. В стране шли крестные ходы, устраивались молебны в защиту церкви.

Для проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» по решению Совнаркома был создан специальный VIII отдел Наркомюста во главе с П. А. Красиковым. Отдел руководил работой местных органов по отделению церкви от государства, разрабатывал для этих органов инструкции по применению советских законов о религии и церкви. Наряду с этим органом реализацией положений декрета занимались и другие государст-

---

[171] См.: *Одинцов М.* Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 5. С. 10.
[172] Церковные Ведомости. 1918. № 7–8. Сб. 3–4.

венные учреждения, в частности Наркомпрос разработал и осуществил систему мер по отделению школы от государства.

В настоящее время, с высоты прожитых лет, можно констатировать, что первые декреты Советского государства о свободе совести, действительно, закрепляли право каждого свободно исповедовать или не исповедовать любую религию, невмешательство государства в дела церкви, а также равенство всех независимо от религиозных убеждений, что является неотъемлемым атрибутом демократического светского государства. Однако практика их реализации не соответствовала первоначальным намерениям.

Малышева О. Г.

Представительная власть в Революции 1917 года

Аннотация. В публикации речь идет о том, как решался вопрос о представительной власти в России в 1917 г.: от Государственной думы до Учредительного собрания. Показана роль Государственной думы и ее парламентских лидеров в событиях февраля 1917 г., деятельность Временного правительства по подготовке созыва Учредительного собрания. Рассмотрены основные программные установки политических партий по вопросу о будущем государственном устройстве России.

Ключевые слова: отречение императора Николая II, Государственная дума, Учредительное собрание, политические партии в 1917 г.

The representative authorities in the 1917 Revolution

Abstract. Publication highlights the problem of representative government in Russia in 1917: from the State Duma, until a Constituent Assembly. The role of the State Duma and its parliamentary leaders in the events of February 1917, the activities of the Provisional government in the preparation of the Constituent Assembly are considered as well asolitical parties conctpts on the future state system of Russia.

Keywords: the abdication of Emperor Nicholas II, the State Duma, Constituent Assembly, political parties in 1917.

История представительной власти в России насчитывает немногим более 100 лет. Только в 1906 г. начал работу первый российский парламент – Государственная дума Российской империи. В период зарождения российской многопартийности (после манифеста 17 октября 1905 г.) создание представительных институтов стало про-

граммной установкой в документах многочисленных политических партий. Часто речь шла об Учредительном собрании, идея созыва которого в тот период набирала все большую популярность.

Наиболее последовательными сторонниками Учредительного собрания среди левых партий были социалисты-революционеры. В программе их партии содержалось положение: «Для выработки основных законов страны необходимо созвать Учредительное собрание. Оно должно быть созвано посредством всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов»[173]. Партия была намерена отстаивать в Учредительном собрании свою программу переустройства России, но вместе с тем оставляла за собой право в условиях революции непосредственно проводить ее в жизнь.

Вопрос о государственном устройстве страны занимал особое место в программе партии конституционных демократов. Это положение неоднократно подвергалось изменениям. Изначально оно было сформулировано так: «Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом». Основной же закон, по их мнению, должно будет разработать специально и исключительно с этой целью созванное Учредительное собрание. С появлением Государственной думы с законодательными полномочиями у либеральной общественности появилась надежда на реализацию своих намерений о представительной власти на этой площадке. Получив в первых двух Думах значительное представительство, кадеты решили, что Россия твердо встала на конституционный путь, и скорректировали свои программные установки в пользу парламентской монархии. В программе появилось уточнение: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией». В таком виде это положение просуществовало до весны 1917 г.[174].

Для октябристов идеалом политического устройства была конституционная монархия с народным представительством, создаваемым на основе всеобщего избирательного права. Государственная дума, по их мнению, обладая законодательными правами, должна была укрепить авторитет монарха в его призвании – стать умиротворяющим общественным началом[175]. Этой позиции они будут последовательно придерживаться вплоть до 1917 г.

Против идеи Учредительного собрания решительно выступали правые. Так, в программе Союза русского народа со всей определенностью говорилось: «...изменение действующего строя должно совершаться отнюдь не проведением в жизнь ограничительных начал

---

[173] *Орлова Н. В.* Политические партии России: страницы истории. М., 1994. С. 58.

[174] См.: Политические партии России (первая четверть XX в.): Справочник. Брянск, 1993. С. 45.

[175] См.: там же. С. 55.

в реформе каких бы то ни было конституционных или вообще Учредительных собраний, но лишь путем учреждения Государственной думы как органа, являющего из себя создание непосредственной связи между державною волей царя и правосознанием народа»[176].

Программа социал-демократов предусматривала «самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату»[177]. Об Учредительном собрании в программе РСДРП не говорилось, но со временем, среди меньшевиков эта идея начала набирать сторонников.

В 1906 г. с открытием I Государственной думы начался так называемый период «думской монархии». Первые две Думы не сумели стать полноценным законодательным институтом по причине их досрочного роспуска: первая Дума просуществовала 72 дня, вторая – 103. Только III Государственная дума работала в полном объеме. Она узаконила столыпинскую аграрную реформу, приняла рабочее законодательство, ряд важных реформ в сфере народного образования и т. д. Однако деятельность парламента была прервана Первой мировой войной.

Императорским указом от 26 февраля 1917 г. деятельность Думы была временно приостановлена, а 6 октября было опубликовано постановление Временного правительства, в котором говорилось, что в связи с назначением выборов в Учредительное собрание на 12 ноября и началом избирательной кампании, Государственная дума распускается. 18 декабря 1917 г. декретом Совета народных комиссаров была упразднена и канцелярия Думы.

В событиях февраля 1917 г. Государственная дума сыграла важную роль. Несмотря на то что о возможности грядущей революции говорили много, для большинства она грянула неожиданно. Возможно, это стало причиной того, что Дума, отправленная 26 февраля на каникулы, оказалась в стороне от разворачивавшихся в Петрограде революционных событий. При этом отрицать роль Думы, а точнее роль ее лидеров, в отречении Николая II от престола и формировании новой власти вряд ли возможно.

Первая реакция депутатов на известие о роспуске Думы была вполне предсказуемой. Не решаясь предпринимать самостоятельных действий, в середине дня 27 февраля ее председатель М. В. Родзянко обратился к верховной власти. В телеграмме императору он пытался его убедить, что с роспуском Думы «последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок... Гражданская война началась и разгорается». Родзянко

---

[176] См.: *Орлова Н. В.* Указ. соч. С. 77.
[177] Там же. С. 44.

умолял Николая II призвать «новую власть», пока не поздно и созвать законодательные палаты. В случае промедления, предупреждал он, могут наступить роковые для династии события[178]. Этот призыв остался без ответа.

Утром 27 февраля в Думе был оглашен царский указ о перерыве в заседаниях палат. Совет старейшин Государственной думы призвал депутатов не расходиться. Депутаты в этот момент продемонстрировали полную растерянность. Предложения их были крайне разнообразными: от предложения открыть заседание Думы, игнорируя указ о роспуске, до поручения президиуму Думы вместе с секретариатом организовать власть, пользующуюся доверием военачальника. Раздавались и предложения об объявлении Думы Учредительным собранием. Ни одно из этих предложений не было реализовано.

Последовавшие затем заседания депутатов носили частный характер. Одно из таких частных совещаний избрало Временный комитет Государственной думы для сношения с учреждениями и отдельными лицами. Это были, по преимуществу, члены бюро Прогрессивного блока. В Комитете были представлены все партии, за исключением крайне правых. Им предстояло решить главный вопрос – о власти. Однако можно предположить, что получив возможность решать вопрос о власти, члены ВКГД растерялись. Косвенным подтверждением тому служат «признания» А. Ф. Керенского, который писал, что всю ночь (с 27 на 28 февраля) члены Комитета «провели за обсуждением и спорами в кабинете председателя Думы, подвергая тщательному разбору все поступающие новости и слухи[179]. И это вместо принятия хоть каких-то мер по наведению порядка в городе, решительных, пусть на первых порах декларативных шагов, словом того, чего депутаты долго и безуспешно добивались от поверженной власти. Созвучны признаниям Керенского слова председателя III Государственной думы А. И. Гучкова, который признавал, что «акт переворота, свержения старой власти в центре был совершен иными силами, лишь при участии народного представительства»[180]. Показательно, что это говорил человек, который сыграл заметную роль в отречении императора Николая II.

Государственная дума решила любой ценой добиться отречения императора Николая II. С этой целью думские лидеры А. И. Гучков и В. В. Шульгин были делегированы Временным комитетом Думы в Ставку. Они решительно заявили, что единственный путь – это передать власть в другие руки. Император вынужден был согласиться. А после разговора с лечащим врачом наследника он принял решение

---

[178] Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 21.

[179] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 141.

[180] Стенограф. отчет заседания членов Государственной думы первого, второго, третьего и четвертого созывов. Четверг, 27 апреля, 1917 г. Пг., 1917. С. 34.

отречься и за него. Таким образом, отречение состоялось в пользу младшего брата Николая, Михаила Александровича. Последний заявил об отказе принять престол и передал все полномочия верховной власти Временному правительству и будущему Учредительному собранию, с согласия которого только и мог в дальнейшем принять корону.

После отречения императора идея созыва Учредительного собрания становилась все более популярной во всех слоях российского общества. Именно Учредительное собрание виделось большинству россиян единственно возможным способом решения вопроса о власти. Так, член первого состава Временного правительства «гражданин министр» А. Ф. Керенский, выступая на чрезвычайном заседании Московской городской думы 7 марта 1917 г., со всей определенностью заявил: «Временное правительство, волей народа, по почину Государственной думы возникшее и обладающее полнотой власти, повелело мне явиться сюда и низко поклониться Москве и в ее лице всему русскому народу и заявить, что все силы и жизнь нашу мы отдаем на то, чтобы власть, временно врученную нам народом, бережно донести и вручить единому полновластному верховному органу народной воли – Учредительному собранию»[181]. Пафос его выступления вполне понятен: еще не прошла эйфория после отречения императора и формирования правительства из числа «общественных деятелей». Это заявление можно трактовать как общее настроение членов временного кабинета подготовить выборы и созвать Учредительное собрание.

Идея скорого созыва Учредительного собрания, которое станет спасением и выходом из революционного водоворота 1917 г., овладела значительными слоями общества, отодвинув на второй план все возможные альтернативы. Весна 1917 г. стала временем триумфа этой идеи. Призывы «Да здравствует Учредительное собрание!», «Вся власть Учредительному собранию!» звучали как заклинания, были непременным атрибутом митингов, газетных статей. По словам Н. Н. Суханова, «все, кому было до революции столько же дела, сколько до прошлогоднего снега... все рассыпались в своей любви к свободе, в преданности Учредительному собранию»[182]. И даже видные представители политических партий, в программах которых не предполагался созыв Учредительного собрания, не скрывали своей симпатии к нему.

Аналогичные настроения наблюдались в конце апреля 1917 г. на частном заседании членов Государственной думы всех четырех созывов. Частный характер этому заседанию придавало то обстоятель-

[181] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 28. Д. 124. Л. 48.

[182] Подробнее см.: Представительная власть в России: история и современность. М., 2004. С. 353.

ство, что после роспуска Думы императором 25 февраля 1917 г., ее заседания более не собирались, хотя депутаты де-факто сохраняли свои полномочия. Помимо обмена мнениями об оценке деятельности народного представительства в 1906–1917 гг., депутаты делились своими ожиданиями от грядущего Учредительного собрания. Так, М. В. Родзянко говорил о необходимости в ближайшее время созвать Учредительное собрание, «в которое войдут граждане, законно избранные на основании всеобщих возвещенных свобод», и «свободный народ установит своим свободным волеизъявлением тот идеал государственного строя, который объединит в себе большинство избранников русского народа»[183]. Еще более эмоционально говорил о своем ожидании Учредительного собрания член I Государственной думы, один из авторов избирательного закона по выборам в Учредительное собрание В. Д. Набоков: «... наступила счастливая заря, а впереди виднеется уже и близкий момент, когда вся воля народа выразится в полной, организованной форме, которая будет провозглашена Учредительным собранием»[184]. А. И. Гучков, сетуя на то, что частное заседание членов Думы – не Учредительное собрание, тем не менее, сформулировал свои представления о нем: «для всех ясно, что те начала, которые лягут в основу этого государственного строительства будут началами политической свободы и народовластия, началами социальной справедливости»[185]. Как видим идея созыва Учредительного собрания, которое определит облик будущей России, получала серьезную поддержку в либерально настроенной части общества.

Стремясь придать легитимность идее Учредительного собрания, 7 марта 1917 г. Временное правительство утвердило новый текст военной присяги, где говорилось: «...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления образа правления волей народа при посредстве Учредительного собрания»[186]. То обстоятельство, что эту присягу должны были принимать миллионы российских граждан, находящихся в годы войны на действительной военной службе, говорит о многом. Кроме того, новая власть на первых порах решительно пресекала всякие попытки дискредитировать идею Учредительного собрания. Приведем выдержку из приказа армии и флоту от 9 марта 1917 г. за подписью военного и морского министра А. И. Гучкова. В нем, в частности, говорилось: «Временное правительство не допустит возврата к былому. Установив начала нового государственного строя, оно призывает вас покойно

[183] Стенограф. отчет заседания членов Государственной думы... С. 5.
[184] Там же. С. 10.
[185] Там же. С. 34.
[186] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 4896. Л. 25.

выждать созыва Учредительного собрания и не слушать смутьянов, сеющих между вами раздоры и ложные слухи. Воля народа будет исполнена свято»[187].

В 1917 г. на волне ожиданий Учредительного собрания политические партии скорректировали свое к нему отношение. Так, если социалисты-революционеры по-прежнему оставались наиболее последовательными сторонниками Учредительного собрания, представители других партий вносили уточнения в программные документы. Что касается эсеров, то они справедливо полагали, что имеют серьезные основания получить в нем большинство мест благодаря голосам крестьян. Как покажет дальнейшее развитие событий, их надежды оправдаются. Меньшевики также были приверженцами лозунга Учредительного собрания и гордились тем, что именно их представители настояли на включении его в программу Временного правительства.

Кадеты, изначально отстаивавшие идею «демократической парламентской республики», скорректировали свои программные установки в пользу Учредительного собрания. Можно согласиться с мнением Л. Г. Протасова, который отмечает двойственность политики кадетов по отношению к Учредительному собранию. Войдя в состав Временного правительства «никто не сделал столько для разработки его статуса, как именно кадетские эксперты, и никто так не тормозил его созыв, как министры-кадеты». Располагая уже фактической властью, они боялись подвергнуть ее риску всенародных выборов, высмеивая тезис о «кухарках», управляющих страной. «Оказавшись в положении «революционеров поневоле», кадеты не имели тех шансов на выборах, на какие вправе были рассчитывать в иное, нереволюционное время. Не заявляя открыто о несвоевременности учредительной власти в обстановке войны и революции, они избрали тактику проволочек, намеков на неподготовленность выборов и возможность фальсификации народной воли»[188].

Вопрос о судьбе Учредительного собрания после свержения монархии решался носителями новой власти. В ночь на 2 марта 1917 г. соглашение между думскими лидерами и представителями Петроградского совета установило юридический статус Всероссийского Учредительного собрания. Он базировался на трех принципах: всеобщее свободное голосование; решение главных вопросов государственной жизни, в том числе определения формы правления и определения круга своих полномочий. Другие политические партии, включая эсеров и меньшевиков, сохраняли верность лозунгу Учредительного собрания[189].

---

[187] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 4896. Л. 32 об.
[188] См.: Представительная власть в России. С. 352–353.
[189] Там же. С. 349–350.

С этого момента подготовка к созыву в Учредительного собрания перешла в практическую плоскость. Временное правительство часто обвиняют в умышленном затягивании сроков его созыва. Достаточно вспомнить, что первоначально решением Временного правительства за подписью князя Львова выборы были назначены на 17 сентября, а начало его работы – на 30 сентября 1917 г. Позднее, уже Керенский, возглавивший Временное правительство, перенес срок выборов на 12 ноября, а начало его работы на 28 ноября.

Этому есть объяснение. Во-первых, составление избирательных списков правительство возложило «на органы волостного и городского местного самоуправления, избранные на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»[190]. Организация и проведение выборов по всей стране в условиях крайней нестабильности потребовали серьезных усилий и времени. Как справедливо отмечала М. Г. Протасова, «подготовка выборов в необъятной стране была сопряжена с такими же необъятными трудностями организационно-технического характера. При самом добросовестном отношении к делу оно требовало не недель – месяцев»[191].

Во-вторых, разработка закона о выборах в Учредительное собрание затянулась. Уже 25 марта Временное правительство учредило Особое совещание для подготовки избирательного закона, в состав которого вошли лучшие представитель правовой мысли того времени: Ф. Ф. Кокошкин, Н. И. Лазаревский, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, Б. З. Нольде и др. Работа над законом велась очень тщательно, обсуждались самые мелкие детали, а это требовало времени. В результате этот избирательный закон стал, с одной стороны лучшим из существовавших на то время: он предусматривал всеобщее избирательное право, наделял правом голоса женщин, солдат действующей армии, исключал имущественный, образовательный ценза, ценз оседлости. С другой стороны, детализация самых мелких вопросов привела к тому, что разработка его сильно затянулась, Положение о выборах выходило в свет по частям по мере готовности и дорабатывалось уже непосредственно в ходе избирательной кампании.

Между тем по мере оттягивания созыва Учредительного собрания, отношение в обществе к нему менялось: эйфория ожидания постепенно сменялась разочарованием. В частности, все чаще звучали предложения отложить его созыв по окончания войны. Из листовки «Отечество в опасности!», написанной от имени Временного правительства неким А. Смецким узнаем: «ввиду технических причин, не-

---

[190] Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание Комиссии. № 1. 6 сент. 1917 г.

[191] Представительная власть в России. С. 355.

обходимости нового, хотя бы временного административного устройства страны, во имя единения, а не распада на политические и экономические враждующие группы, созыв Учредительного собрания возможен только после войны»[192]. Схожие настроения, порожденные в том числе разочарованием от несбывшихся ожиданий, нарастанием в обществе противостояния, насилия, обострением проблем в экономической и социальной сфере все больше овладевали сознанием общества. И хотя вера в магическую силу Учредительного собрания сильно поблекла, представления о нем, как о наиболее приемлемом политическом институте продолжали сохраняться.

Выборам в Учредительное собрание, несмотря на все катаклизмы революционного 1917 г. суждено было состояться, хотя стартовали они уже после прихода к власти большевиков. Финальный отрезок избирательной кампании сопровождался грубым вмешательством правящей партии в избирательный процесс, но остановить запущенный маховик это не смогло. Из телеграммы от 8 ноября 1917 г., подписанной товарищем председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание Комиссии В. Д. Набоковым, узнаем, что «совершившиеся в Петрограде и Москве и в других городах печальные события самым неблагоприятным и тяжелым образом отразились на всем выборном производстве». Набоков говорит об анархии в стране, сопровождающейся террором, что приведет к тому, что «выборы неминуемо будут происходить в напряженной атмосфере гражданской войны и усобицы, грозящей исказить народное представительство». При этом Всероссийская Комиссия пришла к заключению, что выборы должны состояться в назначенные сроки всюду, «где свободное голосование может быть осуществлено и где требования законного порядка выборов могут быть исполнены. Всероссийская Комиссия в качестве органа, на который законом возложено руководство выборами во всей стране требует от всех властей и граждан величайшего напряжения воли и энергии для обеспечения условий свободы и законности выборов. Тягчайшая ответственность перед Родиной падет на всех, кто дерзает покуситься на правильность избрания УС, с которым вся страна связывает ныне свои надежды»[193].

Результаты выборов оказались неприемлемыми для правящей партии. Судьба Учредительного собрания была предопределена. Проработавшее всего один день – 5 января 1918 г., оно было разогнано. Правительство большевиков взяло курс на создание представительной власти в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

---

[192] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 28. Д. 110. Л. 2.
[193] Там же. Ф. 2337. Оп. 6. Д. 10. Л. 5.

Морозов К. Н.

«Источником слабости партии была ее тактика»: причины побед и поражений партии социалистов-революционеров в 1917 году

Аннотация. В статье подчеркивается, что победа ПСР на выборах в Учредительное собрание и принятие ее законопроекта «социализации земли» было легитимной победой эсеровской демократической альтернативы, началом движения России по пути сохранения и развития политических свобод, демократии, парламентаризма и защиты прав трудящих, и именно это, а не террористическая тактика есть самое главное в истории ПСР. Эта альтернатива не была осуществлена по ряду объективных и субъективных причин, которые анализируются автором статьи.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, демократическая альтернатива, Учредительное собрание, социализация земли.

«The source of the Party's weakness was its tactics»: causes of victory and defeat of the Socialist Revolutionary Party in 1917

Abstract. The article stresses that the PSR victory in the elections to the Constituent Assembly and the adoption of its draft law on the «socialization of the land» was a legitimate victory for the PSR democratic alternative, the beginning of Russia's movement to preserve and develop political freedoms, democracy, parliamentarism and the protection of working people' rights, and that this alternative and not terrorist tactics is the most important subject in the history of the PSR. This alternative has not been implemented for a number of objective and subjective reasons, which are analyzed by the author of the article.

Keywords: The Socialist Revolutionary Party, the democratic alternative, the Constituent Assembly, the socialization of the land.

В. М. Чернов, анализируя причины выборных успехов ПСР в течение всего 1917 г., констатировал: «Эти выборные успехи приходится всецело приписать огромной популярности, которую завоевала эсеровская программа, в особенности же два ее пункта: земельная реформа и требование федеративного переустройства России. Наоборот, источником слабости партии была ее тактика»[194].

Безусловно, предложенная партией эсеров программа преобразования страны получила поддержку значительной части страны.

[194] Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.

Именно это позволило ей стать в 1917 г. самой многочисленной и популярной партией в России. Так, летом 1917 г. в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн человек (у кадетов в апреле–мае – 100 тыс. человек в 146 организациях; у большевиков (осенью) около 350 тыс. человек)[195].

Еще более убедительным аргументом в пользу возможности общественно-экономических преобразований при доминировании эсеров представляется победа эсеров на выборах в Учредительное собрание, проходивших уже после захвата власти большевиками, всеми способами пытавшимися повлиять на ход и результаты этих выборов. Впрочем, следует уточнить, что из 58 процентов, часть голосов относимых к эсерам, принадлежала национальным партиям эсеровского типа, а также то, что эсеры и левые эсеры шли по единым спискам на выборы в УС (левых с.-р. прошло в УС относительно немного), и лишь позже левые эсеры выделились в отдельную партию, ставшую на короткое время союзницей большевиков.

Можно вслед за В. И. Лениным как угодно трактовать результаты выборов по губерниям, но то, что эсеры одержали победу с таким перевесом, несмотря на все свои предшествующие ошибки, весьма показательно. Традиционное ленинское объяснение популярности эсеровской партии и ее лозунгов, сводящееся к пресловутой «мелкобуржуазной волне», вряд ли может удовлетворить исследователей.

Увы, но и сегодня эти ленинские оценки, как и ошибочное представление, что сама суть эсеровской партии, ее квинтэссенция – это террор, продолжают жить, хотя они появились век тому назад. Так, знаменитый автор «полицейского социализма» С. В. Зубатов, приветствуя в 1916 г. выход книги своего коллеги А. И. Спиридовича «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1896–1916 гг.», в письме к нему восклицал: «Душа этой доморощенной партии неисправимых утопистов, органических беспорядочников и сентиментального зверья – террор – схвачена, усвоена и прослежена Вами превосходно»[196].

Эти оценки продолжают уводить внимание от главного – что победа ПСР на выборах в Учредительное собрание и принятие ее законопроекта о «социализации земли» были не чем иным, как легитимной победой эсеровской демократической альтернативы, началом движения России по пути сохранения и развития политических свобод, демократии, парламентаризма и целенаправленной защиты прав трудящих, движения к социальному государству. Что именно этот путь развития, предложенный демократической частью эсеровской партии – и есть самое главное в ней, ее квинтэссенция, а вовсе

[195] См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 82, 270, 358, 442.

[196] Красный архив. 1922. № 2. С. 281.

не террористическая тактика, принесшая ей как массовой социалистической партии значительно больше вреда, чем пользы.

Программа «социализации земли», обеспечившая эсерам грандиозный успех в 1917 г., в том числе на выборах в Учредительное собрание, явилась своего рода реваншем за провал «хождения в народ» в 1874 г. Народники и эсеры смогли извлечь урок из этого неудачного эксперимента, когда они шли пропагандировать свои взгляды, совершенно не понимая ни условий жизни крестьянства, ни его психологии. И то, и другое позже было очень серьезно изучено народническими экономистами, статистиками, социологами, писателями. Эсеры наладили и обратную связь с крестьянством, создав сеть «крестьянских братств» и такую модель преобразования страны, которая не только удовлетворяла большинство крестьянства, но и пользовалась большой симпатией у пролетариата и у немалой части интеллигенции.

Меньшевик-эмигрант И. Г. Церетели справедливо отмечал, что до Февральской революции вопрос о жизненности крестьянской общины вызывал в России очень оживленные споры, в которых социал-демократы обеих фракций высмеивали эсеров, но «Февральская революция положила конец спорам по этому последнему вопросу: русское крестьянство, получившее возможность свободного волеизъявления, единодушно высказалось за общинное землевладение.

Аграрная программа партии социалистов-революционеров настолько соответствовала идеалам и правосознанию русского крестьянства, что партия соц.-революционеров, всегда имевшая особенно близкие связи с крестьянством, на другой день после революции стала единственной массовой русской крестьянской партией»[197].

Автор данной статьи солидарен с точкой зрения своего немецкого коллеги Манфреда Хильдермайера, который еще в 1992 г. написал в одной из своих статей: «Единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп, была партия социалистов-революционеров, за исключением крайне левых. ...Дилеммой России была заметная неравномерность ее политической и социально-экономической структуры. Плюрализм как средство баланса различных интересов был единственным шансом ее преодоления, а не та внутренняя война, которая была объявлена Апрельскими тезисами»[198].

---

[197] *Церетели И. Г.* Российское крестьянство и В. М.Чернов в 1917 году // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. XXIX. С. 219–220.

[198] *Хильдемайер М.* Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Историки мира спорят. М., 1992.

Представляется, что ПСР больше других партий подходила для такой площадки согласования различных общественных интересов, а кроме того, не надо преувеличивать сугубую «крестьянскость» эсеровской партии, когда даже саму их концепцию ошибочно называют «крестьянским социализмом». Кстати, сами эсеры среди своих учителей называли не только Герцена и Михайловского, но и Маркса и Энгельса.

Эсеры говорили о защите ими интересов «триединого рабочего класса», состоящего из пролетариата, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции. Они говорили, что крестьянский череп не хуже черепа пролетария и интеллигента и вполне годится для принятия идей социализма. В целом можно констатировать, что это была одна из первых в мире попыток соединить ценности европейского общества и идеи модернизации с ценностями традиционного общества, значительной части русского крестьянства – с тем чтобы крестьянство могло максимально безболезненно влиться в новое, модернизируемое общество.

Итак, представляется, что широкая популярность и поддержка, вкупе с приверженностью большей части партии идеям демократии давали центристской и правой части эсеровской партии потенциальную возможность не только стать центром объединения разных политических сил, но и стать властью, способной к эволюции под давлением жизни и интересов тех классов, чьи интересы она взялась защищать.

Часть эсерства потенциально способна была это сделать, на это толкали традиции терпимости к инакомыслию, традиции народнического народолюбия, неприятие позиции «власть ради власти», которой придерживались те же большевики, желание придти к власти демократическим, легитимным путем через всенародные выборы, и нежелание устраивать социальные и политические эксперименты, что они считали гибельным для народов России да и просто аморальным. Наконец, многие из этих людей вовсе не считали, что политика – это грязное дело, а мораль не должна влиять на их поступки, не разделяли иезуитского лозунга, взятого на вооружение большевиками, – «Цель оправдывает средства».

Еще О. Радке весьма верно подметил, что эсеры никогда не стали бы расстреливать крестьян, недовольных их аграрными преобразованиями. С этим можно только согласиться.

Если говорить о демократической эсеровской альтернативе, то из нее выпадают эсеры-максималисты, левые эсеры и МПСР. Их, в отличие от остальных эсеров, нельзя считать приверженцами демократического социализма. Этот термин, кстати, эсеры и меньшевики очень активно использовали с 20-х годов. Чуть позднее европейские социалистические партии тоже заговорят о ценностях демократи-

ческого социализма и в 1951 г. примут Франкфуртскую декларацию, названную «Цели и задачи демократического социализма». С этой точки зрения часть эсеров и меньшевиков – это, безусловно, представители демократического социализма.

И эсеровская демократическая программа преобразования России это до некоторой степени предвосхищение практики партий будущего демократического социализма. Несмотря на некоторый утопический элемент, на практике от действий эсеров по защите политических свобод и прав, от реальной и энергичной работы по развитию самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной сельхозкооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями – была огромная польза.

Как представляется, не утопические элементы их воззрений важны, а именно вот эта большая практическая работа, которая имела бы гигантское значение в превращении России в развитое европейское общество с сильным социальным государством.

Так почему же ПСР, крупнейшей партии в 1917 г., не удалось реализовать движение по пути политических свобод и демократии, осуществить на практике свою модель развития страны?

Часть причин лежит в объективных условиях, в том числе – в остроте социально-политических противоречий, вызванных слишком долгим откладыванием модернизации страны предыдущим режимом, во всеобщем озлоблении и усталости, вызванными войной, в психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков, обещавших «все и сразу», в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного собрания и т. д.

Объективные обстоятельства и причинаы неудач ПСР в 1917 г. надо анализировать серьезно, так как не следует забывать, что их оппоненты из большевистского и левоэсеровского лагеря, а затем и советские историки, всегда затушевывали эти причины, предпочитая говорить об «измене эсеров интересам трудящихся», о том, что эсеры продались «международному и российскому капиталу».

Безусловно, внешние условия для реализации созидательного потенциала как эсеров, так и других сил, стремившихся к развитию страны на базе сохранения демократии и политических свобод, были крайне неблагоприятны – ненависть и ожесточение, раздутое войной до небывалых масштабов.

Коме того, нужно помнить об институциональной слабости только-только формирующихся структур гражданского общества и невысоком уровне политической культуры большинства населения страны.

Особо отметим стремление масс «получить все и сразу», родившееся, с одной стороны, из своего рода «отложенного спроса», с другой – фантастические социальные иллюзии масс, непонимание ими сложности социально-политического устройства общества и механизмов его функционирования и развития.

Фактически массы хотели значительно большего, чем могла им дать самая искренняя, самая демократическая власть в условиях мировой войны.

Конечно, на этом и спекулировали большевики, рвавшиеся к власти и готовые ради нее на все – от скоропалительной измены большинству своих социал-демократических постулатов до готовности пойти на социальные эксперименты.

Парадокс в том, что пружину «отложенного спроса» и социально-политической неудовлетворенности сжимала десятилетиями старая власть, а сметать все на своем пути эта пружина стала уже после гибели самодержавия, и виновными в этом назвали демократов.

Коридор возможностей для сохранения ПСР демократии в России, как представляется, был, хотя и весьма узкий. Как справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер в декабре 1917 г. на IV съезде ПСР, для этого нужно было созывать Учредительное собрание на два–три месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования. Ее вывод гласил: «Большевики здесь бесконечно виноваты перед историей: они ввергли Россию в нищету и поражение. Но виноваты и мы, ибо не сделали того, что должны были сделать. ...Мы не отстояли классовых интересов трудящихся»[199].

По мнению А. Р. Гоца, поддержку крестьян и солдат ПСР потеряла из-за оттягивания решения земельного вопроса, а главное – вопроса о мире. Но причины откладывания решения земельного вопроса были вовсе не те, в которых эсеров обвиняли большевики – «предательство интересов крестьянства», а... в опасениях развалить фронт: «В земельном вопросе оборонческая позиция партии также наложила свой роковой отпечаток. Из-за опасения, что раздел земли в разгар военных действий может вызвать повальный отлив крестьянства из армии в деревни, и считаясь с тревожными воплями наших продовольственников, что немедленный раздел земли может поставить под угрозу все дело снабжения действующей армии и вызвать полный крах фронта, мы вынуждены были вести кунктаторскую политику, политику затяжек и задержки в земельном вопросе, которая вызвала недовольство и разочарование деревни, требовавшей немедленной реализации своих вековых чаяний»[200]. За коалицию с кадетами и буржуазией часть эсеров цеплялась тоже из-за необходимости продолжать войну.

---

[199] ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 180–181.
[200] Там же. Т. 95. Л. 17–19.

Первоначально эсеры оказывали поддержку Временному правительству, не входя в его состав, но затем трижды на протяжении 1917 г. входили в коалиционные правительства (А. Ф. Керенский, В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, С. Л. Маслов). Но характерно, что В. М. Чернов, входивший в первые два коалиционные правительства в качестве «министра земледелия», подал в июле 1917 г. отставку из-за практической невозможности защищать интересы крестьян в духе эсеровской «социализации земли» из-за противодействия кадетов и Г. Е. Львова.

На VII Совете партии было отвергнуто как «авантюристическое» предложение М. А. Спиридоновой установить единовластие партии эсеров. Предложения В. М. Чернова о создании коалиционного социалистического правительства без кадетов блокировались внутри руководства партии правыми и правоцентристами. Из-за отсутствия единства фракция с.-р. на Демократическом совещании (27 сентября–5 октября), хотя и была самой большой, но не смогла повлиять на его решения.

Чернов и ряд левоцентристов и левых эсеров в сентябре 1917 г. выступали за отказ от коалиционной политики и создание коалиционного социалистического правительства. Было даже принято такое решение ЦК ПСР во время работы Демократического совещания, но правоцентристы Гоц и Авксентьев вновь заблокировали этот курс и вновь был продолжен курс коалиции.

Чернов прямо обвинял их в том, что, цепляясь в 1917 г. за отжившую непопулярную идею коалиции, они сыграли на руку большевикам. Попытки Чернова создать в сентябре 1917 г. правительство из социалистических партий, чтобы выбить козыри из рук большевиков и продержаться до Учредительного собрания, были блокированы Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским, В. М. Зензиновым, А. Р. Гоцем.

Будь реализовано в сентябре создание коалиционного социалистического правительства, проведены выборы в Учредительное собрание и земельные реформы, путь развития страны мог быть иным.

Но помимо ряда объективных факторов, искать причины неудач ПСР в 1917 г. следует также и в самой партии и в ее действиях, в переплетении неизжитых иллюзий, идеологических расхождений и личной борьбы за власть в партии. Среди этих причин – и неизжитые иллюзии в адрес вчерашних большевистских друзей-противников, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине, и прекраснодушие этих людей, их неисправимый оптимизм. Кроме того, свою роль играло и желание действовать правовыми методами, без экспериментаторства и авантюр.

Стремительный переход от организационно ничтожной и подпольной партии к статусу правящей и решающей судьбы страны партии застал эсеров не очень-то к этому готовыми.

Серьезным источником слабости ПСР стал тот внутрипартийный раздрай, который начался в ее рядах после дела Азефа и привел к обрушению морально-психологической атмосферы в партии, распаду ее «коллективного лидера», усилению фракционных процессов, а после начала войны и к расколу на оборонцев и интернационалистов.

Партия, которая ранее, в 1902–1913 гг., была едина в своем отношении к войне, вдруг раскололась на тех, для кого патриотизм и Россия оказались важнее, чем революция и классовые интересы трудящихся. Они вдруг поняли, что ставят во главу угла разные приоритеты, стали варварами друг для друга, заговорив на разных языках. Дело в том, что оборончество родило совершенно непривычное до этого в эсеровской среде государственничество, усугубившееся в 1917 г. победой Февральской революции, когда встал вопрос о защите уже революционной России, что сделало революционными оборонцами даже таких интернационалистов, как Чернов.

Насколько был серьезен раскол и до какой степени оборонцы, как патриоты-государственники, и пораженцы, как интернационалисты, говорили на разных языках, хорошо видно из выступления эсера-оборонца Иваницкого-Василенко на III съезде ПСР в мае–июне 1917 г.: «Вопрос о Константинополе, вопрос о проливах – это вопрос русского империализма, но не экономического империализма, а того империализма, который стремится завоевать необходимые ценности, необходимые культурные ценности для развития России. Мы желаем получить доступ к источнику мировой культуры – к Средиземному морю»[201].

Нетрудно себе представить, как на подобное высказывание могли реагировать левые эсеры и левоцентристы, стоявшие на интернационалистских позициях! Для них это явно было предательством революционных идеалов со стороны их прежних товарищей.

С другой стороны, оборонцы смотрели на интернационалистов как на пораженцев – предателей родины, объективно помогающих врагам России.

Внутрипартийный разлад был густо замешан не только на идейных разногласиях. В отсутствие авторитетного партийного вождя (да еще в условиях сильно обострившихся личных взаимоотношений) ряд видных партийных деятелей претендовали на лидерство (усиливая этим сумятицу и окончательно раскалывая партию).

В. М. Чернов, говоря о причинах центробежных сил, раскалывавших партию, о причинах потери управляемости партии и ошибках в ее тактике, связывал воедино то, что партию затопили «мар-

[201] См.: Партия социалистов-революционеров. Док.и мат. Т. 3. ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М., 2000. С. 215.

товские эсеры», и то, что Чернов оказался один, без поддержки М. Гоца и Гершуни.

С весны 1917 г. были сделаны попытки воссоздать единое партийное руководство, был избран единый ЦК, много говорилось о единстве партии, но на практике разгоралась подковерная внутрипартийная борьба, результатом которой стал ряд серьезных ошибок в тактике ПСР, приведших ее к потере поддержки в массах.

То, что «правая» часть руководства партии не придавала большого значения партии как важнейшему инструменту политической борьбы, а увлеклась верхушечными политическими комбинациями, видно хотя бы из того факта, что в партийных организациях на петроградских заводах даже в августе 1917 г. не было освобожденных партийных работников, по причине отсутствия денег и непонимания важности укрепления своих позиций на заводах. Руководство партии не озаботилось тем, чтобы как следует наладить информирование собственной партии о внутрипартийных делах. Так например, ряд вопросов делегатов IV съезда ПСР, проходившего в конце ноября–начале декабря 1917 г., свидетельствовал о плохой информированности делегатов партии о партийных делах и о том, что они черпали информацию из большевистских и левоэсеровских источников, с соответствующей трактовкой.

Впрочем, объективно не хватало ни кадров партийных организаторов, ни денег, ни времени на эту грандиозную работу организационного оздоровления партии.

А задача оздоровления морально-психологического климата и восстановления атмосферы товарищеских взаимоотношений, характерных до 1908 г., – в рамках единой партии, в которой все друг с другом переругались, – вообще была нерешаемой. Партии эсеров не повезло, что она в 1913–1914 гг., несмотря на все попытки, не смогла и не успела провести III съезд партии, который многие называли Учредительным, так как были уверены, что во главе партии встанут новые молодые эсеровские силы, пришедшие после 1911 г. и создавшие новые российские партийные организации, взамен распавшихся и разгромленных. Они возглавят партию и войдут в ЦК вместо скомпрометировавших себя старых лидеров и предложат партии свою идейно-тактическую линию, поддерживаемую российскими эсерами. Тогда и прошли бы расколы и отколы всех несогласных.

Увы, вместо этого старая партия к 1917 г. пришла формально единой, но с разрушенной морально-психологической атмосферой и яростной идейной борьбой.

Как показал 1917 год, политические элиты редко соответсвуют вызовам истории. И справедливо говорят: генералы готовятся к прошедшим войнам! Политические генералы тоже оказались не на высоте тех вызовов, которые поставила перед ними история. Во время

прений по докладу Чернова на IV съезде ПСР о текущем моменте член ЦК ПСР Прилежаев заявил: «одно время власть была у нас в руках, у нас были громадные ресурсы. За нами стояли масса пролетарская, масса крестьянская, масса солдатская. ...Мы не верили в энтузиазм массы и центр тяжести нашей работы перенесли на то, что в тиши кабинетов писались аграрные законы. Да, у нас на носу были и закон аграрный и был мир. Но, очевидно, мало писать декреты, мало писать аграрные законы. Революция имеет свои законы, процесс революции имеет свою психологию, свой метод действий»[202].

Думается, нельзя было воссоздавать весной 1917 г. единую партию. Или Чернову надо было решительно колоть ее весной–летом 1917 г. и вести дело к созданию коалиционного социалистического правительства, настояв на скорейшем созыве Учредительного собрания и проведении аграрных реформ.

Чернов в своей книге «Великая русская революция» неохотно признает, что его надежды на единство оказался преувеличенными. III съезд принял центристскую линию поведения, но правое большинство ЦК вело напористо свою линию, а он подчинялся партийной дисциплине и не решился расколоть партию.

Важно подчеркнуть неуспехи эсеров в 1917 г., связанные с отсутствием общепартийного вождя, который мог бы объединять и вести за собой и руководителей партии, и партийную массу. Существовавший ранее «коллективный лидер» распался к Первой мировой войне, и начались мощные фракционные процессы, сильно обострившиеся с расколом на оборонцев и интернационалистов.

Американский историк О. Радке считал, что Гершуни, будь он жив в 1917 г., сумел бы повести за собой партию и успешно противостоять Ленину.

Сам В. М. Чернов в начале 30-х годов в книге, посвященной юбилею Февральской революции, высказал предположение, что успешным было бы трио из М. Гоца, Гершуни и самого Чернова. Увы, триумвират, как и любой другой коллективный лидер, мог существовать, когда руководители шли на самоограничения во имя единства партии не на словах, а на деле, что было возможно на первых этапах существования партии, но в 1917 г. было уже нереальным. В одиночку ни один из видных руководителей партии, которые стали претендовать на роль вождя, – В. М. Чернов, А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев – с этой ролью не справился. Н. Д. Авксентьев, который попытался сыграть роль «главного среди первых», вступил в конкурентную борьбу с Черновым.

Эта борьба длилась не только в период от Февраля к Октябрю, но и после него, когда Авксентьев сознательно расстраивал попытку

[202] ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 194–195.

Чернова возглавить альтернативное большевикам социалистическое правительство, проект которого Чернов пытался реализовать на рубеже октября–ноября1917 г. Но еще сильнее их личное противостояние проявилось в 1918 г., когда Авксентьев возглавил коалиционную Уфимскую Директорию, поставив эсеровский Самарский Комуч в подчиненное положение.

Личная борьба Чернова и Авксентьева за доминирование в эсеровской партии очень дорого обошлась и самой партии, и стране.

И подводя итог. Впору говорить об «украденной победе» – разгоном Учредительного собрания большевики и левые эсеры (при поддержке части анархистов) нарушили легитимный выбор большинства народа, впервые голосовавшего максимально свободно, хотя до этого те же большевики говорили, что отдадут власть законно выбранному Учредительному собранию – «Хозяину земли русской». Победа эсеров на выборах – это была победа, которая должна была определить будущее страны и важнейшую роль в нем ПСР. Ведь имея большинство в Учредительном собрании и правительство своего большинства, партия могла бы иметь доминирующее влияние.

Ценна в эсеровской демократической альтернативе не только попытка пойти по пути решительных реформ к социальному государству и к модернизации, но еще ценнее то, что после них, когда они через несколько лет проиграли бы очередные выборы более правым силам, в России остался бы работающий механизм парламентаризма и смены власти демократическим путем, политические свободы, мощные профсоюзы и окрепшие институты гражданского общества, а не созданные большевиками их симулякры и укрепленные ими же недемократические традиции управления, до конца непреодоленные и в постсоветское время.

Парадокс в том, что поражение потерпели не только противостоявшие большевикам партии. Если посмотреть с учетом опыта прошедшего столетия, то в конце концов поражение потерпели и большевики, и те классы, что поддержали их, и общество и страна в целом.

Невежин В. А.

«Орел» и «замухрышки»: характеристика большевистского руководства в застольной речи И. В. Сталина 7 ноября 1937 года

Аннотация. В статье анализируется выступление Сталина на праздничном ужине в Кремле 7 ноября 1937 г. в присутствии членов Политбюро, который был посвящен 20-летию Октябрьской революции. Политические репрессии в СССР достигли тогда своего пика,

однако Сталин утверждал, что борьба «за уничтожение всех врагов» внутри страны еще не завершена. Он выдвинул тезис о необходимости опоры в этой борьбе на «костяк» большевистского руководства. В этих условиях рядовые члены партии были вынуждены смириться с репрессиями, оказались в роли их соучастников.

Ключевые слова: Ленин, Сталин, 20-летие Октябрьской революции, политические репрессии, Политбюро ЦК ВКП(б).

«Eagle» and «zamuhryshki»: characteristics of the Bolshevik leadership in the speech of I. V. Stalin, November 7, 1937

Abstract. The article examines Stalin's speech at a celebratory dinner in the Kremlin on November 7, 1937 in the presence of members of the Politburo, which was dedicated to the 20th anniversary of the October revolution. Political repressions in the USSR reached its peak then, however, Stalin claimed that the struggle «for the destruction of all enemies» within the country was not yet completed. He put forward the thesis about the need for support in this struggle for the «backbone» of the Bolshevik leadership. In these circumstances, ordinary members of Communist party were forced to accept repressions, and thus participated in them as accessaries.

Keywords: V. Lenin, I. Stalin, the 20th anniversary of the October revolution, political repressions, the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU(b).

События, происходившие в СССР в 1937 г., ассоциируются в общественном сознании и в исторической памяти с политическими репрессиями. Своего пика репрессии достигли именно тогда, когда Советская страна широко отмечала 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

По уже сложившейся традиции накануне этой годовщины, 6 ноября 1937 г., в Большом театре состоялось торжественное заседание, в котором приняли участие И. В. Сталин, члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства. С докладом на нем выступил Председатель СНК СССР В. М. Молотов.

7 ноября 1937 г. на Красной площади в Москве состоялись праздничный парад и многолюдная «демонстрация трудящихся». С трибуны Мавзолея Ленина участников парада и демонстрации приветствовали члены Политбюро И. В. Сталин, К, Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, А. И. Микоян, В. М. Молотов, В. Я. Чубарь, члены Оргбюро Н. И. Ежов и Н. М. Шверник, Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. М. Димитров.

По окончании праздничной манифестации Сталин и его ближайшие «соратники» собрались на квартире Ворошилова на торже-

ственный ужин. Ворошилов и члены его семьи с 1926 г. проживали в апартаментах Большого Кремлевского дворца, находившихся напротив Детской половины дворца, рядом с Оружейной палатой[203].

На праздничном ужине, который состоялся на кремлевской квартире Ворошилова, Сталин произнес застольную речь. Содержание ее представляет несомненный интерес, поскольку в ней, во-первых, давались оценки деятелей большевистского движения, лидеров Октябрьской революции. Во-вторых, Сталин предпринял попытку обрисовать изменения внутри руководства большевистской партии в ретроспективе 20 лет, произошедших с момента ее совершения.

К этому времени И. В. Сталин как практический политик все больше времени стал уделять государственным делам. Установленного рабочего дня для этого ему явно не хватало. Деловое общение с членами Политбюро ЦК ВКП(б), должностными лицами различных ведомств все чаще завершалось обедом или ужином в узком кругу. Эти «дружеские попойки» занимали особое место в ряду застолий Сталина[204], являясь своеобразными сталинскими «симпосионами»[205].

Квартира К. Е. Ворошилова, расположенная в апартаментах Большого Кремлевского дворца, была довольно внушительной по площади и могла вместить большое количество гостей. Судя по дневниковой записи Г. М. Димитрова, на праздничном ужине 7 ноября 1937 г. присутствовало 26 человек. В их числе – 10 представителей высшего партийного и государственного руководства, которые ранее приветствовали участников праздничного парада и демонстрации, стоя на Мавзолее Ленина: Ворошилов, Димитров, Ежов, Каганович, Калинин, Микоян, Молотов, Сталин, Чубарь и Шверник. Гостями на этом застолье оказались член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, члены ЦК ВКП(б) Н. А. Булганин (председатель СНК РСФСР), В. И. Межлаук (председатель Госплана СССР), А. В. Косарев (генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ). Наряду с ними присутствовали: 1-й секретарь Московского городского и областного партийных комитетов Н. С. Хрущев, секретарь Партколлегии Комиссии партийного контроля М. Ф. Шкирятов.

---

[203] Большой Кремлевский дворец. Изд. 2-е. М., 2010. С. 331; Московский Кремль – цитадель России. М., 2008. С. 187, 210.

[204] Согласно нашей (естественно, условной) классификации основными видами сталинских застолий в 1930–1940-е годы являлись: большие кремлевские приемы с участием представителей советской партийной, государственной, военной, научной элиты и творческой интеллигенции; дипломатические рауты; «симпосионы». См.: *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 9–13.

[205] Симпосион (симпосий) в переводе с древне-греческого языка – «совместное питье вина». В Древней Греции – мужские застолья, сопровождавшиеся беседами на различные темы.

За праздничным столом разместились и представители высшего командного состава РККА: командующий войсками Московского военного округа С. М. Буденный; первый заместитель народного комиссара обороны СССР А. И. Егоров; начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников; начальник Морских сил РККА флагман 1-го ранга М. В. Викторов. Наконец, Г. М. Димитров отметил присутствие на «симпосионе» 7 ноября 1937 г. высокопоставленных сотрудников Народного комиссариата внутренних дел СССР: комкора М. П. Фриновского (первого заместителя наркома Н. И. Ежова); начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга И. Я. Дагина; начальника УНКВД Московской области комиссара госбезопасности 1-го ранга С. Ф. Реденса; начальника Управления Комендатуры Московского Кремля старшего майора госбезопасности Ф. В. Рогова. Роль гостеприимной хозяйки выполняла жена К. Е. Ворошилова[206] (Е. Д. Горбман).

Помимо Г. М. Димитрова, содержание сталинской застольной речи 7 ноября 1937 г. содержится в двух вариантах синхронных записей (первоначальном и окончательном), сделанных Р. П. Хмельницким[207]. Его фамилию Димитров в числе присутствовавших на праздничном ужине не упомянул. Р. П. Хмельницкий являлся в то время адъютантом Народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова.

8 ноября 1937 г. Хмельницкий изложил свои впечатления от праздничного ужина на квартире Ворошилова в записке, которую он озаглавил «Как это было 7.XI.37 г.». Из нее следовало, что по завершении «грандиозного парада и мощной демонстрации» в честь 20-й годовщины Октябрьской революции вожди большевистской партии и советского правительства во главе со Сталиным собрались на обед (точнее, на ужин). К концу застолья тамада Микоян, по свидетельству Хмельницкого, уже «произнес 30 речей», т. е. тостов и здравиц. Вслед за этим слово взял Сталин.

Сталинское застольное выступление сопровождалось репликами присутствовавших на обеде Димитрова, Микояна, Ворошилова и Реденса. Отвечая на эти реплики, подчеркивал Хмельницкий в своей записке, Сталин высказал мысли, которые адъютант Ворошилова с трудом пытался записать. Затруднения возникли по причине того, что Р. П. Хмельницкий «иногда переставал записывать слышимое», т. к. хотел глубже понять смысл сталинских слов. В то же время присутствовавшие вопрошающе глядели на него, намекая на то, что он должен фиксировать фразы, произнесенные Сталиным. Мало того, по свидетельству Хмельницкого, Ворошилов даже дважды осведомился, ведет ли тот запись сталинской речи.

---

[206] *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина... Док. № 19. С. 147–148.
[207] Там же. Док. № 20, 21. С. 150–166.

Сопроводительная записка Хмельницкого скорее всего была обращена к тем, кто участвовал в застолье на квартире Ворошилова. Об этом может свидетельствовать заключительная фраза: «Насколько мне удалось справиться с этим (т. е. с ведением записи сказанного И. В. Сталиным. – *В. Н.*), Вы... увидите сами и как присутствовавшие дополните и исправите допущенные мною неточные записи речи т. Сталина и пропущенное вовсе». Судя по содержанию упомянутой записки, Хмельницкий составил перечень присутствовавших на ужине 7 ноября 1937 г.[208]. Однако обнаружить этот список нам не удалось.

Так или иначе, письменное свидетельство Хмельницкого о том, что происходило на упомянутом застолье, можно отнести к разряду ставших доступными подлинных записей речей Сталина, которые, по мнению О. В. Хлевнюка, кроме «необычной путаности и косноязычия», характеризует «постоянное присутствие идеи заговора и вездесущих врагов»[209].

Задолго до введения в научный оборот записей Р. П. Хмельницкого американский историк Р. Такер получил их в свое распоряжение из рук родственников адъютанта К. Е. Ворошилова (скорее всего, это была рукопись сокращенного варианта). Основываясь на этом источнике, Такер предложил собственную интерпретацию содержания речи советского вождя.

По мнению Р. Такера, она имела форму монолога «единственного человека в России, который обладал реально свободой слова». Стиль монолога, по мнению историка, «высвечивал внутренний мир Сталина», обеспокоенного своим собственным, далеко не блестящим, «середняцким» партийным прошлым. Примириться с таким положением вещей Сталин мог, лишь уподобляя отношения с Лениным взаимоотношениям последнего с «генералом» Плехановым, т. е. представить себя как деятеля, сумевшего осуществить на практике то, что Ленин задумал в качестве конечной цели.

Риторика Сталина, утверждал Такер, должна была доказать, что именно он, а не «знаменитые ораторы» (в первую очередь, Л.Д. Троцкий), оказался лидером «середняцкой» массы партии «и как таковой стал законным победителем в борьбе за место Ленина». Из нее следовало, что Сталин (бывший «замухрышка») стал лидером по праву, поскольку завоевал доверие костяка партии. А ранее знаменитые вожди и ораторы Октябрьской революции (Троцкий, Зиновьев и Каменев), спустя два десятилетия потерпевшие поражение во внутрипартийной борьбе, якобы пытались «распродать по частям» Советскую Россию иностранным державам. И. В. Сталин же стремился со-

---

[208] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 166.

[209] *Хлевнюк О. В.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 229.

хранить Россию как единый государственный организм, защитить ее от происков «высокопоставленных предателей», вступивших в сговор с враждебными зарубежными правительствами. В разгар политических репрессий Сталин, согласно предположению Такера, чувствовал себя героем истории революции и истории России, и эти два понятия сливались в сознании большевистского вождя воедино.

Р. Такер обратил внимание и на то, что И. В. Сталин назвал русских самым советским, самым революционным народом страны. Этим заявлением (да и всей своей речью) он, как считал Такер, по-видимому, хотел подчеркнуть факт превращения Советского Союза в единую и неделимую державу, неуязвимую для враждебного внешнего мира, «сокрушающую всех изменников и их политические кланы»[210].

Б. В. Соколов, опиравшийся уже на введенные в оборот записи Р. П. Хмельницкого, следующим образом комментировал предложение Сталина выпить за «средние кадры». По мнению Соколова, «победа практиков» (Сталина и его окружения) над «теоретиками и ораторами» (Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным) оказалась не случайной. Убеждать народные массы Страны Советов после победы в Гражданской войне не было необходимости. Между тем над ними стояла, по определению Соколова, «целая сеть надсмотрщиков в виде чекистов и „партийных офицеров"», а в партаппарате сидели «преданные Сталину, им же назначенные практики». Борьбу за партаппарат Троцкий, Зиновьев, Бухарин проиграли еще при жизни Ленина. Дальнейшее, заключал Соколов, для Сталина «было делом техники»[211].

К этому можно добавить следующее. Своеобразный «гимн середняку-партийцу» (выражение Б. В. Соколова), прозвучавший в застольной сталинской речи 7 ноября 1937 г.[212], был не единственным упоминанием этой большевистской когорты, встречающимся в публичном дискурсе советского вождя. Так, в выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин следующим образом охарактеризовал руководящий состав большевистской партии. Высшее руководство (партийный «генералитет») составляло 3–4 тыс. человек. Среднее звено («партийное офицерство») насчитывало 30–40 тыс. человек. Наконец, низший руководящий состав состоял из 100–150 тыс. человек[213].

Лозунг о необходимости опоры именно на среднее звено руководителей Сталин выдвинул и выступая на кремлевском приеме

---

[210] *Такер Р.* Сталин у власти. 1928–1941. История и личность. М., 1997. С. 440–441.

[211] *Соколов Б. В.* Сталин: Власть и кровь. М., 2004. С. 198.

[212] Там же. С. 202.

[213] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 13.

(банкете), устроенном 29 октября 1937 г. в честь участников совещания представителей металлургической и угольной промышленности[214].

Девять дней спустя, на ужине 7 ноября, он вновь провозгласил тост за «середняков», за «офицерский состав хозяйственного, партийного, военного дела». Сталин также счел возможным привести назидательный пример из истории Гражданской войны, когда Троцкий пытался опереться в вооруженном противоборстве на «отборных генштабистов». Однако победу над интервентами и белогвардейцами, по мнению Сталина, предрешили не «генштабисты», которые пошли на предательство, а «унтер-офицерские кадры и подпрапорщики», имевшие «опыт военного и хозяйственного строительства»[215].

Главная ошибка оппозиционеров, вступивших на путь внутрипартийной фракционной борьбы после смерти Ленина, по мнению Сталина, «заключалась в том, что они все вопросы пытались решать не так, как этого хочет середняцкая масса – костяк партии, а путем получения большинства голосов в ЦК»[216]. Именно благодаря «костяку в партии» удалось одержать победу над Троцким в 1927 г. Согласно сталинским рассуждениям, тогда за линию ЦК («за нас – замухрышек») проголосовало 720 000 партийцев, а троцкисты получили лишь 4000–6000 голосов[217].

Несомненный интерес вызывает сталинское признание, относящееся к периоду после смерти В. И. Ленина, которое было обращено к участникам застолья 7 ноября 1937 г.: «Меня, Сталина, знали, но не так, как Троцкого, будьте мужественными и не приписывайте того, чего не было... Кто был известен – это Троцкий, Каменев, Зиновьев, Томский, Бухарин, Рыков». В данной связи уместно напомнить следующее наблюдение, изложенное в воспоминаниях Н. С. Хрущева, одного из приглашенных на этот ужин: «Сталина же широкая публика, выражаясь языком обывателя, узнала тогда, когда развернулась жестокая борьба внутри партии, борьба с троцкистской оппозицией в 1923–1924 годах. Тогда Сталин и всплыл как организатор, как Генеральный секретарь Центрального Комитета. Впрочем, тогда особая роль Сталина слабо воспринималась в широких партийных кругах, я уж и не говорю о беспартийных. В борьбе того времени особенно выделялся Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна. Коминтерн тогда приобрел большой авторитет: это была международная организация, которая держала курс на мировую революцию. Зиновьев возглавлял ее, следовательно, он и яв-

[214] *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина... Док. № 13. С. 123
[215] Там же. Док. № 20. С. 157; док. № 21. С. 165.
[216] Там же. Док. № 20. С. 154; док. № 21. С. 162.
[217] Там же. Док. № 20. С. 158; док. № 21. С. 165.

лялся как бы главным в этом движении. Бухарин в то время тоже был очень популярен и очень уважаем»[218].

Естественно, в знаменательный день 20-летия Октябрьской революции Сталин не обошел вниманием в своем выступлении фигуру В. И. Ленина. Ленин предстает в сталинском тосте как «орел», которому стоит только дунуть на «цыплят» (Троцкого и других), как они тут же «разбегутся». Сравнение В. И. Ленина с орлом – один из характерных приемов сталинской риторики, который применялся не только в застольных речах. Этот образ едва ли не впервые был использован Сталиным в речи на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г., спустя неделю после кончины Ленина. Обращаясь к аудитории, Сталин тогда назвал его «горным орлом»[219].

Выступая на кремлевском приеме в честь участников праздничного первомайского парада (2 мая 1933 г.), он употребил термин «замухрышки» применительно к представителям диктатуры пролетариата. Свой первый тост (записанный также Р. Р. Хмельницким) он предложил тогда за Ленина. «Кто мы такие?», – вопрошал Сталин, имея в виду представителей советского и большевистского руководства. «Нас считают большими людьми, – продолжал он свою мысль. – Нет, мы все маленькие люди в сравнении с Лениным». Ведь именно Ленин, по словам Сталина, «организовал партию и пролетарскую революцию на одной шестой земного шара, которая потрясает весь мир. Он создал государство рабочей диктатуры из замухрышек в союзе с крестьянами...»[220].

Трудно понять, чем понравилось Сталину определение «замухрышки». Ведь в русском языке этим термином обозначают неряшливого, невзрачного человека[221].

Но факт остается фактом: Сталин и себя в импровизированной полемике с Димитровым, состоявшейся во время ужина 7 ноября 1937 г., назвал «замухрышкой». Вспоминая о ситуации, возникшей после смерти Ленина, он задавался вопросом: кто из представителей большевистского руководства был тогда наиболее известен? И назвал Троцкого, Каменева, Зиновьева, Томского, Бухарина и Рыкова. Сталин заявил, что вел тогда в ЦК организационную работу (являлся генеральным секретарем ЦК) и в сравнении с Лениным был просто «замухрышкой»[222].

Позднее, в выступлении на совещании в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 г., Сталин вновь обратился к «полюбившемуся» термину: «У нас в партии собираются люди верблюжьи, сырые, поглядишь, в отчая-

---

[218] *Хрущев Н. С.* Время, люди, власть: Воспоминания. В 4 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 24.
[219] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 53.
[220] *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина... Док. № 1. С. 43.
[221] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 1999. С. 212.
[222] *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина... Док. № 20. С. 155; док. № 21. С. 163.

ние приходишь, потом из этих людей вырабатываешь работников. Замухрышки во время забастовок в героев превращались»[223].

Политическая ситуация, в которой отмечалось 20-летие Октябрьской революции, была драматичной и напряженной: репрессии затронули все три «руководящих слоя» большевистской партии. Б. В. Соколов весьма эмоционально, но вполне справедливо отмечал: «Между прочим, среди тех, кто криками одобрения встретил людоедский сталинский тост (призыв уничтожать врагов социалистического государства. – *В. Н.*), были и те, кого очень скоро самих поставили к стенке...». В скором времени 11 из 26 присутствовавших на праздничном ужине 7 ноября 1937 г. подверглись аресту и физическому уничтожению[224].

В данной связи примечателен зафиксированный в записях Димитрова и Хмельницкого диалог между Сталиным и «соратниками», стремившимися лишний раз продемонстрировать свою преданность вождю. Еще не успел он закончить тост «За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!», как последовали одобрительные возгласы присутствовавших на банкете: «За Великого Сталина!». По ходу сталинской застольной речи Димитров два раза перебивал вождя репликами о его мудрости и величии.

Дело кончилось тем, что Ворошилов и Молотов в один голос заявили: «Димитров хочет произнести тост!». Смысл здравицы, предложенной руководителем Коминтерна, сводился к тому, что тезис Сталина о беспощадной борьбе против врагов и о значении средних кадров будет обязательно принят к сведению в партии и, несомненно, учтен в коминтерновской работе. Но главное, по словам Димитрова, заключалось в другом. «Величайшее счастье для социалистической революции и международного пролетариата», – уверял он, состояло в том, что после Ленина именно Сталин продолжил ленинское дело «с такой непоколебимостью и гениальностью, на всех крутых поворотах, и обеспечил победу дела». Сталин пытался возражать генеральному секретарю Исполкома Коминтерна, еще раз акцентируя внимание на следующем: «Для победы дела необходимы соответствующие условия, а вожди найдутся». Уже в который раз он счел необходимым подчеркнуть: «Основное в средних кадрах. На это надо обратить внимание и никогда не забывать, что при других равных условиях средние кадры решают успех дела».

Судя по дневниковой записи Димитрова, ситуацию разрядил Хрущев, который заявил следующее: «У нас [большевиков] счастливое сочетание – и великий вождь и средние кадры». После этого праздничный ужин завершился, а его участники направились в кремлев-

---

[223] *Невежин В. А.* Фильм «Закон жизни» и отлучение Авдеенко: версия историка // Киноведческие записки. № 20. 1993/1994. С. 109–110.

[224] *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 197–198, 201.

ский кинопросмотровый зал, где им были продемонстрированы фильм о Ленине и о маневрах Красной армии[225].

Источники, зафиксировавшие застольную речь И. В. Сталина, произнесенную 7 ноября 1937 г. (записи Г. М. Димитрова и Р. П. Хмельницкого), отметили среди прочего суждения вождя о руководящем составе большевистской партии, а также о роли партийного руководства в событиях Октября 1917 г. и в послереволюционное двадцатилетие. В преддверии третьего Московского судебного процесса (процесса антисоветского «право-троцкистского блока») Сталин подвел своеобразный итог внутрипартийной борьбы, развернувшейся в 1920-е годы. В своем застольном выступлении он пытался обосновать закономерность победы «замухрышек»-«практиков» над «теоретиками и ораторами» в этой борьбе после смерти «орла»-Ленина. Сталин неоднократно подчеркивал, что высокопоставленных оппозиционеров (Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина) удалось одолеть прежде всего за счет поддержки среднего звена партийного руководства, которое он называл «офицерством».

Однако в сталинском застольном выступлении, прозвучавшем в условиях, когда политические репрессии в стране достигли своего пика, содержался прямой намек на то, что борьба «за уничтожение всех врагов до конца» еще не завершена. Сталин был уверен в правоте своего тезиса о необходимости опоры в этой борьбе на «костяк» большевистского руководства. Ведь к этому времени он превратился во всесильного вождя, которого поддержали «середняки»-«замухрышки», вынужденные смириться с репрессиями внутри страны и в партии, по существу оказавшись в роли их соучастников.

Обухов Л. А.

Роль «человека с ружьем» в Революции 1917 г. (по материалам Урала)

Аннотация. На примере тыловых гарнизонов Урала рассматривается роль солдатских масс в Революции 1917 г. В городах с многочисленными гарнизонами солдаты, как правило, составляли большинство в Советах и во многом определяли политическую линию последних. Настроения солдатских масс были крайне непоследовательны и переменчивы. Солдаты были самыми активными участниками различных манифестаций, митингов, погромов. Наличие крупных гарнизонов в городах Урала сыграло значительную роль в установлении там власти Советов.

[225] *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина... Док. № 19. С. 149–150.

Ключевые слова: тыловые гарнизоны, запасные полки, Советы рабочих и солдатских депутатов, политические партии в 1917 г., антивоенное движение, пьяные погромы.

The role of the «man with a gun» in the 1917 Revolution: a case study of the Urals

Abstract. The paper analyzes the role of the soldiers in the Revolution of 1917 on the example of the Ural rear garrisons. In cities with numerous garrisons, soldiers, as a rule, constituted a majority in the Soviets and largely determined their political line. The moods of the soldiers were extremely inconsistent and changeable. Soldiers were the most active participants in various demonstrations, meetings, and pogroms. The presence of large garrisons in the Ural cities played a significant role in establishing the power of the Soviets.

Keywords: rear garrisons, reserve regiments, the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, political parties in 1917, anti-war movement, drunken pogroms.

Роль «человека с ружьем» в революционных событиях 1917 г. в отечественной историографии явно недооценена. В советской историографии, а по инерции и в постсоветской, решающей силой революции по-прежнему считается рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков. Советские историки значительное внимание уделяли борьбе большевистской партии за армию, принижая тем самым самостоятельную роль солдатских масс в революции[226]. В аналогичной парадигме работали и уральские историки. Из их работ следует отметить монографию Н. Н. Попова, посвященную борьбе большевиков за солдатские массы в трех революциях[227]. В ней приводятся данные о создании Советов солдатских депутатов, гарнизонных комитетов и солдатских секций в объединенных Советах рабочих и солдатских депутатов. В 1997 г. в работе, написанной совместно с Д. В. Бугровым, Н. Н. Попов во многом пересмотрел свои прежние трактовки событий 1917 г. на Урале[228].

Одним из первых в отечественной постсоветской историографии новый взгляд на роль «человека с ружьем» сформулировал

---

[226] См.: *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917–февраль 1918. М., 1967; *Он же.* Советская историография о сломе старой армии и отвоевании солдатских масс под знамя октября (1917–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1970. № 10, 11.

[227] *Попов Н. Н.* Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983.

[228] *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997.

В. П. Булдаков в докладе на Всероссийской конференции в 1995 г.[229]. В монографии он более подробно изложил свою позицию. В. П. Булдаков отмечает, что в советской историографии рассмотрение действий солдат было загнано в схему «партия–армия–революция», где военным надлежало действовать по указке большевиков, а не командования[230].

Из постсоветских публикаций уральских авторов следует назвать монографию И. В. Нарского. В его крайне интересном исследовании значительное место уделено участию солдат в беспорядках на Урале, особенно в пьяных погромах. Автор призывает с осторожностью относиться к интерпретации причин пьяных погромов, которые давались в советской историографии, как «заговору контрреволюционных сил», но, в то же время, своего убедительного объяснения этому явлению не дает[231].

К 1917 г. армия представляла собой гигантскую, во многом маргинализированную массу: только на фронте солдат и офицеров было 9620 тыс., в запасных частях тыловых военных округов числилось до 1,5 млн солдат и офицеров[232].

Во всех губернских и половине уездных городов Урала были дислоцированы крупные воинские части[233]. Численность войск на Урале весной 1917 г. достигала почти четверти миллиона человек, здесь дислоцировались 23 пехотных запасных полка. Численность гарнизонов в губернских и половине уездных центров превышала численность рабочих, а кое-где и всего населения[234]. Самый большой гарнизон был в Екатеринбурге: четыре пехотных запасных полка и несколько более мелких формирований. В декабре 1916 г. гарнизон насчитывал 41 тыс. человек, т. е. в 4 раза превышал количество рабочих на предприятиях города[235]. Советы солдатских депутатов (ССД), Гарнизонные комитеты создавались зачастую раньше, чем Советы рабочих депутатов. В семи городах, где располагались крупные гарнизоны (Вятка, Глазов, Елабуга, Пермь, Екатеринбург, Кунгур, Шадринск) солдаты сорганизовались раньше рабочих, в трех городах практически одновременно (Челябинск, Камышлов, Белебей). В марте 1917 г. на Урале возникло 18 организаций типа ССД.

---

229 Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

230 *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 120. В 2010 г. вышло дополненное 2-е изд.

231 *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 199.

232 *Булдако В. Д.* Указ. соч. С. 120.

233 Решением Всероссийского совещания Советов 29 марта–3 апреля 1917 г. была образована Уральская область в составе Вятской, Пермской, Уфимской губерний, а также Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии.

234 См.: *Обухов Л. А.* Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 12.

235 *Попов Н. Н.* Указ. соч. С. 50–51.

Большая часть солдатских организаций уже в первые месяцы революции объединились с Советами рабочих депутатов, составив автономные солдатские секции. Кое-где наряду с Советами продолжали существовать и самостоятельные военные организации. В середине апреля группа офицеров в Екатеринбурге предприняла попытку организовать Совет офицерских депутатов. Они разработали «наказ», в котором говорилось, что постановления Совета офицерских депутатов обязательны для Совета солдатских депутатов, «если они не идут вразрез с политикой Временного правительства». Организаторы заявляли, что этот Совет берет на себя руководство духовной и военной жизнью солдат. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов выступил против предложения офицеров, «вносящих дезорганизацию в армию, сеющему рознь между солдатами и офицерами». В городах с многочисленными гарнизонами солдаты, как правило, составляли большинство в Советах и во многом определяли политическую линию последних. Так, в состав Уфимского Совета вошли 82 солдата и 72 рабочих, число военных в исполкоме Пермского городского Совета составило 13 человек, представителей гражданских – 9[236]. Помимо солдатских секций в Советах и гарнизонных комитетов существовали полковые и ротные комитеты, пользовавшиеся авторитетом у солдат. В уездных центрах, где были небольшие воинские команды или ОКЗ, тем не менее, солдатские организации оказывали влияние на политическую жизнь. В г. Уржуме Вятской губернии гарнизон на апрель месяц 1917 г. насчитывал всего 70 человек. 17 марта был образован войсковой комитет из двух солдат и двух офицеров. Войсковой комитет участвовал в решении городских дел, его представители вошли в состав исполкома комитета общественного спасения[237].

Солдатские организации Урала в марте 1917 г. стояли на позициях «революционного оборончества», стремились сохранить дисциплину в воинских частях. В середине марта исполком Уральского (Пермского) Совета обратился с воззванием к гарнизону, в котором призывал к соблюдению дисциплины, к согласованной работе солдат и офицеров, к терпимости и «забвению несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к борьбе со старым режимом». В воззвании обращалось внимание на то, что постановления Петроградского и Московского Советов не всегда могут распространяться на Пермский гарнизон[238].

На позициях «революционного оборончества» в марте 1917 г. стояли и некоторые большевики из числа военнослужащих. Харак-

---

[236] Вперед! 1917. 25 марта; Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 июля.

[237] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 24. Л. 335; Вятская речь. 1917. 7 марта.

[238] Известия Уральского Совета... 1917. 25 марта.

терно в этом отношении заявление прапорщика П. М. Быкова, председателя Совета солдатских депутатов на проводах маршевых рот в Екатеринбурге 22 марта: «Воины революционной армии, вы идете защищать не царя, а свободную Россию и свободу». От Совета рабочих депутатов на проводах выступил его председатель Л. С. Сосновский, отметивший: «Нам тяжело провожать вас. Вы идете на врага не рабами и вернетесь господами свободной России»[239].

Настроения солдатской массы были крайне непоследовательны. Ярким примером этого явились события в Екатеринбурге. При создании Совета солдатских депутатов большинство мест в нем получили большевики. Председателем исполкома был избран большевик прапорщик П. М. Быков. 23 марта Совет солдатских депутатов объединился с большевистским Советом рабочих депутатов и председателем объединенного исполкома стал П. М. Быков. 10 мая солдаты гарнизона под влиянием агитации меньшевиков и особенно эсеров вышли на площадь и потребовали реорганизации Совета, т. к. «в Совете в большинстве большевики, и они проводят резолюции, не отражающие настроения солдатских масс». Речи меньшевиков и эсеров солдаты встречали аплодисментами, а большевикам не давали говорить. Под давлением толпы Совет принял решение о реорганизации. В результате перевыборов большевики сохранили большинство в рабочей секции, но утратили его в солдатской, где эсеры получили подавляющее большинство мест. Председателем исполкома Совета стал эсер подпоручик Павловский[240].

Особой активностью в политической жизни отличались прапорщики и подпоручики, в большинстве своем выходцы из учителей и студентов, произведенные в офицеры в годы войны. Эсер прапорщик Б. А. Турчевич стал Пермским губернским комиссаром, меньшевик подпоручик И. Ф. Толстоухов – уездным комиссаром Временного правительства в Екатеринбурге, меньшевик прапорщик И. А. Григорьев возглавил Пермский городской исполком, эсер прапорщик Шадрин – Кунгурский Совет и т. д.

Начавшееся 18 июня наступление русской армии сопровождалось определенным подъемом патриотизма. 24 июня исполком Уральского (Пермского) Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение отменить намеченный на 25 июня молебен и парад войск по случаю начавшегося наступления. Но Пермский и Мотовилихинский комитеты большевиков и Мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов решили организовать в этот день демонстрацию, в том числе и под антивоенными лозунгами. Демонст-

---

[239] *Обухов Л. А.* Л. С. Сосновский на Урале (1917 год) // Наш Капцугович. Пермь, 2006. С. 215.

[240] Там же. С. 219–220; *Попов Н. Н.* Указ. соч. С. 78–79.

рация, против которой высказались окружной и городской Советы, Гарнизонный комитет, комитеты меньшевиков и эсеров, по сути носила провокационный характер и закончилась нападением части солдат гарнизона на манифестантов и разгоном ее. В нападении и избиении демонстрантов активно участвовали военнослужащие украинских рот, недовольные антивоенными призывами. 10 июля во время проводов маршевой роты в Кунгуре на митинге большевики попытались выступить с антивоенными призывами. В результате это привело к нападению части солдат на большевиков[241]. Большевики подобными действиями сознательно или бессознательно провоцировали солдат.

Летом 1917 г. началась кампания по формированию ударных частей, в том числе женских ударных батальонов. Полковой комитет 149-го пехотного запасного полка, дислоцировавшегося в Екатеринбурге, 23 июня принял резолюцию с протестом против создания женских «батальонов смерти». Полковой комитет, «воздавая должное патриотизму и сознанию гражданского долга тех русских женщин, которые пожелали в этот грозный час отдать свою жизнь на защиту дорогой родины, полковой комитет считает путь, избранный женщинами-гражданками, не правильным по следующим причинам: 1) Образование женских батальонов смерти, как отдельных войсковых единиц, невозможно по техническим соображениям... 2) Вливание женщин в войсковые части, состоящие из мужчин, не может быть допустимо в военной обстановке, такое смешение может внести деморализующее влияние на нашу армию и подорвет окончательно дисциплину, которая и так в настоящее время пошатнулась...»[242]. Принятие такой резолюции явилось некоторым диссонансом в общем хоре и требовало определенной смелости.

На фронт регулярно отправлялись маршевые роты, но приходившее им на смену пополнение уступало по качеству предыдущему. Солдаты стали открыто отказываться идти воевать. Так, полковой комитет 107-го полка в Перми принял постановление о нежелании идти на фронт. Аналогичное решение принял и 162-й полк. Отказались идти на позиции запасные полки в Вятке, Глазове, Уфе[243].

Большевики предпринимали усилия, стремясь привлечь солдатские массы на свою сторону: создавали военные организации при комитетах РСДРП(б), организовывали митинги, партийные ячейки в воинских частях, распространяли газеты, листовки. О степени влияния большевиков на солдат свидетельствует состав делегатов от гарнизонов Урала на военно-окружной съезд Казанского военного

[241] Известия Уральского Совета... 1917. 4 июля; Кунгурская жизнь. 1917. 14 июля.
[242] Пермский Вестник Временного правительства. 1917. 4 июля.
[243] *Попов Н. Н.* Указ. соч. С. 110.

округа в конце июля 1917 г.: из 49 делегатов большевики и сочувствующие составляли примерно 10 человек[244].

17–18 августа вспыхнули волнения в 166-м пехотном запасном полку в Сарапуле Вятской губернии. Солдаты арестовали командира полка, уездного комиссара и товарища председателя военной секции Совета. Они потребовали немедленно вернуть в Сарапул учебную команду, направленную на подавление «беспорядков» в уезде и освободить из тюрьмы трех крестьян, арестованных за «беспорядки». После обещания командира полка удовлетворить требования, волнения прекратились[245]. 21 августа вспыхнули волнения в Уфе. Солдаты 127 пехотного запасного полка арестовали своего командира, недовольные его действиями[246].

О росте антивоенных настроений осенью 1917 г. свидетельствует заявление солдат 11-й рабочей роты в Перми о том, что «на фронт они не пойдут» и их должны отправить домой. На собрании, между прочим, звучали возгласы: «Дайте нам царя»[247].

Солдаты уральских гарнизонов единодушно осудили корниловский мятеж. По их инициативе кое-где были проведены аресты офицеров, обвиненных в поддержке Корнилова. Установление военной диктатуры означало восстановление дисциплины в армии, продолжение войны, а этого подавляющее большинство солдат явно не желало.

В условиях обострения политического и экономического кризиса осенью 1917 г. в гарнизонах нарастают погромные настроения. Один из первых крупных погромов произошел в Уфе 12 сентября. Активным участником погрома стал почти весь 30-тысячный Уфимский гарнизон. Громили в основном лавки и магазины[248]. В начале октября вспыхнули беспорядки в Глазове[249].

Наличие крупных гарнизонов в городах Урала сыграло важную роль в установлении власти Советов. Во многом именно от позиции солдатских масс зависели сроки перехода власти в руки большевиков. В Екатеринбурге колебания значительной части гарнизона вынудили большевиков пойти на компромисс: создание коалиционного «Революционного комитета». Аналогичной была ситуация и в Уфе. В Перми гарнизон то поддерживал идею однородного социалистического правительства, то выступал за передачу власти Советам. Вят-

---

[244] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 34. Л. 154–157.

[245] Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 71.

[246] Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 101–102.

[247] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

[248] *Егоров А. В.* Уфимский тыловой гарнизон и массовые беспорядки (погромное движение) в городах Уфимской губернии в 1917 г. //Право, насилие, культура в России: региональный аспект (первая четверть XX века). М.; Уфа, 2001. С. 131–135.

[249] ГАПК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

ский гарнизон поддержал правительство, организованное из представителей социалистических партий, и Учредительное собрание[250]. В середине ноября в Вятку прибыла направленная Петроградским ВРК группа солдат и матросов во главе с Н. М. Анцеловичем. Именно они смогли переломить настроение солдат гарнизона. 25 ноября Вятский Совет рабочих и солдатских депутатов после выступления Н. М. Анцеловича высказался за переход власти в руки Совета. 1 ноября в Вятке состоялась вооруженная демонстрация 106-го полка, которая закрепила переход власти к Совету[251].

По разному происходило установление советской власти в уездных городах, где были крупные гарнизоны. В Кунгуре уже 28 октября экстренное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов высказалось за передачу власти Совету. Был избран Революционный комитет, не менее половины которого составили представители гарнизона[252].

В Камышлове солдатская секция Совета 30 октября большинством голосов поддержала создание однородного социалистического правительства[253]. Подобная ситуация была и в Шадринске: в начале ноября эсеровский Совет взял власть, но 9 ноября он признал единственной «законной властью» в уезде органы местного самоуправления. Гарнизон особой активностью не отличался, если не считать пьяного погрома 15–16 ноября[254].

168-й пехотный запасный полк, дислоцированный в Ирбите, тоже отличился лишь в массовом погроме 27–28 ноября, приведшем к большому пожару, в результате которого выгорела значительная часть города[255]. В сложных условиях проходило установление власти Советов в уездных центрах Южного Урала. Сказывалось близость казачьих районов. 26 октября Челябинский Совет заявил о взятии власти. Однако 31 октября к городу подошел отряд казаков и предъявил ультиматум с требованием роспуска Совета, разоружения Красной гвардии и передачи власти городской думе. В городе дислоцировались два полка и пешая дружина, но их боеспособность была крайне низкой. В результате Совет вынужден пойти на уступки и 1 ноября отказался от власти[256].

В Троицке Совет рабочих и солдатских депутатов еще до большевистского переворота оказался под руководством большевиков. Но

---

[250] Вятская речь. 1917. 18 ноя.
[251] Вятская речь. 1917. 28 нояб., 5 дек.; ГАКО. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 104. Л. 386.
[252] Кунгурский листок. 1917. 29 окт., 7, 8 нояб.
[253] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 12. Д. 82. Л. 45, 14–15.
[254] Народная свобода. 1917. 6 дек.; Народная мысль. 1917. 11 нояб.; Крестьянин и рабочий. 1918. 25, 30, 31 янв.
[255] Пермский губернский вестник. 1917. 9 дек.
[256] *Лисовский Н. К.* Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957. С. 93–97.

в городе находились и казачьи части, действовал казачий круг. Только при поддержке «Северного летучего отряда» была установлена власть большевиков[257].

Затянулось установление власти большевиков в Златоусте. 128-й пехотный запасный полк находился под влиянием эсеров. Власть фактически находилась в руках эсеровского Совета[258].

В Глазове Вятской губернии большевистский Совет солдатских депутатов 6 ноября поддержал правительство из социалистических партий, в то же время заявив, что он «всецело стоит на платформе II Всероссийского съезда Советов солдатских и рабочих депутатов»[259].

В другом городе Вятской губернии, Сарапуле, военная секция Совета совместно с ротными комитетами осудили захват власти большевиками в Петрограде. 9–10 ноября в городе вспыхнул пьяный погром. В город трижды прибывали отряды Красной гвардии из Казани и Ижевска для установления власти большевиков[260].

Сложной была ситуация в Елабуге Вятской губернии. Солдатская секция Совета не смогла выработать четкую позицию. В середине ноября переизбранный Совет солдатских депутатов занял более решительную позицию, объявив себя властью в городе и уезде. Но меньшевики и эсеры заявили протест, считая, что власть должна принадлежать всем Советам, пополненным представителями органов местного самоуправления, социалистических партий. Совет солдатских депутатов вынужден был согласиться с этими предложениями. 24 ноября в городе вспыхнул погром. Как сообщали по телеграфу в Вятку «...винный склад разгромлен и горит, солдаты не оказывают помощи, власти нет»[261]. Власть в городе и уезде фактически принадлежала эсеро-меньшевистскому Совету[262].

Волна пьяных погромов, поднявшаяся после захвата власти большевиками, не миновала и Урал. Солдаты были самыми активными участниками всех манифестаций, митингов и погромов. На Урале пьяные погромы имели место в Перми, Кунгуре, Шадринске, Ирбите, Глазове, Елабуге, Сарапуле, Вятке, попытка погрома в Екатеринбурге. В советской литературе эти погромы именовались черносотенными. Одной из причин следует считать свержение Временного правительства в Петрограде и ситуация безвластие на местах.

Солдаты поддерживали не столько партии, сколько конкретные лозунги, которые эти партии выдвигали. Можно согласиться с мне-

---

[257] *Лисовский Н. К.* Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957. С. 118–119.
[258] Там же. 130–134.
[259] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 80. Д. 54. Л. 5.
[260] *Обухов Л. А.* Указ. соч. С. 75.
[261] Цит. по: *Нарский И. В.* Указ. соч. С. 204.
[262] *Обухов Л. А.* Указ. соч. С. 75–76.

нием В. П. Булдакова, что пока речь шла о мире, солдаты были за большевиков, когда дело доходило до земли, им ближе казались эсеры. Сознавая свою силу, они, тем не менее, были подвержены различным влияниям и постоянно колебались как в течение всего 1917 г., так и в период захвата власти большевиками.

Омельянчук И. В.

Контрреволюция, которой не было, или почему монархисты не встали на защиту монархии в феврале 1917 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть эволюцию правого движения от его зарождения в годы Первой русской революции до краха в феврале 1917 г. и выявить причины ухода монархистов с политической сцены.

Ключевые слова: Первая русская революция, монархические партии, Союз русского народа, Первая мировая война, Февральская революция.

The counter-revolution that wasn't, or why the Monarchists did not defend the Monarchy in February 1917

Abstract. The article examines the evolution of the right movement from its birth in the years of the First Russian Revolution to the collapse in February 1917 and reveals the reasons for the departure of monarchists from the political scene.

Keywords: The first Russian revolution, Monarchist parties, Union of the Russian people, The First World War, the February Revolution.

Возникшее в 1905 г. монархическое движение стало одним из факторов, позволивших самодержавию выдержать натиск Первой русской революции. Ключевую роль в этом сыграл Союз русского народа (СРН), организация, на порядок превосходившая по численности другие монархические партии (более 400 тыс. членов) и со временем включившая большинство из них в свой состав на правах отделов. Бывший обер-прокурор Св. Синода А. А. Ширинский-Шихматов писал Николаю II: «В течение нескольких месяцев монархисты без всякой внешней поддержки, а в некоторых местах при явно недоброжелательном к ним отношении представителей администрации... организовали столь многочисленные сообщества и дали столь могущественный отпор революционерам, что отстояли исто-

рические начала Русского государства»[263]. Даже П. А. Столыпин признавал, что СРН в 1905–1906 гг. сыграл «крупную, можно сказать историческую роль», оказав «существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»[264].

Однако после третьеиюньского переворота СРН, с его предпочтением непарламентских форм политической борьбы, стал представлять опасность для режима думской монархии. Поэтому накануне выборов в III Думу Столыпиным, в видах создания право-октябристского блока, была предпринята попытка превратить СРН в парламентскую партию, путем замены его председателя А. И. Дубровина на более лояльную к властям фигуру. Выбор пал на В. М. Пуришкевича, который к этому времени, воспользовавшись болезнью председателя СРН, фактически узурпировал власть в Союзе. Однако А. И. Дубровин сдаваться не собирался и в ответ лишил В. М. Пуришкевича «права делать какие-либо распоряжения по Союзу»[265]. Сторону А. И. Дубровина принял и Главный Совет СРН, запретивший отделам вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия»[266], т. е. с октябристами.

Потерпев неудачу в попытке трансформировать СРН, Пуришкевич при поддержке правительства осенью 1907 г. основал новую монархическую партию – Русский народный Союз имени Михаила Архангела (РНСМА). Однако РНСМА не оправдал возлагавшихся на него надежд, не сумев создать собственной думской фракции.

СРН же, избавившись от сторонников Пуришкевича, тем не менее, не сумел сохранить единство. Входящие в его состав представители высших слоев образовали так называемое «обновленческое» течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Дума и аграрная реформа Столыпина. Эту группу возглавляли Н. Е. Марков 2-й, Э. И. Коновницын и примкнувший к ним В. М. Пуришкевич. На противоположной стороне оказались представители низших сословий, а также часть интеллигенции. Характерной чертой этого течения, возглавляемого А. И. Дубровиным и Е. А. Полубояриновой, стало неприятие думской монархии. Летом 1909 г. «марковцы», воспользовавшись отсутствием Дубровина в Петербурге, «обновили» состав Главного Совета СРН, добившись в нем численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»). Проиграв схватку в Петербурге, А. И. Дубровин начал небезуспешную борьбу за провинциальные отделы, стремясь вывести их из подчинения Главному Совету и сделать самостоятель-

---

[263] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Л. 3 об.

[264] Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 242.

[265] Правые партии. Документы и материалы. Т. 1 . М. 1998. С. 577.

[266] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 11 об.

ными. По мнению «дубровинца» А. И. Соболевского, такой «новый строй преобразованных организаций будет более полезен для патриотической деятельности, чем старый с умирающим Главным Советом во главе»[267]. В ноябре 1911 г. Дубровин провел съезд своих сторонников и учредил новую организацию – Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН).

Таким образом, пережив два раскола, Союз русского народа разделился на три крупных партии: СРН «обновленческий», РНСМА и ВДСРН. Монархисты не сомневались в том, что конфликты в Союзе были инспирированы правительством. «Русское Знамя» писало: «П. А. Столыпин... все свои силы употребил на то, чтобы разбить и ослабить Союз русского народа и сочувствующие ему монархические организации», в результате СРН «раскололся и затих, а остальные монархические организации отделились и заглохли»[268]. Старейшая из них, «Русское Собрание», объединявшее в своих рядах интеллектуальную элиту правых, распавшись вслед за СРН на «дубровинцев» и «обновленцев», превратилось в «место скверных интриг»[269], и 26 января 1914 г. «отказалось... от участия в жизни политических партий»[270]. Русская монархическая партия (РМП), некогда претендовавшая на лидерство в правом лагере, после смерти ее основателя В. А. Грингмута также пришла в упадок. Смена названия на «Русский монархический союз» (РМС) ситуацию не изменила. «Отделы союза, жизнедеятельные при Грингмуте, заглохли, и большинство из них фактически прекратило даже свое существование», – признавало руководство РМС в 1914 г.[271]. Уход А. Г. Щербатова с поста председателя Союза русских людей (СРЛ) и гибель Ю. П. Бартенева обезглавили исполнительный Совет Союза, после чего политическое влияние этой организации окончательно сходит на нет. Лишь некоторые региональные отделы СРЛ продолжили свою деятельность.

Свою роль в расколе правого лагеря сыграли и личные амбиции лидеров. В одной из брошюр, выпущенных РМС, говорилось, «что... не редкость встретить в некоторых, даже небольших городах по нескольку независимых друг от друга монархических обществ, возникших только потому, что нескольким тщеславным лицам... захотелось именоваться громким титулом „председателя"»[272]. Ярким примером является Одесса, где действовали одновременно шесть (!) монархических организаций: отдел «Русского Собрания», отдел РНСМА, Общество домовладельцев окраин и предместий гор. Одессы, отдел

[267] Русское знамя. 1911. 27 янв. № 21.
[268] Русское знамя. 1915. 11 нояб. № 249.
[269] Гроза. 1912. 4 янв.
[270] Правые партии. Т. 1. С. 12.
[271] Правые партии. Док. и мат.. Т. 2. М., 1998. С. 427.
[272] Там же. С. 423.

СРН («обновленческий»), Одесский СРЛ и Южно-Русский Монархический Союз[273].

После 1907 г. уровень политизации российского общества заметно снизился, многие рядовые монархисты отошли от активной деятельности, полагая, что с победой над «смутой» в ней нет необходимости. Так, руководство Тамбовского СРЛ обращало внимание на «прискорбное мнение многих членов союза, что деятельность союза временная, что он служит только противовесом революционной вспышке и с погасанием последней естественным образом должна прекратиться»[274]. Немалую роль в снижении политической активности рядовых монархистов сыграл и отход от дел признанных лидеров правых. А. И. Дубровин, обеспечив себе пожизненно пост председателя ВДСРН[275], продал в Петербурге принадлежавший ему доходный дом и, ссылаясь на «настоятельные требования врачей»[276], в 1913 г. уехал в Орловскую губернию в купленное его женой имение, лишь эпизодически бывая в Петербурге. Под давлением оставил руководящие посты в правых организациях и И. И. Восторгов. В 1913 г., став ординарным профессором Юрьевского университета, отошел от политической деятельности Б. В. Никольский. В это же время переходит к научно-преподавательской деятельности и А. И. Соболевский. Накануне войны сошли с политической сцены А. С. Вязигин и А. И. Тришатный.

Все эти факторы способствовали многократному снижению численности правых. Например, Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (с конца 1906 г. отдел СРН) осенью 1907 г., по сведениям губернатора, насчитывала в своих рядах 16 500 человек[277], а в марте 1914 г. на общем собрании по выбору нового председателя партии присутствовало всего... 30 человек[278].

Начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем способствовали некоторому оживлению монархических организаций, к активной деятельности вернулись А. И. Дубровин, А. И. Соболевский, А. И. Вязигин и др. Правые направили свои усилия на оказание помощи армии сбором пожертвований, открытием лазаретов и т. п., отказавшись от политической борьбы (В. М. Пуришкевич и П. Н. Милюков даже публично пожали

---

[273] Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ) Ф. 385. Оп. 1. Д. 2995. Л. 3–4.

[274] Краткий очерк деятельности Тамбовского Серафимовского Союза Русских Людей с 1 октября 1909 г. по 1 октября 1910 г. // Мирный труд. 1911. № 1. С. 216.

[275] Устав общества под названием Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа. СПб., 1912. С. 8.

[276] Русское знамя. 1913. 4 апр. № 76.

[277] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 111.

[278] Старый Владимирец. 1914. 21 марта. № 65.

руки[279]). Однако идиллия «священного единения» продолжалась недолго. «Патриотическая тревога», вызванная военными неудачами весны–лета 1915 г., привела к созданию в Думе оппозиционного Прогрессивного блока. Руководство правых партий запоздало с ответом, вызвав жесткую критику и обвинения в бездеятельности со стороны рядовых монархистов. Главный Совет ВДСРН 10 сентября 1915 г. вынужден был выступить с заявлением, в котором говорилось, что наблюдавшееся доселе «молчание Союза отнюдь не может быть толкуемо как... паралич», так как его Главный Совет «считал бестактным открытые выступления... раз другие политические общества от них отказались»[280].

Провинциальные же монархисты отреагировали на создание Прогрессивного блока более оперативно. Уже в конце августа 1915 г. в Саратове состоялось монархическое совещание, организованное по инициативе нескольких региональных «дубровинских» организаций. Его участники пояснили «возобновление активной деятельности» «тяжелыми обстоятельствами, угрожающими новой революционной вспышкой»[281]. Реализуя постановления Саратовского совещания Н. Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) и Н. Н. Родзевич (Одесса) предложили провести новое «более многолюдное» совещание, для «выработки решительных мер для борьбы со смутой, являющейся лучшим союзником немцев»[282]. Однако «дубровинцам» и «обновленцам» не удалось согласовать свои позиции, поэтому в 1915 г. было проведено два монархических «совещания»: в Петрограде (21–23 ноября), организованное сторонниками Н. Е. Маркова 2-го, и в Нижнем Новгороде (26–29 ноября), где собрались приверженцы Дубровина. Бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов, избранный председателем Петроградского совещания, на допросе в апреле 1917 г. показал: «Председательствование это возбудило во мне глубочайшее разочарование: я увидел, что достигнуть объединения... нет никакой возможности»[283]. Более того, создание в конце лета 1915 г. Отечественного патриотического союза, переманившего под свои знамена несколько десятков действующих отделов СРН и РНСМА, вызвало естественное недовольство руководства последних и проложило еще одну линию разделения в монархическом лагере.

С августа 1915 г. оппозиция усилила свои нападки на правых. Одним из поводов для критики стала недостаточная активность монархистов в деле помощи армии, особенно бросающаяся в глаза на

---

[279] *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). С. 194.

[280] Русское знамя. 1915. 10 сент. № 198.

[281] Правые партии. Т. 2. С. 443, 444, 457.

[282] Там же. С. 470.

[283] Падение царского режима. Т. 2. Л.; М., 1925. С. 354.

фоне масштабной деятельности находящихся под контролем либералов Земгора и ВПК. Оппозиция при этом умалчивала, о том, что эти организации получают деньги от казны (государственное финансирование только Земского и Городского союзов превысило к 1916 г. полмиллиарда руб.[284]), в то время как монархисты обходились собственными средствами. Например, Главный Совет СРН, открыв свой лазарет на 30 коек, обратился к отделам с просьбой «последовать сему примеру и открыть на местах по городам свои союзные лазареты»[285]. Однако в силу отсутствия средств провинциальные союзники, как правило, ограничивались содержанием в госпиталях «именных» коек[286]. Нежинский отдел оплачивал пять госпитальных коек, Виленские союзники – одну[287]. И только в Одессе местный отдел СРН открыл собственный лазарет «на 40 кроватей». Но это стало возможным лишь благодаря переадресации на эти цели субсидии в 12000 руб., ежегодно выделяемой городом «на несуществующие теперь школу и детский приют»[288].

Сбор средств среди союзников на военные нужды также не принес значительного результата, так как в составе монархических организаций доминировали социальные низы. В ответ на обращение Дубровина «осуществить помощь Отечеству... сообразно новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины»[289], Воршинский отдел ВДСРН Владимирской губернии обязался ежемесячно перечислять в Главный Совет 25 руб.[290], столько же готов был выделять и Виленский губернский отдел ВДСРН[291]. Подобные суммы конечно же не позволяли правым конкурировать с либералами в деле оказания помощи армии. Газета «Русское знамя» в сентябре 1915 г. по этому поводу писала: «Главный Совет против того, чтобы пристраиваться к казенным деньгам. О жертвах на нужды войны сделано объявление от Главного Совета... Кто хочет жертвовать – пусть жертвует»[292].

Еще одним поводом для критики стала довоенная германофильская позиция монархистов, скептически относившихся к союзу с конституционными государствами Антанты. С началом войны лидеры правых заявили о своем отказе от прежних взглядов. «Немцы показали себя с первых же дней вооруженного столкновения такими

---

[284] *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917) // 1917 год. Распад. М., 2015. С. 41.
[285] Правые партии. Т. 2. С. 435.
[286] ЦГИАУ Ф. 1439. Оп. 1. Д. 1648. Л. 12.
[287] Русское знамя. 1914. 14 нояб. № 259.
[288] ЦГИАУ Ф. 385. Оп. 1. Д. 2995. Л. 3.
[289] Правые партии. Т. 2. М. 1998. С. 436.
[290] Русское знамя. 1914. 19 нояб. № 262.
[291] Русское знамя. 1914. 13 нояб. № 257.
[292] Русское знамя. 1915. 10 сент. № 198.

варварами... что дальше подобная аномалия не может быть терпима среди европейских государств...», – писало «Русское Знамя»[293]. РНСМА, ранее видевший в союзе с Германией «могучий оплот монархических принципов среди кругов бушующего моря революции», теперь призывал «унизить» и уничтожить «злодейские династии Гогенцоллернов и Габсбургов»[294]. Однако либералы продолжали обвинять правых в прогерманских настроениях, так как последние, отказавшись от «германофильства» и выступая за войну «до победного конца», продолжали выражать опасения, что борьба против монархической Германии в союзе с конституционными государствами может иметь для самодержавной России пагубные последствия. Уже в феврале 1915 г. Департамент полиции констатировал появление в правом лагере течения, выступающего за сепаратный мир из опасения, что «окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где... может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение»[295].

Нападки со стороны оппозиции, давление властей, уход активистов в действующую армию, военные неудачи и нарастание экономических трудностей, связываемые с царским правительством, подтачивали силы правых. В начале 1916 г. МВД решило проверить наличные силы монархистов. Сведения, присланные губернскими властями, были неутешительны. Численность правых организаций, по сравнению с 1907 г., сократилась на порядок, едва составив 45 тыс. человек[296], многие из них закрылись. Например, в Ковровском уезде Владимирской губернии из 8 действовавших отделов СРН[297] к апрелю 1916 г. осталось только два[298]. Из Лубнов (Полтавская губ.) исправник доносил, что местные отдел СРН и Монархическая партия «в настоящее время никакой активной деятельности не проявляют»[299]. Дубровин с горечью констатировал: «Развал идет гигантскими шагами. И вряд ли удастся что-либо предупредить или устранить, – нельзя быть роялистом больше короля»[300].

---

[293] Русское знамя. 1914. 31 июля. № 172.

[294] Правые партии. Т. 2. С. 439.

[295] Цит. по: *Кирьянов Ю. И.* Правые партии. 1911–1917. М., 2001. С. 379.

[296] Там же. С. 417.

[297] Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории 1996. № 7. С. 111; Русское знамя. 1906. 12 сент. № 227; Владимирский край. 1907. 9 янв. № 6; Владимирец. 1907. 17 апр. № 8; Владимирец. 1907. 23 июня. № 134; Русское знамя. 1907. 20 июня. № 132; Старый Владимирец. 1908. № 48. 1 окт.; Русское знамя. 1908. 10 янв. № 8.

[298] Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 82.

[299] ЦГИАУ Ф. 325. Оп. 1. Д. 145. Л. 15.

[300] Правые партии. Т. 2. С. 538.

К началу 1917 г. только одесские и астраханские монархисты, ведомые Н. Н. Родзевичем и Н. Н. Тихановичем-Савицким, да петербургский кружок А. А. Римского-Корсакова продолжали деятельность, засыпая царя и правительство предупреждениями об угрозе революционного взрыва и предлагая различные методы борьбы с надвигающейся опасностью. Однако власть не реагировала. И дело здесь не в утопичности предложений монархистов (современные историки говорят о существовании «правой альтернативы Февралю»[301]), а в самом правительстве, уже не способном предпринимать какие-либо решительные действия и полностью уступившем инициативу Земгору и ВПК. Правая газета «Курская быль» по этому поводу писала: «...Одно дело – привлекать эти общественные силы к живому сотрудничеству с собою, и совершенно другое дело – самоупразднение правительственной власти и передоверие своих обязанностей и полномочий в руки первых встречных „спасателей" России»[302].

Не чувствуя поддержки с высоты престола, подвергаясь ожесточенным нападкам со стороны либеральной прессы, разобщенные и растерянные монархисты в начале 1917 г. представляли собой лишь бледную тень некогда влиятельной политической силы, и уже не имели ни желания, ни возможностей, выступить на защиту самодержавия.

Главным виновником своей капитуляции монархисты называли власть. С монархистами «сбылось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, рассеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться», – утверждали в кружке А. А. Римского-Корсакова[303]. По мнению Н. Е. Маркова, правительственная бюрократия встала на сторону Думы, «значит, на сторону конституции и постепенного разрушения самодержавия», поставив тем самым правых в положение «антиправительственной» партии и связав им руки в деле защиты самодержавия, ведь «бунт против царских властей во имя царской власти был невозможен». Кроме того, Февральская революция выступала «под видом нарочитого патриотизма, во имя войны до победы якобы для спасения России»[304], что автоматически переводило все противодействующие ей силы в разряд антигосударственных и антинациональных. Принять на себя такое клеймо правые не решились. А отречение Николая II окончательно парали-

---

[301] См., напр.: *Бородин А. П.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999 г.; *Иванов А. А.* Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 519–559.

[302] Цит. по: *Марков Н. Е.* Думские речи. Войны темных сил. М., 2011. С. 24.

[303] Правые партии. Т. 2. С. 589, 590.

[304] *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 325, 327.

зовало их, так как верноподданные монархисты не могли протестовать против воли своего монарха. «Император не решился начать междоусобную войну» и «не приказал того нам», – оправдывался Н. Е. Марков 2-й[305].

Таким образом, правые, сыгравшие столь заметную роль в победе над революцией 1905–1907 гг., спустя всего десять лет, в феврале 1917 г. без боя сдали позиции и сошли с исторической сцены. Их поражение было обусловлено как внутренними факторами (склоки в монархическом лагере, пассивность партийных масс, отход «вождей» от дел, финансовые затруднения и т. п.), так и внешними, среди которых следует прежде всего выделить позицию правительства, не только дистанцировавшегося от монархистов, но и приложившего немало усилий к их ослаблению, а также целенаправленную информационную атаку на самодержавие и его сторонников, предпринятую либеральной оппозицией в 1915–1917 гг., следствием которой стало катастрофическое падение популярности монархических идей.

Подпрятов Н. В.

Проблемы сохранения боеспособности армии в 1917 г. в условиях ускоренной национализации воинских частей

Аннотация. В статье рассмотрены усилия командования российской армии по сохранению управляемости войск и приемлемой воинской дисциплины после Февраля путем ускоренного создания этнических воинских формирований и стремление опереться на национальные части в борьбе с анархией в стране и в вооруженных силах. Исследуются темпы, сроки, численность, порядок комплектования национальных частей, проблемы, возникшие в ходе этого процесса.

Ключевые слова: этнические воинские формирования, национальное самосознание, воинская дисциплина, боеспособность, дезертирство.

The issues of preserving the combat effectiveness of the Army in 1917 in the context of rapid nationalization of the military divisions

Abstract. The article covers the efforts of the army command to maintain the controllability of troops and military discipline after the February

[305] *Иванов А. А.* «Революция будет национальною...»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 32.

Revolution by accelerating the creation of ethnic military formations and the desire to rely on national units in the fight against anarchy in the country and in the armed forces. The pace, timing, the order of recruitment of national units, the problems that arose in the course of this process are also studied.

Keywords: army, ethnic military formations, national self-consciousness, military discipline, combat capability, desertion.

Произошедшая в России Февральская революция не только привела к смене власти, но и вызвала рост национального самосознания многочисленных народов страны. У многих народов рост этнического самосознания достиг уровня определения национальной идентичности. Революционное нетерпение масс оказывало огромнейшее влияние на боеспособность воюющей армии и устойчивость государства в целом. Можно выделить три основные силы, пытавшиеся использовать усилившееся национальное самосознание народов государства для достижения своих собственных целей. С одной стороны, это были представители центральной власти и армейское руководство, с другой стороны, различные национальные политические партии и движения, а с третьей – сами военнослужащие (солдаты и офицеры) различных национальностей.

Что касается генералитета, то он видел возможность, в условиях растущей анархии и катастрофического падения дисциплины и управляемости войск, сохранить боеспособность армии и продолжить Первую мировую войну с помощью ускоренного создания этнических воинских формирований.

К моменту революции в феврале 1917 г. в составе армии уже воевали 11 этнических конных и 13 стрелковых полков, а также 10 стрелковых батальонов. В них числилось порядка 50–60 тыс. человек, что составляло мене 1 % от общей численности армии в то время.

При этом руководство вооруженными силами предполагало создавать этнические части не из всех народов государства, а только из тех, которым больше доверяли и надеялись, что представители данных этносов будут сохранять лояльность правительству. В первую очередь, таковыми полагали поляков и латышей, этнические формирования которых были уже известны, созданы и апробированы в боевых действиях и, как предполагалось, обладавших высокой дисциплинированностью.

Поэтому в первой половине 1917 г. происходит разворачивание польских и латышских частей в более крупные формирования. Еще к началу 1917 г. все польские формирования были сведены в бригаду польских стрелков и два конных дивизиона. С 8 февраля 1917 г. эта бригада разворачивается в польскую стрелковую дивизию,

командиром которой назначается генерал-майор Ф. С. Былевский[306].

Уже 6(19) марта П. Н. Милюков заявил, что Польша должна быть автономна и иметь территориальные войска, которые будут входить в состав русской армии. Поддерживал эту позицию и военный министр А. И. Гучков, высказавшийся 5 апреля за создание в России ударного польского корпуса[307].

Таким образом, этот процесс был намечен еще при самодержавии, и после Февраля военное руководство фактически продолжало политику предыдущего периода. Причем эта политика проводилась даже тогда, когда сами созданные национальные части не демонстрировали ни высокой боеспособности, ни отменной дисциплины.

Нередко оказывалось, что этнические по наименованию формирования таковыми не являлись, а комплектовались по конфессиональному признаку. Так, при формировании Польской дивизии в русской армии в нее включали всех католиков: литовцев, белорусов, русских, латышей, и нередко это делалось против воли последних[308]. Из четырех полков соединения только первый полк был укомплектован жителями из польских губерний, а остальные имели смешанный состав.

Например, в Польском запасном батальоне в Белгороде, развернутом в запасной полк, в июле насчитывалось около 18 тысяч человек. Собственно призывников из польских губерний в полку было только семь с половиной тысячи по три тысячи солдат из губерний Украины, Белоруссии и Литвы, а 350 новобранцев являлись католиками, уроженцами российских территорий.

Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич дважды просил начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанта А. И. Деникина разрешить ему развернуть армянские батальоны, мотивируя свою просьбу тем, что их в меньшей степени коснулся упадок дисциплины и что имеющихся армян-дезертиров будет легче привлечь в армию. Но отправить всех в стрелковые армянские батальоны не представлялось возможным, т. к. они и так были укомплектованы сверх штата. В армянских батальонах вместо 850 бойцов положенных по штату фактически было по 1200–1300 человек[309].

Поэтому Юденич предлагал развернуть армянские батальоны в двухбатальонные стрелковые полки и свести их в одну бригаду. С такой же просьбой обратился к А. А. Брусилову и в Особый Закавказский комитет[310].

---

306 *Венцов С., Белицкий С.* Красная Гвардия. М., 1924. С. 66.

307 *Bagiński H.* Wojsko Polskie na Wschodzie, 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 54, 107.

308 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 340. Л.3.

309 РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 216. Л. 22, 23, 29; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 338. Л. 12; Ф. 2320. Оп. 1. Д. 179. Л. 139.

310 Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 338. Л. 4.

Наконец, 18 июня военное министерство посчитало своевременным и безотлагательным развертывание армянских батальонов в полки и сведение их в дивизию. В конце июня генерал Брусилов отдает приказ № 540 о формировании армянской стрелковой бригады, отменив тем самым свой же запрет на такое формирование от 9 мая[311].

Верховное военное командование, решая свои тактические задачи, не учло того, что ситуация в стране после революции кардинально изменилась и в условиях слабой власти обострился поиск национальной идентичности представителей многочисленных народов России. Усиленное формирование польских частей и соединений с признанием их частью будущего польского государства не могло не вызвать аналогичного стремления у других этносов.

После того как Временное правительство заявило о признании независимости Польши и приступило к созданию сначала польской дивизии, а затем и корпуса, начались разговоры о том, что и «украинцы не хуже». А разворачивание латышских частей побуждало эстонцев требовать создания собственных формирований, но правительство сдерживало этот процесс[312].

Активно действовала и польская националистическая агитация. Поляки в национальных частях стали преследовать солдат-литовцев за их родной язык. Командование дивизии заявило, что соединение является составной частью Польской армии и подчиняется руководству Польского государства.

Не выдержав такого прессинга, соладты-литовцы отправили делегацию к командующему Юго-Западным фронтом генералу Брусилову с просьбой выделить их из польской дивизии. 26 апреля 1917 г. Брусилов отдал приказ, которым разрешалось сформировать литовский батальон в 41-м запасном полку при 22-м армейском корпусе в г. Трембовле (Теребовля) в составе двух тысяч человек. Приказ этот был объявлен 16 мая, но не был выполнен. Представитель солдат-литовцев 2-го полка А. Барковский телеграфировал, что, вопреки приказу, литовцы отправляются в те же польские части[313].

Польские офицеры в отместку приказали литовцев, пожелавших выделиться, раздеть и забрать у них палатки. Но даже в таких условиях постоянного давления из польских частей выделилось 950 человек литовцев, а осталось еще около 1500. 14 июня состоялось очередное собрание литовцев, настаивавшее на выделении всех литовцев из польских частей и присылке в эти части литовских офицеров, которые были бы для солдат не только начальниками, но и учителями[314].

---

[311] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 338. Л. 6, 8.

[312] *Булдаков В. П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России//Вопросы истории. 2000. № 1. С. 35.

[313] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 340. Л. 3–4.

[314] Там же. Л. 5–7.

Но российское военное руководство было склонно поддерживать именно поляков. Новый командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А. Е. Гутор категорически запретил формирование каких бы то ни было литовских частей и приказал отправлять солдат-литовцев в полки 22-го корпуса. 25 июня Гутор и командующий 7-й армией генерал-лейтенант В. И. Селивачев предъявили литовцам ультиматум: «Приказываю литовцам... безотлагательно исполнить боевое приказание и следовать на укомплектование полков корпуса. Неисполнение этого приказания в течение трех суток повлечет за собой репрессивные меры». Однако солдаты-литовцы отказались выполнить и это требование[315].

Наконец, 29 июля был отдан приказ о формировании отдельного литовского батальона по штату латышского. К 7 августа в литовском батальоне в Бердичеве находилось три офицера и 550 солдат[316].

Волна стихийной «национализации» частей грозила захлестнуть армию. 1 апреля к коменданту крепости Петра Великого в Ревеле контр-адмиралу П. Н. Лескову обратились эстонцы с просьбой укомплектовать два крепостных полка из запасных частей[317]. Командующий Балтийским флотом одобрил эти предложения и дал команду тыловым округам посылать эстонцев из запасных частей в Ревель в крепостные полки. Одновременно командующий флотом обратился в Ставку за разрешением подобных действий, но получил отказ, так как Верховный главнокомандующий был против создания эстонских формирований. Эстонцы же уже стали прибывать командами. Так, прибыли эстонские роты 107-й и 118-й дивизий. Тогда комендант крепости решил эти роты свести в один крепостной полк, а второй полк сформировать исключительно из эстонцев. Против такого решения выступили Ставка и командующий флотом. В результате переговоров представителя Балтийского флота полковника О. А. Крузенштерна с членами Петроградского и Ревельского эстонских комитетов было принято компромиссное решение: вместо крепостных полков создать два пехотных полка, инженерную роту и два конных эскадрона. А тем временем в Ревель мелкими партиями прибыло еще около 500 эстонцев, а 171-й и 176-й запасные полки настаивали на отправке в Ревель еще двух эшелонов из 10 офицеров и 2100 солдат[318].

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от кавалерии А. М. Драгомиров предлагал сформировать эстонский полк не в Ревеле, а в районе 1-й армии. Но 6 мая формирование эстонского полка началось явочным порядком, основываясь на утвержденном военным министром А. И. Гучковым положении о создании осо-

[315] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 340. Л. 7 об.
[316] Там же. Л. 9, 28, 29, 31.
[317] Там же. Д. 335. Л. 1–2.
[318] Там же. Л. 3–8, 10.

бых эстонских полков. Наконец эстонский полк трехбатальонного состава был укомплектован полностью, численностью в 2300 человек. Но эстонские бойцы продолжали прибывать, сверх штата скопилось более четырех тысяч человек, в том числе около 400 кавалеристов и несколько артиллеристов[319].

В апреле 1917 г. начинается брожение среди солдат-украинцев. Так, солдатский комитет 40-го полка сообщал, что возбужденные прапорщиком Шевченко украинцы никого не слушают, только своих соплеменников и требуют заменить красный флаг полка на национальный – желто-голубой[320].

28–29 апреля 1917 г. в Киеве собралось до трех тысяч солдат, ультимативно потребовавших сформировать из них украинский полк.

Поэтому армейское руководство было вынуждено пойти на уступки и разрешить оставить в Киеве 500 человек в качестве кадра для формирования Украинского добровольческого полка. Центральная Рада выразила удовлетворение таким решением командующего Киевским военным округом и согласилась на то, чтобы дальнейшее формирование украинских частей шло только в запасных частях, расположенных на Украине[321].

Таким образом, командование армией стремилось развивать стрелковые этнические формирования (польские, латышские, армянские) и в то же время сохранить боеспособность кавказских, туркменских и крымских конных подразделений, частей и соединений (национальные конные формирования развернуть не представлялось возможным уже во второй половине 1916 г. из-за практически полного прекращения притока добровольцев). Однако такой подход способствовал тому, что в вооруженных силах начался стихийный и слабо управляемый процесс «национализации» воинских частей.

Летом 1917 г. процессы деградации структур политической власти ускорились. Не обошли стороной эти процессы и воинские части. Массовое дезертирство, уклонение от выполнения обязанностей, митинговщина, неподчинение офицерам и т. п. разъедали армейский организм. Военачальники хватались за любую соломинку, которая могла бы спасти ситуацию. Летом–осенью 1917 г. такой панацеей им казалась возможность перехода к комплектованию армии по этническому принципу.

Поэтому стремились побыстрее перевести в разряд регулярных частей национальные конные добровольческие формирования. Это были Туркменский конный полк и полки Кавказской Туземной конной дивизии. С их помощью военное руководство надеялось справиться с разложением в вооруженных силах и продолжить войну.

---

[319] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 335. Л. 18 об., 30.
[320] Там же. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 с об.
[321] ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.

Армейское руководство продолжало делать ставку на национальные части даже тогда, когда последние не проявляли ни необходимой стойкости, ни высокой дисциплинированности.

В июне 1917 г. 1-я польская стрелковая дивизия была отправлена на Юго-Западный фронт, но там она отказалась занимать окопы. Как сообщал телеграммой исполняющему должность второго генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего полковнику Ю. Н. Плющевскому-Плющику исполняющий должность начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Н. Духонин 3 июля 1917 г., польская дивизия в 7-й армии плохо настроена и небоеспособна и поэтому расформируется. Дивизию вывели в тыл, окружили русскими войсками и в полках произвели аресты полковых комитетов[322].

Однако еще 19 мая(1 июня) начальник Генерального штаба генерал-лейтенант А. И. Деникин запросил телеграммой штаб Одесского военного округа о возможности комплектования 50-го корпуса поляками, заменяя постепенно русских солдат сначала в одной дивизии, а затем в другой. В конце июня 1917 г. он внес предложение в военный совет о создании новых польских частей. Военный совет поддержал это предложение, и Верховный Главнокомандующий Л. Г. Корнилов дал разрешение на формирование польского корпуса во главе с командиром 38-й дивизии генерал-лейтенантом И. Р. Довбор-Мусницким. Генералитет видел проблему не в этнических формированиях, а в существовании солдатских комитетов, разрушивших систему единоначалия и воинскую дисциплину, от которых и необходимо было избавиться. В соединении не было солдатских комитетов, о чем каждый поступавший в корпус предупреждался и давал расписку на согласие с таким положением вещей. В состав корпуса должны были входить две дивизии по четыре полка трехбатальонного состава каждый; две артиллерийские бригады шестибатарейного состава каждая, двухбатарейный мортирный артиллерийский дивизион, инженерный полк, а также части обеспечения и запасная бригада. К концу декабря 1917 г. польский корпус состоял из 12 стрелковых и трех кавалерийских полков и тяжелой артиллерии[323].

В дальнейшем военное руководство пошло еще дальше по пути создания национальных формирований. Так, управляющий военным министерством эсер Б. Савинков предложил Верховному Главнокомандующему генералу от инфантерии Л. Г. Корнилову следующую схему разворачивания армянских частей: 12 армянских батальонов развернуть в 24 и таким образом создать 8 стрелковых

---

[322] Революционное движение в русской армии 27 февраля–24 октября 1917 года. Сб. док. М., 1968. С. 173.

[323] *Венцов С., Белицкий С.* Указ. соч. С. 66–68; Разложение армии в 1917 году. М., 1925. С. 78–79.

трехбатальонных полков, сведенных в две дивизии. Эти дивизии, по замыслу Савинкова, должны были стать основой будущего армянского корпуса. Савинков предлагал назначать на Кавказский фронт всех желающих армян, в том числе офицеров из военных школ и училищ, предоставив армянскому соединению особый участок фронта в Малой Азии[324].

Но выполнить такой план было практически невозможно. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта докладывал, что некомплект фронта достигает 100 тысяч человек, совершенно нет обоза и лошадей. Кроме того, при разрешении армянам создавать свой корпус неизбежно возникнет аналогичное стремление и у солдат-грузин, а бойцы-мусульмане Кавказа и так требуют свести их в отдельный корпус. «Мы с грехом пополам поддерживаем существующие части, а сформировать новые не из чего». Главковерх Л. Г. Корнилов согласился с доводами командующего фронтом и отказал в развитии армянских частей[325].

19 сентября 1917 г. генерал от инфантерии М. А. Пржевальский возбудил новое ходатайство о создании 6 армянских полков (две бригады) и формировании третьих батальонов при указанных полках, т. е. всего 18 полевых батальонов и 4,5 запасных батальона. В связи с этим начальник армянской стрелковой бригады полковник П. П. Бежанбеков и начальник штаба подполковник А. Д. Векилов просили штаб Кавказского военного округа укомплектовать запасные батальоны при запасных полках армянами[326].

К началу октября было закончено формирование только 1-й армянской бригады из трех полков, начатое еще 28 июня. Исполняющий должность начальника штаба Кавказского фронта генерал-майор Е. В. Лебединский ходатайствовал о формировании 2-й армянской бригады трехполкового состава. Приказ № 785 о начале создания управления 2-й армянской бригады был издан 23 октября 1917 г.[327].

Но даже в октябре на все запросы солдат-армян с просьбой о переводе их в армянскую дивизию неизменно поступал отказ Наштаверха. Такое положение с комплектованием национальных частей означало: верховное командование и военное министерство не были в состоянии обеспечить формировавшиеся части всем необходимым и передавали часть своих полномочий в этом вопросе, а значит, и влияние, авторитет, да и власть, национальным органам, то есть шла децентрализация управления армией.

Тяжело продвигалось также формирование Осетинской пешей бригады. Часть стала создаваться еще в июне 1916 г. по штату отдель-

[324] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 338. Л. 25, 26, 28, 29.
[325] Там же. Л. 31, 36–38.
[326] Государственный исторический архив Грузии (ГИАГр). Ф. 1818. Оп. 2. Д. 69. Л. 56.
[327] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 9. Л. 1; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 338. Л. 51, 57; Д. 343. Л. 29.

ной пластунской из трех отдельных батальонов четырехсотенного состава каждый из трех запасных сотен с общей численностью в 2400 бойцов. При каждом батальоне имелась одна восьмипулеметная команда, а сама бригада подчинялась начальнику Кавказской Туземной конной дивизии. Однако революционные события совершенно разложили дисциплину в неустойчивой части. Начальник бригады и весь штаб были смещены со своих постов самими солдатами. Вместе с командирами ушла команда связи в 150 человек, укомплектованная преимущественно русскими солдатами. Покинули бригаду и все младшие командиры сотен – пластуны и урядники Кубанского казачьего войска, т. е. каждая сотня потеряла по 20–25 человек.

После июльских боев в бригаде было всего около тысячи штыков. Поэтому начальник бригады полковник А. В. Баев предлагал переформировать ее в конный полк и соединить с Осетинским конным полком 3-й Кавказской кавалерийской дивизии в одну отдельную бригаду. А вместо 1-го Осетинского конного полка включить в Кавказскую дивизию Текинский конный полк[328].

19 августа 1917 г. принимается решение о переформировании Осетинской пешей бригады в конную часть, которая по этому случаю принесла благодарность и отслужила молебен. Бригада вошла в состав Кавказской туземной дивизии и была отправлена к месту новой дислокации в Порусов-Дно. Мулла пешей бригады стал исправлять духовные обязанности и в конной бригаде[329].

К осени 1917 г. военное руководство стало отстаивать идею построения армии по территориальному принципу. Такой принцип комплектования армии был утвержден 19 сентября. В соответствии с новым подходом военный министр предполагал провести реорганизацию и добровольческих формирований[330].

Верховное командование считало одной из самых надежных и исполнительных частей Кавказскую Туземную конную дивизию. Однако бойцы дивизии отказались после Февральской революции присягать Временному правительству, а вместо этого дали письменное обязательство исполнять приказы правительства[331].

На эту Туземную дивизию и пытался сделать ставку генерал Корнилов во время своего неудачного мятежа в августе 1917 г. 21 августа она переформировывалась в корпус. Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант князь Д. П. Багратион. В его состав включались Осетинский и 1-й Дагестанский конные полки, Турке-

---

[328] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 333. Л. 8; Д. 339. Л. 26, 36, 153, 156 об.; *Опрышко О.* «Бывают странные сближения...»: Документальное повествование. Нальчик, 1993. С. 130.

[329] РГВИА. Ф. 2003. Д. 339. Л. 121 об.

[330] *Станкевич В.* Судьбы народов России. Берлин, 1921. С. 240.

[331] *Арсеньев А.* Кавказская Туземная Конная дивизия // Военно-исторический вестник. Париж. 1958. С. 10.

станский конно-горный артдивизион, Туркестанская и Осетинская конно-горные артбатареи и ряд других частей[332].

В связи с разворачиванием дивизии в корпус число сотен в полках дивизии было уменьшено с шести до четырех, что сделало подразделения громоздкими[333]. Кроме того, предлагалось сформировать еще по одному чеченскому и ингушскому полку. Полковник Г. Э. Келер, командовавший Чеченским полком, был против такого решения, считая, что ингуши слишком малочисленный народ для формирования второго полка. Кроме того, тыловые службы доложили, что для новых полков вообще нет лошадей, и они так и не были созданы[334].

У государственных органов, решивших использовать этническую карту в строительстве вооруженных сил, возник ряд проблем, с которыми они в конечном итоге не справились. Во-первых, под воздействием лавинообразно возросшей политизации общества и давления со стороны разных политических сил резко ускорились процессы формирования национальных частей. Если в годы Первой мировой войны сроки подготовки полноценного стрелкового батальона составляли три месяца, то в первой половине 1917 г. за такой же период пытались сформировать, обучить, вооружить и отправить на фронт целые бригады (это четыре стрелковых батальона) и дивизии (как правило, две–три бригады, в каждой из которых было три или четыре полка. Полк мог состоять из двух или трех стрелковых батальонов). Таким образом, стрелковая дивизия состояла из 16–24 батальонов. Да еще пытались придать ей все необходимые части и подразделения: кавалерийские, артиллерийские, инженерные, пулеметные, связи, медицинские и пр. Чего в прежние времена не было, да и времени на укомплектование таких подразделений всем необходимым, начиная с личного состава и кончая вооружением, снаряжением, оборудованием и т. д. требовалось гораздо больше. Второй проблемой явилось катастрофическое падение воинской дисциплины во всех без исключения частях, и этнических формированиях в том числе. При комплектовании же новых воинских подразделений и частей этот процесс только усиливался. В результате, командование получало не боевую часть, а скорее большую группу вооруженных людей, стоящих на довольствии, постоянно чего-то требующих, но категорически не воюющих с внешним врагом. В-третьих, такие формирования начинали требовать перевода их к себе на родину, к местам постоянного проживания. Таким образом, терялся сам смысл существования этнических подразделений, как частей противостоящих противнику на фронте.

[332] *Опрышко О.* Указ. соч. С. 153.
[333] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 339. Л. 115, 121; Арсеньев А. Указ. соч. С. 8.
[334] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 339. Л. 101 с об.

С другой стороны, появление вооруженных, худо-бедно управляемых национальных формирований в том или ином регионе сразу же приводило к росту межнациональной напряженности, стычкам, а затем и открытому вооруженному противостоянию различных этнических групп друг с другом, т. е. начиналась война всех против всех, или гражданская война. Ну и наконец, возникли проблемы с комплектованием таких частей и подразделений. Если в годы Первой мировой войны, как правило, этнические части укомплектовывались добровольцами и освобожденными от обязанностей воинской повинности, то теперь же развернулся процесс массового перехода воинов разных национальностей из общероссийских подразделений в «свои», национальные формирования. Этот процесс охватил всю армию и привел к массовому перетоку людей с одного места на другое, что, конечно, снижало боеспособность всех формирований, дополнительно подрывало в них дисциплину и вело к полной анархии в армии.

Генералитет русской армии по разному определял свое отношение к этническим формированиям и не редко менял свою точку зрения, исходя из конкретных обстоятельств. Так, например, Генерал Юденич поддерживал идею разворачивания армянских стрелковых батальонов в полки, а генералы Брусилов и Деникин были против. Однако в июне 1917 г. Брусилов меняет свою позицию. А в августе, когда генерал Корнилов и Савинков предлагают создать Армянский стрелковый корпус, именно Юденич был категорически против этого, также как и против разворачивания Грузинского корпуса. А вот военный министр Верховский и генералы Пржевальский и Лебединский считали, что создание таких корпусов поможет удержать Кавказский фронт и так далее. То есть, командующие видели общий развал вооруженных сил и пытались опереться на те части, которые оказались менее подвержены падению воинской дисциплины. В том числе, как им казалось, это могут быть этнические формирования. Вместе с тем, осознание реальных скудных возможностей экономики страны и ограниченных возможностей самой армии, а также видение того, что и этнические формирования быстро деградируют, заставляли их притормаживать планы по полной этнизации вооруженных сил.

Стадник В. А.

Повстанческие движения в Донбассе: 1917–1921 гг.

Аннотация. В статье проанализированы условия формирования и особенности развития повстанческого движения 1917–1920 гг. на территории Донбасса. Акцентируется внимание на этапах повстан-

ческого движения, его целях, масштабах и региональных особенностях. Охарактеризовано наиболее массовое движение под руководством Н. И. Махно.

Ключевые слова: Донбасс, махновщина, повстанческое движение, крестьянство, белогвардейские войска.

The rebel movement in the Donbass: 1917–1921

Abstract. The article analyzes the conditions of formation and peculiarities of the development of rebel movement of 1917–1920 in Donbass area. Attention is focused on the stages of the rebel movement, its objectives, scope and regional features. The most mass movement under the leadership of Nestor Makhno has been characterized.

Keywords: Donbass, Makhnovism, rebel movement, peasantry, the White Guard troops.

В свете последних событий, начавшихся в 2014 г. на Донбассе, особого внимания заслуживает рассмотрение проблемы повстанческого движения 1917–1920 гг. на юге Украины, составной частью которого был Донбасс.

В условиях, сложившихся после свержения монархического режима, произошло определенное ослабление авторитета крепкой центральной власти. Началось противоборство различных политических сил, скоротечная смена режимов. Создавались многочисленные самопровозглашенные «независимые республики» и «правительства». Авторитет закона уступил место «человеку с ружьем». В таких условиях повстанчество стало одной из форм самоорганизации народа так же, как и движение народного ополчения Донбасса весной–летом 2014 г.

Использование рассекреченных архивных документов исследуемого периода способствовало более детальному изучению такого сложного социального явления как повстанчество. В советской историографии это явление рассматривалось с узкоклассовых позиций – «красное» движение (позитивное) и «белое» движение (негативное). Постсоветский период позволил более детально изучить социальную сущность повстанческого движения и раскрыть его многообразие – от «зеленого» до «черного». Среди таких атаманов, как Зеленый, Григорьев, наиболее яркой фигурой и безусловным лидером повстанчества был Н. И. Махно (1888–1934). Возглавляемое им движение выделялось массовостью, организованностью, наличием идеологических установок. Главной причиной поддержки крестьянством идеологии анархизма была ее гибкость. Враждующие между собой политические силы не удовлетворяли потребностей крестьянства, в то время как анархисты выступали за их немедлен-

ную реализацию, что обеспечивало народным низам инициативу общественных преобразований.

В традиционной советской историографии движение под предводительством Нестора Махно классифицировалось как «анархо-бандитизм», направленный против советской власти. Подобная оценка деятельности Махно приведена, например, в работе О. Кучера[335]. Это мнение лишено реальной документальной базы.

Вопрос повстанческого движения неравноценно изучался в советской историографии. Повстанчество было антисоветским и просоветским. Последнему посвящены работы Х. Лукьянова[336] и Н. Супруненко[337]. При оценке повстанческого движения у авторов преобладали негативные тенденции, а также ограниченное освещение событий на периферии махновского движения – в Донбассе.

Более детальное изучение махновщины начинается с конца 1980-х годов. В это время выходит книга В. Верстюка «Махновщина», где этому движению давалась объективная характеристика[338]. Отдельно следует выделить исследование деятельности Махно в Донбассе. Этой проблеме посвящены работы Т. Беспечного[339] и Л. Яруцкого[340]. Для работ характерен описательный характер, тут отсутствует научный исторический анализ. Авторами преимущественно использованы материалы устного народного творчества, а выводы не подтверждены документально.

Современные исследования повстанческого движения и махновщины в Донбассе внесли определенные коррективы в оценку этих явлений на основе документальной базы.

В работе использованы опубликованные документы – мемуары участников Гражданской войны[341] и архивные материалы.

События февраля 1917 г. в Российской империи коренным образом изменили политическую картину на Юге России. На фоне разложения монархической власти проявилась конфронтация нескольких противоборствующих сил – опиравшегося на идеи большевиков пролетариата, отстаивающих монархические интересы белогвардейцев и класса буржуазии с ярко выраженными национальными идеями.

В городах и поселках Донбасса формой местного повстанчества было создание в 1917 г. многочисленных «дружин» партий и советов.

---

335 *Кучер О. О.* Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. Харьков, 1971.

336 *Лукьянов Х.* Красная гвардия Донбасса. Сталино, 1958.

337 *Супруненко Н. И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966.

338 *Верстюк В. Ф.* Махновщина. Селянський повстанський рух на Україні (1918–1921). Киев, 1991.

339 *Беспечный Т. А., Букреева Т. Т.* Нестор Махно: правда и легенды: Донецк, 1996.

340 *Яруцкий Л. Д.* Махно и махновцы. Мариуполь, 1995.

341 Этапы большого пути. Воспоминания. М., 1963.

Подобные организации создавались не только большевиками. Так, в Мариуполе осенью 1917 г. действовали милиция Временного правительства, эсеровская дружина и националисты. Некоторые организации представляли серьезную угрозу для большевиков: «Союз фронтовиков» в Славянске, «Солдатская организация» в Лисичанске. Действовали отдельные эсеро-меньшевистские отряды[342].

Специфика донбасского повстанчества связана с его региональными особенностями. Высокая концентрация промышленности, географическая близость к России обуславливали пролетарский характер повстанческих групп и их пробольшевистский вектор. Нелегальные большевистские структуры активизировались здесь очень рано (Мариуполь, Горловка, Луганск)[343]. Кроме этого, для Донбасса был характерен многонациональный состав и при этом отсутствие проявлений национализма. Национально-государственная идея не была поддержана большей частью населения.

В условиях фактического безвластия большевистско-левоэсеровский блок и некоторые анархисты были поддержаны трудящимися Донбасса. Эти политические течения объединяла радикальная антигосударственная и антибуржуазная позиции. Среди анархо-коммунистов был и Н. И. Махно[344]. В марте 1917 г. был выбран главой Гуляйпольского крестьянского союза депутатов, проводя политику большевиков на местном уровне.

Именно анархо-большевистские формирования стали военной опорой провозглашенной 12 декабря 1917 г. в Харькове буферной Украинской республики и одновременно – Донецко-Криворожской советской республики[345]. Махновские «черные сотни» разоружали возвращавшиеся на Дон казацкие эшелоны. В Донбассе в то время шли ожесточенные бои между красногвардейцами и казаками. Борьба с Калединым завершилась вооруженным восстанием в промышленном Донбассе. Среди казачества стала распространяться большевистская пропаганда. Постепенно казаки либо просто оставляли военную службу и уходили на Дон, либо вливались в ряды большевиков. Чаще всего шел возрастной раскол: молодежь поддерживала красных, а пожилые казаки – белых[346].

При пособничестве украинских сил в апреле 1918 г. Гуляйполе было оккупировано немецкими войсками, и Н. И. Махно вынужден был бежать в Россию. Вернувшись в августе 1918 г. в Гуляйполе, он

---

[342] *Лукьянов Х.* Указ. соч. С. 33.

[343] *Петров В. И.* Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988.

[344] *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. М.,1974. С. 109.

[345] *Тимощук А. В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917–август 1921). Симферополь, 1996.

[346] Государственный архив Донецкой народной Республики. Ф. 533 Оп. 1. Д. 83. Л. 49–50. Воспоминания И. Авилова.

собрал небольшой отряд анархистов и совершал нападения на экономии местных помещиков, гетманские (украинские) и германские посты. В это время Махно грабил сберегательные кассы «на благо революции»[347].

Осенью 1918 г. Махно совершил первый рейд против австро-германских войск на Юзово-Мариуполь, где его активно поддержало население. Южный Донбасс пополнил ряды махновского движения – отряд бывшего «красноармейца» матроса Федора Щуся, ставшего ближайшим помощником Махно; махновский командир В. Куриленко; юзовский металлург Лева Задов-Зиньковский (начальник контрразведки у Махно) и В. Белаш (начальник штаба у Махно). Активную поддержку повстанческого движения в Донбассе обеспечила проводимая тут деникинцами массовая мобилизация в ряды белого движения. Именно в Донбассе Махно впервые был назван «батькой». В это время у него появляются знаменитые тачанки.

Недооценка роли народных масс, нежелание правительства реализовать их требования неизбежно приводили к социальным протестам и массовым антиправительственным движениям.

Махно не был сторонником ни идей анархизма, ни эсеровской или большевистской идеологии. «Анархизм» Махно практически ограничивался революционной антигосударственной позицией зажиточного крестьянства. На фронтах махновцы воевали против немцев, донских белоказаков, белогвардейцев Дроздовского и помещичьих отрядов[348]. Повстанцы разоряли помещичьи имения, на немецких колонистов накладывали контрибуции, у зажиточных крестьян забирали для военных потребностей коней, подводы, продовольствие, оружие. Постоянное войско Махно насчитывало не более 500 бойцов и 2000 вооруженных крестьян[349]. Неустойчивые позиции атамана проявились в его одновременных переговорах с большевиками и петлюровцами. Весной 1919 г. союз Махно с большевиками был наиболее продуктивным.

Повстанческое движение 1918 г., по сравнению с 1917 г., приобрело четкие социальные и национальные черты. Это особенно ясно видно на примере русифицированного Большого Донбасса, где позиции большевиков еще больше укрепились.

Конец 1918–начало 1919 г. были периодом успехов Красной армии и советской власти на Украине. 8 декабря 1918 г. была создана Украинская Красная армия, насчитывавшая всего 12 тыс. бойцов, но имеющая большой повстанческий потенциал, готовый влиться в ее ряды[350]. В это время махновско-большевистские отряды

---

[347] *Руднев В. В.* Махнівщина. Харків, 1928. С. 21.
[348] *Голованов В. Я.* Тачанки с юга. М.; Запорожье, 1997. С. 76.
[349] *Тимощук А. В.* Указ. соч. С. 27.
[350] *Верстюк В. Ф.* Вказ. праця. С. 51.

успешно воевали с белогвардейцами в Донбассе, был сформирован идеологический отдел махновского штаба[351]. В начале января 1919 г. был создан единый руководящий орган махновского движения – оперативный штаб во главе с В. Ф. Белашем. Махновская армия была реорганизована по образцу Красной армии; главной единицей стал полк в составе 1200 бойцов. Все отряды, которые не подчинялись штабу, подлежали разоружению. В начале января 1919 г., по указанию штаба, было создано 5 полков имени «Батько Махно», общей численностью 6200 бойцов[352]. В то же время хорошо вооруженные и многочисленные деникинские войска перешли в наступление против уступающих в живой силе и вооружении махновских отрядов. В такой кризисной ситуации Махно мог спасти только союз с Красной армией, которая помогла махновцам разрешить сложную военно-оперативную ситуацию и улучшить вооружение.

В феврале 1919 г. была проведена реорганизация махновских, григорьевских и других повстанческих частей, присоединившихся к Красной армии. Из махновцев создали 3-ю бригаду Заднепровской дивизии 2-й Украинской Красной армии в составе трех полков. Для противодействия деникинским войскам в Донбассе была создана Донецкая группа войск в составе 1–4 повстанческих дивизий, занявших позиции по линии Волноваха–Бахмут–Дебальцево–Луганск[353]. В начале марта 1919 г. Донецкая группа была переименована в 13-ю армию. На юге Донбасса, в тылу деникинских войск, продолжались партизанские действия повстанцев Мариупольщины против белоказаков А. Шкуро. Местные повстанцы активно вливались в отряды Махно[354].

Операция по захвату Мариуполя бригадой Махно является одной из крупнейших побед Красной армии над Деникиным весной 1919 г. С Мариупольскими событиями связана история с награждением Махно орденом Красного Знамени № 4, но по документам кавалером ордена № 4 в декабре 1919 г. был Я. Фабрициус. Скорее всего, награждение было, но документально его не оформили. Сохранились фото Махно с орденом[355]. Однако войска Махно так и не получили обещанного продовольственного обеспечения, что еще больше усложнило взаимоотношения Махно с командованием Красной армии, которое ему не доверяло.

Армия Махно была полубосая и полуголодная, ей не хватало боеприпасов. Это спровоцировало самозахват грузов на железных дорогах Донбасса. Махно противодействовал деятельности продотря-

---

[351] *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 38–41.
[352] *Верстюк В. Ф.* Вказ. праця. С. 64–65.
[353] История УССР: в 10 т. Т. 6. Киев, 1984. С. 454.
[354] История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. Киев, 1976. С. 199.
[355] *Душенькин В. В.* Боевая награда Родины // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 198.

дов на территории Гуляйполя. Следует отметить, что Махно не всегда присваивал отбитое у красных или белых имущество. Большинство добытого продовольствия он отправлял в голодающие районы Украины. Это способствовало популярности батька среди крестьянства и недовольству политкомиссаров, которые обвиняли его в отсутствии в его бригаде четкой структуры, слабости коммунистического влияния и других недочетах.

В апреле 1919 г. кавалерийский корпус Шкуро совершил рейд по югу Донбасса. Единственной силой, удерживавшей здесь позиции, была 3-я бригада Махно – при общем отступлении и бегстве красноармейцев. Бригада находилась в 27 верстах от Таганрога. В итоге всю ответственность за отступление от Мариуполя возложили на Махно. По Украине прокатились военно-крестьянские бунты, в том числе бывших махновцев. Этот момент стал поворотным во взаимоотношениях Махно с советской властью. Его несправедливо обвиняли в контрреволюционных действиях[356].

Однако усложнившаяся ситуация на Южном фронте в Донбассе заставила советскую власть пойти на определенные уступки. Весной 1919 г. было решено переформировать разросшиеся (более 50 тыс. чел.) махновские части. Эта реорганизация нужна была и для усиления коммунистического влияния, и для повышения боеспособности махновских войск. Однако с официальным решением затягивали, и Махно самостоятельно издал Приказ № 40, по которому его 3-я бригада была преобразована в Первую Украинскую повстанческую дивизию, себя он назначил начальником, а Я. Озерова руководителем штаба. Дивизия состояла из трех бригад общей численностью 22 600 человек, и столько же невооруженного резерва. Такое нарушение субординации вызвало недовольство командующего Южным фронтом Гиттиса, и дивизия снова была преобразована в бригаду[357]. Все это происходило на фоне тяжелых боев с белогвардейцами в Донбассе. Опять во всех неудачах на фронте обвинили Махно, и было принято решение «ликвидировать Махно в короткий срок», хотя слабо вооруженные махновцы продолжали воевать и погибали тысячами[358]. Махно объявили предателем и преступником, который подлежал аресту и суду Ревтрибунала. Однако ликвидация дивизии Махно и расстрел его штаба не принесли желаемого результата. По стране снова прокатились массовые крестьянские антибольшевистские выступления. На этом первый союз Махно с большевиками завершился.

---

[356] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне: в 4 т.Т. 4. М.; Л., 1933.С. 103.

[357] Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы / Авт.-сост. В. Ф. Верстюк. Киев, 1991. С. 145.

[358] На защите революции. Из истории ВУЧК. 1917–1922. Сб. док. и мат. Киев, 1971. С. 86.

Летом 1919 г. Махно объединил разрозненные отряды в единую Революционную повстанческую армию Украины с четкой организационной структурой. Он также создал армейскую контрразведку. Хорошо вооруженная армия была разделена на 4 корпуса (Донецкий, Азовский, Екатеринославский и Крымский), которые включали вспомогательные службы и приказы по хозяйственной части. Мощный махновский рейд против белогвардейских войск был поддержан в Донбассе крестьянским восстанием и рабочими забастовками. В результате этого большая часть южноукраинских земель была освобождена от белогвардейцев. Были захвачены значительные трофеи. Армия Махно осенью 1919 г. насчитывала 100 тыс. человек[359]. И снова Махно обвинили в антисоветской деятельности.

Однако уже в начале января 1919 г. Рабоче-крестьянское правительство Украины взяло курс на тотальную национализацию в промышленности и сельском хозяйстве, на продовольственную диктатуру. Начались крестьянские мятежи, которые подавлялись силами армии. В ответ на это из рядов Красной армии началось дезертирство. В целом аграрная политика большевиков в 1919 г. не оправдала надежд крестьян.

В 1920 г. коммунистическое руководство поставило цель ликвидировать махновщину. Махно снова обвинили в предательстве и дезертирстве. Махновские войска, измотанные боями с белогвардейцами и тифом, уже не могли оказать достойного сопротивления. Повстанческая армия разваливалась. Однако Махно удалось собрать сначала небольшой отряд, а в мае 1920 г. Повстанческая армия была восстановлена. Для ликвидации махновщины коммунистическое руководство попыталось использовать части 1-й Конной армии (под командованием А. Пархоменко). Однако особого успеха это мероприятие не имело. Махновские рейды мая–июля 1920 г. практически парализовали работу коммунистического правительства на Левобережной Украине. Благодаря присоединению к Махно отдельных повстанческих отрядов и красноармейских частей численность его армии в августе 1920 г. составила около 35 тыс. человек (20 тыс. – ядро), причем доля бывших красноармейцев – около 45 % (12 тыс. человек)[360]. Именно в это время повстанческое антибольшевистское движение в Донбассе достигло своего пика. Анархисты в этот период окончательно порвали с Махно. Постоянные рейды истощили армию Махно, и к сентябрю 1920 г. активные действия прекратились.

Конец сентября–ноябрь 1920 г. – последнее официальное соглашение между советским правительством и повстанческой армией Махно в борьбе с белогвардейскими войсками.

---

[359] *Белаш А. В., Белаш В. Ф.* Дороги Нестора Махно. Киев, 1993. С. 341.
[360] *Верстюк В. Ф.* Вказ. праця. С. 255; *Тимощук А. В.* Указ. соч. С. 117.

В летних боях 1921 г. погибли лучшие махновские командиры – Куриленко, Щусь, Петренко, Кожин и другие. Переход к НЭПу и начавшийся голод подорвали социальную базу повстанчества, и Махно вынужден был распустить армию на небольшие отряды. 28 августа 1921 г. Махно с 78 бойцами пересек кордон и бежал в Румынию. В то же время, в Донбассе в 1921 г. было зафиксировано 46 банд (9 тыс. чел.) и сохранялась поддержка махновского движения[361]. Поэтому сюда были стянуты значительные силы регулярных войск.

Таким образом, 1921 год стал одновременно и пиком повстанческого движения в Донбассе, и началом его конца. Одно из самых многочисленных движений, махновщина, не смогла реализовать свои цели, несмотря на общий революционный подъем в период 1917–1921 гг.

Стариков С. В.

Об основных этапах Великой Российской революции и большевистско-левосоциалистическом блоке в центре и на местах (октябрь 1917–июль 1918 г.)

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы революции 1917–1918 гг. и политический блок левых советских партий на третьем этапе революции, анализируются особенности левой коалиции, складывание двухпартийной системы советской власти на местах. Важнейшее место уделено разногласиям большевиков и левых социалистов в условиях чрезвычайной политики Совнаркома, начавшейся Гражданской войны и становления однопартийной диктатуры в Советской республике.

Ключевые слова: блок социалистических партий, большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты, продовольственная диктатура, комитеты бедноты.

The main stages of the Great Russian Revolution and the Bolshevik–Left Socialist-Revolutionary (SR) Coalition in the center and at the local levels, October 1917–July 1918

Abstract. The article describes the main stages of the 1917–1918 revolution and the political bloc of the left-wing Soviet parties in the third stage of the revolution. The author explores the features of the left coalition, the creation of a bipartisan system of Soviet power in the regions.

[361] *Яруцкий Л. Д.* Указ. соч. С. 130.

Particular attention is paid to the disagreements between the Bolsheviks and the Left Socialists during the emergency policy of the Council of People's Commissars, the Civil War and the establishment of a one-party dictatorship in the Soviet Republic.

Keywords: socialist parties bloc, Bolsheviks, Left SRs, SRs-maximalists, food dictatorship, committees of the poor.

Великая Российская революция прошла несколько этапов, ибо вопрос о власти, который оставался главным, был решен далеко не сразу. Накал политической борьбы нарастал. Традиционное деление революции на Февральскую и Октябрьскую не раскрывает всего спектра политической борьбы и вызванных ею революционных процессов. Февральский и Октябрьский перевороты 1917 г. стимулировали ее дальнейшее развитие.

Великая Российская революция 1917–1918 гг. охватила большой период с февраля 1917 г., когда произошло свержение династии Романовых, и до середины июля 1918 г., когда вопрос о власти был окончательно решен в пользу партии большевиков. Мы выделяем три ее этапа.

Первый – февральский, или либерально-демократический, с февраля до начала июля 1917 г., когда Временное правительство возглавили партии кадетов и октябристов. Но возникшая власть не смогла реализовать собственные установки и идеалы, повсеместно нарастало недовольство, максималистские настроения и движения.

Второй – революционно-демократический, или умеренно-социалистический, с июля по октябрь 1917 г., когда ключевые посты во власти заняли умеренные социалисты (меньшевики и эсеры), стремившиеся достичь классового мира и единства либеральных и умеренно-социалистических сил и направить Россию по пути реформ с социалистической перспективой в далеком будущем. Но и им не удалось овладеть революционным процессом. Усиливали свои позиции левые революционные партии, взявшие осенью 1917 г. курс на свержение Временного правительства Керенского.

Третий – радикально-социалистический, или советский, с конца октября 1917 г. до начала июля 1918 г., когда во главе революционной стихии встали большевики и левые социалисты (левые эсеры, левые меньшевики, эсеры-максималисты), сторонники власти Советов и полного «социального переворота».

Октябрьский военный переворот в Петрограде ускорил процесс утверждения советской власти. Но переход власти к Советам не решал всех накопившихся проблем. Продолжались дезинтеграционные процессы: распад бывшей империи, усиливалась революционная анархия, «красногвардейская атака на капитал» еще более усугубила хозяйственный кризис.

Правительство Ленина, созданное на II Всероссийском съезде Советов, оказалось в сложном положении. Это продемонстрировал кризис Совнаркома в конце октября–начале ноября 1917 г. Правительство называлось еще Временным рабоче-крестьянским правительством, предстояли выборы в Учредительное собрание. В ноябре–декабре 1917 г. политическое противостояние усилилось. Большевики все больше говорили о необходимости установления пролетарской диктатуры, которая фактически принимала форму большевистской партийной диктатуры, переходили к политическим репрессиям (разгон Всевыбора, запрещение партии кадетов, закрытие оппозиционных газет и т. п.). Имевшие слабое влияние в деревне большевики склоняли левых эсеров к созданию левого советского блока на правительственном уровне. Сначала левые эсеры отказывались. Но когда стало ясно, что идея однородно-социалистической власти неосуществима, а большевики насаждают свою диктатуру в Советах, только что образованная партия левых эсеров решила войти в правительство Ленина и нейтрализовать наиболее одиозные замыслы большевиков. В конце ноября 1917 г. левые эсеры вошли в СНК. На местах уже с лета 1917 г. действовал большевистско-левосоциалистический блок, благодаря которому левые партии смогли обеспечить «триумфальное шествие советской власти».

Но переход власти к Советам не означал автоматического претворения в жизнь тех лозунгов, с которыми левые партии пришли к власти. Революционная эйфория продолжалась. Идея мировой революции завладела умами лидеров правящих партий. Они считали, что без победы мировой революции русская революция обречена на поражение. Во время Брестских переговоров была сделана попытка оказать влияние на революцию на западе, но она провалилась. Брестский мир стал не победой большевиков, а первым крупным поражением их курса на мировую революцию.

Лишь весной 1918 г. началось отрезвление. В марте 1918 г. Ленин поставил задачу «научиться Россией управлять», иначе, по его мнению, крах революции будет неизбежным. Во внутренней политике большевики сделали ставку на централизацию, введение системы управления, контроль и учет, привлечение старых специалистов. В связи с угрозой голода СНК все более склонялся к установлению жесткой чрезвычайной политики в продовольственном деле. «Чрезвычайщина» вела к усилению власти РКП(б).

Разгром контрреволюции к весне 1918 г., укрепление Советов не означали прекращения борьбы за власть. Неожиданные развороты внутри политического курса усилили противостояние. Теперь борьба развернулась в советском блоке партий. Оппозиция большевикам нарастала внутри Советов. Вопросы о том, какой станет советская

власть, как будут проходить выборы, какое место займут партии во властных органах, как вообще будет функционировать власть Советов, вызвали бурную полемику в советском блоке. Сколько копий было сломано в идейно-политической борьбе по этим вопросам!

Первый удар слева большевики получили со стороны эсеров-максималистов, которые превратили Самару в центр борьбы с нарастающей большевистской диктатурой. На VI губернском съезде Советов в конце марта 1918 г., заручившись поддержкой крестьянских и беспартийных делегатов, они взяли под свой контроль губисполком и в апреле начали «третью советскую революцию» под лозунгом «Власть советам, а не партиям!». Исходя из своей концепции «истинной советской власти», разработав «Конституцию Трудовой Советской республики», они начали перестройку советской власти в одной отдельно взятой губернии, чтобы этот опыт потом распространить на другие губернии и регионы. Они наивно полагали, что большевиков можно убедить отказаться от «партийного доктринерства» и отдать свои силу и энергию власти трудового народа, объединенного в Советы всех уровней. Они собирались департизировать Советы, ликвидировать партийные фракции в них и создать депутатский корпус по принципу пропорционального представительства рабочих и крестьян в Советах, включая все исполнительные органы советской власти, которые должны были функционировать на коллегиальной основе. «Фракционное безумие», по мнению эсеров-максималистов, губило саму идею Советов как власти трудового народа. Но понимание роли партии в обществе и советской системе у большевиков и максималистов было противоположным. Компромисс изначально исключался.

Кое-что в Самаре им сделать удалось. В Самарский губисполком было избрано 125 человек. Крестьяне получили 83 места, рабочие – 42. Началась перестройка местных комиссариатов по территориальному и коллегиальному принципу. Но большевики восприняли эту «советскую революцию» как похороны большевистской диктатуры в Советах. Получив поддержку центра, самарские большевики спровоцировали «анархо-максималистский мятеж» 17–19 мая 1918 г. и разгромили организацию эсеров-максималистов, чтобы пресечь все попытки подобных экспериментов. 20 мая 1918 г. губисполком в Самаре был разогнан. Это был первый акт в Советской республике по разгону неугодных советских органов[362].

Еще более серьезной оказалась оппозиция со стороны левых эсеров. Они стремились изменить внутреннюю и внешнюю политику

[362] См. подробнее: *Стариков С. В.* Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917–июль 1918 гг. (На материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004; *Он же.* «Власть Советам, а не партиям!»: Советская революция в Самаре в 1917–1918 годах. Йошкар-Ола, 1999.

СНК. Они не приняли чрезвычайную продовольственную политику большевиков, считая ее провокацией Гражданской войны. Левые эсеры также высказывались за чрезвычайные меры в этой области. Но они сводили их не к продовольственной диктатуре Наркомпрода, посылке рабочих в деревню, созданию продотрядов и комбедов, а к экономическим мерам, которые бы позволили взять хлеб у крестьян. Левые эсеры делали ставку на местные Советы крестьянских депутатов при решении хлебной проблемы. В ряде мест, в частности в Казанской губернии эта левоэсеровская альтернатива продовольственной политике большевиков дала некоторые результаты, и даже местные большевики ее поддерживали. Но СНК и лично Ленин торпедировали все усилия. Дело дошло до разгона Казанской губпродколлегии, а затем и V Казанского губернского крестьянского съезда.

Вообще левоэсеровская альтернатива курсу Совнаркома очень тревожила большевиков. Ленину всюду мерещилась «пензенская опасность», продовольственная и политическая. Суть состояла в том, что местные большевики, по мнению Ленина, были недостаточно бдительны и всякий раз шли на поводу у левых эсеров. В действительности же местные большевики занимали более прагматические позиции по целому ряду вопросов, считая, что ЦК РКП(б) не знает ситуации на местах и своими действиями провоцирует Гражданскую войну. Их союз с левыми эсерами на местах был весьма прочен. Различия местных большевиков и левых социалистов с политикой центрального большевистского правительства касались путей и методов проведения чрезвычайной политики. Так, на II Пензенском губернском съезде Советов, открывшемся 23 июня 1918 г., местные большевики и левые эсеры выступали за сохранение твердых цен на хлеб, сохранение за Наркомпродом чрезвычайных полномочий, но не были согласны с посылкой продотрядов в деревню. Они делали ставку на местные крестьянские Советы в деле заготовки хлеба. В резолюции съезда выражались полное доверие и безусловная поддержка продовольственной политики центральной советской власти, говорилось о недопустимости «самочинных» действий, подтверждалась незыблемость хлебной монополии и твердых цен. Предлагалось произвести учет хлеба и других продуктов во всей губернии, оставить до нового урожая на едока 30 фунтов ржи, 5 фунтов пшена и 20 фунтов картофеля. Остальное попадало под понятие «излишков», подлежало реквизиции по твердым ценам и разделу между голодающими[363].

Но В. И. Ленин требовал гарантий для большевистского центра. 27 июня 1918 г., очевидно, не удовлетворившись спокойным тоном ответа председателя исполкома Пензенского Совета А. Е. Минкина,

[363] Молот (Пенза). 1918. 29 июня.

В. И. Ленин вновь телеграфировал ему о необходимости убедить съезд в немедленной организации продармии при Пензенском Совете. «Я уверен, что если во главе реквизиционных продовольственных отрядов будут поставлены убежденные, преданные Октябрьской революции социалисты, то они сумеют сорганизовать деревенские комитеты бедноты и совместно с ними смогут отобрать хлеб от кулаков даже без применения вооруженной силы»[364].

В словах председателя Совнаркома звучало недоверие к местным советским деятелям. Ленин считал «иллюзией» мнение о том, что хлеб можно получить простыми решениями съездов, не прибегая к «помощи» продотрядов. Вождь большевиков опасался, что местные большевики свяжут себя с «демагогическими» проектами левых эсеров. Однако в Пензе ситуацию оценивали не менее трезво, чем в Москве. Правда, как раз о продотрядах в принятой резолюции ни слова не говорилось. Пензенские большевики и левые эсеры в деле добычи хлеба делали ставку не на продотряды, тем более из центра, а на местные Советы. И все же, по настоянию Ленина в Пензу 27 июня 1918 г. прибыл продотряд из питерских рабочих, а в начале июля сюда явились партийные и советские работники из Москвы и других городов. Продовольственная диктатура центра была установлена в полном объеме.

В ряде случаев получалось так, что большевики на местах не поддерживали курс правительства Ленина, более того, даже саботировали его отдельные мероприятия. Так, в Поволжье фактически была сорвана кампания по созданию комбедов в деревне летом 1918 г. В Саратовской губернии большевики полагали, что, поскольку беднейшего крестьянства в губернии меньшинство и преобладает среднее и зажиточное крестьянство, бедняки не способны повести за собой остальное крестьянство. В Саратове, оказавшемся в июне 1918 г. в кольце фронтов, местные большевики понимали, что комбеды лишь усложнят положение. Открыто тогда об этом не говорилось, но определенный «саботаж» декрета от 11 июня 1918 г. имел место, а следовательно, проявлялась солидарность с левыми эсерами. Позиция саратовских большевиков прозвучала лишь 14 декабря 1918 г. на собрании Саратовской организации РКП(б), когда эпопея с комбедами уже осталась позади. М. И. Васильев-Южин, говоря о важности комбедов для развития пролетарской революции, в то же время отмечал, что «у нас в Саратовской губернии преобладает средний крестьянин и кулачество, бедного крестьянства у нас в губернии меньшинство, которое неспособно повести за собой остальное крестьянство. Это мы предвидели и действовали, согласуясь с принципом целесообразности. Кроме того, ведь не приходится

[364] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 430–432.

закрывать глаза на то, что комбеды по всей России кроме пользы принесли и вред. Это положение привело 6-й съезд к необходимости упразднить комбеды»[365]. Саратовские левые эсеры оценивали такой подход как «трезвомыслящий». Поэтому большевики были против раскола деревни, как выражались левые эсеры, «по живому месту», выступали против подталкивания Гражданской войны, которая уже началась на Средней Волге в связи с выступлением Чехословацкого корпуса.

Местные большевики видели в левых эсерах испытанные и преданные советской власти кадры, которые некем было заменить. В Саратовской губернии их представительство оставалось значительным. Например, на 23 июля 1918 г. в Саратовском губисполкоме из 81 члена было 55 большевиков, 23 левых эсера, 3 максималиста. В Петровском уездном Совете – 8 большевиков и 7 левых эсеров, в Кузнецком соответственно 12 и 8, Аткарском – 19 и 11, Сердобском – 11 и 7, Балашовском – 6 и 2[366]. М. И. Васильев-Южин, выступая на общем собрании Саратовской городской организации РКП(б) и говоря о взаимоотношениях с левыми эсерами, заметил: «Нам предъявили требование убрать всех левых эсеров с ответственных постов. Мы и сами хорошо знаем и понимаем левых эсеров, но приходится держать не только их, не только беспартийных, но и кадетов. Убрать их легко, но заменить-то не кем»[367].

Партия левых эсеров значительно усилила свои позиции весной–летом 1918 г., а ряды большевиков значительно сократились. Действия левых эсеров воспринимались руководством РКП(б) как посягательство на центральную власть, тем более что предстоял созыв V Всероссийского съезда Советов, где левые эсеры планировали заручиться поддержкой крестьянской секции и изменить политику Совнаркома. Конечно, ни о каком свержении или устранении большевиков от власти речи не было. Угроза «передвижки власти» окончательно толкнула большевиков на полное устранение левоэсеровской оппозиции. А поводом к этому стали действия ЦК ПЛСР и события 6 июля 1918 г. в Москве. Июльский политический кризис положил конец большевистско-левосоциалистическому блоку.

Если в центре политический блок большевиков и левых эсеров был весьма кратковременным (до начала марта 1918 г.), то на местах он сохранялся в течение всей весны и даже лета 1918 г. Более того, он имел реальные перспективы превращения в двухпартийную систему советской власти на местах. Местные большевики и левые

---

[365] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 605. Оп. 1. Д. 11, Л. 4 об.

[366] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 165. Л. 4–7, 9, 11.

[367] ГАНИСО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.

эсеры сформировали на паритетных началах губернские и уездные советские структуры, во многом одинаково трактовали политику советской власти. Левые эсеры на местах в большинстве случаев отрицательно отнеслись к левоэсеровскому выступлению в Москве 6 июля 1918 г., ибо местные организации ПЛСР не были в курсе действий своего ЦК. В Саратове определяющей тенденцией и после событий в Москве продолжала оставаться линия на поиск взаимного согласия, несмотря на то, что большевистский центр уже вынес политический приговор левым эсерам как политической партии. Саратовские левые эсеры готовы были идти и дальше с большевиками. Но решение большевистского центра стало иным. И без того хрупкая двухпартийная советская власть была разрушена.

Левый советский блок на местах был разрушен действиями большевистского центра после 6 июля 1918 г. Принципиальные разногласия между советскими партиями в конечном итоге пустили под откос леворадикальную коалицию. С середины лета 1918 г. началось стремительное укрепление большевистской диктатуры, складывание однопартийной системы советской власти. Таким образом, вопрос о власти был окончательно решен в пользу РКП(б). Великая Российская революция 1917–1918 гг. подошла к своему логическому завершению.

Раздел 2

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В РОССИИ И ОБЩЕСТВО

Березкина О. С.

Советское общество как результат Октябрьской революции

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики советского общества: социально-экономическая система государственного социализма, «эгалитарно-корпоративная» модель социального государства, политический режим «тоталитарной демократии». СССР являлся альтернативной Западу моделью индустриального общества, слабостями которой были дефицит свободы и негибкость экономики. Основной причиной стремительного краха советской модели стала неадекватная политика высшей партийной элиты эпохи «перестройки».

Ключевые слова: советское общество, государственный социализм, социальное государство, «тоталитарная демократия», модернизация, индустриальное общество, политическая элита.

Soviet society as the result of October revolution

Abstract. The article points out the main features of Soviet society: the socio-economic system of state socialism, «egalitarian-corporate» model of the welfare state, the political regime of «totalitarian democracy». USSR was an alternative to the West model of the industrial society, its weaknesses were the lack of freedom and inflexibility of the economy. The main reason for the rapid collapse of the Soviet model relates to the inadequate policy of the top party elite of the era of «perestroika».

Keywords: Soviet society, state socialism, welfare state, «totalitarian democracy», modernization, industrial society, the political elite.

Советское общество сформировалось на пересечении идеологических установок и политической практики большевиков, во многом определявшейся задачами выживания и решения проблем государственного развития. Каждый из параметров трансформации, в резуль-

тате которой сложилось советское общество, является предметом дискуссий исследователей.

Исходя из формационного подхода, предложенного классиками марксистской мысли, результатом Октябрьской революции стало построение общества государственного социализма. Такая формулировка в принципиальном плане оставляет возможность трактовать как социалистические и общества другого типа, однако стоит вспомнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали: социалистическая революция приведет к «экспроприации», «конфискации», «централизации всех орудий производства в руках государства», превращению «средств производства прежде всего в государственную собственность»[1]. Конкретные мероприятия, которые предполагалось осуществить непосредственно после перехода власти к пролетариату, включали централизацию кредита в руках государства посредством национального банка, с государственным капиталом и с исключительной монополией, централизацию всего транспорта в руках государства, увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, одинаковую обязанность трудиться для всех и т. д. При этом перечисленные мероприятия трактовались Марксом и Энгельсом как экономически недостаточные, в перспективе предполагались «дальнейшие атаки на старый общественный строй».

Определенное распространение получила точка зрения о советском обществе как обществе государственного капитализма, для обоснования которой, в частности, привлекается тезис Ф. Энгельса о государстве как «совокупном капиталисте», содержащийся в «Анти-Дюринге». На деле Энгельс, употребляя это выражение, определенно имел в виду буржуазное государство, в котором осуществляется частичное огосударствление. На высшей же точке такого огосударствления происходит переворот, изменение способа производства[2]. Критические трактовки советского социально-экономического строя, отрицание его социалистической природы нередко затемняют тот факт, что действия большевиков положительно соотносились с теми представлениями и мерами перехода к социализму, которые содержались в классических марксистских работах.

Существенное внимание привлекает социальная структура советского общества. В СССР была, в определенной степени, реализована идея Октябрьской революции о социальной справедливости, она лежала в основе легитимации коммунистического режима. При этом полного социального равенства в условиях социализма не предпола-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С. 446; *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 289–291.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. С. 289–291.

галось, неэгалитарный характер общества декларировался принципом «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Наличие неравенства при социализме, между прочим, предвидел еще К. Маркс, писавший в «Критике Готской программы»: в первой фазе коммунистического общества, несмотря на ликвидацию классового деления, «равное право» будет правом неравенства, ибо будет основано на признании неравной индивидуальной одаренности и неравной работоспособности «естественными привилегиями»[3]. Таким образом, наличие стратификации при социализме предполагалось еще классиками марксистской мысли.

Среди критических концепций, трактующих характер социального неравенства в СССР, выделяются концепции классового общества (номенклатура – новый господствующий класс) и неклассового общества (этакратического либо неэгалитарного слоевого)[4]. Что касается концепции этакратического, или «сословно-слоевого», общества, то ей явно не соответствуют такие факты, как высокая социальная мобильность в советском обществе, отсутствие предписанных статусов, наличие существенных социально-профессиональных различий, не обязательно связанных со структурами государственной власти. Увлечение историческими аналогиями и общая ситуация первой половины 1990-х годов, когда отрицательный образ СССР стал важнейшей частью господствовавшей идеологии, в определенной степени сказались и на разработке теории, трактовавшей СССР как модернизированную, превращенную форму азиатской деспотии.

В то же время эта теория разрабатывалась, в значительной мере, в противовес многолетним попыткам «приложить» к советским реалиям марксистскую концепцию, выразившимся, во-первых, в официальной советской концепции «дружественных классов», отсутствующих у К. Маркса. Во-вторых, указанные попытки отразились в широко известной концепции номенклатуры как нового «господствующего класса» (М. Джилас, М. Восленский). Тезис о «номенклатуре – господствующем классе» основывается на уравнивании капиталистического присвоения и ограниченных казенных привилегий номенклатурных работников, строго соответствовавших должности. Между тем, номенклатура не имела возможности самостоятельно распоряжаться ресурсами и полученным продуктом ни индивидуально, ни в «совокупном виде», ибо рамки ее деятельности задавала партийная элита, в свою очередь, имевшая весьма ограниченные возможности присвоения ресурсов. В созданной системе использование существенной

---

[3] *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19.

[4] *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961; *Восленский М.* Номенклатура – господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996. С. 52–53, 268–287.

части производимого громадного общественного продукта на личное потребление относительно небольшого круга лиц, накопление ими капитала, передача его другим лицам были исключены. При таких условиях тезис о госкапитализме и соответствующем классовом антагонизме теряет убедительность. На деле проводилась целенаправленная политика постепенного выравнивания и подъема уровня жизни разных групп населения, перераспределения национального продукта в пользу «отстающих» регионов и хозяйств, наращивания бесплатных социальных программ и т. д.

Конечно, неравенство и привилегии имели место. Однако нужно иметь в виду политику в отношении заработной платы ответственных работников – она не должна была существенно превышать заработную плату квалифицированного рабочего, при том что ответственность и затраты рабочего времени у руководящих работников были очень велики (рабочий день по 12–14 часов, часто без выходных). Кадровая проблема была связана с судьбами реальных людей и их семей, вряд ли ее можно было решить по принципу полного равенства, невысокой зарплаты и отсутствия всяких привилегий. Децильный коэффициент в СССР, по данным М. Руткевича, составлял не более пяти единиц[5]. Однако, как верно заметил А. де Токвиль, «ненависть людей к привилегиям возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными»[6]. Современное огромное социальное расслоение воспринимается гораздо спокойнее, нежели служебная «Волга» бывших аппаратчиков КПСС.

Кроме того, привилегии не были исключительной принадлежностью номенклатуры, это был базовый принцип распределения благ в советском обществе, дополнявший эгалитарные механизмы. Большинство крупных предприятий и учреждений пользовалось услугами домов отдыха, пионерских лагерей, учреждений здравоохранения (например, медсанчасти при крупных предприятиях) и т. п., находившихся на балансе этих структур. Другое дело, что качество услуг, предоставлявшихся номенклатурным работникам, могло быть существенно выше, нежели другим гражданам. В период «перестройки» акцентировались только номенклатурные привилегии, большинство граждан не осознавало, что живет в условиях «эгалитарно-корпоративной» модели социального государства, где государственное обеспечение дополняется теми или иными корпоративными преференциями.

Заслуживает определенного внимания точка зрения тех авторов, которые говорили применительно к «зрелому» СССР о неэгалитарном слоевом обществе, в котором основная дифференциация свя-

---

[5] *Руткевич М. Н.* Процессы социальной деградации в российском обществе // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 6.

[6] *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 485.

зана с профессиональным разделением труда и которое можно рассматривать как иерархическую структуру социальных групп (Ст. Оссовский, В. Весоловский, Е. Вятр и др.)[7]. Эта концепция положительно соотносится с данными о высоком уровне социальной мобильности в СССР и об относительно невысоком уровне социального неравенства. Критерий доступа к власти имел важное значение для выделения номенклатурных групп, однако он не исчерпывал советскую стратификационную систему.

Концепции социально-профессиональной стратификации предлагались и советскими авторами (например, еще в 1970-е годы Т. Заславской, в постсоветский период радикально изменившей свою позицию)[8], однако они не получили существенной поддержки ни в СССР, где господствовала теория «дружественных классов», ни на Западе, где доминировала теория «нового класса». На современном этапе такого рода взгляды также оказались в тени теорий, обосновывающих существование в СССР эксплуатации и классового деления, сословно-слоевого (этакратического) общества и т. д., чему способствовало формирование новых господствующих политико-идеологических дискурсов, оказывающих существенное влияние на дисциплины социогуманитарного профиля. Социальная стратификация в СССР остается одним из наиболее острых дискуссионных вопросов.

Для характеристики политической системы в СССР как правило используются понятия «тоталитаризма» или «авторитаризма», однако они не вполне адекватны. На практике попытки учесть революционные идеи «демократии для большинства», безгосударственного общества обернулись построением режима «тоталитарной демократии», предполагавшего, во-первых, рекрутирование политической элиты «из низов», на максимально широкой социальной базе, что означало наиболее радикальное в истории преодоление модели традиционного«правящего класса»[9]. Советский режим характеризовали регулярно действовавшие «социальные лифты», позволявшие в массовом масштабе подниматься к вершинам социальной и политической иерархий выходцам из непривилегированных семей. В-вторых, следует отметить широкое, хотя и строго контролируемое властью,

---

[7] *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Указ. соч. С. 232–235.

[8] *Заславская Т. И.* О социальных функциях миграции сельского населения в городе //Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970. С. 103.

[9] О социальном составе политической элиты см.: *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; *Чернев А. Д.* 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК коммунистической партии в лицах и цифрах. М., 1996; *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены. 1917–1991 гг. М., 2011.

общественно-политическое участие в разных формах – через массовую партию и общественные организации, плебисцитарные (одобрение одной кандидатуры) выборы в Советы, органы «народного контроля», работу в качестве добровольных помощников в партийных и советских структурах, письма в органы власти, средства массовой информации и пр.[10]. В-третьих, взятый в целом, политический процесс в СССР (за исключением, вероятно, периода «чисто сталинского» правления конца 1930-х – начала 1950-х годов) характеризовался многочисленными согласованиями, учетом мнений заинтересованных групп и «низов»[11]. В процессе принятия решений, как и в общественной жизни в целом, применялись формально-демократические процедуры, оставлявшие участникам ограниченные возможности высказывать свою позицию. Наконец, в советской системе широко реализовывалась так называемая «социальная демократия», подразумевавшая стремление к социальному равенству, формирование масштабного социального государства, проведение политики, целенаправленно учитывающей интересы больших непривилегированных социальных групп.

Все это сочеталось с монистической структурой власти, подавлением всяких проявлений несогласия с принципами советского общественного устройства, отсутствием иных, помимо правящей партии, каналов отбора лидеров, возможностей организованного влияния на процесс принятия решений «извне» среды партийной элиты. Тоталитарная составляющая систем советского типа хорошо известна, однако его демократические черты, отмеченные выше, сегодня практически не признаются или не принимаются в расчет. Между тем эти черты обусловливали сложный и недостаточно исследованный на сегодняшний день механизм взаимосвязи власти и общества.

Следует отметить, что вопрос о политическом строе при социализме являлся наименее разработанным у классиков марксистской мысли. С одной стороны, пролетарская революция трактовалась, как «завоевание демократии», и именно опыт самоуправления, продемонстрированный Парижской коммуной, признавался образцом политической формы при переходе к социализму. С другой стороны, Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали диктаторскую сущность политического господства пролетариата до построения коммунистического общества, упразднение «буржуазной личности», «буржуазной самостоятельности» и «буржуазной свободы»[12]. Каким

---

[10] *Березкина О. С.* Общество активистов // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти В. И. Злобина. М., 2009. С. 127–136.

[11] *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Указ. соч. С. 281; *Березкина О. С.* Политические элиты: что и как мы изучаем? М., 2003. С. 187–197; Elitesand Political Power in the USSR / Ed. By D. Lane. Cambridge, 1988. P. 228–237, 269 и др.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. С. 439.

образом диктаторская власть будет осуществляться через демократические механизмы образца Коммуны, насколько такая конструкция будет жизнеспособной – эти вопросы остались слабо проясненными. На деле намерения большевиков реализовать марксистские тезисы в сочетании с насущными потребностями выживания и управления государством привели к особому типу режима, специфическим образом сочетавшего автократические и демократические характеристики и достаточно далекого от идеала.

Место советского общества в мировом развитии можно рассматривать не только в рамках формационного подхода, но и в рамках концепций индустриального общества и модернизации. Под этим углом зрения Октябрьская революция привела к построению альтернативной Западу модели индустриального общества, в котором модернизация была осуществлена по всем основным параметрам: индустриализация, экономический рост, возрастание социальной мобильности, расширение политического участия, секуляризация, достижение всеобщей грамотности. По официальным данным, в 1988 году страна давала пятую часть мирового объема промышленного производства, в городах проживали около 66 % жителей, значительная часть работавших была занята преимущественно умственным трудом[13].

В рамках дискуссии о сущности и специфике советской модели модернизации заслуживают внимания, по крайней мере, два аспекта. Прежде всего, следует отметить различие временных рамок, а также характера достижения стадии индустриального развития и формирования социального государства в западных странах и в СССР. На Западе индустриальное общество вырастало в течение длительного времени преимущественно спонтанно. Государственное регулирование социально-экономической сферы, включая формирование «государства всеобщего благосостояния», появилось значительно позднее того, как по ряду ключевых признаков эти страны достигли уровня индустриальных (что произошло, в основном, уже к началу Первой мировой войны). Между тем советская модель изначально строилась комплексно: процесс индустриализации сопровождался целенаправленной социальной политикой, включавшей широкомасштабное развитие систем образования и здравоохранения, социального страхования, предоставление дополнительных возможностей социального роста выходцам «из низов». Кроме того, в СССР специфически понятые элементы участия также реализовывались как неотъемлемый компонент общего процесса ускоренной модернизации. Провозглашение и внедрение этих элементов стало важнейшей движущей силой трансформации аграрно-индустриального, во многом традиционного общества в современное.

[13] СССР в цифрах в 1988 году. М., 1989. С. 38, 40, 275.

Так, именно в период реконструкции конца 1920–1930-х годов было резко активизировано общественно-политическое участие в русле «контрольно-проверочной работы», формирования «групп содействия», «рабочих бригад» по проверке госучреждений, проведения кампаний по расследованию жалоб, участия в открытых партсобраниях, «общественных судах», митингах и демонстрациях (наибольший всплеск активности характеризовал первую пятилетку)[14]. Многочисленные каналы участия в совокупности с массовым выдвижением выходцев «из низов» на руководящую работу во всех органах послужили важным фактором легитимации проводившейся политики даже в условиях вопиющих нарушений многих провозглашавшихся прав и свобод. Неоднозначный опыт быстрых синхронных изменений в экономической, социальной, политической областях, характеризовавший период реконструкции, не может быть использован в иных исторических условиях, он был тесно связан с конкретной ситуацией послереволюционного развития России, с уровнем и характером общей и политической культуры населения, с жестким контролем появления политических альтернатив и другими специфическими факторами, определявшими эту эпоху.

Ключевой внутренней слабостью советской модели был дефицит свободы, все более осознававшийся в обществе по мере роста доли интеллигенции, общего уровня образования, расширения кругозора советских людей. Кроме того, отрицательную роль играла перманентная неудовлетворенность потребительского спроса, связанная с особенностями экономики, опорой на тяжелую промышленность, негибкостью в отношении потребностей граждан. Наконец, следует отметить неспособность системы оперативно перестроиться в соответствии с объективной задачей перехода к обществу постиндустриальному, недостаточное внедрение достижений НТР, сложность соотнесения новых задач с утвердившимися идеологемами о ведущей роли рабочего класса, отсутствии частной собственности и рыночных отношений, бескризисном развитии, с ограничениями доступа к информации и другими параметрами.

Тем не менее стремительный крах советской модели, на наш взгляд, не был предопределен. Основной его причиной стала неадекватная политика высшего партийного руководства в период «перестройки». В частности, проведение радикальных реформ одновременно в социально-экономической и политической областях, включая беспрецедентную либерализацию и введение принципиально нового для режима элемента политической конкуренции, быстро привело к разбалансировке всей общественной системы, потере управляемости, нарастанию элементов хаоса и распада, резкому

[14] *Березкина О. С.* Общество активистов. С. 127–136.

ослаблению институтов при нарастающей фрустрации и росте запроса на общественно-политическое участие. Неспособность просчитать развитие ситуации, неготовность бороться за сохранение страны и своего положения в ней свидетельствовали об очевидной деградации политической элиты, слабость которой была во многом связана с ее преимущественно функциональным характером и кризисом в ее рядах системы ценностей, на которой базировалось советское общество. Выявление особенностей элиты власти, ее трансформации во второй половине 1980-х годов способно внести существенный вклад в анализ причин поражения советского проекта. В целом же изучение идеологии и практики Октябрьской революции, всей советской истории сегодня чрезвычайно актуально для понимания закономерностей общественного развития и адекватного политического прогнозирования.

Бочарова З. С.

К вопросу о понимании патриотизма после эмигрантского исхода

Аннотация. Особенность российской эмиграции 1920–1930-х годов заключается в формировании зарубежной России, альтернативной советской республике, с собственной инфраструктурой, преемственными органами государственной власти и т. п. Ее патриотизм стал антитезой большевистскому интернационализму, проявился в сохранении и воспроизведении всего национального, прежде всего, институтов социализации (паспортов, культуры, системы образования и воспитания, РПЦ), в создании системы учреждений исторической памяти (музеев, архивов, библиотек), единого информационного пространства на русском языке (издательств, прессы, литературы).

Ключевые слова: русское Зарубежье, мессионерская роль эмиграции, нансеновский паспорт, М. Н. Гирс, Лига Наций, национальное самосознание, денационализация.

On patriotism apprehension following the migrant exodus

Abstract. A peculiarity of the Russian emigration of 1920–1930s consists in the formation of so-called foreign Russia, an alternative to the Soviet Republic, with its own infrastructure, successive government authorities etc. Its patriotism became the antithesis to Bolshevik internationalism, it manifested itself, firstly, as preservation and reproduction of everything that was national, primarily, institutions of socialization (pass-

ports, culture, education system, ROC), and secondly, as creation of the system of historical memory institutions (museums, archives, libraries), as well as the common information space in Russian (publishing houses, press, literature).

Keywords: the Russia Abroad, messianic role of emigration, Nansen passport, M. Girs, the League of Nations, national identity, denationalization.

Глобальные геополитические сдвиги, катализатором которых стали Первая мировая война, революция, вызвали массовые миграционные движения. Особое место в этих потоках занял исход российских граждан после крушения империи и их рассеяние по десяткам стран. Причины, породившие изгнанничество, привели не просто к появлению совокупности эмигрантов. Сложилась зарубежная Россия вне границ, жившая, по словам С. Лифаря, своей жизнью, дышавшая своим воздухом. Внетерриториальная российская квазигосударственность за рубежом имела собственную инфраструктуру, реализовалась в попытках создания преемственного органа государственной власти, продемонстрировала беспрецедентные примеры самоорганизации, имела представительства в международных организациях. Как отметил Е. И. Пивовар, была сформирована основа «параллельной линии российского исторического процесса». А вместе с тем прошла линия водораздела и в понимании патриотизма.

Если Советской России предстояло завоевать мировое признание, вырваться из дипломатической изоляции, то в Зарубежье оказались те общественные силы и лидеры, звенья государственных структур, которым не требовалось дополнительно доказывать свою состоятельность. «Россия № 2» наследовала обширную инфраструктуру учреждений, сохранившихся от царского, Временного, белых правительств, и признанные мировым сообществом, а также традиционно существовавшие, налаженные еще в довоенный/дореволюционный период связи с иностранными государствами (дипломатические, научные, культурные, общественные). Не были исчерпаны российские зарубежные денежные активы. Все это свидетельствует о потенциале, позволившем Зарубежью вести относительно самодостаточный образ жизни. Лицо эмиграции определил низкий уровень готовности эмигрантской общины к интеграции с местным сообществом, осознанная стратегия «капсулирования» (М. Савва), добровольная сегрегация, слабая ориентация на социализацию. В результате сформировалось особое явление – Зарубежная Россия (русское зарубежье) – не только с квазигосударственными структурами, но и с особым пониманием патриотизма, отечества. Появление этого феномена связано с формой и типом адаптации российских эмигран-

тов к иноязычному, инокультурному пространству. Замкнутость и относительная самодостаточность, неприятие советской власти российской диаспорой, надежда на скорое возвращение в Россию (а не в СССР) определили содержание эмигрантского патриотизма, характер и формы осознания своих задач по сохранению всего национального, отношение к родине.

Если Советская Россия воплощала революционные перемены, то Зарубежная декларировала отстаивание классических ценностей, заявляя, что изгнанники унесли с собой Россию «на подошвах своих сапог», вместе с родной почвой, которая питает культуру, духовность, что она находится «не в изгнании, а в послании». Приверженность традиции, уверенность в скором крушении советской власти и возвращении на родину давала основания эмиграции говорить о преемственности с дореволюционной Россией, т. е. той Россией, которую мир признавал, а большевики разрушили, отстаивать идею своей мессионерской роли, о том, что подлинная Россия – в Зарубежье. Провозглашался разрыв не с родиной, а с большевизмом.

З. Н. Гиппиус в одном из писем М. В. Вишняку привела строку из ходившего в эмиграции стиха: «С тоски и недоверия в Аркос[15] не лезь, / Пока „там" Эсэсэрия, Россия – здесь!». Противостояние не сразу признанной иностранными державами советской власти и «России № 2» вело к тому, что за границей в 1920-е годы действовала обширная система российских учреждений, ставших олицетворением и символами государственности.

Делению на две России способствовал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г., который лишал российского гражданства лиц: а) покинувших Россию после Октября 1917 г. и не получивших от советских представительств заграничные паспорта до 1 июня 1922 г., б) выехавших из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти, в) добровольно служивших в армиях, сражающихся против советской власти. Желавшие могли подать заявление о восстановлении своих прав через ближайшие представительства РСФСР[16]. Но в советские представительства ходили немногие, отмежевавшись от России территориальной (советской) и сохранив верность России подлинной (переместившейся за рубеж).

---

[15] АРКОС – советская хозяйственная организация в Великобритании. Была учреждена в Лондоне 11 июня 1920 г. для ведения торговли между РСФСР и Англией во главе с Л. Б. Красиным. Выступала представителем советских внешнеторговых организаций.

[16] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 1. Ст. 11. Изданный 29 октября 1924 г. декрет «О союзном гражданстве» (Собрание законов, 3 декабря 1924 г.) еще несколько расширил круг лиц, утративших гражданство СССР, включив в него выехавших за пределы СССР и не возвратившихся по требованию соответствующих органов власти. Поэтому эти категории эмигрантов были признаны апатридами.

Эмиграция не просто заявила о преемственной связи с прежним правопорядком, но сделала реальные шаги по формированию условий жизнеобеспечения, сохранению национального и культурного единства. Длительное время удавалось отстаивать самостоятельное жизненное пространство, бороться с денационализацией. В итоге мы можем говорить о Зарубежной России как самодостаточном организме со «своим» патриотизмом, которому удалось реализовать факторы самовоспроизводства.

Ядром квазигосударственности выступили дипломатические учреждения. Заграничное представительство, по признанию главы совета послов, старейшего дипломата М. Н. Гирса, видело в себе символ хранителя идеи российской государственности[17]. К началу Первой мировой войны российское дипломатическое представительство за рубежом состояло из девяти посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме и Токио), 24 миссий, включая диппредставительства, которые возглавляли министры-президенты, 36 генеральных консульств, 84 консульств и 34 вице-консульств. На 1914 г. в штатах загранучреждений числился 431 человек. После Февральской революции из царских дипломатов добровольно расстался с должностью лишь один посол в США Ю. П. Бахметьев. Ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах Временное правительство доверило не профессиональным дипломатам, а представителям политической общественности, лояльной к республиканской власти. Октябрь 1917 г. изменил ситуацию, но демократический состав дипломатического корпуса остался верен прежней власти. Не признавшие большевиков дипломатические и консульские службы считали своим долгом продолжать действовать в рамках своих обязанностей и осваивать новые функции. Иностранные правительства по-прежнему сносились с ними как с официальными представителями России.

Дипломатические миссии – «осколки оплота государственности», «остатки, пусть даже фикция, русского государства»[18] – стали выдавать паспорта, на основании которых россияне могли жить за границей. Паспорта, выданные дипмиссиями, либо еще губернаторами, расценивались эмигрантами как «символ русской государственности», как свидетельство устойчивой юридической связи бывших подданных Российской империи с отечеством, воплощенным теперь уже в Зарубежной России.

Когда встал вопрос об учреждении специальных удостоверений личности для русских беженцев в 1921 г., значительная часть эми-

---

[17] М. Н. Гирс – Д. П. Голицыну-Муравлину, 1922 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 24 об.

[18] Цит. по: *Бочарова З. С.* Феномен зарубежной России 1920-х годов. М.; СПб., 2014. С. 124.

грации отнеслась к ним негативно, стремясь сохранить прежние имевшиеся на руках документы. Юрисконсульт Финансово-промышленного союза А. А. Пиленко заявлял, что сертификат подорвет престиж российских консульских учреждений. В отношении того, как именовать вводившийся международный документ, предлагалось несколько вариантов. Позиция эмигрантов в основном сводилась к тому, чтобы паспорт носил временный характер, не обезличивал их, не превращал в бездомных бродяг, и в документе значилась бы их идентичность. 22 апреля 1922 г. М. Н. Гирс циркулярным письмом своим дипломатическим представителям рекомендовал «ввиду несомненной желательности изменения названия новых документов предпринять в пределах», им «доступным, шаги к тому, чтобы государство, при коем представители были аккредитованы, в своем ответе секретариату Лиги Наций высказалось в пользу изменений в именовании новых документов и рекомендовало термин „Passeport provisoire"» (временный паспорт). Категорически было отвергнуто «Certificat de réfugie'» (удостоверение беженца). Председатель комиссии по юридическому положению русских беженцев при Земгоре Я. Л. Рубинштейн настаивал заменить название документа, исключив слово «беженец», и специально оговаривал, что национальность лица должна быть отмечена в документе. Лига Наций не сразу, но согласилась заменить первоначальное наименование на «Certificat d'identite» (удостоверение личности), а вместо «беженец» указать: «русский по происхождению, не приобретший никакой другой национальности». Эта формулировка и вошла в окончательный вариант удостоверения личности, которое стали называть «нансеновский паспорт». Позже уже именно он стал атрибутом, указывавшим на принадлежность к зарубежной России. Эти документы и сегодня имеют юридическую силу, а перестали их выдавать лишь после Второй мировой войны.

Нельзя не согласиться с И. А. Ильиным, что «в основе патриотического единения людей лежит их сопринадлежность – сходное переживание единого и общего духовного предмета, духовное подобие родит духовное единство. Этот процесс духовного „симбиоза" является источником и новых творческих усилий, и новых достижений, и нового уподобления»[19]. Важнейшей структурной основой единения, институтом, поддерживавшим религиозно-нравственные начала, национальные традиции являлась Русская православная церковь (РПЦ). Именно она стала мощной духовной опорой и собирательницей русского мира. РПЦ призвана была стать стержнем, притягивающим соотечественников, который позволял эмиграции сплотиться, проявить милосердие друг к другу, найти душевное спо-

[19] *Ильин И. А.* Пути России / Сост. А. Д. Путинцев. М., 2007. С. 192.

койствие, осознать общность корней. Церковь оставалась очагом сохранения и восстановления традиций, институтом консолидации разрозненных в политическом отношении групп эмигрантов, несмотря на раскол, который разъедал церковное руководство. Писательница М. Каллаш с сожалением отмечала в письме митрополиту Евлогию в 1926 г.: «Беженство, чем дальше, тем больше, утрачивает духовную связь с православной Россией, и на этой почве, как плесень, растет грех автокефальных вожделений»[20]. Раскол в Церкви[21] повлек и раскол в понимании патриотизма. По сути, политические противоречия вели к формированию нескольких русских православных юрисдикций за рубежом, прикрываясь каноническими спорами.

Зарубежье создало институты сохранения исторической памяти и национальной идентичности, способствовавшие воспитанию любви к отечеству, передаче молодому поколению информации и знаний о России: средства массовой информации, издательства, система национального образования на родном языке, эмигрантский театр, музеи, библиотеки и архивы. Они способствовали формированию единой культурно-информационной среды.

Складывание системы образования на русском языке, от детских садов до высших учебных заведений – совершенно удивительный пласт жизни эмиграции. И хотя со второй половины 1920-х годов на первый план выходила внешкольная работа, это звено системы смогло обеспечить воспроизводство, если не «России № 2», то национального духа. Образование строилось на университетском Уставе 1884 г. Основу школьных программ составили разработанные еще в 1913–1915 гг. игнатьевские проекты. Ставка делалась на формирование и накопление интеллектуального ресурса для «возрожденной после падения большевизма» России. При создании русских школ преследовалось несколько задач: 1) преподавание предметов, формирующих национальное самосознание (Закон Божий, русские язык, литература, история, география, пение); 2) воспитание полезных членов общества, имеющих моральную и нравственную основу, ощущающих свои национальные корни; 3) материальная поддержка учащихся. Адаптационную роль играло включение в учебный процесс предметов по истории, литературе, языку стран проживания. Вузы призваны были готовить эмигрантскую молодежь к активной профессиональной и общественной деятельности, прежде всего, в России, компенсировать отсутствие профессиональной подготовки

[20] Исторический архив. 1996. № 1. С. 95–96.

[21] 17 мая 2007 г. Русская православная церковь и Русская православная церковь за рубежом подписали в Москве Акт о каноническом общении. Это событие стало логическим завершением длительного периода разделения двух частей русского православия. В настоящее время в Русской зарубежной церкви 8 епархий и более 300 приходов.

по ряду специальностей на родине (например, богословие, юриспруденция), а также обеспечить национальные интересы, потребности Зарубежья в тех или иных кадрах для воспроизводства своей жизнедеятельности.

Важная миссия сохранения языка как основы русской культуры и национальной идентичности легла на литературу. Как заметил Г. П. Струве, по мере все большего и большего отрыва эмиграции от родины стали писать все больше и чаще о русском языке. О необходимости охранять неприкосновенность великих духовных ценностей, которые эмиграция вывезла из России, чтобы выполнить почетную обязанность и передать эти ценности грядущей свободной России говорилось в резолюции, принятой съездом русских писателей и журналистов за рубежом, проходившим в Белграде в 1928 г.

Сосредоточенность на всем исключительно национально специфическом обуславливалась, в том числе, контекстом доминирования местной культуры. Страх денационализации заставлял отказаться от освоения чужой культуры во имя спасения своей. На тенденцию «отгородиться, обособиться, сосредоточиться в своем кругу, упрямо отворачиваясь от соблазнов иностранной жизни», обратила внимание деятель русской культуры Ю. Л. Сазонова. Русский мир старался жить замкнуто, стремился к автономности. Самоизоляция казалась многим патриотической обязанностью. Отгороженность от чужой жизни создавала «опасность некоей провинциальной психологии». Осознание, что нет непримиримости между национальным самосознанием и принятием иностранной жизни, пробивалось с трудом из-за отсутствия подпитки с родины. «Чтобы хранить и развивать русский язык, – писала Ю. Л. Сазонова, – нет надобности отказываться от знания языков иностранных. Чтобы ценить русскую культуру, нет основания пренебрегать культурой европейской. Напротив, чем внимательнее, чем полнее будем мы вглядываться в окружающую нас жизнь, чем больше будет у нас с ней внутренних связей и чем старательнее будем мы изучать культурные ценности приютивших нас стран, тем вернее и плодотворнее становится наше служение культуре русской. Нерушимость мыслей о России не исключает внимания к той стране, где мы находимся»[22].

Одним из лучших способов поддержания национального достоинства русского Зарубежья стало «почитание народных героев»[23]. Эмигранты считали, что «связь через родную культуру цементирует нацию не только в пространстве, но и во времени». Для них важно было показать ее достижения, продемонстрировать всех «великанов

---

[22] *Сазонова Ю. Л.* Денационализация // Русский язык в Зарубежной России. М., 2007. С. 183–186.

[23] М. В. Ломоносов. Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти / Ред. М. М. Новиков. Прага, 1936. С. 3.

духа», опереться на них, дабы не оторваться от родных корней и не ощутить свое пребывание вне родины бессмысленным.

Всеобщим русским национальным праздником культуры, одним из желательнейших способов объединения и подъема духа всех русских людей объединяющим эмиграцию, стало празднование ежегодных Дней русской культуры. Он отмечался в день рождения А. С. Пушкина (6 июня), который «больше, чем кто-либо наложил печать своего творческого гения на язык русского народа»[24]. А. С. Пушкин «раскрыл национальные черты русского народа, обнажил его духовный лик», «вдохнул в культурные слои общества сознание своей национальности». Ту же историческую миссию взяла на себя эмиграция: раскрыть национальные особенности, показать русским, что они русские, и вместе с тем разъяснить, в чем заключается их русскость[25].

Создавая свой мир за рубежом, русские эмигранты пытались восстановить и свой социальный статус. Как отметил Ю. Рапопорт, в Зарубежной России продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность прежних социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения[26].

Можно сказать, что патриотизм проявился прежде всего в воссоздании эмиграцией «своей» России, «России № 2», в противовес Советам во главе со «сбродом интернациональных разбойников» (П. Сорокин). Это означало возвращение в прошлое, в дореволюционную среду. Было не просто заявлено о преемственной связи с прежним правопорядком, но сделаны реальные шаги по обеспечению национального и культурного единства, по борьбе с денационализацией. Поскольку Зарубежье претендовало быть правопреемником дореволюционной России, хотя и осознавало условность этих притязаний, во всех сферах, где шла борьба за сохранение национального самосознания, продолжали действовать дореволюционные нормы. Как писал П. Е. Ковалевский, «выехавшие из России сознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками. Они хранили ее, умножали ее, развивали, несли в мир и знакомили с нею другое народы. Поэтому в течение своего полувекового бытия русское зарубежье имело троякую задачу: охранительную, осведомительную и творческую», а «хранение русских исторических традиций не было музейным и только бытовым, но имело глубокие моральные и духовные основы и задания»[27].

---

[24] На чужой стороне. 1925. № 10. С. 306.

[25] День русской культуры. Изд. Харбинского комитета помощи русским беженцам. Харбин, 1931. С. 10.

[26] *Рапопорт Ю.* Конец Зарубежья // Современные записки. Париж, 1939. № 69. С. 376.

[27] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная России. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 14–15.

Ганин А. В.

Революционные события 1917 г. в освещении генерала А. Л. Носовича[28]

Аннотация. Статья посвящена отражению событий 1917 г. в материалах личного архива генерала А. Л. Носовича, обнаруженного во Франции, в собрании Библиотеки современной международной документации. Воспоминания содержат подробности боевой повседневности русской армии, детально освещают подготовку и ход июньского наступления 1917 г., показывают процесс постепенного развала армии.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, русский офицерский корпус, документы личного происхождения, русская армия, А. Л. Носович, зарубежные архивы.

General A. L. Nosovich on the Revolutionary Events of 1917

Abstract. The article covers the reflection of the events of 1917 in the materials of the personal archive of general A. L. Nosovich, discovered in France, in the collection of the Library of contemporary international documentation. Nosovich's memories contain details of the everyday life of the Russian army, a detailed description of the preparation and course of the June offensive of 1917, show the gradual collapse of the army.

Keywords: February Revolution, October Revolution, Russian officer corps, documents of personal origin, A. L. Nosovich, foreign archives.

В 2014 г. в ходе командировки во Францию автору этих строк посчастливилось обнаружить и исследовать уникальный личный архив видного военного деятеля эпохи Гражданской войны в России генерал-майора Анатолия Леонидовича Носовича (1878–1968), хранящийся в Библиотеке современной международной документации в парижском пригороде Нантер.

Основную часть бумаг офицера составляют его обширные неопубликованные воспоминания, имеющие большое значение, прежде всего, для изучения истории Гражданской войны и истории Красной армии. Однако есть среди них и свидетельства о его деятельности в 1917 г., отражающие ход революционных событий в Петрограде и на фронте. Этим сюжетам посвящены несколько частей воспоминаний под общим названием «Тени. Пережитое». Революции посвящена вторая книга воспоминаний, названная «Записки адъютанта». Часть

[28] Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

мемуаров до августа 1917 г. носит наименование «Наш 466-й Малмыжский полк» и состоит из 12 глав, а их продолжение, охватывающее период до февраля 1918 г., называется «Записки бригадного командира». Немаловажно, что эти части воспоминаний позволяют проверить более поздние свидетельства генерала о периоде Гражданской войны.

Воспоминания о полку разделены на главы «Наш командир», «В комиссии по преобразованию войск», «Май месяц. Прибытие пополнения. Первые ласточки настоящей революции. Волна митингов. Подготовка наступления», «Дорожные и петроградские впечатления», «Непосредственная подготовка наступления. Станиславув и Калуш», «Наступление», «Отход за реку Ломницу и на родную землю», «Отход на родную землю. Начало общего отступления», «Бой у д. Хорошоуц 21-го июля. Смерть связного Мовши Черного. Отход к д. Клишковцы», «Бой у д. Клишковцы, за высоту 780. Смерть подпрапорщика Квиникидзе», «Прибытие массового пополнения. Последние беседы. Новое назначение. Отъезд командира», «Заключение».

«Записки бригадного командира» относятся к третьей книге мемуаров, озаглавленной «От величия к ничтожеству». Непосредственно событиям 1917 – начала 1918 г. в них посвящена только первая часть – «Развал армии» и ее первая глава «Новая должность», а далее уже описываются обстоятельства начального периода Гражданской войны.

Мемуары о полковой жизни написаны Носовичем от лица адъютанта (остается открытым вопрос, насколько достоверны приводимые Носовичем свидетельства о действиях самого адъютанта), а не командира полка, причем о самом себе он пишет в третьем лице – командир полка, наш полковник, наш командир. С одной стороны, это литературный прием, а с другой, как считают специалисты, проявление завышенной самооценки и, возможно, даже психического расстройства. Последнее косвенно подтверждается не вполне адекватным построением текста, отличающегося чрезвычайно сложной структурой (несколько мемуарных работ разделены еще и на книги, части и главы). Сам текст воспоминаний достаточно сумбурен. Кроме того, большое количество слов написаны целиком прописными буквами, причем там, где в этом нет никакой необходимости. Если подобное выделение слов «царь», «император», «его императорское величество» и любых иных упоминаний императора (например, при помощи личных местоимений), можно объяснить глубочайшим монархизмом мемуариста, то в других случаях это вызывает лишь недоумение. Схожая оценка относится и к восприятию аллегорий мемуариста.

В конце рукописи содержится разъяснение того, почему автор не пишет от первого лица: «До того, как издать эти строки, мне надо было дать их на прочтение некоторым людям, мнением которых я

очень дорожу. Почти все они нашли одну и ту же ошибку, которая заранее была мною предвидена... „Вы слишком много говорите о себе: так издать нельзя". Некоторые говорили в том же смысле, но много резче. Но я вновь, как и в предисловии, пытаюсь обратиться к читателям с моими объяснениями.

Прежде всего, прошу забыть фамилии действующих лиц. Мои переживания, записки адъютанта и личные воспоминания не есть роман с псевдонимами, увлекательными вымыслами, а это настоящая правда, которая так глубоко пережита, так запала в памяти, что и на одну букву нельзя отступить от происшедшего. Да и как можно отступить от правды в этой драме: России, ее царя, ее офицеров, ее солдат и всего народа...

Невозможно, рассказывая историю 2-го эскадрона Л.-гв. Уланского Его Величества полка или историю 466-го Малмыжского полка и не назвать фамилии их командира, не указать, несколько глубоко запавших в памяти фамилий, дорогих их командиру подчиненных, не знавших страха смерти и не жалевших своих жизней»[29].

А. Л. Носович родился в 1878 г. в семье потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1899), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1910). Служил в Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку – элитной гвардейской кавалерийской части. Прославился как спортсмен – увлекался конным спортом, фехтованием. Участвовал в Первой мировой войне. На фронте с сентября 1916 г. командовал третьеочередным 466-м пехотным Малмыжским полком. Георгиевский кавалер. В 1918 г. по заданию белого подполья поступил на службу в Красную армию, занял пост начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. В штабе создал подпольную ячейку, был арестован, освободился, служил помощником командующего советским Южным фронтом, бежал к белым, у которых был принят прохладно. Окончил свои дни в эмиграции во Франции.

За годы Первой мировой войны Носович проделал головокружительную карьеру от ротмистра до генерал-майора. Интересно, что его однокашники по академии, которые остались служить по Генштабу, отстали от него по службе. По своим убеждениям Носович был монархистом, что обусловлено его службой в гвардии и определенной приближенностью ко двору.

Взгляды Носовича типичны для кадрового офицера. Лейтмотив мемуаров – неприятие революции и революционеров. Офицер оста-

---

[29] Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothique de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 11. С. 94.

вил наблюдения о переменах в личном составе в революционные дни: «Как общее правило, все злобные, подлые и двуличные элементы начальства в мгновение ока перекрасились в социалистов и немедленно начали заигрывание с солдатской массой... В дореволюционные дни они всячески измывались над солдатом. Они часто, если не всегда, с настоящим садизмом пользовались своей дисциплинарной властью. А теперь... украшенные громадными красными бантами, добровольно читали солдатам лекции по социализму, республиканскому строю и т. д.»[30]. Спасая себя, такие офицеры натравливали солдат на офицеров-службистов. Начались бесконечные митинги. В апреле 1917 г. в частях появились агитаторы и пропагандистская литература.

После Февральской революции Носович был направлен в Петроград в комиссию по преобразованию войск как делегат 7-й армии. Подтверждается это и в переписке (с супругой)начальника штаба XII армейского корпуса генерала А. Е. Снесарева[31]. Участие в этой комиссии позволило Носовичу стать очевидцем революционных событий в столице. Петроград встретил его толпами не отдававших чести, лузгавших семечки, нетрезвых солдат, без поясов и кокард, в заломленных фуражках. «Каждому офицеру надо было ежеминутно думать об одном – чтобы его не затолкали, не оскорбили и даже не убили разнузданные, все затопившие в своем громадном количестве массы праздношатающихся солдат»[32]. Занятий с солдатами запасных частей не велось, а гарнизон все больше превращался в угрозу для жителей. Носович был поражен видом сожженного полицейского участка на Гороховой улице, где служил его знакомый пристав. Как выяснилось, пристав вместе с женой и детьми были убиты наряду с двумя десятками городовых.

Особенно интересны свидетельства Носовича о работе комиссии. Он был внутренне не согласен с тем, что во время войны проводилось какое-то преобразование войск. Еще сильнее его возмущал выборный состав комиссии, в которую входили доктора, военные чиновники, интенданты, офицеры канцелярий. Помимо Носовича присутствовал только еще один командир полка. Председателем комиссии состоял генерал А. А. Поливанов. Носович посетил десять заседаний и на одном из них выступил. По оценке Носовича, «революционные» генштабисты не представляли путей реформирования армии, а лишь стремились «играть роль» в переломное время. Подобная оценка недалека от действительности.

---

[30] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 2. С. 8.

[31] *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 586.

[32] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 2. С. 10.

В начале апреля Носович уже находился на фронте[33]. В штабе 7-й армии он доложил о петроградской обстановке начальнику штаба армии генералу Н. Н. Головину и командующему генералу Д. Г. Щербачеву. «Коротко и просто обрисовал я командующему армией и положение на фронте, особенно подчеркнув, что, чем выше начальство, тем менее оно чувствует всю катастрофичность положения. Наверху в Петрограде полная неразбериха и полный бедлам по всем частям и во всех отделах управления Россией»[34]. Как отметил Носович, командование армии смотрело на положение оптимистично, не разделяя тревог офицера.

Носович, цитируя речь Щербачева, писал о разлагающей пропаганде противника на фронте, а также о том, что эта пропаганда нередко совпадала с революционной печатью вроде газеты «Окопная правда». Затем офицер уехал к своему полку.

Носович вспоминал о событиях весны 1917 г. в полку: «Апрель месяц прошел в глухой, непрестанной и тяжелой борьбе с тонко проникающей заразой развала, в вылавливании различных агитаторов и всевозможной пропагандной литературы: как подбрасываемой неприятелем, так и присылаемой всевозможными тыльными внезапно появившимися социалистическими организациями. Еще более тяжелой была борьба с митинговыми ораторами...»[35] Свой полк Носович именовал «Малмыжским контрреволюционным оазисом», отмечал, что лично участвовал в митингах, урезонивая радикалов и перекрасившихся шкурников.

Отношение к политикам образца 1917 г. у Носовича было, разумеется, негативным. А. И. Гучков для него – один из самых энергичных злых гениев революции[36], а Керенский не раз упоминается с эпитетом «петрушка»[37].

В мае 1917 г. 117-я пехотная дивизия (входила в XII армейский корпус), в которую входил полк Носовича, была выведена в корпусной резерв как наиболее надежное соединение для подготовки к предстоящему наступлению. Перед наступлением штаб 7-й армии в Бучаче посетил новый военный министр А. Ф. Керенский. При описании его встречи Носович не скрывал иронии[38]. Воспоминания содержат обширные размышления и переживания Носовича по поводу

---

[33] *Снесарев А. Е.* Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 383.

[34] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 2. С. 14.

[35] Там же. Гл. 2. С. 15.

[36] Там же. Гл. 8. С. 68.

[37] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (1). Кн. 3. От величия к ничтожеству. Записки бригадного командира. Ч. 1. Гл. 1. С. 4; Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 6. С. 52.

[38] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 4. С. 27.

монархии и императора, отношения армии к монарху, неисполнения войсками своего долга по защите Николая II. Особенно глубоко переживал Носович в связи с тяжелейшим положением офицерства в революционной России. Применительно к событиям июля 1917 г. в мемуарах есть такие строки: «Остов армии: офицеры и настоящие ее кадры, лишенные правительством абсолютно всех средств управления и возможного оздоровления, ясно почувствовали: что будь они даже „семи пядей во лбу" или имей они все качества всех великих полководцев вместе: они не повернули бы колесо истории»[39].

Носович во главе полка участвовал в печально известном последнем наступлении русской армии на Юго-Западном фронте в июне 1917 г. Перед наступлением на фронт зачастили начальники разных уровней, включая генерала Л. Г. Корнилова. Не переставая шли митинги. Перед началом операции в полку оказались сожжены перекидные лестницы для преодоления проволочных заграждений – сказалось нежелание солдат штурмовать позиции противника без серьезной артподготовки. Сам Носович в те дни едва не стал жертвой солдатского самосуда. За его коляску на запруженной войсками дороге зацепился солдат и упал, повалив еще нескольких. Реакция солдатской массы была резкой. Коляску окружила толпа, зазвучали призывы к расправе, однако Носовичу удалось успокоить солдат[40].

Вопреки общему скепсису наступление разлагавшейся армии все же состоялось. Малмыжский полк проявил себя достойно. Носович демонстративно участвовал в атаке верхом. Для наблюдения за противником и корректировки артиллерийского огня он даже забрался на колодец-журавель, оказавшись на высоте около 10 метров[41].

Начальник 117-й пехотной дивизии генерал А. А. Безкровный дал следующую аттестацию Носовичу, подчинявшемуся ему в мае – июле 1917 г.: «Обладая редким военным дарованием, отличаясь твердой волей и настойчивым характером, полковник Носович проявил особо выдающиеся боевые качества. Безгранично храбрый, не теряющийся в самых тяжелых обстоятельствах, спокойно и трезво оценивающий сложную обстановку в разгаре боя и быстро принимающий разумные, отвечающие обстановке решения, полный инициативы и самостоятельности, он выказал себя образцовым выдающимся начальником, способным с полным успехом не только управлять в бою полком, но и руководить действиями крупного отряда из трех родов войск.

Особенно отличился полковник Носович 25 июня 1917 года при прорыве весьма сильно укрепленной позиции австро-германцев к за-

---

[39] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843.Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 11. С. 87–88.

[40] Там же. Гл. 5. С. 34.

[41] Там же. Гл. 6. С. 50.

паду от г. Станиславова и во время преследования противника у д. Рыбно. 30 июня того же года при взятии его полком укрепленной деревни Подхорки и участка укрепленной Калушской позиции. 20 и 21 июля, когда он со своим полком и двумя батареями прикрывал отход расстроенных полков дивизии, причем соседние боевые участки были преждевременно оставлены частями Заамурской дивизии (справа) и 16-го корпуса (слева) и, наконец, 25 (или 26) июля во время отбития ожесточенных атак противника на нашу позицию в районе дер. Клишковцы.

За прорыв 25 июня под городом Станиславовом полковник Носович получил орден Св. Георгия 4-й степени. За прочие бои был представлен мною к чину генерал-майора. Кроме того, я вошел с особым ходатайством о назначении полковника Носовича начальником дивизии как вполне подготовленного к этой должности»[42].

После перегруппировки дивизия Носовича оказалась в составе 8-й армии. В обстановке разложения армии ввиду введения военно-полевых судов потребовались определенные организационные меры в полку. От каждой роты были отобраны пять старых солдат полка со стажем до 1 января 1917 г. Такие бойцы переводились в команду разведчиков и считались абсолютно надежными. Фактически, как свидетельствовал Носович, при полку возник «скрытый батальон смерти»[43].

В августе 1917 г. Носович представлен к производству в генерал-майоры за отличие в бою под деревней Клишковцы и за высоту 794 и назначался командиром бригады 11-й пехотной дивизии (дивизией командовал генерал-лейтенант М. Л. Бачинский)[44]. Проводы командира прошли в узком кругу офицеров (старых офицеров в полку оставалось только 12) и ветеранов полка.

Следующая часть мемуаров под названием «Записки бригадного командира» написана уже от имени самого автора. Дивизия находилась на позиции к северу от Хотина на русско-австрийской границе, а штаб дивизии располагался в здании таможни. По неизвестным причинам Носович вовсе не упомянул о корниловском выступлении. Возможно, он оказался в стороне от этих событий. Из воспоминаний следует, что 4 сентября 1917 г. он обвенчался в Киеве с невестой, служившей сестрой милосердия в 94-м передовом перевязочном отряде Красного Креста. Судя по всему, это был его второй брак. После этого генерал с супругой уехали в Крым (Симферополь) – формально в командировку для осмотра запасных батальонов дивизии.

---

[42] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (1).

[43] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (6) (2). Тени: пережитое. Кн. 2. Ч. 2. Гл. 11. С. 88.

[44] Там же. С. 91.

По мнению Носовича, армия не заметила прихода к власти большевиков. По возвращении из Крыма уже после большевистского переворота он застал штаб в деревне Криничаны Каменец-Подольской губернии. Положение Носовича было непростым по причине его репутации контрреволюционера. Он вспоминал об отмене погон и спарывании их друг у друга офицерами штаба дивизии. В конце 1917 г. Носович временно возглавил дивизию и, как он отмечал, «снова окунулся в вонючую тину болота, неестественных отношений: бывших офицеров и бывших солдат, бывшей армии»[45]. Дивизионный комитет занимался хозяйственными вопросами, а Носович отвечал за боевые. Насколько можно судить, в генеральский чин он был произведен в конце 1917 г. В январе 1918 г. дивизия была оттянута в тыл и расположилась южнее Каменца-Подольского.

В начале февраля имение Котюжаны, где расположился штаб, подверглось нападению пьяных солдат и грабежу. Попытки штабных и дивизионного комитета защищать помещение штаба, расположенное в господском доме, встретили резкий отпор. Солдаты подвезли 37-мм пушку (вероятно, системы Маклена) и грозили разбить дом. По описанию Носовича, «временно командующий дивизией со своим штабом и всем комитетом сидели на втором этаже с винтовками в руках, а подчиненная ему 11-я первоочередная дивизия, напившаяся в разбитых погребах имения, ломала мебель, рвала занавески, срывала все, что можно сорвать и ездила верхом на чучелах медведей, которые таскала по комнатам»[46]. Эта вакханалия переполнила чашу терпения Носовича. На следующее утро, 5 февраля 1918 г., он подал в штаб корпуса рапорт о болезни, сдал дивизию заместителю и уехал в Киев, завершив службу в старой армии. Начался новый этап его деятельности.

Анализируя службу мемуариста в революционный год, отметим, что именно в 1917 г. у него укрепились взаимоотношения с генералом А. Е. Снесаревым. Впоследствии это отразилось на карьере и судьбе Носовича. В 1918 г. именно Снесарев устроил его на службу в штаб Северо-Кавказского военного округа, военным руководителем которого являлся. На этой должности Носович начал осуществлять активную подрывную работу в пользу белых.

Мемуары Носовича позволяют реконструировать его отношение к революционным переменам и косвенно подтверждают причастность к работе белого подполья в 1918 г., поскольку резко антибольшевистские взгляды его не менялись. В воспоминаниях прослеживаются монархизм и национализм Носовича, присущие мировоззре-

---

[45] BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (1). Кн. 3. От величия к ничтожеству. Записки бригадного командира. Ч. 1. Гл. 1. С. 6.

[46] Там же. С. 8.

нию кадрового офицерства. Многие офицеры гвардии, приближенные к императору, в Гражданскую войну одинаково презрительно относились и к большевикам, и к белым. Если первых люди типа Носовича воспринимали в духе офицерского мировоззрения как немецких шпионов и инородцев, то вторых считали избыточно демократичными кадетами или социалистами, виновниками отречения Николая II (к чему был причастен один из основоположников Белого движения генерал М. В. Алексеев) и ареста царской семьи (к этому был причастен другой вождь белых генерал Л. Г. Корнилов).

Белое командование, происходившее из армейской среды, в свою очередь косо смотрело на тех гвардейцев, которые примыкали к белым[47]. В Красной армии гвардейские кадровые офицеры тоже служили, при этом многие старались воздерживаться от активного участия в Гражданской войне и вполне могли, как Носович, тайно работать на белых, особенно будучи втянуты в подпольную работу товарищами по гвардейской касте.

Изложение революционных событий в мемуарах Носовича представляет несомненный исторический интерес и совпадает со свидетельствами и оценками многих кадровых офицеров. Касается это как резких характеристик политических деятелей Временного правительства, социалистов, так и неприятия разложения армии, выхода из подчинения солдатских масс, политизации армии.

Воспоминания содержат подробности боевой повседневности русской армии, детально освещают подготовку и ход июньского наступления 1917 г. на участке полка Носовича, показывают процесс постепенного развала армии. Не менее важно описание Носовичем особенностей работы петроградских военных властей в марте 1917 г., их некомпетентность, разрушительные тенденции в сфере военного управления.

Голубева-Монаткина Н. И

О языковой культуре послереволюционной русской эмиграции (1920–1990-е годы)

Аннотация. В статье кратко излагается история русского языка первой русской эмиграции XX века во Франции и Канаде. Отмечаются особенности «другого русского языка» по отношению к русскому языку России, возникшие в результате многолетнего «погружения» его носителей в иноязычную среду, а также важная роль русского языка в борьбе эмигрантов за сохранение своего национального са-

[47] *Деникин А. И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 112–113.

мосознания. Рассказывается об истории небольшого русского анклава во французском городе Ле-Крезо.

Ключевые слова: эмигрантский русский язык, русские эмигранты во Франции и Канаде, русские в Ле-Крезо.

On linguistic culture of the Post-Revolutionary Russian emigrants (1920–1990)

Abstract. The article gives a brief account of the history of the Russian language of the 20th century Russian émigrés in France and Canada. It points out the specific features of a «different Russian language» in relation with the Russian language in Russia that originated as a result of a long-term «immersion» of its speakers into a foreign language community. It also emphasizes the significant role of the Russian language in émigrés' striving for preserving their national awareness. The article describes the history of a small Russian enclave in the French town of Le Creusot.

Keywords: émigrés' Russian language; Russian émigrés in France and Canada; the Russians in Le Creusot.

В связи с Великой русской революцией впервые в истории русский язык стал тем языком, на котором заговорили на территории многих государств и который начали серьезно изучать и преподавать в тех странах, где эта, первая, волна русской эмиграции несколько изменила ситуацию не только языковую, но и культурную.

Установка представителей этой волны на временность существования вне России предопределила их постоянную борьбу за сохранение национального самосознания, одним из самых очевидных проявлений которого является национальная идентификация, осознание своей этнической принадлежности. В этой борьбе культура в целом и ее языковые аспекты в частности имели первостепенное значение.

Уже в 1920-е годы в условиях отрыва от основной массы носителей русского языка и погружения в иноязычную среду стал формироваться «другой русский язык», который в 1990-х годах сохранялся у некоторых представителей второго и третьего поколений эмигрантов и который автор этих тезисов имел счастливую возможность исследовать во Франции и в Канаде. Оказалось, что эмигрантская речь несет следы нормы русского языка конца XIX–начала XX в., в ней видны разрушительные следы многолетнего «погружения» ее носителей в иноязычную среду[48].

---

[48] *Голубева-Монаткина Н. И.* Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде: учеб. пособие. М., 1999: *Она же.* Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М., 2004; *Она же.* Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М., 2004.

Эмигранты стремились сохранить «в чистоте» свой русский язык и рассматривали все новое как извращение великого языкового наследия XIX в. С первых лет пребывания в чужой стране они обсуждали проблемы «чистоты» как своего языка, так и языка послереволюционной России, причем отголоски этих споров слышались в высказываниях представителей эмиграции и в 1990-е годы. Известно, что и в самой послереволюционной России раздавались достаточно резкие голоса (в частности, В. И. Ленина и ряда виднейших филологов), предупреждавшие об опасности языковой разрухи, причем обсуждение языковых проблем вне и внутри страны имело много сходных черт. Это во многом объясняется теми общими для России и «рассеяния» особенностями восприятия изменения языковой нормы, которые характерны для периода резких социальных потрясений.

Довольно долго тот язык, на котором говорили в «рассеянии» и в России, представлялся эмигрантам единым русским языком, который именно им необходимо спасать. Но уже в начале 1950-х годов в их публикациях говорилось о существовании двух русских языков – «эмигрантского» и «советского», «внутренне убогого жаргона», портящего язык эмигрантов, и заставляющего их высказывать «советизированные мысли». Поэтому даже в конце 1950-х годов за пределами нашей страны продолжается «борьба за русский язык» (создаются «Союз для защиты чистоты русского языка», журнал «Русская речь»). В 1990-е годы русская диаспора была лучше, чем в прошлые десятилетия, знакома с тем, как говорят в России, но интерес к языковым проблемам был жив лишь у некоторых потомков первой волны, как отчасти было живо и возмущение современным языком России.

В настоящее время для большинства говорящих по-русски представителей третьего и четвертого поколений этот язык является «выученным», что дает возможность утверждать: русский язык эмиграции первой волны прекратил свое существование, обретя свое место в истории нашего языка.

Вот история одного маленького русского анклава во французском городе Ле-Крезо (Le Creusot), которая написана по материалам, любезно предоставленным в 1992 г. в наше полное распоряжение французским этнографом Сирилом Дюмонте, сыном представителя первого поколения эмиграции первой волны из России[49]. В 1920-е годы в Ле-Крезо жили 38 тысяч человек, из которых от 10 до 15 тысяч работали на сталелитейных заводах Шнейдера. Город был задуман и построен так, чтобы Шнейдеры могли «выращивать» здесь

[49] *Dumontet C.* Vie et problèmes de quelques éléments de l'émigration russe blanche à Creusot, de 1924 a 1980. Université Lyon II, 1980.

своих рабочих, обучая их и контролируя всю жизнь города... В XIX в. в Ле-Крезо функционировали казармы для рабочих, куда впоследствии и поселили несемейных русских эмигрантов, сменивших рабочих из Индокитая...

Как известно, после окончания кровопролитной для Франции войны представители французских заводов, горнодобывающих предприятий ездили нанимать рабочих среди русских беженцев в Белград, Софию, Бизерту. На заводы в Ле-Крезо русские начинают приезжать с 1920 г., и на 1 февраля 1926 г. их было 942 человека (по другим данным – 1300). Это были, в основном, не имеющие средств к существованию офицеры белых армий, казаки; все они уже хлебнули эмигрантской жизни в Греции, Югославии, Словакии, Польше, Болгарии, где с разрешения французского правительства их наняли эмиссары Шнейдеров.

Вот что более 50 лет спустя они рассказывали на плохом французском языке не говорящему по-русски Сирилу Дюмонте о своих первых впечатлениях: «Я приехал сюда во Францию и подписал контракт, чтобы работать... Когда нанимали, не смотрели, кто вы – немножко выше рабочих или нет: это иностранец, и для них все были одинаковы. И даже приехав сюда в Ле-Крезо, требовалось написать: кто вы в России, а потом вас нанимали как чернорабочих. Для них это был чернорабочий и все».

У большинства приехавших не было никакого багажа, одеждой им служила старая военная форма. Все, что они зарабатывали тяжелым физическим трудом, за который иногда им платили меньше, чем обещали при найме, шло на питание, и первую одежду некоторые смогли купить лишь через полгода...

В 1925 г. русские переоборудовали старый ангар, где была открыта освященная архиепископом Русской православной церкви за границей Евлогием маленькая церковь, для которой привезли иконостас и разное церковное имущество с одного из кораблей русской эскадры в Бизерте. Эта церковь стала одновременно как бы клубом, центром русской общины: «Открылась при церкви школка, организовался хор под управлением псаломщика... На Рождество устроили „елку", которая привлекла великое множество детей. Все были довольны»[50]. Информанты С. Дюмонте рассказывали: «Там было две церкви, одна церковь в самой церкви, а вторая церковь во дворе, потому что всегда было столько народа, (что) только половина могла войти внутрь или четверть, а мы все были во дворе... А церковь, это было хорошо... И сначала все молодые ходили на службу и держались вместе. И болтали друг с другом, и (все) довольны, знаете ли».

---

[50] Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия. Изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Paris, 1949.

Затем небольшой приход переживает сложные времена – сначала отделяются украинцы-униаты, потом уходят казаки и белорусы... После Второй мировой войны перестал существовать церковный хор, а с 1969 г. в приходе уже не было своего священника – служить приезжали православные священники из Бельфора или Парижа, причем некоторые из них по-русски уже не говорили. В сентябре 1980 г. в приходский праздник здесь еще шло богослужение, хотя на Пасху службы не было – русские старики слушали по радио то, что происходило в кафедральном соборе Александра Невского в Париже.

Внутри маленькой общины возникают разные организации. Первыми создают их казаки: сначала это – три станичные ассоциации (донская, кубанская, терская), затем в 1927–1928 гг. в префектуре регистрируется казацкая ассоциация взаимопомощи... Вплоть до войны казаки ежегодно празднуют 1 октября православный день Покрова Богородицы и свой казацкий праздник в городской гостинице или заводской столовой Шнейдеров... Попав во Франции в совершенно отличный от прежнего мир, выполняя здесь обычно самую неквалифицированную работу, эти нередко необразованные люди составили в русской эмигрантской среде особую группу, члены которой сумели сохранить особые взаимоотношения. Казаки были яркими «этнографически», любили национальную одежду...

В 1925–1930 гг. в Ле-Крезо, как и во всех городах Франции и других стран, где было достаточно много русских эмигрантов первой волны, возникают русские молодежные и детские организации, целью которых было объединить эмигрантскую молодежь, сохранить ее русский язык, сделать так, чтобы она не забыла о России, организовать ее досуг, устраивая праздничные мероприятия. Пытались создать русскую среднюю школу по типу гимназии, но префектура не дала разрешение, сославшись на то, что при церкви уже была приходская школа...

Вот как, по рассказам информанта С. Дюмонте, проходили занятия в этой приходской школе: «Каждое воскресенье, с 2 до 6 часов, регулярно, занимались детьми, и даже одна дама помогала мне с девочками, потому что я не имел права, но это я все делал: один час русский язык, второй – история, третий гимнастика... И так каждое воскресенье. И этим каждый четверг... занимались: читали и писали на русском языке». Существовал также школьные хор и струнный оркестр. Три–четыре раза в год давались благотворительные балы, чтобы собрать необходимые русской общине средства. Пытались организовать театр...

Вообще тогда «русская жизнь» в Ле-Крезо била ключом, хотя эмигрантам жилось трудно: «Жизнь была полной... Дети были скаутами, маршировали, пели песни... Делали это по-русски... священник

давал все, что надо для церкви (по-видимому, информант пытается сказать о том, что русская церковь функционировала нормально. – *Н. Г.-М.*)... У нас ничего не было, знаешь, но все-таки выходили из положения. Посещали кино, бывали в театре, всегда крутились не знаю как, если посмотреть сейчас...».

Но эта жизнь имела свои не только метафорические, но и вполне реальные краски – наряду с казаками, русские скауты, которых в ноябре 1930 г. было 32 человека, и «разведчики», представители другой детской организации русской эмиграции, имели свое знамя, форму, в том числе и патрульную (бело-желто-черную, цвета Романовых, и красно-синюю, поскольку это были любимые цвета Суворова).

Как они отдыхали? По воскресеньям, летом – за городом, куда отправлялись пешком или на велосипеде, а в будни – по-иному: «Вечером – ничего. 8 часов и уже все окна закрыты, и все ложатся спать. Но довольно часто, правда, русские видя это, ходят в гости к тем, кто женат, то в одну семью и в другую, и в третью тоже, а потом довольно часто ночью трое или четверо русских гуляют по улицам, и полицейский говорит: „Что это вы тут делаете? – Ну, мы ходили в гости к приятелю попить чайку!" О, ночью гуляли только русские...».

Эмигранты старались держаться вместе, одинокие часто «столовались» в семьях: «Там – то, что вместе... Семья в полдень и вечером; так веселее, смеемся, шутим или спорим, сплетничаем, в общем, говорим по-русски...».

Русские были не только в самом городе, но и в рабочих поселках вокруг него. Так, в Моншанене, населенном наполовину русскими наполовину поляками, жили в одноэтажных барачных домах с электричеством, но без водопровода и «удобств». Каждая семья имела небольшой сад и огород с обычным для Франции набором овощей (но с русскими огурцами и свеклой для борща), урожай частично продавали... Казаки, имеющие крестьянскую закалку, преуспевали в сельскохозяйственной деятельности и этим отличались от бывших офицеров: «Да, иногда люди не разбирались в чем-нибудь в саду, и тот, кто живет там, видит то, что они делают со своими помидорами, и вот они приходят помочь тем, кого они знали, вот так специально приходят, вот так...».

В 1936–1937 гг. в Моншанене открылась православная часовенка, куда по четвергам из Ле-Крезо приезжал священник. Здесь тоже шла «русская жизнь», и даже установили огромную антенну, чтобы слушать радио из Москвы. После войны подросшее второе поколение постепенно разъезжается, а первое стареет... И уже с начала 1970-х годов поселок был обречен на снос, хотя старики не хотели уезжать из этого, по словам одного из представителей второго поколения, настоящего и намеренно организованного гетто. Русские, которые жили в самом Ле-Крезо, считали тех, кого поселили вне города,

счастливчиками: «Там жили, как в деревне, полно цветов около дома, был пруд и пляж даже с лесом вокруг, грибы и разные ягоды. Эта часть русских были самые счастливые...».

Приведенные С. Дюмонте многочисленные цитаты из записанных им интервью свидетельствуют о том, что второе поколение русских рассказывало о прошлом уже не на том плохом французском языке, на котором говорили их родители. И небезынтересно, что ностальгически похваливая теперь свою прошлую, «русскую», жизнь, некоторые представители второго поколения все же искренне полагали, что у них еще в юности был l'esprit latin – латинский дух, хотя они, живя среди русских, общались со своими французскими сверстниками сравнительно немного...

Русский анклав в Ле-Крезо исчез к началу 1980-х годов, когда в этом французском городе умерли последние старики-эмигранты.

Ермишина С. А.

Русские мыслители о Революции 1917 г.

Аннотация. В статье раскрываются представления русских мыслителей, авторов книг «Вехи» и «Из глубины», о революции, ее причинах, о роли радикальной русской интеллигенции в борьбе против царской власти, даны характеристики утопического сознания интеллигенции, ее «отрицательного типа ума». Веховская традиция показана как развитие основного течения русской мысли «свободного консерватизма» Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева.

Ключевые слова: веховская традиция, «свободный консерватизм», духовно-нравственные основания жизнедеятельности, союз «Власти, Церкви, Общества», русская интеллигенция, «отрицательный тип ума».

Russian thinkers about the 1917 Revolution

Abstract. The article reveals the understanding of Russian thinkers, authors of the books «Vehi» and «Is glubini (From the depths)», of the revolution, its causes, of the role of radical Russian intelligentsia in the fight against Tsarpower; are given the characteristics ofutopian consciousness, «negative type mind» of intelligentsia. Vehovskaja tradition is presented as the development of fundamental Russian thought free (svobodniy) conservatism of Karamzin, Pushkin, Dostoyevsky, V. Solovyov.

Keywords: vehovskaja tradition, free (svobodniy) conservatism , spiritual and moral foundation of life, Union «Power, Church, Society», russian intelligentsia, «negative type of mind».

В 1917 г. свершилась революция, об опасности которой предупреждали авторы сборника «Вехи» (1909). Революционная катастрофа началась в Феврале, закономерно, при усилении протестных движений в политическом вакууме, привела к победе большевистской власти в Октябре, вылилась в разрушительную Гражданскую войну, в период нарастания которой летом 1918 г. произошло убийство новой властью свергнутого царя и всей царской семьи.

Именно в это время и были написаны веховцами статьи для новой книги о революции – «Из глубины». С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, А. С. Изгоев вместе с П. И. Новгородцевым, Вяч. Ивановым, С. А. Котляревским и другими известными авторами размышляли о том, почему их предостережения не были услышаны «русским образованным обществом», почему его представители не осознали «великой опасности, надвигавшейся на культуру и государство», а лишь всеми способами приближали их крушение[51]. Авторы сборника, при всем различии позиций и настроений, считали, по словам руководителя издания П. Б. Струве, что крушение исторического строя жизни народа – это «несчастье и преступление»[52]. К этому выводу присоединялись, несмотря на запрет книги, многие из бывших критиков «Вех», потрясенные открывшейся им картины разрушения общественной и государственной жизни.

Приговор звучал четко: «русское освободительное движение», возглавляемое «господствующим течением русской интеллигенции», привело общество к «гибельному пути» отрицания основ российского бытия. А надо было «прежде потрудиться на родной ниве», как в свое время призывал Ф. М. Достоевский, а не разрушать ее. Надо было свою неуемную тягу к «сознательному строительству жизни» направить по пути, к которому призывали Пушкин, Достоевский, Вл. Соловьев. Эта главная традиция русской мысли имеет вековые корни, подчеркивал П. Н. Новгородцев. «Нетрудно было отыскать ее прообразы в древней русской письменности», она связана «глубокими корнями со всем ходом русской истории», и несомненно, что в поисках за этими первоисточниками вставало главное – христианская религия. Но «величайшее несчастье русского народа» заключалось в том, что «это течение не имело у нас тогда руководящего значения»[53]. Оно оказалось на глубине русского сознания, не в «большом времени» (М. М. Бахтин). И вот из этой глубины и взывали мыслители к обществу, надеясь быть услышанными, хотя бы в будущем.

Русская интеллигенция, подпитавшая радикальные как социалистические, так и либеральные политические силы, избрала путь тех,

[51] Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 5.
[52] Там же. С. 6.
[53] Там же. С. 246.

кто призывал ее к свержению существующей власти как главного препятствия реализации освободительных идей. Она отличалась, как позже скажет Г. П. Федотов, «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей», а С. Л. Франк назовет это свойство «идейным морализмом». Интеллигенция упорствовала, по утверждению мыслителей, в своем отщепенстве от государства, традиций. И это приводило к усилению «самого глубокого и общего показателя застарелой тяжкой нравственной болезни общества». Эта болезнь – «ужасающее общественное бессилие и унижение Русской церкви – той Церкви, которая не только имела когда-то великих святых и проявила великое духовное творчество, но и своею нравственной силой содействовала объединению русского народа...»[54].

Но «трагедия свободы» неминуема, крах планов всех мечтавших о ней неизбежен, отмечал П. И. Новгородцев, когда во имя отвлеченных либеральных или социальных идеалов вытесняется понимание «силы связей и скреп, необходимых для общего единства жизни целого», когда «забвению подвергаются объективные основы истории». А вот попытки свалить жестокие издержки революции на «неподготовленность народа», по мнению С. Франка, «не к лицу политикам». «Что же это за политики, которые в своих программах и в своем образе действий считаются с каким-то выдуманным идеальным народом, а не с народом реально существующим!»[55].

После революции веховцам стали более очевидны западные корни подобного утопического сознания интеллигенции. «Беспочвенность идей» кроется в вере «во всемогущество учреждений, в чудесную силу человеческого разума, в близость земного рая» (П. И. Новгородцев). Революционеры «слишком веровали в легкую осуществимость механических, внешних реформ чисто отрицательного характера, в целительность простого освобождения народа от внешнего гнета власти, слишком мало понимали необходимость и трудность органического перевоспитания общества к новой жизни. Их политический реализм обессиливался их совершенно нереалистическим моральным сантиментализмом, отсутствием чутья к самым глубоким и потому наиболее важным духовным корням реальности, к внутренним силам добра и зла в общественной жизни, к власти подземных органических начал религиозности и древних культурно-исторических жизненных чувств и навыков. И опять невольно вспоминаются слова Достоевского: „реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастики, потому что слеп"» (С. Л. Франк)[56].

Но подобный «реализм» нашей интеллигенции сочетался с «отрицательном типом ума», который открыл нам еще А. С. Пушкин.

[54] Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 318.
[55] Там же. С. 320.
[56] Там же. С. 313.

Этот «тип ума» господствовал в российском образованном обществе. В «энциклопедии русской жизни» он замечен у представителей дворянства. Так что непониманием и отрицанием «почвы» отличались не только радикалы-интеллигенты, но и многие представители господствующего класса, бюрократии. Задолго до революции, когда общество еще ожидало успешных результатов великих реформ, Достоевский отказал дворянству в праве быть выразителем общенациональной идеи, сомневался в способности дворянства возглавлять реформы, чем вызвал возмущение определенных кругов. В романе «Подросток» известную княжескую фамилию Долгорукий носит крестьянин. Заигрывания с революционными настроениями было свойственно большинству представителей высших сословий. Они давно забыли слова Н. М. Карамзина о «самодержавии как палладиуме России» и задолго до революции примеряли красные банты, мечтая об изменении политического строя России.

Распространению подобного умственного настроя во многом способствовало еще одно западное увлечение образованного класса – позитивизм. Опасность его воздействия веховцы эпохи революций хорошо знали изнутри, ведь совсем недавно они сами увлекались «научными идеями» русского марксизма, потом либерализма. И только ступив на плодоносную почву русской мысли, выражающей национальное самосознание, обрели основу для своих духовных исканий.

Склонность к «теоретическим трафареткам» и «произвольным толкованиям» (В. С. Соловьев), «мода на позитивизм» вольно или невольно вызывала в господствующем течении интеллигентской мысли противостояние национальному самосознанию. Главенствовала вера в законы прогресса, чьи «стадии» обязательны для всех, в неизбежность «европеизации» России. По этой формуле «европеизация» означала только одно – что рано или поздно, когда будут устранены все преграды, Россия пройдет путь «стадий» Европы и только тогда станет частью европейской цивилизации, хотя и с некоторыми своими особенностями. Нацеленность на новые теоретические выводы позитивистского сознания готовила и торжество «последнего победившего принципа» (В. С. Соловьев). Но вот в сложившихся исторических обстоятельствах этот принцип оказался не абстрактной «трафареткой» марксистской идеи коммунистической революции и «царства свободы», в которую верили большевики, а жестким идеологическим обоснованием политической практики новой власти, победившей в Октябре 1917 г. и утверждавшей законы классовой борьбы как высшую справедливость, а критерием нравственности – «служение делу коммунизма» (В. И. Ленин).

Позитивистская схема «европеизации» отличается от понимания «европейского пути» России в представлениях Пушкина и Карамзина, Ключевского и Соловьева: путь России – не чуждый Ев-

ропе, но свой европейский путь, и для понимания ее истории «потребна иная формула» (А. С. Пушкин). И в ней ключевое положение занимает вопрос о власти, об исторических традициях взаимоотношения власти, Церкви и общества, «социальной троицы», как определил это в «Русской идее» В. С. Соловьев.

К пониманию этой «формулы истории России» и даже принятию монархической идеи многие веховцы пришли только в эмиграции. В 1918 г. особого всплеска монархического сознания у многих веховцев не было. Но они были потрясены трагедией крушения исторического строя. Им близки были взгляды В. О. Ключевского, который после первой революции напомнил обществу о царской власти, о Петре Великом, о его «неослабном чувстве долга и вечно напряженной мысли об общем благе отечества»[57]. Он понимал, что «совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра два века и доселе неразрешенная». И хотя «самовластье само по себе противно как политический принцип, его никогда не признает гражданская совесть». Но «можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяются с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева»[58].

Веховцы вникали в эту российскую «политическую квадратуру круга». В отличие от той части интеллигенции, которая «потеряла вкус к имперским проблемам, к национальным и международным проблемам вообще», а «темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. С точки зрения гуманитарной и либеральной, осуждались Империя, все Империи, как насилие над народами, но результаты этого насилия принимались как непререкаемые...»[59].

Уже в эмиграции П. Струве, С. Франк и другие русские мыслители признали пушкинский выбор «формулы русской истории» и мировоззрения. Вот их вывод: «Если в политической мысли XIX века (и, в общем, вплоть до нашего времени) господствовали два комплекса признаков: «монархия – сословное государство – деспотизм» и «демократия – равенство – свобода», которые противостояли (и противостоят) друг другу как «правое» и «левое» миросозерцание, то Пушкин отвергает эту господствующую схему – по крайней

[57] *Ключевский В. О.* Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М., 1990. С. 376.
[58] Там же. С. 203–204.
[59] *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избр. статьи. В 2 т. Т. 2. СПб., 1992. С. 316.

мере, в отношении России – заменяет ее совсем иной группировкой признаков. «Монархия – сословное государство – свобода – консерватизм» выступают у него как единство, состоящее в резкой противоположности к комплексу «демократия – радикализм („якобинство”) – цезаристский деспотизм»[60]. Вслед за П. А. Вяземским они назвали это направление русской мысли «свободным консерватизмом» и признали основу русской политической системы, определенную Вл. Соловьевым, как «союз власти, Церкви и общества». Им стало ясно, что эти выводы не потеряли своей актуальности и в новых исторических условиях и новых формах. Исторический путь еще не завершен.

Русские мыслители размышляли о важнейших вопросах национального бытия, касающихся и нашей современности. В центре этой мысли – человек, общество, государство. Их волновало сохранение и развитие традиций, государственности и обеспечение развития всех личностных – «самостоянье человека»(А. С. Пушкин), общественных приоритетов, «право человека на достойное существование» (В. С. Соловьев) и благополучное развития «супранации» (Н. О. Лосский), «достойное существование народов». Они были проникнуты стремлением соединить «все состояния против общего зла» (А. С. Пушкин), а не «борьбой против», столь характерной для радикального русского общества, у которого не было «живого нравственного опыта в отношении ряда положительных начал государственной жизни» (С. Л. Франк)[61].

Особо обратим внимание на понимание качественно иного действия личностного принципа в русских реалиях, иного понимания свободы и подчиненных ему чувств равенства и братства. Если для западной традиции характерно отрицательное наполнение понятия свободы как независимости и борьбы «против», что безоговорочно усвоила российская радикальная интеллигенция, то русскому пониманию свободы свойственно было положительное наполнение, поиск своего бытия. Об этом говорили еще славянофилы. Кстати сказать, уже к началу XX в. опыт западноевропейских стран показал, что происходил кризис «негативной» свободы в буржуазных обществах, подтверждавший факт исторической эрозии основ классического либерализма. Это показывало, что неизбежен дальнейший рост противоречия между политической демократией и либеральным индивидуализмом, между свободой в ее формально-правовом выражении и свободой на практике, когда в силу отсутствия условий ее реализация становится невозможной.

---

[60] Пушкин в русской философской критике конца XIX–первой половины XX вв. М.,1990, С. 420.

[61] Из глубины. С. 313.

Представители этой главной традиции русской мысли были убеждены, что не надо ввергать общество в омут политической борьбы за власть, не ставить ее выше демократической социальной политики, а обеспечить доверие к праву и правовым формам социального реформаторства, обновить понятия свободы, равенства, прав личности, гражданского правопорядка и правовой государственности. Интеллигенции надо было трудиться над разработкой правовых форм и политических механизмов решения назревших социальных вопросов. Надо было наполнять новым содержанием понятия гражданственности и государственности, которое должно было быть согласованным с традициями общественного и государственного развития.

Мыслители продумывали и основные планы хозяйственного бытия России в новых условиях. Не забывали они о том, что говорил Ф. М. Достоевский, о зависимости нашего развития от решения обществом вопроса: «Как веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем». Это главный вопрос нашей модернизации. Если западная цивилизация имеет свою религиозную мотивацию и протестантскую этику, дух капитализма (М. Вебер), то какие составляющие имеет православная этика, определяющая духовно-нравственную основу развития общества? Западному экономическому человеку (М. Вебер) свойственно понимание главенства успеха в работе, бизнесе, материального достатка как знака их угождения Богу и получения его. И наоборот, от представления о том, что, как живет человек, богат он или беден, можно оценить его веру. И хотя первое представление встречается в Ветхом Завете, Бог благословляет материальным достатком, но это вовсе не означает, что верно второе. Но оно осталось общеупотребительным, поскольку это просто. В России богатство никогда не имело религиозного ореала. Православная этика дала особый хозяйственный строй, сформировала человека хозяйствующего, занятого праведным трудом.

Но как совместить праведный труд с активностью, которая была столь востребована всеми модернизировавшимися сторонами российской жизни? С активностью, которая не тяготит, а радует, поскольку не богатством исчисляется, а благополучием человека, его доброй жизнью. «Вот талант – „зажечь местность деятельностью" есть в своем роде пушкинский, лермонтовский дар...». Так отметил В. В. Розанов в статье «Революционная обломовка» (1917)[62]. Он и причины революции видел через призму хозяйства, терявшего свою устойчивость и жизненные силы. Розанов верно подметил: «Везде, где людям живется деятельно, работяще, трудолюбиво, – там живут

[62] *Розанов В. В.* Революционная Обломовка // http://e-libra.ru/read/350147-revolyutcionnaya-oblomovka.html.

они и хорошо, а где нехватка работы – живут не просто плохо, а – окаянно»[63]. Деревня становилась «обломовкой», происходило нарушение каких-то очень сущностных жизнедеятельных основ хозяйствования. Для Розанова «Обломовка» – это метафора бесхозяйственной жизни и труда, «умирающей деревни». И взбунтовалась эта «Обломовка» не от лени, не от желания новой власти, а от бездеятельной жизни, без достойного хозяина, без крепких инициативных мужиков. «Человек хозяйствует из инстинкта самосохранения» (И. А. Ильин). А когда он заглушен тяжестью, уродством жизни, сердечной тугой, то человек протестует, бунтует в «жажде саморазорения» (И. А. Бунин).

Розанова и его современников, желавших понять смысл произошедшего, поражали захлестнувшие после революции обе столицы бездействие и бесхозяйственность тех, кто отнял власть у царя, но ничего не предпринимал для выхода из кризиса. Все только и ждали чуда от «освобожденного» народа, который должен был теперь как Илья Муромец «шагать по сту верст в день». А тогдашние ильи Муромцы – солдаты, рабочие, толпы которых в обеих столицах, – только митинговали и протестовали. Их стыдили женщины: «Вы губите Россию безобразиями и неповиновениями». А они молчали, «очевидно, признавая правоту или долю основательности слов». Хотя эти протесты, к их чести сказать, в первое время еще не отличались «революционным насилием». У народа оставался еще здравый смысл, он «был гораздо чище и лучше, нежели шла целых шестьдесят лет теория революции», «безумие слов» революционеров, призывавших к насилию. Потому что, как чувствовал Розанов, народ тяготел к хозяйству, а не к «ревоюционному насилию»[64].

Революционеры заменили духовно-нравственные основания с помощью экономической науки на числа, а ведь корень не в социально-экономическом устройстве, а в духовной сфере. Также считал и С. Н. Булгаков. Еще в «Философии хозяйства» (1912) он раскрыл связь хозяйственных «положительных основ жизнедеятельности» и религиозного сознания. В его представлении хозяйственная деятельность – это «трудовая борьба за жизнь и ее расширение». О нравственных основаниях как бытия в целом и хозяйственной деятельности «единого человечества», таки национального бытия напомнил С. Н. Булгаков в 1917 г. на заседании специальной комиссии, рассматривавшей вопросы социальной деятельности Церкви в рамках Поместного собора Русской православной церкви (1917–

---

[63] *Розанов В. В.* Революционная Обломовка // http://e-libra.ru/read/350147-revolyutcionnaya-oblomovka.html.

[64] Там же.

1918). Религиозный мыслитель, он видел хозяйственную деятельность человека, народов, всего человечества как «соработничество Богу». Эта тема о нравственных основах жизни человека, народа и «единого человечества», прозвучала еще у В. С. Соловьева. Он считал, что даже те, кто не верит в Бога, должны признать вывод: без морального абсолюта никакие нравственные императивы не работают, «существует неразложимая основа общечеловеческой нравственности...»[65].

Булгаков подчеркивал главное в православном подходе к социальной сфере, хозяйственной деятельности. Он отмечал, что для Церкви важны «не формы общественного строя и имущественных отношений, в частности она не отрицает, как и не утверждает во что бы то ни стало института частной собственности. Существенным для нее являются не формы, но дух, их исполняющий... Она сурово осуждает себялюбие и корысть, с чьей бы стороны они ни проявились, видя в них начало духовной смерти и общественного разложения»[66]. От общества при любом строе требуется «дух солидарности и согласия», «разные формы владения имеют значение не сами по себе, но в зависимости от своего осуществления»[67].

Булгаков дал резкую характеристику негативных глобальных процессов, которые охватили цивилизованный мир, возглавляемый «служителями золотого тельца». Для них весь мир – нажива, «трудящиеся – вьючные животные». Они привели человечество к тому, что «весь мир охвачен пламенем губительной войны, а вся энергия человеческого труда отдается на изготовление орудий смерти. Своей нечистой похотью эти служители золотого тельца заразили и отравили трудящиеся массы, которые прониклись ответной завистью и злобой»[68]. И поэтому в социализме, присутствует «поклонение золотому тельцу»,«пустым и суетным стихиям мира», «обещание, что сама хозяйственная жизнь в своем развитии освободится от вражды и приведет к согласию людей». Социализм внушает народу, «что вообще не существует никакой иной основы для отношений между людьми, кроме себялюбия и корысти, единоличной или классовой». Социализм «стремится организовать корысть неимущих против корысти имущих, зажечь социальную войну и превратить человечество в грызущуюся стаю волков, как это ему уже и удалось в России». Невозможно, считал он, «отдавая душу безбожию, зависти и злобе, обещать в то же время наступле-

---

[65] *Соловьев В. С.* Собр. сочинений: в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 119.

[66] Там же. С. 51.

[67] *Булгаков С. Н.* Христианство и труд. Доклад, прочитанный 9/22 февраля 1918 года на заседании Отдела о внутренней и внешней миссии Церкви Поместного собора Русской православной церкви //Отечественные записки. 2004. № 6. С. 51.

[68] Там же. С. 52.

ние земного рая со всеобщим довольством и гармонией». Булгаков считал, что «социализм есть средство духовного прельщения и обмана. Он хочет отвести человеческие души от Церкви Христовой на путь человекобожия и безбожия и исполнен антихристовой вражды к Церкви». В России, открыто заявил он, «учиняется явное гонение на Церковь с дикой злобой и хулой». «Злоба против Церкви, боевое антихристианство составляет религиозную сущность социализма»[69].

Но нельзя не заметить, считал мыслитель, и «правды социализма»: протест неимущих вскормлен «капитализмом, поставившим наживу единственным законом бытия и превратившим рабочий люд в материал для эксплуатации».«Грехи капиталистического своекорыстия, безжалостное угнетение масс, разложение семьи» и другие «грехи организованной корысти, или капитализма, и подготовили почву для социализма»[70].

Основная идея послания Булгакова: даже в условиях революционной катастрофы, которую переживала России в 1917 г., сохранить христианские нравственные основы национального бытия, которые в том числе и в хозяйственной жизни, оберегали народ многие века. Булгаков не сомневался, что и под знаменем «безбожного социализма» возможно «сопротивление снизу», выраженное в сохранении, воспроизводстве национального типа Домостроительства. Как известно, Н. А. Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма», оценивая советский опыт, отметил, что большевики использовали «православный тип личности», традиции. Но можно сказать и по-другому: они вынуждены были признать силу этих основ, а народ, благодаря традициям своего бытия, культуре хозяйствования, возросшей на этой почве, выстоял.

Сегодня все эти послания и предупреждения вышли «из глубины» русской мысли в «большое время». Усвоение, хотя и очень трудное, отечественных мыслительных традиций открывает новые горизонты истолкования общественных, политических и правовых идеалов из существа исторической жизни нашего общества. В них мы видим истоки такого уникального русского синтеза apriori как «свободный консерватизм», вобравшего всю полифонию взглядов наших мыслителей. Путь открыт к усвоению этого наследия, в котором права и свободы личности соединены с историческими традициями и приоритетами общественной жизни, государственными основами, раскрыты начала национального единства, обретение которого столь важно в современных условиях.

---

[69] *Булгаков С. Н.* Христианство и труд. Доклад, прочитанный 9/22 февраля 1918 года на заседании Отдела о внутренней и внешней миссии Церкви Поместного собора Русской православной церкви //Отечественные записки. 2004. № 6. С. 51.

[70] Там же.

Козлов О. В.

Трансформация системы управления народным образованием в Западном регионе России в годы революционных преобразований (1917–1920 гг.)

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматривается процесс организации системы управления народным образованием на территории Смоленской и Витебской губерний. В числе исследуемых вопросов – создание управленческих структур, основные проблемы и трудности в этой сфере в 1917–1929 гг.

Ключевые слова: Западная область, органы управления образованием.

The transformation of the system of public education administration in the Western Region of Russia in the years of the Revolutionary changes, 1917–1920

Abstract. The article is based on archival documents and considers the process of organizing the system of education in the Smolensk and Vitebsk regions. The author explores the following issues: the formation of management structures, and the main difficulties in this sphere in 1917–1920.

Keywords: Western region, education governing bodies.

После февраля 1917 г. на территории бывшей Российской империи как в центре, так и на местах были ликвидированы старые и сформированы новые государственные и общественные органы управления сферой образования. В марте 1917 г. в ведение Министерства народного прсвещения начали передаваться школы Мариинского ведомства и ведомства православного исповедания. С апреля 1917 г. в регионах страны от обязанностей управления начальными училищами стали освобождаться директора и инспектора народных училищ, было введено совместное обучение в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Постановлением Временного правительства от 8 мая 1917 г. были упразднены городские, уездные и губернские училищные советы. «Заведывание начальным образованием возложено на губернские и уездные земства по принадлежности, а в городах, в коих были утверждены городские училищные советы, на городские думы»[71].

В Западном регионе страны, помимо функционирующих земских органов управления школьной системой, стали возникать местные

[71] ГАРФ. Ф.1803. Оп. 1. 1917 г. Д. 35. Л. 1.

структуры, призванные наладить дело народного просвещения. Так, Брянский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в мае 1917 г. избрал культурно-просветительную комиссию, которая в начале июня того же года обратилась к населению и интеллигенции уезда с призывом поддержать ее действия. Тяга населения к знанию была очевидной. Не случайно после Февральской революции 1917 г. только из 17 населенных пунктов одного Смоленского уезда поступили заявления от 655 взрослых, решивших пройти обучение в вечерних или воскресных классах при начальных училищах[72].

Более планомерная работа по закреплению новой системы образования в стране началась с принятия Временным правительством постановления от 20 июня 1917 г. «О передаче всех начальных учебных заведений разных ведомств в ведение Министерства народного просвещения»[73], по которому министру народного просвещения предоставлялось право установить «порядок, условия и срок передачи объединяемых в ведомстве Министерства народного просвещения начальных училищ органам местного самоуправления»[74]. Кроме МНП в деле демократизации системы образования в 1917 г. активную роль пытался играть Всероссийский учительский союз. По инициативе его членов была создана Комиссия, присвоившая себе название Государственный комитет по народному образованию[75]. Приступая к решению задач по преодолению безграмотности населения, он разработал основные принципы реформы школы, предполагающие следующее: объединение управления учебными заведениями всех ведомств; право получения образования на родном языке; объединение общеобразовательных учебных заведений в единую школьную систему; общедоступность и бесплатность образования и др. В Государственном комитете по народному образованию попытались выработать «Временное положение о единой общественной общеобразовательной школе», которое предполагало, что «начальные училища должны учреждаться губернскими, уездными и иными земствами, городскими, поселковыми и сельскими самоуправлениями по постановлению земских и поселковых собраний, городских дум и соответственных органов сельского самоуправления»[76].

Согласно решениям Временного правительства, передаче в ведение земства подлежали практически все учебные заведения, но на местах этот процесс затянулся вплоть до октября 1917 г. Вместо

---

[72] Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 5. Д. 1606. Л. 23.

[73] Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX–начало XX века. Сб. док. СПб., 2000. С. 330.

[74] Там же. С. 330–331.

[75] *Филоненко Т. В.* Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX в. Воронеж, 2004. С. 291–293.

[76] ГАРФ. Ф. 1803. Оп. 1. 1917 г. Д. 34. Л. 1–3.

упраздненных училищных советов предлагалось создать при земских и городских управах комитеты по народному образованию. Смоленская губернская управа только 26–27 сентября 1917 г. организовала совещание и представила проект новой системы управления образованием. Однако в некоторых уездах Смоленской губернии эта работа так и не была проведена. Земства и городские органы самоуправления Смоленщины приступили к реализации этого проекта только после Октябрьской революции 1917 г. Лишь 9(22) февраля 1918 г. была утверждена примерная структура губернского комитета по народному образованию во главе с председателем земской управы[77], но 10 апреля 1918 г. она была окончательно ликвидирована.

Начало строительства новой советской системы государственного управления народным образованием было положено постановлением II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г., по которому в составе Совета народных комиссаров утверждался Народный комиссариат просвещения. Важнейшее «дело общего руководства народным просвещением» декрет ВЦИК и СНК от 9 ноября 1917 г. «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» возложил на эту новую структуру[78]. Комиссия стала тем представительным органом, который был призван использовать для управления отраслью весь имеющийся интеллектуальный потенциал страны.

На первом этапе, начиная с октября 1917 г. и по апрель 1918 г., в Западном регионе РСФСР шел процесс ликвидации старой и создания новой советской системы управления просвещением и культурой. Комиссариат по народному просвещению на Смоленщине был утвержден губисполкомом со значительным опозданием, только 21 февраля 1918 г.[79]. В Калужской губернии Комиссариат по народному просвещению также был образован одним из последних. В Брянске районный Совет на своем заседании 14 марта 1918 г. утвердил только коллегию по народному образованию из трех человек. Таким образом, остаточный принцип комплектования управленческих структур органов просвещения и культуры закладывался изначально.

На первом этапе земские отделы народного образования были поставлены под контроль Советов, на втором они были ликвидированы. Примером работы земского отдела народного образования под непосредственным контролем Советов может служить его деятельность в Ельнинском уезде Смоленской губернии, где заведую-

---

[77] *Козлов О. В.* Народное образование и культурно-просветительная работа в российской провинции (1917–1922 гг.). Смоленск, 2000. С. 49.

[78] Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 20–21, 59–62.

[79] Известия Смоленского Совета. 1918. 14 марта.

щим был назначен член партии большевиков В. И. Морошкин[80]. Именно он в мае 1918 г. беспрепятственно перевел в состав уездного исполкома школьный подотдел и внешкольный отдел земства[81].

Однако в ряде случаев исполкомам Советов приходилось силой разгонять аппараты городских дум и земских управ. Например Смоленский Совет рабочих и солдатских депутатов был вынужден 23 февраля1918 г. распустить городскую думу как орган, по мнению Совета, «явно контрреволюционный» и взять на себя выполнение всех его управленческих функций. Журнал «Народное просвещение» в 1919 г. писал, что переход школьного дела в стране в руки Советов в основном закончился к осени 1918 г.[82]. Думается, с этим выводом можно согласиться.

В уездах Калужской и Смоленской губерний, где земские управы были упразднены еще в начале 1918 г., вопросами просвещения в ряде случаев стали ведать комиссариаты, не имевшие непосредственного отношения к сфере образования. Такое положение, сложившееся и в Сычевском уезде Смоленской губернии, пришлось исправлять на III уездном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Съезд в марте 1918 г. учредил должность комиссара по народному просвещению[83].

На волостном уровне к управлению народным просвещением уездные исполкомы Советов были вынуждены шире привлекать местную интеллигенцию и население. Например, в Бельском уезде зимой и весной 1918 г. всеми школьными делами стали ведать вновь избранные под контролем Советов учительские советы и родительские комитеты[84]. В Катынской волости Смоленского уезда всеми вопросами просвещения ведал волостной комитет по народному образованию, в состав которого входили члены волисполкома, учителя и родители[85].

Большое значение для упорядочения управленческого аппарата советской власти на местах сыграли решения II съезда Советов Западной области, проходившего 11–15 апреля 1918 г. в Смоленске. Они открыли второй этап государственного строительства в регионе. К этому времени границы Западной области были значительно расширены за счет присоединения ранее оккупированных

---

[80] В. И. Морошкин окончил физико-математический факультет Московского университета и еще до революции активно трудился на ниве просвещения. После Октябрьской революции работал заведующим отделом народного образования земской управы, а затем председателем Ельнинского исполкома.

[81] ГАСО. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–17, 25, 65.

[82] См.: Народное просвещение. 1919. № 9–10. С. 72–73.

[83] Протокол III съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Сычевского уезда. 19–25 марта 1918 года. Сычевка, 1918. С. 5, 16–18.

[84] ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 50. Л. 27.

[85] Там же. Д. 7. Л. 8.

частей Минской, Витебской и Могилевской губерний[86]. В пределах Западной области окончательно упразднялись «...всякие комиссариаты и всякие Советы народных комиссаров, взамен их при всех советских организациях создавались отделы во главе с заведующими как в областном, так и в местном масштабе»[87].

Руководствуясь постановлением II съезда Западной области, ее исполнительный комитет был организован в составе 14 отделов, в том числе: народного просвещения – заведующий И. Савватиев и искусств – заведующий В. Кнорин[88]. Работа отделов началась в трудных условиях. В докладе областного отдела сообщалось, что «все наиболее активные советские работники к тому времени были уже заняты в других отделах, а члены бывшей губернской коллегии по просвещению от дел просто уклонились»[89]. В июне 1918 г. областной отдел народного образования включал в себя несколько подотделов (дошкольный, средней школы, высшей школы, финансовый, литературно-издательский и статистический), а также художественно-археологический и театральный. Последние два появились в результате ликвидации отдела искусств.

На территории Калужской губернии и Брянщины процесс формирования отделов исполкомов несколько задержался. Так, Брянский районный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов утвердил Комиссариат по народному образованию 27 июня 1918 г. Преобразование уездных комиссариатов в отраслевые отделы исполкомов в Калужской губернии началось только в июле того же года после решения об этом II губернского съезда Советов[90].

Принятое 18 июня 1918 г. СНК положение «Об организации дела народного образования в РСФСР» разграничило функции Государственной комиссии и Народного комиссариата просвещения. Документ предусматривал создание советов народного образования как контрольно-совещательных органов при отделах народного образо-

---

[86] II съезд Советов Западной области. Смоленск, 1918. С. 1, 4–5.

[87] См.: Вестник Народного Комиссариата внутренних дел. 1918. 14 июня. С. 14; Очерки истории Смоленской организации КПСС. Кн. 1. М.,1985. С. 72; II съезд Советов Западной области. Смоленск, 1918. С. 1, 4–5, 16.

[88] Кнорин Вильгельм Георгиевич (1890–1938) – видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, член партии с 1910 г., историк-публицист. Делегат всех съездов партии с XIII по XVII. В Смоленске работал с 18 февраля 1918 по 12 июня 1920 г., редактировал газету «Звезда», потом «Известия Смоленского Совета», возглавлял местную организацию Пролеткульта, был лектором областной партийной школы. В 1920 г. – председатель Смоленского уездно-городского комитета партии.

[89] Доклад о деятельности отдела народного образования Западной области III областному съезду Советов. 10 сентября 1918 г. Смоленск, 1918. С. 2.

[90] См.: Установление советской власти в Калужской губернии: Сб. док.. Калуга, 1957. С. 317–322.

вания. В целях повсеместного распространения советской системы народного образования на новых социалистических принципах ВЦИК на своем заседании 30 сентября 1918 г. утвердил «Положение об единой трудовой школе РСФСР». 16 октября 1918 г. Государственная комиссия по просвещению обнародовала «Основные принципы единой трудовой школы». В них пропагандировались полная светскость школы, уважение к личности ребенка, гуманизм, демократизм, единство школы, новые методы преподавания.

Большую помощь молодым органам советской власти могло оказать местное учительство. Но некоторые съезды учителей, состоявшиеся летом 1918 г. в Красном, Сенно, Невеле, Орше, находились под воздействием Всероссийского учительского союза, и переломить ситуацию удалось только к концу 1918 г. Перед новыми управленческими структурами ставились грандиозные задачи. Так, на I съезде по народному образованию Западной области, проходившем с 25 по 31 июля 1918 г. в Смоленске, было принято обращение, в котором говорилось о необходимости как можно быстрее наладить работу внешкольного подотдела[91].

В Западной области планомерную работу отделов народного образования значительно осложняли отсутствие квалифицированных кадров и «недоукомплектованность». Характерный пример: заведующий дошкольным подотделом в сентябре 1918 г. просил руководство отдела расширить состав его сотрудников хотя бы до трех человек[92]. Такие же просьбы поступали и от других заведующих подотделами. Тем не менее, путем кропотливой работы по подбору специалистов штаты отдела удалось расширить до 70 человек, а число подотделов довести до 14.

Становление органов народного образования и культуры на огромной территории Западной области проходило в условиях политического противостояния[93]. В выступлении председателя Гжатского уездного комитета партии большевиков М. П. Ремизова на съезде Советов, состоявшемся 26 июня 1918 г., подчеркивалось: «...не от радости приглашаются буржуазные специалисты, а по крайней необходимости ...иногда такие специалисты не помогают, тормозят работу, но ведь с такими элементами мы легко можем справиться»[94]. При всех сложностях в Западном регионе РСФСР к концу 1918 г. удалось сформировать структуру уездных отделов народного

---

[91] ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

[92] Доклад о деятельности отдела народного образования Западной области III областному съезду Советов. С. 1–2.

[93] *Мелешко А. М.* К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск, 1969. С. 176.

[94] Отчет Гжатского уездного съезда Советов крестьянских рабочих и красноармейских депутатов. 26 июня 1918 г. Гжатск, 1918. С. 8.

образования, включавшую дошкольный, школьный и внешкольный. Наиболее сложно на местах проходило строительство подотделов дошкольного воспитания, которые во многих уездах либо находились в стадии организации, либо еще не начали работу.

Нередко в ходе многочисленных реорганизаций по инициативе местных чиновников произвольно изменялись число и компетенция подотделов и секций уездных отделов народного образования[95]. В Ельнинском уезде вся хозяйственная деятельность школ была в ведении Совета народного хозяйства, а не отдела народного образования. Только с января 1919 г. она перешла в руки вновь созданного финансово-хозяйственного подотдела уездного отдела народного образования[96].

В 1918 г. в Западной области были попытки деления уездов на более мелкие административно-территориальные единицы – районы. Однако эта практика не нашла широкого распространения. Только в Ельнинском уезде был выделен Починковский район, исполнительный комитет которого имел шесть отделов, в том числе и отдел народного образования. Такое деление в какой-то степени предопределило создание в будущем нового уезда, а на тот момент позволило оживить культурно-просветительную работу[97]. Что касается создания волостных органов советской власти, то в сентябре 1918 г. на III областном съезде Советов была поставлена задача – выйти в практической работе именно на уровень волостей. Но волостные отделы народного образования не могли быть образованы в основном из-за отсутствия необходимых специалистов. Всеми вопросами просвещения на местах без какого-либо контроля волисполкомов чаще всего ведали школьные советы и комитеты.

Если первые шаги Советов по строительству органов управления народным образованием в Западном регионе России с начала октябрьских событий 1917 г. можно охарактеризовать как спонтанные действия по созданию на местах подчиненного им аппарата управления просвещением, то с весны 1918 г. уже прослеживается целенаправленный процесс строительства качественно новой системы народного образования на всех уровнях. Начало третьего этапа в строительстве управленческих органов народного образования и культуры в Западном регионе РСФСР было связано с новым административно-территориальным переустройством региона. После образования 1 января 1919 г. Белорусской ССР и упразднения Западной

---

[95] ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 2. Д.1035. Л. 1.

[96] Доклад Ельнинского Совета народного хозяйства VIII крестьянскому съезду Советов. 25–27 августа 1918 г. Общий обзор по народному хозяйству. Ельня, 1918. С. 1; ГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 114. Л. 207; Оп. 1. Т. 2. Д. 1035. Л. 1.

[97] Протоколы и постановления VIII съезда Советов Ельнинского уезда. 25–27 августа 1918 г. Доклады с мест. Ельня, 1918. С. 2–3.

области[98], был обновлен состав Смоленского губотдела народного образования, число его подотделов осенью 1919 г. возросло до тринадцати[99].

Территория Западного региона в ходе гражданской войны принимала большое число беженцев и пленных, значительный воинский контингент. Несмотря на малочисленность специалистов в области просвещения и культуры, в 1919 г. в Белом, Демидове, Мстиславле и Сычевке открылись самостоятельные секции по охране памятников искусства и старины[100], но так происходило лишь там, где сложились как объективные, так и субъективные условия, где нашлись инициативные сотрудники, способные заниматься нелегким трудом спасения памятников истории и культуры.

Внешкольные подотделы Смоленского и Калужского губернских отделов народного образования в 1919 г. главную свою задачу видели в активизации работы на местах, однако штаты секций этих подотделов были постоянно недоукомплектованы. Лучших его сотрудников обычно забирал губком партии. Такая практика хотя и считалась временной мерой, но носила постоянный характер в течение первых лет советской власти[101]. Сотрудники Смоленского губернского внешкольного подотдела сами признавали, что до 1920 г. им не удалось наладить стабильной связи с уездными подотделами и секциями внешкольного образования. Контакты ограничивались лишь редкой посылкой инструкторов для сбора сведений о состоянии дел в уездах и волостях и перепиской.

Самыми слабыми звеньями в системе советских органов просвещения и культуры в Западном регионе РСФСР оставались волостные. Например, в Бельском, Ельнинском, Юхновском, Боровском, Мосальском, Севском и других уездах региона волостные отделы народного образования существовали при Советах народного хозяйства, которые ведали только хозяйственной частью школ, а в остальные вопросы образования и культуры просто не вмешивались.

Вопросы совершенствования работы отделов исполкомов постоянно поднимались на губернских съездах по народному образованию. На съезде в августе 1919 г. в Смоленске, было подчеркнуто, что необходима работа по централизации управления в сфере образования и налаживание связи мест с губернией и Всероссийским центром[102]. Действительно, постепенно стали устанавливаться более тесные контакты губернских наробразов с центральными наркомпросовскими организациями. На основании декрета от 3 августа 1919 г.

---

[98] Культурное строительство в Смоленской области. Ч. 1. М., 1986. С. 1.
[99] ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 2. Д. 1035. Л. 18; Д. 8. Л. 115 об.
[100] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 1035. Л. 22.
[101] Там же. Д. 1085. Л. 19–20; Д. 8. Л. 73.
[102] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 1035. Л. 2.

и в связи с просьбой подотдела «все музеи, находившиеся на территории Смоленской губернии, вместе с бывшими до сих пор в ведении Московской коллегии, переходили полностью в ведение Смоленского губернского подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины»[103]. Москва постепенно освобождалась от бремени содержания ряда провинциальных музеев.

В начале 1920 г. в Смоленском губоно был образован специальный организационный подотдел, который состоял из двух секций. Первая – учета и координации работы губернских подотделов и уездных отделов народного образования – фактически только числилась, ее функции вплоть до марта 1920 г. выполняли управляющий делами и информационно-издательский подотдел. Вторая секция – подготовки работников просвещения – была образована из бывшего подотдела подготовки учителей и школьно-курсовой секции внешкольного подотдела. К марту 1920 г. секция ведала на территории Смоленской губернии шестью трехгодичными педагогическими курсами, дававшими выпускникам среднее педагогическое образование[104].

В 1920 г. решениями Калужского, Брянского и Смоленского губисполкомов, были утверждены составы губернских отделов народного образования и их коллегий, но в несколько измененном по отношению к предложенному центром виде[105]. Так, в состав Смоленского губотдела народного образования сверх плана были включены коллегия по народному образованию Смоленского железнодорожного узла и коллегия по делам высшей школы. При губотделе продолжала действовать собственная руководящая коллегия, включающая всех заведующих подотделами и представителей губернского правления профессионального союза работников просвещения и социалистической культуры, губернского правления профессионального союза работников искусств и губкома РКСМ. Всю текущую работу по управлению аппаратом проводил президиум коллегии, состоящий из заведующего отделом и двух его служащих, утвержденных губисполкомом.

Очередная аппаратная перестройка, как и предыдущие, не принесла ощутимых результатов. С мест же чаще всего приходили просьбы «об урегулировании вопроса о кредитах на содержание ответственных работников». Стремление было только одно – увеличить зарплату советским чиновникам и тем привлечь в их ряды необходимых специалистов. Из центра обычно отвечали отказом, так как увеличение ставок не было предусмотрено ни фондами зарплаты, ни сметами губернских и уездных исполкомов[106]. Реальная же

[103] ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 207. Л. 45.
[104] Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 1035. Л. 49.
[105] Там же. Л. 48–49.
[106] ГАРФ. Ф. Р-6751. Оп. 1. Д. 666. Л. 1, 4.

нагрузка на сотрудников из-за постоянных кадровых сокращений значительно возрастала.

Таким образом, несмотря на различные сроки становления органов управления народным образованием в Западном регионе РСФСР, включавшим и восточные белорусские территории, общее направление преобразований соответствовало декретам и постановлениям советской власти. От первых эмпирических шагов по созданию губернских и уездных отделов народного образования исполкомы советов всех уровней перешли к строительству централизованных структур, включавших в себя как государственные, так и общественные организации (отделы, их коллегии и советы по народному образованию). Именно им и предстояло осуществлять дальнейшее становление советской системы народного образования в регионе.

Леонова Л. С.

Российская революция 1917 года в идейном наследии П. Б. Струве

Аннотация. В статье рассматривается идейное наследие П. Б. Струве, касающееся Революции 1917 года в России. Характеризуются его взгляды на причины и последствия революции, показана критика им политики большевистской власти, раскрываются воззрения на перспективы развития страны в послереволюционный период. Идейная позиция Струве, лежавшая в основе его суждений о Российской революции, определяется как либеральный консерватизм.

Ключевые слова: П. Б. Струве, экономическая политика большевиков, государственное строительство, критика большевизма, либеральный консерватизм.

The Russian Revolution of 1917 in P. B. Struve's philosophical heritage

Abstract. The article discusses ideological legacy of P. B. Struve related to the 1917 Revolution in Russia. The author characterizes Struve's perceptions of the origins and consequences of the revolution, his critique of Bolshevik authorities' policies, analyses his views on the prospects of the country's development in the post-revolutionary period. Struve's ideological position, that formed a basis of his judgements on the Russian revolution, is described as a liberal conservatism.

Keywords: P. B. Struve, Bolshevik economic policy, state building, critique of Bolshevism, liberal conservatism.

Российская революция 1917 года вызвала разноречивые отклики у идеологов крупных общественных движений и политических партий, известных ученых. Среди них был и П. Б. Струве (1870–1944), прошедший путь от марксиста до либерального консерватора, активный участник Белого движения в России. В 1918 г. во впервые изданном в Москве–Петрограде сборнике «Из глубины» была опубликована его статья «Исторический смысл русской революции и национальные задачи». В статье давалась оценка революции, кратко характеризовались ее причины, ставился вопрос о перспективах российского общества в новых условиях. П. Б. Струве писал: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий. Разыскание причин той поразительной катастрофы, которая именуется русской революцией и которая, в отличие от внутренних кризисов, пережитых другими народами, означает величайшее во всех отношениях падение нашего народа, имеет первостепенное значение для всего его будущего»[107].

Высказанное в сборнике «Из глубины» отношение Струве к революции 1917 г. как к катастрофе, разрушительной силе сохранилось и в последующих его работах. Однако для этих работ характерен углубленный анализ поставленных проблем, интерес к методологическим аспектам, постановка историографических проблем, более широкое конкретно-историческое освещение рассматриваемых сюжетов. Среди методологических вопросов – понятийный аппарат: определения революции, соотношение ее с бунтом и смутой, последовательность этапов революции, критерии ее оценки, народ, класс, традиция и др.

Распространенное объяснение причин революции заключалось в ссылке на невежество и некультурность народа. П. Б. Струве выступает против такой точки зрения. Он считает, что народ был гораздо более невежественным и некультурным в эпоху Разина и Пугачева, чем теперь. Ссылку на «самодержавный режим», который, по мнению Струве, способствовал развитию революционных настроений, он также не считал исчерпывающей. Между тем, полагал П. Б. Струве, один из замечательных и в теоретическом, и в практическом плане уроков революции состоит в демонстрации того, в какой мере самые недостатки этого режима укоренились не в порядках и учреждениях, не в «бюрократии», «полиции», «самодержавии», а в нравах народа. Революция, сокрушившая «режим», оголила гоголевскую Русь, писал он. Советская власть есть по существу николаевский городничий. «Ревизор» из комедии провинциальных

[107] Цит. по: *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М., 1991. С. 279. (в дальнейшем «Из глубины» цитируется по изданию 1991 г.).

нравов превратился в трагедию государственности. В настоящий момент, «когда мы живем под властью советской бюрократии и под пятой красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии. То, что у Гоголя и Щедрина было шаржем, воплотилось в ужасающую действительность русской революционной демократии»[108].

Анализируя причины и характер революции 1917 г., обществоведы нередко ссылались на английскую и французскую революции, не показывая особенности жизнедеятельности государств, в которых развертывались революционные события, их влияние на характер революции, их движущие силы. Струве выступал против некритичного сравнения российской революции с английской и французской. Он подчеркивал, что каждая революция при наличии универсальных параметров отражает особенности жизнедеятельности государства, в которых она происходила.

В чем же П. Б. Струве видит причины революции в России? «Несчастье России и главная причина катастрофического характера русской революции и состоит именно в том, что народ, население, общество (назовите, как хотите) не было в надлежащей постепенности привлечено и привлекаемо к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти»[109]. Монархия не желала приобщения подданных к управлению. Укрепление и усиление крепостного права было тем возмещением, которое власть дает дворянству за отказ в политических правах. «...Ленин смог разрушить русское государство в 1917 г. именно потому, что в 1730 г. курляндская герцогиня Анна Иоанновна восторжествовала над князем Димитрием Михайловичем Голицыным». «Это отсрочило политическую реформу в России на 175 лет и обусловило собой ненормальное, извращенное отношение русского образованного класса к государству и государственности...». Слишком поздно, по мнению Струве, свершилась в России политическая реформа, слишком поздно произошла отмена крепостного права. И поэтому, когда наступил в России конституционный строй – между образованным классом и государством лежала длинная полоса взаимной отчужденности, тем более роковая, что за это время образованный класс изменил уже свой состав и свою природу. В то же время массы населения еще слишком недавно вышли из рабского состояния. Интеллигенция выросла во вражде к государству, от которого она была отчуждена, и в идеализации народа, который был вчерашним рабом,

---

[108] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 281.

[109] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции // Струве П. Б. Избр. соч. М., 1999. С. 281.

но которого в силу политических и культурных условий и своего и его развития она не знала[110].

Систематически отказывая образованному классу и интеллигенции в управлении государством, самодержавие создало в русских образованных людях психологию и традицию государственного отщепенства. Он делает вывод: «Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила... великое и многосоставное государство»[111].

Струве стремится не только понять причины революции, но и объяснить, почему она приняла такой характер, такие формы. Он выделяет ряд моментов.

Он считает, что в духовной и в социально-политической эволюции русского народа выпало звено, которое для эволюции западных народов было необычайно важным: буржуазная мораль и буржуазная дисциплина не имели в России тех корней, на которых они выросли в западно-европейской культуре и на которых там вырос сам социализм как культурное явление. В России не было реформации, поэтому христианская мораль не превратилась в методику и дисциплину ежедневной жизни, как на Западе. Струве назвал этот факт едва ли не самым многозначительным фактом русской истории.

Важнейшим моментом он считал отсутствие значительной крестьянской собственности в России. Институт собственности в стране не сделался еще привычкой, не стал прочным регулирующим началом жизни народных масс.

Струве отмечает роль мировой войны в развитии революционных событий. Она вызвала на сцену новые силы или, по крайней мере, в огромной степени усилила некоторые движения. В ведении этой войны государства, как никогда прежде, апеллировали к народным массам. Это была, по самому характеру своему, народная и демократическая война и потому-то она закончилась целым рядом революций. Во время войны и в силу войны народные массы почувствовали свою силу. Война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей.

Обращает он внимание и на такой факт: русская революционная интеллигенция приняла почти безоговорочно европейские социалистические идеи, для которых в России еще не была подготовлена почва.

Характеризуя движущие силы революции, Струве подчеркивает, что весь революционный лагерь «сообща совершил революцию». Но

---

[110] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 282.

[111] Там же.

это «не может устранить того, что реально, вся революция, как народное движение, рождалась и родилась из духа большевизма»[112].

Что представляла собой послереволюционная Россия с точки зрения Струве?

Язык цифр, по его мнению, свидетельствовал, что результатом коммунистической революции «была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция»[113]. В 1921 г. Струве отмечал: «Прежде всего, основной признак: состояние и движение населения. Много спорили и можно долго спорить о том, является ли рост населения необходимым признаком экономического прогресса. Но не об этих довольно-таки бесплодных ученых спорах идет речь в нашем случае. Вымирание населения, определяемое прежде всего ужасающим ростом смертности, таков тот основной факт советской экономики и демографии, в смысле и значении которого не может быть – увы! – никакого сомнения.

Это явление косвенно устанавливается для сельского населения: оно непосредственно и в ужасающих размерах может быть констатировано для городов с Петроградом во главе»[114]. Струве считает, что революции могут носить контрреволюционный характер, и революция 1917 г. имеет не прогрессивный, а регрессивный характер. Он отмечает, что революция эта была антипатриотична, противонациональна и противогосударственна[115].

По его мнению, жизнь показала, что две главные идеи социалистического движения – идея социализма и классовой борьбы – внутренне противоречивы и имеют только сокрушительную силу.

Коммунистический переворот, по мнению Струве, явился исходной точкой и условием экономической реакции совершенно определенного характера – натурально-хозяйственной. «Отмена частной собственности и свободы хозяйственной деятельности в городах, отмена, прошедшая разные стадии, но неизменно ведшая к одинаковым результатам, неуклонно подрывала производительные силы и разрушала производство. Начался процесс с деморализации труда: производители стали не работать при помощи капитала или капиталов, а проедать капиталы, и города из производственных центров превратились в скопления чистых потребителей. Гордость русской культуры, земская медицина, осуществившая в невиданных раньше размерах всеобщую бесплатную медицинскую помощь, низведена революцией до нуля.

---

[112] *Струве П. Б.* Прошлое, настоящее, будущее // Струве П. Б. Избр. соч. М., 1999. С. 323.

[113] *Струве П. Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства // Струве П. Б. Избр. соч. М., 1999. С. 296.

[114] Там же. С. 291.

[115] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. С. 286.

Производственный регресс не ограничился промышленностью – он захватил и сельское хозяйство. В области сельского хозяйства разрушительно действовало не только уничтожение культурных частновладельческих хозяйств...»[116].

Струве подчеркивал огромную роль института частной собственности, экономической свободы в развитии государства. «Русский коммунистический опыт в новой обстановке вновь подтверждает социологическую и политическую истину, гласящую, что собственность и экономическая свобода есть основа и палладиум личной свободы во всех ее проявлениях, даже наиболее тонких и вершинных»[117].

Раскрывая особенности нового политического строя, который строили большевики, Струве отмечал отсутствие в нем свободы, наличие беззакония, широкие полномочия чекистских органов и др. Он допускает некорректные характеристики руководителей советского государства.

Большое внимание уделял Струве проблемам русского государства, сохранению Великой России. Он выступал против абсолютизации классового подхода к функционированию государства. Характерна фраза, отражающая его общую концепцию: «На развалинах России, пред лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов, мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая соборная личность и как духовная сила... В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего»[118].

Струве ставит вопрос о возможности победы большевистской революции на Западе и отвечает – нет. Социальное строение Запада, культурный уровень его населения совершенно несовместимы с большевизмом, победившим в России. Всякая попытка установить подобный строй встретит на Западе такое сопротивление и буржуазии, и в значительной степени трудящихся масс, какого она не встретила в России. По существу, он отрицает международное значение российской революции.

---

[116] *Струве П. Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства. С. 296.

[117] Там же. С. 318.

[118] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 296.

В своем творчестве П. Б. Струве ставил вопрос о путях преодоления той катастрофы, в которой оказалась, по его мнению, Россия в результате революции. Особое внимание он уделял проблеме российской государственности. Струве излагал свои представления о причинах ее крушения: «Мы потерпели крушение государства от недостатка национального сознания в интеллигенции и в народе. Мы жили так долго под щитом крепчайшей государственности, что мы перестали чувствовать и эту государственность, и нашу ответственность за нее. Мы потеряли чувство государственности и не нажили себе национального чувства... Единственное спасение для нас – в восстановлении государства через возрождение национального сознания»[119].

Он писал, что какими бы путями ни пошло восстановление России, два лозунга должны стать руководящими для стремлений и действий русских патриотов. Эти лозунги должны воплотиться в формуле: «новая жизнь и старая мощь». Важно, полагал Струве, преодолеть упрощенное представление о русской истории. В 1923 г. он писал, что ни один русский человек, если он знает факты и способен их оценивать, не может уже верить в легенду о «царизме» как злом гении русского народа. «Мы, конечно, знаем отрицательные стороны и темные пятна этой истории. Но знаем и чувствуем, что чашку исторических весов, на которую легли национальные деяния Димитрия Донского и Св. Сергия, Ивана III, Минина и Пожарского, Петра Великого и Екатерины II, Миниха, Румянцева, Суворова, Кутузова, Барклая, Скобелева, Сперанского и Мордвинова, Александра II со всеми его сподвижниками, Ломоносова, Пушкина (величайший русский идейный консерватор!), Менделеева (тоже великий русский консерватор!), не может перевесить чашка весов с деяниями Малюты Скуратова, Шешковского, Аракчеева, Магницкого, Бенкендорфа и Распутина... Если масса русских интеллигентов, если масса русского народа еще не знает и не понимает своей истории, их нужно при свете огней русской революции и на еще не остывшем ее пожарище учить этой науке. Нужно учить этой науке так, чтобы учащихся охватывал национальный трепет и в них зажигалось внутреннее неугасимое пламя патриотизма. Для этого необходимо, называя вещи их именами, бесстрашно подсчитывая исторический баланс, верить в русскую историю как подлинное творение и выражение духа русского народа в его великих и добрых деяниях, а не в его падениях и низостях, как мы судим и об отдельных людях, когда решаем творить над ними суд. На пути такого научения русский народ, от самых мудрых до самых простых, сумеет сделать свой выбор между Пушкиным, Суворовым и Иваном Аксаковым, с одной сто-

[119] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. С. 272.

роны, и Стенькой Разиным, Пугачевым и Лениным, с другой стороны. Нам нужно возрождение духа. А остальное приложится!»[120].

Встает вопрос: к какому идейному течению мы можем отнести Струве – либерализму или консерватизму. Следует отметить, что в мировоззрении Струве в эмиграции усилилась консервативная составляющая – и в оценке исторического опыта, и в вытекающих из него уроков.

Другой вопрос, на который необходимо дать ответ: за какую форму власти, государства выступал Струве. В его трудах находим ответ и на этот вопрос. Струве избегал категоричных суждений в этом случае. Он считал, что надо исходить из оценки ситуации, в рамках которой возникает политический вопрос – вопрос о власти. В зависимости от ситуации выдвигался на первый план либеральный или консервативный компонент в теоретических построениях и в практической деятельности Струве. На эту особенность обращал внимание он сам. Еще в 1908 г. он подчеркивал необходимость создания новой русской государственности, Великой России: «Для нас эта формула («Великая Россия». – *Л. Л.*) звучит не как призыв к старому, а наоборот, как лозунг новой русской государственности, государственности, опирающейся на „историческое прошлое" нашей страны и на живые „культурные традиции", и в то же время творческой и, как все творческое, в лучшем смысле революционной»[121].

Анализ теоретической деятельности Струве свидетельствует, что в его наследии имеют место как перспективные, так и утопичные характеристики и позиции. В его трудах отсутствует конкретный механизм реализации его решений.

Россия, считал Струве, может выздороветь только коренным духовным преодолением революции. России нужна не реставрация, а нечто более глубокое и духовное: целый ренессанс. Необходимо собирание духовных сил и их работа. Это есть самая важная задача. «Крушение большевизма как власти приближается неотвратимо и ускоренно, – писал он в 1922 г. – Это крушение должно застать в русском народе какое-то ядро, из которого сможет духовно возродиться Россия. Только если будет налицо такое духовное ядро, патриотическое движение не будет отдельными, внешне лишь связанными, попытками управления и законодательства, а будет могущественным потоком, оплодотворяющим и возрождающим всю национальную жизнь»[122].

---

[120] *Струве П. Б.* Познание революции и возрождение духа // Струве П. Б. Избр. соч. М., 1999. С. 361–362.

[121] *Струве П. Б.* Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П. Б. Избр. соч. М., 1999. С. 182.

[122] *Струве П. Б.* Прошлое, настоящее, будущее // Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 329.

Русская революция «есть великая историческая проблема: я бы сказал, почти – загадка»[123], – неоднократно подчеркивал П. Б. Струве.

Едва ли нужно доказывать, что стройной концепции русской революции 1917 г. Струве не создал. И упоминание о «загадке» – доказательство лишь определенной степени разработки данной проблемы. Струве писал: «В самом деле: народ, который создал огромное и могущественное государство и, при посредстве этого государства, – великую, богатую и многостороннюю культуру, объятый каким-то наваждением, в кратчайшее время разрушил сам это великое государство – ради преходящих выгод и призрачных благ. Народ, давший Петра Великого, величайший индивидуальный гений государственности, поддался соблазну разрушения государства, глашатаями которого явились множество слабых, бездарных, безличных, безнравственных людей, выдвинувшихся в вожди не потому, что их выносила собственная крупная личность, а именно потому, что по своей безличности, они без конца льстили толпе и ее ублажали.

Русская революция, говорю я, загадка»[124].

Последние 15 лет жизни Струве занимался научно-исследовательской работой. Он одновременно изучал историю, экономику, философию. Вопросов было больше, чем ответов. Но даже постановка им вопросов носит творческий характер.

Интеллектуальный багаж П. Б. Струве расширяет представления о Великой Российской революции 1917 г., ориентирует на изучение новых сюжетов в исследуемой проблеме.

Труды Струве требуют дальнейшего осмысления.

Македонская В. А.

Государственно-церковные отношения в Советской России в 1917–1920 годах

Аннотация. В статье рассматриваются государственно-церковные отношения в Советской России в 1917–1920 гг., в период гонений на Русскую православную церковь и духовенство. Анализируется деятельность Поместного собора 1917–1918 гг. и избрание патриарха Тихона, его попытки наладить нормальные отношения между советским государством и Церковью. Отмечаются дискуссии современных исследователей по проблемам истории государства и Церкви в период Революции 1917 г. и гражданской войны.

---

[123] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. С. 273.
[124] Там же. С. 273–274.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, патриарх Тихон, гонения на духовенство, антицерковная политика, изъятие церковных ценностей, Поместный собор 1917–1918 гг., Декрет об отделении Церкви от государства 1918 г.

Church-state relations at the time of the Russian Revolution of 1917–1920

Abstract. The article deals with relationship between the government and the Church in Soviet Russia in 1917–1920, period when the Russian Orthodox Church and the priesthood were persecuted. Work of the Church Local Counsil in 1917–1918, the election of Patriarch Tikhon and his efforts to regenerate healthy relationship between the Soviet state and the Church are analized. Contemporary discussions about the problems of state-church`s history during the Revolution of 1917 and the Civil war are noted.

Keywords: state-church relationship, Patriarch Tikhon, persecutions of priesthood, anti-clerical politics, confiscation of church property, Church Local Council if 1917–1918, Decree of the separation of church and state.

На первом этапе демократической революции (до начала июля 1917 г.) Временное правительство осуществило широкую демократизацию общества: провозгласило политические права и свободы, отменило национальные и религиозные ограничения и т. д. Несмотря на это, оно не смогло стать консолидирующей силой общества и не обеспечило конструктивное развитие страны. Курс Временного правительства на продолжение войны, затягивание созыва Учредительного собрания и реализации основных требований революции привел к новому обострению общенационального кризиса[125].

На втором этапе революции (июль – 25 октября 1917 г.) в стране усиливалась социальная напряженность, нарастало возмущение масс. Монархисты и правые буржуазные партии были недовольны слабостью правительства, недостаточно решительными мерами по обузданию «революционной стихии». Они были готовы поддержать установление военной диктатуры. В борьбу за власть активно включились и левые радикалы (большевики). Они взяли курс на завоевание политической власти под лозунгом «Вся власть Советам!»...

В 1917 г. в России произошла Великая Русская революция, особенностью которой был ярко выраженный богоборческий, антирелигиозный характер. Атеистическая идеология принципиально отвергала религию. Церковь в России подверглась страшным гоне-

[125] Русское православие: вехи истории. / Под ред. А. И. Клибанова. М., 1989. С. 467.

ниям. Советской власти было необходимо уничтожить Православную церковь, так как сам факт ее существования опровергал основы марксистского мировоззрения.

В революционную эпоху Русская православная церковь вступила по всем внешним показателям мощным институтом. В составе приходского духовенства насчитывалось примерно 130 тысяч священнослужителей. Православными считалось 120 млн. человек, или 70 % населения России. Вместе с тем, в дореволюционной России был целый комплекс субъективных причин, способствовавших падению религиозности общества. Одним из факторов падения авторитета РПЦ являлась синодальная система, при которой Церковь была полностью подчинена государству и в значительной степени оторвана от общества. Церковь не имела возможности высказывать свое мнение по острым социальным проблемам. Следует отметить и общее падение нравственности и в самой церковной среде. К сожалению, многие представители приходского духовенства не соответствовали высокому званию пастыря[126].

К 1917 г. своеобразная «революционная ситуация» сложилась. внутри самой Церкви. С 1905 г. значительная часть духовенства, в том числе епископата, проявляла недовольство системой синодального управления. Развивалось движение за реформирование церковной организации.

Новая власть провела ряд мер по секуляризации общества. 20 марта1917 г. были отменены национальные и вероисповедные ограничения. Теперь для занятия важных государственных должностей и для коммерческой деятельности не требовалось принадлежать к православной вере. 14 июля был принят закон о свободе совести, в котором впервые в российской истории предусматривалось и вневероисповедальное состояние.

1917–1920 годы – это период гонений советской власти против Русской православной церкви, время «бури и натиска» или «кавалерийских атак» на Церковь. Хотя Русская православная церковь сильно сократилась количественно, но гонения способствовали формированию в христианах высоких нравственных качеств.

Государство становится секулярным, Церковь отделяется от него, ее собственность национализируется, школа отделяется от Церкви, граждане получают право свободы совести. Юридически это положение было оформлено Декретом от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (20 января принят, 23 напечатан). На позиции отделения еще до начала октябрьских событий стояла определенная часть духовенства. Но при

---

[126] Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Сб. док. / Сост. Я. И. Щапов, О. Ю. Васильева. М., 1996. С. 352–356.

подготовке проекта Декрета, и особенно в ходе его проведения в жизнь, государственная власть не координировала свои действия с Русской православной церковью, отказываясь от всякого диалога с ней. В результате Церковь была лишена гарантий правовой защищенности, и церковная жизнь стала отделяться от общественной жизни страны. Искажение на местах юридического понятия «отделения Церкви от государства» приводило к репрессивным акциям со стороны представителей власти. На проведении Декрета в жизнь сказались также условия гражданской войны и разрухи. Но до 1922 г. у власти не было цельной программы борьбы с Церковью как духовным и политическим противником[127].

Власть решала первостепенные задачи – окончания войны и борьбы с экономической разрухой. Но уже в 1920 г. Дзержинский в письме к Лацису отмечал, что без помощи ВЧК с попами справиться будет невозможно. И с 1922 г. борьба с Церковью будет идти по двум направлениям – пропагандистскому (силами атеистов и безбожников всех мастей) и репрессивному (силами ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ).

Как известно, голод 1921 г. явился поводом для развязывания кампании по изъятию церковных ценностей, имевшей четкие экономические и политические задачи. В ходе кампании В. И. Ленин в письме от 19 марта 1922 г. определил позицию государства по отношению к Церкви как «беспощадное сражение черносотенному духовенству». С началом изъятия ценностей Церковь должна была противостоять не только власти, усиливавшей репрессивную политику, но и обновленческим группировкам духовенства, поддерживаемым и оплачиваемым властью, помогавшей им захватить церковное руководство и провести такие реформы, которые превратили бы Церковь в религиозное сообщество.

В историографии внимание по-прежнему акцентируется на постановлениях и воззваниях Поместного собора, посланиях Патриарха Тихона, антирелигиозных декретах и мероприятиях советской власти, деятельности церковных комиссий по взаимодействию с советским правительством, антисоветских выступлениях духовенства и верующих, организации многочисленных крестных ходов, создании православных братств и обществ защиты Церкви. Изменения в исследовательских подходах последних двух с половиной десятилетий можно назвать попыткой своеобразной конвергенции отечественной и западной научной литературы в единую современную историографию. Исследователи приходят к выводу о негативном отношении Православной Российской церкви к большевикам и к

[127] Русская православная церковь. XX век / Сост. А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский и др. М., 2015. С. 310.

первым шагам новой власти по претворению в жизнь антирелигиозной политики и практики[128].

В отечественной и зарубежной историографии, освещающей весьма непростые церковно-государственные отношения в советское время, особое внимание уделяется сюжетам очень короткого периода, в пределах одного года с небольшим, сразу после прихода большевиков и их политических союзников к власти в результате октябрьского переворота 1917 г.

Данный период насыщен важнейшими событиями в церковной истории, например, созидательной работой не созывавшегося чрезвычайно долго даже по историческим меркам Всероссийского Поместного собора, восстановившего упраздненное еще в начале XVIII века патриаршество и определившего, как тогда казалось соборянам, основные устои дальнейшей, вне синодальных порядков, жизни Русской православной церкви.

Следует отметить, что в ходе своих заседаний Поместному собору пришлось учитывать и быстро менявшуюся политическую обстановку, реагировать на принимаемые молодым советским правительством постановления, касающиеся религиозных организаций. Исходя из доктринальной установки на полное отделение Церкви от государства и школы от Церкви, новые органы власти в 1917–1918 гг. приняли целый ряд декретов и нормативных решений, призванных регламентировать разные стороны существования в советской стране конфессиональных объединений. Реакция православного духовенства и мирян на первые попытки проведения в жизнь антирелигиозной политики, истоки складывающихся взаимоотношений между Православной русской церковью и социалистическим правительством стали предметом большого числа исследований у нас в стране и за рубежом.

Последнее десятилетие XX века и начало XXI века явились тем историческим периодом, когда стало возможным более предметно рассмотреть, что происходило в России после Октябрьского переворота во взаимоотношениях между Православной церковью и Советским государством. Причиной этому стала прежде всего возможность работы церковных историков с документальными источниками, до этого времени им недоступными.

Один из исследователей справедливо замечает, что «резко отрицательное отношение идеологов новой власти к Русской православной церкви, ее иерархии и духовенству, монашеству, как форме религиозной жизни, выразившееся в скрытых и явных гонениях, вместе с желанием этой власти также экспроприировать церковное

[128] Русская православная церковь. XX век / Сост. А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский и др. М., 2015. С. 310.

имущество, не могло не привести советскую власть к жестокому конфликту с этими организациями и верующими. В ходе этого конфликта погибли тысячи людей, стоявших очень далеко от политической борьбы, были разрушены огромные материальные богатства нации в виде храмов, монастырских и других зданий, уничтожены создававшиеся веками художественные произведения, закрыты знаменитые учебные заведения, в которых учились граждане не только России, но и других стран мира».

У разных историков существуют различные оценки людских потерь, которые понесла Русская православная церковь в то смутное время. Одно можно констатировать достаточно объективно: речь должна идти о десятках тысяч человек. Имеются документальные подтверждения тому, что только в одном Петрограде было расстреляно 550 священнослужителей. Часто убийствам предшествовали пытки и издевательства, и можно смело утверждать, что жестокость и непримиримость в борьбе с религиозным культом, не имеющая аналогов в новейшей истории, была почти полностью направлена в этот период против одной Русской православной церкви. Именно ее «вождь мирового пролетариата» и его соратники, судя по их собственным словам и делам, ненавидели люто и бескомпромиссно.

Поместный собор 1917–1918 гг., проходивший в Москве, не смог по объективным причинам довести свою работу до конца, однако успел сделать главное, а именно избрать патриарха и таким образом восстановить древний канонический принцип управления в Православной церкви. На патриаршую кафедру был избран человек, оказавшийся воистину Божиим Избранником в то нелегкое для Церкви время[129].

Патриарх Тихон (Василий Иванович Беллавин) в течение семи с лишним самых трудных для Церкви лет являлся тем светлым ориентиром, на который смотрели все здоровые силы, пытающиеся спасти Русскую церковь от полного уничтожения. Непомерная тяжесть легла на плечи 52-летнего Патриарха после его избрания: лишение Церкви статуса юридического лица, закрытие монастырей, духовных учебных заведений, разграбление церковного имущества, вскрытие и осквернение мощей и других святынь...

Одной из главных проблем, вставших перед святителем Тихоном с первых дней его патриаршества, стало налаживание нормальных отношений между Церковью и Советским государством. Первые послания патриарха заключают в себе обличение принципов, по которым пытался существовать новый строй, призывы прекратить наси-

---

[129] *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. С. 24–27.

лия и произвол, чинимый властями по отношению не только к Церкви, но и всему народу.

С начала 1919 г. характер посланий патриарха резко меняется в сторону выражения лояльности к существующему строю. Впервые это было выражено в послании от 8 октября 1919 г. с призывом к духовенству не участвовать в Гражданской войне на стороне какой-либо противоборствующей силы. Но особенно четко политика лояльности патриарха к государству проявилась после его выхода на свободу из заключения в 1923 г., когда перед Православной церковью встала угроза не только уничтожения, но и разложения изнутри вследствие так называемого обновленческого раскола.

Многие из соработников Патриарха, вследствие развития исторических событий, покидали его и установленные на Поместном соборе органы управления Церкви: Священный Синод и Высший Церковный Совет испытывали значительные затруднения в своей работе. Говоря о документальных источниках по данному вопросу, необходимо отметить, что «в течение длительного времени история этой национальной трагедии была известна лишь в общих чертах и большей частью в намеренно искаженном виде. Как теперь стало известно, существовала продуманная система дезинформации как внутри страны, так и за ее пределами, которая действовала очень эффективно, так что и собственные граждане, и иностранцы часто оказывались введенными в заблуждение относительно причин и хода этого конфликта. Подлинные документы, возникавшие в ходе выполнения соответствующих инструкций, как и сами инструкции, носили гриф «совершенно секретно», иногда передавались в зашифрованном виде, и как во время самих гонений против Церкви и верующих, так и много позднее, хранились за семью печатями в секретных фондах и не были известны». Из публикаций исторических документов на эту тему необходимо отметить в первую очередь впервые опубликованные в России в 1994 г. «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943», составителем которых является М. Е. Губонин, сумевший в течение значительного периода времени собрать уникальный свод документов, большинство из которых являются бесценными свидетельствами истории Русской православной церкви XX столетия.

Самым ценным в данном сборнике является наличие огромного количества документов, связанных с жизнью и деятельностью святого Патриарха Тихона. Этому способствовала остроумная практика, применявшаяся святителем Тихоном и другими церковными иерархами, заключавшаяся в систематическом и обильном размножении если не всех, то хотя бы главных актов и официальной церковной документации по основным вопросам текущего церковного

домостроительства и возможно широком распространении их среди православного населения в копиях, предварительно заверенных печатями и подписями. Это мероприятие, возникшее, может быть, стихийно, немало помогло проникновению в широкие круги верующих основных церковных документов.

Опубликованные в последнее время исследования и архивные документы не оставляют сомнения в активной роли государства в возникновении так называемого обновленческого раскола. Однако власть при этом несомненно учитывала объективные обстоятельства, сделавшие раскол возможным, в том числе социальное расслоение духовенства и имевшиеся в его среде реформаторские настроения.

Мамаев А. В.

Финансы городского самоуправления и Революция 1917 г.: проблема реформирования

Аннотация. В статье изучаются попытки усовершенствовать сложившуюся до революции модель финансирования российских муниципалитетов в период марта–октября 1917 г. На основе анализа материалов архива, периодики, трудов экономистов делается вывод, что предпринимаемые меры оказались догматичными, не соответствовали масштабам проблем. Создать прочную финансовую опору для реформированного института городского самоуправления не удалось, это дискредитировало его авторитет и создало предпосылки для ликвидации.

Ключевые слова: городское самоуправление, городское хозяйство, муниципальные финансы, городской бюджет, муниципально-финансовая реформа.

Finances of the city self-government and the Revolution of 1917: the issue of reform

Abstract. The article examines the attempts to improve the model of financing of Russian municipalities during the revolutionary period of March-October 1917. The paper bases on the analysis of archive materials, periodicals, economist papers. It is concluded that the measures were dogmatic and did not correspond to the scale of problems. It was not possible to create a solid financial support for the reformed city self-government institution, so it discredited its authority and created prerequisites for liquidation of city self-government.

Keywords: city self-government, urban economy, municipal finance, city budget, municipal-financial reform.

Проблема реформирования муниципальных финансов к 1917 г. уже была довольно застарелой и обсуждалась более 10 лет. Доходы городских бюджетов были явно недостаточными. Это признавали и общественность, и правительство. Согласно Городовому положению 1892 г. основой городских финансов являлся оценочный сбор с недвижимости, из обложения были изъяты казенные и духовные имущества. Также взимались сборы с промысловых свидетельств, с трактиров, извозного промысла, экипажей и еще ряд мелких. При этом размер оценочного сбора был ограничен 10 % с доходности или 1 % стоимости[130]. Кроме сбора с недвижимости в пользу муниципалитетов владельцы городских домов платили такой же сбор в пользу земств и в государственный бюджет.

Между тем города быстро менялись под воздействием урбанизации и процессов модернизации в стране. Потребность в развитом городском хозяйстве росла. Люди нуждались в общественном транспорте, водопроводе, канализации, контроле качества продуктов, в их интересах была борьба со спекуляцией, злоупотреблениями, они были заинтересованы в школах, медицинских учреждениях, их волновало внешнее благоустройство: чистота улиц, городское освещение, качество мостовых, наличие тротуаров и так далее. Все это находилось в ведении городского самоуправления и оставалось в плачевном состоянии, особенно в сравнении с Европой. Среди городской общественности возникала относительная депривация – противоречие между тем, каким должно быть городское хозяйство, и тем состоянием, в котором оно находилось фактически.

Причинами слабой финансовой базы городов можно назвать и общую архаичность системы налогообложения в России, опиравшейся на косвенные налоги, и опасения правительства относительно политизации городских дум – власти не хотели укреплять институт, который они рассматривали как вероятного противника, альтернативу самодержавию; и то, что власть перебросила муниципалитетам ряд чисто административных расходов, например, на содержание полиции, воинских гарнизонов.

Революция победила под знаменем демократизации, децентрализации, а местное самоуправление провозглашалось основой новой государственности. Но чтобы он мог соответствовать своему возросшему значению, институт городского самоуправления следовало демократизировать, расширить его полномочия, и – важнейший аспект – серьезно укрепить его финансовые возможности. Без денег вряд ли можно было бы говорить о каком-то самостоятельноми важном значении реформированного института, укреплении его авто-

[130] Городовое положение 1892 г. Ст. 127, 135, 136 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XII. № 8708. (С. 430–456).

ритета в массах народа. Успех реформы муниципальных финансов являлся одним из краеугольных камней, позволявших поддержать основы февральского демократического режима.

Уже 26 марта в совещании по реформе местного самоуправления и управления при МВД была создана комиссия по местным финансам. К разработке муниципально-финансовой реформы были привлечены ведущие экономисты и правоведы. Туда вошли, среди прочих, ставший начальником Главного управления по делам местного хозяйства при МВД и товарищем министра внутренних дел Николай Авинов, назначенный в марте его помощником Дмитрий Протопопов, а председателем комиссии стал экономист Владимир Твердохлебов[131]. Они занялись подготовкой правительственного проекта реформы, которую города ждали с нарастающим нетерпением.

Экономисты и общественники опирались на опыт стран Запада, в первую очередь наиболее успешных Пруссии и Англии. Трансфер передовых моделей финансирования местных органов позволял избежать недостатков и обеспечить максимум концентрации на улучшении городского хозяйства, но порождал проблемы из-за необходимости их имплантации в новую среду.

Традиционно сильные позиции, особенно среди муниципальных деятелей-практиков, имела концепция передачи на места реальных налогов, опиравшаяся на опыт Пруссии. Эту идею поддерживали Николай Кутлер, Андрей Шингарев, Лев Велихов, большинство участников Первого Всероссийского съезда по вопросам улучшения городских финансов, проходившего в Киеве в 1913 г.[132].

Второе направление выступало за формирование единой налоговой базы государства и местного самоуправления, предполагая введение и частичную передачу муниципалитетам поступлений от подоходного налога, который сводил все разнообразные объекты обложения к общему знаменателю – доходу, отличался большей справедливостью, эластичностью и позволял обложить новые виды доходов: с личного труда, капиталов. Эту мысль поддерживали финансисты Михаил Фридман, Владимир Твердохлебов, Иосиф Кулишер[133].

Спорным был и вопрос о дотациях и субвенциях муниципалитетам со стороны государства. Развитие дотирования органов самоуправления государством было одним из пунктов кадетской программы реформы местных финансов, предложенной в 1911 г., кото-

---

[131] РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1917 г. Д. 42. Л. 1; Ф. 1284. Оп. 47. 1917 г. Д. 44. Л. 1–17; Торгово-промышленная газета. 1917. № 66. 31 марта. С. 3.

[132] *Озеров И. Х.* Основы финансовой науки. М., 2008. С. 246–248; *Кулишер И. М.* Очерки финансовой науки. Вып. II. Пг., 1920. С. 214–215; Известия общества финансовых реформ. 1911. № 2. С. 42–50.

[133] *Твердохлебов В. Н.* Финансовые очерки. Вып. I. Пг., 1916. С. 144–145.

рую пропагандировал А. И. Шингарев. По его мнению, наряду с передачей реальных налогов следовало развивать целевые субсидии от госказначейства на здравоохранение, образование, общественное призрение, дорожное хозяйство, распределение которых зависело бы от определенных критериев[134].

Другие экономисты относились к субсидиям и дотациям более осторожно. По мнению Твердохлебова, субсидии «несколько ограничивали» местное хозяйство, и возникал вопрос, кто и по каким критериям занялся бы распределением средств и каким образом был бы налажен контроль[135].

Павел Гензель развивал идею создания в России муниципального эквализационного фонда на основе опыта Англии – для распределения денег муниципалитетам через этот фонд[136]. Экономист Фридман опасался, что введение новых субсидий от государства в условиях централизации создаст финансовую зависимость муниципалитетов от государства, что для России, по его мнению, было «чрезвычайно опасно», а «весьма желательна» – децентрализация управления и финансов. Он считал субсидии одним из наименее совершенных способов, порождающим «чрезвычайные затруднения» при распределении[137].

В качестве альтернативы субсидиям некоторые экономисты предлагали использовать западноевропейский опыт внедрения ряда инновационных налогов. Так, Кулишер обращал внимание на обложение прироста ценности земли и недвижимости. Твердохлебов предлагал ввести специальные сборы с собственников недвижимостей и предприятий, получающих особые выгоды от производимых городом сооружений и улучшений[138].

В условиях начавшейся революции 1917 г. споры вновь всплыли на поверхность при обсуждении муниципально-финансовой реформы. Одну из первых после начала революции концепций реформирования городских финансов принял Всероссийский союз городов в апреле 1917 г. Особенностью программы Союза городов было предложение направлять средства, полученные в виде отчислений как от реальных, так и личных налогов, в «общеимперский комму-

---

[134] Известия общества финансовых реформ. 1911. № 4. С. 10–12.

[135] Реформа Городового положения. Законодательные материалы // Городское дело. 1916. № 8. С. 397–399; *Твердохлебов В. Н.* Пособия государства местным союзам. СПб., 1912. С. 88–89; Известия общества финансовых реформ. 1911. № 4. С. 39–44; *Твердохлебов В. Н.* Местные финансы. Одесса, 1919. С. 284–294.

[136] *Гензель П. П.* Новейшие течения в коммунальном обложении на Западе. М., 1909. С. 49–52; *Он же.* Перечень мер к немедленному осуществлению в области денежного обращения и государственного кредита // Финансовая реформа в России. Вып. III. Пг., 1917. С. 99.

[137] Известия общества финансовых реформ. 1911. № 4. С. 22–27, 60–62.

[138] Реформа Городового положения. Законодательные материалы // Городское дело. 1916. № 8. С. 397–399.

нальный эквализационный фонд». Распределением средств должны были заняться Всероссийский земский и городской союзы. Кроме того, программа акцентировала внимание на социальном аспекте налоговых преобразований: налоги должны были иметь прогрессивный характер, а «задачей демократических местных самоуправлений» провозглашалось «развитие обложения земельной ренты и незаслуженного прироста ценности»[139].

Если Союз городов определился с муниципально-финансовой программой уже в апреле 1917 г., то работа Комиссии по местным финансам Совещания по реформе местного самоуправления и управления при МВД шла довольно медленно, тщательно обсуждался, согласовывался и пересматривался каждый пункт. На фоне углубления революции взгляды членов комиссии оказались весьма умеренными. Заботясь о сохранении государственных доходов в условиях войны, комиссия по местным финансам признала неосуществимой передачу самоуправлениям хотя бы некоторых налогов от казны. Усилить местные финансы планировалось за счет новых надбавок к государственным налогам, а также путем формирования из их части общегосударственного фонда для распределения средств органам самоуправления согласно потребностям[140].

Направленность дискуссий в комиссии изменилась в июне 1917 г. после начала работы нового министра финансов А. И. Шингарева. Он, как и до революции, выступил против предоставления городам надбавки к подоходному налогу, предложив развивать субсидирование и передать часть реальных налогов[141]. Уже в начале июля Шингарев ушел в отставку, и комиссия вновь начала пересматривать ранее принятые позиции.

В выработанных к началу августа главных основаниях проекта Положения о городских доходах, расходах, сметах и отчетах комиссия по местным финансам при поддержке как МВД, так и муниципалитетов Москвы и Петрограда все-таки решила установить надбавки к государственному подоходному налогу в размере до 10 %. Сбор с недвижимости возрастал в 1,5 раза, муниципалитетам предлагалось отдать половину госналога с недвижимости, установить специальные сборы за чистый прирост ценности недвижимости при переходе от одного владельца к другому и за увеличение ценности из-за общеполезных работ и сооружений. Помимо надбавок к подоходному налогу предлагалось установить квартирный налог по схеме отмененного госналога[142].

---

[139] Резолюции, принятые VI Съездом // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 43–44. С. 66–67.

[140] Вестник Временного правительства. 1917. 30 мая.

[141] Торгово-промышленная газета. 1917. 28 июня.

[142] РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. 1917 г. Д. 39. Л. 131–131 об., 134.

Эти относительно щедрые к городам предложения представляли синтез идей дореволюционных общественных деятелей, либеральных экономистов, представителей муниципалитетов.

Однако МВД, комиссии по местным финансам и «сторонникам городских интересов» еще предстояло столкнуться с финансовым ведомством, оценивавшим преобразования с точки зрения центральных властей. В начале августа 1917 г. начались соединенные заседания комиссии по местным финансам с консультацией при Минфине, где председательствовал товарищ министра финансов М. И. Фридман.

Разногласия возникли снова почти по всем важным пунктам реформы. Вновь спорным оказался вопрос, стоит ли предоставлять городам надбавки к государственному подоходному налогу. На этих надбавках в размере до 20–25 % от государственного подоходного налога настаивали названные в протоколе совещания «представителями интересов городов» Д. Д. Протопопов, А. А. Журавлев и А. А. Никитский.

Однако противники введения надбавки, в частности директор департамента окладных сборов Минфина Г. М. Курилло и профессор И. М. Кулишер, опасались, что чрезмерное усиление подоходного налога может привести к его массовой неуплате, так как государственное подоходное обложение в июне 1917 г. было доведено до «крайнего напряжения». Практически поровну разделилось совещание при обсуждении вопроса о взимании городами квартирного налога, из-за двойного обложения недвижимости также подоходным налогом[143].

Соединенное собрание комиссии по местным финансам при МВД и консультации при Минфине закончило рассмотрение проекта 22 августа 1917 г., после чего он был передан министрам финансов и внутренних дел, где задержался еще на месяц. Пересмотренный при участии Минфина проект стал существенно более умеренным. Помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД Д. Д. Протопопов в беседе с журналистом жаловался, что Минфин ревностно охранял интересы правительственной казны, мало считаясь с городской, в результате городам «будут предоставлены большие права и полномочия при полном отсутствии финансовых средств»[144].

Между тем весной–летом 1917 г. финансовое положение российских городов резко ухудшалось. В постановлении Временного правительства от 9 июня фиксировалось значительное расширение прав, компетенции самоуправлений, отвечавшее требованиям революции, но не подкрепленное средствами, что окончательно расстраивало финансовую ситуацию в городах[145].

---

[143] РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. 1917 г. Д. 39. Л. 2–4, 8.

[144] Вестник городского самоуправления. 1917. 25 августа. № 53. Л. 1.

[145] См. подробнее: *Мамаев А. В.* Кризис муниципальных финансов в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 73–83.

Углубление финансового кризиса в стране привело либеральных финансистов к пониманию иллюзорности надежд радикально улучшить финансовое положение городов путем усиления их налоговой базы. В условиях революции налоговое регулирование стало малоэффективным. Борис Веселовский отмечал, что муниципалитетам «было бы неправильно возлагать на государственное казначейство чрезмерные надежды. Состояние последнего не лучше, а хуже даже положения городских и земских финансов. И в своих требованиях города и земства должны быть очень и очень умеренны». Задачами городов, считал Веселовский, являлись улучшение поступлений сборов и покрытие дефицита из собственных источников, например, путем увеличения платы за услуги муниципальных предприятий. Однако при нарастающей анархии и финансовом кризисе этот путь оказывался нереалистичным[146].

Из-за нехватки денег городские самоуправления и общественные организации уже весной 1917 г. начали отправлять во Временное правительство жалобы о критическом финансовом положении. До отмены статей Городового положения 1892 г. городские думы не имели возможности законно изменить систему прямых налогов или использовать иные внезаконные меры по получению денег от населения. В правовом поле оставалось несколько выходов – повышение косвенного обложения, что прямо противоречило лозунгам господствовавших в муниципалитетах политических сил и революционной ситуации; взятие займов.

Новый закон о муниципальных финансах появился только в конце сентября 1917 г., став итогом полугодового обсуждения и многократного пересмотра. Согласно Положению о городских доходах, расходах, сметах и отчетах от 29 сентября повышение оценочного сбора с недвижимости оказалось весьма умеренным – в 2 раза, до 20 % с доходности или 2 % стоимости, при этом впервые вводилось обложение этим сбором казенных зданий в половинном размере. Впервые допускалась раздельная оценка земли и строений. Процент надбавки к подоходному налогу был установлен низкий, не соответствовавший требованиям городов – не более 10 % от государственного оклада в столичных городах и 8 % в остальных. При этом города должны были выполнить условие – ввести подоходное обложение в размере не больше 1 % от дохода небогатых горожан с доходами от 600 до 1000 руб. в год, т. е. ниже установленного для государственного подоходного налога прожиточного минимума. При несоблюдении этого правила разрешенный муниципалитету процент надбавки к подоходному налогу понижался соответственно до 5 и 4 %.

---

[146] Вестник городского самоуправления. 1917. 23 июня. № 2. Л. 3.

В пользу городов передавался квартирный сбор, который взимался как с живших в собственных домах, так и в наемных помещениях, сбор был прогрессивным, а суммы колебались в зависимости от размеров платы за помещения. Устанавливалось, что если город вводил надбавку к подоходному налогу, то квартирный сбор платился лишь в половинном размере. Вводился специальный сбор за прирост ценности недвижимости в связи с улучшением благоустройства. Муниципалитеты могли устанавливать его на несколько лет только с разрешения МВД, для покрытия полностью или частично расходов на меры благоустройства. Размер сбора зависел от степени повышения ценности имущества и должен был составлять ежегодно не более 10 % дохода или 1 % ценности имущества[147]. Никакой системы дотаций законодательный акт не предусматривал, не вводился и налог на прирост ценности имущества при переходе от одного владельца к другому, хотя такая практика стала обычной в условиях спекуляции недвижимостью, которая стала в 1917 г. большей ценностью, чем деньги.

Затяжка с принятием закона обошлась дорого: к моменту издания положения о городских финансах муниципалитеты накопили значительные долги. Реализация закона на практике требовала времени. Разрешенных налогов было явно недостаточно, чтобы покрыть огромный дефицит муниципалитетов, да и сами меры налогового регулирования в ситуации революции и инфляции становились малоэффективными. Перед городскими управлениями встала проблема, как фактически получить доходы. Муниципально-финансовое законодательство Временного правительства оказалось догматичным, оторванным от реальности, не позволяло быстро и радикально улучшить ситуацию в городах. Власть решила не ставить в привилегированное положение институт самоуправления: затруднения испытывало все общество, их должны были переносить все без исключений.

Муниципальные деятели, политики и экономисты раскритиковали принятое положение. Часть экономистов и общественных деятелей либеральных взглядов (А. А. Соколов, В. Н. Твердохлебов) считала, что дальнейшими мерами по улучшению городских финансов должны быть, помимо прочего, «непопулярные» меры: увеличение косвенных налогов с населения и сокращение расходов.

Между тем революция усилила «социалистическое» крыло финансовой мысли. Социалисты (Д. В. Кузовков, Ф. А. Данилов) настаивали, что причина тяжелого финансового положения в стране заключалась не только в росте расходов, но и в обесценивании денег. Они исходили из того, что налоговая политика должна иметь четкую социальную направленность, и выступали за более активное обложе-

[147] Местное самоуправление в России: отечественный исторический опыт (1861–1917 гг.). М., 1998. С. 273–300.

ние зажиточного населения вплоть до введения единовременного поимущественного налога[148].

Попытки усовершенствовать сложившуюся до революции модель финансирования муниципалитетов, предпринятые между мартом и октябрем 1917 г., не соответствовали масштабам проблем. На практике меры, которые могли бы быть эффективными в долгосрочной перспективе в «спокойное время», в условиях социальных потрясений оказались недостаточными. Общественные деятели и экономисты, придя к власти, вынуждены были более трезво смотреть на ситуацию, медлить, отказываться от решительных мер, которые декларировались ими же накануне революции. Создать прочную финансовую опору для реформированного института городского самоуправления не удалось, это дискредитировало его авторитет в решающий момент внедрения в широкие слои горожан и создало предпосылки для его ликвидации. Муниципалитеты не смогли закрепить свою роль органов государственной власти на местах, основы организации новой революционной власти.

Война и революция ломали всю прежнюю рыночную финансовую систему страны, и сохранить в прежнем виде отдельно ее «муниципальную» часть вряд ли было возможно. Приход к власти большевиков разрушил почти все построения «буржуазных» экономистов, как и институт городского самоуправления в думской форме, и основы экономического строя России.

Митяева О. И.

П. Н. Милюков – участник и историк Российской революции 1917 года

Аннотация. П. Н. Милюков внес значительный вклад в развитие отечественной исторической науки и в то же время был активным политиком. Он участвовал в создании партии кадетов, играл видную роль в работе III и IV Думы и в Российской революции 1917 г. Милюков продолжал научную деятельность наряду с политической. Он объективно оценил причины и взаимосвязь двух этапов Российской революции 1917 г. и ее историческое значение.

Ключевые слова: П. Н. Милюков, отречение Николая II, Временное правительство, партия кадетов, многовластие в России, Советы депутатов.

[148] Муниципальное бюро Всероссийского союза городов. Труды финансового отдела. Муниципальные финансы. Перечень мер к немедленному осуществлению. М., 1918; *Авинов Н. Н., Гензель П. П., Соколов А. А.* О мерах к улучшению городских финансов. М., 1918.

P. N. Milyukov as a participant and historian of the Russian Revolution of 1917

Abstract. P. N. Miliukov has significant achievements in the development of domestic history and was an active politician at the turn of the 19th and 20th centuries. He participated in the creation of the Cadets Party, played a prominent role in the III and IV Dumas and during the Russian revolution of 1917. Milyukov continued scholarship work along with political. He objectively evaluated the causes of and interconnection between two stages of the Russian revolution of 1917 and its historical significance.

Keywords: P. N. Milyukov, abdication of Nicholas II, Provisional Government, Cadets Party, polyarchy in Russia, Councils of Deputies.

С именем Павла Николаевича Милюкова связаны значительные достижения в развитии отечественной исторической науки и активная деятельность в сфере Российской политики. На рубеже XIX и XX вв. Милюков активно участвовал в создании конституционно-демократической партии народной свободы (кадеты), несколько позднее он играл видную роль в работе III и IV Думы, а также в Российской революции 1917 г. Следует отметить, что в политику он включился будучи уже большим ученым, историком с мировым именем, продолжавшим свою научную деятельность наряду с политической.

Н. Н. Милюков (1859–1943) родился в Москве. Его отец был городским архитектором и профессором в Московском техническом училище. Окончив гимназию, Павел Николаевич добровольно отправился в 1877 г. на Закавказский фронт в составе московского санитарного отряда. В этом же году он поступил учиться на историко-филологический факультет Московского университета, где получил возможность слушать лекции В. О. Ключевского и позже стал его учеником. За активное участие в студенческих волнениях Милюков в 1881 г. был на год исключен из университета с правом последующего восстановления. По окончании обучения он являлся с 1886 по 1895 г. приват-доцентом Московского университета по русской истории на кафедре, которой руководил В. О. Ключевский. Весьма значительными являются научные и преподавательские заслуги Милюкова. Следует отметит монографию «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого», «Главные течения русской исторической мысли» – спецкурс, разработанный в Московском университете, в котором анализируя достоинства и промахи отечественной исторической науки, Милюков формулирует свою точку зрения на Россию как на евразийское государство, призванное следовать по европейскому пути. Основным научным трудом П. Н. Милюкова являются четыре книги «Очерков по исто-

рии русской культуры». Это фундаментальное исследование, в котором представлен «общий ход» развития России, проявлены обширные знания автора, его аналитический и литературный талант. Над переизданием «Очерков...» Милюков работал и в эмиграции. В наше время все эти работы изданы в России.

За политическую активность Милюков заплатил дорогой ценой. В феврале 1895 г. по приказу министра народного просвещения ректор университета уволил Милюкова из числа приват-доцентов. Для ученого это было большим ударом. Выступая в последний раз перед студентами, он сказал: «История не является сухим набором учености, а служит пониманию жизни... Мне нечего было учить Вас любить Россию, но я хотел помочь Вам узнать ее и приготовиться к деятельности на ее пользу»[149]. Министерство внутренних дел запретило Милюкову жить в городах, в которых имелись высшие учебные заведения. Департамент полиции составил документ «О преступном сообществе, именующимся Союзным Советом объединенных землячеств студентов Московского университета. О дворянине П. Н. Милюкове». Департамент выражал возмущение лекциями Милюкова, направлением его педагогической деятельности. В документе приведены также слова из адреса 200 студентов, которые пришли на вокзал провожать Милюкова в Рязань. «Тяжела и ощутительна для нас эта потеря. Угнетающая русскую жизнь сила, грубо и беззастенчиво вырывает из нашей среды самых лучших и дорогих нам деятелей»[150].

По возвращению в Петербург в ноябре 1898 г. Милюков сыграл активную роль в создании конституционно-демократической партии и позже возглавил кадетскую фракцию в III Государственной Думе. По поводу бездарного руководства царским правительством действиями Российской армии в годы Первой мировой войны, губительной роли Распутина он 14 ноября 1915 г. произнес в Думе речь, названную им: «Глупость или измена?» Политика все активнее втягивала Милюкова в свой водоворот. В своих «Воспоминаниях» он еще раз отмечает, что война России «была навязана». Но раз она стала реальностью, Милюков поддерживал ее продолжение, рассчитывая осуществить давнюю мечту политиков – установить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Он объяснял свою позицию не славянофильской идеологией, а фактом «быстрого экономического развития юга, уже не могущего более оставаться без свободного выхода к морю»[151].

В IV Думе Милюков возглавил «Прогрессивный блок», целью которого было предупредить «стихийную революцию дворцовым перево-

---

[149] *Думова Н. Г.* Либерал в России – трагедия несовместимости. Портрет П. Н. Милюкова. М., 1993; С. 152–154.

[150] ГАРФ. Ф. 102. Д. 260. Л. 12.

[151] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 392.

ротом»[152]. С этой задачей думцы не справились. В ноябре 1916 г. глава Земского Совета князь Г. Е. Львов отмечал: «Власть стала совершенно чуждой интересам народа... надо принимать ответственность на себя... не предавайтесь иллюзиям, отвернитесь от пророков! Власти – нет!»[153]. В этот же период развития грозных событий императрица пишет Николаю II, принявшему на себя в 1915 г. обязанности Верховного главнокомандующего и находящемуся в Ставке: «Я бы спокойно и с чистой совестью перед Россией отправила бы Львова в Сибирь... Милюкова, Гучкова тоже – в Сибирь. Идет война, и в такое время внутренняя война есть государственная измена. Почему ты так на это не смотришь, я не могу понять... Раздави их всех под собой». В ответ на это Николай II пишет: «Бедный старый муженек – без воли»[154].

Милюков в книге «Воспоминания» впервые пишет, что поскольку убийство Распутина князем Юсуповым и Пуришкевичем 18 декабря 1916 г. не успокоило страну, то «в ближайшем будущем можно ожидать дворцового переворота. В этом заговоре участвовали и великие князья, и военные деятели. Всех пугал «реальный образ революции»[155].

Не чужды этим планам были и деятели Государственной Думы. Предполагалась передача власти законному наследнику Алексею и регентство великого князя Михаила Александровича. «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю», – отмечает Милюков. Эти намерения были поддержаны Военно-промышленным комитетом. Но замыслы верхов были опрокинуты. Милюков приводит выдержки из донесений охранного отделения о росте крайнего недовольства граждан: «население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия»[156].

С 23 февраля в Петрограде наблюдается недостаток хлеба в продаже. В донесении охранного отделения от 5 января 1917 г. отмечено: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями... Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов как в настоящее время... Озлобление растет и конца его росту не видать»[157].

С каждым днем численность забастовщиков росла. Генералу Хабалову царь разрешил применять войска и огнестрельное оружие

---

[152] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 404.
[153] Там же. С. 446.
[154] Там же. С. 447.
[155] Там же.
[156] Там же. С. 448.
[157] Там же. С. 451.

для «успокоения» города. Сам же он 22 февраля выехал из Царского села в Ставку. Председатель Думы Н. В. Родзянко телеграфировал Николаю II о необходимости «поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство». Ответа он не получил. Совет министров в свою очередь предложил царю создать новое «ответственное министерство», а 28 февраля Совмин подал в отставку и «ушел в небытие». На этом этапе обрушения государственности великий князь Михаил согласился стать регентом, полагая, что это как-то успокоит народ. Царь поблагодарил «за внимание» и сообщил, что «сам примет решение»[158].

Как известно, Николай II отрекся от трона 2 марта 1917 г. Это решение далось ему с огромным трудом. Но о его необходимости говорили и телеграфировали ближнее окружение и командующие фронтами. Подписав отречение, Николай II отметил в своем дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман»[159].

П. Н. Милюков в своих трудах не анализирует, а лишь фиксирует это событие, неоднократно отмечая факт «самоликвидации старой власти». Но он лично имел непосредственное отношение к попытке спасти царскую семью. Посол Англии в России Дж. Бьюкенен пишет о необходимости, по мнению Милюкова, немедленно отправить семью Николая II в Англию. Просьба была высказана 23 марта 1917 г. Милюков обещал от имени Временного правительства «щедрое содержание царской семье»[160]. Бьюкенен также отмечает, что ему передали слова Керенского, о том, что он «готов был лично сопровождать их в Мурманск». Далее путь в Англию предполагался на пароходе. Но переговоры затормозились. Из Англии пришли отговорки о сложной ситуации в стране и возражениях премьер-министра Ллойд Джорджа. Английская писательница Кэтрин Клей в книге «Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне» пишет об этих обстоятельствах. Члены правительства, возглавляемого Ллойд Джорджем «в принципе были не против прибежища. ...Хотя, отметили они, есть такие страны как Дания или Швейцария». 22 марта 1917 г. секретарь короля сообщил премьер-министру Англии: «Его величество мучают сомнения по поводу безопасности подобного путешествия, и вообще насчет его целесообразности; он задается вопросом, разумно ли предоставлять убежище императорской семье именно в этой стране»[161].

Результатом, как известно, был расстрел царской семьи на Урале в июле 1918 г. Вскоре был убит и великий князь Михаил, многие Ро-

---

[158] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 452–453.

[159] История России. XX век. М., 1996. С. 143.

[160] *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 190, 232–233, 337.

[161] *Клей К.* Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М., 2009. С. 278–279.

мановы. Следует отметить, что по окончании войны Георг V, очевидно испытывавший чувство вины, послал в апреле 1919 г. в Ялту дредноут «Мальборо» за матерью Николая II, ее дочерью Ксенией и всеми родственниками. 19 членов императорской семьи и даже слуги попали на корабль. Их прибытие в Англию было торжественно отмечено...

После отречения Николая II состоялось совещание, на котором присутствовали деятели Временного правительства, в том числе Керенский, Милюков и английский посол Бьюкенен, а также великий князь Михаил. Милюков убеждал Михаила немедленно принять регенство и утвердить ответственное правительство в стране. Михаил, тем не менее, подписал отречение. Керенский ликовал. Россия стала республикой. Милюков опасался последствий безвластия[162].

Таким образом, участвуя в революции, Милюков проявил инициативу в вопросе о судьбе царской семьи с целью ее спасения, а период регентства Михаила считал необходимостью для консолидации революционно-демократических сил и преодоления хаоса.

Во Временном правительстве при председательстве князя Львова Милюков до апреля 1918 г. занимал должность министра иностранных дел, которую он покинул в связи с тем, что активная поддержка им лозунга «Война до победного конца» вызывала возмущение народа. С апреля 1918 г. Милюков уже не являлся членом Временного правительства, но активно действовал против усиления влияния Советов, не понимая, что суть процесса преодоления многовластия в России – ни в тех или иных удачных лозунгах, а в решении острейших вопросов о земле и мире. В 1917 г. по всей стране разрастался процесс самозахвата крестьянами помещичьей земли. Земские организации на местах не могли его остановить, а другой власти не было, имело место «многовластие»[163]. Обещание решить эти проблемы давали меньшевики, правые и левые эсеры, но практические шаги в этом направлении сделали только большевики. 25 октября 1917 г. II съезд Советов объявил себя властью и принял известные декреты. Члены Временного правительства и руководители кадетской партии подлежали аресту. П. Н. Милюков покидает столицу. Он едет сначала в Ростов-на-Дону, потом в Киев, затем в Болгарию. К этому времени его младший сын погиб на фронте, дочь умерла от брюшного тифа. Старший сын пройдет через войну и останется жив.

Новый октябрьский этап Российской революции 1917 г. резко изменил жизнь Милюкова. Покидая Россию как противник советской власти, он написал монографию «История второй русской ре-

---

[162] *Бьюкенен Д.* Указ. соч. С. 145.

[163] *Шутов А. Ю.* Несостоявшаяся альтернатива. М., 2016. С. 178–183, 407–412.

волюции». К написанию книги Милюков приступил в 1918 г. в Киеве «по свежим следам». Впервые этот труд был издан в Софии в 1921 г. Политик Милюков не прекращал быть профессиональным историком. Книга состоит из трех частей (выпусков): 1. «Противоречия революции». 2. «Корнилов или Ленин?» 3. «Агония власти».

Ведущий специалист по проблемам либерализма, автор предисловия к переизданию книги, В. В. Шелохаев высоко оценивает труд Милюкова: «Автору удалось встать над схваткой, воссоздав в силу своей непредвзятости объективную картину политического процесса. Он раскрыл суть трагедии России ... и выразил свою собственную драму как политика»[164]. Либералы и социалисты не нашли общего языка, не смогли вывести страну из системного кризиса. Страна «вползла в гражданскую войну».

«Образно говоря, – отмечает В. В. Шелохаев, повторяя утверждение Милюкова, – к осени 1917 г. команда корабля под названием Россия по существу прекратила всякую борьбу за плавучесть и готова была сама открыть кингстоны»[165]. Логическая цепочка Милюкова такова: кризис власти – разложение армии – угроза раскола страны. Она исторически актуальна для государств вообще. В книге даны точные характеристики деятелей 1917 г. С антипатией Милюков относится к позиции Николая II, выделяет трех политических лидеров – А. Ф. Керенского (жаждущего власти, но не умеющего ее использовать на благо страны), Бонапарта русской революции – Л. Корнилова и В. И. Ленина – вождя леворадикальных сил.

В самом начале книги Милюков подчеркивает тезис о неизбежности революции в России. Историческими предпосылками явились «оторванность государственности от народа и интеллигенции тоже». «Царь, – пишет автор, – отталкивал руку помощи, не соглашаясь с требованием ответственного министерства»[166].

Историк П. Н. Милюков в первой монографии, посвященной Второй русской революции, объединяет два ее этапа: февральский и октябрьский, само ее возникновение объясняет неспособностью власти руководить страной и испытаниями Первой мировой войны. Огромное напряжение всех сил страны обострило и внутренние проблемы. «IV Государственная Дума низлагает монархию», – пишет Милюков. Однако в этом разделе анализируется много факторов; отмечается активность высшего командного состава в низложении Николая II, в надежде на регентство Михаила. «Умеренные» социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической, т. е. от радикальных социалистов. В разделе «Корнилов или Ленин?» Милюков – на стороне Корнилова и критикует изменение политики Керенского, по су-

[164] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 6.
[165] Там же. С. 8.
[166] Там же. С. 12.

ществу, сломавшего планы ликвидации большевизма. В разделе «Агония власти» Милюков отмечает слабость исторической (монархической) государственности и слабость социальных прослоек, но он пока не оценивает роль безземельного 100-миллионного крестьянства, которое Лев Толстой неоднократно называл «лучшим сословием России». Милюков пишет о «вековом молчании „сфинкса"» – русского народа. «Ленин и Троцкий возглавляют движение гораздо более близкое к Пугачеву и Разину, XVIII и XVII векам нашей истории, чем к последним словам европейского анархо-синдикализма». Согласимся, что это довольно наивный тезис. Сфинкс уже проснулся, война вооружила и организовала крестьян, одетых в солдатские шинели[167].

Милюков приводит свои слова, сказанные председателю Временного правительства Г. Е. Львову: «Твердая власть, пресекать акции Совета, иначе – распад страны». Тем не менее, автор отмечает, что «вместо скачка в царство свободы был сделан прыжок в царство анархии»[168].

В начале 20-х годов Милюков изменил свою точку зрения по проблемам войны и мира. Мир был необходим, но Россия не могла заключить сепаратный мир. По поводу Брестского мира он употребляет термин Ленина – «похабный». В дальнейшем развитии революции было со стороны власти много словопрений вместо действия. Милюков по-прежнему приводит в тексте много фамилий политических деятелей, а также их высказывания. Он, как историк, явно все это записывал в ходе развития революционного процесса, который он определяет как «семь месяцев хаоса». Выступая на Совете Республики в сентябре 1917 г., Троцкий озвучил программу большевиков: «Разрыв с правительством измены и с этим Советом... Цензовые классы провоцируют гражданскую войну, уповая на „костлявую руку голода"... Только народ может сам себя спасти: мир, власть Советам, земля народу». Пресса отмечала решимость и волю к действию Ленина и Троцкого[169].

Милюков называет множество имен высшего офицерства. Для монографии характерна историческая последовательность событий, большой фактический материал, логика историка. Ярый противник советской власти Милюков старается быть объективным, отмечая что «русские политические партии недостаточно понимали требования русской действительности»[170]. Это причина их неудачи, то есть победы советской власти.

Впоследствии Милюков познакомился с «Записками о революции» Суханова в 7 томах, изданными в Берлине в 1922–1923 гг. Он

---

[167] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 19.
[168] Там же. С. 90–91.
[169] Там же. С. 533, 538.
[170] Там же. С. 613.

уважительно отнесся к этой работе как к подробному и связному изложению событий от февраля до октября 1917 г. Однако оно сделано «с противоположной точки зрения». Суханов, «последовательно мыслящий марксист, находился влево от правящего центра (Керенский и др.), не доходя до большевиков, а я находился правее. Но в существенных чертах наши выводы сходятся... он хороший наблюдатель и талантливый писатель»[171].

С 1918 по 1943 г. Милюков жил в эмиграции. Местом его постоянного проживания, как и для многих тысяч русских эмигрантов, стал Париж. Он отклонил приглашение на работу в Америке в фонде Карнеги, так как не хотел уезжать слишком далеко от России. Все мысли его по-прежнему были о Родине. Милюков понимал, что будущее России связано с демократическим развитием, а не с восстановлением монархии. В ходе анализа исторического процесса и разработки новой тактики Милюков руководствуется тем же принципом: «историк должен помогать политику, а политик историку».

Именно анализ исторической ситуации, а не слепая злоба и боль по утраченному благополучию руководили П. Н. Милюковым. Следует назвать его доклад на совещании Парижской группы партии «Народной свободы» «Что делать после Крымской катастрофы?», сделанный 27 декабря 1920 г., позднее опубликованный наряду с другими статьями в 1927 г. в Париже в книге «Эмиграция на перепутье». Ранее вышли в свет книги «Три платформы республиканско-демократических объединений» (Париж, 1925).

Наблюдая за развитием событий, Милюков в 1919 г., находясь в эмиграции, пишет: «Мы должны понять опасность новой интервенции»[172]. Опасность не только для большевиков, но и для самого существования России как государства, которому грозит расчленение.

В мае 1920 г. на совещании кадетов-эмигрантов он убеждал бывших единомышленников: «Военное освобождение невозможно, ибо оказалось, что Россия не может быть освобождена вопреки воле народа. Я понял тогда, что народ имеет свою волю и выражает ее в форме сопротивления»[173].

Большие надежды Милюков возлагал на введение НЭПа в России. Возрождение экономики, подъем благосостояния народа и самой его многочисленной части – крестьянства приведет, по мнению Милюкова, к демократизации страны. Он исповедует лозунг «Советы без коммунистов».

Милюкова приглашают в США и в Германию прочитать лекции о Второй русской революции соответственно на английском и немецком языках. В результате Милюков возвращается к историче-

---

[171] *Милюков П. Н.* Воспоминания. С. 472.
[172] *Милюков П. Н.* Дневник. 1918–1921. М., 2005. С. 523.
[173] *Милюков П. Н.* Воспоминания. С. 7.

ским исследованиям, создает объемную книгу (свыше 700 стр.) «Россия на переломе. Большевистский период русской революции», изданную в Париже в 1921 г. и ни разу не издававшуюся в России. Это исследование состоит из двух книг: «Происхождение и укрепление большевистской диктатуры» и «Антибольшевистское движение», т. е. история гражданской войны.

Следует отметить, что предварительно эта книга уже была издана на немецком и английском языках. В который раз Милюков в предисловии клянется, что старается быть историком, а не политиком. В книге «Россия на переломе» особое внимание уделено тем же основным проблемам. В главе «Происхождение и укрепление большевистской диктатуры» отдельный раздел посвящен вопросу о неизбежности революции. Речь идет о тяготах войны, самозахватах земли крестьянами, бездействии Временного правительства. Отвечая на вопрос: «Почему большевики удержались у власти?» автор вспоминает работу В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» как «очень умелое руководство и анализ ситуации», а также он отмечает, что Ленин «никогда не хотел ни с кем смешиваться или сливаться, предпочитая отмежеваться»[174]. Речь идет о партиях, которые не пойдут до конца в борьбе за власть.

Опорой советской власти Милюков считал: во-первых, политику уступок солдатам, крестьянам, рабочим. Однако трудно говорить об уступках в период военного коммунизма. Речь идет скорее об обещании лучшей жизни. Во-вторых, наличие коммунистической партии. Третья опора – красный террор[175].

Решимость у советской власти была абсолютной. Автор приводит слова Троцкого: «Полувласть продержится 24 или 48 часов»[176].

Предметом исследования 2-го тома книги «Россия на переломе» является гражданская война, ее цели и трагедии, а также первые созидательные шаги советской власти. Милюков приводит слова генерала Краснова о том, что к осени 1918 г. большевики создали рабоче-крестьянскую Красную армию «по законам военной науки» и даже Академию Генштаба[177]. Очень помогли военные спецы, то есть бывшие белые офицеры, которые боролись, прежде всего, против расчленения России бывшими союзниками. Гражданская война, война между соотечественниками – самое тяжелое испытание для любой страны.

Милюков приводит некоторые статистические данные. Комиссия генерала А. И. Деникина к марту 1922 г. сообщила о 1 млн

---

[174] *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Париж, 1926. С. 126.

[175] Там же. С. 194.

[176] Там же. С. 608.

[177] *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Т. 2. Париж, 1926. С. 171.

800 тыс. человек, «истребленных большевиками. Из них – 199 тыс. рабочих и 815 тыс. крестьян, то есть потенциальных участников революции. Правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей. Грабежи озлобляли население»[178]. Мародерство со стороны военных всех мастей – суровая неизбежность ведения гражданской войны.

Милюков дает персональные характеристики Колчаку, Деникину, Врангелю. Наиболее привлекательной ему казалась личность А. И. Деникина. Он обещал ввести войска в Москву к зиме 1919 г., а казаки хотели федеративной республики и кубанской конституции. В 1920 г. Деникин не поддержанный казаками, оставил армию и уехал в Англию, а затем в США.

Руководителем вооруженных сил Юга России стал генерал П. Врангель. Милюков приводит его высказывание: «Не триумфальным шествием в Москву можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли таких условий жизни, которые привлекли бы помыслы стонущего от ига большевиков народа»[179]. Это, к сожалению, было утопией.

В заключении монографии «Россия на переломе» Милюков затрагивает проблемы: «Национальный вопрос и Советское союзное государство», а также «Советская дипломатия и 3-й Интернационал», т. е. созидательные процессы в Советском Союзе. Он отмечает создание «Комнаца», т. е. Наркомата по делам национальностей. Грузин Сталин полагал, что нужно закрепление позиций национальностей для будущей борьбы за самостоятельность[180]. Очевидно, речь идет о решениях XII съезда ВКП(б) «По национальному вопросу», поставившего вопрос «о достижении фактического равенства наций». Без комментариев автор фиксирует признание Советского Союза Англией и Францией и деятельность наркома иностранных дел Чичерина. Милюков в курсе всех событий в стране и вынужден принять их в целом позитивно. Книга «Россия на переломе» – серьезный вклад в историю революции 1917 г. и гражданской войны.

Таким образом, историк П. Н. Милюков показывает связь двух этапов революции 1917 г. и называет ее великой, хотя он являлся противником советской власти, выбросившей его из России, сравнивает эту революцию с Великой французской революцией. «В России состоялся не бунт озверелых рабов, а великий исторический переворот, разорвавший с прошлым раз и навсегда»[181], – подчеркивал Милюков.

---

[178] *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Т. 2. Париж, 1926. С. 194, 208.
[179] Там же. С. 233.
[180] Там же. С. 244.
[181] *Милюков П. Н.* Воспоминания. С. 9.

Вся дальнейшая деятельность эмигранта Милюкова обращена к России. В начале 1921 г. он возглавил в Париже издание газеты «Последние новости» на русском языке. Газета выходила до прихода фашистов в Париж в июне 1940 г. Ее тираж достигал 23 тыс. экземпляров. Все передовые статьи писал Милюков. Как правило, они критически анализировали политику советской власти. Тем не менее, Милюков по-прежнему полемизирует с монархистами и отрицает надежды на новую интервенцию. «Россия спасется сама от своих тиранов»[182]. Важно, чтобы страна сохраняла свой суверенитет. «Сила, которая спасет Россию... конечно не может быть ни силой прошлого, ни силой внешней. Это будет внутренняя сила новой русской демократии»[183].

В 1940 г. Милюков переезжает на юг Франции, под крыло правительства Виши. Он с тревогой следит за ходом Великой Отечественной войны. Огромной радостью для него стало известие о разгроме немецких войск под Москвой, а затем под Сталинградом. Советский Союз оказался единственной силой, оказавшей фашизму достойное сопротивление. Милюков выступил в прессе со статьей «Правда большевизма». Он писал: «Упорство русского солдата не только в храбрости, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании, вооружении и не менее его развит профессионально... Послеоктябрьское поколение ... не чувствует над собой палку другого сословия, другой крови, хозяев по праву рождения»[184]. Милюков ненавидел фашизм и верил в спасение России как независимого государства.

Таким образом, ученый и политик П. Н. Милюков сумел объективно оценить причины и взаимосвязь двух этапов Российской революции 1917 г., а также ее историческое значение.

Муромцева Л. П.

Унесенные ветром революции (формирование культурных центров российской эмиграции)

Аннотация. Историко-культурное наследие российской эмиграции в 1920–1930-е годы имело достаточно широкий ареал формирования – центры русской культуры возникали в Европе, США, Китае, странах Латинской Америки. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода историко-культурная деятельность российской эмиграции сохранялась и развивалась как неотъемлемая часть

[182] Последние новости. Париж. 1924. № 1.
[183] Последние новости. Париж. 1925. № 1.
[184] Русский патриот. Париж. 1944. № 3.

общественной жизни диаспоры, в значительной степени определявшая ее роль и место в глобальном историческом процессе.

Ключевые слова: русская эмиграция, историко-культурное движение, архивы, музеи, библиотеки, учебные заведения.

Gone with the wind of revolution: the creation of cultural centres of Russian emigration

Abstract. The historical and cultural legacy of the Russian emigration in the 1920–1930s was shaped on a vast territory. Centers of the Russian culture appeared in Europe, the USA, China, Latin American countries. Meanwhile, during the whole period the historical and cultural activity of the Russian emigration has been preserved and has been developing as an inalienable part of the social life of the diaspora that to a high extent determined its role and place in the global historical process.

Keywords: Russian emigration, diaspora, historical and cultural movement, archives, museums, libraries, education institutions.

Процесс формирования культурных центров российского зарубежья наиболее интенсивно протекал в первой половине 1920-х годов, прежде всего, в результате исхода за границу белых армий и масс гражданских беженцев в конце Гражданской войны. В отечественной научной литературе обоснованно утвердилось определение эмиграции из советской России в период 1917–1922 гг. как «добровольно-вынужденной», поскольку до 1922 г. не существовало юридических установлений, вынуждавших те или иные категории граждан покидать страну. Причинами эмиграции были опасность репрессий, голод, неприятие общественно-политических перемен и новой культуры[185]. Последнее обстоятельство было особенно значимым для творческой, художественной и научной интеллигенции. «Оттого мы уехали из России, – пояснял литературный критик и поэт Г. В. Адамович, – что нам нужно было остаться русскими в своем, особом обличии, в своей внутренней тональности, и, право, политика тут ни при чем, или, во всяком случае, при чем-то второстепенном. Да, бесспорно, революция дала нашей судьбе определенные бытовые формы, отъезд фактический, а не аллегорический был вызван именно революцией, именно крушением привычного для нас мира»[186].

В определенной степени процессу формирования за рубежом уникального анклава российской культуры способствовали больше-

[185] *Поляков Ю. А.* Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): Исторические очерки. М., 2006. С. 10.
[186] Русский Париж / Сост., предисл и комм. Т. П. Буслаковой. М., 1998. С. 20.

вистские власти, изгнавшие из страны немало видных представителей гуманитарной интеллигенции, сыгравших заметную роль в создании эмигрантами историко-культурных, просветительных учреждений. Осенью 1922 г. на пароходах «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен» отправились в изгнание более 200 русских политических деятелей, ученых, инженеров, писателей, которых по решению ЦК РКП(б) насильно выдворяли за пределы России. Эта акция большевистского правительства вошла в историю под названием «философский пароход» и стала составной частью мероприятий по предупреждению и искоренению общественного движения и инакомыслия в стране. Замысел этой акции возник у большевистского руководства еще зимой 1921 г., когда началось оживление общественного движения в среде российской интеллигенции, проявившееся, в частности, в забастовках профессорско-преподавательского состава вузов. 20 июля 1922 г. Политбюро рассмотрело и 10 августа утвердило составленные комиссией списки подлежащих высылке научных и общественных деятелей Москвы, Петрограда и Украины. В этих списках значились и некоторые профессора Московского университета с такими характеристиками: «один из главарей и руководителей февральской забастовки 1922 г. в университете», «злостный противник Соввласти» (В. В. Стратонов); «один из активных организаторов забастовки среди медиков» (В. Н. Фомин), «несомненно может послужить центром сплочения антисоветских сил» (А. А. Кизеветтер). Попал в эти списки и ректор Московского университета профессор М. М. Новиков, которого власти характеризовали следующим образом: «саботирует декреты Соввласти в отношении высшей школы»[187]. Такая «подпитка»в отношении научно-педагогической элиты оказалась весьма полезной для историко-культурного движения российской эмиграции. Достаточно сказать, что В. В. Стратонов возглавил один из комитетов по организации Дня русской культуры, а М. М. Новиков явился создателем и руководителем Русского народного университета в Праге – одного из ведущих просветительных учреждений зарубежной России.

На протяжении 1920-х гг. и отчасти 1930-х годов русский эмигрантский литературный и художественный мир пополнялся выехавшими из СССР мастерами искусств, большинство которых сделали себе имя еще до революции, но не нашли своего места в рамках советского искусства. Некоторые деятели российского историко-культурного движения за рубежом принимали решение стать эмигрантами по причине непризнания их творчества на родине. Так, худож-

[187] *Главацкий М. Е.* Профессора Московского университета – пассажиры «Философского парохода» // Московский университет – Российское зарубежье – мировая культура. М., 2002. С. 17.

ник-футурист Давид Бурлюк, прибывший в 1922 г. в США для пропаганды советского опыта, читал лекции в рабочих клубах, сотрудничал в коммунистических изданиях «Русский голос», «Новый мир», участвовал в сборниках Кружка пролетарских писателей в Америке. Однако в связи с отказом официального советского искусствоведения признать футуризм «искусством пролетариата» принял в 1930 г. американское гражданство[188].

Именно в этот период возникла практика невозвращенчества, когда творческие деятели направлялись за границу на гастроли, в качестве лекторов, организаторов выставок и оставались за рубежом.

Становление центров историко-культурной деятельности российской эмиграции после 1917 г. определялось, прежде всего, особенностями миграционных потоков с территории России: их территориальным распределением, временными рамками, количественными и качественными параметрами. В начале 1920-х годов в основном сложились российские послереволюционные диаспоры в странах Центральной и Восточной Европы, Франции, Германии, Балтии, Финляндии, на Дальнем Востоке. Наблюдалось также постепенное перемещение российских беженцев в США, Канаду, страны Латинской Америки и другие регионы мира.

Так, в начале 1920-х годов образовалась достаточно многочисленная российская колония в Константинополе, где, несмотря на крайне сложное материальное положение и тяжелое моральное состояние беженцев, сложилась система разнообразных культурных организаций и объединений[189]. Активную роль в этом процессе сыграли Всероссийский Союз городов и Русский комитет в Турции, под эгидой которого к апрелю 1922 г. действовало 80 эмигрантских культурно-просветительных организаций, включая шесть библиотек, русскую гимназию и начальную школу, балетную школу Л. Арзумановой, художественную мастерскую Л. Браиловского и др. Различные кружки, курсы, читальни были созданы на греческих островах Лемнос и Кипр[190].

Положение большинства российских беженцев в Турции было очень трудным и даже безысходным, поэтому численность диаспоры уже в первой половине 1920-х годов стала быстро сокращаться за счет вторичных миграций в страны Европы, США, Канаду, Южную

---

[188] Русское зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический словарь. М., 1992. С. 122; *Бурлюк Д. Д.* Воспоминания отца русского футуризма // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 5. М., 1991.

[189] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 20–21.

[190] *Казовская Т. М.* Художественно-просветительная деятельность русской эмиграции (20–30-е гг. XX в.) // Наука и культура русского зарубежья. Сб. научных трудов. СПб., 1997. С. 262.

Америку[191]. Поэтому роль Константинополя как центра историко-культурной активности зарубежной России уже во второй половине 1920-х годов заметно снизилась. При этом образы русского Константинополя, а также лагерей белых армий в Галлиполи и на Лемносе стали одной из самых трагических и ярких страниц в исторической памяти российского зарубежья, вошли в мемуарную литературу и военно-исторические труды. Объединения бывших галлиполийцев действовали в большинстве центров российской военной эмиграции в Европе и США и являлись в 1920–1930-е годы активными участниками историко-культурного движения, занимаясь сбором и публикацией архивных материалов и воспоминаний по истории Гражданской войны и «галлиполийского сиденья», организацией лекций, вечеров, военно-мемориальных акций[192].

Разнообразные и многоплановые связи России и Франции развивались на протяжении нескольких столетий и охватывали практически все сферы экономики и общественной жизни, включая искусство и культуру. Париж, Ницца и другие французские города стали центрами притяжения для российской аристократии, творческой и научной элиты еще в XVIII–XIX вв. Для послереволюционной эмиграции именно Франция являлась символом творческой и личной свободы, европейского интеллектуализма, для многих – воспоминанием юности, студенческой поры. Достаточно быстро устанавливались и развивались связи между эмигрантской научной элитой и французским академическим сообществом, творческой интеллигенцией. Превращение Парижа в 1920–1930-е годы в политическую и художественную столицу российского зарубежья было обусловлено также большей легкостью языковой адаптации по сравнению с другими европейскими странами и лояльностью французских властей по отношению к бывшим соратникам по блоку Антанты.

Во Франции обосновались такие известные литераторы, как И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Г. В. Адамович. Сюда впоследствии прибыли и многие высланные в начале 1920-х годов из советской России философы – Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и др.

Знакомство французов с русским изобразительным искусством произошло в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже, где были представлены полотна В. Серова, К. Коровина, Ф. Малявина. Затем

---

[191] Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994.

[192] Галлиполи. 1920–1950. К 30-летию высадки 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Издание главного правления общества Галлиполийцев. Париж, 1950; Галлиполи: Лемнос–Чаталджа–Бизерта. Юбилейный альманах-памятка к 35-летию пребывания в Галлиполи Русской армии. 1920–1955. Издание Калифорнийского общества Галлиполийцев, 1955.

последовал триумф «Русских сезонов» Дягилева, которые обеспечили «плацдарм» для эмигрантского балета и всего театрального искусства в 1920–1930-е годы во Франции и Европе в целом. «Русские сезоны» сыграли огромную роль в утверждении русского искусства на Западе, произведя неизгладимое впечатление на французскую общественность. Они стали первым подлинным триумфом русского искусства во Франции, перекинув при этом мост в будущее и для самого русского искусства, уводя его от проблем и стилистики рубежа веков к новому качеству и новым выразительным средствам XX века[193]. Художественная линия «дягилевских сезонов» была с успехом продолжена ее участниками в 1920–1930-е годы, в том числе в Париже, однако в целом то, что предложила Франции русская художественная эмиграция, было намного шире и разнообразнее.

Вполне объяснимо, что Париж уже в начале 1920-х годов превращается в уникальный анклав русского искусства за рубежом и остается таковым до конца 1930-х годов. В мае 1920 г. в Париж приехала кинематографическая труппа И. Н. Ермольева в составе Н. Лисенко, З. Карабановой, И. Мозжухина, режиссеров Я. Протазанова и А. Волкова[194]. В июле–августе 1920 г. сюда прибыли оперные певцы Б. Боброви́ч и А. Акимов, балерина М. Кшесинская, режиссер К. Ландау, художник Г. Лукомский и многие другие представители русского изобразительного и театрального искусства[195].

Художественная среда русского Парижа была многообразна и плюралистична, в ней сосуществовали как различные авангардные и модернистские направления, так и «различные перепевы течений начала века»[196]. К ним можно отнести художников круга «Мира искусства» и «Голубой розы», выставочные проекты которых не раз вызывали скептические оценки эмигрантской критики, видевшей в них попытки вернуть безвозвратно ушедшее[197], неспособность к творческому осмыслению новой реальности[198]. С другой стороны, для массового эмигрантского зрителя именно эти «перепевы» в значительной степени удовлетворяли ностальгическую тягу к русской культуре начала XX века.

На протяжении двух межвоенных десятилетий именно Париж являлся сердцем российского зарубежья в Европе и мире в силу

---

[193] *Толстой А.* Накануне «первого бала» // Пинакотека. 1999. № 8–9. С. 6.

[194] Русское зарубежье. Хроники научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т. 1. 1920–1929. М., 1995. С. 8.

[195] Там же. С. 170.

[196] *Толстой А. В.* Время итогов. Художественный мир русской эмиграции в Париже в 1920–1930-е годы // Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX века. М., 1995. С. 62.

[197] ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

[198] *Левинсон А.* Свое и чужое. «Мир искусства». Два художника // Современные записки. Париж, 1921. № 6. С. 247–252.

того, что здесь были представлены в том или ином объеме практически все элементы общественной жизни дореволюционной России: политические партии и движения, академические, военные, адвокатские объединения, художественные и литературные группы, образовательные учреждения, молодежные организации. В русском Париже общественная жизнь была особенно динамичной и разнообразной, наиболее полно взаимодействовала с европейской, прежде всего, французской культурой. При этом многочисленность диаспоры, наличие нескольких крупных колоний в других городах Франции (Марселе, Ницце и др.), компактных поселений русских рабочих вблизи заводов и шахт обусловили возникновение достаточно замкнутых русских миров и мирков с традиционным, по возможности, обустройством быта, языковой средой, церквями, клубами.

Другим не менее значимым центром российского зарубежья в 1920-е годы являлся Берлин, роль которого в историко-культурном движении определялась, прежде всего, развитием книгоиздательского и книготоргового дела, а также деятельностью российских эмигрантов в сфере театрально-музыкального и изобразительного искусства. В Берлине в то время творили такие известные композиторы, как Н. К. Метнер, А. К. Глазунов, А. Т. Гречанинов, работали дирижеры Э. А. Купер, Ю. Н. Померанцев, В. В. Бердяев, О. Б. Заславский, выступал со своим оркестром С. А. Кусевицкий[199].

В 1922 г. издательство «Русское искусство» организовало в Берлине выставку наиболее видных российских живописцев: Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионова, Н. К. Рериха, С. А. Сорина, А. Н. Бенуа, Н. В. Добужинского, К. А. Коровина, К. А. Сомова, И. Я. Билибина, Д. С. Стеллецкого, С. Н. Судейкина, В. И. Шухаева, А. Е. Яковлева.

Следует выделить также некоторые корпоративные объединения русского Берлина, в частности, Союз русской присяжной адвокатуры во главе с Б. Л. Гершуном, выступавший в качестве хранителя традиций и духа российского права пореформенной эпохи (организация прекратила свое существование в 1933 г.). Историко-культурную деятельность в Германии на протяжении 1920–1930-х годов осуществлял «Русский союз увечных воинов» и другие организации военных эмигрантов. Проводившиеся ими акции памяти участников Первой мировой войны пользовались поддержкой германских военных кругов. В то же время, здесь не получили широкого распространения структуры, связанные с просвещением детей и молодежи, составлявшие неотъемлемую часть русского мира Франции, Чехословакии, Югославии. Кроме того, приход к власти нацистов фактически пресек культурное развитие российской колонии: последо-

[199] Русский Берлин. М., 2003. С. 114–115.

вали ограничение общественной деятельности эмигрантов и массовый выезд из страны российских ученых и творческой интеллигенции.

Особое место в системе историко-культурного движения российского зарубежья в 1920–1930-е годы занимала Чехословакия, прежде всего Прага, ставшая средоточием эмигрантской науки и образования, музейного, архивного и библиотечного дела классической зарубежной России. Ее образ «русского Оксфорда», центра российской зарубежной академической науки включал уникальный опыт создания за рубежом системы русской школы – от начального до высшего образования европейского уровня. Историко-культурная деятельность российской эмиграции в Чехословакии пользовалась, особенно в период «Русской акции», достаточно серьезной поддержкой со стороны властей. В частности, такое содействие оказывалось Русскому заграничному историческому архиву (РЗИА), Русскому культурно-историческому музею (РКИМ), библиотеке Земгора, Русскому научному институту. Донскому историческому архиву было в первое время его существования предоставлено помещение в Народном музее Праги, директор которого доктор Т. А. Сатурник «в течение двух лет оказывал самое горячее внимание и содействие в производившихся в Архиве работах»[200].

Следует напомнить, что именно между Парижем, Берлином и Прагой распределились в первые годы изгнания пассажиры «философского парохода», причем многие нашли свое предназначение именно в системе русско-чехословацкого академического и образовательного пространства. Чехословакия в 1920-е годы стала центром общественной активности ряда эмигрантских общественных объединений, сыгравших неоценимую роль в историко-культурном движении российского зарубежья: Союза русских академических организаций, российских зарубежных педагогических организаций, Русского студенческого христианского движения (РСХД), движения Дня русской культуры и др. В 1930-е годы ведущая роль в развитии этих структур во многом перешла к русской Франции, однако Чехословакия продолжала оставаться полем историко-культурной деятельности эмиграции, а собирательская активность РЗИА и Русского культурно-исторического музея в Праге даже возросла. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что в условиях постепенного сокращения институциональной основы российского зарубежья и роста ассимиляционных процессов, многие деятели культуры, ученые, коллекционеры предпринимали дополнительные усилия для спасения культурного и художественного наследия зарубежной России. Передача документов, исторических реликвий, произведений

[200] Русские в Праге. Прага, 1928. С. 54.

искусства в архивы и музеи представлялась им наиболее логичным путем решения данной задачи.

Особое место среди историко-культурных инициатив российской эмиграции в Чехословакии, безусловно, занимал Русский заграничный исторический архив (РЗИА), в создании которого наиболее ярко (и результативно) воплотилась идея сохранения исторической памяти, прежде всего о самой эмиграции и эпохе, ее породившей. Примечательно, что деятельность РЗИА встретила самое широкое понимание и поддержку в российских диаспорах по всему миру, его представители вели сбор документов, фотографий, печатных материалов.

Не менее замечательным объектом являлся Русский культурно-исторический музей (РКИМ) в Збраслове, созданный достаточно поздно, в 1934 г., и ставший одним из излюбленных культурных центров русской эмиграции. Посылки с историческими документами и мемориальными предметами от российских эмигрантов приходили порой не только из Европы, но и отдаленных уголков земного шара. Некоторые передавали свои семейные реликвии в РЗИА и РКИМ по завещанию[201]. Можно сказать, что в определенной степени участие в сборе архивов и музейных коллекций явилось частью эмигрантской самоидентификации, своего рода эталоном принадлежности к миру зарубежной России.

В большинстве случаев создатели музеев и архивов российского зарубежья проявляли значительную активность в сборе исторических памятников, публикуя обращения к эмигрантскому сообществу в прессе, а также направляя письма и призывы в общественные организации, лично деятелям науки и культуры зарубежной России[202]. На протяжении всего периода существования за рубежом российских архивных и музейных центров, они испытывали финансовые затруднения и, как следствие, стесненность помещений, нехватку сотрудников (как правило, большинство работало бесплатно, на общественных началах). Даже в период «Русской акции» в Чехословакии, когда ведущие культурные учреждения российской колонии в Праге получали материальную поддержку правительства страны, эти дотации были весьма скромными. Поэтому РКИМ, в частности, неоднократно объявлял сбор пожертвований на свои нужды[203].

Посещаемость Русского культурно-исторического музея в период Второй мировой войны не только не упала, но, напротив, возросла. Если за первые три года работы музея его посетило 5500 человек, то только за 1943 г. в музее было зарегистрировано 2543 посетителя[204].

---

[201] ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.
[202] Там же. Л. 47 об.
[203] Там же. Л. 155.
[204] Там же. Л. 55 об.

Обращает на себя внимание и активное развитие в русской Праге библиотечного дела: помимо наиболее крупных и известных Русской народной (библиотеки Земгора) и Славянской библиотек, здесь действовали библиотеки при Институте изучения России, Русском юридическом факультете и в других научно-образовательных центрах. При Русском Очаге во второй половине 1920-х годов комплектовалась коллекция диапозитивов по русскому и всеобщему искусству и истории русской архитектуры, которая широко использовалась в лекционной работе не только в Чехословакии, но также и во Франции, Швейцарии, Югославии и Болгарии.

Образ российской эмиграции в Королевстве СХС обоснованно связывается с белыми армиями, значительная часть которых получила здесь приют. При этом бывшие армейские и казачьи полки были расселены в различных районах страны, что обусловило рассредоточенность русской колонии и структур ее историко-культурной деятельности. Центрами культурной жизни российской эмиграции в Югославии стали Белград, Загреб, Новый Сад, Срезмски Карловцы, Панчево, Сараево, Белая Церковь и некоторые другие города. Военная эмиграция в Югославии, так же как и в других центрах российского зарубежья, проявляла значительную активность в историко-культурной сфере, что выразилось в изучении проблем военной истории России, развитии военно-музейного и библиотечного дела (Русская военная библиотека в Белграде) и, возможно, наиболее ярко и последовательно – в феномене российских кадетских корпусов. В них практически полностью воссоздавалась атмосфера аналогичных дореволюционных учебно-воспитательных учреждений, дополненная идеологией и культурой российской эмиграции, прежде всего, культом вооруженной борьбы с большевизмом.

Русский Белград имел достаточно разнообразную социально-профессиональную структуру. Численность российской диаспоры в Белграде насчитывала в середине 1920-х годов около 10 тысяч человек, причем значительную часть составляла интеллигенция: профессора, инженеры, врачи, оперные певцы, артисты и художники театра, создавшие множество гуманитарных, благотворительных, культурно-просветительных и творческих организаций. Некоторые из них приобрели широкое общественное и научное значение в рамках и российско-югославского культурного взаимодействия и в системе зарубежной России в целом. В Югославии действовало более 20 литературных и художественных объединений[205]. Можно говорить о большей традиционности, консервативности российской диаспоры в Югославии по сравнению с демократической Францией и либе-

[205] *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. статей. М., 1996. С. 54–55.

ральной Чехословакией, что проявлялось и в общественно-политической и в культурной сфере.

Среди учреждений и общественных объединений историко-культурного назначения Белграда следует назвать Русское археологическое общество, Кружок изучения России, Донскую историческую комиссию, Общество славянской взаимности, Русский народный университет, Союз ревнителей чистоты русского языка, Русскую публичную библиотеку(детище Земгора), Русскую военную библиотеку, Комитет русской культуры и объединение «День русской культуры», куда входило большинство эмигрантских организаций. Уникальная коллекция была собрана усилиями создателей. Музея русской конницы в Белграде[206].

По данным на 1923–1924 гг. в Югославии действовали 24 русские начальные школы и средние учебные заведения, благодаря которым сохранялась языковая и культурная идентичность детей и юношества российской диаспоры. Российская диаспора в Югославии считала своей заслугой воссоздание и деятельность за рубежом в течение длительного времени образцов дореволюционных средних учебных заведений: мужской гимназии, кадетского корпуса и института для девочек. «Можно с уверенностью сказать, что нигде в мире нельзя больше встретить русскую институтку и русского кадета, воспитанных в сознании, что они преемственно продолжают существование институтов и кадетских корпусов старой России», – писал журнал «Часовой» в 1939 г.[207].

Выставка русского искусства, прошедшая весной 1930 г., стала большим событием для югославской столицы. Здесь было представлено более 400 работ, в том числе признанных мастеров – И. Репина, А. Бенуа, И. Билибина, Н. Гончаровой, Б. Григорьева, К. Сомова и др., а также 38 живописцев, проживавших в Югославии.

Особое место в развитии историко-культурного движения российской колонии в Белграде занимал Русский дом, открытый в 1933 г., когда институциональная структура российского зарубежья в Югославии заметно сократилась по сравнению с периодом 1920-х годов[208]. Идея Дома русской культуры в Белграде получила поддержку эмигрантской интеллигенции как «имеющая громадное значение для подрастающего за границей молодого поколения, так и для всей будущей России, в особенности, когда в советской России были приняты меры для полного уничтожения всего прошлого»[209]. Он оставался очагом российской эмигрантской культуры и в годы немецкой оккупации.

---

[206] ГАРФ. Ф. Р-6800. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 и др.

[207] *Карпов Б.* Русская школа и наука // Часовой. 1939. № 236–237. С. 19.

[208] Русский дом им. императора Николая II. Белград, 1933.

[209] ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

В Болгарии историко-культурную деятельность развернул учебный комитет Всероссийского союза городов, благодаря усилиям которого были открыты русские школы, различные курсы, кружки, театральные студии и т. п. В Софии с 1920 г. действовала художественная школа[210]. Достаточно активны в историко-культурной сфере были здесь воинские общества и союзы.

Те эмигрантские учреждения, которые существовали в 1920–1930-е годы в Англии (Русский национальный комитет, Земгор, Русская академическая группа, Общество северян и сибиряков и др.), также «включали в свою программу культурную, литературную и образовательную деятельность»[211].

На Дальнем Востоке центрами историко-культурной деятельности российской эмиграции являлись Харбин и Шанхай, где существовали русские клубы, театры, художественные студии, издательства, книжные магазины и т. п.

Роль Харбина в историко-культурном движении российского зарубежья 1920–1930-х годов определяется не только деятельностью просветительных организаций, учебных заведений, театров, издательств. В значительной степени сам Харбин оставался островком дореволюционной культуры и быта, который получил дополнительную «подпитку» в лице послереволюционной беженской волны. «Находясь в центре многих политических событий в период 20–30-х годов, русский Харбин сумел сохранить свой российский облик и стал средоточием культурной и просветительской деятельности дальневосточного русского зарубежья»[212]. Особого внимания заслуживают Харбинский юридический факультет и Общество изучения Маньчжурского края, сыгравшие существенную роль в сохранении в рамках российской дальневосточной диаспоры отечественных научных и культурных традиций. В русском Харбине действовало несколько общественных и частных библиотек, в том числе Юридическим факультетом было создано книжно-журнальное собрание, насчитывавшее около 1000 томов[213].

В Шанхае к середине 1930-х годов были открыты две русские школы, культурные и спортивные клубы, балетные студии, издавались газеты и действовала радиостанция на русском языке. Шанхай был одни из центров притяжения российской артистической эмиграции в Тихоокеанском регионе, в частности, здесь более десяти лет прожил Александр Вертинский[214].

---

[210] *Казовская Т. М.* Указ. соч. С. 262–263.

[211] *Казнина О. А.* Русские в Англии (эмиграция в 1920–30-е гг.) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб., 2000. С. 55.

[212] Русский Харбин. М., 1998. С. 3.

[213] Известия Юридического факультета в Харбине. 1925. Т. 1. С. 203.

[214] *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае / Предисл. Л. П. Черниковой. М., 2008; и др.

Уже во второй половине 1920-х голов значительно возросла численность и изменился социальный и общественно-политический облик российской диаспоры в США и Канаде, благодаря притоку послереволюционной эмиграции, которая создала ряд структур по образцу российских культурно-просветительных организаций в Европе: Русский народный университет, офицерские общества и союзы, кружки любителей русской культуры, дворянские собрания и т. п. Обширность территории и американский образ жизни не способствовали развитию этих российских организаций в масштабах всей страны. В Северной Америке возникло несколько крупных центров российской культуры – в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Чикаго[215].

Помимо вышеназванных крупных центров историко-культурной деятельности небольшие очаги российской культуры в 1920–1930-е годы существовали в различных регионах мира. Культурно-языковая идентичность эмигрантских колоний сохранялась благодаря созданию клубов и библиотек, самодеятельных театров, в рамках православных общин в Северной Африке, Латинской Америке, Японии и т. д.

Таким образом, историко-культурное наследие российской эмиграции в 1920–1930-х годов имело достаточно широкий ареал формирования – центры русской культуры возникали в Европе, США, Китае, странах Латинской Америки. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода историко-культурная деятельность российской эмиграции сохранялась и развивалась как неотъемлемая часть общественной жизни диаспоры, в значительной степени определявшая ее роль и место в глобальном историческом процессе.

Наумов Н. В.

Трибуна для Ленина

Аннотация. В статье представлены различные точки зрения, высказанные в рамках полемики вокруг ленинского броневика, ставшего одним из символов Октябрьской революции 1917 г. Рассмотрены вопросы, связанные с историей создания первых бронеавтомобилей; появлением в России первых броневиков отечественного производства и оснащением Русской императорской армии британскими «Остинами» в годы Первой мировой войны; разработкой и выпуском бронемашин «Остин-Путиловец» российского образца.

Ключевые слова: символ революции, Первая мировая война, бронеавтомобиль, «Остин», «Остин-Путиловец».

[215] *Воробьева О. В.* Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект. М., 2010. С. 29.

Tribune for Lenin

Abstract. The paper covers various points of view in the framework of the discussion of Lenin's armored car that became one of the symbols of the October Revolution of 1917. The issues concerning the history of the construction of the first armored cars, the creation of the Russian armored cars and the delivery of the British «Austin» armored cars to the Russian Imperial Army during the First World War, the production of «Austin-Putilovets» armored cars of the Russian manufacture are considered.

Keywords: Revolution symbol, First World war, armored car, «Austin», «Austin-Putilovets».

В конце XX века экспозиция Военного музея артиллерии и инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге обрела легендарный броневик Ленина, который является одним из символов Октябрьской революции 1917 г. В советской историографии утвердилось мнение, что именно на этом броневике выступал В. И. Ленин по прибытии на Финляндский вокзал 3 апреля 1917 г. При этом официально считалось, что трибуной в данном случае послужил бронеавтомобиль «Остин-Путиловец», получивший позже имя «Враг капитала»[216]. Однако именно этот факт был подвергнут сомнению в постперестроечной публицистике, когда было высказано утверждение, что указанный броневик не мог быть тем самым ленинским броневиком, поскольку серийный выпуск бронемашин «Остин-Путиловец» начался лишь в 1918 г. В этой связи высказывается точка зрения, согласно которой в Артиллерийском музее стоит «Остин» русской бронировки, изготовленный в августе 1919 г. (который, весьма вероятно, воевал с Юденичем). И по сути это единственный сохранившийся экземпляр броневика времен Гражданской войны. Что касается событий 3 апреля, то сторонники данной точки зрения считают, что трибуной для Ленина мог послужить любой броневик из находившихся в Петроградском запасном бронедивизионе, включая автомобили марок «Остин», «Армстронг-Уитворт», «Шеффилд-Симплекс», «Арми Мотор Лоррис», «Ланчестер»[217].

В поисках аргументов участники дискуссии обращаются, как правило, к истории создания и появления в России и на вооружении Русской императорской армии бронеавтомобилей.

Бронеавтомобиль (броневик) появился раньше танка и бронетранспортера и представлял собой обшитый стальными листами ав-

---

[216] См., например: *Григорьев Н.* Ленинский броневик. Л., 1983; *Куликовская Л. Л.* Броневик «Враг капитала». Л., 1986.

[217] См., например: *Красильников О. Ю.* Совсем не ленинский броневик // http://samlib.ru/k/krasilxnikow_o_j/ba.shtml; *Пчельникова К.* Ленин на броневике: памятник фальсификации истории // http://fb.ru/article/256245/lenin-na-bronevike-pamyatnik-falsifikatsii-istorii.

томобиль (отсюда и название), вооруженный пулеметами и (на ряде моделей) пушкой калибра 37–76 мм. Проект первого в мире бронеавтомобиля в 1900 г. был предложен русским изобретателем Борисом Григорьевичем Луцким (1865–1926), автором первых русских грузовых автомобилей. Однако в том далеком году полезность такой машины понимали единицы, и Артиллерийский комитет отверг данный проект.

Тем временем идея активно развивалась на Западе. В 1902 г. англичанин Фредерик Роберт Симс построил броневик, представляющий собой обшитый листами брони грузовик с открытым верхом и вооруженный двумя пулеметами. Причем Симс снабдил свою машину перископом, с помощью которого экипаж мог бы наблюдать за полем боя. Тогда же частично защищенный бронеавтомобиль построила французская фирма «Шарон, Жирардо и Вуа», а в 1903 г. первый тяжелый броневик собрал американец Эдвин Дайтон. Однако знакомые всем очертания бронеавтомобиль приобрел в 1904 г., когда на броневике была установлена башня. Первым таким бронеавтомобилем стал австрийский «Аустро-Даймлер», вооруженный одним пулеметом Максима во вращающейся полусферической башне. Однако у властей Австро-Венгрии он интереса не вызвал[218].

Первый броневик в России появился благодаря грузинскому князю подъесаулу Сибирского казачьего полка М. А. Накашидзе. В начале русско-японской войны он служил в Маньчжурской армии и в конце 1904 г. предложил свой проект боевой машины на автомобильной базе, которая имела ряд интересных особенностей. В частности, люки броневика могли приподниматься в горизонтальной плоскости, образуя защитную крышу, из-под которой члены экипажа осматривали окрестности. Помимо люков, машина была оборудована и перископом. Спицы колес защищались стальными колпаками и имели цельнолитые шины. Для преодоления канав, траншей и прочих подобных препятствий броневик был снабжен двумя переносными мостиками; во время движения их прикрепляли к борту[219].

Русское военное руководство положительно оценило бронеавтомобиль. Постройку машины поручили французской фирме «Шарон, Жирардо и Вуа». В 1905 г. броневик прибыл в Россию и начал проходить испытания, а спустя еще три года 8 бронеавтомобилей Накашидзе поступили в войска[220].

Правда, по версии О. Ю. Красильникова этот броневик «восторгов не вызвал», от дальнейших закупок отказались, а опытную машину через несколько лет разбронировали. «Накашидзе, – пишет

---

[218] *Кутовой С.* Фальшивый броневик Ленина. Краткая история самой знаменитой трибуны Ильича // http://www.vokrugsveta.ru/ telegraph/technics/219.

[219] Там же.

[220] Там же.

Красильников, – пытался предложить новые, более совершенные модели. Если раньше он ссылался на военные нужды, то теперь упирал на использование броневиков для разгона демонстраций. С этими предложениями он пришел в приемную Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 г., и был в числе прочих посетителей убит бомбой террористов во время очередного покушения на премьер-министра»[221].

Более подробно история бронеавтомобиля фирмы «Шаррон» в России описана в книге М. Барятинского и М. Коломийца[222], которые, в частности, проясняют ситуацию, сложившуюся после гибели Накашидзе: «Постройка нескольких машин во Франции и даже отправка их в Россию подтверждается документально. Но через русскую границу их не пропустили, чем не преминули воспользоваться немцы»[223].

Вопрос о развертывании заводского производства броневых автомобилей в России был поставлен лишь с началом Первой мировой войны. 17 августа 1914 г. военный министр генерал-адъютант Сухомлинов предложил полковнику лейб-гвардии Егерского полка Добржанскому сформировать бронированную пулеметную автомобильную батарею, а 19 августа разрешил приступить к постройке броневых машин.

Первыми боевыми машинами полностью отечественного производства стали бронированные «Руссо-Балты», за несколько недель собранные на Ижорском заводе. В качестве базы для них использовали одноименные грузовики Рижского завода (правда, по версии О. Ю. Красильникова, это были машины представительского класса, малыми сериями изготавливавшиеся до войны Рижским заводом). Для упрощения конструкции отказались от башен, а вооружение расположили в боковых амбразурах по пулемету, в передней части – третий пулемет или пушка. Изготовлено было 8 таких машин, которые 19 октября 1914 г. в составе 1-й пулеметной автомобильной роты отправились на фронт. Больше их не выпускали. Броневики без потерь прошли Первую мировую войну и активно использовались в годы Гражданской войны. В частности, в РККА до 1922 г. числилось три «Руссо-Балта».

Мощностей заводов России не хватало для покрытия нужд армии в транспортных машинах, не говоря уже о бронированных. Поэтому в августе 1914 г. приказом Сухомлинова была образована специальная закупочная комиссия генерала Секретева, которая отбыла в Англию для закупки автомобильной техники и имущества, в том числе броне-

---

[221] *Красильников О. Ю.* Указ. соч.

[222] *Барятинский М., Коломиец М.* Бронеавтомобили русской армии 1906–1917 гг. М., 2000. С. 6–13.

[223] Там же. С. 13.

вых автомобилей. Членами комиссии совместно с офицерами Главного военно-технического управления (ГВТУ) были разработаны жесткие тактико-технические требования к этому виду боевой техники, включая полное бронирование (в том числе крыши) и наличие двух вращающихся независимо друг от друга пулеметных башен. Так как ничего подобного англичане предложить не могли, то за проектирование новой боевой машины, предназначенной для русских союзников, взялась компания Austin Motor Co. Ltd. В результате осенью 1914 г. появился бронеавтомобиль «Остин», а в конце декабря 1914 г. первые 48 броневиков были доставлены в Россию (по цене 1150 фунтов стерлингов за каждый).

«Остины» 1-й серии были разработаны на шасси пассажирского автомобиля, имели над водительской кабиной крышу «домиком» и две стоящие рядом (не диагонально) башни. Все они практически сразу были отправлены на фронт в составе новых пулеметных автомобильных взводов, однако первые же бои выявили их недостатки. Машины были отозваны с фронта, и на Путиловском заводе получили новый корпус (для его изготовления использовался броневой лист толщиной 8 мм производства Ижорского завода) и усиленные раму и ведущий мост. Шины колес стали пулестойкими благодаря заполнению их специальным составом. Именно с такого броневика, по мнению авторов статьи в Википедии, и выступал В. И. Ленин по прибытии в Петроград 3(16) апреля 1917. При этом подчеркивается, что «Враг капитала», который считается ленинским броневиком, был на самом деле «Остином-Путиловцем», собранным в 1919 г.[224].

Весной 1915 г. британцам были заказаны «Остины» 2-й серии улучшенной конструкции (60 БА) – с плоской крышей кабины, чтобы не мешать стрельбе вперед, и с более мощным двигателем. Эта и последующие модификации «Остина» использовали уже шасси полуторатонного грузовика. В 1916 г. в Россию прибыли «Остины» 3-й модификации (60 БА), имевшие бронестекла и кормовой пост управления. Такая схема позволяла броневикам уверенно давать задний ход, что очень облегчало маневрирование или экстренное отступление.

Бронеавтомобили «Остин» активно использовались войсками Русской императорской армии в ходе обороны Двинска (1915), Брусиловского прорыва (1916) и др. Тем не менее, они не полностью отвечали всем требованиям фронта.

К 1916 г. стало очевидным, что одними поставками из-за рубежа в полной мере оснастить русскую армию бронемашинами не удастся. Чтобы избежать зависимости от иностранных поставщиков в России, силами броневого отдела Военной автомобильной школы,

[224] Остин (бронеавтомобиль) // https://ru.wikipedia.org/wiki.

ГВТУ и отдельными инженерами, было разработано несколько проектов отечественных бронированных машин.

Так, были созданы бронеавтомобили Мгеброва (на базе «Рено», имевшие очень скошенное бронирование), тяжелый «Путилов-Гарфорд» (вооруженный 76-мм орудием), броневик конструкции штабс-капитана Поплавко (сконструированный для разрушения полевых проволочных заграждений), пушечно-пулеметные броневики штабс-капитана Некрасова (приспособленные для движения по железным дорогам)[225].

Одной из наиболее успешных разработок стал проект бронировки шасси фирмы «Остин». Для постройки российской модели предполагалось использовать модифицированное шасси «Остин» 2-й серии с двумя постами управления.

Договор о поставке 60 шасси был подписан 25 августа 1916 г., а проект бронировки машины, разработанный инженерами Путиловского завода, был готов уже к сентябрю. Предполагалось, что 39 из них будет иметь полугусеничную ходовую часть типа Кегресс, испытания которой успешно завершились к осени. Заказ разместили на том же предприятии, намереваясь получить первые 10 машин к 15 января 1917 г., а в дальнейшем – по 10 машин в месяц, но при условии, что шасси будут поставлены за три месяца до их бронировки.

Дальнейшие работы сильно затянулись из-за осложнившейся политической обстановки в стране и срыва поставок комплектующих из Великобритании. Первые 20 шасси прибыли только в феврале 1917 г. Новые путиловские бронеавтомобили в значительной степени отличались от заграничных предшественников. Корпуса для них, собиравшиеся на усиленном каркасе, делались из 8-миллиметровой ижорской щитовой брони. Она надежно защищала экипаж от поражения остроконечными пулями на всех дистанциях.

Однако принять участие в Первой мировой войне «Остины-Путиловцы» не успели, так как к моменту революции все они находились в Петрограде, а один из них (по утверждению авторов статьи, размещенной на сайте «Русский Портал») «вошел в историю благодаря тому, что 3 апреля 1917 года с его крыши выступал только что прибывший из эмиграции Ленин»[226].

Последнее утверждение поставлено под сомнение С. Кутовым, который констатирует, что первый «Остин» российской сборки, получивший название «Остин-Путиловец», увидел свет только в конце лета 1917 г. Его отличительная черта – две пулеметные башни установлены не в ряд, а по диагонали (правая – в передней части корпуса, левая – в задней). Именно такая машина и стоит в Артиллерийском

---

[225] *Барятинский М., Коломиец М.* Указ. соч. С. 35–51, 79–82.

[226] Остин-Путиловец. Ленинский броневик // http://www.opoccuu.com/austinp.htm.

музее, тогда как Ленин, произнесший историческую речь в апреле того же года, по мнению С. Кутового, никак не мог делать это с башни «Остина-Путиловца», как утверждала официальная легенда, а выступал с британского «Остина»[227].

Тот факт, что трибуной для Ленина мог послужить британский «Остин» любой серии не отрицает и О. Ю. Красильников, который утверждает, что «ни в апреле, ни в октябре 1917-го ни одного русского „Остина" просто не существовало». Из 60 шасси, поставленных на Путиловский завод в феврале 1917 г., только к марту 1918 г. было забронировано два шасси и три находились в полузаконченном виде, а в 1919 г. бронировку этих машин передали Ижорскому заводу[228]. Однако в отличие от С. Кутового, Красильников разделят мнение М. Барятинского и М. Коломийца, что на первом этаже Артиллерийского музея Санкт-Петербурга стоит один из путиловских«Остин», изготовленный в августе 1919 г. В своей книге М. Барятинский и М. Коломиец пишут: «Долгое время он считался „стальной трибуной вождя", легендарным броневиком, с которого выступал В. Ленин в апреле 1917 года. Однако нога „вождя мирового пролетариата" никогда не ступала на эту машину: броневик покинул заводской цех только в августе 1917 года»[229].

Полемизируя с подобными утверждениями, Д. Покров не отрицает тот факт, что серийный выпуск бронемашин «Остин-Путиловец» начался лишь в 1918 г., однако акцентирует внимание на то, что «Остин-Путиловец» был разработан в 1915 г., а в 1916 г. на Путиловском заводе были собраны опытные образцы для полевых испытаний. И это были реально действующие броневики. При этом он подчеркивает, что броневики царской армии, участвовавшие в боях, имели собственные названия типа «Резвый», «Защитник», «Суворов» и т. п. Броневик же, на котором стоял Ленин, не имел имени собственного («Врагом капитала» он стал позже), зато на его борту была нарисована цифра «2». «Скорее всего, – указывает в этой связи Д. Покров, – боевая машина имела бы название, а вот опытный образец обычно нумеруется»[230]. Полевые испытания «Остин-Путиловца» проходили в мастерской Петроградского бронедивизиона, откуда опытные образцы можно было легко взять под предлогом проведения пробных испытаний. С учетом этого Д. Покров констатирует: «Так, броневики „Остин-Путиловец" существовали и в апреле 1917 года в виде испытательных образцов, факт этот не оспоримый. Известно, что броневик Ленина не имел названия, а имел ну-

---

[227] *Кутовой С.* Указ. соч.

[228] *Красильников О. Ю.* Указ. соч.

[229] *Барятинский М., Коломиец М.* Указ. соч. С. 97.

[230] *Покров Д.* Субъективный взгляд на мир. Ленин и броневик // http://mpokrov.livejournal.com/53166.html.

мерацию, что не характерно для боевого броневика. Броневик был угнан из мастерской под видом испытаний, что было проще сделать именно с испытательной машиной»[231]. Все это говорит в пользу того, что никакой фальсификации относительно ленинской бронемашины в советской историографии могло и не быть.

Во время Гражданской войны «Остины» и «Остин-Путиловцы» состояли на вооружении армий и отрядов белых, красных, зеленых, интервентов и бесчисленного множества самостийных республик. При этом бывшие боевые машины русской армии теперь носили на себе имена «Самсон» (белые), «За вильну Украину» (петлюровцы), «Смерть капиталу» (красные) – и могли встретиться в бою. Четыре «Остина» были захвачены эстонцами, которые затем их активно использовали. Эти бронеавтомобили прожили дольше всех – в июне 1940 г. их реквизировала РККА, но поскольку их техническое состояние оставляло желать лучшего, было решено их утилизировать.

На вооружении РККА бронемашины «Остин» оставались до 1931 г. По состоянию на 1 марта общее количество машин этого типа оценивалось в 73 единицы, из которых по меньшей мере 40 были «Остинами» британской постройки. В частности, 12 машинами располагал 1-й автобронедивизион Кавказской Краснознаменной армии, по 3 машины числилось за мотоотрядами 11-й и 45-й стрелковых дивизий Ленинградского ВО и Военно-технической академии, по одному «Остину» находилось в Орловской танковой школе и Броневом эскадроне СКВО, 4 – в составе Бронекомандных курсов ЛВО и 49 – на складе № 37. Начиная с 1929 г. устаревшие «Остины» стали заменять на БА-27, и к 1933 г. практически все машины были разбронированы либо утилизированы. Примерно в это же время польская армия также сняла их с вооружения.

До настоящего времени сохранился только один русский «Остин-Путиловец», который был установлен на постаменте у Ленинградского филиала музея В. И. Ленина. Ко времени его установки было уже неизвестно, на каком из броневиков выступал Ленин, и выставили, по-видимому, первый попавшийся или последний сохранившийся экземпляр. Этот самый экземпляр обнаружили в 1939 г. на Выборгской стороне, в Сосновке на одной из баз Осоавиахима, отреставрировали и в 1940 г. к 70-летию В. И. Ленина установили на постамент у музея. Лишь недавно выяснилось, что музейный броневик оказался собранным в августе 1919 г. После расформирования музея броневик поступил в экспозицию инженерного отдела Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

---

[231] *Покров Д.* Субъективный взгляд на мир. Ленин и броневик // http://mpokrov.livejournal.com/53166.html.

Омельченко Н. А.

Революция 1917 года в России и русская эмиграция: в поисках общественного идеала

Аннотация. Статья посвящена анализу основных подходов русской эмиграции к оценке сущности и значения революции 1917 г., объяснению истоков и последствий революционного крушения России. В статье раскрываются взгляды русской эмиграции на национальные особенности политического и социального радикализма, либеральной и консервативной традиции в России.

Ключевые слова: монархизм, авторитаризм, либеральная традиция в России, политический и социальный радикализм, русский консерватизм, этатизм.

Revolution of 1917 in Russia and Russian Emigration: In Search for the Social ideal

Abstract. The author analyzes major approaches of the Russian emigrants to assessment of the meaning and significance of the revolution of 1917 and explication of roots and consequences of the revolutionary collapse of Russia. The article discloses views of Russian emigrants on national peculiarities of political and social radicalism, liberal and conservative traditions in Russia.

Keywords: monarchism, authoritarianism, Russian liberal tradition, political and social radicalism, Russian conservatism, statism.

Необходимость изучения и научной интерпретации заявленной в статье проблематики определяется двумя важными обстоятельствами: во-первых, той особой ролью, которую всегда играли общественные идеалы в общественно-политическом развитии России, становясь предметом повышенного внимания социальной мысли в эпохи глубочайшего кризиса общественных устоев; во-вторых, возможностью творческого использования богатейшего духовного и интеллектуального наследия русской послеоктябрьской эмиграции в современных условиях возрождения российской государственности на путях национальной модернизации.

По нашему глубочайшему убеждению, существующее сегодня многообразие мнений по поводу политико-культурного настоящего и будущего России отличается не просто отсутствием единой позиции относительно основ национального проектирования, но и отсутствием единой системы политико-культурных координат осмысления исторического прошлого и современного состояния российской государственности.

В этих условиях особую значимость приобретает анализ взглядов и воззрений крупнейших представителей первой послеоктябрьской

эмиграции, творческие изыскания которой во многом созвучны поискам модели цивилизационной самоидентификации современной России, спорам о том, как обустроить наше Отечество.

В контексте выявления национальных особенностей зарождения и эволюции государственных и общественных идеалов в общественно-политической жизни России исключительное значение имеет научное осмысление основных подходов русской эмиграции к оценке истоков, значения и характера революции 1917 г., политической практики большевиков, ее прогнозов и проектов относительно будущего развития российской государственности. Внимательный и объективный анализ дает основания утверждать наличие глубокой содержательной связи государственных и общественных идеалов первой послеоктябрьской эмиграции с национальной государственной традицией.

Принципиально важным представляется творческое осмысление русской эмиграцией одной из основополагающих национальных социальных утопий, связанной с существовавшей на протяжении длительного времени в широких слоях русского общества абсолютизацией и идеализацией политического и социального радикализма, преувеличением возможностей революционного преобразования общественных отношений.

В этом же контексте следует рассматривать оценки русской эмиграцией национальных особенностей либеральной и консервативной политической традиции в России. По мнению ряда представителей эмигрантской мысли, в России понятие либерализма долго употреблялось не в его истинном значении, нередко не отделялось от радикализма. То же самое относится и к характеру русского консерватизма, опиравшегося по преимуществу «на силы исторической инерции» и являвшегося в своем существе государственным миросозерцанием российской бюрократии.

В данной статье мы остановимся на характеристике взглядов представителей русской послеоктябрьской эмиграции, выражавших различные подходы к оценке событий 1917 г. в России, объяснению причин и последствий революционного крушения, будущих судеб российской государственности.

Следует сразу обратить внимание на тот факт, что в отличие от господствовавших в советской литературе в течение многих десятилетий оценок и идеологических клише большинство представителей русской послеоктябрьской эмиграции с самого начала рассматривали революцию 1917 г. в России как единый политический процесс («вторая русская революция», по П. Н. Милюкову), не разделяя и не противопоставляя «буржуазный» Февраль и «социалистический» Октябрь. Не секрет, что наша научная и общественная мысль подошли к осознанию этой истины только в последние годы. В то же время и

П. Б. Струве, и С. Л. Франк, и П. Н. Милюков, при всем различии их политических и идейных установок, были убеждены, что революция в России не могла остановиться на Феврале и что Октябрь во многом был реализацией Февраля (П. Н. Милюков). Наиболее последовательно эту мысль проводил П. Б. Струве, резко выступавший против сторонников абсолютного детерминизма в истории, считая центральной проблему вины и ответственности за революцию (роль субъективного фактора в революции: князь Львов был так же «виновен» в Керенском, как Керенский в Ленине).

В этом, собственно, и заключалось то общее, на чем сходились многие русские эмигранты в политическом дискурсе по вопросу о характере русской революции. Расхождения начинались, когда речь заходила об историческом значении и последствиях революции. Так, представители «левой» эмиграции склонны были давать оптимистические оценки революции (позиция, оправдывавшая «левых» как активных участников революции), уподобляя революцию 1917 г. в России французской революции 1789 г. (считалось, что «завоевания» русской революции осуществляются вопреки, а не благодаря большевикам, «искажающим революцию»). С другой стороны, было немало и тех, кто рассматривал революцию в России как безусловную катастрофу. Эта позиция строилась на убеждении в ущербности («убыточности») всякой революции, на простом утверждении, согласно которому «революционный беспорядок всегда хуже самого плохого порядка».

Заметим, что большинству видных представителей русской эмиграции было чуждо упрощенное представление о русской революции как о случайном «вывихе» истории, о чьем-либо личном злоумышлении. Значительная часть эмиграции уже тогда начинала осознавать социологическую природу и исторический смысл происшедшей в России катастрофы, стремясь разобраться в глубинных причинах такого поворота истории. К этому подталкивал сам факт крушения веками существовавшей монархии и та легкость, с которой это крушение произошло.

Событием, подготовленным всем ходом русской истории и, в частности, политикой русской монархии, считал русскую революцию П. Б. Струве. По его мнению, одной из основных, если не основной причиной особо разрушительного хода русской революции явилось ставшее традиционным для России отчуждение от политического процесса двух самых главных слоев русского общества – образованной элиты и крестьянской массы, которые не были вовремя «в надлежащей постепенности» привлечены «к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти»[232]. Отстраненные русским самодержавием, ревниво обе-

[232] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. София, 1921. С. 26–27.

регавшим свои автократические прерогативы, от государственности, собственности и правосознания, они оказались чуждыми идеям нации и государства.

К близким по характеру выводам, анализируя причины и ход русской революции, пришел и один из постоянных оппонентов Струве, не раз нападавший на последнего за его «национал-патриотические уклоны», видный эсер Марк Вишняк, являвшийся одним из влиятельных членов редколлегии журнала русского зарубежья «Современные записки» (издавался в Париже в 1920–1940-е годы)и автором известной в эмиграции книги «Два пути (Февраль и Октябрь)». По мнению М. Вишняка, многие причины трагического развития событий в России находят свое объяснение «в затянувшейся оттяжке экономического и политического раскрепощения России»[233]. Отсюда и общий вывод автора: для решения самодержавно-сословных задач революция пришла слишком поздно, а для решения правовых, духовных – рано. Народ в целом, сверх классовых противоречий, «не был достаточно „интегрирован"общегражданским сознанием и волей»[234].

Оригинальная оценка русской революции была дана в ряде работ крупного мыслителя русского зарубежья Г. П. Федотова, в том числе в специально посвященной этой проблеме большой и интересной статье под названием «Революция идет», которую Струве назвал «талантливой статьей способного и знающего историка»[235]. По мысли Г. П. Федотова, русская революция была прежде всего и в конечном счете «социальной революцией»[236]. Россия была страной острых классовых антагонизмов и социальной напряженности. Медленное ее реформирование в сторону социальной справедливости всегда оставалось проблематичным. Царское самодержавие не обладало широкой социальной базой, и крушение его стало тем легче.

Как утверждает Г. П. Федотов, две силы «держали и строили русскую империю: одна пассивная – неисчерпаемая выносливость и верность народных масс, другая активная – военное мужество и государственное сознание дворянства». Однако уже со времен петровской европеизации усиливается разрыв между дворянством и народом, который со временем «стал смотреть на господ как на вероотступников и полунемцев». В этих условиях единственной «скрепой» нации в России оставалась идея царя. По мысли автора, монархизм русского дворянства был «очень близок к легитимизму французского дворянства или прусского юнкерства». В его основе лежала идея рыцарской верности государю, верность присяге, дворянскому

---

[233] *Вишняк М. В.* Два пути (Февраль и Октябрь), Париж, 1931. С. 233–234.

[234] Там же. С. 246–247.

[235] *Струве П. Б.* Дневник политика // Россия и славянство. 1929. 20 июля.

[236] *Федотов Г. П.* Революция идет // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. I. СПб., 1993. С. 127.

слову. Эта идея национального служения государю, привитая еще Петром, выковывавшаяся в изменнических дворянских переворотах XVIII века, окончательно сложилась в век Екатерины. В отличие от дворянства народ относился к царю религиозно, он видел в царе не живую личность или политическую идею, а помазанника Божьего и подчинялся царю не по убеждению, а по доверию[237].

Именно это соединение «мужицкого царя» с «дворянским государем», по мнению Г. П. Федотова, создало из петербургской императорской власти «абсолютизм, небывалый в истории». В отличие от европейских монархов, неограниченная власть которых на самом деле была ограничена личными и корпоративными правами и особенно правовым чувством аристократии, и московских государей, ограниченных (как все восточные деспоты) религиозными верованиями и бытовым укладом народной жизни, петербургские монархи, опираясь на монархические чувства народа, могли подавлять дворянство, и наоборот. Однако здесь, замечает Федотов, с самого начала крылось и серьезное противоречие. Ибо дворянская империя и мужицкое царство, как совершенно разные идеи долго сосуществовать не могли. «Московский православный царь в мундире гвардейского офицера» резко контрастировал с идеалом мужицкого царя. Было ясно, пишет автор, «когда сознание этого противоречия проникнет в мужицкие головы – все здание рухнет», как рушилось все, что строилось «на искусно прикрываемой лжи»[238].

Положение усугублялось тем, что консервативный, религиозно и политически, народ (крестьянство) никогда «не был благонадежен социально» и в глубине души никогда не принимал крепостного права (свидетельством тому – постоянное бегство крестьян, текучесть населения). По справедливому наблюдению Г. П. Федотова, «народ всегда сохранял убеждение в своем праве на помещичью землю», привык видеть в барине паразита. В этой связи освобождение крестьян, «как ни странно, нанесло первый удар монархическому чувству крестьянства», положив начало разложению тех духовных основ, «на которых покоилась старая мужицкая вера»[239]. Но еще раньше, чем исчезли монархические чувства народа, зашаталось русское дворянство. Именно здесь, по мысли автора, следует искать первопричину русской трагедии, ибо недуг поразил прежде всего тот класс, который был «мозгом и волей страны», являлся единственным носителем государственного сознания и власти[240]. В интересах государства было привлечь дворянство к политическому управле-

---

[237] *Федотов Г. П.* Революция идет // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. I. СПб., 1993. С. 128–129.

[238] Там же. С. 129–131.

[239] Там же. С. 154–156.

[240] Там же. С. 131–132.

нию, возложив на него бремя ответственности. Не сделав этого, царизм обрекал себя на неминуемую гибель.

Интерес представляет состоявшийся на страницах «Русской мысли» спор между К. И. Зайцевым и П. Б. Струве по проблемам русского исторического развития. В споре с Зайцевым, рассуждения которого о якобы преждевременном и вредном для России политическом освобождении высших классов впредь до освобождения крестьян он называл чисто «народнической» ошибкой, Струве указывал, что для непрерывного и мирного развития страны (и это показала вся история России) «необходима была постепенность политического освобождения». Это прекрасно, по его словам, понимали наиболее дальновидные государственные умы России, такие как Сперанский, Мордвинов и др., считавшие, что освобождению крестьян должно было предшествовать укрепление гражданского строя в России, основанного на субъективных правах личности и обеспечивающего статус свободного человека и гражданина. Прав был, замечает в этой связи П. Б. Струве, не Н. И. Тургенев, а гораздо менее «либеральный», но «во много раз более умный» Н. С. Мордвинов, сказавший, что в России «лестницу нужно мести сверху вниз»[241].

Как утверждал П. Б. Струве, Россия в отличие от динамичной, быстро развивавшейся Европы нуждалась в своевременном, но в то же время разумном и постепенном приобщении различных слоев населения к государственной жизни и государственному управлению. Другой путь развития в силу культурной неразвитости масс, отсутствия у народа правового сознания и элементарных навыков участия в государственной власти в условиях векового существования авторитарного режима был в России, по мысли Струве, не только практически неосуществим, но и мог иметь непредсказуемые последствия. Необходимо было длительное и непрерывное правовое развитие общества на основе привлечения к государственной власти одних (прежде всего дворянства как единственного в России класса, «пригодного к управлению») и постепенного распространения гражданских прав и свобод на других (класс крепостного крестьянства), прежде чем в России установились бы элементы гражданского строя, а массы населения, став в результате глубокого проникновения в народную жизнь принципов собственности культурными хозяевами, научилась бы уважению и права, и собственности.

Эта позиция П. Б. Струве разделялась в эмиграции многими. Об этом, в частности, писал Г. П. Федотов, так же как и Струве, которого он называл ярким выразителем возрождавшейся в России «честной и талантливой консервативной мысли»[242], полагавший, что

[241] *Струве П. Б.* Ошибки и софизмы «исторического» взгляда на революцию. По поводу статьи К. И. Зайцева // Русская мысль. 1922. Кн. III.

[242] *Федотов Г. П.* Революция идет. С. 170.

в России можно было провести политическую реформу уже в XVIII в. Хотя всенародное представительство«было уже невозможно» (все сословия, кроме дворянства, были уже закрепощены), однако дворянский сейм, существовавший повсюду в Европе, был, по мысли Г. П. Федотова, вполне реален в России. Эта аристократическая идея жила «и в век Екатерины (граф Панин), и в век Александра I (Мордвинов)». Следующим этапом, по мнению Г. П. Федотова, могло стать «постепенное приобщение к представительству других слоев» (духовенства, интеллигенции, купечества), что сообщало бы земский характер Собору, открывало бы путь для нормальной демократизации страны, плоды которой сказались бы затем и на крестьянстве[243]. Однако начиная с «социальной пугачевщины и политического либерализма Новикова и Радищева» власть «стала на противоестественные для нее позиции охранения», вольно или невольно своими руками создавая условия «для безответственной оппозиции»[244].

Многие причины кризисного развития русской истории, предопределившие особо разрушительный характер русской революции, нельзя понять без уяснения того глубокого противоречия, того культурного отчуждения, которое веками существовало в России между образованным классом и остальной частью народа, между верхами и низами русского общества. Как писал Франк, «русский общественно-сословный строй, сложившийся в XVIII в., – строй дворянско-помещичий – никогда не имел глубоких органических корней в сознании народных масс». Это объяснялось не одной лишь «классовой» ненавистью, обусловленной экономическими мотивами. Характерной особенностью русских отношений, по мнению философа, «было то, что эта „классовая" ненависть подкреплялась еще гораздо более глубоким чувством культурно-бытовой отчужденности». Для русского мужика барин «был не только „эксплуататор", но, что, быть может, гораздо важнее, – „барин", со всей его культурой и жизненными навыками, вплоть до платья и внешнего обличья, был существом чуждым, непонятным и потому внутренне не оправданным»[245].

По мнению большинства эмигрантских авторов, начало болезненного кризиса русской культуры относилось к эпохе Петра I и явилось следствием раскола нации, вызванного петровской реформой. Об этом писали в эмиграции не только евразийцы, считавшие одной из причин победы большевистской революции стремление народа освободиться от чуждого и непонятного ему культурного слоя. На это указывали Бердяев, Струве, Федотов и др., так же как и евразийцы, рассматривавшие русскую революцию как закономерное

[243] *Федотов Г. П.* Революция идет. С. 167.

[244] Там же. С. 130.

[245] *Франк С. Л.* Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII, С. 246–247.

следствие раскола, произведенного в России реформами Петра. В результате этих реформ в рамках одной страны, единой религии и государственности образовались как бы две России, две культуры – культура верхних образованных слоев общества и культура подавляющего большинства населения, – которые практически нигде не пересекались, оставались чуждыми друг другу. Не случайно иностранцам, отмечал в этой связи В. Вейдле, «народ и культурный слой всегда казались у нас чуть ли не двумя разными народами»[246].

Эта отчужденность между верхами и низами русского общества, почти без изменений сохранившаяся вплоть до революции 1917 г. (отчасти, как считал Франк, потому, что реформа 1861 г. «не создала из мужика экономически самостоятельного и граждански равноправного мелкого собственника», большей же частью потому, что «культурно-бытовые формы изживались гораздо медленнее соответствующих им юридических отношений»), была, как пишет Франк, «так велика, что удивительна, собственно, не шаткость государственности, основанной на таком обществе, а, напротив, ее устойчивость». Единственно верным объяснением этого необъяснимого, на первый взгляд, факта является, по мысли философа, то, что подлинным фундаментом государственности в России «был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма – монархия». Глубоко в недрах исторической почвы, в народном сознании и в народной вере долгое время «была непосредственно укреплена только верховная власть – власть царя»; все же остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, вся утонченная культура образованных классов, все это «в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании». Неудивительно, делает вывод Франк, что «с крушением русской монархии рухнуло сразу и все остальное – вся русская общественность и культура – ибо мужицкой России она была непонятна, чужда и – по его сознанию – не нужна»[247].

Конечно, не все, что говорилось и писалось русскими эмигрантами о России и русской революции, было бесспорным. Зачастую сами условия существования эмиграции, в силу вынужденной оторванности от родины склонной отождествлять постигшую Россию беду со своей личной, не способствовали объективному осмыслению причин того, что произошло в 1917 г. Для русских эмигрантов особенно на первых порах были характерны упрощенные оценки революции, которую многие из них считали простой случайностью, результатом международного заговора. Однако такие объяснения причин русской

---

[246] *Вейдле В.* Три России // Современные записки. 1937. Кн. LXV. С. 308.
[247] *Франк С. Л.* Из размышлений о русской революции. С. 247–248.

революции не стали господствующими в эмиграции, большая ее часть рано осознала социологическую природу революции. Она указывала на закономерный характер происшедших в России событий, подготовленных всем ходом русской истории и явившихся логическим следствием давно таившегося социально-политического недуга.

Пейч Д. И.

Анархисты в Революции 1917 года

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об участии анархистских организаций в революционных событиях 1917 г., их роли в развитии революционных процессов и влиянии на возникновение кризисных ситуаций. С привлечением программных документов, материалов периодики и воспоминаний участников анархистского движения анализируется проблематика конфронтации анархистов с Временным правительством, их отношение к власти Советов, участие в работе фабрично-заводских комитетов и в событиях Октябрьского вооруженного восстания.

Ключевые слова: анархисты в 1917 г., «прямое действие», фабрично-заводские комитеты, рабочий контроль, июльское восстание, октябрьский переворот.

Anarchists in the 1917 Revolution

Abstract. The article covers the participation of the anarchist organizations in the revolutionary events of 1917, their role in the key revolutionary processes and political crises. The problems of anarchist confrontation with the Provisional Government, their attitude towards the power of the Soviets, participation in the work of factory committees and the events of the October Uprising are analyzed on the base of the programmatic documents, the periodicals and the memoirs of the participants in the anarchist movement.

Keywords: anarchists in 1917, direct action, factory committee, worker's control, the July Days, the October Revolution.

К 1917 г. русское анархистское движение подошло крайне ослабленным и разобщенным. Особенно тяжелым для анархистов был разгром, последовавший за революцией 1905–1907 гг. По их собственным подсчетам, накануне Февральской революции в Москве было всего не более сотни анархистов, около сотни – в Петрограде, несколько человек в Бежецке, Орле, Туле и Кинешме[248]. Большинством

[248] Михаилу Бакунину. 1876–1926 гг. Очерки по истории анархического движения в России. М., 1926. С. 322.

исследователей делается предположение, что в дни Февральской революции анархисты едва ли могли себя как-то проявить[249]. Однако существуют свидетельства, что анархистские кружки трех больших заводов Петрограда – Металлического в Выборгском районе, Трубного на Васильевском острове и Путиловского в юго-западной части города участвовали в февральских демонстрациях под черными знаменами и с лозунгом «Долой власть и капитализм!»[250]. Кроме того, анархист А. Горелик приводит информацию о том, что Николай II был задержан и арестован на станции Дно анархистом, рабочим-железнодорожником Худаковым[251].

В марте 1917 г. в связи с общей политической амнистией анархисты смогли выйти из подполья и создать более крупные объединения. 13 марта семь групп объединились в Московскую федерацию анархистских групп[252], в ряды которой активно вливались рабочие пищевой промышленности, кожевенники, печатники и железнодорожники. В Петрограде наибольшая концентрация анархистских сил образовалась в Выборгском районе на севере города и в порту: здесь развернула свою деятельность Петроградская федерация анархистов. Помимо этого, анархистские идеи пользовались популярностью среди моряков Балтийского флота, базировавшихся в Кронштадте. Воспользовавшись новым легальным положением, анархисты развернули свою пропаганду и организовали группы во многих других городах – Харькове, Одессе, Киеве, Ростове, Екатеринославе, Николаеве, Саратове, Самаре, а также среди шахтеров Донецкого бассейна, где, по свидетельству А. Горелика, они «...могли бы навербовать сотни тысяч членов, если бы захотели создать „партию" анархистов»[253].

Революция освободила многих видных анархистов из тюрем (так, из Бутырской тюрьмы по амнистии были выпущены Н. И. Махно и П. А. Аршинов), другие возвращались из сибирской ссылки и каторги (И. С. Блейхман, Л. Черный, Д. И. Новомирский, О. И. Таратута). В июне1917 г. после 40 лет эмиграции из Англии прибыл П. А. Кропоткин: на Финляндском вокзале Петрограда его встречала толпа в 60 тысяч человек. Из США вернулись видные анархо-синдикалисты, работавшие в редакции анархистского журнала «Голос труда», М. Раевский, В. С. Шатов, Е. Ярчук, В. М. Волин (Эйхенбаум), которые создали в Петрограде Союз анархо-синдикалистской пропаганды[254].

---

[249] См., например: *Канев С. Н.* Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М., 1987. С. 258.

[250] *Эврич П.* Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006. С. 131.

[251] *Горелик А.* Анархисты в Российской революции. Буэнос-Айрэс, 1922. С. 5.

[252] Михаилу Бакунину... С.322.

[253] *Эврич П.* Указ. соч. С. 131, 154; *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 263; *Горелик А.* Указ. соч. С. 12.

[254] *Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 190–191; *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 262; *Эврич П.* Указ. соч. С. 130, 147.

Несмотря на свою малочисленность, анархисты были чрезвычайно активны: выступая с лекциями на промышленных предприятиях, в воинских частях и на кораблях, они вербовали рабочих, солдат и матросов в свои группы, регулярно устраивали митинги. Помимо этого, они развернули бурную издательскую деятельность, выпуская многочисленные листовки, свыше 20 наименований газет и журналов (некоторые тиражом по 15–20 тыс. экз.), а также переиздавая сочинения видных теоретиков анархизма[255].

Как и в годы Первой русской революции, анархистское движение распадалось на три основных течения – анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм, между представителями которых в печати и при решении практических вопросов неизменно разгорались жаркие споры. Внутри каждого из этих течений образовывались более мелкие и чрезвычайно многочисленные фракции. Ключевой проблемой анархистского движения в 1917 г. стало отсутствие единства, в первую очередь организационного, слабая связь между группами в различных регионах, чему способствовало упорство анархистов в нежелании создавать единую «партию», а также идейное отрицание какой-либо централизации и подчинения одних работников-анархистов другим. Не помог решению этой проблемы и созыв 18–22 июля в Харькове Южнорусской конференции анархистов из 17 городов[256].

На страницах своих листовок и прокламаций анархисты первыми стали высказывать мысль о необходимости дальнейшего развития и углубления революции (лозунг «социальной революции»), немедленного свержения Временного правительства и установления полностью децентрализованного безвластного коммунистического общества. «Забрать власть у придворно-черносотенной феодальной бюрократии и передать в руки империалистической промышленной буржуазии» – не в этом, по мнению анархистов, заключались чаяния народных масс, совершивших Февральскую революцию. В некоторых листовках звучали даже радикальные призывы «убить старых министров», а также более абстрактные – «отменить все, что сокращает свободу». Помимо этого, с первых дней Революции анархисты выступали резко против созыва Учредительного собрания, чаще всего уничижительно называя его «Учредилкой». В этом вопросе они расходились абсолютно со всеми революционными партиями, включая большевиков[257].

Другим важнейшим требованием анархистов было немедленное прекращение войны. Выход они видели в немедленном захвате земли, заводов и фабрик русским пролетариатом, который тем

[255] *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 263.
[256] Анархисты: Док. и мат. 1883–1935 гг. Т. 2. М., 1998. С. 43–49.
[257] Там же. С. 16–23; *Канев С.* Н. Указ. соч. С. 266.

самым показал бы пример трудящимся всех воюющих стран и спровоцировал их на массовое восстание против империалистической буржуазии. За окончанием войны, по их мнению, следовало создание «Европейских Соединенных Штатов», куда все нации смогли бы войти на правах автономности[258]. В то же время идейный лидер анархистов П. А. Кропоткин был настроен менее радикально и на протяжении 1917 г. неоднократно высказывал мысль, что продолжение войны необходимо для «защиты свободы, завоеванной русским народом». В своих письмах он высказывался в пользу сотрудничества между пролетариатом и буржуазией в вопросе организации производства и потребления. Более того, он выступил с речью на Государственном совещании, созванном Временным правительством 12–15 августа, где выдвинул лозунг провозглашения России федеративной парламентской республикой[259].

Еще одним вопросом, который вызывал жаркие дискуссии в рядах анархистов, был вопрос об отношении к Советам и необходимости вхождения в них представителей анархистов. Еще в начале марта 1917 г. анархисты-коммунисты потребовали доступа к работе в Петроградском совете, однако получили отказ от его председателя Н. С. Чхеидзе[260]. Тогда же произошел и первый открытый конфликт анархистов с Советом: по его указанию милиция изъяла у группы анархистов оружие и выдворила их из типографии ЦК Петросовета, которую они планировали использовать для печатания своих прокламаций[261]. Тем не менее, еще весной группа анархистов была включена в Петроградский совет, а в июле его делегатом стал один из лидеров Петроградской федерации анархистов И. С. Блейхман. Активную роль анархисты играли в Советах Кронштадта, Красноярска, Харькова, Москвы, Одессы и ряда других городов. Со своими радикальными призывами они создавали вескую альтернативу меньшевикам и эсерам в Советах, в связи с чем набирали голоса части рабочих, солдат и матросов.

Необходимо отметить, что тактика русских анархистов претерпела серьезные изменения в сравнении с периодом революции 1905–1907 гг. Количество актов индивидуального террора и мелких экспроприаций значительно сократилось: анархисты стали делать ставку на массовое вооруженное восстание, пропаганду которого вели в основные кризисные моменты 1917 г. Тем не менее, нередкими стали случаи захвата анархистами частных домов, с целью размещения в них штаб-квартир своих организаций. Так, в первые же дни после Февральской революции петроградские анархисты захва-

[258] Анархисты: Док. и мат. С. 13–16, 28–29.
[259] *Пирумова Н. М.* Указ. соч. С. 193; *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 267, 270.
[260] *Эврич П.* Указ. соч. С. 141.
[261] Анархисты: Док. и мат. С. 19–20.

тили пустующую дачу бывшего царского министра П. П. Дурново в Выборгском районе столицы. Там был организован «дом отдыха», комнаты для чтения и дискуссий, сад стал игровой площадкой для детей, а в дальнейшем и местом проведения митингов и собраний[262].

Следуя курсу на массовое восстание, анархисты приняли активное участие в стихийных акциях протеста петроградских рабочих и солдат, вызванных нотой министра иностранных дел П. Н. Милюкова о продолжении Россией войны до победного конца. Среди множества трибун, сооруженных митингующими на Театральной площади 20 апреля 1917 г., находилась и украшенная черными флагами трибуна анархистов, с которой произносили речи анархистские ораторы. На следующий день анархисты принимали участие в возобновившихся с новой силой демонстрациях с лозунгами «Долой Временное правительство!», «Да здравствует анархия!», «Война – войне!» и т. д. По мнению большевиков, несвоевременные призывы анархистов сыграли негативную роль в событиях апрельского кризиса, вызвали ожесточение Временного правительства по отношению к митингующим, для расстрела которых были выведены войска[263].

Стремясь подтолкнуть массы к вооруженному выступлению, анархисты решили прибегнуть к тактике «прямого действия». 5 июня отряд из 50 человек во главе с И. С. Блейхманом захватил редакцию и типографию буржуазной газеты «Русская воля». Это вызвало резкую ответную реакцию Временного правительства: в типографию для выдворения анархистов были направлены правительственные войска. 7 июня в ответ на действия анархистов министр юстиции В. В. Переверзев отдал приказ очистить дачу Дурново. Помимо анархистов на даче размещался рабочий клуб «Просвет» и правление профсоюзов Выборгской стороны. Приказ Временного правительства вызвал бурный протест рабочих, вылившийся в забастовку сначала четырех, а 8 июня уже 28 заводов Выборгской стороны[264]. Крупная забастовка вынудила Временное правительство отступить. В сложившейся ситуации, чтобы направить возмущение масс в организованное русло, большевики назначили на 10 июня мирную демонстрацию. Анархисты же, поддержанные отдельными группами рабочих, решили объединить ее с захватом нескольких типографий и помещений. В результате по требованию Петросовета демонстрация была отменена. Узнав об этом, руководимый анархистами «Временный революционный комитет» на даче Дурново назначил новую дату выступления – 14 июня. Более того, «комитету» удалось собрать на даче делегатов от 150 предприятий и воинских частей. Опасаясь стихийных выступлений масс, которые были го-

[262] *Эврич П.* Указ. соч. С. 137.
[263] *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 272–273.
[264] *Эврич П.* Указ. соч. С. 138.

товы к решительным действиям, Петроградский совет вынужден был назначить общую демонстрацию на 18 июня[265].

Анархисты сначала отказывались от участия в совместной с «буржуазными социалистами» демонстрации, однако потом изменили свое решение. Непосредственно в ходе шествия они во главе отряда из 50–75 человек осуществили набег на тюрьму «Кресты» и освободили семерых заключенных – анархистов и других революционеров. Эти события немедленно спровоцировали Временное правительство на жесткие ответные меры. 19 июня на дачу Дурново были направлены казачья сотня и батальон пехоты с бронемашиной во главе с министром юстиции П. Н. Переверзевым и генералом П. А. Половцевым, которые потребовали выдачи освобожденных из тюрьмы. Получив от анархистов отказ, они ворвались на дачу и арестовали 59 человек, несмотря на то, что анархисты активно отстреливались и бросали бомбы. В результате перестрелки анархист Аснин был убит; в числе арестованных оказался кронштадтский матрос-анархист А. Г. Железняков. Погром на даче Дурново вызвал немедленный ответ со стороны рабочих Выборгской стороны: на четырех заводах в тот же день началась забастовка[266].

В надежде ослабить революционные силы Петрограда Временное правительство приняло решение отправить несколько революционно настроенных полков на фронт. Понимая, что в войсковых частях назревает недовольство, анархисты решили немедленно действовать и направили свою делегацию в 1-й пулеметный полк. 3 июля на полковом митинге И. С. Блейхман призывал выступить «с оружием в руках на демонстрацию для свержения десяти министров-капиталистов»[267]. Под влиянием выступлений анархистов 1-й пулеметный полк с лозунгами о прекращении войны и передачи власти Советам в боевом порядке направился к Таврическому дворцу, где произошла вооруженная стычка с преграждавшими ему путь казаками. В то же время в Кронтштадте на Якорной площади состоялся массовый митинг, на котором было решено идти на помощь петроградским рабочим и требовать передачи всей власти Советам на местах[268].

Утром 4 июля 12 тыс. рабочих, матросов и солдат Кронштадта высадились на берегу Невы и под черными и красными знаменами двинулись к Таврическому дворцу. По воспоминаниям Е. Ярчука, когда толпа поравнялась с особняком Кшесинской, где размещался ЦК партии большевиков, с его балкона произнес небольшую речь В. И. Ленин, «заявил, что он болен, пожелал успеха и скрылся». Боль-

---

[265] *Канев С. Н.* Указ. соч. С. 275, 277.
[266] Там же. С. 278–279.
[267] Там же. С. 281–282.
[268] *Ярчук Е.* Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 11.

шевики попытались водрузить свое знамя на броневике во главе демонстрации, однако кронштадтцы заявили, что идут не под флагом большевиков, а под флагом своего Совета и «заставили их убраться в конец процессии»[269]. В вооруженной демонстрации, по свидетельству Е. Ярчука, участвовало не менее 500 тыс. человек. Кронштадтцы со своими антимилитаристскими лозунгами и требованиями социальной революции прошли по Невскому проспекту. На Литейном проспекте демонстранты были накрыты пулеметным огнем: среди убитых были и анархисты, в том числе знаменосец Кронштадтской организации анархистов-синдикалистов-коммунистов. Перестрелка нарушила строй демонстрантов, однако они смогли дойти до Таврического дворца, где объединились с петроградскими митингующими. Прошедшие во дворец матросы, вывели оттуда под арестом министра земледелия эсера В. М. Чернова и потребовали от него объяснений, почему не осуществляется социализация земли, о которой он так много писал. Отпустить министра они согласились лишь благодаря уговорам Л. Д. Троцкого[270].

5 июля стало известно о блокировке проходов в Кронштадт правительственными войсками и вызове фронтовых частей для усмирения мятежа: к Таврическому дворцу подходил Волынский полк; особняк Кшесинской, где расположился один из кроштадтских полков, также был окружен. Было решено вести переговоры. Благодаря угрозе со стороны Кронштадта, где уже велась подготовка к полномасштабному наступлению на столицу, ситуация разрешилась мирным путем: 6 июля демонстранты смогли благополучно вернуться[271]. Июльский кризис, несмотря на неудачу вооруженного восстания, стал поворотным моментом в развитии Революции 1917 г. Впоследствии в анархистской прессе неоднократно звучала мысль о том, что июльские дни были целиком и полностью «делом» анархистов. Не оспаривая эту мысль, советские историки резюмировали, что таким образом анархисты дали пример того, как не следует «делать революцию»[272].

Другой стороной деятельности анархистов в 1917 г. было их участие во вновь возникших органах рабочего контроля, в первую очередь в фабрично-заводских комитетах. В период с мая по октябрь анархисты приняли участие в четырех конференциях фабзавкомов Петрограда, а также в Первой всероссийской конференции фабзавкомов, используя эту трибуну для пропаганды своих идей о немедленном захвате рабочими всех заводов и фабрик, а также прочих средств производства и продуктов потребления. Анархисты резко противопо-

---

[269] *Ярчук Е.* Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 12.
[270] Там же. С. 13.
[271] Там же. С. 14–15.
[272] *Канев С. Н.* Революция и анархизм... С. 283.

ставляли фабзавкомы, как основную революционную ячейку, оппортунистичным профсоюзам, роль которых они считали крайне незначительной. В. С. Шатов и И. П. Жук были избраны в Центральный Совет фабрично-заводских комитетов, благодаря «известной популярности» анархизма в рабочей среде. Влияние анархо-синдикалистов на фабзавкомы было велико, даже несмотря на малочисленность их представителей – на всероссийской конференции фабзавкомов анархистская фракция составляла 11 человек (8 % от общего числа участников)[273]. При этом ячейки синдикалистов возникали на всех крупных заводах Петрограда. Серьезными были и успехи анархистов-коммунистов: по свидетельству И. С. Блейхмана, Петроградская федерация насчитывала на данном этапе 18 тыс. человек, такую же цифру называла и меньшевистская периодика, на основании количества голосов, полученного анархистами на выборах в фабзавкомы[274]. Как отмечали большевики, к октябрю 1917 г. в массах наметился определенный «уклон к анархизму»: анархистские группы и федерации существовали уже в 40 городах и поселках, росло их представительство на различных собраниях. На Путиловском заводе они развернули такую активную пропагандистскую работу, что большевикам становилось все тяжелее удержать рабочих в организационных рамках. Эти явления наталкивали их на мысль о скорейшем осуществлении вооруженного восстания, чтобы не потерять свою руководящую роль[275].

Тем не менее, большинство исследователей и мемуаристов сходятся на том, что к моменту Октябрьского восстания силы анархистов были незначительны, а непосредственное участие в нем принимали лишь отдельные наиболее энергичные анархисты. Среди них: И. П. Жук, который возглавлял отряд Шлиссельбургских красногвардейцев из 200 человек, А. Г. Железняков, стоявший во главе одного из отрядов кронштадтских матросов, и А. В. Мокроусов – все они принимали непосредственное участие в штурме Зимнего дворца. В Военно-революционный комитет при Петроградском Совете входили В. С. Шатов (как член Центрального Совета фабзавкомов) и Е. Ярчук (как член штаба кронштадтских матросов), уже после Октябрьской революции в него также вошли И. С. Блейхман и независимый анархист Г. Богацкий[276]. Также стоит отметить важнейшую роль в событиях Октябрьской революции рядовых Кронштадтских матросов, многие из которых сочувствовали идеям анархизма.

Принимали участие анархисты и в работе II Всероссийского съезда Советов: Е. Ярчук представлял Кронштадтский Совет, а

---

[273] Анархисты: Док. и мат. С. 29–41.

[274] *Канев С. Н.* Октябрьская революции и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 гг.). М., 1974. С. 55.

[275] *Канев С. Н.* Революция и анархизм... С. 289.

[276] Там же. С. 291.

А. Г. Железняков вошел в состав образованного в ходе съезда Военно-морского революционного комитета. При обсуждении вопроса об образовании первого советского правительства – будущего Совнаркома – Е. Ярчук кричал: «Какое правительство! Никакого правительства не надо!..»[277]. Споры об опасности учреждения Совнаркома возникли и среди других кронштадтцев, однако они сходились на том, что «...если пушки достигли Зимнего Дворца, они доберутся и до Смольного»[278].

Характерно, что именно анархист А. Г. Железняков, вошедший в революционный фольклор как Матрос Железняк, 6 января 1918 г. инициировал разгон Учредительного собрания, проработавшего лишь один день.

Будучи наиболее радикальной революционной силой в 1917 г., анархисты с самого начала поставили перед собой максимальные задачи и отказались от каких-либо компромиссов с остатками прежнего строя. В дальнейшем этот же радикализм приведет анархистов к конфликту и с новой властью – властью большевиков, который закончится разгромом анархистского движения, на долгие годы вычеркнув его со страниц русской истории.

Полякова С. В.

Истоки и смысл русского атеизма (на материале русской религиозной философии XX века)

Аннотация. Статья представляет собой попытку воссоздать историю осмысления феномена русского атеизма в русской религиозной мысли. Автор утверждает, что эту историю можно условно поделить на пять этапов, каждый из которых имеет свое специфическое отношение к идее и практикам атеизма и свое видение его причин и последствий для России.

Ключевые слова: атеизм, русская религиозная философия, богоборчество, «бедная вера», Ф. М. Достоевский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, М. Н. Эпштейн.

The origins and essence of Russian atheism: a study of the Russian religious philosophy of the 20th century

Abstract. The article presents an attempt to reconstruct the history of the understanding of the phenomenon of Russian atheism in Russian religious thought. The author argues that this history can be divided into

[277] *Канев С. Н.* Октябрьская революция... С. 103
[278] *Ярчук Е.* Указ. соч. С. 32.

five stages, each with its specific attitude to the idea and practices of atheism and the vision of its causes and consequences for Russia.

Keywords: Atheism, Russian religious philosophy, theomachism, Poor Faith, F. M. Dostoyevsky, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, M. N. Epstein.

Ровно 100 лет назад в результате революционной смены власти в нашей стране возникает небывалый в истории идеологический феномен – государственный атеизм. Советский атеизм, под какими бы названиями он ни скрывался: массовый, научный, государственный, – без сомнения, стал важной частью мировоззрения советского человека. В православной стране, некогда угадавшей в себе «Третий Рим», в которой просияли сонмы святых, в которой основное население называло себя крестьянами (т. е. христианами), культурные элиты которой дали миру великую, глубоко христианскую по духу культуру, вдруг воздвигается тотальное гонение на Церковь, которое неожиданно легко было поддержано значительной частью населения и стоило жизни сотням тысяч верующих. Трагедия России века минувшего, с его войнами и революциями, ГУЛАГом и преследованиями христианской Церкви, не может быть понята во всей ее глубине вне осмысления безбожия, массового отступления от веры, государственного атеизма, которые были подняты на знамена социалистической эпохой. «Как и почему случилось, что народ... прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни?» (С. Л. Франк)[279]. Каковы истоки и смысл русского атеизма?

Ответы на эти болезненные вопросы пытались дать самые выдающиеся и глубокие умы как у нас, так и в Европе, но, пожалуй, дальше других в этих попытках зашли русские религиозные философы, свидетели, а порой – особенно если принимать в расчет подготовку революции 1905 г. – и соучастники русской революции, Все они довольно скоро пришли к выводу, что истоки русского атеизма те же, что и истоки русского коммунизма. «Принципиального гонения на христианство в ней (России) не было вплоть до 1918 года. И это гонение не случайно связано с социальной революцией. Внутренний пафос того и другого движения, по существу, один ...своеобразный вовсе не утилитарный и не этический, и даже не эгоистический, а именно *религиозный* пафос, но только пафос с обратным знаком по отношению к христианству. Христианство есть религия царства небесного, социализм же есть религия царства земного. И в конце концов весь глубочайший смысл этого своеобразного религиозного идеала вовсе не в том, чтобы люди в этом земном царстве были счастливы, свободны и сыты. Все это приманки и внешние дви-

[279] Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.,1990. С. 266.

жущие стимулы, тяготеющие поистине к одной цели – к богоборчеству». Подобные мысли к 1918 г., вместе с С. Л. Франком разделяли практически все русские религиозные философы.

Следует отметить, что в философской литературе этого времени практически никогда не обсуждаются всерьез теоретические аргументы атеизма. С одной стороны, эта аргументация, в основе своей являющаяся детищем французского материализма XVIII века, малооригинальна и для просвещенной публики рубежа XIX–XX веков (а именно в это время атеизм в России начинает свое победное восхождение) она уже отдает дискурсивным анахронизмом. С другой стороны, приходит понимание, что в лице массового атеизма мы имеем дело не с теоретическим, логически выстроенным мировоззрением, а с *атеизмом воли*, который утверждается как основание свободы от старых норм и ценностей. Иными словами, беспрецедентный русский атеизм есть радикальная смена направления воли народа с Царства небесного на земное, своевольный бунт против старых святынь. Хайдеггер, комментируя слова Ницше «Бог мертв», охарактеризовал этот процесс как смерть всего сверхчувственного мира: «Куда летим все мы? Прочь от Солнца, от солнц?»[280].

Попробуем в самых общих чертах реконструировать историю осмысления темы атеизма в русской религиозной мысли. Эту историю можно условно поделить на пять этапов, каждый из которых имеет свои особые черты и задания.

Первый этап, предреволюционный, берущий начало в принципиально важных для всей последующей традиции осмысления атеизма текстах Ф. М. Достоевского (с 1860-х годов) и заканчивающийся революцией 1905 г., когда, по словам С. Булгакова, «многое стало видно». В это время русская интеллигенция, все еще разделенная на условных славянофилов и западников, активно обсуждает тему экспорта «растлевающих» западных идей. В печати Н. Н. Страхов разворачивает «борьбу с Западом», с его атеизмом и вытекающими из него «западной лютостью» и бездушием, против которых объявляют духовную брань и последователи первых славянофилов. Из нашего сегодня очевидно, что социализм, анархизм, атеизм – все эти западные идеи хорошо знакомы тогдашним «русским европейцам», они витают в общеевропейском воздухе, которым дышит наше образованное общество. Как замечено Достоевским, «у нас, русских, две родины: наша Русь и Европа»[281]. Некоторые ключевые идеи Европы у нас формулируются даже несколько раньше своих западных аналогов. Достаточно привести, ставшую общим местом, параллель До-

---

[280] *Хайдеггер М.* Слова Ницше: «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 146.

[281] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 18 т. Т. 11. М., 2005. С. 423.

стоевский – Ницше, которые высказывают практически один и тот же комплекс идей, связанных с темой смерти Бога (оценивая, впрочем, их с противоположных позиций), причем Достоевский не только хронологически предшествует, но и оказывает существенное влияние на формирование Ницше как мыслителя[282]. Поэтому излюбленная славянофильская мысль, что причиной русского атеизма и коммунизма является экспорт западных идей, должна быть оставлена. Не лучше ли задаться вопросом – почему именно в России этот общеевропейский комплекс идей был с такой горячностью воспринят и реализован?

Этот вопрос с беспримерным в русской культуре интеллектуальным дерзновением рассматривает именно Ф. М. Достоевский. Диагноз, который он ставит России, это тот же диагноз, который Ницше ставит Европе: мы смертельно больны, мы живем так, как будто Бога нет. Предупреждение Достоевского«если Бога нет, то все позволено» – это не ницшеанская радостная весть о приближающейся эре свободы, а трагическое предчувствие грядущего Хама и эсхатологических катастроф. В центре внимания Достоевского оказывается метафизическая логика разворачивания атеистической идеи. Устами старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» он пророчествует: «Мыслят устроиться справедливо, но отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлекающий меч погибает мечом»[283]. Диалектика здесь такова: отрицание веры в жизнь вечную обесценивает и земную жизнь. Лишенный упования на вечность, человек судорожно цепляется за жизнь, ради ее сохранения готов идти на любую подлость. Жизнь превращается в «мерзость запустения», если нет ценностей выше земной жизни. Согласно Достоевскому, атеизм и социализм нераздельны и произрастают из одного корня – богоборчества, идею которого воплощают его главные концептуальные персонажи, такие как Раскольников, Иван Карамазов, Кириллов, Великий Инквизитор и др. И хотя очевидной доминантой атеистического мировоззрения русской интеллигенции является нравственный бунт против социального зла и страданий созданного Богом мира, который гениально был схвачен Достоевским в концепте «слезинка ребенка», по неотменимой логике разворачивания атеистической идеи, те, кто бросают вызов Богу и ставят себя на его место, всегда заканчивают пролитием крови и умножением человеческих страданий.

Хронологические рамки **второго этапа** пролегают между двух революций – 1905 и 1917 гг. На этом этапе, под впечатлением ре-

[282] См.: *Дудкин В. В.* Достоевский в немецкой критике //Достоевский в зарубежных литературах / Ред. Б. Г. Реизов. Л., 1978. С. 175–219.

[283] *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы// Полн. собр. соч. Т. 13. С. 80.

волюции 1905 г., происходит массовый исход русской интеллигенции от марксизма к идеализму[284] с последующим для части из них сознательным разрывом с атеистическим мировоззрением и возвращением к вере отцов – православию. В это время тема атеизма левой интеллигенции, а затем и вырастающего отсюда массового безбожия поднимается в текстах русских религиозных философов Н. А Бердяева, Ф. А Степуна, Г. П. Федотова, С. Л. Франка, И. Ильина, Л. П. Карсавина и других. Тема атеизма для них, как и для Достоевского, необходимо сопряжена, говоря языком Бердяева, с мучительным вопросом об истоках и смысле русского коммунизма. Вообще, значение идей Достоевского для мыслителей этого периода колоссально. Практически все катаклизмы эпохи – русская революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, а впоследствии и Февральская революция 1917 г., и приход к власти большевиков осмыслялись русскими философами и публицистами через призму его образов и идей.

Диагноз, который Достоевский поставил России, признали верным все авторы «Вех» (1909)[285], главного русского текста, написанного между двумя революциями. «Вехи» отвечают на извечный вопрос русской интеллигенции «Кто виноват?», данный по результатам ужаснувшей веховцев революции 1905 г. Привычная поверхностная схема революционно-демократической интеллигенции, что народ наш – это «народ-богоносец» и что во всем виновата власть («бог – народ», «дьявол – абсолютизм»), подвергается решительной критике. Принимая на себя вину за происходящее, веховцы указывают на разрушительные последствия некритического усвоения интеллигенцией атеистической идеи: «Атеизм, являющийся стержнем интеллигентского мировоззрения и в то же время усвоенный «на веру» (как религия наоборот), освобождает интеллигента от понятия греха, он впадает в самогипноз и фанатизм, осознание собственной исключительности приводит к максимализму средств и целей, а это, в свою очередь, приводит к аморализму, вседозволенности и беспринципности»[286]. Автор этих строк философ и богослов о. С. Н. Булгаков далее утверждает, что «разрушая народную религию, интеллигенция разлагает народную душу, сдвигает ее с незыблемых доселе вековых

---

[284] «От марксизма к идеализму» – это название-симптом сборника статей С. Н. Булгакова (1896–1903), отражающее путь не только самого автора, но и других выдающихся мыслителей того времени. «Кающимися марксистами» называли себя Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Г. П. Федотов и др.

[285] Авторами «Вех» были известные отечественные философы и публицисты – П. Б. Струве, М. О. Гершензон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский. За короткий срок «Вехи» выдержали более 40 изданий.

[286] *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество// Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909.

оснований, раскрепощает в нем темные анархические силы, с которыми не могло полностью справиться и деспотическое самодержавие»[287]. Вина поддавшегося на соблазн народа для веховцев не столь велика, поскольку даже в самом демократическом государстве он есть только исполнитель, орудие в руках направляющего и вдохновляющего меньшинства. Его же «детоводителю», русской интеллигенции, требуется, по мнению веховцев, покаяние, восстановление религиозного смысла жизни, возвращение к Богу.

Третий этап – послереволюционный, делателями которого были по преимуществу русские философы, оказавшиеся в вынужденном изгнаниии оттуда, «из своего непрекрасного далека», пытающиеся извлечь уроки революции. Но прежде будущими пассажирами «философских пароходов», еще в России, был составлен принципиально важный сборник «Из глубины», собранный к августу 1918 г. из статей, написанных по большей части авторами «Вех»по горячим следам Октябрьского переворота и первых действий советской власти. В России уже напечатанное издание не смогло увидеть свет из-за развернувшегося после покушения на Ленина с августа 1918 г. «красного террора». «Из глубины» еще в большей степени, чем «Вехи», наполнено многочисленными обращениями к Достоевскому. Куда более отчетливо утверждается здесь как предсказанный им религиозно-метафизический характер русской революции («бесноватости» ее участников), так и его христианский оптимизм по отношению к будущему русского народа. Как и в финале «Бесов», где исцеленный Христом бесноватый сел у ног Спасителя, в конце почти каждой из статей сборника горела надежда на грядущее духовное воскресение превратившейся в «бездыханный труп» России.

Что касается философов русского зарубежья, по остроумному слову Мережковского, «как бы от России отошедшей мысли и совести»[288], то одну из причин массового отхода от веры и Церкви они увидели в том, что в русском народе всегда недооценивалось значение культуры, формы. «Сложение русской души таково, – читаем в работе Н. А. Бердяева «О характере русской революции», – что она не хочет признать ценности и значения той огромной середины человеческой жизни, в которой и создается культура... Середину же русский человек склонен отдавать во власть свинства, склонен оставлять ее в неряшестве и небрежении, не считает достойным тратить на нее духовную энергию. Русский человек умел терпеливо и смиренно нести бремя и тяготу середины жизни –

[287] *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 63.

[288] *Мережковский Д. С.* О мудром жале // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2. М., 1994. С. 383.

этому научила его православная вера. Но он не может вдохновляться творчеством и строительством в этой огромной сфере, как вдохновляется человек западный. Он делается нигилистом, когда вера его падает»[289].

Недооценка культуры вменяется здесь прежде всего воспитательнице народа, самой Православной церкви. В самом деле, если вспомнить описание духовной школы из русской классики XIX в., то на память придет что-то грубое и закосневшее, вроде «Очерков Бурсы» Н. Г. Помяловского, с пьянством, побоями, нищетой: «На полу ошметки грядного снега, лужицы, мусор, скомканная бумага, всякое дрянцо. Озорной, ярыжный бурсацкий демон развлекается!.. Скотство, вши, рвань, обломы, обормоты, кулачники...»[290]. Жанр бурсацких записок, некогда весьма популярный в русской литературе, наглядно показывает, в каком состоянии находились духовные школы и соответственно те, кто был призван просвещать Христово стадо. С другой стороны, высказывание всегда характеризует самого высказывающегося. В данном случае очевидно сложившееся в русском образованном обществе XIX в. отношение к священству как к чему-то социально низкому, косному, забитому и уж точно не способному послужить делу просвещения. «Русь крещена, но непросвещенна», – это горькое замечание Лескова многое объясняет в стремительном превращении христианнейшего народа в общество воинствующих безбожников.

Четвертый этап – послевоенный (1950–1980-е годы) – можно было бы назвать по аналогии с процессами, происходящими в это время в западной философии, новым *русским теологическим поворотом.* Разумеется, он протекал в глубоком андеграунде советской культуры, и в его рамках снова, но уже под другим, не политическим, а скорее метафизическим углом, поднимаются вопросы об истоках и смысле победившего массового атеизма. Тогда в СССР в подполье официальной культуры совершаются первые шаги к религиозному возрождению, свидетелями которого мы сейчас являемся. Появляются новые люди – А. Ванеев, о. С. Желудков, о. А. Мень, К. Иванов, Т. Горичева и др., рожденные уже в атеистической культуре, которые, каждый по-своему, пройдя через войну, иногда лагеря, встречи с особыми людьми или книгами, проживают свой собственный опыт обращения из Савла в Павла. В личных беседах, письмах, журналах самиздата того времени они пытались осмыслить феномен атеизма, исходя из трагического опыта XX века, трактуя его прежде всего как опыт богооставленности, встраивая свои мысли, насколько это было возможно, в контекст западных богословских дискуссий XX века, в

[289] *Бердяев Н. А.* О характере русской революции // Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 373

[290] *Воронский А. К.* Бурса. М., 1934. С. 94.

частности, дискуссий, спровоцированных концепцией «взрослого христианства» Д. Бонхеффера и учением К. Ранера об «анонимном христианстве».

На послевоенном этапе историософских размышлений о природе массового атеизма XX века в дополнение к старым возникают новые темы. Атеизм теперь уже не ощущается как бунт против ценностей старого мира, к этому времени он утрачивает свою шокировавшую некогда дерзость и возбуждающую новизну и превращается в привычный дисциплинарный режим функционирования государственных и культурных институций. Обнаруживаются новые истоки атеистических дискурсов нового типа. Так тематизируется дискурс *научного атеизма*, истоком которого признается сциентизм как гипертрофированный культ науки с его на веру принятым методологическим атеизмом. Кроме того, в поле обсуждения религиозной мысли впервые попадает дискурс равно далекого от всех теорий *бытового атеизма*, точнее, полного индифферентизма к духовным вопросам, почвой для которого становятся сравнительные комфорт и житейское благополучие послевоенного мира. Самым показательным текстом, где обсуждаются эти вопросы, является, пожалуй, «Христианство и атеизм» – переписка 1970-х годов о. С. Желудкова и отбывающего в это время лагерный срок атеиста астрофизика К. Любарского[291].

И, наконец, **этап пятый**, постсоветский, который ознаменован крушением советской системы государственного атеизма и попытками отстроить новое постсекулярное мировоззрение на ее обломках и связан с именами М. Эпштейна, о. Г. Митрофанова, А. Кырлежева, А. Десницкого, о. А. Кураева и др. На этом этапе ясно обнаружилась еще одна историческая беда и, отчасти, вина Русской церкви за нарушение необходимой дистанции от государства, которая дает Церкви духовную свободу и право пророчески обличать неправду власти. С поразительной честностью об этом пишет сегодня преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, церковный историк, прот. Г. Митрофанов, а также об ответственности самих представителей церковной иерархии, которая породила, с одной стороны, множество новомучеников, с другой – вероотступников, об ответственности церкви за то, что воспитывавшийся ею народ оказался столь поверхностно православным, что стал участвовать в гонениях на собственную церковь[292].

Примечательно, что не столько светские, сколько религиозные мыслители говорят сегодня об очистительной, позитивной для

---

[291] *Любарский К., Желудков С.* Христианство и атеизм. Дискуссия в письмах. Брюссель, 1982.

[292] См.: *о. Митрофанов Г.* «Запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.,2009.

самой религии функции атеизма. Еще С. Н. Булгаков усматривал корень атеизма в царственной свободе, богоданной человеку, которому «предоставлено само бытие Бога делать проблемой, философски искать его, а следовательно, предоставлена и полная возможность не находить и даже отвергать Его»[293]. Можно сказать, что атеизм как исторический феномен современные религиозные философы все чаще пытаются поставить в метабогословский контекст.

Одним из последних дерзновенных экзерсисов такого рода является концепция «бедной веры» российского культуролога М. Эпштейна. Согласно Эпштейну, массовый атеизм XX века имел глубоко религиозный смысл. Являясь пределом религиозной апофатики, он очистил веру от накопившихся за тысячелетия ложных антропоморфизмов. Ссылаясь на Библию (Глас вопиющего: В пустыне приготовьте путь Господу... Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими. И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие... (Исайя, 40: 3–5)), он утверждает, что это пророчество с жутковатой точностью было осуществлено советским атеизмом, который «подготовил путь Господу, преследуя и вытаптывая все веры, – а в итоге раздвинул пространство для собирания разных вер»[294], чтобы постсекулярный человек мог снова встретиться с Богом.

Без сомнения, полуторавековая полисемантичная история осмысления феномена атеизма в русской мысли, размеченная здесь в самом первом приближении, еще ждет своего серьезного исследователя.

Романишина В. Н.

Женский фактор Великой русской революции

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления и развития женского движения в России, создания первых женских организаций и вовлечения женщин в политическую жизнь страны. Акцентируется внимание на участии женщин в Первой мировой и Гражданской войнах. Активное участие женщин в революционных потрясениях начала XX века позволяет выделить женский фактор Великой русской революции.

Ключевые слова: женский вопрос, женские организации, Первый Всероссийский женский съезд, женские батальоны смерти..

[293] *Булгаков С. Н.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 82.
[294] *Эпштейн М. Н.* Тезисы бедной веры // Звезда. 2014. № 8.

The Woman Factor in the Great Russian Revolution

Abstract. The article deals with the issue of emergence and development of the women's movement in Russia, establishment of the first women's organizations and involvement of women in the national political processes. It is focused on the participation of women in World War I and the Russian Civil War. Women's active participation in the revolutionary upheavals of the early 20th century enables to reveal the women's contribution to the Great Russian Revolution.

Keywords: women's movement, women's organizations, the First All-Russian women's congress, Battalions of Death.

1917 год стал для России переломным и значимым этапом во всех сферах, в том числе и в развитии женского движения. Именно в этот год новая власть в лице Временного правительства установила всеобщее равное избирательное право, что само по себе было революционным изменением в правовом положении всего населения Российской империи.

Для воссоздания объективной картины произошедших в начале XX века событий необходимо изучать степень вовлеченности и участия в них всех социальных групп, включая представительниц «прекрасного пола». Кроме того, положение женщины в государстве и обществе можно считать одним из показателей развития уровня правовой культуры, и потому также представляет определенный интерес.

Женский вопрос неоднократно привлекал внимание исследователей. В дореволюционной историографии женский вопрос рассматривался как составляющая часть истории общественного движения. Первыми исследователями данной тематики стали современницы: А. Н. Шабанова, А. М. Евреинова, А. В. Тыркова, А. М. Коллонтай и другие.

Уже современники стремились проанализировать новое явление, каковым являлось женское движение, при этом считая понятия «женский вопрос» и «эмансипация» тождественными. В одной из статей отмечалось, что женский вопрос включает в себя три составляющие, которые переплетаются и дополняют друг друга: этико-психологическую, экономическую и гражданско-политическую. При этом подчеркивалось, что «женское движение тесно связано со всеми существенными вопросами современной общественно-культурной жизни, являясь отражением тех стремлений, запросов и идеалов, в осуществлении которых одинаково заинтересованы как женщины, так и мужчины»[295].

В советской историографии акцентировалось внимание на истории образования и развития общественного движения в дореволю-

[295] *Говоров А. В.* Женский вопрос в связи с историческими судьбами женщины. Казань, 1907. С. 3.

ционный период; в послевоенные годы – на героизме и самопожертвовании женщин во время Великой Отечественной войны, в 60-е годы XX века – на общественно-политическом положении женщин в дореволюционной России.

В современной историографии наблюдается повышенный интерес исследователей к женскому вопросу, проводятся специальные гендерные исследования. С помощью гендерного подхода (исследования психологических характеристик половой дифференциации) создается новая концепция женского вопроса, носящая комплексный характер. Здесь необходимо отметить работы Л. П. Репиной, Н. Л. Пушкаревой, О. А. Хасбулатовой, С. Г. Айвазовой, И. И. Юкиной.

Современные исследователи выделяют два этапа женского движения: до революции 1905 г. и после. На первом этапе его история была целиком связана со стремлением женщин добиться права на получение высшего образования и на труд по специальности.

Активистками и подвижницами на этом поприще были Надежда Васильевна Стасова, Мария Васильевна Трубникова и Анна Павловна Философова (знаменитый триумвират). Результатом их деятельности стало открытие 1 ноября 1872 г. Московских Высших женских курсов (курсов профессора В. И. Герье), положивших начало высшему женскому образованию в России. В 1872 г. при Медико-хирургической академии были учреждены «курсы для образования ученых акушерок», с 1876 г. – Высшие женские врачебные курсы. В 1878 г. в Санкт-Петербурге открылись Высшие женские курсы, называвшиеся по имени их основателя, историка К. Н. Бестужева-Рюмина, Бестужевскими. Однако, несмотря на эти успехи, по-прежнему сохранялись дискриминация в условиях и оплате женского труда, а также неравенство в вопросах семейного и гражданского права.

В начале XX века в связи с процессом индустриализации и технических достижений значительно возрос удельный вес женского труда на фабриках, заводах, в ремесленных мастерских, что, в свою очередь, привело к постановке проблем, связанных с охраной прав трудящихся женщин.

Первая женская организация – Всероссийское женское взаимноблаготворительное общество, учрежденное в 1895 г., своими основными задачами провозглашала: освобождение женщин от паспортных стеснений (женщина вписывалась в паспорт отца или супруга), уравнение прав наследства, участие женщин в городском и земском самоуправлении, обучение в университетах. Создание других женских организаций активно происходит несколько позже, в годы Первой русской революции.

Именно с 1905 г. женское движение в России приобретает политический характер. В эти годы в полной мере проявляется и организаторский талант первых женщин-революционерок. Так, А. М. Кол-

лонтай занималась агитационно-пропагандистской работой и налаживанием деятельности типографий; О. А. Варенцова, агент и корреспондент «Искры», проводила партийную работу в Московском окружкоме РСДРП; Р. С. Самойлова (Землячка) была активной участницей восстания в Москве в декабре 1905 г.

Уже в составе первого Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске было представлено 25 женщин, а при нем был создан партийный женский комитет. Женщины принимали участие и в ряде восстаний против помещиков: в селе Ивановка Цивильского уезда (26 октября 1905 г.), в Полтавской губернии (28 июня 1906 г.)[296].

В политическом процессе активно участвовали многочисленные организации: Союз равноправности женщин (1905), Женская прогрессивная партия (1906), Женский клуб при Женской прогрессивной партии (1906), Женский политический клуб (1906), Российская лига равноправия женщин (1907), Петербургский женский клуб (1908), Общество охранения прав женщин (1910). Идея женского представительства в политической системе страны рассматривалась участницами этих организаций как необходимая составляющая процесса демократизации общества.

При Всероссийском женском взаимно-благотворительном обществе, переименованном в Русское женское взаимно-благотворительное общество (РЖВБО), был создан Отдел избирательных прав женщин (1906), который занимался подготовкой петиций в Государственную Думу. Первая петиция, собравшая более пяти тысяч голосов, была подана 3 мая 1906 г. депутатам Государственной Думы Е. И. Кедрину и профессору Л. И. Петражицкому и вызвала бурную дискуссию в стенах парламента. Вторая, с предложением рассмотреть вопрос об избирательных правах женщин, собрала уже более семи тысяч подписей и была направлена во Вторую Государственную Думу. В период работы Третьей Государственной Думы по поручению социал-демократической фракции А. М. Коллонтай подготовила законопроект о страховании материнства. Однако ни эта проблема, ни вопрос об уравнении прав женщин Государственной Думой так и не были рассмотрены[297].

Большую роль к привлечению внимания к женскому вопросу сыграл Первый Всероссийский женский съезд, проходивший в Санкт-Петербурге 10–16 декабря 1908 г. Инициатива его проведения исходила от Русского женского взаимно-благотворительного общества. Председателем оргкомитета была А. Н. Шабанова, вице-председате-

---

[296] *Медведь Н. Т., Мушруб А. Г.* Женщины Страны Советов в революции, труде и бою. (Материалы к лекции). М., 1971. С. 11.

[297] *Карабанова А. М.* Женский вопрос в Государственной Думе в 1906–1917 годах (По материалам стенограф. отчетов) // Женщина в российском обществе. М., 2002. С. 32–39.

лем – А. П. Философова. Открытие съезда переносилось в течение трех лет – в связи с тем, что правительство пыталось ограничить женскую активность рамками благотворительной деятельности. В съезде принимали участие 1053 делегатки, из которых большинство происходило из разночинной интеллигенции, частично – из торгово-промышленной буржуазии и из работниц. В работе съезда участвовали знаменитые женщины-борцы: Мария Спиридонова – от партии эсеров, Александра Коллонтай – от социал-демократов, Ариадна Тыркова – от кадетов. На съезде рассматривались вопросы образования, экономических и политических прав женщин[298].

Актуальным и революционным стал доклад «Женщина-работница в современном обществе», подготовленный А. М. Коллонтай. Впервые с трибуны были озвучены злободневные проблемы охраны материнства и детства, включая вопросы об установлении обязательного отдыха для беременных до и после родов с получением пособия в размере полного заработка из касс государственного страхования, о создании роддомов и яслей на предприятиях[299]. Однако Первый Всероссийский женский съезд продемонстрировал и разность взглядов на дальнейшее развитие женского движения: одна часть делегаток съезда придерживалась принципа внепартийности и внесословности женщин, другая – принципиального размежевания по классовому признаку.

Позже прошли Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами (Санкт-Петербург, 1910 г.), Первый Всероссийский съезд по образованию женщин (Санкт-Петербург, 1912 г.). Второй Всероссийский женский съезд, намечавшийся в Москве на 1913 г., так и не состоялся, но в этом году впервые в российских городах проведением митингов и собраний отмечалось 8 марта. На следующий год 8 марта вышел первый номер первого женского журнала «Работница».

Многие политические партии, учитывая подъем женского движения и насущность поднимаемых женщинами проблем, стремились включить в свои программы некоторые из них. Так, кадеты выступали за запрет сверхурочных работ для женщин и подростков, эсеры придерживались принципов равноправия независимо от пола и вероисповедания, социал-демократы предлагали запретить работу женщин на вредных отраслях производства и ввести оплачиваемые отпуска по беременности и родам.

В годы Первой мировой войны участие женщин в боевых действиях приобрело относительно массовый характер. В первую оче-

---

[298] *Юкина И. И.* Первый всероссийский женский съезд // Вы и Мы. Диалог женщин. М., 1998. № 6. С. 13–16.

[299] *Коллонтай А.* Женщина-работница в современном обществе // Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 239–247.

редь, женщины привлекались в качестве медицинского персонала. Первыми учреждениями для его подготовки со второй половины XIX века стала Крестовоздвиженская община сестер милосердия, а затем – «Общество попечения о раненых и больных воинах», впоследствии преобразованное в Российское общество Красного Креста (РОКК). Осенью 1914 г. на службе РОКК на театре военных действий находилось 1196 медсестер, но этого было явно недостаточно. В 1916 г. насчитывалось уже 25 тысяч медсестер[300].

Сестра милосердия Римма Михайловна Иванова стала единственной русской женщиной, посмертно представленной к награде орденом Святого Георгия IV степени. После гибели командира и офицеров роты 105-го пехотного Оренбургского полка, в котором она служила, сестра милосердия возглавила атаку солдат, в результате которой был взят неприятельский окоп[301].

В годы Первой мировой войны помимо сестринского дела женщины осваивали и другие, «мужские», специальности. Княгиня Евгения Михайловна Шаховская стала первой в мире женщиной – военным летчиком; Елена Павловна Самсонова, дочь военного инженера, работала сестрой милосердия, а затем шофером и пилотом-авиатором. Широкую известность в годы Первой мировой войны приобрела Антонина Тихоновна Пальшина, которая неоднократно ходила в разведку, получила чин ефрейтора и стала Георгиевским кавалером. Елена Константиновна Цебржинская отправилась на фронт под именем фельдшера Глеба Цетнерского. За мужество, проявленное на передовой линии, и спасение жизни командира «фельдшер Цетнерский» был награжден Георгиевским крестом IV степени[302].

Участие России в Первой мировой войне оказало влияние и на содержание деятельности женских обществ. Многие из них подчинили свою работу потребностям фронта и тыла: занимались организацией общественных столовых и лазаретов, проводили благотворительные мероприятия с целью сбора пожертвований.

Февральская революция стала следующим этапом в расширении демократических прав и свобод российских женщин. Именно с выступлений женщин-работниц против голода и продолжавшейся войны 23 февраля 1917 г. началась Февральская революция. В пер-

---

[300] *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2009. С. 19; *Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекраснейших. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 88.

[301] *Христинин Ю. Н.* Не ради наград, но ради токмо родного народу//Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 92.

[302] *Мельник М.* Ефрейтор Антонина // Комсомольская правда. 12 мая 1989; *Наумова Е.* Венок из садовых фиалок // Вера, надежда, любовь. 2004. № 1. С. 92; *Шпаковский С. А.* Женщина-воин. Буэнос-Айрес, 1969. С. 112–115.

вую очередь бастовали текстильные предприятия, на которых, в основном, трудились женщины (Никольская текстильная мануфактура, Выборгская бумагопрядильная мануфактура, Петроградская ткацкая фабрика и др.).

Российская Лига равноправия женщин, совместно с делегатками высших учебных заведений и разных женских организаций, выработала резолюцию о подготовке выборов в Учредительное собрание на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, которая была направлена Временному правительству. Также было составлено воззвание к женщинам Петрограда с призывом объединяться по районам и профессиям во имя борьбы за политическое освобождение женщины.

В первую же неделю революции женскими организациями были проведены митинги во всех районах Петрограда. 19 марта 1917 г. по улицам столицы прошла грандиозная сорокатысячная манифестация женщин с требованием предоставления равных политических прав. Среди организаторов были А. Н. Шабанова, М. И. Покровская, А. В. Тыркова. Представители как Совета рабочих и солдатских депутатов, так и депутаты Временного комитета членов Государственной Думы, заявили, что вопрос о предоставлении женщинам избирательных прав не вызывает сомнений[303].

В эти же дни из сибирской ссылки вернулась 73-летняя эсерка Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Ей была организована почетная встреча и выступление в Государственной Думе. В своей приветственной речи министр юстиции А. Ф. Керенский назвал ее «великой гражданкой и бабушкой русской революции»[304].

21 марта министр-председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов принял женскую делегацию, в состав которой вошли самые известные представительницы женского движения: В. Н. Фигнер, А. Н. Шабанова, Н. Н Шишкина-Явейн, М. И. Покровская, С. В. Панина, А. С. Милюкова, А. В. Тыркова, О. К. Нечаева, А. Н. Рынкевич. Обсуждался главный вопрос – предоставление женщинам избирательных прав. Члены Временного правительства обещали поддержку в этом вопросе.

К лету 1917 г. женщины входили в состав ведущих политических партий, включая их центральные комитеты (ЦК). Так, А. М. Коллонтай работала в составе ЦК РСДРП (большевиков); Е. Л. Бройдо – в составе РСДРП (меньшевиков); М. А. Спиридонова представляла левых эсеров; Е. К. Брешко-Брешковская состояла почетным членом в партии эсеров; А. В. Тыркова и С. В. Панина являлись членами ЦК кадетской партии.

---

[303] Вестник Временного правительства. 1917. № 14 от 21 марта (3 апреля). С. 3.
[304] Вестник Временного правительства. 1917. № 20 от 30 марта (12 апреля). С. 4.

Стремление женщин получить равные возможности для участия во всех областях общественной жизни сказалось даже на доступе к военной службе, испокон веков считавшейся исключительно «мужским делом». Именно женские воинские формирования, созданные весной–летом 1917 г. в разных городах России при поддержке Временного правительства, были призваны поднять боевой дух и боеспособность армии, терпящей поражения.

29 июня 1917 г. Военный совет утвердил представление Главного управления Генерального штаба «О сформировании войсковых частей из женщин-добровольцев», в соответствии с которым было запланировано создать два отдельных пехотных батальона (по одному батальону в Петрограде и Москве) и четыре отдельных команды для связи (по две команды в двух столицах). Было утверждено и штатное расписание.

Первое регулярное женское воинское формирование в России – Добровольческий ударный батальон смерти под командованием Марии Леонтьевны Бочкаревой – успел принять участие в боях на Западном фронте летом 1917 г. 9–10 июля, несмотря на непрекращающийся пулеметный огонь противника, женский батальон отразил 14 атак и несколько раз переходил в контратаки, и только на пятый день после начала наступления был отведен в тыл. Потери составили более 100 убитых и около 200 раненых, 8 женщин пропали без вести[305]. Была ранена и сама М. Л. Бочкарева. Тем не менее, в боевых действиях батальон участвовал вплоть до октября 1917 г.

Весной–летом 1917 г. были созданы 1-й Петроградский женский батальон, принимавший участие в охране Зимнего дворца в октябре 1917 г., 2-й Московский женский батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон, а также команды связи: по два в Петрограде, Москве, Саратове и пять – в Киеве. Несмотря на полученные указания формирующимся женским частям влиться в официально создаваемые подразделения, стихийное формирование женских отрядов продолжилось.

Летом 1917 г. Временное правительство постановило «предоставить военному министру, в целях замены военнообязанных, несущих службу по охране железных дорог, женщинами, зачислять на эту службу женщин-доброволиц с присвоением последним всех прав, коими пользуются военнообязанные»[306].

Одной из завоеванных женщинами побед в период Февральской революции стало принятие Временным правительством «Положения о выборах в Учредительное собрание от 11 сентября 1917 года», в котором закреплялся демократический принцип всеобщего равного избирательного права без ограничений по признаку пола.

---

[305] *Сенин А. С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 180.

[306] Вестник Временного правительства. 1917. № 140 от 26 августа. С. 3.

Новая власть гарантировала также право занимать государственные должности и уравнивала мужской и женский труд.

Первой женщиной, получившей пост в кабинете министров Временного правительства, была графиня С. В. Панина, назначенная заместителем министра государственного призрения, а затем – заместителем министра народного просвещения.

Однако наиболее масштабные изменения в области женской эмансипации произошли после Октября 1917 г. Политика Советского государства была направлена на вовлечение женщин в строительство нового строя и охватывала различные сферы. Первой женщиной-министром в новом правительстве – Совете народных комиссаров – стала А. М. Коллонтай, занявшая пост наркома общественного призрения. Всего за четыре месяца ей удалось многое: наладить работу приютов и больниц, принять ряд важных декретов (о правах незаконнорожденных детей, о разводе, о введении гражданского брака, основанном на равноправии супругов).

Начавшаяся братоубийственная Гражданская война стала самым сложным испытанием. Многие из женщин, принимавших участие в Первой мировой войне, продолжили свою службу в качестве бойцов и медсестер в белых или красных воинских формированиях. Бывшие «товарищи по оружию» на фронтах Великой войны в период гражданского противостояния невольно превратились в противников.

Таким образом, женщины принимали самое деятельное участие в революционных потрясениях начала XX века, что позволяет выделить «женский фактор» Великой русской революции.

Сафонов М. М.

М. В. Родзянко против М. В. Алексеева (Вокруг отречения Николая II)

Аннотация. В статье речь идет о борьбе председателя Государственной Думы М. В. Родзянко с начальником штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеевым за право стать во главе страны при формально не утратившим свои прерогативы самодержавном монархе. Алексеев был автором идеи объединить всю власть на фронте и тылу в руках одного лица – Верховного министра государственной обороны с диктаторской властью. Главным его противником являлся Родзянко, который со своей стороны выдвинул идею «общественного кабинета», который надеялся сам возглавить.

Ключевые слова: М. В. Родзянко, начальник штаба Ставки верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, военная диктатура, ответственное министерство, отречение Николая II, общественный кабинет.

M. V. Rodzianko vs M. V. Alekseev: over the abdication of Nicholas II

Abstract. The article covers the struggle between the State Duma Chairman M. V. Rodzyanko and the chief of staff of the Supreme commander of M. V. Alexeev for the right to become the head of the country if not formally lost its autocratic prerogatives of the monarch. Alekseev's idea was to concentrate all the power on the front and the rear in the hands of one person – the Supreme Minister of national Defense with dictatorial power. His main opponent Rodzianko promoted the idea of a «public office», which he hoped to lead.

Keywords: M. V. Rodzianko, chief of staff of the Supreme commander M. V. Alekseev, the military dictatorship, the responsible Ministry, the abdication of Nicholas II, public office.

В истории отречения последнего самодержца Николая II, знаменовавшего собой начало крушения Российской империи, есть один очень существенный аспект, который ускользнул от внимания исследователей. А между тем, незаметный для постороннего взгляда, этот аспект, с виду второстепенный, как будто совершенно частный, сыграл немаловажную, хотя и не определяющую, роль в процессе падения монархии в России. Можно даже сказать, что благодаря этому аспекту крушение Российской империи протекало именно в тех формах, в которых оно произошло, оставив историкам неразрешенную до сих пор проблему: имела ли в действительности место абдикация последнего самодержца либо низложению Николая II только была придана форма добровольного отречения от престола[307].

Речь идет о скрытой борьбе председателя Государственной Думы М. В. Родзянко с начальником штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеевым. Борьбе, в которой был еще третий, оставшийся за кулисами участник, роль которого оказалась весьма значительной, хотя и совершенно скрытой от исследовательских глаз, – морской министр И. К. Григорович. Борьбе за право стать во главе страны при формально не утратившем свои прерогативы самодержавном монархе. То есть, о личном противостоянии лидера Думы с фактическим руководителем армии при участии главы военно-морских сил страны, противоборстве, в котором честолюбивые амбиции играли далеко не последнюю роль.

О непримиримости позиций этих двух претендентов на руководящую роль в стране ярко свидетельствует письмо, которое

[307] *Сафонов М. М.* «Ставка. Начальнику штаба». Вокруг отречения Николая II // Сб. научных статей XX Царскосельской конференции. СПб., 2014. С. 468–484; *Он же.* «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата». Документальные свидетельства Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 8–34.

18 марта 1917 г., уже после отречения царя, Родзянко направил во Временный комитет Государственной Думы, когда узнал о назначении наштаверха Верховным главнокомандующим. По словам председателя, категорически возражавшего против этого назначения, Алексеев «постоянно являлся противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла, как неотложные». Родзянко призывал Г. Е. Львова, возглавившего Временное правительство, дать себе отчет в том, что наштаверх «всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия». Председатель предлагал вспомнить «обвинение генерала Алексеева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указывал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является русский народ в лице своих народных представителей». «Не забудьте, – призывал Родзянко, – что генерал Алексеев настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры»[308]. Возражения Родзянко, убедившие членов ВКГД, не помешали Алексееву стать Верховным главнокомандующим. Но характеристика наштаверха, данная устами Председателя, далеко не беспристрастная и во многом продиктованная неудовлетворенными честолюбивыми устремлениями, все же неоспоримо свидетельствовала о том, что Родзянко и Алексеев были представителями разных политических векторов, равнодействующая которых вылилась в отречение Николая II.

Летом 1916 г. Алексеев выступил с идеей объединить всю власть на фронте и тылу в руках одного полномочного лица – Верховного министра государственной обороны с диктаторской властью, дублирующей власть монарха[309]. Пост этот он предназначал себе[310]. Главным противником этой идеи являлся Родзянко[311]. Председатель противопоставлял идее министра со «сверх-властью» идею «общественного кабинета», который надеялся сам и возглавить. Царь же, вынужденный идти навстречу оппозиции, склонялся к мысли уравновесить власть Верховного министра «общественным кабинетом», так чтобы они оба сдерживали друг друга, не позволяя ни тому, ни другому подменить его власть.

---

[308] Красный архив .1922. № 2. С. 284.

[309] *Алексеева-Борель В. М.* Сорок лет в рядах императорской армии: генерал Алексеев. СПб., 2000. С. 439–444.

[310] *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 130; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. М., 2006. С. 567.

[311] *Родзянко М. В.* Крушение империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 129; *Он же.* Государственная дума и Февральская революция. // Архив русской революции. Т. 6. М., 1992. С. 30.

Накануне Февральской революции и в первые дни ее у этой идеи в оппозиционном лагере оказалось немало сторонников среди умеренных оппозиционеров, выступавших с лозунгами «министерства доверия» или даже «ответственного министерства», которые под разными названиями подразумевали фактическое наделение всей полнотой власти лицо, пользующееся доверием страны. Не так было важно, будет ли это лицо управлять страной при царствующем Николае II, при его несовершеннолетнем сыне Алексее или же при регенте, брате царя Михаиле. Существеннее было другое: чтобы фактический правитель, кандидатура которого была бы одобрена либеральной «общественностью», сосредоточил в своих руках все нити реального управления. Наштаверх был вполне подходящей фигурой для такого бескровного преобразования верховной власти, тем более, что он пользовался доверием царя, несмотря на контакты с оппозиционными лидерами, неприятие Распутина и трения с императрицей.

26 февраля 1917 г. Совет министров, его председатель и представители фракций Думы высказывались за то, чтобы прервать заседания Думы, распустить правительство и поручить М. В. Алексееву составить «министерство доверия»[312]. В это же время Николай II заявил себя сторонником идеи наштаверха о министре со «сверхвластью». «Алексеев полагает, – сообщал царь супруге 27 февраля, – что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо»[313]. Таким образом, когда революция только началась, наштаверх считал необходимым действовать в духе июньской записки. Царь, же сознававший необходимость объединения тыла и фронта, тем не менее, опасался, что Верховный министр мог превратить монарха в номинальную фигуру. Поэтому Николай предпочитал пойти по третьему пути: соединить в едином проекте предложения Родзянко и Алексеева. В этом духе был подготовлен проект манифеста, в котором возвещалось решение монарха«образовать Совет министров из лиц, пользующихся общественным доверием». Председателю Государственной Думы предписывалось собрать совещание из товарищей председателя Думы с секретарем и его товарищами, а также из членов Думы, председателей думских партий, и представить императору доклад «о лицах, кои будут ука-

---

[312] *Маклаков В. А.* Канун революции // Новый журнал. Кн. 14. Нью-Йорк, 1946. С. 311; *Философов Д. В.* Дневник // Звезда.1992. № 1. С. 197; *Куликов С. В.* Совет министров и революция //Первая мировая война и конец Российской империи. В 3 т. СПб., 2014. С. 173–175, 178.

[313] Николай II – Александре Федоровне 27 февраля 1917 г. // Николай II в секретной переписке М., 1996. С. 657.

заны сим совещанием». В то же время проект возвещал об учреждении поста Министра государственной обороны с теми полномочиями, которыми наделяла его записка Алексеева. Права и обязанности Верховного министра должны были быть определены особым положением. Проект предполагал объявление амнистии[314].

В этом документе власть Министра государственной обороны должна была уравновешиваться ответственным министерством, чтобы она не могла стать в полном смысле верховной. Ибо сотрудников на пути объединения правительственной деятельности должно было подобрать руководимое председателем Думы совещание, а назначить по рекомендации совещания сам царь. Права же и обязанности Верховного министра точно определены не были. За кадром оставалось, кто же будет назначать председателя Совета министров, будет ли он подчинен Верховному министру или тем и другим станет одно лицо. Независимо от того, когда именно был составлен этот документ[315], важно то, что он оказался в портфеле генерала Н. И. Иванова, посланного ночью 28 февраля 1917 г. из Могилева в Царское Село с карательной экспедицией с батальоном георгиевских кавалеров[316].

Чтобы не упустить власть из своих рук, Родзянко, вопреки мнению своих думских коллег и министров, начал игру на опережение. Он стал добиваться у Николая создания «кабинета доверия» во главе с собой. Председатель старался заручиться поддержкой главкомов фронтов, а наштаверха по возможности изолировать. Кроме того, он имел своих «агентов» в Штабе Северного фронта в лице главнокомандующего Н. В. Рузского, одним из первых из главкомов поддержавшим акции председателя, начальника штаба Ю. В. Данилова и генерал-квартирмейстера В. Г. Болдырева[317]. Имел председатель «своих людей» в окружении наштаверха в Ставке – заместителя начальника штаба В. Н. Клембовского и генерал-квартирмейстера А. С. Лукомского[318].

Чтобы держать Ставку в информационной блокаде Родзянко лишил наштаверха телеграфной связи с органами государственного управления, с Думой и телефонной – с Царским Селом, где находи-

---

[314] *Перетц Г. Г.* В цитадели русской революции. СПб., 1997. С. 6–7.

[315] Там же; *Барсуков Н. З.* Справка по поводу записки от 15 июня 1916 г. генерала Алексеева царю о верховном министре государственной обороны // Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в Мировую войну. Т. II. М., 1930. С. 338.

[316] Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 года в Петрограде / Подг. проф. А. А. Сидоров // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 104 / См. подробно: *Сафонов М. М.* Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и отречение Николая II // Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой победы // Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 21–22 мая 2015. М., 2015. С. 372–375.

[317] *Сафонов М. М.* Генерал Н. В. Рузский фальсифицирует историю. (В печати).

[318] Красный архив. 1922. № 2 .(21) С. 285.

лась императорская семья. Председатель распространял слухи о смертельной угрозе, нависшей над императрицей и ее детьми, оставшимися фактически почти без охраны[319].

Оказавшись в информационной блокаде со стороны ВКГД, Алексеев не был вовсе лишен информации из Петрограда. Морской штаб Верховного главнокомандующего имел прямой провод с Морским главным штабом, а тот сумел наладить прямую связь с обслуживающей флот Балтийского моря группой профессиональных контрразведчиков, создавших пункт связи в Таврическом дворце[320]. Кроме того, Ставка пользовалась радиосвязью флота. Начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего, приданного Северному фронту, вице-адмирал А. И. Русин был товарищем морского министра И. К. Григоровича и одновременно занимал должность начальника Морского главного штаба. Его же основной информатор каперанг В. М. Капнист, находившийся в Петрограде, был помощником начальника Морского главного штаба и в то же время являлся офицером для поручений при начальнике Морского штаба Верховного главнокомандующего. Одновременно в двух лицах он осуществлял неофициальную связь между столицей и Могилевом[321].

Используя этот «морской канал» связи, наштаверх оказался заложником той информации, которая поступала к нему из Адмиралтейства. Она оказалась определенным образом искаженной в соответствии с интересами морского министра, который имел свои собственные виды. Еще 24 июня1916 г. Родзянко, пугая царя идеей Алексеева, противопоставилей предложение даровать ответственное министерство во главе с Григоровичем[322]. 10 ноября 1916 г. морской министр чуть было не стал премьером, но вмешательство императрицы сорвало это назначение[323]. Когда в первые дни революции шла охота на царских министров, Григоровича не тронули. Он не только не был арестован, но его фамилия даже фигурировала в списке кандидатов в члены Временного правительства, имевшем хождение в столице в последние дни февраля[324]. В ночь образования ВКГД, когда ситуация была еще двусмысленной, минмор заболел «инфлюенцией» и слег с высокой температурой. Но уже на следующий день он проявил себя. 28 февраля в полдень последние войска, остававшиеся верными правительству, по требованию Григоровича

---

[319] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 106, 167.

[320] *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2003. С. 81–82.

[321] *Сафонов М. М.* Спецслужбы и отречение Николая II. (В печати.)

[322] *Родзянко М. В.* Крушение империи. С. 130.

[323] *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 191; *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. (1914–1917). С. 327.

[324] *Архипов И.* Поезд на конечном пути // Звезда. 2002. № 10. С. 182.

во избежание разрушения здания и для того, чтобы не были истреблены драгоценные документы Морского штаба и кораблестроения покинули Адмиралтейство. Более того, чтобы восставшие не отобрали у них оружие, они оставили его в Адмиралтействе. Таким образом, Григорович не только бескровно обезвредил последний редут верных правительству войск, но и обезоружил их[325]. По–видимому, мысль подняться на политический Олимп, не оставляла морского министра и после ноябрьского фиаско.

Важную роль в этом процессе сыграл флот Балтийского моря и лично командующий им вице-адмирал А. И. Непенин. Он был выдвинут на этот пост в 1916г. Григоровичем с должности начальника службы связи Балтийского флота[326]. Одним из первых среди главкомов и командующих флотами 2 марта в 10 часов 30 минут он признал ВКГД[327]. Непенин действовал в соответствии с планами минмора[328]. В первых числах марта командующий флотом уже готовился стать товарищем морского министра[329]. Непенин пытался стимулировать поддержку новой власти, подробно информируя Балтийский флот о ее первых шагах, давая им положительную оценку[330]. Сотрудники же Морского главного штаба, подчинявшиеся Григоровичу, старались не афишировать своих имен. Записи разговоров по прямому проводу с Морским штабом Ставки часто не содержали сведений о том, кто именно из офицеров вел переговоры с А. И. Русиным, через которого Алексеев получал львиную долю информации из Петрограда. Но невозможно допустить, чтобы они действовали вопреки воли минмора. Поставляемая ими информация была ангажированной. Капнист с согласия Григоровича ездил в Думу и встречался с Родзянко. Речь шла об установлении единства действий[331].

Красной нитью чрез все сообщения из Морского главного штаба проходит идея о необходимости немедленного издания высочайшего акта, призванного успокоить страну, как единственного средства предотвратить дальнейшее развитие революции и не допустить победы левых партий социалистической ориентации. «Таким актом должно быть прежде всего назначение заслуживающего общее доверие лица главой правительства, коему предоставить составить кабинет»[332]. Впервые эта идея была озвучена в анонимном разговоре Мор-

---

[325] Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 25.

[326] *Смолин А. В.* Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 1912. С. 22–31.

[327] Там же. С. 72–73.

[328] Там же. С. 18.

[329] Там же. С. 107.

[330] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 17, 18, 29.

[331] Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 77–78.

[332] Там же. С. 29.

ского главного штаба с Морским штабом Верховного главнокомандующего в 18 часов 28 февраля, а затем повторялась как рефрен в телеграммах Капниста, в безымянных переговорах со Ставкой по прямому проводу[333] и, наконец, в телеграммах самого Непенина[334].

Идея издания такого акта, транслируемая в Могилев по «морскому каналу», за которой прозрачно проглядовало лицо Григоровича, импонировала наштаверху. Реализация ее приближала Алексеева к осуществлению его плана относительно должности Верховного министра. Однако она дезориентировала наштаверха в реально сложившейся обстановке и побудила его совершить шаги, сделавшие осуществление его сокровенных планов невозможным.

Алексеев положился на сообщения из Адмиралтейства о том, что ВКГД ставит своей целью восстановление порядка, предотвращение революции и сохранение принципа монархии. И в этом духе наштаверх действовал всю ночь и первую половину дня 1 марта[335]. Исходя из полученной информации, он настоятельно рекомендует Николаю пойти навстречу Думе и издать соответствующий высочайший акт, чуть ли не дословно воспроизводя аргументацию «морской группы»[336].

Во второй половине этого дня наштаверх убедился, что ВКГД держит его в информационной блокаде, манипулирует железнодорожным движением, не пропускает литерные поезда в столицу и считает себя вправе бесцеремонно вмешиваться в управление войсками, лишая такой возможности главнокомандующего. Тогда Алексеев потребовал от Родзянко прекратить всякое вмешательство в военную сферу[337] и постарался воспрепятствовать переходу фактической власти к Родзянко, который пока добивался права быть поставленным царем во главе министерства доверия. Алексеев же попытался противопоставить этому идею министерства, ответственного вначале, в туманной формулировке, перед представителями народа[338], а к исходу дня – перед законодательными палатами[339]. Зная более чем скептическое отношения царя к Родзянко, наштаверх мог надеяться на то, что Николай никогда не поставит его во главе кабинета. Но к двум часам ночи 2 марта Рузский вырвал согласие царя на такое назначение, использовав, с подачи председателя, довод о смертельной опасности, угрожавшей царской семье[340].

---

[333] Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 42.
[334] Там же. № 3 (22). С. 13
[335] Там же. № 2 (21). С. 22–24, 31.
[336] Там же. С. 37, 39–40.
[337] Там же. С. 44–45.
[338] Там же. С. 46–47.
[339] Там же. С. 53–54.
[340] Там же. С. 52, 54. См. подробно: *Сафонов М. М.* Генерал Н. В. Рузский фальсифицирует историю. (В печати.).

Однако Родзянко испытывал сильное давление со стороны левой части ВКГД и Совета солдатских и рабочих депутатов. Он был вынужден идти на соглашение с ними, чтобы сохранить власть в своих руках. Поэтому председатель стал требовать отречения царя в пользу царевича Алексея. Утром 2 марта от наштаверха зависело ограничиться манифестом об ответственном министерстве, дальше которого не желал идти и Рузский, или же добиваться отречения в пользу наследника при регентстве Михаила[341]. Алексеев выбрал второй вариант, потому что такой ход событий позволял не допустить перехода реальной власти в руки Родзянко. Замена монарха на ребенка с регентом в случае успокоения страны представляла шанс наштаверху попытаться реализовать идеи манифеста, находившегося в портфеле Иванова[342]. Поэтому наштаверх сделал все, чтобы отречение в пользу Алексея состоялось[343]. Но он не мог предположить всех последствий предпринятого им шага. Посланные ВКГД в Псков для легитимации Временного правительства А. И. Гучков и В. В. Шульгин оказались вынужденными уступить Совету рабочих и солдатских депутатов, стоявшему на республиканских позициях. Поэтому они объявили манифест о передаче престола Михаилу, а отказ брата царя принять трон фактически расчистил путь к власти А. Ф. Керенского, который после корниловского мятежа попытался, правда неудачно, реализовать алексеевскую идею Верховного министра государственной обороны.

Скотони Джорджо Ренато

Влияние Русской революции 1917 года на отношение итальянцев к России

Аннотация. В статье рассматривается итальянская политика дружбы с советским народом во времена идеологической борьбы за лидерство на мировой арене. В частности анализируется роль ассоциации культурных связей «Италия – СССР» как инструмент «мягкой силы». На протяжении всего периода холодной войны сеть культурных организаций реализовала программы коммуникационной политики и межкультурного взаимодействия, чтобы привлечь «прогрессивную интеллигенцию» на сторону СССР. По мнению автора, влия-

[341] Красный архив. № 2(21). С. 62. См. подробно: *Сафонов М. М.* Начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев... С. 204–206.

[342] См. подробно: *Сафонов М. М.* Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев... С. 381–383.

[343] См. подробно: *Сафонов М. М.* Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. Нестор. № 3. СПб., 2005. С. 239–264.

ние идеалов Великой русской революции помогало развитию взаимопонимания и доверия итальянского и советского народов и до сегодняшнего дня является важным фактором развития сотрудничества с Москвой в гуманитарно-культурной сфере.

Ключевые слова: общество «Италия–СССР», идеологическая борьба, холодная война, «мягкая сила».

The impact of the Russian Revolution of 1917 on the development of Italian Russophilia

Abstract. The articlediscusses the Italian policy of friendship with the Soviet people in times of ideological struggle for leadership in the global arena. In particular it analyses the role of cultural association «Italy–USSR» as a tool of «soft power». Throughout the period of the cold war, the network of cultural organizations implemented programs of communication policy and intercultural cooperation in order to attract the «progressive intelligentsia» to the Soviet world. According to the author, the influence of the ideals of Russian revolution strengthened the mutual understanding and trust of Italian and Soviet peoples and until today is one of the key factor for the development of cooperation with Moscow in the humanitarian-cultural sphere.

Keywords: cultural association «Italy–USSR», ideological struggle, cold war, soft power.

Как известно, итальянцы демонстрируют особую любовь к русской культуре и цивилизации. В прошлом веке этот успех был без сомнения связан с Октябрьской революцией 1917 г., историческим значением эксперимента строительства социализма в глазах итальянского общества.

Именно на Италию русская революция оказала наибольшее влияние из всех европейских стран. Здесь рабочее движение откликнулось на победу пролетариата. Итальянские трудящиеся приветствовали Советы с энтузиазмом, и в годы интервенции проявляли солидарность в отношении Советской России.

Революция имела огромное значение и для судеб Социалистической партии Италии. В январе 1921 г. после попыток итальянских металлургов захвата фабрик и организации заводских советов была создана коммунистическая фракция, которая привела к основанию Коммунистической партии Италии (ИКП).

С самого начала Компартия сыграла важнейшую роль в деле укрепления солидарности с советским народом и улучшения итальянской политики в отношении страны Советов.

После краха фашистского режима, в ходе вооруженного Сопротивления против немецко-фашистских оккупантов, антифашизм составлял идеологическую основу политики дружбы с советским наро-

дом. Уже накануне мировой войны в СССР из Италии эмигрировало много знаковых фигур коммунистического движения. Среди них основатель и секретарь Компартии П. Тольятти, который всегда выступал за дружбу с Москвой.

В Италии участниками партизанских отрядов были почти пять тысяч советских военнопленных, совершивших побег из фашистских концлагерей.

Именно Итальянская коммунистическая партия сыграла важнейшую и без сомнения положительную роль в развитии двусторонних гуманитарно-культурных связей.

Еще в декабре 1944 г., как только были восстановлены дипломатические отношения между Италией и СССР, коммунисты и социалисты создали общественные организации для сотрудничества с народами СССР. Первая ассоциация советско-итальянских культурных связей была создана в Риме, по инициативе участников Сопротивления, затем в Милане и в Неаполе.

В 1946 г. началась новая страница взаимоотношений между Советским Союзом и республиканской Италией. Была основана на национальном уровне двусторонняя общественная организация «Италия – СССР». Она служила инструментом «мягкой силы». В нее входили коммунисты и социалисты, а также представители христианско-демократической, либеральной и республиканской партий.

Таким образом, влияние Октябрьской революции на итальянское общество не было ограничено рамками рабочего движения. Независимо от различий политических взглядов, благодаря обществу «Италия – СССР» стали широко известны в Италии не только подвиг советского пролетариата, но особенности русской цивилизации в целом. Благодаря этому со стороны советской власти стало возможно влиять на культурную жизнь итальянцев, менять их общественное сознание.

На практике общество «Италия – СССР» выполняло две основные задачи: популяризацию советской культуры и преподавание русского языка.

С целью ускорить распространение идеалов русской революции в Италии была открыта библиотека, посвященная философу Банфи. Среди конкретных мероприятий по укреплению культурных связей был обмен делегациями, организация конференций и выставки книг.

Тогда основой политического сотрудничества между СССР и Итальянской Республикой был опыт антифашистской войны. Дело в том, что в послевоенные годы коммунисты Тольятти и Гулло стояли во главе Министерства юстиции. Они документально подтвердили преступления гитлеровского террора в Италии и выявили личности многих виновников.

Учитывая подобные выводы Чрезвычайной государственной комиссии в СССР, Пальмиро Тольятти предложил организовать в Риме международную выставку о преступлениях фашистских держав для того, чтобы их политическая и материальная ответственность была признана всеми в Европе. Но в июне 1947 г. итальянский премьер-министр Алчиде Де Гаспери, христианский демократ и жесткий атлантист, назначил главой Министерства юстиции вместо Гулло либерала Грасси.

В это время президент Соединенных Штатов Трумен выдвинул идею похода против коммунизма. Вновь Москва превращается в идеологического врага. Запад изображал «новый символический порядок», в котором СССР опять стал «смертельной угрозой для свободного мира». В период холодной войны в течение более 40 лет общество «Италия – СССР» развивало политику дружбы между странами, принадлежавшими к двум разным социально-экономическим системам и военно-политическим блокам.

На фоне блокового противостояния на мировой арене, в Италии просоветская ориентация поддерживалась Коммунистической и Социалистической партиями, которые защищали СССР под эгидой борьбы за демократию.

В этих сложных для развития советско-итальянских культурных связей условиях, «Италия–СССР» стало массовым добровольным объединением и в то же время инструментом советской «мягкой силы», проявлявшей себя в зарубежных странах.

Переход от местных ассоциаций к централизованной структуре укрепил влияние в организации Коммунистической партии. В 50-е годы общество «Италия–СССР» стало стержнем просоветской стратегии Коммунистической партии и координировало совместно с ЦК общественно-культурное сотрудничество и обмен информацией.

Большую роль в поддержке общества играли Народные дома. ЦК занимался организацией мероприятий, знакомящих итальянцев с историей и культурой СССР, и много раз призывал региональные отделения партии выделять больше финансовых и людских ресурсов для поддержки деятельности: «Общество, которое призвано сыграть важную задачу пропаганды и информации, особенно если международная ситуация повернется к разрядке, будет способствовать расширению интереса к СССР»[344].

Действительно, в начале холодной войны общество играло ключевую роль в политике Компартии. «Италия–СССР» участвовало во всех кампаниях «Партизан мира» (движение протеста против Североатлантического милитаризма и в пользу Советского Союза), боролась за политику мирного сосуществования.

---

[344] Note per la Segreteria de PCI sul lavoro dell' Associazione Italia–URSS, en APC (Roma).

Через прочную сеть местных филиалов общество во всех крупных городах Италии проводило работу по распространению русского языка и достижений советского искусства, науки и литературы; в частности работу по организации выставок, обменов делегациями специалистов и творческих работников.

Общество «Италия – СССР» поддерживало контакты с представителями советской культуры и участвовало в культурном строительстве послевоенной Италии вместе со многими авторитетными интеллектуалами. Среди членов общества были Джованни Берлингуер, Паоло Делл Анно, Амброджо Донини, Валтер Педулла, издатели Вито Латерца и Джулио Эинауди, философ Антонио Банфи, физики Джилло Понтекорво и Эдоардо Каяниелло, химик Коррадо Росси, писательница Рената Вигано, директор театра Джанфранко Де Бозио, директор Венецианского кинофестиваля Луиджи Кярини, историки Розарио Виллари и Витторио Страда, археолог Рануччио Балдинелли, психоаналитик Цезарье Музатти, репортер Россана Россанда, художник Ренато Гуттузо, актер Эдуардо Де Филиппо, писатели Алберто Моравия и Цезарье Заваттини и т. д.

На национальном уровне самым комплексным мероприятием пропаганды было издание трех журналов: «Италия–СССР», «Советская реальность» (*Realtá Sovietica*) и «Обзор советской печати» (*Rassegna della stampa sovietica*).

Первым успехом в популяризации достижений советской культуры было распространение труда Макаренко: в 1950 году общество опубликовало вместе с «Союзом итальянских женщин» учебник новой педагогики «Советы родителям» (*«Consigli ai genitori»*). В ноябре этого года в Палаццо Веккьо, во Флоренции, состоялась конференция, посвященная развитию советской науки; посол СССР открыл пленарное заседание.

В условиях обострения конфронтации культурный обмен был заморожен. К началу пятидесятых годов антисоветская политика достигла пика. Репрессивный аппарат характеризовал общество дружбы «Италия–СССР» как «агентов врага» и отдел пропаганды КПСС за границей.

Сегодня рассекреченные документы МВД Италии позволяют изучить эту тему более объективно. В Государственном архиве в Риме, под грифом «Совершенно секретно» хранилась папка о деятельности общества «Италия – СССР»

Важнейшим документом является секретное донесение начальника итальянской полиции, на шести страницах. В нем дана следующая оценка общества дружбы: прямая эманация Компартии, с целью создать братство между представителями интеллигенции Италии и советского блока. О централизме, характерном для аппарата общества, там написано: «„Италия – СССР” разделено на комиссии, и каж-

дая комиссия контролирует сектор в тесной связи с генеральным секретариатом организации»[345].

Начальник полиции доносил о финансировании организации из Москвы и сделал мрачные выводы по поводу ее целей: «под маской аполитичности, общество организует национальные научные конференции с целью обращения элементов среднего класса в веру в СССР... Общество поддерживает все экстремистские политические инициативы, такие как кампании против НАТО».

Донесение подчеркивает с беспокойством, что: «в деятельности общества участвуют формально лишь итальянские граждане. Элементы русской национальности, казалось бы, являются посторонними. Однако интерес советской власти очевиден: это проявляется во вмешательстве советского посольства в самые важные мероприятия общества, в организации и в финансовой поддержке»[346].

МВД и полиция принимали меры для тщательного контроля над членами общества. Интересный отчет об организации и проведении работы по развитию советско-итальянских культурных связей датирован 29 декабря 1951 г. и подписан «Министром Кабинета», т. е. самим главой МВД Марио Шелба.

В основном мониторинг Министерства фокусируется на отношениях между обществом и посольством СССР. В центре внимания полиции была регистрация членов, совещания в руководстве и участие советских граждан в конференциях общества.

Например, 4 февраля 1950 г. в Риме общество провело важное мероприятие в театре Адриано. В папке МВД содержатся сведения о конгрессе, в котором участвовали не только прогрессивные объединения и организации, а также «советский посол и делегации всех стран Варшавского договора»[347].

Документы Госархива об обществе «Италия – СССР» дают возможность ознакомиться более подробно и с контрмерами итальянского государства. Для того, чтобы препятствовать обмену делегациями и «мероприятиям, которые не могут быть проведены без поддержки советских властей», МВД ограничивало выдачу виз советским гражданам.

В марте 1952 г. общество организовало в Турине крупную конференцию на тему «Производство на заводах СССР». Участие было очень активным: около тысячи человек. В работе приняли участие многие представители Компартии и профсоюзов (секретарь Союза металлургов FIOM Роведа вместе с генеральным секретарем CGIL Лиццадри и замсекретаря Лама и Фоа).

---

[345] Государственный архив Министерства внутренних дел. P. S. Cat. G. 1944–1986, n. 287. P. 2.

[346] Там же.

[347] Там же.

Однако МВД Италии образовало «санитарный кордон» против советской делегации, «опасаясь, что она будет превозносить достижения режима». Итальянское правительство отказалось выдать въездные визы представителям СССР.

Запрет на приезд советских делегаций на конференции существовал в течение длительного периода. МВД продолжало тщательно наблюдать за деятельностью общества «Италия–СССР» и затрудняло культурное сотрудничество, чтобы предотвратить прозелитизм, нацеленный на идеологическую поддержку советского порядка.

Налицо вмешательство, в том числе и с целью ограничивать преподавание русского языка в Италии. Среди документальных источников МВД есть директива для префектов: «рекомендовать начальникам районных управлений Министерства образования препятствовать сотрудничеству со стороны преподавателей в организации курсов русского языка».

При этом культурный обмен в 50-е годы был очень слабым. Визиты делегаций из СССР в Италию были связаны, главным образом, со спортивными соревнованиями. В 1956 г. советские спортсмены впервые приняли участие в Зимних Олимпийских играх, прошедших в Кортина-д'Ампеццо. В 1960 г. советская делегация на Летних Олимпийских играх в Риме была самой многочисленной – 283 спортсмена.

Натянутые отношения между странами продолжались до начала 1960-х годов. После Карибского кризиса в Италии произошло формирование политики левого центра и начались позитивные изменения в советско-итальянском диалоге.

Тогда обществу «Италия–СССР» удалось наладить интенсивный обмен в области культурного и делового сотрудничества. Развивалась практика кооперации и в области исторического знания: в 1964 г. первая итальянско-российская конференция, посвященная историографии, была проведена в Москве; затем вторая конференция состоялась в Риме в 1969 г.

Во второй половине 60-х годов улучшились культурные и политические отношения между Италией и СССР, вырос торговый обмен между двумя странами. В середине 60-х годов Москва приобрела у концерна ФИАТ лицензию и завод по производству легковых автомобилей («Жигули»).

В 1966 г. состоялся первый официальный визит министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. Советско-итальянские отношения 1970-х годов развивались в целом по восходящей линии. В 1969 г. был подписан первый советско-итальянский контракт по поставкам природного газа на Апеннины.

Италия являлась одним из крупнейших внешнеторговых партнеров СССР не только в Европе, но и в мире. Итальянские партии вы-

рабатывали новые направления внешней политики страны, налаживали отношения с Москвой.

Тогда идеи социализма и эмансипации человека привлекали итальянскую молодежь. Одной из важнейших причин интереса к русскому языку и к укреплению сотрудничества в гуманитарно-культурной сфере являлось именно изучение революционного движения и эволюции советской власти.

Невероятно, но популяризация идеалов русской революции произошла именно в тот период, когда Итальянская Коммунистическая партия отвергала политику КПСС в отношении событий в Чехословакии в 1968 г., а новый секретарь Компартии Энрико Берлингуэр ориентировал деятельность ИКП в сторону «еврокоммунизма».

К концу 70-х годов развитие советско-итальянского сотрудничества в культурной сфере развивалось бурно. Обществом«Италия–СССР» велась большая работа по культурному обмену между двумя народами.

В период «перестройки» общество дружбы было на пике популярности и активности: в его составе насчитывалось около 100 местных филиалов в разных итальянских городах; число членов достигло сотен тысяч (включая десятки тысячи студентов на курсах русского языка).

После распада Советского Союза уровень сотрудничества резко упал.

С распадом Итальянской Коммунистической партии закончилась и история общества дружбы«Италия–СССР». Когда партия раскололась на несколько организаций, общество дружбы прекратило свое существование на общенациональном уровне. Местные филиалы перешли на самоуправление, только народная дипломатия позволила культурным связям выжить в то трудное время.

В итоге на рубеже XXI века в итальянский координационный совет бывших обществ дружбы входили менее 20 ассоциаций дружбы с Россией. Местные ассоциации оказались в сложном положении и лишены возможности проводить мероприятия прежнего уровня. До сегодняшнего дня существует множество трудностей в культурном сотрудничестве, но люди продолжают работать (хотя и на голом энтузиазме).

Ассоциация ИСКРА продолжила традиции «Италия–СССР», и до сих пор активно действует по укреплению российско-итальянского сотрудничества, в частности, занимаясь организацией конкретных мероприятий, знакомящих с историей Великой Отечественной войны.

Искровцы считали, чрезвычайно важно оценить объективную роль Красной армии в победе над фашизмом, для того чтобы предотвратить попытку переписывать историю Второй мировой войны.

Главным в подходе к истории является людская память о войне на Востоке, благодаря чему подвиг советских войск стал общепризнанным в Италии.

В 2003 г. по случаю 60-й годовщины отступления Альпийского корпуса с Дона ИСКРА организовала в городе Тренто Первую итало-российскую конференцию, посвященную участию итальянских вооруженных сил в войне против СССР. Под девизом «Со стороны Ивана» российские ученые и итальянские историки, известные ветераны выступили с докладами, вошедшими затем в книгу.

В 2005 г. к 60-летию Победы над фашизмом состоялась в Воронеже международная научная конференция «Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне». Ассоциация ИСКРА организовала приезд итальянской делегации: участвовали ученые Исторического бюро Генерального штаба итальянской армии. В 2008 г. ИСКРА организовала участие итальянских специалистов и военных историков в международной конференции «Война на Дону. 1942–1943 гг.». В рамках конференции состоялась презентация совместного труда «Итальянское поражение в России в неизвестных трофейных документах 8-й итальянской армии» и показ документального фильма «Россия–Италия: фронт памяти» режиссера Риккардо Соттили.

С 2008 по 2015 г. на тему «Неизвестные страницы Великой Отечественной войны» было организовано четыре международных конференции: три в России (Воронеж, 2008; Москва, 2012 и 2015) и одна в Италии (Рим, 2010). Кроме того, в Тренто совместно с российскими архивами и музеями были организованы научный семинар и выставка на национальном уровне «Возвращение на Дон» (по теме восточного похода Муссолини на советско-германский фронт).

В последние десятилетия именно практика итало-российской кооперации в области историографии способствовала тому, что стал обсуждаться вопрос о ложности тезиса «справедливой войны против большевизма», а также признана выдающаяся роль Советского Союза среди союзников – стран антигитлеровской коалиции.

В конце июня этого года, по случаю 75-й годовщины Сталинградской Битвы, в Модене, в Москве и в Воронеже прошла новая итало-российская конференция при содействии Военной академии ВС Италии.

Первым итогом усилий ИСКРА стало понимание того, что благодаря дружественным взаимоотношениям (даже без поддержки «Россотрудничества») возможно преодоление многих культурных препятствий между двумя странами.

Изучая исторический опыт культурной политики общества «Италия–СССР», хочется подчеркнуть его заслуги в укреплении дружбы и взаимопонимания.

В период холодной войны развитие советско-итальянских отношений зависело от отношений Восток–Запад. Парадоксально, что, несмотря на военно-политическое противостояние двух блоков, именно в это время Италия сумела перейти к курсу диалога в отношениях с СССР. Переход от жесткой конфронтации к двустороннему сотрудничеству стал возможным прежде всего благодаря экономическим и стратегическим интересам, но определяющим фактором являлись взаимоотношения между Компартиями.

Когда мы исследуем современное состояние итало-российского сотрудничества, очевидно, что Россия не смогла занять место Советского Союза. Тем не менее, в сердце итальянцев русская цивилизация не потеряла своей привлекательности. Сегодня в Италии число изучающих русский язык растет. И по-прежнему в глазах итальянского общества одна из главных тем идентичности России – Октябрьская революция. В конечном счете, влияние идеалов революции остается катализатором интереса и любви к России.

Чжан Чжунминь

Значение Октябрьской революции для Китая

Аннотация. 100-летие Октябрьской революции – это не только итог великой эпохи, но и отправная точка новой эры. В новую историческую эпоху очень важно оценить значение Октябрьской революции для Китая как с научной точки зрения, так и с практической. Она открыла теорию, путь и систему построения социализма с китайской спецификой посредством сочетания универсальных идей марксизма с конкретной практикой китайской революции и созидания.

Ключевые слова: международное значение Октябрьской революции, Коммунистическая партия Китая, социализм с китайской спецификой.

The influence of October Revolution in China

Abstract. The 100th anniversary of the October Revolution is not only the summary of a great era, but also the starting point of a new era. When we stand on the new historical starting point today, it is very important to reappraise the significance of the October Revolution for China both in academic and reality. It has opened up the theory, path and system of building socialism with Chinese characteristics through the combination of the universal truth of Marxism with the concrete practice of Chinese revolution and construction.

Keywords: international importance of October Revolution, Communist party of China, socialism with Chinese characteristics.

Приятно говорить о значении Октябрьской революции для Китая. Хотя выстрел «Авроры» на Неве уходит все дальше в историю, колокола Октябрьской революции все еще отзываются на огромной территории Китая. 100-летие Октябрьской революции – это не только итог великой эпохи, но и отправная точка новой эры. Когда мы входим в новую историческую эпоху, я думаю, очень важно оценить значение Октябрьской революции для Китая как в академическом, так и в практическом плане. Я остановлюсь на трех аспектах.

1. Всесторонняя и объективная оценка Октябрьской революции

Мы должны избегать двух видов тенденций мышления при оценке исторического значения Октябрьской революции. Первый вид базируется на анализе текстов и может дать нам только узкое понимания данного феномена. Второй тип слишком широк, исходит из общих рассуждений. Для правильной оценки Октябрьской революции я предлагаю посмотреть на это явление с точки зрения различный социальных уровней и групп.

1. Значение для людей всего мира.

Председатель Мао в статье, опубликованной в 1948 г. под названием «Революционные силы мира объединились против вторжения империализма», высоко оценил историческое значение Октябрьской революции. Он сказал, что «Октябрьская революция открыла широкие возможности и реальные пути для освобождения людей во всем мире». «Возможности и реальные пути» означают не только поддержку пролетарской борьбы во всех странах, но и поддержку освободительной борьбы угнетенных народов.

2. Значение для международного коммунистического движения.

Победа Октябрьской революции имела эпохальное значение. Это открыло новую эру перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Это, несомненно, очень воодушевило международное коммунистическое движение, когда в истории человечества было создано первое социалистическое государство.

3. Значение для советского народа.

Я думаю, что это значение включает как политические, так и экономические аспекты. В политическом аспекте Россия избавилась от отжившего свое режима и установила советский строй. В экономическом аспекте Россия внедрила новую экономическую систему, основанную на государственной собственности на средства производства. Это создало благополучные условия для улучшения материальной жизни людей.

4. Значение для китайцев.

«Пушечный выстрел Октябрьской революции отправил марксизм в Китай». После этого Коммунистическая партия Китая и социалистический Китай были созданы под руководством философии марксизма.

2. В чем значение Октябрьской революции?

«Оценивать» и «определять значение» – это два разных подхода к анализу одной проблемы. «Оценка» фокусируется на мнениях и точках зрения, а «определение значения» фокусируется на анализе результатов действий, новых тенденций и новых достижений. Существует множество точек зрений по поводу Октябрьской революции, но оценка результатов и ее внутренней ценности далеко не полна. Думаю, оценку Октябрьской революции надо рассматривать с четырех позиций.

1. Октябрьская революция в долгой истории освобождения человечества. Таким образом, мы видим, что Октябрьская революция сделала широкие массы трудящихся подлинно политически и культурно освобожденными впервые в истории человечества.

2. Октябрьская революция в 200-летней истории международного коммунистического движения.

3. Октябрьская революция в 500-летней истории социализма.

4. Октябрьская революция как ориентир для социалистической революции и строительства в Китае.

Мы можем дать научную оценку результатов Октябрьской революции, понять революционное значения данного феномена в истории человечества только принимая во внимание все вышеназванные четыре аспекта.

3. Значение Октябрьской революции для Китая

Хотя Октябрьская революция произошла сто лет назад, она внесла ценный вклад в дело развития и воспитания будущих поколений. Факел Октябрьской революции был унаследован Коммунистической партией Китая. Флаг Октябрьской революции все еще развевается над огромной территорией Китая. Историческая эстафета Октябрьской революции передалась Коммунистической партии Китая. В частности, со времен 18-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая Центральный комитет партии во главе с Си Цзиньпином привел 88 миллионов членов Коммунистической партии и 1,3 миллиарда китайцев к достижению двухсотлетних целей и великого возрождения Китайской национальной идеи. Теперь китайский народ идет по великой дороге социализма с беспрецедентным революционным энтузиазмом и проводит всестороннее и систематическое исследование новых путей. Историческая миссия и ответственность Октябрьской революции, которую не завершил Ленин, Сталин и другие советские руководители, были переданы Коммунистической партии Китая. В этом и заключается значение Октябрьской революции для Китая. Она имеет несколько конкретных аспектов:

1. Она открыла теорию, путь и систему построения социализма с китайской спецификой посредством сочетания универсальной истины марксизма с конкретной практикой китайской революции и строительства.

2. Это нашло отражение в активном содействии экономическому строительству, чтобы разрешить противоречие между растущими материальными и культурными потребностями людей и отсталым общественным производством. Кроме того, это нашло свое отражение в эффективной борьбе с противоречивыми отношениями между революционным строительством и экономическим строительством.

3. Это нашло отражение в стремлении укрепить само строительство и усилия, направленные на достижение удовлетворительного ответа во всеобъемлющей строгой партийной дисциплине с тех пор, как Коммунистическая партия Китая превратилась из революционной партии в правящую партию.

4. Это нашло отражение в построении верховенства права, особенно внутри партии. Это также отражается в искреннем понимании массового образования и противодействии «четырех ветров». В особенности мнение о том, что нужно придерживаться линии масс и относиться к массам как к части партии, постоянно расширяет правящую основу партии и эффективно избегает нерешенных проблем, из-за которых советская коммунистическая партия серьезно отдалилась от масс.

5. Она отражает в руководстве международного коммунистического движения, содействует мирному сосуществованию и активно содействует построению человеческой судьбы сообщества и интересов общества.

В итоге, Октябрьская революция не является просто частью нашей истории. Она имеет жизненную силу. Я думаю, что Октябрьская революция имеет и «советскую версию», и «китайскую версию». Фактически, «китайская версия» уже вышла за рамки «советской версии». Так же, как книга «Буддийские записи западного мира», которая, согласно путешествию Сюаньцзана, усилила влияние буддизма. Мы не можем понять суть Октябрьской революции в отрыве от социалистической революции и строительства в Китае и великой практики реформ и открытости.

Невозможно в полной мере оценить мировое значение Октябрьской революции без упоминания о ее результатах в Китае. Можно сказать, что без Октябрьской революции не было бы Коммунистической партии Китая и Нового Китая. Точно так же без успеха реформ и открытости, без Нового Китая и Коммунистической партии Китая не будет окончательного результата феномена Октябрьской революции в его мировом значении.

Шефов Н. А.

Проблема продовольствия накануне Февраля 1917 года

Аннотация. Основное внимание в статье автор уделяет анализу причин возникновения продовольственного кризиса в России в период Первой мировой войны (1914–1918) и неспособности властей решить данную проблему. Рассмотрены также конкретные примеры проявления продовольственного кризиса накануне Февраля 1917 г. и действий властей по его преодолению.

Ключевые слова: продовольственный кризис, транспортная система, саботаж, снабжение городов, карточная система.

Food challenges on the eve of February 1917

Abstract. The author focuses on the analysis of the causes of the food crisis in Russia during the First world war (1914–1918) and the failure of the authorities to solve this problem. The author also considered specific examples of the food crisis on the eve of February 1917 and the actions of the authorities to overcome it.

Keyword: food crisis, transport system, sabotage, food supply of the cities, card system.

Первая мировая война выявила стратегическое значение продовольственной безопасности в период масштабного военного противоборства. В данном отношении показателен опыт России, где сложности с обеспечением продуктами питания привели к внутренней дестабилизации и свержению правящего режима.

Устойчивой тенденцией российского сельхозпроизводства военных лет стало неуклонное снижение валового сбора зерновых. Оно было вызвано оккупацией ряда губерний и сокращением посевных площадей (в основном, крупными землевладельцами) из-за ухода части работников на фронт. Однако уменьшение сбора важнейших продовольственных культур не привело к их тотальной нехватке. Собранных в 1916 г. 63,4 млн т зерновых (около 400 кг на душу) вполне хватало, чтобы обеспечить население. Профессор Н. Д. Кондратьев, который изучал хлебный рынок в период войны, отмечал, что «говорить о недостатке хлебов в России за рассматриваемое время не приходится»[348].

[348] *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 127.

Динамика валового сбора хлебов в 1914–1918 гг., в процентах (1909–1913 гг. – 100 %)

1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
98,6	90,4	72,7	71,8	71,7

Источник: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 124.

Основные источники проблем с продовольствием находились не в сельхозпроизводстве, а в торгово-сбытовой сфере, испытавшей серьезную деформацию. Негативно повлияла на торговлю активно проводимая царским правительством денежная эмиссия, которая вызвала рост цен. В 1916 г. стоимость пуда пшеничной муки в потребляющих районах в 7–8 раз превышала довоенную[349]. Высокая инфляция изменила поведение субъектов хлебного рынка. Они стали придерживать продукцию в расчете сбыть ее дороже, когда цена подрастет. Торговля принимала форму спекулятивного ажиотажа. Этому способствовала экспансия на продовольственном рынке банков, которые начали заниматься крупными торговыми операциями, получая прибыли от игры цен.

На поведение мелких производителей повлиял также дефицит товаров ширпотреба, который возник из-за расширения военной сферы экономики[350]. Он снижал интерес крестьян продавать зерно, поскольку вырученные от торговли деньги не находили адекватной реализации на рынке предметов потребления.

Уменьшая продажи, деревня увеличивала потребление хлебов. Такой выбор был естественен при скудном рационе сельских жителей. Согласно данным Н. Д. Кондратьева, норма потребления хлебопроизводящей массы крестьянских хозяйств в годы войны выросла. Одновременно снизилась товарность хлебов[351].

В целом, за 1914–1915 гг. товарные объемы хлеба и картофеля – основных продуктов питания в России – сократились в два раза по сравнению с 1909–1913 гг.[352]. Первое место в спаде продаж занял экспорт. Но и внутренний рынок стал получать меньше, от чего пострадали главные покупатели продовольствия – города и вооруженные силы. В крупных городских центрах недостаток продуктов усилился из-за наплыва беженцев (1–1,5 млн человек).

---

[349] Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати. Пг., 1916. Вып. X. С. 150.

[350] Удельный вес товаров ширпотреба упал к 1916 г. до 53 % от общего выпуска продукции. (Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. М., 1926. С. 41).

[351] *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 132.

[352] Там же. С. 130.

Для снабжения городов и армии, которые стали испытывать нехватку хлебов, пришлось использовать резервы. Это привело к истощению складских запасов зерна. С ноября 1915 по ноябрь 1916 г. они упали с 65 до 15 млн пудов, или в 4,5 раза[353].

Сужение продовольственного рынка сопровождалось его дестабилизацией из-за ухудшения работы ж/д транспорта, который перевозил основную массу товарного хлеба. Исключительная роль железных дорог определялась и наличием серьезных региональных диспропорций, связанных с избытком хлеба в одних регионах и недостатком в других. До войны 2/3 губерний Европейской России зависели от его привоза из крупных зернопроизводящих районов[354].

Железные дороги, которые в первую очередь выполняли огромные военные поставки, не могли обеспечить полноценное продуктовое снабжение в силу ограниченности путевого хозяйства и подвижного состава. Уже в первом полугодии войны объем хлебных перевозок снизился до 60,5 % от довоенного уровня[355].

Далее ситуация лишь ухудшилась, в том числе из-за износа и сокращения подвижного состава[356]. Масштабы недопоставок зерна потребителям были очень значительны. Вот, к примеру, данные о степени выполнения ряда снабженческих заявок на рубеже 1916–1917 гг. Так, Псков должен был получить в ноябре–декабре 321 вагон муки и зерна, а получил к концу января 76. В Новгородскую губернию вместо 1800 вагонов прибыло в конце января всего 10. Вологодской губернии вместо 1080 поставлено 200 вагонов, Туле вместо 100 – 7 вагонов[357].13 февраля петроградский градоначальник А. П. Балк отмечал, что «за последнюю неделю подвоз муки составил 5 тыс. пудов при норме 60 тыс. пудов»[358].

Саботаж производителей и деградация транспорта вели к кризису снабжения городов продовольствием. К февралю 1917 г. голод стал там реальностью[359]. Например, пензенский губернатор А. А. Евреинов сообщал в это время о «начавшейся голодовке в горо-

---

[353] *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 150.

[354] *Островский А. В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы Международного науч. коллоквиума). СПб., 1999. С. 483–484.

[355] Там же. С. 136.

[356] Если на 31 декабря 1915 г. имелось 20,7 тыс. паровозов всех видов и около 576 тыс. вагонов, то на 31 декабря 1916 г. – 16,8 тыс. паровозов и немногим более 463 тыс. вагонов. (*Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 607–608).

[357] *Шляпников А. Г.* Семнадцатый год. М., 1992. с. 9.

[358] Аргументы и факты. 2016. № 8. С. 36.

[359] *Касимов А. С.* Продовольственный кризис в земледельческих губерниях накануне Февральской революции // Известия ПГПУ. № 4 (8). 2007. С. 93; *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985.

дах и больших поселках губернии, о совершенно безвыходном положении населения»[360]. Продуктовая тема широко освещалась и в прессе. По свидетельству газеты «Русское слово» от 5 января 1917 г. «В Твери... уже нет ни белого, ни черного хлеба. Нижегородские мельницы стоят. Даже Сибири, которая, казалось бы, должна задохнуться в невыездной пшенице, коснулось тлетворное влияние петербургской анемии»[361].

Затруднения с питанием испытывала на рубеже 1916–1917 гг. и армия. В октябре 1916 г. она недополучила 45 %, в ноябре – 46,3 %, в декабре – 67,1 %, в январе 1917 г. – 50,4 %, в феврале – 57,7 % продовольственных грузов[362]. Это привело к падению потребления военнослужащих. Например, на Юго-Западном фронте, по свидетельству генерала А. А. Брусилова, солдатам в окопах вместо 3 фунтов хлеба в день стали давать 2 фунта, а в прифронтовой полосе – 1,5 фунта. Брусилов утверждал, что «к февралю 1917 года вся армия... была подготовлена к революции»[363].

Нехватка и подорожание продуктов в центрах потребления оборачивались ростом недовольства и стихийных выступлений. По сведениям Департамента полиции, если за весь 1915 г. произошло 684 голодных бунта, то только за пять месяцев 1916-го – 510[364]. Из-за ухода мужчин на фронт в выступлениях стали чаще участвовать женщины. Это усиливало эмоциональность протестов и оказывало деморализующее воздействие на представителей силовых структур, призванных бороться с беспорядками. Осенью 1916-го по стране прокатилась волна рабочих стачек. Наиболее крупные вспыхнули в Петрограде, где их поддержала часть местного гарнизона. Данное выступление, подавленное властями, стало предвестником Февральской революции.

Таким образом, вследствие нехватки продовольствия в армии и городах набирали силу протестные настроения, которые могли использовать в политических целях антиправительственные силы. Напротив, в сельской местности, согласно докладу директора департамента полиции Т. Васильева от 30 октября 1916 г., сохраняется «спокойное, даже скорее безразличное отношение ко всему тому, что беспокоит городское население»[365].

В этом заключались характерная особенность и новизна для России данного кризиса. Прежние голодовки обычно случались из-за крупного неурожая, от которого страдала в основном деревня. Те-

---

[360] РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 566. Л. 207. (Известия ПГПУ. № 4 (8). 2007. С. 93).
[361] Родина. 2016. № 12. С. 99.
[362] *Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 202.
[363] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 204.
[364] *Китанина Т. М.* Указ. соч. С. 234.
[365] Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 136–138.

перь продуктовый дефицит испытали прежде всего слои, не связанные с сельским хозяйством. Источником кризиса стал не недород, а расстройство системы распределения. Оно было связано с деформацией экономических отношений и развалом транспорта в условиях затяжной войны.

Государственная власть оказалась не готова к эффективному регулированию продовольственного рынка. До войны оно осуществлялось посредством рыночных отношений. Государство, не имевшее хлеботоргового аппарата, в них не вмешивалось. Той же политики руководство страны собиралось придерживаться и в период грядущего конфликта. Так, в одном из документов Военного министерства отмечалось, что «войну мы предполагали вести в расчете только на заготовленные в мирное время запасы. Плана и подготовки к систематическому пополнению расхода этих запасов во время самой войны не было»[366].

С началом Первой мировой в верхах бытовало мнение, что свертывание экспорта хлеба наполнит им внутренний рынок. Но подобная точка зрения не учла фактора расстройства финансов и транспорта. Скоро хлеб стал стратегическим товаром у крупных торговцев, способных аккумулировать его запасы для игры цен.

В 1915 г. государство осуществляет попытки регулировать хлебный рынок. В феврале для борьбы со спекуляцией местные власти получили право запрещать вывоз сельхозпродукции за пределы своей губернии и устанавливать потолок цен на закупки хлеба для армии. В отдельных случаях разрешалась реквизиция продуктов. Но эти меры привели к перебоям со снабжением, поскольку нарушили региональные связи и вызвали нежелание производителей продавать хлеб по твердым ценам.

В августе создается Особое совещание по продовольствию. Оно предназначалось для координации усилий в данной сфере. Однако этот орган так и не стал реальным руководящим центром для учреждений, занимавшихся продовольственной проблемой. Их многообразие и слабое взаимодействие сохранились[367].

Одновременно правительство установило твердые цены на хлеб для госзакупок. Но параллельно действовал свободный рынок. На нем торговцы возмещали убытки от продажи хлеба государству, повышая стоимость продукта для рядовых потребителей.

Политике борьбы с дороговизной серьезно препятствовало влиятельное аграрное лобби. Оно выражало интересы крупных производителей, которые отставали сохранение высоких цен на свою продукцию. Во властных структурах неустанно шло противо-

---

[366] Финансовая газета. 1917. 16 июля.

[367] *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 171.

стояние сторонников госрегулирования и свободного рынка. В сентябре 1916 г. верховная власть все же установила потолок цен на хлеб, обязательный для всех сделок. Но аграрии его повсеместно игнорировали.

Правительство впервые столкнулось с саботажем миллионов сельхозпроизводителей[368]. У него отсутствовали готовые наработки, кадровые и материальные ресурсы в области распределения продовольствия. Верховная власть фактически шла за событиями, пытаясь упорядочить рынок отдельными принудительными мерами. Но они вступали в противоречие с существующей системой и носили половинчатый характер. Беспомощность высшего руководства сквозит в эмоциональном признании Николая II в письме супруге от 20 сентября 1916 г.: «Самый проклятый вопрос, с которым я когда-либо сталкивался! Я... просто ничего не понимаю в этих вопросах о продовольствии и снабжении»[369].

10 октября 1916 г. Особое совещание выдвинуло проект введения карточной системы, но он не был принят за отсутствием «технических средств» к выполнению[370]. Правда, в России кое-где уже действовали продуктовые карточки но они вводились по инициативе местных властей и не стали единой системой. Продажа по ним велась в небольших размерах и была необязательной.

Принятых административных мер оказалось недостаточно. Государство так и не сформировало необходимые структуры, чтобы овладеть хлебной торговлей. Разрушая денежной эмиссией и различными ограничениями существовавший продовольственный рынок, правительство не сумело создать альтернативной системы распределения продуктов питания и защитить потребительский сектор от инфляции.

Государство приобретало продукты прежде всего для армии. Лишь в 1916 г. оно приступило к закупкам хлеба для населения, но по-прежнему основное внимание уделяло вооруженным силам. Так министр земледелия А. А. Риттих заявлял, что мало думает «о какой-нибудь Туле или Оренбурге»[371].

Вопросами продовольственного снабжения городов ведали органы самоуправления. Они не располагали достаточными возможностями для серьезного исправления положения, а подчас усугубляли его, действуя в интересах спекулянтов. Так, в марте 1916 г. полицмей-

---

[368] На 1 января 1915 г. в России насчитывалось около 19 млн крестьянских и помещичьих хозяйств. (Динамика землевладения в России. 1906–1914. М., 1989; Статистический ежегодник России. 1915 г. Изд. ЦСК МВД. Пг., 1916).

[369] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 46.

[370] *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 400.

[371] *Китанина Т. М.* Указ. соч. С. 361.

стер Воронежа докладывал губернатору: «Воронежская городская управа прекратила продажу муки жителям города с целью дать возможность усиленно поторговать мучным торговцам, которые почти все состоят гласными Думы»[372].

Эффективного взаимодействия местной и центральной власти в продовольственном снабжении достичь не удалось. Помешало не только отсутствие в этой сфере дееспособной госструктуры, но и наличие на местах сил, оппозиционных правительству, в том числе в ценовом вопросе.

Это ярко проявилось в конце 1916 г., когда министерство земледелия во главе с Риттихом попыталось улучшить ситуацию новой мерой административного регулирования – продразверсткой. Она устанавливала для каждой губернии объем госзакупок по твердым ценам. Предусматривалось за 35 дней приобрести 772,1 млн пуда хлеба[373].

При этом выполнение разверстки государство переложило на местные земства, не заинтересованные в ее реализации, поскольку та обостряла обстановку в провинции. Разверстка столкнулась с социальным эгоизмом поставщиков зерна, не готовых жертвовать прибылью ради решения общенациональных задач. Производители сельхозпродукции негативно встретили эту меру. Многие губернии требовали уменьшить размеры поставок, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания[374]. Достичь заданного объема не удалось. К началу февраля Риттиху пришлось признать провал своих планов[375].

Итак, проблемы с продовольствием накануне февраля 1917 г. были вызваны не столько его абсолютным недостатком, сколько дестабилизацией финансов, саботажем производителей, развалом транспорта и системы снабжения. Власть с этими явлениями не справилась. Успешного решения таких важных задач государства в продовольственной сфере, как заготовка продуктов, регулирование их перевозок, распределения и потребления, корректировка цен, а также создание сети продовольственных органов, достичь не удалось. Основными жертвами возникшего кризиса стали жители городов и воюющая армия.

Царскому правительству впервые пришлось одновременно проводить в жизнь и формировать политику регулирования продоволь-

---

[372] *Касимов А. С.* Указ. соч. С. 92.

[373] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 488.

[374] *Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны. Исторические записки (Сборник). Т. 31. М., 1950. С. 57–58.

[375] *Нефедов С. А.* Указ. соч. С. 400.

ственного рынка в военное время. Монархии не удалось завершить этот процесс. Данный опыт был учтен советским руководством, которое не допустило повторения негативного сценария тех лет в Великой Отечественной войне.

Яхшиян О. Ю.

Советы, община и концепция крестьянской революции

Аннотация. Обращаясь к выдвинутой В. П. Даниловым концепции крестьянской революции, автор показывает ее возможности в осмыслении феномена Советов как специфического института, порожденного крестьянским (общинным) по своей сути политическим сознанием трудящихся масс города и деревни в условиях краха монархической государственности и развала государственного управления. Общинность Советов доказывается их органичностью как сельских и волостных органов государственной власти, их практическим тождеством с самоуправлением общины в деревне 1920-х годов.

Ключевые слова: Советы, концепция крестьянской революции, крестьянская община, общинные традиции самоуправления, сход, сельсовет, выборные должностные лица сельского и волостного управления.

Soviets, Community and the Concept of Peasant Revolution

Abstract. Referring to the concept of a peasant revolution advanced by V. P. Danilov the author shows its potential in understanding the phenomenon of Soviets as a specific institute generated, in conditions of collapse of the monarchical state and breakdown of public administration, by political consciousness of the working masses in towns and villages, which was in fact peasant (communal) consciousness. The communal character of Soviets is best revealed in their efficiency as village and volost organs of state power, their equivalence to community self-government in the village of the 1920s.

Keywords: Soviets, concept of a peasant revolution, a peasant community, communal traditions of self-government, a gathering, village council, elected officials of village and volost management.

В начале 1990-х годов группа историков во главе с В. П. Даниловым предложила концепцию крестьянской революции 1902–1922 гг. как основы (фундамента) всех революционных процессов в России

тех лет, включая и события 1917 г. Масштаб и характер Великой русской революции в решающей степени определялись участием крестьянства, составлявшего более 80 % населения страны. Активность солдатских масс и рабочего класса при ближайшем рассмотрении оказывалась превращенной крестьянской революционностью («крестьяне, одетые в солдатские шинели», и рабочие в первом поколении – выходцы из деревни). Эта концепция получила отклик в исторической науке и плодотворно разрабатывается (Т. В. Осипова, В. В. Кондрашин, В. В. Бабашкин и др.), но все же ее возможности явно недооценены научным сообществом.

Концепция отнюдь не сводится к утверждению фундаментального значения аграрного «фронта» Великой русской революции и такого ее достижения, как ликвидация помещичьего и «столыпинского» хуторского землевладения. Очень плодотворны положения о крестьянской корректировке аграрной и продовольственной политики большевиков на протяжении всех лет гражданской войны и о небезусловной победе крестьянской революции в начале 1920-х годов (НЭП, Земельный кодекс 1922 г.). Существенное положение и перспективная линия развития концепции крестьянской революции – тезис о возрождении и укреплении традиционной крестьянской общины в ходе и в результате революции. Уравнительное общинное землепользование в 1920-е годы охватывало почти 100 % сельскохозяйственных угодий[376]. Само собой разумеется, что ровно в той мере, в какой Великая русская революция была крестьянской, она в той же мере была и общинной. Как представляется, концепция крестьянской революции очень неплохо работает в понимании природы Советов – важнейшего политического феномена революционной эпохи в России.

В феврале 1917 г. революция в Петрограде, едва начавшись, сразу же, «с места в карьер», стала советской и вышла тем самым за рамки буржуазно-демократического «формата». Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов возник, как известно, раньше Временного правительства и санкционировал, легитимизировал от имени революционных масс его создание. Феномен Советов и фактор двоевластия в решающей мере определили политическую логику революционного процесса в 1917 г.

Советы депутатов (уполномоченных), возникшие еще в ходе Первой русской революции и воссозданные в феврале–марте 1917 г. явились территориально-политической организацией трудящихся слоев российского общества (рабочих, солдат, крестьян), первоначально ориентированной на представительство и защиту соответ-

[376] *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 107, 170.

ствующих интересов в условиях революционной стихии и развала государственного управления. Феномен Советов во многом объясняется социальным опытом русских рабочих, которые горожанами и пролетариями были, в большинстве своем, в первом поколении. Ментально они оставались еще крестьянами-общинниками. А солдаты едва ли не поголовно были «крестьянами, одетыми в солдатские шинели». Когда жизнь заставила объединяться и бороться за свои интересы, они эту борьбу не передоверяли партиям, а организовывались сами, воспроизводя общинные принципы самоорганизации и общинную структуру самоуправления.

Конечно же, активисты и функционеры социалистических партий к самоорганизации трудящихся в форме Советов руку приложили. Но не приходится сомневаться, что Советы не были делом рук социалистических политтехнологов, это продукт стихийного политического творчества рабочих и солдат[377]. По справедливому замечанию Т. Шанина, «...каждый российский рабочий знал, что есть волостной сход – собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие „чужаки" обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждали вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми»[378].

Мнение о том, что Советы явились порождением общинных организационно-управленческих установок крестьянского менталитета (а у русских рабочих и солдат он оставался по существу крестьянским) авторитетно поддержал академик РАН Ю. С. Кукушкин: «Советы родились как естественная форма государственности на новом этапе жизни страны – по инициативе рабочих, прежде всего той их части, которая была тесно связана с деревней. Подчеркиваю, вовсе не в среде квалифицированного пролетариата того времени, скажем, металлистов, этих потомственных рабочих, давно порвавших связь с деревней. Советы стали продолжением тех общинных форм жизни крестьянства, которые сохранялись у большей части российского рабочего класса»[379]. По утверждению Г. А. Герасименко, корни Советов «...уходят в общинные порядки и традиции. Нравится сей

---

[377] *Герасименко Г.* Земства и Советы // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 102.

[378] *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М., 1997. С. 259.

[379] *Кукушкин Ю. С.* Битва за историю. На вопросы обозревателя «Завтра» Александра Прокудина отвечает академик РАН Юрий Степанович Кукушкин, заведующий кафедрой отечественной истории XX века исторического факультета МГУ // Завтра. 1996. № 45 (153).

факт кому-то или нет, но не считаться с ним просто невозможно»[380]. Конечно, следует принять во внимание предостережение В. П. Булдакова, что нельзя механически сводить формирование советской системы к экстраполяции общинных принципов на все сферы жизни общества[381]. *Речь идет о том, что природу Советов нельзя понять без учета общинной самоуправленческой традиции крестьянской России.* Сделав Совет базовым элементом новой государственности, большевики, по меткому выражению В. В. Еремяна, как бы «урбанизировали» принципы крестьянского самоуправления[382].

Если даже в городах Советы строились по лекалам крестьянского самоуправления, то в деревне сельские и волостные органы советской власти по мере стабилизации после Гражданской войны и до потрясений, связанных с коллективизацией, являлись по факту общинным самоуправлением. Для традиционной крестьянской общины закономерно воспроизводство органов и должностных лиц ее самоуправления в качестве низовых и локальных органов государственного управления. «Общинная система самоуправления, – подчеркивает В. П. Данилов, – практически совпадала с системой организации и функционировния местных Советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти. Это в огромной степени облегчило повсеместное утверждение власти Советов»[383].

И в многочисленных источниках, и в работах историков основным органом местного управления в деревне 1920-х годов предстает традиционный сельский сход, в котором принимали участие главы крестьянских дворов[384]. На сходах крестьяне рассматривали и решали любые вопросы жизни деревни: от земельных переделов до выборов сельских должностных лиц, председателей и членов сельсоветов, от утверждения подворных описей облагаемого налогом имущества до найма пастуха, от ремонта дорог и до сборов на общественные расходы (самообложение). Решения схода были обязательны не только для крестьян, но и для сельсовета, который воспринимался как исполнительный орган общинного самоуправления. С. Г. Кара-Мурза прав, когда утверждает, что в деревне Советом считали сельский сход[385],

---

380 *Герасименко Г.* Указ. соч. С. 106.

381 *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 171.

382 *Еремян В. В.* Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). Учеб. пособие для высшей школы. М., 2003. С. 512.

383 *Данилов В. П.* Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 78.

384 *Горохов В.* Сельский совет, сход и земельное общество // Хозяйство и управление. 1927. № 3. С. 20.

385 *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация (книга первая). М., 2001. С. 310, 345.

а не коллегиальный орган из председателя и еще двух-трех человек. Обследования деревни 1920-х годов показывают, что сельсовет практически не действовал как самостоятельный, коллегиальный и посторонний по отношению к сходу орган власти. Должность председателя сельсовета исполнялась в односеленных сельсоветах как прежняя должность сельского старосты, а в укрупненных – как волостного старшины. Как прежняя должность писаря исполнялась должность секретаря сельсовета. В селениях, образующих укрупненный сельсовет, как должность прежнего старосты исполнялась должность уполномоченного сельсовета. Практически повсеместно фиксируется должность сельского исполнителя, который назывался десятским или «очередным», – должность, известная еще в общине средневековой Руси[386].

Характерное обстоятельство, отмеченное во многих обследованиях постреволюционной доколхозной деревни: сходы проводились гораздо чаще, чем заседания сельсоветов (выборных коллегий). По логике вещей должно быть наоборот: орган прямой и непосредственной демократии не должен собираться чаще и легче, чем производный от него выборный исполнительный орган, иначе в последнем отпадает всякая необходимость. А объясняется такое явление общинностью сельского советского управления. В односеленных сельсоветах институт заседаний сельсовета был «пятым колесом в телеге». Вполне было достаточно сходов и председателя сельсовета. (Это и есть деревенское понимание: сельсовет – это сход и председатель.) В многоселенных сельсоветах институт заседаний был более целесообразен и жизнеспособен, поскольку на практике представлял собой инвариант прежнего волостного схода – представительного собрания выборных и очередных должностных лиц селений, образующих волость.

Многократно отмеченный в историографии факт пресловутого «крестьянского абсентеизма» на выборах сельсоветов осенью 1924 г., не на шутку обеспокоивший большевистское руководство, также находит единственное адекватное объяснение в живучести традиционных общинных норм представительства дворов и селений. Низкая посещаемость избирательных кампаний объяснялась не индифферентностью крестьян к советской власти, а общинной традицией: на сходах семью (двор) представлял глава[387]. В отношении участия женщин в перевыборах сельсоветов мужики были настроены скорее отрицательно: «Нас вам не обмануть. Хоть вы и большевики, но и мы не дураки. Теперь вы на собрания затягиваете наших жен, хотите их одурачить. Этого вам не удастся». В сообщениях с мест указывалось:

[386] *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 253.

[387] *Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). М., 2004, С. 55.

«...общее настроение – не пускать жену на выборы. Ковать лошадей не может, ну и не лезь управлять»[388].

Факт общинности Советов в постреволюционной деревне позволяет говорить о характерной политической победе крестьянской революции (вдобавок к аграрной победе): на власть в государстве крестьянство никогда не претендовало, но традиционно-общинный уровень территориально-административного государственного управления, соответствующий дореволюционной волости, прочно удерживало за своим почти сословным самоуправлением.

Для осмысления всего советского проекта исключительно продуктивной представляется проблема превращенных форм традиционной общинной социальности в условиях специфической коллективисткой и мобилизационной модернизации. Советы эпохи Великой русской революции явились, пожалуй, первой, но не единственной, из таких превращенных форм, заслуженно давших название всему проекту и всему периоду отечественной истории с 1917 по 1991 г.

---

[388] *Яхшиян О. Ю.* Общинное самоуправление и Советы: местная власть в русской деревне 1920-х гг. М., 2006. С. 99.

Раздел 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И РОССИЯ

Байбакова Л. В.

«Твердой поступью суровых репрессий»: правительство США против радикализации американских левых в период Российской революции 1917–1918 гг.

Аннотация. Статья касается мер правительства США, предпринятых в ответ на всплеск радикализма в американском обществе под воздействием революционных событий в России. Речь идет о так называемом «антибольшевистском» законодательстве, принятом в более чем 20 западных штатах, а также федеральных законах о шпионаже и подстрекательстве к мятежу 1917–1918 гг., ограничивших свободу слова и вводивших жесткую цензуру. Созданная в стране атмосфера травли левых сил позволила правительству арестовать и заключать в тюрьмы тысячи американцев.

Ключевые слова: экспорт пролетарской революции, революционный радикализм, «красная угроза», антибольшевисткие законы в штатах, законы о шпионаже и подстрекательстве к мятежу, ограничение свободы слова.

«The steady step of severe repression»: the U. S. government against the radicalization of the American Left during the Russian Revolution of 1917–1918

Abstract. The article concerns the U. S. government' measures, undertaken in response to the radicalism surge in American society under the influence of revolutionary events in Russia. The author focuses on the so-called «anti-Bolshevik» legislation enacted in more than 20 western states, as well as the Espionage and Seditions federal acts of 1917–1918, which limited free speech and imposed strict censorship. The atmosphere of

persecution of all left-wing forces allowed the government to arrest and imprison thousands of Americans.

Keywords: the export of the proletarian revolution, revolutionary radicalism, red «scare», anti-bolshevik legislation in states, Espionage and seditions acts, restriction of freedom of speech.

Революцию в России 1917 г. трудовая Америка встретила восторженно, отдавая должное «ее святому, волнующему, вдохновляющему призыву, обращенным к угнетенным всего мира»[1]. Известия о падении царизма, объявлении монархии республикой, принятии первых декретов советской власти о земле и мире, а в дальнейшем – и Конституции РСФСР, носившей социальный характер, оказали революционизирующее влияние на массы. Представители профсоюзных, радикальных и социалистических организаций выступали в защиту первого в мире государства рабочих и крестьян, создание которого свидетельствовало, по общему мнению, о «занятии пролетариатом принадлежавшего ему по праву места вершителя своей собственной судьбы»[2]. Многие из них, примыкая к левому крылу Социалистической партии Америки, рассматривали большевизм в качестве достойнейшего образца для подражания, а революционный захват власти считали более перспективным, чем медленная парламентская эволюция.

Абсолютизируя мысль К. Маркса о том, что освобождение рабочих должно быть делом их собственных рук, левые ратовали за «прямое действие» в виде бойкота, саботажа, локаута и даже всеобщей забастовки в качестве высшей формы классовой борьбы. В планы созданного ими боевого профсоюза «Индустриальные рабочие мира» входил переход средств производства в руки трудящихся и, в конечном счете, «насильственное революционное ниспровержение всей существующей государственной власти». Его девиз был краток: «Бастуйте! Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь». С апреля по ноябрь 1917 г. произошло свыше 3 тыс. стачек. В правительственных кругах профсоюз был причислен к «врагам» государственной власти, цель которых – «подорвать устои частной жизни, присвоить себе имущество, которое они не заработали, и разрушить общепринятый образ жизни». Считалось, что в любой момент в стране может вспыхнуть «народная» революция, в результате чего правительство рухнет, как монархия в России[3].

Вопрос об ответных мерах со стороны правящей элиты слабо изучен в отечественной американистике. Преследуя цель осветить, в

---

[1] Цит. по: Прогрессивная Америка в борьбе. 1917–1973. Док. и мат. М., 1974. С. 50.
[2] Там же. С. 43–44.
[3] *Palmer A. M.* The Case Against the «Reds» // Forum. 1920. Vol. 63. № 2. P. 173–185.

первую очередь, различные аспекты внешней политики США, исследователи скупо освещали перипетии внутриполитической жизни[4]. В этой связи представляется важным выяснить реакцию правительства В. Вильсона, направленную на подавление левого движения во время российской революции 1917–1918 гг.

Сразу заметим, что позиция правящих кругов была неоднозначной: с одной стороны, они приветствовали замену в России авторитарного режима демократической республикой, но с другой, опасаясь вооруженного экспорта левого экстремизма, делали все возможное, чтобы сбить накал революционной борьбы внутри своей страны. Отсюда делались попытки в равной степени очернить деятельность социалистов, коммунистов, анархо-синдикалистов и вообще всех представителей левого движения, идейные убеждения которых объявлялись несовместимыми с основами американской государственности. Большевизм представлялся в виде огромной анаконды, незаметно заползавшей в дома рядовых обывателей, под невинные разговоры о революционных событиях в России. По словам генерального прокурора А. М. Палмера «пламя революции, как огонь в прериях, ... пробило путь в дома наших рабочих, острые языки революционного жара лижут алтарь церквей, проникают в звонок школьного колокольчика, заползают в священные уголки американских семей, стремятся заменить распутством брачные узы, пренебрегая устоями общества»[5].

Образ «внутреннего» врага был унифицирован в общем негативном понятии «красный», употребляемом в отношении всех сторонников революционных преобразований, ратовавших за коллективную собственность на средства производства. На страницах печати они традиционно изображались в виде террористов славянской внешности, непременным атрибутом которых являлась бомба с зажженным фитилем[6]. Не случайно в средствах массовой информации открыто утверждалось, что все без исключения революционеры – это «уголовники-нелегалы» с криминальным прошлым. Именно они повинны в организации стачек и акций гражданского неповиновения, ведущих государство к краху[7].

Страх перед воображаемым экспортом народной революции, именуемой в обиходе «красной угрозой», обусловил всплеск антирадикальной истерии в США. По большому счету речь шла о массовом

---

[4] См. например: История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. М., 1997.

[5] Ibid. P. 173–185.

[6] «The Cloud!» // The Atlanta Constitution. 1919, January 19 // http://americainclass.org.

[7] «It Is Entirely the Bolshevik Spirit»: Mill superintendent W. M. Mink Explains the 1919 Steel Strike // http://historymatters.gmu.edu.

психозе, вызванном распространением в американском обществе коммунистических идей, пропаганда которых усилилась вслед за октябрьским переворотом в России. В стране искусственно создавалась атмосфера подозрения в отношении иммигрантов немецкого происхождения, которые, как утверждалось, с одной стороны, тайно сочувствовали Германии, а с другой, – являясь членами массовых революционных организаций, оказывали «врагу» всяческое содействие. В этой связи резко возросло число ультраправых организаций, самой крупной из которых стал учрежденный правительством в сентябре 1919 г. «Американский легион», состоявший из ветеранов Первой мировой войны. Легионеры намеревались навести порядок у себя в стране, очистив ее от «коммунистической заразы»[8]. Созданные ими в каждом городе посты пресекали всеми способами акции неповиновения. По словам историка Л. Мюррея, американцев обуревал панический «страх перед неминуемой большевистской революцией, способной уничтожить собственность, церковь, дом, брак, гражданские права и американский образ жизни»[9].

Борьбу с «революционным радикализмом» поспешили начать власти западных штатов, где существовали многочисленные отделения «Индустриальных рабочих мира», активно применявших тактику «прямого действия». Первый из таких «антибольшевистских» (понимаемых как анти-синдикалистских) законов был принят в марте 1917 г. в штате Айдахо. Он запрещал «криминальный синдикализм», проповедовавший «преступления, саботаж, насилие и другие незаконные методы терроризма, используемые в качестве средств достижения реформ в промышленности и политической сфере»[10]. В течение последующих двух лет в более чем в двадцати штатах Запада было ужесточено законодательство против «анархии, внедрения и распространения большевизма и родственных ему учений».

Речь шла, в первую очередь, о запрете дискредитации государственных символов в связи с распространившейся практикой вывешивания советских красных флагов на домах американских граждан и использования их в ходе публичных мероприятий. Вот почему в каждом из принятых актов имелась особая статья, запрещавшая проявлять неуважение к государственной символике и, в частности, не допускать в ходе демонстраций использования флагов («красных и черных») чужих государств. Так, согласно закону, принятому в Монтане, «красные флаги, красные стяги, красные эмблемы, которые принято считать символом социальной и промышленной револю-

[8] *James M. A.* History of the American Legion. N. Y., 1923. P. 14.

[9] *Levin B.* Political Hysteria in America: the Democratic Capacity for Repression. N. Y., 1971. P. 29.

[10] *Sims R.* Idaho's Criminal Syndicalism Act // Labor History. 1974. Vol. 15. № 4. P. 511–527.

ции... направлены против организованного правительства»[11]. Впервые в документах государственного значения постулировалось утверждение о том, что красный флаг является не просто символом революции, а зримым свидетельством «намерения свергнуть силой» правительство США.

Второй особенностью принятых законов являлся запрет к публичному призыву или «подстрекательству к мятежу» (читай – к революции). Это положение устанавливало жесткие рамки для ведения полемики по острым и злободневным темам и тем самым ограничивало свободу выражения, гарантированную американцам Первой поправкой к Конституции. Получалось, что при общей декларации прав человека, любое неосторожно сказанное слово кем-либо в публичных выступлениях, не говоря уже о критике правительства, могло завершиться уголовным преследованием.

И последнее, общим в антибольшевистском законодательстве являлось противодействие «незаконным попыткам свержения нынешней формы правительства», при этом именно эта идея определяла побудительные мотивы законодателей. Так, в Род-Айленде в названии фигурировало словосочетание «защита правительства», в Нью-Мехико – «запрет выполнения любых действий, нацеленных на уничтожение правительства», а в Индиане – «признание незаконной пропаганды в пользу свержения правительства Соединенных Штатов»[12]. Дополнительно во многих штатах был введен запрет на саботаж и всеобщую стачку, причисляемых к противоправным формам пролетарской борьбы.

Вслед за репрессивными мерами, принятыми на штатном уровне, последовали действия федерального центра. Они были инициированы президентом В. Вильсоном, считавшим целесообразным в условиях военного времени ужесточить контроль над обществом, в котором были сильными пацифистские и антивоенные настроения. В своем обращении к конгрессу от 2 апреля 1917 г. он заявил, что Германия наводнила американские «правительственные учреждения шпионами, стремящимися к подрыву национального единства». И хотя большинство американцев симпатизировало согражданам немецкого происхождения, правительство в случае их предательства обещало ответить «твердой поступью суровых репрессий»[13]. Вильсон неустанно повторял, «чтобы воевать, нужно быть жестоким и беспощадным, дух безжалостной жестокости должен проникнуть в каждую

---

[11] *Franklin F. G.* Anti-Sindicalist Legislation // American Political Science Review. 1920. Vol. 14. № 2. P. 292.

[12] Ibid. P. 295–296.

[13] *Wilson W.* Address to a Joint Session of Congress Requesting a Declaration of War Against Germany. 1917, April 2 // The American Presidency Project //http://www.presidency.ucsb.edu.

фибру жизни нашей нации, охватить конгресс, суды, полицейских на посту и человека с улицы»[14]. В день объявления войны Германии, 6 апреля 1917 г., он выпустил прокламацию, менявшую правовой статус иммигрантов из стран Тройственного союза. Им запрещалось хранить и передавать документы, написанные с применением шифра, публиковать материалы с угрозами в адрес правительства, совершать враждебные акты, оказывать помощь врагам и т. д.[15]. Таким образом, если на международной арене Вильсон мечтал о создании нового демократического миропорядка, то у себя дома выстраивал систему жесткого контроля над инакомыслием всякого рода.

На фоне раскручиваемой кампании по поиску врага выходцы из Германии первыми подверглись остракизму. Американские немцы стали изгоями в годы Первой мировой войны, так как любого голословного обвинения в нелояльности было достаточно, чтобы засудить человека. В течение 1917–1918 гг. были арестованы сотни тыс. людей, а 4 тыс. человек посажены в тюрьмы[16]. Для того чтобы выжить в таких условиях, одни из них меняли свои имена и фамилии (Шмидты становились Смитами, а Мюллеры – Миллерами), другие остерегались говорить на родном языке и спешно выходили из состава тех или иных общественных организаций[17]. Нередки были случаи линчевания священников за молитву на немецком языке, произнесенную над умирающим человеком[18]. Большинство немецких иммигрантов лишилось должностей, редакции их газет закрылись, а в школах было запрещено преподавание немецкого языка. Из библиотек изымались книги немецких авторов, музыка немецких композиторов менялась на сочинения европейских авторов, а названия немецких блюд в ресторанах переиначивались (так, гамбургские сосиски становились «сосисками победы»). Для демонстрации лояльности властям американцы приобретали военные облигации на весьма значительные суммы (от 500 до 800 долл.)[19].

Неограниченный простор для произвола властей обеспечили принятые в 1917 и 1918 гг. законы о шпионаже и «подстрекательстве к мятежу», которые ограничивали свободу слова и вводили жесткую цензуру в нарушение Первой поправки к Конституции. Конгресс,

---

[14] Цит. по: *White W. A.* Woodrow Wilson: the Man, His Time and His Task. Boston, N. Y., 1924. P. 355–356.

[15] *Wilson W.* Proclamation 1364. 1917, April 6 // http://millercenter.org.

[16] *Hickey D.* The Prager Affair: A Study in Wartime Hysteria // Journal of the Illinois State Historical Society. 1969. Vol. 62. № 2. P. 126–127.

[17] We Had Be So Careful. A German Farmer's Recollections of Anti-German Sentiments in World War // Oral History Courtesy of Latah County Historical Society // http://historymatters.gmu.edu.

[18] *Hickey D.* Op. Cit. P. 126–127.

[19] Prussianizing Wisconsin // Atlantic Monthly. 1919. Vol. 11. № 1. P. 101–102 // http://historymatters.gmu.edu.

пытаясь заставить замолчать оппозицию, пошел на принятие подобных «драконовских мер», разорвавших в клочья право граждан на свободное волеизъявление[20]. «Нелояльность» властям в любом виде теперь считалась преступлением, поскольку запрещалось «произносить, печатать, писать или публиковать любые нелояльные, грубые, непристойные или оскорбительные выражения» о форме правления, Конституции США, правительстве, состоянии армии и т. д. Все виды нарушений карались большим штрафом до 10 тыс. долл. и тюремным сроком от 5 до 20 лет для граждан страны или депортацией для иностранных резидентов. Формально оба закона были направлены против подрывной деятельности немецких диверсантов, но на практике они стали орудием для подавления деятельности доморощенных социалистов и радикалов, в рядах которых было немало иммигрантов. Стоило кому-либо выразить свое недовольство войной, открыто отказаться от покупки облигаций «займа свободы», критически отозваться о военной форме и проч., как виновного наказывали не только штрафом, но и могли определить в тюрьму на длительный срок. По словам генерального прокурора А. М. Палмера, «коммунизм в этой стране был инициирован тысячами иностранцев-нелегалов, являвшихся непосредственными сторонниками Троцкого... Вопрос о том, как департамент юстиции обнаружил в США свыше 60 тыс. этих профессиональных агитаторов Троцкого, касается конфиденциальной информации, основываясь на которой правительство сейчас очищает нацию от всей чужеземной скверны»[21].

Руководствуясь буквой закона, силовые структуры получили право не только арестовывать подозреваемых, уличенных в связях с противником или передаче секретных сведений, но и вести профилактические мероприятия в отношении, прежде всего, лиц или организаций, представлявших общественную опасность. Например, генеральный почтмейстер А. Бурлесон запретил рассылку писем, газет, брошюр и посылок, имевших антивоенную направленность. В итоге 75 газет, выпускаемых левыми социалистами и радикалами, были вынуждены отказаться от критики в адрес правительства[22]. Неугодные издания были закрыты: первыми лишились аккредитации социалистические журналы «The Masses», «The Liberator», «Appealto Reason», «International Socialist», обвиненные в том, что ряд их публикаций якобы подрывает устои государственного строя США.

Первыми под удар попали все радикальные и социалистические организации и, прежде всего, профсоюз «Индустриальные рабочие

---

[20] *Chester E.* Traitors, Spies and Military Tribunals: the Assaults on Civil Liberties During World War // New Politics. 2013. Vol. 14. 2013. № 2.

[21] *Palmer A. M.* Op. Cit. P. 173–185.

[22] *Dashiell E.* Espionage and Seditions Acts of 1917–1918 // http://immigrationtounitedstates.org.

мира», который был «обвинен в том, что существует на немецкие деньги, что все его стачки проплачены из фонда средств немецкой пропаганды, а работа руководства, должностных лиц, короче говоря, всей деятельности осуществляется за счет золота кайзеровской Германии»[23]. Сначала были арестованы 18 руководителей профсоюза, затем произошла одновременная чистка его местных ячеек в 48 штатах, в ходе которых были схвачены сотни активистов и конфискованы документы массой в 5 тонн. Итогом полицейских облав стал арест 165 профсоюзных лидеров ИРМ во главе с Б. Хейвудом. Многие из них были обвинены в государственной измене и приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Тогда же палата представителей лишила мандата социалиста В. Бергера, представлявшего штат Висконсин. В вину ему была поставлена не столько приверженность социалистическим взглядам, сколько немецкое происхождение. Он был приговорен к 20 годам тюремного заключения за «подстрекательство к мятежу».

Однако одна из самых суровых расправ была учинена в июне 1918 г. над Ю. Дебсом, четыре раза избравшемся кандидатом на пост президента США от «Социалистической партии Америки». В июне 1918 г. он произнес знаменитую речь в городке Кэнтон (штат Огайо), в которой заявил, что «социализм... распространяется по всей земле: противостоять этому процессу также бесполезно, как арестовывать завтрашний восход солнца... Это могучее движение в истории человечества. Какая честь служить ему!»[24]. Именно за такую столь высокую оценку социализма Дебс, несмотря на свой преклонный возраст, был арестован и приговорен к десяти годам заключения. Находясь в тюрьме, он принял участие в выборах 1920 г., собрав при этом более 1 млн голосов, т. е. больше, чем когда-либо удавалось социалистам. Это был первый случай в истории США, когда человек, находившийся в тюрьме, принимал участие в президентских выборах.

Судебные преследования нередко касались людей, не состоявших в рядах радикальных или социалистических организаций. Так, к десятилетнему сроку заключения был приговорен сценарист Э. Хичхок за неосторожное высказывание о том, что средства от «займа свободы» попадают в карманы спекулянтов. Аналогичное наказание было вынесено и в отношении режиссера с немецкими корнями Р. Голдстейна, изобразившего в киноленте о войне за независимость в невыигрышном свете англичан, являвшихся союзниками американцев в годы Первой мировой войны. В течение 1917–1918 гг. тысячи человек были оштрафованы или помещены в тюрьмы из-за

[23] Lore L. The IWW Trial // The Class Struggle. 1918. Vol. 2. № 4. P. 378 // https://www.marxists.org.

[24] *Debs E. V.* The Canton, Ohio Speech, Anti-war Speech // The Call. 1918. June 16 // www.marxists.org.

случайно брошенного слова или критического высказывания, позволившего обвинить их в «непатриотизме».

Многие из арестованных, ссылаясь на конституционное право волеизъявления, пытались оспорить суть выдвинутых обвинений. Самое крупное разбирательство, произошедшее в высшей судебной инстанции, касалось дела «Schencky. United States» 1919 г. Вина Ч. Шенка, который руководил работой филадельфийской ячейки социалистической партии, состояла в рассылке 15 тыс. листовок, содержавших призыв к отказу от военной службы. Верховный суд США поддержал выдвинутое против социалиста обвинение. Обоснование его решения было простым: в военное время «никакой, даже самый строгий закон о свободе слова не сможет защитить человека, который умышленно вызовет панику, крикнув „пожар!" в переполненном театре»[25]. Тем самым был создан прецедент о законности ограничения свободы слова в случае, если высказывания и действия тех или иных лиц несут «явную и непосредственную опасность» общественным интересам.

Созданная в стране атмосфера травли всех левых позволила правительству произвольно арестовать и заключать в тюрьмы тысячи людей на длительные сроки. В результате численность социалистов к 1920 г. сократилась с сотен тысяч до нескольких десятков человек. Столь массовое и широкомасштабное нарушение прав американцев, впервые зафиксированное со времени основания государства, ныне считается прелюдией маккартизма времен холодной войны, с его антикоммунистической истерией. В реальности экспорт «пролетарской» революции оставался всего лишь воображаемым аргументом в антисоветских сценариях правящей элиты. Объективных условий для революционного транзита в США из России не было: в американском обществе отсутствовала общепринятая альтернатива правящему режиму, а внесистемная оппозиция была весьма слабой.

Белоусов Л. С.

Революционные события в России в восприятии правящих кругов стран Европы и Америки (1917–1918)

Аннотация. В статье анализируются общие и особенные черты в реакции правящих кругов западных стран на Российскую революцию, а также мотивы и пути их воздействия на развитие революционных событий в России, диктовавшиеся как ходом Первой ми-

[25] Landmark Cases. 12 Historic Supreme Court Decisions. Case Schenck v. United States, 1919 //http://landmarkcases.c-span.org.

ровой войны, так и страхом политических элит перед социальными потрясениями в собственных странах.

Ключевые слова: свержение самодержавия, большевики, сепаратный мир, В. Вильсон, Д. Ллойд-Джордж, В. Ратенау, В. И. Ленин.

Revolutionary events in Russia in the perception of the establishment of Europe and America (1917–1918)

Abstract. This article examines the general and specific features of the reaction of the Western ruling circles to the Russian revolution, as well as the motifs behind and methods of their influence on the development of revolutionary events in Russia shaped by both the course of the Great War and the fears of the ruling elites of social upheaval in their own countries.

Keywords: Collapse of Russian Monarchy, Separate Peace, Bolsheviks, W. Wilson, W. Rathenau, D. Lloyd George, V. Lenin.

Есть общее и особенное в отношении к русской революции правящих кругов ведущих капиталистических стран, воевавших друг с другом.

Первая общая черта, о которой стоит упомянуть, – русская революция не стала большой неожиданностью для политического истеблишмента ведущих стран Запада. За назреванием политического кризиса в России внимательно наблюдали, строя догадки и предположения относительно того, как грядущие события могут сказаться на продолжении войны, что будет с армией, политическим и военным руководством России, останется ли она верна союзническим обязательствам, сможет ли их выполнять? Эти вопросы занимали умы политической элиты стран Запада, особенно остро волнуя истеблишмент после убийства Распутина в декабре 1916 г.

Тем не менее, никто не предполагал, что революция произойдет так быстро. Судя по донесениям дипломатов, работавших в России, революция грянула внезапно и случайно. Неудивительно, что почти никто из высших представителей стран Запада, за исключением, пожалуй, президента США Вудро Вильсона, весной 1917 г. не увидел в русской революции выражение неких общих тенденций новой эпохи. Они не насторожились, ибо считали, что Россия в силу своей культурной и политической отсталости не имела шансов на практическую реализацию марксистских идей, но имела шанс на формирование либеральной демократии. Поэтому они оценивали русскую революцию преимущественно как результат военных поражений и слабости царского режима, которые привели к «бунту рабской души», но не пытались объяснить феномен революции спецификой социально-экономических и институциональных проблем царской России.

Еще одна общая для правящего класса западных стран черта – попытка осмыслить происходящее сквозь призму собственных, национальных в толковании элиты той эпохи, интересов и попытка воздействовать на процесс трансформации в России в выгодном для себя русле. Национальный прагматизм был основой политических оценок и позиции истеблишмента стран Запада. С учетом того, что ведущие европейские страны, а затем и США воевали по разные стороны баррикад, революционная Россия оказалась местом столкновения глобальных интересов держав. По разным причинам все они пережили эволюцию от восторгов и поддержки новой революционной власти до борьбы против правительства большевиков. Однако поначалу им и в голову не приходило, что процесс, начавшийся в феврале в России, может каким-то образом подорвать их собственные позиции в своих странах. А после большевистского переворота практически никто из них не верил, что большевики продержатся долго. Общим знаменателем оценок в высших сферах стран Антанты было представление о том, что произошедшее есть результат усилий Германии и ее верховного командования по подрыву устойчивости российской империи. При этом все дипломаты западных стран, работавшие в России, оценивали большевиков как силу антинациональную и утверждали, что их режим скоро рухнет, ибо они не имеют ни опыта управления, ни опоры в массах. Когда эта иллюзия развеялась, общим знаменателем стало опасение того, что Ленин назвал «искрой, которая может перекинуться на их крыши». Наконец, еще одна общая черта, как бы парадоксально это не звучало, – радость по поводу начала революции в феврале, но причины этой радости и надежды правящих кругов вовлеченных в Первую мировую войну стран были различны.

Германия

Военно-политический истеблишмент шумно восторгался событиями в России, поскольку забрезжила перспектива победы. Стало ясно, что при любом развитии событий революционная, т. е. плохо управляемая Россия станет слабее, и это, возможно, спровоцирует противоречия в стане Антанты. Канцлер Т. Бетман-Гольвег в кругу приближенных обсуждал идею выгодного для Германии «ограниченного перемирия» с Россией, а будущий министр иностранных дел В. Ратенау рассуждал на тему сепаратного мира России с Австро-Венгрией и Турцией.

Эти предложения кажутся тем более поразительными, что вину за происшедшее тот же Ратенау в письме Э. Людендорфу возлагал на англичан, которые помогали, в том числе финансово, Гучкову и Керенскому свергнуть царя, якобы склонявшегося к сепаратному миру с Германией. «Английское происхождение этого спектакля, – пишет

он, – не вызывает сомнений»[26]. Однако Германии это на руку, продолжает Ратенау, ибо ослабление России дойдет до стадии ее распада и таким образом повысит наши шансы на победу. Весной 1917 г. о необходимости добиться выхода России из войны писали все крупные немецкие газеты и предпринимались попытки тайных переговоров с эмиссарами Временного правительства.

Но были и иные голоса. Экспансионисты строили планы нового грандиозного наступления на Востоке. Умеренные предлагали дождаться окончательного распада Российской империи и ее армии. Военное руководство занимало промежуточную позицию, выжидая удобного момента для нанесения удара. И если первоначальный расчет немцев на раскол Антанты не оправдался, то следующий поворот российской драмы в октябре 1917 г. оказался для них настоящим подарком судьбы. В Берлине поначалу даже не поверили в подлинность Декрета о мире. Людендорф и П. Гинденбург прямо заявляли о том, что переворот в Петербурге облегчил положение на фронтах и может дать возможность Германии выйти из войны с победой.

Захват большевиками власти рассматривался военно-политическим истеблишментом Германии не как развитие русской революции, а как ее крах, ибо большевизм – это сила, враждебная стране, и потому обреченная на быстрое поражение. Однако на начальном этапе Германия стремилась поддержать правительство Ленина, быстрее заключить с ним договор, но не слишком жесткий, чтобы преемники большевиков от него не отказались. В декабре 1917 г., когда начались переговоры о заключении сепаратного мира, граф Мирбах в своих донесениях писал, что Ленин и Троцкий не смогут дать населению хлеба, что главным козырем большевиков остается обещание немедленного мира, и этим обязательно надо воспользоваться.

Заключение мира вызвало очередной приступ эйфории в политическом и военном истеблишменте Германии. При этом германская военщина оправдывала его грабительские условия именно тем, что мир заключался не с Россией, а с большевиками, которые грезили мировой революцией, немало не заботясь о сохранении страны.

Тем не менее, единства в правящем классе в отношении России не было и после заключения мира. «Ястребы» во главе с Людендорфом и Гинденбургом предлагали двинуться на Москву, свергнуть большевиков и посадить там марионетку типа украинского гетмана Скоропадского, который не только сохранил бы мир, но и объявил бы войну Антанте. Дипкорпус больше склонялся к тому, чтобы в ожидании возвращения старого порядка проводить политику *divide et impera*, поддерживая и большевиков, и их противников.

---

[26] *Rathenau W.* Politische Briefe. Dresden, 1929. S. 130–131.

Мнение дипломатов возобладало, и даже после убийства посла Мирбаха удалось сохранить мир. Смысл политики Германии, в конечном счете, сводился не только к тому, чтобы удержать захваченные территории, но избежать войны на два фронта. И сделать это было несложно, ибо большевики, говоря словами нового посла в Москве Гельфериха, «хватаются за нас с отчаянием утопающего» и понимают, что без поддержки Германии будут свергнуты[27]. Такой подход давал Германии возможность оказывать заметное влияние на развитие событий в России.

Франция

Французские правящие круги тоже радовались русской революции, но по другим причинам. Во-первых, во Франции раздался глубокий вздох облегчения по случаю изменения образа союзника. До сих пор французам с их революционным прошлым и республиканским настоящим приходилось мириться с царским режимом, с самодержавием, и они не скрывали своих моральных мук, вызванных тем, что свободолюбивая Франция стала союзником автократии. Февральские же события открывали для России путь к свободе и демократии. Будучи в этом уверен, премьер-министр А. Бриан сразу отправил приветственное послание Временному правительству.

Во-вторых, восприятие революции шло сквозь призму революционного опыта Великой французской революции, одерживавшей блестящие военные победы. Это рождало надежду на то, что русская революция высвободит «живые силы народа», который вдохновится свободой и одержит победы на поле брани. Даже не питавший особых симпатий к России Жорж Клемансо был поначалу воодушевлен появлением на Востоке «вооруженной нации», которая, как ему казалось, разрушает образ русских как нации рабов, «преданной культу водки».

В-третьих, радовались потому, что, как полагали французские правящие круги, революция предотвратила возможный сепаратный мир с Германией, к которому слабого царя склоняла влиятельная часть его близкого окружения. В этой связи главным вопросом для правящей элиты во Франции стал вопрос о верности России союзническим обязательствам и ее готовности продолжать войну. И если поначалу крушение монархии не внушало французам особых опасений в отношении боеспособности русской армии, то уже пару месяцев спустя премьер-министр А. Рибо, а вслед за ним многие государственные деятели, генералы и дипломаты высказывали в этом сильные сомнения. Тонкий и наблюдательный дипломат, посол

[27] *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; Muenchen, 1966. S. 394–399.

Франции в России Морис Палеолог крайне осторожно оценивал перспективы русской демократии вообще и предостерегал свое правительство от излишнего оптимизма. Он был уверен в том, что в России грядут новые, более глубокие потрясения, поскольку революция неизбежно поставит в повестку дня необходимость решения коренных проблем жизни.

Прозорливость посла подтверждалась быстрым погружением России в анархию и утратой боеспособности русской армии. Ощущение нарастающего хаоса вызывало во французских правящих кругах серьезные опасения за будущее русского фронта задолго до провального наступления русской армии в июле 1917 г. Еще весной президент Р. Пуанкаре жестко критиковал Временное правительство, в декларации которого (9 апреля) по настоянию Советов содержался пункт о необходимости заключения мира без аннексий и контрибуций.

Ощущение нарастающего хаоса разрушало и едва сложившийся во Франции дискурс русской революции. С лета 1917 г. во французских правящих кругах быстрым темпом нарастало разочарование в ее демократическом потенциале. Ж. Клемансо склонялся к необходимости введения революционной диктатуры во главе с Керенским при опоре на Корнилова. Однако уже в сентябре после провала корниловского мятежа Клемансо, а вместе с ним и большая часть правящего класса окончательно утратили надежду на Россию как страну, идущую к свободе и демократии, и как военного союзника на востоке. С этого времени их интерес к событиям в России резко пошел на убыль. Это произошло вследствие возросшего непонимания механизма и динамики событий в России, которые никак не вписывались в канву принятого во Франции дискурса о революции, а также вследствие тяжелого положения на фронтах.

Поэтому и октябрьский переворот получил во французском правящем классе и обществе значительно меньший отклик, нежели свержение монархии в феврале. «Удручающие новости из России, – отметил Р. Пуанкаре, – верх берут максималисты»[28]. 9 ноября «Юманите» писала о триумфе Ленина, а вместе с ним идеи «о немедленном мире» и других обещаниях, «которые невежественная масса приветствовала без разбора»[29]. На следующий день «Фигаро» заявила о «легком триумфе [большевиков] над правительством, которое не могло и не хотело защищаться»[30]. Захват власти большевиками был воспринят как очередное проявление нарастающей анархии и породил реальные опасения военного краха России. Французский правящий класс оказался слишком близорук, чтобы разглядеть в октябрьских событиях проявление тенденций новой эпохи.

---

[28] *Poincare R.* Au service de la France. T. IX. L'Annee trouble. Paris, 1932. P. 357.
[29] L'Humanite. 9.11.1917.
[30] LeFigaro. 10.11.1917.

Великобритания

То же самое можно утверждать и применительно к Великобритании. Более того, отношение правящих кругов Туманного Альбиона к русской революции во многом было сходным, если не сказать идентичным, позиции французского истеблишмента. Министры и депутаты парламента, лорды и видные дипломаты с восторгом отзывались о новой власти, полагая, что Россия встала-таки на путь демократического развития и вскоре займет достойное место в ряду западных либеральных демократий. Разумеется, дифирамбы сопровождались жестким требованием продолжения войны до победного конца, и это было главной заботой британской элиты.

Как и во Франции, февральские события в России не стали неожиданностью для правящих кругов Великобритании. Ее посол Джордж Бьюкенен был прекрасно осведомлен о реальном положении дел в стране, активно обсуждал ситуацию с окружением царя и с думскими лидерами, оперативно информировал свое правительство. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж имел все основания записать в дневнике еще до начала революции, что «жестокая рука войны быстро обнаружила банкротство царского самодержавия»[31]. При этом ставка делалась исключительно на Керенского, который, по словам Бьюкенена, «был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне»[32].

Эту уверенность не поколебало даже нарастание хаоса и провал июльского наступления русской армии, хотя генералитет рекомендовал Военному кабинету сделать ставку на Корнилова. Военные полагали, что только установление диктатуры могло принести пользу союзникам, предотвратив полный развал русской армии. Этот вопрос обсуждался на заседании кабинета министров, однако было принято иное решение: воздействовать на ситуацию в России через законную власть, т. е. через Керенского, которому было предложено договориться с мятежным генералом.

После провала корниловского мятежа события в России по-прежнему оставались в фокусе внимания британских правящих кругов, от которых не укрылась подготовка к большевистскому перевороту. Сэр Бьюкенен своевременно информировал об этом Даунинг стрит. Он же сумел выразить консолидированную оценку произошедшего британским истеблишментом: большевики – это анархисты и экстремисты, для которых не было «ни родины, ни патриотизма, и Россия была лишь пешкой в той игре, которую играл Ленин»[33]. Это мнение

---

[31] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 3. М., 1935.С. 375.

[32] *Бьюкенен Дж.* Мемуары Дипломата. М., 1925. С. 221.

[33] Там же. С. 239.

Бьюкенена разделял и Ллойд Джордж, который, однако, считал Ленина «единственной действительно сильной личностью, вознесенной русской революцией»[34].

Тем не менее, позиция британского кабинета по отношению к большевикам поначалу была выжидательно-сдержанной, несмотря на то что неоднократно делались официальные заявления о невозможности признания большевистского правительства. Однако вскоре стали все громче раздаваться голоса тех, кто усматривал выгоду для Великобритании в стремлении «избегать как можно дольше открытого разрыва с этими мечтателями» с целью воспрепятствовать движению России «в объятия немцев». Их высокопоставленные носители полагали, что только так можно «отпарировать этот последний ход немцев» (октябрьский переворот. – *Л. Б.*), который не мог осуществиться без их помощи.

В этом контексте следует рассматривать и попытку установления «неформальных» контактов и линии связи между правительствами, когда небезызвестный Р. Б. Локкарт был отправлен с этой миссией в Петроград, а М. Литвинов – в Лондон, а также резкую реакцию Великобритании на начало переговоров в Брест-Литовске, которые были расценены как откровенное предательство. С тех пор стал вырисовываться курс британского кабинета на вооруженную интервенцию в Россию, который обосновывался, прежде всего, военной необходимостью, а после окончания войны – задачей борьбы с антидемократической тиранией большевиков.

США

Отличительной особенностью отношения к событиям в России правящих кругов США является попытка их осмысления с точки зрения формирующейся претензии на глобальное лидерство Америки. Но Россия не находилась в центре военно-политических и внешнеполитических приоритетов США, ей уделялось гораздо меньше внимания по сравнению с европейскими странами и АТР. Поэтому февральские революционные выступления оказались для американского истеблишмента скорее неожиданностью.

Революция спровоцировала бурный восторг на всех этажах власти в США: ее оценили как начало поворота тяжелого корабля российской государственности от авторитарного управления к либеральной демократии западного типа. Американцы усмотрели в этом начало процесса, в котором считали себя уверенными лидерами. Отсюда – их представление о необходимости поддержать этот поворот, ибо сама Россия, не имевшая опыта демократического управления, явно нуждалась в демократическом патернализме. Иными словами,

[34] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. 5. С. 64.

по мнению представителей правящих кругов, следовало активно воздействовать на процесс трансформации в России с целью канализировать его в нужном США, т. е. либерально-демократическом, направлении. При этом все более-менее значимые фигуры в американском истеблишменте были абсолютно уверены в том, что ценности либеральной демократии носят универсальный характер, и потому должны продвигаться по всему миру. Президент Вильсон считал, что русская революция не может быть «плохой» хотя бы потому, что «ее возглавил профессор»[35].

В этом контексте следует рассматривать и быстрое официальное признание Временного правительства 22 марта, и предоставленные ему вскоре займы, а также отчасти и вступление США в войну 6 апреля 1917 г. Однако наиболее информированные и дальновидные деятели, особенно дипломаты, работавшие в России (посол Д. Френсис, консул в Москве М. Саммерс) предупреждали от излишней эйфории. Их прогнозы, сформулированные в докладах в госдепартамент, были весьма настораживающими: Россия движется к хаосу, неизбежна гражданская война, Временное правительство долго не удержится, будет создана сильная военная диктатура, а конечным результатом станет прогрессивная конституционная монархия. И главная причина такого исхода драмы, по мнению американских дипломатов, состояла в том, что многомиллионные массы россиян еще не были готовы к жизни в демократическом обществе.

При этом контуры нового демократического мироустройства уже были обозначены в так называемых «вильсоновских» принципах справедливого послевоенного мира, который предполагал отмену тайной дипломатии, мир без аннексий и контрибуций, равноправие и самоопределение народов и т. д. Молодое российское государство рассматривалось как потенциальный союзник Америки в установлении этих принципов. «Это достойный партнер в Лиге Чести», – заявил Вильсон в конгрессе 2 апреля 1917 г.[36].

Однако Временное правительство не демонстрировало особого стремления к демократизации целей войны. П. Милюков неоднократно заявлял о полном соблюдении обязательств в отношении союзников. Поэтому уже с лета 1917 г. американцы начали проявлять беспокойство по поводу внешнеполитического курса России.

Сообщение посла Френсиса о том, что «Ленин захватил власть», не повергло в шок американские правящие круги. Вильсон лишь

---

[35] *Романов В. В.* Российская компонента внешнеполитической доктрины Вудро Вильсона // Россия и Америка в XX веке. 2007. № 1 // http://www.rusus.ru/?act=read&id=21.

[36] *Wilson W.* Labor Must Be Free // Address to the American Federation of Labor Convention. Buffalo; N. Y., 1917, November 12 // http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=65402.

подверг критике российских «радикалов», назвав их «мечтателями из России»[37]. Однако эти «мечтатели» грозили перехватить у Вильсона инициативу в установлении нового мирового порядка, поскольку их идеи, отраженные в Декрете о мире, почти дословно совпадали с принципами «вильсонизма». Более того, многие современники считали, что большевизм и вильсонизм в принципе смогут найти общий язык.

Сам Вильсон давал для таких заключений немало поводов, выражая публично солидарность с новой властью. Так, он говорил об «искренности» большевиков в Брест-Литовске, заявлял о праве России «принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики», обещал «радушный прием в сообщество наций при том образе правления, который она сама для себя изберет»[38]. В чем он категорически расходился с большевиками, так это в вопросе об отношении к Германии, с которой Вильсон считал необходимым воевать до победного конца. Таким образом, на начальном этапе расхождения касались не столько стратегии в обустройстве мира, сколько тактики в ее осуществлении.

Отрезвление наступило довольно быстро: разгон Учредительного собрания, начало «красного террора», усиление курса на мировую революцию – все это выявило глубокое различие в видении мира большевиками и американским истеблишментом, который начал четко разводить понятия «Россия» и «большевистское правительство». Но даже в этих условиях Вильсон свою главную задачу видел не в свержении большевиков, а в обучении русского народа либеральной демократии. Именно так формулировались установки американскому внешнеполитическому ведомству. Много позже, размышляя над уроками русской революции, Вильсон назвал ее «выдающимся событием нашего века», «продуктом социальной системы» и результатом несовершенства капитализма[39]. Таким образом, в понимании ее природы он пошел значительно дальше своих европейских союзников, что, впрочем, никоим образом не помешало американскому истеблишменту пережить страх перед искрами российского пожара. Уже в июне 1917 г. в США был принят закон о шпионаже, через год – закон «О подстрекательстве к мятежу», на основе которого расследовались все виды «антиамериканской деятельности»,

---

[37] *Wilson W.* Labor Must Be Free// Address to the American Federation of Labor Convention. Buffalo; N. Y., 1917, November 12 //http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=65402.

[38] *Wilson W.* Address to a Joint Session of Congress on the Conditions of Peace. 1918. January 8 // http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=65405.

[39] *Wilson W.* The Road Away from Revolution // The Atlantic Monthly. Vol. 40. 1923. August // http://gutenberg.net.au/ebooks03/0300991.txt.

подвергались аресту и высылке из США подрывные элементы, заподозренные в популяризации большевизма. Но это уже следующая страница истории.

Ватлин А. Ю.

Российская революция в откликах правящих кругов Германии с марта по октябрь 1917 г.

Аннотация. В статье рассматривается реакция отдельных групп политической элиты Германии на первый этап Российской революции: военных, либерально-демократических кругов и левой оппозиции. Решающим критерием отношения к событиям на Востоке был вопрос о том, сможет ли новая власть в Петрограде обеспечить продолжение боевых действий. После провала июньского наступления русской армии главной темой стала дискуссия о перспективах установления в России новой диктатуры или полном развале страны.

Ключевые слова: российско-германские отношения, СДПГ, большевики, В. И. Ленин, П. Гинденбург, Э. Людендорф.

Russian revolution in comments of German ruling circles from March till October 1917

Abstract. The article examines the response on the first stage of The Russian revolution of some groups of German political elite: military, liberal-democratic and the left opposition. The question if the new Petrograd power could support the continuation of war operations was the decisive criterion for the events in the East. After the failure of June attack of the Russian Army the discussion about trends for establishment a new dictatorship in Russia or the whole collapse of the country became the main topic.

Keywords: Russian-German relations, SPD, Bolsheviks, V. Lenin, P. Hindenburg, E. Ludendorff.

Во всемирной истории бывают уникальные ситуации, когда в одной временной точке сходятся на первый взгляд события совершенно разного уровня и масштаба. Однако внутренняя связь между ними проявится в исторически кратчайшее время. В момент революционных взрывов таких событий случается предостаточно. Современникам они казались независимыми друг от друга и не имеющими особого значения. Но «история их не забыла», сведя воедино народы и государства, известных лиц на исторической авансцене и тех, кто долгое время оставался в тени политических событий. Рассмотрим этот парадокс на примере России и Германии, для которых 2 апреля 1917 г. были начертаны перспективы и приняты решения,

которые в момент своего появления относились к разряду маргинальных, но затем, с развитием Российской революции, приобрели магистральный характер.

В этот день в среде российских политических эмигрантов, проживавших в Швейцарии, произошел раскол. Группа большевиков во главе с В. И. Лениным отказалась от согласованной линии поведения по вопросу о возвращении в Россию, предпочтя действовать на свой страх и риск. Соратник Ленина швейцарский социалист Фриц Платтен получил полномочия на ведение переговоров с посланником Германии в этой стране фон Ромбергом. Будущему основателю советского государства нужно было во что бы то ни стало первым оказаться в революционном Петрограде, чтобы не упустить уникальную возможность реализации собственной политической программы. Разрешение немецких властей не заставило себя долго ждать. Ровно через неделю от перрона Цюрихского вокзала отошел поезд с 32 социалистами из России, которые присоединились к Ленину. Так началась знаменитая история «пломбированного вагона», который через территорию враждебной Германии привез в Россию вождя самой радикальной из революций прошедшего века[40].

В «совершенно секретной» памятной записке германского посланника в Копенгагене графа Ульриха Брокдорф-Ранцау (и будущего министра иностранных дел Веймарской республики), направленной им 2 апреля 1917 г. в берлинское Министерство иностранных дел, говорилось: «По моему мнению, нам необходимо сделать все возможное, чтобы исподволь и скрытно углубить противоречия между умеренными и крайними партиями [в революционной России], ведь мы наиболее заинтересованы в том, чтобы последние одержали верх, ибо тогда переворот станет неизбежным и обретет формы, которые должны потрясти основы существования русской империи». Опираясь на свои беседы с Александром Парвусом, посол пришел к выводу: «по всей вероятности, через какие-нибудь три месяца в России произойдет полный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи»[41].

Невольно напрашивается вопрос: неужели немецкие власти не отдавали себе отчет в том, что их ставка на превращение большевиков в инструмент реализации своих собственных планов был подобен игре с огнем? Ленин впоследствии использовал этот образ, говоря об «искрах нашего пожара, которые перекинулись на немецкую крышу». Высокомерное отношение как к развернувшейся в России революции, так и к политическому потенциалу большевистской партии, дорого обошлось правящим кругам Германии. Их традиционная

---

[40] *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 46–54.

[41] Цит. по: *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 3.

уверенность в том, что русских надо «не изучать, а поучать», подкрепленная успехами на фронтах Первой мировой войны, привела к фатальным ошибкам во внешнеполитическом планировании, которые привели к падению «второго рейха».

Что представляли собой правящие круги Германии на начало 1917 г.? Это была прежде всего так называемая «военная партия», т. е. милитаристское окружение кайзера, ставка Верховного главнокомандования и юнкерская аристократия. Местом сосредоточения оппозиции «его величества», как и до войны, оставался рейхстаг. В годы войны там сложился блок либералов и умеренных социалистов, отстаивавший цель достижения компромиссного мира при сохранении большей части германской добычи. Радикальная оппозиция в лице левых социалистов оформилась лишь в апреле 1917 г. Их лидеры проецировали события, происходившие на демократическом этапе революции в России, на сцену германской внутренней политики.

Жесткая цензура, существовавшая в Германии на протяжении всех военных лет, практически исключает из числа источников по данной теме прессу. Позицию правящих кругов приходится реконструировать исходя из протоколов официальных заседаний в ставке, а также из опубликованной переписки и мемуаров первых лиц государства, как гражданских, так и военных. В современной немецкой историографии тема, выдержанная в социокультурном ключе, весьма популярна. Следует отметить явный политический подтекст даваемых оценок: если Эрнст Нольте видит в реакции германской буржуазии на русскую революцию исключительно «великий страх», который, в конечном счете, привел к власти национал-социалистов[42], то левые историки, в частности Герд Кенен, избегают прямолинейных обвинений. «Большевизм, несомненно, вызывал страх, но в такой же мере и любопытство. Ведь то, что происходило в России, взрывало все обычные мерки. И этому соответствовал размах различий в интерпретациях»[43].

Февраль–май 1917: заговор Антанты, конец или обновление России

Свержение монархии Романовых и создание Временного правительства не было воспринято германским обществом и правящей элитой как событие эпохального значения, выходящее за рамки российской истории. Мерой всех вещей оставалась мировая война, все было подчинено достижению в ней победы германской армии. И официальная пресса, и генералитет не скрывали своей радости от

[42] См.: *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003.

[43] *Копелев Л., Кенен Г.* Проигранные войны, выигранное благоразумие. Беседа о прошлом в конце эпохи // Германия и русская революция. 1917–1924. Т. 5(1). М., 2004. С. 24.

известий из России, ведь это было то самое «чудо-оружие», которое обещало принести Германии долгожданную победу. Посланник в Стокгольме и экс-советник рейхсканцлера Бетман-Гольвега Курт Рицлер отмечал в своем дневнике в день вступления в войну США, что революция в России «запоздала на целый год»[44]. 4 апреля канцлер обсуждал в узком кругу своих советников перспективу «ограниченного перемирия» с Россией. Полная потеря российской армией боеспособности принималась как данность, участники совещания сошлись во мнении, что крестьяне тут же массово побегут с фронта, чтобы участвовать в разделе помещичьей земли[45].

Первые оценки причин Российской революции, прозвучавшие в Германии, были выдержаны в конспирологическом духе – официальная пресса вела речь о «заговоре послов Антанты», «финансовых вливаниях Уолл-Стрит» и т. п. Эта легенда сохранилась в исторической памяти военной верхушки кайзеровской Германии на долгие годы. По мнению Гинденбурга, «союзники щедро снабжали свои миссии в Петрограде деньгами, которые для российских общественных кругов куда действеннее, чем политические причины»[46]. Генерал Макс Гофман, отвечавший за Восточный фронт, вторил своему Главнокомандующему: британский посол в Петербурге Джордж Бьюкенен «действовал сообразно своим инструкциям, когда помогал Керенскому и Гучкову свергнуть царя»[47].

Социолог Макс Вебер, выступавший в роли либерального публициста, также клеймил продажность Временного правительства: «Политики, причастные сегодня к власти, неважно, какое направление они представляют, испытывают потребность в банковских средствах», а потому пойдут на все, чтобы сохранить в стране прежние отношения собственности и власти[48].

Общий знаменатель первых откликов политической элиты Германии на Февральскую революцию заключался в следующем: она ослабляет противника и повышает наши шансы на победу. О том, что свержение царизма лишило германскую пропаганду центрального образа врага и в определенном смысле обесценило провозглашенные в 1914 г. цели войны, предпочитали не вспоминать. На первых порах никто не решался говорить и о сепаратном мире – немцы отдавали себе отчет в том, что в условиях «революционной демокра-

---

[44] *Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen, 2008. S. 83.

[45] Ibid. S. 423.

[46] *Гинденбург П.* Из моей жизни. М., 2013. С. 214.

[47] *Гофман М.* Война упущенных возможностей. СПб., 2016. С. 159.

[48] Статья Вебера появилась в газете «Хильфе» в апреле 1917 г. под названием «Переход России к мнимой демократии» (Цит. по: Германия и русская революция 1917–1924. С. 362–363).

тии» новые власти в Петрограде вряд ли пойдут на столь двусмысленный шаг[49]. Ставка делалась на то, что развитие событий в России не сгладит, а углубит разногласия в рядах Антанты.

Видные деятели либерального лагеря вроде Матиаса Эрцбергера сразу же предложили властям свои услуги в организации тайных переговоров, чтобы закрепить выход России из войны. Эрцбергер писал Бетман-Гольвегу 27 марта 1917 г.: «Либо у нас будут добрые отношения с новой Россией, либо мы создадим себе смертельного врага – третьего не дано, поскольку полное уничтожение России является военной и политической утопией»[50]. Впрочем, дела одного из лидеров партии «Центр» далеко не всегда соответствовали его словам. На протяжении весны 1917 г. Эрцбергер (именно он от лица Германии подпишет Компьенское перемирие в ноябре 1918 г.) неоднократно встречался в Стокгольме с посредниками, выступавшими от имени Временного правительства, и даже выработал условия сепаратного перемирия, которые вызвали возмущение кайзера. Он же был одним из организаторов проезда Ленина и его соратников в Россию через Германию.

Вопрос о «пломбированном вагоне» стал стержнем острых дебатов в немецкой политической элите только после окончания мировой войны. Каждая из сторон, принимавших участие в принятии данного решения (военные и гражданские власти), отстаивала свою правоту и возлагала вину на оппонента. «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание; Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить, чтобы мы не погибли вместе с ней», – настаивал Людендорф[51].

В годы войны принадлежность того или иного общественного деятеля к либеральному лагерю отнюдь не являлась гарантией от экспансионистских устремлений. Как раз в марте 1917 г. Бетман-Гольвегу была передана петиция известных деятелей науки и культуры (среди 20 тыс. подписей были и подписи ведущих немецких историков Фридриха Майнеке и Иоганна Галлера), в которой звучало требование незамедлительно воссоединить оккупированную часть Прибалтики с Германской империей[52]. Там, где общественное мнение совпадало с ее собственными интересами, правящая элита Германии охотно к нему апеллировала.

---

[49] Запись в дневнике Рицлера от 3 апреля 1917 г. // Riezler K. Op. cit. S. 423.

[50] Цит. по: *Epstein K.* Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie. Berlin, 1962. S. 188.

[51] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2016. С. 449.

[52] См.: *Бонвеч Б.* Исследователь России Отто Гетч: гибкость и упорство // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX века. М., 2010. С. 233.

Откровенные экспансионисты стали строить грандиозные планы нового наступления на Востоке, хотя силы немецкой армии в первой половине 1917 г. были связаны отражением французских атак. Умеренная часть правящих кругов и руководители партии «Центр» предлагали «дождаться окончательного распада Российской империи и ее армии»[53]. Военное руководство занимало промежуточную позицию, выжидая удобного момента для нанесения нового удара. Гинденбург писал, что «наш план с самого начала заключался в том, чтобы не мешать естественному ходу событий, но быть начеку, чтобы он не помешал нам, или, точнее, не смешал нас самих с грязью»[54]. Фактически речь шла о нейтрализации среди немецких солдат революционного эха, которое сразу же проявило себя массовыми братаниями «окопников».

От внимания германских правящих кругов не ускользнуло и то, что революционные события в России привели к поляризации политических сил и росту левых настроений в их собственной стране. «Социал-демократы вдохнули красное облако», они указывают на Россию и переходят к скрытым угрозам в адрес властей, отмечал в своем дневнике Рицлер. И продолжал: «А на другом краю вопли возмущения всех консервативных военоначальников – упреки в адрес канцлера, что он возбуждает аппетиты и ничего не предпринимает против так называемого восхваления русской революции»[55].

Действительно, февральские события в России привели к радикализации СДПГ, до того выполнявшей функцию придворной оппозиции. Социал-демократы традиционно ненавидели царизм и превозносили его политических противников[56]. Один из лидеров партии Густав Носке отмечал после первых известий о свержении царя, что это событие лишило кайзера и его ближайшее окружение мужества противостоять демократизации страны». 19 апреля 1917 г. президиум и фракции СДПГ в рейхстаге и прусском ландтаге приняли восторженную резолюцию: «Со страстным сочувствием мы приветствуем победу русской революции и вызванное ею оживление международных стремлений к миру». Центральным положением резолюции была поддержка призыва Петроградского совета к миру без аннексий и контрибуций[57].

---

[53] *Кенен Г.* Указ. соч. С. 54.

[54] *Гинденбург П.* Указ. соч. С. 213.

[55] *Riezler K.* Op. cit. S. 419, 420.

[56] «Мужчины и женщины, которые боролись против этого колосса варварства, были для нас святыми», – утверждал один из лидеров СДПГ Фридрих Штампфер (цит. по: *Царуски Ю.* От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» // Германия и русская революция. 1917–1924. С. 100).

[57] Цит. по: *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 164–165.

При обсуждении проекта резолюции один из лидеров СДПГ Филипп Шейдеман заявил: «если правительство не отдает себе отчета в окружающем, а может быть, даже посматривает направо, тогда положение в Германии, правда, иными путями сложится так же, как в России»[58]. Используя в своих целях жупел революции и указывая на Восток, лидеры СДПГ понимали, что теперь их собственная страна стала оплотом деспотизма в Европе, а значит, главный враг оказался в собственном лагере. Но открыто заявляли об этом только «спартаковцы» – левые радикалы в социалистическом лагере[59], подвергавшиеся на исходе войны все более жестоким полицейским преследованиям.

Лето–осень 1917 г.: новая диктатура или царство хаоса?

Общий вектор оценки событий в России немецкими политиками сохраняется и в последующие месяцы 17-го года – речь идет о ее способности и готовности к продолжению войны. Июньское наступление русской армии вызывает заметную смену настроений – надежды на тождество демократии и пацифизма растаяли. По мнению Гинденбурга, Керенский настаивал на активизации боевых действий не только в угоду Антанте, но и для того, чтобы упрочить в стране собственное всевластие, «новую диктатуру. А без диктатуры Россия обречена на хаос»[60].

В день начала контрнаступления немецкой армии на Восточном фронте появляется мирная резолюция рейхстага. То, что «гражданский мир» в Германии стал рушиться, стало еще одним из результатов Российской революции: «чем больше становится нужда, тем больше становится и власть рейхстага, за счет власти правительства», утверждал Шейдеман[61]. 14 июля 1917 г. состоялась встреча лидеров СДПГ с Гинденбургом и Людендорфом. Две недели спустя руководство партии направило Бетман-Гольвегу записку о положении в стране. Среди прочего в ней признавалось: расчеты правящих кругов Германии на то, что революция в России приблизит нас к миру, оказались тщетными. «Мы должны считаться с возможностью того, что новая Россия останется в рядах Антанты»[62]. Чтобы вырвать ее оттуда, надо позитивно отреагировать на предложение о мире без аннексий и контрибуций, прозвучавшее из Петрограда. «Развитие событий либо привело бы к разрыву между Россией и ее союзниками, либо последние увидели бы себя вынужденными вступить на

---

[58] Цит. по: *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 165.

[59] См. листовку: Красный призрак. Лето 1917 г. // «Спартак» во время войны. М., 1933. С. 175.

[60] *Гинденбург П.* Указ. соч. С. 216.

[61] *Шейдеман Ф.* Указ. соч. С. 132.

[62] Там же. С. 223.

почву той же формулы мира»[63]. Естественно, подобные предложения были проигнорированы Верховным главнокомандованием.

Его внимание было сосредоточено на продвижении немецкой армии в Прибалтике, которое завершилось взятием Риги. «Русская армия сведена на нет, войсковые части превращены в вооруженные скопища, не представлявшие никакой ценности в военном отношении»[64]. Морской офицер (и отец будущего президента ФРГ) Эрнст Вайцзекер писал об этом в своем дневнике и письмах родным летом–осенью 1917 г. «Русская военная машина скрипит, и в этой войне она уже не дождется смазки». «Часто говорят о том, что лучше бы получить мир с русскими не из рук революционного правительства. А мне пока все равно, кто отправит по домам русских солдат»[65].

Военные успехи сентября 1917 г. вернули прежние аппетиты гражданской партии, которая в очередной раз забыла об осторожности. Известный предприниматель и талантливый публицист Вальтер Ратенау указывал генералу Секту на то, что контрнаступление на Востоке поможет нам добиться достижения «великой цели... я имею в виду задачу германского проникновения в Россию и ее укрощения»[66]. Речь шла уже не о внесении раскола в ряды Антанты, а об оккупации и внешнем управлении на западных окраинах Российской империи. При этом Ратенау не исключал того, что в силу логики революционного процесса Россия окажется «способна к внутренней консолидации, возможно и под флагом возникающего ныне терроризма»[67].

Осторожные голоса, призывавшие не поддаваться «головокружению от успехов», можно пересчитать по пальцам. 25 октября 1917 г. генерал Вильгельм Гренер, третий в военной иерархии Германии, записывал в своем дневнике: «Способно ли продвижение германской армии к Петрограду ухудшить внутриполитическое положение в России в нашу пользу, сказать сложно. Я всегда выступаю против того, чтобы делать ставку на подобные надежды. Мы, немцы, слишком часто ошибались, как это произошло с поляками и индусами. Мы ожидали восстания этих народов, но ничего не произошло»[68].

Однако на этот раз «мы», то есть военно-политические верхи Германии, не ошиблись. 7 ноября 1917 г. по новому стилю в Петрограде власть захватила партия большевиков, подведя тем самым роковую черту под демократическим этапом Российской революции.

---

[63] *Шейдеман Ф.* Указ. соч. С. 224.
[64] *Гофман М.* Указ. соч. С. 180.
[65] Die Weizsaecker-Papiere 1900–1932. Berlin; F. a. M.; Wien, 1982. S. 239, 256, 259.
[66] Цит. по: Германия и русская революция. С. 248.
[67] *Rathenau W.* Politische Briefe. Dresden, 1929. S. 159.
[68] *Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend. Generalstab. Weltkrieg. Göttingen, 1957. S. 560.

Вершинин А. А.

Миссия Альбера Тома в революционной России (апрель–июнь 1917 г.)

Аннотация. Статья посвящена поездке французского министра вооружений А. Тома в революционную Россию с целью установления прямых контактов с новыми властями и, по возможности, оказания влияния на их решения. При этом в России А. Тома начал вести собственную игру, вступив в тесный контакт с представителями революционной демократии и приступив к созданию пропагандистской инфраструктуры.

Ключевые слова: А. Тома, А. Ф. Керенский, М. Палеолог, Петроградский совет, Временное правительство.

Albert Tom's mission in Revolutionary Russia, April–June 1917

Abstract. The paper concerns the mission of the French minister of armament A. Thomas to the revolutionary Russia, intending to establish the direct contacts with new authorities and to influence their policy. However, Thomas played his own game having got in touch with the so called revolutionary democracy and attempting to create the propaganda infrastructure in the country.

Keywords: Albert Thomas, A. Kerenski, M. Paléologue, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, Provisional government.

Революция 1917 г. в России стала сюрпризом для французских правящих кругов, хотя они в течение нескольких лет ожидали, что в Петрограде произойдет серьезный политический катаклизм. Быстрое крушение монархии породило опасения за судьбу ключевого союзника Франции в Первой мировой войне. Накануне революции президент Раймон Пуанкаре, рассматривая возможные варианты развития событий в России, предположил, какие последствия может повлечь за собой свержение царя: «Мы потеряем союзника в лице Николая II, который, по крайней мере, верен нам, и мы не знаем, кто придет ему на смену»[69]. Отречение императора 15 марта 1917 г. (здесь и далее все даты – по новому стилю) привело к власти людей, о реальном политическом ресурсе которых французы имели лишь самое общее представление.

Посол Франции в Петрограде Морис Палеолог на протяжении трех лет находился в тесных отношениях с представителями думской оппозиции и к концу 1916 г. практически открыто поддерживал

[69] *Poincaré R.* Au service de la France. T. IX. L'Année trouble. Paris, 1932. P. 68.

их критику императорского правительства. Однако после 15 марта он стал смотреть на них во многом по-другому. «Ни один из людей, стоящих в настоящее время у власти, – записал он 17 марта, – не обладает ни политическим кругозором, ни решительностью, ни бесстрашием и смелостью, которых требует столь ужасное положение... Они напоминают мне о том, чем были в июле 1830 г. все эти Моле, Одилоны, Парро и пр. А нужен был, по крайней мере, Дантон»[70]. В условиях мировой войны монархию может заменить лишь революционная диктатура, но для нее в России нет ни политической воли, ни соответствующих лидеров. С самого начала революции Палеолог смотрел на ее перспективу скептически и соответствующим образом информировал свое правительство.

Уже 20 марта Палеолог не сомневался в том, что революция станет сокрушительным ударом по способности России вести войну. Опубликованный в этот день манифест Временного правительства говорил сам за себя. «Не заявлена даже решимость продолжать борьбу до конца, до полной победы, – возмущался посол, – Германия даже не названа! Ни малейшего намека на прусский милитаризм. На малейшей ссылки на наши цели войны... Франция тоже делала революцию перед лицом врага. Но Дантон в 1792 г. и Гамбетта в 1870 г. говорили другим языком»[71]. 23 марта он направил премьер-министру Рибо депешу, в которой достаточно точно предсказал, по какому сценарию будут развиваться события в России. «События, при которых мы присутствуем, по-моему, являются лишь прелюдией, – писал Палеолог, – силы, призванные играть решительную роль в конечном результате Революции, еще даже не пришли в действие... Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят возникнуть... Мы не должны желать, чтобы [их] решение было близко, потому что оно не пройдет без глубоких потрясений. Итак, нам приходится ждать того, что в течение довольно долгого периода усилие России будет ослаблено или ничтожно»[72].

Информированный Палеологом Рибо пессимистически смотрел на перспективы Русской революции. В письме французскому послу в США от 14 апреля 1917 г. он отмечал: «Революция, которая произошла в России без всякого сопротивления [со стороны режима], едва ли будет способствовать энергичному продолжению войны»[73]. Из России продолжали поступать тревожные сигналы. Представитель французской военной разведки в Петрограде докладывал в Париж 8 апреля 1917 г.: «Хотя Временное правительство и

[70] *Палеолог М.* Царская Россия накануне Революции. М., 1991. С. 370.
[71] Там же. С. 380.
[72] Там же. С. 387–388.
[73] *Ribot A.* Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites. Paris, 1936. P. 53.

решило в принципе продолжать войну с напряжением всех сил для ее успешного завершения, вблизи него действует и мощный фактор мира, уходящий корнями в партии рабочих и крестьян, привлекший к такой мысли немало членов Думы. Окажет ли правительство сопротивление этому течению или будет сметено им – вот вопрос для союзников. По-моему, оно пойдет на уступки... Династия Романовых свергнута, а сменившие ее у власти не связаны обязательствами»[74]. На страницах своего дневника и в депешах в Париж Палеолог фиксировал распространение антивоенных настроений в Петрограде и рост влияния Петросовета, где они были наиболее сильными: «Совет требует, чтобы Правительство немедленно сговорилось с союзниками относительно открытия мирных переговоров на следующих основаниях: „Ни аннексии, ни контрибуции, свободное самоопределение народов"... Требования Совета равносильны отпадению России»[75].

Декларация Временного правительства от 9 апреля подтверждала худшие подозрения французов. В ней выражалась решимость новых властей продолжать войну до победного конца, однако по настоянию Петросовета в текст декларации был внесен и пункт о необходимости заключения мира на демократических началах. Через пять дней после ее опубликования в своем письме послу в Вашингтоне Рибо отметил: «Временное правительство запугано солдатским и рабочим комитетом, если еще не подчинено ему. Оно не решается избавиться от него в страхе спровоцировать забастовку на железных дорогах и, возможно, гражданскую войну»[76]. Об опасениях французского руководства премьер-министру 16 апреля писал президент Р. Пуанкаре: «Манифест русского временного правительства очень опасен, так как в Германии и Австрии его могут воспринять как признак готовности к немедленному заключению мира... Для нас белый мир был бы равнозначен поражению и заложил бы основы новых войн в будущем»[77].

Палеолог считал, что его возможности повлиять на ситуацию исчерпаны. Встречи с П. Н. Милюковым, получившим в составе Временного правительства портфель министра иностранных дел, окончательно убедили его в том, что новые руководители России не контролируют страну и армию. Реальная власть концентрировалась в руках Советов, но у французских эмиссаров, которые до сих пор действовали преимущественно в среде столичной либеральной общественности, не было каналов выхода на их лидеров. Руководитель французской военной миссии в Петрограде генерал Морис

[74] Революция глазами Второго бюро // Свободная мысль. 1997. № 9. С. 104.
[75] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 420.
[76] *Ribot A.* Journal d'Alexandre Ribot. P. 53.
[77] Ibid. P. 65.

Жанен считал, что посредниками здесь могли бы стать французские социалисты[78].

В конце марта в Париже приняли решение направить в Россию делегацию французских политиков-социалистов. В их задачи входило оказать влияние на своих «политических единоверцев»[79] и убедить их в необходимости продолжать войну до победного конца. «Проповедовать Совету благоразумие и патриотизм»[80] отправились три депутата французского парламента – Марсель Кашен, Мариус Мутэ и Эрнест Лафон. Одновременно с ними в Петроград по поручению правительства отбыл министр вооружений, член СФИО А. Тома, имевший опыт переговоров с русскими союзниками. Он должен был дополнительно прояснить ситуацию, а также «придать решимости действиям Временного правительства»[81]. В середине апреля 1917 г. французские делегаты прибыли в Россию.

Те, кто во Франции непосредственно принимал важнейшие политические решения, довольно быстро поняли, каковы наиболее вероятные последствия революционного потрясения в России. Их публично озвучиваемая позиция могла быть выдержана в оптимистичном духе, однако дневниковые записи и служебная переписка свидетельствуют о том, что с самого начала у них преобладали скептические настроения. В массе своей принадлежавшие к умеренному крылу республиканцев, эти люди смотрели на происходящее с точки зрения реальной политики и французского государственного интереса. В отличие от них, социалисты и, шире, большинство левых политиков видели в Русской революции великий освободительный порыв, сравнимый лишь с тем, что произошло во Франции в конце XVIII в. С их точки зрения, революция, свергнувшая автократию, не только не вредила делу победы над внешним врагом, но, наоборот, давала новые возможности для ведения войны.

Именно таких взглядов придерживались социалисты, в марте–апреле прибывшие в Россию в качестве эмиссаров французского правительства. В 1914 г. Кашен, Мутэ и Лафон были твердыми оборонцами, однако на третьем году войны они, как и значительная часть их однопартийцев, стали пересматривать свое отношение к войне. Военные действия слишком дорого обходились миллионам французов, которые массово гибли на фронте и страдали в тылу. Недовольство быстро распространялось в рядах Социалистической партии, которой было тем тяжелее примириться с политической реальностью, что, поддержав в 1914 г. ведение войны, она, во многом,

---

[78] Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 14. № 1–2, janv.–juin. 1973. P. 93.

[79] *Ribot A.* Lettres à un ami. Souvenirs de ma vie politique. Paris, 1924. P. 230.

[80] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 428.

[81] *Ribot A.* Lettres à unami. P. 232.

поставила под удар те принципы, вокруг которых формировалась ее идентичность[82]. Превращение войны в крестовый поход демократий против авторитаризма можно было использовать как лозунг для мобилизации уставшего французского общества. Требовалось главное условие: убедить русских революционеров продолжать войну.

Ту же цель преследовал и А. Тома. При этом, действуя в качестве официального представителя французского правительства, он ставил перед собой более амбициозные задачи, чем установление контакта с представителями Советов. Фактически он предложил проект формирования новой политики Франции в отношении России. Взгляд Тома на перспективы Русской революции изначально расходился с пессимистическими наблюдениями французского посла. Если Палеолог склонялся к выводу о том, что Россию ждет анархия, то министр вооружений считал, что перед ней и перед Антантой в целом открывались многообещающие перспективы. С учетом всех поправок на то, что он являлся официальным лицом и действующим политиком, Тома оставался социалистом, который смотрел на события через призму идеологии. Он был убежден, что Русская революция идет по пути Французской и связывал с ней большие надежды. Едва прибыв в Россию, он телеграфировал премьер-министру, что страна переживает подъем патриотизма, сравнимый с тем, что французы переживали в 1792 г.[83]. «В движении народных и солдатских масс, в гуманистических мечтах народа, долго остававшегося в оковах и вдруг освободившегося, он видел горячее патриотическое чувство, которое позволяло надеяться на то, что возобновившаяся борьба против Германии продолжится с новой энергией до победного конца», – вспоминал Рибо[84].

Как и М. Палеолог, Тома констатировал факт наличия в России двух центров власти – Временного правительства и Советов. Однако в отличие от посла, для которого Советы оставались загадочной и опасной стихией, он видел в них основную действующую силу революции, с которой необходимо найти общий язык. Советы, считал он, представляют собой движение, «которое, по сути, не противоречит демократическим стремлениям стран Запада»[85]. Они, безусловно, несут на себе отпечаток национальной специфики, однако было бы большой ошибкой считать их чисто деструктивной силой. Рауль Лабри, в 1917 г. сотрудник Французского института в Петрограде, а впоследствии один из крупнейших французских русистов, писал: «А. Тома справедливо рассуждал, утверждая, что Советы яв-

[82] *Вершинин А. А.* Мировая революция под звуки «Марсельезы». К истокам французского коммунистического движения. 1919–1923. М., 2012. С. 29–30.
[83] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 89.
[84] *Ribot A.* Lettres à un ami. P. 232–233.
[85] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 89.

лялись постоянным компонентом Революции, в то время как парламентаризм в духе Милюкова в конечном итоге ушел бы, засохнув, подобно дереву, не имевшему корней в русской почве»[86].

В своих депешах на имя Рибо А. Тома рисовал картину всевластия Советов: «Во всей России Совет сегодня обладает чем-то вроде мистической власти, которую я могу сравнить лишь с властью бывшего царя. На всех фронтах, во всех городах слышен голос Петроградского Совета. Временное правительство обретет силу, лишь вступив в коалицию с советскими элементами»[87]. Отсюда вытекала его основная мысль – воспроизвести на русской почве политику «священного единения», опробованную во Франции после 1914 г. Между Временным правительством и Советами существуют расхождения, наиболее важным из которых является вопрос о дальнейшем ведении войны. Тома считал принципиальным нивелировать их.

С одной стороны, он вел активную разъяснительную работу среди представителей левых политических сил, предупреждая их, что «на карте стоит все будущее социализма. Германия не пощадит Россию»[88]. В то же время, речь шла о том, чтобы учесть ряд ключевых требований русской революционной демократии. Ее лидеры с большим энтузиазмом встретили озвученную в декабре 1916 г. посредническую инициативу президента США Вудро Вильсона, одной из центральных идей которой являлось публичное декларирование воюющими державами своих целей. Говорилось о заключении в будущем справедливого мира без аннексий и контрибуций. Западные столицы восприняли ее сдержанно, в то время как в революционном Петрограде в ней увидели возможность решить важнейшую проблему, вставшую перед новой властью: найти политическое и моральное обоснование дальнейшего ведения войны.

Пацифизм был явно на подъеме. 22 апреля бюро Второго Интернационала предложило европейским социалистам встретиться в Стокгольме и обсудить перспективы выработки общей платформы по вопросу об окончании военных действий. Значительная часть русских социалистов с энтузиазмом восприняла это предложение. Тома считал, что им нужно пойти навстречу.«Мысль о Константинополе, – убеждал Тома А. Ф. Керенский, – не встречает никакого сочувствия в религиозном сознании мужиков. Это чистая легенда, однако в массе русского народа возникает новый патриотизм западного типа. [Русский] пацифизм был резкой всеохватывающей реакцией на военный империализм царя. Но теперь эта реакция прошла, и может установиться равновесие»[89]. Французский министр вполне

[86] *Labry R.* Autour du bolchevisme. Cahors, 1921. P. 83.
[87] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 145.
[88] Ibid. P. 97.
[89] Ibid. P. 101.

воспринимал эту логику. Он настоятельно советовал своему правительству согласиться с возможным предложением о пересмотре целей войны, поступившим от руководства России.

Тома погружался в бурную политическую жизнь революционной России, что, очевидно, влияло на те выводы, которые он для себя делал. «Вы – человек, воспитанный на социализме и революции, – отмечал Палеолог в разговоре с Тома. – У вас, кроме того, очень тонкая чувствительность и ораторское воображение. А здесь вы попали в среду очень разгоряченную, волнующую, очень пьянящую. И вы захвачены окружающей обстановкой»[90]. Тома демонстрировал оптимизм, который придавал его деятельности дополнительный стимул. По его инициативе в Петрограде начало работать информационное бюро, занявшееся пропагандой и сбором сведений о положении дел в стране. Выпуск агитационных материалов в виде листовок и афиш, публикация материалов в русской прессе, развитие сети личных контактов, поощрение патриотической пропаганды на фронте – все направления работы бюро были подчинены задаче «мощного и оперативного влияния на русское общественное мнение»[91].

Энтузиазм французского министра можно ретроспективно объяснить, принимая во внимание всю тяжесть того морального удара, который участие в военных кабинетах «священного единения» нанесло по политической идентичности и самосознанию французских социалистов. Однако его сложно было понять послу, ожидавшему от официального эмиссара своего правительства иного поведения. «Он уже не только старается не иметь такого вида, будто он отрекается от своей прежней деятельности; он старается показать, что если он и министр правительства республики, то в качестве представителя социалистической партии», – отмечал Палеолог[92]. Судя по дневнику Тома, он действительно неизменно подчеркивал, что действует в России в двойном качестве – как представитель правительства и как социалист[93]. От посла не ускользнул тот факт, что на определенном этапе политические предпочтения Тома стали брать верх над объективностью его суждений.

Палеолог считал, что уступки в вопросе о пересмотре целей войны недопустимы. Во многом именно с его подачи французское правительство отказалось от соответствующего предложения, озвученного в письме русского МИДа от 16 мая[94]. Посол, при всем своем сдержанном отношении к Временному правительству, был явно склонен опираться скорее на «буржуазные элементы», чем на совет-

---

[90] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 457.
[91] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 136.
[92] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 439.
[93] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 115.
[94] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 145.

скую демократию. Возможное принятие предложения о пересмотре целей войны привело бы к ослаблению либералов в правительстве, а возможно, и к отставке ключевых министров. «Тем самым, – предсказывал Палеолог, – мы парализуем силы, которые в остальной стране и в армии еще не заражены пацифистской пропагандой. Эти силы слишком медленно реагируют на деспотическое засилие Петрограда, потому что они плохо организованы и разбросаны; они представляют, тем не менее, резерв национальной энергии, который может оказать огромное влияние на дальнейший ход войны»[95].

Тома исходил из того, что либералами в правительстве можно пожертвовать ради укрепления отношений с Советами. Апрельский кризис, связанный с острой реакцией солдатских масс на ноту главы МИДа П. Н. Милюкова о готовности России вести войну до победного конца, стал для французского министра первой пробой его политического влияния на ход событий в России[96]. Он взял на себя роль посредника между Временным правительством и Петросоветом. «Альбер Тома использовал свой блестящий талант политика для того, чтобы политический кризис завершился вхождением социалистов во власть... [Его] интеллектуальное превосходство и ясность его взглядов обеспечили ему беспрекословный авторитет. День и ночь он работает в правительстве и в Комитете [Петросовета]», – отмечал французский журналист Клод Анэ, в 1917 г. работавший в России в качестве собственного корреспондента газеты «Пти Парижьен»[97].

Милюков, по мнению Тома, должен был покинуть правительство, ценой своей отставки обеспечив сохранение взаимодействия между официальной властью и Советами. Сам глава МИДа не сомневался в том, что французский министр немало способствовал его уходу[98]. Тома предлагал делать ставку на министра юстиции социалиста А. Ф. Керенского, человека, которого он считал наиболее ярким лидером революционной демократии. На первых порах Палеолог также рассматривал Керенского как потенциально сильную фигуру и даже сравнивал его с Сен-Жюстом[99]. Однако в начале мая он уже не сомневался в том, что министру-социалисту не под силу справиться с революционной стихией. «Упорствующий в революционной иллюзии» Тома, по его мнению, лишь подливал масла в огонь.

Однако и без личных конфликтов реальное значение миссии французских социалистов в России оказалось невелико. Французы столкнулись со сложной реальностью, которая, с одной стороны,

---

[95] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 440.
[96] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 143.
[97] *Anet C.* La Révolution russe.Vol. 1. Paris, 1919. P. 215.
[98] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 103.
[99] *Ribot A.* Lettres à un ami. P. 229.

воскрешала в них память о принадлежности к революционной партии, а с другой – вызывала смутное опасение. А. Тома, быстро поддавшийся революционному романтизму, был склонен недооценивать эту угрозу. 14 июня в своей последней депеше на имя Рибо Тома в радужных тонах рисовал перспективы Временного правительства: «Положение правительства стало прочнее после того, как в результате формирования коалиционного кабинета власть и влияние совета пошли на убыль»[100]. Подобная информация некоторое время вполне удовлетворяла Париж, однако ее несоответствие реальности в конце концов стало очевидным. К тому же революционный романтизм Тома стал разжигать ненужные страсти внутри его партии. После того, как в начале июня это едва не привело к правительственному кризису, министра было решено отозвать на родину.

Однопартийцы Тома получили от поездки в Россию более сложное впечатление. Однако и они не смогли избежать обаяния революционной энергетикой. Палеолог, в середине мая отозванный на родину и ехавший домой в одном поезде с депутатами, записал в дневнике важную фразу Мутэ: «В сущности, русская революция права. Это не столько политическая, сколько интернациональная революция. Буржуазные, капиталистические, империалистические классы создали во всем мире страшный кризис, который они неспособны разрешить. Мир может быть осуществлен только на основании принципов Интернационала»[101]. Дезориентированные войной и политикой собственной партии, французские социалисты были уже готовы присягнуть красному знамени Русской революции.

Гришаева Л. Е.

Советская Россия и Версальско-Вашингтонская система

Аннотация. В статье анализируется ряд неоднозначных положений Версальско-Вашингтонской системы, определивших место Советской России в мире. Непрочность Версальско-Вашингтонской системы была обусловлена тем, что вне ее оказалась Советская Россия. Версальский мирный договор, подведя итоги Первой мировой, стал прологом ко Второй мировой войне.

Ключевые слова: Версальско-Вашингтонская система, Лига Наций, «14 пунктов» В. Вильсона, принципы международного права, мировой экономический кризис.

---

[100] Journal de Russie d'Albert Thomas. P. 184–185.
[101] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 469.

Soviet Russia and the Versailles-Washington system

Abstract. The article analyzes a number of ambiguous provisions of the Versailles-Washington system, which determined the new place of Soviet Russia in the world. The weakness of the Versailles-Washington system was due to the fact that outside of it was Soviet Russia. The Versailles Peace Treaty, summing up the results of the First World War, became a prologue to the Second World War.

Keywords: Versailles-Washington system, The League of nations, Woodrow Wilson's «14 points», International law principles, World economic crisis.

Участие России в Первой мировой войне усугубило социально-экономический и политический кризис в стране, стало одним из факторов не только ускорившим приближение революционных событий 1917 г., но и обусловившим распад Российской империи. Россия, бывший член Антанты, не была приглашена на подведение итогов Первой мировой войны и не участвовала в создании Версальской системы, но сама эта система оказала существенное влияние на изменение соотношения сил в межвоенный период и на определение новой роли России в мире. Крах Версальской системы был предопределен: он был заложен в ней изначально из-за обострившихся противоречий и нерешенных мировых проблем и привел в 1939 г. ко Второй мировой войне. Созданная после Второй мировой войны Ялтинская система во многом учла уроки Версаля. Однако некоторые рудименты обеих мировых систем сохранились до сих пор. Именно на этих неоднозначных аспектах проблемы и будет сконцентрировано внимание.

Версальская система была создана в течение 1919–1920 гг. США, Великобританией, Францией и их союзниками, с одной стороны, и побежденной Германией и ее союзниками, с другой. Условия договора, выработанного на Парижской конференции в 1919–1920 гг., претендовали на завершение Первой мировой войны. Однако Версальская система игнорировала Россию как главного участника Первой мировой войны, члена Антанты, а условия Версальской системы не учитывали интересов России. Россия была отделена от Центральной и Западной Европы кордоном государств, создание которых было узаконено победителями, с целью предотвратить «опасность проникновения большевизма» в Европу. Образно говоря, побежденная в войне Германия и большевистская Россия стали в те дни «париями Версаля», «изгоями европейского сообщества». Использование разногласий в капиталистическом мире для развития отношений с Германией полностью соответствовало внешнеполитической

линии, разработанной ЦК партии большевиков во главе с Лениным. Версаль – один из самых суровых военных приговоров истории. По словам Ленина, условия Версаля были продиктованы «беззащитной» (!) Германии «разбойниками с ножом в руках»[102].

Участие России в Первой мировой войне было неоднозначным по своим итогам. Вина Николая II, состоящая в слабости и несостоятельности его управления, вполне очевидна. Однако истоки распада Российской империи в 1917 г. были заложены раньше. Еще отец Николая II, император Александр III, проводил провальную политику в национальных окраинах-полуколониях. Существовала сверхцентрализация государственного управления, подавление самостоятельности и независимости местной власти. Ясно проявилась неэффективность государственного управления и государственного устройства. Было очевидно отсутствие полноценной сменяемой власти: назначение преемника, наследственный характер власти, отсутствие выборов, отсутствие независимости и разделения властей, то есть отсутствие гарантий юридических прав сменяемости власти, отсутствие механизмов контроля и рычагов воздействия на власть. Отсюда – отсутствие гражданского общества. Существует устойчивое определение, что Александр III – царь «миротворец». Однако это спорное представление: он просто оттягивал решение насущных проблем мировой значимости. Он не оценил изменившуюся новую расстановку сил в мире, пошел на союз с Францией, что обусловило дальнейшее пагубное вступление России в Первую мировую войну на стороне Антанты (Франции и Англии), и что в стратегическом плане для России было крайне невыгодным. Предрешил искусственный разрыв и показал неумение налаживать взаимовыгодные отношения с Германией – молодым «империалистическим хищником». Предопределил опасное создание Тройственного (а затем – Четверного) союза во главе с Германией, настроенного крайне агрессивно по отношению к России и Антанте, интересы которой России пришлось защищать в ущерб своему национальному суверенитету.

В результате создания Версальской системы от Германии потребовали тягчайших территориальных уступок в пользу Франции, Бельгии, Польши, плюс – обязательства соблюдать независимость Австрии. По Версальскому договору Польша была превращена в опорный пункт как французской, так и всей англо-саксонской системы Версаля, и не только должна была «сторожить» Германию на Востоке, но и препятствовать прорыву Советской России в Центральную Европу. Иными словами, Польша стала опорным пунктом агрессии и против Германии, и против России[103]. Германия в любом случае на-

[102] Правда. 17.10.1920.

[103] Путин приравнял Мюнхенский сговор к Пакту Молотова–Риббентропа // Lenta.ru. 31.08.2009 //https://lenta.ru/news/2009/08/31/penman.

пала бы на Польшу из-за Данцига, чтобы обеспечить себе выход к Балтийскому морю. После окончания Первой мировой войны, Данциг с прилегающей территорией в соответствии с решением Лиги Наций больше не являлся частью Германии. Однако город не вошел и в состав вновь образованной Польши. То есть Германия все равно развязала бы Вторую мировую войну, напав на Польшу, даже без учета пактов Молотова–Риббентропа (1939), которые, объективно, просто обеспечили Германии нейтральный тыл и создали новый фактор угрозы – общую советско-германскую границу. Подписание Версальского договора зафиксировало унижение Германии, аншлюс Австрии[104], и, таким образом, советско-германские договоренности 1939 г. ложились на почву, готовившуюся многие годы.

Неотъемлемой частью Версальского договора был Устав Лиги Наций (1919 г.). Однако США не ратифицировали Версальский мирный договор и не вступили в Лигу Наций. В «14 пунктах» президента США Вудро Вильсона, дополнивших Версальскую систему, но так и не сделавших ее по-настоящему глобальной, один из пунктов гласил: «предоставление России права на политическое самоопределение, помимо Германии, плюс – независимое Польское государство»[105]. Это было на тот исторический момент вполне прогрессивно, с точки зрения прекращения войны, независимо от созданного в России большевистского политического режима. Но стратегически это не решало территориальных споров между Германией и Польшей, позиционировало Польшу как временный и очень неустойчивый «буфер» и объект будущей военной агрессии.

Россия до определенного времени находилась в международной изоляции. Победу в Первой мировой войне она, таким образом, не разделила. США вовсе не спешили признавать большевистский режим, их вполне устраивала ее изоляция и отстраненность США от европейских дел. Германию тоже поставили в изоляцию.

Наше общество не до конца осмыслило уроки Первой мировой войны. Их заслоняла трагедия войны Гражданской и главной войны XX в. – Великой Отечественной, Второй мировой. Нынешний российский политический класс до сих пор внятно и отчетливо не осмыслил проблему крушения империи. А поэтому к концу XX и началу XXI в. он оказался интеллектуально и нравственно неподготовленным к той разрушительной энергии, которая выделяется при распаде многонациональных конгломератов. Международная ситуация в Европе была полностью дестабилизирована, резко изменился расклад мировых сил, а распад крупнейших европейских империй вы-

---

[104] Путин приравнял Мюнхенский сговор к Пакту Молотова–Риббентропа // Lenta.ru. 31.08.2009 //https://lenta.ru/news/2009/08/31/penman.

[105] Системная история международных отношений. В 4 т. / Под. ред. А. Д. Богатурова. Т. 2. Док. 1910–1945. М., 2003. С. 27–28.

звал формирование новых «осколочных» государств по ***национально-этническому принципу***. Этот принцип вполне доказал свою историческую несостоятельность, поскольку формирование государств, исходя из фактического закрепления привилегий за определенными нациями и этносами в ущерб другим, то есть неравенства наций, входит в явное противоречие с основными принципами современного мироустройства, а именно, с теми принципами, на которых формируется гражданское общество с развитой демократией. Он способствует углублению социального и правового неравенства в обществе и идет в разрез с основными тенденциями развития интеграционных и миграционных процессов. Архаичный и порочный принцип права наций на самоопределение разжигает националистические настроения, обостряет межнациональные конфликты и порождает расовую ненависть.

После Первой мировой войны странами победителями была сделана попытка мирного урегулирования вследствие установления Версальско-Вашингтонской системы. В основе ее содержались некоторые очень противоречивые положения, которые привели к краху всей межвоенной системы отношений и ко Второй мировой войне. Однако даже после Второй мировой войны в новой системе мироустройства сохранились принципы, которые представляют собой рудименты мировой системы вековой давности и находятся в антагонистическом противоречии друг с другом. Они служат основой для постоянных региональных международных конфликтов. Эти принципы мироустройства, закрепленные в современном виде в Уставе ООН (1945), являются крайне противоречивыми и неоднозначными.

Речь идет о двух принципах международного права. Главные категории международного права: право наций на самоопределение и принцип территориальной целостности государств находятся в антагонистическом противоречии между собой, и это зачастую не позволяет разрешать международные региональные конфликты мирными методами.

Право народов на самоопределение – один из основных принципов международного права, означающий право каждого народа самостоятельно решать вопрос о форме своего государственного существования, свободно устанавливать свой политический статус и осуществлять свое экономическое и культурное развитие. Этот принцип вместе с другими принципами был зафиксирован в Уставе ООН, ставящем целью «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов»[106]. Вот тут и возникает противоречие с другим прин-

[106] Устав ООН //http://www.un.org.ru/charter-united-nations.

ципом того же самого международного права – принципом территориальной целостности государств.

Получается, что все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие... Значит вопрос только в том, что можно считать или не считать «народом» и вправе ли субъекты, посчитавшие себя тем самым «народом», обратиться за организационной, финансовой, административной, военной помощью к другим государствам (предприятиям, субъектам права) за помощью в реализации права на самоопределение. И встречный вопрос: вправе ли государство, часть которого предпринимает попытку реализовать свое право на самоопределение, пресекать эту попытку под предлогом «борьбы с сепаратизмом» или за «сохранение территориальной целостности», и до какой степени оправдано такое пресечение.

Представляется, что формирование государства по «национальному» («этническому») принципу потерпело полное фиаско. Нет, и не может быть этнически однородных государств. Вместе с тем, истины ради отметим правоту Ленина, когда он, говоря об аннексиях, утверждал, что«всякий народ, который присоединен к другому народу не по добровольному желанию своего большинства, а по решению царя или правительства, есть народ аннексированный, народ захваченный. Отказ от аннексий есть предоставление каждому народу права образовать отдельное государство, или жить в союзе с кем он хочет»[107].

Другой причиной невозможности урегулирования конфликтов является противоречивость самих норм международного права, часто не проработанных и дающих простор для применения так называемых «двойных стандартов». Основные принципы международного права не существуют абстрактно.

Конфликт между ними надо рассматривать в определенном политическом и историческом аспекте при целостном подходе. В каких-то случаях преобладает принцип права наций на самоопределение, а в каких-то – право территориальной целостности. Выходит, что в одностороннем порядке эту проблему решить невозможно, а надо искать совместные пути и средства для мирного урегулирования кризисов. Международное право XXI века должно действовать как консенсус ведущих мировых политических держав. Очевидно, что надо изобличать не сами принципы международного права, а выявлять наличие «двойных стандартов» в международной правоприменительной практике.

Другое дело, что о признании или непризнании каких-либо новых государственных образований, а также о сохранении терри-

[107] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 87.

ториальной целостности прежних государств надо уметь договариваться и находить совместное политическое решение с целью предотвращения возможной эскалации конфликта. Предполагаемый выход из кризиса мировой системы, явные признаки которого ощущаются в XXI в., – это уточнение и конкретизация принципов международного права, выработка ясных критериев применения норм международного права.

Версальский мир (1919), не устранив коренных межимпериалистических противоречий, породил новые противоречия – между победителями и побежденными. Поэтому Версальская система оказалась чрезвычайно шаткой и неустойчивой.

Американская концепция (созданная президентом США Вудро Вильсоном и дополнившая Версальский договор) основывалась на определенном осознании принципов демократии, коллективной безопасности и самоопределения наций. Осуществление американского подхода создавало предпосылки для установления нового миропорядка. Мир в этом случае базировался бы не на силе, а на общепризнанных принципах: на праве как для победителей, так и для побежденных. Предложенные Вильсоном «14 пунктов»[108], буквально дословно совпадали с основными положениями «Декрета о мире» Ленина: «Начать немедленные переговоры о мире без аннексий и контрибуций, то есть без насильственного захвата чужих земель и слабых (!) народностей, и без выплаты дани»[109], именно так это звучит в ленинском «Декрете о мире». Оказывается, есть в мире ***слабые*** народности!

Возможности великих держав в отношении нового мирового порядка существенно различались. В том числе по этой причине с самого начала Версальская система содержала целый ряд противоречий, способных разрушить создаваемый мировой порядок. Как и предыдущие системы международных отношений, Версальская система сформировалась на основе принципа силы.

Версальско-Вашингтонская система включала в себя ряд положений, свидетельствовавших о необходимости обновления принципов международных отношений, например, признание права на самоопределение народов. Осознавая их нужность, в то время никто не думал об их двойственной природе и о том, как их будут трактовать в дальнейшем. Сама система оказалась непрочной, ее крах привел, в конечном итоге, к новой мировой войне.

Послевоенная система мирного урегулирования была неустойчивой и неэффективной, что было обусловлено следующим.

Вне Версальско-Вашингтонской системы оказалась Советская Россия. Отодвинутая от решения мировых дел, она вынуждена была

---

[108] Системная история международных отношений. Т. 2. С. 27–28.

[109] Документы внешней политики СССР / Под. ред. А. А. Громыко. М., 1957. С. 11–14.

стать в оппозицию Версальско-Вашингтонской системе. Важной особенностью Версальской системы была ***дискриминация*** побежденных государств и Советской России.

Версальский порядок не был всеобъемлющим. В него не входили СССР и США – две крупнейшие державы, без которых обеспечение стабильности в Европе в XX в. было уже невозможно. Новую европейскую безопасность предстояло строить в условиях ущемленной в территориальных претензиях Германии, уменьшившейся в размерах и изолировавшейся от европейских дел России.

Фундаментальной слабостью Версаля была заложенная им неэффективная схема ***экономического взаимодействия*** европейских стран. Новое государственное размежевание полностью разрушало экономические связи в Центральной и Восточной Европе. Вместо единого достаточно открытого рынка, Европа оказалась территорией, разбитой на несколько десятков маленьких, отгородившихся друг от друга таможенными барьерами рынков. Часто новые малые государства остро соперничали не только в политической, но и в экономической области, полностью сосредоточиваясь на собственных хозяйственных трудностях и не пытаясь для их преодоления прилагать совместные усилия.

Провозглашенный ***принцип самоопределения наций*** породил экономический раскол, преодолеть который европейские страны так и не смогли. Это создавало постоянную неустойчивость экономической ситуации в Европе, которая оказалась не готовой к принятию совместных решений по финансовым и экономическим вопросам.

Одним из важнейших факторов, предопределившим крах Версальско-Вашингтонской системы, было то, что державы-победительницы не приняли во внимание возможные ***экономические последствия*** заключаемых ими договоров, сильно отягощавших мировое хозяйство непомерными платежами. Репарационные платежи привели к подрыву складывавшихся веками экономических связей между странами.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. привел к резкому ухудшению отношений, как между странами-победительницами, так и между ними и побежденными государствами. Все это вместе с внутринациональным кризисом большинства государств и привело к краху Версальско-Вашингтонской системы и ко Второй мировой войне.

Вместе с тем, Версальско-Вашингтонская система в недостаточной мере учла ***национальные интересы*** отдельных государств, что во многом стало причиной Второй мировой войны. Перекройка территорий стран привела не только к ущемлению национальной идентичности, но и к разрушению тех экономических связей, которые существовали.

Лига Наций как главный международный институт Версальско-Вашингтонской системы не смогла предотвратить Вторую мировую войну. Состав Лиги Наций не был универсальным: два крупнейших геополитических центра – США и СССР – функционировали за рамками созданной системы и уже по своим правилам. США не входили в Лигу Наций изначально, а СССР вступил в Лигу Наций лишь в 1934 г., то есть тогда, когда из нее в 1933 г. вышла нацистская Германия. В Лиге Наций был провозглашен принцип коллегиальности – право *liberum veto*, которое давало возможность заблокировать любое решение, если хотя бы одно государство было против него. Статьи 12 и 16 Устава (Статута) Лиги Наций предполагали решение мировых конфликтов силой, в том числе военной.

Порядок, который был предложен президентом США Вильсоном, строился на новых принципах мироустройства. В его «14 пунктах» провозглашалась открытая дипломатия, мировая свободная торговля, всеобщее разоружение, установление границ в соответствии с картой национальностей (!). Обращает на себя внимание пункт 6: «Освобождение российских территорий, решение ее вопросов исходя из ее независимости и свободы выбора формы правления». Однако ни Германию, ни Россию не удалось вписать в новый мировой порядок как его лояльных участников. Так, согласно статье 116, Германия признавала «независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 г.», а также отмену Брестского мира 1918 г. и всех других договоров, заключенных ею с большевистским правительством. Статья 117 Версальского мирного договора ставила под сомнение легитимность большевистского режима в России и обязывала Германию признать все договоры и соглашения союзных и объединившихся держав с государствами, которые «образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской империи».

Версальская система так и не стала эффективным инструментом для решения международных конфликтов. В самой Версальской системе были заложены принципы, которые несли кризис международных отношений: судьбу всех стран решали только страны победительницы – Великобритания, Франция, США. Мнение России не учитывалась, поскольку все опасались большевистской экспансии и экспорта большевистской революции. Версальская система юридически признала образование новых независимых государств в Европе, возникших на обломках рухнувших империй, и это также обусловило непрочность этой системы.

Версальская система имела двойственный характер. Она юридически утвердила окончание Первой мировой войны, создала перспективы для мирного развития, упорядочила границы новых стран. Но обеспечить прочной стабилизации Версальская система не смогла.

Новые европейские границы были проведены без учета этнического состава населения, что обострило проблему национальных меньшинств. Однако ***создание государства по этническому принципу невозможно***, ввиду развития объективных миграционных процессов и процессов ассимиляции. Особо подчеркнем пагубность стремления к насильственному пересмотру послевоенных границ в Европе и в мире.

Таким образом, Версальско-Вашингтонская система международных отношений таила в себе семена новой мировой войны. Непрочность Версальско-Вашингтонской системы была обусловлена заложенными в ней *про*тиворечиями построения международных отношений.

Последствия сложного мирового кризиса – политического, экономического, миграционного – ощущаются и в XXI в. Это рудименты прежней, давно ушедшей в прошлое эпохи, которые сохраняют свою взрывоопасную силу в калейдоскопе старых и новых государств стремительно меняющегося мироустройства. В переходный период формирования нового мироустройства XXI в. несовершенные нормы и противоречащие друг другу принципы международного права до сих пор не позволяют преодолеть бесконечные региональные международные конфликты, порождают противоречивую ситуацию, которая в деятельности мирового сообщества называется ***конфликто-консенсусной***. Ясно, что если страны проявят политическую волю, то новый миропорядок будет формироваться исключительно на основе консенсуса, взаимоприемлемого компромисса и здравого смысла.

Дубровина О. В.

Революционная Россия в представлениях итальянцев

Аннотация. В статье дается обзор первых откликов в итальянском обществе на революционные события в России 1917 г. Делается попытка изучить восприятие Февральской и Октябрьской революций через призму внутренней социально-политической ситуации в Италии, а также в срезе первых шагов советского правительства и их восприятия итальянской общественностью. Особое внимание уделено национальной печати периода и парламентским дебатам, в которых находили отражение различные интерпретации российских событий.

Ключевые слова: Октябрьская революция и Италия, итальянская пресса в 1917 г., Декрет о мире, российско-итальянские отношения.

Revolutionary Russia through the representations of the Italians

Abstract. In this paper an overview of the first Italian public feedback on the Russian revolutionary events of the 1917 is given. The author carries out the perception of February and October revolutions from the perspective of domestic social and political situation in Italy and also in light of the first steps of the Soviet government and its reception by the Italian community. Special attention is paid to the Italian national press of the period and to the parliamentary debates reflecting different interpretations of the Russian facts.

Keywords: October Revolution and Italy, Italian press in 1917, Peace decree, Italy–Russia relations.

Для итальянцев Февральская революция явилась совершенно неожиданным событием. На первой полосе вышедшего 12 марта номера „Corriere della sera" была опубликована подробная статья о положении в России. Основной мыслью была готовность русского народа продолжать войну, его искренняя и безусловная вера в царя. Упоминалось также об уверенном росте российской экономики, гарантирующем союзникам несомненную победу в войне[110].

Первая настораживающая информация, поступившая из неофициальных источников, проникла на страницы итальянских газет 12–13 марта в виде сообщений о беспорядках в Петрограде, вызванных нехваткой продовольствия[111]. Новость о восстании в Петрограде была напечатана в газетах лишь 16 марта. События интерпретировались как комбинация действий сразу двух сил – народных масс и оппозиции Прогрессивного блока[112]. Итальянское правительство сразу осознало возможную опасность распространения информации об очередной революции в России и поставило под строгий контроль цензуры все приходящие из Петрограда новости.

Февральская революция была с восторгом встречена всеми политическими партиями в Италии. Либерально-республиканские круги восприняли ее как логический итог либерального движения, развернувшегося в России в последние десятилетия[113]. Почти все политические силы Италии увидели во Временном правительстве выражение волеизъявления российского народа и формирования дол-

---

[110] Laverita sulla Russia, L. B. // Corrieredellasera. 12 marzo 1917.

[111] *Petracchi G.* L'Italia e la rivoluzione russa di marzo // Storia contemporanea. 1974. № 1. P. 93.

[112] Una insurrezione a Pietriogrado. Il moto popolare a Pietrogrado contro le influenze contrarie alla guerra // Corriere della sera. 16 marzo 1917.

[113] *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche, 1917–1925. Roma; Bari, 1982. P. 4.

гожданного правового национального государства на развалинах погрязшей в бюрократии монархии. Это отношение объяснялось, во-первых, глубокой убежденностью итальянской политической элиты в силе либерального движения в России и нежеланием на начальных этапах видеть альтернативную власть, а во-вторых, ролью цензуры, зорко следившей за недопущением сведений о радикализации обстановки в России на страницах национальной прессы.

Первое, о чем в унисон заговорили почти все печатные органы в Италии, это тема тесной связи мировой войны и революции. Почти все политические партии в своих печатных органах (интервентисты – сторонники вступления в войну, демократы, либералы и националисты) связали победу демократической революции с дальнейшим участием России в войне и выполнением ею своих союзнических обязательств. Правые социалисты-реформисты во главе с Филиппо Турати присоединились к общему хору итальянских политиков, видевших в Февральской революции падение авторитарного царского режима, что, по их мнению, должно было придать дополнительный вес демократическим целям Антанты и оказать разлагающее воздействие на внутреннюю обстановку в Германии и Австрии[114].

Пожалуй, единственным течением, вставшим на позиции отрицания прямой связи между Февральской революцией и продолжением войны, стали левые социалисты. Депутат от социалистической партии Дженуцио Бентини подчеркнул разницу в позиции социалистов: «Уважаемые коллеги, мы также приветствуем эту революцию. Вы ее приветствуете, потому что считаете, что она будет способствовать лучшей организации и увеличит военную мощь России; мы ее приветствуем, так как это шаг вперед, так как освобождается новое пространство, так как на наших глазах творится история. Революция не остановится на этом этапе»[115].

В период с февраля по октябрь 1917 г. можно выделить три этапа в динамике отношения большинства ИСП во главе с Серрати к происходящим в России событиям. Изначально левые социалисты встали на позиции неприятия Временного правительства, видя в нем представителей буржуазии и военщины. Основной движущей силой революции, по их мнению, был пролетариат, который должен был вновь поставить вопрос о власти и решить его в свою пользу. Итальянские социалисты с энтузиазмом восприняли призыв русского Совета к заключению мира «без аннексий и контрибуций».

Второй этап в отношении ИСП к Февральской революции начался с вхождением социалистов в коалиционное правительство в

---

[114] *Cortesi L.* Note sulle correnti del P. S. I. Nel 1917 di fronte alla rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. 1968. № 3–4. 1968. P. 139.

[115] Atti parlamentari.Camera dei deputati.Discussioni. Legislatura XXIV. P. 13119.

мае 1917 г. «Русские социалисты не захотели взять власть полностью в свои руки, хотя это было в их силах. Они прекрасно понимают, что большинство населения еще не восприняло социалистические идеи»[116]. Третий начался с публикации корреспонденции русско-итальянской социалистки А. Балабановой. Она полностью перевернула представление о положении в России, созданное до этого на страницах «Avanti!». Балабанова указывала на конфликты между членами коалиционного правительства и на отсутствие изменений в общественном устройстве, несмотря на свершившуюся революцию[117].

Примерно до начала апреля итальянская печать продолжала приветствовать революцию, не обратив сразу внимания на противоречивый характер двоевластия. Новости о событиях в России в Италию поступали с опозданием, фрагментарно и не отличались точностью в изложении событий. Печать не давала полного представления о происходящих в России процессах, создавая путаницу в умах читателей.

Однако спустя несколько недель после свершившейся революции надежды итальянской общественности начали постепенно переходить в беспокойство из-за все усиливавшегося влияния внутреннего положения в России на ее боеспособность и готовность оттянуть на себя силы Тройственного союза на Восточном фронте. Более того, беспокойство вызывали пацифистские настроения, распространяемые революционерами, что шло вразрез с представлениями итальянских партий и правительства о роли России в войне. Знаковым событием, заставившим насторожиться итальянскую общественность, стала отставка министра иностранных дел П. Н. Милюкова, чье официальное заявление о продолжении войны вызвало протест со стороны Советов и беспорядки в Петрограде.

Тон статей, посвященных русским событиям, претерпел значительные изменения. В консервативной печати описывались разрушительные последствия революции, политический и экономический хаос, одновременно указывалось на положительные аспекты царизма, способного в свое время держать под контролем центробежные силы внутри собственного государства и обеспечивать последовательность внешней политики. Республиканцы старались не придавать большого значения конфликту между Временным правительством и Советами, продолжали видеть и в последних гаранта выполнения союзнических обязательств. Постепенно мишенью для нападок республиканцев все больше становится Ленин, чей проезд по территории Германии и его поддержка со стороны итальянских социалистов давали предлог республиканцам для критики своих основных политических противников – социалистов. Социалисты-ре-

[116] Avanti! 16 giugno 1917.
[117] *Cortesi L.* Op. cit. P. 155–158.

формисты во главе с Турати со своей стороны постепенно стали осознавать опасность распространения крайне левых социалистических идей в Италии.

Либерально-демократическая печать дольше оставалась верной своим первоначальным интерпретациям Февральской революции. Однако в конечном итоге и в либеральных кругах политическая солидарность постепенно уступила место критическому отношению к возможной перспективе выхода России из войны. Выбор между поддержкой демократической революции и войной итальянскими либерал-демократами был сделан в пользу последней.

Сразу после революции итальянское правительство выразило свое полное доверие либеральным министрам нового Временного правительства. Итальянское политическое руководство возложило на него ответственность не только за создание нового демократического общества, но и за продолжение войны, что, главным образом, интересовало всех союзников России, а Италию в особенности, принимая во внимание роль России на Восточном фронте, рядом с которым не очень успешно воевала итальянская армия[118]. Стоит отметить, что в частных беседах итальянские политики выражали сомнение в способности Временного правительства к свободным и независимым действиями[119].

Спустя год депутат от либеральной партии Н. Тосканелли обвинит правительство, парламент и министра иностранных дел Соннино в политической близорукости и неспособности правильно оценить ситуацию, что привело в итоге к катастрофическим последствиям для самой Италии. Отчасти позиция итальянского правительства объяснялась плохой информированностью. Ни итальянское посольство в Петрограде, ни Министерство иностранных дел не смогли вовремя разобраться в ситуации и правильно проинформировать собственное правительство о сущности произошедшей революции и о природе установившейся власти, а точнее, о противоречиях внезапно возникшего двоевластия[120].

Живший в Италии историк В. Н. Забугин критически отозвался о дипломатическом итальянском корпусе, работавшем в Петрограде, обвинив дипломатов в «поверхностном оптимизме в отношении русской революции». Он объяснял его тем, что «немногочисленное и не владеющее русским языком, далекое от местной действительности итальянское представительство было оторвано от русского общества»[121]. Сведения, поступавшие в Рим от посла царской России

---

[118] Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 13064.

[119] Diario di Salandra, a cura di Giufini G. B. Milano, 1969. P. 123.

[120] *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria... P. 5.

[121] *Zabighin V. N.* Il gigante folle: istantanee della rivoluzione russa, 1918. P. 170 (Cit. in: *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Rubbettino, 2002. P. 262.

М. Н. Гирса, также не способствовали прояснению ситуации и продолжали создавать тот образ новой власти, который вполне устраивал итальянские политические круги[122].

И все же в мае, после отставки Милюкова и создания коалиционного правительства с участием членов Петроградского Совета, итальянские правительственные круги начали постепенно осознавать наличие конфликта между социалистически настроенными политиками, заявлявшими о конце мировой войны «без аннексий и контрибуций», и либерально-буржуазными кругами, обещавшими исполнять до конца свой союзнический долг. Постепенно начали таять надежды на выполнение обязательств России перед союзниками. «Осталось только надеяться, что участие сильной группы социалистов в работе коалиционного правительства будет способствовать приданию большего влияния правительства на массы военных и рабочих»[123].

Консервативно-националистическая пресса обрушилась на министров-социалистов Временного правительства России, в которых видела основного врага коалиционных сил Антанты. Авторы статей обвиняли Россию в предательстве и выражали надежду на скорейшую контрреволюцию. Газеты пестрели статьями о катастрофическом положении в России, еще более усугубившемся после июльского восстания. Недолго длившейся паузой в шквале критики в отношении внутренней ситуации России стала промелькнувшая надежда, связанная с брусиловским прорывом.

Однако брусиловская эйфория закончилась так же внезапно, как и началась. Положение и на Восточном фронте, и внутри России продолжало внушать беспокойство итальянцам. Среди либералов начались разговоры об опасности проникновения социалистических революционных идей в саму Италию. Депутат от либеральной партии Винченцо Боветти намекнул на «русские корни» августовских беспорядков в Турине, когда шествие рабочих, возмущенных отсутствием муки на городских складах, вылилось в антивоенную акцию, повлекшую за собой аресты социалистов (в том числе и Серратти) и анархистов. «В те дни в Турине праздновалась не только русская революция, но была отпразднована и итальянская революция»[124].

Либеральная печать, как и националистическая, также стала выражать беспокойство влиянием революции на исход войны. Авторы отмечали распространение пораженческих настроений среди итальянских солдат в результате воздействия на их умы пацифистских идей российских Советов.

---

[122] Diario di Salandra. P. 126.
[123] I pericoli della nuova Russia, 19 maggio 1917 // Corriere della sera. 22 marzo 1917.
[124] Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 14586.

Корниловский мятеж и действия Керенского убедили итальянское правительство в переходном характере очередного состава Временного правительства, неспособного гарантировать восстановление порядка внутри страны. Доходившие до итальянских министров сведения о ситуации в России не внушали энтузиазма: разруха, безвластие, полнейший хаос. Это объясняет то, что Корнилов был воспринят в Италии как реальный кандидат, способный вывести страну из смуты и вновь направить ее в русло европейской политики. Во время поднятого им мятежа итальянское правительство заняло нейтральную позицию, втайне надеясь на победу контрреволюционных сил[125].

После корниловского мятежа, в сентябре–октябре тема российской революции почти исчезла из итальянской прессы, что свидетельствовало о временной потере интереса к событиям в России, концентрации на собственных проблемах и, возможно, о неспособности разобраться в сложной политической ситуации, исход которой оставался неясным.

Новости о свершившемся в Петрограде октябрьском перевороте дошли до Италии с опозданием и не вызвали на тот момент особого интереса. Дело в том, что по времени большевистский переворот совпал с крупным поражением Италии на юго-восточном фронте при Капоретто от австро-венгерских войск. Итальянское правительство узнало о событиях в России лишь 9 ноября из краткого сообщения информационного агентства Стефани. До 17 ноября Министерство иностранных дел находилось в полном неведении, что происходило в Петрограде. Связь с посольством была прервана, телеграммы не доходили, а поступающие из других источников сведения не давали полной картины произошедшего[126].

В глазах итальянского правительства большевики были небольшой группой анархистов-максималистов, сумевших захватить власть в Петрограде, но не пользовавшихся никакой поддержкой в других городах. Итальянские дипломаты впервые узнали о Ленине лишь в апреле 1917 г. Ленин воспринимался ими как теоретик, идеолог абстрактной революционности, полностью оторванный в своих идеях от российской реальности, чуждый культурным национальным традициям[127]. Итальянские дипломатические круги посчитали успех Ленина временным явлением, о чем сообщили в Рим.

Уверенное в непрочности большевистской власти, итальянское правительство приняло решение не вступать с ее представителями ни в официальные, ни в полуофициальные отношения. На заседании парламента премьер-министр Орландо официально заявил, что «небольшая политическая группировка заняла место правительства в

[125] Oscura situazione in Russia, 19 maggio 1917 // Corriere della sera. 23 nov. 1917.
[126] *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria.. P. 24.
[127] *Petracchi G.* Da San Pietroburgo. P. 176–177.

Петрограде. На данный момент в России отсутствует представительная власть, более того, сама система политической власти. Союзники признáют законным то правительство, которое, будучи выражением искреннего и сознательного волеизъявления народа, получит право говорить от имени всей русской нации»[128].

Радикальная партия, как и большинство политических партий, выступила в поддержку правительства, выразив свою позицию словами депутата М. Пьетравалле, отозвавшегося о большевиках как о «людях Кайзера», а об их действиях как о «предательстве, которое бесчестит Россию и вовлекает ее в гражданскую войну и состояние рабства. Количество сторонников большевиков раздуто благодаря насилию и действиям тех солдат, которые предпочли советы траншеям, а погреба Зимнего дворца – немецким гранатам!»[129].

Со своей стороны, социалисты призвали правительство шире и глубже посмотреть на произошедший в России переворот. Они пытались показать положительную роль большевиков: «Максималистское движение является отчаянной попыткой коммунаров спасти собственную страну от еще большего разрушения... Максималисты хотят защитить свою страну от тех, кто, по их мнению, хотел ее предать»[130].

В феврале 1918 г., когда надежды на немедленное падение большевистского правительства стали постепенно рассеиваться, Орландо был вынужден признать свершившийся переворот как независящее от Антанты событие, что означало продолжение войны теперь уже без прежнего союзника и с учетом новой власти в России[131].

Уже в первые дни после большевистского вооруженного выступления в ряды итальянского правительства проникает мысль о немецком следе в русской революции. Одним из первых, кто заговорил о неслучайности большевистского переворота, был все тот же В. Н. Забугин. Он предлагал союзникам России по Антанте не оставлять ее на волю случая и позаботиться о возвращении власти в руки законного правительства путем вторжения на ее территорию и изгнания большевиков[132].

В ответ на обвинения большевиков в связях с Германией социалист О. Моргари выступил с резкой критикой этого широко распространенного в итальянских политических кругах мнения. Моргари утверждал, что «Ленин – это человек, отдавший тридцать лет своей жизни делу, в которое искренне верит. Возможно, он не достаточно учитывает трудности радикальной трансформации индивидуалисти-

---

[128] Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 12 dic. 1917. P. 15108.
[129] Ibid. 21 dic. 1917. P. 15341.
[130] Ibid. 12 dic. 1917. P. 15116.
[131] Ibid. 20 feb. 1918. P. 15921.
[132] *Zabighin V. N.* Op. cit. P. 262.

ческого общества в коллективистское, даже если такая трансформация облегчается в России мистическим духом славянского народа. В еще же большей степени тем, что эта страна лишь недавно вышла из состояния примитивного аграрного коммунизма... Но Ленин торопится, хочет превратить свою страну в огромное кооперативное общество производства и потребления, в огромное акционерное общество, в котором каждый гражданин является акционером по праву рождения. Он – практический идеалист. Возможно, он утопист. Будущее покажет. Но такой человек не может продаться»[133].

Националист Федерцони обрушился с резкой критикой на «подобную апологию ленинизма», как он выразился в стенах итальянского парламента. Он был убежден, что истинные патриоты, какими социалисты представили Ленина и Троцкого, не могли довести свою страну до состояния «хаоса, анархии и подчинения иностранному влиянию»[134].

Первые шаги советского правительства подтвердили подозрения итальянцев в серьезности намерений новой власти. Предложение о подписании мира и опубликование секретных дипломатических документов убедили итальянцев в опасности, которая, прежде всего, угрожает их внутреннему государственному порядку. Итальянские политики также быстро осознали опасность, которую таил в себе пример перехода власти к Советам. Страх перед «русской заразой» подтолкнул правительственные круги не только к принятию целой серии мер для предотвращения распространения большевистского влияния среди рабочих и крестьян, но и к последовательному и постепенному крену вправо, что в итоге привело к падению самой либеральной республики.

Одним из первых «большевистскую заразу» распознал итальянский посол в Москве Делла Торретта. В начале своей миссии он так же, как и его предшественники, предрекал скорый конец власти большевиков и со дня на день ждал решительного удара со стороны противников Ленина. Однако разгон большевиками Учредительного собрания заставил его иначе взглянуть на новую власть и увидеть в ней силу, способную к длительному сопротивлению.

С резкой речью об опасности проникновения в Италию большевистских идей выступали националисты. Уже сами речи левых итальянских социалистов в парламенте они приравнивали к советской пропаганде и содействию подрыву общественного порядка в Италии.

Турати от имени реформистского крыла ИСП обвинил само правительство в распространении ленинизма в Италии. По его мнению, отказ итальянских властей от предложенного большевиками всеобщего мира подтолкнул их в итоге к заключению сепаратного мира с Германией, что поставило Италию на грань развала.

---

[133] Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 21 dic. 1917. P. 15358.

[134] Ibid. 22 dic. 1917. P. 15419.

Либералы предложили свое прочтение большевистской революции, видя в ней не объединяющий русский народ фактор, а наоборот разъединяющий, ведущий к потере национального единства. «В отличие от Французской революции, заявившей о главенстве национальных интересов, русская революция поставила во главу угла интернациональные принципы, то есть отдала интересы родины в услужение социальным преобразованиям в мировом масштабе»[135].

Уже в самых первых парламентских прениях проявилась тенденция к шельмованию итальянских социалистов за их политическую поддержку большевистской революции. В дальнейшем эта прямая ассоциация советской власти с ИСП приведет к их дискредитации прежде всего в рядах правительства и приближению к власти крайне правых, фашистских элементов. В начале же 1918 г. депутатам-социалистам приходилось опровергать обвинения в адрес большевиков в том, что они действовали в немецких интересах. Подобные обвинения косвенно падали и на самих итальянских социалистов, многие из которых заняли антимилитаристскую позицию и поддержали большевистский переворот.

Все перечисленные выше аргументы легли в основу крайне негативной позиции итальянского праволиберального правительства по вопросу о признании новой большевистской власти. Однако со временем итальянское правительство во главе с новым премьер-министром Франческо Нитти осознало необходимость налаживания отношений с чуждыми их либеральному духу большевиками ради экономического развития Италии и ее внутриполитического спокойствия.

Корунова Е. В.

Кризис 1917 года в Швеции. Влияние революции в России на демократизацию шведской партийно-политической системы

Аннотация. Революция в России оказала серьезное воздействие на политическую обстановку в Швеции. В статье уделено внимание так называемым «картофельным бунтам», прокатившимся по стране весной–летом 1917 г. Февральская революция в России послужила стимулом к партийно-политической борьбе, обнажила противоречия в рядах Социал-демократической рабочей партии Швеции и стимулировала требования демократических реформ.

[135] Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 20 feb. 1918. P. 15921.

Ключевые слова: Я. Хаммаршельд, «картофельные бунты», Социал-демократическая рабочая партия Швеции, Я. Брантинг, Стокгольмская кровавая баня (5 июня 1917 г.), Левая социал-демократическая партия Швеции.

The crisis of 1917 in Sweden: the influence of the Russian Revolution on democratization of the Swedish party-political system

Abstract. The Russian revolution had a strong impact on the political life in Sweden. This article focuses on a series of spontaneous hanger-marches so called «potato riots» evoked in Sweden during spring-summer 1917. The first Russian revolution discovered a struggle between parties and government, highlighted contradictions among The Swedish Social Democratic party members and gained a demand for political reforms.

Keywords: H. Hammarsjöld, potato riots, The Swedish Social Democratic party, H. Branting, Stockholm bloodbath (5 July 1917), Social Democratic Left party of Sweden.

Зигфрид Эдстрем[136], будучи директором крупнейшей шведской электро-технической компании ACEA (на сегодняшний момент АББ), сделал интересное заявление: если бы в Швеции случилась революция, то можно с уверенностью сказать, что людей на нее подняла «паршивая картошка»: она стала главной угрозой гражданскому миру, она заставила шведов выйти на улицы, она же привела к отставке правительства[137]. Данная цитата несколько выбивается из контекста ровной, не затронутой вот уже более двух столетий войнами и конфликтами истории шведского государства, где идея компромисса в обществе всегда возводилась в наивысшую добродетель. Возникает вопрос, действительно ли скандинавское государство могло повторить судьбу России и принять идею революции со всеми вытекающими последствиями?

Швеция совместно с другими скандинавскими странами провозгласила декларацию о нейтралитете еще до начала Первой мировой войны, в 1912 г.[138]. И подкрепив это заявление целым рядом допол-

---

[136] Зигфрид Эдстрем (Zigfrid Edström) – исполняющий обязанности директора ACEA (в 1903–1933 гг.); президент Международного олимпийского комитета (в 1946–1952 гг.).

[137] *Lif A.* En berättelse om Sigfrid Edström, Asea, Vesterås och revolutionen. Vesterås, 2004. S. 36.

[138] Deklarationer växlade med Danmark och Norge rörande likartade neutralitets bestämmelser. Stockholm den 21 december 1912 // Statens internationella överenskommelser (SÖ) 1912:11. // http://www.regeringen.se/499d60/contentassets/00894e7fcccd40e3ab2cf5922e7ff5e4/so_1912_11.pdf.

нительных соглашений[139], а также ориентируясь на благоприятные геополитические условия и выгодную конъюнктуру, избежала участия в войне, в очередной раз подтвердив свою приверженность политике нейтралитета. Однако все это лежит на поверхности. Складывавшуюся ситуацию внутри страны в годы войны с трудом можно было назвать стабильной.

Период со второй половины 1915 г. вплоть до зимы 1916–1917 гг. стал переломным моментом для Швеции. Он показал, что механизм фиктивного, нестрогого нейтралитета больше действовать не будет. Если в начале войны одно провозглашение нейтралитета благоприятствовало Швеции, то обстоятельства, сложившиеся к середине войны, диктовали уже новые условия. Политика блокады, инициированная Великобританией, привела к внутренним трудностям в Швеции, связанным с ростом цен на потребляемые товары, в особенности на продовольствие, вызвала истощение запасов промышленного сырья и топлива, одновременно сказалась и на репутации нейтральной Швеции, угрожала непосредственным втягиванием ее в войну. Проблема внешнеторговых отношений с главными партнерами все больше обострялась, и в результате ситуация дошла до предела. По верному замечанию автора статьи из журнала «Новая Швеция» (Det-nya Sverige): «В течение года [1916 г.] мы находились на грани войны с Англией», или вернее «Англия была на грани войны с нами»[140].

Противоречия между Англией и Швецией усиливались, а после того как в январе 1916 г. Великобритания приняла программу ужесточения экономической блокады Германии, трудности стали ощущаться как никогда. Дальнейшее давление на Швецию могло привести к безработице и голоду в стране, но англичане продолжали «завинчивать гайки», время от времени расширяя черный список, который, как говорили шведские торговцы, зажал шведскую экономику в тиски[141]. Путем дальнейшего стягивания блокадного кольца англичане заставили шведское правительство выступить с инициативой новых переговоров. В октябре Швеция заявила о своем желании встретиться с английским правительством для решения торгово-экономических вопросов, и с ноября 1916 г. начались длительные переговоры, продолжавшиеся вплоть до конца января 1917 г.

Таким образом, к середине 1916 г. баланс торговли на Балтике, которым ранее успешно пользовались шведы, нарушился. По этой причине в Швеции в срочном порядке была созвана специальная комиссия по народному хозяйству, результатом работы которой стало введение в Швеции с сентября 1916 г. карточной системы. Карточки

---

[139] A Collection of Neutral Laws and Treaties of Various Countries. Vol. II. Washington, 1939. P. 974–975.

[140] Augusti i fjor och i år // Det nya Sverige. Stockholm, 1916. S. 390.

[141] *Franzen N.-O.* Undan stormen. Sverige under första världskriget. Stockholm, 1986. S. 183.

на сахар начали распространять уже летом, а к зиме в список были включены хлеб, жиры и кофе.

Отсутствие на прилавках магазинов базовых товаров и высокие цены на них привели к росту потребления картофеля населением. Однако к концу года выявилась нехватка и этого продукта. Цены на него выросли втрое, что стало причиной последовавшего картофельного кризиса. Призывы «Посеешь этой весной, не умрешь с голоду ближайшей осенью»[142] и активное распахивание парковых территорий в 4,5 километра от Королевского дворца в Стокгольме, с целью воодушевить народ, не дали ожидаемого эффекта.

Реакция не замедлила себя ждать. В крупнейших городах Швеции – Стокгольме, Гетеборге и Норчепинге начались «голодные бунты», выражавшиеся в демонстрациях и уличных беспорядках. Люди крушили магазины и грабили их. Известны случаи воровства картофеля, хранившегося на крайний случай в вагонетках железорудных шахт[143].

Эти «картофельные бунты» очень быстро приобрели политический характер и стали выражаться в нападках на консервативное правительство Яльмара Хаммаршельда, которого в народе переименовали в Хунгершельда (от шведского слова *hunger* – голод).

Именно в таком положении глубокого политического кризиса Швеция встретила Февральскую революцию в России. Новость о революции в стране, к которой испытывали нелюбовь и даже страх, восприняли с энтузиазмом как шведские социал-демократы, так и либералы. Ожидалось, что революция в России приведет к демократии, а для шведского общества, находившегося на распутье, станет примером необходимости демократических реформ вплоть до введения всеобщего избирательного права.

Царскую Россию и ее последнего царя Николая II вместе со всем его окружением в Швеции не любили. Борьба против царизма встречала среди шведов сочувствие. В политическом контексте «русский», «Россия» означали в тогдашней Швеции варварство, произвол или жестокость властей. Царизм рассматривался в том числе как отрицательный фактор на пути стран Антанты к победе в войне. Этим обусловлен факт, что Швеция очень быстро признала Временное правительство, в особенности приветствуя восстановление финляндской автономии в ее полном объеме.

Видный политический деятель, социал-демократ Эрик Пальмшерна[144], как пишет историк Хокан Блумквист, охарактеризовал на-

---

[142] https://stockholmskallan.stockholm.se/post/4549.

[143] *Thulstrup Å.* Svensk politik, 1905–1939. Från unionsupplösningen till andra världskriget. Stockholm, 1968. S. 89–90.

[144] Эрик Пальмшерна – военно-морской министр в коалиционном либерально-социал-демократическом правительстве Н. Эдена (1917–1920); министр иностранных дел первого социал-демократического правительства Я. Брантинга (март–октябрь 1917).

строения в Швеции по случаю свершившейся революции в России следующим образом: «Веют весенние ветры, наш народ дрожит будто от удара... Все мысли пропитаны революцией. Никто ни о чем другом и не говорит»[145]. Его соратник лидер Социал-демократической рабочей партии Швеции (далее СДРПШ), в будущем премьер-министр Яльмар Брантинг назвал Февральскую революцию в России «коренным демократическим прорывом». По его мнению, «это был новый 1789 год», но на этот раз это был триумф – демократия восторжествовала в России после «взятия Бастилии»[146].

Новость о революции в России в течение практически месяца не сходила с первых полос шведских газет, втянув общество в нескончаемую дискуссию по вопросу, какой путь должна выбрать Швеция. На этой волне шведские левые социал-демократы стали призывать рабочих к активным действиям. Главный редактор газеты «Стормклоккан»[147] Карл Чильбум в статье «Правые работают на революцию» от 31 марта призывал: «больше, чем до сих пор, готовить революцию внепарламентскими средствами». И продолжал: «Пусть правые дают нам больше милитаризма. Позаботимся о том, чтобы масса военнослужащих Швеции шли по тому же пути, что и в России. Мы должны усилить антимилитаристскую акцию и в каждом расположении войск немедля начать революционную работу». В конце добавил, проводя параллели со Швецией: «Помните, что голод народа был той искрой, которая взорвала мину в России»[148].

Следовательно, революция в России, положенная на сложившуюся в стране ситуацию с продовольствием, дала свой результат. 5 марта 1917 г. Хаммаршельд подал прошение королю Густаву V о досрочной отставке с поста премьер-министра. А 30 марта 1917 г. в свои права вступил новый умеренно-консервативный кабинет, который возглавил почетный доктор Лундского университета, депутат верхней палаты риксдага Карл Свартц. Новое правительство было настроено, прежде всего, на улучшение отношений с Англией, так как от этого зависело снабжение страны. Однако его положение было шатким: успокоить рабочих, на чью сторону начали переходить войска, не удавалось[149]. Состав кабинета в своем большинстве не отличался от прежнего.

---

[145] *Blomqvist H.* ...den «svenska revolutionen» 1917 // Röda Malmö. 12.XI.2012.

[146] *Kan A.* Lenin, Branting och Höglund. Vad visste man inom svensk arbetarvänster om bolsjevikerna före Linins sista Stockholmbesök? // http://journals.lub.lu.se/index.php/scandia/article/viewFile/1402/1189.

[147] «Стормклоккан» (Stormklockan) – с 1908 г. печатный орган союза молодежи СДРПШ; затем – левых социал-демократов.

[148] Stormklockan. 31.III.1917.

[149] *Andrae C. G.* Revolt eller reform.Sverige inför revolutionerna i Europa, 1917–1918. Stockholm, 1998. S. 85.

Под влиянием революции в России обнажились противоречия и внутри СДРПШ, между ее левым крылом и правым. Горячие споры по вопросу о дальнейшей судьбе Швеции фактически раскололи партию на два лагеря. Своеобразной лакмусовой бумажкой взаимоотношений внутри партии стал приезд Ленина в Стокгольм, ускоривший выход левых из состава СДРПШ.

В начале апреля стало известно, что Ленин выразил намерение вернуться в Россию, и его маршрут в Петроград должен был пройти через Швецию с остановкой в Стокгольме. Этот город был хорошо знаком Ленину, он здесь прежде неоднократно бывал, эта поездка в столицу Швеции должна была стать уже шестой по счету.

В день приезда делегации большевиков в Стокгольм, 13 апреля, шведские газеты различной политической ориентации отреагировали одинаково активно, разместив новость о прибытии Ленина и его товарищей на первые полосы. Так, в ведущей шведской газете либерального толка «Дагенс Нюхетер» появилась статья под названием «Тридцать русских революционеров на пути домой через Стокгольм», в которой в нейтральном тоне сообщалась информация о прибывающей делегации и их планах в Стокгольме[150]. В ангажированной газете «Политикен»[151] крупным планом была размещена фотография лидера большевиков. В самой же статье сообщалось: «Человек, портрет которого помещен выше, один из самых замечательных вождей русской социал-демократии. Он вырос из массового движения русского пролетариата и рос вместе с ним; вся его жизнь, его мысли и деятельность неразрывно связаны с судьбами рабочего класса. В счастье и в несчастье, в момент бурного революционного подъема и в долгие годы бешеного разгула реакции он оставался верен интересам русского и международного пролетариата»[152].

Ленина встречала внушительная компания сторонников из числа шведских левых социал-демократов. На фотографии, сделанной фотокорреспондентом Акселем Мальмстремом, прославившимся в Швеции своей способностью оказаться в нужное время в нужном месте, были запечатлены бургомистр Стокгольма Карл Линдхпаген, будущие лидеры Коммунистической партии Швеции Отто Гримлунд, Фредрик Стрем, Туре Нерман, Фабиан Монссон и многие другие[153].

Среди встречавших не оказалось лидера СДРПШ Брантинга, не посчитавшего необходимым лично общаться с вождем русской революции. Между тем Брантинг и Ленин были хорошо знакомы и дол-

---

[150] Dagens. 13.IV.1917.

[151] «Политикен» (Politiken) – печатный орган шведских левых социал-демократов, затем коммунистов.

[152] *Московский П. В., Семенов В. Г.* Ленин в Швеции. М., 1972. С. 111.

[153] Фотографию можно найти на сайте архива Рабочего движения (Arbetarrörelsen arkiv och bibliotek): http://www.arbark.se/2017/05/april-1917.

гое время считали друг друга соратниками. Но в начале Первой мировой войны их пути разошлись. Брантинг был противником методов борьбы, которые предлагал Ленин. Свидетельством плохих отношений между Лениным и Брантингом является состоявшийся накануне приезда Ленина телефонный разговор между Пальмшерна и Брантингом, в котором лидеру социал-демократов в ироничной форме было предложено позвонить Керенскому и сообщить ему новость о возвращении Ленина, чтобы он успел «преградить ему путь, прежде чем тот доберется до России»[154].

А краеугольным камнем в отношениях двух бывших товарищей стал вопрос, связанный с финансированием русской революции. Так, 23 апреля в газете «Социал-Демократен» Брантинг намекнул на нечистоплотность большевиков, которые используют немецкие деньги[155]. Это был своеобразный ответ на обвинение Брантинга в «постыдной компании» против Ленина и русских большевиков, а также в излишнем «антантофильстве»[156].

Этим объясняется и тот факт, что Ленин предпочел Брантингу молодых Цета Хеглунда, Туре Нермана и других шведских левых социалистов, с которыми и продолжил сотрудничество в обход официальным лидерам СДРПШ.

Приезд Ленина в Стокгольм вдохновил левых социал-демократов, которые незамедлительно начали готовить трудящихся к революции в Швеции. Со страниц«Политикен» Туре Нерман 2 апреля призывал покончить с гражданским миром и возобновить классовую борьбу: «Национальная война там, на фронтах, заканчивается. Новая, интернациональная уже с громом надвигается на нас. Пусть грянет буря! Она очистит воздух. Мы ждем в нетерпении. Рвите же дипломатические отношения с нашими врагами! Даешь войну!»[157]. Вскоре по всей стране прокатилась волна стачек, демонстраций, забастовок, проводившихся под ширмой протестов против голода, дороговизны и спекуляции. Первая демонстрация, получившая наибольший резонанс в шведском обществе, началась в небольшом провинциальном городе Вестервик 16 апреля 1917 г., где рабочему комитету удалось взять под контроль учет и распределение продовольствия. Так как движение возглавили левые социал-демократы, среди традиционных требований рабочих вскоре появились и другие, а именно повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня.

---

[154] Lif A. Op. cit. S. 64.

[155] *Björkegren H.* Ryskaposten. De ryska revolutionärerna i Norden 1906–1917.Kristianstad, 1985. S. 278.

[156] *Бекстрем К.* История рабочего движения в Швеции (1902–1917). Политический раскол рабочего движения и возникновение новой революционной рабочей партии. М., 1966. С. 335–337.

[157] Politiken. 2.VI.1917.

С этого момента известия о «голодных» бунтах стали приходить ежедневно из разных точек Швеции. Каждый день апреля, начиная со стачки в Вестервике, приносил весть об очередном народном выступлении, насчитывавшем от 2 до 45 тыс. участников. Всего за 1917 г. в Швеции прошло более 350 подобных выступлений.

К маю 1917 г. в рядах СДРПШ произошел окончательный раскол. Взаимные претензии были озвучены еще в феврале на X съезде СДРПШ и завершились выходом левого крыла из состава партии. В конце марта было создано Стокгольмское объединение левых социал-демократов, преобразованное в середине мая в Левую социал-демократическую партию Швеции, ставшую впоследствии Коммунистической (в 1921 г.).

Многочисленные демонстрации в стране свидетельствовали, что Швеция стоит на перепутье. Воцарившийся в стране хаос мог привести к необратимым последствиям, подобным тому, что произошло в России. По этой причине в конце мая с парламентской трибуны Брантинг обратился к действующему правительству Свартца с вопросами: будет ли изменена система выборов, будет ли снижен налоговый ценз, будут ли участвовать в голосовании женщины, но получил четкий ответ «нет»[158].

Кульминацией событий в Швеции стала демонстрация в Стокгольме 5 июня 1917 г. В этот день на площади Густава Адольфа недалеко от здания парламента собрались тысячи рабочих на мирную демонстрацию. Одновременно с парламентской трибуны один из лидеров левого движения, депутат нижней палаты риксдага Цет Хеглунд заявил перед собравшимися политиками: «Когда правительство и риксдаг бессильны, то наступает время сказать слово уличному парламенту, а народу взять дело в свои руки! Да здравствует уличный парламент!»[159].

Теперь лозунги рабочих не сводились к разрешению продовольственного кризиса в стране, собравшиеся требовали всеобщего избирательного права. Поначалу демонстрация проходила мирно и не предполагала никаких столкновений с полицией. Однако народ прибывал, и начальник стокгольмской полиции Вильгельм Тамм отдал приказ разогнать толпу. Некоторые из рабочих в ответ стали бросать в полицию камни. Среди демонстрантов и пришедших из любопытства людей началась паника. Многие из находившихся в этот день на площади получили сабельные ранения. Применение силы конной полицией в отношении безоружных демонстрантов повергло шведское общество буквально в шок. На следующий день га-

---

[158] *Lindqist H.* A History of Sweden: from Ice Age to our Age. Stockholm, 2006. P. 649.

[159] *Höglund Z.* Minnen i fackelsken.Vol. 3: Revolutionernas år 1917–1921. Stockholm, 1956. S. 50.

зета «Политикен» назвала произошедшее стокгольмской кровавой баней по аналогии с событиями далекого 1520 г.[160] – жестокой расправой датского короля Кристиана II над шведскими дворянами.

Одновременно внимание шведов было приковано и к личности Брантинга, который вместе с рабочими вышел на площадь 5 июня. Благодаря сделанному Акселем Мальмстремом снимку[161], на котором лидер социал-демократов успокаивал демонстрантов, в обществе значительно повысился уровень доверия к этому политику, стремившемуся во что бы то ни стало сохранить гражданский мир в Швеции. Он призвал собравшихся разойтись по домам и дожидаться осенних парламентских выборов.

Спустя всего три месяца, в сентябре 1917 г., на парламентских выборах сторонники радикальных мер, представленные Шведской социал-демократической левой партией, набрали всего 8 % голосов избирателей, в то время как СДРПШ 30 % и либералы 27 %[162]. В итоге было сформировано либерально-социал-демократическое коалиционное правительство во главе с либералом Нильсом Эденом. Впервые за всю историю шведского государства к власти пришло коалиционное либерально-социалистическое правительство, в своих внешнеполитических пристрастиях больше расположенное к Антанте, чем к Германии. С этого момента в Швеции начал главную роль играть парламент, а роль короля была сведена к минимуму.

К моменту, когда в России прогремела Октябрьская революция, Швеция уже встала на путь реформ и конституционных преобразований. Среди приветствовавших события в России остались лишь преданные до конца идее революции шведские коммунисты. Среди них была и активный деятель Коммунистической партии Швеции Ката Дальстрем, в оправдание революции писавшая следующее: «Социализм – это единственный выход из голодного хаоса и полной дезорганизации, спровоцированные войной и никчемным царским правительством, бросившим свой народ»[163]. Но эти слова не имели ничего общего со шведской действительностью. В шведском обществе превалировало мнение, что шведский король Густав V как раз свой народ не бросил, а передал в надежные социал-демократические руки, подтвердил курс Швеции на отказ от прогерманских позиций в пользу панскандинавизма[164] и строго нейтралитета.

---

[160] Politiken. 6.VI.1917.

[161] https://stockholmskallan.stockholm.se/post/30174.

[162] *Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С.* История Швеции. М., 2002. С. 377.

[163] Dalström K. De ryska bolsjevikerna och den sociala revolutionen.Oskarhamn, 1918. S. 5.

[164] В ноябре 1917 г. в столице Норвегии Христиании (Осло) состоялась встреча трех монархов скандинавских стран, на которой возникла идея создания Северных ассоциаций с целью укрепления экономических, политических и культурных связей Швеции, Дании и Норвегии.

Вместе с тем Брантингу удалось сплотить основную часть партии после раскола и предотвратить возможность применения недемократических и непарламентских методов политической борьбы в Швеции. К внеочередным выборам в риксдаг осенью 1918 г. был принят закон о проведении реформы, отменивший налоговый ценз при муниципальных выборах, а также вводилось равное избирательное право. Через год была внедрена конституционная реформа: всеобщее избирательное право для женщин и мужчин во вторую палату риксдага. Это привело к власти социал-демократов, долгие годы руководивших Швецией.

Листиков С. В.

В. Вильсон и революционный кризис в России в 1917 году

Аннотация. В статье прослежена эволюция «русской политики» президента США В. Вильсона в связи с развитием революционного кризиса в 1917 г. в России. Показаны восприятие событий в этой стране американскими дипломатами, попытки Вашингтона оказать помощь Временному правительству, а также представлена реакция лидера США на поиски русскими социалистами путей достижения скорейшего мира весной–осенью 1917 г.

Ключевые слова: В. Вильсон, американские дипломаты, помощь Временному правительству, русские социалисты, большевики.

Woodrow Wilson and Revolutionary crisis in Russia, 1917

Abstract. The article traces the evolution of President Woodrow Wilson's „Russian policy" during Russia's revolutionary crisis in 1917. It show American diplomats perceived these events, the ways Washington tried to help the Provisional government, and US leader's reaction to Russian socialists striving for peace in spring–autumn of 1917.

Keywords: Woodrow Wilson, American diplomats, assistance to Provisional government, Russian socialists, Bolsheviks.

Революционный для России 1917 г. стал крупной вехой в ее отношениях с США. Родившаяся после свержения царизма надежда на доброе сотрудничество «двух демократий» по мере развития революционного кризиса в России быстро увяла, уступив место сначала охлаждению и сдержанности, а затем, после прихода большевиков к власти, отторжению и вражде. Поисками взаимоприемлемых вариантов общения лидерам обеих стран пришлось заниматься более полутора десятков лет.

Предвоенный негативный образ России, у просвещенной части американского общества ассоциировавшийся прежде всего с самодержавной властью, политическими и национальными притеснениями, внешнеполитической экспансией[165], в годы глобального катаклизма претерпел некоторые позитивные изменения. За ними стояли развитие экономических связей; верность России союзническим обязательствам и мужество ее армий, умевших, казалось,«возрождаться из пепла» и разить врага (успех Брусиловского прорыва 1916 г. после страшных поражений и отступления 1915 г.); деятельность в США «друзей России» – влиятельных политиков, дипломатов, предпринимателей: чикагского бизнесмена, филантропа и друга президента В. Вильсона Ч. Р. Крейна, крупного биржевика Ч. Бойнтона, бывшего посла К. Гилда и других, упорно трудившихся над улучшением имиджа далекой огромной страны в общественном мнении США[166].

Впрочем, ни у В. Вильсона, ни у его доверенных советников – полковника Э. Хауза, проф. Чикагского университета С. Харпера, известного ученого и журналиста Дж. Кеннана, да и у Ч. Крейна самодержавный режим симпатий не вызывал. Но он, как казалось, обладал завидной устойчивостью. И иных надежд на его либерализацию, кроме как посредством медленных, постепенных реформ «сверху», питать не приходилось.

Поэтому Февральские события стали для Америки приятной неожиданностью. Там они были восприняты как результат широкого, во многом спонтанного, народного возмущения. Однако, как считали влиятельные журналы «Индепендент», «Аутлук», «Форчун» «Букмен», этот взрыв был подготовлен длительной борьбой с самодержавием революционного и либерального движений (особенно отмечалась деятельность созданного в августе 1915 г. думского Прогрессивного блока). Как отметил американский военно-морской атташе Н. Мак-Калли, уже по ходу февральских событий рождались слухи, объявлявшие их результатом заговора. То ли союзников-англичан, пытавшихся не допустить усиления во власти крайне правых сторонников сепаратного мира с Германией. То ли думских либералов, задумавших избавиться от неугодных министров. То ли как раз этих безответственных людей, спровоцировавших беспорядки в на-

---

[165] См. подробнее: *Журавлева В. И.* Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012; *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Пер. с англ. М., 2002. С. 20–45; *Saul N.* Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996. P. 421–588, etc.

[166] *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 9–153; *Grayson B. L.* Russian-American Relations in World War One. N. Y., 1979; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001. P. 53–58.

дежде использовать их для укрепления собственной власти. Результатом стало, однако, падение режима[167].

Американское общество переживало что-то вроде эйфории по поводу обретенной Россией свободы, этот эмоциональный подъем захватил и президента США. Из-за океана казалось, что революция вознесла к высотам власти достойнейших, компетентных представителей русского общества, приверженных либеральным идеям, которые смогут управлять ситуацией в стране: Г. Н. Львова (глава Временного правительства), П. Н. Милюкова (министр иностранных дел), А. И. Гучкова (военный и морской министр) и им подобных. Россия же, быстро пережив революционную бурю, успокоится и изберет путь плавных демократических реформ, взяв за образец одну из моделей западных демократий. В союзе с ними русский народ, воодушевленный обретенной свободой и получивший заслуживающее доверия правительство, получит новый стимул для участия в войне[168].

Тем более, что вильсоновская администрация, упорно преодолевая антивоенную инерцию большинства населения, втягивала страну в глобальную войну. Свержение царизма дало президенту и его ближайшему окружению весомое моральное обоснование этого шага. В речи перед конгрессом 2 апреля он изобразил войну как глобальное противоборство сил «демократии» и «милитаризма» (отметим, что на деле причины участия США в войне лежали куда глубже). Президент заявил, что видит русский народ не только партнером США на поле брани, но и достойным участником «Лиги чести» – той послевоенной международной организации обеспечения мира между народами, о создании которой грезил[169].

Не исключено, что вильсоновские планы в отношении России были еще более масштабными. Добейся он того, чтобы эта страна с огромными природными и людскими ресурсами следовала в фарваторе американской политики, приняла роль «младшего брата» «самой совершенной» из западных демократий, – перед Вашингто-

---

[167] N. McCully to War College Division. April 3, 1917 // National Archives. Record-Group 165. F. 6497-23. Box 130; *Листиков С. В.* США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006. С. 48–61; *Lasch Ch.* The American Liberals and the Russian Revolution.N.Y., 1962. P. 27–30.

[168] *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 32–55; *Filene P.* Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambridge, 1967. P. 9–17; *Seal E., Jr.* Attitude of the United States toward the Russian Provisional Government. March 15 to November 7, 1917 // Southern Quarterly. 4 (Oct. 1965). P. 331–333; etc.

[169] An Address to a Joint Session of Congress. Apr. 2, 1917 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A.S. Link. Vol. 41.Princeton, 1983. P. 524 (далее – PWW); *Листиков С. В.* Вступление США в Первую мировую войну и «русский фактор» // Американский ежегодник, 1998. М., 1999. С. 179 –193.

ном открывались бы самые заманчивые перспективы в решении внешнеполитических задач. И, прежде всего, – полноправного вхождения в управлявший делами человечества клуб великих держав, а в перспективе – достижения мирового лидерства. Если не учитывать амбиций лидера заокеанской демократии и его стремления использовать случившиеся в России перемены, то как объяснить ту поспешность, с которой Вашингтон уже 22 марта, на два дня раньше союзников по Антанте, признал Временное правительство?[170].

И все же некоторые сообщения из России внушали Вильсону и его советникам опасения. Пугала набиравшая силу социалистическая альтернатива в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, наличие энергичного леворадикального течения (прибытие в Петроград лидера большевиков В. И. Ленина американская пресса вниманием не обошла). Внятно звучали голоса тех американцев и русских – занимавшегося проблемами беженцев в России Т. Уиттемора или покинувшего пост посла России в США Ю. П. Бахметева, – кто предрекал России революционный хаос и радикальную диктатуру. Как сообщали из Петрограда, американские бизнесмены из «Нэшнл сити бэнк» при виде возбужденной толпы жгли деловые бумаги[171].

После Апрельского кризиса, падения Милюкова и Гучкова изменилось многое, Белый дом утрачивал точку опоры в «русской политике». Поступавшие из России донесения дипломатов: посла Д. Фрэнсиса, консулов в Москве М. Саммерса, в Петрограде – Н. Уиншипа, в Одессе – Дж. Рея и других рисовали пораженную усиливавшимися хаосом и смутой страну, бившуюся в тисках обострявшихся земельной, продовольственной, рабочей, национальной и иных проблем. Сменявшие друг друга по ходу правительственных кризисов либерально-социалистические министерства оказывались мягкотелыми и недееспособными. На фоне нараставшей политической инертности буржуазных слоев социалисты «прибирали» к рукам власть – что для Вильсона, относившегося даже к самым правым из них и в США, и за их пределами с явным предубеждением, не могло не казаться диковатым. Причем доминировавшие в Петросовете умеренные меньшевики и эсеры с какой-то непонятной беспечностью реагировали на выходки леворадикальных «товарищей», 16–18 июля продемонстрировавших заряженность на захват власти. Впрочем, Вашингтон не

---

[170] Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Научн. руководитель В. Л. Мальков. М., 2002. С. 252–253; *Васюков В. С.* Внешняя политика Временнного правительства. М., 1966. С. 220–221.

[171] Th. Whittermore to Ch. R. Crane, March 14/27 // Bakhmeteff Archive Columbia University (New York). Ch. R. Crane Papers. Box 2; *Будницкий О. В.* Б. А. Бахтетев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 139, 141–142.

очень разбирался в «оттенках красного»: для него и В. И. Ленин, и В. М. Чернов, и Ю. О. Мартов были почти «на одно лицо».

Бедственное положение тыла пагубно сказывалось на военных усилиях России. Американские военные специалисты на месте событий – генерал У. Джадсон, майор Ф. Паркер и другие – считали, что надежды петроградских властей вдохнуть в солдат желание сражаться лозунгами и мерами вроде «защиты революционного отечества», приказом № 1 (от 14 марта), не сработали. Армия разлагалась, дисциплина и боевой дух падали, офицеры теряли контроль над солдатской массой. Как попытку остановить этот процесс в большей мере, чем решить боевые задачи, очень настороженно восприняли американцы наступления на Русском фронте (с 1 июля 1917 г.). После его неудачи в донесениях военных из России все чаще звучала мысль, что она вступила на пагубный путь выхода из войны, а армия и флот утрачивают остатки сопротивляемости врагу. События конца лета–осени: оставление Риги (3 сентября), Моонзундская операция германского флота (12–19 октября) подтверждали диагноз.

Вашингтон ждал от Петрограда сильной, готовой действовать решительно во имя наведения порядка в тылу и на фронте власти. И жестоко ошибся в А. Ф. Керенском, который, сосредоточив в руках большие полномочия (с 21 июля – министр-председатель с сохранением постов министров военного и морского), оказался правителем слабым, скорее не «диктатором», а «заложником» революции. Во второй половине августа американские наблюдатели в России заговорили о скатывании ее к диктатуре военной. Их симпатии во время выступления генерала Л. Г. Корнилова (9–14 сентября), причины конфликта которого с Керенским так и остались для многих загадкой, разделились. Вашингтон же удержался в русле поддержки законного правительства. А вот оценки американцами столкновения «двух патриотов» во многом совпали: проиграла Россия, в выигрыше оказались только большевики.

Последующие недели в донесениях американских дипломатов и военных были посвящены описанию нараставших хаоса и беспорядков в стране, выражению смутных надежд на способность Керенского, умеренных социалистов и либералов все же остановить рвавшихся к власти большевиков. Однако оптимистическим прогнозам, даже самым умеренным, не суждено было сбыться[172].

Развитие ситуации в России заставило Вильсона и его советников привлечь для ее освещения людей, изучавших революционные процессы и левые политические течения как в этой стране, так и в других, переживавших сходные обстоятельства социальной нестабиль-

[172] О восприятии американскими дипломатами в России событий от Февраля к Октябрю 1917 г. и отражении их в донесениях в Вашингтон см.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 160–403; *Листиков С. В.* США и революционная Россия в 1917 г. ... С. 56–217.

ности. Весной в Россию отправился наблюдавший мексиканскую революцию журналист Л. Стеффенс. По возвращении в США Вильсон удостоил его личной встречи 26 июня, выслушав весьма радикальную версию случившегося. Э. Хауз с лета 1917 г. имел собственного объективного информатора, журналиста А. Булларда. Правдивые сведения поступали от британцев, в частности, от близкого Белому дому разведчика и дипломата У. Вайзмана. Э. Хауз получил весьма полное представление о русском социалистическом движении, встретившись с выходцем из России, профессором Колумбийского университета В. Симковичем[173]. Так что личная дипломатия президента, в дополнение к официальной, работала весьма эффективно.

В условиях сложной, менявшейся к худшему ситуации Вильсон избрал на «русском направлении», думается, самый разумный путь: внимательно отслеживать события и оказывать дозированную помощь Временному правительству на приоритетных направлениях. Сделано было немало.

Летом в Россию прибыла миссия железнодорожных экспертов во главе с крупным инженером, строителем Панамского канала Дж. Стивенсом. Закупки оборудования стали важной частью поставок товаров военного назначения, приобретавшихся в США на предоставленные американцами же кредиты. Их сумма, по разным оценкам, составила от 325 до 450 млн долл. (израсходовать до ноября 1917 г. успели 187 млн)[174].

В России разворачивали свою деятельность американские миссии Красного Креста во главе с крупным финансовым магнатом У. Б. Томпсоном и Ассоциация христианской молодежи. Летом–осенью была предпринята, пускай и запоздалая, попытка организации пропагандистской кампании во спасение Временного правительства через Комитет гражданского просвещения Е. К. Брешко-Брешковской, а в конце ноября в России высадился (опять-таки с опозданием) представитель американского Комитета общественной информации Э. Сиссон[175]. Наконец, в июне–июле 1917 г. нашу страну посетила миссия во главе с влиятельным республиканским сенатором Э. Рутом. Она решала задачу больше политическую, демонстрируя курс Вашингтона

---

[173] См.: *Листиков С. В.* США и революционная Россия в 1917 г. ... С. 218–236, 248–267, 274.

[174] *Stevens J.* Russia during the World War // Engineers and Engineering. Jan. 1927. N. 44. P. 17–23; Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900–1917 гг.). М., 1964. С. 309–311, 314–315; *Shuman F.* American Policy toward Russia since 1917. N. Y., 1928. P. 47–48.

[175] См.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 335–344, 358–362 и др.; *Davies D., Trani E.* The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review. 1974. Sept. P. 471–476; *Fike C.* The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917–1919 // Journal of Modern History. 1959. № 2 (June). P. 94–95, 101–103, etc.

на сближение «двух демократий». По возвращении в США она представила властям доклад, весьма точно передававший картину происходившего в России. И в то же время не удержалась от рекомендаций в духе неизбежности поддержки Временного правительства – в надежде, что ему удастся выжить и сохранить Россию в войне[176]. Участие в этих миссиях крупных фигур американской политики, делового мира, военных кругов свидетельствовало о той высокой значимости, которую вильсоновская администрация придавала «русскому проекту».

Некоторые планы остались, правда, на бумаге. Включая и экзотическую идею Э. Хауза отправить американских солдат на Русский фронт (Вильсон советнику даже не ответил)[177].

Немалую роль «русский фактор» сыграл в идейных исканиях Вильсона. Он не принял весьма активно продвигавшегося скандинавскими и энергично поддержанного русскими социалистами весной 1917 г. лозунга «мира без аннексий и контрибуций». Объявив беспощадную борьбу германскому режиму, президент усмотрел в инициативе левых как раз бездумное следование коварной германской интриге, нацеленной на раскол коалиции США и союзников и подрыв сплоченного против внешнего врага «внутреннего фронта» в этих странах. Отсюда – неприятие Вашингтоном идеи проведения Стокгольмской конференции социалистов (американские левые паспортов для участия в ней не получили). 11 мая Вильсон откровенно признался: «Мне не хотелось бы, чтобы социалисты обсуждали вопросы международной политики. Их действия могут нанести вред делу союзников, особенно в связи с событиями в России»[178].

И все же, как их тогда называли, «русские лозунги» «мира без аннексий и контрибуций», вкупе с инициативой папы Бенедикта XV от 1 августа, содержавшей условия скорейшего завершения войны, говорили о нараставшей конкуренции на рынке миротворческих идей. Это подталкивало Вильсона к разработке собственной либеральной, новаторской программы. В сентябре была собрана сильная команда специалистов для ее подготовки, известная как «Инквайри» (директором проекта стал президент нью-йоркского центрального кол-

---

[176] См.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 205–208; 249–267; *Иоффе А. Е.* Миссия Рута в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 87–100. В состав миссии вошли начальник штаба американской армии Х. Скотт, контр-адмирал Дж. Гленнон, секретарь международной комиссии ААХМ Дж. Мотт, крупные предприниматель С. Мак-Кормик и финансист С. Бертрон; рабочих Америки представляли правый социалист Ч. Э. Рассел и вице-президент АФТ Дж. Дункан.

[177] E. House to W. Wilson, July 23, 1917 // PWW. Vol. 43. P. 248–249.

[178] W. Wilson to R. Lansing. May 11, 1917 // PWW. Vol. 42. P. 274; *Mayer A.* Wilson vs Lenin. Political Origins of the New Diplomacy. 1917–1918. Cleveland etc., 1964. P. 51–241; *Wade R.* The Russian Search for Peace. February–October 1917. Stanford, 1969. P. 26–73.

леджа С. Мезес, секретарем – У. Липпман). Но к концу 1917 г. Вильсон еще не был готов представить цельное произведение, поскольку решение сложнейших практических вопросов участия страны в войне поглощало внимание президента. Его знаменитые «14 пунктов» прозвучали 8 января 1918 г., когда Временное правительство уже перестало существовать[179].

А между тем казалось, что осенью 1917 г. в русско-американских отношениях, на фоне охлаждения к Временному правительству союзников, намечалось сближение. На руку Вашингтону оказалась замена ориентировавшегося на европейских партнеров по Антанте П. Н. Милюкова на посту министра иностранных дел на М. И. Терещенко. Его внешнеполитическая линия предполагала возможность пересмотра целей войны посредством переговоров с союзниками и больше отвечала вильсоновским идеям достижения «справедливого мира без побежденных». Решительным сторонником сближения с США выступал новый посол России в этой стране (с июня 1917 г.) Б. А. Бахметев[180].

Плохо скрытая симпатия англичан к выступлению Л. Г. Корнилова и раздраженная реакция на это Петрограда не осталась не замеченной в Вашингтоне. Американская дипломатия вела себя более сдержанно и доброжелательно, ничем своего неприятия Временному правительству не демонстрируя. Незадолго до падения, 31 октября Керенский дал откровенное интервью «Ассошиэйтед пресс» о бедственном положении страны[181]. Этот призыв о помощи остался без ответа. Спасти Временное правительство уже не представлялось возможным.

7 ноября большевики взяли власть. Как показали дальнейшие события, восприятие их Вильсоном было неоднозначным: он чувствовал за ними поддержку немалой части русского общества, прежде всего веками угнетавшихся с особой жестокостью социальных низов. В «русском вопросе» перед Вашингтоном открывались новые альтернативы. Либо помогать свержению большевиков, поддержав разнородные силы их противников, разбросанные на огромной территории бывшей империи. Либо начать с диалог с «новыми хозяевами России». Либо оставить русских разбираться между собой, не давая революционному пожару перекинуться на соседние страны и народы,

---

[179] См.: *Печатнов В. О.* Уолтер Липпман и пути Америки. С. 73–92; *Gelfand L.* The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917–1919. New Haven, 1963.

[180] *Будницкий О. В.* Указ. соч., С. 139–144; *Wade R.* Op. cit. P. 52, 76–77, 122–123, 134–136, etc.

[181] См.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 392; W. Wiseman to E. Drummond, Oct. 1, 1917 // Yale University. Sterling Library. William Wiseman Papers. F. 258. Box 10. О позиции британской дипломатии в период корниловского мятежа см.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 299–315.

а для этого окружить «советы» кольцом враждебных государств и правительств. Вильсону и его администрации до конца своего существования так и не удалось нащупать удовлетворительного решения «русского вопроса». Как завещание преемникам были оставлены принципы «русской политики», изложенные госсекретарем Б. Колби в знаменитой ноте от 9 августа 1920 г.: верность сохранению территориальной целостности России и непризнание власти большевиков[182].

Магадеев И. Э.

Боеспособность российской армии в оценках французской военной миссии в России (январь–июль 1917 г.)

Аннотация. В статье на основе опубликованных и архивных материалов анализируется эволюция оценок боеспособности российской армии членами французской военной миссии в России в период подготовки и осуществления июньского наступления на Восточном фронте. Несмотря на отдельные вспышки оптимизма, французские военные в России рассматривали положение российской армии в январе–июле 1917 г. с явно выраженным пессимизмом, сомневаясь в ее реальных возможностях по организации успешных наступательных действий.

Ключевые слова: российская армия в 1917 г., французская военная миссия, Восточный фронт, М. Жанен, Э. Рампон, П. Паскаль.

Combatant Value of the Russian Troops from the Eyes of the French Military Mission in Russia (January–July 1917)

Abstract. Basing on the published and archival evidences this article analyses the evolution of estimates made by the French military mission in Russia about the fighting efficiency of the Russian army during the period of preparation and unfolding of the June offensive on the Eastern front. Though there were some flashes of optimism, the general outlook of the French military in Russia was characterised by pronounced pessimism and strong doubts about its real possibilities to organise successful offensive operations.

Keywords: Russian army in 1917, French military mission, Eastern front, M. Janin, E. Rampont, P. Pascal.

---

[182] См.: *Дэвис Д., Трани Ю.* Указ. соч. С. 373–376; *Романов В. В.* Нота Колби в контексте американо-советских отношений 1917–1920 гг. // Россия–США: политика и дипломатия в XX–XXI вв. / Под ред. С. Б. Вольфсона, Н. И. Егоровой. М., 2008. С. 36–40.

При всей кажущейся «узости» исключительно военного, на первый взгляд, вопроса о боеспособности российской армии зимой–летом 1917 г., он представляется одним из фундаментальных при изучении многочисленных проблем «года Революции». Без анализа кризиса и последующей дезинтеграции российской армии не понять внутриполитических и социальных процессов той «солдатской революции» на фронте, о которой писал Ю. О. Мартов, считая ее одной из предпосылок Октября[183]. Без его учета сложно выявить и те условия, в которых Россия вышла из войны и которые стали прологом распада Антанты и будущей интервенции бывших союзников.

Цель данной статьи – выявить основные черты и эволюцию оценок состояния боеспособности российской армии в первой половине 1917 г. достаточно осведомленными, но «внешними» наблюдателями – членами французской военной миссии в России. Особое внимание будет сосредоточено на трех важных параметрах боеспособности: уровень материально-технического обеспечения, морально-психологическое состояние армии, ее способность/неспособность предпринять наступательные действий. Хронологические рамки работы (с начала года до провала июньского наступления российской армии) обусловлены определенной внутренней «цельностью» данного периода, с точки зрения тех приоритетов, которые волновали французских военных, – вопрос об организации активных действий на Восточном фронте, дабы «притянуть» к нему как можно большее количество немецких соединений, ослабив и сократив их присутствие на главном для Парижа – Западном – театре военных действий. Ключевыми в этом смысле для понимая общего контекста нижеприведенных французских оценок была подготовка и проведение неудачного наступления Нивелля (апрель–май), вызвавшего мятежи во французской армии (май–июнь), надолго «обездвижившие» ее на Западном фронте.

Французская военная миссия была предметом относительно пристального изучения в современной российской историографии, изучения, шедшего, правда, в русле пересекавшихся, но неидентичных направлений: военно-политической истории[184], стратегической истории[185], «истории идей» и «истории ментальностей»[186]. Однако по-

---

[183] *Мартов Ю. О.* Избранное. М., 2000. С. 557.

[184] *Бабинцев В. А., Галкина Ю. М.* «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудников французской военной миссии в России // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 352–358.

[185] *Павлов А. Ю.* Скованые одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008; Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 1. СПб., 2014.

[186] *Данилова О. С., Слуцкая Л. В.* Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 16–28.

добные работы нередко затрагивали проблематику широкого характера и во многом «открывали» ее для отечественной исторической науки. В данной статье, при «сужении» исследовательского фокуса, более пристальное внимание обращается на эволюцию оценок членов французской военной миссии; на их суждения не только стратегического порядка, но и тактического и оперативного уровня; на внутренние противоречия среди офицеров миссии. В зарубежной историографии (прежде всего, французской) данная проблематика разработана подробнее[187], однако использование новых источников, как представляется, привносит некоторую новизну и применительно и к наработкам, имеющимся в ней.

Источниковую основу исследования составили как уже достаточно широко используемые опубликованные официальные документы (донесения, телеграммы, меморандумы миссии)[188], источники личного происхождения (дневники и мемуары)[189], так и менее известные. Среди последних отдельно стоит отметить дневник генерала М. Жанена (начальник миссии с апреля 1916 г. по август 1917 г.)[190], а также впервые в отечественной историографии вводимые в научный оборот письма представителя военной миссии при российском Западном фронте полковника (позднее генерала) Э. Рампона из Национального архива Франции[191].

К началу 1917 г. французская военная миссия представляла собой достаточно массивный (около 150–200 человек) и в некотором смысле «децентрализованный» военно-бюрократический организм[192]. Начальник миссии Жанен находился (хотя и отлучаясь по разным поводам) в Ставке в Могилеве; его помощник, военный атташе подполковник (позднее генерал) Ж. Лавернь, а также отдел пропаганды во главе с капитаном Ф. де Шевийи – в Петрограде; прикомандированные офицеры имелись также при основных фронтах и на флоте. Миссия Жанена одновременно курировала работу многочисленных иных военно-технических миссий Франции[193].

---

[187] См. в особенности: *Delmas J.* L'armée russe vue par les officiers français affectés en Russie 1916–1917 // Les sociétés européennes et la guerre / Sous la dir. de J.-J. Becker, S. Audoin-Rouzeau. Nanterre, 1990. P. 375–383.

[188] Les armées françaises dans la Grande guerre (AFGG). T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 1–2. Paris, 1932; AFGG. T. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1–2. Paris, 1937.

[189] *Legras J.* Mémoires de Russie. Paris, 1921; *Паскаль П.* Русский дневник. Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014.

[190] *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris, 2015.

[191] Archives Nationales (AN), Papiers Pétain, 415 Archives privées (AP) 5.

[192] *Бабинцев В. А., Галкина Ю. М.* Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 241–254.

[193] *Павлов А. Ю.* Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М., 2013. С. 33–41.

Сложность гармонизации различных военных оценок, делавшихся сотрудниками миссии, усугублялась их противоречивыми подходами. Подобное расхождение условно можно суммировать в виде двух «полюсов». Первый из них – «сочувствующие» Петрограду и Ставке французские военные, стремившиеся продемонстрировать Парижу, что возможно, а чего невозможно требовать от российской армии. К этой группе можно отнести Жанена, который, по оценке его подчиненного, лейтенанта П. Паскаля, «в сущности, принимает большую часть русских аргументов, но не хочет, чтобы это слишком бросалось в глаза Парижу»[194], отчасти – Лаверня и самого Паскаля.

Второй «полюс во французской военной миссии – намного более критично настроенные в отношении России офицеры, исходившие из двух базовых идей: выраженного пессимизма в отношении возможностей российской армии; убежденности в необходимости максимально жесткого подхода в отношении российских властей, вплоть до возможности заключения мира с немцами «за спиной России» на случай ожидаемого ими выхода Петрограда из войны (подобные идеи высказывались уже с весны 1917 г.)[195]. К этой группе можно отнести упоминавшихся Рампона и Шевийи; подполковника (позднее полковника) Ж. Ланглуа; капитана Э. де Малесси.

Констатировав подобные противоречия, необходимо одновременно отметить, что границы между «полюсами» были подвижными; несовпадение взглядов членов миссии не было абсолютным и имело свои границы. Если попытаться расположить оценки боеспособности российской армии в январе–июле по шкале «очень оптимистично – очень пессимистично», то основная часть оценок будет в разной степени близка ко второй точке. Несмотря на все внутренние разногласия, миссия практически всегда видела ситуацию в более пессимистичных тонах, чем французское Военное министерство и Главная квартира. На страницах своего дневника Жанен неоднократно критиковал последние за незнание российских реалий и требование невозможного[196].

1(14) января, анализируя итоги кампании 1916 г., Жанен констатировал старую проблему российской армии – техническую слабость, в том числе недостаток тяжелой артиллерии, авиации, «компенсировать» которые приходилось колоссальными людскими потерями, лишь на Юго-Западном фронте составившими за прошлый год, по его данным, ок. 1 млн человек. Однако общий настрой генерала был, скорее, умеренно оптимистическим («...плохо или хо-

---

[194] *Паскаль П.* Указ. соч. С. 161.

[195] *Reviakine A.* La France, la Russie et la menace d'une paix separee avec l'Allemagne en 1917 // Deutchland – Frankreich – Ruβland: Begegnungen und Konfrontationen / Hrsg. v. I. Mieck, P. Guillen. München, 2000. P. 147–156.

[196] *Janin M.* Op. cit. P. 120, 159.

рошо, но они постепенно организуются и готовятся к наступлению») при прозорливой констатации: «не только армия, но и вся страна» считают невозможным сражаться методами, использовавшимися ранее – «человек против техники, пехотинец против снаряда»[197]. В Париже и в миссии внимательно следили за процессом формирования новых российских дивизий, шедшим с конца 1916 г. (процесс проводился, как считали французы, для наступления в мае). Увеличение количества российских дивизий вместе с тем не внушало большого оптимизма относительно решения застарелых проблем: переход от 4- к 3-батальонному составу полка должен был высвободить новые людские ресурсы, но не лишал, а, по сути, усугублял, проблему слабого обеспечения российской дивизии артиллерией, «распыляемой» по новым соединениям[198].

Итоги Петроградской конференции стран Антанты (январь–февраль), посулившей российской армии значительные заграничные поставки и обязавшей ее руководство предпринять крупное наступление в апреле–мае[199], несколько укрепили умеренный оптимизм военной миссии. Однако скорое отречение Николая II и создание Временного правительства, напротив, усилили негативные оценки. Еще 25 февраля (10 марта) в разговоре с начальником Штаба Верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М. В. Алексеевым, не скрывавшим своего пессимизма по поводу грядущего, Жанен был склонен полагать, что тот преувеличивает негативные тенденции[200]. Однако уже 15(28) марта Жанен был настроен совсем иначе, сообщая в Париж, что «русские не в состоянии помочь нам наступательными действиями... Поражение может ускорить скатывание страны в анархию...». Генерал констатировал резкое падение дисциплины солдат, особенно в тыловых зонах[201]. На страницах дневника он оценивал Приказ № 1 Петросовета как документ, «который разрушил дисциплину в армии»[202].

В миссии, однако, февральские события оценивались иначе, хотя сторонники подобной точки, скорее, оставались в меньшинстве и были «ангажированы» своими связями с министром вооружений Франции социалистом А. Тома, выступавшим одним из главных оптимистов в отношении «новой России». Член французской миссии по вооружениям Э. Пети и один из офицеров, ответственных за пропаганду, славист по образованию Ж. Легра писали тогда о

---

[197] AFGG. T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 1. P. 771.
[198] Ibid. P. 946, 1002–1003, 1027.
[199] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 310–332.
[200] AFGG. T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 1. P. 1504–1505.
[201] Ibid. T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 2. P. 331.
[202] *Janin M.* Op. cit. P. 136.

«новом [революционном] духе» российских солдат; «духе», который, как надеялись, придаст им энтузиазма и вдохновит на военные успехи[203]. Подобные суждения, безусловно, во многом были вдохновлены примерами из Французской революции XVIII в., выступавшей своего рода «линзой», через которую многие французские обозреватели оценивали события Российской революции.

На протяжении апреля–июня в оценках членов миссии можно, скорее, говорить о вспышках оптимизма при общем весьма пессимистичном настрое. О «небольшом улучшении» ситуации в середине апреля говорил Лавернь, сразу оговариваясь о невозможности прогнозировать результаты на будущее[204]. Тогда же прогресс в деле материально-технического обеспечения российской армии в разговорах с Тома, приехавшим в Петроград, констатировал Жанен, хотя он мог и несколько лукавить, «подлаживаясь» под характерный для министра-социалиста оптимизм[205]. 5(18) мая о том, что «мы находимся на самой нижней точке кривой, мы поднимемся через короткий промежуток, [хотя] на данный момент мы не поднимаемся ни на миллиметр», писал пессимист-Рампон, хотя уже через 3 дня его тон стал еще более мрачным[206]. Некоторый энтузиазм, с надеждой на введение жестких мер по восстановлению дисциплины, французские военные связывали с назначением А. Ф. Керенского военным и морским министром в мае[207].

Картина состояния российской армии, выстраиваемая членами миссии на основе разнообразных источников (визиты на фронт, отчеты прикомандированных офицеров, беседы с российскими и зарубежными официальными и неофициальными лицами и др.), не была однородной. В середине апреля Жанен суммировал ее следующим образом: в худшем состоянии находился Северный фронт, что генерал связывал с близостью Петрограда и агитацией Петроградского совета; положение Западного фронта было более-менее приемлемым, однако пугал уровень дезертирства; Юго-Западный фронт был в лучшем состоянии, однако уверенности его командующего генерала от кавалерии А. А. Брусилова в возможности организовать успешное наступление Жанен полностью не разделял[208]. Причем как весьма плачевное (братания с противником, массовое отсутствие дисциплины и т. д.) Жанен описывал положение одной из «ударных»

---

[203] *Sinanoglou I.* La Russie dans la Première guerre mondiale: le témoignage de Pierre Pascal // Cahiers du monde russe et soviétique (CMRS). 1976. Vol. 17. No. 4. P. 493.

[204] *Janin M.* Op. cit. P. 142.

[205] Journal de Russie d'Albert Thomas (publ. de I. Sinanoglou) // CMRS. 1973. Vol. 14. No. 1. P. 93, 107–108, 113.

[206] Приведено в: Rampont–Pétain, 01.08.17 // AN, 415 AP 5.

[207] *Janin M.* Op. cit. P. 169.

[208] Ibid. P. 137. См. также: AFGG. T. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. P. 197, 247.

(8-й) армий Юго-Западного фронта под командованием генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова[209]. Плохое состояние Северного фронта подтверждал и Паскаль, предпринявший в мае визит в расположение 12-й армии («У меня все больше и больше складывается впечатление, что мы потерпели поражение»)[210].

В целом члены военной миссии не питали особых надежд на подготавливаемое наступление российской армии. Получив 15(28) марта сведения от Алексеева о переносе его сроков с мая на июнь–июль, Жанен счел, что оно может не состояться и в эти, более поздние сроки[211]. Больше того, французский генерал не был уверен в его практической пользе, осторожно сообщая в Париж в начале мая о том, что, в случае провала, наступление «может принести к затруднениями ввиду неясности политической ситуации»[212]. В той же телеграмме военному министру П. Пенлеве, контрастировавшей с его беседой с Тома, Жанен сетовал на дезорганизацию системы снабжения армии (раздрай в функционировании железных дорог, системы складов и т. д.). За дипломатичным языком скрывалась очевидная идея, которую 9(22) мая Паскаль отразил в своем дневнике: Жанен не считал российское наступление возможным[213]. Неприятное впечатление на него, среди прочего, произвело значительное количество потерь (10,5 тыс. человек по французским данным; значительная часть – военнопленные) в период локального контрнаступления немцев на р. Стоход в апреле[214].

В своем докладе от 11(24) мая плачевное моральное состояние армии обрисовал Лавернь, критикуя настрой офицеров и солдат и подчеркивая влияние «интенсивной пацифисткой пропаганды сторонников Ленина»[215]. Убежденным адептом максимально жестких мер по восстановлению дисциплины выступал Рампон, еще в апреле называвший В. И. Ленина «нашим самым главным врагом». Рампон призывал надавить на российские власти в деле создания дисциплинарных лагерей и считал, что, «если правительство не изменит „Прав солдат"» (т. е. фактически не отменит Приказа № 1), нельзя быть уверенными не то что в активных действиях, но и в том, «что немецкое наступление будет отбито»[216].

Визиты на фронт, предпринятые Жаненом в преддверии российского наступления (во второй половине мая генерал посетил различ-

[209] *Janin M.* Op. cit. 154, 160.
[210] *Паскаль П.* Указ. соч. С. 210.
[211] AFGG. T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 2. P. 330–331.
[212] Ibid. T. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. P. 197.
[213] *Паскаль П.* Указ. соч. С. 192.
[214] *Janin M.* Op. cit. 135.
[215] *Delmas J.* Op. cit. P. 379.
[216] Выдержки из донесений от 21 мая (3 июня), 28 мая (10 июня). Приведено в: Rampont–Pétain. 01.08.17 // AN. 415 AP 5.

ные соединения Северного фронта, во второй половине июня – Западный фронт), утвердили его в пессимизме. После разговора с командующим 2-й армией (Западный фронт) генерал-лейтенантом А. А. Веселовским 3(16) июня, Жанен записал в дневнике: «Наша беседа позволяет мне констатировать, что ситуация аналогична той, что существует на Северном фронте. Анархия, речи, комитеты, митинги и т. д. У отвратительных и бессильных офицеров столько же стычек со своими солдатами, сколько с противником»[217]. Жанен в этом смысле сближался с традиционно более пессимистичными членами своей миссии. Как писал 14(27) июня Рампон, «мы требуем от [российской] армии наступления, которого она не может нам дать»[218].

Таким образом, в канун начала июньского наступления на Восточном фронте оценки французской миссии характеризовались внутренней противоречивостью: военных страшило как закрепление «состояния паралича» фронта[219], позволившего бы Берлину перебрасывать силы на Запад, так и потенциальная (и почти прогнозируемая) неудача грядущего наступления.

На этом фоне успешное начало наступления Юго-Западного фронта 18 июня (1 июля) было воспринято с определенным энтузиазмом. «Будет ли победа иметь продолжение? Да», – записал Паскаль, находившийся в Петрограде, в своем дневнике через два дня[220]. Жанен и Рампон, наблюдавшие за наступлением при Юго-Западном и Западном фронтах соответственно, смотрели на вещи более трезво. Даже в первые успешные дни наступления Жанен, отмечая действия российской артиллерии, указывал на тревожные симптомы: значительное число дезертиров и легкораненых (в том числе в левую руку, что косвенно могло свидетельствовать о «самострелах»). Начало немецкого контрнаступления (Тарнопольский прорыв) 23 июня (6 июля), скорее, не удивило французского генерала, а было почти ожидаемым концом: «Отвратительный спекталь, создающий впечатление ситуации, которую уже не исправить, поскольку для восстановления порядка нужна иная хватка, чем у Керенского»[221].

Развитие ситуации в 20-х числах июля (по новому стилю) вкупе с июльским выступлением в Петрограде, ассоциировавшимся с большевиками, лишь усугубляло мрачный настрой Жанена. Он констатировал казавшееся неостановимым отступление российских частей, подозревал их в сговоре с немцами и видел в этом влияние пропаганды большевиков, которых, что было общим местом среди фран-

---

[217] *Janin M.* Op. cit. P. 186.
[218] Приведено в: Rampont–Pétain. 01.08.17 // AN. 415 AP 5.
[219] *Janin M.* Op. cit. P. 161.
[220] *Паскаль П.* Указ. соч. С. 237.
[221] *Janin M.* Op. cit. P. 190, 193, 196.

цузских военных, считал «агентами немцев»[222]. Схожими были впечатления Рампона, суммировавшего в рапорте от 9(22) июля ход наступления на Западном фронте: превосходная артиллерийская подготовка, первоначальные успехи и последующий развал, символом которого для французского полковника были раненые в левую руку «ученики Ленина»[223].

Таким образом, оценки боеспособности российской армии со стороны членов французской военной миссии в России в январе–июле 1917 г. характеризовались значительной долей постоянства. В отличие от центральных органов военного управления Франции, представители «на местах», лучше знакомые с ситуацией на Восточном фронте, не испытывали завышенных ожиданий относительно возможностей российских вооруженных сил. Умеренный оптимизм января–февраля 1917 г. после начала революционных процессов достаточно быстро сменился опасениями, что Восточный фронт застынет в состоянии необъявленного перемирия, и это высвободит немецкие силы для действий на Западе. Краткие «вспышки» оптимизма в апреле–мае не меняли общей картины весьма мрачного настроя в преддверии грядущего июньского наступления, в целесообрзности которого члены миссии продолжали сомневаться. На фоне нередко проницательных оценок боеспособности российской армии, которые делали французские офицеры, не стоит сбрасывать со счетов влияния на них и фактора идеологических предпочтений, определенных национальных стереотипов (русская «инерция», необходимость «железной руки» и т. д.), более точное определение роли которых вполне может стать предметом дальнейших исследований.

Манухин А. А.

Какая Россия нужна Америке: мастер пропаганды Артур Буллард о подходе США к решению «русского вопроса» после Революции

Аннотация. В статье рассматривается участие видного американского журналиста и мыслителя А. Булларда в разработке и координации внешней политики США на русском направлении в период революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Отражен его анализ внутреннего состояния страны и возможностей влияния США на отдельные политические силы. Сделан вывод о том, что Буллард

[222] AFGG. T. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 2. P. 282; *Janin M.* Op. cit. P. 203–204.
[223] Приведено в: Rampont–Pétain. 01.08.17 // AN. 415 AP 5.

участвовал в закладывании основ стратегии «мягкой силы» применительно к России.

Ключевые слова: А. Буллард, внешняя политика США, революция 1917 г., Гражданская война в России, пропаганда, «мягкая сила».

What Russia does America Need? The master of Propaganda Arthur Bullard on the American Approach to the „Russian Question"

Abstract. The article examines the contribution in making and coordination of U. S. Russian policy throughout the Revolution of 1917 and the Russian Civil War by Arthur Bullard, a prominent American journalist and thinker. It reflects his analysis of the country's internal condition along with the abilities of the U. S. to influence various political forces. It is concluded that Bullard played a part in laying the foundations of the «soft power» strategy as regards Russia.

Keywords: A Bullard, the United States foreign policy, the Revolution of 1917, Russian Civil War, propaganda, «soft power».

Революционный кризис 1917 г., приход к власти большевиков и Гражданская война в России вызвали значительное размежевание в общественно-политических настроениях целого ряда стран. Возможно, наиболее неоднозначным было восприятие этих событий в США. Русская революция дала дополнительный импульс тем идейным размежеваниям, которые возникли под влиянием преобразований начала века («прогрессивной эры») и обострились в условиях войны[224]. Представители двух ведущих политических партий, издатели и журналисты различной политической ориентации, выражая свою точку зрения по судьбоносным для Америки вопросам, все чаще делали это с оглядкой на события в России. В историографии хорошо изучены отношение различных общественно-политических сил США к революции и Гражданской войне в России[225]. Однако не столь много внимания уделялось попыткам их представителей понять «русский кризис» в контексте долгосроч-

[224] *Thompson J. A.* Reformers and War: American Progressive Publicists and the First World War. Cambridge and N.Y., 1987. P. 234–239.

[225] *Schuman F. L.* American Policy toward Russia since 1917. N. Y., 1928. P. 64–91; 122–125; 151–157; *Lasch Ch.* The American Liberals and the Russian Revolution. N. Y., 1962. P. 158–189; *Salzman N. V.* Reform and Revolution. The Life and Times of Raymond Robins. Kent (OH); London, 1991; *Diggins J. P.* The Rise and Fall of the American Left. N. Y., 2002. P. 108–112; *Фураев В. К.* Октябрьская революция и общественное мнение США (1917–1920 гг.). М., 1967; *Мальков В. Л.* Раймонд Робинс открывает новый мир // Новая и новейшая история. 1970. № 2. С. 133–148; *Листиков С. В.* Журналист и внешняя политика В. Вильсона. Линкольн Стеффенс и «русский вопрос» // Американский ежегодник-1999. М., 2001. С. 208–222; *Он же.* Миссия Уильяма Буллита в Советскую Россию, 1919 // Американский ежегодник-2013. М., 2013. С. 211–228.

ных внешнеполитических интересов США. В этой связи интересно рассмотреть деятельность и взгляды такой фигуры, как Артур Буллард. В отличие от многих других американских публицистов и политиков, писавших о революционной трансформации России, он выступал как активным творцом внешней политики США в «полевых условиях», так и дал развернутый анализ «русского вопроса» с рекомендациями на будущее.

Артур Буллард, выходец из обеспеченного «среднего класса», на рубеже веков включился в кампанию «разгребателей грязи» («макрейкеров», muckrakers), журналистов, бичевавших изъяны американского капиталистического общества, и поначалу принадлежал к их левому крылу. Он печатался в таких изданиях, как «The Masses» и «New York Call». В 1904 г. он познакомился с бывшей народницей и одной из основателей партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковской, ввел ее в среду сочувствующих американских интеллектуалов и общественных деятелей, внес большой вклад в популяризацию идею поддержки революции в России[226]. Буллард стал секретарем «Общества друзей русской свободы», которое оказывало финансовую помощь русским революционерам, прежде всего, эсерам. В 1905–1906 гг. он впервые посетил Россию, став свидетелем первой революции, а в Швейцарии, навещая знакомых политэмигрантов, даже «имел продолжительную дискуссию с Лениным»[227].

В последующие годы Буллард работал корреспондентом журнала «The Outlook», наблюдал Балканские войны 1912–1913 гг. в качестве военного корреспондента. С фронтов Первой мировой войны он писал для журналов «The Outlook», «Harper's Weekly», «Collier's Magazine», «The Atlantic Monthly», «The Century»[228]. К этому времени его взгляды значительно эволюционировали вправо. Теперь он принадлежал к числу «вильсонистов»: той части спектра политической и интеллектуальной элиты, которая видела во внутренней и внешней политике администрации Вудро Вильсона наиболее подходящий курс для достижения социальной справедливости (не порывая с фундаментальными американскими устоями частной собственности и представительной демократии) и обеспечения за США места экономического и «морального» мирового лидера. Среди принявших активное участие в информационном обеспечении американской внешней политики публицистов ближе всего он стоит к знаменитому Уолтеру Липпману. Как и Липпман, Буллард вошел в круг

---

[226] *Good J.* America and the Russian Revolutionary Movement, 1885–1905 // The Russian Review. 1982 (July).Vol. 41. No 3. P. 284.

[227] Bullard A The Russian Pendulum. Autocracy–Democracy–Bolshevism. N. Y., 1919.

[228] *Привалова Е. А.* Становление идеологической стратегии США на международной арене: Комитет общественной информации и его пропагандистская деятельность в России (1917–1920). Дисс ... доктора филол. наук. М., 2007. С. 82–84.

доверенных лиц неофициального внешнеполитического советника президента, полковника Эдварда Хауза.

К началу 1917 г. оформились его взгляды на вопросы войны и мира. Идею, что война ведется за демократию и поэтому перед США стоит обязанность вступить в нее, он изложил в своей книге «Мобилизуя Америку». Там же утверждается, что наилучшим средством достичь поддержки населения к вступлению в войну является «просветительская кампания» и что демократия, обладая огромным потенциалом, может стать «боевой машиной»[229]. Книга получила высокую оценку Джорджа Крила, главы Комитета общественной информации (КОИ), пропагандистского органа администрации Вильсона. В апреле 1917 г., во время согласования состава миссии во главе с бывшим госсекретарем и сенатором Элиху Рутом в Россию, Булларду было предложено членство в ней. Он отказался, заявив, что хотел бы отправиться в Россию «самостоятельно», что обеспечит больший простор в работе[230]. Вскоре Буллард поступил на работу в КОИ и 14 июля 1917 г. (н. с.) прибыл в Петроград в сопровождении Эрнеста Пула, другого видного журналиста, который ранее бывал в России.

В Петрограде Буллард быстро установил контакты в журналистском и издательском мире, подготовив почву для прибытия в Россию начальника русского отделения КОИ, Эдгара Сиссона, возглавившего Американское Бюро печати (АБП). Позднее он стал руководить работой в Москве, куда Бюро перенесло свою основную деятельность. Они организовали перевод и издание на русском языке памфлетов и фильмов КОИ, направленных на формирование благоприятного мнения о США в целом и, в частности, о военных усилиях американцев у населения стран-союзников, расклеивали плакаты с «14 пунктами» Вильсона, готовили материалы для столичных и провинциальных газет. Работа в качестве представителей правительственного информационного органа США в течение долгого времени защищала американских пропагандистов от нападок советских властей[231]. Главным детищем АБП стали «Американские бюллетени», в которых перепечатывались уже изданные для других стран материалы об участии США в войне и создавались новые, специально для русской аудитории. Всего вышло 27 номеров[232]. Первоначальная позиция Булларда по отношению к большевикам отражена в послании советнику американского посольства еще от 11 октября 1917 г., в котором он писал о «восстановлении союза трех императоров с возможным подключением к нему Микадо»[233]. Далее в послании от 27 ноября 1917 г. Крилу он настаивал на

---

229 *Bullard A.* Mobilising America. N. Y., 1917. P. 11.

230 The Papers of Woodrow Wilson. In 69 Vols. Vol. 42. Princeton, 1983. P. 254–255, 378.

231 *Creel G.* How We Advertised America. N. Y., 1920. P. 374–378.

232 *Привалова Е. А.* Указ. соч. С. 181.

233 *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 138–139.

том, чтоб США ясно заявили о своем непризнании большевиков, так как они «держатся за счет насилия». Это послание легло в основу меморандума госсекретаря Роберта Лансинга от 4 декабря 1917 г. о необходимости политики непризнания советской власти[234].

Эти идеи были отражены в написанном Буллардом памфлете «Письма американского друга». В послании Крилу от 11 февраля 1918 г. автор возлагал на него самые радужные надежды: «Наша работа здесь – единственная, которая приносит плоды. „Вначале было Слово". Мы обстреливаем их и определенно попадаем в цель». В дополнение к нему он предполагал подготовку «демократической азбуки» для русских детей[235]. В «Письмах» он подчеркивал, что русский народ, как и германский, должен «взять в свои руки собственную судьбу» и решительно встать на сторону США. Лозунг «всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций», утверждал Буллард, не является заслугой исключительно России, а представляет собой «наши американские принципы». Американцы – народ, лучше всего понимающий «иррациональность» всякой войны. Но сейчас русские должны возобновить войну, в противном случае у США хватит сил, чтобы победить Германию и без помощи России[236].

В то же время, как показал на основе бумаг Булларда В. Л. Мальков, уже тогда его взгляды на настоящее и будущее России стали меняться. В меморандумах под названием «Ситуация в России» и «О большевистском движении в России» от января 1918 г. он проводил мысль о том, что между США и советским правительством может быть достигнуто некоторое сближение. Его основой станет общее намерение «расколоть Тевтонский блок» и положить конец империалистической политике, угнетающей малые страны и народы. Большевизм, если сдерживать его антилиберальные, антирыночные черты, может принести пользу России, избавив ее от «великодержавного» мышления. Не стоит опасаться того, что большевики сумеют удержаться у власти. Пока же для США выгодно поддерживать с ними торговые и неофициальные дипломатические контакты[237].

Подписание Брестского мира стало большим разочарованием для Булларда и всех работников АБП. На страницах «Американских бюллетеней» было опубликовано предостережение: «Всякая организация свободных людей, которая входит в соглашение с нынешним германским правительством, готовит себе неизбежную гибель!»[238].

---

[234] *Fike C. E.* The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917–1919 // The Journal of Modern History. 1959 (June). Vol. 31. No. 2. P. 96.

[235] The Papers of Woodrow Wilson. In 69 Vols. Vol. 47. Princeton, 1984. P. 521–522.

[236] Письма американского друга. Пг., 1918. С. 25, 28–29.

[237] *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. С. 141–143.

[238] Американские бюллетени. 15.03.1918. № 9. С. 11.

Тогда же, в марте 1918 г., после отъезда Сиссона из России Буллард возглавил АБП. Постепенно его рекомендации для Белого дома становятся все более решительными: в апреле и мае 1918 г. в посланиях Хаузу он настаивал на участии США и союзников в интервенции в Россию, к высадке войск на Русском Севере и Дальнем Востоке[239]. 22 апреля 1918 г. КОИ отдал распоряжение, чтобы все руководство АБП покинуло Россию[240]. Буллард направился в Архангельск, оттуда в США. АБП продолжало работать до 24 августа 1918 г., когда оно было закрыто решением Моссовета.

Однако после размещения во Владивостоке американского экспедиционного корпуса под командованием генерал-майора Уильяма Грэвса в сентябре 1918 г., КОИ перенес туда центр своей работы в России. Буллард встал во главе нового Американского правительственного бюро печати, работая уже в более благоприятных условиях. Временное Всероссийское правительство, а позднее Российское правительство (под руководством Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака) предоставили американцам значительную свободу действий. Они могли не только сотрудничать с эсеровской, кадетской и беспартийной печатью, устраивать показ фильмов, но и пользоваться для получения новых пропагандистских материалов из США радиостанцией на о. Русский. Стала издаваться газета «Дружеское слово», которая по своему содержанию и манере подачи материала почти полностью копировала «Американские бюллетени»[241]. Работа приносила свои плоды: на Дальнем Востоке и в Сибири среди интеллигенции, промышленников и кооператоров было немало тех, кто видел в сотрудничестве с США основу успеха в борьбе с большевиками. Новое АБП охватило своим влиянием территорию вплоть до Урала, открыло свои отделения во всех крупных городах, взаимодействуя с такими организациями, как Американский Красный крест и Ассоциация молодых христиан. В марте 1919 г. он покинул Владивосток, отправившись в Париж, чтобы стать свидетелем работы мирной конференции. В этот период он и создает свою книгу «Русский маятник».

Буллард задавался вопросом: был ли шанс у дипломатии союзников избежать военного вмешательства в дела России? Главную проблему он видел в том, что российские политические силы, не исключая большевиков, всегда апеллировали к внешним силам как к арбитрам, что большевики держатся на грубой силе, фанатизме и «рабском менталитете» значительной части населения. По мнению Булларда, столкнувшись с твердыми, едиными требованиями союзников (согла-

---

[239] Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. In 3 Vols. Vol. 1. Wash. (D. C.), 1931. P. 510.

[240] *Sisson E. G.* One Hundred Red Days: A Personal Chronicle of the Bolshevist Revolution. New Haven, 1931. P. 426.

[241] *Привалова Е. А.* Указ. соч. С. 252, 267–274.

сие на оккупацию Мурманска, Архангельска и Владивостока, свободное продвижение по железным дорогам страны союзных войск), Ленин «сделал бы выбор в пользу Германии. Тогда у нас были бы все основания вести с большевиками настоящую войну. Многие лояльные союзникам русские присоединились бы к нам». Вместе с тем Буллард противоречил самому себе, утверждая, что главное оружие большевизма – его идеология («армии Чайковского, Деникина и Колчака могут войти в Москву и повесить несколько сотен большевиков, но они не убьют идею»). Для победы над большевизмом, по мнению Булларда, необходимо последовательное изменение внутренней политики демократических стран, борьба за «экономическую демократию» (весьма популярная формулировка среди американских прогрессистов), чтобы преследования рабочих организаций и свободы слова не лили воду на мельницу Ленина[242].

Основу будущей демократической России Буллард видел в свободной деятельности земств, городских дум и, в особенности, кооперативов[243]. Однако здесь вмешивалась «партийность», которая в его глазах была главным бичом русского мировоззрения и политической традиции. Демократические силы внутри сибирских правительств вели фракционную борьбу, испытывали постоянное давление со стороны «реакции». Именно поэтому переворот Колчака, вместо того, чтобы сразу же привести антибольшевистские силы к единению, внес еще большую сумятицу. Самого Верховного правителя он считал достаточно полезной фигурой, при условии, что ему придется применить большую хитрость, чтобы не дать «реакционным офицерам» взять верх[244].

Союзники оказались между двух огней: если они пытаются по-настоящему управлять железными дорогами, распределением товаров, их обвиняют в диктате, если же они стараются занять нейтральную позицию, их называют предателями. Проблема усугублялась трудностями психологического характера. Представители правительства Колчака и руководители торговых кооперативов стремятся столкнуть США с Японией, чтобы побудить первых идти на их условия торговли. Бизнес в России традиционно развит плохо, но все «школы» русской общественной мысли свято верят в то, что «жизнью движет материальный интерес». Недоверие в личных и коммерческих вопросах распространяется на политическую сферу[245].

Как же помочь России? Прежде всего, нужна аграрная реформа: земля должна находиться в руках тех, кто ее обрабатывает, и не столь уж важно, будет ли это частное или общинное владение. Ли-

---

[242] *Bullard A.* The Russian Pendulum. P. 118–121, 126–127.
[243] Ibid. P. 35.
[244] Ibid. P. 157–173, 179–183.
[245] Ibid. P. 185–201.

бералы, левые и «реакционеры» в России одинаково страдают порочной традицией решать все с помощью бюрократии. Между тем стихийное возникновение Советов в 1917 г. и их работа продемонстрировали, что русские способны успешно организовывать свою жизнь на местном уровне без вмешательства государственной машины. Третьей проблемой является расстройство финансов и транспортной системы страны. Россия не сможет восстановить их без колоссальных внешних займов. Поскольку частный бизнес едва ли поспешит инвестировать в разрушенную Гражданской войной страну, в дело должно вступить федеральное правительство США, которое будет поддерживать его и обеспечит ему гарантии возможных убытков[246].

Однако все этим меры следует осуществлять после установления в России единого, признанного в мире правительства. Буллард полагал, что ни у одной из сторон в Гражданской войне нет сил для окончательной. Союзникам следует оказать решающую помощь белым, при условии, что они «отбросят наиболее реакционные черты своей политики». Над Россией будет установлен протекторат нескольких держав на основании санкции Лиги Наций. Такой сценарий будет болезненным для «образованных русских», но лишь он поможет сохранить единство территории бывшей империи, которая, в противном случае, распадется на множество государств[247]. Чрезвычайно большая ответственность ляжет на плечи американского посла в России. Как истинный «вильсонист», Буллард бросал камень в огород «старой» дипломатии, подчеркивая, что этот человек «должен быть достаточно высоким, чтобы смочь глядеть поверх зависти и интриг обычной дипломатической практики»[248]. Одной из важнейших целей США должна стать «американизация» молодого поколения русских через создание «школ американского типа», ориентированных на развитие деловых качеств.

«Русский маятник» был написан в тот период, когда белые армии одерживали победы, а союзники рассматривали вопрос о признании Колчака де-факто. Сокрушительное поражение армий Колчака и Деникина в конце 1919–начале 1920 г. стало неожиданностью для многих зарубежных наблюдателей, желавших разгрома большевиков. Надежды стали возлагать на свержение большевиков измученным народом или их постепенное «перерождение» под влиянием насущных потребностей экономического развития страны. Такой логики придерживался и Буллард. В 1919 г. он занял пост главы Русского отдела госдепартамента США, однако оставался на нем недолго, вернувшись к журналистской работе. В статье «Россия в структуре меж-

[246] *Bullard A.* The Russian Pendulum. P. 212–226, 244–245.
[247] Ibid. P. 237, 242–243.
[248] Ibid. P. 246–248.

дународных финансов», он утверждал, что большевики с самого начала своего правления изо всех сил пытались «установить колючую проволоку» против рынка и лишь в безвыходной ситуации начали «движение вправо». Но как только в России у власти встанет правительство, которому «можно доверять», ему следует продать долгосрочные облигации европейских государств. Так последние станут платежеспособными и вернут свой внешний долг США, а Россия прочно впишется в мировую экономику[249].

В ряду многочисленных «советников» правительства США по вопросам политики в отношении революционной России Буллард – фигура столь же уникальная, сколь и типичная. Будучи одним из немногих американских «прогрессистов», знавших положение вещей не из прессы или рассказов очевидцев, а на основе личного опыта, он справедливо указывал на невозможность быстрых перемен в такой малопонятной для американцев стране. Вместе с тем он так и остался «макрейкером», свято верившим в то, что «самоорганизация» людей, инициатива «снизу» непременно приведет к торжеству подлинной демократии, стоит лишь «американским друзьям» дать толчок. Он не вполне осознавал, что позитивный отклик на американскую пропаганду со стороны антибольшевистских сил вовсе не обязательно означает готовность всей России к переустройству, особенно в статусе «международного протектората». Выступая за «открытую дипломатию», подчеркивая важность вовлечения России в торговые и финансовые соглашения и проведения в ней «просветительской кампании», он предстает как один из теоретиков и практиков применения «мягкой силы» на русском направлении внешней политики США.

Матвеев Г. Ф.

«Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах

Аннотация. В статье, посвященной проблеме «советизации Польши», доказывается тезис о том, что советская политика в 1919–1920 гг. носила ситуационный характер. В. И. Ленин, определявший содержание внешней политики Советской России, с конца 1919 г. главным считал нормализацию отношений РСФСР с Великобританией, а не разгром и советизацию Польши. Исследование основано на широком круге архивных и опубликованных источников.

[249] *Bullard A.* Russia in the Fabric of International Finance // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1922 (March). Vol. 100. P. 10–12.

Ключевые слова: «советизация», советско-польские отношения в 1919–1920 гг., советско-британские отношения, советская внешняя политика, советско-польская военная кампания 1920 г., В. И. Ленин.

«Sovietization of Poland» in the foreign policy of the RSFSR in 1919–1920

Abstract. The article concentrateson the problem of «Sovietization of Poland», the thesis is proved that Soviet policy in 1919–1920 was situational in nature. V. I. Lenin, who defined the content of foreign policy of Soviet Russia, from the end of 1919 considered the main thing to be the normalization of relations between the RSFSR and Great Britain, but not the defeat and Sovietization of Poland. The study is based on a wide range of archival and published sources.

Keywords: Sovietization, Soviet-Polish relations in 1919–1920, Soviet-British relations, the Soviet-Polish military campaign of 1920, V. I. Lenin.

На сегодняшний день в историографии существуют два основных подхода к вопросу о характере советской политики в отношении Польши. Одни придерживаются мнения, что большевики после прихода к власти безоговорочно признали право поляков на самоопределение вплоть до отделения и ни в 1919, ни в 1920 г. не собирались нападать на нее. Виновниками же войны между республиками были западные державы, польские помещики и Ю. Пилсудский. Другие в войне винят большевиков, стремившихся разжечь, прежде всего в Германии, пожар социалистической революции. Но на их пути встала Польша, что и сделало ее первоочередной целью их агрессивных планов[250].

Идеологом и практическим руководителем советской внешней политики в 1919–1920 гг. был В. И. Ленин. Развитие событий в Европе в первые месяцы после окончания Великой войны вселяло в него уверенность в скором начале мировой пролетарской революции[251], а в заключительной речи на I конгрессе Коминтерна 6 марта 1919 г. он с уверенностью констатировал, что«победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»[252].

Наиболее откровенно о роли РСФСР в этом неизбежном триумфе всемирной пролетарской революции Ленин высказался в проекте Программы РКП(б) от 25 марта 1919 г., назвав в числе «основных

---

[250] Подробнее о взглядах сторонников этого подхода см.: *Матвеев Г. Ф.* Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир. Науч. сб. в честь 50-летия Ю. А. Борисенка. М., 2016.

[251] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. (далее – ПСС). Т. 37. М., 1969. С. 468.

[252] Там же. С. 510.

задач диктатуры пролетариата в России» и такую: «...всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы... перенести революцию в более передовые и вообще во все страны»[253].

Однако ситуация в мире и самой России развивалась не по его мысли, и уже через две недели, на VIII съезде РКП(б), Ленин сдержаннее оценивал перспективы близкой пролетарской революции в Польше: «...не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю... Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что и наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России... Не путем насилия внедряется коммунизм... нельзя сказать: „Долой право наций на самоопределение! Мы предоставляем право самоопределения только трудящимся массам". Это самоопределение идет очень сложным и трудным путем. Его нет нигде, кроме России, и надо, предусматривая все стадии развития в других странах, ничего не декретировать из Москвы»[254]. Конечно, Ленин не стал вдруг принципиальным противником советской помощи пролетарской революции в Польше. Просто ему показалось, что появился шанс упрочить позицию советской власти путем нормализации отношений с Польшей и Антантой[255].

В принятой на VIII съезде программе РКП(б)о перспективах мировой революции говорилось очень обтекаемо, без указания на участие РСФСР в возбуждении этой революции и определения даже примерных сроков[256]. Сам же Ленин, 12 июля пророчил, что эта революция произойдет в течение ближайшего года: «...учитывая все пережитое, весь опыт этого года, мы с уверенностью говорим, что... следующий июль мы встретим победой международной Советской республики, – и эта победа будет полная и неотъемлемая»[257].

Во второй половине 1919 г. вопрос об экспорте революции в Европу утратил практический характер. Реальная опасность победы сторонников «единой и неделимой России» была использована Кремлем для переговоров с лимитрофами о мире вместо прежней поддержки созданных там с помощью РСФСР советских республик. О их важности свидетельствует специальное решение политбюро ЦК РКП(б) от 11 сентября 1919 г. «о недопустимости каких-либо... публичных выступлений, могущих дать правительствам Финляндии,

---

[253] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. М., 1969. С. 89.

[254] Там же. С. 161–162.

[255] Надежду на это давали приезд в РСФСР представителя польского МИД А. Венцковского и посланца В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа В. К. Буллита. Это значит, что за полтора года пребывания большевиков у власти В. Ленин научился руководствоваться в своих действиях не догмами, а политической конъюнктурой.

[256] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 421.

[257] Там же. Т. 39. М. 1969. С. 88–89.

Эстонии, Литвы повод сорвать мирные переговоры»[258]. В октябре на маленькой белорусской станции Микашевичи начались тайные политические переговоры с Польшей, в ходе которых Ю. Мархлевскому удалось в ноябре получить от польского главнокомандующего и начальника государства Ю. Пилсудского обещание «неперехода поляками известной линии»[259]. Это позволило перебросить часть войск с Западного на Южный фронт. Но Пилсудский не оговорил, как долго он будет держать свое слово.

Перелом в конце 1919 г. в войне с Н. Н. Юденичем и А. Н. Деникиным вселил в советское руководство уверенность, что смертельная опасность для него миновала. Но возврата к идее экспорта революции не произошло. Ленин в письме украинским рабочим от 18 декабря 1919 г. так обосновывал сохранение курса на развитие мирных отношений с лимитрофами: «Опыт рабоче-крестьянской революции в России... опыт ее двухлетней победоносной борьбы... показал яснее ясного, что капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам... признанием независимости государств польского, латышского, литовского, эстляндского, финского мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забитых капиталистами, трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, всего вернее ведем их к полному доверию, к будущей единой международной Советской республике»[260].

Планированию Кремлем заграничного военного похода мешали веские причины. Прежде всего, состояние российской экономики. В феврале 1920 г. Ленин констатировал «страшное разложение всего хозяйства и в особенности транспорта», грозившее«остановкой железных дорог, что означало бы окончательную гибель»[261]. Восстановление народного хозяйства становилось для советского руководства жизненным требованием. Для этого нужен был импорт промышленного оборудования и паровозов, без чего трудно было рассчитывать на быстрый результат[262].

И далеко не блестящее социально-экономическое положение в странах Западной Европы давало надежду на восстановление международного товарообмена между Советской Россией и Западом. Так, 27 января 1920 г. британский премьер Д. Ллойд Джордж говорил руководителю польской дипломатии С. Патеку, что «союзники наме-

---

[258] *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 301.
[259] АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. № 52412. П. 204. Д. 10. Л. 24.
[260] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. М. 1969. С. 44.
[261] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 324.
[262] АВП РФ. 0168. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 30.

рены... восстановить торговые отношения с Россией... отчасти потому, что русские источники продовольствия и сырья необходимы для снабжения Европы и снижения цен»[263].

Сигналом к началу диалога послужило английское предложение Москве организовать в Копенгагене переговоры об обмене пленными[264]. 24 ноября 1919 г. берегов нейтральной Дании на британском военно-госпитальном судне «Принцесса Маргарита»[265] (Ленин, правда, говорил о крейсере[266], чтобы еще больше подчеркнуть важность миссии) достигла советская делегация во главе с М. М. Литвиновым. У него были полномочия вести переговоры и о налаживании торговых, а если получится, то и политических отношений[267]. 6 декабря 1919 г. VII съезд Советов принял подготовленный Лениным проект резолюции, приглашавшей державы Антанты к мирным переговорам. 30 декабря 1919 г. (а не 11 июня 1920 г., как принято в литературе) был образован Наркомат внешней торговли[268]: РСФСР собиралась налаживать широкие торговые отношения с внешним миром.

В начале 1920 г. Великобритания и Италия заявили о невмешательстве во внутренние дела России, 16 января англичане приостановили морскую блокаду РСФСР. В этих условиях Москва перешла к политике «мирного наступления».

М. Литвинов на переговорах в Копенгагене получил официальное заявление «английского правительства, что оно не будет препятствовать Эстонии и другим странам Балтии заключать мир с РСФСР», а также обещание партнера по переговорам О. Грейди «добиться непосредственного заявления в этом же духе балтийцам дипломатическим путем»[269]. Первым, 2 февраля 1920 г., был заключен мир с Эстонией. В тот же день Ленин сформулировал важные для советской дипломатии положения. Во-первых, допустимы отход от принципа права наций на самоопределение и территориальные уступки соседним государствам ради заключения с ними мира: «...мы не хотим проливать крови рабочих и красноармейцев ради куска земли». Да, он оговаривался, что «уступка эта делается не на веки», но ведь и державами допускалась возможность пересмотра территориальных постановле-

---

263 Док. и мат. по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). М., 1964. Т. 2. С. 504.

264 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 16. П. 107. Д. 50586. Л. 1.

265 Там же. Ф. 0168. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 7.

266 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 30.

267 АВП РФ. Ф. 0168. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 65. Поскольку англичане в апреле 1920 г. отказали Литвинову во въездной визе в Великобританию, его заменил нарком внешней торговли Л. Б. Красин. Ему удалось в июне 1920 г. убедить англичан в необходимости ведения не только торговых, но и политических переговоров.

268 АВП РФ. Ф. 69. Оп. 5. П. 8. Д. 25. Л. 11.

269 Там же. Ф. 0168. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 5.

ний Версальского и других мирных договоров в будущем. Во-вторых, победы над враждебными державами можно одерживать не только на поле боя, но и за столом переговоров, нужно только убедить партнера в честности своих намерений: «Все давление международного капитала было побеждено на том пространстве, где наш отказ от насилия был признан добросовестным». Суммируя достигнутые на начало февраля 1920 г. успехи в мирном наступлении, Ленин констатировал: «...мы оказались в сфере всемирных междугосударственных отношений, что дает возможность получить поддержку от более передовых стран... мы можем рассчитывать на получение машин для производства, машин для восстановления нашей промышленности. И самое главное то, что нас совершенно отрезывало, отрезывало путем блокады от передовых стран – сломано»[270].

Поэтому предложения о мире, сделанные Польше 22 декабря 1919 г. Г. В. Чичериным, 28 января 1920 г. СНК РСФСР и 2 февраля ВЦИК Советов, не были прикрытием для готовившейся широкомасштабной наступательной операции на советско-польском фронте. Новым в советской политике было то, что в обращении СНК РСФСР впервые в советской внешнеполитической практике были публично сформулированы территориальные условия мира, оставлявшие за Польшей все оккупированные ею на тот момент белорусские и украинские области (Ленин называл этот рубеж «линией Пилсудского», а поляки – «линией Ленина»)[271]. Ленин так ждал положительной польской реакции, что присланное 4 февраля из Варшавы уведомление о получении мирных предложений СНК РСФСР даже посчитал согласием на мирные переговоры и назвал это событие бескровной победой огромного значения[272]. Вместе с тем, он по-прежнему опасался, что буржуазия и помещики Польши, их политические партии, а также державы Антанты все же толкнут Варшаву на войну на востоке. И это при том, говорил он, что соглашение РСФСР с Эстонией доказывает возможность мирного пути решения спорных вопросов: «...мы можем заключать мир и делать уступки, которые дают возможность развития всякой демократии»[273]. Ориентацию РСФСР на мирные отношения с соседями подтверждают, например, решения политбюро ЦК от 8 марта 1920 г. принять предложение о мирных переговорах с Литвой и не выдвигать лозунг захвата в ней власти коммунистами[274].

Единственный источник военной угрозы РСФСР в первые месяцы 1920 г. Ленин видел в Польше и считал нужным готовиться к ее отражению. 27 февраля Ленин потребовал начать подготовку к

---

[270] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 89–92.
[271] ДМИСПО. Т. 2. С. 508–509.
[272] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 111.
[273] Там же. С. 96.
[274] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 65.

войне с Польшей, так как она «предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия»[275]. Но это не была форсированная подготовка к наступлению на польском фронте, добиться какого-то перевеса сил над поляками, особенно на Украине, за два месяца до начала польского наступления не удалось[276].

После начала 25 апреля 1920 г. польского наступления на Украине в речах Ленина лишь однажды, 5 мая 1920 г., прозвучал призыв «Да здравствуют крестьяне и рабочие свободной независимой польской республики!», которой явно не была II Речь Посполитая[277]. И даже после прорыва польского фронта на Украине советская сторона продолжала говорить в сугубо мирном характере своей внешней политики, приняв, в частности, 17 июня соответствующую резолюцию ВЦИК[278].

Но в узком руководстве страны обсуждение вопроса о возможных сценариях мирных переговоро в с Польшей велось. Мнение НКИД в июне озвучил Чичерин, назвав три возможных варианта: 1) неприемлемый (принять мирное предложение поляков без предварительных условий); 2) компромиссный (в качестве предварительного условия потребовать очищения поляками Украины и пойти на уступки в Белоруссии); 3) опасный (совсем не принимать мирного предложения и отказаться от предварительных условий; но это могло иметь «слишком неблагоприятные политические и психологические последствия»)[279]. При этом Москва трактовала польско-советский конфликт не с точки зрения двусторонних отношений, а как возможность повлиять на взаимоотношения с Антантой.

Вопрос о направлении развития советско-польских отношений с особой силой зазвучал на международной арене после прорыва РККА польского фронта в Белоруссии в начале июля 1920 г.[280]. Польское правительство попросило участников конференции Верхов-

---

275 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74.

276 ПСВ. Ч. 1. С. 59–60.

277 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 110–111. Интересно, что в этот же день политбюро ЦК РКП(б) поручило выступить в Большом театре Ленину, «который имеет указать на незыблемость польской независимости». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74).

278 ДМИСПО. Т. 3. М., 1965. С. 101.

279 Польско-советская война 1919–1920 (далее – ПСВ). Ч. 1. М., 1994. С. 59–60.

280 Встречающееся в литературе утверждение на основании изданного накануне июльского наступления приказа командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского о том, что Красная армия приступила к реализации плана советизации Польши, слишком наивно, не учитывает реальной иерархии инстанций и лиц, принимавших столь судьбоносные решения. Тухачевский был всего лишь командующим фронтом, а такого рода решения принимались на уровне ЦК РКП(б). О реальном месте Тухачевского в советской табеле о ранге свидетельствует один из пунктов постановления политбюро ЦК РКП(б) от 4 мая 1920 г. «11. Сообщить Уншлихту, что Тухачевский заслуживает полного доверия, ему необходимо сообщить все сведения, нужные для руководства фронтом». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74).

ного совета Антанты в Спа посредничать между Варшавой и Москвой для ликвидации конфликта. 9 июля польский премьер В. Грабский согласился с жесткими условиями, выставленными Антантой, в том числе с признанием восточной границы Польши по линии Антанты от 9 декабря 1919 г. Передать условия Верховного совета советскому руководству поручили Лондону. 11 июля английский министр иностранных дел лорд Д. Н. Керзон направил советскому правительству ноту, согласно которой Красная армия могла занимать не только территории по линии Антанты, но и Восточную Галицию со Львовом. Помимо этого он предложил английское посредничество в советско-польских переговорах о перемирии, созыв международной конференции в Лондоне для урегулирования отношений РСФСР с лимитрофами, а также план решения судьбы армии Врангеля. Ответ на ноту надлежало дать до 17 июля.

Советское руководство восприняло ноту как свидетельство близкой победы над Польшей, тем более что в этот день Красная армия достигла польской этнографической границы. Несомненно, в этот момент Ленин пережил состояние эйфории. На IX партконференции 22 сентября 1920 г. он так описывал ситуацию: «И вот тогда перед нами встал основной вопрос... – принять ли это предложение, которое давало нам выгодную границу и таким образом встать на позицию, вообще говоря, чисто оборонительную, или же использовать тот подъем в нашей армии и перевес, который был, чтобы помочь советизации Польши»[281]. Конечно, мысль о смене политики на польском направлении появилась у Ленина не 12 июля. По словам Е. А. Преображенского, Н. И. Бухарин «давно уже подметил, что Ильич „готовит новую фазу" в мировой политике»[282]. Это замечание подтверждает, что до 16 июля РСФСР вела иную внешнюю политику, чем после этой даты.

Вопрос о смене внешнеполитического курса был поставлен на обсуждение в кругу первых лиц партии, государства и армии. 13 июля Г. В. Чичерин сообщил В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому и Л. Б. Каменеву, что следует принять все английские условия, не отказываясь от сепаратных мирных переговоров с Латвией, Польшей и Финляндией. «Советизацию Польши москальскими штыками» нарком определил как«авантюру»[283]. В тот же день свою позицию озвучили Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев. Троцкий предложил подчеркнуть в ответе, что РСФСР никогда не покушалась на неприкосновенность независимой Польши, принять посредничество Англии и «гарантировать неприкосновенность польской границы, как она намечена союзниками, не предрешая окончательно вопроса о границах, так как

[281] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 372.

[282] *Преображенский Е. А.* Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг., М., 2006; С. 349.

[283] ПСВ. Ч. 1. С. 130–132.

это вопрос самоопределения наций»[284]. Л. Каменев был другого мнения: «принятие английских предложений означало бы неизбежность новой войны с Польшей не позже весны следующего года. Гарантией может быть только советизация Польши»[285].

Обмен мнениями продолжился 14 июля. Чичерин, допуская возможность отказа от некоторых требований Антанты, опасался, что «...стремясь к немедленной победе, мы можем зарваться. Это – ва-банк. До сих пор мы не старались форсировать историю, а отвоевывали позицию за позицией»[286]. С. С. Каменев высказался за полное разоружение польской армии и отказ от участия в Лондонской конференции[287]. Член РВСР и РВС Западного фронта И. Т. Смилга в записке в ЦК РКП(б) настаивал: «Войны с Польшей не кончать, пока не добьемся Советской Польши или же в крайнем случае достаточных гарантий прочности мира»[288]. Он также считал возможным «пройти к германской границе кратчайшим путем через Литву», т. е. возвратиться к политике экспорта революции. Ю. Мархлевский убеждал В. И. Ленина в возможности не только переговоров с Польшей, но и предоставления ей некоторых территориальных уступок по сравнению с нотой Керзона[289]. 15 июля И. Уншлихт предлагал взамен за мир с Польшей потребовать от Антанты признания советского правительства[290].

Из анализа дискуссии видно, что у советской стороны появилось искушение одновременно решить три задачи: 1) разгромить Польшу и создать условия для победы в ней советской власти, но при этом избежать нового вооруженного конфликта с Антантой и возобновления блокады; 2) установить торговые и политические отношения с Великобританией; 3) ликвидировать проблему Врангеля без войны за Крым.

Ленина такой разброс намерений не устраивал. Он был убежден, что наконец-то появилась долгожданная возможность приблизить революцию к основным промышленным центрам Европы. 22 сентября он так излагал ход своих мыслей: «До сих пор, ведя войну с Антантой... мы сознавали, что ведем оборонительную войну и побеждаем Антанту, что победить окончательно Антанту мы не можем, что она во много раз сильнее нас... И вот... у нас созрело убеждение, что военное наступление Антанты против нас закончено, оборонительная война с империализмом кончилась, мы ее выиграли. Польша

---

[284] ПСВ. Ч. 1. С. 132.
[285] Там же. С. 134.
[286] Там же. С. 140.
[287] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 30–31.
[288] ПСВ. Ч. 1. С. 141.
[289] Там же. С. 140–141.
[290] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 32–32 об.

была ставкой... Перед нами встала новая задача. Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной. Мы их побили, когда они на нас наступали, мы будем пробовать теперь на них наступать, чтобы помочь советизации Польши»[291].

Хотя Ленин и говорил «мы», на самом деле это были его собственные мысли, которыми он не спешил делиться с соратниками. Известен только один случай, когда он консультировался по вопросу о советизации Польши, и это не был член ЦК. 15 июля Ленин обратился к И. Уншлихту с просьбой дать свою и «других польских товарищей» оценку возможности советизации Польши с помощью Красной армии[292]. Уншлихт, по согласованию со Смилгой, положительно оценил план Ленина, хотя фактически представлявший польскую компартию в ЦК ВКП(б) К. Радек, Мархлевский и другие польские коммунисты считали Польшу не готовой к советизации[293]. Поддержка Уншлихта еще больше утвердила Ленина в убеждении о необходимости советизации Польши.

Для совершения поворота во внешней политике РСФСР Ленину необходимо было получить согласие ЦК. Пленум ЦК состоялся 16 июля 1920 г., накануне крайнего срока для ответа на британскую ноту. Уже это лишало оппонентов Ленина возможности затягивать с решением, взвесить все«за» и «против». Участник пленума Е. А. Преображенский из левых коммунистов, голосовавших в 1918 г. против Ленина по вопросу о Брестском мире, заметил, что «не был подготовлен к решению и не обдумал основательно своей позиции»[294].

Ленин, как опытный полемист, не оставил своим оппонентам шансов даже на серьезное сопротивление. Преображенский отметил: «Ильич, который имел возможность обдумать ситуацию основательней всех, основательнее всех подготовился к решению. Он прочитал заранее набросанные коротенькие тезисы, составленные чрезвычайно искусно. Они начинались с совершенно бесспорного тезиса, что мы должны помочь польским рабочим добиться советизации Польши, предлагал отвергнуть посредничество Антанты и Лиги Наций и заканчивались директивой продолжать наступление»[295]. А вот как этот же момент описывал Ленин: «Мы поможем советизации Литвы и Польши, так говорилось в нашей резолюции, когда эта резолюция выносилась в Центральном комитете, у нас не было недостатка в понимании несколько неуклюжего характера этой

---

[291] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 372–375.
[292] Там же. С. 354.
[293] *Преображенский Е. А.* Указ. соч. С. 349.
[294] Там же.
[295] Там же.

резолюции в том смысле, что против нее будто бы нельзя голосовать. Как можно голосовать против помощи советизации?»[296].

Рассмотрению участников пленума были предложены тезисы из 10 пунктов. Важнейшими из них были: 1 – «Помочь пролетариату и трудящимся массам Польши и Литвы освободиться от их буржуазии и помещиков»; примечание 2 к пункту 3 – «ЦеКа рекомендует помочь созданию советских властей в Польше и помощи им»; 4 – «Торжественно и официально заявить польскому народу, что мы во всяком случае гарантируем ему, как границу независимой республики польской, линию более восточную, чем дают Керзон и Антанта» и 5 – «Прочие условия мира будут зависеть от гарантий, какие польский народ даст нам, что он не будет орудием французских, английских и других капиталистов в покушении на Советскую Россию»[297]. Пункт 1 и примечание 2 означали отказ от прежней внешней политики Москвы и ни в коем случае не подлежали оглашению. 22 сентября Ленин сказал по этому поводу следующее: «Мы формулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе Центрального комитета, и представляющей собой закон для партии и нового съезда, но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать – не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?»[298]. Предназначенные же для широкой огласки в советских мирных предложениях пункты 4 и 5 должны были свидетельствовать о приверженности прежней внешней политике.

В ходе прений по проекту тезисов Ленина на пленуме наметились две позиции. Первую сформулировал сам Ленин: «1) Надо отвергнуть посредничество... Антанта не может двинуть против нас своих войск, а на мелкие государства, как Румыния, Латвия и Финляндия мы произведем своим резким ответом импонирующее влияние. 2) Предложение заключить перемирие – это попытка нас надуть. 3) Надо пощупать красноармейским штыком, готова ли Польша к советской власти. Если нет, всегда сможем под тем или иным предлогом отступить назад»[299]. Ленина поддерживали Зиновьев, Бухарин, Рудзутак, Каменев. Представители второго течения, Радек, Троцкий, Преображенский, Рыков, Калинин занимали более умеренную позицию[300]. Ленин не согласился с аргументами критиков. В результате его тезисы единогласно были приняты за основу. Также солидарно проголосовали члены ЦК за продолжение наступления на польском фронте. И только по пункту о посредничестве Великобритании против Ленина голосовали Троцкий, Калинин, Рыков, Преображенский и Радек.

---

[296] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 373.
[297] ПСВ. Ч. 1. С. 142.
[298] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 374.
[299] *Преображенский Е. А.* Указ. соч. С. 349–350.
[300] Там же. С. 349.

Ленинские 10 тезисов от 16 июля, по свидетельству одного из лидеров польских коммунистов, участника советско-польских мирных переговоров в Риге Ю. Лещинского-Ленского, определяли советскую внешнюю политику на польском направлении до 23 сентября 1920 г.[301], когда ВЦИК принял по докладу В. И. Ленина заявление об основах соглашения между РСФСР и Польшей, предусматривавшее безотлагательное заключение перемирия и прелиминарных условий мира[302].

Преображенский верно заметил, что Ленин своими тезисами мог спровоцировать войну РСФСР с Антантой. Поддержка пленумом ЦК позиции Ленина, а также согласие делегатов II конгресса Коммунистического Интернационала на превращение этого еще вчера добровольного объединения революционеров во всемирную коммунистическую партию, строящуюся по образцу РКП(б), вновь возродили у Ленина и его соратников надежду на скорое начало пролетарской революции в Европе. 23 июля Ленин телеграфировал Сталину в Харьков: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию. Надо подумать внимательно. Сообщите Ваше подробное заключение»[303].

Таким образом, советская политика на польском направлении в 1919–1920 гг. была не прямолинейной, а ситуационной, динамично меняющейся в зависимости от развития внутреннего и международного положения РСФСР. А это значит, что доминирующие в современной историографии точки зрения на советско-польские отношения в 1919–1920 гг. являются во многом умозрительными и политизированными. Они не способствуют научному поиску истины, зато излишне тесно связаны с обслуживанием текущих политических интересов.

Миньяр-Белоручев К. В.

Революция 1917 года в России глазами посла Великобритании во Франции Френсиса Берти

Аннотация. Дневник посла Великобритании во Франции в годы Первой мировой войны Френсиса Берти является ценным, но недостаточно изученным историческим источником. Важное место в дневнике занимает Россия, при этом значительное внимание уде-

[301] *Матвеев Г. Ф.* От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге // Родина. 2013. № 6. С. 92.

[302] Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. , 1959. С. 204–206.

[303] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 357.

ляется революционным событиям 1917 г. Отношение Френсиса Берти к нашей стране отражает позицию широкого спектра политического истеблишмента Великобритании, воспринимавшего Россию настороженно, а зачастую откровенно враждебно несмотря на союзнические отношения.

Ключевые слова: Революция в России 1917 г., Антанта, европейская дипломатия, Френсис Берти.

The Russian Revolution of 1917 as viewed by Francis Bertie, the British Ambassador in France

Abstract. The Diary of Sir F. Bertie, the Ambassador of Great Britain to France during World War I, is a valuable historical source that still awaits thorough study. Numerous entries of the diary concern Russia, including the 1917 Russian Revolution. Bertie's attitude toward Russia reflects the position of a broad group within the British elite, who distrusted Russia and even demonstrated animosity toward Russia despite both countries being allies in the war.

Keywords: the 1917 Russian Revolution, Entente, European diplomacy, Francis Bertie.

Одним из незаслуженно забытых источников по истории Первой мировой войны является дневник Френсиса Берти, занимавшего в годы войны должность посла Великобритании во Франции. Оригинальное издание дневника увидело свет в 1924 г.[304], три года спустя вышло сокращенное издание дневника на русском языке, озаглавленное «За кулисами Антанты»[305], однако библиографическая редкость обоих изданий препятствовала активному введению дневника в научный оборот. Столь же забытым оказался и сам Френсис Берти. Лишь на рубеже XX–XXI веков фигура британского посла в Париже и его дневник вновь начали привлекать внимание исследователей – в 1990 г. вышла первая биографическая работа, посвященная Ф. Берти[306], а в 2014 г., к столетию начала Первой мировой войны, на русском языке был переиздан дневник Ф. Берти (на основе сокращенного издания 1927 г.)[307]; русское издание 2014 г. предваряется обширной вступительной статьей и снабжено подробными примеча-

[304] *Bertie F.* The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918 / Ed. by Lady A. G. Lennox, Vol. 1–2. N. Y., 1924.

[305] [*Берти Ф.*] *Лорд Берти.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, 1914–1919 / Пер. и прим. Е. С. Берловича М.; Л., 1927.

[306] *Hamilton K.* Bertie of Thame: Edwardian Ambassador. Woodbridge, Suffolk; N. Y., 1990.

[307] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, 1914–1919 / Под ред. К. В. Миньяр-Белоручева. М., 2014.

ниями, содержащими информацию практически обо всех упоминаемых персоналиях[308].

Ценность дневника Берти как исторического источника определяется тем, что автор предлагает читателю в прямом смысле этого слова взгляд «из-за кулис» на отношения внутри Антанты в годы Первой мировой войны, на события общеевропейского и общемирового конфликта. Автор – активный и далеко не рядовой участник событий, круг общения которого составляли высшие политические и военные руководители Великобритании и Франции, а также дипломатические представители таких стран, как Россия, Италия, Румыния, Греция. Представитель древнего аристократического рода, Френсис Левисон Берти (1844–1919) сорок лет проработал в аппарате Министерства иностранных дел Великобритании (1863–1903), дослужившись до должности помощника постоянного заместителя министра иностранных дел, после чего переквалифицировался в дипломата, став вначале послом в Италии, а затем – во Франции. Пост британского посла в Париже Берти занимал с января 1905 по апрель 1918 г., пик его политической активности пришелся на предвоенное десятилетие – в должности посла во Франции он многое сделал для дальнейшего сближения Великобритании и Франции и превращения Антанты в полноценный союз.

Особый интерес, проявляемый к фигуре Берти в нашей стране, обусловлен в значительной степени тем местом, которое на страницах дневника занимает Россия. Одна из трех ключевых стран Антанты, важнейший (после Франции) союзник Великобритании в войне – это само по себе вполне объясняет внимание, уделяемое Берти России. Однако это внимание было не всегда со знаком плюс, скорее наоборот – Берти не скрывал своего сдержанного, если не сказать неприязненного отношения к нашей стране (интересно отметить, что в 1904 г. Берти чуть было не получил назначение в Санкт Петербург в качестве посла в России, что не вызвало у него никакого энтузиазма, и Берти сделал все от него зависящее, чтобы избежать подобного развития событий). Такая позиция не должна вызывать удивление – достаточно вспомнить, насколько напряженными были отношения Великобритании и России во второй половине XIX в., а именно тогда формировался политический и дипломатический характер Берти. Хотя в Первую мировую войну две страны вступили союзниками по Антанте, глубинные геополитические и идеологические противоречия оставались неизменны.

Настороженность и недоверие Берти по отношению к России явственно чувствуется уже на первых страницах дневника. Летом

---

[308] *Миньяр-Белоручев К. В.* Лорд Берти, его дневник и эпоха // Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, 1914–1919. М., 2014. С. 3–65.

1914 г. в одном из своих меморандумов Берти на основе анализа международной обстановки прогнозировал, что «любое случайное происшествие может спровоцировать войну»[309]. При этом события на Балканах – сараевский кризис и «сербский вопрос» – являлись, по его мнению, плохими поводами для начала войны, в то время как Россия выглядит на страницах дневника чуть ли не как главный виновник эскалации конфликта!

«*[1914 г.] 26 июля...* Россия выступает в роли покровительницы Сербии; какие она имеет для этого основания, кроме лопнувшей претензии, будто она по праву является покровительницей всех славян? Что за ерунда! И она ожидает, что Франция и Англия поддержат с оружием ее нынешнюю позицию...

27 июля. Я не могу поверить в возможность войны, если только Россия не хочет ее. ...я не думаю, что германский император и его правительство *желают* войны. Однако если российский император станет поддерживать абсурдные и устаревшие претензии России на роль покровительницы всех славянских государств, как бы плохо они ни вели себя, это может привести к войне. Германия обязана будет поддержать Австрию, а Франция должна будет помочь России...

28 июля... Этот человек (А. П. Извольский, посол России во Франции. – *К. М.-Б.*) нанесет здесь немало вреда, разжигая военные настроения... Сербский вопрос не таков, чтобы мы должны были из-за него сражаться, и было бы трудно убедить британское общественное мнение в необходимости нашего вмешательства...

30 июля... Франции следовало бы оказать давление на российское правительство, дабы умерить его пыл. Если бы мы гарантировали сейчас вооруженную поддержку Франции и России, то Россия стала бы более требовательной, а Франция пошла бы за ней по пятам.

31 июля... Витте сказал одному моему знакомому и соседу, что он против войны, так как Россия недостаточно подготовлена и население ее не находится в состоянии покоя и удовлетворения; по его мнению, России, ее армии, железным дорогам и финансам нужно еще три года, прежде чем вступать в войну. Извольский на всех перекрестках заявляет, что Россия готова и что война неизбежна. Какая глупость, даже если это правда!»[310].

Союзнические отношения – и до войны, и после ее начала – не подразумевали теплоты. Для Берти, как и для значительной части политического истеблишмента Великобритании, союз с Россией был заключен, если так можно выразиться, «не по любви», а «по рас-

---

[309] Цит. по: *Hamilton K.* Bertie of Thame: Edwardian Ambassador. P. 319.
[310] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 87–92.

чету». Квинтэссенцией подобных взглядов являлось стремление в максимальной степени использовать Россию для достижений победы в войне, при этом не дав нашей стране усилиться в результате совместной победы.

Показательной в плане отношения Берти к России является его взгляд на судьбу черноморских проливов – он выступает категорически против возможного установления контроля России над Босфором и Дарданеллами:

«*[1914 г.] 17 декабря...* Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превращается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разрушаются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала...

[1915 г.] 22 февраля... Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей заставит державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах России в отношении Константинополя и Черноморских проливов. Боюсь, что Грей (министр иностранных дел Великобритании. – *К. М.-Б.*) в этом вопросе не занимает такой твердой позиции, какой я желал бы; я имею в виду интернационализацию по принципам режима Суэцкого канала: это не удовлетворило бы Извольского и его хозяина»[311].

Особый интерес представляет восприятие Френсисом Берти революционных событий, происходивших в России в 1917 г. Британский политический истеблишмент традиционно не испытывал симпатий к российскому самодержавию – представители одной из ведущих либеральных демократий скептически смотрели на консервативный царский режим, обладающий практически всей полнотой власти. Тем не менее, в условиях войны британская (как и французская) элита отнюдь не была заинтересована в либерализации царского режима, равно как и в иных политических или социальных потрясениях, способных поставить под удар эффективность ведения войны со стороны Российской империи:

«*[1917 г.] 14 января.* Общественность начинает здесь очень беспокоиться по поводу положения дел в России и того влияния на ход войны, которое могли бы оказать низложение императора, победа реакционеров или революция. Один французский генерал высказал предположение, что Италия останется на месте, что Россия ничего больше не будет делать, а Франции и Англии придется самим заканчивать войну без сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны союзников»[312].

---

[311] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 121, 137.
[312] Там же. С. 261.

Начавшаяся Февральская революция интересует Берти главным образом в связи с перспективой ее влияния на дальнейшее участие России в войне. В первую очередь Берти волнует способность российской армии продолжать наступление, а главное опасение вызывают «пацифистские элементы» и настроения, а также социалистическая пропаганда:

«*[1917 г.] 11 марта.* Письма из Петербурга, о которых мне сообщали, оказались пророческими. Революция разразилась...

18 марта... События в России представляют очень пеструю картину. Думе не принадлежит верховная власть в стране. Среди революционеров замечаются пацифистские элементы...

22 мая. Сведения из России несколько более благоприятны. При встрече со мною сегодня утром Извольский сказал, что армия „образумится" раньше, чем народ в стране. Он полагает, что наступательные действия возобновятся не позже, чем через месяц...

1 июня. Очень угнетающе действует социальный кризис, непрерывные забастовки, анархия в России вместе с ее последствием – затишьем на русском фронте в Европе...

23 июня. Положение в России меняется изо дня в день, и отнюдь нельзя быть уверенным, что русские перейдут в наступление...

24 июня. Много хлопот наделали здесь русские части (русские бригады, прикомандированные к французской армии. – *К. М.-Б.*). Их перевели в тыл французского фронта, они не хотят сражаться и не хотят, чтобы их куда-нибудь переводили. Их обработали русские анархисты.

27 июня. Три представителя британской Лейбористской партии... были в России. Они верят, что русское наступление возобновится в ближайшем будущем»[313].

Каких-либо симпатий к новой революционной власти Берти не испытывает: комментируя отставку Извольского, он нелицеприятно отзывается о Временном правительстве (запись от 2 июня1917 г.), отступление русской армии и сдача Риги без боя заставляет Берти вновь использовать грубые слова (запись в дневнике от 4 сентября 1917 г.)[314].

Единственная надежда на исправление ситуации в России связана, по мнению Берти, с возможностью установления военной диктатуры:

«*[1917 г.] 11 сентября.* Что за шабаш происходит в России! Я надеюсь, что Корнилов почистит как следует этих солдат-социалистов, удирающих с фронта...

---

[313] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 264–265, 270–271, 274.
[314] Там же. С. 272, 286.

25 сентября... В России дела идут все хуже и хуже. Если бы только у Керенского хватило ума объединиться с Корниловым, чтобы выгнать всю эту... из Петербурга, то, может быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок»[315].

Когда же эта надежда не оправдалась, Берти оставалось уповать лишь на то, что русский фронт не рухнет окончательно, а российские войска смогут сдерживать хоть какую-то часть немецких сил:

«*[1917 г.] 16 сентября...* Три новых министра посетили меня. Они оплакивают русских. Если русские возобновят наступление, то это будет приятным сюрпризом. В России дела идут с каждым днем все хуже и хуже, но приближаются осенние дожди, и грязь затруднит крупные передвижения германских войск.

17 сентября... Все новые министры, которых я видел, поддерживают войну до конца. Они считают, что Россия вышла из игры, и будут довольны, если русские устоят на месте и удержат какое-нибудь количество немцев»[316].

Приход к власти большевиков вначале не привлек особого внимания Берти, который не видел в них реальной силы и рассматривал происходящие события как продолжение брожения и безвластия, возникшего в России после низложения Николая II. Прогноз Берти относительно судьбы России в этих условиях неутешителен – появление кровожадного диктатора или распад страны (а может быть и то, и другое):

«*[1917 г.] 8 декабря...* Россия будет находиться в состоянии брожения в течение долгого времени... В настоящий момент они не хотят сражаться, и нет никого, кто бы заставил их сражаться. Они хотят грабить и делить землю. Некоторое время спустя они передерутся между собой, и тогда настанет момент для появления диктатора...

14 декабря... Что касается России, то пусть они дерутся между собою до тех пор, пока большевики не ожесточат большинства и не будут убиты... Возможно, что эта страна к тому времени (к лету. – *К. М.-Б.*) вовсе перестанет существовать как единое целое»[317].

Интересно посмотреть глазами Берти на лидеров большевиков. Несколькими мазками Берти набрасывает политический портрет Л. Д. Троцкого, а также дает характеристику М. М. Литвинова, выступавшего в роли дипломатического представителя Советской России в Великобритании:

---

[315] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 286, 291.
[316] Там же. С. 287–288.
[317] Там же. С. 303–304.

«*[1917 г.] 10 декабря.* Троцкий до войны жил в качестве революционного эмигранта в Париже. Когда разразилась война, его заподозрили в шпионаже и выселили в Испанию в октябре 1916 г. Его обвинили в анархизме, арестовали и препроводили согласно его просьбе на Кубу, откуда он, кажется, через Англию вернулся в Россию после свержения императора...

24 января. Недурную чертовщину завели мы у себя сами, приняв большевика Литвинова в качестве псевдопредставителя большевистского правительства, вместо того чтобы арестовать его, как только о нем узнали... Практикуемая нами возня с большевиками не оправдывает себя... Резкие выступления Литвинова были встречены приветствиями. Он подстрекал англичан поступить по примеру большевиков, чтобы достигнуть мира. Жена Литвинова британская подданная, а сам он долгое время жил в Англии»[318].

Только в самом конце года – через полтора месяца после прихода большевиков к власти – Берти начинает всерьез интересоваться новым российским правительством. В ходе своих бесед с представителями России (уже, правда, неофициальными) – А. П. Извольским, М. М. Севастопуло, В. А. Маклаковым, А. В. Неклюдовым – Берти пытается оценить отношение к новым властям внутри страны, а также нащупать перспективы дальнейшего развития событий. Среди обсуждаемых тем – судьба нашей страны в целом и формы будущего государственного устройства России, перспективы ведения войны и возможность интервенции. При этом переплетение реальных событий с домыслами и слухами, действительного и желаемого, страхов и надежд противников новой власти создает поистине фантасмагоричную картину происходящего в России:

«*[1917 г.] 23 декабря.* Маклаков, так называемый русский посол, посетил меня сегодня днем. Ему хотелось узнать, вступили ли мы в сношения с петербургским большевистским правительством. Я ответил, что только как с правительством де-факто, с которым необходимо иметь связь ради охраны интересов наших подданных, но это не означает признания какого-либо правительства, не установленного властью законно избранного Учредительного собрания. Он сказал, что для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами, Учредительное собрание окажется фарсом. Он видел в прессе сообщение, что бывшего министра юстиции Щегловитова, известного реакционера, выпустили на свободу и его используют большевики, которые, по его мнению, готовятся при помощи немцев воз-

[318] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 303, 312–315.

вести на престол кого-либо из членов российского царствующего дома. То, что останется тогда от России, будет выдано на полный произвол Германии. Я спросил его, согласятся ли на такое решение Украина, Сибирь и другие части России. Он ответил, что, быть может, не согласятся в данный момент, но что заводы, изготовляющие военное снаряжение, окажутся в руках российских немцев, и казаки останутся без артиллерии. Я спросил его, не выступит ли народ против Ленина и Троцкого из-за недостатка продовольствия в Петербурге. Он думает, что так оно и будет, но что это не поможет изгнать немцев.

Маклаков говорит, что русский народ не дозрел до республики. Он хочет конституционную монархию. Маклакову передавали также, что Бьюкенен (посол Великобритании в России. – *К. М.-Б.*) предлагал державам Антанты освободить Россию от ее обязательств по отношению к ним. Он считает это глупостью, и неудивительно. Мы не можем заставить их сражаться на нашей стороне, но зачем освобождать их от их обязательств и предоставлять им этим возможность доказывать, что они прекратили борьбу с Германией с согласия и по предложению Антанты...

[1918 г.] 6 января. Сегодня ко мне приходил Севастопуло. Он считает, что Киев может вновь стать столицей России. Он говорит, что Финляндия, не имеющая своего хлеба, не может жить независимо от России. Теперь, когда отпала необходимость заботиться о квартире для императорской семьи, переезд правительства из Петербурга в Москву или в Киев не представит затруднений...

22 января... В пятницу я встретился с Извольским за обедом. Он хочет говорить со мной о России... Извольский, хорошо знающий Японию и Сибирь, рекомендует японскую интервенцию. Если вмешаются китайцы, то сибиряки бросятся в объятия большевиков. Он не видит возможности возрождения империи и вообще монархии в России. Лучшее, на что можно надеяться, это федерация государств. Сепаратный мир между Украиной и Германией был бы несчастьем, так как немцы смогли бы вывозить из Украины припасы в неограниченном количестве. Извольский хотел бы при помощи союзников воспрепятствовать переходу Архангельска и Сибири в руки большевиков...

26 января... Вчера вечером я встретился с Извольским за обедом... Извольский считает, что Украина в настоящий момент потеряна. Концентрированное давление на большевиков необходимо начать из Архангельска, Сибири и Кавказа; державы Антанты должны предоставить деньги, оружие и боеприпасы, а также высадить небольшое количество войск в Архангельске; японцы должны высадить войска в Порт-Артуре или Тяньцзине вместе с американскими и британскими контингентами; сибиряки присоединятся к ним и выгонят всех большевиков; британские войска из Месопотамии поддержат

армян и черкесов и т. д. Очень длинная волынка. Извольский утверждает, что у него нет личных мотивов для этих проектов, и считает, что в конце концов одержат верх кадеты; бывшая Российская империя распадется на отдельные государства, которые, быть может, образуют конфедерацию, во главе которой, может быть, станет монарх. Он не думает, что Антанта станет, таким образом, в состоянии войны с Россией, она поможет только лояльным по отношению к государству элементам подавить большевиков. На это потребуется известное время, а между тем Германия будет вывозить продовольствие и прочее из Украины... Один из аргументов Извольского в пользу его архангельского плана... заключается в том, что леса этой области, представляющие безграничную ценность, можно захватить в качестве обеспечения предоставленных Францией займов. Извольский напомнил мне, что мы торговали с Архангельском еще во времена королевы Елизаветы...

28 января. Маклаков приходил ко мне, чтобы отсоветовать вступать в какую бы то ни было связь с большевистским правительством. Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху и усилили бы свою пропаганду в Англии. Россия на некоторое время должна оказаться бесполезной для Антанты, но она не принесет также много пользы и Германии. В России более или менее повсеместно будут голод, мор, Гражданская война и господство террора. Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то пожнем недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны. Из боязни заразить свои войска большевизмом германское командование не осмелится проникнуть вглубь Севера России, где эта болезнь свирепствует...

16 марта. Неклюдов... просил меня принять его и пришел сегодня днем... Я спросил его, не думает ли он, что немцы построят трон для монарха, и захотят ли отделившиеся Финляндия, Прибалтика, Польша и Украина вновь стать частью Российской империи. Он не думает, что такую страну, как Россия, имеющую за собой пятивековую историю, было бы возможно расчленить надолго. Германии выгодно в настоящий момент поддерживать состояние хаоса в тех областях России, которые она еще не отторгла. Она не тянется к Дальнему Востоку. Она хочет проникнуть на Кавказ, в Персию, в Центральную Азию, в Индию. Я посоветовал Неклюдову изложить свои взгляды и советы в виде меморандума, который я смог бы отправить в Лондон»[319].

Наиболее показательной является запись, сделанная Берти в конце 1918 г., в которой бывший посол (в апреле 1918 г. семидеся-

[319] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 305–306, 309, 311–315, 326–327.

титрехлетний Берти был отправлен в отставку) оценивал промежуточные итоги без малого двух лет революционных событий в нашей стране:

[1918 г.] 8 декабря... Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные народы православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами»[320].

Данный комментарий можно рассматривать как квинтэссенцию отношения к России как самого Берти, так и широкого круга британского политического истеблишмента, где фон революционных событий лишь оттеняет традиционную для британцев нелюбовь к России, обусловленную в том числе геополитическими противоречиями, приправленную идеологическими расхождениями, не зависящими от того, кто именно находился у власти в нашей стране – самодержавный царский режим или же революционное правительство, Временное или большевистское. Сильная Россия, имеющая вес в международных делах, с которой вынуждены считаться другие страны, не была нужна ни самому Френсису Берти, ни британским правящим кругам, интересы которых он выражал.

Миронова Е. М.

Российский МИД на переломе эпох. Год 1917-й

Аннотация. Статья посвящена деятельности российского Министерства иностранных дел в экстремальных условиях двух революций 1917 г. Рассмотрен формат сотрудничества дипломатов с Временным правительством страны; последствия отказа признать правительство большевиков для центрального ведомства МИД; продолжение деятельности за рубежом не починившегося советской власти Заграничного корпуса в форме Совета послов.

Ключевые слова: Министерство иностранных дел, Совет послов, В. А. Маклаков, большевики.

[320] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 341–342.

Russian Ministry of Foreign Affairs at a Tipping Point. 1917.

Abstract. The article covers the activities of Russian Ministry of Foreign Affairs during the turbulent period of the two revolutions in 1917. This article concerns the collaboration of diplomats with the Temporary government of the country, the consequences for the central department of Ministry of Foreign Affairs after their refusal to accept the Bolshevik government, the continuation of their activity abroad with the help of the Foreign Cabinet in the form of Council of Ambassadors.

Keywords: Ministry of Foreign Affairs, Council of Ambassadors, V. A. Maklakov, Bolsheviks.

Министерство иностранных дел России на протяжении двух веков имело имидж привилегированного, высокопрофессионального, монархически ориентированного ведомства. Тем не менее, Февральскую революцию МИД встретил спокойно и даже благожелательно. Думается, этот феномен был вызван причинами разной этимологии:

1. С момента последовавшей в 1916 г. отставки последнего профессионала в министерском кресле – С. Д. Сазонова ведомство жило в постоянном напряжении, каждое новое назначение на министерский пост вызывало опасения, что новый глава ведомства призван для заключения сепаратного мира.

2. Сам факт февральских событий не изменил формы правления. Последовавшее в сентябре 1917 г. провозглашение России республикой не вызвало какой-либо заметной реакции в обществе; дипломаты не стали исключением: смена формы правления не успела даже найти свое отражение в формуляре официального делопроизводства.

После Февраля только три сотрудника ведомства покинули свои посты по причинам, которые в той или иной степени можно считать политическими.

Назначенные Временным правительством последовательно министрами П. Н. Милюков и М. И. Терещенко в целом разделяли взгляды дипломатического корпуса страны на текущий политический момент, отдавали должное ценности аппарата ведомства. Работа шла своим чередом: проводились подготовленные ранее структурные перестройки, решались текущие задачи. Однако революционная буря, разразившаяся в столице, не могла обойти МИД стороной. Он давно уже был под прицелом печати. Теперь внешнеполитическое ведомство столкнулось с прямым вмешательством в его компетенцию общественных кругов, в частности, Петроградского Совета, а порой и «улицы». Дипломатам приходилось учиться действовать в новых условиях. С течением времени увеличивались их сомнения в правильности курса правительства, по принципиаль-

ным, сущностно важным вопросам министерство подчас в достаточно резкой форме отстаивало свою позицию перед правительством, но в этот период за пределы субординации и служебной дисциплины МИД не выходил[321].

Из новшеств, вызванных к жизни революцией, можно отметить лишь создание в ведомстве... профсоюза, который, впрочем, никоим образом не противопоставлял себя руководству; да, пожалуй, назначение на посольские посты четырех, ранее никогда не занимавшихся дипломатией политических деятелей. Впрочем, в прежние времена, если не «политики», то высокопоставленные государственные деятели, царедворцы, бывало, возглавляли посольства, – назначения эти штат министерства воспринял, если и без особой радости, то с пониманием.

Идиллия в отношениях имперского по сути министерства и правительства, пришедшего к власти в результате революции, не могла, разумеется, длиться вечно. Первой ласточкой, предрекавшей и предлагавшей радикальную чистку состава ведомства, стал доклад С. Г. Сватикова, который летом в качестве комиссара Временного правительства посетил несколько русских представительств за рубежом. Его впечатления были неблагоприятны, а выводы убийственны. Заграничный корпус, также как и центральное учреждение МИД, он охарактеризовал как ультрареакционный. Он считал, что Временное правительство «совершило громадную политическую ошибку, оставивши на местах и в центре Министерства иностранных дел всех лиц, назначенных при старом режиме» и рекомендовал создать комиссию для обновления кадров[322]. Осуществление его рекомендаций могло разрушить МИД, но приближался октябрь 1917 г., сроки, отпущенные Временному правительству, уже были на исходе.

Октябрьскую революцию ведомство встретило принципиально иначе. Центральное учреждение МИД сразу, в полном составе и бесповоротно отказалось сотрудничать с новой властью и ушло в бессрочную забастовку. В основе неприятия были и провозглашенные большевиками лозунги, и неверие в прочность этой власти, после произошедших за последние месяцы нескольких «реконструкций» Временного правительства, и презрительно-высокомерное отношение к «выскочкам»[323].

Руководство Народного комиссариата иностранных дел пыталось наладить отношения как с ведомством в целом, так и с отдель-

---

[321] *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1992. С. 246–247.

[322] Отчет Временному правительству комиссара Временного правительства С. Г. Сватикова о командировке с особым поручением за границу в мае–сентябре 1917 г. // ГАРФ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 17. Л. 34.

[323] *Лопухин В. Б.* После октября // Минувшее. Исторический альманах Т. 1. Париж, 1986. С. 14–21.

ными его представителями. Натолкнувшись на солидарный отпор, 29 ноября 1917 г. нарком Л. Д. Троцкий уволил всех так и не приступивших к работе сотрудников МИД[324]. Однако фактически забастовка продолжалась до февраля 1918 г., пока стачечный комитет располагал суммами, достаточными для поддержки бастовавших. Когда деньги иссякли, на своем последнем собрании сотрудники МИД приняли решение о допустимости для сотрудников аппарата искать службу в советских организациях, но добровольно приняли на себя обязательства не служить на политических должностях. Отметим, что существующие в историографии мифы о каком-то активном сопротивлении, саботаже чиновников МИД документально не подтверждаются. Дипломаты были кабинетными и дисциплинированными служащими. К открытому противостоянию с властью они оказались не готовы. От окончательного прекращения деятельности и, следовательно, существования, как это было с другими учреждениями, унаследованными Временным правительством от прежнего режима, МИД спасло его функциональное разделение на две составляющие: центральное ведомство в столице и Заграничный корпус.

Связь представительств России с центральным ведомством была прервана в момент захвата власти большевиками. Разбросанным по странам мира русским посольствам пришлось самим определять свое отношение к новому правительству, решать свою дальнейшую судьбу.

Произошедший в Петрограде переворот стал для «чинов» МИД, служивших за рубежом, громом среди ясного неба – осведомительная работа в министерстве в 1917 г. была поставлена скверно. Это, впрочем, вполне понятно: мог ли находящийся на государственной службе чиновник в официальной переписке адекватно описывать ситуацию в стране, катившейся к катастрофе? О многих событиях, происходивших на родине, дипломаты узнавали от властей страны пребывания, или из местной прессы... Тем не менее, приговор был вынесен сразу и безапелляционно – Корпус как единое целое отказался признать новую власть. Для него реперной точкой в определении отношения к Совету народных комиссаров стало отношение большевиков к войне.

Я не могу разделить бытовавший в советской историографии тезис о том, что МИД как целое до конца своего существования был последовательным сторонником войны до победного конца. Встав на эту точку зрения, нам надо признать русских дипломатов либо фанатиками, либо слепыми. Те, кто работал в Петрограде, не могли не видеть и не понимать, что происходит в стране, насколько она в состоянии продолжать военные действия. Но Заграничный корпус, в

[324] *Блинов С. И.* Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М., 1973. С. 62–63.

силу указанных выше причин, таким знанием не обладал и оставался на старых позициях.

Однако корпус не только отказался признать советскую власть – русские дипломаты приняли, по сути, парадоксальное решение, ранее никогда и нигде не применявшееся. Они решили не слагать с себя полномочий, но продолжить работу на платформе последнего законного, признанного державами правительства – т. е. правительства Временного.

Это решение требует небольшого экскурса в предшествующий период. Дипломаты на всем протяжении 1917 г. наблюдали происходившие в стране события, зачастую оказывались непосредственно втянутыми в них, они анализировали их и приходили к определенным выводам. Так, товарищ министра иностранных дел А. М. Петряев полагал, что раскаченный революционный маятник отклонится до крайней точки влево, максималисты власть возьмут, это неизбежно. Эта точка зрения, судя по всему, была принята в ведомстве, но сроку этой власти давали полтора–два месяца[325]. Кстати, предвидя такое развитие событий, учреждение готовилось к нему: думаю, не случайно на руках у стачечного комитета в Петрограде оказались столь необходимые ему суммы; мне удалось обнаружить следы траншей, которые были сделаны осенью 1917 г. в те посольства, которые не располагали значительными денежными фондами. Переводы, против всех существовавших и строго соблюдаемых правил, были сделаны без указания назначения сумм[326].

Таким образом, дипломаты считали, что надо продержаться какое-то не слишком длительное время. Разделяя мнение о скоротечности большевистского эксперимента, правительства держав Антанты после октябрьских событий в Петрограде, в свою очередь, не стали разрушать налаженных отношений и в короткие сроки подтвердили готовность к продолжению сотрудничества с лишившимися опоры на родине посольствами. Их голос в тот момент в мире был определяющим.

В кратчайшие сроки, уже к середине ноября русскими дипломатами была создана консультативная организация для рассмотрения вопросов общего характера – Совет послов с центром в Париже. Вера в скорое «оздоровление» нации, т. е. свержение большевиков, не стала препятствием к разработке обоснования продолжения своей деятельности, обсуждения положения на Родине, постановки задач и создания планов на будущее. Обладая благодатью отстраненности от непосредственного участия в процессах, дипломаты во многом обогнали, предугадали те позиции, на которых в дальнейшем будут стоять противники большевиков.

---

[325] *Лопухин В. Б.* Указ. соч. С. 306.

[326] *Миронова Е. М.* «От Певческого моста до улицы Гренель». М., 2013. С. 19–20.

Прежде всего, мятежному и лишившемуся легитимности Заграничному корпусу надо было обосновать свое право на продолжение деятельности, подчеркну, дипломатической деятельности, подчиненной определенным формам, традиции, предусматривающей общение дипломатов, наделенных полномочиями на представление определенной страны, с официальными учреждениями и лицами государства, в котором они находились.

Надо признать, что дипломаты в этот период действовали поразительно оперативно, порой кажется, что решали проблемы еще до того, как они проявлялись. Вот и в этот раз выход был предложен уже через день после петроградских событий. Корпус выдвинул концепцию «двух Россий». Он базировался на том постулате, что Петроград – это еще не вся страна, и рядом с Россией большевистской есть Россия истинная, национальная. Вот эту Россию, которая не меняет своего отношения к войне, не изменяет союзникам, дипломатическое ведомство по-прежнему призвано защищать.

При определении этой позиции закономерно возникал вопрос: что понимать в сложившихся обстоятельствах под «национальной» Россией, каким должен быть ее государственный строй? Монархические традиции и симпатии в ведомстве были, безусловно, сильны, причем не только среди кадровых дипломатов. Назначенный послом во Францию кадет, известный думский оратор В. А. Маклаков, например, полагал что: «для народа, большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание является фарсом». Из этого он делал вывод, что русский народ не дозрел до республики и высказывался в пользу конституционной монархии[327].

Тем не менее, Корпус не стал себя связывать с монархической идеей. Дипломаты остановились на предложении посла Временного правительства в Вашингтоне, бывшего социал-демократа, профессора гидравлики Б. А. Бахметьева. В середине ноября 1917 г. он высказался в пользу «символической» национальной позиции, настаивая на отказе от определения, какой-либо конкретизации тех форм, «в которые выльется окончательная победа над большевиками»[328], тем предвосхитив деникинскую политику непредрешенчества.

В сфере практической деятельности требовал немедленного рассмотрения общий порядок действий представительств в отношении большевиков.

В результате обсуждения этого вопроса в ноябре в целом было поддержано предложение старейшины Корпуса М. Н. Гирса не да-

---

[327] *Лорд Берти*. За кулисами Антанты. М.; Л., 1927. С. 164–165.

[328] Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 70 об.

вать движения программным указаниям большевиков[329]. К 17(30) ноября 1917 г., когда Л. Д. Троцкий предложил русским представителям за границей сотрудничать с новой властью или устраниться от работы, выяснилось, что он опоздал. Заграничный дипломатический корпус уже располагал общей позицией по этому вопросу. Главы российских представительств за рубежом посчитали своей обязанностью ознакомить правительства стран пребывания с телеграммой, полученной из Петрограда, а новому «министру» за редким исключением не ответили[330]. На контакт с наркоматом иностранных дел пошли временный поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев и поверенный в делах в Португалии барон П. Л. Унгерн-Штернберг. Совету послов очень важно было в этот момент сохранить единство, дисциплину, корпоративность. Поэтому решение в отношении сотрудников, позволивших себе самодеятельность, было принято жесткое и бесповоротное. Корпус подверг их остракизму, оповестив о прекращении с ними общения Министерства иностранных дел, что дезавуировало их в странах пребывания, обеспечило бойкот со стороны союзных дипломатов как в Испании, так и в Португалии[331]. Соловьеву и Унгерн-Штернбергу пришлось оставить свои посты и выехать из стран.

26 декабря 1917 г., не получив ответа из-за границы, Троцкий издал приказ об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»[332]. Дипломаты к этому моменту свой выбор уже сделали, и документ этот проигнорировали.

В декабре 1917 г., уже понимая, что большевики в скором времени своих позиций не сдадут, на своем первом съезде послы согласовали программу действий на случай появления курьера большевиков в странах их пребывания. Миссиям было предложено принять экспедицию без условий и поступить с нею в согласии с общим принципом непризнания власти большевиков; никаких пакетов или дел

---

[329] М. Н. Гирс послу 8/21 декабря 1917 г., срочная, личная // ГАРФ Ф. 10003. Карт. 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 1 об.; К. Д. Набоков послу 28 октября/10 ноября 1917 г. № 915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2 об.; Посол – русским представителям 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179–182; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78–79; Демидов Послу и циркулярно 13/26 ноября 1917 г. № 688 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61 об.; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 1; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 3.

[330] ГАРФ. Ф. 10003. Карт. 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81 об., 80 об.; 74 об.; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 188 и т. д.

[331] ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К.7.

[332] Приказ Л. Д. Троцкого 26 ноября/9 декабря 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 389–390.

представителю советского правительства не передавать; предупредить местное правительство, что посольство не признает за ним официального характера и слагает с себя всякую ответственность за его действия, а также обратить внимание властей на необходимость строгого наблюдения за ним[333].

С другой стороны, Совету послов надо было определить свое отношение к тем силам, которые поднимут знамя борьбы с большевизмом. После серьезного обсуждения в Корпусе, одобрение получил не кажущийся на первый взгляд очевидным тезис подчинения – дипломаты заявили о готовности сотрудничать, поддерживать все силы, которые такую борьбу будут вести. Найденное решение оказалось поистине провидческим и спасительным. И в следующем 1918 г., и на протяжении всей Гражданской войны, и по ее окончании. Правительства приходили и уходили, дипломатическое ведомство оставалось сплоченной, самодостаточной и самоценной структурой.

Однако свою главную задачу в конце 1917 г. дипломаты видели в формировании правильной политики союзников в отношении России.

Первым международным форумом, на котором Совету послов пришлось представить свою позицию, стало декабрьское (1917) совещание союзников в Париже. На него был приглашен посол в Париже В. А. Маклаков. Его выступления сводились к двуединой теме: Россия и война в новых условиях. Отстаивая интересы страны, он опирался на тезис, что помимо России большевистской, существует Россия «национальная». Он настаивал на том, что Антанта должна продолжать считать «настоящую» Россию союзником и подтвердить ей исполнение «всех ранее данных обещаний», что было необходимо для поднятия духа тех, кто не разделял воззрения большевиков. Ему удалось добиться некоторого успеха: «Основная мысль, – писал он по итогам конференции, – что Россия не отождествляется с большевиками, что на Россию еще надеются и согласны ей помогать, проходила красной нитью в ряде заявлений и решений». Союзники обещали поддержать патриотические течения в России в их борьбе против большевизма и продолжить предоставление кредитов «в размере доказанной их необходимости»[334].

Относительно войны и ее целей Маклаков озвучивал концепцию, также сформулированную к этому моменту Корпусом: он доказывал, что нельзя резкими заявлениями толкать большевиков к Германии, предоставив им повод разорвать коалицию. В виду этих

---

[333] Циркуляр из Парижа, подписанный М. Н. Гирсом, М. А. Стаховичем, К. Д. Набоковым, В. А. Маклаковым 18/31 декабря 1917 г. № 1288 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; то же на имя Саблина // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 225.

[334] Из архива организаторов интервенции в России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 64–65.

соображений конференцией была оставлена мысль о резком протесте держав против большевиков[335]. Союзники согласились даже на составление резолюции о новых целях войны и пересмотре прежних договоров. Текст ее было предложено подготовить Маклакову. Последний и составил его без каких-либо упоминаний об аннексиях и контрибуциях, в «чисто оборонительном ключе»[336]. Однако в связи с противоречием этих положений целям, которые преследовали страны в войне, конференция не смогла выработать текст, который удовлетворил бы всех участников. По предложению Бальфура было решено издать международный акт, чтобы успокоить народы стран-союзниц в «прежних формулах», а для России каждая страна должна была сделать отдельное заявление «подходящее к русской идеологии»[337].

Завершился этот краткий, но чрезвычайно насыщенный событиями период знаковым событием: первым съездом послов, который проходил в Париже с 15 по 19 декабря 1917 г. Дипломаты обсудили и детально разработали инструкции на случай появления курьеров от большевиков, о чем шла речь выше. Была рассмотрена политика в отношении национальных окраин, которые уже поднимались против большевиков, результатом чего стала телеграмма посланнику в Тегеране о необходимости сохранения связи с Кавказом[338]. Обсуждался и вопрос финансирования представительств, который к тому моменту стоял остро в связи с прекращением поступления кредитов из России. Послы отказались предоставить главам учреждений за рубежом право использовать для содержания миссий средства, переведенные ранее правительством для иных целей[339]. По-видимому, на этом совещании была достигнута договоренность об обязательном согласовании позиций между послами до обсуждения сущностно важных вопросов с иностранными политиками[340].

Однако в центре обсуждения стоял вопрос о помощи антибольшевистской борьбе, о том, как привлечь внимание союзников к русскому вопросу и чего можно было от них ждать. Было принято ре-

---

[335] Из архива организаторов интервенции в России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 64–65.

[336] Автобиографические записки В. А. Маклакова б/д. // HIA Vasily Maklakov Collection. Box 1. Folder 2.

[337] Там же; Посол – русским представителям 20 ноября/ 3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179–182; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78–79.

[338] М. Н. Гирс, М. А. Стахович, К. Д. Набоков, В. А. Маклаков 19 декабря 1917/ 1 января 1918 г. № 1289 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3.

[339] В. А. Маклаков А. М. Ону 19 декабря 1917/1 января 1918 г. Б/№ (копия Набокову) // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3505. Л. 3.

[340] Автобиографические записки В. А. Маклакова б/д // HIA Vasily Maklakov Collection. Box 1. Folder 2.

шение передать английскому и французскому правительствам записки, указав на опасность бездействия со стороны держав перед угрозой установления германского господства над Россией. Дипломаты выступили с призывом к союзным правительствам организовать согласованную работу по борьбе с обозначенной опасностью. С этой целью они предложили создать в Париже специальный совет по русским делам при ближайшем участии Франции, Англии и Соединенных Штатов. Стремясь направить деятельность союзников в нужное им русло, послы сформулировали неотложные задачи, которые должны были быть представлены на рассмотрение правительств. Совет послов посчитал необходимым просить поддержать «все силы, противодействующие германскому влиянию им и разлагающему влиянию большевиков и оказать помощь их организационным усилиям». При этом он не остановился перед возможностью признания союзными правительствами фактического самоопределения тех частей России, которые начинали борьбу с большевиками: их призывали «содействовать в этих областях военной силе, которая в будущем могла бы еще, быть может, причинить заботы Германии». Послов самым серьезным образом беспокоило сохранение в верных блоку руках «Сибирской железной дороги»[341].

Таким образом, 1917 год стал чрезвычайно насыщенным для Дипломатического корпуса России. Февральская революция развязала инициативу во внешнеполитическом ведомстве, месяцы правления Временного правительства дали возможность подготовиться к деятельности в новых условиях, которой сотрудники МИД не преминули воспользоваться. Пик активности пришелся на конец года. Всего за два месяца после большевистского переворота русская дипломатия прошла огромный творческий путь. Приняв решение не подчиняться новой власти, она сумела не только создать собственную организацию, но и сформировать платформу, выявить цели и тактические задачи, которые надо было решать в этот период. Этап становления деятельности русской небольшевистской дипломатии, действовавшей в отрыве от власти на Родине, следует признать успешным. Идеи, основы самостоятельного существования, определенные в это время, позволили не только решить вопросы обеспечения жизнедеятельности Корпуса в конце 1917 г., пережить период безвластия в 1918 г. и дождаться создания правительства, с которым были отчасти воссозданы «правильные» взаимоотношения, но и действовать на протяжении всей Гражданской войны, заново создать Совет послов в 1921 г. и продлить его деятельность на весь межвоенный период.

---

[341] Отрывок черновика информационной записки о результатах совещания послов // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3539. Л. 1.

Наумова Н. Н.

Революция 1917 года в отражении французской прессы

Аннотация. В статье исследуется реакция французской прессы разной политической направленности на события революционного 1917 г. в России: от Февраля к Октябрю.

Ключевые слова: Русская революция, французская пресса, вооруженный переворот, большевики.

The Russian Revolution of 1917 in the coverage of the French public press

Abstract. The article examines the reaction of the French press of different political orientation to the events of the revolutionary 1917 in Russia: from February to October.

Keywords: the Russian revolution, the French press, an armed coup, bolsheviks.

Февральская революция в России была воспринята большинством представителей западной политической и интеллектуальной элиты с энтузиазмом. Она позволила американскому президенту Вудро Вильсону в его обосновании вступления США в Первую мировую войну 2 апреля 1917 г. представлять ее как столкновение милитаризма и демократии: «Разве не чувствует каждый американец, что замечательные, радующие сердце события, происходящие в последние несколько недель в России, укрепили наши надежды на будущий мир во всем мире?.. Автократия, находившаяся на вершине ее политической структуры, при всем том, что она существовала там с давних пор, обладала ужасающей властью, но ни по своему характеру, ни по целям самодержавие не было исконно русским. И сегодня она свергнута, и великий, щедрый русский народ во всем своем величии и мощи стал составной частью сил, которые сражаются за свободу в мире, за справедливость и мир. Это достойный партнер в лиге чести»[342].

Французские политические круги также приветствовали Февральскую революцию. В их оценках и подходах к осмыслению происходивших в России политических пертурбаций можно выделить четыре главных момента[343]. Во-первых, революция не стала в условиях

---

[342] Послание Конгрессу США об объявлении войны Германии 2 апреля 1917 г. // http: //www. grinchevskiy.ru/1900-1945/war-message.php.

[343] См., например: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique, 1917–1919. Paris, 1933; *Poincaré R.* Au service de la France. V.IX. L'anneé trouble. Paris,1932; *Cambon P.* Correspondance: 1870–1924. Vol. 3. Paris, 1946; *Ribot A.* Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites. Paris, 1936. P. 99; *Фош Ф.* Воспоминания (Война 1914–1918 гг.). СПб., 2005.

нараставшего в стране политического кризиса неожиданным событием, хотя французские политики не предполагали, что она произойдет так скоро. Во-вторых, революция воспринималась как результат слабости царского режима и военных неудач со всеми вытекающими из этого экономическими, социальными и политическими последствиями. В-третьих, Февральская революция, во всяком случае, на уровне официальных заявлений, была принята восторженно и рассматривалась через призму французского политического и революционного опыта, в первую очередь, событий 1792 г., когда во Франции пала монархия и была объявлена Республика. В-четвертых, Русская революция – именно так ее называли в Третьей республике – сняла с республиканской Франции груз союзнических отношений с абсолютистской монархической Россией, которую французские политики уже в 1916 г. подозревали в сговоре с Германией и даже в заключении с ней сепаратного мира – слухи, позже не подтвердившиеся. Но главное – революция вызвала огромное чувство тревоги за способность революционной России выполнять свой союзнический долг – держать Восточный фронт и не дать Франции остаться один на один с «германским агрессором» на Западном. Французские правящие круги понимали, что революция, принесшая свободу и демократию в Россию, может серьезно подорвать военный потенциал союзницы Франции, если вообще не вывести ее из войны.

Были ли все эти сюжеты предметом внимания и анализа французской прессы? Отличалась ли ее позиция от официальной трактовки революционных событий в России? И да, и нет. Следует сразу отметить, что у правительства и прессы Франции были разные источники информации и возможности не только получать, но и транслировать имевшиеся сведения. Правительство черпало информацию от французских послов в России – сначала М. Палеолога, а со средины июля 1917 г. Ж. Нуланса, получало донесения своих представителей при Ставке Верховного главнокомандующего и глав официально посланных в Россию делегаций – Г. Думерга и Н. де Кастельно в 1916 г. и социалиста-министра вооружений А. Тома весной 1917 г. На правительство работала и французская военная разведка во главе с Ш. Дюпоном.

Французская пресса, конечно, тоже получала сведения от своих корреспондентов из Петрограда и Москвы, но революция разладила многие механизмы передачи информации: она была неполной, не всегда точной, запаздывала. Часто в газетах встречались фактические ошибки, которые исправлялись в следующих номерах. Не стоит также забывать, что французская пресса действовала в условиях жесткой военной цензуры, а значит, некоторые темы она вынуждена была замалчивать, некоторые – сглаживать, менять в них акценты. Именно поэтому не все события Русской революции находили одинаковое отражение во французской прессе в отличие от их довольно

подробного освещения в отчетах дипломатических работников или французской разведки. Если, как мы сейчас понимаем, правящие круги Третьей республики имели достаточно объективную информацию, которую и они не всегда верно интерпретировали, то пресса довольствовалась любыми сведениями, ее материалы часто носили характер предположений, характеристики людей и событий были отретушированы, подавались в оптимистическом духе, чтобы не посеять панику среди французов в связи с ухудшением положения дел в союзнической стране.

Наконец, французская пресса, несмотря на сохранявшуюся до осени 1917 г. атмосферу «священного единения», не была политически однородной. Понятно, что оценки проправительственных газет «Тан», «Матэн», «Фигаро», «Журналь», «Пти паризьен» и печатного органа социалистической партии (СФИО) «Юманите» разнились, хотя и не противоречили друг другу.

Анализ прессы и свидетельств, выступлений, воспоминаний, переписки представителей французской политической элиты – председателей Совета министров А. Бриана (декабрь 1916–март 1917 г.), А. Рибо (март–сентябрь 1917 г.), П. Пенлеве (сентябрь–ноябрь 1917 г.), Ж. Клемансо (ноябрь 1917–январь 1920 г.), других министров и дипломатов, военоначальников Ф. Фоша и Ф. Петэна – показывает значительное совпадение их оценок революционных событий от Февраля к Октябрю.

Во французской прессе всех направлений Февральская революция выступала в двух главных ипостасях. Во-первых, как триумф демократии и подлинной свободы, и эта тема являлась центральной в социалистической «Юманите». Ее журналисты приветствовали революцию: «Война стала необходимым этапом движения к свободе, она подтолкнула эту огромную страну к избавлению от оков бюрократии!»[344]; «Триумф революции в России: старый режим рушится под давлением всех национальных сил. Социалисты Франции с энтузиазмом приветствуют русскую революцию. Как и Французская революция, она стала творением Народа, Парламента и Армии. Решительно занимая свое место среди других крупных парламентских ассамблей, свергая старый режим, освобождая политических заключенных, Дума добилась единства российского народа для его защиты. Она передала судьбу страны в его руки. Приветствуем свободную Россию! Россия теперь свободна. Свобода далась с трудом, но она все же наступила»[345].

Вторая ипостась революции заключалась в ожидаемом общенациональном порыве освобожденного от пут самодержавия русского

---

[344] L'Humanité. 14.03.1917 // http: //gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k254854d.
[345] Ibid. 17.03.1917 // http: //gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k254857j.

народа разбить на фронтах войны милитаристскую, монархическую Германию. С преувеличенным энтузиазмом об этом писала буржуазная пресса в марте 1917 г. В ней значительно громче звучали мотивы сохранения союзнической верности России и вера в общие успешные усилия по разгрому Германии:

«Нет никаких сомнений в характере революционного движения в Петрограде, – писала газета «Фигаро». – Это национальное и патриотическое движение как по своему происхождению, так и в своих стремлениях. Все, кто попадут под подозрение в стремлении помешать ведению войны до победного конца, будут отстранены – анафеме подвергнутся все злые гении дезорганизации. По необычному стечению обстоятельств эта революция, которая могла бы стать трагичной, напротив, уменьшила материальную и духовную анархию, угрожавшую нашему союзнику, и укрепила его силы перед лицом врага. Должно быть, Германия пробудила у всех народов мощный инстинкт самосохранения»[346]. Этому опасному заблуждению предстояло разбиться о реальное состояние русских войск на Восточном фронте. Февральская революция, отречение Николая II, поляризация общественного мнения в России с каждым днем все сильнее подрывали боеспособность российской армии. Ситуация осложнялась тем, что Германия весной 1917 г. попыталась воспользоваться политическим кризисом и дезорганизацией русской армии, чтобы добиться военного перелома до начала поступления ощутимой помощи странам Антанты от правительства США. В отличие от оптимистических прогнозов газет французские представители в России с тревогой отмечали рост анархии и неспособность Временного правительства справиться с радикализацией масс. По признанию Ж. Нуланса, никто из свидетелей «происходивших плачевных событий» не был в состоянии «понять пассивность и политическое безволие Временного правительства»[347].

Находясь под сильным давлением союзников, российское командование решилось на летнюю наступательную операцию 1917 г. на Юго-Западном фронте[348]. В ходе начавшегося в июне наступления ценой больших потерь 7-й и 8-й русским армиям удалось прорвать оборонительные укрепления противника, однако достигнуть глубокого прорыва не получилось. Темп наступления резко замедлился, а моральное разложение войск, антивоенные митинги, убийства офицеров и решения солдатских комитетов не подчиняться приказам полностью сорвали наступательную операцию. Воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, немецкое

[346] Le Figaro. 17.03.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291349j.
[347] *Noulens J.* Op. cit. P. 27–28.
[348] См. подробнее: Европа и Россия в очаге Первой мировой войны. К 100-летию начала войны / Под ред. В. А. Золоторева. М., 2014. С. 345.

командование организовало контрнаступление, перебросив на Восточный фронт дополнительные силы и большие запасы новейшего химического оружия[349]. Военная катастрофа русских войск привела к потери 130 тыс. человек и полностью дискредитировала Временное правительство. Во Франции об истинном положении дел ничего не писали. Керенский по-прежнему представлялся как «гениальный администратор» и «вдохновитель победы»[350]. Во французских правящих кругах более трезво оценивали личность Керенского, но признавали его единственным человеком, способным заставить Россию продолжить войну. Например, Ж. Клемансо в издаваемой им газете «Ом аншенэ» называл Керенского «человеком с государственным мышлением»[351].

Среди новостей с Восточного фронта редакторам газетных изданий удавалось находить известия об успехах русских войск, которые тут же появлялись в передовицах, написанных в оптимистических тонах: «Русские успешно наступают на Восточном фронте», «Русские взяли 2000 пленных и 30 орудий»[352]. Газеты уверяли читателя, что, несмотря на активную антивоенную пропаганду большевиков, «русский народ един как никогда и теснит немцев». Социалистическая «Юманите» подчеркивала единство революционных сил и важную роль русской армии в борьбе против врагов Антанты. По уверениям французских социалистов,«Русская революция ведет войну героически. Они [русские] сражаются вместе с нами, оказывают мощную военную помощь, чем сеют раздор в центральных империях. Русская революция ведет войну за справедливый мир, она поднялась против агрессивного империализма, откуда бы он ни происходил»[353].

В Петрограде тем временем начались антиправительственные демонстрации. В июле вооруженные солдаты, матросы и рабочие вышли на улицы с плакатами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». В общей сложности в демонстрациях участвовало 500 тыс. человек, в том числе большевики и сочувствовавшие им воинские части. Они захватили Петропавловскую крепость, ворвались в Таврический дворец (где размещался Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов), схватили лидера эсеров, министра земледелия В. М. Чернова; между демонстрантами и войсками происходили перестрелки[354]. Россия погружается в полную

---

[349] *Маныкин А. С., Терехов В. И.* На фронтах Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. М., 2014, С. 176.

[350] См., например: Le Figaro. 17.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k29147v.

[351] L'homme enchaîné. 7.08.1917.

[352] Le Figaro. 12.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291466d.

[353] L'Humanité. 18.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2549807.

[354] *Смирнов В. П.* Две войны – одна победа. М., 2015. С. 85.

анархию, и et уже ничем не удержишь[355] – такие настроения царили во французском политическом классе летом 1917 г.

Информация об антиправительственных демонстрациях доходила до французской общественности с запозданием. Комментируя июльские события 1917 г. вслед за официальной версией Временного правительства, французская пресса обвиняла «максималистов» (так тогда во Франции называли большевиков) в «подстрекательстве» к мятежу в пользу Германии и отмечала «успех пропаганды Ленина и его сообщников»[356]. Буржуазные газеты говорили о Ленине исключительно как об агенте Германии[357]. Вот показательный отрывок из правоцентристской газеты «Фигаро» от 27 июля 1917 г.: «Именно империя, исподтишка отравленная Германией, собственными руками создала революцию. Именно революция, открыто отравленная Германией, создала анархию. Несчастная Россия, несчастный народ, несчастная армия. Увы! Немцы замыслили свой адский план так, чтобы нанести двойной удар: устроить восстание в Петрограде и мятежи на фронте! «Правда» в течение трех месяцев безнаказанно изливает на Россию и армию поток по 500 000 [агитационных] листков в день. Бурцев (российский публицист, выступавший после июльских событий с резкой критикой большевиков, которых он обвинял в шпионаже в пользу Германии. – *Н. Н.*) опубликовал первый список агентов, нанятых Германией, с Лениным, Троцким и Зиновьевым во главе»[358]. Несколькими днями позже та же газета написала: «Исполнительный комитет, прозрев, заявляет, что вся революционная демократия требует, чтобы группа большевиков, обвиняемая в организации беспорядков, подталкивающая к восстанию и получающая деньги из Германии, была предана публичному суду. Абсолютно недопустимо, что Ленин и Зиновьев не пойманы! Это не Вильгельм с немцами, австрийцами и турками добились победы в Галиции (в июле 1917 г. – *Н. Н.*). Это сделали Ленин и „Правда"!»[359]. Прибывший в середине июля 1917 г. в Петроград новый представитель французского правительства Ж. Нуланс не сомневался, что большевики играют в революции роль «троянского коня» Германии и договариваться с ними бесполезно: «Что-то ожидать от большевиков, попытаться вступить с ними в переговоры, считать, что их можно привлечь к нашему делу, – пустые надежды»[360].

Политическая элита Франции больше не питала иллюзий в отношении способности правительства Керенского добиться «внутрен-

---

[355] *Ribot A.* Op. cit. P. 99.
[356] L'Humanité. 22.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k254984r.
[357] Le Temps. 22.07.1917; 12.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291466d.
[358] Le Figaro. 27.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2914816.
[359] Ibid. 30.07.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291484b.
[360] *Noulens J.* Op. cit. P. 46.

него мира» и продолжить войну. «В России события развиваются от плохого к худшему: там грядет полная катастрофа»,– писал в 20-х числах июля французский посол в Лондоне П. Камбон, хорошо осведомленный о происходившем в России[361]. «Помощь России отпала окончательно, это почти не вызывало сомнений, – вспоминал в мемуарах П. Пенлеве, председатель Совета министров Третьей республики. – ...В 1917 году русский фронт, даже оставаясь неподвижным, препятствовал наступлению неприятеля... Обессиленная Россия могла выйти из строя раньше, чем Америка сумела бы принять реальное участие в войне. Эта перспектива беспокоила [французское] правительство, и некоторые члены склонялись к тому, чтобы назначить генеральное наступление в более или менее недалеком будущем. Этим нетерпеливым коллегам генерал Петэн (главнокомандующий французской армией. – *Н. Н.*) бесстрастно отвечал своей привычной формулой: „Я жду американцев и танки"»[362].

Возможность выхода России из войны вносила неопределенность в планы командования союзников. На ее замену требовалось в короткие сроки доставить свежие и боеспособные американские войска. В своей записке представителям союзных правительств 26 июля 1917 г. французский маршал (тогда генерал) Фердинанд Фош отмечал: «В случае отпадения России союзники все же были бы в состоянии собрать необходимые силы, чтобы оказать сопротивление натиску противника до того времени, когда Америка сможет выставить на фронт достаточное количество войск для восстановления положения»[363].

Исходя из получаемой информации, ставка в стабилизации ситуации по-прежнему делалась на главу Временного правительства Керенского, однако даже французские газеты к осени 1917 г. стали сомневаться, что он контролирует ситуацию и отдает себе полный отчет в том, как развиваются события. Появление на арене генерала Корнилова в августе 1917 г. и возможность захвата им власти несколько обнадежили французское руководство, которое связывало с его именем возрождение русской армии.

Во французской прессе корниловский мятеж вызвал живую реакцию. Ведущие буржуазные издания опубликовали содержание телеграммы Корнилова к русскому народу[364], составленную в ответ на приказ Керенского снять его с должности главнокомандующего русской армии, а «Юманите» – ее полный текст[365]. «Корнилов против Керенского», «Керенский сместил Корнилова», «Корнилов двинулся

---

[361] *Cambon P.* Op. cit. P. 139.
[362] *Painlevé P.* Comment j`ai nommé Foch et Petain. Paris, 1924. P. 123.
[363] *Фош Ф.* Указ. соч. С. 260.
[364] Le Figaro. 11.09.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291527q.
[365] L'Humanité. 11.09.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark: /12148/bpt6k255035w.

на Петроград!», «Политический кризис в России!», «Петроград в осадном положении!», «Керенский установил директорию» – пестрели заголовки статей. Журналисты «Юманите» склонялись к тому, что Корнилов – контрреволюционер. «Каковы же его цели? Хочет ли он вернуть Романовых? Желает ли он установления собственной власти? Может быть, он встал на сторону военной силы без далеко идущих политических планов? Сведения недостаточные, слишком неясные, чтобы делать выводы»[366], – признавалась социалистическая «Юманите». В сложившихся обстоятельствах политическое состояние России французские журналисты называли не иначе, как анархией. Газета «Фигаро», более расположенная к Корнилову, предлагала читателю ознакомиться с биографией этого «энергичного, прекрасно сложенного, образованного» человека, чтобы самим разобраться в мотивах его поведения[367]. Никаких политических оценок происходящему газета не давала. В тот день, когда вышла эта статья, 14 сентября, корниловский мятеж в России был уже подавлен. «О полном поражении сообщают все депеши из Петрограда»[368], – отмечала «Фигаро» на следующий день. Проправительственная газета «Пти паризьен» 19 сентября напечатала речь нового председателя Совета министров П. Пенлеве, который успокаивал французов: «хотя положение дел на русском фронте вызывает разочарование», следует надеяться на «возрождение единства и дисциплины» в Республике, провозглашенной Керенским 1 сентября 1917 г.[369]. А вот Ж. Нуланс не скрывал своего сожаления в связи с отказом Керенского пойти на переговоры с Корниловым и решением главы Временного правительства заручиться в ходе драматических событий конца августа 1917 г. поддержкой большевиков. Французский посол считал генерала Корнилова одним из немногих людей, способных навести порядок в стране и «остановить распространение влияния радикалов»[370]. Провал корниловского мятежа изменил обстановку в России. «Усилился политический хаос и анархия»[371], – волновалась французская пресса. Авторитет большевиков, сыгравших важную роль в разгроме Корнилова и требовавших немедленного окончания войны, стал стремительно расти, активизировался процесс «большевизации» советов. Одновременно в стране усугубились экономические проблемы. Логика революционных событий разрешилась 25 октября (7 ноября) 1917 г. вооруженным восстанием

---

[366] L'Humanité. 13.09.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k255037n.
[367] Le Figaro. 14.09.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291530d.
[368] Ibid. 15.09.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291531s.
[369] Le Petit Journal. 19.09.1917.
[370] *Noulens J.* Op. cit. P. 131.
[371] См., например: Le Temps. 26.09.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291466d.

в Петрограде. На следующий день, 8 ноября, председатель Совета министров Р. Пуанкаре сделал следующую запись в своем дневнике: «Плохие новости из России: максималисты торжествуют»[372]. В эти же дни «Юманите» писала: «Новости чрезвычайной важности приходят к нам из России. Большевики господствуют в Петрограде: гарнизон и Совет Петрограда свергли правительство. В то время как Керенский был низложен, Ленин одержал триумф, а вместе с ним и идея о немедленном мире и другие обещания, которые невежественная масса приветствовала без разбора. Будет ли долгим этот триумф? Распространится ли эта волна большевизма, господствующая в столице, по всей России?»[373]. Чуть позже СФИО открыто осудила «государственный переворот Ленина и Троцкого», который, подобно «анархическому циклону, разрушает большинство губерний России»[374].

Правоцентристская газета «Фигаро» сразу же резко отрицательно восприняла Октябрьскую революцию: «Максималисты настолько враждебны свободе, что в первые же часы позаботились о введении цензуры. Телеграф также не работает, пропускает только сообщения об их легком триумфе над правительством, которое не могло и не хотело защищаться»[375]. «Тан» охарактеризовала октябрьские события как «государственный переворот максималистов»[376]. Слова «экстремисты», «фанатики», «анархисты» и «государственный переворот» преобладали в статьях газет всех политических направлений[377]. Большевиков воспринимали как кучку смутьянов, сумевших вооруженным путем установить «режим политического террора» в «больной России, нуждавшейся в управлении»[378] из-за «бездействия правительства» и «невежества радикально настроенных масс».

Поздней осенью 1917 г. никто из французского правящего класса уже не сомневался в скором выходе России из войны, тем более что новая власть не скрывала своих антивоенных настроений. Следуя провозглашенному на Втором съезде советов «Декрету о мире», большевики вступили в мирные переговоры с Германией и ее союзниками. В подобной обстановке все политические партии Третьей республики, включая СФИО, осудили действия больше-

---

[372] *Poincaré R.* Op. cit. P. 357.
[373] L'Humanité. 09.11.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2550936.
[374] Ibid. 10.11.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k255094k.
[375] Le Figaro. 10.11.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291587s.item.
[376] Le Temps. 10.11.1917 //http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2430908.
[377] Le Temps. 10.11.1917 //http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2430908; L'Humanité. 10.11.1917 //http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k255094k; Le Figaro. 14.11.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k291589j.
[378] L'Humanité. 11.12.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k255125v.

вистского правительства, называя его «бандой предателей и фанатиков, изо всех сил стремившейся заключить постыдный мир»[379], и «кучкой узурпаторов», допустивших «серьезное и болезненное уклонение от выполнения долга», которое «расшатывает нашу коалицию»[380].

Главнокомандующий Фош пытался воспрепятствовать подготовке сепаратного мира и возможности Германии им воспользоваться. Он потребовал организовать межсоюзническое выступление в Восточной Сибири, где быстро развивались революционные события, угрожавшие захватом контроля большевиками над Транссибирской железной дорогой. Для того чтобы помешать отправке в центр России, охваченный революцией, «запасов военного имущества и сырья, находящихся на складах во Владивостоке», Фош предлагал руководству США и Японии начать военное наступление в Сибири и на Дальнем Востоке. Впоследствии предусматривалось поддерживать и «питать очаги антибольшевистского сопротивления, которые могли бы остаться или образоваться в России, во всяком случае воспрепятствовать выходу противника к Тихому океану»[381]. В сложившихся условиях французское правительство с нетерпением ожидало от американской администрации решительных действий и, в первую очередь, ощутимого физического присутствия на полях сражений. Проблемы организации единого командования союзническими войсками под французским началом, размеры американских контингентов и сроки их появления на линии фронта стали центральными темами дискуссий как французских политиков и генералитета, так и прессы разных направлений. События Русской революции постепенно отходили на второй план.

Таким образом, со всей очевидностью можно утверждать, что французские СМИ живо откликнулись на Февральскую революцию, смену политического строя в России и деятельность Временного правительства. Вместе с тем, несмотря на восторженные заявления о победе «свободы и демократии», все же в газетах, особенно проправительственных, весной–летом 1917 г. преобладал другой мотив – озабоченность состоянием и боевым духом русской армии, возможным выходом России из войны.

После победы Октябрьской революции и первых мероприятий большевистской власти, негативно встреченных и осужденных французской прессой как незаконные и недемократические, в военных и политических кругах Третьей республики стали активно обсуждаться планы открытой интервенции против молодой Советской республики, которые превратились в реальность уже в 1918 г.

---

[379] Le Petit Parisien. 03.12.1917 // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5663684.
[380] L'Humanité // http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2551144/f1.
[381] *Фош Ф.* Указ. соч. С. 263.

Остапенко А. И.

Идеи мировой революции и формирование внешнеполитического ведомства Советской России в конце 1917–начале 1918 года

Аннотация. В статье рассматривается реализация идеи мировой революции в деятельности Народного комиссариата иностранных дел РСФСР в период с октября 1917 до февраля 1918 г. Большевики надеялись, что публикация секретных договоров царского и Временного правительств с правительствами Англии и Франции будет сигналом для рабочего класса Запада к революционному взрыву. Однако рабочие западных стран оказались не готовы к радикальным действиям. Американский президент Вильсон использовал идею большевиков об открытой дипломатии в своих знаменитых «14 пунктах», адресованных Конгрессу США 8 января 1918 г.

Ключевые слова: Народный комиссариат по иностранным делам (НКИД), идея мировой революции, большевики, секретные договоры, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. А. Залкинд, Е. Д. Поливанов, Н. Г. Маркин.

The idea of the World Revolution and the formation of the Foreign Office of Soviet Russia in late 1917–early 1918

Abstract. The article deals with the problem of implementation of the idea of world revolution in the activity of the People's Commissariat of Foreign Affairs RSFSR in the period from October 1917 to February 1918. The Bolshevics hoped that publication of secret treaties of the Tsarist and the Provisional governments with governments of England and France would be the signal for working classes of the West to revolutionary explosion. However workers of west countries were not ready to radical actions. The American President Wilson used the idea of the Bolshevics about of the open diplomacy in his famous «14 points» addressed to the Congress on 8 January 1918.

Keywords: the People's Commissariat of Foreign Affairs RSFSR, the idea of world revolution, the Bolshevics, secret treaties, V. I. Lenin, L. D. Trotsky, I. A. Zalkind, E. D. Polivanov, N. G. Markin.

Деятельность большевиков по формированию дипломатического ведомства РСФСР являлась важной составной частью не только создания новой властью советского государственного аппарата, но и попыткой решения главной задачи марксистов – расширения границ мировой пролетарской революции.

Авторами первых работ по истории становления и развития Наркоминдела были очевидцы и участники происходивших событий, что позволяет рассматривать данные труды и как источник[382]. К таковым относятся статьи И. А. Залкинда и Б. Кантаровича[383], а также книга «Десять лет советской дипломатии»[384], вышедшая в издательстве НКИД к десятилетию Октябрьской революции. Эти публикации, базирующиеся на обширном фактическом материале, заложили фундамент и определили направления для дальнейших исследований.

В 1930–1950-е годы вопросы, связанные с формированием внешнеполитического ведомства РСФСР, незаслуженно выпали из поля зрения историков. Пожалуй, единственной фундаментальной работой этого периода стала вышедшая в 1945 г. «История дипломатии»[385].

Главной заслугой исследователей 1960-х–начала 1980-х годов[386] явилось введение в научный оборот новых документов, а также обращение к персоналиям дипломатов[387]. Вместе с тем общей слабостью всех публикаций советского периода является зависимость их авторов от жестких идеологических установок. Одним из результатов этого явилось отсутствие упоминаний целого ряда имен работников НКИД, пострадавших от необоснованных репрессий.

С конца 80-х годов ситуация в идеологической сфере меняется, однако интерес к теме ослабевает. В появившихся монографиях и коллективных трудах происходит осмысление вопросов, связанных с изменениями структуры НКИД в зависимости от международной обстановки, внутренних обстоятельств, практики и идеологических установок.

В период перестройки заметно возрастает число работ, посвященных биографиям известных деятелей и дипломатов, о которых по известным причинам невозможно было писать ранее[388].

---

[382] В данном обзоре литературы мы не будем касаться общих работ, посвященных внешней политике и международным отношениям, поскольку в них интересующие нас вопросы затрагиваются лишь в общей форме.

[383] *Залкинд И. А.* Из первых месяцев Народного комиссариата по иностранным делам // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 55–61; *Он же:* НКИД в семнадцатом году // Международная жизнь. 1927. № 10; *Кантарович Б.* Организационное развитие НКИД // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 51–55.

[384] Десять лет советской дипломатии (акты и документы). М., 1927. С. 3–23.

[385] История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 303–304.

[386] *Ирошников М. П.* Из истории организации Народного комиссариата иностранных дел // История СССР. 1964. № 1. С. 107–116; *Выгодский С. Ю.* У истоков советской дипломатии. М., 1965. С. 30–69; *Бахов А. С.* На заре советской дипломатии. М., 1966. С. 87–129; *Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался Наркоминдел. М., 1984.

[387] *Горохов Н. и др.* Г. В. Чичерин дипломат ленинской школы. М., 1966; *Зарницкий С., Сергеев А.* Чичерин. М., 1967; *Труш М. И.* Дипломат ленинской школы (К 100-летию со дня рождения Г. В. Чичерина) // Международная жизнь. 1972. № 11. С. 88–96; *Хавратович И. М.* Г. В.Чичерин. М., 1980.

[388] *О'Коннор Т. Э.* Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991 и др.

Определенный итог исследованиям, касавшимся становления и развития Наркоминдела в первые послереволюционные годы, подвела коллективная работа «Очерки истории Министерства иностранных дел России»[389], изданная в 2002 г. к 200-летнему юбилею МИД. Авторы «Очерков» показали, что многие внешнеполитические решения соответствующего периода истории были напрямую связаны с господствовавшей марксистско-ленинской идеологией. В частности, идея мировой революции оказывала непосредственное воздействие на работу дипломатического ведомства.

Ценность публикации состоит в том, что она содержит ряд важных документов из Архива внешней политики РФ (бывший АВП СССР). Вместе с тем «Очеркам» присуща некоторая идеализация деятельности советского дипломатического ведомства на раннем этапе его существования.

В начале нынешнего тысячелетия стали появляться работы, посвященные отдельным аспектам деятельности НКИД[390].

Таким образом, тема становления дипломатических структур РСФСР в 1917–1918 гг. получила определенное освещение в отечественной литературе.

При этом недостаточно изучена практическая реализация идеи о развитии мировой революции, отсутствуют исследования, рассматривающие соответствие концепции внешней политики, разработанной после Октября, и структуры ее дипломатического аппарата. Не совсем ясна роль Троцкого в функционировании НКИД и эффективность первых шагов деятельности этого ведомства. Именно на освещении этих проблем мы и сосредоточим свое внимание.

Для решения поставленных задач имеется достаточно широкий круг источников. Среди них важное место занимают законодательные документы высших органов советской власти[391], переписка В. И. Ленина с работниками НКИД по внешнеполитическим вопросам в первые послеоктябрьские годы[392], материалы ЦК, Политбюро и Коминтерна[393], мемуары[394]. В регулярно публикуемых отчетах Народного комиссариата по иностранным делам содержалась характеристика внешней политики советского государства за истекший пе-

---

389 Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. II. 1917–2002 гг.

390 *Воронина И. А.* Первые публикации Народного комиссариата по иностранным делам (1917–1918 гг.) // Международная жизнь. № 2. 2003; *Романов А. С.* Информационная деятельность Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР 1917–1923 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

391 Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.

392 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50.

393 Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004.

394 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2007.

риод, структурные изменения, происходившие в наркомате, а также оценки и прогнозы на будущее[395]. Не менее интересны и периодические издания Наркоминдела.

Полноценное дипломатическое ведомство для осуществления внешнеполитических задач должно непременно располагать определенным набором структур и инструментов. Среди них: развитый центральный аппарат учреждения; существование дипломатических представительств государства за рубежом и дипломатических органов иностранных государств в пределах страны; наличие внешнеполитической концепции, документов, регламентирующих деятельность НКИД, ведомственного архива, системы подготовки дипломатических кадров и обучения сотрудников ведомства иностранным языкам, а также редакций, осуществляющих научную публикацию дипломатических документов и издание ведомственных журналов.

Не вызывает сомнений, что за короткий период создать серьезную внешнеполитическую структуру невозможно. Впрочем, организаторы дипломатического ведомства создание полноценного наркомата не планировали, поскольку главная задача НКИД виделась в пропаганде тех сюжетов, которые могли бы способствовать мировой революции. Что же касается внешнеполитической концепции, то на протяжении некоторого времени большевики считали, что революционный взрыв в России будет знаменовать собой начало пролетарской революции на Западе. Причем в более развитых странах это событие последует в самом ближайшем будущем.

Обращаясь к этой проблеме, Ленин 5 июля 1921 г. на III Конгрессе Коминтерна подчеркивал: «Еще до революции, а также и после нее мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть»[396].

Об утверждении советской власти в России как мощном факторе «в пользу немедленного мира по всей Европе», мира без аннексий и контрибуций заявлял за неделю до Октябрьского переворота в интервью Джону Риду[397] один из лидеров большевиков Лев Троцкий[398]. Мир же без аннексий и контрибуций по логике мышления исключал использование тайной дипломатии.

Принимая во внимание эту теоретическую предпосылку, большевики не видели необходимости разрабатывать концепцию отноше-

---

[395] Отчет Народного комиссариата по иностранным делам Седьмому съезду Советов (ноябрь 1918 г.–декабрь 1919 г.). М., 1919.

[396] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36.

[397] Рид Джон – очевидец Октябрьских событий и автор книги «Десять дней, которые потрясли мир»(http://readli.net/desyat-dney-kotoryie-potryasli-ves-mir).

[398] https://ru.wikipedia.org/wiki.

ний революционного правительства с окружающим капиталистическим миром. Отношения же с пролетарскими государствами, которые должны возникнуть в ходе революций в Европе, предполагалось строить на основе создания мирового союза советских республик. Органы внешних сношений в этом процессе должны были сосредоточиться на организационных и пропагандистских вопросах[399].

После Октября прерогатива определения главных направлений международной деятельности Советской России принадлежала высшему органу власти республики – Съезду Советов. В период между съездами эти задачи выполнял ВЦИК. В его составе был создан Международный отдел. Решение принципиальных текущих задач внешней политики возлагалось на Совет народных комиссаров, который был подотчетен ВЦИК. Практическая работа в области внешних сношений протекала в Комиссии по делам иностранным, переименованной в дальнейшем в Народный комиссариат по иностранным делам[400]. Указанная структура была утверждена на III Всероссийском съезде Советов в середине января 1918 г.

Исходя из общей установки на скорую мировую революцию, большое внимание уделялось пропаганде. В частности, этим занимался Л. Д. Троцкий. Во главе иностранного ведомства Троцкий оказался благодаря его участию в захвате власти большевиками в октябре 1917 г. и по рекомендации Я. М. Свердлова, согласованной с В. И. Лениным.

Сам Троцкий воспринял свое назначение без энтузиазма. Он полагал, что судьба революции решается не на дипломатическом поприще и что трудящиеся поймут друг друга и без дипломатов[401]. Основной задачей текущего момента Троцкий считал распространение Октябрьской революции на всю страну. Функция НКИД, по его мнению, сводилась к изданию нескольких революционных обращений к народам. Ранний период существования комиссариата был связан с реализацией этой программы.

Вся работа по формированию НКИД была возложена Троцким на узкий круг лиц. Главную роль среди них играли трое: И. А. Залкинд (1885–1928)[402], Е. Д. Поливанов (1891/1892–1938) и Н. Г. Маркин (1893–1918). Знакомый наркому по эмиграции большевик Залкинд окончил Сорбоннский университет, имел степень доктора

---

399 *Сироткин В.* От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М., 1988. С. 373.

400 *Бахов А. С.* На заре советской дипломатии 1917–1922 гг. М., 1966. С. 14–15.

401 *Млечин Л. П.* МИД. Министры иностранных дел. Внешняя политика России от Ленина до Путина и Медведева. М., 2011 // https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/diplomaty-tsarskogo-pravitelstva.html https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/diplomaty-tsarskogo-pravitelstva.html.

402 http://www.e-reading.club/chapter.php/1017972/6/Felshtinskiy_-_Lev_Trockiy._Bolshevik._1917–1923.html.

биологии и владел несколькими иностранными языками. Он и стал уполномоченным Троцкого, а позднее возглавил Отдел стран Запада. Должность секретаря наркома была доверена матросу Балтийского флота Н. Г. Маркину.

Поливанов, племянник царского военного министра, был вторым уполномоченным Троцкого. В прошлом он являлся меньшевиком-интернационалистом, который после Октября присоединился к большевикам. В свое время Поливанов окончил два факультета Санкт-Петербургского университета: историко-филологический и восточных языков, имел опыт работы в иностранном департаменте прежнего МИД[403]. В НКИД он возглавил отдел отношений с Востоком.

Троцкий как харизматичная личность обладал даром привлекать к себе людей. Одним из них был 25-летний матрос-электротехник Балтийского флота, талантливый самоучка и весьма храбрый человек Н. Г. Маркин. За его плечами была уже биография революционера. Он родился в бедной семье, рано начал работать, пристрастился к чтению нелегальной литературы, был арестован за поджог магазина хозяина. В тюрьме сблизился с политзаключенными. После Февральской революции Маркин участвовал в выпуске газеты «Рабочий и солдат», работал в Петроградском совете, делегатом от Балтийского флота вошел во ВЦИК. В ведомстве иностранных дел Троцкий доверил ему должность секретаря наркома[404].

Поскольку Троцкий от практического руководства НКИД устранился, то именно Залкинд, Поливанов и Маркин, далекие от профессиональной дипломатии, занимались ведением дел Комиссариата. Причем Маркин не меньше, чем двое уполномоченных, вникал во все дела учреждения.

Впрочем, устранение от практической работы не помешало Троцкому выступать с важными заявлениями перед аппаратом царского министерства и по поводу публикаторской деятельности ведомства. Его первый и, как оказалось, единственный визит в здание на Дворцовой площади произошел 27 октября 1917 г.[405]. Признанный оратор, умеющий зажигать революционным пылом массы рабочих и солдат, Троцкий не ожидал теплого приема от сотрудников ведомства. Но все же надежда на помощь с их стороны оставалась.

В свою очередь высокообразованная и хорошо оплачиваемая элита царского чиновничества, включавшая и титулованных особ, не собиралась подчиняться Советам. Неприятие вызывал даже вид

---

[403] Подробнее см.: *Ларцев В. Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.

[404] *Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался Наркоминдел. М., 1984. С. 10.

[405] *Кантарович Б.* Организационное развитие НКИД // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 51.

их предполагаемого руководителя. Один из сотрудников министерства Г. Н. Михайловский[406] описывает это со смешанными чувствами враждебности, иронии и, увы, свойственными некоторой части царских чиновников, антисемитскими мотивами. «Еврейский вид Троцкого, – писал Михайловский, – напомаженного и завитого, бледного, небольшого роста, скорее худощавого, чем полного, с тонкими ногами, вызывал трудно передаваемую реакцию в этом бесспорно самом аристократическом ведомстве Петрограда... никакие абстрактные рассуждения не доказывали с такой очевидностью, что большевистский переворот есть катастрофа»[407].

Чуждость политических взглядов, которые исповедовал Троцкий, и его непрезентабельный вид сразу же укрепил чиновников в их нежелании служить под руководством этой «омерзительной», с их точки зрения, фигуры. При этом Михайловский допускает иной поворот событий, если бы на месте Троцкого был бывший служащий министерства Г. В. Чичерин», выходец из интеллигентной семьи, получивший блестящее образование и по роду своей профессиональной деятельности знакомый с дипломатией. Можно допустить, что Михайловский знал о сотрудничестве Чичерина[408] с социал-демократией в России и Англии, но, видимо, для него имела значение личность этого человека как более приемлемого для штата министерства. Возможно также, что, работая над «Записками...», он уже знал о назначении Чичерина 30 мая 1918 г. наркомом иностранных дел.

Между тем в день посещения министерства его новый глава выступил перед служащими, со следующими, по свидетельству Михайловского, требованиями. «Я знаю, – сказал Троцкий, – большинство из вас – наши враги, но и этому большинству я предлагаю работать с нами, выполняя только техническую работу и не имея никакой политической ответственности, которую мы, народные комиссары, берем на себя. Я могу вам выдать письменную гарантию в этом. Тех,

---

[406] Михайловский Г. Н. – автор найденного в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ машинописного труда, опубликованного под названием: «Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства (1914–1920 гг.). В 2-х кн. Кн. 1 (август 1914 – октябрь 1917). М., 1993 // https://litlife.club/br/?b=266285. Создатель «Записок...» – русский дипломат, юрист-международник, сын известного писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, являвшегося потомственным дворянином, крестником царя Николая I. Через мать, дочь минского губернатора, урожденную Н. В. Чарыкову, Г. Н. Михайловский обрел связи со многими влиятельными лицами на дипломатическом поприще. Накануне революции он занимал должность начальника Международно-правового отдела и одновременно исполнял обязанности юрисконсульта министерства. Труд субъективен, отражает политические взгляды царского чиновника.

[407] *Михайловский Г. Н.* Записки... С. 512.

[408] О Г. В. Чичерине подробнее см.: *О'Коннор Т. Э.* Указ. соч.; *Горохов Н. и др.* Г. В. Чичерин дипломат ленинской школы. М., 1966; *Зарницкий С., Сергеев А.* Чичерин. М., 1967.

кто пожелает работать и политически с нами, мы с радостью примем, те, кто откажется, могут уйти, но одного мы не допустим – саботажа во время работы. С этими лицами мы будем безжалостны»[409].

Особо было подчеркнуто, что новое правительство не намерено причинять репрессий тем, кто пожелает уйти сам. В подтверждение этого Троцкий по просьбе одного из служащих выдал пропуска большой части сотрудников министерства. Это позволяло им не только посещать ведомство, но и свободно ходить по городу, и было опрометчивым шагом наркома в отношении людей, враждебно настроенных к советской власти.

Что касается будущего жалованья служащих, то выступавший предупредил, что оно будет одинаковым для всех – от помощника народного комиссара до курьера.

Переговоры Троцкого с чиновниками министерства окончились провалом. На сотрудничество с советской властью согласились единицы. Сам нарком расценил это как «страшный удар». Большинство служащих, включая машинисток и канцелярских работников, проголосовали за забастовку и создали стачечный комитет. От его имени советнику британского посольства Фрэнсису Линдли была передана телеграмма с просьбой зашифровать ее и отправить в Лондон, в министерство иностранных дел, с тем чтобы данную информацию получило российское посольство для дальнейшего распространения ее всему дипломатическому корпусу России за границей[410]. Телеграмма послужила одним из сигналов к началу антибольшевистского движения за границей. В самой стране складывался союз царских дипломатов и западных посольств.

В свою очередь приказом Троцкого чиновники бывшего МИД были уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Штат НКИД пришлось набирать заново, что серьезно осложняло работу учреждения[411].

Позднее, как признавался Михайловский в своих «Записках...», его не раз посещала мысль о том, что приехавшего без сопровождения Троцкого можно было похитить или даже уничтожить, втиснув в железные стенные шкафы министерства, предназначенные для особо секретных дел. В таком случае «будущего диктатора России не скоро можно было разыскать»[412].

Между тем первоначальная структура Иностранного комиссариата, подчиненная пропагандистской задаче, была проста и часто менялась. К началу декабря помимо отделов Востока и Запада были учреждены отделы личного состава, печати, правовых дел. Военная

---

[409] *Михайловский Г. Н.* Записки... С. 511–513.
[410] Там же. С. 517.
[411] https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/diplomaty-tsarskogo-pravitelstva.html.
[412] *Михайловский Г. Н.* Записки... С. 509.

обстановка потребовала учреждения отделов виз и по делам военнопленных[413].

Общая численность сотрудников ведомства составляла 29 человек, включая наркома Троцкого и двух его уполномоченных Залкинда и Поливанова. Полноценную систему органов внешней политики внутри и вне государства еще только предстояло создать. Считалось, что прямой необходимости в этом как со стороны капиталистических держав, так и революционной России пока не было.

В данной конфигурации ведомства и при остром дефиците кадров о решении НКИД серьезных внешнеполитических задач не могло быть и речи. Вместе с тем для осуществления ряда антиимпериалистических акций и ведения пропагандистских компаний силы все же имелись.

Главным внешнеполитическим документом возникшего в октябре 1917 г. Советского государства являлся ленинский Декрет о мире. В нем новая власть, в частности, заявила об отмене тайной дипломатии и пообещала немедленно приступить к «полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 7 ноября (25 октября) 1917 г.».

Считалось, что публичное оглашение наиболее темных сторон международной дипломатии может послужить детонатором новых пролетарских революций как на Западе, так и на Востоке. Поэтому именно это направление деятельности НКИД, подчиненное идее всеобщего революционного пожара, стало приоритетным.

Подбор и публикация документов осуществлялись уполномоченными И. А. Залкиндом и Е. Д. Поливановым, а также секретарем Комиссариата матросом Н. Г. Маркиным. Под их руководством работали присланные правительством переводчики, шифровальщики с Балтийского флота, писари из Морского главного штаба и другие технические работники[414]. Как правило, все они не имели опыта работы с дипломатическими документами, что оборачивалось нелепыми ошибками в переводах.

Какой-либо систематизации документов при их выявлении и публикации не происходило. Важным договорам нередко сопутствовали малозначимые телеграммы и служебные записи. Критерием к опубликованию, по признанию Залкинда, являлось свидетельство «о какой-либо антантовской, германской или царистской мерзости»[415].

В ряде случаев по причине исключительной важности предпринятой пропагандистской акции участие в отборе документов прини-

---

[413] *Кантарович Б.* Указ. соч. С. 51; Десять лет советской дипломатии (Акты и документы.). М., 1927. С. 3–5.

[414] *Зарницкий С., Трофимова Л.* Указ. соч. С. 8, 13–14.

[415] *Залкинд И.* Указ. соч. С. 56–57.

мал лично В. И. Ленин[416]. Всего в рамках кампании было предано гласности более 100 договоров и других дипломатических документов. Некоторые из них были опубликованы в прессе. Другая часть увидела свет в виде семи отдельных сборников, напечатанных в типографии бывшего царского МИД.

Обнаруженные секретные договоры для начала было решено напечатать большевикам в прессе.

9 (22) ноября 1917 г. газета «Известия» сообщила, что согласно заявлению, сделанному главой НКИД Троцким на заседании ЦИК накануне, с 9 ноября Комиссариат приступает к опубликованию секретных дипломатических документов[417].

Демарш Троцкого не остался незамеченным в представительствах стран Антанты. На состоявшейся в Петрограде встрече послы этих государств договорились, что, в случае выполнения наркомом его обещания, какие-либо контакты с большевистским правительством станут невозможными. Принятое решение было доведено до советской власти через советника французского посольства[418].

Тем не менее, угроза не подействовала. 10 (23) ноября 1917 г. в «Известиях», «Правде» и в ряде других изданий была напечатана первая партия секретных материалов, которая предварялась обращением Троцкого. Нарком подчеркнул, что начиная публикацию секретных документов, РСДРП(б) тем самым выполняет обязательство, которое партия приняла на себя во время нахождения в оппозиции. Кроме того, Троцкий констатировал, что именно империализм «с его мировыми захватными планами и хищническими союзами и сделками довел систему тайной дипломатии до высшего развития». И далее разъяснялись задачи, которые преследуются обнародованием секретных договоров. Главная из них, как говорилось в обращении, состоит в том, чтобы доказать, что капиталистическая дипломатия ставит те же цели, что и империализм, «который истощает и разрушает народы Европы». Столь же важной задачей является и то, чтобы русский народ и народы Европы и всего мира могли узнать правду о злодеяниях, которые тайно замышлялись против них финансистами, промышленниками, парламентариями совместно с дипломатическими агентами.

Тайной дипломатии империалистических государств в своем обращении Троцкий противопоставлял «народную, действительно демократическую внешнюю политику», проводить которую ведомство и ставило своей задачей. Свидетельством этого являлся призыв ра-

---

[416] *Зарницкий С., Трофимова Л.* Указ. соч. С. 15; *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году // Международная жизнь. 1927. № 10. С. 15.

[417] Известия. 1917. 9 ноября (№ 220).

[418] *Зарницкий С., Трофимова Л.* Указ. соч. С. 16.

боче-крестьянского правительства ко всем воюющим государствам немедленно заключить перемирие.

Поскольку публикуемые документы касались в основном негативных сторон отношений России со странами Антанты, то у мировой общественности могло сложиться мнение, что политика Германии и Австро-Венгрии выгодно отличается от политики союзных царскому правительству Англии и Франции. Во избежание возникновения такого впечатления Троцкий заявлял, что «методы тайной дипломатии также интернациональны, как империалистическое хищничество». И далее, обращаясь к правительствам Германии и Австро-Венгрии, он отметил, что советское правительство намерено «вскоре представить на суд общественного мнения секретные документы, достаточно ярко трактующие дипломатию Центральных империй». Более того, был сделан и намек на грядущую в Германии пролетарскую революцию. «Когда германский пролетариат, – подчеркивал Троцкий, – откроет себе революционным путем доступ к тайнам своих правительственных канцелярий, он извлечет оттуда документы, ни в чем не уступающие тем, к опубликованию которых мы приступаем»[419].

Тем не менее, угроза не была приведена в действие. Документы, напрямую дискредитирующие германское и австро-венгерское правительства, остались неопубликованными. И это не случайно. Особого подхода к Германии требовали предстоящие сепаратные переговоры о мире.

Публикация секретных документов в прессе началась 10(23) ноября 1917 г. В этот день читатели «Известий» получили возможность познакомиться с рядом телеграмм, направленных последним министром иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко российским послам в Великобритании и Франции. В них содержалась информация о ситуации в России, о привлечении союзников к более активному решению российских финансовых вопросов и др. Увидели также свет документы периода министерства С. Д. Сазонова (1910–1916) относительно судьбы Черноморских проливов, Константинополя, Эльзаса и Лотарингии, о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане, на Ближнем Востоке.

Газетные публикации различных внешнеполитических документов, появившиеся 10(23) ноября 1917 г., были рассчитаны на внутреннего читателя. Публикация же секретных дипломатических документов, включенных в семь сборников, предназначалась, скорее всего, для международной общественности. Таковыми были, например, преданные гласности секретные статьи русско-японского соглашения, заключенного 20 июня (3 июля) 1916 г. сроком на 5 лет. Здесь

[419] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 21–22.

же был напечатан ряд договоров, подписанных весной 1916 г. представителями Франции, Великобритании и России о разделе азиатской Турции, отразившие борьбу дипломатии союзников в 1914–1915 гг. вокруг Константинополя и Черноморских проливов. Чрезвычайно насыщенный период публикаторско-пропагандистской работы завершился уже в феврале 1918 г.[420].

Нейтральная пресса ряда государств перепечатала обнародованные документы на своих страницах, что усиливало значение пропагандистской акции НКИД. Но были и противники распространения подобной информации. Так, например, сотрудники западных посольств скупали крамольные, по их убеждению, газеты, а бывший товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов, заявил в печати о сомнительном происхождении договоров, оказавшихся в руках новых хозяев МИД. Правда, впоследствии царский чиновник признал, что среди публикаций могли оказаться и подлинные документы[421].

При всем этом шок от первого шага пропагандистской деятельности НКИД был достаточно сильным. Газетные публикации внешнеполитических документов царского и Временного правительств, как и их обнародование в сборниках, способствовали дальнейшему углублению революционного духа российского общества. Для внутренних и внешних врагов они подтверждали, что о возвращении к прошлому не может быть и речи. По характеру действия эту акцию можно сравнить с расстрелом российского императора Николая II и его семьи 17 июля 1918 г. По этому поводу Троцкий в своем дневнике от 9 апреля 1936 г. писал: «Казнь царской семьи нужна была не только для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди либо полная победа, либо полная гибель»[422].

Известный американский журналист Джон Рид, являвшийся очевидцем Октябрьской революции и автором книги «Десять дней, которые потрясли мир», по воспоминаниям его современников, оценил эту акцию НКИД следующим образом: «Большевики потрясли мир. Новый народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий, в свою очередь, привел в замешательство министров иностранных дел всего мира, придав гласности целую партию секретных договоров, которые свидетельствовали о том, как ведущие державы договаривались между собой о разделе послевоенной Европы. Кое о чем боль-

---

[420] Позднее серьезным подтверждением открытости советской внешней политики в период переговоров о перемирии и мире в Брест-Литовске с Германией и ее союзниками должна была послужить публикация в газетах «Правде» и «Известиях» не только стенограмм конференции, но и нот и заявлений о мире, адресованных союзникам.

[421] Красный архив. 1924. № 6. С. 220.

[422] www.belrussa.ru/page-id-1774.html.

шевики догадывались, но в целом все это оставалось тайной до момента публикации секретных документов»[423].

В действительности публикация была важной частью пропагандистской кампании: разоблачение закулисных антинародных договоренностей правительств означало и призыв к их свержению.

Международный резонанс публикации секретных документов нашел отражение в одобрении действий Советов со стороны ряда профсоюзных и социалистических организаций. В конце 1917 г. проходившая в Клермон-Фероне конференция французской Всеобщей конфедерации труда одобрила резолюцию, осуждавшую тайную дипломатию. В начале 1918 г. британская социалистическая партия в обращении к конференции лейбористов в Ноттингеме подтвердила, что предпринятые советами шаги разоблачают закулисную дипломатию Антанты[424].

В целом же эффект от придания гласности секретных договоров, компрометирующих воюющие державы, не мог стать детонаторов пролетарской революции на Западе. Этому препятствовали два разных по силе воздействия обстоятельства. Во-первых, трудящиеся этих стран уже добились создания профсоюзов и партий, защищающих их права, а также реализации буржуазно-демократических свобод. В своем большинстве они были далеки от революционных действий, и критика правительства не означала готовности к его свержению. Помимо этого, в условиях войны страна, покинувшая поле боя, не могла вызвать особых симпатий у народов ее прежних союзников. И, во вторых, практически с первых дней существования НКИД под его контроль была поставлена вся переписка иностранных дипломатических миссий со своими правительствами[425], что не исключало и ее изъятие. Такой подход являлся нарушением норм международного права и не способствовал элементарному росту доверия к Советскому государству со стороны зарубежных стран. Кроме того, в результате подобных действий Советов в значительной степени перекрывался важный канал информации как для правительств Запада, так и для широкой общественности. Не случайно первое время после Октябрьской революции представления на Западе о событиях в России были не только противоречивыми, но и не соответствующими действительности.

Нельзя не сказать о том, что для правящих кругов западного мира, включая США, Октябрьская революция и первые шаги деятельности советского НКИД послужили предостережением и осно-

---

[423] https://spiritofcontradiction.eu/yeksmesh/2015/06/09/trotsky-and-ttip-how-secret-diplomacy-serves-elite-interests.

[424] История дипломатии. Т. П. Дипломатия в новое время 1872–1919 гг. М., 1945. С. 306.

[425] Там же.

ванием для совершенствования «системы, управляющей миром». Со всей очевидностью это нашло отражение в суждениях американского президента Вудро Вильсона и подготовленных им знаменитых «14 пунктах», которые он изложил в послании Конгрессу 8 января 1918 г. В книге С. Бекера «Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир»приводится примечательное высказывание президента о большевизме: «Яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами»[426].

Пункт первый «14 пунктов» и явился ответом президента на публикацию, предпринятую Советами. В нем говорилось: «Открытые мирные договоры, открыто обсужденные, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия всегда будет действовать откровенно и на виду у всех»[427].

Таким образом, на первом этапе своей деятельности НКИД пытался стимулировать развитие мировой революции путем опубликования документов тайной дипломатии царского и Временного правительств. Советская власть декларировала всему миру, что в России возврата к прошлому нет и не может быть. Мировому пролетариату был брошен призыв к свержению правительств, предавших интересы своих народов. Однако ожидаемого эффекта не произошло. Рабочий класс западных стран не был готов к революционным действиям. В свою очередь американский президент В. Вильсон заимствовал у Советов идею открытой дипломатии и провозгласил ее в знаменитых «14 пунктах», ставших, помимо прочего, и альтернативой разработанному В. И. Лениным Декрету о мире.

Мирослав Радивоевич

Русская революция 1917 года и Сербия[428]

Аннотация. Перемены, произошедшие в 1917 г, во многом оказали влияние и на Сербию. Ее ближайший военно-политический союзник увяз в череде внутренних потрясений. Дипломатией России руководили политики, которые либо придерживались противоречи-

[426] *Бекер С.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923. С. 121 // https://www.ozon.ru/context/detail/id/19383961.

[427] https://ru.wikipedia.org/wiki.

[428] Публикуемая статья является результатом исследования, выполненного в рамках проекта Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия «Сербская нация – интеграционные и дезинтеграционные процессы» (Рад је настао као резултат истраживања на пројекту Министарства просвете, науке и технолошког развоја «Српска нација – интегративни и дезинтегративни процеси». Ев. бр. 177014).

вых взглядов в отношении Сербии, либо не интересовались этим вопросом вообще. По мере ослабления позиции Петрограда инициативы, направленные на помощь Сербии, так же становились все менее успешными. Приход большевиков к власти в России изменил характер сербско-русских отношений.

Ключевые слова: российско-сербские отношения, внешняя политика в 1917 г., югославский вопрос, Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев, Никола Пашич, Павел Милюков, Мирослав Спалайкович.

The Russian Revolution of 1917 and Serbia

Abstract. The changes that came in 1917, in many ways, had an impact on Serbia. Its closest military-political ally was stacked in a series of internal turmoils. Russian diplomacy was led by politicians who either had conflicting views on Serbia, or were not interested in that issue at all. As the position of Petrograd weakened, initiatives aimed at helping Serbia were also becoming less successful. The Bolsheviks' coming to power in Russia changed the character of the Serbian-Russian relations.

Keywords: Russian-Serbian relations, foreign politics in 1917, Yugoslav questions, Volunteer Corps of Serbs, Croats and Slovenes, Nikola Pašić, Pavel Milyukov, Miroslav Spalajković.

В начале XX века царская Россия была главным внешнеполитическим союзником Королевства Сербия. Такая ориентация отвечала возросшим интересам Петербурга к Балканам. После Балканских войн министр иностранных дел С. Сазонов назвал Сербию «единственным верным союзником» России на полуострове[429]. В 1914 г. Российская империя вступила в войну, чтобы защитить Сербию и тем самым спасти ее от гибели. Защищая своего «маленького союзника» от разорения, Россия одновременно защищала свои собственные интересы и репутацию великой державы. Кроме того, Сербии была предоставлена возможность бороться за выживание и за достижение своих военных целей[430]. Во время Великой войны Россия оказывала Сербскому королевству значительную дипломатическую, финансовую, материальную, военную и гуманитарную помощь.

Поэтому очевидна причина беспокойства, возникшего во временной ставке сербского правительства на острове Корфу, по поводу начавшихся в России в марте 1917 г. событий. С трона крупнейшего славянского государства был свергнут царь Николай II, который считался

[429] Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914 (далее – ДСПКС). Књ. VI. Св. 3 / Прир. К. Џамбазовски. Београд, 1983. № 488.

[430] См: *Радивоевич М.* Вступление России в Первую мировую войну. Отклики и реакция в Сербии (июль–август 1914 г.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 1. 2016. S. 159–170.

защитником сербского народа. По сообщению французского посланника, главу правительства и министра иностранных дел Сербии Николу Пашича встревожили первые сообщения о перевороте. Государственный деятель, который в своей политике на протяжении 40 лет полагался на русского царя, теперь испытывал состояние опустошенности. И не он один. Русский военный агент в Сербии генерал Виктор Артамонов писал, что все сербы жалеют царя и боятся за свое будущее. Военный атташе в Петрограде Бранислав Лонткиевич в последней официальной беседе с бывшим монархом 20 марта поблагодарил его за все, что он сделал для Сербии. Он сказал, что сербский народ никогда не забудет 1914 г., когда царь поднял «свой мощный голос» в его защиту, а также помощь сербской армии во время перехода через Албанию. Николай пояснил, что обстоятельства сложились таким образом, что ему пришлось отказаться от престола, чтобы довести войну до победного конца. Он еще раз выразил сочувствие Сербии и попрощался со словами: «Бог милостив, пусть защитит сербский народ»[431].

Изменения были действительно серьезными. Состав Временного правительства не позволял сербам питать больших надежд. Министром иностранных дел стал известный болгарофил Павел Милюков[432]. Информируя сербского посла в Петрограде Мирослава Спа-

[431] Архив Србије (АС). Министарство иностраних дела. Политичко одељење (ПО). 1917. Ролна 526. Фасцикла IX. Досије 2. Л. 93; РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 1. Л. 24; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 357–358.

[432] Еще до начала Первой мировой войны П. Милюков поддерживал Болгарию в ее желании пересмотреть свое территориальное положение на Балканах. Как член комиссии фонда Карнеги Милюков стремился приписать Сербии все известные зверства и военные преступления, совершенные в ходе Балканских войн. Известно, что Милюков получал напрямую от представителей болгарской власти и других болгарских организаций материалы, предназначенные для пропаганды среди представителей русской общественности. Официальная газета партии кадетов «Речь» изобиловала проболгарскими текстами. В начале Первой мировой войны эта газета на некоторое время попала под запрет из-за того, что в ней вышла статья Милюкова, в которой он высказывался за невмешательство России в противостояние между Австро-Венгрией и Королевством Сербия. Милюков и сам признавал свою любовь к болгарам, когда в своих «Воспоминаниях» упоминал о встрече с лордом Эдуардом Греем в ходе визита русской делегации в Великобританию в 1916 г. Беседуя с Греем, Милюков заявил, что война началась из-за «сербской мании величия». Тогда же, отстаивая интересы Болгарии, он высказал о том, что Болгарии в качестве уступки следовало бы выделить территорию за счет ее западного соседа. АС. МИД ПО. 1914. Р. 416. Ф. IV. Д. 6. Л. 384–385, 395–397; ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 36–42; Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1688, 1689, 1692, 1693, 1694, 1695, 1711, 1712, 1716, 1717, 1720, 1724; Дипломатически документи по намьсата на България въ европейската война 1913–1915. София, 1920, № 139, 142; ДСПКС. VI–3. № 285, 332; VII–1, № 164, 269; *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 211–212; *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. М., 2014. С. 71–72; *Радивојевић М.* Бугарска и јужна Србија уочи Првог светског рата // Лесковачки зборник. LV. 2015. С. 26; *Стателова Е, Попов Р, Танкова В.* История на българската дипломация 1879–1913 г. София, 1994. С. 484–485.

лайковича о произошедших в России изменениях, 20 марта он выразил желание поддерживать тесные узы дружбы и сотрудничества между двумя странами. Он также заверил, что отношение России к Сербии останется прежним. После того как престолонаследник Александр выразил свое одобрение, 29 марта Пашич сообщил Спалайковичу, что Сербия признает новое правительство. В первой телеграмме Милюкову Пашич выразил свои чувства, «которые тесно и неразрывно связаны с Россией». Тем не менее, он не преминул упомянуть о «возвышенном акте патриотизма» императора, который отказался от трона, чтобы сохранить единство всего русского народа. Сербия, «как подлинно демократическое славянское государство», приветствовала демократическую Россию и пожелала ей превзойти в силе старое самодержавное государство[433].

Милюков заверил сербские официальные круги в благих намерениях и обещал помочь им в достижении военных целей, в первую очередь – в осуществлении югославской программы. На торжественном приеме дипломатических представителей союзных стран в начале апреля Милюков обещал, что сербские национальные устремления будут поддержаны. Интерес Европы и России заключался в том, чтобы Сербия получила границы, в которых бы она смогла стать оплотом борьбы против германской экспансии, смогла бы защитить себя от любого вторжения. В беседе с сербско-хорватской делегацией Александра Белича и Анте Мандича Милюков сказал, что один из принципов русской революции – способствовать тому, чтобы югославское объединение осуществилось в максимальном объеме. Премьер-министр князь Львов отметил, что свободу, предоставляемую другим угнетенным народам, нужно обеспечить в полном смысле этого слова и сербско-хорватско-словенскому народу[434].

Это был новый подход к решению югославского вопроса, тогда как царское правительство не одобряло и не принимало идею объединения православных сербов с католиками хорватами и словенцами. Сазонов только летом 1915 г., когда прилагались все усилия по привлечению Болгарии на сторону Антанты, согласился на объединие с хорватами, но только в случае, если они решат это сделать добровольно. Прибытие Бориса Штирмера в августе 1916 г. частично изменило позиции императорского правительства. В меморандуме об условиях мира с Австро-Венгрией и Германией он допустил возможность аннексии Боснии, Хорватии, Славонии, части Далмации и Истрии со стороны Сербии. Объединение было бы все же неполным, поскольку он не упомянул Словению. Шла речь и о Черногор-

[433] АС. МИД ПО. 1917. Р. 526. Ф. IX. Д. 2. Л. 87, 87 об, 90–92, 94, 94 об, 101–107 об.

[434] Там же. Л. 109–110, 115–116, 124–124 об, 126, 134–135; МИД. Строго поверљива архива (СПА). 1917. № 46; Дипломатска преписка Српске владе 1917 године. Збирка докумената / Приредили М. Зечевић, М. Милошевић. Београд, 1991. № 22.

ском государстве и его территориальных завоеваниях. Объединение Сербии и Черногории могло быть достигнуто только при условии согласия династий Карагеоргевичей и Петровичей. Отношение Временного правительства к объединению, таким образом, существенно изменилось[435].

Внутренняя нестабильность России поставила вопрос о дальнейшем ее участии в войне. Для Сербии это было очень важно, потому что русская поддержка в прошлом неоднократно обеспечивала ей помощь союзников по Антанте. Верность Временного правительства союзным обязательствам была хорошей новостью. Милюков поддерживал положение, которое высказывало сербское правительство на Корфу, что окончательная победа не может быть достигнута только на главных фронтах. Он и новый главнокомандующий русской армии генерал Михаил Алексеев обещали поддержку в укреплении Салоникского фронта, где тогда сражалась сербская армия[436].

Настораживало, однако, то, что Милюков еще в декабре 1916 г. в парижском «Журнале» указывал на несправедливость Бухарестского мира (1913), а теперь вдруг стал благожелателен к Сербии. Пашич сообщал Спалайковичу, что существует опасность того, что русские в качестве посланника на Корфу могут послать кого-нибудь болгарофила, который будет снова склонять сербов к соглашению с Софией. Однако после преступлений болгар в Южной Сербии и Македонии какое-либо соглашение с ними вряд ли было возможно, поэтому рекомендовалось поддерживать с Милюковым хорошие отношения, но следить за его закулисной деятельностью, особенно в том случае, если болгары пошлют к нему своего уполномоченного. Спалайкович пристально следил за Милюковым, который в тот момент был занят внутренними проблемами. Было неясно, к какому решению Милюков может прийти, когда ситуация изменится[437].

Недоверие к Милюкову имело под собой реальные основания, так как он не отказывался от того, что Болгарии должны быть предоставлены «естественные границы». На самом деле он вступил в тайные переговоры с Болгарией для заключения сепаратного мира, определив сербские территории в Македонии в качестве разменной монеты. Существовало три надежных канала, по которым Милюков пытался вступить в переговоры с болгарами: через посланника в Берне и русскую разведывательную службу в Швейцарии, через посланника в Христиании, и через русского консула в Салониках, ко-

---

[435] *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 168–177; ГАРФ. Ф. 499. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1–2 об; Ед. хр. 118. Л. 1–2 об.

[436] АС. МИД ПО.1917. Р. 526. Ф. IX. Д. 2. Л. 88; МИД СПА. № 52; Дипломатска преписка. № 61, 142, 143, 148, 153; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 382.

[437] АС. МИД ПО. 1917. Р. 526. Ф. IX. Д. 2. Л. 89, 110, 128; АС. Поклони и откупи. Кутија II. № 84; Дипломатска преписка. № 62.

торый отправил пять болгарских военнопленных с письмами к политикам-русофилам в Софии. Помимо уже упомянутой болгарофилии Милюкова, такое поведение главы русского МИД также объяснялось близостью Болгарии к Константинополю[438].

Но счастливая звезда Милюкова сияла недолго. В начале мая 1917 г. его сменил благосклонно настроенный по отношению к Сербии Михаил Терещенко. Новый министр был неопытен, потому Спалайкович думал, что сможет повлиять на него и в конечном итоге склонить на свою сторону. В определенной степени ему это удалось: Терещенко взялся добиваться изменения договоров с Румынией и Италией, которые не были выгодны Сербии. Милюков, напротив, беспокоясь за статус проливов, боялся любого изменения договоров с союзниками. В конце концов, именно это явилось одной из причин его отставки на фоне усиления влияния левых сил. Однако вопрос о том, насколько сербы могут рассчитывать на помощь России, оставался открытым. Внутренняя анархия, военные неудачи и при этом активная деятельность большевиков привели к ослаблению внешнеполитических позиций Петрограда. Поэтому результаты деятельности Пашича в вопросах пересмотра союзных договоров и усиления Салоникского фронта при поддержке России были существенно ограничены. Россия не имела достаточного влияния на румынского премьер-министра Братиану, отказавшегося обсуждать разграничение в Банате непосредственно с сербской стороной. Усилия генерала Алексеева также не принесли должного результата. Не снискав успеха на поле брани, румыны крепко держались за свои территориальные приобретения[439].

Ослабление России в значительной степени повлияло на преобладание югославской концепции будущего государства, что подтверждает, к примеру, Корфская декларация. Сербия, утратив влиятельное международное лобби в Петрограде, искала другие точки опоры. Одной из таких точек был Югославянский комитет, состоявший из сербских, хорватских и словенских политических эмигрантов, покинувших Австро-Венгрию. Устанавливались и развивались дипломатические связи со Скандинавией и США, куда были впервые отправлены посланники. В середине марта русский посланник в Афинах выступил с инициативой о дополнительной отправке на Балканы солдат и расширении двух русских бригад до размеров воен-

---

[438] Дипломатска преписка. № 65, 151, 296; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 354–357.

[439] АС. МИД СПА. 1917. № 17; Дипломатска преписка. № 19, 28, 35–36, 63–64, 67, 69, 83–84, 88–91, 114, 159, 175; *Бајин З.* Мирослав Спалајковић (1869–1951). Биографија. Неопубл. канд. дисс., защищенной на Философском ф-те Белградского университета. Београд, 2016, 298–301; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 363–364, 369–374, 376–381, 383–389.

ного корпуса. Тем самым Россия выразила бы явную поддержку Сербии и способствовала бы упрочнению позиций нового сербского правительства. В поддержку этой идеи выступил русский посол в Париже Александр Извольский, однако ей было не суждено сбыться из-за сопротивления французского Верховного командования. Со своей стороны сербские политики и военные искали возможности переправить на Салоникский фронт солдат даже из Японии[440].

Вместе с тем, русское общество все больше погружалось в пучину внутренних проблем, а внешняя политика и итоги войны интересовали его все меньше. В качестве доказательства можно привести весьма характерное свидетельство из дневника деятеля русской эмиграции Бориса Карамзина, который писал, что когда Спалайкович выступал на одном из банкетов и в зал вошел Александр Керенский, последнего встретили шумными овациями, а в голове автора промелькнуло: «Кто же теперь будет слушать этого Спалайковича?». Будучи превосходным наблюдателем, Карамзин старался запечатлеть все, что сопровождало появление «вдохновенного лидера российского народа», вплоть до малейшей детали. Он подробно пишет, как Керенский, нервно ломая пальцы левой руки, давал инструкции своему адьютанту, переговаривался с Милюковым, не обращая на Спалайковича ни малейшего внимания. А тот, пишет Карамзин, продолжал читать со сцены свою нудную брошюру о разграбленной и разоренной Сербии...[441]

Трудности с Добровольческим корпусом, состоящим из австро-венгерских военнопленных сербов, хорватов и словенцев на территории России, продолжились в 1917 г. Дело дошло до сокращения численности формирования и появления так называемого «диссидентского движения». Огромную роль в этом сыграла большевистская пропаганда, а также деятельность членов организации «Черная рука». Значительная часть входящих в нее офицеров Добровольческого корпуса оказалась в России и была принята в ряды ее армии. Некоторые чиновники в Петрограде и часть офицерства негативно оценивали то, как сербское правительство расправилось с этой тайной организацией. В особенности были раздосадованы Терещенко и князь Львов, потому что их прошение о помиловании осужденных было оставлено без внимания. Русский военный атташе при сербском главнокомандовании назвал этот судебный процесс «большой и непоправимой политической ошибкой Королевича и его людей». Вследствие проблем с добровольцами сербские официальные круги

[440] АС. МИД Југословенски одсек (ЈО). 1917. № 1163; МИД ПО. 1917. Р. 521. Ф. VI. Д. 4; МИД СПА. 1917. № 477–478, 484; Посланство Петроград (Пс). Политичко одељење (П–По). 1917. Ф. I. Р. 32; Дипломатска преписка. № 138, 141; *Ostojić-Fejić U.* Sjedinjene Američke Državei Srbija 1914–1918. Beograd, 1994.

[441] Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 1. Е–73. Л. 4–5.

добивались перевода армейских частей на Салоникский фронт. В конце лета 1917 г. им все же удалось получить на это разрешение, хотя часть русского офицерства требовала перевода военных на Румынский фронт. С другой стороны, были предприняты попытки задержать две российские бригады, которые воевали под сербским командованием в Македонии[442].

Приход большевиков к власти в России изменил характер сербско-русских отношений. Пашич и на этот раз не хотел полностью отказываться от сотрудничества с Петроградом. Он уже направлял в Россию сербских социалистов, среди которых были Франя Маркич и Мия Радошевич, а также черногорского синдикалиста Петра Никезича. Работал в посольстве Сербии в России и Радослав Йованович, человек из ближнего круга Пашича, который, впрочем, показал, что ему близки идеи новой власти. Таким образом, Пашичу даже удалось установить контакт с большевиками. Наблюдая за развитием событий, он планировал разыграть и эту карту. Но судьба распорядилась иначе. Позиция нового правительства по вопросам заключения мира шла вразрез с политикой Антанты, ориентированной на победу в войне и лояльность Сербии как военного союзника. Подразделения Дополнительного батальона Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев, дольше остальных задержавшиеся в России, в 1918 г. были поставлены под командование союзников, сражавшихся на севере, в районе городов Кемь и Кандалакша. Они проводили зачистки небольших групп большевиков и, следовательно, находились на стороне контрреволюционеров. В ходе Гражданской войны в России, сербы сражались по обе стороны фронта. Но «генеральная линия» внешней политики Сербии оставалась неизменной и следовала военным целям Тройственного союза[443].

Перемены, пришедшие в Россию в 1917 г., во многом оказали влияние и на Сербию. Ее ближайший военно-политический союзник увяз в череде внутренних потрясений. Дипломатией России руководили политики, которые либо придерживались противоречивых взглядов в отношении Сербии, либо не интересовались этим вопро-

---

[442] Архив Југославије (АЈ). Ф. 335. Ф. 6. Оп. 27. Л. 23–26; Ф. 57. Оп. 1; Ф. 80. Ф. IX. Оп. 44. Л. 135, 230; 80–XI–51. Л. 319–321, 325, 329–330; АС. Министарство војно. 1917; МИД СПА. 1917. № 286; ГАРФ. Ф. Р8296. Оп. 1. Ед. хр. 55; Пс. П–По. 1917. Ф. I. Р. 24–26, 28, 83; Војни архив (ВА). Пописник 16. Кутија 1. Ф. 5–6; К. 5. Ф. 2–5; РГВИ. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3084; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 684–686; Ф. 15237. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12; Дипломатска преписка. № 168, 171, 178, 182–183, 185; *Бајин З.* Мирослав Спалајковић. С. 303–309; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 387, 389–425.

[443] АЈ. Ф. 375. К. I. Деловодни број 1355, 1370, 1399; К. III. Дбр. 2032, 2240; К. III. ДБР. 2601; Архив Српске академије наука и уметности. 9829–9868; ВА. П. 10. К. 7 Ф. 1. № 1; ГАРФ. Ф. Р1235 Оп. 2. Ед. хр. 18; Дипломатска преписка. № 102, 188–189, 305–306, 308; *Бајин З.* Мирослав Спалајковић. С. 322–323; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије. С. 429–472.

сом вообще. По мере ослабления позиции Петрограда, инициативы, направленные на помощь Сербии, также становились все менее успешными. Анархия и совершенная свобода действий для вражеских агентов сослужили дурную службу и сербским военным подразделениям, находившимся в России. Перемещение Добровольческого корпуса на Салоникский фронт в условиях полного брожения на восточном театре боевых действий означало окончательный отказ от планов освобождения Сербии с востока при помощи русской армии. Не отказываясь в полной мере от опоры на Россию, Сербия, тем не менее, стала рассматривать и альтернативные возможности, хотя сохранялась надежда на то, что большой славянский союзник восстановит былую мощь. Приход большевиков к власти поставил точку на планах Сербии и далее опираться на Россию, хотя Никола Пашич, предпочел бы видеть здесь многоточие...

Романова Е. В.

Революционная Россия как союзник? Взгляд из Великобритании

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды британских государственных деятелей на развитие ситуации в России в феврале–октябре 1917 г. Показано, что революционные процессы анализировались прежде всего с точки зрения их реального и потенциального влияния на ход мировой войны, выявлены факторы, определявшие содержание британской политики в отношении России в указанный период.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, Февральская революция, Октябрьская революция, англо-русские отношения.

Was Revolutionary Russia an ally in the War? A view from the UK

Abstract. The article deals with British statesmen's views on the situation in Russia between February and October 1917. It shows that the revolutionary processes were analyzed primarily in connection with their actual and potential influence on the course of the world war, reveals the factors that determined the substance of British policy towards Russia in the abovementioned period.

Keywords: First World War, Entente, February Revolution, October Revolution, Anglo-Russian relations.

В оценке британским политическим и военным руководством России как союзника на всем протяжении Первой мировой войны

присутствовала некоторая степень неопределенности. Документы этого периода отражают посещавшие британских государственных деятелей сомнения в способности России эффективно поддерживать военные усилия, опасения заключения ею сепаратного мира с Германией, неуверенность в том, как будут складываться отношения между двумя странами после войны. На подобных особенностях восприятия сказывались долгая традиция соперничества и сохранявшиеся противоречия в интересах Лондона и Петрограда, различие политических режимов и культур, не способствовавшее росту доверия между правительствами двух стран, географические реалии, исключавшие в ходе войны прямые контакты на уровне военного командования и политического руководства[444].

Нарастание политического кризиса в России к концу 1916 г. и разразившаяся в 1917 г. революция лишь обострили ощущение непредсказуемости в отношении дальнейшего хода событий. Как британским представителям в Петрограде, так и государственным деятелям, находившимся в Лондоне, крайне сложно было дать определенные ответы на вопросы о перспективах развития ситуации в России и продолжения ее участия в войне. На революцию в России смотрели с разных точек зрения. В публицистике появлялись метафоры войны – вулкана, сметающего все на своем пути; революционная Россия рассматривалась как страна, делавшая заявку на то, чтобы встать во главе «экспериментального социализма»[445]. Однако для военных и политиков главной задачей момента являлась победа в войне. Прежде всего с этих позиций они оценивали происходившее в России.

Признание важной роли России в союзе и стремление сформировать более полное представление о ее состоянии в условиях, когда в европейские столицы поступала информация об ухудшении экономической и политической ситуации, повлияли на выбор Петрограда в качестве места проведения межсоюзнической конференции, состоявшейся в начале 1917 г. Насущной задачей британского руководства являлась оценка настроений правящих элит Российской империи, способности русской армии к эффективному ведению военных действий, целесообразности ее снабжения разными видами вооружения и объемов необходимых поставок.

Выводы главы британской делегации А. Милнера и главного военного представителя Г. Вильсона могут быть сведены к заключениям о верности России союзническому долгу, о том, что русская армия про-

---

[444] См. подробнее: *Романова Е. В.* Россия в британской стратегии // Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014. С. 115–164.

[445] *Dillon E. J.* The Russian Upheaval // Fortnightly Review. 1917. Vol. 101. № 605 (May). P. 727; *Shadwell A.* The Coming Revolution // Nineteenth Century. 1917. Vol. 82. № 485. P. 40–41.

должит удерживать Восточный фронт, и в то же время о сомнительных перспективах ее успешного наступления, о целесообразности военных поставок и поддержания в России штата британских военных советников, занимающихся вопросами организации доставки вооружения на фронт, его обслуживания и обучения личного состава[446].

Неудивительно, что важное место в отчетах британских представителей заняла оценка общественно-политической ситуации в России. Еще до отъезда в Петроград британские делегаты получали информацию о надвигавшейся революции и даже о возможном свержении царя[447]. Однако, по словам британского посла в Петрограде Дж. Бьюкенена, «заседания конференции совпали с временным улучшением во внутреннем положении, причем явные, видимые признаки политических потрясений были немногочисленны». Этим британский дипломат объяснял то, что «союзные делегаты по возвращении в свои страны выражали слишком оптимистические взгляды относительно перспектив развития ситуации в России»[448]. Впрочем, подобный оптимизм разделяли не все участники конференции. Их отчеты, как и свидетельства Д. Ллойд Джорджа, представляют более широкую палитру мнений. В то, что не стоило ожидать революции в ближайшее время, верил А. Милнер. Еще находясь в Петрограде, глава британской делегации извещал Лондон, что избавление от одного или двух непопулярных министров, возможно, позволит избежать серьезных проблем до конца войны[449], а, вернувшись в британскую столицу, заявил, что «никакой революции не будет до окончания войны»[450]. Находя «много преувеличений в разговорах о революции и о якобы [имеющей место] нелояльности армии» (примечательно, что эта фраза содержится в записке, датированной (28 февраля) 13 марта), Милнер в то же время отмечал нараставшее чувство усталости от войны, разочарования, недовольства, предупреждал о возможности возникновения очень серьезных внутренних проблем и отдельных беспорядков. Большей вероятной угрозой британский политик считал не намеренную революцию, а хаос[451].

Другой член британской делегации Д. Дэвис, по свидетельству Д. Ллойд Джорджа, дал диаметрально противоположный прогноз.

---

[446] The National Archives (далее – TNA). Cabinet Papers (Cab.) 24/3/37. Allied Conference in Petrograd. Report by H. H. Wilson; Cab 23/3/36. Allied Conference in Petrograd. A Further Confidential Note by A. Milner dated March 13, 1917.

[447] *Callwell C. E.* Field-Marshal Sir Henry Wilson. His Life and Diaries. Vol. 1. London, 1927. P. 311.

[448] *Buchanan G.* My Mission to Russian and other Diplomatic Memoirs.Vol. 2.London, 1923. P. 55.

[449] TNA Cab 24/143/3. Eastern Report. P. 1.

[450] *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. Ташкент, 1980. С. 163.

[451] TNA Cab 23/3/36.

По возвращении на родину он предупредил премьер-министра: «со дня на день ждите в России революции»[452]. Ллойд Джордж, по собственному признанию, в тот момент был склонен доверять мнению Дэвиса[453]. В отчете о Петроградской конференции Дэвис писал о непредсказуемости развития ситуации в России, вместе с тем прогнозируя весьма высокую вероятность сценария «дворцовой революции», результатом которой стало бы отстранение императора и императрицы от власти[454]. Содержание отчета позволяет заключить, что подобная перспектива представлялась ему скорее обнадеживающей. Отправной точной в данном случае служило утверждение британского политика о том, что «цели и задачи союзников в этой войне несовместимы с идеями, на которых основывается существующая система правительства в России». При этом он ссылался на влияние прогерманской клики при дворе, на невозможность сохранить в тайне от врага готовящиеся военные операции. Но все же однозначного ответа о воздействии революции на ход войны и межсоюзнические отношения британский политик не давал. По его мнению, «все будет зависеть от новых установлений и от того, придет ли «мудрая прогрессивная политика на смену политике репрессий»[455].

В противоположность Д. Дэвису, А. Милнер склонялся к негативной оценке перспектив возможной революции. В цитированной выше записке, он отмечал, что вряд ли революция придаст России дополнительные силы для ведения войны, напротив, ее последствия могут оказаться катастрофическими. «Автократия, – по мнению Милнера, – единственное, что скрепляет Россию, и, хотя это плохая форма правления, потребуется... поколение, чтобы организовать что-то на ее месте»[456]. Как писал еще один британский участник конференции Дж. Кларк, «единственным лекарством от пороков системы управления России» являлся «слом всей машины». «Но это, – замечал британский дипломат, – то, чего мы не можем позволить себе сделать: у нас нет ни времени, ни денег, чтобы создать новую современную машину, а старая... все еще может принести много пользы»[457].

Несмотря на определенный скептицизм, высказывавшийся британскими государственными деятелями и дипломатами в отношении возможной революции в России, в восприятии событий начала

---

[452] *Майский И. М.* Указ. соч. С. 164.

[453] Там же.

[454] TNA Cab. 34/3/42. Allied Conference in Petrograd. Report on Mission to Russia by D. Davis.

[455] Ibidem.

[456] TNA. Cab 23/3/36.

[457] TNA. Cab. 24/3/39. Allied Conference in Petrograd. Report to lord Milner by G. R. Clerk, March 1, 1917.

марта преобладал энтузиазм. Причем, по свидетельству современника, генерал-майора Каллвелла, его разделяли и А. Милнер, и Г. Вильсон. Каллвелл объяснял подобное отношение непониманием масштабов социального взрыва[458]. Возможно, британские деятели увидели в Февральской революции лишь политический переворот, приход к власти более эффективных министров, способных более успешно, чем прежнее правительство, мобилизовать ресурсы России для ведения войны и предотвратить хаос.

Преобладание оптимизма не означало отсутствия мрачных прогнозов. Показательна в этом отношении телеграмма А. Бальфура Дж. Бьюкенену от (4)17 марта. Британский министр иностранных дел высказывал опасения, связанные с развитием политической ситуации в России: «Я боюсь, что, если будет установлена республика, страна и армия расколются на легитимистов и республиканцев, умеренное мнение будет разделенным и беспомощным, экстремисты захватят государственную машину, рано или поздно произойдет насильственная реакция в пользу автократии, а между тем позорный мир будет заключен с Германией»[459]. Впрочем, как и в оценках кануна революции, в телеграмме Бальфура подчеркивалась непредсказуемость развития событий. Он выражал надежду на то, что Россия – «страна сюрпризов», а его страхи, возможно, неосновательны.

О скорой смене первоначального энтузиазма, связанного с революцией, опасениями разложения русской армии и заключения в результате этого сепаратного мира информировал Ставку 9 (22) марта военный агент в Великобритании К. Н. Десино[460]. В Лондоне получали донесения о нестабильности сформированного правительства, росте влияния социалистов и возможном выходе России из войны. Прогнозы оставались неоднозначными на протяжении периода весны–лета 1917 г.: пессимистические оценки ситуации сменялись обнадеживающими и наоборот. Осознание непредсказуемости того, как будут развиваться события в России, являлось одним из факторов, влиявших на выработку британской политики.

Ее определяло также и то, что русская революция рассматривалась в Великобритании не изолированно, а в контексте других событий зимы–весны 1917 г. В их числе секретарь Военного кабинета М. Хэнки в записке от (5)18 апреля 1917 г. называл переход Германии к неограниченной подводной войне, что существенно сокращало возможности британских морских перевозок, отвод германских войск на Западе, отсрочивавший перспективу достижения союзниками решительной победы на этом фронте, вступление в войну США. Обращаясь к ситуации в России, Хэнки допускал и то, что Временное пра-

[458] *Callwell C. E.* Op. cit. P. 327.
[459] TNA Foreign Office Papers (FO) 800/205. P. 49. Balfour to Buchanan, March 17, 1917.
[460] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 123. Десино – Начштаверх, 9 марта 1917.

вительство восстановит дисциплину в армии и фронт будет удержан, и то, что немцы захватят Петроград, и то, что под давлением крайних социалистов будет заключен сепаратный мир. Как бы то ни было, ситуация в России (особенно в случае реализации одного из двух последних сценариев) в совокупности с другими событиями 1917 г. указывала на то, война может затянуться на неопределенный срок. В таких условиях чрезвычайно важной для Великобритании становилась задача правильного распределения ресурсов[461].

Отметим, что в ходе войны Россия и Великобритания являлись союзниками не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. «Одним из наиболее разочаровывающих последствий русской революции» в Отчете комитета по военной политике британского кабинета от (28 июля) 10 августа 1917 г. называлось «ее влияние на турецкий театр [военных действий]»[462]. Ослабление союзника, неопределенность в связи с этим будущего Центральной и Восточной Европы существенно повышали, в глазах ряда британских деятелей, значение сохранения и укрепления собственных позиций на Ближнем Востоке и побуждали британское командование направлять в Месопотамию дополнительные силы.

Сложившаяся ситуация ставила британское руководство перед дилеммой при выработке курса в отношении России: стремление сохранить ее в войне и задача поддержания Восточного фронта требовали продолжения и даже наращивания военных поставок, однако неуверенность в том, что русская армия в 1917 г. сможет сыграть сколько-нибудь значительную роль в войне, и внутренняя нестабильность в России подталкивали к тому, чтобы использовать ограниченные транспортные возможности и ресурсы на других направлениях. Подобная дилемма наметилась еще до революции: так, в преддверии Петроградской конференции начальник Генерального штаба У. Робертсон в инструкции Г. Вильсону увязывал вопрос снабжения русской армии со способностью правительства и командования «должным образом и немедленно использовать то, что мы пришлем»[463]. А весной 1917 г. русские представители в Лондоне констатировали изменение в отношении британских государственных деятелей к России, информировали Ставку о проблемах, с которыми они сталкивались при отстаивании русских требований по вопросам поставок и кредитов[464]. В записке от (29 июня) 12 июля 1917 г. А. Милнер признавал, что британское правительство не выполняло обяза-

---

[461] TNA Cab. 63/20. P. 7–35. by Hankey, April 18, 1917.

[462] TNA Cab. 63/22. P. 13. Report of Cabinet Committee on War Policy. August 10, 1917.

[463] Цит. по: *Jeffery K.* Field Marshal Sir Henry Wilson. A Political Soldier. Oxford, 2006. P. 185.

[464] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 181. Телеграмма от нашего поверенного в делах в Лондоне, 24 апреля 1917; Л. 183. Десино – Начштаверх, 30 апреля 1917.

тельств по поставкам вооружений в Россию. Оправданием служили сомнения в том, что материалы будут должным образом использованы[465]. Как замечал поверенный в делах России в Лондоне «здесь утратили веру в то, что Россия способна оказать содействие в победе над немцами соразмерное с ея Великодержавным положением в среде Союзников... И пока Россия не явит на деле доказательства того, что наша армия по-прежнему способна на подвиг и победу и к ним стремится, до тех пор никакие слова не восстановят поколебленной веры в боевую мощь России и в прочность нового строя»[466].

На протяжении весны–лета 1917 г. вопрос о снабжении русской армии оставался предметом обсуждения в правящих кругах и среди военных экспертов Великобритании. В первой половине июля аргументом в пользу наращивания поставок стало начавшееся летнее наступление русской армии[467]. Некоторые британские деятели, не питая иллюзий в отношении ее боеспособности в 1917 г., не исключали возможности восстановления военной мощи России в 1918–1919 г., что представлялось актуальным, учитывая опасения затягивания войны на неопределенный срок. Несмотря на нарастание внутреннего кризиса, как указывалось в цитированном выше отчете Комитета по военной политике британского Кабинета министров, летнее наступление русской армии привело к переброске германских дивизий с Западного фронта и австрийских с Итальянского – на Русский. Даже удержание фронта характеризовалось как значительный вклад в дело союзников[468]. Приводились и политические соображения в пользу оказания помощи: так, лидер лейбористов А. Гендерсон указывал на необходимость поддержать Временное правительство и не дать возможность большевикам эксплуатировать тему предательства России союзниками[469]. Наконец, в документах этого периода иногда проскальзывала мысль о целесообразности воспользоваться моментом и закрепить позиции Великобритании в экономике России, имея в виду возможную перспективу экономического соперничества с Германией в послевоенный период.

Оценивая способность России продолжать войну, британские деятели уделяли внимание анализу политических сил в русской революции. При этом отношение к ним определялось не только идейными симпатиями и близостью их программ целям союзников, но и оценкой их способности контролировать ситуацию в России. Осознание узости социальной базы либерального движения, а также того факта,

---

465 TNA Cab. 24/19/77. British Assistance to Russia – 1917 Programme. Minute by Milner, July 12, 1917.

466 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 181.

467 TNA. Cab. 24/19/77.

468 TNA. Cab. 63/22. P. 13.

469 TNA. Cab. 24/4/2. British Mission to Russia. Report by A Henderson, July 16, 1917.

что провозглашаемые П. Н. Милюковым цели войны не находили поддержки в массах, побуждало британское руководство обратить внимание на «умеренных социалистов». «Настоятельной необходимостью создать более благоприятное отношение среди русских социалистов и рабочих к политике союзников в войне» объяснялась отправка в Россию миссии А. Гендерсона в конце мая 1917 г. Изначально даже предусматривалась возможность замены им Бьюкенена в качестве британского посла в России. Однако этот проект так и не был реализован. Поддержать умеренных социалистов, к которым причислялись А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, рекомендовали правительству и представители британской разведки, в отчете которой от (24 апреля) 7 мая 1917 г. говорилось: «В интересах обоих союзников (Англии и Франции), чтобы Керенский сохранил свое влияние. В противном случае, если так называемым империалистам удастся ослабить позиции Керенского, огромное влияние приобретут экстремисты: левые и правые. В этом случае нам придется встать на сторону империалистов, что приведет к отторжению от союзников и войны большинства русского народа»[470]. Заслугой Керенского, в глазах Гендерсона, являлось то, что он смог завоевать доверие в Петроградском Совете[471]. Это позволяло поддерживать взаимодействие Совета с правительством и, таким образом, обеспечить некоторую стабильность, которая, однако, оказалась недолговечной.

Конечная неудача летнего наступления, а затем и провал корниловского мятежа привели к углублению кризиса в России. Заместитель британского военного атташе в сентябре 1917 г. констатировал значительное ухудшение ситуации в армии, падение дисциплины, неоднократные случаи жестоких убийств офицеров. Политическая ситуация характеризовалась ростом влияния Петроградского Совета и большевиков в Совете. Британский военный представитель делал вывод о фатальных последствиях неудавшегося мятежа как для России, так и для союзников, предсказывал скорое разложение русской армии[472].

Октябрьская революция открыла новую страницу в англо-русских отношениях. В то же время некоторые наметившиеся ранее тенденции в британской политике сохранялись. Хотя идейная и социально-политическая альтернатива, предложенная большевиками, была неприемлема для британских правящих кругов, в условиях продолжения мировой войны и сохранения неопределенности в разви-

---

[470] Цит. по: *Портнягин Д. И.* Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г. // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Россия в Первой мировой войне. Вып. 3. М., 2013. С. 24.

[471] TNA. Cab. 24/4/2.

[472] TNA. Cab. 24/8/35. General Kornilov Coupd'État, by J. Blair. September 15, 1917.

тии русской революции, британская дипломатия избегала делать ставку на какую-либо одну политическую силу внутри России. До середины 1918 г. в британской политике прослеживается сосуществование двух противоречивых тенденций. С одной стороны, Великобритания оказывала помощь антибольшевистским силам внутри России, а также разрабатывала планы интервенции на ее территории, с другой – не исключала возможности привлечения советского правительства к сотрудничеству на антигерманской основе и перспективы восстановления большевиками Восточного фронта. А. Бальфур подчеркивал, что стремился как можно дольше избегать разрыва с большевиками, в некоторых британских документах Советская Россия фигурировала как потенциально «дружественный нейтрал» или «полусоюзническая» сила[473].

Британская политика претерпела кардинальные изменения в конце июля–начале августа 1918 г. Одной из причин являлось то, что большевистский режим был признан слабым, ему предрекали скорое падение или подчинение германскому контролю. Возможность возвращения России в войну связывалась уже со свержением власти большевиков. Однако недостаток ресурсов, вывод о том, что состояние хаоса и беспорядков в России не позволит Германии извлечь преимущества из условий Брестского мира, а затем и поражение Германии в войне предопределили ограниченный характер британской поддержки антисоветских сил.

Суслопарова Е. А.

Октябрь 1917 года в России в освещении британской прессы

Аннотация. Статья посвящена реакции британской прессы на события октября 1917 г. в России. Автор анализирует, как пресса характеризовала события, как оценивала их причины, какую перспективу России видела в ближайшем будущем. Используется как левоцентристская, либеральная, так и консервативная пресса.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., британская пресса, британское общественное мнение.

---

[473] См. подробнее: *Романова Е. В.* Россия в британской стратегии ведения войны, март 1917–ноябрь 1918 // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 3. С. 27–32; *Она же.* Британская политика на Севере России в первой половине 1918 года // Первая мировая война и Европейский Север России. Материалы международ. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к столетию начала Первой мировой войны)». Архангельск, 2014. С. 257–263.

The October Revolution of 1917 in Russia in the coverage of the British press

Abstract. The article deals with the reaction of the British press on the events of October 1917 in Russia. The author analyses the problems how the press characterized the events, how estimated their reasons, how it saw the perspective of Russia in the nearest future. The left-of-centre, liberal and conservative presswas used.

Keywords: Russian Revolution 1917, British press, British public opinion.

Приход к власти в России большевиков в октябре в 1917 г. имел широкий резонанс в странах Западной Европы. Для одних это событие стало точкой отсчета создания новой цивилизации, для других – трагической страницей истории, поучительным уроком, заставившим по-новому задуматься об использовании более гуманных средств достижения справедливого общественного порядка. Вопрос о том, как свершившиеся в России перемены были восприняты в Великобритании, неоднократно рассматривался на страницах многих англоязычных научных публикаций, а также некоторых отечественных. Среди них можно назвать работы Р. П. Арнота, С. Р. Граубарда, Р. Уллмана С. Уайта, М. М. Карлинера[474]. Материал, представленный на страницах прессы за конец 1917 г., тем не менее, поистине огромен и оставляет историкам спустя сто лет после революционных событий резерв для новых исследований.

Октябрь 1917 г. в России буквально всколыхнул британскую печать. Ежедневные газеты практически в каждом своем выпуске обращались к событиям в Петрограде и Москве, пытались дать оценку происходившему, предугадать дальнейший поворот событий. Несмотря на «калейдоскоп» откликов и редакторских комментариев, в целом можно выделить несколько ключевых тем, так или иначе обсуждавшихся на страницах изданий различной направленности. Во-первых, приход к власти большевиков был однозначно охарактеризован в основной массе британских газет как «переворот», а сами герои событий – как «экстремисты». Так, например, консервативная «Таймс» писала в редакторской статье от 9 ноября о том, что к власти в России пришла «самая экстремистская партия»[475].

---

[474] *Arnot R. P.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967; *Graubard S. R.* British Labour and the Russian Revolution 1917–1924. Cambridge, Mass., 1956; *Ullman R. H.* Anglo-Soviet Relations 1917–1921. Vol. 1. Princeton, N. J., 1961; *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924. London, 1979; *Карлинер М. М.* Октябрьская революция и английская буржуазная печать // Империализм и борьба рабочего класса. Сб. статей памяти академика Ф. А. Ротштейна. М., 1960.

[475] Times. 9.XI.1917.

Аналогичные комментарии присутствовали и в либеральной печати. Например, «Манчестер Гардиан», вслед за консервативной прессой, называла новости из Петрограда «государственным переворотом», а большевиков опять же «экстремистами». В то же время издание леволиберальной направленности «Нейшн», наряду с формулировкой «переворот», периодически использовало на своих страницах и термин «вторая русская революция». Характерно, что слово «экстремисты» в отношении новой власти фигурировало и в социалистическом лейбористском еженедельнике «Лейбор Лидер»[476].

Вторая тема, настойчиво обсуждавшаяся британской прессой в конце 1917 г., касалась происков Германии, способствовавшей приходу к власти В. И. Ленина. Целый ряд газет активно муссировал осенью 1917 г. на своих страницах версию о том, что за произошедшими в России событиями отчетливо виден «немецкий след». Так, например, 9 ноября 1917 г. сообщение о свершившихся в России событиях было размещено в консервативной «Дейли Экспресс» под характерным заголовком: «Немецкая победа». Издание сообщало читателю, что «прогерманские анархисты захватили Петроград». Ленин и его соратники откровенно были названы на страницах газеты «немецкими агентами». В дальнейшем «Дейли Экспресс» неоднократно затрагивала эту тему. «Шутовское правительство предателей, нанятых на немецкие деньги», – так отзывалась газета о большевиках в конце ноября 1917 г.[477]. Не менее активно версию про «немецкий след» отстаивала консервативная «Таймс».

В то же время либеральная, левоцентристская пресса не склонна была за всеми действиями большевиков усматривать «немецкий след». Хотя «Дейли Кроникл и называла Ленина «немецким агентом», «Манчестер Гардиан», например, обращала внимание на то, что большевистская риторика относительно необходимости революционной пропаганды в немецкой армии таит в себе немалую опасность для самого германского милитаризма. Следовательно, это не позволяет утверждать, что «максималисты» являются всего лишь немецкими агентами, купленными на немецкое золото для выполнения немецких задач, отмечала газета[478]. Об этом же, например, писало издание «Дэйли Ньюс энд Лидер»[479].

В-третьих, в конце 1917 г. некоторые британские издания пытались сопоставить случившееся в России с Великой французской революцией. Так, например, в ноябре 1917 г. либеральная «Манчестер Гардиан» проводила на своих страницах любопытные аналогии: ка-

---

[476] Manchester Guardian. 9.XI.1917; Nation. 24.XI.1917; V. XXII. № 8. P. 258; Labour Leader. 15.XI.1917.

[477] Daily Express. 9, 24.XI.1917.

[478] Daily Chronicle. 9.XI.1917; Manchester Guardian. 27.XI.1917.

[479] Daily News and Leader. 17.XII.1917.

детов она сравнивала с жирондистами, Керенского – с Дантоном. С другой стороны, газета отмечала огромные различия между Францией образца 1792 г. и Россией 1917 г. На взгляд издания, французское движение было «в равной степени как националистическим, так и демократическим». Свободу, которой добились французы, необходимо было охранять от враждебной Европы и захватнической Германии. Чем демократичнее была «революционная партия», тем сильнее было рвение бороться за ее дело, писала газета. Русские революционеры, с точки зрения «Манчестер Гардиан», пока не улавливали этой необходимости[480].

В-четвертых, давая оценку новой власти, британская пресса, как правого, так и левоцентристского толка, резко осуждала революционное насилие, с возмущением писала о закрытии большевиками оппозиционной прессы и о многочисленных арестах. Например, корреспондент консервативной «Дейли Экспресс» с ужасом сообщал читателям в декабре 1917 г. о том, что Петроград «находится во власти террора». Газета «Таймс» также отмечала, что Ленин и его соратники из всех политических сил России оказались наиболее решительны в своих действиях. Большевики подавляют оппозицию методами, которые в корне противоречат декларируемой ими демократической доктрине, писала 17 декабря «Дейли Ньюс энд Лидер»[481].

В то же время леволиберальная пресса, хотя и отмечала, что Ленин и Троцкий люди «интеллектуально незрелые», однако отдавала должное тому, что они знают, как действовать, чтобы удержать власть. Они единственные в России, писал еженедельник «Нейшн», кто «подтверждает свои слова делами». Все смеялись, когда «офицер запаса средних лет» Н. В. Крыленко был назначен верховным главнокомандующим, говорилось на страницах издания. Но когда генерал Н. Н. Духонин отказался ему подчиниться, тот не раздумывая направился в Могилев и арестовал его практически без сопротивления. «Трагедия России в том, – заявлял еженедельник в начале декабря 1917 г., – что она выбросила на поверхность только двух людей, способных действовать, – Ленина и Корнилова. Остальные всего лишь тени...»[482].

Во многих британских изданиях предпринимались настойчивые попытки объяснить причины «переворота». Газеты, в особенности консервативной направленности, делали акцент на слабости А. Ф. Керенского. Основные обвинения в его адрес в газете «Таймс» состояли в том, что в последние месяцы он не был способен совладать с бурей, охватившей страну, подтвердить свои слова реальными

---

[480] Manchester Guardian. 10.XI.1917.
[481] Daily Express. 24.XII.1917; Times. 8.XII.1917; Daily News and Leader. 17.XII.1917.
[482] Nation. 8.XII.1917. V. XXII. № 10. P. 319.

поступками и не смог в конечном счете оказать сопротивление росту анархии. Либеральная «Манчестер Гардиан» также склонна была обвинять Керенского в полной утрате престижа и влияния[483].

На этом фоне левоцентристское издание «Нью Стейтсмен», говоря о причинах революционных событий осенью 1917 г., пыталось представить более комплексную картину. Так, например, оно писало о том, что в Европе едва ли найдется страна, где межклассовые экономические контрасты были бы столь разительны как в России. Во Франции есть мелкие рантье и консервативное крестьянство, было отмечено на страницах еженедельника, в Великобритании – зажиточные ремесленники, офисные клерки и продавцы. В России практически нет данных категорий населения в должном количестве. Напротив, есть масса малоземельного крестьянства, часть из которого превратилась в революционный пролетариат. Недовольство, писал «Нью Стейтсмен», за годы войны накопилось как среди крестьян, так и рабочих, а также солдат на фронте. Характерно, что это издание не склонно было столь жестко, как консервативные газеты, обвинять Керенского[484]. На страницах либеральной, левоцентристской прессы, «Нью Стейтсмен», «Нейшн» была также высказана точка зрения, что падение Керенского в значительной степени подготовили июльский кризис и Корниловский мятеж.

Наряду с этим, в британской печати отчетливо звучала и мысль о том, что дорогу к власти большевикам открыли экономические сложности. Большевизм распространяется в условиях, когда население страны «сыто по горло... голодом и другими материальными трудностями», отмечал корреспондент газеты «Дейли Ньюс энд Лидер». Большевикам сопутствует успех, писал автор, не благодаря популярности их доктрины, интереса к марксизму или революционному интернационализму, а за счет того, что они оказались на данный момент воплощением недовольства масс. Автор предостерегал, что у большевиков будет сохраняться шанс остаться у власти до тех пор, пока не появится возможность «покрыть скелеты живой плотью и превратить голодающих в патриотично настроенных граждан»[485].

Еще одна характерная черта, на которую следует обратить внимание, говоря об откликах британской прессы на приход к власти большевиков, это явный скепсис относительно способности последних удержаться у власти после «переворота». Так, например, 9 ноября 1917 г. правоцентристская «Дейли Телеграф» твердо заявляла, что значительная и влиятельная часть населения России не позволит, чтобы над их страной был осуществлен «утопический экспери-

[483] Times. 9.XI.1917; Manchester Guardian. 21.XI1.917.
[484] New Statesman. 17.XI.1917. V. X. № 241. P. 149–150.
[485] Daily News and Leader. 23.XI.1917.

мент самого дикого разряда»[486]. Аналогичные комментарии присутствовали и на страницах либеральной, левоцентристской прессы. 9 ноября 1917 г. «Дейли Кроникл» писала о невозможности поверить в то, что «патриотическое и разумное большинство русской нации» будет сложа руки наблюдать за происходящим. Газета обращала внимание читателей на то, что «максималисты» представляют собой всего лишь очень небольшую группу людей. Большевистские пропагандисты сумели «деморализовать» моряков Балтийского флота и часть солдат, отмечало издание, но «мы не верим, что они способствовали разложению всей армии». Мы не верим, что население России столь слепо, чтобы поверить в «псевдодемократию», проповедуемую «максималистами». Опыт последних шести месяцев, продолжала газета, должен был продемонстрировать каждому русскому, желающему порядка или свободы, что путь, который предлагают «максималисты», не ведет ни к тому, ни к другому[487].

Немалые надежды на этом фоне британские корреспонденты возлагали на сопротивление большевистскому режиму, заметно обозначившееся на юге России. Например, уже в статье «Таймс» от 12 ноября 1917 г. одесский корреспондент газеты открыто говорил о том, что судьба революции в руках крестьян. Они составляют около 80 % населения России и соответственно подавляющее большинство солдат на фронте. Таким образом, подчеркивал автор, крестьянство образует не только большинство электората при нынешней системе выборов, но и имеет на руках оружие, необходимое для того, чтобы заставить уважать свои решения. Крестьяне пока не сыграли заметной роли в революционных событиях, центрами которых оказались столица и крупные города, «но их день наступает», было подчеркнуто на страницах издания. С точки зрения корреспондента «Таймс», крестьяне на юге России жили не так уж плохо, чтобы встать на сторону большевиков. Речи, призывающие к грабежам и насилию, произносят в деревнях в основном городские пропагандисты, делился автор статьи своими наблюдениями. С другой стороны, корреспондент с тревогой отмечал, что крестьяне в массе своей необразованны и не обладают политическим видением. Они хотят скорейшего мира. А говорить им о том, что от исхода войны зависит будущее демократии, – пустая трата времени[488].

Пристальное внимание было приковано и к проблеме сепаратных переговоров о мире между Советской Россией и Германией. Еще 9 ноября 1917 г. «Таймс» выражала надежду, что «настоящая Россия» никогда не согласится на сепаратный мир с врагом. Однако

---

[486] Daily Telegraph. 9.XI.1917.
[487] Daily Chronicle. 9.XI.1917.
[488] Times. 12.XI.1917.

в конце того же месяца она с горечью сообщала, что согласие немецкого командования на подобные переговоры получено[489]. В этой связи «Дэйли Экспресс» открыто возмущалась тем, что немецкое правительство намерено вести переговоры с людьми, которые со всей очевидностью выступают «против всех законов и власти»[490]. Британская печать делала акцент на неправомерности подобных переговоров. Газета «Таймс», например, выделяла два основных аргумента в пользу такого утверждения. Во-первых, большевики пришли к власти незаконно. Во-вторых, они не являются голосом «всей России»[491].

После прихода к власти большевиков на страницах британской печати в ноябре 1917 г. активно муссировалась и тема о том, что с Россией не может быть прежних отношений. Страна получала от союзников деньги, оружие, снаряжение, однако теперь для Великобритании было бы «самоубийственно» продолжать подобные поставки в условиях, когда большевистская Россия готова вступить в переговоры с врагом о заключении мира, призывает к этому союзников и деморализует свою армию, писала «Таймс»[492]. 24 ноября 1917 г. в британской прессе было обнародовано заявление, сделанное накануне заместителем министра иностранных дел лордом Робертом Сесилом на встрече с представителями агентства «Рейтер», о непризнании большевистского правительства[493].

Тем не менее, в первые недели после октябрьских событий в России в британских газетах довольно отчетливо звучала еще одна характерная тема – симпатия к русскому народу в целом, недавнему союзнику в войне. Подобные комментарии были характерны как для консервативных, так и либеральных изданий. Так, например, корреспондент «Таймс» писал в конце ноября 1917 г. о том, что было бы величайшей глупостью ассоциировать весь русский народ с вероломством большевиков. Мы не можем считать, что вся Россия поддалась безумию, говорилось в газете. Либеральный еженедельник «Нейшн» со своей стороны в середине ноября 1917 г. выражал восхищение героизмом русской армии в первый период войны[494].

Характерно, что о симпатии к русскому народу, истощенному тяжелыми жертвами, принесенными в годы войны, открыто говорил и посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен на встрече с журналистами в Петрограде 8 декабря 1917 г.[495]. Ему вторил и бывший генеральный консул Великобритании в Москве Б. Локхарт. Было бы

---

489 Times. 9, 30.XI.1917.
490 Daily Express. 30.XI.1917.
491 Times. 4.XII.1917.
492 Times. 23.XI.1917.
493 См., например: Daily Express. 24.XI.1917; Manchester Guardian. 24.XI.1917.
494 Times. 29.XI.1917; Nation. 17.XI.1917. V. XXII. № 7. P. 236.
495 *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1925. С. 298.

величайшей ошибкой утратить симпатию к русскому народу только по той причине, что «несколько диких демагогов» расстроили наши планы и расчеты в войне, отмечал Локхарт, выступая в Лондоне на собрании бизнесменов, проживавших ранее в России. Он подчеркивал, что большевизм не представляет всю Россию, а в лучшем случае пользуется поддержкой «невежественного населения», уставшего от экономической разрухи и войны[496].

В этой обстановке на страницах британской прессы уже с конца ноября 1917 г. можно выделить еще одну важную тему – необходимость поддержать антибольшевистские силы. Отчетливые комментарии по этому вопросу стали появляться в консервативной прессе вскоре после прихода к власти Ленина. Так, в статье «Таймс» от 29 ноября 1917 г. говорилось, что задача союзников – помочь антибольшевистскому движению в России «всеми средствами, которые у нас имеются». Однако следует отметить, что призывы поддержать антибольшевистские силы наиболее отчетливо изначально звучали именно в «Таймс», в то время как на страницах, например, либеральной «Манчестер Гардиан» в ноябре 1917 г. говорилось, что Россия должна самостоятельно разбираться со своими проблемами[497].

Неразрывно с этим была связана еще одна широко обсуждавшаяся уже в конце 1917 г. в прессе тема – возможность в России Гражданской войны. Любопытно, что практически сразу после прихода к власти большевиков «Дейли Телеграф» откровенно писала, что Гражданская война станет для России меньшим из двух зол в сравнении с нахождением у власти «Ленина, Троцкого и компании». Далее, на фоне того, что сценарий жесткой, непримиримой конфронтации большевиков с силами, не желавшими им подчиняться, становился все реальнее, 14 декабря 1917 г. издание «Дейли Ньюс энд Лидер» вышло под заголовком «Гражданская война в России». 20 декабря 1917 г. «Таймс» уже писала, что по территории России распространяется Гражданская война. Аналогичный заголовок был размещен в тот же день и в упомянутой выше газете «Дейли Ньюс энд Лидер». В дальнейшем в условиях нежелания Центральной Украинской Рады признавать большевиков статьи как в консервативной «Таймс», так и в либеральной «Дейли Ньюс энд Лидер» 21 декабря 1917 г. носили характерное название «Хаос в России»[498].

В целом первые отклики британской прессы на приход к власти в России большевиков представляют собой весьма познавательный материал. Несмотря на относительную скудость поступавшей в

---

496 Times. 13.XII.1917.

497 Times. 29.XI.1917; Manchester Guardian. 21.XI.1917.

498 Daily Telegraph. 9.XI.1917; Daily News and Leader. 14.XI.1917; Times. 20, 21.XII.1917; Daily News and Leader. 20, 21.XII.1917.

страну информации, большинство изданий с самого начала не выразило сомнений в том, что случившееся в Петрограде – «государственный переворот», за спиной организаторов которого нет массовой поддержки населения. Однако периодически возникавшее на страницах британской печати желание сравнить произошедшие в России в октябре 1917 г. события с Великой французской революцией свидетельствует о том, что «подсознательно» некоторые корреспонденты все же улавливали значимость перемен.

Характерной чертой британских публикаций стала попытка объяснить успех большевиков в захвате власти. В этом плане ряду изданий консервативной направленности, «Таймс», «Дейли Экспресс, было свойственно желание представить весьма плоскую и одностороннюю картину событий. Практически вся их аргументация в 1917 г. сводилась к субъективным обвинениям Керенского в слабости и неспособности обуздать надвигавшуюся стихию, а также к отстаиванию версии о скрытой «руке» немцев, стоявших за «переворотом». С другой стороны, левоцентристская пресса, например «Нейшн», «Нью Стейтсмен», некоторые лейбористские авторы были склонны к более широкому анализу событий и стремлению заострить внимание на объективных предпосылках падения старого режима. Среди факторов, способствовавших приходу к власти большевиков, журналисты выделяли невероятные экономические сложности, переживаемые Россией, голод и нищету, наряду с этим, отсутствие в стране глубоких демократических традиций населения, которые могли бы оказаться иммунитетом от большевистской пропаганды, и ряд других факторов.

В целом, за исключением крайне левых изданий, большевистский сценарий русской революции не вызвал в британской печати ни сочувствия, ни понимания, скорее испуг и негодование. Печать различной политической направленности выражала возмущение выходом России из войны, террором новой власти, применяемым против оппонентов, не желавших подчиняться распоряжениям, начавшимися переговорами о мире с Германией. Британские издания видели в большевиках предателей, в угоду своим интересам отказавшихся от продолжения участия России в мировой войне, забывших обо всех «правилах игры» и международных обязательствах по отношению к союзникам.

Следует также отметить, что в первые недели после революционных событий в Петрограде в октябре 1917 г. в ряде британских изданий уже отчетливо можно было уловить характерные настроения и высказывания в поддержку антибольшевистских сил, сочувствие русским людям, не разделявшим ценности новой власти, которые затем найдут свое практическое воплощение в ходе вмешательства стран Антанты в процессы, происходившие в России.

Тимофеев А. Ю.

«Переворот в России»: Февральская революция глазами официальных представителей королевства Сербии в России

Аннотация. На основании переписки дипломатов, сотрудников военного атташата, правительства Сербии и мемуарной литературы анализируется отношение маленького балканского союзника России к событиям марта 1917 г. Оккупированная с 1915 г. Сербия потеряла после Февральской революции важнейшего покровителя в международных делах. В то же время, под влиянием благодушия и спокойствия, царивших в армейской и политической верхушке России, официальная Сербия не сразу оценила всю полноту катастрофы.

Ключевые слова: Февральская революция, Балканы, русско-сербские связи, дипломатия, Николай II.

«Coup in Russia»: February revolution from the Eyes of the Official representatives on the Kingdom of Serbia in Russia

Abstract. The author studies the attitude of the Kingdom of Serbia, a small Balkan ally of Russia, to the events of March 1917 in Russia. The analyses is based on the available in archives correspondence of diplomats, military attachés, the government of Serbia and on the relevant memoirs. Serbia, which had been occupied since 1915, lost the important patron in international affairs after the February revolution. But as the result of the influence of complacency and tranquility prevailing in the army and political elite, the official Serbia could not immediately assess the fullness of the disaster.

Keywords: February revolution, the Balkans, Russian-Serbian relations, diplomacy, Nicholas II.

С самого начала 1917 г. сербским дипломатам стало очевидно, что в России назревает государственный переворот[499]. Представители королевства Сербии в Петрограде оценивали происходившие события и изменения по-разному.

Наиболее консервативными были воззрения сербского военного атташе в России полковника Бранислава Лонткиевича, чье отличное знание русского языка и обширные связи среди высшего офицерского состава остались в памяти русских современников этого талантливого сербского дипломата польского происхождения[500]. В со-

[499] Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 21, 1916 и 1917 година. Београд, 1931. С. 420–421, 425–426.

[500] *Лодыженский А. А.* Воспоминания. Париж, 1984. С. 66.

общении от 28 февраля (13 марта) Лонткиевич докладывал: «В Петрограде демонстрации все более усиливаются. Некоторые части отказались подчиняться, не желая употреблять оружие против участников демонстраций. Было много жертв.... Сенат и Дума распущены до месяца апреля. – Ситуация серьезна»[501]. Из столицы империи шли мрачные вести: «Царь ночью отбыл в Царское Село. Петроград весь занят революционерами. Почти все петроградские части перешли на сторону мятежников. Главный Генштаб и Военное министерство также заняты, но их работа не прервана. Министерство военно-морского флота еще защищают несколько рот, но оно в осаде и скоро падет. Вообще заметно, что все делается по плану и с целью, чтобы заставить царя дать конституцию, и чтобы петроградская революция не мешала при этом текущей деятельности армии и операциям на фронте. В Царское Село направлено еще 3 стрелковых полка, но считается, что это не изменит ситуацию, и что революционеры достигнут своей цели. Во всей России и на фронте сейчас спокойно»[502].

Отречение Николая II сербский военный атташе пытался представить как обычную передачу власти от одного члена династии к другому, с введением конституции, но безо всяких значительных изменений. Вероятно, это была версия государственного переворота, которая циркулировала в высших офицерских кругах. Неслучайно в своем донесении от 28 февраля (13 марта) Б. Лонткиевич привел ошибочную, но очень иллюстративную информацию: «Генерал Алексеев упорно советовал царю пойти на компромисс, но царь не согласился. Ставка не имеет связей с царем. В России и на фронте спокойно»[503]. В донесении, составленном в полдень 1(14) марта, Б. Лонткиевич еще называл революционеров «бунтовщиками»[504].

В вечернем донесении от 2(15) марта Б. Лонткиевич уже констатировал, что отречения царя требовали и политики из Думы, и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, и ряд других высокопоставленных офицеров[505]. Наконец, лишь 3(16) марта 1917 г. Б. Лонткиевич доложил об отречении, как окончательном факте, а также сообщил о формировании нового правительства князя Львова и о назначении нового министра П. Н. Милюкова, который провозгласил войну до победного конца первым пуектом своей программы. По оценке Б. Лонткиевича, февральские события в Петрограде были очень жестокими и кровавыми, «со множеством жертв»[506].

---

[501] Велики рат Србије за ослобођење... С. 595.
[502] Там же. С. 598.
[503] Там же. С. 603.
[504] Архив Сербии (АС). МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. Л. 922.
[505] Велики рат Србије за ослобођење... С. 613.
[506] АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. Л. 923.

Глубину возникшей проблемы в полном объеме сербский военный атташе начал осознавать уже 4(17) марта, после отказа князя Михаила принять корону до решения Учредительного собрания: «Хотя в России на фронте и спокойно, все же тяжело предвидеть проблемы, которые могут последовать. Вследствие того, что еще не решен вопрос о монархе, могут начаться возмущения и на фронте. Вообще ситуация очень нервная, и если еще на долгое время оставить полную власть Временному правительству, которое вводит самые широкие свободы, пока в стране еще не организована самая необходимая власть, это может привести к еще большему расстройству»[507]. Сербский атташе отчаянно надеялся на сохранение в России монархии и в той же телеграмме он выражал надежды на то, что царь передумает и согласится, по совету императрицы-матери, на провозглашение престолонаследником Алексея, а также на назначение великого князя Николая Верховным главнокомандующим. И только в донесении от 5(18) марта Б. Лонткиевич констатировал, что «судьбой России будет руководить Временное правительство»[508].

В последний раз сербский атташе был принят Николаем II 7(20) марта[509]. Эту встречу, состоявшуюся в рамках прощания императора с союзными военными агентами, Б. Лонткиевич описал весьма эмоционально, что было необычно для его донесений. «Я поблагодарил Царя за все то, что он сделал для Сербии и сербской армии. Царь мне сказал, что всегда имел искренние симпатии к братскому сербскому народу; что надеется, что справедливость восторжествует и сербский народ осуществит свои идеалы. Он также сказал, что обстоятельства таковы, что он счел необходимым отречься от престола, желая, чтобы война дошла до победоносного конца. Попросил передать Е. К. Высочеству Престолонаследнику Его приветствия с надеждой на то, что Россия и союзники исполнят свой долг и свои обещания Сербии. Также интересовался и нашим корпусом и просил передать ему Его приветствия. Я еще раз поблагодарил Царя, добавив, что сербский народ никогда не забудет 1914 г., когда русский Царь возвысил свой мощный голос в защиту Сербии. Поблагодарив меня за службу, Царь дал мне руку со словами: „*Милостивый Бог пусть защитит Сербский народ*"»[510]. Через несколько часов после этой встречи на вечернем заседании Временного правительства 7(20) марта 1917 г. было принято решение «О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги»[511].

---

[507] Велики рат Србије за ослобођење... С. 692.
[508] Там же. С. 705.
[509] АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. II. Л. 93.
[510] Велики рат Србије за ослобођење... С. 724.
[511] Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917. М., 2001. С. 49–52.

Негативные последствия Февральской революции сербы почувствовали прежде всего в положении Сербского добровольческого корпуса. Командир корпуса М. Живкович писал: «...царь Николай, который был большим другом нашего народа и всегда оказывал знаки особого расположения Добровольческому корпусу, хотел, чтобы Корпус был сформирован как можно раньше. Желание Царя в то время было приказом, и чтобы только подольстится к нему русские генералы – я имею в виду, в первую очередь, генерала Маркса, начальника штаба Одесского военного округа – соревновались между собой в предупредительности и любезности к нам; после свержения Царя, они все сбросили напрочь свою личину, стали делать нам на каждом шагу пакости и стараться развалить Корпус»[512].

Помимо потери высочайшего покровителя командир Сербского добровольческого корпуса видел в революции общее основание к ослаблению боевого духа русской армии. По его мнению, русская армия в начале 1917 г. и по духу, и по вооружению была готова к решающему наступлению – и он, и все те, «кто знал и наблюдал всю эту подготовку», были глубоко уверены, что если бы не Февральская революция «русское наступление пробило бы немецкие ряды... Война была бы завершена еще в 1917 г.»[513]. «Революция в Петрограде принесла много горя и мучений нашему братскому русскому народу, так как тем, что она была совершена в самое неподходящее время – в ходе войны – воспользовались наши враги»[514].

Дестабилизация русской армии после февральских событий разрушила все надежды на активное участие войск «новой демократической России» в успешном наступлении против немцев и их союзников, что стало очевидным Б. Лонткиевичу уже 8(21) марта 1917 г.[515]. Генерал М. Живкович констатировал, что ни один новый состав русского правительства после отречения Николая II не имел никаких симпатий к Сербскому добровольческому корпусу, а сам корпус «со дня отречения был оставлен на милость» всевозможных врагов[516].

В самом февральском перевороте генерал М. Живкович винил самого царя (указывая на его слабость и доверчивость), а также кадетов и П. Н. Милюкова, а в его фатальных последствиях – А. Ф. Керенского, как человека, который в беспринципной борьбе за власть растоптал всех, кто мог бы спасти страну, что и привело к захвату власти большевиками[517]. Крайне показательно, что несмотря на критическое отношение к абстрактным «русским генералам», которые

---

[512] Военный архив Сербии (ВА). П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. Л.51.
[513] Там же. Л. 128–129.
[514] Там же. Л. 136.
[515] Велики рат Србије за ослобођење... С. 727, 728, 743, 747, 755, 762, 785, 791, 792.
[516] ВА. П.16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. Л. 138, 149.
[517] Там же. Л. 147–149.

после отречения императора невзлюбили корпус, русская военная верхушка даже не была упомянута в списке виновных или хотя бы соучастников Февральской революции 1917 г.

Гражданские представители сербского государства в Петрограде и прежде всего сам посланник Мирослав Спалайкович смотрели с большей симпатией на политиков Думы. Уже в телеграмме от 4(17) января 1917 г. М. Спалайкович писал о возможных «внутренних проблемах в России» и о том, что Англия будет стараться влиять на то, чтобы «кризис разрешился правильно». Негативными красками сербский посланник рисовал близких императору людей (царицу Александру Федоровну и министра внутренних дел А. Ф. Протопова). Возможные перемены в верхах России он воспринимал как имеющие значение лишь для внутренних дел самой России, т. к. среди царского окружения и либеральной оппозиции М. Спалайкович не видел «никакого различия, если речь идет о Сербии»[518].

Начало Февральской революции в телеграфном сообщении от 11 марта (26 февраля) М. Спалайкович расценил как небольшие уличные демонстрации «из-за недостатка хлеба и огромной дороговизны». Значение этих демонстраций представлялось ему маловажным, он предполагал, что они «будут без тяжелых последствий», так как «в России всего хватает, только железнодорожный транспорт действует плохо»[519]. Последнее замечание, вероятно, соответствовало реальности[520].

Уже на следующий день тон донесений сербского посланника полностью переменился. В сообщении от 12 марта (27 февраля), которое он составлял, когда на Литейном проспекте, в 300 метрах от посольства, гремела перестрелка, М. Спалайкович констатировал переход Петроградского гарнизона на сторону повстанцев, массовые вооруженные столкновения в центре города и не менее 300 человек убитых. «Революция уже носит военный характер, и можно сказать, что она победила»[521]. В ряду таких же «написанных через окно» донесений было сообщение от 1(14) марта 1917 г., в котором М. Спалайкович сообщил, что рядом с посольством проходили толпы солдат и горожан, которые скандировали лозунги о провозглашении России республикой и назначении начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева президентом республики[522]. Эти донесения отражали слухи о том, что генерал

---

[518] АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 315–316.

[519] Там же. Л. 263.

[520] *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999; *Бубликов А. А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918.

[521] АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. Л. 944.

[522] Там же. Л. 945.

М. В. Алексеев мог стать во главе правительства, которые появились еще накануне отречения[523].

Интересно, что в тот же день в следующей телеграмме М. Спалайкович уже сообщал, что «революция была хорошо организована... произошла быстро и относительно без больших жертв». Основной мотив Февральской революции М. Спалайкович видел в защите прав Думы, которую царь хотел перенести на апрель 1917 г. М. Спалайкович также перечислил лиц, которые были лояльны императору и из-за этого ощутили давление революционной юстиции: последний министр императорского двора В. Б. Фредерикс (арестован 9(22) марта), бывший председатель правительства Б. В. Штюрмер (арестован 28 февраля (13 марта), бывший председатель правительства И. Л. Горемыкин (арестован 28 февраля(13 марта)), последний председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов (арестован 1(14) марта), последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов (арестован 1(14) марта). С другой стороны, М. Спалайкович отметил, что санкций избежала определенная часть последнего русского правительства, например – последний председатель правительства Н. Д. Голицын, который своей отставкой формализовал победу революции, а также последний министр иностранных дел Н. Н. Покровский, который, несмотря на переворот, был, по словам сербского посланника, «очень спокоен и держался очень хорошо»[524].

Это «очень спокойное» настроение министра иностранных дел на фоне волнений на улицах заставляло М. Спалайковича искать новые источники информации. Княгиня Елена Романова (Карагеоргиевич) побеседовала по телефону с царицей 1(14) марта, после чего поездом прибыла в Петроград, где дошла пешком от Московского вокзала до сербского посольства на Литейном в охваченном анархией городе. Ни сербский посланник, ни сербская принцесса не были, в отличие от Н. Н. Покровского, «очень спокойны» и обменялись тревожными новостями – «царица не знала, что происходит с царем», «царский поезд задержан на железной дороге Москва–Петербург» на станции Бологое[525]. Очевидно, что сербский посланник поддерживал связи с различными и достаточно информированными источниками информации, так как уже 2(15) марта 1917 г. в 6:15 направил сербскому правительству донесение о возможном отречении царя телеграммой № 197, которую 3(16) марта 1917 г. получили на Корфу[526]. В той же телеграмме он сообщил о формировании Временного правительства России и о его составе. Вскоре сербский посланник констатировал, что до 4(17) марта члены Временного правительство чувствовали

[523] *Кригер-Войновский Э. Б.* Указ. соч. С. 91, 97.
[524] АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. Л. 946–948.
[525] Там же. Л. 924.
[526] Там же. Л. 925.

себя недостаточно уверенно, но что уже 5 (18) марта они стали «хозяевами ситуации... новая ситуация быстро стабилизируется... в городе полный порядок... на фронте все хорошо»[527]. Следующее донесение, от 7(20) марта было еще больше проникнуто «очень спокойным» духом. По мнению М. Спалайковича, которое полностью отличалось от его предыдущих «увиденных из окна» донесений, «революция произошла быстро и без жертв... так как полностью созрела во всех классах... без всякого предварительного заговора... так как недовольство переполнило всякую меру». Согласно новому мнению сербского посланника, политики и военная верхушка «приняли ситуацию, но не управляли революцией, которая пришла снизу, как наводнение». Неизменным остался только оптимизм М. Спалайковича по поводу благоприятного влияния мартовского переворота на сербское будущее, с недалеким и самоуверенным объяснением: «...так как мы требуем лишь того, что основано на элементарной справедливости и разумном понимании сербских и русских интересов... сейчас мы имеем гарантии в свободе России, где исключены закулисные дела, и только сейчас мы можем извлечь для себя пользу от активной деятельности среди русской общественности»[528]. Информацию об аресте царя и царицы М. Спалайкович сухо и без эмоциональных оценок передал сербскому правительству в телеграмме от 9(22) марта, сообщив и об активной роли в этих событиях генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова[529], будущих отцов-основателей Белого движения.

И все же природа событий в России не была полностью ясна сербскому правительству. Н. Пашич пытался компенсировать нехватку информации и в телеграмме от 15(28) марта приказал сербскому посланнику «как можно чаще телеграфировать о развитии ситуации в России»[530]. Недостаток информации дополняли также донесения из Лондона, Парижа, Рима, Афин и Вашингтона, где сербские дипломатические представители собирали информацию о русской революции и передавали ее сербскому правительству[531]. Впрочем, реальную информацию смог получить только сербский дипломат в Лондоне Й. Йованович-Пижон, который в период 1–6 марта 1917 г. зафиксировал несколько высказываний представителей английской элиты о том, что «англичане довольны событиями в России» и участвовали в их организации[532].

В кругах сербской элиты наиболее точный анализ ситуации дали аналитики, предложившие свое видение на основании доступной им

---

[527] АС. МИД ПО. 1917. Ф. VIII. Д. IX. Л. 959.
[528] Там же. Ф. IX. Д. IV. Л. 264–265.
[529] Там же. Л. 266, 273.
[530] Там же. Ф. VIII. Д. IX. Л. 960.
[531] Там же. Л. 926, 954, 956, 958; Там же. Ф. IX. Д. IV. Л. 254, 270, 276, 277.
[532] *Јовановић Пижон Ј.* Дневник (1896–1920). Београд, 2015. С. 251–253.

открытой информации. В то время как многим сербским, русским, французским и румынским дипломатам и даже фронтовым офицерам революция казалась «окончательным поражением доселе мощного влияния сильной германщины... с твердой верой в новое русское наступление»[533]. Сербские офицеры военной разведки 3(16) марта на основании анализа болгарской печати выразили собственное понимание происходящих в России событий: «Россия якобы полностью занята своим „внутренним кризисом", война отступила на второй план; общественное мнение якобы стремится к миру и полностью не одобряет решения правительства продолжить войну; правительство же держится в России только благодаря дипломатическому искусству Англии, которая дала свое согласие на воцарение русских в Царьграде с твердым убеждением, что этого никогда не будет». В то же время внутренняя ситуация в России характеризовалась как соперничество «трех элементов»: «монархистов, которые заботятся о спасении династии», «либеральной России, которая выступает за войну до победы, но не по той причине, что верят в эту победу или считают необходимым продолжение войны, а потому, что надеются от Англии и Франции получить конституцию и парламентское управление»; «рабочее сословие, которое хочет мира, свободы и земли, не верит в победу и хочет мира, т. к. Россия не имеет достаточно сил, чтобы бороться против Германии». По мнению авторов данного донесения, «компромисс этих трех сил в России выглядит невозможным...»[534]. Впрочем, такая оценка ситуации воспринималась и в сербском Генеральном штабе, и в сербском правительстве как прогерманские воззрения идефетизм.

Военное руководство Сербского добровольческого корпуса, находившегося в командной цепочке российской императорской армии, было полностью лояльно Февральской революции[535]. В своем донесении от 3(16) марта генерал П. Живкович писал сербскому военному министру на Корфу и сербскому посланнику в Петрограде: «...по поводу русской революции я объявил по Корпусу, согласно приказам, что мы не имеем ни права, ни обязанности вмешиваться во внутренние дела братского нам русского народа, чьими гостями мы являемся»[536]. Занимать ту же нейтральную позицию рекомендовал сербский посол М. Спалайкович уже в своей телеграмме от 4(7)января 1917 г.: «в этой неизвестности мы должны быть осторожны, сохранять симпатии всех местных политических течений... Наше – это не вмешиваться в русские внутренние дела, и в этом смысле я непрестанно даю советы местным сербам»[537].

---

[533] Велики рат Србије за ослобођење... С. 697.
[534] Там же. С. 709.
[535] ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д.12. Л. 155.
[536] Там же. Л. 158.
[537] АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 315–316.

С конца апреля 1917 г. газета сербского правительства «Српске новине» сняла рубрику «Переворот в России» вместе со статьей о России, чтобы не ставить под вопрос стабильность государства-союзника. Информация о Февральской революции лишилась актуальности для сербских политических элит. Официальная Сербия перешла к попыткам установить контакты с новой революционной властью. Сербская элита, которая в течение двух предвоенных десятилетий так часто и эмоционально выражала симпатии к русскому царю и Российской империи, называя их главными друзьями Сербии, очень быстро и безо всяких открытых или скрытых знаков печали смирилась с уходом и арестом царя и его семьи.

Чернов О. А.

Н. В. Чарыков накануне и в период Революции 1917 года: деятельность и взгляды

Аннотация. Накануне Революции 1917 г. Н. В. Чарыков рассматривался в качестве кандидата на должность министра иностранных дел, выступал за союз с Антантой, негативно относился к идее сепаратного соглашения с Германией. Н. В. Чарыков поддержал Временное правительство, не принял правительство большевиков. В дальнейшем он вошел в состав Крымского краевого правительства, а затем эмигрировал в Константинополь.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, С. Д. Сазонов, Б. В. Штюрмер, Г. Н. Михайловский, П. Н. Милюков, дипломатия в 1917 г.

N. V. Charykov on the Eve and During the Revolution of 1917: Views and activity

Abstract. On the eve of the 1917 revolution Charykov was considered a candidate for the post of Minister of Foreign Affairs, he advocated an alliance with the Entente, had negative attitude to the idea of a separate agreement with Germany. Charykov supported the Provisional Government, opposed the Bolshevik government. Later he became a member of the Crimean regional government, and then emigrated to Constantinople.

Keywords: N. V. Charykov, S. D. Sazonov, B. V. Shtyurmer, G. N. Mikhailovsky, P. N. Milyukov, diplomacy in 1917.

В 1912 г. Н. В. Чарыков, чрезвычайный и полномочный посол в Турции, получил отставку, ставшую следствием неудачного исхода переговоров с Турцией об изменении режима черноморских проли-

вов[538]. Видный государственный деятель был переведен на работу в Сенат, однако спустя некоторое время был назначен состоять при Министерстве иностранных дел, «с оставлением сенатором и гофмейстером»[539]. Он поддерживал контакты с высокопоставленными чиновниками и был в курсе нюансов российской политики[540].

На протяжении всего времени, начиная с отставки Н. В. Чарыкова, ходили слухи о его назначении министром иностранных дел. Накануне революции, в 1916 г. также распространялись подобные слухи, и «назывались кандидаты – Извольский, Чарыков, реже М. Н. Гирс»[541].

С. Д. Сазонов, по всей видимости, сохранял вполне дружеское отношение к Н. В. Чарыкову. Как свидетельствует Г. Н. Михайловский, при его встрече с Сазоновым тот «просил обязательно передать привет Чарыкову и всегда сообщать, когда буду иметь от него известия»[542].

Возможно, следствием тому стали письма Чарыкова к Сазонову из своего родового поместья Богдановка Самарской губернии, где у него было 4325 десятин земли[543]. В одном из писем он сообщал, что настроение у богдановских крестьян «благодаря новейшим победам бодрое и приподнятое» и уборочная идет полным ходом. Он писал также, что достигнутое Сазоновым соглашение с Японией «вызвало здесь общее и искреннее удовлетворение. Здесь всегда считали войну с Японией прискорбным приключением», «а деревенский батюшка говорит: „Жаль, что не раньше"»[544].

Чарыков поддержал это соглашение, расценив его как «страховательное», и полагал, что Россия таким образом развязала себе руки на Ближнем Востоке. «Мне думается, что подобная постановка дальневосточных дел должна облегчить и ближневосточные и, в частности, достижение трудноосуществимой мечты: отделение Австро–Венгрии от Германии, на почве особых условий мира». Он возлагал надежду на то, что в «связи с военными событиями... чувство самосохранения, оживленное положительными надеждами, заговорит в Вене и Будапеште сильнее других мотивов», что означало бы для прусского господства «решительную и близкую катастрофу»[545].

---

538 *Чернов О. А.* К вопросу о «демарше Чарыкова»// Война и общество. К 90-летию начала первой мировой войны. Самара, 2004. С. 37–46.

539 РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 10; *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 20.

540 *Чернов О. А.* Н. В. Чарыков в 1914 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. М., 2015. С. 753–757.

541 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 177.

542 Там же. С. 102.

543 Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1910. С. 5.

544 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 216. Л. 16. 6 июля 1916 г. Чарыков–Сазонову.

545 Там же.

К концу 1916 г. Чарыковы переселились в Севастополь. По свидетельству Михайловского, там у них имелась дача с садом, которая была «для многих предметом вожделений (дом был красивый, трехэтажный, каменный)»[546].

В октябре 1916 г. Чарыков посетил Петроград. К этому времени Сазонова в должности министра иностранных дел заменил Б. В. Штюрмер.

Позднее Чарыков отмечал, что Сазонов в мемуарах дал точную характеристику международной и внутренней ситуации России в течение мировой войны и совершенно ясно указал причины, «почему, посреди... войны, в 1916 г., он был отправлен в отставку со всеми другими министрами» – они «вызывали неудовольствие партии реакционеров, за отстаивание более либеральной политики, которая, возможно, отсрочила в России революцию 1917 г.»[547].

Михайловский указывает, что начальник юрисконсультской части МИД России М. И. Догель «приблизительно за месяц до ухода Сазонова... расспрашивал меня о моем дяде Чарыкове и сказал мне, что он из очень осведомленного источника узнал, что его прочат в министры на место Сазонова»[548].

Чарыков отзывался о Штюрмере «очень ядовито»[549]. В то время упорно распространялись слухи о том, что назначение Штюрмера связано со стремлением прогерманской партии заключить сепаратный мир. Чарыков полагал, что Штюрмер «вполне на это способен, но объективная обстановка такова, что Россия при всем желании не может выйти из войны, и это к нашему счастью, так как при теперешних условиях сепаратный мир с Германией был бы „величайшим бедствием для всей последующей русской истории"». Вместе с тем, он с сожалением отмечал, что «германофильская партия... сильна как никогда, но государь непреклонен в лояльном отношении к союзникам». Михайловский вспоминал, что «при слове „непреклонен" он и я невольно улыбнулись, зная, что это слово вообще малоприменимо к характеру Николая II»[550].

Как утверждает он же, «Чарыков считал... что германофильская ориентация для России неприемлема, уже по одному тому, что немцы желали союза с Россией на таких же началах, на каких Бисмарк установил союз с Австро-Венгрией, то есть на началах фактического вассалитета»[551]. Следующий визит Чарыкова в Петроград пришелся на декабрь 1916 г. и продлился три недели. Он поселился

---

[546] *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 126.
[547] *Tcharykow N. V.* Sazonov // Contemporary Review. 1928. Vol. CXXXIII. P. 288.
[548] *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 177–178.
[549] Там же. Кн. 1. С. 208.
[550] Там же. С. 209.
[551] Там же. Кн. 2. С. 120.

в гостинице «Франция», рядом с Министерством иностранных дел. Его посещали «много... ответственных чинов и даже Нератов». Все это послужило поводом к тому, что «опять упорно заговорили о том, что Штюрмер не так уж прочен и антантофильская партия при дворе имеет в лице Чарыкова готового ему заместителя»[552].

Однако сам Чарыков, считал, что «теперь, когда на назначения министров влияет Распутин, ни Извольский, ни я [Чарыков], никто из профессиональных дипломатов на пост министра иностранных дел назначен не будет»[553].

К Февральской революции Чарыков отнесся положительно. В марте 1917 г. он посетил нового министра иностранных дел П. Н. Милюкова, а затем и А. Ф. Керенского, министра юстиции. С Милюковым Чарыков был знаком еще по Болгарии. Тогда Чарыков, русский дипломатический представитель, лояльно относился к политическому эмигранту Милюкову (в отличие от своего преемника Ю. П. Бахметьева, который с назначением Милюкова подал в отставку). Чарыков считал Милюкова талантливым и добросовестным историком, особенно выделяя работу последнего об экономической политике во времена Петра Великого, «...и в Думе он легко добился положения лидера оппозиции»[554].

М. Рендл усматривает в этих шагах Н. В. Чарыкова намерение предложить свои услуги новому правительству, а также отмечает, что тот расценивал новый режим как патриотический и ожидал наилучших результатов в войне[555].

Н. В. Чарыков считал, что истинная причина отставки Ю. П. Бахметева с должности посла в США заключалась вовсе не в протесте против нового правительства и не в «монархических чувствах». Причина была вполне прозаична и утилитарна – «П. Н. Милюков был профессором в Софийском университете в то время, когда...[Чарыков] был русским посланником в Болгарии, и отношения нашей миссии с Милюковым были тогда вполне мирные. Потом... [Чарыкова] сменил Ю. П. Бахметев, который потребовал его высылки из Болгарии»[556].

В целом же «о внешней политике Милюкова и Терещенко [Чарыков] говорил, что весь секрет – до общей победы союзников быть с ними. В этой победе после вступления в войну Северной Америки он больше не сомневался»[557].

---

552 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 209.
553 Там же.
554 *Tcharykow N. V.* Op. cit. P. 296.
555 *Rendle M.* Defenders of the Motherland the Tsarist elite in revolutionary Russia. N. Y., 2010. P. 59.
556 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 251.
557 Там же. С. 484.

Тем временем Временное правительство, с которым Чарыков поддерживал лояльные отношения и, более того, стремился к сотрудничеству с ним, пало. В октябре 1917 г. к власти пришли большевики, что Чарыков категорически не принял. В это время он семьей жил в Крыму. Революционная волна последовательно охватила всю территорию бывшей Российской империи, в том числе и Крым.

Михайловский утверждает, что в 1917 г. Чарыков получил от богдановских крестьян «требование участвовать в расходах по содержанию „комитета народной власти", который орудовал в его имении». Сам Чарыков считал, что «независимо от решений Учредительного собрания помещичье землевладение можно считать оконченным, от крестьян землю можно забрать только силой»[558].

Он вспоминал, что «большевики получили власть в Санкт-Петербурге и Москве, но они ничего не могли сделать в Крыме, пока адмирал Колчак оставался там командующим крепостью Севастополь и флота Черного моря». По его мнению, «Колчака было нелегко устранить». Чарыков запомнил Колчака как «невысокого, темноволосого человека приблизительно сорока пяти лет, умного и полного энергии». Он отмечает, что тот «произвел большое впечатление как арктический исследователь. Он преуспел в том, что сохранил контроль над Черным морем, несмотря на присутствие там „Гебена", „Бреслау" и других германских и турецких военных кораблей»[559].

Вначале революционные эмиссары не имели успеха, но постепенно «революционная инфекция, распространилась среди моряков Севастополя, солдат, и рабочих» и Колчак был вынужден покинуть Крым.

Колчак организовал армию за Уралом, которая теснила большевиков, но в конечном итоге, так же, как и армия А. И. Деникина, потерпела поражение. Причиной тому – «неудовлетворенность крестьян, которые не получили от „белых" надежды на землю и свободу»[560].

Вскоре после того, как Колчак покинул Крым, в Севастополе был организован Совет. Н. В. Чарыков отмечал, что «Севастопольский совет должен был быть составлен из депутатов, более или менее избранных рабочими, солдатами, и моряками города. Комиссары были назначены управлять делами правительства, заменяя все земства, муниципалитеты, и другие организации местной царской администрации»[561].

Самую «активную силу» он видит во «взбунтовавшихся матросах Черноморского флота». Причем усматривает здесь последствия вос-

---

[558] *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 483.

[559] *Tcharykow N. V.* Glimpses of High Politics. Through War and Peace. 1855–1929. London, 1931. P. 301.

[560] Ibidem.

[561] Ibid. P. 302.

стания, поднятого моряками под руководством лейтенанта Шмидта в 1905 г. Так, он пишет, что «первое, что они сделали, – это устроили месть тем офицерам и чиновникам, которые принимали участие в подавлении» восстания под руководством лейтенанта Шмидта и в его осуждении. Они в декабре 1917 г. «арестовали и расстреляли определенное число также тех... которые были, по одной причине или другой, не любимы моряками». Он вспоминал, что «два месяца спустя достигли Севастополя новости, согласно которым советское правительство подписало с Германией и Турцией, 18 февраля/1 марта 1918 г. позорное Соглашение в Брест-Литовске»[562]. Прочитав в газете об этом, «Чарыков воскликнул: „Мерзавцы!", и в негодовании разорвал газету»[563].

По его мнению, «Брест-Литовский мир был для немцев программой действий на случай успешного для них окончания войны: экономическая эксплуатация России, по возможности ее расчленение на Украину и Великороссию... широчайшее использование русских среднеазиатских владений для борьбы за восток с Англией, а затем военный союз с Россией в будущем, причем русские войска должны были находиться в полном распоряжении германского командования». Но, по мнению Чарыкова, самим немцам мешает их «всегдашнее ослепление и самовлюбленность» и «только решительное поражение может изменить их отношение к России»[564].

Он иронически относился к тем, кто верил в возможность равноправного союза между Россией и Германией, утверждал, что «русско-германский союз... как это рисовалось Нольде, – утопия». Более того, «по поводу Нольде и Кривошеина и их германофильства, непонятого немцами, Чарыков сказал, что немцы знают Россию лучше, чем наши германофилы»[565].

Но, несмотря на все это, по его мнению, «англичане и французы настолько плохо и мало знают Россию, что могут наделать „непоправимые ошибки" и тем... расчистить путь для германофильской ориентации России при условии, что Германия сама коренным образом переменит свое отношение к нашей стране»[566].

Чарыков полагал, что «немцы разлюбили Романовых со времен франко-русского союза, а Николая II они ненавидели и боялись его воцарения». Более того, он считал, что «немцы сознательно допустили гибель всей царской семьи, чтобы устранить возможность воз-

---

562 *Tcharykow N. V.* Glimpses of High Politics. Through War and Peace. 1855–1929. London, 1931. P. 301.

563 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 121.

564 Там же. С. 120.

565 Там же. С. 121.

566 Там же.

рождения монархии в России при монархе, объявившем им войну, и не захотевшим заключить с ними сепаратный мир»[567].

Он утверждал: «Если бы они [немцы] не хотели расстрела Николая II и его семьи, им стоило только шевельнуть пальцем и большевики не посмели бы это сделать». Напротив, по его свидетельству немцы встретили известие о расстреле Николая II шампанским[568].

Между тем новости о Брест-Литовском договоре «вызвали всеобщее негодование, и политические митинги состоялись на улицах, выступающих против этого как акт измены»[569].

Именно, в эту «памятную ночь... когда было расстреляно так много флотских офицеров и вообще видных деятелей царского времени»[570], в дом Чарыковых пришли четыре матроса, которые велели ему идти с ними. При этом, отмечает он сам, «они не произвели никакого шума, поскольку моя жена попросила, чтобы они сохраняли тишину, потому что наши дети спали. Когда я оделся, я пошел с ними, и мой самый старший сын шел со мной»[571].

Чарыков вспоминал, что его привели на площадь у собора св. Владимира, где «несколько сотен гражданских и военно-морских офицеров стояли окруженные вооруженными моряками».

Дальше он повествует, что полчаса они ждали, а затем к нему подошел матрос, который спросил его фамилию. Получив ответ, он сказал: «Вы можете идти, и я дам Вам двух моряков, чтобы сопровождать Вас к вашей двери. И Ваш сын может пойти с Вами». «Этот эскорт нам дали потому, что любой, кто находился на улицах и не был моряком, той ночью был застрелен. Я поблагодарил моряка и вернулся, с благодарным сердцем, домой и к жене. Спокойная храбрость, с который мой сын, которому было тогда пятнадцать лет, стоял перед неизбежной смертью, была замечательна»[572].

Чарыков находит вероятное объяснение в том, что «согласно желанию Бога, этот акт милосердия состоял в том, что некоторые из этих моряков, возможно, были на борту российских канонерских лодок, размещенных в Константинополе, в то время как я был послом там. Я, конечно, был всегда добр и внимателен к ним, моя жена устраивала Рождественские елки для них, и не раз мы присутствовали в их любительском театре. И в ходе трех лет приблизительно 2000 моряков, должно быть, служили в Константинополе»[573].

---

567 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 121.
568 Там же.
569 *Tcharykow N. V.* Glimpses... P. 302.
570 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 116.
571 *Tcharykow N. V.* Glimpses... P. 303.
572 Ibidem.
573 Ibid. P. 304.

Михайловский подтверждает это объяснение, правда, со слов самого же Чарыкова. Он приводит слова, обращенные к нему одним из матросов: «„Мы тебя милуем за то, что к нам, матросам, хорошо относился", он тут же объяснил своим товарищам, что, мол, „хороший посол был – матросские елки устраивал"»[574].

Характеризуя атмосферу, установившуюся в Севастополе, Н. В. Чарыков вспоминал, что там царил дух свободы, митинги и собрания устраивались «не только в старом цирке, который стал основным политическим местом собрания, но в общественных площадях и в улицах». Так же «пресса была освобождена от любого вида контроля... за исключением некоторых грубых иллюстрированных брошюр, нападавших на семью императора в связи с распутинскими скандалами, тон прессы был весьма приличен, и я фиксирую факт, который говорит в пользу высокой российской морали: не появилось никаких газет или брошюр порнографического характера»[575].

Уникальный источник – материалы газеты «Крымский вестник» свидетельствуют, что, проживая в Севастополе, Чарыков возглавил общественный клуб «Единение»[576]. Кроме того, он и его семья входили в состав Совета «интересной военной церкви святого Михаила»[577].

Он вспоминал, что отношения матросов и рабочих не были лишены противоречий. Рабочие вместе с другими горожанами выступали за создание добровольных дружин для охраны порядка и с «намерением предотвратить возобновление любых таких злодеяний» со стороны матросов[578].

Существующий порядок изменился после установления германской оккупации. Территорию Крыма возглавило правительство генерала М. А. Сулькевича, в состав которого позднее вошел Н. В. Чарыков как фактический руководитель внешнеполитического ведомства, а также как министр просвещения[579].

Накануне революционных событий 1917 г. Н. В. Чарыков рассматривался в качестве кандидата на должность министра иностранных дел, придерживался антантовской ориентации и негативно относился к заключению сепаратного соглашения с Германией. В целом перспективу союза с Германией он расценивал отрицательно, полагая, что это обрекло бы Россию на роль сателлита Германии, выполняющего функцию поддержки ее колониальных планов.

---

574 *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 117.
575 Там же.
576 Крымский вестник. 1918. 23 (16) окт. № 143 (9423).
577 *Tcharykow N. V.* Glimpses... P. 307.
578 Ibid. P. 308.
579 Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 163. Л. 13.

Н. В. Чарыков поддержал Временное правительство, пришедшее к власти в феврале 1917 г., но не принял правительства большевиков в октябре 1917 г. В дальнейшем он вошел в состав Крымского краевого правительства, а затем эмигрировал в Константинополь, не желая признавать установления советской власти в Крыму.

Чжан Цзяньжун

Размышление о китайском пути в контексте столетия Октябрьской революции 1917 года

Аннотация. Русская Октябрьская революция 1917 года оказала большое влияние на китайскую революцию. Именно она определила характер китайской революции как социалистический. История показала, что путь социалистической модернизации, начатый Великим Октябрем, вполне соответствует потребностям развития китайского общества. Путь социализма с китайской спецификой – это путь, на который вышел китайский народ в ходе революции и мирного строительства.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., китайский путь.

Reflections on the Chinese Way in the Context of 100 Anniversary of October Revolution of 1917

Abstract. The Russian October Revolution of 1917 had a great influence on the Chinese revolution. It determined the character of the Chinese revolution as socialist. History showed that the path of socialist modernization, begun by the Great October Revolution, fully corresponds to the needs of the development of Chinese society. The path of socialism with Chinese characteristics is the way the Chinese people came out in the course of the revolution and peaceful construction.

Keywords: October revolution of 1917, the Chinese way.

В этом году, в условиях меняющейся мировой политики и экономики, а также кризиса в системе мирового управления, мы отмечаем 100-летний юбилей Великой Октябрьской революции. Это дает нам возможность не только вспоминать те моменты в истории 1917 г., которые изменили судьбу России и мировой истории, но и размышлять об уроках и опыте этого события. Прежде всего, Октябрьская революция открыла в истории эру социалистического строя, который стал альтернативой для многих революционеров XX в. в борьбе за идеалы и выбор пути развития.

Мы должны понимать, что теорию социалистической революции и практику социалистического строительства нельзя рассматривать как окостенелую догму марксизма и ленинизма, а надо рассматривать

ее в контексте эволюции, исходя из практики собственной страны. Основным принципом ленинизма является именно сочетание теории и практики, что воплотилось в создании первого в мире социалистического государства после Октябрьской революции – Советского. История показала, что социалистический Советский Союз превратился из отсталой аграрной страны в могучую сверхдержаву в процессе осуществления индустриализации, кооперации сельского хозяйства, модернизации науки и культуры. Именно Советский Союз явился главной силой в разгроме фашизма во Второй мировой войне. Распад Советского Союза был не только геополитической катастрофой XX в., но и ударом для мирового социализма. Основной причиной этой катастрофы был не сам путь, открытый Октябрьской революцией, а разногласия внутри КПСС, колебания и сомнения в марксизме и ленинизме, утрата единой идеи. Вместо того, чтобы унаследовать принципы марксизма и ленинизма и развивать их далее, идейные основы КПСС стали разрушаться, в результате чего они лишились поддержки элиты интеллигенции и общественно активного населения.

Русская революция имела огромное значение в истории китайской революции. «Залпы Октябрьской революции принесли нам марксизм-ленинизм» – именно это изречение обобщает огромное влияние Октябрьской революции на Китай, можно сказать, без Октябрьской революции не было бы нового Китая. Именно под водительством Октября китайская революция встала на путь развития социализма. Прошло 100 лет, в мире произошли колоссальные изменения, мировое сообщество также продвинулось в познании Октябрьской революции. В глазах некоторых людей после распада социалистического лагеря во главе с бывшим Советским Союзом к концу XX века Русская Октябрьская революция 1917 г. осталась лишь историческим эпизодом, а развитие мирового социализма уже в тупике, не имеет перспективы. С подобным мнением и выводами Китай, конечно, не может согласиться.

Практика китайской революции показала, что путь социалистической модернизации, начатый в России в октябре 1917 г., вполне соответствует потребностям развития китайского общества. Сегодня Китай не свернет с того пути, за который боролась и борется КПК, несмотря на кровь и жертвы, Китай не откажется от поиска обновленой теории и практики данного пути развития.

1. Опыт Октябрьской революции 1917 г. как предвестник китайской новой демократической и социалистической революции

Китай – великая страна, имеющая пятитысячелетнюю древнюю культуру. Однако на протяжении 100 лет в Новой истории Китай являлся полуфеодальной и полуколониальной страной, такой бедной

и отсталой, что потерял свой суверенитет и независимость, натерпевшись всяческих унижений и оскорблений со стороны иностранных агрессоров. Тогда старый Китай долго находился на распутье между монархией, тремя народными принципами (национализм, народовластие, народное благосостояние), феодальной раздробленностью, колонизацией со стороны Японии и... социализмом. Спустя полвека трудного поиска Китай избрал новую демократию, выбрал Компартию Китая в качестве локомотива модернизации и начал новую жизнь. Именно в этом заслуга Октябрьской революции, которая принесла КПК уверенность в победе китайской революции и указала первым китайским марксистам путь в будущее.

Во-первых, влияние на Китай Октябрьской революции заключается в том, что она показала: экономически и культурно отсталые государства могут вооружиться социалистической идеологией и с ее помощью встать на путь национального освобождения. Октябрьская революция произошла в России, но у России и Китая было много общих черт – пережитки феодализма, отставание от запада в экономике и культуре. Некоторые представители передовой китайской интеллигенции на основе этого сформулировали мысль: поскольку у Китая были условия, схожие с Россией, и русские смогли вооружиться учением Маркса как руководством к решению проблем своей страны, то почему китайцы не могут сделать то же самое?

Во-вторых, советская власть призывала к борьбе против империализма и капитализма, переходила к новым равноправным отношениям с Китаем, это стало одной из важных причин распространения социалистической идеологии в Китае.

В июле 1919 г. советская власть опубликовала первую декларацию о Китае, объявив о возврате ему Маньчжурии и других областей, захваченных царским правительством, об отмене всех привилегий русских на территории Китая и т. д. Эта декларация отражала новый дух Конституции Советской России.

В-третьих, союз русских рабочих, крестьян и солдат свергнул буржуазный режим вооруженным методом и взял власть в свои руки. Это дало возможность китайским марксистам понять одну истину революции: чтобы решить свою судьбу, надо взять власть в свои руки.

После Октябрьской революции и начала движения молодежи 4 мая идея социализма вызвала к жизни новый тип общественной активности.

В Китае первым поднял знамя марксизма революционер Ли Дачжао. У него был светлый ум и острый глаз. Он отметил, что русская революция открыла новую эру в истории человечества.

В начале XX в. в Китае боролись различные общественные течения: анархизм, синдикализм, общинный социализм, социал-демократия, квази-социалистическая коммуна и т. д. Китайские передовые

интеллектуалы через долгие, трудные поиски сделали выбор в пользу доктрины Маркса. В рядах первых китайских марксистов были Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, Цай Хэшэнь, Ян Баоан, Чжоу Эньлай, Дун Биу, Лин Воцюй, Фу Юйчжан и др. В частности Ли Дачжао, Чэнь Дусю и Мао Цзэдун сыграли существенную роль в создании КПК и в развитии китайской революции.

Наряду с изучением трудов Маркса и Энгельса китайская передовая молодежь начала уделять внимание изучению и работ Ленина, обращая внимание на опыт победы советской власти. Это оказало огромное положительное влияние на развитие коммунистического движения в Китае. Это связано с тем, что учение Маркса является своего рода революционным духом и научной идеей, которые органично объединяют мировоззрение и теорию социальной революции. Оно является более убедительным, чем любая другая теория.

Таким образом, первый этап знакомства Китая с марксистской идеей пришелся на начало XX в. К этому времени китайские марксисты уже поняли, что учение Маркса должно сочетаться с реальной действительностью Китая. И так под руководством КПК китайский народ победил феодализм, империализм и все капиталистические силы и создал новый Китай. После образования КНР КПК одержала большую победу в социалистическом строительстве и преобразовании, что значительно изменило облик Китая. В новую эру КПК, идя в ногу со временем, проводит внешнеэкономическое сотрудничество на основе концепции «реформ и открытости» и постепенно осуществляет историческую миссию подъема китайской нации в процессе глобализации.

2. Путь реформ как начало строительства социализма с китайской спецификой

На протяжении последних десяти лет в международном дискурсе часто звучит понятие «Пекинский консенсус». Проще говоря, это и есть китайский путь – путь развития Китая в течение 38 лет после начала действия концепции «реформ и открытости». Если сделать очень краткий экскурс в историю Китая, то можно сказать, что нынешний путь развития Китая является его историческим выбором в условиях колоссальных изменений в процессе трансформации системы мировых отношений.

Как известно, после создания Китайской Народной Республики страна встала на ноги. В условиях изоляции и блокады со стороны Запада был преобразован ее былой бедный и отсталый облик, была успешно осуществлена индустриализация. В то же время была допущена общая для всех социалистических стран ошибка: из-за жесткой плановой экономики образовался дефицит товаров, а кроме того, страна пережила хаос китайской культурной революции. После начала реализации принципов «реформ и открытости» постепенно

сложилась рыночная экономика, расширилась внешняя открытость и смягчилась идеология. Все это дало Китаю большие стимулы к экономическому развитию, благодаря которому жизнь населения значительно улучшалась, а мощь государства возросла. Но вместе с тем, усилились коррупция и социальное неравенство, обострились социальные противоречия и конфликты, а также экологические проблемы. Стала модной погоня за деньгами.

В начале реализации пути «реформ и открытости» западные ценности и права человека получили широкое распространение в китайском обществе. В частности, китайскую интеллигенцию впоследствии охватили явления коррупции и отход от социальной справедливости. Все это, в сочетании с эффективным проникновением западной идеологии, привело к образованию новой общественной силы, которая стала играть важную роль в сфере распространения информации, что принесло органам власти разных уровней в Китае много неприятностей. Наблюдалась тенденция к полной европеизации в обществе Китая. То есть, к утверждению западной идеологии и системы ценностей, которые основываются на свободе, равноправии, демократии, гуманизме, соблюдении прав человека. Это был бы западный конституционный строй, основанный на таких принципах, как всеобщие выборы, многопартийность, независимость суда, гражданское общество. Это был бы западный новый либерализм, который основывается на свободной экономике, частной собственности, свободной торговле, невмешательстве государства.

Конечно, все эти идеи в определенной степени заняли свое место в области идеологии, стали главным течением в сознании масс населения. Это создавало почву среди части интеллигенции для усиления голосов за полную европеизацию Китая. Но большинство населения страны оказалось недовольно различными дурными явлениями в обществе, стало упрекать власть и жаловаться на сложившуюся ситуацию. Многие были не уверены в пригодности европейской модели к реалиям Китая, они высказывали озабоченность сложившимся положением, попаданием в «ловушку демократии», как это было в ситуации Арабской весны. Куда надо идти? Какой путь выбрать? Как строить социализм в современном мире? Все эти вопросы стоят перед правящей партией Китая и китайской интеллигенцией в период реализации принципов «реформ и открытости». Все искали и старались найти истину, чтобы не погрязнуть в дебатах.

Дэн Сяопин сделал тщательный анализ опыта социалистического строительства в Китае. Он разделил наши ошибки на две категории: первая связана с повторением советской модели, воспроизведением клише. Вторая группа ошибок принадлежит нам самим. К ней можно отнести такие явления, как «большой скачок» и «культурная революция». Он сказал: «После основания Китайской Народ-

ной Республики, наши ошибки, в общем-то говоря, состояли в том, что мы неправильно понимали, что такое социализм. Самое главное заключается в том, что мы не придаем значение развитию производительных сил. Поэтому наша страна отстает». Во время поездки по многим городам юга Китая Дэн Сяопин неоднократно прямо говорил: «Без социализма, без реформы и открытости, без развития экономики, без улучшения жизни населения, все зайдет в тупик»[580].

Так что в процессе реформы китайские руководители во главе с Дэн Сяопином твердо придерживаются пути социализма с китайской спецификой, «щупают камни под ногами, переходя через реку», осторожно продвигают вперед структурную перестройку экономики, которая заложила прочный фундамент для успеха экономических реформ в Китае. Именно таким образом Китай прошел первые этапы преобразований, полных рисков, и добился больших успехов. За 38 лет после начала реализации «реформ и открытости» в Китае произошли колоссальные перемены, которые удивляют весь мир. «Китайское чудо» как легенда распространяется во всем мире.

Ныне Китай уже стал самым крупным в мире индустриальным производителем, самым крупным экспортером и импортером и второй по величине мировой экономикой. Он стал важным игроком на международной арене. Пекинский консенсус, китайская модель развития стали животрепещущей темой обсуждения в современном мире. В чем сущность китайского пути? Более научно это сформулировано вице-президентом КАОН Ли Шэньмином в своем докладе[581].

Китайский путь, в широком смысле, означает исторический путь, по которому прошли китайская революция, китайское строительство и китайская концепция «реформ и открытости». В узком смысле, китайский путь означает социалистический путь с китайской спецификой. Он состоит из следующих составляющих:

1. Путь политического развития, в основе которого руководство Компартии Китая, народная власть, правовое государство.

2. Путь экономического развития, в основе которого общественная собственность в сочетании с другими формами собственности, функционирующими в общей системе, где некоторые люди могут стать богатыми с целью осуществить всеобщее процветание.

---

580 引自1992年1月18日~2月21日 小平在武昌、深圳、珠海、上海等地的 要点。《总设 小平》。中央文献研究室第三 研部 著， 州人民出版社，2008年12月。(Цитаты из выступлений Дэн Сяопина в Учане, Шэньчжэне, Чжухае, Шанхае и др. городах в период с 18 января по 21 февраля 1992 г. «Главный конструктор–Дэн Сяопин». Декабрь 2008 г.)

581 李慎明、何成、宋 强《"中国道路"的六个内涵》。《科学咨询》2011年第2期。 Ли Шэньмин, Хэ Чэн, Сун Вэйцзя. Шесть пунктов в содержании понятия «Китайского пути» // Научные консультации. 2011. № 2.

3. Путь культурного развития, в основе которого главные ценности социализма, учение марксизма, открытость к опыту народов разных стран в мирном сосуществовании государств с различным общественным строем.

4. Путь постоянных реформ и новаторства, который основан на раскрепощении сознания, прагматичных подходах и научном взгляде на развитие.

5. Путь открытости, то есть внешняя открытость, при твердой приверженности курсу на независимость и самостоятельность, равноправие и взаимную выгоду в экономическом сотрудничестве со всеми странами мира, активное участие в глобализации.

6. Путь развития гармоничного мира, где главные принципы – защита государственного суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других стран, справедливость, непризнание гегемонизма и политики силы в различных формах, курс на мирное развитии, совместное процветание.

В общем, все наши достижения со времени провозглашения принципа «реформ и открытости» объясняются тем, что в Китае открыт путь социализма со своей спецификой, созданы теория и практика социализма с китайской спецификой, сделаны творческое исследование и обобщение закономерностей социалистического строительства с учетом особенностей Китая. В результате осуществился прорыв в сочетании универсальных принципов марксизма с китайской практикой социалистического строительства, что открыло новый этап развития марксизма в Китае, указало направление в продвижении дальнейшего развития партийных и государственных дел в новую эпоху. Все это имеет важное значение для всего мира.

3. Китайский путь в свете его основных ценностей

С точки зрения философского осмысления китайский путь основывается на своей идеологии и воплощен в своих ценностях. В октябре 2006 г. на шестой сессии 16 съезда КПК впервые была четко выдвинута система основных ценностей социализма, в которую входят:

– руководящая идея марксизма,
– общенациональный идеал социализма с китайской спецификой,
– патриотизм как основа национального духа реформ,
– новаторство как основа духа эпохи,
– социалистическая концепция чести и позора.

Концепция социализма с китайской спецификой получила свое постепенное воплощение на практике, она происходит из трех источников:

– теории марксизма-ленинизма,
– современных достижений западной цивилизации,
– китайской традиционной культуры.

В основе марксизма и ленинизма лежит стремление к справедливости, свободе, разуму. Лозунгами западной цивилизации являются демократия, свобода, права человека, конституционализм. В китайской традиционной культуре подчеркивается единство морали и политики, гармония между человеком и природой. Понятие основных ценностей социализма с китайской спецификой сформулировано, в кратком виде, как свобода и демократия, справедливость и власть закона, патриотизм и уважение старших, доброжелательность и порядочность, честность и чувство стыда.

На 18 съезде КПК, состоявшемся в ноябре 2012 г., была изложена система основных ценностей социализма на трех уровнях, она сформулирована кратко в таких 24 иероглифах: благосостояние, могущество, демократия, цивилизация и гармония, свобода, равенство, справедливость и законность, патриотизм, увлеченность своим делом, честность и дружелюбие[582].

1. На национальном уровне, «благосостояние, могущество, демократия, цивилизация и гармония» – это и есть цель социалистической модернизации нашей страны. Под благосостоянием, могуществом подразумевается народное могущество и национальное процветание, это заветная мечта китайской нации. Демократия – это идеальное стремление человеческого общества. Мы стремимся к народной демократии на основе народной власти. Цивилизация является важным символом социального прогресса, а также важным показателем современной социалистической страны. Она является надлежащим состоянием социалистической модернизации в строительстве национальной культуры, обобщением массовой, научной, национальной социалистической культуры, является важной опорой для возрождения китайской нации. Гармония – это основная идея китайской традиционной культуры, она является гарантией мира и стабильности, устойчивого здорового развития экономического общества.

2. На социальном уровне, «свобода, равенство, справедливость и законность» – это убеждение китайской правящей партии в своей последовательной практике, которое отражает основные атрибуты социализма с китайской спецификой. Свобода означает свободу воли, существования и развития человеческого общества. Равенство означает равенство граждан перед законом, которое требует соблюдения прав человека, обладания каждого правом на участие в общественном развитии. Справедливость предполагает обладание правом на раскрепощение и свободу человека на основе равенства, она является ценностной ориентацией государства и общества. Под за-

[582] 胡 在中国共 党第十八次全国代表大会上的 告 (Доклад генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао на 18-м Всекитайском съезде КПК). http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html.

конностью подразумевается правовое управление государством, посредством строительства правового общества, обеспечение коренных интересов граждан, гарантия справедливости и равенства.

3. На уровне гражданина, «патриотизм, увлеченность своим делом, честность и дружелюбие» – это основные моральные нормы граждан. Они охватывают все сферы общественной нравственной жизни, составляют стандарты основных ценностей для выбора нравственного поведения граждан. Патриотизм основывается на личном глубоком чувстве к своей родине, а также служит критерием урегулирования взаимоотношений между личностью и родиной.

Увлеченность своим делом – это оценка стандарта профессионального поведения граждан, которая требует от граждан быть лояльными к своим обязанностям, беззаветно преданными общественному долгу, служить народу и обществу. Честность означает быть честным и доверять людям, это моральная традиция, передающаяся из поколения в поколение на протяжении тысяч лет, а также главная задача строительства социалистической морали.

В общем, основные ценности социализма воплощают в себе коренные требования социализма, традиции китайской культуры, делают акцент на толерантности и гармонии, уважении многообразия социального строя и модели развития, а также впитают в себя достижения мировой цивилизации и дух времени.

Заключение

Осмысливая историю и глядя в будущее, китайский лидер Си Цзиньпин отметил: «Путь решит судьбу», «по какому пути идти – это главный жизненный вопрос, связанный с победой или поражением, с успехом или неудачей в деле партии, путь и есть жизнь партии»[583]. Социализм с китайской спецификой придерживается не только основных принципов научного социализма, но и придает ему яркое своеобразие; социализм с китайской спецификой это и есть социализм. Путь социализма с китайской спецификой – это путь, на который вышел китайский народ на практике через концепцию «реформ и открытости».

Китай – не только крупнейшая развивающаяся страна, но и наиболее важная социалистическая страна в мире. Его успешный опыт развития вызвал в мире положительный отклик и большой резонанс. Все больше и больше развивающихся стран проявляют возрастающий интерес к опыту китайского пути развития, который дает им уникальный пример поиска модели развития, соответствующей национальным условиям.

---

[583] 道路　是　系党的事业兴衰成　第一位 (По какому пути идти – это главный жизненный вопрос, связанный с победой или поражением, с успехом или неудачей в деле партии). http://xh.xhby.net/mp2/html/2013-01/06/content_699367.htm.

Шеляг А. И.

Подходы к решению польского вопроса в 1917 году в освещении российской и польской историографии

Аннотация. В данной статье на основе анализа российской и польской литературы рассматриваются подходы к польскому вопросу различных акторов политической сцены в 1917 г., а также выявляются новые тенденции в освещении проблемы в современной историографии. Свой вклад в создание необходимых условий для обретения польским народом независимости внесла и революция 1917 г. в России. Одним из ее последствий стало придание польскому вопросу международного характера.

Ключевые слова: Революция1917 г., Австро-Венгрия, Германия, польский вопрос, Акт 5 ноября 1916 г., сепаратный мир.

Approaches to the Polish Question in 1917 from the Point of View of Russian and Polish Historiography

Abstract. The article is based on contemporary Russian and Polish historiography. It is an attempt to overview different approaches to solve the Polish issue in 1917. Some events important for the Polish struggle for independence that happened in 1916 have their continuation in 1917. The Russian revolution of 1917 contributed to creating conditions for the Poles to get their independence. The international character of the Polish issue was one of its consequences.

Keywords: Revolution of 1917, Austria-Hungary, Germany, Polish question, Act of November 5 1916, separate peacetreaty.

В данной статье кратко представлены подходы ключевых акторов политической сцены к решению польской проблемы в рассматриваемый период, а также осветить взгляды историков, прежде всего российских и польских, на некоторые аспекты данного вопроса.

Современные концепции отечественных исследователей, специалистов в области польской истории, нашли концентрированное отражение в коллективном труде «Польша в XX веке. Очерки политической истории». Ряд ценных размышлений содержится в трудах, в том числе опубликованных по итогам конференций, включая совместные[584].

[584] Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009; До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009; Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010; Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб., 2012; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

В Польше с учетом приближающегося в 2018 г. столетия восстановления самостоятельного польского государства основное внимание уделяется осмыслению данного события и подготовке к его празднованию. В преддверии этого 2017 год объявлен в Польше годом Ю. Пилсудского в связи со 150-летием маршала – основателя и руководителя межвоенной Польской Республики. В марте 2017 г. в свет вышел очередной номер польского исторического журнала «Века говорят» («Мувьон веки»/«Mówią wieki»), целиком посвященный революционным событиям в России в 1917 г. В числе статей, опубликованных в данном номере, ряд подготовленных польскими авторами освещает, в частности, тему участия поляков в российской революции[585]. Оценки революционным событиям 1917 г. в России и их связям с польским вопросом даны польскими исследователями в сборнике «Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях»[586]. Сохраняет свою актуальность фундаментальный труд по истории Польши в годы Первой мировой войны польских историков Е. Хольцера и Я. Моленды[587]. Освещение различных аспектов польской национальной проблемы, в том числе по состоянию на 1917 г., можно найти в тематических исследованиях Л. Гросфельда, М. Вжосека, Я. Левандовского, Х. Флорковской-Франчич, Я. Сиборы и других[588].

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению интересующего нас предмета, хотелось бы сделать несколько вступительных замечаний.

По мнению российских ученых, мечтой или сверхцелью[589] большинства польских политических движений, участвовавших в национально-освободительной борьбе, было объединение всех польских земель и возрождение самостоятельного польского государства.

Как писал польский историк Т. Наленч, «объективные условия возрождения в 1918 г. суверенного польского государства создало военное поражение всех трех держав-участниц разделов и сопровож-

---

585 *Wiernicka V.* Rewolucja rękami obcokrajowców. Udział Nie-Rosjan w przejęciu władzy przez bolszewików; *Stańczyk T.* Na «Aurorze» i w Smolnym// Mówią wieki. Marzec 2017. № 3/2017 (686).

586 *Липиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

587 *Holzer J., Molenda J.* Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa, 1967.

588 *Grosfeld L.* Polityka państw centralnych wobec sprawy polskiej w latach 1914–1918. Warszawa, 1962; *Lewandowski J.* Królewstwo Polskie wobec Austro-Węgier.1914–1918. Warszawa; Lódź,1986.; *Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej. 1914–1918. Warszawa, 1990; *Florkowska-Frančić H.* Między Lozanną, Fryburgiem i Vevey. Z dziejów polskich organizacji w Szwajcarii w latach 1914–1917. Kraków, 1997; *Sibora J.* Narodziny polskiej dyplomacji u progu niepodległości. Warszawa, 1998.

589 *Лыкошина Л. С.* Основатель «пястовской» концепции развития Польши Роман Дмовский // До и после Версаля. С. 255.

давшая это революция. Степень использования такой исключительно благоприятной конъюнктуры определили сами поляки»[590].

Некоторые современные польские авторы к числу факторов, позволивших полякам воссоздать свое государство, относят ширящееся по всей Европе революционное движение и поддержку западными государствами Польши как его катализатора[591]. Схожие взгляды можно встретить в отечественной историографии. Российские и польские историки высказывали мнение о том, что восстановленной после войны сильной Польше отводилась роль стабилизирующего фактора в Восточной Европе, а также заслона от российской революции[592]. Между тем в первые месяцы после Октябрьской революции ситуация не выглядела столь однозначной. По свидетельству М. Сейды, политика из лагеря польской Национально-демократической партии, октябрьские события в России «негативно сказались на положении польского вопроса» в западных странах – членах Антанты, особенно в Англии: «...будто вообще боялись затронуть проблемы Центральной и Восточной Европы; усилилось стремление сохранить Австро-Венгрию». Если Польша должна была организовываться в непосредственной близости от охваченной революцией России, т. е. в сфере возможного влияния революционных событий, то более верным заслоном перед революцией представлялась Австро-Венгрия как государство, располагающее готовым государственным аппаратом и армией[593].

Несмотря на то что поляки в целом позитивно восприняли Февральскую революцию в России, польские революционеры с энтузиазмом встретили приход к власти большевиков, а тысячи поляков участвовали в свержении Временного правительства и строительстве советского государства, в самих польских землях до окончания мировой войны благоприятных условий для подъема революционной волны не было[594].

Борьбу за решение своего национального вопроса польский народ вел как на полях сражений, так и политико-дипломатическими методами и средствами пропаганды.

По утверждению польского историка Я. Левандовского, «сформировавшееся еще перед войной разделение на политические ориентации (концепции, связывавшие возрождение польской государственности с опорой на Россию (ее союзников по Антанте) или Австро-Вен-

---

590 *Nałęcz T.* Irredenta polska. Warszawa, 1992. S. 5.

591 *Cutter Z.* Polskie formacje wojskowe w pierwszej wojnie światowej // Państwa europejskie na drodze do niepodległości (w drugiej połowie XIX i w XX wieku). Kraków, 2003. S. 301.

592 *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013. С. 5; *Фалькович С. М.* Польский вопрос в трех российских революциях// Революционная Россия 1917 года ... С. 25–26.; *Липиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало. С. 54.

593 *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 272–273.

594 Польша в XX веке... С. 90.

грию (реже – Германию. – *А. Ш.*) подвергалось модификации под воздействием меняющейся военной, политической и экономической ситуации как на польских землях, так и в мировом масштабе»[595].

Емко это определил в 1916 г. польский предприниматель и политик того времени, бывший депутат Государственной думы М. Лемпицкий. По его мнению, появление ориентаций стало «вынужденным отголоском» разделов и являлось лишь выбором средства достижения приоритетной для поляков цели, а именно – независимости. При этом он подчеркивал, что если какая-либо из держав ясно и искренне объявит о своем намерении восстановить польское государство, то за ней пойдет весь польский народ[596]. Таким образом, польские политики, по определению Г. Ф. Матвеева, действовали ситуационно. 1917 год дал этому немало примеров.

Так, изначально выступавший с пророссийских позиций лидер Национально-демократической партии Р. Дмовский примерно с лета 1917 г. начал ориентироваться в основном на западных союзников России по Антанте. Оппонент Р. Дмовского – Ю. Пилсудский, политик социалистического толка и организатор польских вооруженных формирований, который на определенном этапе своей деятельности связывал надежды на возрождение польского государства с Центральными державами, к лету 1917 г. порвал связи с Берлином и Веной. Арест Ю. Пилсудского немцами в июле того же года сыграл ему в дальнейшем на руку, превратив из сотрудничавшего с Центральными державами политика (что под конец войны ввиду приближающегося поражения Германии и Австро-Венгрии становилось все более непопулярным) в мученика борьбы за польскую независимость, пострадавшего от действий оккупантов польских земель[597].

В исторической науке присутствует точка зрения, что Февральская революция развязала руки западным союзникам России в польском вопросе, ранее избегавшим открыто затрагивать польскую проблему, чтобы не задеть царское правительство, считавшее польский вопрос своим внутренним делом[598]. Страны – союзницы России по Антанте имели и другую причину для сдержанности в польском вопросе, а именно, надежды на то, что путем сепаратных переговоров удастся оторвать от Четверного союза Австро-Венгрию. Такая позиция гарантировала также от слишком поспешного ангажирования в проблемы будущих территориальных урегулирований[599]. Русский

---

595 *Lewandowski J.* Op. cit. S. 5.

596 РГВА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 215. Л. 30.

597 См.: *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 237.

598 *Batowski H.* Między dwiema wojnami. 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 2001. S. 11.

599 *Fisher H. H.* America and the new Poland. N. Y., 1928. P. 97–98. *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 224–225; *Мультатулли П. В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М., 2013. С. 747.

дипломат А. А. Гирс в апреле 1915 г. писал в своих заметках о «толках о желании Австрии заключить сепаратный мир»[600]. Приход к власти в России большевиков окончательно развязал союзникам по Антанте руки в польском вопросе[601].

Российские и польские исследователи единодушны в том, что именно в 1917 г. польский вопрос приобрел международный характер[602]. В то же время дорога к этому была открыта еще в 1916 г. принятием Центральными державами Акта 5 ноября. На его основании в нарушение международно-правовых норм, разрешающих проводить территориальные изменения только на мирных конференциях с участием всех заинтересованных сторон[603] и возбраняющих принуждать население временно занятых военной силой областей к поднятию оружия против собственного отечества[604], на оккупированных польских землях Российской империи провозглашалось самостоятельное (но не независимое) новое Польское королевство. В числе ключевых причин данного шага были: желание пополнить армии за счет набора польских рекрутов, а также идеи создания Срединной Европы (буферного пояса из стран, расположенных между Германией и Россией), в которой Польша должна была стать первым самостоятельным государством на западных рубежах Российской империи[605].

В то же время историки видят определенную связь проблемы провозглашения Центральными державами 5 ноября 1916 г. самостоятельного (но не независимого) польского государства на польских землях, «вырванных из-под русского господства», с вопросом о возможности заключения сепаратного мира между ними и Россией[606].

Попытки заключить сепаратный мир предпринимались практически с самого начала войны и продолжались до ее завершения. Подробный очерк российской историографии, посвященной данному вопросу, представлен в монографии Ф. А. Селезнева[607].

По мнению польских исследователей, Германия предпринимала такие усилия в феврале–марте 1915 г., июле–августе 1915 г., декабре 1915 г.–январе 1916 г., августе 1916 г.[608]. Не оставлялись эти попытки

---

600 *Гирс А. А.* Письма и заметки. Петроград, 1916. С. 46.

601 *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 272.

602 *Duraczyński E.* Sprawy polskie minionego wieku. Szkice. Kraków, 2011. S. 13; Польша в XX веке... С. 85.

603 *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. С. 218.

604 Odbudowa i rozwój państwowości polskiej w świetle dokumentów 1908–1921. Gliwice, 1993. S. 112. http://ru-history.livejournal.com/4485591.html.

605 *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. С. 217.

606 Odbudowa i rozwój państwowości polskiej... S. 100.

607 *Селезнев Ф. А.* Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914–1918 гг. СПб.,2017.

608 *Grünberg K., Sprengel B.* Trudne sąnsiedztwo. Stosunki polsko-ukraińskiew X–XX wieku. Warszawa, 2005. S. 235.

и в 1917 г.[609]. Всеми сторонами в расчет принимались, в том числе, соображения о наиболее выгодных обстоятельствах и условиях для его заключения. Одним из важных был территориальный вопрос и послевоенное изменение границ. В итоге мирные инициативы в годы войны не увенчались успехом.

Немецкие историки вслед за своими соотечественниками – участниками событий начала XX в., видят причину невозможности заключения сепаратного мира с Россией в провозглашении польского государства[610]. Германский генерал М. Гофман в своих мемуарах пишет: «Кому первому пришла злосчастная идея о создании Польского королевства... я не знаю; но думаю, что барону Буриану, который ведь подписал окончательное соглашение об этом с рейхсканцлером Бетман-Гольвегом. Это была глупая идея – она отнимала у царя всякую возможность заключения сепаратного мира – и совершенно лишняя. У Центральных держав не было ни малейшего повода поднимать этот вопрос. Уже создание нами Варшавского генерал-губернаторства и Люблинского генерал-губернаторства австрийцами и, следовательно, подчеркивание особого положения этих отнятых у России польских областей было ошибкой. Было бы лучше поступить с этими областями так же, как и с другими частями русского государства, занятыми союзными войсками, то есть просто сделать из них этапный тыловой район для соответствующих армий». Объясняя причины такого шага, М. Гофман ссылается на расчет германского командования получить польские вспомогательные войска: «...в то время мы были так бедны резервами, что с чисто военной точки зрения следовало с радостью приветствовать всякую возможность их увеличения»[611]. В действительности данные надежды не оправдались.

Российские ученые приводят мнение Бетмана-Гольвега, высказанное им в июле 1915 г., согласно которому успехи германских военных операций в Польше «заставят Россию решиться на заключение сепаратного мира». Не только германские политики, но и некоторые представители военного командования Германии (например, начальник имперского генерального штаба Фалькенгайн) примерно в то же время пришли к выводу, что для того, чтобы сделать русских более сговорчивыми, их надо «измотать»[612].

Вместе с тем заявление Бетман-Гольвега в рейхстаге в апреле 1916 г. о том, что польский вопрос, который Центральные державы

---

[609] *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 224–226.

[610] *Pajewski J.* Pierwsza wojna światowa.1914–1918. Warszawa, 2004. S. 412.

[611] *Гофман М.* Война упущенных возможностей. СПб., 2016. С. 142–143.

[612] *Шацилло В. К.* Российская империя в планах военно-политической элиты Германии (конец 1914–1915 гг.)//Первая мировая война, Версальская система и современность... С. 37–38.

не хотели прежде ставить, «был открыт на полях сражений» и что «история не знает status quo после столь выдающихся событий», стало полной неожиданностью для Вены, которая надеялась получить согласие Германии на присоединение Царства Польского к Австрии. Во время визита Буриана в Берлин в апреле 1916 г. он узнал от Бетман-Гольвега о намерении Германии создать в Царстве Польском марионеточное буферное государство[613].

Польские исследователи Е. Хольцер и Я. Моленда считают, что именно провозглашение нового Польского королевства на оккупированных германо-австрийскими войсками землях бывшей «русской» Польши закрыло путь Центральным державам к заключению сепаратного мира с Российской империей, к которому власти последней постепенно начинали склоняться[614]. В отечественной историографии можно встретить точку зрения, согласно которой с определенного момента (а именно с назначения председателем Совета министров Б. В. Штюрмера, «пользовавшегося репутацией германофила») «начинаются поиски путей для заключения сепаратного мира с Германией»[615]. По мнению современных российских исследователей, тема заключения сепаратного мира активно использовалась (в том числе как средство пропаганды) определенной частью русской политической элиты в ее борьбе против действующих властей, а также в целях исключения самой возможности сепаратного соглашения Николая II с Германией[616]. Правда, некоторые исследователи констатируют отсутствие документальных свидетельств, подтверждающих, что кто-то из высшего руководства в Петрограде был склонен пойти на мировую с Берлином[617].

Польские историки Я. Паевский и Л. Гросфельд, напротив, считают, что осознание Центральными державами невозможности заключения мира с Россией привело к провозглашению польского государства, т. е. к реализации идеи создания буферного государства, связанного с Германией[618].

Что касается германских подходов к решению польской проблемы, то они видоизменялись практически на всем протяжении войны, варьируясь между идеями о целесообразности: включения в состав германского государства новых польских земель или их части, создания буферного польского государства под протекторатом Германии, раздела Царства Польского между Германией и Австро-Вен-

---

[613] Польша в XX веке... С.80.

[614] *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 224.

[615] *Бовыкин В. И.* Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 год. М., 1960. С. 190. Цит. по: *Селезнев Ф. А.* Указ. соч. С. 88.

[616] См.: *Селезнев Ф. А.* Указ. соч. С. 174.

[617] *Шацилло В. К.* Указ. соч. С. 39.

[618] *Pajewski J.* Op. cit. S. 412; *Grosfeld L.* Op. cit. S. 95.

грией по сферам оккупации и присоединения Царства Польского к Габсбургской монархии на условиях ряда уступок Германии. Различие в подходах зависело от того, каким политическим, деловым, общественным или военным кругам принадлежало их авторство, а также от того момента (включая расклад сил), когда эти идеи выдвигались. При этом из рассмотрения исключались польские земли, вошедшие по итогам разделов в состав Германии. Видимо, они расценивались в качестве неотъемлемой части германского государства[619].

Австро-Венгрия в силу своей военной слабости и растущей вследствие этого зависимости от более мощного союзника, в конечном итоге вынуждена была в польском вопросе идти в фарватере германских идей, отказываясь от собственных концепций включения Царства Польского в свой состав. Внутреннее положение австро-венгерской империи также оставляло желать лучшего[620].

Нельзя исключать, что Центральные державы, планируя провозглашение нового Польского королевства, просчитывали разные последствия этого шага, надеясь использовать каждый вариант в своих интересах. По определению В. Славека (польский политик, сподвижник Ю. Пилсудского), Германия и Австро-Венгрия поставили польский вопрос, решив воспользоваться козырем Царства Польского в игре с Антантой вокруг заключения мирного договора на выгодных условиях. В случае неудачи они могли использовать потенциал Царства Польского для своих нужд[621]. Дальнейший ход событий, как представляется, подтвердил это предположение. Для Центральных держав Царство Польское было временно оккупированной территорией. Оккупанты не только вывозили из страны запасы готовых изделий, сырье, продовольствие, станки и оборудование, но и всячески поощряли выезд поляков на работы в Германию, испытывавшую вследствие массовой мобилизации нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности. Тем самым оккупационные власти не только решали текущие вопросы снабжения собственной армии и населения Германии продовольствием и сырьем, но и стремились максимально ослабить конкурентоспособность промышленности Царства Польского, а также подчинить себе его рынок[622].

Надежды поляков, ориентировавшихся на помощь Центральных держав, на то, что оккупационный режим создаст полноценные органы польской власти и сформирует подчиненную этим структурам

---

619 *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 229; *Бахтурина А. Ю.* Статус Царства Польского в политике самодержавия накануне Февральской революции// Первая мировая война, Версальская система и современность. С. 78–79.

620 *Grosfeld L.* Op. cit. S. 90–91.

621 *Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej. 1914–1918. Warszawa, 1990. S. 260–261.

622 Польша в XX веке... С. 70.

польскую армию, которая будет защищать национальные интересы, не оправдались. Конец 1916–первая половина 1917 г. прошли под знаком борьбы за увеличение польского влияния, прежде всего, в вопросе о создании польской армии и командовании ею, а также за превращение в некое подобие национального правительства Временного государственного совета (ВГС; насчитывал в своем составе 25 поляков – сторонников Центральных держав)[623]. К лету 1917 г. стала очевидной бесперспективность этих надежд.

Россия с возмущением восприняла издание Акта 5 ноября. Союзники поддержали ее в этом. 12 декабря 1916 г. Николай II издал приказ армии и флоту за № 870, где среди задач России в войне назвал «создание свободной Польши из всех трех ея ныне разрозненных областей». Опубликование приказа стало толчком к возобновлению деятельности Совещания для разработки основных начал будущего государственного устройства Польши. Как пишет А. Ю. Бахтурина, Совещание под председательством тогдашнего премьер-министра князя Д. Н. Голицына существовало недолго и о его деятельности практически ничего неизвестно. Однако сохранились журналы Особого совещания, где зафиксирована информация о заседаниях, состоявшихся 8, 9 и 12 февраля 1917 г. Рассматривался вопрос о том, какое положение по отношению к Российской империи должна занять Польша после войны. По итогам работы 12 февраля 1917 г. было принято решение о даровании Польше прав независимого государства. Аргументом служил основной принцип русской государственности – единая и неделимая Россия, которому возможная польская автономия коренным образом противоречила бы. Решение Совещания было оформлено в виде Особого журнала Совета министров, но не утверждено императором. Как пишет исследовательница, с началом войны Совет министров наделялся чрезвычайными полномочиями: правом разрешать большинство дел самостоятельно от имени царя, за исключением наиболее важных вопросов, к которым, по ее мнению, относился польский вопрос. Решение Совещания оформляло позицию императора, сформулированную 12 декабря 1916 г., и, возможно, Николай II просто не успел утвердить его.

По данным А. Ю. Бахтуриной, на основании имеющихся документов невозможно однозначно говорить о том, что накануне Февральской революции Россия предоставила Польше статус независимого государства. Однако сам факт существования такого решения весьма показателен и позволяет несколько по-иному взглянуть на позицию российского самодержавия в польском вопросе. Несмотря на то что возникают сомнения в искренности данного решения (речь идет об оккупированной противником территории, на которой уже

[623] *Wrzosek M.* Op. cit. S. 294.

провозглашено самостоятельное польское государство), а также подозрения в его пропагандистской направленности (стремлении обеспечить лояльность поляков на фоне наступления русской армии), тем не менее, можно говорить о том, что в феврале 1917 г. позиция Совета министров принципиально изменилась: его члены были готовы пойти на отказ от Царства Польского как от «чужой» в этническом и культурно-религиозном отношении территории[624].

По мнению Г. Ф. Матвеева, большевики также не рассматривали Царство Польское в качестве интегральной части новой России, признавая за всеми тремя частями Польши право на объединение и независимость. Свое мнение ученый основывает на анализе ряда документов, прежде всего «Декрета о мире», в котором содержался призыв аннулировать «присоединение к большому или сильному государству малой или любой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности»[625].

Некоторые польские авторы утверждают, что «официальные заявления Советской России резко контрастировали с проводимой ею повседневной политикой, которая была направлена на противодействие стремлениям поляков к независимости и пресечение их деятельности в этом направлении»[626].

В духе предоставления полякам права на создание независимого государства польский вопрос решался в России после Февральской революции в марте 1917 г. Новую трактовку двум общеизвестным документам – обращению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «Народу польскому» от 27 марта 1917 г. и воззванию Временного правительства «Поляки», принятому 29 марта 1917 г., – дает в своих исследованиях Г. Ф. Матвеев. По мнению историка, Петросовет решал польский вопрос лишь для Царства Польского, а не для всех трех частей Польши. Такой подход был характерен для всех левых сил России и Царства Польского (в частности, приверженность ему вплоть до лета 1917 г. демонстрировал Ю. Пилсудский). Одновременно Петросовет не принял аналогичных решений по украинскому, белорусскому и литовскому вопросам, оставляя эти земли за Россией, которая становилась соседкой Польши. С учетом того, что в польском обществе самый живой отклик находила идея воссоздания польского государства в границах Речи Посполитой 1772 г., избежать территориального конфликта не было никакой возможности. Вопрос о будущей внешнеполитической ориентации независимой Польши депутаты Петроградского Совета также оставили без внимания. Учитывая неизбежность территориального

---

[624] *Бахтурина А. Ю.* Указ. соч. С. 84–85.
[625] См.: *Матвеев Г. Ф.* Начало // Белые пятна – черные пятна... С. 22–23.
[626] *Липиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало. С. 53.

спора, трудно было ожидать, что Польша, даже демократическая, станет союзницей демократической России[627].

Иной характер имело воззвание Временного правительства. Его авторы также, как и депутаты Петросовета, признавали за польским народом право «собственной волей определять судьбу свою». Однако далее начинались расхождения принципиального характера. Право на независимое существование признавалось за поляками, проживающими во всех трех частях Польши (таким образом, вслед за Николаем II было заявлено о намерении аннулировать все договоры XVIII в. с Пруссией, Австрией и Саксонией о разделе Речи Посполитой). Вопрос о границах будущей Польши, воссозданной из всех трех частей, оставлялся открытым до принятия соответствующего решения Учредительным собранием. Новые российские власти, равно как и руководство других стран Антанты и США, исходили из этнического принципа создания будущего польского государства. Понимая, что воссозданная в этнических границах Польша будет небольшим по территории государством, авторы воззвания предлагали в качестве условия предоставления ей независимости соединение «свободным военным союзом» с Россией, чтобы польское государство превратилось в «твердый оплот против напора средних держав на славянство». Таким образом, делает вывод Г. Ф. Матвеев, в воззвании Временного правительства была изложена конкретная программа решения польского вопроса с полным учетом национальных интересов России[628]. Польские историки Е. Хольцер и Я. Моленда подчеркивают, что предлагаемая передача вопроса о будущих границах Польши на усмотрение Учредительного собрания позволяла будущему русскому парламенту принимать решение по нему в одностороннем порядке без согласования с польской стороной[629].

Свидетельством того, согласились бы или нет поляки с предложением воссоздавать будущее польское государство на основе решения Учредительного собрания в этнических границах и «свободном военном союзе» с Россией, является декларация польского Временного госсовета от 6 апреля 1917 г. В ней подчеркивалось, что все польские территории, которые полякам обещала новая российская власть, по-прежнему находятся под германо-австрийской оккупацией. Польскую сторону не устраивало и предложение военного союза как «навязанное силой условие», ограничивающее «независимость и не отвечающее чести свободного народа». ВГС также выступал против идеи борьбы с Центральными державами,

[627] *Матвеев Г. Ф.* Февральская революция в России и польский вопрос // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос... С. 88.

[628] *Матвеев Г. Ф.* Февральская революция в России и польский вопрос. С. 88–91.

[629] *Holzer J., Molenda J.* Op. cit. S. 222.

«чьи монархи гарантировали независимость» Польши Актом 5 ноября 1916 г. Помимо этого в декларации подчеркивалось, что «вечный российско-польский спор» за земли, лежащие между этнографическими Польшей и Россией, «не закончен». Вопрос о границах будущего польского государства, по мнению Совета, не должен был стать предметом рассмотрения Учредительного собрания – его следовало решать во имя «государственных интересов независимой Польши» и «с учетом воли проживающих на данных землях народов»[630].

Таким образом, в 1917 г. польский вопрос окончательно приобрел международный характер, однако путь к этому был открыт в 1916 г. с принятием Центральными державами (хотя и в нарушение международно-правовых норм) Акта 5 ноября. Революционные события в России облегчили его последующее решение.

Несмотря на отсутствие единства взглядов историков на ряд касающихся данной темы проблем, в частности на вопрос о возможности заключения сепаратного мира, все же можно в предварительном порядке предположить, что польский вопрос не только испытывал влияние и модифицировался под воздействием внешних факторов, но и сам был способен при определенных обстоятельствах непосредственно влиять на характер взаимоотношений акторов между собой и опосредованно – на некоторые аспекты международной ситуации.

Юрген Царуски

Российская революция в современной немецкой историографии и общественное мнение

Аннотация. Со времени окончания холодной войны интерес к истории русской революции в Германии заметно снизился. Тем не менее, и после 1990 г. появились серьезные труды по этой теме. Это как обобщающие работы, так и посвященные анализу отдельных аспектов, таких как конкретные политические группы или тенденции, региональный опыт и роковая роль мифа о «еврейском большевизме». В статье освещается развитие историографии за последние 25 лет, особое внимание уделяется недавним публикациям в связи со столетием революции.

Ключевые слова: немецкая историография о русской революции, культурная история, русская эмиграция, миф о «еврейском большевизме».

---

[630] Odbudowa i rozwój państwowości polskiej... S. 126–127.

The Russian Revolution in Contemporary German Historiography and Public Opinion

Abstract. Since the end of the Cold War the interest for the history of the Russian Revolution in Germany has experienced a noticable decrease. Nevertheless, also after 1990, serious works of historiography about the revolution have appeared. This refers to general overviews as well as to analysis of special aspects, such as specific political groups or tendencies, regional experiences and the fatal role of the myth of «Jewish Bolshewism». The article outlines the development of historiography in the last 25 years and pays special attention to recent publications in relation with the centennial of the revolution.

Keywords: German historiography on the Russian Revolution, cultural history, Russian Emigration, myth of «Jewish Bolshevism».

Несомненно, российская революция является одним из тех событий XX века, которые тесно связывают немецкую историю с российской и наоборот. Первая мировая война, в которой Германия и Россия воевали друг против друга, была решающей предпосылкой этой революции, а организованный германским Генеральным штабом «импорт» революционеров, в том числе Ленина, оказал решительное влияние на ее развитие. Брестский мир (3 марта 1918 г.), советские попытки влиять на курс Ноябрьской революции в Германии, раскол социалистического движения, разрыв дипломатических отношений (5 ноября 1918 г.) и их восстановление в рамках Рапалльского договора (16 апреля 1922 г.) – это только некоторые значительные вехи интенсивной интеракции России и Германии в течение пятилетнего революционного периода. Они свидетельствуют о том, что история российской революции в отношении немецкой истории является в высокой мере «историей переплетений» (*histoire croisée*).

Однако, несмотря на историческую значимость Российской революции для Германии, в Германии в течение более двух десятилетий эту проблематику изучали не очень активно. После окончания холодной войны дисциплина «восточно-европейская история» столкнулась с проблемами. Как ни странно, именно тогда, когда во всей Восточной Европе открылись архивы, в ФРГ закрылось немало кафедр данной специализации. Это ограничивает обучение специалистов и их возможности исследовательской работы. Сама тема «революция» не пользовалась большой популярностью. «Можно сказать, что для последних 26 лет характерен спад интереса к российской революции. Этот процесс отразился на поколении студентов, которое больше не было политизировано дихотомиями и мировоззрениями холодной войны», – пишет геттингенский историк Лутц

Хефнер в обзорной статье о немецкой историографии Февральской революции[631].

Но, несмотря на все проблемы и ограничения, в немецком историческом цехе никогда не переставали заниматься российской революцией. В последние два десятилетия вышли в свет довольно значимые книги. В основном это обобщающие монографии о революции, труды по проблематике ее восприятия в Германии, работы об оппозиции революции и эмиграции из России, а также исследования проблематики антисемитизма в контексте революционных событий.

В немецкой историографии революции отражается и плюрализм подходов, и общая тенденция перехода от социальной истории к «новой культурной истории».

В 1989 г. вышла книга «Российская революция 1905–1921» Манфреда Хилдермайера, профессора Геттингенского университета[632]. Она представляет собой фундаментальный труд и была переиздана несколько раз. Хронологические рамки указывают на то, что в интерпретации Хилдермайера революция является долгосрочным феноменом, а именно частью процесса модернизации, который начинался с реформ Александра II. Все элементы этого процесса, экономические, технические, социальные и политические, подчеркивает Хильдермайер, имели западные корни. Их присвоение и развитие шли довольно успешно в техническо-индустриальном плане, но проекты – может быть и слишком амбициозные – создания парламентской или советской демократии не смогли достигнуть уровня устойчивых структур[633].

В отличие от Хильдермайера, которого можно считать представителем теории модернизации, хотя и в модифицированной, недогматической форме[634], Хельмут Альтрихтер, профессор университета Эрланген-Нюрнберг, в своей книге «Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя», вышедшей в 1997 г. и переизданной в 2017 г., старается найти перспективный подход, в котором выражается опыт разных социальных групп[635]. Автор признается, что впечатления, которые он получил во время работы в советских библиотеках в конце 1989 г., влияли на концепцию его книги[636]. Выражается это

---

631 *Häfner L.* German Historiography on the February Revolution of 1917 since the Demise of the Soviet Union. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 9. 2016. S. 41.

632 *Hildermeier M.* Die Russische Revolution 1905–1921. Frankfurt am Main, 1989.

633 Ibid. S. 306.

634 См. юбилейный сборник в честь Хильдермайера: *Feest D., Häfner L.* (Hrsg.) Die Zukunft der Rückständigkeit Chancen – Formen – Mehrwert. Festschrift für Manfred Hildermeier zum 65. Geburtstag. Köln, 2016.

635 *Altrichter H.* Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Schöningh, 1997 (2-е изд. 2017). S. 96.

636 Ibid. S. 540–541.

не в последнюю очередь в ее большой четвертой части, в которой подробно описывается и анализируется стремление к независимости окраин Российской империи.

Коллективная монография профессора Базельского университета Хайко Хауманна и его сотрудников 2007 г. (тоже «юбилейного») имеет общий лейтмотив, а именно концепция «жизненного мира»[637]. Предметами анализа становятся не только разные слои общества, но также проблематика центра и периферии, эмиграция как жизненный мир, не состоявшиеся альтернативы большевизму, общие надежды и разочарования и т. п.

В последние годы вследствие того, что феномен политического насилия стал чрезвычайно актуальным не только для исторической науки, в центр внимания выдвигается феномен насилия в революции. Особенно в многочисленных трудах профессора Гумбольдтского университета в Берлине, Йерга Баберовского, вопрос взаимоотношения насилия и государственного порядка, или точнее: отсутствия подобного порядка, занимает центральное место. При этом его теория, что массовое насилие обусловлено отдаленностью от государственных структур, вызвала немало критики[638]. Конкретизацией этой концепции является докторская диссертация Феликса Шнелла «Пространства ужаса», в которой исследуются феномены насилия в Украине между 1905 и 1933 гг., особенно в контексте революций. При этом автор пользуется методикой «новой культурной истории», анализируя коммуникативные аспекты применения насилия[639].

Особый интерес, который вызывает периферия Российской империи в связи с историей революции, появился еще раньше, причем важный импульс дала книга Андреаса Каппелера «Россия как многонациональная империя» (1992)[640]. В 2000 г. Таня Пентер, ныне профессор Гейделбергского университета, опубликовала диссертацию «Одесса 1917. Революция на периферии». В мультинациональном городе на берегу Черного моря встречались, но также наслаивались разные этно-конфессиональные и социальные идентичности. Это, по мнению автора, подчеркивает, что социальные и национальные идентичности изменяемы. Тем не менее, в условиях 1917 г., как по-

---

637 *Haumann H.* (Hrsg.) Die Russische Revolution 1917. Köln, 2007.

638 Ср. *Baberowski J.* Räume der Gewalt. Frankfurt a. M., 2015 и дискуссионный Форум Räume der Gewalt. Thesen und Kommentare zu Jörg Baberowskis historischer Theorie der Gewalt // Journal of Modern European History. 14. 2016. H. 4. S. 437–464 (участники: Jörg Baberowski – Berlin, Axel T. Paul – Basel, Robert Gerwarth – Dublin, Wolfgang Knöbl – Hamburg).

639 *Schnell F.* Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905–1933. Hamburg, 2012.

640 *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.

лагает Пентер, в Одессе существовала коалиция русских и евреев против украинских сил, окружавшие город[641].

Некоторые немецкие историки изучали отдельные политические силы, которые влияли на развитие революции и Гражданской войны. В 1994 г. Лутц Хефнер опубликовал большую монографию, посвященную партии левых эсеров, которая по его мнению представляла собой социалистическую альтернативу большевизму[642].

Другая несостоявшаяся альтернатива является предметом не менее объемной книги нынешнего директора Германского исторического института Николауса Кацера, вышедшей в 1999 г., – «Белое движение в России». Автор критикует стереотип однородной, мрачной реакции и показывает, что Белое движение имело разные, т. е. социалистические, либеральные, демократические и консервативные корни, хотя в ходе Гражданской войны авторитарные и правоэкстремистские тенденции взяли верх[643].

Ввиду тесных связей между событиями в России и Германии, восприятие русской революции в Германии несомненно является важной темой. Ей посвящен последний том так называемого Вуппертальского проекта, в котором непосредственно принимал участие его основатель, видный германист и невольный эмигрант Лев Копелев, который во время исследовательской поездки в Западную Германию в 1980 г. был лишен советского гражданства. В 1998 г. вышел сборник под названием «Германия и русская революция 1917–1924». Книга дает обширную панораму реакции и последствий российской революции в Германии, от социал-демократов до нацистов и от Ратенау до Шпенглера. В центре внимания стоит восприятие революции в сфере культуры, в то время как политической истории уделяется меньше внимания[644].

Партнер Копелева по этому проекту, Герд Кенен, продолжил эту работу своей книгой «Комплекс Россий», посвященную в особенности дискурсам интеллектуалов о России[645]. Изданный Копелевым и Кененом сборник в сокращенном виде был издан на русском языке в 2004 г. Яковом Драбкиным[646]. Драбкин, дуайен российских историков-германистов, также принимал участие в проекте «Германия, Россия, Ко-

---

641 Penter T. Odessa 1917. Revolutionan der Peripherie. Köln, 2000. S. 429–430.

642 *Häfner L.* Die Partei der Linken Sozialrevolutionäre in der russischen Revolution von 1917/18. Köln,1994.

643 Katzer N. Die Weiβe Bewegung in Russland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999.

644 *Kopelew L., Koenen G.* (Hrsg.) Deutschland und die russische Revolution 1917–1924. München, 1998.

645 *Koenen G.* Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005.

646 Германия и русская революция 1917–1924 / Изд. Герда Кенена и Льва Копелева / Пер. с нем. Я. Драбкина. М., 2004.

минтерн», поддержанном Совместной комиссией по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Результатами являются сборник с обширными статьями Я. Драбкина, А. А. Галкина, Германа Вебера и Бернхарда Байерлейна, а также издание более 500 документов Коминтерна, около 10 процентов из которых относятся к периоду революции. Электронная версия этого обширного двухтомника опубликована в режиме свободного доступа[647].

В Германии российская революция стала заметным явлением не только благодаря кардинальным изменениям на международной арене и революционному духу, привнесенному с востока, но и огромным потокам беженцев, который хлынул в Центральную и Западную Европу вследствие Гражданской войны. Первой волне советской эмиграции был посвящен проект Карла Шлегелья, осуществленный в первой половине 90-х годов. Сборники «Большой исход. Российская эмиграция и ее центры. 1917–1941 гг.» и «Российская эмиграция в Германии. 1918–1941 гг.» были опубликованы в 1994 г. и 1995 г. и представляют читателю широкую панораму политических организаций и культурных течений, существовавших в изгнаний[648].

В контексте этого проекта Йоханнес Баур написал диссертацию «Русская колония в Мюнхене» (опубликована в 1998 г.)[649]. Мюнхен как центр русской эмиграции особенно отличается тем, что там и вообще в Баварии расселились преимущественно эмигранты правой ориентации. Особый интерес представляют их отношения с ранним национал-социализмом. Правоэкстремистские балтийские немцы Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, погибший в 1923 г. во время гитлеровского пуча, и Альфред Розенберг, будущий рейхсминистр восточных оккупированных территорий, фигурировали в роли связных между партией Гитлера и правыми русскими эмигрантами, в том числе и великий князь Кирилл Владимирович, который обосновался в Кобурге, родине его супруги Виктории Федоровны (Виктория Мелита Саксен-Кобург-Готская). Организационным «мостом» между эмигрантами-монархистами и нацистами являлось созданное Шойб-

---

647 Deutschland, Russland, Komintern. Band 1: Überblicke, Analysen, Diskussionen. Neue Perspektiven auf die Geschichte der KPD und die deutsch-russischen Beziehungen (1918–1943). Hrsg. v. Weber H., Drabkin J., Bayerlein B., Galkin A. München, 2013. Электронная книга: https://www.degruyter.com/viewbooktoc/product/186108. Band 2: Dokumente (1918–1943). Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Hrsg. v. Weber H., Drabkin, J., Bayerlein B. Bearb. v. Albert G. München, 2014. Электронная книга: https://www.degruyter.com/viewbooktoc/product/212875.

648 *Schlögel K.* (Hrsg.) Der groβe Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994; *Schlögel K.* (Hrsg.) Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. München, 1995.

649 *Baur J.* Die russische Kolonie in München 1900–1945. Deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998.

нер-Рихтером Общество «Ауфбау», в состав которого также входил близкий к великому князю Кириллу Владимировичу генерал Василий Бискупский.«Ауфбау» поддержало претензии Кирилла на престол, а тот (и его жена) пожертвовал немало денег партии нацистов. Американский историк Михаил Келлогг нашел в документах ведомства внешней политики НСНРП, которые хранятся в федеральном архиве в Берлине, письмо генерала Бискупского соратнику Шикеданцу от октября 1939 г., в котором речь идет о сумме 500 тыс. золотых марок, переданных в период с мая 1922 г. до конца 1923 г.[650].

Особое значение в этой связи имеет стереотип «еврейского большевизма». В качестве «эксперта» по данному «феномену» и пропагандиста «с русским опытом» активно выступил Розенберг, опубликовавший целый ряд антисемитских брошюр и книг, в том числе в 1922 г. немецкое издание так называемых «Протоколов сионских мудрецов»[651]. В своей книге «Майн Кампф» Гитлер использовал подобные идеологемы, но уже связывал их с антиславянскими-рассистскими позициями[652].

В виду того, какую кровавую роль радикальный антисемитизм нацистов сыграл в истории Германии, не удивительно, что проблема антисемитизма в контексте российской революции привлекает внимание немецких историков. Так, уже в 1995 г. Матиас Феттер, опубликовал монографию об отношении большевиков от революции 1917 г. до заключения пакта Гитлера–Сталина[653].

То, что миф о «еврейском большевизме»не потерял своей актуальности, неожиданно подтвердилось в 2003 г., когда тогдашний депутат Бундестага от Христианско-демократического союза, Мартин Хоманн, в речи в маленьком городе Нойхоф, где он с 1984 по 1998 г. был бургомистром, обвинил нерелигиозных евреев в преступлениях, которые они якобы совершили в ходе российской и немецкой революций. В 2004 г. он был исключен из фракции и партии, но в 2017 г. снова фигурирует в избирательном бюллетене для выборов нового Бундестага. Только теперь в списке право-популистской партии, которая называет себя «Альтернатива для Германии». В своей речи и в спорах вокруг нее Хоманн ссылался на книгу «„Еврейский большевизм". Миф и реальность» Йоханнеса Рогалла фон Бибер-

---

650 *Kellog M.* The Russian Roots of Nazism. White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. Cambridge University Press 2005. P. 203, ср. также P. 158.

651 *Piper E.* «Pest in Russland» – Alfred Rosenberg und die Russische Revolution // Jahrbuch für Historische Kommunismus forschung. 2017. S. 201–215.

652 *Hitler A.* Mein Kampf. Eine kritische Edition. Hrsg. im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte München-Berlin von Hartmann C., Vordermayer T., Plöckinger O., Töppel R. München, 2016. Band 2. S. 1625–1689.

653 *Vetter M.* Antisemiten und Bolschewiki. Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft 1917–1939. Berlin, 1995.

штайн, которую историк Леонид Люкс в рецензии квалифицировал как «тенденциозный памфлет»[654]. В серьезной историографии проблематикой занимался Ульрих Хербек, диссертация которого посвящена теме «Образ врага „еврейского большевика". К истории российского антисемитизма до и во время революции». Этот тщательный анализ антисемитских дискурсов в России был опубликован в 2009 г.[655].

Публикации и мероприятия к столетнему юбилею

Таким образом, можно сказать, что историки Германии, несмотря на заметное падение общего интереса, не перестали заниматься российской революцией, но острых или хотя бы оживленных дебатов эта тема не вызывает. Преобладает позиция трезвого, прагматичного отношения к предмету изучения.

В связи со столетием революции публикаторская деятельность закономерно активизировалась. Это касается и научных работ, и изданий для широкого круга читателей. Уже в начале года вышло издание популярного журнала для любителей истории «GEO Epoche», посвященого теме революции. Несмотря на то, что авторы не являются специалистами, а в большинстве своем занимаются публицистикой, получился солидный обзор в хронологических рамках 1905–1922 гг. Интересно, что практически все авторы ссылаются на английскую литературу, что можно считать подтверждением преимущества англоязычной историографии в этой области[656].

Публикуемый в связи с выставками в Цюрихе («1917. Революция. Россия и Швейцария», 24.2.–25.6.2007) и в Берлине («1917. Революция. Россия и Европа» 18.10.2017–15.4.2018) сборник эссе «1917. Революция. Россия и последствия»[657] выражает определенные тенденции современного восприятия революции. Акцент делается на истории культуры и памяти. Этим аспектам посвящено большинство статей двенадцати видных специалистов со всей Европы, включая Россию. Классическими вопросами социальной истории занимаются только Хайко Хауман, эмеритур Базельского университета, и Игорь Нарский из Челябинского университета, который сосредоточивается на судьбах крестьянства. Несмотря на высокий научный уровень статей как таковых, из общей тематики сборника практически полностью выпали такие проблемы, как опыт Первой мировой войны,

---

654 *Rogalla von Bieberstein J.* «Jüdischer Bolschewismus». Mythos und Realität. Dresden, 2002 (2-е изд. Graz, 2010).

655 *Herbeck U.* Das Feindbild vom «jüdischen Bolschewiken». Zur Geschichte des russischen Antisemitismus vor und während der Russischen Revolution. Berlin, 2009.

656 GEO Epoche. Das Magazin für Geschichte. Nr. 83. Die russische Revolution. 2017.

657 1917. Revolution. Russland und die Folgen. Herausgegeben vom der Stiftung Deutsches Historisches Museum und Schweizerisches National museum. Dresden, 2017.

роль рабочих и рабочего движения и национальный вопрос. Хотя стремление к полноте не характерно для сборника эссе, все же отсутствие важных тем несколько удивляет.

Обобщающий характер имеет рассчитанная на широкий круг читателей книга профессора Боннского университета Мартина Ауста о российской революции[658]. Интересно, что автор расширяет хронологические рамки от 1905 г. до конца 20-х годов, когда Сталин стал вождем РКП(б). Этим, из-за террора и из-за новой политики в отношении национальностей, по мнению автора, окончился «советский импульс». Такая попытка новой периодизации революции вызывает сомнения у автора этих строк. Например, коллективизацию можно интерпретировать как продолжение военного коммунизма, а ряд революций, в Югославии и в Китае, и другие, несмотря на более поздние споры с Москвой, имели ту же модель, что и Октябрьская революция.

О том, что революционный энтузиазм был еще жив в СССР в середине 30-х годов, свидетельствуют многочисленные ходатайства советских граждан, которые просили дать им возможность участвовать в гражданской войне в Испании. На этот феномен указывает Глеб Альберт в заключении своей диссертации о революционном интернационализме в Советском обществе в 1917–1927 гг., в которой он анализирует природу этого явления, как и попытки ее регулирования и стимулирования сверху[659].

К столетию революции приурочен также сборник статей видного специалиста по российской истории Дитриха Байрау[660], обширный труд Евы Ингеборги Фляйшхауэр о связах Ленина и Людендорффа[661], а также научно-популярная биография царя Николая II венгерско-немецкого автора Дьердья Далоша, который получил историческое образование в МГУ[662]. К самым интересным проектам принадлежит еще один сборник эссе, который можно считать своего рода мостом к событиям столетней давности. В книге «100 лет Красного октября. К мировой истории Российской революции», составленной историками Яном Клаасом Берендсом, Николаусом Кацером и Томасом Линденбергером, рассматривается, чем и как были отмечены юбилейные годы революции с интервалом в десять лет, вплоть до 2017 г. Удачно выбранные темы и места памяти – например, десятилетие Октября в СССР, 20-летний юбилей во время боль-

---

658 *Aust M.* Die russische Revolution. Vom Zarenreich zum Sowjetimperium. München, 2017.

659 *Albert G.* Das Charisma der Weltrevolution. Revolutionärer Internationalismus in der frühen Sowjetgesellschaft 1917–1927. Köln, 2017.

660 *Beyrau D.* Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. Paderborn, 2017.

661 *Fleischhauer E. I.* Die Russische Revolution. Lenin und Ludendorff (1905–1917). Borsdorf, 2017.

662 *Dalos G.* Der letzte Zar. Der Untergang des Hauses Romanow. München, 2017.

шого террора и гражданской войны в Испании, 40-я годовщина в странах восточного блока после венгерского восстания и так называемого польского октября и так далее – в совокупности дают многообразную картину восприятии Октябрьской революции как политического и исторического ориентира[663].

В итоге можно сказать, что столетие российской революции оживило интерес к этой теме, которая в годы после падения коммунистических режимов в Европе не пользовалась большой популярностью. Это касается как исторической науки, так и общественного интереса. Подобная тенденция уже теперь, с осени 2017 г., заметна также в связи с предстоящим юбилеем германской Ноябрьской революции. Ввиду того, что она тесно связано с российской революцией, это также будет поводом для более активных размышлений об исторических отношениях двух стран, которое ввиду их нынешнего сложного этапа имеет особенно большое значение.

---

[663] *Behrends J., Katzer N., Lindenberger T.* 100 Jahre Roter Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution. Berlin, 2017.

Раздел 4

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Алексеев В. В., Ховалыг С. С.

Проблемы властных взаимоотношений в Урянхайском крае в период Российской революции 1917 года

Аннотация. Рассмотрены формы организации властных структур в Урянхайском крае, который только летом 1914 г. перешел под российский протекторат. Показано, что в силу ряда причин к февралю 1917 г. система управления в недавно присоединенной национальной окраине еще не была выстроена до конца и являлась достаточно запутанной. Представлен расклад властно-политических сил и попытки создать новые формы управленческих и организационных структур в Туве на протяжении 1917 г.

Ключевые слова: Урянхайский край (Тува), органы власти и управления, революция 1917 г.

The issues of power relations in Tannu Uriankhai during the Russian Revolution of 1917

Abstract. The report considers the forms of organization of power structures in Uriankhayskiy Krai (Tuva) which only in the summer of 1914 took over Russian protectorate. For a number of reasons up to the February 1917 control system in the recently incorporated national region has not yet been built up to the end and was quite confusing. The balance of power-political forces and attempts to create new forms of management and organizational structures in Tuva during 1917 are presented.

Keywords: Uriankhayskiy Krai (Tuva), state power and administration, the revolution of 1917.

Принявший летом 1914 г. российский протекторат Урянхайский край, как в русских документах конца XIX – начала XX в. называли Туву, стал последним территориальным приобретением Российской

империи. Протекторат Российской империи предполагал, что отныне она будет отвечать на данной территории за такие сферы государственной деятельности, как внешние сношения, оборона, осуществление правосудия, налогово-финансовую деятельность. Но к февралю 1917 г. интеграция только что присоединенной национальной окраины находилась еще на начальной стадии и была далека от завершения. Поэтому система управления Урянхайским краем не имела стройной организации и была довольно запутанной.

С одной стороны, общее административное руководство возлагалось на комиссара по делам Урянхайского края, чья должность была специально учреждена в июне 1914 г. Будучи подведомственным Министерству иностранных дел, он должен был осуществлять надзор за деятельностью лиц, входящих в состав управления вверенной ему области, выполнять административно-хозяйственные, таможенные и полицейские функции. Однако совмещение в руках одного лица множества обязанностей не обеспечивало эффективности руководства. С другой стороны, немалые распорядительные полномочия имел заведующий региональным Переселенческим управлением, отвечавший за обустройство русского населения. После аграрной реформы П. А. Столыпина началось активное переселение русского крестьянства в Туву. В короткий промежуток времени центральный район Тувы покрылся сетью русских поселков и заимок. Они получали общероссийскую организацию и управление. Заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае исполнял обязанности Крестьянского начальника, в плане субординации подчинялся Минусинскому съезду Крестьянских начальников и Общему присутствию Енисейского губернского правления. В своей работе заведующий опирался на собственную канцелярию. Кроме того, в его распоряжение выделялись значительные средства, делавшие его независимым от других органов власти. Параллельно, сохранялась внутренняя автономия традиционных тувинских правителей хошунов. Все эти три центра власти конкурировали друг с другом, поскольку правовая база управления Урянхайским краем не была достаточно проработана, налицо была неопределенность компетенций и дублирование функций должностных лиц.

Февральская революция существенно повлияла на систему организации власти в Туве. О падении монархии и переходе власти в руки Временного правительства чиновники аппарата комиссара по делам Урянхайского края и Переселенческого управления были извещены по телеграфу 6 марта 1917 г. Комиссар по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьев немедленно созвал подчиненных ему чиновников и офицеров воинских частей. Решено было всем продолжить выполнение своих обязанностей, руководствуясь девизом: «Мы

служим правительству»[1]. Факт свершившегося в столице Российской империи переворота попытались скрыть от коренного населения, тувинских нойонов и чиновников национального самоуправления. Насколько можно судить, это было сделано для того, дабы не дать тувинцам повода думать об ослаблении российской власти и не допустить волнений на фоне уже имеющихся конфликтов с русскими переселенцами. Лишь через месяц, 6 апреля, представителей верхушки тувинского общества проинформировали о событиях в метрополии. Впрочем, о них они уже узнали по другим каналам. Что касается русского населения, то его поставили в известность в период с 7 по 20 марта. Комиссар В. Ю. Григорьев, заведующий устройством русского населения в крае М. В. Шкунов вкупе с другими служащими Переселенческого управления лично объезжали русские поселения и сообщали жителям о произошедших в России изменениях[2]. Правда, при этом о существовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, как и о ситуации двоевластия, ничего не говорилось.

В первые недели после свержения царского режима все прежние чиновники управленческого аппарата Тувы оставались на своих постах и не спешили переменять старые порядки. Но некоторые метаморфозы начали происходить в течение марта. Сначала в селе Усинском, затем в Туране и Уюке, Белоцарске возникли комитеты общественной безопасности. В них преобладали представители зажиточных слоев. Белоцарский комитет общественной безопасности пытался распространить свою компетенцию на весь край. По его решению 22–28 мая в административном центре Урянхайского края городе Белоцарске был созван I съезд уполномоченных от русских поселков и отдельных хозяйств Тувы. Участие в его работе приняли представители всех групп русского населения, включая крестьянство, казачество, купечество, чиновников Переселенческого управления. Политический вектор определяли несколько членов партии эсеров. Одним из первых решений, одобренных съездом, стало отстранение от занимаемой должности комиссара по делам Урянхайского края Ю. В. Григорьева. Далее съезд сформировал новый орган высшей гражданской власти в крае – Урянхайский временный краевой комитет. Председателем его избрали эсера А. П. Ермолаева. В состав комитета включили также представителей от тувинского населения Оюннарского и Салчакского хошунов и сумона Иргит[3]. Съезд принял воззвание к тувинскому и русскому народам в самой

---

[1] *Дубровский В. А.* Первые советы в Туве. Кызыл, 1978. С. 8.

[2] История Тувы : в 3 т. / Под общ. ред. В. А. Ламина. Т. II. Новосибирск, 2007. С. 66.

[3] Хошун являлся исторически сложившейся военно-административной единицей, на которые была разделена территория проживания тувинских племен. Каждый хошун, в свою очередь, состоял из более мелких административно-территориальных подразделений – сумонов, а сумоны делились на арбаны.

России и Урянхайском крае, которое затем распространяли повсеместно. Ключевым пунктом было объявление незыблемым протектората России над Тувой. Данное положение было особенно важным, поскольку в обстановке неопределенности часть нойонов – хемчикский угерда[4] Буян-Бадыргы, нойоны Салчакского и Тоджинского кожуунов – посчитали себя свободными от юрисдикции российского Центра и начали ориентироваться на присоединение к Китаю или Монголии.

Условия сохранения протектората были уточнены на II съезде русского населения, состоявшемся 8–24 июня 1917 г., и на прошедшем в мае совместном русско-тувинском совещании. По своему социальному составу съезд оказался довольно пестрым. С тувинской стороны на нем преобладали представители княжеского сословия и крупного чиновничества: от Даа хошуна делегатами были угерда Монгуш Буян-Бадыргы, со своими помощниками чагырыкчы[5] и мээреном[6]; от Бэйсе хошуна – угерда Чымба, с помощниками чагырыкчы, чаланом[7] и хунду[8]; от Ойнарского хошуна – угерда Эренчин, с помощниками чагырыкчы, мээрен, хунду и чалан; от Тоджинского хошуна – цзасак[9] Сегбе; от Иргитского хошуна – цзасак Гамал-Батор, мээрен и хунду; от Чооду хошуна – чагырыкчы Тумен-Назыты, чангы[10] Йондон, хунду Шагжи, чалан Чамыян; от Маады и Чооду сумонов – чагырыкчы Лопсан-Осур, Чулдум и хунду Шыырап[11]. Русское население преимущественно представляли чиновники российской администрации и зажиточные купцы. Политическая комиссия съезда под председательством прапорщика Мурашкина разработала одобренное съездом постановление, в котором говорилось: «Танну-урянхи, находясь под покровительством Российского государства, во внутренних хошунных делах управляются самостоятельно, но все межхошунные недоразумения в случае неприхода к обоюдному соглашению разрешаются высшей русской властью в крае, так как высшая власть в Урянхае принадлежит России»[12].

---

[4] Угерда – выборный правитель тувинского княжества, который не был удостоен княжеского титула, но пользовался всей полнотой власти на подведомственной ему территории.

[5] Чагырыкчы – помощник угерда по военной части, в мирное время исполнял обязанности начальника канцелярии хошуна.

[6] Мээрен – должностное лицо, в руках которого сосредотачивались некоторые военно-административные и судебные функции.

[7] Чалан – чиновник особых поручений по гражданским делам при администрации хошуна.

[8] Хунду – чиновник, отправляющий правосудие.

[9] Цзасак – представитель тувинской знати, который не имел почетных титулов.

[10] Чангы – начальник сумона.

[11] ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 19–20.

[12] Цит. по: История Тувы. Т. II. С. 67.

В связи с принятием такого постановления президиум съезда направил в адрес министра иностранных дел Временного правительства телеграмму следующего содержания: «Представители русского населения Урянхайского края и Усинского округа, совместно с тувинскими правителями, собравшись на съезд в Белоцарске, приветствуют Россию как единственную законную власть»[13].

Для подкрепления своих заявлений о сохранении пророссийской ориентации съезд командировал в Петроград агронома Переселенческого управления А. А. Турчанинова и начальника Усинской милиции Я. И. Мальцева. Большое значение съезд придавал вопросу о принятии мер, направленных на разрешение недоразумений и конфликтов между русским и тувинским населением по земельным вопросам. Их разбор был теперь возложен на Краевой комитет, или учреждение его заменяющее. В исключительных случаях предполагалось созывать смешанные краевые съезды[14].

Временное правительство не оставило без внимания обращение с далекой окраины, свидетельством чего служит резолюция междуведомственного совещания, созванного 22 августа 1917 г. министром внутренних дел Временного правительства эсером Н. Д. Авксеньтьевым. Подтверждая международные обязательства царского правительства в отношении Тувы, резолюция предписывала: «Вновь назначенному в Урянхайский край комиссару надлежит по прибытии на место особым обращением к населению края объяснить отношение к нему Временного правительства. В этом обращении комиссар, указывая готовность России предоставить урянхам в их внутренней жизни жить в согласии с их исконными обычаями и верою, должен подтвердить урянхам, что они остаются по-прежнему связанными с Россией...»[15].

Чтобы обеспечить лояльность аборигенного этноса, русско-тувинский краевой съезд постановил сохранить прежнюю систему управления тувинских хошунов, верховная власть формально по-прежнему принадлежала амбын-нойону[16]. Для укрепления влияния и авторитета Временного правительства среди этнических тувинцев, во время проведения съезда русско-тувинского населения Урянхая видный политический деятель Иннокентий Сафьянов, который прибыл в качестве уполномоченного представителя Томского комиссара Временного правительства, вернул нойонам печати. Издревле обладание печатью в восточноазиатском регионе означало, что ее владелец наделен самостоятельными властными полномочиями. После установления российского протектората, у правите-

[13] Цит. по: История Тувы. Т. II. С. 67.
[14] ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.
[15] История Тувы. Т. II. С. 68–69.
[16] Верховный правитель тувинских хошунов.

лей хошунов личные печати были изъяты и переданы на хранение комиссару по делам Урянхайского края. Возвращение печатей символизировало признание нойонов полноправными партнерами Временного правительства. Для лучшего учета интересов коренных жителей предполагалось сформировать Всетувинский сейм (шуулган)[17] и учредить должность духовного лидера – Пандито хамболамы, с целью консолидации тувинского населения вокруг личности Лопсан Чамзы хамбо-ламы, который был сторонником единения с Россией. Одновременно активизировали мероприятия по реформированию судопроизводства в урянхайских хошунах, особенно применительно к спорным делам, возникающим между русскими и тувинцами. 16 января 1917 г. в Белоцарске под председательством комиссара по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьева состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о том, насколько приемлемо для местных условий применять нормы Временного положения «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», какие потребуются изменения и дополнения, чтобы придать ему юридическую силу. Было признано, что действующий сойотский суд далеко не всегда удовлетворяет интересам правосудия, т. е. не ограждает личные и имущественные интересы урянхов в надлежащей полноте. Поэтому совещание сделало вывод о необходимости переустройства судопроизводства в ближайшее время. Последующие события не позволили реализовать эти планы.

Временное правительство пыталось найти оптимальный баланс органов управления, который позволил бы обеспечить централизованное руководство краем с одновременным развертыванием демократических начал. В этом плане следует трактовать эксперименты с передачей управления Тувой различным сибирским региональным структурам. На первых порах, сразу после Февральской революции и отставки Ю. В. Григорьева, надзор за Урянхайским краем был поручен Енисейскому губернскому комиссару. Когда образовался краевой Комиссариат Восточной Сибири, то Урянхай передали в его ведение. Но через небольшой промежуток времени, согласно постановлениям междуведомственного совещания в Петрограде от 16 июня 1917 г., территорию Тувы переподчинили Иркутскому краевому комиссару[18]. Наконец, 25 сентября 1917 г. бывший агроном Переселенческого управления А. А. Турчанинов был назначен полномочным комиссаром Российского Временного правительства по делам Урянхайского края[19]. Он разработал законопроекты, на которые, по его мнению,

[17] ГА РФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 24а. Л. 354.
[18] Там же. Д. 25. Л. 7.
[19] Там же. Д. 24а. Л. 297–298.

должно было опираться новое российское управление. При этом Турчанинов настоятельно рекомендовал учитывать местные обычаи и традиции, прежние законы, установленные маньчжурами, принимать во внимание менталитет тувинского и русского населения.

Параллельно с изменениями во властной вертикали развернулось строительство местного самоуправления. К июню 1917 г. в Урянхайском крае существовало 24 поселковых комитета общественной безопасности[20]. Следуя общей тенденции, которой придерживалось Временное правительство, воссоздавалась деятельность земства. На основании постановления II съезда русского населения Тувы вместо распорядительного совета и временного Краевого комитета с 1 июля 1917 г. была учреждена Усинско-Урянхайская земская управа, председателем которой стал А. П. Ермолаев. Вводилось поселковое самоуправление. Русские жители населенного пункта и окружающих его заимок образовывали самостоятельные сельские общества. Селения, возникшие недавно, а также отселки и отдельные дворы соединялись в одно сельское общество, или же присоединялись к другому ближайшему сельскому обществу, сообразно удобству организации. Главным органом сельского самоуправления являлся сельский сход, который выбирал должностных лиц – сельского старосту и десятников. Исходя из местных потребностей, в помощь старосте общество могло избрать писаря, смотрителей оросительных канав, полевых сторожей, сельских милиционеров, сборщика податей и помощника старосты (если село было большое). Создание земской структуры осталось незавершенным вплоть до ликвидации Временного правительства. Препятствием тому, в первую очередь, было бурное развитие революционных событий. Кроме того, сказывались застарелые пороки, присущие изначально земской системе. Прежде всего, из-за постоянных недоимок платежей в пользу земств их работоспособность была затруднена. Другой проблемой была неопределенность компетенции земских учреждений. Например, такой вопрос, как в чьем распоряжении должна быть милиция в Урянхае: земств или комиссарства, – ставил в затруднительное положение русскую администрацию.

Во второй половине 1917 г. политические процессы в России претерпели резкую радикализацию. В конечном итоге кризис привел к свержению Временного правительства и взятию всей полноты власти в свои руки II Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов. 25 октября было провозглашено, что отныне только Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являются единственными носителями властных полномочий. В Урянхайском крае реализация этого решения новой власти затянулась. Обуславливалось это, в первую очередь, тем, что в Туве почти на всем протяже-

[20] *Дубровский В. А.* Указ. соч. С. 15.

нии 1917 г. Советы как альтернативный властный институт не возникли. Препятствием тому было отсутствие устойчивой социальной базы, организационно оформленных партийных образований. Вдобавок служащие Томского почтово-телеграфного округа осуществляли саботаж и не передавали известия о революционных переменах в Петрограде. Однако Урянхайский край не мог быть полностью изолирован и оставаться в стороне от происходящих событий, тем более что в соседних районах Енисейской губернии советская власть установилась в самые короткие сроки. Уже 29 октября в Красноярске и 31 октября 1917 г. в Минусинске, наиболее близких к Туве крупных городских центрах, советы одержали верх[21]. То, что в дальнейшем происходило в Енисейске и Минусинске, оказало существенное влияние на революционизацию обстановки в Туве.

7 декабря 1917 г. в Белоцарске открылся III съезд русского населения края. Главным пунктом работы съезда стал вопрос об организации краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. Он был решен положительно, поскольку из 58 делегатов съезда 33 являлись сторонниками большевиков. Но это стало причиной раскола среди делегатов съезда и ухода с него приверженцев Временного правительства, что было отмечено в особой резолюции. Старые распорядительно-исполнительные органы отказались признать решение съезда о передаче власти Совету рабочих и крестьянских депутатов. Более того, в заключительный день работы съезда (10 октября) комиссар по делам Урянхайского края А. А. Турчанинов отдал коменданту Белоцарска В. М. Местергази приказ: «Вследствие ясно выраженного на съезде делегатов призыва к захвату власти со стороны лиц, состоящих на государственной службе, Крюкова, Крючкова и Терентьева, приказываю в силу распоряжения Временного правительства применить против лиц, призывающих к захвату власти, все законные меры, вышеуказанных лиц арестовать и выслать из пределов Урянхайского края впредь до особого распоряжения»[22]. Во исполнение данного приказа активных большевиков – топографа Н. Г. Крюкова, агронома М. Я. Крючкова и врача М. М. Терентьева – арестовали и выслали в Минусинск. Чиновники русского административного аппарата Тувы, объединившись с группой отколовшихся делегатов, провели 11 декабря 1917 г. совместное совещание для обсуждения сложившейся ситуации. Действия по нейтрализации лидеров большевистской группы были полностью одобрены. Единственным законным органом власти в Урянхайском крае постановили считать Земскую управу во главе с сочувствующим левым эсерам В. П. Левченко. Вопрос о сохранении полномочий комиссара по делам Урянхайского края решили оста-

[21] История Тувы. Т. II. С. 69.

[22] За свободу народа: Сб. воспоминаний красных партизан Тувы. Кызыл, 1957. С. 217–218.

вить открытым до созыва очередного съезда – Урянхайского собрания, намеченного на 1 марта 1918 г.

Узнав о происходящем, Минусинский Совет незамедлительно направил в СНК РСФСР телеграмму с просьбой санкционировать оказание помощи Туве в борьбе с контрреволюцией. 27 декабря Минусинский Совет постановил блокировать предоставление кредитов на содержание Урянхайского комиссара, мирового судьи, Переселенческого управления. Для дачи объяснений предлагалось вызвать в Минусинск комиссара А. А. Тучанинова, судью Барашкова, председателя Земской управы и коменданта Белоцарска[23]. Русские власти Урянхая, проводившие политику Временного правительства, понимая, что меры Минусинского Совета грозят им низложением, проигнорировали упомянутые решения. В самой Туве приверженцы советской власти продолжали попытки установить свой строй. В конце января 1917 г. в Подхребтинском районе был проведен крестьянский съезд, организованный С. А. Непомнящим и М. Д. Семеновым. Он высказался за созыв в январе 1918 г. нового съезда русского населения Урянхайского края с целью утверждения советской власти. Одновременно в селе Верхне-Усинском возник местный Совет рабочих и крестьянских депутатов, который стал реальной властью взамен упраздненной локальной земской управы. В самом Белоцарске 7 января 1978 г. тоже был образован Совет рабочих депутатов. Но вновь распоряжением комиссара А. А. Турчанинова его членов арестовали и депортировали. Последующий ход событий привел к тому, что противостояние сторонников старых и новых государственно-политических порядков переросло в открытую конфронтацию, которая вылилась в кровопролитную Гражданскую войну, завершившуюся образованием суверенной Тувинской народной республики.

Борисенок Ю. А.

Белорусский вопрос в водовороте революционных событий и значение польского фактора для его разрешения (1917–1923)[24]

Аннотация. Представить себе создание БССР даже после событий в Петрограде и Минске в октябре 1917 г. было достаточно непросто. Накануне Первой мировой войны процесс формирования белорусской нации был далек от завершения и по-прежнему, несмотря на вовлечение в общеимперский процесс пробуждения национальных

[23] История Тувы. Т. II. С. 70.

[24] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-21-01011.

движений народов имперских «окраин», находился в тесной зависимости от развития многовекового ментально-культурного противостояния русского и польского начал в этой части Восточной Европы.

Ключевые слова: белорусский вопрос, национальное движение, польские политические партии, Наркомнац РСФСР.

The Belarusian Question in the whirlwind of Revolution and the significance of the Polish factor for its settlement, 1917–1923

Abstract. It was quite difficult to imagine the creation of the BSSR even after the events in Petrograd and Minsk in October 1917. On the eve of the First World War, the process of forming the Belarusian nation was far from complete and, in spite of the involvement in the all-imperial process of awakening the national movements of the peoples of the imperial suburbs, was closely dependent on the development of the centuries-old mental and cultural opposition between the Russian and Polish beginnings in this part Of Eastern Europe.

Keywords: Belarusian question, the national movement, the Polish political parties, People's Commissariat for Nationalities RSFSR.

Революционный 1917 год большинство белорусов встречало без особых надежд. Территория современной Республики Беларусь еще с октября 1915 г. была разделена надвое российско-германским фронтом Первой мировой войны – по линии Двинск–Браслав–Поставы–Сморгонь–Барановичи–Пинск, а к традиционному населению добавилось более 1,5 миллионов военнослужащих российской армии и около миллиона солдат и офицеров кайзера Вильгельма II. С территории Минской, Могилевской и Витебской губерний в армию Николая II было призвано более половины трудоспособного мужского населения (более 630 тыс. человек). Царскую ставку в Могилеве дополняли штаб Северного фронта в Двинске и Западного в Минске, белорусские западные земли управлялись германской оккупационной администрацией во главе с известным генералом Э. Людендорфом.

От нового 1917 г. не ждали ничего хорошего – попытки изменить линию фронта приводили к кровавой мясорубке. Летом 1916-го под Барановичами неудавшийся прорыв немецкой линии обороны обошелся российской армии 80-тысячными человеческими жертвами. Приближавшийся же развал Российской империи из прифронтовых белорусских губерний разглядеть было сложно. Даже минский губернатор князь В. А. Друцкой-Соколинский, приехавший в столицу 4(17) декабря 1916 г. на праздник училища правоведения, был потрясен атмосферой и настроениями столичного Петрограда: «Впервые я ощутил, – вспоминал он, – возможность катастрофы. Войной в Питере буквально никто не интересовался. Все были утомлены сверх

меры. Все обмякли, и все на почве экономических затруднений и продовольственных лишений. Все роптали, все негодовали, и, главное, все сплетничали и все злословили»[25].

Спустя два с небольшим месяца самодержавие Романовых рухнуло, и на «постимперском пространстве» параллельно с утверждением наследия Февральской революции стали активно проявляться национальные движения, в едином порыве считавшие себя «угнетенными царизмом» и быстро проходившие путь от требований национальной автономии к лозунгу национальной государственности. Белорусское национальное движение к началу 1917 г. на этом фоне было едва различимо, но уже в конце большого революционного года большевики в лице наркомнаца И. В. Сталина уже сделали ставку именно на национальный характер будущей белорусской советской государственности. Сталинский вариант решения белорусского вопроса в руководстве большевиков был не единственным, но именно он в итоге реализовался к началу 1920-х годов, в окончательном варианте сформировавшись к 1923 г. по окончании советско-польской войны.

Представить себе создание БССР даже после событий в Петрограде и Минске в октябре 1917 г. было достаточно непросто. Накануне Первой мировой войны процесс формирования белорусской нации был еще далек от завершения и по-прежнему, несмотря на вовлечение в общеимперский процесс пробуждения национальных движений народов имперских «окраин», находился в тесной зависимости от развития многовекового ментально-культурного противостояния русского и польского начал в этой части Восточной Европы. К началу XX в. традиционное для имперской идеологии XIX столетия представление о «триединой русской нации» начинало деформироваться, при этом границы наименьшего в этой триаде «белорусского племени» (7 % всего восточнославянского пространства по итогам переписи 1897 г., или 8 млн человек[26]), определенные ранее вполне «благонамеренными» этнографами и лингвистами из лагеря «западноруссизма», начинали сужаться как с востока, так и с запада.

Традиционное крестьянское общество белорусов начинало постепенно вовлекаться в общеимперские процессы: строительство железных дорог и промышленных предприятий, развитие начального образования и служба в армии сужали сферу бытования традиционной народной культуры и языка в пользу «великорусского начала» (Первая мировая война с ее потоками беженцев – только с белорусских земель Российской империи около 2 млн. человек – заметно усилила эти процессы). В условиях, когда политика, прежде

[25] *Друцкой-Соколинский В. А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 244.

[26] На путях становления украинской и белорусской наций. Факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 86.

всего образовательная, имперских властей проводилась непоследовательно и несистемно, эти факторы «естественной русификации» начинали играть все большую роль, причем нарождавшееся среди интеллигенции в первом поколении белорусское национальное движение вряд ли могло успешно конкурировать с тенденциями общеимперской универсализации.

В свою очередь, процессы культурной полонизации с конца XIX в. усилились в западных районах этнографической белорусской территории. В орбиту влияния католической церкви начинали активно вовлекаться здешние крестьяне, чему способствовало разрешение властей на строительство новых костелов, а затем и послабления 1905 г., обеспечившие некоторую свободу этноконфессионального выбора, что привело на польско-восточнославянском пограничье к переходу в католичество нескольких десятков тысяч православных и униатов. В официальной статистике белорусы-католики часто упоминались как «поляки, говорящие по-белорусски»[27]. Разделение белорусской этнографической территории на западную и восточную части, политически оформленное Рижским миром в марте 1921 г., в реальности подготавливалось еще десятью-пятнадцатью годами ранее.

В таких условиях вопрос о возможности консолидации белорусов в единую нацию оставался открытым и представлялся многим современникам событий неактуальным и невероятным. Развитие этих тенденций в течение еще как максимум двух-трех десятилетий могло привести к исчезновению «белорусского племени» из пространства «триединой нации», оформлению вместо него «западнорусско»-польского пограничья в конфессиональных границах и вытеснению белорусского национального движения как маргинального.

Белорусское самосознание в 1917 г. тем не менее сохранялось в обширном крестьянском мире. Городские поветрия сюда проникали с большим трудом. Доля городского населения в Виленской и Витебской губерниях составляла 10–15 %, а в Минской и Могилевской – 5–10 %. Витебск был единственным городом современной Беларуси, чье население превышало 100 тысяч человек, Минск лишь приближался к этой отметке.

Первая мировая война не сопровождалась для Беларуси, как это было в случае национальных движений соседних украинцев, литовцев, латышей и эстонцев, надеждами на помощь в деле национально-государственного развития со стороны Германии и Австро-Венгрии. Примечательно высказывание германского советника по белорусским делам А. Беккерата в записке главнокомандующему Восточной

[27] На путях становления украинской и белорусской наций. Факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 87.

армией: «Белорусы никогда не высказывали стремления к государственной самостоятельности... Некоторые сепаратистские стремления, которые развивают несколько археологов и литераторов из Вильно, следует отнести к местным делам, не имеющим политического значения»[28].

Сходными представлениями руководствовался и В. И. Ленин, не упоминая 29 ноября 1918 г. в телеграмме главкому И. И. Вацетису Беларуси среди территорий, стремящихся к национальной независимости после ухода германских войск: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные советские временные правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших войск как оккупацию»[29]. Лидер большевиков воспринимал белорусскую территорию исключительно как пространство для тактического маневра. И. В. Сталин же уже в конце 1917 г. высказывал иное мнение, но позиции наркома по делам национальностей в иерархии победившей советской власти в то время были далеки от ведущих, не предполагалось и единоличное решение им национальных вопросов, в особенности на западном пограничье бывшей империи.

Пока же национальное движение белорусов было едва различимым, а первые проекты государственности обычно связывались с идеей автономии в составе «свободной России» либо с фантомными идеями наподобие возрождения Великого княжества Литовского. Белорусские организации и партии проявляли большую активность начиная с весны 1917-го, но «завоевать массы» им не удалось: на выборах в Учредительное собрание в конце года они получили всего 0,3 процента голосов. Ни возобновление в марте 1917 г. деятельности ориентированной на крестьянство Белорусской социалистической громады, ни создание в том же месяце Белорусского национального комитета во главе с помещиком Р. Скирмунтом, ни оформление в октябре Великой белорусской рады принципиального влияния на ситуацию не оказывали. На оккупированной немцами территории особых условий для национального развития также не было: с 1916 г. оккупационные власти формально не запрещали изучение белорусского языка, но сначала лишь посредством латиницы (кириллицу немцы разрешили использовать в печати только в 1917-м). В школьной системе, несмотря на открытые при немцах не более чем 100 учебных заведений с преподаванием по-белорусски, явное предпочтение отдавалось «польскому элементу» – белорусский историк

[28] *Станкевіч А.* Да гісторыі беларускага палітычнага вызваленьня. Вільня, 1935. С. 80.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.

В. В. Ляховский особо подчеркивает, что к концу 1918 г. только в Восточной Беларуси число польских школ достигло 500[30].

Более заметным фактором был «человек с ружьем». Белорусские военные организации, ориентированные главным образом на эсеров, начиная с августа 1917 г. начали появляться на всех фронтах армии Временного правительства. В самый канун прихода к власти большевиков, 18–24 октября (по старому стилю) в Минске прошел первый съезд белорусов Западного фронта, заявивший о своем желании «охранять российскую демократию» и избравший Центральный белорусский военный совет.

Реальная власть в октябре 1917 г. оказалась у местных большевиков, руководимых северо-западным областным комитетом во главе с А. Ф. Мясниковым, чья позиция по белорусскому вопросу сводилась к идее территориальной автономии, не имевшей никакой национальной окраски. В дальнейшем Мясников попытался реализовать свои идеи во главе Западной области с центром в Смоленске, но вынужден был считаться с иными взглядами на белорусскую ситуацию, которые проявлялись, в частности, Сталиным, с одной стороны, Л. Д. Троцким, Я. М. Свердловым и А. А. Иоффе с другой.

Важно подчеркнуть, что белорусский вопрос, возникший как международная и внешнеполитическая проблема в 1915 г. с оккупацией Центральными державами части белорусской этнографической территории, остался в этом же статусе и в ноябре 1918 г., с окончанием Первой мировой войны и германской оккупации. Теоретически возможны были четыре варианта разрешения белорусской проблемы: 1) создание признанного соседями самостоятельного белорусского государства; 2) вхождение всех белорусских земель, как и до 1915 г., в состав сформировавшегося на основе бывшей империи Российского государства; 3) вхождение всех белорусских земель, как и до 1772 г., в состав возрожденного Польского государства; 4) раздел этнической белорусской территории между новыми российским и польским государственными образованиями.

Первый вариант, контуры которого в марте 1918 г. были намечены в проекте Белорусской народной республики (БНР), реализован не был по причине крайне слабой заинтересованности победивших в Первой мировой великих держав в белорусском вопросе, равно как и жесткого неприятия этого варианта практически всеми соседями белорусов, прежде всего поляками, политические разногласия среди которых никогда не доходили до поддержки «белорусской фикции»[31].

---

[30] *Ляхоўскі У.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918 гг. Беласток; Вільня, 2010. С. 220, 243.

[31] *Борисенок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Россией и Польшей в первой половине XX века. М., 2013. С. 128–129.

Второй вариант оказался практически нереализуемым в ходе Гражданской войны в России и невозможности осуществления идеи «единой и неделимой России» с возвращением довоенных границ империи Романовых. В рядах победивших большевиков сторонники такого подхода также имелись, это централисты-интернационалисты, предводимые Я. М. Свердловым и Л. Д. Троцким, а на практике представленные А. А. Иоффе. Свою точку зрения они навязывали крайне агрессивно. 28 января 1919 г. Иоффе писал Свердлову: «Обе здешние группы никуда не годятся. Белорусы – националисты и поэтому насаждают сепаратизм, а наши (группировка Мясникова. – *Ю. Б.*), хотя и не националисты, сепаратисты гораздо худшей марки... Эта спевшаяся компания ребятишек в погоне за портфелями не хочет ничьей конкуренции. Особенно со стороны более их мыслящих... Мясникова нужно убрать как можно подальше»[32]. Свою позицию Иоффе отстаивал и на мирных переговорах с Польшей и Литвой в 1920 г. В июле 1920 г. он недвусмысленно заявил литовской делегации, что никакой Беларуси в природе не существует, а «громадная масса белорусского населения неоднократно заявляла свою волю остаться в пределах России»[33].

Такое развитие событий вполне реально могло привести к исчезновению Беларуси (и прежде всего восточной ее части, оказавшейся в составе Советской России) не только с политической, но и с этнографической карты Европы. В условиях советско-польского противостояния 1919–1920 гг. в советском руководстве на время возобладала именно позиция Троцкого и Иоффе, но стратегическая инициатива оказалась в руках Сталина – едва ли не главным образом потому, что политическая и военная элита Польши во главе с временным начальником государства Ю. Пилсудским, убедившись в несбыточности третьего варианта решения белорусского вопроса, возвращения к вожделенным для многих поколений поляков границам Речи Посполитой 1772 г., одновременно отвергла теоретическую конструкцию соратника Пилсудского Л. Василевского о «федерализме»[34].

В итоге советско-польской войны единственным реализуемым на практике вариантом решения белорусского вопроса стал четвертый по счету – оформленное Рижским миром 1921 г. разделение этнической белорусской территории между возрожденной Польшей (II Речь Посполитая) и новой, советской государственностью, оформившейся на большей части бывшей Российской империи. Для большевиков белорусский вопрос носил строго тактический характер и

[32] Цит. по: Октябрь 1917 г. и судьбы политической оппозиции. Ч. II. Гомель, 1993. С. 135.

[33] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

[34] *Борисенок Ю. А.* Указ. соч. С. 101–103.

рассматривался практически исключительно через призму непростых отношений с Варшавой, но при этом централистские взгляды единомышленников А. А. Иоффе на время потеряли свою актуальность. Весной 1921 г. у поляков и большевиков в теории были равные возможности постараться доказать белорусам по обе стороны границы привлекательность собственных государственных и национальных программ, но воспользовались этим шансом только советские политики.

И версальские, и рижские договоренности накладывали на власти межвоенной Польши вполне конкретные обязательства по соблюдению прав национальных меньшинств, которые Варшава выполнять сначала не торопилась, потом не собиралась, а в 1934 г. устами министра иностранных дел Ю. Бека отказалась от них официально. При этом от Варшавы не требовали ничего невозможного: в статье VII мирного договора между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой от 18 марта 1921 г., указывалось: «1. Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. Взаимно Россия и Украина обеспечивают лицам польской национальности, находящимся в России, Украине и Белоруссии, все те же права. Лица русской, украинской и белорусской национальности имеют право, в пределах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы. Этими же правами, в пределах внутреннего законодательства, будут пользоваться лица польской национальности, находящиеся в России, Украине и Белоруссии»[35].

Сталин в том же марте 1921 г. четко акцентировал удобную теперь советской власти позицию по белорусскому вопросу. В своем докладе на X съезде РКП(б) «Очередные задачи партии в национальном вопросе» он положил конец дискуссиям о существовании отдельного белорусского народа и его языка, которые оживленно велись с конца 1917 г. в советских коридорах власти: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке»[36]. Примечательна публикация этой речи в сталинском сборнике по национальному

[35] Польша–Беларусь (1921–1953). Минск, 2012. С. 33–34.

[36] *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 81.

вопросу издания 1937 г.: эта цитата (кстати, практически единственная по белорусскому вопросу во всей книге) стала своеобразной охранной грамотой: процесс развития белорусской культуры и языка можно было свертывать, но ликвидировать полностью воспрещалось.

При этом никакой особой привязанности к белорусам и тем более их государственности в советской форме у Сталина никогда не было, была же чистая прагматика на польском направлении. Германский историк В. Деннигхаус отметил особенности сталинской мотивации в национальном вопросе: «Советская государственно-политическая концепция устанавливала прямую связь между статусом национально-административного образования и его географическим положением. Для придания республике статуса союзной, по Сталину, „необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР"»[37].

Именно такой окраинный статус на напряженной польской границе и позволил крошечной БССР площадью 52,3 тыс. кв. км стать одной из четырех союзных республик, принявших в декабре 1922 г. участие в создании СССР. Стоит заметить, что идеи Сталина в межвоенные годы имели обратную силу – пример тому резкое и окончательное прекращение в конце 1932 г. процессов украинизации за пределами УССР. 15 декабря 1932 г. было оформлено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об украинизации в ДВК Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР», предписавшее «приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 г. подготовить переход школ и преподавания на русский язык»[38].

Практическое же решение белорусского вопроса, поставленного Первой мировой войной, наступило лишь в 1923 г., вслед за признанием великими державами границ возрожденной Польши. Стоит обратить внимание на весьма оперативное принятие решений по белорусским делам, причем именно комиссией Политбюро ЦК РКП(б) о работе среди белорусов Польши. Созданная постановлением Политбюро ЦК РКП(б) 31 мая 1923 г. в составе В. М. Молотова, Г. В. Чичерина и И. С. Уншлихта, она завершила работу на третьем заседании, 7 июля, протокол которого и лег в основу директивных решений Политбюро о белорусизации, принятых 12 июля 1923 г.[39].

---

[37] *Деннингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР. М., 2011. С. 49–50.

[38] Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5282. Л. 53.

[39] АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 60. Л. 136.

Булатов Б. Б., Рамазанова Д. Ш.

Автономия Дагестана в составе Советской России как формат решения национального вопроса на периферии большевистского государства: противоречия в позициях Центра и местного руководства (1920–1930-е годы)

Аннотация. В статье на примере автономии Дагестана освещаются особенности решения национального вопроса на периферии большевистского государства в 1920–1930-е годы, противоречия в позициях Центра и местного руководства в процессе национально-государственного строительства. Акцентируется внимание на настроениях в среде партийных и советских работников, научной и творческой интеллигенции в национальных республиках, сопротивлявшихся официальному курсу на централизацию и протестовавших против диктата Политбюро ЦК ВКП(б), СНК РСФСР и центральных ведомств.

Ключевые слова: Советская Россия, национальный вопрос, национально-государственное строительство, автономия Дагестана, конституция, Центр, местное руководство, проблема компетенции субъектов РСФСР.

Autonomy of Dagestan as Part of Russia as the Model of resolving the National Question on the Periphery of the Bolshevik State: the Controversies between the Center and Local authorities (1920–1930s)

Abstract. The article on the example of Dagestan's autonomy highlights the peculiarities of solving the national question on the periphery of the Bolshevik state in the 1920–1930s, contradictions between the Center and local authorities in the process of national-state construction. Attention is focused on the mood of party and Soviet workers, the scientific and creative intelligentsia in the national republics, who resisted the official course of centralization and protested against the dictates of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b), the Council of People's Commissars of the RSFSR and central departments.

Keywords: Soviet Russia, the national question, national-state construction, the autonomy of Dagestan, the constitution, the Center, local authorities, problem of the competence of the subjects of the RSFSR.

В 1917 г. Россия пережила две революции, приведшие к распаду империи, образованию Советского государства, многолетней Гражданской войне. События, произошедшие в Центральной России, безу-

словно, дошли и до ее национальных окраин, раскачали многонациональное российское общество. В центре и на местах за власть, «выпавшую» из рук некогда мощного самодержавия, несколько лет шла борьба между различными политическими силами. Изменения касались не только территорий и их статуса, но и трансформаций политических сил.

Среди общероссийских политических организаций самые радикальные позиции занимали большевики, выступавшие за самоопределение наций, вплоть до политического отделения. В своей политике большевики исходили из ожидания приближающейся революции, по их мнению, мировой революции, которая интегрировала бы национально-освободительное движение и расставила свои приоритеты в государственном устройстве. В этом плане весьма характерна мысль, высказанная Лениным уже в ноябре 1917 г. в его выступлении на Всероссийском съезде военного флота: «Нам не важно, где проходит государственная граница, главное – укрепление союза трудящихся наций». Таким образом, на первом этапе своего нахождения у власти большевики, демонстрируя «демократизм» в национальном вопросе, одновременно показывали, что главное для них – упрочение своей общественной модели и ее потенциальной экспансии в широком геополитическом ареале[40].

Большевики приняли «Декларацию прав народов России», обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Безусловно, все эти декларации способствовали утверждению большевистской власти в регионах России, соответственно потребовав от нее выплаты определенных «национальных дивидендов». Политика большевистской партии одновременно и разрушала, и собирала Россию. Ряд лидеров национальных элит, согласившихся в принципе до победы большевиков на совместное существование в рамках Российского федеративного государства, затем продемонстрировали явные сепаратистские настроения, не принимая эту власть[41]. Такие проявления были в Белоруссии (Белорусская Рада), на Украине (Генеральный секретариат Украины), в Закавказье (Закавказский сейм) и др.

Северный Кавказ также был ареной ожесточенного противостояния, где в период с мая 1917 г. до конца 1920 г. создавались, функционировали, а затем ликвидировались противоборствующими сторонами различные государственные образования[42]. В новой большевистской России, истерзанной Гражданской войной и иностранной

---

[40] Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 225.

[41] Там же. С. 227.

[42] *Османов О. И.* Из истории государственных образований на Северном Кавказе (май 1917 – май 1920) // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2013. № 4.

интервенцией, отчетливо проявлялось понимание стратегической важности региона, и важным было не допустить его сецессии. В газете «Правда» от 30 ноября 1920 г. И. В. Сталин отмечал: «Важность значения Кавказа для революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности, между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум – Баку, Батум – Тавриз, Батум – Тавриз – Эрзерум). Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, за этим ключом Черного моря хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток через Закавказье. Кто утвердится, в конце концов, на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими в глубь Азии, революция или Антанта – в этом весь вопрос»[43].

Такое положение во многом объясняет развитие событий того периода и в Дагестане. Вопрос «Об автономии» обстоятельно обсуждался на заседании бюро Дагестанского областного РКП(б) от 9 ноября 1920 г. На голосование было внесено три предложения:

1) тов. Габиева: «Вопрос об автономии Дагестана подвергнуть суждению и разрешить только после ознакомления с декларацией (за которое проголосовали члены бюро Габиев, Коркмасов и Ковалев)»;

2) тов. Квиринга: «Принимая во внимание политическую ситуацию и отсутствие как советских, так и партийных работников, вышедших из недр трудовых масс Дагестана, бюро находит несвоевременным декларировать Автономию Дагестана» (за которое проголосовали Квиринг, Кариб, Коробкин, Гавриленко и Полин);

3) тов. Исаева: «Декларировать автономию Дагестана после подавления контрреволюции (голосовал Исаев)».

В итоге бюро Дагобкома РКП(б) постановило: «Принимая во внимание политическую ситуацию и отсутствие подготовленных как партийных, так и советских работников, вышедших из недр трудовых масс Дагестана, областное бюро находит *несвоевременным декларировать Автономию Дагестана*»[44].

Несмотря на постановление Областного бюро РКП(б), спустя лишь несколько дней, а именно 13 ноября 1920 г., автономия Дагестана была объявлена прибывшим в г. Темир-Хан-Шуру И. В. Сталиным.

Вероятно, такое навязывание «сверху», или «дарение» большевиками дагестанским и другим горским народам Северного Кавказа автономии (в виде ДАССР и ГАССР) как формы государственного устройства, без учета мнения местной партийной ячейки РКП(б), и с учетом сложившейся в регионе политической ситуации, навязыва-

[43] Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1-п. Д. 4347. Л. 11.

[44] ЦГА РД. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 34. Протокол заседания областного Бюро РКП(б) от 9 ноября 1920 г., п. 1. «Об автономии Дагестана».

ние новой формы политического правления на данной территории, позволили большевистской России не только сохранить в своем составе важную в геополитическом плане территорию, но и активно влиять и руководить сложными политическими процессами в тот период, как на Северном Кавказе, так и в Закавказье.

Историческая судьба Дагестана – по территории самого крупного государственного образования на Северном Кавказе – оказалась тесно связана с Россией. 20 января 1921 г. уже официально декретами ВЦИК были образованы первые автономные советские республики на Кавказе – Дагестанская АССР и Горская АССР. Относительно Дагестанской АССР констатировалось: «1. Образовать Автономную Дагестанскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР...»[45].

Приоритетной становилась проблема институционализации советского национального государственного строительства, что было вполне логичным. С появлением декрета об образовании Дагестанской АССР председатель Дагревкома Саид Габиев в свою очередь издал приказ, согласно которому «впредь до созыва Учредительного съезда для выбора ЦИК Дагестанской Социалистической Советской Республики и Совнаркома, вся полнота власти на территории Дагестанской республики принадлежит ревкому Дагестана»[46]. Далее читаем: «Объявляя о сем, предлагается отныне именовать Дагестанскую область – Дагестанской Социалистической Республикой, и в официальных актах всюду писать ДССР»[47].

5 декабря 1921 г. I Учредительный съезд Советов Дагестана утвердил Конституцию ДАССР[48]. О самостоятельности республики в решении важнейших вопросов свидетельствовало то, что исключительному ведению Вседагестанского съезда Советов подлежало установление, дополнение и изменение основных положений Конституции Дагестана. В ведение Вседагестанского съезда Советов и ЦИК ДАССР входили все вопросы республиканского масштаба: общее руководство внутренней политикой; установление и изменение границ; общее административное деление территории республики и утверждение окружных объединений; установление общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей на территории республики; утверждение бюджета; установление налоговых повинностей; общегосударственное законодательство, судоустройство, гражданское и уголовное законодательство; назначение и смешение как отдельных членов Совнаркома, так и всего Совнаркома, а также утверждение его Председателя; право амнистии; установление и изменение системы мер, весов и денег на территории

[45] Советский Дагестан. № 225. 5.12.1921.
[46] ЦГА РД. Ф. 4-р. Оп. 3. Д. 21. Л. 26.
[47] Там же.
[48] Там же. Д. 5. Л. 117. Стенограмма съезда.

республики; заключение займов, таможенных и торговых договоров, а равно – финансовых соглашений. При этом ряд перечисленных вопросов разрешался республикой совместно с соответствующими финансовыми и хозяйственными органами РСФСР[49]. Иностранные дела и внешняя торговля оставались целиком в ведении центральных органов РСФСР[50].

Между тем реальная автономия Дагестана не могла существовать без собственного бюджета, самофинансирования и хозяйственной самостоятельности, как того требовала Конституция Дагестанской АССР. Все предприятия, действующие на территории республики, должны были подчиняться ее правительству. Именно в этом вопросе разошлись интересы Дагестанской АССР и Центра. Почти два года продолжался спор между ЦИК ДАССР и трестом «Главрыба», находившимся в подчинении правительства РСФСР. Подобные перегибы имели место и в других автономных образованиях. Эти и последовавшие несколько позже события превратили автономию Дагестана в фикцию[51]. Важно отметить, что «все декреты, посвященные созданию автономных республик, содержали обязательный пункт: финансовыми и техническими средствами автономная республика снабжается из общих средств»[52].

Принятие Конституции РСФСР 1924 г. вызвало к жизни и конституции автономных образований в ее составе. 5 апреля 1927 г. VI Вседагестанский съезд Советов принял решение об утверждении новой Конституции ДАССР, в которой очевидны снижение правового статуса Дагестана, тенденции к централизации управления со стороны федеральных органов власти в отношениях с ДАССР[53]. Из новой Конституции 1927 г. были исключены предусмотренные прежней Конституцией 1921 г. полномочия республики по осуществлению общереспубликанского законодательства, судопроизводства, уголовного и гражданского законодательства.

Тем не менее, Центр во второй половине 1920-х годов не настолько еще был силен, чтобы «затянуть» до конца узел на правах своих автономий, как это стало получаться у него уже в начале, а далее, более решительно, с середины 1930-х годов. В те годы в союзных и автономных республиках в среде партийных и советских работников, научной и творческой интеллигенции возникли группировки, кото-

---

[49] *Труженикова Л. А.* Становление и развитие национальной государственности Дагестана. XX–начало XXI вв. Махачкала, 2011. С. 30.

[50] Конституция Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики 1921 г. // Образование ДАССР (1920–1921 гг.). С. 197–200.

[51] *Толбоев М.* Дагестан: истоки государственности // Народы Дагестана. 1994. № 4 (8). С. 3–13.

[52] *Чеботарева В. Г.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.

[53] *Труженикова Л. А.* Указ. соч. С. 39–40.

рые сопротивлялись официальному курсу на централизацию в национально-государственном строительстве, протестовали против диктата Политбюро ЦК ВКП(б), СНК РСФСР и центральных ведомств.

Во взаимоотношениях Центра и субъектов часто камнем преткновения являлась проблема компетенции субъектов Федерации.

В этой связи В. Г. Чеботарева отмечает: «Сформированная в начале 1920-х гг. национальная советско-партийная номенклатура с доверием отнеслась к Центру и политику на местах строила в соответствии с заявленными принципами о правах народов. Скоро эйфория прошла: Центр дал понять, что игра в суверенитет окончена». Сталин считал, что окраины должны беспрекословно подчиняться Центру. В связи с этим он отмечал: «Если мы теперь не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»[54].

В середине 1920-х годов многим коммунистам импонировал проект М. Х. Султан-Галиева о преобразовании автономных республик в союзные. Каким было мнение руководства ДАССР по обсуждавшемуся вопросу, можно проследить по выступлению Председателя ЦИК ДАССРН. П. Самурского на частном совещании националов–членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин от 12 ноября 1926 г.

Н. П. Самурский подверг критике идею о создании «Русской республики», сторонниками которой были лидеры ряда национальных автономий[55]. Относительно идеи о выходе из состава РСФСР и вхождения в СССР в качестве независимых республик он пояснил: «Чем скорее мы отойдем от Российской Федерации, тем больше русский шовинизм усилится и, следовательно, местный сепаратизм... Выход из РСФСР автономных республик и переход в разряд союзных, с выделением особой, чисто великорусской республики... должен быть решительно отвергнут... Такое решение поведет не к ослаблению национального антагонизма, а к усилению великодержавного шовинизма в «Русской республике», лишенной национальных компонентов... Оставшиеся в национальных республиках русские, стремясь воссоединиться с выделенным ядром, будут раздирать территориально организм национальных республик...». Н. П. Самурский обратился к лидерам автономий с вопросом: «Если вы отделитесь, вы будете получать поддержку? Сумеете ли вы защитить политическую независимость? Нет... потому что вы окажетесь в ничтожном меньшинстве». Он также отметил: «Дагестан 60 лет боролся с царизмом; по географическому положению и политическому весу легко мог войти в СССР в качестве

---

[54] *Чеботарева В. Г.* Указ. соч.

[55] Там же.

независимой республики, тем более, что население состоит из кавказских народностей (русских не наберется и 5 %)»; но «мы этот вопрос не ставили и не поставим потому, что это не в интересах Дагестана»; путь решения вопроса «не в ликвидации Российской Федерации, не в выделении автономных республик в независимые, а в теснейшем сплочении автономий с Великороссией». Он призвал руководителей национальных республик «сильнее объединиться с РСФСР, внести дополнения и уточнения в Конституцию, укрепить свое положение в центральных наркоматах и во ВЦИК»[56].

Однако именно Дагестан в 1920–1930-е годы, не будучи лишенным своей автономии, не раз подвергался процедуре изменения административно-политического статуса: в 1921 г. он был отнесен к Северному Кавказу (с 31 октября 1921 г. – в подчинении Юго-Восточного Бюро ЦК[57], а постановлением Президиума ВЦИК от 3 ноября 1921 г. его объединили с Юго-Востоком России)[58]; 13 февраля 1924 г. ВЦИК по настоянию республики принял постановление о выходе ДССР из Юго-Восточной области[59]. На запрос Орг. Бюро ЦК РКП(б) от 6 июля 1924 г. по вопросу о выделении Дагестана из Юго-Восточной области руководством ДАССР был представлен доклад, утвержденный на расширенном Пленуме Дагестанского областного комитета РКП(б). Лейтмотив доклада – «...присоединение Дагестана к Юго-Восточной области, вопреки ясно и настойчиво выраженной воле дагестанских трудовых масс явится нарушением основных принципов национальной политики РКП, конституции РСФСР и ДССР и всех обещаний, данных от лица пролетариата РСФСР Дагестану. Присоединение к Юго-Восточной области явится уничтожением автономии Дагестана, ибо как бы ни было составлено «Положение об управлении Краем», Дагестан в Крайисполкоме может располагать только ничтожным количеством голосов и, таким образом, окажется в полном практическом подчинении сельскохозяйственных областей Кубани и Дона. Между Центром и Москвой будет воздвигнуто такое же средостение, какое существовало во времена царизма в виде Кавказского наместничества... Имея в виду, что другие автономные республики при районировании выделяются из состава областей и сохраняют свою автономность и непосредственное подчинение Москве (как это было сделано с Башкирской и Татарской республиками), Дагестанская организация

---

[56] *Чеботарева В. Г.* Указ. соч.

[57] ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 79.

[58] *Казанбиев М. А.* Дагестан в составе Юго-Востока России (1920–1924) // Социально-экономические и культурные преобразования в Дагестане (1920–1970). Махачкала, 1977. С. 31.

[59] *Рамазанова Д. Ш.* Административно-политический статус Дагестана в 1920–1930 гг.: вхождение республики в Северо-Кавказский край // Известия РГПУ им. Герцена. С.-Петербург, 2010. № 126. С. 69.

считает себя вправе просить одинаковых прав с этими республиками, тем более, что именно к Дагестанской автономии и следует относиться с наибольшей осторожностью, ввиду того влияния, которым пользуется Дагестан на всем ближнем Востоке»[60].

Политбюро ЦК ВКП(б) 9 октября 1924 г. подчинило ДАССР центральным органам РСФСР. Но к началу 1930-х годов стало очевидным, что она отстает от других национальных областей по многим показателям социально-экономического развития. Постановлением ВЦИК от 10 ноября 1931 г. ДАССР вошла в состав Северо-Кавказского края. Вхождение Дагестана в край в 1931 г. не было «добровольным». Все решения, в том числе и Съезда Советов республики со ссылкой на волю ее народов, были претворены в жизнь административным путем.

В январе 1937 г. Дагестанская АССР вышла из состава Северо-Кавказского края. Осенью 1937 г. местное руководство, увлекшееся отстаиванием национальных интересов, в том числе, в 1924 г. – статуса автономной республики, в большинстве своем было обвинено в «буржуазном национализме» и репрессировано.

Бурнашева Н. И.

Идеи революции в Якутии: классовые и национальные приоритеты

Аннотация. В статье дана характеристика наиболее важных тенденций развития Якутии в начале XX в. Революция 1917 г. обнажила главные противоречия социально-экономических отношений, выявила своеобразие их проявления в национальной окраине Российской империи. Идеи революции предоставили якутскому народу возможность вступления на путь разрешения социально-экономических противоречий путем социалистических преобразований.

Ключевые слова: Якутия, национальная окраина, национальные лидеры.

The idea of the Revolution in Yakutia: class and national priorities

Abstract. The article concerns the issue of the development tendencies in Yakutia of the beginning of the XXth century. The Revolution of 1917 revealed the antagonistic nature of socio-economic relations on the na-

[60] *Рамазанова Д. Ш.* Административно-политический статус Дагестана в 1920–1930 гг.: вхождение республики в Северо-Кавказский край // Известия РГПУ им. Герцена. С.-Петербург, 2010. № 126. С. 72.

tional outskirts of Russian Empire, shaped by its distinctive characteristics. Ideas of the Revolution created a possibility for the yakut population to resolve socio-economic tensions by the means of socialistic reformation.

Keywords: Yakutia, national outskirts, national leaders.

Революция 1917 г. коренным образом изменила судьбы народов отдаленных окраин Российской империи, предоставив им возможность приступить к строительству нового общества, основанного на принципах свободы, равенства и братства. Веками существовавшая система управления регионами не смогла выдержать испытания временем, и народы окраин оказались перед лицом кардинальных перемен всех сторон своей политической и экономической жизни. Идеи революции открыли для народов окраин Российской империи возможность по новому взглянуть на свое будущее, принять непосредственное участие в выборе дальнейшего пути своего развития.

До 1917 г. политика Российского государства по отношению к Якутии, как к национальному району, проводилась в русле общей государственной политики по отношению к восточным, окраинным территориям страны и исходила из практических задач, направленных на увеличение налоговых поступлений, эффективности управления, обеспечения безопасности границ и сохранения социального мира среди населения. Развитие экономики Якутской области определялось действующей в стране политикой хозяйственного освоения восточных территорий, нацеленной не только на экономическую, но и социокультурную инкорпорацию народов Сибири в состав империи[61].

Якутская область к 1917 г. представляла собой одну из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении окраин дореволюционной России. Огромные территории оставались практически малоосвоенными, очень низкой являлась плотность населения. Если в среднем по России на квадратную версту приходилось около 7 человек, в Сибири – один житель на две кв. версты, то в Якутской области на 100 кв. верст территории в среднем насчитывалось только 8 человек[62]. Вследствие суровых природно-климатических условий, примитивного характера труда и низкой доходности традиционных занятий коренного населения, находясь в стороне от основных сибирских центров, Якутия на протяжении веков оставалась непригодной для сколько-нибудь значимого аграрного и промышленного освоения.

Согласно переписи 1917 г. в области проживало 264 136 жителей, из них якутов – 83,3 %, русских – 9,5 %, представителей малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, юкагиров, чуванцев, чукчей) –

[61] Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 209.

[62] *Аргунов И. А.* Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). Новосибирск, 1985. С. 13.

7 %, остальных (татар, евреев и др.) – 0,2 %[63]. Традиционным занятием и основным источником существования населения являлось скотоводство, представленное в большинстве своем разведением крупного рогатого скота и коневодством.

Заметные изменения в развитии хозяйственной жизни Якутии были внесены ясачными реформами 1760-х годов, заменившими пушной ясак денежным. С этого момента на фоне общей отсталости хозяйственной жизни Якутской области все явственнее стало проявляться проникновение в экономику товарно-денежных отношений. Дальнейшее их развитие, а также распространение ярмарочной торговли были связаны с началом разработки золотоносных месторождений, открытых в 1840-х годах по притокам р. Лены. Образование такого быстрорастущего рынка сбыта местной продукции, которое представляли собой золотопромышленные районы, открыли для Якутской области перспективы хозяйственного роста, развития предпринимательства и торговли. В целом, развитие золотых разработок, рост хлебопашества, оживление торговли, улучшение путей сообщения, дальнейшее проникновение товарно-денежных отношений в якутские улусы и быстрое расслоение якутского крестьянства стали свидетельством активного проникновения в экономику Якутской области элементов капитализма.

Помимо этого, из среды якутов постепенно выделился слой особого денежного, торгового сословия, зарождалась новая денежная «аристократия». В основном это были потомки родоначальников, а также подрядчики, комиссионеры и торговцы, численность которых заметно увеличивалась. Разработка золотых приисков способствовала быстрому развитию торгово-промышленного капитала, проникавшему во все уголки Якутии. Поставка на прииски съестных припасов превратилась в новый источник обогащения тойонов, которые наживали значительные суммы на посреднических операциях и извозном промысле[64].

Все более разнообразной становилась финансовая сфера экономики. Если в XIX в. банковское дело в Якутии было представлено лишь деятельностью отделения негосударственного Русско-Азиатского банка, то постепенное развитие предпринимательства и торговли выявило настоятельную необходимость открытия еще одного банка. В 1911 г. по инициативе якутского губернатора И. И. Крафта на деньги, пожертвованные купцом 1-й гильдии М. Д. Эверстовым, был открыт Якутский городской общественный банк[65]. С расшире-

---

[63] Якутия. Историко-культурный атлас. Природа. История. Этнография. Современность. М., 2007. С. 298.

[64] *Попов Г. А.* Очерки по истории Якутии // Попов Г. А. Сочинения. Т. 1. Якутск, 2005. С. 313–314.

[65] История Якутии в отчетах якутских губернаторов. Якутск, 2007. С. 121.

нием деятельности банка население все больше приобщалось к различным финансовым операциям.

Вместе с тем, согласно оценке Г. П. Башарина, «влияние российского капитализма не выходило за рамки сферы обращения, не могло изменить производственной основы экономики Якутии. Вплоть до 1917 г. здесь не было крупной промышленности, фабрик и заводов; существовали лишь немногочисленные кустарно-промысловые предприятия, рабочие которых представляли собой зачатки пролетариата. Сельское хозяйство в своей основе оставалось натуральным. В сельских местностях проживало 96 % населения»[66]. Продуктивность основной отрасли хозяйства якутов – скотоводства, оставалась очень низкой, наблюдался процесс постепенного сокращения поголовья крупного рогатого скота и лошадей. Действовавшая в Якутии система распределения земель, при которой сенокосные, хлебопахотные и пастбищные земли концентрировались в руках незначительной богатой части населения, являлась причиной постепенного обезземеливания сельского населения. Уделом основной массы якутского населения было безземелье и малоземелье, которые влекли за собой разорение и нищету. Отсутствие прогрессивных сдвигов в кустарном и сельскохозяйственном производстве сосуществовало параллельно с активным развитием торговли, товарно-денежных отношений, купеческого торгового и ростовщического капитала. Сложившаяся в результате этого довольно низкая производительность традиционного скотоводческого хозяйства населения при одновременном быстром росте торгового капитала способствовали углублению противоречий между полупатриархально-полуфеодальным бытом, с одной стороны, и торговым капиталом, дополненным влиянием промышленного капитала, – с другой.

Углубление противоречий в экономике края порождало и все более усиливающиеся социальные проблемы. По мнению известного якутского просветителя А. Е. Кулаковского, автора письма «Якутской интеллигенции», положение якутского народа в начале XX в. стало вызывать у передовых людей той эпохи тревогу в связи с тем, что появилась явная угроза вымирания народа. «...Я глубоко убежден в критичности положения якутов в данное время, – писал он по этому поводу. – Неужели не заметны те роковые тучи, которые так зловеще собрались над нашим мутным небосклоном!..»[67]. Главным средством спасения якутского народа от угрозы вымирания А. Е. Кулаковский видел в просвещении и повышении культурного уровня народа. Он был убежденным сторонником того, что только просвещенный и образованный народ способен преобразовать свою

[66] *Башарин Г. П.* Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. Якутск, 1974. С. 196.

[67] *Кулаковский А. Е.* Якутской интеллигенции. Якутск, 1992. С. 33.

жизнь, выйти из нищеты и избежать гибели. Повышение культуры народа, по его мнению, являлось источником развития творческой инициативы и организованности, могло послужить базой для материального процветания. При этом развитие экономики должно было опираться не только на поддержку государства, а главным образом – на инициативу и усилия самого народа.

Социальное расслоение общества, усиливающийся разрыв в доходах, постепенно готовили почву для классового конфликта. В этих условиях идеи революции 1917 г. указали бесправному и угнетенному «инородческому» населению Якутии, веками существовавшему в условиях безысходности и нищеты, революционный путь улучшения своего положения. Особую ценность при этом представляет собой опыт лидеров революции, сумевших в тяжелые годы политических катаклизмов привлечь на свою сторону умы и настроения народов, убедить людей в правоте и значимости революционных идей. Чрезвычайно сложно это было сделать на далекой феодальной окраине Российской империи, где социальные проблемы тесно переплетались с национальными.

На любом этапе исторического развития государства не теряют своей актуальности вопросы взаимодействия власти и общества, поиска методов воздействия на общественное сознание, изучения механизмов восприятия обществом политических целей и задач. Выверенная и ясно выраженная политическая цель и определение задач ее достижения являются гарантией успеха любого социального события. Важным в этом смысле является выявление глубинных процессов, происходящих в обществе, выявление главных факторов, выведение идеальной формы выражения притязаний на социальные блага, статусы и роли. Рационально-ценностная мотивация политического поведения граждан и идеологическая основа политики составляют, по сути, политический смысл и значение политической деятельности индивидов, групп, партий в пределах актуально значимых для них идеалов и ценностей.

Огромную роль в выборе исторического пути развития народов Якутии сыграли авторитет и усилия лидеров якутской национальной интеллигенции, в первую очередь М. К. Аммосова и П. А. Ойунского. Молодые руководители сумели обратить главное внимание народа не на национальные, а на социальные, классовые противоречия, существовавшие в обществе. В своих речах и обращениях к якутскому народу они призывали поддержать революцию, аргументируя это тем, что капиталистическое общество, основанное не только на эксплуатации человека человеком, но и на эксплуатации одних наций другими, никогда не сможет справедливо разрешить национальный вопрос и уничтожить национальный гнет. Революционные лидеры смогли убедить свой народ в правильности выбора политики, наце-

ленной на предоставление народам возможности свободного развития, на получение образования детям рабочих и бедных крестьян, оказания всем народам помощи и поддержки в развитии их культуры.

Выступления революционных лидеров, обращенные к народу, часто затрагивали и вопросы взаимоотношения наций в мировом масштабе. При этом оценка политики капиталистических держав по отношению к Советской России разъяснялась с точки зрения идей мировой революции и пролетарского интернационализма. Национальные лидеры пытались донести роль и значение Октябрьской революции для всех угнетенных народов мира, показать влияние идей революции на рост освободительного движения в мире, на усиление борьбы не только с национальным, но и с социальным гнетом и неравенством. Призыв не концентрироваться на своих внутренних проблемах открыл возможность якутскому народу впервые ощутить себя частью огромного геополитического пространства, вызвал чувство сопричастности к революционной борьбе угнетенных, к борьбе, за социальную справедливость.

Революционные лидеры смогли вдохновить общество своими идеями и повести свой народ к покорению совершенно новых высот. Искренняя вера молодых национальных лидеров в светлые идеалы революционной борьбы, в сочетании с сочувствием и огромным желанием помочь своему народу выйти из состояния нищеты и бесправия, определили осознанный выбор якутского народа, последовавшего по пути политического развития, основанного на базовых принципах социальной справедливости, равенства и братства. Революция позволила сменить форму управления обществом, предоставила якутскому народу возможность создания своей государственности в форме автономии, перехода к строительству совершенно новой экономики и культуры.

Вдовин А. И.

Революционное решение национального вопроса в России: 1917–1924

Аннотация. Революционная национальная политика в 1917 г. и в последующий период отечественной истории определялась целями сближения и слияния наций. Практиковавшееся при этом приспособление принципов коммунизма к национальным предрассудкам не отличалось оптимальностью. Иерархический федерализм и распределение средств между нациями по правилу «больше тому, кто слабее», порождали иждивенческие настроения и сепаратизм. Общество ослаблялось заложенным в основание политики противоре-

чием – стремлением и к расцвету наций, и к их ассимиляции в качестве единого советского народа.

Ключевые слова: национальная политика, федерализм, нация, государствообразующий народ, национализм, сепаратизм, распад СССР.

Revolutionary national politics in Russia: 1917–1924

Abstract. The Revolutionary national politics in 1917 and during the subsequent period of Russian history was determined by the objectives of convergence and merging of Nations. Aptation of the principles of communism to national prejudices was not an optimal model. Hierarchical federalism and the distribution of funds between Nations by the rule «more to the weakest», have created a dependency culture and separatism. The society was weakened by contradiction incorporated into the policy – the desire of flourishing of Nations and their assimilation into a single Soviet people.

Keywords: national policy, federalism, nation, state-nation, nationalism, separatism, disintegration of the USSR.

В будущем коммунистическом обществе, о наступлении которого мечтали многие поколения приверженцев коммунистического учения, не было места ни для наций, ни для государств. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком»[68]. С уничтожением частной собственности национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут»[69]. Развивая эти положения, В. И. Ленин писал об «идиотской системе мелких государств и национальной обособленности, которая, к счастью человечества, неудержимо разрушается всем развитием капитализма»[70]. Социализм «гигантски ускоряет сближение и слияние наций»[71] и должен завершить это разрушение. «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[72]. В марте 1919 г. Ленин солидаризировался с Г. Л. Пятаковым в том, что мир без наций – «это великолепная вещь, и это будет»[73], и сожалел лишь о том, что будет это не скоро.

---

[68] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444.
[69] Там же. Т. 42. С. 360.
[70] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 457.
[71] Там же. Т. 30. С. 21.
[72] Там же. Т. 27. С. 256.
[73] Там же. Т. 38. С. 181.

В 1915 г. Ленин вывел из «закона неравномерности экономического и политического развития капитализма» возможность победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Дальнейшие события рисовались следующим образом: «Победивший пролетариат этой страны... организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»[74]. Угнетенные нации, национализм, сепаратизм антиколониальных, национально-освободительных движений в этой борьбе оказывались естественными союзниками пролетариата, они поддерживали все элементы распада в мире, подлежащем социалистической перестройке.

Ленин учил далее, что поскольку национальные различия невозможно уничтожить одним разом и при социализме, то все искусство «интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран» заключается в таком применении «основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»[75].

Соответственным было и отношение к отечеству. С социалистической точки зрения отечество рассматривалось «как историческая категория, отвечающая развитию общества на определенной его стадии, а затем становящаяся излишней»; пролетариат не мог «любить того, чего у него нет. У пролетариата нет отечества»[76]. Однако это не значило, что родину можно было просто игнорировать. «Отечество, – писал Ленин, – т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата». Фактор этот, как и судьба страны, должен был приниматься в расчет и интересовать пролетариат лишь постольку, поскольку это касалось классовой борьбы, «а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с[оциал]-д[емократа] „патриотизма"»[77]. Столь же неприличными казались и любое, не окрашенное пролетарским цветом национальное движе-

---

[74] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354–355. После военных неудач в Польше и подписания с ней договора о прелиминарных условиях мира (12 октября 1920 г.) Ленин заявил на собрании ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г.: «Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот» (*Ленин В. И.* Соч. 3-е изд. Т. 26. С. 50).

[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 77.

[76] Там же. Т. 26. С. 32.

[77] Там же. Т 17. С. 190.

ние и национальное государство. Не стоит забывать, что, по Ленину, «национальные движения реакционны... главное зло современности – государства... Основная цель – уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун»[78].

Призывы к защите отечества при таком понимании патриотизма и будущности государств с легкостью обращались в прямую противоположность. В 1914 г., в условиях войны, Ленин полагал, что «нельзя великороссам „защищать отечество" иначе, как желая поражения во всякой войне царизму»; это не только могло освободить 9/10 населения Великороссии от угнетения царизмом экономически и политически, но и освобождало бы «от насилия великороссов над другими народами». Подчеркивалось, что «поражение» было бы «наименьшим злом... Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма»[79].

В условиях Гражданской войны в России тоже звучали призывы к защите отечества. «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за „защиту отечества", – писал Ленин в 1918 г., – но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма». Соотечественниками было предложено считать пролетариев всего мира, а лучшими из них – рабочих Германии. «„Ненависть к немцу, бей немца" – таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма, – разъяснял Ленин. – А мы скажем... „смерть капитализму" и вместе с тем: „Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они придут на помощь к нам"»[80]. Расчеты не оправдались, но Ленин сохранял веру в новых «соотечественников» и к концу Гражданской войны. Вскоре после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран Россия сделается, полагал он, «не образцовой, а опять отсталой (в „советском" и социалистическом смысле) страной»[81]. Эта мысль постоянно звучала в речах приверженцев мировой революции. Г. Е. Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна, верил, что уже III конгресс этого штаба мировой революции «будем проводить в Берлине, затем в Париже, Лондоне». «В Москве мы находимся лишь временно, – говорил он в 1924 г. – Пожелаем, чтобы это время было как можно более коротким»[82].

Таким образом, стратегия марксистско-ленинской национальной политики определялась целью слить нации. Остальное относилось к тактике. Представления о нациях и отечестве как явлениях, становя-

---

[78] Цит. по: *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 428–429.
[79] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 14.
[80] Там же.
[81] Там же. Т. 41. С. 4.
[82] *Зиновьев Г. Е.* Соч. Л., 1924. Т. 15. С. 115.

щихся излишними при социализме, переводили традиционное национальное самосознание и патриотизм в разряд предрассудков, свойственных отсталым людям, в наибольшей мере – крестьянским массам. Для интернационалистов, как отмечалось на XII съезде партии, «в известном смысле нет национального вопроса». Многие из них на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: революционер, коммунист. В 1918 г. Л. Д. Троцкий заявил на митинге в Петрограде: «Настоящий революционер не имеет национальности. Его национальность – рабочий класс». Тогда же по стране пошел слух, что национальности отменены. Комсомольцы заявляли: «Теперь нам, комсомольцам, национальность не нужна. Мы – советские граждане!»[83]. М. И. Калинин считал: «Национальный вопрос – это чисто крестьянский вопрос... Лучший способ ликвидировать национальность – это массовое предприятие с тысячами рабочих... которое, как мельничные жернова, перемалывает все национальности и выковывает новую национальность. Эта национальность – мировой пролетариат»[84]. Национальная политика партии при таких убеждениях и устремлениях означала, по краткому определению Сталина, «политику уступок националам и национальным предрассудкам»[85], которая щадила бы их национальные чувства в ходе «перемалывания». Тактика временных уступок была оборотной стороной национального нигилизма, определявшего стратегию национальной политики.

Внутренняя противоречивость ленинской национальной политики во многом обесценивала, казалось бы, трезвые оценки сложности и длительности процесса слияния наций. К примеру, Ленин в начале 1916 г. писал: «К неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения»[86]. Сталин полагал, что в условиях России этот период заканчивается с окончанием Гражданской войны. «Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно»[87], – писал он в октябре 1920 г.

Захватив власть, большевики сознавали, что они меньше всего могут склонить народы России на свою сторону призывами к борьбе за осуществление конечной цели в национальном вопросе. В дело

---

[83] Цит. по: *Скоркин К. В.* Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922–1934). М., 2011. С. 201; *Клементьев В. Ф.* В большевистской Москве (1918–1920). М., 1998. С. 400. Нельзя упускать из виду, что без фиксации национальности в паспортах и при проведении переписей населения исчезает смысл сохраняющихся в России многочисленных национально-территориальных образований.

[84] Цит. по: *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Пер. с англ. М., 2012. С. 168.

[85] *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 231.

[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.

[87] *Сталин И. В.* Соч. Т. 4. С. 354.

сразу пошло «приспособление принципов коммунизма к национальным предрассудкам». Советская национальная политика с этого времени определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, а также прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов. Собственно, никакой иной национальной политики на протяжении всех последующих лет советской власти и не было.

Так, «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. провозглашала немедленное и бесповоротное раскрепощение народов, уничтожение всяческого гнета и произвола, замену политики натравливания народов друг на друга политикой добровольного и честного союза народов России. Гарантировались «равенство и суверенность народов России», их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»[88]. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (12 января 1918 г.) устанавливала, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик»[89]. Это означало, что уже в первые недели существования новой власти пришлось отложить до лучших времен предписания насчет того, что «пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики»[90], что «марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»[91], что национальный мир вполне достижим в единой республике с широкой областной автономией для всех областей России и при вполне демократическом местном самоуправлении[92].

Большевики с дореволюционных времен были известны как сторонники централизованного государства. Прогресс в государственном развитии представлялся как переход от разного типа союзных государств к единой республике, а от нее – к безгосударственному общественному самоуправлению. Принимая в 1918 г. курс на федерализм как приемлемую форму государственного устройства для всей бывшей территории Российской империи, российская власть неизменно подчеркивала стратегическую временность этой формы. «Принудительный централистский унитаризм» считалось целесообразным заменить федерализмом добровольным, для того чтобы со временем он уступил место «добровольному социалистическому

---

[88] Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 72.

[89] Там же.

[90] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 238.

[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.

[92] См.: там же. С. 58, 149.

унитаризму»[93]. На федеративной основе, как предполагал Ленин, будет создана и Мировая социалистическая республика. В мае 1918 г. в беседе с американским журналистом А. Р. Вильямсом Ленин говорил, что начавшийся «период войн и революций в разных странах продлится 50–75 лет», а потом, через 75–100 лет, «страны объединятся в огромную социалистическую федерацию или мировое сообщество»[94].

Страна, рожденная Октябрем, первое время именовалась Советской Российской республикой. Однако уже через месяц, опасаясь распада многонационального государства при унитарной форме правления и стремясь перехватить инициативу в борьбе за массы, Ленин посчитал: нечего бояться раздробления России. «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем, для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»[95]. На III съезде Советов 25 января 1918 г. Российская республика была объявлена федерацией советских национальных республик, хотя таковые еще предстояло создать.

Решение было принято отнюдь не потому, что мелкие государства и присущий им «местный национализм» были большевистским идеалом, а исключительно из популистских соображений. Для создания «благоприятной атмосферы» в борьбе за власть в национальных регионах Ленин всячески приветствовал образование временных правительств при продвижении революционных армий на «несоветскую» территорию.

Творцов революции не смущало, что при последовательной реализации Декларации прав народов равноправных субъектов федерации будет столько же, сколько суверенных народов объявится в России. Не это считалось важным. Существенным было то, что федерация приспособливалась для ее расширения до вселенских масштабов. В первой советской Конституции, 1918 г., прямо говорилось, что основной задачей РСФСР является «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах»[96]. Конституция СССР 1924 г. объявляла образование Союза ССР «новым решительным шагом по пути объединения тру-

---

[93] *Сталин И. В.* Соч. Т. 4. М., 1947. С. 73.

[84] Цит. по: *Куликова Г. Б.* СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 12.

[95] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.

[96] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю. П. Титов. М., 2001. С. 305.

дящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую Республику»[97].

Право на самоопределение и возможность его реализации в ходе революции (установлении советской власти на местах), как и другие призывы Октябрьской революции, формулировались ясно, четко и доходчиво и были понятны даже малограмотной части населения. Например, 29 ноября 1918 г., после первых успехов белых армий в ходе разраставшейся Гражданской войны, И. И. Вацетис (в сентябре 1918–июле 1919 г. главнокомандующий вооруженными силами РСФСР) получил от Ленина составленную им совместно со Сталиным телеграмму следующего содержания:

«С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»[98].

С точностью до наоборот выстраивали свою национальную политику белые власти. Они уничтожали просоветские формирования и поддерживали антисоветскую местную власть с оговоркой, что окончательная форма государства будет установлена после войны, Учредительным собранием. Это резко снижало поддержку белого дела в национальных регионах России и во многом обусловило поражение белых в Гражданской войне. По одной из оценок, «правильная политика партии в национальном вопросе... облегчала нам победу над эсерами и меньшевиками, над Деникиным и Колчаком по крайней мере на 50 %»[99].

Таким образом, «местный национализм» использовался для захвата власти в России и при попытках распространить эту власть повсеместно в ходе революции. По словам Н. И. Бухарина, «национализм, как и сепаратизм колониального, национального движения»,

---

[97] Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. (1924, января 31) // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю. П. Титов. С. 319.

[98] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.

[99] *Зиновьев Г. Е.* Ленин и национальный вопрос //Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Вступ. статья. Л., 1925. С. 7.

нужно было использовать как «элементы распада», как «разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь... государства»[100], подлежащего социалистической перестройке.

Адепты мировой республики без устали раздавали обещания о готовности к объединению усилий и оказанию всевозможной помощи всем «угнетенным народам» в социалистическом преобразовании старого мира. «Когда будем правительством, – писал Ленин в 1916 г., – мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет непрочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным более, чем мы, народам „бескорыстную культурную помощь"... т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»[101].

В 1921 г. при конкретизации таких обещаний применительно к России было сформулировано одно из центральных положений всей послеоктябрьской советской национальной политики: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»[102].

Партия обязывалась помочь отставшим народам догнать ушедшую вперед Центральную Россию, в том, чтобы: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения»[103].

В условиях диктатуры пролетариата на всеобщее понимание и добровольность в таком деле (уничтожение фактического неравенства народов) рассчитывать было трудно. Приходилось не только

---

[100] *Бухарин Н. И.* Избр. произведения. М., 1988. С. 70.

[101] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 120.

[102] *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 39.

[103] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 366.

призывать, но и обязывать. В докладе на X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе было прямо сказано, что только «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой... Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям»[104]. Не проявлявшие готовности должным образом помогать представители более развитой нации рисковали быть обвиненными в великорусском национализме или в уклоне к нему. Представители «отсталых» окраинных народов, не желавшие перестраиваться на социалистический лад с помощью большевистской России, попадали в разряд местных националистов. В обычных условиях отставшему народу догнать опережавшие в своем развитии народы можно было при максимальном использовании права на свободное национальное развитие, развиваться быстрее ушедших вперед за счет большего напряжения усилий, более эффективного использования всех внутренних ресурсов национального развития и максимально используя при этом опыт и помощь передовых народов.

Принципиальные положения резолюций X и XII съездов РКП(б) об интернациональном долге русского народа – оказать всемерную помощь национальным окраинам в подъеме экономики и культуры, тезис Ленина о том, что ранее господствовавшая нация должна возместить бывшим угнетенным народам несправедливость, допущенную при царизме, – рождали в национальных республиках и автономиях устойчивые представления о том, что объектом государственной политики по переустройству социально-экономической жизни являлись в первую очередь национальные окраины. Что «центр» (русский народ) обязан всегда и во всем помогать отстающим. И это не могло не порождать известных иждивенческих настроений.

Со временем ложный взгляд на постоянную одностороннюю помощь отсталым и окраинным народам приобрел силу предрассудка. К примеру, В. М. Молотов и в 1977 г. полагал, что более высокий уровень жизни в других социалистических странах и в советской Прибалтике – явление не только нормальное, но и необходимое. «Наши прибалтийцы, – говорил он, – живут на более высоком уровне, чем москвичи. И нам это необходимо. Это политика, соответствующая интересам Москвы»[105]. Е. И. Чазов отмечал, что в бытность его министром СССР (1987–1990) на охрану здоровья граждан в прибалтийских республиках тратилось около 80 рублей на человека в год, а в различных регионах РСФСР – около 50–60 рублей, удивляясь при этом нелепости ярлыка «оккупанты», который приклеивался рус-

---

[104] *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 36.

[105] Цит. по: *Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 521.

скому народу в этих республиках: «С каких это пор оккупанты заботятся о здоровье населения оккупированных районов больше, чем о своем собственном?!»[106]. А. Запольскис, изучавший, как жили бывшие советские республики до выхода из общего Союза и как жили в 2016 г., пришел к следующему заключению: «Из-за этого стремления сделать жизнь в Ереване или Кишиневе не хуже, чем в Москве или Ленинграде, еще в 1960–1970 годы начал возникать явный перекос между трудом и вознаграждением за него. А в последние годы СССР он стал совсем неприличным. При формальном равенстве советская периферия стала жить намного лучше, чем центральные регионы страны»[107].

Политика, которая нацеливалась бы на создание условий для ускоренного развития и расцвета русского народа, в отличие от отношения к другим нациям, не предусматривалась, казалась излишней. Считалось, что развитие и расцвет основной государствообразующей нации России автоматически обеспечивается результатами социалистических преобразований в стране.

Иерархический федерализм, оформившийся в СССР с принятием Конституции 1924 г., объясняется фактическим неравенством народов. Считалось, что он представлял собой ту необходимую форму, в которой пролетариат решал национальную задачу путем действенной и длительной помощи отсталым народам в деле их хозяйственного, культурного развития, в их переходе к социализму. Автономная область и округ представлялись как форма самоуправления народов, особо нуждавшихся в поддержке центральной власти. Поэтому распределение средств между нациями в СССР осуществлялось по правилу «больше тому, кто слабее»[108]. Подобный патернализм имел и негативные следствия, порождая иждивенческие настроения среди части населения и стремление местных элит обрести более высокий этнополитический статус. Это таило реальную опасность взращивания сепаратизма «на законных основаниях».

Конституция СССР 1924 г. принималась и в расчете на возможность расширения Союза по мере успехов революции в других странах. Она объявляла СССР интернациональным государством, открытым «всем советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»[109]. Модель СССР, оформленная в

---

[106] *Чазов Е. И.* Как уходили вожди: Записки главного врача Кремля. М., 2012. С. 181.

[107] *Запольскис А.* Кто кого кормил в СССР и кто больше проиграл от его развала // Комсомольская правда. 2016. 23 августа (https://www.kp.ru/daily/26571.7/3586720).

[108] См.: Большая советская энциклопедия. Т. 1. М., 1926. Стб. 380, 382; *Гурвич Г. С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 189.

[109] Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. (1924, января 31) // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю. П. Титов. С. 319.

Конституции, была более приближена к унитарному государству по сравнению с той, которую допускал В. И. Ленин. В его «завещании» предлагалось уже на следующем съезде Советов вернуться назад и оставить Союз «лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»[110]. По сути, предлагалась конфедеративная модель в надежде, что это облегчит присоединение к Союзу новых стран в ходе мировой революции. Революции не случилось, и если бы наследники Ленина полностью согласились с его «завещанием», история Союза ССР могла закончиться задолго до своего 70-летия. Узаконенное Конституцией 1924 г. государственное устройство с полным равноправием и правом свободного выхода республик из СССР оказалось «миной замедленного действия»[111], сработавшей в 1991 г. Конституционное право республик на отделение не снабжалось объяснениями, на каких основаниях это может произойти, какими должны быть порядок и процедуры практической реализации отделения. Правовая неопределенность в этих вопросах стала одной из причин, почему СССР не устоял против сепаратизма в национальных республиках.

Не добавляло прочности СССР и заложенное в основание советской национальной политики с 1920-х годов «фундаментальное противоречие: стремление к национализации этнических территорий и стремление к ассимиляции разных национальностей и создание советского народа, что вызывало напряжение, приводящее к нестабильности, предшествовавшей падению Советской системы»[112].

Как представляется, важнейшим из упущений, сделанных при образовании СССР, стала нерешенность русского вопроса. К его обстоятельному рассмотрению и решению руководство партии и советского государства не возвращалось и позднее. В конце концов, эта нерешенность сыграла едва ли не главную роль в судьбе СССР. В. М. Молотов в 1980 г., на склоне своих лет, признавал, что «Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос. То есть, каким должен быть статус РСФСР и русской нации в СССР»[113]. Поскольку дело касается основного, государствообразующего народа, это дает основание для важнейшего вывода: здесь надо искать ответ на вопрос, «почему Советский Союз в декабре 1991 г. прекратил свое существование»[114].

---

[110] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361–362.

[111] Путин раскритиковал Ленина за идею равноправия республик с правом выхода из СССР. 25 января 2016. URL: http://www.interfax.ru/russia/491443.

[112] *Муканова А. С.* Феномены «нация» и «национализм»: проблемы истории и теории: Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010 (http://pandia.ru/text/79/046/72687.php).

[113] Цит. по: *Кузнечевский В. Д.* Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза, 1931–1953 гг. М., 2016.

[114] Там же.

Лавринович Д. С.

Белорусский вопрос в 1917–1918 гг.: от проектов национальной автономии к советской государственности

Аннотация. В среде белорусских общественных организаций в 1917 г. сформировалось несколько вариантов видения национального развития белорусского народа. Первый проект предполагал национальную автономию в составе федеративной Российской республики, затем возобладала идея создания независимого государства – Белорусской народной республики. Представителей западнорусизма объединяла борьба за областную автономию белорусских губерний при сохранении тесных связей с Россией. Но наибольшие шансы на реализацию получил проект создания белорусской советской государственности, который и был осуществлен.

Ключевые слова: Белорусская социалистическая громада, «Белорусское общество», Первый Всебелорусский съезд, конституционные демократы, Союз белорусской демократии, Могилевский белорусский комитет, Белорусский народный союз.

Belorussian Question in 1917–1918: from the Projects of National Autonomy to the Soviet Statehood

Abstract. Among the Belarusian public organizations in 1917 several views on the national development of the Belarusian people were formed. The first draft assumed national autonomy within the Federal Russian Republic, and then the idea of creating an independent state – the Belarusian People's Republic prevailed. The representatives of zapadnorusizm fought for regional autonomy of the Belarusian provinces while maintaining close ties with Russia. But the greatest chance for implementation was received by the project of creating the Belarusian Soviet state, which was carried out.

Keywords: Belarusian Socialist Assembly, «Belarusian society», the First All-Belarusian Congress, the Constitutional Democrats, the Union of Belarusian Democracy, Mogilev Belarusian Committee, the Belarusian National Union.

В среде белорусских общественных организаций и групп к 1914 г. сформировалось два основных варианта видения национального развития белорусского народа, которые предусматривали определенную систему политических, социально-экономических и культурных мероприятий. Первый проект отстаивали общественные деятели, объединившиеся вокруг издания в Вильно газеты «Наша Ніва» (1906–1915):

братья И. И. и А. И. Луцкевичи, В. У. Ластовский, А. Н. Власов и другие. Многие авторы газеты были активными деятелями Белорусской социалистической громады (БСГ), формально самораспустившейся в 1907 г., но фактически продолжившей свою деятельность. Руководящее ядро «Нашей Нівы» добивалось равноправия всех наций, снятия конфессиональных ограничений, сводного употребления местных языков в делопроизводстве и системе образования, реализации права наций на самоопределение. Будущее белорусского народа представлялось в виде национальной автономии в составе демократической федеративной Российской республики[115].

После оккупации Западных губерний Российской империи германскими войсками, оставшиеся в Вильно «нашенивцы» пытались обосновать необходимость создания конфедеративного государства белорусов, литовцев и поляков, в рамках которого хотели достигнуть независимости от России. Осенью 1915 г. И. И. и А. И. Луцкевичи на занятой немцами территории создали Белорусскую социально-демократическую рабочую группу в качестве филиала БСГ. Они выдвинули лозунг «политической независимости Литвы и Беларуси в ее последней исторической форме Великого княжества Литовского». Чуть позже была основана «Конфедерация Великого княжества Литовского», а 19 декабря 1915 г. появился универсал «конфедерации» о создании на литовских и белорусских землях независимого государства[116]. Однако эта идея не встретила сочувствия у большинства литовских и польских политиков, взявших курс на создание национальных государств. С проектом создания независимого белорусского государства в конце 1915 г. выступил В. У. Ластовский. В конечном итоге его поддержала вся белорусская «нашенивская» политическая элита, оказавшаяся на оккупированной территории. Идея о необходимости самостоятельности для Беларуси была объявлена белорусской делегацией на конференциях народов России в Стокгольме и Лозанне в 1916 г.[117].

По иному видели будущее белорусов представители «Белорусского общества», существовавшего в Вильно в 1908–1915 гг. Свою задачу данная организация видела в том, чтобы сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность» для поиска путей улучшения положения народных масс. Лидеры общества Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич признавали единство белорусов православных и католиков, но считали их неотъемлемой частью большого русского народа, без единения с которым в рамках Российского государства белорусов ждало полное историческое заб-

---

[115] *Сташкевіч М. С.* Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 4. С. 14–17.

[116] Там же. С. 18.

[117] Там же. С. 19.

вение и утрата самоидентификации. В то же время идеологи «Белорусского общества» считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускала использование преимущественно русского языка[118]. В соответствии со своими идеями «Белорусское общество» требовало предоставления Беларуси административно-хозяйственной автономии, а не национальной.

Большое внимание его идеологи уделяли польскому вопросу. Польские помещики и костел, проводившие полонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. Для ослабления польского влияния «Белорусское общество» настаивало на проведении аграрных реформ. Его лидеры ратовали за открытие белорусского бессословного земельного банка, увеличение земельного фонда крестьян за счет государственных, удельных, церковных, части помещичьих земель. «Белорусское общество» поддерживало меры правительства П. А. Столыпина, направленные на организацию хуторских хозяйств. Особое значение придавалось реформам в сфере народного образования. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, часть из них перенести в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы простого народа. «Белорусское общество» обещало оказывать содействие белорусам и в получении высшего образования[119].

По социально-политическим вопросам «Белорусское общество» выступало с позиций, близких сначала октябристам, а затем кадетам. «Белорусское общество» продолжало действовать до середины 1915 г., когда в ходе Первой мировой войны Вильно был занят германскими войсками.

В феврале–марте 1917 г. в России произошла революция, свергнувшая царское правительство. В Минске на съезде белорусских общественных деятелей был образован Белорусский национальный комитет, реорганизованный летом 1917 г. в Центральную раду, а в октябре того же года – в Великую Белорусскую раду. Основу национальной платформы данных организаций составила программа Белорусской социалистической громады, формально восстановленной в марте 1917 г., а также программы сотрудничавших с ней партий белорусских народных социалистов, автономистов и других. Лидеры громады добивались от Временного правительства полного самоуправления Беларуси, передачи власти в руки Краевой рады, которая должна была сформироваться на основе всеобщих выборов. Таким образом, несмотря на существенное изменение ситуации после свержения цар-

---

[118] Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.
[119] Устав Белорусского общества. Вильно, 1909. С. 2.

ского правительства, представители «нашенивского» направления в белорусском движении выступали за национально-территориальную автономию Беларуси в составе демократической России[120].

В мае 1917 г. было объявлено о создании партии Христианско-демократического объединения (позднее – Белорусская христианская демократия). Данная организация стремилась к усилению позиций католической церкви и духовенства в общественной и культурной жизни. Белорусский народ рассматривался как «безклассовый», на первый план ставилась задача предоставления Беларуси национально-территориальной автономии в составе Российской демократической республики[121].

Данная идея была поддержана и большинством делегатов I Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. В итоговой резолюции отмечалась необходимость неотложного создания органа краевой власти, который должен был представлять Беларусь перед правительством в Петрограде до проведения Всебелорусского учредительного собрания. Характерно, что в резолюции не было слов об автономии, акцент делался на управление краем[122]. Только после оккупации основной части Беларуси германскими войсками в 1918 г. у национально-демократической элиты возобладала идея создания независимого от России национального государства – Белорусской народной республики. Но связав себя с Германией, деятели республики вместе с ней потерпели поражение.

Из общероссийских либеральных партий в указанное время наиболее влиятельной была Конституционно-демократическая партия (КДП). Действуя бок о бок с польскими, еврейскими, украинскими и другими национальными партиями, кадеты не могли игнорировать и белорусский вопрос. Выступая за равные права всех национальностей при сохранении единства российского государства, кадеты не рассматривали белорусов как особый народ, отличный от собственно русских, правда, некоторые особенности первых они не могли не замечать. Не допуская мысли о национальной автономии Беларуси, конституционные демократы готовы были признать особенности в областном устройстве края. Так, по мысли уполномоченного ЦК КДП В. И. Самойло местная организация конституционных демократов в Минской губернии должна была выступать с краевых позиций, т. е. быть тесно связанной с жизнью города, уезда, губернии и вообще Беларуси[123]. Выступая на восьмом кадетском съезде 9–12 мая 1917 г. по

---

[120] Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Мінск, 2011. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ин-т гісторыі. С. 319.

[121] Там же. С. 325.

[122] Там же. С. 347.

[123] Провинциальный отдел. Минск // Вестник Партии народной свободы. 1917. 11 мая. С. 30.

поводу доклада Ф. Ф. Кокошкина «Автономия и национальный вопрос», В. И. Самойло предложил дополнить тезисы докладчика, предполагавшего ввести обязательное начальное обучение на родном языке, пунктом о получении на родном языке среднего образования. Минский делегат не исключал возможности открытия в будущем и белорусского университета. Также, по его мнению, следовало уделить внимание развитию литературы на национальных языках. В перспективе Самойло видел Россию разделенную на области-края, образованные на национальной основе. «Может быть, действительно в национальном духе найдутся те новые родники эмоциональной энергии, которые создадут великую Россию», – полагал он[124].

С другой стороны кадеты резко критиковали белорусские национальные организации за их стремление к автономии Беларуси в составе России. Так, председатель Горецкого отдела КДП С. Г. Цитович считал, что белорусское движение – это явление временное, вызванное революционными событиями 1917 г. О белорусских деятелях он, в частности, писал: «Белорусы же они только потому, что теперь это модно»[125]. По его мнению, у большинства населения Беларуси не было желания обособиться от России[126]. Также Цитович отрицал наличие самого белорусского языка и литературы[127].

С иных позиций выступала Российская радикально-демократическая партия (РРДП), созданная 11 марта 1917 г. в Петрограде. В белорусских губерниях инициаторами создания отделов РРДП были представители либеральной интеллигенции, служащих, офицерских и торгово-промышленных кругов, деятели земств и городских дум. Многие из них в прошлом были членами Конституционно-демократической партии, порвавшие с ней по разным причинам. В течение лета 1917 г. организации РРДП сформировались в Минске, Слуцке, Игумне, Бобруйске, Могилеве, Рогачеве, Витебске[128]. В области национальных отношений, радикалы-демократы обещали бороться за права национальных меньшинств Российской империи, в том числе они признавали право на самоопределение белорусской народности[129].

---

[124] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. Съезды и конференции конституционно-демократической партии в 1915–1917 гг. С. 597.

[125] *Цитович С.* Выступление белорусов // Горецкий вестник. 1917. 29 сентября. С. 1.

[126] *Ц. [Цитович С. Г.].* На учительском делегатском съезде 22 октября // Горецкий вестник. 1917. 24 октября. С. 2.

[127] Могилевская жизнь. 1917. 1 ноября. С. 1–2.

[128] Собрание русской демократической партии // Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 15 июля. С. 3; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1996. С. 516.

[129] Российская радикально-демократическая партия. Резолюция об организации партии и проект программы (1915–1916 гг.). – Дом Плеханова Российской Национальной библиотеки. Ф. 657. Оп. 1. Д. 392. Л. 2.

Однако из-за своей малочисленности РРДП в Беларуси действовала весьма пассивно. Только партийные организации Минской губернии смогли выставить собственный избирательный список на выборах в Учредительное собрание. Но выборы РРДП проиграла. К концу 1917 г. отделы радикально-демократической партии в белорусских губерниях прекратили свое существование.

Помимо общероссийских партий с либеральных позиций пытались решить белорусский вопрос и местные политические организации, идеологической платформой которых была доктрина западнорусизма, рассматривавшая белорусов в качестве части единого большого русского народа и тесно увязывавшая судьбу Беларуси с будущим России.

В мае–июне 1917 г. под руководством П. В. Коронкевича, эвакуировавшегося из Вильно, создается Союз белорусской демократии (СБД) в Гомеле. Его программа представляла собой, по сути, модернизированный вариант платформы «Белорусского общества». Возрождение белорусов по-прежнему связывалось с русской культурой и языком. В сфере государственного управления СБД отстаивал целостность территории Беларуси с Вильно, как главным ее культурным центром, добивался самоуправления края в рамках России[130]. Для поднятия авторитета Союза белорусской демократии его лидеры сумели заручиться поддержкой академика Е. Ф. Карского[131].

Летом 1917 г. СБД активно участвовал в общественно-политической жизни. За это время состоялось около 20 заседаний его комитета. 25 июня делегаты союза Д. Г. Гулевич и Ф. В. Шишко участвовали в совещании белорусских организаций в Витебске, а 4–6 июля П. В. Коронкевич и Ф. В. Шишко присутствовали на белорусской конференции в Петрограде. Гласному городской думы В. А. Михаленку удалось открыть отдел СБД в Молодечно[132].

15 апреля 1917 г. завершилось оформление Могилевского белорусского комитета. В его управу вошли по преимуществу люди либерального и народнического мировоззрения. Самую заметную роль играл преподаватель реального училища М. С. Кахонович. Общая численность членов комитета составила несколько сот человек[133].

Могилевский белорусский комитет поставил себе задачей объединить все белорусское население Могилевской губернии в целях

---

[130] *Коронкевич П. В.* Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом академика и профессора Е. Ф. Карского о программе Союза). Гомель, 1917. С. 10–11.

[131] Там же. С. 11–12.

[132] Там же. С. 8–9.

[133] *Рудовіч С.* У пошуках нацыянальнай ідэнтычнасці: беларуская патрыятычная арганізацыя ў Магілёве ў 1917–1918 гг. // Мінулая і сучасная гісторыя Магілева: зборнік навуковых прац / Уклад. І. А. Пушкін. Магілеў, 2001. С. 204.

оказания поддержки Временному правительству в борьбе с Германией и ее союзниками, преобразовании России в демократическую республику, организации выборов в Учредительное собрание и разработке вопросов, подлежащих разрешению Учредительного собрания в согласии с национальными стремлениями белорусского народа, а также содействия экономическому и культурному развитию Беларуси[134]. В воззвании, написанном видным белорусским историком Д. И. Довгяло, отмечалось: «Такая громадная страна, как Белоруссия, с таким огромным населением, имеет свои особые, местные, национальные нужды. О них, в видах общегосударственных и местных интересов, уже пришла пора заявлять громко, во всеуслышание. Правительство самое благожелательное не в состоянии будет принести нам пользу, если не будет слышать нашего голоса»[135].

Белорусский комитет действовал, однако, в довольно сложных условиях. Будучи преимущественно либеральной по своей сути организацией, он не нашел взаимопонимания с местными кадетами, которые считали белорусское движение искусственным. Правда, М. С. Кахонович вступил в Российскую радикально-демократическую партию, признававшую право белорусов на самоопределение[136]. Слева Белорусскому комитету приходилось выдерживать натиск социалистических партий, особенно эсеров. На выборах в городскую думу 13 августа 1917 г. представители белорусского комитета завоевали всего шесть мест из 64, уступив и кадетам, и блоку социалистов[137]. Являясь интеллигентской организацией, белорусский комитет активнее действовал в учительской среде. 19 сентября 1917 г. в Могилеве состоялось совещание преподавателей средних учебных заведений западных губерний Российской империи. Под влиянием комитета, и особенно М. С. Кахоновича, совещание постановило допустить белорусский язык в преподавание в начальной школе и ввести его в качестве необязательного предмета, наряду с историей, этнографией и географией Беларуси, в учебный план средней школы[138].

По своей платформе и тактике к могилевской организации белорусов был близок Белорусский народный комитет в Орше, созданный в июле 1917 г. военным чиновником Н. Ю. Левковичем, преподава-

---

[134] Воззвание и устав могилевского Белорусского организационного комитета. Могилев, 1917. С. 7.

[135] *Д. [Довгяло Д. И.]* К моменту. Белорусы! Объединяйтесь! // Могилевский вестник. 1917. 14 апреля. С. 3.

[136] Местная жизнь // Могилевская жизнь. 1917. 6 августа. С. 3.

[137] *Рудовіч С.* У пошуках нацыянальнай ідэнтычнасці: беларуская патрыятычная арганізацыя ў Магілёве ў 1917–1918 гг. С. 206–207.

[138] *Пушкін І. А.* Сход магілёўцаў вітаў незалежнасць Беларусі (Жыццёвы лёс Міхаіла Какановіча) // Гістарычнае і сацыякультурнае развіцце Магілева: зборнік навук. прац / Уклад. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. Магілеў, 2007. С. 166.

тельницей женской учительской семинарии М. А. Васильевой, военным контролером В. М. Романовичем и другими. Филиалы организации возникли в Копыле, Горках, Толочине. Комитет поставил своей целью добиваться участия белорусов в органах местного самоуправления, в выборах и работе Учредительного собрания. Предполагалось преобразование России в федеративное государство, в котором Беларусь получила бы автономию и собственный представительный орган – Белорусский народный совет, избранный путем всеобщего голосования. Социально-экономическая часть программы оршанского комитета была близка российским социалистическим партиям: национализация земли, 8-часовой рабочий день, бесплатное образование и медицинская помощь и т. п. Отношение к белорусскому языку было вполне в духе западнорусизма: он признавался весьма архаичным и только после научной обработки, по желанию населения, допускалось его внедрение в школу[139].

Наибольшее значение белорусские организации придавали выборам в Учредительное собрание. Сознавая малочисленность Союза белорусской демократии, его лидеры решили блокироваться с другими организациями: оршанским Белорусским народным комитетом, могилевским Белорусским национальным комитетом, московской Белоруской народной громадой. В избирательный список белорусских организаций Могилевской губернии вошло 15 кандидатов, 4 из них представляли СБД (П. В. Коронкевич, Д. Г. Гулевич, В. А. Михаленок, К. М. Загоровский), 5 – могилевский комитет (М. С. Кахонович, Д. И. Довгяло, П. А. Сченсновский, Е. С. Олехнович, А. К. Ляхтанович), 3 – оршанский комитет (Н. Ю. Левкович, В. М. Романович, Г. А. Ермашкевич), 2 – Москву (А. И. Цвикевич, Ф. Ф. Турук)[140]. Результаты выборов оказались неудачными для белорусских организаций, победу одержали общероссийские партии – эсеры, большевики и другие.

После установления советской власти в конце 1917 г. деятельность Союза белорусской демократии прекращается. Могилевский и оршанский комитеты эволюционируют влево, в сторону сближения с БСГ. В конечном итоге М. С. Кахонович и его сторонники в 1918 г. поддержали идею создания Белорусской народной республики, с которой была связана их последующая деятельность.

По иному складывалась и действовала белорусская организация в Витебске. Бывшие руководители местного отдела «Союза 17 октября» в апреле–мае 1917 г. создают Белорусский народный союз (БНС). Первоначально в организации участвовала и демократически настроенная белорусская молодежь во главе с прапорщиком М. Мелешко. Роль идеолога БНС досталась краеведу и филологу В. К. Сту-

---

[139] *Рудовіч С.* Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мнинск, 2001. С. 104–105.

[140] Белорусский список (№ 8) // Горецкий вестник. 1917. 3 ноября. С. 2.

каличу. Анализ содержания программы показывает, что Белорусский народный союз задумывался как либеральная организация. Будущее Беларуси виделось его лидерам в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. В «большой политике» БНС ориентировался на Временное правительство[141].

На практике Белорусский народный союз превратился в организацию клерикального толка, сосредоточившую свои усилия на отстаивании, прежде всего, интересов православной части населения и особенно православной церкви. На выборах в Учредительное собрание БНС выступал в блоке с союзом православных и единоверческих приходов Витебской губернии[142]. Получив сравнительно не плохой результат в губернском центре, общие выборы БНС и его союзники проиграли. Руководство Белорусского народного союза отрицательно отнеслось к установлению советской власти. К весне 1918 г. деятельность БНС фактически прекратилась.

Таким образом, в среде белорусских общественных организаций в 1917 г. сформировалось несколько вариантов видения национального развития белорусского народа. Первый проект предполагал национальную автономию в составе федеративной Российской республики, затем возобладала идея создания независимого государства – Белорусской народной республики. Представителей западнорусизма объединяла борьба за областную автономию белорусских губерний при сохранении тесных связей с Россией. Но наибольшие шансы на реализацию получил проект создания белорусской советской государственности, который и был осуществлен.

Муса Джафар оглу Гасымлы

Февральская революция и политика государств Антанты на Южном Кавказе (март–декабрь 1917 года)

Аннотация. В статье на основе документальных источников исследуется политика стран Антанты на Южном Кавказе в марте–декабре 1917 г. Главной целью стран Антанты было не восстановление свергнутого Временного правительства, а ослабление России путем свержения власти большевиков, ее расчленение и завладение ее естественными ресурсами.

[141] Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь–декабрь 1918 г. – Государственный архив Витебской области. Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 78–81.

[142] Витебск. Накануне выборов в Учредительное собрание // Витебский листок. 1917. 14 октября. С. 2.

Ключевые слова: страны Антанты, Южный Кавказ, Азербайджан, бакинская нефть, Грузия, большевики, Советы, Национальные советы.

The February Revolution and the policy of the Entente in the South Caucasus

Abstract. Entente countries' policy in the South Caucasus is analysed in the article based on documentary sources on March-December 1917. The main goals of the Entente countries were not to restore the overthrown Provisional government, but to overthrow the Bolshevik government, to break up Russia and to get access to its natural resources.

Keywords: Entente countries, the South Caucasus, Azerbaijan, Baku oil, Georgia, bolsheviks, Soviets, National councils.

После Февральской революции в систему управления Южным Кавказом были введены новшества. Здесь был создан орган Временного правительства. Наряду с этим, возникли большевистские советы и национальные советы. На Южном Кавказе фактически установилось троевластие.

Почему Южный Кавказ?

Одним из основных факторов, способствовавших активизации политики стран Антанты на Южном Кавказе, была сложная и запутанная ситуация, сложившаяся в регионе после революции. Как и во всей стране, на Южном Кавказе, особенно в Азербайджане, активизировались большевики. Они, хоть и вошли во вновь сформированный Бакинский Совет, но были слабы[143]. Существование советов, несмотря на их слабость, было реальностью, возникшей после революции.

Официальной властью было Временное правительство. Одно из первых его мероприятий было связано с управлением Южным Кавказом. 9 марта для управления Южным Кавказом был создан Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ), состоявший из 5 местных депутатов Государственной думы.

Хотя народы Южного Кавказа признали ОЗАКОМ в качестве законного органа Временного правительства, они не питали к нему доверия. Этому были свои причины. Этот комитет, как отмечается в официальных документах ОЗАКОМ, не смог предотвратить противостояние между народами, доходившее до резни мирного населения[144].

---

[143] От Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов // Баку. 09.03.1917. № 55.

[144] Уполномоченный Особого Закавказского Комитета по Эриванской губернии. 07.08.1917. № 121. – Центральный Исторический Архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 2080. Оп. 1. Д. 856. Л. 81–82.

В такой тяжелой обстановке азербайджанские национальные организации и общества 27 марта создали Временный исполнительный комитет Азербайджанского национального совета. На съезде кавказских мусульман (азербайджанцев. – *М. Г.*), проходившем 15–21 апреля в Баку, была обсуждена проблема национально-территориальной автономии. В решениях, принятых съездом, 21 апреля (№ 87) отмечалось: «а) Кавказский мусульманский съезд, обсудив вопрос о национально-политических идеалах мусульман Кавказа, постановил: признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на федеративных началах»[145].

Таким образом, если в центральных районах России после революции существовало две власти – Временное правительство и Советы, то на Южном Кавказе имелось три власти – орган Временного правительства ОЗАКОМ, большевистские Советы и созданные местными национальными силами Национальные советы. Местные народы, в основном, объединились вокруг Национальных советов.

Приход большевиков к власти в результате октябрьского переворота оказал серьезное влияние на обстановку как во всей стране, так и на Южном Кавказе. Лозунг большевиков о самоопределении наций пробудил попранные национальные чувства народов Кавказа.

Провозглашение большевистской властью выхода России из войны было угрозой для ее бывших союзников – Англии, Франции и США, а обьявление«начала мировой коммунистической революции»– как для них, так и для Германии, Австро-Венгрии и Османской Турции. Привлекательные большевистские лозунги оказали влияние и на освободительное движение народов Востока, изнывавших от колониального гнета. Обеспокоенный этим министр вооружений Англии Уинстон Черчилль говорил: «Большевизм надо задушить в колыбели...»[146]. Одним из постоянных лейтмотивов выступлений Черчилля являлась опасность на Востоке. Он поддерживал Деникина и Колчака именно потому, что считал их защитниками интересов Англии в Персии и Индии.

Выход России из войны создал благоприятные условия для наступления на Кавказ как для стран Антанты, так и для Османской Турции и Германии. После занятия Южного Кавказа им открывался путь на Россию.

Одним из основных факторов, препятствовавших нормальному развитию народов Южного Кавказа, были необоснованные террито-

---

[145] Постановление съезда мусульман Кавказа. 21 апреля 1917 г. № 87. – Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 970 Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

[146] *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982, С. 172.

риальные претензии. Самым многочисленным народом Южного Кавказа были азербайджанцы. Лишь грузины жили более или менее компактно. А азербайджанцы жили вперемешку с малочисленными армянами, которые были размещены на этих территориях в XIX веке и в годы Первой мировой войны.

Территориальные споры разжигали национальные чувства кавказских народов, осложняли их внутреннюю социальную жизнь. Особенно, разрушение азербайджанских населенных пунктов и массовые убийства людей по пути следования дашнакских вооруженных отрядов, отступавших с развалившегося Кавказского фронта. Неспособность ОЗАКОМа предотвратить эти кровавые события ухудшала обстановку[147]. Такая ситуация облегчала возможность вмешательства зарубежных государств в дела региона.

Одна из главных причин активизации политики великих держав на Южном Кавказе была связана с экономическим фактором. Уже с 1916 г. экономический фактор стал играть ведущую роль в ведении военных действий. После заявления России о выходе из войны каждая из воюющих держав начала составлять планы занятия Азербайджана и Баку, энергетического источника, дававшего 83 % российской нефти и способного сыграть основную роль в исходе войны. Нефть стала основным условием победы в войне. В связи с этим английская газета «The Engineer» в номере от 9 ноября в статье «Нефтяные ресурсы Великобритании» отмечала: «Почти ужасающим является факт, что Великобритания в настоящее время добывает не более 2,4 % всего мирового производства, каковому количеству можно добавить 0,4 % от перегонки сланца. Из этих 2,8 % приблизительно половина получается из Индии... Из имеющейся в распоряжении статистики видно, что до конца 1915 года мировая добыча составила 809 160 000 метр. тонн и что не менее 20 % этого количества было добыто в течение 1913, 1914 и 1915 гг.»[148].

Рост производства самолетов также увеличивал потребность в нефти. В 1918 г. по сравнению с 1914 г. количество всех самолетов в

---

[147] Копия рапорта комиссара 4-го участка Новобаязетского уезда А.Чайхорского на имя Новобаязетского уездного комиссара. 31.10.1917. № 2777. – ЦИАГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 62. Л. 137; Копия телеграммы из Эривани от губернского уполномоченного. Тифлис, отдел органов власти. 25.11.1917. – ЦИАГ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 856. Л. 261; Эриванский губернский комиссар. Ведомость о количестве происшествий в пределах Эриванской губернии за ноябрь месяц 1917 года. – ЦИА. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 621. Л. 193; Телеграмма уполномоченного Карашарова на имя Чхенкели. 29.12.1917. – ЦИАГ. Ф. 1818. Оп. 1. Д. 40. Л. 5; Количество городов, селений, отдельных хозяйств и домов Азербайджанской Республики, уничтоженных и пострадавших в 1917 году (по данным Министерства внутренних дел). – ГААР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–5;

[148] Нефтяные ресурсы Великобритании // Нефтяное дело (Баку). 1918 № 5–6. С. 43–44.

мире выросло в 30 раз[149]. В годы войны в Великобритании было произведено 55 тысяч, во Франции 68 тысяч, в Италии 20 тысяч, в Германии 48 тысяч, а в США 15 тысяч самолетов. Эти самолеты необходимо было обеспечить горючим.

В перевозке военных частей особую роль играли автомобили. К концу войны в Германии имелось 50 тысяч, во Франции 100 тысяч, в Англии более 120 тысяч автомобилей. Однако топлива не хватало.

Для флота также требовалось топливо. В 1912–1918 годах добыча нефти возросла более чем в 10 раз и достигла 1800 баррелей в день. В конце 1916 г. Англо-персидская нефтяная компания удовлетворяла лишь 1/5 потребностей британского флота. С 1916 г. возник дефицит топлива. Захват источников нефти стал основной целью политики воюющих держав. Английский журнал «Near East» в 1918 г. писал о значении Баку: «В отношении нефти Баку не имеет себе равных. Баку – величайший нефтяной центр мира. Если нефть королева, то Баку ее трон»[150].

Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж впоследствии в своем произведении «Правда о мирных договорах» так объяснял суть кавказской политики своей страны: «Керзон (член Военного кабинета. – *М. Г.*) чувствовал особую страсть к Кавказу. За несколько лет до того, он сам побывал на Кавказе и проникся нежностью к храбрым горцам»[151].

В основе «нежности» Керзона к горцам Кавказа лежали не сентиментальные эмоции, а реальная империалистическая концепция. Дело было в кавказской нефти и других естественных богатствах Кавказа. Английские войска в Грузии должны были обеспечить британским монополистам путь к нефти[152].

А английский генерал Л. Денстервиль позже так разъяснял цели нефтяной политики Англии: «Захват нами Баку привел бы к следующим последствиям: закрытие доступа врагу к запасам нефти и закрытие дверей в Центральную Азию. Захват нами нефтяных запасов неминуемо остановил бы движение по Закавказским железным дорогам, так как эти дороги обычно зависели от бакинских нефтяных источников... Значение Баку было огромным, и любой риск попытки овладеть им оправдывался, безусловно»[153].

---

[149] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. /Пер. с 5-го нем. изд., под.ред. А. Свечина. Т. 1. М., 1924, С. 333.

[150] *Сейерс К., Кан А.* Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 115.

[151] Цит. по: *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) М., 1949. С. 63.

[152] Там же. С. 63–64.

[153] *Денстервиль Л.* Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 (воспоминания) / Пер. с англ. Б. Руденко. Тифлис, 1925. С. 122–123.

Поэтому Англия пыталась завладеть имевшим большое значение в стратегическом отношении Каспийским морем и, в первую очередь, бакинской нефтью. По убеждению английской дипломатии, овладение Баку дало бы возможность господствовать над Индией, Персией и Афганистаном.

Одной из основных причин, влиявших на активизацию политики государств Антанты на Южном Кавказе, был военно-стратегический фактор. Страны Антанты интересовали не только естественные богатства Южного Кавказа. Азербайджан играл роль важного моста между двумя частями света – Европой и Азией. В регионе имелись такие порты, как Баку, Батум, Сухуми и Поти. Торговые пути Баку–Новороссийск, Баку–Батум, Баку–Тебриз–Бурса–Стамбул имели не только экономическое, но и военно-стратегическое значение. В то же время, эти территории обладали естественно-оборонительным характером. Поэтому установление контроля над Баку и Каспийским морем было основной целью политики Великобритании на Южном Кавказе.

В связи с этим Л. Денстервиль впоследствии писал: «Господство на Каспийском море все еще оставалось нашей конечной целью... контроль над морем может принадлежать только тому, кто владеет Баку, а потому нам необходимо будет оккупировать этот город»[154].

Газета «Times», издаваемая в Лондоне, рассказывая о политике Англии на Южном Кавказе в номере от 29 сентября 1918 г., писала: «Цель была завладеть бакинской нефтью, захватить Закавказье и Среднюю Азию, отделить южные территории от России»[155].

Азербайджан и Грузия были мостом между Черным и Каспийским морями, который соединял Азию с Европой. С точки зрения торговли он был кратчайшим путем между средиземноморским бассейном и Центральной Азией, самым легким и удобным путем, ведущим в Персию, Туркестан, Хиву и Бухару.

Таким образом, основными факторами, повлиявшими на формирование региональной политики государств Антанты, были сложная обстановка, возникшая на Южном Кавказе после революции, усиление потребности в топливе и реализация своих военно-стратегических интересов.

Усилия большевистской России

Большевистское правительство предприняло ряд определенных шагов для предотвращения реализации этих интересов. 2 ноября 1917 г. были проведены выборы в Бакинский Совет и несмотря на свою малочисленность, большевики взяли власть[156].

---

[154] *Денстервиль Л.* Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 (воспоминания) / Пер. с англ. Б. Руденко. Тифлис, 1925. С. 126.

[155] Times. 29.09.1918.

[156] В Совете рабочих и военных депутатов // Каспий»/ 25.10.(07.11.) / 1917 / № 239.

Страны Антанты переходят к действиям

Приход большевиков к власти в Баку угрожал ОЗАКОМу и интересам стран Антанты. С другой стороны, положительный ответ официального Берлина 14 ноября на предложение большевистской России от 8 ноября о начале переговоров заставил страны Антанты действовать.

Первую реакцию на возможную угрозу проявили США, вступившие в войну в апреле 1917 г. Консул США в Тифлисе Ф. Смит 9 ноября писал: «Большевики хотят захватить власть в Закавказье... Однако националисты против них. Я сомневаюсь, что без финансовой помощи можно сохранить ситуацию. Такая помощь явно на пользу союзникам»[157].

Консул также предложил сумму помощи для националистов Южного Кавказа: 10 миллионов долларов[158].

Смит в телеграмме, посланной 10 ноября государственному секретарю Роберту Лансингу, сообщал, что в субботу, 11 ноября он будет участвовать в заседании по поводу формирования правительства Южного Кавказа. Оно отвергнет сепаратный мир (между германским блоком и большевистской Россией. – *М. Г.*). Им следует оказать финансовую помощь[159].

Для осуществления предусмотренных мероприятий были предприняты шаги. 15 ноября на основании предложений английского генерала Шора, французского полковника Шардиньи и консула США Смита азербайджанские, грузинские и армянские представители создали в Тифлисе Закавказский Комиссариат. Этим был положен конец существованию ОЗАКОМа.

Закавказский Комиссариат объявил себя врагом новосозданной русской большевистской власти и попытался начать переговоры с целью приостановки наступления османской армии, продвигавшейся в глубь Кавказа.

18 ноября Смит написал телеграмму своему правительству по вопросу о помощи. Рассуждая о необходимости объединения всех антибольшевистских политических сил на юге России, он подчеркивал: «Сохранение всех нефтяных ресурсов России... умножило бы трудности для германских войск на Восточном фронте и предотвратило бы их наступление»[160].

После получения телеграммы Смита государственный секретарь Лансинг поручил полковнику Эдварду Хаузу (советник президента

---

[157] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. The Lansing Papers. Vol. II. Washington, 1932, P. 344.
[158] Ibid. P. 580–581.
[159] Ibid. P. 592.
[160] Ibid.

Вудро Вильсона. – *М. Г.*), находившемуся в Париже, выяснить позиции Англии и Франции по вопросу о помощи и возможности признания правительства Южного Кавказа[161]. Хауз подробно обсудил этот вопрос с премьер-министром Великобритании Ллойдом Джорджем, премьер-министром Франции Клемансо и представителем Италии Санино. В результате обсуждений Хауз в телеграмме, отправленной 2 декабря в Вашингтон, писал: «Понятна склонность Англии, Франции и Италии к оказанию помощи кавказскому движению»[162]. Хауз отмечал, что если такая помощь не будет оказана, то кавказское движение может потерпеть крах.

Сразу после этого было принято решение о посылке находившихся в Румынии английской и французской миссий в Тифлис.

В это время, в результате переговоров в Брест-Литовске между Россией, с одной стороны, Германией, Болгарией, Австро-Венгрией и Османской Турцией, с другой, 2 декабря было подписано соглашение о перемирии. Выполнение его положений могло иметь тяжелые последствия для стран Антанты, потому что выход России из войны означал высвобождение зоны боевых действий от Хамадана до Балтийского моря длиной в 3 тысячи километров. Это означало создание условий для продвижения германских войск на Украину и Крым, создание их плацдарма в Грузии, а также для продвижения османских войск в направлении Южного Кавказа. Поэтому по инициативе США 3 декабря была проведена специальная конференция стран Антанты. Согласно решению, принятому на конференции, Англия должна была занять Центральную Азию и Кавказ.

11 декабря Смит вновь сделал настоятельное предложение Лансингу о необходимости оказания помощи антибольшевистским силам оружием, деньгами и людскими ресурсами. По его мнению, объединенные силы могли бы контролировать все продовольственные ресурсы и установить правопорядок на юге России. Победа большевизма и его укрепление, выход России из войны усилили бы государства германского блока. Президент Вудро Вильсон, одобрив предложения Лансинга, отдал следующее распоряжение:«Для того чтобы российские ресурсы не перешли к центральным государствам и чтобы восстановить порядок в России следует поддерживать всякую помощь антибольшевистскому движению»[163].

12 декабря Лансинг, согласно распоряжению президента, направив телеграмму американскому послу в Лондоне, поручил оказать помощь националистам Южного Кавказа. А Смит 13 декабря в Тифлисе встретился с премьер-министром Закавказского Комиссариата.

---

[161] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. The Lansing Papers. Vol. II. Washington, 1932, P. 581–583.

[162] Ibid. P. 583–584.

[163] Ibid. P. 589–590.

Сразу после встречи, направив телеграмму государственному секретарю, он попросил выделить сумму в 60 миллионов рублей и заявил, что если эта помощь не будет оказана, то большевики захватят Южный Кавказ[164].

Великобритания тоже выразила свою позицию. Премьер-министр Ллойд Джордж в заявлениях от 14 и 20 декабря осудил сепаратные переговоры и подписанное большевистской Россией соглашение. Он подчеркнул: «Раз Россия начала сепаратные переговоры, то она сама несет ответственность за судьбу своей территории»[165]. С похожим заявлением выступил также министр иностранных дел Франции Пишон.

Страны Антанты не ограничились лишь заявлениями. 22 декабря заместитель министра иностранных дел Великобритании лорд Р. Сесиль и военный министр А. Мильнер прибыли в Париж. Они приняли участие в заседании Верховного Совета Антанты, созванного по инициативе США. На заседании был принят меморандум, подготовленный представителями Великобритании. В документе отмечалось: «Мы чувствуем важность сохранения связей с Кавказом... столько, сколько это будет необходимо». В меморандуме подчеркивалось:«Первое обязательство... состоит в выделении средств на реорганизации кавказских сил»[166].

Исполнение решений также не заставило себя долго ждать. Р. Пайпс пишет: «На заседании государств Антанты США выделило Закавказскому правительству кредит в размере 60 миллионов рублей»[167].

23 декабря военный министр Великобритании лорд А. Мильнер, премьер-министр и военный министр Франции Ж. Клемансо подписали соглашение о выполнении предусмотренной программы[168]. Согласно этому соглашению, европейская часть России разделялась на сферы влияния Англии и Франции. В английскую сферу влияния включались Центральная Азия, Кавказ, Азербайджан и Грузия, а во французскую сферу влияния – Бессарабия, Украина и Крым.

Для выполнения принятых решений Государственный департамент США дал особые поручения послу в России Френсису, генеральному консулу в Москве Соммерсу и консулу в Тифлисе Смиту. Постав-

---

[164] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. The Lansing Papers. Vol. II. Washington, 1932, P. 589–590.

[165] Russia and Germany at Brest-Litovsk. A Documentary History of the Peace Negotiations / By J. Magnes. N. Y., 1919. P. 29.

[166] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. I. Washington, 1931. P. 330–331.

[167] *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge (Mass.), 1964. P. 154.

[168] *Штейн Б. Е.* Указ. соч. С. 28–29.

ленная перед ними важнейшая задача заключалась в усилиях по объединению Кавказа, Украины и Дону в единую федерацию и избавлению южных территорий от влияния большевистской России. Именно это соглашение составило основу иностранной военной интервенции. Главной целью военной интервенции было вовсе не восстановление свергнутого Временного правительства, а ослабление России, ее расчленение и завладение ее естественными ресурсами.

Итак, основу политики стран Антанты в отношении Южного Кавказа и, в частности, Азербайджана, составляло установление господства на Каспийском море, захват Баку, создание там военно-политической, экономической и морской базы, осуществление контроля над бакинской нефтью, сотрудничество с антибольшевистскими элементами, овладение путями, ведущими в Центральную Азию и Индийский океан, и др.[169].

---

[169] *Larcher M.* Laguerre Turquedansla guerre Mondialle. Paris, 1926. P. 416–417.

Раздел 5

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ И ЦЕРКОВЬ

Агеева Е. А.

Великая русская революция и старообрядчество (по эпистолярным источникам)

Аннотация. На материале эпистолярного наследия, личных обращений и воззваний старообрядцев рассматривается динамика отношений к революционным преобразованиям. Если февральские события были восприняты с большим воодушевлением и надеждой, то начиная с августа, согласно переписке, нарастает тревога и опасения за судьбу России. Письма отражают многие детали повседневной жизни, раскрывают восприятие преобразований церковно-бытовых традиций в новых условиях, позволяют проникнуть в мир особого, достаточно многочисленного слоя российских жителей, для которого идеи Октября не были близки.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, старообрядчество, совещание по старообрядческим вопросам, церковно-бытовые традиции.

Great Russian Revolution and Old Believers (based on the epistolary sources)

Abstract. The changing attitude of old believers towards revolutionary events is being analyzed based on their epistolary heritage, public statements and proclamations. The February Revolution was met with hope and inspiration. However, since August 1917, there was an increasing sense of anxiety and apprehension for the future of Russia. Letters reflect many details of the old believers' everyday life and elucidate the transformation of their religious and domestic traditions under new revolutionary time. These letters allow us to understand the inner world of a broad circle of population in Russia, for whom the ideas of October Revolution were quite alien and distant.

Keywords: Epistolary Heritage, Old Believers, Council on Old Believers, Church and Domestic Traditions.

Старообрядчество, пройдя трудный самобытный путь, в начале XX века переживало активный, созидательный период развития. Это было движение, объединяющее ряд согласий, отличающихся историей и обрядовыми традициями, активно участвующих в самых разных сферах русской общественной жизни. Велика роль старообрядчества в колонизации новых труднодоступных земель – Сибири, Горного Алтая, Дальнего Востока, Туркестана, а также в развитии промышленности и различных промыслов.

Множественность центров согласий, отсутствие иерархии в ряде из них, рассеянность последователей в пространстве, запреты и ограничения на распространение и тиражирование информации, обусловили особую роль переписки в старообрядческом сообществе, которая, особенно на этапе становления и оформления, могла содержать установочные положения, а позднее личные послания ускоряли решение текущих актуальных вопросов. Послания дополнительно переписывались и оформлялись в эпистолярные сборники. Основной массив эпистолярного наследия согласий безвозвратно утрачен. Наиболее сохранна переписка разных видов Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища (МСРК) – Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), поскольку в 1918 г. ее массив был передан государству и оказался в фондах Румянцевского музея. В настоящее время этот документальный и эпистолярный архив разделен между Отделом рукописей РГБ и РГАДА. В последнем находится меньшая часть, документы которой сканированы и доступны в электронном виде.

Переписка Рогожской общины была очень интенсивной и может быть разделена на деловую, хозяйственную, посвященную иерархическим вопросам, связанную с проблемами жизни и деятельности зарубежных общин и монастырей, полемическую. Свои особенности имела переписка с фронтовыми священниками, окормлявшими старообрядцев на полях Первой мировой войны, где они доблестно сражались «за царя Отечества и веру Христову». Огромную переписку по самым разным вопросам вела Архиепископия. С 1890 г. и вплоть до начала 1920-х годов ее неизменным секретарем был диакон, а с 23 декабря 1907 г. епископ Егорьевский и Владимирский Александр Богатенков, отвечавший на множество писем, при этом решая широкий круг вопросов, связанных с каноническими сложностями, помощью бедным приходам, типографией, школой и Старообрядческим институтом[1]. Целый комплекс его как личной, так и деловой переписки, не только со своим духовником казанским протоиереем

[1] О деятельности владыки см.: *Агеева Е. А.* Династия Богатенко в культурно-общественной жизни Москвы в первой трети XX века // Старообрядчество в России (XVII –XX вв.). Вып. 4. М., 2010. С. 275–326.

Алексеем Калягиным, но и рядом священников, для которых он был скорым помощником и советчиком, хранится в фонде 246 Отдела рукописей РГБ. Его эпистолярное наследие 1920-х годов хранится в Архивном отделе Митрополии и пока не получило подробного освещения. Учитывая все вышесказанное, речь будет идти, главным образом, об эпистолярии личного характера деятелей Русской древлеправославной церкви, как она тогда называлась.

Февральскую революцию подавляющее большинство старообрядцев восприняло как становление России на новый путь. С большим воодушевлением ими было воспринято воззвание Временного правительства от 9 марта 1917 г. «К населению и армии»[2]. Старообрядцы как поповцы, так и беспоповцы, начали работу с Временным правительством по детальному согласованию законодательства по старообрядческим общинам, новой форме присяги, положению воинов-старообрядцев и фронтовых священников. В связи с чем велась переписка с Военным министерством в очень благожелательном и располагающем тоне. С 4 марта на Рогожском кладбище в Москве стали молиться «О богохранимой державе российстей» и «О иже во власти сущих и о победе христолюбивому воинству».

19 марта появилось воззвание старообрядческого деятеля М. И. Бриллиантова с призывом откликнуться на судьбоносное событие собранием всех общин и Пасхальным Крестным ходом из всех храмов и приходов Москвы на Красную площадь для совершения Пасхального канона у памятника гражданину Минину и князю Пожарскому. Бриллиантов писал: «Политическое мышление охватило теперь все слои общества, и в частности, многих из старообрядцев, которые делают то или проявление политической жизни. Только многомиллионное старообрядчество в целом не проявляет еще никакого почина в настоящей новой политической жизни, и относится к ней, как будто безучастно, не обращая внимания на совершающиеся вокруг из ряда вон выходящие события. На историческую Красную площадь сходили уже войска Московского гарнизона, на ней собирался рабочий народ, чем исполнил свой долг пред Родиной – долг гражданский и этим выразили свои симпатии и доверие к Новому правительству и новой жизни страны. Теперь, надо полагать, очередь за нами, старообрядцами»[3].

23 марта в помещении Московской биржи состоялось многочисленное собрание московских старообрядцев всех согласий по вопросам текущего политического момента. Председательствовал П. П. Ря-

---

[2] Революционное движение в России после свержения самодержавия // Великая Октябрьская социалистическая революция. Док. и мат. / Отв. ред. Л. С. Гапоненко. М., 1957. С. 424–426.

[3] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. хр. 13. Л. 1.

бушинский – последователь Древлеправославной церкви Белокриницкой иерархии, заменял его в качестве товарища В. И. Большаков – старопоморец-федосеевец. С докладом о созыве Учредительного собрания, разъяснениями о нем выступил Н. П. Ануфриев – поморец. После краткого перерыва последовал обмен мнениями. Горячий спор вызвал вопрос: какой образ правления должен быть в России – парламентарно-монархический или республиканский? Все ораторы, за исключением двух, решительно высказались за республику.

Следует отметить, что письма весны 1917 г. были весьма спокойны, не считая, конечно, сведений с фронтов, и отражали повседневные события старообрядческой жизни. Так, протоиерей Макарий Захарьичев из Самары в марте 1917 г. поздравлял владыку Александра с Пасхой и сообщал, что «по вскрытии Волги и, проводя праздники, увидимся с вами лично»[4]. 17 мая телеграммой сообщает о смерти выдающегося и уважаемого самарского старообрядческого деятеля Ивана Селиверстовича Пензина, долго уже болевшего[5]. 29 марта богородский священник Антоний Федоров Батулин написал следующее покаянное письмо архиепископу Мелетию: «Ваш гостинец 25 руб. получил, спаси Христос. Святый владыка, прости Христа ради, я Морозова Арсения Ивановича[6] обидел. Приехал он в субботу на Благовещенье вечером в Богородск в храм пророка Захарии. Я вышел из терпения, призвал его в алтарь и просил помочь для моих детей-сирот, а он мне говорит: я сам ношу портки худые. Я приезжаю Богу помолиться, а меня расстраивают, архиепископу буду писать. Прости, владыко, моя вина»[7]. Иерей Западного фронта Поликарп Гамаюнов, вернувшись после небольшого отпуска вновь в действующую армию, просит 2 июля владыку помолиться о ниспослании силы и крепости мужественно исполнять возложенное поручение и просит прислать свечей фунта 2, ½ фунта ладану и крестиков натель-

[4] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. хр. 26. Л. 34.

[5] Там же. Л. 32.

[6] А. И. Морозов (1850–1932), активный старообрядческий деятель, председатель совета Богородско-Глуховской старообрядческой общины, член совета МСОРК, благотворитель. Получил образование в России (Коммерческое училище) и в Англии. Сотрудничал в старообрядческом журнале «Церковь», где регулярно публиковал материалы в защиту «старой веры» и освещал дела Богородско-Глуховской общины, иногда помещал свою переписку с официальными лицами (вплоть до министров и премьер-министра П. А. Столыпина) по вопросам, затрагивающим интересы старообрядцев. А. И. Морозов был известен и как храмоздатель. После 1905 г. в Богородске и его предместьях его усердием было построено 4 старообрядческих храма, в Богородском уезде – около 15 (сохранилось два, один – в полуразрушенном виде). А. И. Морозов внес огромный вклад в сохранение и приумножение старообрядческих певческих традиций, создав знаменитый «морозовский хор». Остаток дней прожил в одном из домов рядом с построенной им церковью в Богородске. Похоронен на Рогожском кладбище.

[7] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 186. Ед. хр. 5. Л. 12.

ных штук 50. Также просит прислать постановление Всероссийского съезда и освященного Собора, проходивших в мае 1917 г.[8].

7–8 августа состоялось совещание по старообрядческим вопросам, в котором участвовал Комиссар временного правительства профессор С. А. Котляревский, член Государственного совета А. И. Гучков, профессор И. М. Громогласов, представители разных министерств и старообрядчества. Заседания вели министр исповеданий А. В. Карташов и С. А. Котляревский. Был разработан проект положения о Древлеправославной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию. Также был поставлен вопрос о возвращении имущества, перешедшего к православной церкви от других исповеданий и согласий[9]. Казалось, что все развивается к лучшему. Но в том же августе, на Государственном совещании в Большом театре Павел Павлович Рябушинский заявил, что все разваливается, и надо что-то делать. Подобные оценки ситуации появляются и в переписке.

Так, в письмах севастопольского протоиерея Иакова Никулина, который писал подробные послания владыке, описывая обустройство старообрядческой жизни в Севастополе и, шире, в Крыму, ощущается тревога: «Революция поразила нашу Святую Русь, коснулось и наших христиан старообрядцев. Свобода и равенство, и всеобщее объединение всех сословий нашей матушки России очень приятное было и для всех полезное, но партийное разногласие страшно для всех. Все доброе, благое, святое и общеполезное в конец разрушает. Эта тлетворная и убийственная язва коснулась и нашего любимого старообрядчества. Наши бывшие единомысленные братии так неосторожно увлеклись гражданским своеволием»[10]. Последнее сохранившееся письмо от 28 ноября 1917 г. батюшка писал в Москву на Рогожское кладбище «со слезами»: «то, что и у Вас Бог попустил, это всеобщее несчастье наше и всего дорогого нашего Отечества. Боже, спаси Русь Святую!»[11].

Вышеназванный самарский протоиерей Макарий Захарьичев, поздравляя с наступающим Рождеством 1917 г., просит прощения, что давно не писал владыке: «Такие тяжелые переживания, каждый день под страхом, сегодня жив, а завтра, что ожидает, кошмар, хотелось к Вам побывать и непременно, но товарищи мои отказываются, ввиду такого тяжелого положения времени»[12]. Много лет епископ Александр вел переписку с протоиереем Петром Матасовым[13] из Херсона.

---

[8] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 186. Ед. хр. 5. Л. 26–26 об.

[9] Там же. К. 186. Ед. хр. 2. Л. 51.

[10] Там же. К. 221. Ед. хр. 36. Л. 29 об.–30.

[11] Там же. Л. 31 об.

[12] Там же. Ед. хр. 26. Л. 36.

[13] О протоиерее Петре Матасове, уроженце Астрахани, его семье, дальнем родственнике епископа Александра, можно узнать только из его переписки. Никаких иных источников выявить не удалось. Также неизвестна его дальнейшая судьба.

Сохранилось более 20 его писем, если считать вложенные визитки с кратким текстом и лаконичную открытку, начиная с 1906 г. Наиболее оживленная переписка проходила в 1917 г.– 6 писем. 22 апреля отец Петр поздравляет владыку с Пасхой уже в новом революционном стиле: «Все семейство поздравляет владыку и новую гражданку Евдокию Прокопьевну[14] с праздником Светлого Христова Воскресения! А также поздравляю с обновленной Россией и свободой многострадальному старообрядчеству! Дай Бог, чтобы это укрепилось навеки, а павший гонитель старообрядчества, чтобы никогда не встал!»[15]. Также батюшка благодарит владыку Иннокентия (Усова), что он посоветовал молиться за Новое Правительство. Но возмущает его известие, что «теперь открытие общин будет происходить явочным порядком. Зачем нам опять лезть в это ярмо, надевать хомут, затягивать на шее петлю. Какая же это свобода? Какое же это равенство, какое это гражданство, когда опять надо общину выклянчивать... Раз свобода, раз равенство, больше ни-ни, становись спиной к старому режиму и управляй дела свои по правилам Церкви... Нет, теперь долой „кровавого дракона" и эту „штундийскую общину"»[16], а следует вступать на церковный путь во главе своего архиерея и править по «Кормчей и Правилам св. Отец» – считает отец Петр[17].

Чудом, из россыпи в Отделе рукописей РГБ, сохранился черновик ответа на это письмо – автограф еп. Александра, где он благодарит за поздравление, пишет об огромной занятости, о том, что «дух бодр, а плоть немощна», приглашает прибыть на Всероссийский съезд и освященный Собор и высказать свое мнение об устройстве общин. Владыка замечает: «Теперь очень важно и своевременно старообрядцам как можно теснее соединиться, чтобы добиться полного равноправия со всеми. Нужно на местах побольше объединения и самодеятельности, чтобы, приехав в центр, не идти враздробь или в след сильных, куда поведут они. Теперь от нас самих зависит наше правовое существование. Надо прибегать к единению всех старообрядцев, как в религиозном, так и общественном отношении, чтобы с нами считались, как с огромной, объединенной общими интересами силой. Смотрите на евреев: всеми почти презираемые и гонимые, они идут смело, и добиваются желаемых прав. А ведь нас, если не 10–15 миллионов, то, во всяком случае, не меньше, чем евреев»[18].

22 сентября 18 октября отец Петр отправил владыке письмо, где «с душевным волнением и со слезами на глазах» горюет, «что наши

---

[14] Это родная сестра владыки, одинокая, проживала при Рогожском кладбище.

[15] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. хр. 32. Л. 1.

[16] Штундистские общины. Старообрядцы не разделяли полностью Указ об общинах 1906 г., уравнивающий их с сектантами.

[17] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. хр. 32. Л. 23–23 об.

[18] Там же. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об.

святители в матушке Москве – сердце России – живут впроголодь. До какого ужаса мы дожили. Не удивляюсь над правителями России, ибо этому надлежит быти, но грущу о своих христианах, что охладело наше христианство против прежних веков, когда оно святительство почитало, уважало и обоготворяло, вспоминая все это и сравнивая теперешнее положение святителей, становится на душе жутко и тяжело»[19]. В этом же письме отмечает, что в Херсоне муку темную выдают по 10 фунтов на неделю по сахарным карточкам. Такую же муку Продовольственная управа выдала и на просфоры. На нижнем поле листа этого письма рукой епископа Александра помечено: «прошу муки белой и крупы гречуш<ной> ½ (фунт.), и перловой ½ (фунт.)»[20]. В следующем письме от 18 октября Матасов размышляет о выборах в Учредительное собрание, на которое все надеялись: «Отец Стефан Кравцов из Одессы прислал заявление в Херсонскую окружную по выборам в Учредительного Собрания комиссию с желанием баллотироваться в члены Учредительного Собрания. Не знаю, совместимо ли с правилами святых отец 1) просить бритого еретика с папиросой в зубах, чтобы избирали священное лицо в мирское учреждение и 2) если изберут, то оставить паству и идти разбирать мирские дела, а в то же время оттирать достойнейших кандидатов, как примерно, г. Морозова Исидора Федоровича из г. Николаева Херсонской губернии. Рябушинский П. П. прислал согласие с условием, так как могу быть зачисленным по другим 5 губерниям и если подписавшая неопределенность неизбежна, прошу заменить другим»[21].

Последнее письмо было отправлено из Херсона 16 ноября 1917 г. Отец Петр писал: «Ваше Преосвященство Святый Владыко Александр! Сим имею честь извещать Ваше Преосвященство, что дорогое письмецо Ваше получил своевременно, спаси Вас Христос, что меня нижайшего не забываете. Из газет видно, что у Вас в Москве идет внутренняя братоубийственная война, о чем очень сожалею и болею о Вас. Как Вы там теперь поживаете, и как Вы переносите такие кровавые дни? Были ли у Вас выборы, и если были, то сколько получилось старообрядческих голосов? У нас выборы прошли, слава Богу, благополучно, да и вообще у нас в городе спокойно и благополучно. Приезжайте к нам и живите у нас, квартира есть, отопление освещение и хлеба достаточно продается. Я и матушка Вам кланяемся и просим прощения, благословения и святых Ваших молитв о нас. Ваш покорный слуга протоиерей Петр Матасов»[22]. На этом переписка прервалась.

На выборах в Учредительное собрание по отдельному старообрядческому списку в отдельных губерниях последователи старове-

[19] НИОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. хр. 32. Л. 25.
[20] Там же. Л. 25 об.
[21] Там же. Л. 27 об.–28.
[22] Там же. Л. 29.

рия получили ничтожное число мест. Стало очевидным, что идеи тех, кто пришел к власти в октябре, старообрядцами не разделялись. Дальнейшие события и кардиальные преобразования большинство старообрядцев приняло с христианским смирением и неустанной молитвой за судьбу России, разделив все тяжести становления нового государственного строя и неуклонно заботясь о сохранении исторического наследия.

Старообрядческая переписка и близкие к ней документы позволяют понять истинные позиции этого сообщества, что особенно важно в свете выхода ряда публикаций, превратно и недостоверно трактующих роль последователей старой веры в русской революции.

Бабкин М. А.

Духовенство Православной Российской церкви и свержение монархии в 1917 году

Аннотация. В статье освещается положение Православной церкви в императорской России, говорится о недовольстве высшего духовенства участием императора в делах церковного управления, рассматривается политическая позиция духовенства в период Февраля 1917 г. Мотивы действий высшего духовенства объясняются в русле историко-богословской проблемы «священства – царства».

Ключевые слова: Православная церковь, церковно-иерархическая власть, церковные полномочия императора, Революция 1917 г., свержение монархии, восстановление патриаршества.

The clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the Monarchy in 1917

Abstract. The article highlights the situation of the Orthodox church in Imperial Russia, referred to the dissatisfaction of the higher clergy participation of the emperor in matters of Church government, considered the political position of the clergy in the period of February 1917. The Motives of the higher clergy explains in the mainstream of historical-theological problems of the «priesthood of the Kingdom».

Keywords: The Russian orthodox church, church authority of the emperor, the Revolution of 1917, the overthrow of the monarchy, the reestablishment of the patriarchate.

При обращении к теме «Православная церковь и Февральская революция» историки оказываются перед серьезным выбором. Он обусловлен определенным противоречием. С одной стороны, исторические документы говорят, что члены высшего органа управления

ПРЦ – Святейшего правительствующего Синода – состава зимней сессии 1916/1917 гг. in corpore сыграли одну из важных ролей в свержении монархии в России[23]. С другой – большинство членов того Св. Синода причислено к лику святых Архиерейскими соборами Русской православной церкви за границей (1981 г.) и Русской православной церкви (1989, 1992 и 2000 гг.). Соответственно, встает вопрос: чем руководствоваться при анализе действий соответствующих исторических личностей? Материалами Архиерейских соборов или историческими документами? церковно-иерархическим или научно-историческим подходом?..

На протяжении последнего десятилетия среди историков (главным образом – церковных) стала наблюдаться определенная категория авторов, идеализирующая, во-первых, историю ПРЦ и, во-вторых, считающая обнародование каких-либо нелицеприятных для духовенства исторических фактов едва ли не кощунством: будто бы церковные деятели свободны от человеческих недостатков, слабостей и не способны совершать какие-либо ошибки и творить неблаговидные дела.

Ныне церковные круги, пытаясь взять изучение истории ПРЦ под свое «чуткое руководство» и контроль, стараются создать свою «единственно правильную» версию происходивших в России в первой трети XX века событий. В создаваемой ими концепции («благочестивой», но весьма абстрактной) известные иерархи (в первую очередь – стоящие в тот период у кормила ПРЦ) до 1917 г. выставляются верными стражами самодержавия, а после – страдальцами, безвинно претерпевшими мучения от советской власти. При внешне корректных выкладках названные круги, руководствуясь соображениями церковной политики и своеобразно понимаемой церковной пользы, системой умолчания неудобных для себя фактов пишут лубочные образы своих духовных вождей. В частности, они стараются всячески завуалировать роль духовенства в революционном процессе. Тем самым создается весьма идиллистическая историческая картина: в первую очередь – отношений высших иерархов к верховной власти в период Февраля 1917 г.

Российская империя и Православная церковь составляли единое церковно-политическое тело, единый организм. И государство (Империя), и Церковь, по существу, являлись двумя ипостасями этого нераздельного тела, находившегося под скипетром православного

---

[23] Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Мат. и архив. док. по истории Русской православной церкви / Сост. М. А. Бабкин. М., 2008; *Андреева Л. А.* Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 90–99; *Бабкин М. А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 197–395. В статье использованы материалы монографии автора, ссылки на эту работу даются в тексте.

самодержца. Одним из показателей их единства являлась невозможность проведения четкой границы между светским (в привычном ныне понимании) и церковным законодательством. Связь Империи и Православной церкви была в первую очередь сакральной, а не оформленной юридически.

Высшим органом церковного управления (но не власти) являлся учрежденный 25 января 1721 г. царем Петром I Святейший правительствующий Синод – своеобразное сословное представительство при верховной власти, или постоянно действующий «малый церковный собор» (синод, по-гречески – σύνοδος, означает собор).

Деятельность Синода контролировало назначавшееся императором светское лицо – обер-прокурор Св. Синода, являвшийся официальным представителем власти Его Величества. Юридической основой создания института обер-прокуратуры была необходимость доклада верховной власти о течении церковных дел. На обер-прокуроре лежали функции охранения государственных интересов в сфере церковного управления и контроля над органами власти ПРЦ в центре (Св. Синодом) и на местах (духовными консисториями). Хотя обер-прокуроры и имели практически неограниченные возможности влияния на органы центральной и местной церковной власти, однако этим правом они практически не пользовались, предпочитая не участвовать в деле чисто церковного управления. В целом же компетенция обер-прокурора ограничивалась административным управлением и не распространялась на сферу вероисповедания и церковного права.

Юридически участие императора в церковных делах повышало статус ПРЦ и ее постановлений. Акты Св. Синода, изданные «по указу Е. И. В.», в виде указов, уставов или законов, вносились в собрание законов Российской империи.

Единство Империи и Церкви, основанное на православной вере, хотя и не было лишено недостатков, но, в целом, было очень плодотворным. Империя, поддерживая Русскую церковь морально и материально через институт обер-прокуратуры, избавляла епископат от рутинной бюрократически-канцелярской работы (связанной, например, с хозяйственной деятельностью и поисками источников финансирования), поддерживала просветительскую и миссионерскую ее деятельность. Православной церкви в Российской империи были созданы условия наибольшего благоприятствования. В Основных законах насчитывалось более тысячи статей, оберегавших привилегии и имущественные права ПРЦ. Архиереи фактически являлись высшими духовными сановниками империи. По табели о рангах митрополиты, архиепископы и епископы приравнивались к трем первым классам военных и гражданских начальников.

ПРЦ, буквально слитая воедино с Российской империей, не обладала правами юридического лица и не имела самоуправления. Хотя

такими правами по отдельности были наделены Св. Синод, приходские церкви, монастыри, духовно-учебные заведения и проч. церковные структуры, владевшие, например, недвижимым имуществом и капиталами.

Русские цари не видели особого смысла в предоставлении церкви «свободы самоуправления», поскольку видели ее главную цель в христианизации народа, а именно – в совершении богослужений, катехизации паствы, поднятии среди нее нравственности, образованности, в почитании праздников, миссионерстве и проч. Для чего иерархи фактически и освобождались посредством обер-прокуратуры от мирских дел. Однако те, наоборот, стремились расширить свои государственные функции в ущерб церковным. Значительная часть епископата считала свое положение в рамках сложившихся в России государственно-церковных отношений неприятным и оскорбительным. Участие царя в церковных делах давало повод для постоянного недовольства духовенства «вмешательством» в церковные дела православного императора (светской-де власти). Наличие в государстве помазанника Божия, так или иначе участвующего в делах церковно-правительственного управления (юрисдикции), в охране вероучения и контроле за церковным благочинием, ставило духовенству фактический заслон в получении желаемой и искомой свободы самоуправления.

Поскольку формально ПРЦ была частью административного аппарата империи, это давало основание определенным слоям общественности считать православных священнослужителей прислужниками самодержавия, а также возлагать на ПРЦ долю ответственности буквально за любые ошибки царского правительства, за политические «репрессии» и даже за социальную несправедливость в обществе [*Бабкин*, с. 29–52].

На протяжении двух предреволюционных столетий в отношениях между ПРЦ («священством») и государством («царством») назревал определенный конфликт[24]. Он был вызван тем, что со времен

[24] Основной вопрос историко-богословской проблемы «священства – царства» – что выше и главнее: царская или иерархическая власть? Он обусловлен, в свою очередь, следующим рассуждением. Поскольку Господь Иисус Христос есть и Великий Царь, и Великий Архиерей («Царь царем и Архиерей архиереям»), то кого на земле (в мире дольнем) считать Его «живым образом»? земной «иконой Его первообраза»? – Царя или патриарха? У кого из них выше сакральный статус? Кто из них есть местоблюститель Христов, истинный помазанник Божий? Кто является проводником «воли Божией»? Через кого из них в Священной державе реально осуществляется «Божия власть»? Из этих вопросов вытекают и другие, подобные следующим. Над кем нет никого, кроме Бога: над императором или над патриархом? Кто из них может судить всех, но не быть судим никем? Кто из них двоих, диктуя второму свою волю, переступает своеобразные границы? Кто из них может низлагать другого? И если вспомнить слова Спасителя: «Сози жду Церковь Мою...» [Матф. 16, 18] и «Царство Мое...» [Иоан. 18, 36], то становится ясным, что в личности Христа Церковь и Царство сходятся воедино.

Петра Великого православные императоры посредством обер-прокуратуры принимали определенное участие в делах внутрицерковного управления. И это вызывало скрытое сопротивление со стороны, в первую очередь, архиереев.

С рубежа XIX–XX веков вплоть до начала Февральской революции представителями высшей иерархии ПРЦ проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении и на «отдаление» церкви от государства. Подтверждением этому служат, в частности, сокращение с января 1900 г. поминовения императора на проскомидии (начальной стадии литургии – центрального христианского богослужения), а также произведенное в феврале 1901 г. сокращение «верноподданнической» части присяги для рукополагаемого в сан епископа и отмена присяги для членов Св. Синода. Показателем стремления высшей иерархии повысить свой внутрицерковный статус служит и проходившие в тот период процессы постепенного увеличения богослужебных титулований архиереев, а также учащения поминовений епархиальных преосвященных [*Бабкин*, с. 160–196].

О желании высшего духовенства ограничить участие императора в церковном управлении свидетельствуют и «отзывы» епархиальных архиереев о церковной реформе, датируемые 1905–1906 гг. В них отражалось недовольство представителей иерархии сложившимся в России строем церковного управления. Об этом, а также о стремлении восстановить в ПРЦ патриаршее управление говорилось и в материалах Предсоборного присутствия (1906 г.), а также Предсоборного совещания (1912–1913 гг.). Названные церковные комиссии предлагали усилить в управлении ПРЦ власть епископата [*Бабкин*, с. 67–126].

В то же время духовенство едва ли не демонстративно уклонялось от разработки богословского взгляда на царскую власть. В целом, оно придерживалось «рациональных» оценок, дававшихся царской власти юристами, политологами и историками. При этом совершенно не выясненными оставались такие вопросы, как церковные полномочия императора и так называемые священные права помазанника Божьего. Даже относительно вопроса, является ли миропомазание государя церковным таинством или не является таковым, среди иерархии не было единства: одни иерархи считали его таинством, другие – наотрез отказывались это признавать, третьи – воздерживались от высказываний о сем предмете [*Бабкин*, с. 127–132].

В целом, деятельность ряда видных иерархов ПРЦ в предреволюционное десятилетие была направлена на «десакрализацию» власти российского императора. Она сводились к укоренению в сознании паствы представлений о царе не как о духовно-харизма-

тическом «лидере» народа и «Божием установлении» (помазаннике), а как о мирянине, находящемся во главе государства. Духовенство (в частности, члены Синода) стремилось обосновать, что между царской властью и какой-либо иной формой правления нет, по сути, никаких принципиальных отличий: всякая, мол, власть – «от Бога».

После нескольких безуспешных попыток в 1905–1907 гг. добиться высочайшего разрешения на созыв Поместного собора представители архиерейского корпуса стали связывать надежды на «освобождение», «раскрепощение» Церкви от императорского контроля с возможностью смены формы государственной власти в России в пользу «любой» формы правления [*Бабкин*, с. 120–121].

Стремясь увеличить свою власть за счет умаления прав верховной власти в области церковного управления, видные представители высшего духовенства работали, в каком-то смысле, на революцию. И само «освободительное движение» (в первую очередь – в лице левых и центристских партий) добивалось в принципе аналогичного: ограничения власти царя в пользу «народного представительства».

Определенным «испытанием на верноподданичество» для высшей иерархии явилась Первая российская революция. Во время нее Св. Синод в целом вел себя непоследовательно и весьма противоречиво. С одной стороны, он придерживался своеобразной аполитичности (нередко умалчивая о революционерах и порицая лишь их противников), с другой – старался оказать поддержку правительству. Колебания политической линии высшего органа церковного управления были обусловлены отсутствием у него четкой позиции в отношении к царской власти. Поскольку иерархи рассматривали императора как «внешний институт» по отношению к церкви, то, соответственно, они «не считали своим долгом» проповедовать пастве о необходимости сохранения незыблемости православной империи как единого церковно-государственного «тела», видя в нем преходящую форму исторически сложившейся русской государственности [*Бабкин*, с. 133–155].

В целом, духовенство с начала XX века постепенно становилось в оппозицию к царской власти, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, получить возможность самоуправления и самоустроения. Это освобождение отождествлялось с падением царской власти, о чем весной и летом 1917 г. духовенством делались признания как в устных проповедях, так и в церковной периодической печати.

Основным мотивом соответствующих действий священнослужителей было стремление разрешить многовековую проблему «священства – царства» в свою пользу.

Наиболее яркое выражение противостояния высшего духовенства монархии (в контексте проблемы «священства – царства») приняло в первые дни и недели Февраля 1917 г.[25].

При начале революционных волнений в Петрограде высший орган церковного управления – Св. Синод – смотрел на них безучастно, не предприняв никаких шагов по защите монархии. Поступавшие в те дни к высшему органу церковного управления ходатайства видных сановников империи о необходимости поддержки царского престола остались неуслышанными.

Члены Синода фактически признали революционную власть (Временное правительство, сформированное Исполнительным комитетом Государственной думы) уже днем 2 марта, до отречения Николая II. В первых числах того же месяца они вели переговоры с Временным правительством: о поддержке духовенством новой власти в обмен на предоставление ПРЦ свободы в самоуправлении. То есть до опубликования официальной позиции Св. Синода в отношении совершившегося государственного переворота и церковная, и светская власть двигались друг другу навстречу при осознанном решении «отменить» монархию в России.

Позиция высшего духовенства свидетельствовала о том, что иерархи решили воспользоваться политической ситуацией для осуществления своего желания получить освобождение от влияния императора («светской» власти) на церковные дела и фактически избавиться от царя как своего «харизматического конкурента».

Несмотря на отсутствие в целом юридического отречения от престола Дома Романовых[26], Св. Синод 6–8 марта распорядился изъять из

---

[25] О причинах Революции 1917 г. см. подробно: *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. СПб., 2015. С. 676–709; *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 72–84, № 3. С. 106–115.

[26] В «Акте об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти» от 3 марта в частности говорилось: «Принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную (царскую. – *М. Б.*) власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит ...в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему, ...прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, ...впредь до того, как ...Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа» (Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг., 1917. № 54. 6 марта. Отд. 1. Ст. 345. С. 534). Речь шла не об отречении великого князя от престола, а о невозможности занятия им царского престола без ясно выраженной на это воли всего народа России. Великий князь (некоронованный император?) Михаил Александрович предоставлял выбор формы государственного правления Учредительному собранию. До созыва же этого собрания он доверил управление страной созданному по инициативе Государственной думы Временному правительству. Его намерение основывалось на имевших место в российском обществе мнений о возможности существования в России конституционной монархии.

богослужебных чинов поминовение царской власти. В соответствие с чем были внесены изменения в молитвословия всех богослужебных кругов: в суточный, недельный и годичный. В результате царская власть в церкви (соответственно, в обществе, в государстве) оказалась уничтоженной «духовно», т. е. фактически оказалась преданной церковно-молитвенному забвению, стала поминаться в прошедшем времени. Хотя до решения Учредительного собрания о форме власти в России говорить об упразднении царского правления можно было лишь теоретически [*Бабкин*, с. 197–233].

Священнослужителям принадлежит временно́й приоритет в узаконивании российской демократии (народовластия). Если Россия была провозглашена А. Ф. Керенским Республикой 1 сентября 1917 г. – через шесть месяцев после революционных событий февраля–марта 1917 г., то Св. Синодом «молитвенно-духовно» (и «богословски», и «богослужебно») это было сделано уже буквально через шесть дней.

Отменив какое-либо поминовение царской власти, Св. Синод тем самым фактически упразднил государственно-религиозные праздники Российской империи – «царские дни», до соответствующего правительственного постановления, выпущенного 16 марта[27].

Смена государственной власти, произошедшая в России 2–3 марта, носила временный характер и теоретически была обратима (в том смысле, что «думскую» монархию возможно было de jure реформировать в конституционную монархию). За такой вариант de jure выступала, в частности, конституционно-демократическая партия «Народной свободы» – кадеты (точнее – их правое крыло). Члены же Св. Синода в своих «республиканских устремлениях» в марте 1917 г. фактически оказались левее кадетов.

Духовенству ПРЦ принадлежит приоритет и в изменении государственной, исторически сформировавшейся монархической идеологии Российской империи. Св. Синод уже 7–9 марта официально отрешился от второй составляющей лозунга «за Веру, Царя и Отечество». Временное же правительство декларировало о недопущении возврата монархии лишь 11 марта.

Процесс перехода ПРЦ на сторону Временного правительства, на сторону революции завершился 9 марта 1917 г. В тот день Св. Си-

---

[27] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг, 1917. № 124. 2 июня. Отд. 1. Ст. 668. С. 1068. «Царские дни» имели статус государственных праздников и объединяли собой дни рождения и тезоименитств государя императора, его августейшей супруги и наследника престола, дни восшествия на престол и коронования их императорских величеств. Эти «дни» носили ярко выраженный религиозный характер: накануне их обязательно служилось всенощное бдение, в сами дни совершались торжественные молебны «о здравии, благоденственном и мирном житии» высочайших особ, а также крестные ходы. В дни восшествия на престол и коронации, как и на пасхальной седмице, полагался целодневный звон.

нодом было выпущено послание «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий» и объявлена «для исполнения» по духовному ведомству «Присяга или клятвенное обещание на верность службы Российскому Государству для лиц христианских вероисповеданий», утвержденная Временным правительством 7 марта[28].

Члены Св. Синода, приведя православную паству к присяге на верность Временному правительству и не освободив народ от действовавшей присяги на верноподданство императору, сподвигли, по сути, российских граждан на клятвопреступление. Показателем радикальной настроенности членов «царского» состава Св. Синода служит и тот факт, что формы церковных (ставленнических) присяг, установленные ими 24 марта 1917 г., по своему содержанию оказались левее государственной присяги, введенной Временным правительством 7 марта [*Бабкин*, с. 197–257].

Уже к концу марта 1917 г. все места богослужебных, ставленнических и других чинов ПРЦ, где ранее поминалась царская власть, были исправлены Св. Синодом. Изменения заключались в буквальной замене поминовения императора и лиц Царствующего (по версии Св. Синода – «царствовавшего») Дома на поминовение «благоверного Временного правительства». Однозначная замена царской власти на народовластие не соответствовала политическому положению страны, потому что образ правления в России должно было установить только Учредительное собрание (потенциально – высший орган государственной власти). Содержание же измененных книг соответствовало республиканскому устройству России как якобы свершившемуся факту.

Действия Св. Синода в первые недели Февральской революции свидетельствовали об отсутствии у его членов стремления рассматривать политическое положение России как находящееся в состоянии «неопределенности» образа правления до соответствующего решения Учредительного собрания. Действия Св. Синода носили безапелляционный характер и указывали, что органом высшего церковного управления выбор сделан в пользу становления новой власти, а не на «реставрацию» монархии. В результате такой позиции церковной власти – с учетом влияния подведомственного ему духовенства на 100-миллионную православную паству – была по сути ликвидирована вероятность монархической альтернативы политического развития России. И революция, опираясь на ряд факторов, получила необратимый характер. Вследствие чего можно утверждать, что члены Св. Синода в марте 1917 г. осуществили определенное вмешательство в политическое конституирование российского государства [*Бабкин*, с. 197–257].

---

[28] Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 4. 9 марта. С. 1.

Среди различных факторов, влиявших в период начала Февральской революции на судьбу монархии, одним из решающих был характер отношения духовенства ПРЦ к институту царской власти. Сама власть императора как помазанника Божия имела духовную основу именно в Православии. Потому с большой долей уверенности можно утверждать, что если бы Св. Синод в судьбоносные для царя и страны февральско-мартовские дни 1917 г. предпринял в отношении монархии находящиеся в его компетенции охранительные меры, то политические события и в столице, и на местах пошли бы по иному сценарию.

Члены Св. Синода, с первых чисел марта 1917 г. взяв курс на установление в России республиканского правления, в определенном смысле проявили политическую близорукость. Пойдя навстречу Временному правительству и поддержав свержение монархии, они не смогли верно предвидеть дальнейшего развития политических событий и остановить расползание революции. Февральский же «этюд» оказался лишь «увертюрой» Октября.

Царская власть являлась в многонациональной и многоконфессиональной России, с разными уровнями социально-экономического развития огромных территорий, системообразующим стержнем. И последствия исчезновение этого стержня теоретически можно было предвидеть: как предвидел это один из лидеров кадетской партии П. Н. Милюков, открыто выступавший за установление в стране конституционно-монархического правления[29]. Однако на протяжении всего 1917 г., невзирая на сменяющие один за другим кризисы власти и нарастание в стране центробежных явлений, никакой корректировки политического курса Русской православной церкви «вправо» проведено не было. Официальное духовенство не рассматривало существовавшую в тот период в России (вплоть до созыва Учредительного собрания) конституционно-монархическую альтернативу народовластию [*Бабкин*, с. 258–267].

Действия высшей церковной иерархии в период февральско-мартовских событий 1917 г. оказали заметное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Они послужили одной из причин «безмолвного» исчезновения с российской политической сцены правых партий, православно-монархическая идеология которых с первых чисел марта 1917 г. фактически лишилась поддержки со стороны официальной церкви.

Епископату и приходскому духовенству ПРЦ, исполнявшим в порядке внутрицерковной дисциплины распоряжения Св. Синода, принадлежит одна из определяющих ролей в установлении на местах новой власти. При этом формы воздействия священнослужите-

[29] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001.С. 49–51.

лей на общественно-политическое сознание паствы весной 1917 г., с одной стороны, были традиционные: проповеди, печатные воззвания, тиражирование резолюций своих собраний и съездов, служения молебнов, крестных ходов и проч. С другой – многие из них носили печать митинговой демократии. Это выразилось в широком участии духовенства в революционных торжествах: «праздниках революции», «днях похорон» освободительного движения, 1 Мая и проч. Эти «праздники», проходившие под красными знаменами, музыку и песни революции, благодаря участию в них пастырей и архипастырей ПРЦ (нередко выступавших и на митингах), «освящались» авторитетом церкви и приобретали оттенок православных торжеств. Соответственно, верующие начинали воспринимать эти праздники как «свои». Тем самым в общественном сознании легитимировались и новая власть, и новые мелодии, и новые символы [*Бабкин*, с. 277–395].

Действия, предпринятые в послефевральский период 1917 г. духовенством в центре и на местах (и Св. Синодом, и епископатом, и приходским духовенством) способствовали, в целом, смещению влево спектра общественно-политических настроений православной паствы.

Массовая поддержка со стороны клириков ПРЦ свержения самодержавия во многом была обусловлена позицией Св. Синода по отношению к февральско-мартовским событиям 1917 г. Действия духовенства, направленные на придание революции легитимности, шли «сверху»: от Св. Синода к епархиальным архиереям и к приходским пастырям. Вместе с тем Св. Синод выполнял и «карательную функцию» по отношению к «контрреволюционно» настроенному духовенству, проповедовавшему, в частности, о сложившемся в стране «междуцарствии» [*Бабкин*, с. 396–406].

Политика, проводимая весной и летом 1917 г. центральной и местными духовными властями, а также Временным правительством, свидетельствовала об их союзе по многим вопросам: об отношении к изменению в стране формы правления, о предоставлении народу гражданских свобод, доведении войны до победного конца и проч. Разногласия между церковью и государственной властью возникли лишь после 20 июня 1917 г. – со дня выпуска Временным правительством постановления о передаче церковных школ в ведение Министерства народного просвещения[30].

Одной из причин, вследствие которых в общественном сознании установилась точка зрения о негативном, в целом, отношении Православной церкви к свержению монархии, явилась широко прово-

[30] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг., 1917. № 182. 4 августа. Отд. 1. Ст. 1014. С. 1818–1819.

димая в 1917 г. (начиная с весны) церковная миротворческая деятельность. Призывы российского духовенства к миру, спокойствию, созидательному труду и к повиновению государственной власти стали широко звучать лишь после прихода к власти Временного правительства. Раздаваясь с амвонов, со страниц епархиальных и других изданий, эти призывы побуждали народ к повиновению новой власти, способствовали формированию у него положительного отношения к свержению династии Романовых и, тем самым, фактически узаконивали Февральскую революцию. По словам князя Н. Д. Жевахова, российская «революция явила всему миру портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви»[31].

Социально-политическая активность священно- и церковнослужителей начала спадать приблизительно с июля 1917 г. Революционные иллюзии и энтузиазм духовенства стали рассеиваться с наступлением общего разочарования граждан России в политике Временного правительства. Во внутрицерковной жизни весной и летом ясно обозначился кризис власти. Иерархи стремительно теряли контроль над приходскими священниками. В свою очередь, сами священники все больше ощущали на себе возрастающую требовательность и непокорность как прихожан, так и подчиненных себе пономарей и псаломщиков. Весной и летом 1917 г., на фоне получившего широкое распространение процесса отхода общества от церкви, среди части паствы возникли воинствующие антиклерикальные настроения. Все эти факторы в совокупности обусловили резкое снижение церковных доходов, затронув тем самым материальные интересы российского духовенства. В результате в духовной среде начало расти недовольство сложившейся в стране политической и социальной обстановкой. Священнослужители стали придерживаться более правых взглядов и даже переходить в оппозицию революции. Тревожные ноты о грядущих судьбах России, ее народа и Православной церкви зазвучали в июле–августе и в проповедях епархиальных архиереев. К концу октября духовенство стало склоняться к идее необходимости установления централизованной «сильной власти» если не в государстве, то в ПРЦ [*Бабкин*, с. 407–417].

15 августа 1917 г. состоялось открытие Поместного собора ПРЦ, проработавшего более года. На нем 5 ноября патриархом Московским и всея России был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин), возведенный в этот сан 21-го числа того же месяца. В результате восстановления патриаршества и реформирования внутрицерковного управления церковные полномочия царя

[31] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 278–279.

(в области церковно-правительственного управления (юрисдикции), охраны вероучения и контроля за церковным благочинием) в полной мере перешли к духовенству. С учетом того, что Дом Романовых в целом не отрекался от престола, можно утверждать, что это был не «естественный» переход прав царя к духовенству, а едва ли не насильственное изъятие, осуществленное под прикрытием революционных светских властей [*Бабкин*, с. 453–461, 471–496].

Если до Октябрьской революции церковные права императора Временное правительство и Св. Синод негласно делили между собой, то после нее – те полностью оказались в руках высших органов церковной власти. С учетом же того, Дом Романовых не отрекался от престола, и во время разработки и принятия Поместным собором постановлений об управлении ПРЦ[32] помазанник Божий находился в заточении, можно утверждать: на Поместном соборе была осуществлена *узурпация* высшим духовенством прав императора в области церковного управления.

Поместный собор фактически продолжил политическую линию Февраля, начатую Св. Синодом в первые дни весны 1917 г. Все поступавшие к нему предложения о необходимости пересмотреть позицию ПРЦ в отношении свержения монархии – или пресекались его руководящим звеном, или не допускались до рассмотрения. А что и было допущено – то не было доведено до выработки даже проекта какого-либо решения. Вместе с тем на соборе коренным образом был изменен 11-й анафематизм чина «Недели Православия». Анафема, грозившая «дерзающим на бунт и измену» против царя, была переориентирована на возводивших хулу на Православную церковь, на посягающих на ее собственность и жизнь духовенства [*Бабкин*, с. 525–558].

На Октябрьский переворот высшие органы церковного управления фактически не отреагировали. Они не оказали никакой поддержки тому правительству, которое с первых чисел марта 1917 г. в вероучительных текстах наименовали «Благоверным» и объявили правящим по «повелению Божией Матери» (см., например, Богородичный тропарь утрени, введенный Св. Синодом 7–8 марта[33]). Вплоть

---

[32] Главным образом имеются в виду принятые Поместным собором 4 ноября, 2, 7 и 8 декабря 1917 г. «Общие положения о высшем управлении Православной Российской Церкви», «О правовом положении Православной Российской Церкви», «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», «О правах и обязанностях святейшего патриарха Московского и всея России» и «О круге дел, подлежащих ве́дению органов высшего церковного управления».

[33] В богородичном тропаре утрени (богослужении, начинающем ряд дневных служб) после произведенной 7–8 марта 1917 г. Св. Синодом замены поминовения царя на «Благоверное Временное правительство», по всем церквам РПЦ должны были произноситься такие слова: «Всепетая Богородице, ...спаси благоверное Временное правительство наше, ему же повелела еси правити, и подаждь ему с небесе победу». Этим «вероучительным» молитвословием Синод фактически провозгласил тезис

до начала декабря 1917 г. духовенство в отношении советской власти занимало выжидательную позицию. Причем некоторые священнослужители даже возлагали на большевиков определенные надежды. Так, епархиальные архиереи Петрограда и Москвы полагали, что новая власть будет заботиться «только о благе русского народа», что она «водворит порядок на Руси, право и правду, обеспечит свободу» [*Бабкин*, с. 559–570].

Позже, когда советская власть стала ущемлять церковные интересы, Поместный собор и Священный Синод стали или игнорировать ее постановления, или же принимать решения обратного характера. То есть священство попыталось оказывать своеобразное противодействие большевистскому «царству». Вместе с тем органы церковной власти защищали по сути лишь свои интересы. «Отрешаясь от политики», они, например, не отреагировали на разгон большевиками Учредительного собрания, и вплоть до расстрела царской семьи не вспоминали о ее участи [*Бабкин*, с. 525–541, 571–592].

С третьей декады января 1918 г. для ПРЦ начался новый исторический этап. Во исполнение советского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[34] и других соответствующих ему постановлений, ПРЦ по статусу была приравнена к частным обществам и союзам. Ей было отказано в каких-либо субсидиях от государства. Ее собственность была объявлена народным достоянием. В целом, Православная церковь фактически была поставлена вне закона Страны Советов.

В ответ на это духовенство стало выражать протесты правительству. В частности – начало проводить крестные ходы и публичные молебны о прекращении «воздвигнутых на Церковь Божию гонений». Однако эти меры не принесли желаемого результата: в большевистском «царстве» духовенство было по сути беззащитным и бесправным [*Бабкин*. 2011, с. 571–592]. Но все эти реалии в определенной мере были обусловлены официальной политической позицией

о божественном происхождении власти Временного правительства (Церковные ведомости. Пг., 1917. № 9–15. С. 59; Там же. Бесплатное приложение к № 9–15. С. 4, Бесплатное приложение [1-е] к № 22. С. 2).

Процитированное песнопение было весьма распространенным. Оно читалось не только на утрени, но и в чине освящения воинских знамен и последовании двух молебнов: первый из них – «певаемый во время брани противо супостатов», а второй – «певаемый во время брани против супостатов, находящих на ны (на нас. – *М. Б.*)». Все три названных чинопоследования в условиях Первой мировой (или Великой) войны были весьма актуальны.

Тезис о происхождении новой власти «свыше», наряду с усвоением на богослужениях Временному правительству «царского» титула («Благоверный»), можно расценивать как некий показатель того, что Временному правительству со стороны Св. Синода была усвоена определенная «харизма» (хотя бы и в терминологии).

[34] Газета Рабочего и крестьянского правительства. Пг., 1918. № 15. 23 января. С. 1.

самого духовенства ПРЦ в предшествующий – послефевральский период 1917 г.

Двойственная позиция епископата в отношении верховной власти в начале XX в., фактическое участие высшего духовенства в свержении монархии[35], а также восстановление в ноябре 1917 г. на Поместном соборе патриаршества дают основание для продолжения исследования церковно-государственных отношений в России с учетом проблемы «священства – царства». Актуальность этого исследования подтверждают наблюдающиеся с рубежа XX–XXI вв. тенденции к постепенной клерикализации российского общества и усиление внутрицерковной власти епископата.

Эпоха 1917–1918 гг. принесла для ПРЦ, по большому счету, типичные для всех революций результаты: смену элит и передел собственности. В пользу духовенства в стране изменилась харизматическая власть: царскую сменила патриаршая. В пользу светско-советского «царства» был сделан передел церковной собственности.

После же известных (фактически – революционных) событий, произошедших в России на рубеже 1980–1990-х годов, для Русской православной церкви наступило «время благоприятно». Значительная часть церковного имущества, изъятого в свое время советским государством, была возвращена своим прежним хозяевам. Сопровождавшая же соответствующие преобразования в стране смена «светских» элит не коснулась внутренней организации РПЦ. В условиях отсутствия «харизматической конкуренции» между церковью и светским, лишенным сакрального содержания «царством», были установлены те формы взаимоотношений, в пользу которых в начале декабря 1917 г., по существу, и высказывался Поместный собор. То, за что духовенство «боролось» с начала XX в. по 1917 г. включительно, ему удалось получить в 1990-е годы[36]. И в современной России между церковью и государством установились такие взаимоотношения, которые названы Патриархом Московским и всея Руси Алексием II († 2008) «близкими к идеальным»[37]. «Уровень свободы, которым мы пользуемся, беспрецедентный не только по сравнению

---

[35] Подчеркнем, что речь идет о свержении не в личностном, а в общем плане: не о свержении императора Николая II, а об уничтожении самой царской власти как харизматического института.

[36] Анализ отношений иерархов к царской власти, взаимоотношений церкви и государства в XX–XXI вв. позволяет выявить одну из весьма устойчивых тенденций исторического развития РПЦ: точнее – в период, начавшийся после свержения монархии в России. Она заключается в неуклонном возрастании роли епископата во внутрицерковном управлении, в постепенной абсолютизации архиерейской власти: в первую очередь – власти «первого епископа».

[37] Цит. по материалам сайта Российского информационного агентства новостей (РИА Новости) от 6 февраля 2009 г.: http://rian.ru/society/20090206/161125746.html.

с советским временем, но и с синодальным периодом в Российской империи, когда Церковь была редуцирована до уровня министерства по духовным делам», – констатировал 2 декабря 2016 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл[38].

В целом, если судить по положению Церкви в царской России и нынешнему состоянию вещей, то можно констатировать, что в XX в. на «харизматическом фронте» священство взяло верх на царством.

Гайда Ф. А.

Накануне Поместного собора: Временное правительство и Православная церковь весной–летом 1917 г.

Аннотация. Проблема положения Православной церкви в России в 1917 г. рассматривается в общем историческом контексте. Временное правительство декларировало принцип свободы совести и вероисповедания, однако епископат воспринимался представителями новой власти как потенциальная политическая угроза. Поэтому Временное правительство поощряло низовую «церковную революцию». Реального «освобождения» Церкви не произошло.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Временное правительство, Февральская революция 1917 г., Святейший Синод, обер-прокурор, В. Н. Львов, Поместный собор 1917–1918 гг.

On the eve of the Local Council: the Provisional Government and the Orthodox Church in the spring and summer of 1917

Abstract. The author considers the position of the Russian Orthodox Church in Russia in 1917 in a general historical context. The Provisional Government declared the principle of freedom of conscience and religion, but the episcopate was perceived as a potential political threat. Therefore, the Provisional Government encouraged the «church revolution». The real «liberation» of the Church did not happen.

Keywords: The Russian Orthodox Church, the Provisional Government, the February Revolution of 1917, of the Holy Synod, the Chief Procurator, V. N. Lvov, Local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918.

---

[38] Цит. по материалам сайта официального печатного органа Правительства Российской Федерации «Российская газета» (опубликовано 3 декабря 2016 г.): https://rg.ru/2016/12/03/patriarh-kirill-rasskazal-ob-otnosheniiah-cerkvi-i-gosudarstva-v-rossii.html.

Рассмотрение проблемы положения Православной церкви в России в 1917 г. будет более плодотворным лишь при обращении к общему историческому контексту. Церковная политика Временного правительства вытекала из общих принципов организации и деятельности новой революционной власти. Временное правительство имело временный верховный статус, но при этом стремилось подчеркнуть не преемство по отношению к «старой власти», а собственную связь с революцией. В сфере государственного управления был взят курс на стихийную демократизацию, сделана ставка на низовые общественные организации, зачастую создававшиеся самочинно в ходе революции[39].

Временное правительство декларировало принцип свободы совести и вероисповедания, предприняло ряд значимых шагов по пути реализации этого принципа. 20 марта были отменены все вероисповедные ограничения, 25 марта – все ограничения для лиц, лишенных сана. 20 июня состоялось отделение начальной школы от Церкви. Подобные меры полностью соответствовали программам партий, представители которых вошли в состав правительства. Показательным примером реализации принципа «свободы совести» стало принятие Временным правительством формулы собственной присяги. В первоначальном варианте она имела христианский характер и заканчивалась словами: «В удостоверении сей моей клятвы целую крест и слова Спасителя моего. Аминь». По инициативе Юридического совещания правительство заменило эту фразу иной, более нейтральной: «В исполнение сей моей клятвы да поможет мне Бог»[40].

Предполагалось также «освобождение Церкви от государственной опеки». При этом «синодальная бюрократия» и епископат в целом воспринимались представителями новой власти как потенциальная политическая угроза. Член ЦК кадетской партии А. С. Изгоев непосредственно перед началом Февральской революции 1917 г. писал, что духовенство осталось «за пределами традиционного мировоззрения русской общественности»[41]. Сразу после победы революции в кадетской газете «Речь» профессор, директор Демидовского юридического лицея и сын священника В. Г. Щеглов отмечал: «Падение старого строя нигде не отзовется так катастрофически, как в православной церкви. Здесь менее, чем где-либо, понимали, куда идет

---

[39] См. подробнее: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 314–321, 324–330, 337–351.

[40] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 года. М., 2001. С. 73; ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6. Л. 40–40а; Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

[41] *Изгоев А. С.* На перевале. Наша гражданственность // Русская мысль. 1917. № 2. II пагинация. С. 109.

жизнь, слепо держались мысли в незыблемость самодержавия и связывали с ним вековечное дело Христово»[42]. Временное правительство активно поощряло низовую «церковную революцию». Епископат повсеместно устранялся от управления епархиями: в первой половине года, в основном по желанию церковных «низов», было смещено 17 епархиальных архиереев[43]. На IX съезде кадетской партии 26 июля кн. Е. Н. Трубецкой заявлял: «Все церковное управление попадает в руки таких учреждений, в которых миряне составляют большинство. Эта демократизация Церкви неразрывно связана с демократизацией государства»[44].

Революционный обер-прокурор Св. Синода В. Н. Львов считал главной своей задачей ограничение церковной власти епископата. С осени 1915 г. Львов был известен резкими речами, направленными против Г. Распутина и «темных сил», довлевших над «церковной бюрократией»[45]. На новом посту Львов считал себя «облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах», о чем и заявил Синоду 7 марта[46]. Тем самым, самодержавная опека сменялась революционным диктатом. Однако методы революционного обер-прокурора оказались гораздо более резкими и бесцеремонными, чем у его предшественников. Львов по собственному усмотрению поменял состав Синода и начал подготовку закона о церковном управлении, который предполагал принцип выборности иерархии и отмены «кастовости» в Церкви[47].

26 апреля новому составу Синода Львов заявил: «Обер-прокурорская власть всеми силами стремится к полной свободе церкви... но в настоящий момент переустройства всей церковной жизни на новых началах свободного самоопределения... он [обер-прокурор]... не может не вмешиваться в жизнь церкви, т. е. не проявлять здесь даже, пожалуй, некоторого самовластия.... Епископат в церкви православной потерял почти всякий кредит, а между тем он не хочет вовсе отказываться от мысли, что свобода церковной жизни должна выражаться в полном самовластии только именно одного епископата...». Львов обещал передать всю полноту церковной власти лишь Поместному собору, воспринимая его как некое представительство церковных «низов». На том же заседании обер-прокурор активно поддер-

---

[42] *Щеглов В. Г.* Трагизм церкви // Речь. 11 марта 1917 г.

[43] *Фрименкова Т. Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. № 5. СПб., 1995. С. 74–94.

[44] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 705.

[45] *Гайда* Ф. *А.* Указ. соч. С. 109.

[46] *Фрименкова Т. Г.* К биографии Владимира Николаевича Львова // Из глубины времен. № 9. СПб., 1997. С. 94.

[47] Новое время. 15 марта 1917 г.; *Фрименкова Т. Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. № 5. СПб., 1995. С. 77–78.

жал направленное в Синод ходатайство «Московского исполнительного комитета объединенного духовенства» о созыве 1 июня Всероссийского съезда духовенства и мирян без участия епископата и монашествующих. Обер-прокурор объявил Синоду, что «современный епископат потерял всякое доверие, всякий авторитет» и появление на съезде «архиереев-распутинцев» вызовет лишь «всеобщий соблазн, грандиозный скандал»[48].

30 мая Львов представил Синоду собственный проект его устройства, в соответствии с которым туда должны были входить 4 епископа, 4 пресвитера и 4 мирянина. Обер-прокурор предложил избрать их на предстоящем 1 июня съезде, а подобную спешку объяснил тем, что «современный состав Синода никакого авторитета не имеет, и если держится, то только личным авторитетом обер-прокурора». Лишь единодушный протест заставил Львова отказаться от такого плана. Однако на первом заседании Предсоборного совета 13 июня обер-прокурор предложил проводить заседания Поместного собора по двум отдельным куриям – епископата (1/3 от состава собора) и клира и мирян (2/3 состава)[49].

Представления Львова о собственном временном верховном статусе в Русской церкви и революционных полномочиях, врученных «волею народа», полностью соответствовала декларациям Временного правительства. Поместный собор Русской церкви должен был стать «церковным Учредительным собранием», отправной точкой масштабных реформ демократизации церковного управления. Народное волеизъявление имело значение лишь тогда, когда оно соответствовало либеральным представлениям. Сменивший в июле Львова на посту обер-прокурора А. В. Карташев был известен еще более радикальными – внеконфессиональными – взглядами. Незадолго до революции, на заседании Религиозно-философского общества (РФО) 12 апреля 1915 г. Карташев заявлял: «Новое вино непрерывно растущих запросов жизни и религиозного сознания нельзя вливать в старые мехи ни одного из существующих законченных вероисповеданий христианства. Ни одно из них не в состоянии решить задачи, ему непосильной, ибо каждое есть только частичное воплощение неисчерпаемой глубины живого духа и живого существа церкви. Каждое стареет, изнемогает, иссякает... Это только смешное ослепление историков, когда европейская Реформация рассматривается, как последнее, великое проявление христианства. Наоборот, для тех исторических, социальных задач, пред которыми сейчас стоить церковь, Реформация не дает ровно ничего, скорее –

[48] *Любимов Н., протопресв.* Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918). Сборник. М., 1995. С. 16–17, 21.

[49] Там же. С. 89–93, 119–120.

отнимает. Эти задачи может выполнить только новое раскрытие сил церкви, неизмеримо превосходящее по качеству все дело Реформации»[50]. Позднее, на заседаниях 11 и 25 октября 1915 г. Карташев говорил: «В газетах провозглашается, что возвращение к каноническому строю есть полное устройство Церкви. Но это простительно говорить людям, которые стоят вне Церкви.... Только, пожалуй, Религиозно-философское общество, особенно в первую эпоху, когда оно занималось церковными вопросами особенно, как то, как «глас вопиющего в пустыне», все время говорило, что не в канонах реформа Церкви, что канонизм формален, мертв. Надо устроить самым демократическим образом Церковь, освободить ее, и если в ней есть внутренняя христианская жизнь, тогда это скажется в том, что эти освобожденные силы запросят чего-то другого, они преобразят Церковь во всех ее частях, не в смысле только канона и поправки богослужебных книг, ибо такая мысль существует и в Синоде, а в смысле изменения самых форм деятельности Церкви, в смысле изменения проповеди, литературы, мысли, в смысле всего христианского мировоззрения, доходя, быть может, до перерождения самого духа церковного, ибо этот дух создает народ и культура»[51].

Совет РФО, секретарем которого был Карташев, на своем заседании 11–12 марта 1917 г. обсудил вопрос об отношении Временного правительства к Церкви и постановил донести до верховной власти мнение о необходимости во имя «реальной свободы религиозной совести» отделения Церкви от государства. Особо отмечалось, что этот принцип «в чистом виде» возможен только при республике. Вместе с тем, Совет требовал от правительства не только упразднить Синод – «созданную Духовным регламентом Петра I коллегиально-бюрократическую форму управления церковью», но и «устранить от ответственных постов всех иерархов, составлявших оплот самодержавия». Указывалось, что новый революционный обер-прокурор В. Н. Львов обнаружил якобы «недостаточно ясное проведение начала отделения церкви от государства». Кроме того, отмечалось: «Принятие Синодом акта отречения царя от престола в обычной канцелярской форме «к сведению и исполнению», совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности акту, посредством которого церковь признала царя помазанником Божиим. Необходим для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания,

[50] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. / Сост. О. Т. Ермишина и др. Т. 3. М., 2009. С. 185.

[51] Там же. С. 235–236.

по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства»[52].

Декларированного новой революционной властью «освобождения» Церкви не произошло – наоборот, власть обер-прокурора по сравнению с предыдущей эпохой формально только выросла. Его власть была ограничена не учреждениями или законами, а растущей анархией, которой он сам лишь способствовал. Говорить о действительной демократии весной 1917 г. ни в Церкви, ни в стране не приходится: демократические механизмы созданы не были, вместо них проявились революционная диктатура правительства в центре и анархический произвол на местах.

Гасанов М. М.

Великая революция и мусульманское духовенство Дагестана (Шейх Али-Хаджи Акушинский)

Аннотация. Религиозный фактор играл особую роль в общественно-политической жизни Дагестана накануне и в годы Великой революции 1917 г. Светская интеллигенция Дагестана, расколовшаяся после Октябрьского переворота, активно использовала духовенство в борьбе за власть. Шейх Али-Хаджи Акушинский поддержал сторонников социалистического выбора и использовал исламские лозунги для установления советской власти в Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан, религиозный фактор, социалистический выбор, мюрид, ислам, суфизм.

The Great Revolution and the Muslim clergy of Dagestan (Sheikh Ali Haji Akushinsky)

Abstract. The religious factor played a special role in the social and political life of Dagestan on the eve and during the Great Revolution of 1917. Secular intellectuals of Dagestan, split after the October Revolution, actively used the clergy in the struggle for power. Sheikh Ali-Hadji Akushinsky supported the followers of socialist choice and used Islamic slogans to solve the tasks of establishing Soviet power in Dagestan.

Keywords: Dagestan, religious factor, socialist choice, murid, Islam, Sufism.

Религиозный фактор всегда имел большое значение в общественно-политической жизни Дагестана. Это было и в годы Кавказ-

[52] Речь. 16 марта 1917 г.

ской войны, когда суфийское учение накшбандийского тариката получило широкое распространение. Именно под ее лозунгами шла очень длительная и ожесточенная война на Кавказе в XIX веке.

Окончательное вхождение Дагестана в состав России и создание в 1860 г. Дагестанской области не смогло сильно девальвировать значение указанного фактора, хотя царская администрация при формировании административной и судебной системы пыталась всячески принизить значение шариата и поддерживала традиционную адатную правовую систему.

Любые социальные потрясения требуют своей политической идеологии. В Дагестане в начале XX века это могли быть только исламские идеи. Это прекрасно понимали представители светской интеллигенции Дагестана как революционного, так и контрреволюционного лагеря. И те и другие использовали исламские лозунги мусульманских деятелей и ученых-алимов для привлечения масс на свою сторону. Одним из таких деятелей был шейх Али-Хаджи Акушинский – видный религиозный и общественно-политический деятель Дагестана и Северного Кавказа первой трети XX века. Будущий шейх прошел традиционный путь ученика-мутаалима начальной школы – мектеба, а потом учился в нескольких медресе, совершенствовал свои знания у разных ученых алимов и шейхов полтора десятка лет и получил у современников признание совершенного знатока мусульманских наук. На формирование его знаний и религиозного мировоззрения большое влияние оказал духовный наставник, шейх накшбандийского тариката Ильяс-Хаджи Цудахарский. Последний наставлял Али-Хаджи на путь тариката, а около 1901 г. устно передал ему разрешение-иджазу наставлять мюридов на тарикат, что означало быть шейхом-муршидом[53].

Хотя значительное число арабоязычной литературы и рукописей из его личной библиотеки было уничтожено в 1930 г. сотрудниками ОГПУ, сохранилась часть его переписки с религиозными и государственными деятелями 1918–1920 гг., воспоминания сына Ильяса и других родных, современников, документация правоохранительных органов (ГПУ–НКВД) и следственные материалы 1928–1929 гг., по которым можно установить общую картину возникновения и деятельности его общины (вирда) мюридов и взаимоотношения с органами власти[54].

---

[53] Из следственных показаний мюрида Иман-Баганда Исаева, которые он дал следователю ОГПУ 16 ноября 1928 г. – Архив Федеральной службы безопасности РФ по РД (далее – Архив ФСБ РФ по РД). Д. № 06599. Т. 2. Л. 27.

[54] Большая часть документов и материалов о жизни и деятельности Али-Хаджи Акушинского выявлена и издана сотрудниками Института истории, археологии и этнографии, см.: Али-Хаджи Акушинский – шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец (документы и материалы) // Сост. Г. И. Какагасанов, А.-Г. С. Гаджиев. Махачкала, 1998.

Достоверно известно, что в январе 1917 г. Али-Хаджи был кадием акушинской джума-мечети и, как признавали местные власти, к его голосу, как и к голосу другого крупного алима и его будущего политического оппонента Нажмуддина Гоцинского, «прислушивался весь Дагестан»[55]. Первая мировая война привела к экономическому и социальному кризису. Антиправительственными настроениями были охвачены и национальные окраины империи, именно в тяжелые годы смуты обостряются национальные и религиозные факторы. Российская империя была накануне Великой революции.

Влияние суфийских шейхов на мусульман Дагестана особенно возросло после Февральской революции 1917 г., когда духовенство активно включилось в общественно-политическую жизнь края, а в годы Гражданской войны оно возглавило борьбу против «белых» и «красных». Светская интеллигенция Дагестана и всего Северного Кавказа, расколовшаяся после Октябрьского переворота в борьбе за власть на сторонников и противников большевиков, заручилась поддержкой духовных вождей мусульман. Когда в январе 1918 г. в Дагестане началось гражданское противостояние, сторонники большевиков заручились поддержкой Али-Хаджи Акушинского, провозгласив его шейх-уль-исламом[56]. Противники большевиков сделали ставку на широко образованного и состоятельного алима Нажмуддина Гоцинского, который в жесткой политической борьбе для провозглашения себя имамом умело использовал шейха накшбандийского тариката Узун-Хаджи Салтинского. Их современник и крупный ученый-алим Али Каяев считает, что ради увеличения числа своих последователей и поднятия авторитета среди религиозных масс Гоцинский объявил себя мюридом Узун-Хаджи[57].

В тяжелые и смутные годы Великой революции и Гражданской войны Али-Хаджи Акушинский поддержал сторонников социалистического выбора, называя их борцами за свободу и равенство. Его привлекали идеи о справедливом обществе, поэтому он был в числе тех религиозных деятелей, кто близко принял лозунги большевиков и распространял их среди своих последователей. Чтобы убедить религиозные массы в правильности его стратегии и тактики по отношению к советской власти, шейх использовал исламские лозунги. Именно в годы Революции и Гражданской войны в Дагестане и на Северном Кавказе в целом активизируется исламский фактор, который в научной

---

[55] *Сулаев И. Х.* Страницы жизни Али-Хаджи Акушинского // Возрождение. 1998. № 4. С.42.

[56] *Сулаев И. Х.* Штрихи к портрету Али-Хаджи Акушинского // Молодежь Дагестана. 1991. № 50; *Он же.* Али-Хаджи Акушинский: драма жизни //Дагестанская правда. 1993. 9 апреля; *Он же.* Шейх-уль-ислам Али-Хаджи Акушинский // Мусульманская цивилизация. 1995. № 2. С. 135.

[57] ЦГА РД. Ф. 8-П. Оп. 3. Д. 252. Л. 2.

литературе принято называть «политизацией ислама». Это была бурная эпоха, богатая драматическими и общественно-политическими событиями. Участие мусульманского духовенства Дагестана в этих событиях было важнейшим фактором активизации общественно-политических процессов в Дагестане в начале XX в. и сыграло основополагающую роль в период Революции и Гражданской войны.

Духовные вожди призывали своих мюридов и последователей под зеленые знамена ислама. Как и в годы Кавказской войны, сотни и тысячи последователей разных шейхов объявили себя мюридами, объединившись в вооруженные отряды, и боролись за и против большевиков. Некоторые из мюридов Али-Хаджи в советские годы стали именовать себя «красными партизанами» и свои удостоверения использовали для получения социальных льгот от государства.

Наибольшее количество мюридов в годы Гражданской войны и после нее шейх имел в тех населенных пунктах Дагестана, которые по его призыву поддержали большевиков. В годы советского строительства новые хозяева Дагестана до укрепления своей власти «терпели» хрупкий союз с шейхом, дав ему письменное обещание свободы вероисповедания для дагестанцев, введения шариата и невмешательства в религиозные дела. В подтверждение своих обещаний, когда в 1920–1921 гг. было сформировано первое советское правительство Дагестана, большевики утвердили Али-Хаджи членом Дагестанкого ревкома и на должности наркома шариата, что было исключительным случаем даже для ранней советской эпохи[58].

При освещении истории Революции и Гражданской войны советские историки больший упор делали на классовый фактор и считали Али-Хаджи Акушинского «временным попутчиком большевиков».

По мере укрепления советской власти в Дагестане в начале 20-х годов духовенство было лишено гражданских прав, а в конце 20-х – начале 30-х годов началось планомерное закрытие религиозных институтов, что не могло не вызвать ответной реакции со стороны духовенства и религиозных масс. В ответ на давление властей шейх-уль-ислам открыто призывал население к неповиновению антирелигиозным мероприятиям как подрывающим религиозные устои и авторитет духовенства. Чтобы убедиться самому, как обстоят дела на местах с сохранением религиозных институтов, и укрепить среди населения исламские устои, в разные годы во главе отряда мюридов и последователей (численностью в несколько сотен человек) шейх совершал поездки в наиболее крупные населенные пункты плоскостного и предгорного Дагестана. В аулах его встречали сотни и тысячи сторонни-

[58] История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России // Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2009. С. 367.

ков, перед которыми он выступал с антисоветскими проповедями. Такие поездки религиозного деятеля по населенным пунктам воспринимались властями как «контрреволюционный мятеж» и открытый призыв к свержению существующего режима.

Решением объединенного пленума Дагестанкого обкома ВКП(б) и Дагестанской контрольной комиссии, который состоялся 13–20 февраля 1928 г., «шейхизм» («суфизм». – *М. Г.*) был объявлен «наиболее реакционной частью мусульманского духовенства» и рассматривался «как один из основных факторов антипартийных и антисоветских сил нашей страны»[59].

Сам шейх Али-Хаджи не был арестован, по делу не допрошен и к уголовной ответственности не привлечен. Он заболел, был прикован к постели, потерял дар речи и умер 8 апреля 1930 г.

Религиозный исламский фактор получил новый импульс для своего возрождения в постперестроечные годы. Ослабление государственной власти в России в 90-е годы привело к чрезмерному усилению данного фактора. В результате в Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, возникли еще дополнительные, не свойственные для других регионов России проблемы, связанные с возрождением ислама, усилением его социальной позиции и политической роли.

Сегодня Дагестан, по данным Комитета по свободе совести и делам религии РД, по уровню религиозности, по числу религиозных учреждений и организаций на душу населения на территории России занимает одно из первых мест. Здесь действуют более 2500 мечетей, 17 исламских высших учебных заведений, 132 медресе, 245 коранических школ. В республике зарегистрировано около 300 святых мусульманских мест. В религиозных мусульманских школах разного уровня – медресе имактабах – обучаются десятки тысяч детей. Более 100 тысяч дагестанцев за последние 10 лет совершили хадж.

В последние десятилетия в результате размыва идеологического ядра русско-европейская культура, ставшая неотъемлемой частью советской идентичности в национальных республиках, потеряла тот стержень, который интернационализировал ее основные ценности. Этот идеологический вакуум был быстро заполнен религиозными ценностями.

Известно, что конфликты возникают не только между различными религиями, но и между разными течениями одной и той же религии, в чем лишний раз убеждают нас происходившие в Дагестане трагические события. Борьба сторонников традиционного ислама и представителей салафизма за умы людей носит чрезвычайно ожесточенный характер. В этой борьбе погибли не только представители

---

[59] *Даниялов А. Д.* Строительство социализма в Дагестане. 1921–1947 гг. (Узловые проблемы). М., 1975. С. 184.

государственных и правоохранительных структур, но и многие видные руководители местного духовенства (муфтии, шейхи), а также представители официальных мусульманских медиаструктур. Так, по данным Прокуратуры РД, в ходе проводимых мероприятий только в 2016 г. задержано 315 участников незаконных вооруженных формирований и их пособников, при оказании вооруженного сопротивления нейтрализовано 99 бандитов. Всего выявлено 966 преступлений террористического характера[60].

Многие годы на Северном Кавказе идет борьба с распространением идеологии экстремизма под исламскими лозунгами. В этих условиях главной задачей системы образования и воспитания становится создание необходимых условий для профилактики и противодействия идеологии экстремизма в молодежной среде, формирования, развития и профессионального становления личности на основе дагестанских традиционных и общечеловеческих ценностей.

Данилова Е. Н.

Революция и религиозные меньшинства: использование хозяйственного опыта духовных христиан в преобразовании деревни (1920-е годы)

Аннотация. В статье исследуется недолгий опыт советской власти по использованию хозяйственных объединений верующих (духовных христиан) после революции. С их помощью предполагалось создавать коллективные показательные хозяйства в деревне. Особое внимание уделено взаимоотношениям сект с государственной властью. Автор прослеживает резкую смену политики к сектантам к концу 1920-х годов, анализирует причины этих перемен и их последствия для верующих.

Ключевые слова: секты, реэмиграция сектантов, духовные христиане, молокане, духоборы, новоизраильтяне, религиозная политика.

Revolution and Religious Minorities: Utilization of the Economic Experience of the Spiritual Christians in Reformation of the Countryside (1920s)

Abstract. The history of short experience of Soviet power to use economic associations of spiritual christians after revolution is investigated. The intention was to create model collective economies in a village. The

[60] В прокуратуре республики состоялась коллегия по итогам работы по укреплению законности и правопорядка за 2016 год // http://dagproc.ru/index.php. 9 февраля 2017 г. Махачкала.

special attention is spared to the mutual relations of sectarians with state power. An author traces the sharp changing of politics by the end of 1920th, analyses reasons of changes and their consequence for believers.

Keywords: sects, reemigration of sectarians, Spirituel Christians, Molokans, Dukhobors, NeuIsraelites, religious policy.

Победа Революции 1917 г. и приход к власти большевиков означали начало строительства в России нового типа государства и общества, представления о которых первоначально у большевиков были весьма расплывчаты. Но главные установки – на национализацию всех средств производства и собственности, на обобществление труда и его продуктов, жизни и быта, на ярко выраженный коллективизм – прослеживались отчетливо.

Доколхозная деревня была колоссальным полем для экспериментов новой власти. Послереволюционная практика большевиков дает богатый материал для исторических размышлений.

В беседе с известным английским писателем и публицистом Гербертом Уэлсом, посетившим Советскую страну в октябре 1920 г., В. И. Ленин называл революцию и первые послереволюционные годы «эпохой непрестанных исканий»[61]. Позже в мае 1924 г. на XIII съезде РКП(б) М. И. Калинин справедливо заметил: «Нигде в истории нет настолько богатого опыта, нет такого огромного напряжения в искании форм для коллективной работы и для коллективного сожительства, как у нас. Все прежние опыты Оуэна[62] кажутся микроскопическими и смешными перед грандиозной работой, которая проделана нашими коммунистами»[63].

Не имея первоначально определенной последовательной стратегии и тактики в преобразовании деревни, большевики пытались путем эксперимента определить наиболее эффективные варианты осуществления своей идеи, используя при этом конкретный исторический опыт отдельных социальных и национальных групп сельского населения страны. Очевидно, определенная логика в подобных намерениях была. Но подобный путь требовал неспешности, большого терпения, немалых материальных затрат и времени.

В сугубо крестьянской стране, какой была Россия (около 80 % крестьянского населения), преобразования в аграрном секторе, в деревне были наиболее насущными и сложными. При этом Ленин в своих работах призывал использовать «опыт масс», «опыт снизу»

---

[61] *Герберт У.* Россия во мгле // Герберт У. Собр. соч. В 15 т. Т. 15. М., 1964. С. 366.

[62] Роберт Оуэн – социалист-утопист английского происхождения, пытался в первой половине XIX в. путем эксперимента доказать возможность мирного перехода к социалистическому обществу, которое он понимал как федерацию самоуправляющихся социалистических трудовых общин – коммун.

[63] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1963. С. 438.

(например, в Докладе об экономическом положении рабочих Петрограда)[64].

Одним из таких экспериментов по преобразованию российской деревни, наряду с другими (среди этих других – создание товариществ, совхозов, коммун, пролетарских и приписных хозяйств, приглашение в Советскую Россию коллективов иностранцев)[65], было обращение к опыту некоторых религиозных общин.

Эта тема привлекла к себе внимание российских историков сравнительно недавно. Целенаправленно и успешно ею занимаются с начала 1990-х годов М. Ю. Крапивин, О. Ю. Редькина[66]. Особо следует выделить труды культуролога и филолога эмигранта А. М. Эткинда[67].

В данной статье привлечены документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В Фонде 364 – «Постоянная Комиссия Совета труда и обороны по вопросам трудовой иммиграции» (КОМСТО) отложились, главным образом, документы, касающиеся создания и работы приглашенных иностранных иммигрантских сельскохозяйственных коллективов. Но фонд содержит документы и по религиозным меньшинствам. В Фонде 1235 – «Отдел национальностей Президиума ВЦИК» особенно интересна опись 144, которая содержит прежде засекреченные документы. Среди них много таких, которые касаются взаимоотношений власти с рядом коллективов религиозных меньшинств, в том числе с духовными христианами. Их обращения, письма, просьбы в высшие государственные инстанции о разъяснении государственной политики, о помощи от произвола местных властей, о разрешении на эмиграцию и др. являются ценнейшим источником при изучении заявленной темы. Фонд 3260 – Федеральный Комитет по земельным делам (Федкомзем) содержит документы, характеризующие земельную политику советской власти. Помимо архивных документов использованы законодательные материалы и данные из журнала «Вестник духовных христиан».

Большевики будучи атеистами, крайне негативно относились к религии вообще, к РПЦ и ее учреждениям, в частности. Более сложным

---

[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 147.

[65] Подробнее см.: *Данилова Е. Н.* Установка на создание образцовых хозяйств в доколхозной деревне и эксперименты по ее реализации // Экономическая история. Ежегодник. М., 2010. С. 298–316.

[66] *Крапивин М. Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917-го – конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997; *Он же.* Христианское сектантство в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): Учеб.-метод. пособие к спецкурсу. Волгоград, 2003; *Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е годы: на материалах Европейской части РСФСР. Волгоград. 2004.

[67] *Эткинд А. М.* Хлыст. Сектанты, литература и революция. М., 1998; *Он же.* Русские секты и советский коммунизм: проект В. В. Бонч-Бруевича //Минувшее. 1996. № 19.

было их отношение к различным религиозным меньшинствам, в том числе к сектантам. В России в начале XX века существовало не менее 60 разнообразных религиозных сект общей численностью, по разным данным, от 6 до 20 млн человек[68]. Бытует мнение, что большевики изначально преследовали любые сектантские коллективы. Это не так. А. И. Клибанов упоминает, что еще на II съезде РСДРП в 1903 г. был представлен доклад В. Д. Бонч-Бруевича «Раскол и сектантство в России», в котором обращалось особое внимание на «левое крыло» русских сектантов и что в принятой резолюции съезда содержался призыв «вести работу среди сектантов с целью привлечения их к социал-демократическому движению»[69]. Революция 1917 г. на какое-то время покончила с притеснениями религиозных меньшинств, поначалу новая власть оказывала поддержку тем из них, кто пострадал от царизма (в частности, коллективам духовных христиан).

Внимание большевиков прежде всего привлекли те религиозные русские секты, которые жили общинами, проповедовали совместный труд, общую собственность, коллективный (коммунистический) образ жизни. Их идеал – человек-труженник, человек труда. К таким принадлежала «левая» часть сектантского населения (не менее 15 сект), среди которых преимущество отдавалось духовным христианам (духоборам, молоканам различного толка, христоверам (хлыстам), новоизраильтянам и некоторым другим). По убеждению известного исследователя российского сектантства В. Д. Бонч-Бруевича они были «более восприимчивы ко всему новому, что принесла революция». Например, молокане на своих съездах, которые регулярно проводились в 1920-е годы, утверждали, что они тоже идут к коммунизму, но только собственным путем, через религию. Большевики видели в общинах духовных христиан ростки народного коммунизма и пытались использовать эти общины как революционную преобразующую деревню силу.

Начало сотрудничеству было положено еще в 1918 г., когда некоторые общины новоизраильтян и молокан организовали первые коллективные хозяйства – колхозы (в частности, в Нижегородской губернии). Более 300 семей новоизраильтян в июне 1920 г. обратились к председателю Кубанского областного ревкома о разрешении образовать коллективные хозяйства в районе Кавказского отдела. По сведениям Н. В. Антоновой к лету 1921 г. новоизраильтяне с ведома советской власти организовали не менее 13 коммун и артелей[70]

---

[68] *Бонч-Бруевич В. Д.* Раскол и сектантство в России // Избр. соч. В 3 т. Т. 1. М., 1950. С. 153–188; *Кобецкий В. Д.* Социологическое изучение религиозности и атеизма. М., 1978. С. 14.

[69] *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 34.

[70] *Антонова Н. В.* Из истории секты «Новый Израиль» (первая треть XX века) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2014. № 4. С. 137, 138.

и т. д. То есть, они поддерживали курс на организацию коллективных хозяйств в деревне и на сотрудничество с новой властью.

Определенной предтечей широкого использования религиозных общин в деле хозяйственного строительства нового общества можно считать эксперимент по созданию первого образцового советского хозяйства «Лесные поляны» в с. Мальце-Бродово на р. Клязьме Пушкинского района Московской губернии. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича разговор об устройстве здесь на землях бывших помещичьих имений образцового совхоза возник во время их совместной лесной прогулки с В. И. Лениным 30 августа 1919 г. Владимир Ильич с большим интересом выслушал предложение своего спутника об устройстве на свободных землях «нашего советского хозяйства, где не было бы никакого наследия прошлого... где есть чему поучиться... где мы применим все наши законы о труде, лучшую агротехнику, заведем племенное животноводство, свиноводство и вообще все то, что должно быть в правильно организованном образцовом государственном хозяйстве...»[71]. Ленин одобрил план создания такого хозяйства, утвердил выдачу кредита из средств Совнаркома в 25 тыс. руб. «на обзаведение» и предоставил Бонч-Бруевичу полную самостоятельность в решении кадровых вопросов.

В 1920 г. Бонч-Бруевич возглавил совхоз «Лесные поляны». В качестве главной рабочей силы в совхоз были приглашены члены религиозной общины «Новое время». Их лидер Павел Легкобытов[72] стал главным финансистом (кассиром) совхоза. Бонч-Бруевич как специалист по российскому сектантству хорошо знал особенности хозяйственного быта и общественного устройства этой общины. «Приехали они в совхоз, – сообщал он в письме В. И. Ленину от 2 августа 1921 г. – с величайшей радостью... Работают изумительно хорошо... У них решительно все общее: от столовой, детского общежития до общего гардероба и белья... Они совершенно признают всю... программу нашей партии, почему охотно... вступают в коммунистические ячейки...» У них «свободная братская община с коллективным производством, общественной кассой, с равным распределением продуктов между всеми членами»[73].

Совхоз «Лесные поляны» считался образцовым, работал успешно, специализируясь на поставках молочных продуктов и овощей в Москву, главным образом, обеспечивая ими кремлевских чи-

---

[71] *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о В. И. Ленине. 1917–1924 // Избр. соч. Т. I. М., 1963. С. 329–330.

[72] В советской литературе умалчивалось, что в одном из наиболее успешных образцовых хозяйств – совхозе «Лесные поляны» работали члены религиозной общины «Новое время».

[73] Цит. по: *Эткинд А.* Хлыст. С. 669.

новников, больницы и детские учреждения[74]. А. Эткинд в своей работе называет совхоз «Лесные поляны» моделью будущей коллективизации русской деревни[75].

В начале 1920-х годов (после Гражданской войны) эксперимент по заселению земель бывших помещичьих имений продолжился. Так называемый «сектантский проект» получил свое воплощение в жизнь при поддержке ряда авторитетных советских руководителей того времени (В. И. Ленина, А. В. Луначарского, М. И. Калинина, В. Д. Бонч-Бруевича, А. И. Рыкова, П. Смидовича и др.).

В общем Постановлении четырех наркоматов – Наркомюста, Наркомнаца, Наркомзема и Наркомата Рабочее-крестьянской инспекции (август 1921 г.) говорилось, что у духовных христиан «их коммунистические устремления облеклись в силу исторических условий в религиозную форму»[76]. По мнению авторов постановления эти религиозные коллективы должны были служить «практическим примером осуществимости и всесторонней выгодности коммунизма для трудящихся»[77].

К реализации проекта привлекли не только проживавших в стране духовных христиан, но и тех, кто эмигрировал в начале XX века в США, Канаду, Уругвай или оказался на территории Турции после передачи ей Карской области по Брестскому мирному договору. Советская власть призывала их вернуться на родину и принять участие в строительстве нового государства. Такое предложение содержалось в опубликованном 19 октября 1921 г. воззвании Наркомзема «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». В нем выражалась надежда, что получив в России землю, «собравшись в крупные общины со всех концов света, сектанты выполнят свой долг перед Родиной и... ответят примерным трудолюбием, *постановкой образцовых хозяйств*, поднятием уровня сельскохозяйственного производства на должную большую высоту», *станут участниками в творчестве новых форм жизни*» (выделено мной. – *Е. Д.*)[78].

С конца 1921 г. власть оказывала коллективам ряда религиозных меньшинств поддержку, разрешила их реэмиграцию, предоставила им на выбор через «институт ходоков» земли для налаживания хозяйственной деятельности. По подсчетам О. Редькиной в первой половине 1920-х годов только в Европейской части страны религиозных сельскохозяственных общин насчитывалось несколько

---

[74] В. Д. Бонч-Бруевич возглавлял совхоз «Лесные поляны» до 1930 г.

[75] *Эткинд А.* Хлыст. С. 699.

[76] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1921. Ст. 414. С. 714.

[77] Там же.

[78] Известия. 1921. 19 октября.

сотен[79]. Этот автор, также как и другой известный специалист по истории взаимоотношений власти и церкви М. Крапивин, очень высоко оценивает роль трудовых религиозных коллективов в восстановлении народного хозяйства Советской России.

На Северном Кавказе в Сальских степях был образован целый массив хозяйств духовных христиан. При этом им предоставлялось право выбора хозяйственных форм (в отличие от приглашенных земледельческих коллективов иностранцев, которые, согласно законодательным российским актам, непременно должны были организовывать коммуны)[80]. Духовные христиане могли образовывать товарищества, артели, кооперативы, коммуны, сельскохозяйственные общины.

В этот регион переселялись как те, кто проживал в России (как правило они жили разбросанно), так и эмигранты (они составляли приблизительно 1/3 населения этого района). По сведениям Федкомзема уже к июлю 1921 г. сюда прибыли 1720 семей духовных христиан (духоборов и молокан) из Карской области[81]. На 1927 год тут насчитывалось более 80 коллективов духовных христиан, в том числе молоканских 39[82]. Многие из них назывались в честь советских руководителей (например, имелись общины имени Ленина, Калинина, Каменева, Смидовича, Крупской, Орджоникидзе и т. д.)[83].

В архивных делах ГАРФ сохранился Устав сельскохозяйственной общины «Именованных духоборцев» Сальского района Северо-Кавказского края. Согласно пункту 5 при вступлении в земледельческий коллектив передавались в общую собственность весь скот, сельскохозяйственный инвентарь, посевы. Недвижимое имущество поступало в пользование общины. Особая роль отводилась общему собранию, которое принимало все важные решения по хозяйственным вопросам, по управлению общинными делами и т. д.[84].

За удивительно короткий срок сектантские коллективы достигли значительных хозяйственных успехов в полеводстве, овцеводстве, коневодстве, в переработке сельскохозяственных продуктов. Строились маслосырозаводы, паровые мельницы, создавались кустарные заведения. Коллективы регулярно участвовали в сельскохозяйственных выставках и не раз получали различного рода дипломы и по-

---

[79] *Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е годы: на материалах Европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. С. 669, 675.

[80] *Данилова Е. Н., Антонова Н. В.* Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е годы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 3. С. 14–31.

[81] ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 5. Д. 17. Л. 17–17 об.

[82] Вестник духовных христиан. 1927. № 5–6. С. 41

[83] Вестник духовных христиан. 1927. № 3–4. С. 30 и далее.

[84] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Л. 212–214.

ощрения, т. е. постепенно превращались в показательные хозяйства. Периодическая печать, например, «Вестник духовных христиан» за 1925–1927 гг., пестрит подобными сообщениями.

Несмотря на значительные успехи в хозяйственной сфере, сектанты не оправдывали возлагавшихся на них надежд стать образцовыми в других (не хозяйственных) областях жизни. Общины жили довольно замкнуто, соблюдая свой уклад и свои ритуалы, пресекали любые попытки вмешательства государства в их внутреннюю жизнь. Они оставались в первую очередь религиозными коллективами. И практически не поддавались советизации (выступали против организации у них профсоюзных, комсомольских и пионерских ячеек, создания ленинских уголков и пр.).

Период использования сектантов по преобразованию дореволюционной деревни оказался очень недолгим. В мае 1927 г. антирелигиозная комиссия принимает решение об усилении работы по разложению сектантства, что вызвало среди них резко негативную реакцию. 3 апреля 1929 г. вышло постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Оно устанавливало жесткую регламентацию их деятельности, постоянный контроль со стороны государственных органов, существенное ограничение контактов со своими единоверцами из других регионов и стран, запрет на создание собственных производственных объединений и кооперативов, на культурную работу и пр.[85]. Это вело к полному разрушению коллективов религиозных меньшинств.

Ситуацию еще более ухудшили намерения власти внести раскол в их среду, выявить и поддержать бедняков и наказать кулаков. Молокане и духоборы постоянно в своих заявлениях повторяли: «среди нас нет кулаков». А советские чиновники (местные или проверяющие из центра) в своих отчетах часто указывали на «бешеное сопротивление» работе советских органов по расслоению населения в общинах духовных христиан. В ходе начавшейся коллективизации они отказывались создавать или вступать в колхозы, образованные на советских началах. Жители Сальского округа – представители 21 населенного пункта осенью 1930 г. в своем коллективном Заявлении в центральные государственные органы писали: «Мы, молокане, не хотим принимать участие в создании таких колхозов, где нарушается наше вероучение»[86]. Духоборы поясняли: «Мы живем общиной – коммуной. Все имущество у нас общее. Это значит – у нас уже есть колхоз. Но в предлагаемый нам колхоз мы не можем войти, потому что мы люди – религиозные и любим трудиться с мыслью о Боге, с

[85] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353. С. 474–483.

[86] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 21297. Л. 68.

молитвой на устах... В других колхозах мы видим совсем другое: безбожие, осмеяние веры, одни у других отнимают имущество, гонят из дома в тюрьмы, ссылки, хозяйство ведется очень плохо»[87].

Начавшаяся принудительная (на словах добровольная) коллективизация и политика власти, все более принимала черты репрессивной по отношению к религиозным меньшинствам. Их стали воспринимать как врагов советской власти. Участились случаи раскулачивания, обыски, аресты, высылка из мест расселения, отъем имущества, налоговое переобложение хозяйств, уменьшение земельных наделов и пр. В итоге, эмиграционные настроения среди данной категории населения все более и более усиливались. Сохранившиеся в ГАРФе документы, рассекреченные в 1990-е годы, – обращения, коллективные жалобы конкретных общин в государственные структуры, письма И. В. Сталину, М. И. Калинину, П. Смидовичу и другим высоким чиновникам содержат описания тяжелого положения духовных христиан, сведения о невыполнении государством своих обязательств, о злоупотреблениях местной власти, о преследованиях общинников. В этих документах присутствуют настойчивые просьбы разрешить выехать из страны «к своим единоверцам». «Если мы действительно являемся мешающими строительству социализма, – читаем в одном из коллективных обращений, – то убедительно просим ЦИК разрешить нам выезд из пределов СССР к нашим братьям по вере и духу. Транспорта нам никакого не нужно, мы пешком дойдем до Черного моря, куда пришлют нам наши братья пароходы из-за границы». В другом письме духоборов читаем: «Царит полный произвол, людям нет места ни в колхозе, ни в общине»[88]. Но эмигрировать удалось немногим. Легальная эмиграция была запрещена.

Итак, первое послереволюционное десятилетие – время активного поиска новых колективных форм организации труда и жизни российского крестьянства в деревне. Власть пыталась использовать разные формы, в том числе и хозяйственно-организационный опыт общин духовных христиан. Но эти попытки, на наш взгляд, не имели никакой перспективы из-за слишком разных основополагающих установок. Большевики на первый план выдвигали классово-политические моменты. Они не доучитывали специфику жизни и менталитета общин религиозных меньшинств, особенности их историко-психологического типа, не анализировали причины их стойкого нежелания объединяться в создаваемые советские колхозы. Духовные христиане не могли целиком и полностью принять идеологию большевизма. Политика власти со второй половины 1920-х годов все

[87] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 21297. Л. 67.
[88] Там же. Л. 45.

более принимала черты репрессивной. Хрупкий союз, возникший по инициативе руководителей нового Советского государства и воспринятый духовными христианами, довольно быстро был разорван, причем опять-таки по инициативе власти.

Запальский Г. М.

Монашество революционной эпохи: в поисках корпоративных связей

Аннотация. В эпоху Революции 1917 г. в монашеском движении проходила бурная самоорганизация. В дискуссиях на съездах монашествующих, на Предсоборном совете, на Поместном соборе 1917–1918 гг. и в принимавшихся там решениях представления о соборности, о единении всех членов Церкви переплелись с групповой борьбой монашествующих за свои права, с защитой корпоративных интересов, со стремлением к представительству во всевозможных инстанциях и к обособлению от других групп.

Ключевые слова: монашество, женское монашество, ученое монашество, съезды монашествующих, Революция 1917 г., Поместный собор 1917–1918 гг.

Monasticism of the Revolutionary Era: in search of corporate communications

Abstract. At the time of Russian Revolution monastic movement went towards active self-organization. Debates and resolutions of congresses of monks and of the Council of Russian Church of 1917–1918 showed ideas of sobornost', of the unity of all members of the Church – and at the same time the monks' desire to become separated, to protect their corporate interests, to be represented in different institutes.

Keywords: Monasticism, female monasticism, learned monasticism, congresses of monks, Russian Revolution of 1917, Council of the Russian Church of 1917–1918.

Одним из наиболее трагических проявлений Революции в России стало резкое размежевание общества на враждебные группы, рассыпание на осколки. Этот процесс происходил и в Русской церкви по границам иерархических категорий: епископат, монашествующие, белое духовенство, церковнослужители, миряне все больше дистанцировались друг от друга. И это были только наиболее заметные «трещины», рядом с которыми вскрывались и многие иные.

После Февраля 1917 г. многие монашествующие испытали прилив энтузиазма, но очень быстро стало понятно, что черное духовен-

ство оказалось одной из мишеней Революции. В дневнике З. Н. Гиппиус запечатлена характерная сценка из послефевральской жизни – некая женщина просвещала слушателей: «Сама видела, написано: долой монахию. Всех, значит, монахов, по шапке»[89]. Стихийные захваты монастырского имущества, земель начались еще при власти Временного правительства, причем зачастую крестьяне, отнявшие земельные участки, не обрабатывали их, т. е. в этом проявлялась не корысть, а чистая враждебность.

Монашество ощущало враждебность и со стороны внутрицерковных групп, прежде всего белого духовенства. К примеру, на некоторых чрезвычайных епархиальных съездах в 1917 г. ставился вопрос о необходимости закрытия монастырей с обращением их средств на нужды государства[90]. И даже с епископами, которые принимали постриг и были ближе других к монашескому сообществу, в революционную эпоху происходило некоторое размежевание. Дело в том, что два основных источника пополнения епископата – ученое монашество и вдовые клирики – были мало связаны с жизнью монастырей и нередко демонстрировали равнодушие к ним. К тому же по сравнению с архимандритами, игуменами и иеромонахами архиереи стояли на более высокой иерархической ступени и по своему образу жизни были обособлены от иноческого сообщества. На Поместном соборе 1917–1918 гг. обсуждался вопрос об излишестве монашеских обетов для епископа, призванного не к послушанию, а к управлению, и было признано возможным хиротонисать во архиерея не принявших монашеский постриг, а лишь облеченных в рясофор[91]. При формировании состава нового органа – Высшего церковного совета – устанавливалось отдельное представительство для епископов и для монахов[92].

Такая обстановка подталкивала монашествующих к тому, чтобы консолидировать свои силы и направить их на отстаивание своих корпоративных интересов (само слово «интересы», почерпнутое из экономического и политического лексикона, стало тогда чрезвычайно популярным в церковных кругах) и решение накопившихся за Синодальный период проблем. Это привело к бурной самоорганизации монашества, как и многих других внутрицерковных групп, освободившихся от государственной опеки.

Еще до революции в условиях, когда созвать Собор было невозможно, его своеобразной заменой становились многочисленные кор-

---

[89] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 74.

[90] Закрытие монастырей // Раннее утро. 1917. № 101. С. 3.

[91] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 6. Кн. 6. М., 1996. С. 96–115.

[92] Там же. Т. 4. Кн. 4. Вып. 2. М., 1996. С. 112.

поративные собрания отдельных групп клириков и сотрудников церковных учреждений. Свое место среди них заняли и монашеские съезды. В 1909 г. в Троице-Сергиевой лавре был проведен первый Всероссийский съезд монашествующих, который сам по себе стал важным опытом развития корпоративных связей. На нем помимо прочего обсуждались идеи консолидации иночества. В частности, предлагалось объединить все обители в союз во главе с архимандритом для защиты общих интересов и для взаимопомощи. Эта идея вызвала дискуссии и в конечном итоге не была принята съездом. Зато приняли решение о необходимости издания корпоративного печатного органа для монашествующих[93]. И оно было реализовано на практике: с 1910 по 1917 г. в Почаевской лавре выпускался журнал «Русский инок».

В 1917 г. процесс самоорганизации иночества резко ускорился: с апреля по июль был проведен целый ряд съездов монашествующих на разных уровнях. В частности, состоялись всероссийские съезды ученого монашества (7–14 июля в Московской духовной академии) и представителей от монастырей (16–23 июля в Троице-Сергиевой лавре). Планировался в конце июля и третий – Всероссийский съезд представительниц женских монастырей, но он не состоялся из-за того, что намеченный для его проведения Скорбященский монастырь в Москве не смог предоставить помещения, а также из-за приближающегося начала Собора. Кроме того, избранные представители монашествующих попали на Предсоборный совет и на Поместный собор и приняли участие в проектировании монастырской реформы. 15 из 18 приехавших на Собор архимандритов, игуменов и иеромонахов записались в отдел о монастырях и монашестве, в котором и велась эта работа[94].

Характерно, что монашествующие стремились взять управление и контроль над монастырями в свои руки. На съездах 1917 г. и на Соборе была разработана автономная система органов монастырского самоуправления (собраний и советов) на епархиальном и на всероссийском уровне. На Предсоборном совете было предложено ввести подобные органы еще и на окружном уровне (предполагалось создание митрополичьих округов, объединяющих несколько епархий) и при благочинном монастырей епархии. Эти органы составлялись из выборных представителей монашества и подчинялись в епархии местному архиерею, а на центральном уровне – высшей церковной власти. Тем самым от управления монастырями устранялось белое духовенство и миряне.

---

[93] Отдел рукописей РГБ. Ф. 765. К. 4. Д. 7. Л. 40–43.

[94] Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2016. Т. 19. Документы Отдела о монастырях и монашестве / Под ред. Г. М. Запальского. С. 22.

На Соборе велись жаркие споры о том, насколько правомерно такое обособление. Некоторые члены называли проектируемую конструкцию попыткой создать из монастырей «государство в государстве, церковь в Церкви» и не находили для нее ни канонических, ни исторических оснований[95]. Звучало даже определение «монашеский сепаратизм»[96]. И все же возобладало мнение сторонников монастырского самоуправления, делавших акцент на защите интересов монашествующих и на более компетентном принятии решений.

Состав делегатов съездов, а также членов будущих органов монастырского самоуправления формировался прежде всего на основе выборности, которая после Февраля 1917 г. стала одним из безусловных революционно-демократических требований всего общества. Этот принцип позволял объединить общим делом всю корпорацию монашествующих. Однако выборы не гарантировали получение власти достойными и обостряли страсти. Наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кронид (Любимов) рассказывал о том, как проходили выборы делегатов на майский съезд монашествующих Московской епархии: «До момента сего царившая в обителях тишина, мир, братская любовь и спокойствие вдруг поколебались; все мгновенно зашумело, образовались партии, и обители превратились в злобные митинги, и восташа брат на брата до сего дне. А в одном из монастырей... делегатом... братия выбрала худшего инока. Я спросил иноков, что заставило их избрать заведомо столь порочного человека, и они, нисколько не стесняясь, ответили: „Он нам обещал на съезде говорить против начальников"»[97].

Летом 1917 г., когда на ситуацию смотрели более трезво, чем весной, для принципа выборности постарались выработать противовес. В органы монастырского самоуправления помимо избираемых членов было решено адресно приглашать настоятелей или наместников лавр и «наиболее выдающихся» или «более известных» обителей, а также «опытных в духовной жизни иноков»[98]. Под «наиболее выдающимися» подразумевались такие монастыри, как Соловецкий, Новоафонский, Валаамский, Глинская, Оптина и Саровская пустыни и др., которые «до сего времени сохраняют свое благоустройство»[99]. Впрочем, составить точный перечень было пробле-

---

[95] Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2016. Т. 19. Документы Отдела о монастырях и монашестве / Под ред. Г. М. Запальского. С. 84.

[96] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. М., 2000. С. 140.

[97] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 10. М., 2000. С. 7.

[98] Постановления Всероссийского съезда представителей от монастырей, бывшего в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 16 по 23 июля 1917 года. М., 1917. С. 4–7.

[99] ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 373.

матично. В любом случае это была попытка опереться на монастыри с крепкими духовными традициями. Таким образом, демократический принцип выборности был ограничен своего рода элитарным принципом.

Это явление может быть сопоставлено с бытованием в XVII веке категории «степенных монастырей», которые выделялись из общего ряда по довольно субъективным критериям: древности, политической роли, народного почитания и т. д. Настоятели «степенных монастырей» получали особые права по сравнению с другими игуменами, занимали место в церковной соборной власти[100].

Возвращаясь в начало XX века, стоит отметить, что на фоне самоорганизации и обособления монашествующих от других групп сходные процессы происходили и внутри иночества. В частности, социально оформлялись более узкие группы, такие как ученое монашество, женское монашество. Они проводили собственные съезды, отстаивали свои групповые интересы.

Ученое монашество давно складывалось как неформальный круг иноков, получивших образование в духовных академиях и имевших широкие административные возможности. Они противопоставлялись «простецам», «простому», «монастырскому», «рядовому монашеству» (один старец произнес афористичную фразу: «Вы народ ученый, а мы – толченый»[101]). Вокруг ученого иночества велись споры, его обвиняли в элитарности, карьеризме, отрыве от монастырской жизни, а в начале XX в. – и в попытке выделиться в орден наподобие католических. Защитники новой социальной группы доказывали, что русское монашество фактически уже разделилось на направления (созерцательное, социальное, миссионерское, научное и т. п.) и целесообразно их организационное обособление. Будущий епископ Феодор (Поздеевский) в 1909 г. писал: «Скажете, это нечто вроде католического ордена. Что же из этого? Почему не взять у католиков хорошей формы для осуществления добрых целей. А разве теперь ученое монашество не орден? Тоже орден, но нелепый по своему устроению и посему мало пригодный для той цели, ради коей он существует»[102].

В 1917 г. ученое монашество впервые проводило свои отдельные корпоративные собрания, в том числе Всероссийский съезд в июле (при том что в том же месяце и в том же месте, в Троице-Сергиевой лавре, проводился съезд представителей от монастырей). На этом съезде был спроектирован Всероссийский союз ученого монашества, который чуть позже получил другое наименование – Иноческое цер-

---

[100] См.: *Румянцева В. С.* Монастыри и монашество в XVII в. // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 166–170.

[101] ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 23.

[102] Феодор (Поздеевский), архимандрит. Об ученом монашестве // Мирный труд. 1909. № 6. С. 73.

ковно-просветительное братство, со своим председателем, советом, членскими взносами и т. п. В ведение братства должны были поступить некоторые учебные заведения во главе с духовной академией, а также несколько обителей: рассматривались Александро-Невская лавра, Покровский Московский, Новоиерусалимский, Григорьевский Бизюков, Князе-Владимирский Иркутский монастыри. Предполагалось издавать газету и богословский журнал со статьями не только на русском, но и на «разных языках православных народностей»: греческом, арабском, молдавском и т. д.[103].

На Соборе параграфы, посвященные ученому монашеству, вызвали серьезные дискуссии. А. В. Карташев, извинившись за сравнение, сопоставил эту группу с классом внутри Церкви, а споры вокруг нее – с классовой борьбой[104]. Однако в итоге в соборное определение «О монастырях и монашествующих» была включена глава «Об ученом монашестве», в которой речь шла об институционализации этой группы[105].

Женское иночество в начале XX века тоже все чаще рассматривалось как особая специализированная группа. С середины XIX века оно бурно развивалось, его рост намного опережал рост мужского иночества (современные исследователи говорят о феминизации монашества в этот период[106]). Количественный всплеск привел и к качественным изменениям – к расширению прав и возможностей женщин в церковном служении.

Введение после Февральской революции избирательного права для женщин неминуемо поставило вопрос о представительстве женщин (прежде всего игумений) в выборных органах церковного управления. В 1917 г. они активно участвовали в региональных съездах монашествующих, проводились и отдельные съезды для монахинь. К примеру, в конце апреля состоялся съезд настоятельниц и уполномоченных женских монастырей Саратовской епархии[107]. На Соборе игумении и рядовые сестры получили возможность избираться в члены епархиальных монашеских собраний, а также чрезвычайных епархиальных собраний духовенства и мирян. Минимальный возраст пострига для женщин был понижен с 40 до 25 лет и урав-

---

[103] Постановления Всероссийского съезда ученого монашества, бывшего в Московской духовной академии с 7 по 14 июля сего 1917 года. М., 1917.

[104] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 10. С. 78.

[105] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 4. С. 42–43.

[106] См., например: *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 21.

[107] Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 19. С. 211–218.

нен с возрастом для мужчин (в Синодальный период возрастная планка для мужчин была существенно ниже, чем для женщин)[108]. Это свидетельствовало о выросшем влиянии женского монашества.

Подводя итог, нужно признать, что на Всероссийских съездах монашествующих 1917 г. и на Соборе часто звучал примиряющий лейтмотив соборности, единства всего монашества, его единения с другими внутрицерковными группами. Однако на практике в революционную эпоху в монашеском движении представления о соборности причудливо сплелись с групповой борьбой за свои права, с защитой корпоративных интересов, со стремлением к представительству во всевозможных инстанциях, т. е., по сути, с отзвуками лозунгов революционной демократии.

Зоитакис А. Г.

Революционное движение и Православная церковь в Греции в 1917–1945 годах

Аннотация. Материалистические и революционные идеи начали активно проникать в Грецию во второй половине XIX столетия. Влияние Октябрьской революции и Советской России стало для греческих коммунистов определяющим. Отношение марксистов к Православной церкви претерпело постепенную трансформацию. В среде духовенства были распространены разнообразные политические взгляды, а попытки властей использовать Церковь как противовес коммунистической идеологии потерпели неудачу.

Ключевые слова: история Греции, Элладская православная церковь, движение Сопротивления, коммунистическая партия Греции.

The Revolutionary Movement and the Orthodox Church in Greece in 1917–1945

Abstract. Materialistic and revolutionary ideas began to penetrate in Greece in the second half of the 19th century. The influence of the October Revolution and Soviet Russia became crucial for the greek communists. The attitude of the marxists to the Orthodox Church has undergone a gradual transformation. Various political views were spread among the clergy, and attempts by the authorities to use the Church as a counterbalance to communist ideology failed.

Keywords: Modern Greek history, Greek Orthodox Church, resistance, Communist Party of Greece.

---

[108] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. С. 31, 40–41.

Материалистические и революционные идеи начали активно проникать в Грецию из Западной Европы во второй половине XIX столетия. В авангарде распространения новых идеалов были представители диаспоры и студенчества.

Обучавшийся в одном из германских университетов Фотос Политис писал, что теории Гекеля и Дарвина стали для греческих студентов своего рода «новым евангелием»[109].

В 1876 г. в городе Патра под лозунгом «Революция – это закон прогресса» было создано одно из первых социалистических движений Греции – «Демократическое общество». Специально для пропаганды атеистических взглядов некоторыми представителями интеллигенции начал издаваться журнал «Прометей», наряду с богоборчеством пропагандировавший идеи государственного преобразования.

Подобный радикализм был скорее исключением для греческой общественной мысли второй половины XIX века. Чтобы завоевать широкую аудиторию социалистам, как столетие назад их предшественникам – носителям идей новогреческого Просвещения, приходилось маскировать свои убеждения и избегать антирелигиозной пропаганды. Многие в этот период пытались примирить марксизм с христианством и искали основы социальной справедливости в евангельском учении[110].

Еще до Октябрьской революции греческие социалисты с интересом следили за событиями в Российской империи. Особенно их взбудоражила Февральская революция 1917 г. и создание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1917 г. газета «Ризоспастис» в своей редакционной статье писала: «Мы испытываем полное доверие к Русской Революции... Там решится будущее мира и будущее Греции».

Реакция на события в Петрограде на первых порах была противоречивой. Как и в других европейских странах в Греции было немало социалистов, которые посчитали русскую революцию преждевременной[111] и даже ее осудили[112]. Но постепенно «Октябрьская революция смела все противоречащие ей социалистические теории»[113].

---

[109] *Πολίτη Φ.* Και πάλι το κοινωνικό ζήτημα // Ο Νουμάς. φ. 326 (11 του Γεννάρη 1909). Σ. Α.

[110] Ελληνικόν Σοσιαλιστικόν Κόμμα. Πρόγραμμα. Αθήνα 11-12-1911; Η Δίκη του Ναυπλίου (16–18 Απριλίου 1914). Στενογραφημένα πρακτικά. Αθήνα, 1976. Σ. 283–288.

[111] *Λεονταρίτης Γ.* Το ελληνικό σοσιαλιστικό κίνημα κατά τον Πρώτο Παγκόσμιο Πόλεμο. Εξάντας, 1978. Σ. 176.

[112] *Ρήγος Α.* Παπαναστασίου και Αριστερά // Αλέξανδρος Παπαναστασίου. Θεσμοί, Ιδεολογία και Πολιτική στο Μεσοπόλεμο. Αθήνα, 1987. Σ. 117.

[113] *Καραδήμα Ε.* Σοσιαλιστική σκέψη καί σοσιαλιστικές κινήσεις των φοιτητών των αθηναίκων ανωτάτων εκπαιδευτικών ιδρυμάτων (1875–1922). Διδακτορική διατριβή. Ιωάννινα, 2006. Σ. 114.

В 1918 году под влиянием русского Октября[114] были последовательно созданы Генеральная ассоциация греческих рабочих (Г.Σ.Е.Е.). и Социалистическая рабочая партия Греции (Σ.Е.К.Е.)[115], впоследствии преобразованная в коммунистическую партию.

Идея пролетарской революции господствовала в сознании социалистической интеллигенции, пытавшейся призвать рабочий класс к организации восстания[116].

В последующие годы «Великий Октябрь» продолжал оставаться властителем дум. Показательны псевдонимы, под которыми авторы публиковали свои материалы в греческих марксистских литературных журналах в период с 1928 по 1936 г.: Пролетарий, Товарищ, Серп и молот, Революция, Большевик, Искра и т. д.

Связи греческих коммунистов с Советской Россией укреплялись с каждым годом. Писатель Никос Казандзакис, известный марксист Димитрис Глинос, лауреат Ленинской премии поэт Костас Варналис неоднократно посещали Советскую Россию и участвовали в разнообразных международных мероприятиях. Социалистические журналы публиковали переводы революционных стихов советских поэтов и восторженные отзывы о достижениях молодого социалистического государства[117].

Влияние Советской России стало для греческих коммунистов определяющим.

На первых порах преданность идеи революции предполагала отказ от семьи и любой мещанской привычки[118]. Многие коммунисты не носили обручальных колец или вообще отказывались от регистрации брака. В 20-е годы идея «свободной любви» получила у греческих социалистов достаточно широкое распространение.

Однако после изменения семейной политики в СССР трансформировались и моральные ориентиры коммунистов в Греции – период свободных нравов сменился обращенностью к «семейным ценностям».

Отношение греческих коммунистов к Церкви

Показательно, что в греческих марксистских и социалистических журналах большинство теоретических статей было посвящено вопросам религии[119].

---

[114] *Λεονταρίτης Γ.* Το ελληνικό σοσιαλιστικό κίνημα κατά τον Πρώτο Παγκόσμιο Πόλεμο. Ε'ξάντας, 1978. Σ. 250; *Δημητρίου Μ.* Το ελληνικό σοσιαλιστικό κίνημα. Τόμος Α'. Αθήνα, 1985. Σ. 312–316.

[115] *Κορδάτος Γ.* Ιστορία του ελληνικού εργατικού κινήματος. Αθήνα, 7η έκδ. (χχ). Σ . 303–321.

[116] *Νούτσος Π.* Η Σοσιαλιστική Σκέψη στην Ελλάδα από το 1875 ως το 1974. τ. Β. Γνώση, 1994. Σ. 408.

[117] *Καζαντζάκης Ν.* Η φιλολογία στη Σοβιετική Ρωσία // Ερμής, τχ. 7 (1927). Σ. 242.

[118] *Παρτσαλίδου Α.* Αναμνήσεις από τη ζωή της ΟΚΝΕ. Αθήνα, 1983. Σ. 26; *Ζεύγου Κ.* Με το Γιάννη Ζέβγο στο επαναστατικό κίνημα. Αθήνα, 1980. Σ. 46.

[119] *Σπανάκου Ζ.* Η έννοια της ιστορικής νομοτέλειας στο μεσοπολεμικό έργο του Γιάνη Κορδάτου. Διδακτορική διατριβή. Αθήνα, 1991. Σ. 57.

Несмотря на подчеркнуто антирелигиозный настрой большинства авторов, во многих работах можно было встретить христианские аллюзии – «коммунисты той поры как и апостолы христианства, после того как их посетил святой дух, имели правильное мнение о всем человеческом», писал Асимакис Панселинос, член редколлегии крупнейшего марксистского журнала Неи Протопори[120]. Во многих теоретических работах марксизм приобретал очертания не только нового мировоззрения, но и религии[121].

В 20-х и начале 30-х годов греческие коммунисты были последовательными противниками семьи и религии. Со страниц журналов и монографий не сходили слова «опиум для народа». Новообращенные «товарищи» зачастую первым делом выбрасывали из дома иконы и демонстрировали свое пренебрежение церковными традициями.

Греческие коммунисты настойчиво пытались настроить народ против клира, который считали ответственным за реакционную политику и ретроградство. Церковь и образовательная система рассматривались как орудия правящего класса, с помощью которых «он пытается держать в узде трудящиеся массы»[122], «усилить и продлить свое господство»[123].

В канун немецкой оккупации безбожие, прежде считавшееся одним из главных свойств настоящего коммуниста[124], постепенно начало уходить на второй план. Изменение позиции Коммунистической партии Греции по отношению к религии во многом было обусловлено влиянием СССР.

В период войны антиклерикальная риторика практически исчезла со страниц коммунистических изданий. В распространяемых движением Сопротивления газетах было опубликовано письмо Александрийского патриарха Христофора и другие материалы доказывающие что Православная церковь в России учавствует в сопротивлении нацистам и не подвергается гонениям со стороны государства[125].

Показетельны слова лидера греческих партизан-коммунистов Ариса Велухиотиса: «коллаборационисты грабят, оскверняют, разрушают церкви и убивают священников. Религия вопрос совести и никто не имеет права запрещать то, что нельзя запрещать»[126]. В дру-

---

[120] Νέοι Πρωτοπόροι, τχ. 1 (1931). Σ. 221.

[121] Κάρολος Μαρξ // Σοσιαλισμός, τ. 25 (28 Μαΐου 1918). Σ. 1.

[122] *Κορδάτος Γ.* Νεοελληνική Πολιτική Ιστορία. Αθήνα, 1925. Σ. 26.

[123] *Γληνός Δ.* Για να κατανοούμε την εποχή μας. Τύπος, παιδεία, κλήρος // Αναγέννηση, 1927. τόμ. Β΄. τχ. 3 (Νοέμβρης). Σ . 97–99.

[124] *Γληνός Δ.* Για να κατανοούμε την εποχή μας (1927) // Εκλεκτές Σελίδες. Στοχαστής, 1972. τόμ. 3ος. Σ. 82.

[125] Στο φως της Αλήθειας: ο Πατριάρχης Αλεξανδρείας για τη θρησκεία στη Ρωσσία. Ένα εξαίρετο γράμμα τού // Η Φωνή του ΕΑΜ. Καρδίτσα, φ. 80 (15-1-44).

[126] Ελεύθερη Αχαία. ΕΑΜ, φ. 11 (13-8-44).

гой раз Велухиотис сказал: «На деле мы новые Христы. Что говорил Христос? То же, что и мы сегодня»[127].

Во многих случаях руководители созданных коммунистами органов власти и партизанских отрядов вступали в защиту духовенства и жестко пресекали антицерковные проявления[128].

Участие клириков в движении Сопротивления было одной из главных задач которую ставили перед собой греческие коммунисты: «Мы должны бросить все силы на то, чтобы привлечь к сотрудничеству всех священников и всех архиереев»[129].

На контролируемой партизанами территории Греции Церковь продолжала оставаться центром общественной жизни. Официальные мероприятия, как правило, начинались с молебна, на высоком уровне была подтверждена неприкосновенность Церкви и гарантировано невмешательство в ее внутренние дела[130].

Церковь как инструмент государственной пропаганды

Пользуясь подчиненным положением Элладской церкви, которая к тому же не была отделена от государства, власти хотели использовать ее как противовес революционным идеалам.

Многие греческие либералы близкие к премьер-министру Э. Венизелосу[131] исходили из того, что для противодействия коммунистическим идеям[132] Церковь должна быть предварительно модернизирована в соответствии с «духом времени». Они планировали отменить посты, сократить службы, сделать акцент на проповеди вместо молитвы, упразднить монашество. Реформы предусматривали использование клира для донесения государственной позиции до народа и создание ряда церковных рабочих обществ и профсоюзов[133]. Для реализации этих задач Венизелос последовательно стремился увеличить число иерархов, которые будут дружественно настроены к либералам и помогут в воплощении подобной церковно-государственной программы[134].

Некоторые политики полагали, что Церковь обязана поддержать государство в борьбе с коммунистической угрозой, но при условии лояльности может избежать модернизации.

---

[127] Ο λόγος του Άρη στην Κόρινθο // Λευτεριά. ΕΑΜ Αργολιδοκορινθίας, φ. 5 (15-10-44).

[128] Εκκλησιαστικό «Ζήτημα» // Η Φωνή του ΕΑΜ. Καρδίτσα, φ. 80 (15-1-44).

[129] Η Κοινωνική Πρόνοια του Μέλλοντος Λαοκρατικού Κράτους θα στηριχθή στην Εθν. Αλληλεγγύη. Ο λόγος του αντιπροσώπου της ΚΕ της ΕΑ, της ΚΕ του ΕΑΜ και του ΓΣ Ορφέα Βλαχόπουλου // Αλληλεγγύη ΕΑΜ Θεσσαλίας. φ. 4 (20-9-43).

[130] Αιτιολογική Έκθεση της Πράξης 16 της ΠΕΕΑ (10-4-44).

[131] *Στράγκας Θ.* Εκκλησίας Ελλάδος Ιστορία εκ πηγών αψευδών (1817–1967). β΄τόμ. Αθήνα, 1970. Σ. 1180.

[132] *Αλιβιζάτος Α.* Ανορθώσατε την Εκκλησίαν // Πατρίς (12 Ιανουαρίου 1914). Σ. 2.

[133] *Αλιβιζάτος Α.* Ανορθώσατε τον Κλήρον // Πατρίς (7 Φεβρουαρίου 1914). Σ. 2.

[134] *Στράγκας Θ.* Εκκλησίας Ελλάδος Ιστορία εκ πηγών αψευδών (1817–1967). Α΄τόμ. Αθήνα, 1969. Σ. 608.

Наиболее ярко подобная тенденция проявилась в политике установленного в 1936 г. диктаторского режима И. Метаксаса. Не предлагая коренного реформирования Церкви государство стремилось к лояльности клира. В церковное образование внедрялось национальное воспитание, а приступающие к служению священники должны были предоставлять свидетельство о своей политической и нравственной благонадежности[135].

Церковь и революционные идеи

В течение XIX века иерархия не нашла в себе сил что-либо противопоставить секулярному давлению власти, однако к началу XX столетия относятся робкие попытки освободиться от государственной опеки и вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви. Духовенство протестовало против проведения выборов на территории православных храмов[136] и предпринимало ряд шагов направленных на получение большей независимости от властей.

После уврачевания в 1923 г. «венизелистского раскола» Церковь старалась дистанцироваться от политических партий и играть миротворческую роль[137].

Несмотря на то что многие представители духовенства видели в коммунизме угрозу и выступали с жесткой критикой революционных идей[138], в среде клира были распространены разнообразные и порой противоположные политические взгляды. В рядах епископата и низшего духовенства плюрализм мнений наблюдался даже в периоды гражданской войны и диктаторских режимов. На заседаниях Священного Синода звучали разные мнения, а решения не принимались единогласно.

Угрозу представители высшего духовенства видели, в первую очередь в атеистических и анархических (революционных) идеях. Не случайно на заседаниях Священного Синода в 1926 и 1931 гг. «коммунизм, он же атеизм и срывающийся за ним анархизм»[139] обсуждался в одном ряду с хилиазмом и рядом еретических течений. В 1929 году Синод официально поддержал представителей «консервативного профсоюза – „Национальная оборона"» в их борьбе за «предотвращение распространения антирелигиозных тенденций и

---

[135] Αἱ Συνοδικαί Εγκύκλιοι. Β'τόμος. Αθήνα, 1956. Σ. 208.

[136] Ο παρά τω Αρείω Πάγω Εισαγγελεύς Δ. Τσιβανόπουλος. Προς τον Σεβασμ. Μητροπολίτην Αθηνών. Αριθμ. Πρωτ. 133/24-1-1908 // Αι Συνοδικαί Εγκύκλιοι τ. Α' (1901–1933). Αθήνα, 1955. Σ. 144–156.

[137] Εκκλησία, 48 (25 Νοεμβρίου 1926). Σ. 382.

[138] Ιστορικό Αρχείο Ιεράς Συνόδου της Εκκλησίας της Ελλάδος (ΙΑΙΣ). Κώδικας Πρακτικών Ιεράς Συνόδου (1936). φακ. 56. Υπόμνημα του Κοζάνης Ιωακειμ προς την Ιερά Σύνοδο. Κοζάνη, 27 Αυγούστου, 1936; Εκκλησίας Ελλάδος Ιστορία εκ πηγών αψευδών (1817–1967). Α-Γ΄τόμ. Σ. 16, 1878, 1993, 1994, 2011.

[139] *Στράγκας Θ.* Εκκλησίας Ελλάδος Ιστορία... Γ΄τόμ. Σ. 1878.

сохранения благочестивых и консервативных рабочих от влияния коммунизма»[140].

В окружном послании Священного Синода от 1935 г. содержался призыв к проповедникам «для противостояния учениям различных пропагандистов» затронуть в беседах с паствой «современную проблематику» связанную с распространением хилиазма и коммунизма[141].

Во всех официальных документах Церковь подчеркивала, что ее инициативы не означают вмешательства в партийное и классовое противоборство, а коммунизм вызывает неприятие не как политическая теория, а как антирелигиозное мировоззрение. Показательно, что целью создания официального печатного органа Элладской церкви журнала «Экклисиа» было заявлено«***противостояние антирелигиозной пропаганде безбожников***»[142].

Особый интерес представляет окружное послание Священного Синода к греческим рабочим, обнародованное в 1925 г.[143]. Перечислим основные тезисы документа:

Необходимость противостоять «иностранной пропаганде» которая пытается выкорчевать народное религиозное чувство и «упразднить нравственные основы жизни», ссылаясь на то что религия – «опиум для народа».

Церковь – единственный институт, стремящийся к действительному улучшению положения рабочих и бедных.

Церковь «не вмешивается в политические и экономические вопросы, *а заботится о нравственном порядке в обществе, религиозных и моральных основах общественной жизни, которые обеспечивают подлинное счастье*».

Церковь призывает рабочих не верить в утопии об обобществлении капитала и осознать источником счастья честный труд, а не конфискацию и анархию.

«Капитал не должен эксплуатировать рабочего, но и рабочий не должен игнорировать значение капитала, как источника занятости и развития».

Священный Синод призывал рабочих не верить «предводителям пролетариата», которые «сами живут в роскоши» и при этом подталкивают народ к анархии[144].

Первые известные прецеденты проповеди, целенаправленно ориентированной на рабочих, относятся к 1923 г.

---

[140] Ε.Ι.Σ. Αριθμ. Πρωτ. 158/1016/20-9-1929 // Αι Συνοδικαί Εγκύκλιοι τ. Α' (1901–1933). Αθήνα, 1955. Σ. 532.

[141] Ε.Ι.Σ. 2689/111/1-10-1935 // Αι Συνοδικαί Εγκύκλιοι τ. Β' (1933–1956). Αθήνα, 1956. Σ. 75.

[142] Η εποπτεύσα επιτροπή της Ι.Σ. «Προς τους Αναγνώστας» // Εκκλησία. τ. 1 (1-6-1923). Σ. 1.

[143] Ε.Ι.Σ. αριθμ. Πρωτ. 838/1318/10-4-1925 // Αι Συνοδικαί Εγκύκλιοι. τ. Α'. Σ 433.

[144] Αυτόθι. Σ. 437.

Официальный проповедник Афинской архиепископии Иерофей Кареллас, обращаясь к работникам фабрики, сказал: «настоящий социализм – социализм Евангелия, в котором проповедуется классовое равенство». При этом проповедник сослался на слова апостола Павла «во Христе Иисусе нет ни раба ни свободного» и призвал вернуться к вере, которая составляет основу общественного блага[145].

Другой афинский священнопроповедник Христофор Папутсопулос высоко оценил результаты проповеди среди рабочих Афин и Пирея. По его словам даже наиболее радикальные пролетарии зараженные марксистской, революционной и атеистической пропагандой внимали евангельскому слову «словно беззлобные малые дети и просили регулярно просвещать их религиозными наставлениями»[146].

После смягчения позиции коммунистической партии и постепенного свертывания антирелигиозной пропаганды претерпела изменения и позиция Элладской церкви.

Эти тенденции особенно проявились в период нацистской оккупации, когда (по словам непосредственного участника событий Манолиса Глезоса) «клир и участники Сопротивления действовали координировано и совместно»[147]. Многие представители епископата, приходские священники и монахи сотрудничали с членами партизанских коммунистических отрядов[148]. Представители духовенства помогали консолидировать действия партизан. С помощью монастырей Превели и Аркади была достигнута координация между греческим военным штабом и партизанскими отрядами Бандуваса, Сатанаса, Петракогиоргиса, Драмунтаниса и Пападакиса на Крите[149].

В оккупированном городе Лариса выборы в национальный совет проходили в храме при непосредственной организационной помощи духовенства[150]. В условиях нарастающего раскола между различными идеологическими течениями в партизанском движении Церковь стремилась сыграть консолидирующую роль, объединив всех в борьбе с захватчиками. Архимандрит Иоиль (Яннакопулос), чтобы устранить разногласия между членами Национально-освободительного фронта

---

[145] ΙΑΙΣ. φάκ. 1.79. Ιεροκήρυκες (1838–1964). Διάγραμμα ομιλιών του Ιεροκήρυκα της Αρχιεπισκοπής Αθηνών Ιερόθεου Καρελλά (από 1η Σεπτεμβρίου 1923 μέχρι το τέλος Ιανουαρίου 1924).

[146] ΙΑΙΣ. φάκ. 1.79. Ιεροκήρυκες (1838–1964). «Έκθεσις περί του θείου κηρύγματος ανά την περιφέρειαν της Ιεράς Αρχιεπισκοπής κατά το έτος 1931» του Ιεροκήρυκα Αττικής Χριστοφόρου Ν. Παπουτσοπουλου. Αθήνα, 25 Ιανουαρίου 1932.

[147] Συνέντευξη στο δημοσιογράφο του Ρ/Σ της Εκκλησίας (2006) // http://misha.pblogs.gr/2009/05/o-manwlhs-glezos-gia-thn-ekklhsia-kai-thn-antistash.html.

[148] Подробнее см.: *Зоитакис А.* Православная Церковь в Греции в период нацистской оккупации // Вестник Моск. унта. Сер. 8: История. 2016. № 2. С. 44–66.

[149] *Σανουδάκης Κ.* Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 71.

[150] *Ανδρακάκος Γ.* (Δασκαλογιάννης). «Δράση του ΕΑΜ στην επαρχία Τυρνάβου». Εθνική Αντίσταση. Συλλογή 43η. Δεκέμβριος 1984. Σ. 7.

Греции (ЭАМ) и правыми партизанами в Каламате, в мае 1943 г. взял на себя функции посредника и помог избежать возможного междоусобного вооруженного противостояния. Посреднические функции брали на себя Мессинийский, Гифийский, Спартский и Трипольский митрополиты. Переговоры при участии Церкви проходили на Крите, Пелопоннесе и других областях[151].

В условиях поляризации общества, непосредственным итогом которой стала многолетняя гражданская война, большинство церковных деятелей занимали примирительную позицию, пытаясь консолидировать носителей противоположных идеологических концепций и уврачевать вспыхнувший в народе раскол. Архиепископ Афинский Дамаскин призывал противостоящие друг другу силы к единству. Он сотрудничал с правительством, но при этом избегал антикоммунистической риторики и в декабре 1944 г. даже проявил уступчивость, пойдя навстречу требованиям левых сил. Однако после окончания войны антикоммунистическая риторика вновь получила повсеместное распространение, а на священников, заподозренных в сотрудничестве с коммунистами, обрушились разнообразные репрессии.

Леонов Д. Е.

Духовенство Российской православной церкви в период свержения монархии (по материалам периодической печати епархий Верхнего Поволжья)

Аннотация. В работе на основе анализа материалов церковной периодической печати Костромской, Ярославской и Владимирской епархий (регион Верхнего Поволжья) предпринята попытка изучить позицию православного духовенства данных епархий по отношению к важнейшим политическим событиям февраля–марта 1917 г. в России (отречение от престола Николая II и Михаила Александровича, формирование Временного правительства). Духовенство оценило данные события положительно и выразило готовность к сотрудничеству с новыми органами власти.

Ключевые слова: православное духовенство, Февральская революция 1917 г., Верхнее Поволжье, периодическая печать, Российская православная церковь, епархиальные ведомости.

---

[151] *Καμαρινός Α.* Ο Εμφύλιος Πόλεμος στην Πελ / σο 1946–1949. Αθήνα, 2001. Σ. 38–39; *Αντωνακάκης Χ.* Το Αντάρτικο στον Ταΰγετο, 1941–1944. Αθήνα, 1994. Σ. 77; *Μουτουλας Π.* Πελοπόννησος 1940–1945. Αθήνα, 2004. Σ. 466–469; *Κουβέλας Γ.* Ιερείς μάρτυρες της Κατοχής. Αθήνα, 2002. Σ. 95.

Russian Orthodox Church clergy during the overthrow of the monarchy(According to the materials of the periodical press of dioceses of the Upper Volga region)

Abstract. The position of the Orthodox clergymen of the dioceses of the Upper Volga region in relation to the most important political events of February-March 1917 in Russia (the abdication of Nicholas II and Mikhail Alexandrovich from the throne, the formation of the Provisional Government) has been studied. The clergy of Kostroma, Vladimir, Yaroslavl dioceses positively assessed these events and expressed their readiness to cooperate with the new authorities.

Keywords: Orthodox clergy, February revolution of 1917, Upper Volga region, periodical press, Russian Orthodox Church.

Немало сюжетов истории 1917 г. изучены глубоко и всесторонне, однако в последние годы некоторые из них приобретают новое звучание. Богатство источникового материала, разнообразие оценок историков ставят перед исследователями новые вопросы. По-прежнему дискуссионным остается вопрос о политической ориентации и переориентации духовенства Православной Российской церкви накануне и в период Февральской революции 1917 г.

Политическая позиция православного духовенства в период революции стала объектом исследования уже в первые годы после свержения самодержавия. Одним из первых данную проблему поднял профессор Петроградской духовной академии Б. В. Титлинов. В своей работе «Церковь во время революции» (1924) он отмечал неподготовленность церковного управления к февральскому перевороту, полную «беспомощность стоять на своих ногах», причиной которой был «распутинский режим»[152].

В начале 1920-х годов начали появляться работы, оценивавшие политическую позицию духовенства в 1917 г. с точки зрения правящей партии. Они заложили основу будущей историографии 1930–1950-х годов, отличительными чертами которой стали идеологическая предвзятость и схематизм. Различные аспекты темы затронуты в работах Н. Лукина, Г. Рыбкина, П. Зарина[153]. Б. П. Кандидов в 1934 г. выпустил небольшую работу под названием «Церковь и Февральская революция[154].

В 1964 г. журнал «Вопросы истории» начал публикацию серии статей, посвященных различным аспектам истории религии. Пер-

[152] *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 55–56.

[153] *Зарин П.* Февральская революция и церковь // Антирелигиозник. 1937. № 3; *Рыбкин Г.* Православие на службе самодержавия в России. М., 1930 и др.

[154] *Кандидов Б. П.* Церковь и Февральская революция. М., 1934. С. 93–95.

вой была опубликована работа Е. С. Осиповой о взаимоотношениях Православной церкви с Временным правительством. Автор стремилась показать контрреволюционную роль Церкви в 1917 г., называя Церковь «крупнейшим помещиком и капиталистом»[155]. В 1967 г. увидела свет коллективная монография «Церковь в истории России»[156]. В 1965–1976 гг. выходят богатые фактологическим материалом работы Л. И. Емелях, посвященные антиклерикальному движению крестьянства накануне и во время Революции 1917 г.[157]. Ленинградская исследовательница отмечала «невиданный ранее упадок религии, полное падение авторитета духовенства в 1917 г.».

В 1968 г. увидела свет работа Р. Ю. Плаксина «Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг.», первая глава которой была посвящена роли Церкви накануне октября 1917 г.[158]. В 1973 г. Э. А. Снигирева обратила внимание на «беспрецедентный» факт в истории Церкви, «когда при отсутствии санкций со стороны официальных органов духовенство на местах начинает самостоятельно реагировать на происходящие события и принимать решения о поддержке Временного правительства»[159].

Подготовка к празднованию тысячелетия Крещения Руси привела к оживлению интереса исследователей к церковной проблематике. Наряду с массовой атеистической литературой, призванной показать «антинародную» роль православия в истории России[160], были опубликованы добротные исторические исследования. Прежде всего, следует упомянуть коллективную монографию «Русское православие: вехи истории», вышедшую в Издательстве политической литературы под редакцией А. И. Клибанова в 1989 г.[161]. Глава «Церковь в период трех российских революций» написана П. Н. Зыряновым, подготовившим к тому времени известную работу о церкви в 1905–1907 гг.[162]. По его мнению, в 1917 г., как и в годы Первой российской революции, Церковь продолжала борьбу с революционным движением, «правда ей понадобилось некоторое время, чтобы наладить свои отношения

---

155 *Осипова Е. С.* Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65–76.

156 *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 18.

157 *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965; *Он же.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.

158 *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968.

159 *Снигирева Э. А.* От февраля к октябрю (церковь и политика) // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1973. С. 88–102.

160 См. напр.: *Корзун М. С.* Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. –1917 г. Минск, 1984; *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. Л., 1987 и др.

161 Русское православие: вехи истории / Ред. А. И. Клибанов. М., 1989.

162 *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

с новой властью». Зырянов кратко осветил политику обер-прокурора Синода В. Н. Львова, «в душе» «закоренелого монархиста»[163].

Новый этап развития историографии проблемы, особенностью которой стало освобождение от необходимости ориентации на идеологию правящей партии, берет свое начало на рубеже 1980–1990-х годов. В 1991 г. проблему государственно-церковных отношений с новых позиций изучил М. И. Одинцов[164]. В 1996 г. волгоградская исследовательница О. Ю. Редькина защитила кандидатскую диссертацию о вероисповедной политике Временного правительства[165]. В середине 1990-х годов начали выходить труды петербургского историка и религиоведа С. Л. Фирсова, посвященные положению Церкви в Российской империи[166]. В своей монографии «Русская Церковь накануне перемен» (2002) автор уделил особое внимание взаимоотношениям Временного правительства и Синода, а также подготовке Поместного собора; освещена и тема «религиозной революции»[167]. В 1990-е годы были опубликованы работы М. В. Шкаровского, акцент в которых сделан на отношения Церкви и государства в советский период; проблемам церковной истории 1917 г. также было уделено внимание[168]. В 2010 г. М. В. Шкаровский выпустил солидный обобщающий труд о Русской православной церкви в XX веке, сильными сторонами которого являются подробный обзор источников и историографии[169]. В начале 2000-х годов вышли в свет работы тверской исследовательницы Т. Г. Леонтьевой, отмечавшей, что с марта 1917 г. в ряде епархий были проведены епархиальные съезды, на которых выносились резолюции «о недоверии архиереям»[170]. В 2006–2008 гг. на проблему политической позиции духовенства в период свержения монархии обратил внимание М. А. Бабкин, подготовивший обширный сборник документов и материалов по данной теме, а также монографию. Автор последовательно доказывал, что подавляющее большинство епископата и белого духовенства не выразило недовольства по поводу отречения Николая II и его брата Михаила, поскольку само в значитель-

---

[163] Русское православие: вехи истории. С. 424–430.

[164] *Одинцов М. И.* Государство и церковь. История взаимоотношений. 1917–1938 гг. М., 1991.

[165] *Редькина О. Ю.* Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

[166] *Фирсов С. Л.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.

[167] *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

[168] *Шкаровский М. В.* «Религиозная революция» 1917 года и ее результаты // 1917. Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998. С. 74.

[169] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

[170] *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 192–203.

ной степени было заинтересовано в смене власти[171]. В 2008 г. увидела свет монография П. Г. Рогозного о церковной революции 1917 г. В центре внимания находилась борьба за власть в Церкви между епископатом и белым духовенством, имевшая место в 1917 г.[172].

Среди современных исследований, посвященных церковной истории 1917 г., следует отметить работы сотрудника ПСТГУ К. А. Ковырзина, защитившего в 2010 г. кандидатскую диссертацию о поиске принципов церковно-государственных взаимоотношений с марта 1917 по январь 1918 г. В течение 1917 г., прежде всего, на Поместном соборе 1917–1918 гг. эти принципы были разработаны; однако им не было суждено воплотиться в жизнь. К. А. Ковырзин пришел к выводу, что подавляющее большинство духовенства и мирян отрицательно относились к идее полного отделения государства от Церкви[173].

Исследователи отмечают, что недостаточно изученным, в частности, является локальный материал, показывающий восприятие революционных событий на региональном уровне, в том числе православным духовенством российской провинции.

В данной работе предпринята попытка на основе материалов периодической печати изучить позицию духовенства Православной церкви епархий Верхнего Поволжья по отношению к событиям февраля–марта 1917 г. Территориальные границы исследования охватывают регион так называемого Верхнего Поволжья (Владимирскую, Костромскую, Ярославскую епархии): географическая близость указанных епархий обусловила общие черты социально-экономического, политического и культурного развития. Не изучаются источники Тверской епархии: события в Твери достаточно подробно исследованы в трудах Т. Г. Леонтьевой и П. Г. Рогозного. Основным историческим источником послужила церковная периодическая печать епархий Верхнего Поволжья.

В начале 1917 г. Костромскую, Ярославскую и Владимирскую епархии возглавляли соответственно епископ Евгений (Бережков) (1864–1921), архиепископ Агафангел (Преображенский) (1854–1928) и архиепископ Алексий (Дородницын) (1859–1919). Каждый из этих архиереев имел свои политические убеждения, которые получили отражение на страницах местных епархиальных изданий. До марта

---

[171] *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007; Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Мат. и архив. док. по истории Русской православной церкви / Сост. М. А. Бабкин. М., 2008 и др.

[172] *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

[173] *Ковырзин К. А.* Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 – январь 1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 27.

1917 г. архиепископы Агафангел и Алексий занимали «стандартную» для архиереев третьеиюньской политической системы патриотическую позицию, призывая стоять за веру, царя и Отечество в Первой мировой войне. Епископ Евгений (Бережков), по-видимому, отличался несколько большим «либерализмом»: на страницах епархиального издания г. Костромы накануне февраля 1917 г. тематика восхваления самодержавия присутствовала в очень умеренном объеме. Архиерей публично отозвался на убийство Распутина: выступая 25 декабря 1916 г. в городской думе Костромы, он, в частности, сказал: «Поздравляю вас с радостью, случившеюся в последние дни. Одеяло из черных облак, омрачавших наш небосклон, спустилось»[174].

Отречение от престола императора Николая II и переход власти к Временному правительству епископат изучаемых епархий встретил с различной степенью энтузиазма. Первенство в одобрении свершившегося переворота принадлежит, по-видимому, Костроме. 4 марта 1917 г. духовенство Костромы во главе с архиереем провело общее собрание. Архиерей поставил вопрос о том, как духовенство должно отнестись к новому правительству. Не дожидаясь синодальных разъяснений, костромские священнослужители определили форму поминовения властей на богослужениях. Священники постановили опустить моление за царя и семью его и заменить молением за новые «предержащие власти», *не обозначая какие именно.* На великой ектении было предписано «выпустить 6-е и 7-е прошения, а вместо них читать одно такое: «О благоверных предержащих властех наших, о всей палате и воинстве их». Точно так же следовало изменить и 4–5-е прошения сугубой ектении. В конце вечерни и утрени по возгласе: «Сый благословен Бог» священнослужители решили петь: «Утверди, Боже. Достояние Твое, державу Российскую и святую Православную веру, православных христиан во век века». На великом входе поминовение царя и его семьи заменялось на поминовение «благоверных предержащих властей наших» и «христолюбивого воинства», хотя на первом месте следовало поминать Святейший Правительствующий Синод и правящего епископа[175].

Акты об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича в Костромских епархиальных ведомостях были опубликованы только 15 марта (издание выходило два раза в месяц). Следом был помещен текст обращения епископа Евгения к епархиальному духовенству, в котором происшедшее названо «великим переворотом». Несмотря на то, что вопрос о власти в России должно было решить лишь Учредительное собрание, епископ не сомневался: «пала император-

---

[174] *Зонтиков Н. А.* Евгений (Бережков Иван Николаевич) // Православная энциклопедия. Т. 17. С. 62–63 (http://www.pravenc.ru/text/186967.html).

[175] Костромские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). 1917. Ч. офиц. 15 марта. № 6. С. 74–75.

ская власть», и это объяснялось «судьбами Промысла Божия». Владыка Евгений призвал поддержать Временное правительство и всеми силами способствовать установлению мира и порядка в стране[176]. Следует отметить, что к номеру епархиального издания от 15 марта был приложен Указ Синода по поводу изменений в богослужении от 9 марта 1917 за № 1992.

Следующий номер Костромских епархиальных ведомостей от 1 апреля 1917 г. поместил на своих страницах проповедь епископа Евгения, произнесенную «перед молебном 10 марта». Февральскую революцию архиерей считал проявлением «величия и мощи народного духа»: «только плечом повел русский богатырь, и пали вековые оковы, исчезли все препятствия, стеснявшие его шествие по пути к свободе». Проповедь заканчивается призывом «стальною стеною» стать вокруг Временного правительства[177].

Во Владимирской и Ярославской епархиях, судя по сообщениям церковных изданий, на ликвидацию самодержавия духовенство отреагировало не менее восторженно. В Ярославских епархиальных ведомостях акты об отречении появились в сдвоенном номере от 5/12 марта, во Владимирских – 11 марта[178]. Викарий Ярославской епархии епископ Рыбинский Корнилий (Попов) 3 марта, перед молебном в Знаменской часовне, обратился к народу с речью о беспорядках в столице. Причиной «междоусобной брани» названо царское правительство, которое «уже свергнуто волей народа». Волей того же самого народа избрано новое «правительство из представителей народа». Епископ выразил надежду, что новое правительство выведет русский народ и армию «на путь победы и славы». Следом помещен текст еще одной проповеди епископа Корнилия, произнесенной по получении сведений об отречении. Царствование Николая II, по мнению владыки, было «тяжелым крестом» для России: «сколько крови пролито во время Японской и настоящей войны!». Выражена надежда, что при «народном» правительстве Россия сможет победить внешнего врага и достичь «счастия и славы»[179].

5 марта по благословению владыки Агафангела состоялось собрание духовенства г. Ярославля, которое постановило «всемерно содействовать укреплению нового правительства в сознании граждан». Священнослужители взяли на себя обязательство «чрез церковную кафедру и в общественных собраниях» внушать пасомым «следовать велениям Нового Правительства «не за страх, а за совесть», а также

---

[176] КЕВ. 1917. Ч. офиц. 15 марта. № 6. С. 74.

[177] КЕВ. 1917. № 7. 1 апреля. Ч. неоф. С. 119–120.

[178] Владимирские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1917. Ч. офиц. № 9–10. 11 марта. С. 39–41; Ярославские епархиальные ведомости (далее – ЯЕВ). Ч. офиц. № 9–10. 5/12 марта. С. 33–35.

[179] ЯЕВ. 1917. Ч. неоф. № 9–10. 5/12 марта. С. 109–110.

ответственно готовиться к выборам в Учредительное собрание. Духовенство приняло решение отправить правительству телеграмму: «Ярославское духовенство после первой горячей молитвы о новом правительстве выражает ему свою полную готовность содействовать укреплению прочных основ новой государственной жизни на благо и счастье свободной России»[180].

Владимирская духовная консистория провела «собрание благочинных уездных протоиереев, на котором приняла решение отправить в адрес обер-прокурора Синода телеграмму, в которой содержалось обещание обратиться с воззванием о необходимости подчиниться новой временной власти. В неофициальной части издания опубликован текст проповеди, произнесенной 5 марта в кафедральном соборе владыкой Алексием (Дородницыным). Отречение Николая II охарактеризовано сдержанной фразой: «Это была его воля»; слово Престол – по прежнему с заглавной буквы. Автор акцентировал внимание на несвоевременности отречения: Родина – Россия – сравнивается с больной матерью. Проведена и параллель с событиями 1613 г. Задача народа России – сплотиться вокруг матери-Родины и сохранять спокойствие, подчиниться временной власти[181]. По-видимому, в районе 11 марта, когда номер епархиального издания был уже напечатан, в качестве прибавления опубликовано послание архиепископа Алексия «возлюбленным чадам Владимирской церкви». Этот документ выдержан в более восторженном тоне в адрес Временного правительства, нежели проповедь от 5 марта, хотя очевидно сходство этих двух текстов. Отречение Николая II и Михаила осуществилось «по воле Бога», как по Его же воле была установлена власть Временного правительства. Роль этого временного органа исполнительной власти в послании намеренно усилена: автор хотел показать, что власть поставлена «от народа» и «от Бога», поэтому следует ей повиноваться и оставить всякие раздоры. Воззвание завершено оптимистично: выражена надежда на победу в войне и успешное завершение всех нестроений.

Наряду с высшим духовенством на события февраля–марта отреагировало и приходское духовенство региона.

11–12 марта в Костроме по указу консистории прошло общее собрание городского духовенства и членов корпорации преподавателей духовных учебных заведений, на котором было решено направить представителей от духовенства в созданный губернский Комитет общественной безопасности. Кроме того, священнослужители решили после окончания Великого поста провести епархиальный съезд для полного «объединения духовенства епархии в своих отно-

[180] ЯЕВ. 1917. Ч. неоф. № 9–10. 5/12 марта. С. 99–100.
[181] ВЕВ. 1917. Ч. неоф. № 9–10. 11 марта. С. 81–83.

шениях к современным событиям». Общее собрание постановило создать из среды духовенства и преподавателей «исполнительный комитет», который должен был следить «за развитием и направлением нового государственного строя и ставил на очередь вопросы, близко касающиеся быта духовенства»[182]. Комитет был сформирован из расчета: 5 священников, 2 диакона, 5 псаломщиков и 3 представителя от духовных учебных заведений. Путем открытого голосования в исполнительный комитет вошли протоиереи П. Е. Крутиков, В. И. Владимиров, С. А. Воскресенский, священники Е. И. Голубев, П. А. Свирский, диаконы Н. Смирнов И Н. Преображенский, псаломщики В. Богданов, Ф. Введенский, Н. Постников, В. Добров, И. Сперанский, инспектор семинарии П. Д. Иустинов, начальница епархиального училища Л. И. Поспелова, представитель духовного училища Дьяконов.

Пасхальный номер Ярославского епархиального издания (часть неофициальная) поместил проповедь, подписанную инициалами А. В. Помимо выражения чисто пасхальных настроений автор выражал и радость по поводу изменившегося положения Церкви в государстве: «свободная от служения посторонним, преходящим целям, она теперь мужественно и неумолчно будет звать людей ко Христу»[183].

В этом же номере опубликовано воззвание к воинам от лица архипастыря (Агафангела), пастырей и ревнителей Православной веры в г. Ярославле. Февральский переворот обозначен как «час народной свободы». «Зажглась заря яркого солнышка, которое несет счастье, правду, и свет...» Авторы призывали воинов подчиниться Временному правительству, сохранить уважение к офицерам и дисциплину, доблестно сражаться с врагами Отечества[184].

Почти каждая публикация в изданиях изучаемого региона свидетельствует о положительной оценке событий февраля–марта 1917 г. Духовенство искренне надеялось на «новую жизнь» при новом правительстве, поэтому стремилось всеми силами поддержать его. Точно также и до отречения императора от престола духовенство служило старому режиму.

Анализ газетных публикаций в мартовских номерах церковных изданий показал полное отсутствие какого-либо сочувствия в адрес Николая II, его семьи или старого режима. Проповеди, поучения и воззвания духовенства оценивали старый режим с критических позиций, подчеркивая, что смена власти в России произошла по воле Божией.

---

[182] КЕВ. 1917. № 7. 1 апреля. Ч. неоф. С. 87–88.
[183] ЯЕВ. 1917. Ч. неоф. № 11–16. 19/26 марта. С. 121–122.
[184] ЯЕВ. 1917. Ч. неоф. № 11–16. 19/26 марта. С. 122–124.

Наиболее «левыми» в политическом отношении выглядели епископ Рыбинский Корнилий (Попов) и Костромской владыка Евгений (Бережков), критиковавшие старое царское правительство и возносившие похвалы Временному правительству.

Наиболее организованным (по данным периодической печати) выглядело духовенство Костромы, еще до официального решения Синода самостоятельно определившее формулу поминовения новой власти за богослужением.

Набокина М. Е., Смирнова Ю. В.

Эволюция взглядов московской и петербургской религиозно-философской интеллигенции на революционный процесс в России начала XX века

Аннотация. Статья посвящена осмыслению влияния революционного процесса в России 1905–1917 годов на становление и развитие московской и петербургской религиозно-философской интеллигенции как социокультурного феномена интеллектуальной истории рубежа XIX–XX веков. Авторы рассматривают представителей религиозно-философской интеллигенции в качестве выразителей идеалистического направления отечественной общественно-политической мысли той эпохи.

Ключевые слова: Московское религиозно-философское общество, Петербургское религиозно-философское общество, религиозно-философская интеллигенция, христианский модернизм, неохристианство, религиозное обновление, христианский социализм, легальный марксизм, мистический анархизм, демохристианство.

Evolution of the Views of Moscow and St. Petersburg Religious and Philosophical Intelligentsia on the Revolution Process in Russia at the early 20th century

Abstract. Article analyzes the influence of revolutionary process in Russia of 1905–1917 on formation and development of the Moscow and St. Petersburg religious and philosophical intelligentsia as sociocultural phenomenon of intellectual history of a turn of the 19–20th centuries. Authors consider representatives of the religious and philosophical intelligentsia as spokesmen of the idealistic direction of a domestic social and political thought of the beginning of the epoch.

Keywords: Moscow religious and philosophical society of memory of Vladimir Solovyyov, St. Petersburg religious and philosophical society, religious and philosophical, intelligentsia, Christian modernism, neochristianity, religious updating, Christian socialism, legal Marxism, mystical anarchism, demokhristianstvo.

На рубеже XIX–XX веков в среде отечественной интеллигенции зародилась специфическая группа, объединившаяся вокруг философского наследия Владимира Сергеевича Соловьева[185]. Ее организационное, институциональное оформление, становление идейных основ, направления интеллектуальных поисков были во многом связаны с революционным процессом в России 1905–1917 годов.

По отношению к Великой российской революции оформление религиозно-философской интеллигенции следует рассматривать в трех ипостасях: как порождение революционного процесса в России, как выразителя отечественной общественно-политической и общественно-религиозной мысли в условиях войн и революции, как отражение ключевых проблем культурной модернизации в России начала XX века.

Религиозно-философская интеллигенция приобрела организационное оформление в форме религиозно-философских обществ (РФО). Среди них следует выделить два наиболее крупных и значимых интеллектуальных объединений: Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева (МРФО) и Петербургское религиозно-философское общество (ПРФО).

Идейными вдохновителями и членами этих объединений стала видная часть светских богословов и представителей духовенства, художественной и научной интеллигенции, общественных деятелей: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрн, В. П. Свенцицкий, С. Л. Франк, Г. А. Рачинский, С. А. Дурыгин, Л. М. Лопатин, А. Белый, А. А. Блок, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Вяч. Иванов, П. Б. Струве и многие другие.

Первая русская революция сподвигла часть отечественной интеллигенции на институциональное объединение вокруг русской религиозной философии для поиска путей выхода из революционной ситуации в России посредством выработки концептуальных моделей преодоления системного кризиса российского государства и общества. РФО Москвы и Петербурга стали широкими интеллектуальными площадками для выдвижения и обсуждения концепций, на-

[185] *Набокина М. Е., Смирнова Ю. В., Токарева Е. А.* Российская религиозно-философская интеллигенция как социокультурный феномен начала XX века // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Т. 1. North Charleston, USA. 2016. С. 15–29.

правленных на разрешение злободневных вопросов отечественной общественно-политической жизни.

Основной целью создания МРФО и ПРФО было участие в общественно-политической и духовно-нравственной жизни России, посредством влияния взглядов и воззрений их участников на мировоззрение, прежде всего, отечественной интеллигенции. Основными направлениями в деятельности РФО была проведение публичных заседаний, философское и публицистическое творчество, выполнявшее культурно-просветительские, ценностно-ориентировочные функции, оказывающее воздействие на общественное сознание и общественное мнение широких кругов интеллигенции и духовенства.

Религиозно-философская интеллигенция принимала участие в наиболее резонансных общественных дискуссиях, связанных с осмыслением и рефлексией революционных событий. Ярким примером является «веховская дискуссия», в рамках которой представителями РФО С. Л. Франком, С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым был сформулирован концепт «новой интеллигенции», в основе которого лежал идеал социального служения отечественной интеллигенции, ее идентификации по социокультурным критериям, понимание интеллигенции в качестве движущей силы общественного процесса, в том числе, революционного.

Следует отметить, что большая часть представителей религиозно-философской интеллигенции, так или иначе, с надежной приняли Первую русскую революцию 1905–1907 годов, в этом отношении, члены МРФО и ПРФО были склонны к окололиберальным взглядам или умеренно-социалистическим идеям легального марксизма[186].

Представители религиозно-философской интеллигенции в условиях Первой мировой войны разработали концепцию христианского мессианизма, в рамках которого получила развитие идея священной миссии России в Первой мировой войне. Осуждая кровь и революционное насилие, они продолжали надеяться на развитие правового демократического государства в результате Февраля 1917 г., критиковали бездействие Временного правительства в условиях двоевластия. Большая часть религиозно-философской интеллигенции восприняли события Октября 1917 г. как трагический государственный переворот.

Интеллектуальные поиски РФО 1905–1917 годов наглядно продемонстрировали ментальный кризис самодержавной российской государственности. Видные представители МРФО и ПРФО транслировали откровенно оппозиционные позиции[187], идеи десокрализа-

---

[186] *Булгаков С. Н.* Карл Маркс как религиозный тип // Московский Еженедельник. 1906. № 22. С. 34–43.

[187] *Бердяев Н. А.* Анархизм // Русская мысль. 1907. Кн. 1. С. 26–45.

ции государственной власти, усматривали самодержавную систему в качестве главного виновника революционного процесса в России, рьяно поддерживали демократические революционные требования общегражданских прав и свобод, предлагали теоретические концепты новой национальной идеи на основе идеалов новой интеллигенции и религиозной общественности.

Кроме того, деятельность РФО также отразила мировоззренческий раскол общефилософских парадигм в среде отечественной интеллигенции. РФО активно представляло философские альтернативы объективного идеализма и религиозной метафизики[188], вступая в интеллектуальную борьбу с историческим материализмом и позитивизмом.

Религиозно-философская интеллигенция явила собой и культурный раскол российской общественности, прежде всего, отечественной интеллигенции, поскольку большую часть членов РФО следует считать представителями культуры «Серебряного века», которые отказались от критического реализма, религиозного агностицизма и сциентизма противопоставив этим культурным явлениям новую картину мира – «модернизм». Религиозно-философская интеллигенция стала частью российского модернизма.

Дискуссии в РФО Москвы и Петербурга отражали глубину религиозного вопроса Великой российской революции начала XX века, который содержал в себе целый комплекс догматических, религиозно-мировоззренческих, церковно-политических противоречий[189]. На заседаниях МРФО и ПРФО разрабатывались разные модели «христианского модернизма»: от отделения Церкви от государства и обновления религиозного сознания до развития «нового христианства», новой христианской конфессии. РФО стали центром общественного движения «церковного обновленчества» в России[190], что фактически ознаменовало новый церковный раскол в истории РПЦ.

Стоит отметить, что ПРФО отличалось большим радикализмом и обострением проблемы христианского модернизма[191], направленного на обновление, приспособление и адаптацию религиозного сознания и церковной жизни к новым социокультурным, социально-политическим российским и общемировым историческим условиям. Центральным же вопросом дискуссий МРФО была сущность церков-

---

188 *Бердяев Н. А.* Борьба за идеализм // Опыты философские, социальные и литературные: сб. статей. СПб., 1907.

189 Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в мат. и док. Т. 1. М., 2009.

190 *Соловьев А. В.* Интеллигенция и Православная Церковь в социокультурном развитии России конца XIX – начала XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. Иваново, 2009.

191 *Воронцова И. В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.

ной реформы и нового религиозного сознания, что в целом отражало общественную потребность в православной этике и православной морали.

При обсуждении нового религиозного сознания полемизировался вопрос об освящении материи и плоти, что свидетельствовало об актуализации гендерного вопроса в период Великой российской революции. На заседаниях «столичных» РФО впервые публично заговорили о проблеме пола. Велись споры о необходимости клерикального аскетизма и обета монашеского безбрачия, что отражало кризис патриархальной модели семьи в Российской империи начала XX века.

Религиозно-философская интеллигенция была глубоко убеждена в изжитости официальной РПЦ как политического и социального института и даже как духовного центра, переосмысляя основы православной догматики, развивая идеи религиозного гностицизма[192]. Любопытно, что усилия РФО были направлены на преодоление церковного кризиса в России, одним из симптомов которого было развитие их собственной внецерковной религиозности.

В начале XX века в России религиозное чувство стремительно выходило за церковные и конфессиональные пределы. Причины этого процесса необходимо рассматривать, на наш взгляд, в нескольких аспектах: в истории восточного христианства, в конкретно-исторических проблемах государственно-церковных и внутрицерковных отношений, в общемировых модернизационных процессах и оформлении неохристианства.

Искания РФО отражали общественную потребность в философском и светском осмыслении религиозных основ. К началу XX века в России не сложилось целостного философского богословия, в отличие от Западной Европы, прошедшей этапы средневековой схоластики и религиозной Реформации. В этой связи, усилия последователей В. С. Соловьева были направлены на синтез философской, религиозной, научной и художественной картин мира.

Интеллектуальные поиски московской и петербургской интеллигенции отражали запрос российской общественности на восстановление духовных скреп российского общества и государства, целостную богословскую и светскую картину мира. РФО стремилось к объединению и синтезу: социализма и либерализма, религиозного миропонимания с социализмом, либерализмом и анархизмом, христианства и светского гуманизма, разрабатывало концепции Вселенской церкви и вселенского христианства.

Результатом этих поисков стало то, что в общественно-политической мысли начала XX века представителями РФО были заложены

[192] Записки С.-Петербургского религиозно-философского общества. Вып. I. СПб., 1908.

идейные основы целого ряда общественно-политических течений: христианского социализма, мистического анархизма[193], «свободной теократии», социал-либерализма.

Общественно-политические и историософские искания религиозно-философской интеллигенции явились отражением духовного декадентства, эсхатологических ожиданий, разочарованности в безграничных возможностях прогресса и технократии, что ознаменовало собой издержки становления индустриальной культуры в России[194], общемировые проблемы эволюции капиталистического сознания начала XX века[195].

История религиозно-философской интеллигенции в России явилась выражением одного из наименее исследованных в историографии комплексов причин Великой российской революции – духовного раскола российского общества.

Главными его компонентами, по нашему мнению, являлись: ментальный кризис самодержавной российской государственности, непопулярность консервативной национальной идеи, неразвитость философского богословия в России и этической картины светского гуманизма, культурный раскол российской общественности, борьба общефилософских парадигм, религиозный и гендерный вопросы, ментальные проблемы становления индустриальной культуры в России.

РФО были ядром культурной модернизации России, христианского модернизма, с одной стороны, порожденным революционным процессом в России, с другой – подпитывавшим ментально его дальнейшее развертывание. Вместе с тем, деятельность РФО была направлена на поиск исторических альтернатив, консенсуса и компромисса различных разрозненных политических сил, общественно-политических и аксиологических моделей развития.

Симонов В. В.

Отзвуки 1917 года через столетие: современный кризис институционального христианства

Аннотация. Основная задача статьи – зафиксировать переход от тенденции развития церкви как социально-экономической подсистемы, которая стремится реализовать универсалистский потенциал

[193] *Иванов Вяч.* Основной миф в романе «Бесы» // Русская мысль. 1914. Кн. 4. С. 111–117.

[194] *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993.

[195] *Эрн В. Ф.* Идея катастрофического прогресса // Борьба за Логос. М., 1911. С. 198–219.

христианства, организовавшись в качестве целостной системы, которая охватывала бы общество в целом, – к возникшей под влиянием секулярной глобализации тенденции поглощения церкви как общественной подсистемы (если не de jure, то хотя бы на уровне социальной психологии в ее сопряжении со способами ведения хозяйства), внешней для церкви политико-экономической и идеологической системой мира сего.

Ключевые слова: глобализация, секуляризация, секулярная модель общества, институциональное христианство, системный кризис.

The reverberation of 1917 over a century: the contemporary crisis of institutional Christianity

Abstract. The main goal of the article is to fix the transition from the development trend of the church as a socio-economic subsystem that seeks to realize the universalist potential of Christianity by organizing itself as a coherent system that would embrace society as a whole, – to the originated under the influence of secular globalization tendency of the absorption of the church as a public subsystem (if not *de jure*, then at least at the level of social psychology in its interface with the methods of economic management) by the external for the church political, economic and ideological system of the secular world.

Keywords: globalization, secularization, secular society model, institutional Christianity, systemic crisis.

Реформация стимулировала развитие исторических процессов, сущностно изменивших экономические, политические, социальные и религиозные отношения в обществе. Базовые посылки учения Лютера (*quinquesola*) положили начало процессу формирования изнутри религиозной институции своеобразных догматических оснований для «вольнодумства», часто выходившего на границы религиозного и секулярного (начиная от права свободной индивидуальной библейской экзегезы безотносительно церковной традиции и заканчивая библейской критикой, итогом которой стало формирование парадоксального «христианства без Христа» – отрицание историчности Христа, Его божественного происхождения, евангельских чудес и проч.).

Тем не менее, новые тенденции вплоть до XVIII века *не подвергали сомнению тотальную религиозность мировоззрения*, являвшуюся одной из социальных доминант древности и средневековья.

Новым шагом в распространении секуляристских воззрений стала эпоха Просвещения, развитие которого было в определенной степени стимулировано протестантской идеологией, – время субъ-

ективного целенаправленного формирования в общественном сознании нерелигиозной (светской, научной) доминанты.

Если до того времени церковь, как социально-экономическая подсистема, в тенденции стремилась реализовать универсалистский потенциал христианства, организовавшись в качестве *целостной системы, которая охватывала бы общество в целом*, – то после этого идеологического переворота начинает развиваться тенденция к *поглощению церкви, как общественной подсистемы* (если не *de jure*, то хотя бы на уровне социальной психологии в ее сопряжении со способами ведения хозяйства), *внешней для церкви политико-экономической и идеологической системой мира сего.*

Но и в этот период *религиозная доминанта общественного сознания не была подвергнута конечной ревизии:* даже Великая французская революция, в определенный период своего развития продемонстрировавшая свой антихристианский характер, осталась в рамках религиозной модели сознания, ограничившись заменой католической религиозности вариантами религиозности деистской (культ «богини Разума» и др.).

В то же время итоги эпохи европейских буржуазных революций существенно трансформируют общество: со времени Французской революции 1789 г. государство формально и фактически отказывается от религиозного обоснования своего существования, формируется как светское, в основу которого положено делегированное народом государственной власти право осуществлять властные функции.

С этого времени основные общественные институты формируются на светских основах; предлагается *первая* в истории *секулярная модель* формирования общественных отношений, постепенно приобретающая глобальный характер. Тем не менее, эта модель не педалирует свою исключительную секулярность, признавая за религиозными отношениями право на существование, но – лишь на обочине общественного бытия и сознания.

Еще одним важным шагом на этом пути стал революционный взрыв 1917 г., затронувший не только Россию, но, впоследствии, и ряд европейских обществ. Марксистский атеизм, лежавший в основе ряда этих революций и победивший на долгие десятилетия в России, а затем в группе восточноевропейских государств «социалистического содружества» и «странах социалистической ориентации», *впервые в истории положил безрелигиозность в основу формирования общественного сознания.*

Таким образом, на историческую арену вступила *вторая секулярная модель* общественного строительства – так же, как и первая, претендующая на глобальный характер. Существенной особенностью этой модели стала исключительная секулярность: за религией не

признается даже права существования «в кулисах» общества, конечной целью модели признается ликвидация в обществе религиозных отношений как таковых[196].

Относительно кратковременное, в масштабах мировой истории, существование второй модели стало для институционального христианства временем определенной отсрочки секулярного натиска: его учение, облеченное в форму идеологии, использовалось на Западе как одна из антитез марксистской доктрине.

С ликвидацией общественной системы, исполнявшей роль носителя марксистской атеистической идеологии, секулярный характер глобальной модели, развитие которой было существенно активизировано на рубеже 80–90-х годов XX века, приобретает все более самодовлеющий характер. Активизирует свое развитие *третья секулярная модель* формирования общества, тем более тотальная, чем более она не встречает реального социального противодействия.

В этих условиях среди насущных проблем, стоящих перед мировым христианским сообществом, выделяется проблема ценностной ориентации, определяющей основы мироощущения человека.

С развитием глобализации христиане оказались в агрессивном секулярном окружении и – далеко не в большинстве (в населении мира христиане составляют порядка 1/3, а православные христиане – еще меньше).

Глобалистская идеология упорно навязывает всему миру новую систему ценностей, по большинству позиций – прямо противоположную шкале христианских ценностей.

Бог, церковь как коллективный организм, осуществляющий задачу сотворчества Богу, человек как «животное общественное»[197] и предназначенное к обожéнию, мир как объект преобразования человеком в соответствии со смыслом Божьих заповедей[198], – все эти экзистенциальные для христиан ценности секулярный мир стремится сдвинуть на обочину общественного развития. При этом

---

[196] В этом контексте знаковым можно считать относимое массовым сознанием к концу 50-х годов обещание, что то ли к концу семилетки, то ли в 1975, то ли в 1980 году (любой апокриф имеет различные изводы) по телевизору покажут, как музейный экспонат, «последнего попа», которое уверенно, но без всяких документальных подтверждений, приписывается Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и кочует в таком виде из публикации в публикацию, став уже «источником» ex se ipse.

Следует обратить внимание на тот факт, что «социалистическая идеология» в любом из известных вариантов предписывает религии быть уничтоженной – так, эта задача фактически была поставлена и относительно успешно решалась немецким национал-социализмом.

[197] *Немезий Эмесский.* О природе человека / Пер. Ф. С. Владимирского. М., 1998. С. 12.

[198] См. подробнее: *Симонов В. В.* Церковь – общество – хозяйство. М., 2005.

изменяется сама форма секулярного гонения на христианство: теперь его стараются просто не замечать как одну из значимых общественных сил, замалчивать, делают вид, что его как бы не существует[199].

В итоге названных процессов были заложены и развиты основы секуляризации общественной жизни и секулярной глобализации всех аспектов хозяйствования и политики, сформировался *социальный фон*, часто характеризуемый как «эпоха постхристианства»[200]. Для этого вывода существует ряд причин.

---

[199] См. подробнее: *Симонов В. В.* Церковь – общество – хозяйство. М., 2005. С. 7–32, 545–562.

[200] Как показал ряд публичных обсуждений приводимых нами тезисов, они часто понимаются в инвективном плане в отношении какой-либо определенной христианской конфессии (православие, католицизм, протестантизм в целом) или деноминации (лютеранство, кальвинизм и др.).

В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть: «Вместите нас. Мы никого не обидели» (2 Кор. 7, 2)! Мы ведем речь 1) исключительно об институциональном христианстве как таковом (т.е. христианстве институционально организованном и имеющем клерикальную, по большей части иерархическую структуру), без относительно конкретных конфессий и деноминаций, поскольку все они в той или иной мере подвержены воздействию указанных кризисных явлений, а также 2) об объективном социальном фоне, в процесс формирования которого внесли разный по весам вклад те или иные объективные исторические процессы.

В то же время такая «инвективная» реакция свидетельствует о том, что в определенной своей части общество не готово к адекватному научному восприятию объективной реальности в ее полноте и отторгает ту ее часть, которая может внести элемент дезорганизации в интуитивно сложившееся субъективное мировосприятие. Перечисленные кризисные явления вполне могут представлять собой закономерную часть естественноисторического процесса развития церковной институции.

Κρίσις по-гречески – «суд», «решение», «поворотный пункт», «исход». О суде над миром говорил Основатель Церкви, приуготовляя Своих ближайших последователей к таинству Своей крестной смерти, которая должна была стать открытием жизни для всего мира: «Ныне суд миру сему»,«ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Ин. 12, 31).

«О грехе и о правде и о суде» – περὶ κρίσεως (Ин. 16, 8) пришел «обличить мир» Святой Дух в день Пятидесятницы, ставший днем образования земной Церкви Христовой. Этот суд, состоящий в том, «что князь мира сего осужден», κέκριται (Ин. 16, 11), – одновременно и поворотный пункт, от которого должен быть начат отсчет практической реализации того неотмирного учения (см.: Ин. 18, 23, 36), благовестие которого является основной задачей церкви.

Странно было бы даже с богословской точки зрения, если бы сама земная институциональная церковь не была бы подвержена этому общему кризису-суду – в той мере, в какой в ней присутствуют подлежащие суду элементы мира сего, от которых она необходимо должна быть очищена: «что будет с народом, то и со священником; и накажу его по путям его, и воздам ему по делам его» (Ос. 4, 9; Ис. 24,2).

В этих сложных для мирового христианства социально-исторических условиях значимость объективного церковно-исторического исследования для общества многократно возрастает. Неангажированный исторический анализ дает возможность определить проблемное поле, связанное с позиционированием церковной

Один блок причин создает само общество, процесс стремительной глубинной секуляризации которого был начат эпохой Просвещения.

Развитие глобальных экономических процессов показывает, что глобализация утратила даже те немногие созидательные качества, которые в ней наблюдались изначально. Глобальный рынок все более приобретает монополярные характеристики, все менее учитывает интересы даже промышленно развитых стран, не говоря о развивающихся. Созданные глобальные экономические связи начинают использоваться в политических интересах – в целях подавления демократических стремлений, внедрения извне определенных политических моделей развития и при этом привязывают государства – объекты влияния, в качестве сателлитов, сырьевых придатков, к региональным или глобальным экономическим группировкам. Более того, дестабилизирующий потенциал секулярного глобализма активно используется для экономического и военно-политического давления на многие страны и народы, что мы видим и на примере нашей страны.

Несомненно, все это не может не затрагивать духовных основ жизни христианского общества, не ставить перед ним экзистенциальных проблем, требующих от церкви не только глубокого богословского осмысления, но и непосредственных миссионерских дел.

В то же время секулярное общество проявляет гораздо бóльшую готовность видеть в церкви тó, чтó оно само, в меру своей подготовленности, думает о ней, чем тó, чтó церковь в действительности представляет собой со дня своего основания.

Подобные процессы а) формируют социальную модель, в которой любое религиозное проявление рассматривается как нечто внешнее по отношению к личности и не определяющее ни ее мировоззрение, ни социальное поведение; б) вносят существенный вклад в формирование убеждения в отсутствии необходимости определенной мировоззренческой ориентации личности на бытовом уровне, чем способствуют углублению десоциализации личности, как важной составляющей процесса глобализации.

Другой блок причин складывается в рамках церкви (если расширительно понимать ее как конгломерат различных христианских конфессий и деноминаций) под воздействием всеохватывающей тенденции социальной секуляризации.

Общественная тенденция, берущая свое начало из эпохи Просвещения и развивавшаяся на протяжении XIX–XX вв., ставит перед

структуры в определенных исторических обстоятельствах, и содействовать поиску адекватных путей ответа на вызовы, формируемые новой эпохой, объективно способствуя тому, чтобы объект исследования историка церкви – мировое христианство – не вошел в такое состояние, когда он может представлять для общества только исторический интерес.

этим живым организмом ряд экзистенциальных проблем, которые не только определяют собой особенности развития церковного организма, но формируют ряд взаимосвязанных кризисных явлений, с которыми сталкивается современное институциональное христианство[201].

Кризис церковного общественного сознания. Давление современной общественной психологии (в значительной части сформированной под влиянием протестантских организационно-религиозных представлений) ведет к *индивидуализации* церковного сознания. Определенную роль в этом процессе играет прогрессирующая в ходе истории *клерикализация церкви* – формирование отношения к церкви преимущественно как к совокупности клира и церковных институций с соответствующим снижением значения мирян в повседневной жизни церкви и в церковном управлении.

Церковь начинает пониматься не как онтологическая, постоянно существующая община, а как совокупность отдельных личностей, от случая к случаю собирающихся вместе. Это выражается как в формировании *индивидуалистической модели личной религиозности* («религия – частное дело каждого»), так и в попытках в рамках Тела Христова *реализовать индивидуалистический социальный потенциал*, не находящий выхода в политике, профессиональной и общественной деятельности.

Кризис сознания соборности. Соборность, в духе времени, подменяется более привычным принципом демократии, т. е. решением формального (или неким образом формализованного) большинства и обязательностью этого решения для всех.

Кризис сакральности (*десакрализация* или *профанация сакрального*). В условиях доминирования в общественном сознании материалистического мировосприятия церковь перестает манифестировать себя как сакральную структуру, часть целостного сакрального (богочеловеческого) организма. Под давлением общества она сама начинает воспринимать себя не как Тело Христово – живой организм со всеобъемлющими жизненными функциями коллективной личности, но как *отдельную* (или – отделенную) от религиозной личности *социальную организацию* (корпорацию) с узко очерченными функциональными обязанностями: предоставлять «религиозные услуги» и «услуги» в сфере благотворительности.

Литургический кризис. Нарушение мистико-реального восприятия таинства Евхаристии на уровне личной и коллективной религиозности, распространяющееся и на другие виды богослужения, превращает

---

[201] Конкретные примеры, иллюстрирующие нижеприводимые соображения, заинтересованный читать может найти в изд.: Общая история Церкви: Учеб. пособие / Под ред. В. В. Симонова. В 2 т. (4 кн.). Т. 2: От Реформации к веку секулярной глобализации: XVI – начало XXI века. Кн. 2: Вызов религиозного синкретизма: проблема экуменизма. XX – начало XXI века. М., 2017 (раздел «Заключение»).

богослужение из потребности в обязанность, а секуляризация сознания ставит его в положение обязанности, которой можно пренебречь.

Социальный кризис. Существенное сужение социальной базы церковных институций произошло прежде всего ввиду того, что капиталистическое производство вырвало пролетариат из церковной ограды: церковь «потеряла рабочий класс».

Гендерный кризис. Превалирующая эксплуатация мужского труда, приводящая к сокращению свободного времени, в сочетании с последствиями «потери рабочего класса» в связи с развитием капитализма, негативно сказываются на религиозной активности мужского населения. В итоге женщины в христианских общинах занимают не только место «хранительниц религии», но и включаются в систему отправления культа в роли священнослужительниц. Таким образом, гендерный кризис угрожает перерасти в кризис клерикальной структуры «традиционных» институциональных церквей.

Возрастной кризис. Молодое поколение часто оказывается наиболее индифферентным к христианству. Влияние возрастного кризиса сказывается и на пастырском служении: недостаток молодых кандидатов во священство ведет к тому, что пастырями становятся люди отнюдь не всегда высшего ментального и образовательного уровня.

Догматический кризис. Время и секулярная доминанта выработали в современных христианах исключительное равнодушие к догматам: все равно, ка́к именно спасаться, потому что десакрализующаяся церковь, рассматриваемая в смысле общественной корпорации, должна спасти «потребителя» своих «услуг» не в метафизическом Царстве Небесном, а – здесь и сейчас.

Организационный кризис и связанный с ним *кризис канонического сознания.* Если для протестантизма организационный, деноминационный плюрализм – состояние естественное, исходящее из глубин богословия основоположников реформационного вероучения, то для «традиционных» христианских конфессий он явился новостью, рожденной новейшим временем.

Нравственный кризис, который связан с растущим влиянием на церковь секулярной глобализации, ставящей во главу угла «успешность» любой ценой и измеряющей ее только количеством денег.

Таким образом, новейшее время с его секулярной идеологией и политическим глобализмом сформировало две важные особенности в восприятии обществом христианства:

1) под влиянием доминирующей ориентации общества на потребности окружающего мира происходит постепенная *переориентация религиозной ценностной шкалы*: место трансцендентного метафизического спасения в ней занимает поиск «спасения» посюстороннего – материального, немедленного и чаще всего имеющего денежное выражение;

2) христианству угрожает опасность превращения *из универсального в этнографический феномен.*

Кризисные явления в рамках глобальной социально-политической и экономической модели, начало которым было положено в начале XXI века, сочетающиеся с проявлением внутреннего кризиса институционального христианства, создают объективные условия для включения христианства *в идеологическую систему*, конструируемую политическими властями государства (вне зависимости от содержания вероучения и позиции церковных властей), в качестве *составной части идеологии* политико-национального унитаризма.

В этих условиях основная миссионерская задача церкви приобретает смысл, который она имела в первохристианские времена. Каждый христианин теперь, и в особенности – каждый миссионер, имеющий специальное послушание, – это «свидетель мученик», μάρτυς, который должен своим личным примером являть в мире Христову истину.

Эта истина – не только и не столько в знаниях, которые в течение уже третьего десятка лет церковь в России имеет возможность невозбранно получать и распространять. Эта истина – в том, чтобы сделать названные знания частью жизни, чтобы сама жизнь христиан стала свидетельством о Христе. А в современном агрессивно-секулярном мире такое свидетельство подчас может заканчиваться мученичеством.

Таканова Н. С.

Московское духовенство и противодействие революционной пропаганде в начале XX века

Аннотация. Рассматривается участие представителей духовенства Москвы в противодействии революционной, социалистической и атеистической пропаганде в начале XX века. Используются как опубликованные, так и архивные материалы. Делается вывод о том, что представители духовенства в целом, и московского в частности, пытались противопоставить распространению социализма, атеизма и революционных идей духовно-нравственное просвещение народа и повышение его образовательного уровня.

Ключевые слова: Русская православная церковь, московское духовенство, церковная деятельность.

The clergy of Moscow and the countermeasures to revolutionary propaganda in the early 20th century

Abstract. The article deals with the problem of participation of the clergy of Moscow in the countermeasures to revolutionary, socialist, atheistic propaganda in the early 20th century. The research is based on pu-

blished sources as well as on the archival ones. The author concludes that the representatives of the orthodox clergy, Muscovites in particular, tried to confront the spread of socialism, atheism and revolutionary ideas by the improvement or educational level of common people and spiritual and moral enlightenment.

Keywords: Russian Orthodox Church, Moscowclergy, church activities.

Социальные, культурные, политические и экономические проблемы начала XX века, Первая мировая война, революции 1905–1907 и 1917 гг. привлекают внимание множества исследователей. В настоящее время вызывает значительный интерес роль Русской православной церкви в бурных и противоречивых событиях этого периода.

В статье рассматривается участие представителей духовенства города Москвы в противодействии революционной, социалистической и атеистической пропаганде в начале XX века. Источниковый материал для исследования данной темы богат и разнообразен. Он включает в себя материалы периодической печати, письма, отзывы, воспоминания современников, официальные, делопроизводственные документы, статистические данные. Широта и многоплановость темы позволяют ввести в научный оборот множество новых источников, неопубликованных и не привлекавших ранее внимания историков. Прежде всего, это касается ценных сведений, которые содержатся в архивных документах. При работе над докладом были использованы материалы фондов ЦГА г. Москвы, ГА РФ и РГАДА. Изучение данной темы представляется актуальным для определения роли духовенства в жизни большого промышленного города в предреволюционный и революционный период, степени его влияния и авторитета в обществе, тех задач, что ставили перед духовенством светские и церковные власти, и их практического осуществления.

Широкое распространение в рассматриваемый период революционных настроений, рост социалистической и атеистической пропаганды вызывали все возрастающее беспокойство у государственной власти. В качестве одной из мер противодействия разрушительным тенденциям и охранения законности и порядка в империи предполагалось использовать влияние на народные массы Русской православной церкви и ее пастырей. Сами представители высшего и низшего духовенства были встревожены упадком веры в народе и в среде образованного общества, распространением безверия (а также суеверий, сектантства, увлечений альтернативными течениями – спиритизмом, оккультизмом, теософией) и признавали насущную необходимость просвещения населения. Такая работа осознавалась частью внутренней миссии – не менее важной и необходимой, чем миссия внешняя.

На примере деятельности духовенства города Москвы можно проследить основные направления и тенденции внутренней миссии (той ее части, что касалась обличения социализма и революционной агитации), ответить на вопросы о том, насколько действия церковных властей и отдельных активных священников и мирян были ответом на сложившуюся в обществе ситуацию, какие формы принимала их деятельность и каких результатов удавалось достичь.

Духовенство в основной массе с беспокойством смотрело на развитие в обществе революционных течений. Осуждались призывы к насилию, убийствам, грабежам, забвение христианских заповедей, ужасы революционного террора. В этом смысле типична и характерна оценка революционных событий 1905 г. в письме одного из корреспондентов наместника Чудова монастыря архимандрита Арсения (Жадановского) некоего иеромонаха Петра из Покровского монастыря в Угличе. Он пишет 25 декабря 1905 г. с особенным сокрушением и сочувствием: «Скорбят теперь все, но более всех должны скорбеть и скорбят душ пастыри народные, которым Бог вручил душу народную...»«У нас не слышны ружейные залпы и браные крики и по-видимому все спокойно... Вся жизнь отошла к центрам...»[202]. В этих словах отражается осознание отдельными представителями духовенства своей личной ответственности за упадок веры и нравственности в народе.

Кроме того, в период революционных потрясений, беспорядков и народных волнений страдали церковные святыни, поэтому представители духовенства призывали прихожан встать на их защиту.

На 4-м Миссионерском съезде в Киеве (12–26 июля 1908 г.) впервые специально был поставлен вопрос о необходимости как для духовных лиц, так и мирян самостоятельно бороться с наплывом социалистических и атеистических учений. Обращалось внимание на тот факт, что распространение безбожия, религиозного индифферентизма, «мужицкий нигилизм» происходят из глубокого невежества. «Мы должны теперь создавать чисто церковные способы для религиозного обучения народа, – учить его в храме и пока нас не изгнали из школ, из казарм, из общества (а изгонят несомненно, это только вопрос будущего), – учить положительным истинам веры на всяком месте, при всяком удобном случае»[203] – говорилось в статье «Положительное церковное учительство». Таким образом, успех распространения социалистических и атеистических идей приписывался недостаточному уровню народного образования, и именно участие духовенства и активных мирян в просвещении населения признавалось ключевым для решения проблемы.

---

[202] РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Ед. хр. 1568. Л. 15–15 об.

[203] *Восторгов И. И., прот.* Народно-катехизаторские и народно-миссионерские курсы. Опыт руководящих указаний. М., 1911. С. 74.

Одной из форм деятельности, противопоставляемых революционной агитации в народной среде, были религиозно-нравственные собеседования с народом, вошедшие в широкую практику с конца XIX века. Светские власти предполагали, что подобные собеседования помогут организовать культурный досуг населения, прежде всего рабочих, отвлечь их от недовольства своим положением и увлечения социалистическими идеями.

В качестве примера можно рассмотреть религиозно-нравственные собеседования с народом при московской Троице-Зубовской церкви[204] (1882–1899). Среди предметов собеседований здесь числятся: объяснение Евангелия, нравственных выводов из него, ближайших ко дню собеседования праздников, богослужения и церковных обрядов. Были беседы на тему «О том, что мы должны быть довольны своим званием и состоянием» (3 апреля 1883 г.). «Христианский взгляд на бедность» (24 января 1888 г.). «О неравенстве человеческих состояний» (20 января 1891 г.). 21 октября 1891 г. было и собеседование о помощи голодающим. Таким образом, практически мы почти не видим бесед, прямо затрагивающих социальные и политические проблемы современности (всего четыре за все время проведения собеседований), поскольку упор делался на духовно-нравственном просвещении и объяснении основных положений христианства, богослужения и церковных обрядов.

Проводились внебогослужебные собеседования также при Даниловском монастыре[205] в воскресенье после богослужения (1902–1914). По статистике, которая велась организаторами собеседований, поначалу их посещало в среднем 200–300 человек. Даже в революционном 1905-м максимальное количество слушателей достигало 350 человек. В 1906 г. количество слушателей постепенно уменьшается: 50–80 человек. Интерес к собеседованиям постепенно падает в 1910–1912 гг., что выразилось в сокращении числа слушателей и частой отмене бесед. Начинались и сопровождались собеседования общим народным пением. Таким образом, можно констатировать широкий интерес к церковным собеседованиям, который не ослабевал даже в период революционных беспорядков, но постепенно затухал уже позднее, вероятно, по причине повторяемости тем собеседований и отсутствия новых слушателей. В 1902 г. читались собеседования о заповедях. В беседе священника Воскресенской за Даниловым монастырем церкви Павла Любимова о грехах против первой заповеди говорилось в т. ч. о безбожии, но также о многобожии, неверии, богоотступничестве. В беседе о 5-й заповеди диакон Иоанн Парусников говорил о почитании государя, пастырей, начальствующих и благодетелей, любви

[204] ЦГА г. Москвы. Ф. 2125. Оп. 1. Ед. хр. 186.
[205] РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Ед. хр. 601.

к отечеству. В 1903 г. говорили о богослужении, храме, иконах, священниках и клире, священных сосудах и других предметах, необходимых при богослужении. В 1904 г. предметом собеседований стали богослужебные книги, церковный звон, церковное пение, было четыре лекции о посещении храма и благотворительности. В связи с революционными событиями было только два собеседования: 23 января 1905 г. – «о любви к отечеству и обязанности подданных по отношению к государю императору и его правительству» и 27 марта 1905 г. – «печальные события последнего времени, следствия греховного состояния общества. Призыв к покаянию»[206]. Примечательно, что для обоих был приглашен специальный лектор, не из числа обычно проводивших здесь собеседования, священник Скорбященской церкви при Алексеевской больнице Измаил Лепорский. Данный факт указывает на некую искусственность введения этих собеседований в общую программу. С сентября 1905 г. были собеседования по истории Церкви, в 1906 г. – про святителей, в 1907 г. – объяснение Евангелия, потом объяснение Деяний, далее опять о святых и о Символе Веры. Программа собеседований в Даниловом монастыре опровергает упреки светской прессы того времени в несистематичности внебогослужебных собеседований. Здесь налицо четкая программа, которая могла дать слушателю широкие представления о христианстве, истории Церкви, обязанностях, добродетелях, основах нравственности православного христианина. С большим трудом обнаруживаются призывы «к неуклонному соблюдению законов и повиновению законным властям»[207], на которых настаивали не только светские власти, но и Синод. Собеседования были в основном сосредоточены на духовно-нравственном просвещении.

Беседы, проводившиеся в Чудовом монастыре, несколько отличались по тематике[208]. В них, кроме традиционных тем о христианстве, грехах и добродетелях, объяснений дневного Евангелия, можно обнаружить больше материала, затрагивавшего актуальные социальные и политические вопросы современности. 2 ноября 1903 г. иеромонах Арсений читал на тему «во всяком звании и положении для христианина достижимо спасение» (присутствовало 700 человек). 15 февраля 1904 г. иеромонах Мефодий читал о войне (довольно оперативная реакция на начавшуюся Русско-японскую войну). 25 апреля 1904 г. наместник архимандрит Арсений беседовал на тему: «последние события на Дальнем Востоке должны располагать нас к молитве и доброделанию» (присутствовало 650 человек). 12 сентября 1904 г. прот.

---

[206] РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Ед. хр. 601. Л. 5.

[207] Цит. по: *Грабко М. Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. М., 2017. С. 41.

[208] РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Ед. хр. 1668.

Иоанн Ковалевский проводил собеседование под названием «О христианском милосердии во время войны», позднее он же беседовал «О значении общественной молитвы во время войны» (17 октября 1904 г.). 16 октября 1905 г. иеромонах Платон читал на тему «О гневе Божием на Русскую землю (различные бедствия, охватившие всю Россию, со стороны внутренних врагов)» в присутствии 600 человек. Интересен отзыв-жалоба, поступивший на это собеседование в адрес наместника монастыря: «Более допустимо, если бы этот листок читался в татарской мечети, но никак не в христианском храме»[209]. «Главные черносотенники митрополит Московский Владимир и епископ Серпуховской Никон, один сочиняя, другой рассылая эти листки, должно быть забыли, что они христиане, потому что истинный христианин, а тем более служитель алтаря не позволит себе проклинать ближния своя»[210]. Таким образом, анонимный представитель общественности достаточно резко отреагировал на попытку провести политическое чтение в рамках внебогослужебных собеседований.

Еще одной мерой, призванной путем просвещения народа противодействовать распространению «вредных» учений, была организация церковно-приходских школ.

При Даниловом монастыре действовала одноклассная церковно-приходская школа[211]. В 1902 г. в официальном отчете школы специально указывалось: «Факты благотворного влияния школы на учеников очень заметны: при проходе учеников мимо монастыря они снимают шапки и крестятся, при встрече с духовными лицами – кланяются, при посещении кем-либо школы встают со своих мест. Население относится к школе с благодарностью, каковую приходилось неоднократно выслушивать от родителей учащихся»[212]. Интересно сравнить эту формальную оценку роли школы (которая, как и всякая отчетность, во многом подстраивалась под задачи, что ставились перед учреждением) с воспоминаниями ее ученика Михаила Макарова. Он с благодарностью писал о раздаче хлеба на завтрак, с теплотой говорил об учителях, ностальгически описывал школьное паломничество в Троице-Сергиеву лавру[213]. Для него и, возможно, для других учеников школа была центром заботы и образования, намного более чем воспитания законопослушного и почтительного подданного.

Большое значение имела также издательская (издание книг, брошюр, журналов, газет и листков) деятельность. Несомненно, здесь выделяются статьи, издания, проповеди прот. И. И. Восторгова (пропо-

---

[209] РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Ед. хр. 1570. Л. 118.

[210] Там же. Л. 118 об.

[211] Там же. Ф. 1188. Оп. 1. Ед. хр. 521.

[212] Там же. Л. 34.

[213] *Макаров М. И.* Сокровенная память души: записки старого москвича. М., 2007. С. 59–143.

ведника-миссионера Московской епархии с 1906 г.), в частности, издававшаяся им газета «Церковность»[214]. Также интересна статья епархиального миссионера священника И. Васильева «К оживлению приходской миссии» (22 января 1911 г.)[215].

В докладе прот. И. Восторгова на 4-м Миссионерском съезде в Киеве «Проповедь социализма и ее успех среди учащейся молодежи и, главным образом, среди рабочих и крестьян» обращено внимание на то, что социал-демократическая пропаганда усилилась в России с 1896 г., но только в 1905–1906 гг. пропагандистская литература была массово выброшена в народ. При этом литературы по опровержению не было. Поэтому автор предлагает два пути: 1) теоретическая борьба с социализмом; 2) практическая – содействие уврачеванию социальных язв. В связи с этим важно поднять интерес духовенства к благотворительным учреждениям вблизи фабрик и заводов. Необходимо доказывать народу атеистическое направление революционного движения в России. Нужно объединить рабочих вокруг приходских храмов, духовно и нравственно их просвещать[216]. На том же съезде прозвучал доклад И. Г. Айвазова «К вопросу о мерах народно-литературной борьбы с социализмом».

В связи с издательской можно назвать и проповедническую деятельность московского духовенства. Н. П. Розанов, преподаватель Московской духовной семинарии положительно отзывался о деятельности митрополита Московского Владимира (Богоявленского) по оживлению проповедничества[217]. Большое значение имели проповеди того же Иоанна Восторгова, которые часто печатались в «Московских церковных ведомостях» и выходили в отдельных изданиях. В них он утверждал, что социализм и капитализм оказываются родными братьями, поскольку смотрят на человека только с телесной стороны, игнорируя духовные запросы[218]. Поэтому социализм унижает рабочего, когда дает ему право лишь на удовлетворение материальных потребностей[219].

Другим способом противодействия революционной и социалистической пропаганде была консолидация сил внутри самого на-

---

[214] Ему же принадлежит сборник проповедей и статей «Вопросы религии и Православия в современной Великой войне» (М., 1915) и «Опыт противосоциалистического катехизиса» (М., 1913). Обе книги изданы Комиссией по организации общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы.

[215] Православная Москва в начале XX века. М., 2001. С. 357–359.

[216] *Восторгов И. И., прот.* Народно-катехизаторские и народно миссионерские курсы... С. 115 – 120.

[217] Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Т. 1. 1900–1917. Конец Синодального периода. Кн. 1. М., 2014. С. 355.

[218] *Священномученик прот. И. Восторгов*. Полн. собр. соч. Т. 5. СПб., 1998. С. 25.

[219] Там же.

рода, путем организации при участии духовенства народно-миссионерских курсов, лекций и чтений. В 1874 г. в Москве организована Комиссия по устройству в Москве публичных народных чтений. На 1902 г. приходится создание Комиссии по организации чтений для фабрично-заводских рабочих. Народно-миссионерские курсы стали последствием Определения Святейшего Синода от 20–26 мая 1908 г. № 3443 «Правила об устройстве внутренней миссии» о том, что защита от лжеучений, инославия, раскола, сектантства и неверия, а также обращение в лоно Церкви могут совершаться: 1) самим верующим народом; 2) приходскими пастырями; 3) лицами, специально посвятившими себя миссионерской деятельности. Курсы продолжались в течение нескольких месяцев, два-три раза в неделю. Программа предусматривала преподавание Священного Писания, Священной истории Ветхого и Нового Заветов, церковной истории, православного катехизиса, православного богослужения, истории и обличения сект, раскола и социализма, а также общенародное пение[220].

На женских богословских курсах в Москве тоже читался критический обзор социализма вкупе с сектоведением и историей раскола (преподаватели И. Г. Айвазов, Н. Ю. Варжанский).

Вопросом, заслуживающим особого рассмотрения, является деятельность православных братств. Но можно сказать, что они играли заметную роль. Например, в Братстве святителя Алексия, открытом в Чудовом монастыре, члены из рабочих составляли большинство[221].

Важным явлением начала XX века стало трезвенническое движение. В1899 г. Синод призвал духовенство бороться с народным пьянством. Деятельное участие в этой борьбе принял Московский митрополит Владимир (Богоявленский). Предполагалось, что противодействие пьянству улучшит общее нравственное состояние народа и приведет к уменьшению интереса к социалистическим и атеистическим идеям, которые проповедуются, как известно, зачастую в кабаке[222]. Впрочем, привлечение Церкви к антиалкогольной кампании было одобрено далеко не всеми, даже среди людей церковных. Тем не менее, показательна широкая и разнообразная деятельность, например, Варнавинского общества трезвости. Его членами были в основном рабочие, и именно они в период революционных событий весны 1917 г. отстаивали свое Общество и спасали его помещения от реквизиции[223].

---

[220] *Восторгов И. И., прот.* Народно-катехизаторские и народно миссионерские курсы... С. 7–8.

[221] РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Ед. хр. 1270.

[222] На это обращалось внимание, в частности, на 4-м Миссионерском съезде, см.: Опыт противосоциалистического катехизиса... С. 131.

[223] ГА РФ. Ф. 9452. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 79–82 об.

Для повышения образовательного уровня самих представителей духовенства устраивались разнообразные курсы для священнослужителей. 20 сентября 1910 г. учреждены Московские пастырские противосектантские и противосоциалистические курсы в Епархиальном доме. Они проходили с 15 ноября по 15 декабря 1910 г. Здесь преподавались история и обличение сектантства и социализма[224]. Высказывались предложения преподавать сведения по обличению социализма в духовных семинариях.

Итак, даже из краткого обзора видно, что деятельность московского духовенства по противодействию революционной, социалистической и атеистической пропаганде была широка и многогранна. Она вписывалась в общую программу духовно-нравственного просвещения народа и составляла лишь малую ее часть, ни в коей мере не являясь самоцелью. Именно поэтому взгляды государственной власти и отдельных представителей духовенства на обязанности Церкви в борьбе с революцией и методы, которые необходимо использовать, не всегда совпадали, а официальные отчеты и директивы и практика порой значительно отличались.

---

[224] Православная Москва... С. 355.

Раздел 6

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Абрамова Н. Г.

«Россия накануне великих свершений» (о книге профессора В. И. Бовыкина)

Аннотация. В статье дана многоаспектная характеристика монографии В. И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1988). В книге подведены итоги изучения советскими учеными в 1960–1980-х годах социально-экономических проблем истории страны на рубеже XIX–XX веков. Вместе с тем опыт отечественной исторической науки рассмотрен В. И. Бовыкиным в контексте мировой историографии.

Ключевые слова: историография Октябрьской революции 1917 г., социально-экономическая история, В. И. Бовыкин.

Russia on the eve of the Great Achievements: a case study of Professor V. I. Bovykin's book

Abstract. The article presents the multifaceted feature of the monograph of V. I. Bovykin «Russia on the eve of great events. To study of the socio-economic conditions of the great October socialist revolution» (Moscow, 1988). In the book are summarized the results of studies by Soviet scientists in 1960–1980s of the socio-economic problems of the country's history at the turn of 19–20th centuries. However, the experience of domestic historical science deals with V. I. Bovykin in the context of world historiography.

Keywords: historiography of the October revolution of 1917, socio-economic history, V. I. Bovykin.

Развитие современной науки невозможно представить без учета накопленного опыта, без использования научных достижений пред-

шественников. В последние годы ученые отошли от нигилистического взгляда на советскую историографию и предпринимают попытки дать объективную картину развития советской исторической науки, что способствует прогрессивному развитию исторических исследований в нашей стране.

В январе 2017 г. исполнилось 90 лет со дня рождения видного историка и педагога Валерия Ивановича Бовыкина (1927–1998). Историческое сообщество высоко оценивает значение трудов профессора В. И. Бовыкина для изучения различных проблем социально-экономической истории России и истории международных отношений второй половины XIX – начала XX века.

Считается, что человек жив, пока его помнят. Для таких видных историков, каким являлся Валерий Иванович Бовыкин, это означает изучение его трудов и развитие тех научных направлений, которые были предметом его многолетних занятий. В. И. Бовыкину повезло в этом смысле. Он сумел выучить и воспитать целую команду специалистов, под его руководством была создана научная школа. Более трех десятков кандидатов наук и полтора десятка докторов наук, вышедших из нее, коллеги профессора продолжают и развивают изучение тематики, лежавшей в сфере его научных интересов, – проблем социально-экономической и социально-политической истории рубежа веков, ищут новые методы и приемы анализа сложной картины российской действительности и места России в мировой системе накануне революции.

Книга профессора В. И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» была подготовлена к 70-летию Октябрьской революции. Вышла она в издательстве «Наука» в 1988 г., ее ответственным редактором был академик И. Д. Ковальченко, что само по себе свидетельствовало о высоком профессиональном уровне исследования. Монография определенно представляет собой большой научный вклад в отечественную историографию, хотя она небольшая – всего 152 страницы.

Следует отметить, что по прошествии времени стало абсолютно понятным, что книга подвела черту изучения в советской историографии 1960–1980-х годов проблем социально-экономической истории страны на рубеже веков. Почти одновременно с книгой вышли и две статьи В. И. Бовыкина по этой проблематике – «Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о „новом направлении" в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (История СССР. 1988. № 5) и «Еще раз к вопросу о „новом направлении"» (Вопросы истории. 1990. № 6). В последней автор так написал о своей монографии: «В ней предпринята попытка показать, на какой системе конкретно-исто-

рических знаний строятся современные представления об экономике дореволюционной России. В той мере, в какой позволял ее объем, она отражает результаты исследований нескольких поколений историков. Это и установленные ими конкретные факты экономической жизни страны, и массовые количественные данные, характеризующие динамику ее капиталистического развития»[1].

Проблема предпосылок революции находилась в центре научных интересов В. И. Бовыкина. Но следует подчеркнуть, что ученый был искренен в своих оценках прошлого, он не изменял своим взглядам и убеждениям под влиянием обстоятельств. Известный американский ученый Пол Грегори писал, что «хотя большинство работ В. И. Бовыкина было опубликовано в то время, когда господствовали идеологические ограничения, его основные труды лишены идеологической предвзятости и политических пристрастий»[2]. Коллеги и ученики профессора вспоминают, что были несколько удивлены, что в разгар перестройки исследователь издал книгу с таким названием и таким подзаголовком, советовали снять подзаголовок, поменять название, ведь многие в то время резко меняли свои взгляды, учитывая сложившуюся конъюнктуру. Но он продолжал считать революцию великим свершением не потому, что был не способен к творческому подходу. Он был настоящим ученым, он хотел налаживать контакты с зарубежными коллегами, сотрудничать с историками и экономистами мирового уровня, работать в зарубежных архивах. «Наша беда заключалась в том, что кроме Ленина и, разумеется, в той или иной мере Маркса и Энгельса, мы тогда почти ничего не знали», – сетовал позже историк[3].

Американский профессор Лео Хаймсон считает, что «для Валерия, как и для большинства его коллег, существовали исторические закономерности и законы, которые надо было учитывать при проведении исследований по экономической истории России. Одним из них было теоретическое положение о том, что высокий уровень экономического развития России (и особенно ее финансового капитала) в конце XIX в. – 1917 г. создавал предпосылки Октябрьской революции... Решающее значении, которое Валерий Иванович придавал изучению роли финансового капитала в развитии промышленности и возникновении монополий, а также приоритет, который он отвел этой тематике в своей работе и работе сотрудников и аспирантов... безусловно, помогли ему и его коллегам внести важный и не-

---

[1] *Бовыкин В. И.* Еще раз к вопросу о «новом направлении» // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 172.

[2] *Грегори П.* Мои встречи с В. И. Бовыкиным // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сб. статей. М., 2001. С. 35.

[3] *Бовыкин В. И.* Из опыта архивных разысканий // Экономическая история. Ежегодник-1999. М., 1999. С. 46.

заменимый вклад в развитие российской историографии... И несмотря на удары его оппонентов и растущие затруднения, с которыми он встречался в отстаивании своей позиции, он защищал ее до конца своей жизни. Он писал статьи и даже опубликовал монографию[4] в попытке опровергнуть критику своих оппонентов»[5].

В. И. Бовыкин активно контактировал с иностранными коллегами, хорошо владел иностранными языками. К моменту создания книги (в 1986, 1987, 1989 годах и позже) он регулярно сотрудничал с Домом наук о человеке и Школой высших исследований по социальным наукам в Париже, неоднократно выступал на Международных конгрессах по экономической истории, где со временем стал одним из ведущих участников, на международных симпозиумах и коллоквиумах. Уже с 1960-х годов профессор выявлял в архивах французских банков материалы, ставшие основой его исследований. В общей сложности он работал в 12 государственных и частных архивах Парижа, Нанта, Брюсселя, Льежа. Например, в Париже он работал в Национальном архиве Франции, Экономическом и финансовом архиве Министерства экономики, Дипломатическом архиве МИД, Архиве банка «Генеральное общество», Архиве Парижско-Нидерландского банка, Архиве банка «Лионский Кредит», Архиве Национальной ассоциации французских владельцев движимых ценностей. Он хорошо знал работы зарубежных историков, уважал плюрализм мнений, но – только доказанных и вытекающих из глубокого научного анализа исторических источников. Будучи вдумчивым исследователем, он никогда не позволял себе огульно критиковать так называемую «буржуазную историографию», как это было принято в 1970–1980-е годы. Но всегда твердо отстаивал свои позиции, сформировавшиеся в результате кропотливых многолетних исследований, был оппонентом западноевропейских и американских историков, вел с ними научные споры. Точно также он дискутировал и со своими соотечественниками, прежде всего, опираясь на полученный в результате изучения обширной и добротной источниковой базы убедительный фактический материал. Такой подход к зарубежной и отечественной историографии очень ярко проявился в книге «Россия накануне великих свершений».

Практически во всех работах Бовыкина содержится серьезный историографический обзор. Даже в воспоминаниях о своих архивных разысканиях он не мог обойтись без анализа историографических сочинений по тем проблемам, по которым он собирал материалы в тиши архивов. И в этой книге анализу литературы присущи глубина, научный и творческий подход, объективность. В книге рас-

---

[4] Речь идет о книге В. И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений».

[5] *Хаймсон Л.* Сотрудничество с В. И. Бовыкиным // Россия и мир... С. 75–77.

смотрены основные направления изучения социально-экономических предпосылок революции, проанализированы спорные точки зрения. Автор раскрывает отдельные страницы истории нашей страны и исторической науки второй половины XX века, дает глубочайший анализ изучения проблем индустриального развития России на рубеже XIX–XX веков.

К моменту создания книги профессор и команда его учеников достигли определенных успехов в изучении важнейших экономических и социально-политических процессов российской истории рубежа веков. Это и деятельность российских монополий, и роль иностранного капитала, и формирование финансового капитала, и роль банков, и структура промышленного производства, и его концентрация, другие проблемы. Подошло время подвести некоторые итоги и определить направления дальнейших исследований. Необходимо было подытожить и то, что сделано предшественниками. Анализ историографии данной проблематики и изложен В. И. Бовыкиным в книге «Россия накануне великих свершений».

Сравнительно-историческое изучение экономических и общественных процессов, использованное в качестве метода в этой книге, как и в целом ряде других книг и статей историка, в том числе и по проблемам изучения социально-экономических предпосылок революции, позволило рассмотреть работы отечественных авторов в русле общих тенденций развития мировой историографии в целом и ее проблематики в том числе. Включение работ советских авторов в контекст мировой историографии отличало монографию В. И. Бовыкина, было новым. Особое значение книге придает сочетание историографического анализа обширного комплекса работ по российской экономической истории, изложения концепций с их фактическим обоснованием, с итогами разработок автора, его наблюдений, сделанных на базе детального изучения фундаментальной источниковой базы. Она стала не просто очередным историографическим обзором того, что сделано предшественниками, а отразила всю многогранность и противоречивость развития России к 1917 г.

На основе исследований, посвященных отдельным процессам развития России, автор воссоздает общую картину российской действительности кануна Революции 1917 г. и пытается выяснить, что же представляла собой тогда наша страна в реальности в социально-экономическом отношении.

В работе, основанной на глубоком анализе работ предшественников и результатах собственных исследований, ученый рассмотрел эволюцию аграрного строя, развитие промышленности, утверждение монополий, формирование финансового капитала и складывание кредитной системы, дал общее представление о российской экономике, основных показателях экономического развития страны в

целом и развития по географическим районам Российской империи, характеристику основных черт российской экономики и попытался установить место, которое Россия занимала в мировой капиталистической системе. Уделено внимание и влиянию Первой мировой войны на мировую экономику и экономическое развитие России.

Интересна оценка этой монографии профессором С. В. Воронковой, которая приведена в статье «Школа Валерия Ивановича Бовыкина (К вопросу о традициях и новаторстве в развитии советской исторической науки)», с которой она выступила на Первых научных чтениях его памяти, состоявшихся спустя несколько месяцев после его ухода из жизни. С. В. Воронкова, известный специалист по изучению экономической истории и проблем индустриализации страны в первой половине XX века, одна из первых учениц В. И. Бовыкина, утверждала: «...В. И. Бовыкин никогда не выступал в столь распространенном в 70–80-е годы жанре критики буржуазной историографии XX века. Однако в своих трудах и на международных встречах неоднократно был оппонентом западноевропейских и американских историков, экономистов, критикуя их концепции, выводы на основании собственных исследовательских разысканий. Примечательна в этом отношении его книга „Россия накануне великих свершений" (М., 1988). В таком же ключе работает ряд учеников В. И. Бовыкина... для которых обращение к зарубежной историографии выливается в диалог представителей отечественной исторической мысли с коллегами других школ и направлений мирового сообщества историков. Оригинальность этих работ проявляется в раскрытии особенностей зарубежной историографии через сопоставление ее с достижениями и пробелами отечественной литературы, посвященной изучению исторических процессов развития России, прежде всего, во второй половине XIX – начале XX в. При этом они показывают себя не только как высококвалифицированные историографы, но и как знатоки источников по истории России»[6].

Конечно, эта монография, как и значительная часть работ историка, написана в традиционном для советской историографии ключе. Но В. И. Бовыкин всегда настаивал на том, что сравнительно-историческое изучение процессов и результатов капиталистического развития России и других стран свидетельствует о значительной их схожести, и этим он отличался от многих других историков, писавших об уникальности происходившего в России.

Придерживаясь традиций советской историографии, он целую главу (первую) своей монографии посвятил анализу ленинского уче-

[6] *Воронкова С. В.* Школа В. И. Бовыкина (К вопросу о традициях и новаторстве в развитии советской исторической науки) // Россия на рубеже XIX–XX вв. Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 20 января 1999. М., 1999. С. 36–37.

ния о социально-экономических предпосылках социалистической революции в России. Но это не было начетничеством, простым цитированием классиков, выполнением идеологического заказа, что было свойственно даже вполне научным сочинениям того времени. В тексте этой главы продемонстрирован творческий подход к высказываниям теоретиков марксизма-ленинизма, их глубокий анализ с учетом и опорой на исторические факты.

Позднее, уже в 90-е годы, он неоднократно негативно высказывался о тех, кто еще недавно был яростным апологетом и вдруг в одночасье стал таким же яростным ниспровергателем ленинских идей с целью в очередной раз, в связи с изменившейся конъюнктурой, «подправить историю». Истинный ученый, исследователь, источниковед, он писал, в частности: «Сейчас вошло в моду в печати и даже в научной литературе высокомерно-саркастическое отношение к ленинским высказываниям, ерничанье по их поводу. Уверен, что на это не способен тот, кто серьезно изучал работы Ленина и соотносил их с реальной действительностью, анализу которой они посвящены. В ленинском анализе меня всегда привлекали умение увидеть нечто самое важное, учитывая при этом противоречивость рассматриваемого явления или процесса, и, конечно же, невероятная политическая интуиция... Мне – историку, изучающему Россию конца XIX – начала XX в., Ленин был и остается интересен не только как умный и очень внимательный наблюдатель событий, явлений и процессов, которые меня интересуют, но в не меньшей степени и как их активный участник, ибо такое участие побуждало его выяснять происхождение и смысл этих событий, явлений и процессов, устанавливать причинные взаимосвязи между ними, прогнозировать их последующую эволюцию. Разумеется, он делал это со своих позиций, которые в большинстве случаев достаточно четко формулировал. Кстати, лишь немногие из своих произведений Ленин рассматривал в качестве научных исследований, претендующих на постижение объективной истины... Мной, как, я думаю, и многими из моих коллег, были осознаны две непреложные истины. Первая: содержащиеся в ленинских произведениях конкретные оценки и факты могут быть взяты на вооружение лишь в результате их верификации на достаточно представительном историческом материале. Вторая: для правильного понимания идей Ленина, его оценок и применяемых им терминов необходимо выйти за пределы ленинских текстов и рассмотреть ту социальную, политическую и интеллектуальную среду, в которых они рождались. Лишь позднее пришло понимание, что ленинские идеи должны восприниматься через призму опыта, накопленного мировым обществознанием с начала XX века»[7].

---

[7] *Бовыкин В. И.* Из опыта архивных разысканий. С. 45–46.

На страницах книги есть высказывания автора о недопустимости догматизации истории, иллюстративности в исторических сочинениях, подчиненности освещения исторического процесса априорным положениям и надуманным догмам, противоречащим результатам научных исследований. Он говорит и о том, что многие из трудов не выдержали экзамена временем, так как их авторам недоставало методологической и методической подготовки, чисто профессиональной зрелости, способности вести аргументированную полемику. По его мнению, ленинские идеи могли стать «подлинным инструментом исторического анализа лишь на основе знаний необходимой совокупности фактов минувшей действительности» (С. 144–145), которых не имело большинство авторов подобных исследований. Исследование В. И. Бовыкина испытание выдержало.

Справедливости ради необходимо отметить, что работа не свободна от некоторых традиционных «реверансов» в сторону официальной историографии времени ее появления. Это, в частности, проявилось в высказываниях ее автора о наличии в стране политических сил, способных на осуществление революции, о подвиге ленинской партии как решающем условии победы в октябре 1917 г., завершающих книгу.

В студенческие годы я слушала несколько спецкурсов В. И. Бовыкина. В сохранившемся конспекте одного из спецкурсов (1974/1975 учебного года) «Финансовый капитал в России» присутствуют записи высказываний профессора об историографии того или иного вопроса, о различных подходах к изучению некоторых проблем, о характеристике различных точек зрения, об ошибочных моментах и достоинствах исследований разных авторов. Одно из таких высказываний мне запомнилось особенно: «Историографы главное внимание уделяют развитию идей и концепций. Но идеи нужно обязательно подтверждать фактами. Тогда они становятся историографическими фактами». В книге все рассматриваемые Валерией Ивановичем аспекты изучения социально-экономического развития России рубежа XIX–XX веков подтверждены фактами – выявленными исследовательским путем самим историком или полученными им путем анализа и сопоставления работ предшественников. Поэтому монография В. И. Бовыкина несомненно представляет собой серьезный историографический факт, выдержавший экзамен не только временем, но и радикальными изменениями парадигм исторической науки и жизни страны в целом. Она подводит итоги историографии многолетнего (порой дискуссионного) изучения социально-экономических предпосылок революции и, несомненно, содержит богатый материал для изучения российских экономических процессов и заслуживает внимания современных исследователей экономических проблем рубежа XIX–XX веков.

Подводя итог своему исследованию, историк выражает надежду на то, «что перестройка в советской исторической науке... будет важным, качественным шагом вперед в направлении подлинно научного познания прошлого, основанного на глубоком и всестороннем исследовании всей необходимой совокупности фактов» (С. 151). Открывшиеся, в том числе и в постсоветское время, перед отечественными историками новые возможности позволили им продолжить научную разработку проблем экономической истории нашей страны, вести активный поиск новых подходов и методов изучения сложных вопросов российской действительности накануне Революций 1917 г. Об этом свидетельствуют и исследования самого Валерия Ивановича Бовыкина, осуществленные им в 90-е годы, некоторые из которых были опубликованы уже после смерти ученого (например, монография «Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны», увидевшая свет только в 2001 г.), и работы его учеников.

Байбаков С. А.

Переосмысление в современной российской историографии теоретических основ Конституции, рожденной Октябрем

Аннотация. В статье подведены итоги переосмысления российскими учеными одного из основных концептуальных положений марксизма о диктатуре пролетариата за период с начала 1990-х годов и до настоящего времени. Речь идет о происхождении и содержании термина «диктатура пролетариата», степени его соответствия понятию «государственная власть пролетариата», совместимости диктатуры и демократии, реализации на практике диктатуры одного класса. Уделено внимание различию в трактовках парламентаризма, отмирающего государства-коммуны, необходимости слома бюрократического аппарата капиталистического государства.

Ключевые слова: диктатура пролетариата, государство-коммуна, советская демократия, разделение и соединение властей.

Contemporary Russian Historiography Rethinking the Theoretical Foundations of the Constitution born by the October

Abstract. The article summarizes the Russian scientists rethinking of one of the basic conceptual provisions of Marxism on the dictatorship of the proletariat since the beginning of the 1990s to the present time. The author focuses on the origin and meaning of the term «dictatorship of

the proletariat», its conformity with the concept of «state power on behalf of the proletariat», compatibility of dictatorship and democracy, the implementation of the dictatorship of one social class in practice. Attention is paid to the difference in the interpretations of the parliamentarism, dying of a state of the commune, necessity of breaking the capitalist state's bureaucratic apparatus.

Keywords: the dictatorship of the proletariat, a state of the commune, soviet democracy, separation and connection of powers.

В преддверии столетнего юбилея Конституции РСФСР 1918 г., законодательно закрепившей завоевания Октябрьской революции и явившейся Основным Законом государства диктатуры пролетариата, первостепенное значение имеет тщательное изучение процесса переосмысления ее основополагающей теоретической основы[8]. Свою главную задачу автор данной работы видит в том, чтобы выявить новые подходы в трактовке их основ, обозначившихся в современной российской историографии, исходным хронологическим рубежом которой является начало 1990-х годов, когда был упразднен СССР, распущена КПСС, ликвидирована система Советов и принят новый Основной Закон РФ, предусматривавший принципиально иной конституционный строй.

Анализ результатов переосмысления трактовки теоретических основ Конституции РСФСР 1918 г. целесообразно сосредоточить, прежде всего, на ее основополагающем положении о диктатуре пролетариата. В официальной историографии до конца 1980-х годов адекватность ленинской интерпретации и оптимальность его юридического закрепления в первом Основном Законе пролетарского государства не могли быть подвергнуты не только критике, но и даже малейшему сомнению. Ситуация изменилась только на исходе горбачевской перестройки, когда стартовала реформа политической системы СССР. Для выработки ее задач и основных направлений с целью устранения «деформаций социализма» необходимо было критически оценить степень научной обоснованности прогностической доктрины марксизма-ленинизма о пролетарской государственности, полноты ее воплощения в ходе становления и развития советского государства, соответствия реалий сложившегося строя его теоретической модели и оправданности возлагавшихся на нее оптимистических надежд.

В таком политическом контексте подлинно научное изучение формирования представлений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о функциях государства после победы пролетарской революю-

[8] *Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М., 2000.С. 122–123.

ции приобрели острую актуальность. Для этого пришлось вернуться к, казалось бы, давно решенным в исторической науке проблемам: о содержании термина «диктатура пролетариата», использовавшегося как для характеристики классового содержания власти рабочего класса, так и специфики нового политического режима, опирающегося на насилие и террор; о возможности в принципе диктатуры, осуществляемой каким-либо классом в целом и неизбежности ее превращения в неограниченную власть одного или группы лидеров организации (партии) вождистского типа.

Первые попытки непредвзятого анализа теоретического наследия основоположников марксизма, показав сложность стоящих перед отечественными учеными задач, дали противоречивые результаты. Так, в вышедшем в 1990 г. коллективном труде, открывавшем серию фундаментального многотомного исследования по истории марксизма-ленинизма, признавалась возможность разных трактовок, данных Марксом и Энгельсом этому понятию. В частности, допускалось его расширенное толкование, как превращение пролетариата в господствующий класс, и более узкое, сводящее власть пролетариата к тоталитарному единовластию партии, действующей от его имени[9].

С начала 1990-х годов изучение рассматриваемой проблемы велось в атмосфере усиливавшегося воздействия либерализма, занявшего доминирующие позиции в российском идеологическом спектре и заметно потеснившего социалистическую и коммунистическую компоненты. Наиболее показательна в этом отношении коренная метаморфоза, происшедшая во взглядах одного из наиболее авторитетных российских специалистов в области теории и истории марксизма академика РАН Т. И. Ойзермана.

Начнем с того, что он не согласился с правомерностью вышеуказанной узкой, тоталитаристской трактовки взглядов Маркса и Энгельса на сущность диктатуры пролетариата[10]. По его мнению, такой характер ей был придан в трудах Ленина позже. Ученый для адекватного понимания содержания рассматриваемого термина вновь обратился к истории его происхождения. Как и многие современные исследователи, он напомнил, что это положение не было впервые введено в общественную мысль основоположниками марксизма, а вместе с другими понятиями ранней индустриальной эпохи было использовано ими в творчески переработанном виде, изменившим их смысл.

Ойзерман считает, что идея диктатуры пролетариата впервые встречается в документах бабувистов и бланкистов, которые использовали это понятие для характеристики власти организации рево-

---

[9] История марксизма-ленинизма. Кн. вторая. Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70–90-е годы XIX в.). Т. 2. Ч. 2. М., 1990. С. 25.

[10] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 385.

люционеров-заговорщиков, которую они намеревались захватить в ходе народного восстания и использовать во имя освобождения угнетенных масс. Отвергнув заговорщические методы борьбы, Маркс и Энгельс ориентировались на массовое революционное движение пролетариата, ведущее к антикапиталистической революции. Ее итогом должно было стать установление политического господства пролетариата, называвшегося«диктатурой пролетариата». Объективным условием ее осуществления должно явиться преобладание доли рабочего класса в массе трудящихся. Иными словами, в отличие от бабувистов, мечтавших о диктаторской власти меньшинства, основоположники марксизма были сторонниками диктатуры пролетарского большинства. Подчеркнув это различие, авторитетный философ выразил несогласие с мнением известного критика этого марксистского положения Э. Бернштейна, усматривавшего в нем влияние бланкизма[11].

Кардинально изменилось отношение ученых к прогностическому выводу классиков-марксизма-ленинизма о необходимости ломки государственного аппарата капиталистического государства после завоевания пролетариатом власти. Современные исследователи едины в оценке выдвинутого Марксом и Энгельсом положения как утопического, ошибочного. Ойзерман останавливается на нем кратко. Он считает, что этот марксистский вывод был сформулирован на основе обобщения опыта европейских революций 1848–1849 гг., показавших, что основным оплотом контрреволюции является «бюрократически централизованная военная и чиновничья машина»[12]. Маркс и Энгельс при этом оговаривались, что такой аппарат подавления демократического волеизъявления утвердился не сразу и не повсюду. В частности, он был малоупотребим в Великобритании и США. Однако Ленин счел эту оговорку устаревшей и не соответствующей эпохе империализма. Он рассматривал слом буржуазного государственного аппарата в качестве универсальной закономерности всякой пролетарской революции[13]. Однако попытки претворить в жизнь данное предначертание классиков, предпринятое пришедшими к власти большевиками после Октября 1917 г., потерпели крах, показав его необоснованность и оторванность от реалий. Ойзерман отмечал, что Энгельс в конце жизни стал сомневаться в точности формулировки о «сломе» и «разрушении» государства. Он писал только о необходимости «переделки» буржуазной государственной машины[14].

---

[11] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 384, 373.

[12] Там же. С. 376, 405.

[13] *Ойзерман Т. И.* О ленинской интерпретации марксизма // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 95.

[14] *Леонов С. В.* Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997. С. 163.

В фундаментальной монографии С. В. Леонова, представляющей успешную попытку выработки современной концепции формирования советской государственности, содержится аргументированный вывод о том, что правильнее говорить не о сломе или разрушении дореволюционного государственного аппарата, а его трансформации. По его словам, после Октябрьской революции прослеживается в несколько видоизмененном виде тенденция развития российского государства, обозначившаяся накануне и особенно после свержения царизма (а именно слабость и нестабильность правительственной власти, возрастание роли общественных организаций и проч.). Усиление разрушительной тенденции в устоях государства зимой–весной 1918 г. поставило советскую власть перед угрозой краха, которая была осознана лидерами большевиков и привела к резкому повороту во внутренней политике.

С трактовкой диктатуры пролетариата, установление которой обусловливалось количественным преобладанием рабочего класса среди трудящихся масс, логически связана ее характеристика в качестве «завоевания демократии». На эту специфическую особенность государственной власти в Стране Советов непременно указывали советские ученые. Ее не обходят вниманием и современные авторы. Так, по словам Ойзермана, эта дефиниция принципиально важна для правильного понимания сущности взглядов основоположников марксизма на пролетарское государство. Именно поэтому исследователь останавливается на ней подробнее, чем на предыдущей проблеме, и самое главное, предлагает новые подходы и оценки.

По его мнению, возникшую в 1871 г. Парижскую Коммуну можно вполне обоснованно признать «воплощением демократии», поскольку она была образована на основе всеобщего избирательного права, вводила ответственность городских гласных перед избирателями и их сменяемость, отменяла высшие правительственные чины и связанные с ними денежные выплаты. Однако он решительно возражает против ее определения как диктатуры вообще и в особенности как диктатуры целого класса (в данном случае пролетариата), как предложили в свое время Маркс и Энгельс. Ойзерман утверждает, что диктатура, примеров которой в истории было множество, никогда не была «диктатурой массы», а значит и диктатурой «класса». Когда в государстве устанавливается диктатура, она является властью одного лица или небольшой группы людей, которым в той или иной степени подчиняются все классы и слои общества. На основании этого умозаключения ученый приходит к выводу, имеющему важное теоретико-методологическое значение о том, что само понятие диктатуры пролетариата несостоятельно[15].

[15] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. С. 375.

Проследив формирование взглядов основоположников марксизма на сущность будущего пролетарского государства, Ойзерман обращает внимание читателей на то, что они относятся к раннему периоду их творческой деятельности (рубежу 1840–1850-х годов), предшествовавшему созданию экономической теории. В то время кризисы перепроизводства воспринимались ими как показатель исторически изжившего себя капитализма свободной конкуренции, а не фаза нормального цикла капиталистического воспроизводства. Отсюда становится понятным, почему тогда Маркс и Энгельс выступали за насильственное свержение антидемократического политического господства буржуазии. Обоснованное позже материалистическое понимание истории, которое, вместе с экономическим анализом функционирования капиталистического способа производства, занимает главное место в учении теоретиков марксизма (а не положение о диктатуре пролетариата, как заявлял Ленин), помогло преодолеть переоценку роли насилия в истории общества и, соответственно, в классовой борьбе пролетариата. Теперь решающая роль отводилась экономическому фактору, а вспомогательная – насилию[16].

Более того, Ойзерман выступает с сенсационным для отечественной историографии умозаключением: по его мнению, в 1870–1880-е годы Маркс и Энгельс придерживались мнения о том, что всемерное развитие капиталистического производства создает необходимую материальную базу для мирных социалистических преобразований в демократически развитом буржуазном обществе. Тем самым ученый отказывается от признания необходимости пролетарской революции и дезавуирует два тезиса из письма Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в котором говорится, что классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, которая, в свою очередь, составляет переход к обществу без классов[17]. В итоге Ойзерман обнаруживает противоречие в марксистских суждениях о пролетарском государстве – между тем, что подразумевается под диктатурой (режиме, опирающемся на насилие и не связанным никакими законами), и тем, что понимается под «завоеванием демократии». Его объяснение он видит в односторонней характеристике сущности самого капиталистического государства, которая в марксистской схеме сводится к функции поддержания классового господства и недооценке роли публичной власти в регулировании социальных противоречий, включая ограничение произвола экономически господствующих классов[18].

Резюмируя проведенный анализ взглядов основоположников марксизма по проблеме диктатуры пролетариата, Ойзерман конста-

---

[16] *Ойзерман Т. И.* О ленинской интерпретации марксизма. С. 77–79.
[17] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. С. 374–375.
[18] Там же. С. 379–382.

тирует, что ей специально не посвящена ни одна работа, она затрагивается лишь мимоходом, без четкого разграничения понятий «господство пролетариата» и его «диктатура». В ранних работах они совпадают, а в более поздних, предусматривающих мирное преобразование капиталистических отношений, эти термины противоречат друг другу[19]. Далее следует еще одна сенсационная новация философа: Маркс трактовал положение о диктатуре пролетариата как временное состояние власти, при этом он никогда не утверждал, что такая власть обязательно должна принять форму диктатуры. Отсюда следует, что создатель марксисткой теории не отождествлял диктатуру и государственную власть, ни тем более демократию и диктатуру[20].

Критику ленинской концепции диктатуры пролетариата Ойзерман начинает с констатации того, что, развивая и интерпретируя социалистическую теорию марксизма, лидер большевиков основывался главным образом на идеях ранних работ Маркса и Энгельса, поскольку содержавшиеся в них анализ и прогностические выводы в наибольшей степени соответствовали условиям России, где индустриальная модернизация прошла лишь первый этап, преобладал аграрный сектор экономики, пролетариат составлял меньшинство населения, отсутствовали законодательно признанные партии, а российское самодержавие тормозило буржуазно-демократические преобразования[21]. Намечая перспективы революционного процесса, Ленин, в отличие от позднего наследия Маркса и Энгельса, основывал свои взгляды не столько на зависимости от уровня экономического развития страны и степени зрелости предпосылок для перехода к социализму, сколько наличия революционной ситуации (как объективного фактора) и уровня организованности и сознательности пролетариата (как субъективного фактора). Ойзерман полагает, что в силу этих причин Ленину было ближе учение молодых теоретиков марксизма о насильственной революции как единственном способе социалистического переустройства, с соответствующим пониманием роли диктатуры пролетариата. Более того, он допускал, что социалистическая революция может произойти в капиталистически неразвитой, экономически отсталой стране, где диктатура пролетариата может служить могучим рычагом для последующего быстрого развития производительных сил[22].

Прослеживая эволюцию взглядов Ленина на соотношение демократии и диктатуры в капиталистическом государстве, Ойзерман считает, что если в период первой русской революции вождь большевиков признавал реальность при капитализме гражданских прав и сво-

---

[19] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм.С. 383–384.
[20] Там же. С. 462.
[21] *Ойзерман Т. И.* О ленинской интерпретации марксизма. С. 74–75.
[22] Там же. С. 77.

бод, то в период Первой мировой войны и революции 1917 г. он пришел к выводу, что демократия в таком государстве не устраняет политическое господство буржуазии, а потому носит иллюзорный характер. Фальшивая демократия и формальный парламентаризм лишь прикрывают бездушный гнет буржуазии над трудящимися. Отсюда следовал ленинский вывод о том, что любое демократическое государство при капитализме является диктатурой правящего класса. Иными словами, диктатура рассматривалась как сущность всякого государства, тем самым нивелировалось типологическое различие между демократическим и недемократическим политическими режимами. По мнению ученого, подобные теоретические выкладки понадобились Ленину в качестве доктринальной основы для оправдания авторитарно-террористической политики большевиков после Октября 1917 г.[23].

Негативно оценивает философ предложение Ленина, содержавшееся в работе «Государство и революция», о создании республики Советов на основе соединения трех ветвей власти и отрицания парламентаризма. Он задает риторический вопрос: нужно ли представительное учреждение, если не будет законодательного органа, избранного самим народом? Ссылку на опыт Парижской Коммуны он считает необоснованным, так она просуществовала всего два с половиной месяца в условиях военного времени. Подлинный теоретический источник отрицания парламентской системы, по мнению Ойзермана, кроется в ленинской концепции диктатуры пролетариата как «надзаконной» власти, несовместимой с парламентаризмом, избранным путем демократического волеизъявления народа[24].

Развенчивает ученый и другой расхожий постулат ленинизма о полноте советской демократии, обеспечиваемой вовлечением всех граждан в управление государством. Исследователь согласен с тем, что в случае его реализации можно было бы говорить о наступлении в стране подлинной демократии, но провозглашенная диктатура пролетариата на деле оказалась диктатурой большевистской партии, осуществлявшейся репрессивно-карательными органами. Провозглашенный Лениным броский лозунг он считает популистским и утопическим, при этом он ссылается на мнение юриста С. В. Максимова о том, что при любой форме правления невозможно обойтись без отчуждения части населения от «управления имуществом, от правотворчества и применения законов»[25]. Однако если бы даже диктатура пролетариата в действительности была претворена в жизнь (хотя Ойзерман считал такое допущение теоретически несостоятельным), она была бы властью не большинства, как предполагал Маркс, а меньшин-

[23] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. С. 374–375.
[24] Там же. С. 463.
[25] *Максимов С. В.* Коррупция, закон, ответственность М., 2000. С. 25.

ства трудящихся, каковым являлся в то время российский рабочий класс[26].

Вершиной сокрушительной критики ленинской доктрины диктатуры пролетариата является анализ философом изменения содержания этого термина в трудах лидера большевиков. По словам Ойзермана, поначалу под ним понималось содержание самой революции, в ходе которой уничтожается не только сама свергаемая власть, но и правовые институты, закрепляющие механизм ее функционирования. Затем пролетарская власть издает декреты, опираясь при этом не только на новое законодательство, но и на насилие. Однако самым пагубным в ленинской концепции являлось распространение временного состояния революционной власти на весь период существования пролетарского государства вплоть до его отмирания[27].

Выработанная Ойзерманом новая трактовка взглядов основоположников марксизма и их последующая интерпретация Лениным вызвала резкую критику историка А. В. Шубина, предложившего собственное понимание формирования и развития воззрений теоретиков марксизма-ленинизма на диктатуру пролетариата. В фундаментальной монографии, в которой прослеживается развитие социалистической мысли от Т. Мора до Ленина, ученый утверждает, что Маркс и Энгельс никогда не скрывали, что для слома сопротивления социальных сил, кровно заинтересованных в поддержании системы эксплуатации в классовом обществе, требуется революционное насилие. Однако оно будет представлять собой не диктатуру вообще, а диктатуру именно пролетариата, являвшуюся властью большинства его представителей. В отличие от Ойзермана, исследователь считает, что идея коммунистической партии, провозглашенная в «Манифесте», следует в русле О. Бланки. Вплоть до 1872 г., то есть до опыта Парижской Коммуны и критики М. Бакуниным идеи диктатуры пролетариата, основоположники марксизма не определяли ее конкретную форму. Они выступали за централизованное государство, управляющее всей экономикой, от банков до имущества умерших граждан[28]. Шубин не счел обоснованным выделенный Ойзерманом 1859 год в качестве вехи, отделяющей наследие раннего Маркса от зрелого. В изданной в тот год работе «К критике политической экономии», как и в более поздних трудах, не содержалось принципиально новых идей, а Маркс ориентировался на достижение классовой борьбы с оружием в руках[29].

---

[26] *Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. С. 464–465.

[27] *Ойзерман Т. И.* О ленинской интерпретации марксизма. С. 92.

[28] *Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век теории». М., 2007. С. 142–143.

[29] Там же. С. 382–383.

Шубин резко раскритиковал политически конъюнктурную попытку Ойзермана представить поздних Маркса и Энгельса не революционерами, а скорее либералами. Серьезные возражения у него вызвал тезис философа о том, что в работах 1870–1880-х годов основоположники марксизма якобы теоретически обосновали возможность социалистических преобразований в рамках капитализма. По его мнению, подобные взгляды на самом деле принадлежали Прудону и Лассалю, а Маркс и Энгельс от них всячески отмежевались[30].

В начале 1870-х годов, когда Марксом и Энгельсом был осмыслен опыт Парижской Коммуны и учтены критические замечания теоретиков анархизма, основы марксизма были дополнены положением об отмирающем государстве-коммуне как форме диктатуры пролетариата. Однако, по мнению Шубина, ее, строго говоря, нельзя считать диктатурой только пролетариата. Дело в том, что она создавалась при активном участии средних слоев (по марксистской терминологии – мелкой буржуазии). Отсюда следует, что Парижская Коммуна была властью рабочих и представителей радикальной интеллигенции. В ней на практике была реализована прудоновская модель политического федерализма, суть которой состоит в широкой автономии производственных и территориальных структур от вышестоящих, основанных на принципе делегирования. Шубин считает, что вышестоящие органы были правомочны решать только те вопросы, которые им поручали нижестоящие инстанции, а общефедеральный Совет состоял из делегатов нижестоящих уровней. В этой связи система делегирования, предоставлявшая низам возможность реально влиять на политику «верхов», носила более демократический характер, чем система парламентаризма. Правда, с точки зрения Шубина, Маркс воспринял федерализм прудоново-бакунинского толка лишь частично, в качестве одной из составляющих политической надстройки, оставшись до конца централистом применительно к социально-экономической (управленческой) сфере.

Подобный дуализм привел к трудноразрешимым противоречиям в марксовой модели будущего пролетарского государства, которую и унаследовали лидеры большевиков. Не случайно, Ленин предложил передать власть федерации Советов, но при условии их подчинения централизованному управлению РСДРП(б). Таким образом, по Шубину, антиэтатистские положения работы Ленина «Государство и революция», как и в трудах Маркса, носили вторичный характер, в сравнении с централизмом. Начав борьбу за власть Советов, вождь большевиков уже в 1918 г. сосредоточил полноту власти в правительственном центре, хотя и считал такое положение временным[31].

---

[30] *Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век теории». М., 2007. С. 383.

[31] Там же. С. 186–188, 378, 626–627.

Белоусова О. В.

«Новое время „междуцарствия" да воодушевится примерами древнего...»: Февральская революция 1917 года в дневнике графа С. Д. Шереметева

Аннотация. В статье рассматривается восприятие графом С. Д. Шереметевым событий кануна Февральской революции, а также непосредственно самого падения самодержавия. Рассказывается о близких контактах графа с Николаем II, вдовствующей императрицей Марией Федоровной и великим князем Михаилом Александровичем. Особое внимание уделяется анализу критического отношения Шереметева к фигуре последнего императора и его надежд, связанных с возможным наследованием престола младшим братом царя – Михаилом.

Ключевые слова: С. Д. Шереметев, Николай II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Александрович, Александр III, Февральская революция, Манифест 17 октября 1905 г., Смута начала XVII века.

«Let the New Interregnum be Encouraged by the Example of the Former». February revolution of 1917 in the Diary of Count S. D. Sheremetiev

Abstract. The article examines the Count S. D. Sheremetev's perception of the events leading up to the February Revolution, as well as his view on the fall of the autocracy itself. The author describes the close contacts the Count had with Nicholas II, the Dowager Empress Maria Feodorovna and the Grand Duke Michael Alexandrovich. Particular attention is focused on the analysis of Sheremetev's critical assessment of the figure of the last Emperor and his hopes regarding the possible inheritance of the throne by the youngest brother of the Tsar – Michael.

Keywords: S. D. Sheremetev, Nicholas II, Dowager Empress Maria Feodorovna, the Grand Duke Michael Alexandrovich, Alexander III, February Revolution, Manifesto of 17 October 1905, Smutnoe Vremya of the early 17th century.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) известен как видный общественный деятель, подвижник русской культуры, историк, председатель крупных исторических обществ (Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русского исторического просвещения памяти императора Александра III), председатель Императорской археографической комиссии, Комитета

попечительства русской иконописии, конечно, как последний владелец имений Михайловское, Остафьево и Кусково. Государственная деятельность Шереметева была не менее примечательной, особенно стоит отметить его заинтересованное участие в Особых совещаниях по делам дворянского сословия (1897–1902) и о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905). В 1900 г. он был назначен членом Государственного совета. Граф рассматривался в качестве возможной кандидатуры и на другие высокие государственные посты. Так, известный консервативный публицист Б. В. Никольский в своем дневнике 17 марта 1903 г. зафиксировал дошедший до него слух, что Шереметева прочат в преемники обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, и прокомментировал: «По-моему, это превосходный кандидат»[32]. (Правда, ровно через два года, 21 марта 1905 г., – уже в совершенно другой политической ситуации в стране – тот же Никольский записал обратное: что, мол, «о Шереметеве как об обер-прокуроре не может быть и речи, хоть он и не отказался бы, пожалуй»[33].)

Привилегированное положение Шереметева при дворе и доверительные – хотя вместе с тем и сложные – отношения с последним императором снискали ему репутацию осведомленного и влиятельного вельможи. Подчеркнутая близость ко двору, дружественные отношения со вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а также со многими членами императорской фамилии позволяли Шереметеву на правах «друга семьи» иметь частые аудиенции у государя.

По своим политическим убеждениям, сформировавшимся в царствование Александра III, Шереметев был консерватором. Идеализируя политический курс Александра III, граф стремился отстаивать его и в условиях стремительно менявшейся, модернизировавшейся страны на рубеже веков. В его представлениях лавирование между консервативными и либеральными представителями политической элиты, отступление от установок прежнего царствования привели к череде роковых ошибок 1905–1906 гг. и, как следствие, повлияли на преобразования политического строя. Ослабление основополагающего самодержавного начала, по мнению графа, было гибельным для страны. Он считал, что в перспективе это «злокачественное» конституционалистское образование, исторически несовместимое с существующим строем, должно привести страну к гибели. Издание Манифеста 17 октября 1905 г. Шереметев рассматривал как начало «смутного времени» в России.

Подшивки писем, телеграмм, вырезок из газет, записок, сохранившиеся в его личном архиве и сброшюрованные в отдельные

---

[32] *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1: 1896–1903. С. 608.

[33] Там же. Т. 2: 1904–1918. С. 42.

книги за период 1905–1917 гг., получили аналогичное название. В Российском государственном архиве древних актов, где отложился личный фонд семьи Шереметевых (ф. 1287), хранится уникальный по информативной насыщенности дневник графа. Регулярные (почти ежедневные) подробные записи делались им на протяжении всего царствования Николая II. Внимание автора в большей степени было сосредоточено на политических событиях, придворной жизни, нежели на перипетиях собственной судьбы. Крайне скрупулезно прописаны в дневнике подробности личных встреч с государем и высочайших аудиенций, которых было около сотни. Кроме того, в дневнике подклеены письма императора и его телеграммы. Свои черновые письма к Николаю II граф непременно помещал в преддверии каждой аудиенции. Стремление Шереметева занять место советника на правах соратника отца императора в начале царствования не было реализовано из-за разницы в подходах по многим вопросам внутриполитической жизни. При остававшихся регулярными контактах аудиенции принимали все более формальный характер с отсылками к событиям прошлого, которые могли бы прочитываться как аналогии текущего момента. Собеседники все чаще обсуждали ход дел в различных обществах, находившихся под покровительством императора и курировавшихся Шереметевым. Последнее письмо монарху датируется 12 февраля 1917 г.: «Все это последнее время не дерзал утруждать Ваше Императорское Величество, выжидая более светлого и нормального времени для возможности доклада по делам Высочайше Учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи, Императорской археографической комиссии и по Обществу ревнителей русского исторического просвещения. Новая высокая милость Ваша, Государь, последнему дарованием на текущий год издательской суммы преисполняет Общество с его Советом чувством беспредельной благодарности!.. Надеюсь 14 сего февраля явиться куда требует долг службы и молю Всемогущего Бога да осенит Вас, Государь, и великую нашу Родину своим небесным благословением – и да расточатся врази!..»[34]. Однако ответа на него так и не последовало.

Разочарование в личности монарха и нараставший пессимизм в восприятии действительности подталкивали Шереметева к поиску выхода из политического тупика конца 1916 – начала 1917 г. В представлении графа таким выходом могла бы стать передача власти младшему брату царя – великому князю Михаилу Александровичу. Неслучайно в своем дневнике Шереметев фиксирует, что 15 февраля 1917 г. Михаил прибыл к нему с визитом в его дом на Фонтанку, чтобы выразить сочувствие заболевшему простудой графу. Сложно понять, была ли это личная инициатива великого князя или посеще-

[34] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 16 об.

ние было вызванно настояниями вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая в то время жила в Киеве. Однако этот визит царского брата престарелый граф воспринял с большим воодушевлением: «Михаил Александрович все такой же светлый, простой и привлекательный для меня и внимательный, каким всегда был. Все также много с ним говорил, как бывало с отцом его, и чувство отсутствия задней мысли и подозрительности сильно облегчает... Я почувствовал, что говорю с Александром III»[35].

Ситуация в Петрограде тем временем ухудшалась, все свидетельствовало о приближении развязки. Шереметев писал в дневнике в те дни о своем «мрачном» состоянии из-за «успехов революц[ионного] движения», которое, по его мнению, направлялось А. И. Гучковым, который-де мечтал о «президентстве». «Самое печальное то, что в городе нет войска», – сетовал граф и далее пессимистически замечал: «...где наше Правительство в это время и кто руководит отпором, никому неясно. Своя своих не познаша! Получено известие, что Государь вернулся спешно в Царское Село!.. а там в семье Ц[арской] корь и Гв[ардейский] экипаж, один сводный полк. Вот до чего довело упрямство, невменяемость двойного правительства, мужского и женского»[36].

28 февраля 1917 г. Шереметев описывает в дневнике кульминацию революционных событий: «Утром появился новый революционный листок, извещающий о совершающемся „перевороте"! Вот и дожили до праздника! Упорство бессильной и ненормальной власти женщины привело к тому, что многие предвидели. Правительство исчезло... Арестованы все распутинцы, вся сволочь. Гов[орят], будто В[еликий] К[нязь] Михаил Александрович на днях был в Думе, которая превратилась в Учредительное собрание. Это большая победа Вильгельму... Все жаждут порядка, и мятежники разыгрывают роль водителей этого порядка. Родзянко – лицо подставное. Он груб – и непрочен. За ним, по-моему, лукавый Гучков и ему подобные»[37].

В эти дни и сам граф лицом к лицу столкнулся с революцией: в его дом вломилась толпа «мятежников», состоявшая из солдат и студентов, которые потребовали выдать им оружие и патроны. Шереметев ответил, что патронов у него нет, а оружие имеется в большом количестве, – например, стрелецкие бердыши и другие коллекционные исторические образцы старого вооружения. К счастью, визит «мятежников» остался без последствий для графа и его коллекции.

Дальнейшие события и даже их драматическая развязка – отречение Николая II – не вызвали удивления и, как ни странно, даже сожаления у автора дневника. 2 марта с хладнокровием и отстраненностью

[35] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 18.
[36] Там же. Л. 33.
[37] Там же. Л. 33–34.

Шереметев усматривал аналогию происходившего в России с тем, как в конце XVIII века развивалась революция во Франции: «Во всей этой свалке – хотелось бы знать, где находится центральное лицо? Он выпускает из своих рук власть без единого слова, даже без единого звука. – Не напоминает ли это – „ничего", ту запись в охотничьем дневнике Людовика XVI, которой он хотел обозначить полное отсутствие „дичи" в тот самый день, когда имела место клятва в зале для игры в мяч?..». (Граф имел в виду решение депутатов третьего сословия Генеральных штатов, которое было принято за несколько дней до штурма Бастилии – 17 июня 1789 г. – в находившемся в Версале зале для игры в мяч, о провозглашении себя Национальным собранием.)

Подобный исход граф предрекал еще десять лет назад. Дневниковая запись, сделанная 2 марта 1917 г., подтверждает убежденность Шереметева в неизбежности революции: «Поразительная быстрота исполнения – показатель того, насколько почва была подготовлена и нарыв должен был прорваться». Далее следует черновик письма к В. Н. Коковцову, в котором граф более откровенно комментирует случившееся: «Головокружительная быстрота событий после долгого истинно изумительного терпения задерганной и измученной России всеми предвиделась роковым течением преступных влияний. Исчезновение центрального лица довершает успех, но совесть у многих чиста. Все усилия, все благородные порывы, все предупреждения оказались отринутыми. Нами управляла „ненормальность"! Какой же исход? До чего мы дойдем без поддержки лучших сил страны? То, что приходит в голову, не хочется выговорить. Готов приветствовать все касающееся блага и обновления страны, но возрождения „пугачевщины"... приветствовать не могу»[38].

Однако верный монархическим воззрениям, Шереметев никоим образом не воспринимал отречение 2 марта 1917 г. как падение самодержавного строя, подобного он не мог себе представить даже в те дни. Заблуждения, связанные с фигурой великого князя Михаила Александровича как будущего самодержца, не позволяли графу здраво оценивать трагичность создавшегося положения. В его представлении с переменой личности монарха стало бы возможным преодоление «смутного» революционного времени. 4 марта Шереметев записал в дневнике: «Прочел условное отречение В[еликого] К[нязя] Михаила Александровича с указанием на необходимость всеобщего народного решения о форме правления. Это мудро, и коечто ограждается с монархическим принципом. – Мое затаенное чувство, что в этом чистом и светлом человеке – наше спасение, несмотря на осложнения домашние»[39].

---

[38] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 37–38.
[39] Там же. Л. 39.

Шереметев профессионально занимался русской историей и, в частности, Смутой начала XVII века, о чем написал несколько работ[40]. И находясь под влиянием исторической концепции об умалении самодержавной власти в годы Смуты, он как историк проводил аналогии событий начала XVII века с Февральской революцией. Он усматривал сходство между той эпохой и конкретными событиями окружавшей его действительности. Например, сравнивал Первую мировую войну с борьбой против польских и шведских интервентов в 1611–1612 гг. А всенародный Земский собор 1613 г., завершившийся избранием нового царя Михаила Федоровича Романова и закончивший многолетнюю Смуту, воспринимался графом чем-то вроде Учредительного собрания. Отсылки к событиям трехсотлетней давности постоянно встречаются на страницах дневника в феврале–марте 1917 г. Так, 5 марта он писал: «Дай Бог счастия обновленной России, не перестающей быть Россией, как бы ни менялась ее наружность. Новое время „междуцарствия" да воодушевится примерами древнего, да найдутся новые гермогены, новые минины и пожарские!.. новые михаилы»[41].

Случившее в конце февраля 1917 г. Шереметев оценивал исключительно как наступление «междуцарствия», как начало переходного периода. Он подчеркивал, что его «внутренний голос говорит, что это временно», и полагал, что «не потеряна надежда сплотиться вокруг В[еликого] К[нязя] Михаила», чье имя он называл, глядя в прошлое, «счастливым для династии»[42]. Граф подчеркивал, что Михаил был единственным представителем династии, кто в эти дни «заслужил общее уважение», особенно на фоне поведения великих князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича[43].

Рассмотренные дневниковые записи показывают, что и среди тех, кто считал себя последовательным и убежденным монархистом, отсутствовало единство мнений по поводу прерывания более чем тысячелетней традиции монархического правления в России и возможных перспектив дальнейшего политического устройства страны. Если в своем негативном отношении к Николаю II Шереметев был не одинок среди консерваторов, то мало кто из них связывал надежды на будущее с именем младшего брата отрекшегося государя и считал, что монархия неизбежно возродится, как и 300 лет назад – после Смуты. Даже в переломный момент истории российские консерваторы оставались идейно неоднородным сообществом – как и на протяжении предыдущих десятилетий.

---

[40] См.: *Шереметев С. Д.* Труды по истории Смутного времени / Сост. М. Д. Ковалева, А. В. Топычканов, С. Ю. Шокарев. М., 2015.

[41] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 41.

[42] Там же. Л. 40.

[43] Там же. Л. 44.

Богданов В. П.

Власть и общество в России накануне революционных потрясений 1917 года (по материалам стенограмм заседаний Государственного совета, 1914 –1916)

Аннотация. Статья посвящена проблеме источниковедения истории Русской революции 1917 г. Автор обращает внимание на недостаточное использование стенограмм общих собраний Государственного совета Российской империи для изучения явлений и процессов кануна революции. Показан информационный потенциал этой разновидности делопроизводственных документов, охватывающих все аспекты жизни русского общества периода Первой мировой войны: от проблем телефонизации до проблем снабжения продовольствием армии и населенных пунктов огромной страны.

Ключевые слова: канун Революции 1917 г., Первая мировая война, русская армия, Государственный совет, стенограммы.

Power and society in Russia on the eve of the revolutionary upheavals of 1917: a case study of the shorthand notes of the State Council Meetings 1914–1916

Abstract. The article covers the issue of the source stude of history of the Russian revolution of 1917. The Author draws attention to the use of transcripts of General meetings of the State Council of the Russian Empire in studiing the phenomena and processes of the eve of the revolution. The article shows the information potential of this variety of officework documents, including all aspects of life of Russian society during the First World war: from the problems of installation of telephones to the food supply of the army and settlements of the vast country.

Keywords: the eve of the 1917 Revolution, the First World war, the Russian army, the Council of State, transcripts.

Расширение источниковой базы и повышение информационной отдачи от уже введенных в научный оборот источников – универсальная гносеологическая задача. Одним из недостаточно активно используемых источников по теме Первой мировой войны, а также кризиса власти накануне революционных потрясений 1917 г., следует считать стенограммы заседаний Государственного совета.

Первая мировая война была явлением планетарного масштаба, в корне изменившим жизнь десятков государств. Для России итоги ее оказались наиболее драматичными: не будучи разгромленной ни одной страной Четверного союза, она не смогла оказаться в числе дер-

жав-победительниц. Проблема «поражения» России связана с внутриполитической обстановкой, отсутствием общенационального единства (особенно на заключительном этапе войны). Последнее (даже в высших эшелонах власти) хорошо видно на материале стенограмм заседаний Государственного совета (верхней палаты российского парламента с 1906 г.) 1914–1916 гг. Верхняя граница периода объясняется тем, что Государственный совет, уйдя на каникулы после 13-й сессии в ноябре 1916 г., так и не возобновил общих заседаний в 1917 г.

Стенографические отчеты представляют собой малотиражные издания, выпуск которых регламентировался, как и Государственного совета в целом, Наказом 1908 г. Стенограммы практически являются иллюстрацией действия Наказа 1908 г. Например, они показывают реальную практику обсуждения тех или иных законопроектов (выступление инициатора законопроекта, затем оппонентов и т. д.), практику голосования (записками, вставанием или поименное) и т. д. Все это является важной характеристикой политического этикета, да и политической жизни в целом конца Российской империи[44].

Подготовка отчетов осуществлялась сразу после проведения заседания: участники дискуссий должны были предоставить текст, близкий информации своих выступлений. Секретарь вносил его в стенографический отчет, затем автор выступления его редактировал.

Информация публиковалась в два столбца с двух сторон листа. Каждый столбец имел свою нумерацию, сами страницы номеров не имели. Нумерация была сплошной за весь период сессии. Например, на 3-м столбце 1-го листа 1-го заседания XI сессии значится «3» (номера столбцов на первых страницах из-за «шапки» не стоят), а на последнем перед приложениями (список членов совета, состав Комиссий и т. д.) – 248. Хотя заседания делились на открытые (на которые приглашались представители общественных организаций и прессы) и закрытые, сами отчеты по внешней структуре не отличаются друг от друга. При этом нумерация столбцов стенограмм закрытых заседаний продолжала нумерацию столбцов открытых. Все это облегчает ссылку на данный памятник: достаточно указывать номер сессии и столбца. Напечатанный отчет (видимо, один экземпляр) визировался вице-председателем Совета. В настоящее время выявлены визы вице-председателя Совета И. Г. Щегловитова на отчетах закрытых заседаний 1916 г.

Относительно недавно Российская национальная библиотека выложила в интернете стенографические отчеты открытых заседаний Государственного совета[45], что в значительной степени облегчает работу с ними. Судя по штампам, оцифровке подверглись от-

---

[44] Данным сюжетам, в значительной степени, посвящена работа В. А. Демина: *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006.

[45] https://vivaldi.nlr.ru/bv000001740/details.

четы, хранившиеся в библиотеке Государственной думы. Стенографические отчеты закрытых заседаний хранятся в РГИА, ф. 1148. Судя по пустым листам использования, историки к ним не обращались (во всяком случае, в последние время).

Официальный характер документа, его общественная и государственная значимость в период 1914–1916 гг., определили высокую степень информативности источника и, соответственно, важность его для решения многих вопросов социально-политической и экономической истории Российской империи указанного периода.

Содержание открытых и закрытых заседаний значительно различаются. Последние более разнообразны по своей тематике. На закрытых заседаниях шли обсуждения вопросов, которые имели характер государственной тайны, связанной с условиями военного времени. Среди них: проблемы набора в армию новобранцев (6-е и 7-е заседания 12-й сессии), проблема обустройства беженцев (8-е заседание 12-й сессии), проблемы сельского хозяйства в целом и проблема заготовок мяса для армии и страны в целом (17-е заседание 12-й сессии) и др. Обсуждение этих вопросов было весьма живым.

Интересно, что даже беглый анализ стенограмм показывает разделение в составе Государственного совета. Его члены делятся на практиков (хорошо знакомых с теми или иными областями управления) и ораторами. Последние, как правило, стремятся лишь произнести патетические речи, рассчитанные на общественную реакцию. В этом плане примечательно драматическое обсуждение вопроса о введении подоходного налога.

Практически никто не сомневался в правильности введения налога как такового, дискуссия шла вокруг времени его введения и его различных вариантах.

В ходе 2-го заседания 12-й сессии (12 февраля 1916 г.) был сделан доклад членом Комиссии о подоходном налоге, представителем группы правых, юристом И. Г. Щегловитым. Суть выступления сводилась к несвоевременности его введения. Выступление И. Г. Щегловитова наполнено большим количеством отсылок к историческим прецедентам, к морально-нравственной оценке подоходного налога. Автор предлагал отправить проект на доработку в соответствующую Комиссию. Наукообразность и назидательность доклада привели к появлению язвительной записки известного ученого графа А. А. Бобринского (также из правых). Он направил записку неизвестному лицу: «Я предвижу появление в свет новой книги: И. Г. Щ[егловитов]. Руководство к закону о подоходном налоге. Для детей от 10 до 14 лет. Пг., 1916»[46]. Видимо, даже для соратников по группе доклад Щеглови-

[46] *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 459.

това выглядел слишком научно и Бобринский попытался «снизить пафос». На следующий день с докладом в поддержку подоходного налога выступил оратор-тяжеловес адвокат А. Ф. Кони (из группы внепартийных). Его речь была яркой, но менее насыщенной конкретным материалом. Доклад явно был рассчитан на внешний эффект, что, наверное, способствовало принятию (без отправки на доработку) проекта 18 февраля, а 13 мая 1916 г. его утвердил Совет министров. Таким образом, в ходе февральских дебатов в Государственном совете победили те, кто выступал ярче. Однако время не позволило оценить, целесообразно ли было вводить подоходный налог: меньше чем через год Российская империя перестала существовать, а меньше через два года И. Г. Щегловитов будет расстрелян новой властью.

Примечательно, что тот же граф А. А. Бобринский в 1916 г. в разгар обсуждения трудного положения, сложившегося в сельском хозяйстве, после обстоятельных выступлений В. И. Гурко, князя Н. Б. Щербатова и др., перед отчетом министра земледелия, неожиданно взял слово: «Настоящее закрытое заседание, несомненно, станет предметом большого интереса вне стен этого здания, кое что и проникнет наружу чрез щели наших Палат, вот почему мне и хотелось бы с этой кафедры подчеркнуть то, что у нас у всех на душе, но что говорившие не считали нужным высказывать, находя это аксиомою в нашей среде... Что бы ни говорило Правительство, я желал бы, чтобы с этой кафедры прозвучали и с нашей стороны бодрые нотки. Не забывайте, что в 1812 г. было хуже, а в 1612 г. было еще хуже, однако Россия воспряла от этих невзгод и вышла победительницею... Нет, мы верим, что широки плечи русскаго богатыря и что не поколеблят его мощь ни внутренние невзгоды, ни наступающий сельскохозяйственный кризис. Итак, обращая ныне наш вопрос к Правительству, мы вместе с тем говорим ему: бодрствуйте, мы сознаем насколько трудны и тяжелы условия, в которыя Правительство поставлено, и если мы подчеркиваем недостатки, указываем на желаемые меры, то вместе с тем мы повторяем неизменный наш лозунг – все для войны, все для победы. Победа – вот первое условие нашей деятельности, и перед этим лозунгом отступают на вторую очередь недосевы, недочеты скотоводства, отсутствие рабочих рук, несправедливость к колонистам и весь наш сельскохозяйственный плачь. Мы уверены, однако, что Правительство найдет и время, и силы для того, чтобы посвятить заботы и этим, на второй очереди стоящим по насущным государственным потребностям» [XII. стлб. 961–962].

Речь А. А. Бобринского сама по себе показательна (даже в плане формулировки лозунга «все для войны, все для победы», который практически в том же виде будет актуален и в годы Великой Отечественной войны). То, что в условиях затяжной войны, войны на истощение, которой стала Первая мировая уже с конца 1914 г., является первостепенным условием – работа тыла, для Бобринского – «на вто-

рой очереди стоящие государственные потребности». К этому следует добавить: рассуждение о том, что «широки плечи русского богатыря» – отнюдь не то, что ожидалось услышать/прочитать в то время, когда требовалось принятие конкретных решений.

Особо отметим один сюжет: отражение в стенограммах явлений и процессов внутри- и внешнеполитической жизни Российской империи начала XX века как отражение кризисных явлений в жизни русского общества.

Примечательна речь, произнесенная И. А. Шебеко, членом группы Центра и «Польского коло» в Государственном совете 29 августа 1915 г.: «По упорным, доходящим до меня слухам, один из помещиков Ломжинской губернии, которого я лично знал, – его фамилия Яблонский – был заколот нашими солдатами потому, что не хотел уходить из своего поместья. Про другого помещика Люблинской губернии, Раевского, рассказывают, что за отказ подчиниться распоряжению об уходе и попытку помешать истреблению своего имущества, он подвергся расстрелу со стороны нашего офицера». Тот же оратор далее говорит о молитве, составленной монахами Киево-Печерской лавры со следующими словами: «плачьте о детях, изменниках Родины и Царя, продавших себя в наймиты жидам и полякам и прочим врагам Веры и Отечества». Подобные данные редко встречаются в других источниках (тем более официальных). Оратор был возмущен тем, что те люди, которые вынуждены были остаться на занятой немцами территории, были названы предателями. Выступление Шебеко наглядно показывает, что Великое Отступление 1915 г. было настоящей трагедией не только для русской армии, но и для местного населения, оказавшегося под оккупацией. Причем последнее оказывалось под двойным давлением: не только со стороны оккупационных войск, но и отступавшей русской армии. Кроме того, приравнивание поляков к «врагам Веры и Отечества», на которое указывал Шебеко, способно было только усилить национальную рознь в стране, но не сплотить население [XI. стлб. 206]. Данный пример говорит о непродуманности государственной политики в отношении населения, оставшегося на оккупированной территории.

Интересные данные озвучил и князь Н. Б. Щербатов на другом закрытом заседании (21 марта 1916 г.). Он сказал, что продажа лошадей была значительной статьей экспорта[47]: «Германия, Австрия, Румыния, Турция и Сербия – все вывозили лошадей из России. Это была настоящая конская вакханалия. Государственное коннозавод-

[47] Косвенным подтверждением этому может служить одно мемуарное свидетельство: «В 1913 году Россия имела лошадей больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые. В русской армии было 300 тысяч лучшей в мире кавалерии. Ее неумело использовали в Первой мировой войне...»(*Канкрин А. В.* Мальтийские рыцари. М., 1993. С. 86).

ство, которое поставлено для того, чтобы развивать конской промысел, а вовсе не задерживать продажу лошадей, сочло своим долгом за год до войны обратить внимание Совета министров на совершенно недопустимый размер вывоза. Такой вывоз бывает накануне больших войн и аналогию с тем можно было видеть только в экспорте, который наблюдался в некоторых странах накануне франко-прусской войны. Благодаря настоянию Военного министра, вывоз был запрещен, но фактически это так долго длилось, что момент объявления войны застал некоторые партии лошадей на границе» [12. Стлб. 947]. Примечательно, что покупателями товара «стратегического назначения» накануне войны были, главным образом, члены Тройственного-Четверного союза, т. е. противники Российской империи! Данные эти мало известны и их озвучивание на заседаниях Государственного совета заслуживает пристального внимания историков.

Кстати, тот же Щербатов подверг критике источник, который постоянно (еще с работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» 1903 г.) привлекается для анализа экономического состояния русского крестьянства – военно-конские переписи: «Цифры военно-конской переписи точны только в отношении определения количества лошадей и роста, а все, что относилось к их работе, а тем паче к распределению по силе и сортам, т. е. разделения лошадей на кавалерийские, артиллерию, обозные, решительно не соответствует действительности» [XII. стлб. 948]. Если учесть, что сам Н. Б. Щербатов в 1913–1915 гг. был управляющим государственным коннозаводством, то озвученные им данные заслуживают особого внимания.

Теперь несколько слов о некоторых наблюдениях за особенностями политической России периода Первой мировой войны, которые можно сделать на основе материалов стенограмм.

Обращает на себя внимание, что все выступающие приводили конкретные примеры и активно апеллировали к статистике. Однако данные эти часто не совпадали. Поскольку источники этой статистики не всегда ясны, то вопрос ее сопоставимости стоит весьма актуально. При этом вызывает вопросы разброс данных и, соответственно, выводы, делающиеся на их основе. Если отдельные замечания членов Государственного совета (И. Е. Раковича, князя Н. Б. Щербатова, Каменского 2-го) на закрытой части 17-го заседания 12-й сессии рисуют довольно устрашающую картину положения дел в сельском хозяйстве(угроза недосева), то выступление министра земледелия выглядит весьма оптимистичным. Примечательно, что даже по вопросам того, как сказалась потеря Западных губерний в деле мясозаготовок, не было консенсуса. Например, член Государственного совета В. И. Гурко говорил, что крупные центры Западных губерний (Варшава, Лодзь, Сосновицы и Ченстохово) потребляли в год 220 000 голов, а Рига и Вильно и др. не вывозили мясо

во внутренние губернии страны, а наоборот его импортировали, и значит их потеря положительным образом сказалась на мясозаготовках [XII. стлб. 942]. Ему возражал товарищ министра земледелия Глинка. По мнению последнего эти центры потребляли, произведенное в Западных же губерниях [XII. стлб. 1024]!

Таким образом, политическая жизнь в Российской империи в период 1914–1916 гг. может быть охарактеризована состоянием кризиса. Кризис этот заключался, в частности, в неадекватности получаемой законодательной и исполнительной властью информации, а также в решениях, которые на этой информации могли быть основаны. Все это отразили стенограммы заседаний Государственного совета.

Кроме того, часто встречающаяся ситуация – самооправдание чиновников/общественных деятелей и поиск ими виноватого – хорошо известна по мемуарной литературе деятелей эмиграции. Видимо, их попытка снять с себя ответственность за происходившее перед революционным 1917 годом уходит своими корнями именно в рассматриваемый период. Ведь тот же Н. Б. Щербатов, который критиковал экспорт лошадей в предвоенное время, возглавлял государственное коннозаводство именно в 1913 г.!

В заключение остается сказать, что в рамках совместного (факультета политологии и исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) исследовательского и издательского проекта планируется подготовка к изданию стенограмм Государственного совета за период Первой мировой войны. При этом планируется опубликовать материалы как открытых, так и закрытых заседаний. Как представляется, проделанная работа станет определенным вкладом в расширение источниковой базы по истории как Первой мировой войны, так и внутреннего кризиса Российской империи, приведшего к революционным потрясениям 1917 г.

Вандалковская М. Г.

Понятие «революция» в эмигрантской историографии

Аннотация. Рассматривается толкование П. Н. Милюковым в эмиграции понятия «революция». Раскрыто содержание революционности русского исторического процесса: в деятельности Петра I, выступлении декабристов, реформах 60-х годов XIX в., работах Государственной думы. Показаны представления Милюкова о сущности Февральской революции, автором либеральной трактовки которой он являлся, а также о соотношении Февральской и Октябрьской революции.

Ключевые слова: революционный процесс, Петр I, декабристы, реформы, Государственная дума, европеизация, аграрно-крестьянский вопрос, демократическое государство.

Notion of «revolution» in the Emigrant Historiography

Abstract. The message considers the interpretation of P. N. Milyukov in emigration the notion of «revolution». The content of the revolutionary nature of the Russian historical process is revealed: in the activities of Peter I, the Decembrists' uprising, the reforms of the 1860s, works of the State Duma. Miliukov's views on the essence of the February Revolution are shown, he was the author of its liberal interpretation, and also on the relationship between the February and October Revolution.

Keywords: The revolutionary process, Peter I, the Decembrists, the reforms, the State Duma, Europeanization, the agrarian and peasant question, the democratic state.

Эмигрантские ученые-историки, философы, писатели, общественные и политические деятели, глубоко переживая разлуку с Россией, проявляли особый интерес к ее истории, современному состоянию и будущему. Закономерным было пристальное внимание к революции в России, сыгравшей роковую роль в их судьбе. Стремление осмыслить пережитое сопровождалось появлением заметок, статей, воспоминаний преимущественно эмоционального характера. И лишь немногие могли теоретически, научно дать объемное и содержательное представление о революции. К их числу в первую очередь относился П. Н. Милюков. Известный историк, крупный политический деятель, лидер конституционно-демократической партии, член III и IV Государственных дум, министр иностранных дел первого состава Временного правительства, Милюков и в эмиграции продолжал заниматься политической и научной деятельностью. Как историка его всегда отличала склонность к теоретическим заключениям, обобщению и синтезу. Сочетание опыта политической деятельности и высокой профессиональной подготовки историка определяли возможность создания теоретико-методологических представлений о революции.

Многочисленные статьи Милюкова в его газете «Последние новости», в эмигрантских журналах, книга «История второй русской революции» содержат интересный и значительный материал на эту тему.

Термин «революция» употреблялся Милюковым в широком и узком смысле. В широком смысле революция отождествлялась с революционным процессом. Революционность процесса означала для Милюкова решение социально-экономических и политических преобразований вне зависимости от того, кем они проводились. Каждая

страна, по мысли Милюкова, неминуемо проходит стадию подобной революционности. «Революционный фазис, – писал Милюков, – есть общий фазис для большинства народов, но каждый народ имеет свою революцию в смысле видовых различий, которые связаны с особой историей народа»[48].

Революционный процесс, по Милюкову, имеет мирную и насильственную форму, последняя и называется в узком смысле революцией. «Революция – это форма процесса, а не сам процесс, это прорыв новых общественных отношений. И как форма она никогда не желательна, но она бывает неизбежна, когда силы, ей противоположные, не хотят уходить с поля боя»[49].

Признавая закономерность революционных изменений в историческом процессе, Милюков вместе с тем признавал важность роли субъективного фактора – волевой деятельности политических руководителей и степени общественного сознания. Задачу политических деятелей Милюков видел в том, чтобы «выпрямить» русло революционной борьбы и «укрепить берега», т. е. направить революционный процесс на мирный парламентский путь»[50].

Революционность русского исторического процесса Милюков видел в деятельности Петра I, декабристов, Александра II (реформы 60-х годов), работах Государственной думы. Разумеется, степень революционности в деятельности этих правителей, общественных деятелей, государственных учреждений представлялась ему различной.

Петр I, его реформы привлекали особое вниманием Милюкова. Он защитил диссертацию о «Государственном хозяйстве России в первой четверти XVIII столетия и реформе Петра Великого» (1892), писал о Петре I в «Очерках по истории русской культуры», в многочисленных эмигрантских статьях. Взгляды Милюкова на Петра I и его реформы постоянно корректировались, но оценка их сущности как революционных преобразований оставалась неизменной. «По глубине своего значения для России, – утверждал Милюков, – петровская реформа может быть сравнима с Реформацией и Возрождением». Отмечая закономерность, органичность и одновременно произвольность, мозаичность и насильственность реформ Петра I, Милюков признавал их важную роль в европеизации России. Именно европеизацию, становление нового цивилизационного уровня он признавал прорывом в историческом развитии страны[51].

Революционность декабристов признавали многие эмигрантские ученые. Однако содержание революционности мыслилось различно.

---

[48] *Милюков П.* Корни революции // Последние новости. 1921. 13 июля.

[49] *Милюков П.* Заветы революции // Последние новости. 1921. 2 апр.

[50] *Милюков П.* Старый порядок // Последние новости. 1921. 18 окт.

[51] *Милюков П.* Значение Петра Великого в русской истории // Последние новости. 1925. 25 февр.; *Он же.* Петровская годовщина // Последние новости. 11 февр.

Для Милюкова главным в движении декабристов была идея права и законности. «Все остальное, – писал Милюков, – было лишь средством», путем к их осуществлению. Трагедией декабристов Милюков считал то, что в России во времена декабристов, да и много позднее, не было условий для воплощения в жизнь права и законности. Восстание 14 декабря он называл «самым фантастическим» проявлением их деятельности, «но оно могло бы оказаться не вовсе фантастическим, если бы они были менее интеллигентными и более наследниками гвардейских офицеров XVIII столетия... В случае удачи – все остальное становилось делом реформ – слишком неподготовленных для немедленного осуществления». Лозунги декабристов – равенство, республика, федерация – Милюков признавал своими глубоко жизненными идеалами, которые в последнее столетие, хотя и медленно, но осуществляются[52].

Известный историк и единомышленник Милюкова, эмигрант А. А. Кизеветтер обращал внимание на другую особенность движения декабристов. Кизеветтер опровергал распространенный тезис о том, что только представители неимущих классов способны на революционное выступление. «Декабристы по своему социальному положению, – писал он, – сливки той сословно-дворянской монархии, которые шли на ее свержение». В декабристах Кизеветтер видел поучительный урок политического радикализма, пример отречения от узкоклассовых интересов и жертвенности. Политические идеалы декабристов (демократическая республика, всеобщее избирательное право, аграрная реформа) он считал актуальными и близкими общественно-политической борьбе кадетской партии. Знаменательно, что Кизеветтер выступает с предостережением от искажений истинного образа и роли декабристов в освободительном движении. Он резко критиковал оценку идеологии декабризма в освещении дореволюционной и советской историографии: М. Н. Покровского, утверждавшего, что декабристы – политические фарисеи и лицемеры, узкосословные эгоисты, прикрывающиеся радикальной фразеологией, и Валишевского о том, что декабристы – предшественники большевизма и разрушителей устоявшихся традиций. Эти суждения представлялись Кизеветтеру модернизацией и тенденциозностью[53].

В реформах 1860-х годов Милюков и его сторонники усматривали начало тех преобразований, которые впоследствии завершились революциями 1917 г. Крестьянская, земская, судебная реформы

---

[52] *Милюков П.* Годовщина восстания декабристов // Последние новости. 1925. 27 декабря; *Он же.* 14/26 декабря 1825 // Последние новости. 1924. 28 дек.

[53] *Кизеветтер А.* Памяти декабристов // Последние новости. 1926. 8 янв.; *Он же.* Казнь декабристов // Русские ведомости. 1917. 13 (26) июля; *Он же.* Новое о Пестеле // Руль. 1926. 5 авг.; и др.

рассматривались как революционные акции, проведение которых объяснялось и объективными, и субъективными причинами: состоянием крепостного населения и дворянских хозяйств, крестьянскими волнениями, осознанием властями невыгодности крепостного труда в сравнении с вольнонаемным.

Анализируя причины и ход крестьянской реформы, Милюков считал, что в итоге была «разрушена твердыня средневекового крепостничества», «опрокинуто гнилое здание барского произвола», но крестьянская реформы осуществлялась «далеко не так, как этого требовали интересы крестьянства», весы реформы были наклонены в сторону помещичьих интересов. Завоеванием крестьянской реформы Милюков признавал личное освобождение и обеспечение крестьян землей, хотя «неполное и затянувшееся». Сам факт освобождения крестьян Милюков сравнивал с реформой Петра Великого. «То и другое, – писал он, – знаменовало окончательное вступление России на путь европеизации... Александр II сделал второй шаг к европеизации: он покончил с вотчинным социальным строем, с старым привилегированным служилым сословием. Так был открыт путь к окончательному, мирному преобразованию России в современное демократическое государство...»[54].

С деятельностью четырех Государственных дум в России Милюков связывал возможность последовательных и мирных революционных преобразований. Но уже деятельность I Государственной думы, с ее численным и нравственным влиянием кадетской партии, свидетельствовала о крахе парламентских иллюзий. Крах надежд на мирный парламентский строй в России Милюков объяснял неподготовленностью страны к парламентским формам жизни в экономическом, социальном и правовом отношениях, поведением правящих классов, сопротивлением действующих партий, агрессивностью левых течений. Касаясь роли кадетов в думской деятельности, Милюков отмечал, что кадеты стремились «предупредить» революцию, а не готовить ее, в чем их упрекали, но их влияние на Думу было утрачено. Вместе с тем он утверждал, что при условии «бесплодности» попыток повлиять на эволюцию власти, деятельность Думы, поддерживаемая вождями армии, подготовила быстрый и бескровный успех Февральской революции[55].

Рассмотренные преобразования или реформы, как отмечалось, включались Милюковым в длительный российский революционный процесс. Важно отметить, что истинная революционность, как считал Милюков, была присуща не всем преобразованиям.

---

[54] *Милюков П.* Семидесятилетие освобождения крестьян // Современные записки. LXI. 1936. С. 280.

[55] *Милюков П. М.* В. Родзянко // Последние новости. 1924. 29 янв.

Так, реформаторская деятельность Столыпина вызывала у Милюкова резкое осуждение. «В нашей борьбе со Столыпиным, – писал он, – дело стояло не так просто. Мы не были против эволюции форм крестьянского землевладения в сторону собственности. Мы были против насильственной ломки крестьянского быта во имя определенной политической идеи – против „ставки на сильных" – в интересах сохранения дворянского землевладения. Мы требовали уважения к формам крестьянского быта, о котором не всегда помнят теперь»[56]. Выступая противником насильственного разрушения общины, Милюков считал, что ее надо было вначале «эмансипировать», а ликвидацию предоставить естественному ходу событий. Столыпинская аграрная реформа, по мнению Милюкова, вела к дифференциации крестьянства и, следовательно, к обострению классовой борьбы.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании общественного порядка», даровавший «незыблемые основы гражданской свободы», неприкосновенности личности, свободы слова, собраний, союзов, законодательные права Государственной думе и не реализовавший этих основ, Милюков также не признавал подлинно революционным. «Дата 17 Октября была бы, – писал он, – действительной исторической чертой, поворотным пунктом... если бы в этот день власть перестала быть самодержавной и сделала требованиям общественности решительные и окончательные уступки». Этот правительственный акт, по мнению Милюкова, отразил психологию власти, ее лицемерие, абсолютное нежелание облечь обещания конституционного устройства в строгую правовую форму[57].

Одним из актуальных и дискуссионных вопросов является вопрос о соотношении Февральской и Октябрьской революций. Милюков относил Февральскую и Октябрьскую революции к одному, общему революционному процессу. Он считал, что Русская революция 1917 г. пережила два периода: созидательный (Февраль) и стихийный (Октябрь). Однако, между Февральской и Октябрьской революциями он видел существенные, качественные различия.

Февральская революция для Милюкова – сложное явление, «сотканное из глупости и близорукости старого режима, недовольства страны, ненависти угнетенных классов, энтузиазма революционной молодежи, политической провокации и неприятельской интриги». Эта революция началась «сверху», получила развитие благодаря Думе и оппозиции со стороны военного командования, стала проявлением

---

[56] *Милюков П.* Памяти друзей – граждан // Последние новости. 1925. 18 янв.; *Он же.* Передовая // Последние новости. 1925. 20 авг.

[57] *Милюков П.* Двадцатилетие русской революции // Последние новости. 1925. 1 нояб.

общенационального движения и означала грань, отделяющую старую самодержавную, крепостническую Россию от новой, демократической. Мы приемлем революцию, писал Милюков, «ибо с ней пришла развязка: ликвидация той России, против которой мы боролись всю жизнь... день 27 Февраля 1917 года для нас есть новая эра русской истории и день всемирного национального праздника»[58].

Важным завоеванием Февральской революции Милюков считал создание демократической государственности. Демократическая республика, учрежденная Февралем, отделила, по словам Милюкова, русский либерализм от защиты старого строя и от «коммунистической игры с идеей народного верховенства»[59].

Бескровный и мирный характер революции в ее начале Милюков объяснял отрицательным отношением всех слоев населения к самодержавию и доверием к Думе, взявшей в свои руки руководство революцией. Однако, как признавал Милюков, бессилие власти, острая классовая борьба, развязанная радикальными силами, сдача властью идеи монархии определили капитуляцию революции и перевес стихии над созиданием, в результате которого мирный исход революции был парализован[60].

Милюков активно занимался распространением своих взглядов о России и ее истории в эмигрантской среде. В одном из своих выступлений, сравнивая Февраль и Октябрь, он утверждал, что и хронологически, и логически Февраль «стоит на первом месте». Хронологически Февраль отделил новую Россию от старой. Логически Февраль нес созидательное, творческое начало в решение вопросов аграрно-крестьянского и характера власти, народоправства. В этом он видел начало новой России[61].

Несомненно, что на восприятии Милюковым Февральской революции лежала печать его либерально-кадетского мировоззрения, хотя сам он считал себя свободным от необъективности.

По существу Милюков являлся основателем либеральной традиции в трактовке Февральской революции.

Современники отдавали дань Милюкову как выдающемуся представителю исторической науки, первому создателю объемного представления о февральских событиях, но подвергали критике его концепцию революции. Так, например, известный общественно-политический деятель, эсер, автор многих работ о Февральской революции М. В. Вишняк обвинял Милюкова в субъективизме, в партийно-политическом, кадетском освещении революции, в преувеличении роли

---

[58] *Милюков П.* Как пришла революция // Последние новости. 1921. 12 марта.

[59] *Милюков П.* Девятилетие Февральской революции // Последние новости. 1926. 13 марта.

[60] *Милюков П.* История второй русской революции. М., 2001. С. 52–53.

[61] *Милюков П.* Россия и эмиграция // Последние новости. 1925. 17 мая.

Думы, в противоречивой и тенденциозной группировке фактов[62]. Однако и Вишняка упрекали в идеализации Февраля. Но это предмет самостоятельного рассмотрения[63].

Октябрьскую революцию Милюков, разумеется, не принял, считал ее заговором меньшинства, неспособным обеспечить политические и социальные права всего народа, резко критиковал разрушения революции, политику в области науки и культуры и т. д. Вместе с тем он характеризовал Октябрьскую революцию как крупное социологическое явление и одновременно как «патологическую форму подъема России на высшую ступень культурного существования», а ее «восточные черты» как результат разрушения, неизбежного в процессе всякой революции.

Большие завоевания Октябрьской революции Милюков видел в уничтожении остатков самодержавия, разрушении помещичьего землевладения, освобождении крестьянства от помещичьего гнета и наделении его землей, повышении самосознания всего народа.

Ватыль Н. В.

И. А. Ильин о причинах русской революции

Аннотация. В статье анализируются воззрения И. А. Ильина на первопричины революционных преобразований в России в 1917 г. Акцентировано внимание на духовных предпосылках революции, носящих общемировой характер. Это религиозный кризис, кризис правосознания и кризис идеи собственности. В интерпретации Ильина конкретные революционные преобразование в России были связаны с отсутствием эффективных механизмов противодействия новым идейным трансформациям, угрожающим духовным первоосновам государственности.

Ключевые слова: религиозный кризис, кризис правосознания, идея собственности, И. А. Ильин.

I. A. Ilyin on the causes of the Russian Revolution

Abstract. In the article I. A. Ilyin's views on the prime causes of revolutionary changes in Russia in 1917 are analyzed. The attention is focused on the spiritual prerequisites of revolution having universal character. It was religious crisis, crisis of sense of justice and crisis of the idea of property. In Ilyin's interpretation concrete revolutionary transformation in

[62] *Вишняк М.* Политика и история в «Истории русской революции» П. Н. Милюкова // Современные записки. 1927. XXI. С. 434–452.

[63] *Кизеветтер А.* Февраль и Октябрь в ходе русской революции (О новой книге М. В. Вишняка «Два пути») // Сегодня. 1931. 6 мая.

Russia have been connected with lack of effective mechanisms of counteraction to the new ideological transformations menacing to spiritual fundamental principles of statehood.

Keywords: religious crisis, crisis of sense of justice, the idea of property, I. A. Ilyin.

Анализируя воззрения Ивана Александровича Ильина (1883–1954) на революционные преобразования в России в 1917 г., современные исследователи научного наследия русского государственного мыслителя отмечают первоочередную его аргументацию духовных, ценностных первопричин любой, в том числе и русской, революции[64]. Через все политическое наследие Ильина проходит мысль о том, что духовность является исходной основой сильной и состоятельной государственности, ибо «государство в его духовной сущности есть не что иное, как множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сжившихся в единстве на почве духовной культуры и правосознания»[65].

Ильин отмечал, что русская революция – явление не только и не столько внутриполитическое, сколько «общемировое». Русская революция, в ильинской трактовке, – трагический результат развития мировой истории, которому сопутствовало глобальное изменение экономических, политических, социальных и идеологических парадигм. «Русская революция не есть чисто-русское событие, в России зародившееся и развившееся; она возникла в мировом контексте – она имеет не только внутри-русские причины, но и причины чисто внешние, общемировые»[66]. Ильин указывал, что революционные изменения в России стали результирующим итогом трех «великих мировых явление» (кризисов), связанных в единую последовательную логическую цепочку:

1) мирового кризиса, переживаемого религией (христианством);

2) мирового кризиса, переживаемого правосознанием и государственными институтами;

3) мирового кризиса, переживаемого идеей собственности.

Религия для Ильина выступала первоочередным условием генезиса сильного государственности. В ильинской трактовке, об этом убедительно свидетельствовала история Древнего Рима и раннего

---

[64] *Лисица Ю. Т.* Иван Александрович Ильин. Историко-библиографический очерк // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1996; *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998; *Он же.* И. А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004; Иван Александрович Ильин / Под ред. И. И. Евлампиева. М., 2014.

[65] *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1.

[66] *Ильин И. А.* Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 2001. С. 181.

христианства. Распространение в римской империи христианского вероучения наполнило существовавшую там развитую правовую культуру новыми морально-этическими смыслами. Секуляризация европейского общества, начавшаяся в эпоху Возрождения, привела, полагал Ильин, к формализации права, а через него и к формализации всей государственной жизни. Современную правовую государственность, подчеркивал он, сложно представить без «вечных и благороднейших религиозно-христианских корней правосознания»[67].

Причины религиозного кризиса (в первую очередь, христианского мировоззрения):

а) научно-технический прогресс, рационализирующий миропонимание и мировоззрение;

б) индустриализация и внедрение новых технологий производства (в том числе и создание новых экономических моделей);

в) классовая дифференциация общества по экономическим признакам;

г) урбанизация, рост мирового народонаселения и ужесточение социальной и политической конкуренции;

д) политическая «атомизация» индивидов.

Религия, согласно ильинскому мировоззрению, всегда являлась одним из определяющих элементов государственного правосознания. Как отметил В. Жуковский: «О каких бы сторонах человеческой жизнедеятельности Ильин ни говорил... системообразующим ядром, стержнем... всегда у него выступает правосознание...»[68]. В связи с этим основу его подхода к революции составило представление о правосознании как связующем звене между нормативно-ценностными первопричинами и процессуальными элементами революционных трансформаций. «Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам»[69]. Наличие высокого уровня правосознания как безусловного добровольного стремления личности к соблюдению правовых нормативов не только увеличивает эффективность правоприменения и стабильность правопорядка, но и снижает издержки со стороны государства на осуществление постоянного контроля над гражданами. Благодаря этому граждане приобретают большую степень политико-правовой свободы. Качество политической культуры как основы правовой го-

---

[67] *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 288.

[68] *Жуковский В. Н.* Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001. С. 133.

[69] *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 409.

сударственности определяется императивом: «сначала через правосознание, а только потом через политический акт»[70].

Причины кризиса правосознания:

а) утрата правом религиозно-сакральных (духовных) первооснов;

б) формализация права;

в) подмена правовой нормы силовым принуждением.

Кризис правосознания ведет к несоблюдению правовых аксиом (закон духовного достоинства – уважение и признание духовного «Я» человека со стороны других субъектов права; закон автономии – необходимое правовое признание и правовые гарантии личной свободы; закон взаимного признания – уважение и признание человеком правового статуса других субъектов права), без которых, по Ильину, невозможно функционирование правового государства[71].

В отношении взаимосвязи правосознания и частной собственности Ильин пишет: «частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание... приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, выращивая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской свободы»[72]. Без наличия частной собственности, придающей человеку стабильность и уверенность, им проще управлять и манипулировать, что составляет основу любой революции. «Кризис идеи собственности состоит в том, что люди, оставаясь по здравому инстинкту, присущему от природы, – собственниками, усваивают идеологию и практическую установку, враждебную собственности...»[73].

Ильин не только указывал на взаимосвязь генезиса революции и нарушений природы частной собственности, но и показывал, какие именно тенденции ведут к этому:

– обострение неравенства в распределении собственности;

– централизация капитала и пролетаризация масс;

– тотализация зависимости наемных рабочих от нанимателей;

– концентрация большого числа рабочих в крупных промышленных центрах;

– отчужденность рабочего от средств производства, отсутствие индивидуализации труда и, как следствие, слабая заинтересованность в качестве выпускаемой продукции;

– расширение слоя люмпен-пролетариата;

– отсутствие социальных лифтов[74].

Причины кризиса идеи собственности:

---

[70] *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 287.

[71] Там же. С. 310.

[72] *Ильин И. А.* Собр. соч.: Русский колокол: Журнал волевой идеи / Под ред. Ю. Т. Лисицы. М., 2008. С. 654.

[73] *Ильин И. А.* Собр. соч.: Кто мы? О революции... С. 227.

[74] Там же. С. 233–236.

а) неравенство в распределении собственности;

б) усиление зависимости наемных рабочих от собственника средств производства;

в) отсутствие прямой связи рабочих с результатами своего труда;

г)популяризация идеи возможности быстрого обогащения при отсутствии реальных общедоступных механизмов такового.

Таким образом, Ильин рассматривал русскую революцию, в первую очередь, как духовный процесс, причины которого имели глобальный, общемировой характер. Конкретные революционные преобразование в России были связаны с отсутствием эффективных механизмов противодействия новым идейным трансформациям, несущим потенциальную угрозу духовным первоосновам государственности.

Вершинина И. А.

«Контрреволюция» 1917–1918 годов глазами генерала Н. Н. Головина

Аннотация. В статье рассмотрены идеи участника Первой мировой войны и Белого движения генерала Н. Н. Головина. Основное внимание уделено его восприятию событий 1917–1918 гг. Кроме революции, генерал Н. Н. Головин пишет о контрреволюции, выявляет ее основные противоречия, характеризует некоторых лидеров Белого движения.

Ключевые слова: генерал Н. Н. Головин, контрреволюция, Гражданская война, Белое движение.

The «counter-revolution» of 1917–1918 as viewed by General N. N. Golovin

Abstract. The article considers the ideas of the participant of the First World War and the White Movement General Golovin. The main attention is paid to his perception of the events of 1917–1918. In addition to the revolution, General Golovin writes about the counter-revolution, reveals its main contradictions, and characterizes some leaders of the White Movement.

Keywords: General Golovin, counter-revolution, Civil war, the White Movement.

Николай Николаевич Головин (1875–1944) – русский военный деятель и теоретик, очевидец и участник Первой мировой и Гражданской войн. Его работа «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» посвящена непростому и противоречивому периоду из ис-

тории нашей страны. По мнению Н. Н. Головина, 1917–1918 гг. – время, которое следует называть контрреволюцией. Ее началом была Февральская революция, а закончилась она в конце 1918 г., когда Германия вынуждена была смириться со своим поражением в Первой мировой войне. Лишь после этих событий, как считает генерал Головин, правомерно говорить о начале Гражданской войны в нашей стране.

Еще не написано, пожалуй, ни одной работы, посвященной данному периоду в истории нашей страны, которая получила бы однозначные отзывы. Н. Н. Головин взял на себя непростую задачу, попытавшись, насколько это возможно, объективно изложить события, которые существенно изменили его жизнь, роковым образом повлияли на судьбу его близких и друзей. Его работа была по-разному оценена современниками. Некоторые из них полагали, что его книга должна быть обязательной для прочтения для всех русских людей[75], другие же считали, что автор изложил лишь свое видение событий, которое далеко от истины[76]. В любом случае, мы не можем отрицать, что Н. Н. Головиным была проделана огромная работа, материалы для книги собирались в течение многих лет. «Российская контрреволюция...» была написана по заказу Института по исследованию русской революции при Гуверовской военной библиотеке Стэнфордского университета, полученного в 1931 г. Через шесть лет, в 1937 г., пятитомный труд вышел на русском языке в виде 12 брошюр в качестве приложения к журналу «Иллюстрированная Россия».

Благодаря Н. Н. Головину у нас есть еще одна работа, из которой мы можем почерпнуть информацию о времени, теперь уже далеком от нас. Ее ценность велика тем, что он был непосредственным участником некоторых из описываемых событий и был лично знаком со многими людьми, руками которых создавалась история. Особый интерес представляет анализ процессов, происходивших среди казачества. Может показаться, что Н. Н. Головин уделяет им слишком много внимания, но этот факт объясняется его дружбой с казачьим атаманом П. Н. Красновым, который предоставил ему разнообразные материалы.

Два генерала царской армии, оказавшиеся на чужбине, были близки по духу. Они оба категорически не принимали большевиков, считая их главными врагами России. Сходство их взглядов по многим позициям создало благоприятную почву для научного сотрудничества и взаимопомощи. П. Н. Красновым были написаны несколько рецензий на произведения Н. Н. Головина, в частности, на «Российскую

[75] *Краснов П. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Исторический труд профессора, генерала Н. Н. Головина // Часовой. Март 1938. № 209. С. 26.

[76] *Мельгунов С. П.* Российская контрреволюция (Методы и выводы ген. Головина). Доклад в Академическом союзе. Париж, 1938.

контрреволюцию...» и «Науку о войне. О социологическом изучении войны», которую можно назвать венцом его творчества. Н. Н. Головиным, в свою очередь, было написано предисловие к книге казачьего атамана «Душа армии», вышедшей в 1927 г. в Берлине.

Еще одна рецензия была написана Арсением Александровичем Зайцовым, который был помощником генерала Н. Н. Головина на созданных им Зарубежных Высших военно-научных курсах. После смерти Н. Н. Головина в 1944 г. он собрал часть преподавателей и слушателей курсов и руководил ими до конца жизни. А. А. Зайцов, как и Н. Н. Головин, принимал непосредственное участие в Гражданской войне, в 1934 г. была издана его работа «1918 год. Очерки по истории Гражданской войны», на которую Н. Н. Головин неоднократно ссылается. А. А. Зайцов так же, как и П. Н. Краснов, дал высокую оценку произведению, написанному Н. Н. Головиным.

Историком С. П. Мельгуновым «Российская контрреволюция...» была воспринята прохладно. Он обвиняет Н. Н. Головина в небрежном цитировании источников, считая, что данное обстоятельство ставит под вопрос научную ценность работы. Но не стоит забывать о том, в каких нелегких условиях проживало большинство представителей русского зарубежья. За сотрудничество со многими изданиями авторы не получали гонорара, как, например, с «Военным сборником», где часто печатался Н. Н. Головин. Он не скрывал тот факт, что не мог получить многие книги из тех, на которые можно найти ссылки в его работах[77]. Ряд библиографических данных ему приходилось уточнять через своего друга В. В. Чернавина, который имел доступ к документам, хранящимся в Пражском архиве.

Н. Н. Головин старался в первую очередь сделать социологический анализ событий, а не просто констатировать исторические факты. Естественно, что его видение событий было субъективным, он принимал их слишком близко к сердцу. Ему было очень сложно описать их с позиции стороннего наблюдателя. Но социология – это наука не всегда точная; ученый не может полностью абстрагироваться от тех фактов, которые его непосредственно затрагивают. Если согласиться с тезисом, что одной из функций социологии является мировоззренческая, которая заключается в выражении интересов определенных социальных групп, то Н. Н. Головин справился со своей задачей. Он предоставил нам возможность посмотреть на непростое для страны время глазами офицера царской армии, боровшегося против большевизма. Как говорит сам Н. Н. Головин, «русское офицерство военного времени, не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группи-

[77] *Головин Н. Н.* Письмо к Чернавину В. В. от 04.06.1929. – ГАРФ. Р-5956. Оп. 1. Д. 137. Л. 80.

ровки»[78]. Из его книги мы можем понять, почему они не приняли революцию и сражались против ее организаторов и идейных вдохновителей.

Хотя сказать, что Н. Н. Головин идеализирует Белое движение, тоже нельзя. Он видел многие его недостатки. И главный из них, по его мнению, состоял в том, что Белое движение не смогло объединить для вооруженной борьбы с большевиками все противобольшевистски настроенные элементы русской интеллигенции. К сожалению, как полагает Н. Н. Головин, это типичное для России явление: «Основной Русской особенностью, проходящей через все стороны ее исторического процесса – политическую, социальную, интеллектуальную и национальную, – всегда была слабость сцепления и цементирования частей, составляющих социальный агрегат. Эта мысль объясняет отсутствие солидарности во многих событиях русской патриотической жизни, когда, казалось бы, обе разошедшиеся стороны были заинтересованы в этой солидарности»[79]. Силы, входящие в состав контрреволюционного движения, были чрезвычайно многообразны: одни лелеяли реставрационные вожделения, другие хотели вернуть завоевания Февральской революции, третьи – просто прекратить дальнейшие разрушения, вносимые революцией. Отсутствие единства в их интересах и требованиях часто заставляло их воевать между собой, ослабляя контрреволюционный лагерь. Борьба одновременно на несколько фронтов требует огромных материальных и моральных затрат. Демонстрируя сложность той ситуации, в которой оказались многие лидеры контрреволюции, Н. Н. Головин приводит воспоминания П. Н. Краснова: «У меня четыре врага: наша Донская и Русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы – немцы или союзники и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья»[80]. Люди, преследующие близкие цели, часто оказывались по разные стороны баррикад из-за своей политической слабости, неспособности договориться и нежелания идти на компромиссы.

Белое офицерство, при всем опыте ведения боевых действий, проиграло, потому что на идеологическом фронте его представители потерпели сокрушительное поражение от красных. Н. Н. Головин неоднократно подчеркивает, что в политическом и социальном плане программа белых носила печать полного «непредрешенства», важнейшие политические решения откладывались на неопределен-

---

[78] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. в 2 т. Т 1. М., 2011. С. 244.

[79] Там же. С. 207.

[80] Цит. по: *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... Т. 2. С. 427.

ное время, в то время как большевики, придя к власти, сразу же заявили о своей позиции в самых наболевших вопросах – о мире и о земле. «С точки зрения этого „непредрешенства" наименование контрреволюционного течения... „Белым движением" совершенно правильно. Подобно белому цвету, представляющему собой синтез всех цветов спектра, Белое движение ожидало, что победа над врагом Великой России сама по себе приведет к примирению всех борющихся партий, классов и других социальных группировок»[81]. Эта мечта оказалась одной из главных их слабостей.

Вождями контрреволюции стали генералы, уже прославившиеся на полях сражений, умеющие побеждать врагов, но врагов внешних. У войны же гражданской есть свои особенности: «Политическое руководство гражданской войной должно находиться в руках людей, столь же хорошо знающих поля социальной борьбы, как военные знают условия войны на военном фронте. Совмещение этих знаний в одних и тех же лицах редко бывает осуществлено»[82]. Доблестное русское офицерство оказалось не готово воевать в условиях междоусобицы. Они не смогли вовремя понять, что основная борьба разворачивается не на военных фронтах, а на политических, что борьба идет за принципы, «а принципы, за которые борется противник, могут быть уничтожены в своем значении только противопоставлением им других принципов, более притягательных, понятных или более возбуждающих»[83]. Отсутствие четкой политической программы помешало им привлечь на свою сторону широкие народные массы: «Добровольческая армия с самого начала приобрела характер „офицерской" части, то есть явилась ополчением „патриотически настроенной интеллигентной молодежи", морально оторванным от народных масс»[84].

За это непонимание народных нужд Н. Н. Головин корит многих лидеров контрреволюции, видя в этом одну из причин поражения: «Генерал Деникин не мог найти нужных ему людей; но происходило это не потому что людей не было, а потому, что Белое движение оказалось оторванным от народных масс и изолированным в недрах самой интеллигенции»[85]. Неспособность сформулировать цели борьбы и непринятие важнейших политических решений было вызвано, по мнению Н. Н. Головина, тем, что в процессе кристаллизации Белого движения выдвигались вожди с упрощенным стратегическим мировоззрением. Причем это был закономерный результат, так как именно такие люди были наиболее популярны в среде рус-

---

[81] Цит. по: *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... Т. 1. С. 246.

[82] *Месснер Е. Э.* Уроки гражданской войны // Знамя России. Прага, 1936. № 10 (86). С. 10.

[83] Там же.

[84] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... Т. 1. С. 438.

[85] Там же. Т. 2. С. 629.

ского офицерства, игравшего решающую роль в этом движении[86]. Офицерство привыкло получать скорейшие результаты, они, как и их лидеры, были не готовы к сложной политической игре. Боясь принимать самостоятельные политические решения, они оторвались от реальности, превратились в идеалистов, или выражаясь словами Н. Н. Головина, «максималистов»: «Лица, призванные руководить другими людьми, будь то промышленники, государственные деятели или полководцы, не должны вести их к недостижимым целям. Личная незаинтересованность героя увеличивает красоту его подвига. Однако, стратегия „погони за синей птицей" – плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами»[87].

Генерал Головин в августе 1919 г. прибывает в Омск и успешно руководит обороной города. Однако в октябре Н. Н. Головин неожиданно покидает ставку А. В. Колчака. Уже к концу 1919 г. Н. Н. Головин понял бессмысленность продолжения Гражданской войны:

«...В настоящее время мне все кажется в полном хаосе... в хаосе все, что я видел в последние 12 месяцев... Организация меняется каждый день полностью, и никто не знает, в каком положении он находится...

...В прошлом году вы испробовали в Сибири больше систем, чем Германская империя испробовала в сто лет...

...Степанов[88] полагал, что ему нужно 10 лет, чтобы разбить большевиков; Лебедев[89] хотел сделать это в десять минут. Оба были прекрасными людьми в своем роде, и я думаю, оба были патриоты, но вместе их было довольно, чтобы разрушить любое государство...

Мое желание помочь Вам, говоря откровенно, в настоящее время Вы делаете помощь Вам невозможной»[90].

По мнению Н. Н. Головина, к концу 1919 г. решающие сражения уже были проиграны: «Ознакомившись с положением фронта в штабе и объехав многие позиции, он [Головин] сказал Адмиралу: „К величайшему сожалению мой приезд в Сибирь к Вам, Александр Васильевич, подобен вызову врача к больному, у которого остановился пульс". Генерал Головин в глубокой печали распрощался с ад-

---

[86] См.: *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция... Т. 2. С. 467.

[87] Там же. Т. 1. С. 480.

[88] Степанов Николай Александрович (1869–1949), военный министр правительства Колчака (декабрь 1918 – май 1919 г.); постоянно конфликтовал с Д. А. Лебедевым, а также с другими членами правительства и в конце концов был смещен вследствие интриг последнего; несмотря на это пользовался, как и сам Лебедев, большим доверием Колчака.

[89] Лебедев Дмитрий Антонович (1883–1921 или 1928), начальник штаба Колчака (21.12.1918 –09.08.1919), один из главных виновников поражения армии Колчака.

[90] *Головин Н. Н.* Письмо к Начальнику штаба А. В. Колчака от 27.09.1919. – ГАРФ Р-5881. Оп. 1. Д. 281.

миралом и уехал во Францию. На меня его отъезд произвел впечатление отъезда с похорон»[91].

Н. Н. Головин считал, что победа над большевиками не могла быть одержана исключительно силами белых армий. Он возлагал большие надежды на иностранную интервенцию, считая, что вторжение внешних врагов может вдохновить русский народ и на борьбу с врагами внутренними. Изначально его взоры были устремлены на Дальний Восток в ожидании противоборства с Японией, но уже в 1933 г. он увидел войну, грядущую с запада, из Германии. Н. Н. Головин хотел сделать во время Второй мировой войны то же, что большевики сделали во время Первой: воспользоваться нестабильной внешнеполитической ситуацией, чтобы расшатать внутреннюю, и свергнуть власть Советов.

Возможность союза с немцами была одним из спорных вопросов, который разделил воюющие с большевиками силы на два лагеря еще во время Гражданской войны. Н. Н. Головин, как и П. Н. Краснов, считая главным врагом большевиков, полагал разумным привлечение для борьбы с ними всех возможных сил, в том числе и немецкой армии. Однако данная точка зрения противоречила убеждениям значительной части Добровольческой армии. Белое движение родилось в условиях тяжелой внешней войны, борьба с большевиками во многом рассматривалась как ее продолжение. А следовательно, для многих, в частности, для А. И. Деникина, главным врагом были не большевики, а немцы, возможность союза с ними категорически отрицалась. Прошло двадцать лет, началась вторая большая война, но старые вопросы опять возникли, теперь уже вдали от родины.

Н. Н. Головин видел в фашизме силу, способную бросить вызов коммунизму. В соглашение между Германией и Советским Союзом он никогда не верил, считая, что между ними неизбежно произойдет военное столкновение. Взгляды генерала Н. Н. Головина разделяла значительная часть русской эмиграции, многие связывали с Германией надежды на уничтожение власти Советов.

Эмиграция не могла не видеть тех лозунгов, с которыми шла воевать Германия, объявившая славянскую расу неполноценной. Ее представители не были слепы, но считали эту войну тем толчком, который помог бы вызвать внутри страны необратимые перемены, возродить силы русского народа и поднять его на борьбу не только с внешним врагом, но и внутренним. Представители эмиграции поразному смотрели на свою роль в этом процессе. Одни старались по-

---

[91] *Князев В. В.* Жизнь для всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного Правителя, адмирала А. В. Колчака // Окрест Колчака: док.и мат./ Сост. А. В. Квакин. М., 2007. С. 132.

мочь Германии, чтобы ускорить свержение власти большевиков, другие считали, что активность белой эмиграции не может быть направлена в пользу внешних захватчиков. А. И. Деникин остался верен своим убеждениям, хотел принять участие в спасении России от немцев, просил И. В. Сталина зачислить его в армию рядовым. Н. Н. Головин и П. Н. Краснов предлагали посильную помощь немцам в войне против Советского Союза. Но хотели все русские офицеры одного – спасения России, своей Родины. Спасение это они видели по-разному, по-разному ему содействовали. Всех их объединяла надежда увидеть свою страну сильной и процветающей, занявшей достойное место среди мировых держав: «Ведь мы верим в могучие силы русского народа и знаем, что Россия создана не случайным капризом кого-то или чего-то, но непреложной совокупностью этнических, экономических, географических и духовных условий нашей тысячелетней истории»[92].

Галкин П. В.

Земство и Революция 1917 года (по материалам британской прессы)

Аннотация. В британской прессе создание волостного земства оценивалось как залог расширения самостоятельности органов самоуправления. Британские журналисты писали об участии земских деятелей в работе Всероссийского демократического совещания и Предпарламента. Приход большевиков к власти земства не поддержали и пытались организовать «демократический центр», призванный сохранить государственную власть.

Ключевые слова: Временное правительство, волостное земство, Государственное совещание, Предпарламент, большевики, британская пресса.

Zemstvo and Revolution in 1917 (on materials of the British press)

Abstract. The establishment of the volost Zemstvo was evaluated in British press as a way to increase the independence of local authorities. British journalists wrote about the participation of Zemstvo figures in the Democratic conference and the Preliminary Parliament. The Zemstvo did not support the Bolsheviks in October events, and tried to organize a «democratic centre», aimed to preserve state power.

---

[92] *Пятницкий Н. В.* Создающаяся в Европе стратегическая обстановка. Лекция проф. генерала Н. Н. Головина // Сигнал. Париж. № 44. 01.12.1938. С. 3.

Keywords: The Provisional government, the volost zemstvo, National Congress, Preliminary Parliament, Bolsheviks, the British press.

Февральская революция рассматривалась в британской прессе как реакция населения на неспособность власти осуществлять эффективное управление страной в условиях военного времени.

Формирование Временного правительства британцы восприняли положительно, считая, что это создаст условия для дальнейшей демократизации России. В газете «Nottingham Evening Post» глава правительства Г. Е. Львов был назван российским Кромвелем, а в издании «Gloucester Journal» – человеком «сильного характера и здравомыслящим», с большим опытом земской работы[93]. В крупнейшей британской газете «The Times» говорилось о том, что в период войны Г. Е. Львов, возглавив Всероссийский земский союз, а затем и Земгор, достойно поддерживал земские традиции. При его личном участии в тесном контакте с Красным Крестом было организовано оказание медицинской помощи больным и раненым воинам; осуществлялись поставки на фронт лекарств, санитарно-технического оборудования, одежды и обуви[94]. Как отмечал корреспондент газеты «Gloucester Journal», Г. Е. Львов «произвел самое благоприятное впечатление на западных наблюдателей, которые контактировали с ним, и он имеет авторитет и привычку лидерства, которые так необходимы главе великого народа во время кризиса»[95].

Поэтому первые решения «по наведению порядка», предусматривавшие отставку губернаторов и передачу их функций председателям губернских земских управ, оценивались британскими корреспондентами как логичные и продуманные. В конце марта Г. Е. Львов дал интервью французской газете «Le Petit Parisien», в котором он, в частности, отмечал, что провести повсеместно замену губернаторов «без вмешательства в ход событий» удалось именно благодаря существованию земской организации[96].

Как отмечалось в газете «Birmingham Daily Post», накопленный в земствах опыт административной работы в условиях революции позволял правительству даже расширить их полномочия[97]. Крайне негативно британские журналисты отнеслись к отдельным фактам арестов земских служащих представителями Советов депутатов, считая это «признаком анархии». Сообщение агентства «Рейтер» об аре-

[93] The week // Gloucester Journal. 1917. March 24. P. 4; The Russian Cromwell // Nottingham Evening Post. 1917. July 21. P. 1.
[94] Prince George Lvoff // The Times. 1917. March 17. P. 8.
[95] The week // Gloucester Journal. 1917. March 24. P. 4.
[96] Prince Lvoff interviewed // Cambridge Daily News. 1917. March 23. P. 3.
[97] Revolution in Russia // Birmingham Daily Post. 1917. March 16. P. 4.

сте в Шлиссельбурге председателя и членов земской управы было перепечатано в десятке газет.

В большинстве публикаций британских газет с весны до осени 1917 г. земства рассматривались как один из важнейших общественных институтов, находящийся «в авангарде» преобразований.

«The Times» опубликовала статью писателя Брейли Ходжетса (Brayley Hodgetts), в которой говорилось о том, что «за спиной князя Львова стоят земства и города России», которые «представляют самые лучшие элементы страны». Британский писатель полагал, что такое соотношение сил позволит стране прийти к примирению и достичь политического компромисса: «...российская демократия будет демонстрировать национальную особенность и удивить мир своей солидарностью»[98]. Другой известный английский писатель Арнольд Беннет на страницах газеты «Evening Despatch» также высоко оценивал способности России к самоуправлению и подчеркивал, что «страна общины и земства окажется на высоте стоящих перед ней задач», но о прогрессе революции он полагал возможным судить по прогрессу процедуры всеобщих выборов[99].

Реформа Временного правительства, направленная на создание волостного земства и проведение выборов на началах прямого, равного и тайного голосования, в издании «Sunderland Daily Echo and Shipping Gazette» оценивалась как залог расширения самостоятельности органов самоуправления: «Введение как можно быстрее автономии муниципалитетов и земств на основе прямого, равного, тайного и всеобщего избирательного права, и расширение этого принципа на всю страну – это главная проблема правительства в области внутренней политики»[100], – отмечалось в статье.

В газете «Newcastle Journal» сообщение агентства «Рейтер» было перепечатано с меньшими сокращениями. В нем подчеркивалось, что местные органы власти должны пользоваться доверием населения, для этого«правительство одновременно с целью организации местных органов власти должно опираться на представителей общественных организаций, которые будут формировать коллегиальные органы областного управления и объединения групп провинций»[101] (очевидно, имелись ввиду губернские и уездные земские собрания).

Информации, поступавшей по линии телеграфного агентства «Рейтер», по-видимому, было недостаточно. Этим, на наш взгляд, объясняется публикация высказываний представителя Земгора в Лондоне С. П. Тюрина, отмечавшего «значимость земских или во-

[98] The Russian position // The Times. 1917. May 19. P. 7.
[99] Evening Despatch. 1917. April 05. P. 3.
[100] A fateful hour // Sunderland Daily Echo and Shipping Gazette. 1917. July 23. P. 3.
[101] The breach of the Russian army front // Newcastle Journal. 1917. July 23. P. 8.

лостных Советов в отношении к революции»[102] и утверждавшего, что на данном этапе правительство действительно является «представителем русской нации»[103].

Определенный интерес представляют собою оценки премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа. Причины политического кризиса в России он видел в «болезни», поразившей российское общество, – пацифистских настроениях, вызванных, в том числе, германской пропагандой. Премьер-министр считал, что это заболевание излечимо: «Мы также надеемся, что процесс ликвидации будет быстрым... Россия не лишена людей с образованием, ответственностью, и административным опытом. Земства богаты ими, и в революционных условиях их возможности должны быть чрезвычайно увеличены, но старая бюрократическая власть заведомо мешает им на каждом шагу»[104].

Британские журналисты писали об участии 118 земских деятелей в работе Государственного совещания, проходившего в Москве с 12 по 15 сентября. В статье, опубликованной в лондонской газете «The Sphere» отмечалось, что на совещании не было единства в вопросе о поддержке правительства, хотя ситуация на фронте была тревожной и от правительства требовалось «действовать быстро, решительно и бесстрашно»[105].

Земцы принимали участие и в деятельности Всероссийского демократического совещания, проходившего в Петрограде с 14 по 22 сентября.

Итогом совещания стало формирование Предпарламента, в первоначальный состав которого, по данным газеты «Western Daily Press», вошли 110 представителей земств и городов (из 230 мест). Британский корреспондент подчеркивал, что «...это будет временный консультативный, а не законодательный орган», но с полномочиями по рассмотрению вопросов внешней политики. Для чего правительство «периодически предоставляет предпарламенту всю информацию о ситуации в стране»[106].

В британских газетах также отмечалось, что земства выразили поддержку новому коалиционному Временному правительству, сформированному 25 сентября 1917 г.

Осенью в «The Times» была опубликована серия статей, посвященных деструктивным изменениям в местном самоуправлении. Британские журналисты приводили примеры ситуаций, когда в отдельных уездах к власти приходили комитеты и Советы, состоявшие из рабо-

---

[102] Notes of new books // Cambridge Daily News. 1917. September 3. P. 4.
[103] From private correspondence // The Scotsman. 1917. September 15. P. 7.
[104] A War Survey // Birmingham Daily Post. 1917. September 8. P. 6.
[105] The great European war: week by week: the Russian National Congress at Moscow // The Sphere. 1917. September 8. P. 5.
[106] Russian's reorganisation // Western Daily Press. 1917. October 5. P. 6.

чих и крестьян, среди которых были как «искренние энтузиасты», так и «проходимцы»[107]. Представители этих новых органов активно тратили земские сборы на свою зарплату. По данным «The Times», в Петроградской губернии большевики ликвидировали земство, создав 17 «отдельных республик», в которых затраты на административный аппарат в три раза превысили сумму местных расходов. Чтобы покрыть дефицит бюджета большевики конфисковали деньги в местных отделениях казначейства и ввели дополнительные налоги для собственников земли и владельцев мельниц. Для нужд новой власти конфисковались частные дома, парки и сады. «Открытое насилие не было частым явлением, – отмечал британский корреспондент, – потому что никто не осмелился оказать какое-либо сопротивление...»[108].

В данных обстоятельствах земства повсеместно выступили против захвата власти большевиками и ареста министров Временного правительства. Для выработки общего подхода общественные деятели 9 ноября 1917 г. созвали в Петрограде совещание представителей земств и городов. В нем приняли участие земцы преимущественно из центральных и северных губерний России[109]. По данным газеты «Birmingham Daily Post», в процессе обсуждения сложившейся ситуации выявилось три точки зрения: некоторые выступали за коалицию с большевиками, другие предлагали придерживаться медлительной тактики и проводить концентрацию демократических сил, а третья группа заняла непримиримую позицию, выступая за борьбу против большевиков. В итоге большинством голосов была принята резолюция, предложенная бывшим членом Временного правительства И. Г. Церетели, о создании «демократического центра», который должен был обеспечить организацию «государственной власти». Как отмечал британский корреспондент, «в политических кругах конференция считается несостоявшейся по причине того, что депутаты не смогли занять твердую позицию по отношению к Временному правительству»[110].

Последним рубежом «спасения демократии» британские журналисты считали Учредительное собрание, но участие земцев в его работе и последующая ликвидация земств не получили широкого освещения в британской прессе.

Анализируя причины поражения Временного правительства, корреспондент газеты «Hastings and St Leonards Observer» D. Henry Rees отмечал, что, опираясь на губернские и уездные земства, правительство, в итоге, не смогло обеспечить «плотного сотрудничества со стороны всех»[111].

---

[107] Exploiting the revolution. The committee system // The Times. 1917. September 21. P. 5.
[108] The Zemstvos Destroyed // The Times. 1917. October 9. P. 5.
[109] *Герасименко Г. А.* История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 178.
[110] Seizure of private property // Birmingham Daily Post. 1917. November 28. P. 5.
[111] The Russia revolution // Hastings and St Leonards Observer. 1918. January 12. P. 6.

Сходные оценки высказывались в крупнейшей британской газете «The Times» еще в сентябре 1917 г. Корреспондент указывал, что в земском и городском союзах с самого начала их существования власть усматривала «смертельную опасность для самодержавия». И потому сотрудничество с ними допускалось только «при условии, что все должно вернуться в прежнее состояние сразу после окончания войны». Как следствие, «вместо откровенного сотрудничества между правительством и народом, которое, – по мнению журналиста, – смягчило бы зло войны и укрепило страну, война усилила проклятие разобщенности...»[112].

Подводя общий итог, отметим, что земство и земские деятели воспринимались британскими журналистами и писателями исключительно позитивно и рассматривались в качестве силы, которая будет способствовать достижению общественного компромисса и станет залогом успешности реформ Временного правительства. Но стремительные изменения политической обстановки в стране не позволили представителям земств оказать серьезного влияния на исход событий.

Галкина О. И.

Лидеры русской социал-демократии и Революция 1917 года в освещении газеты «The Times»

Аннотация. События Февральской революции в России вызвали большой интерес у общественности Великобритании. Влиятельная лондонская газета «The Times» уделяла большое внимание лидерам РСДРП, их роли в революции и последовавших политических событиях. Анализ публикаций показал, что оценки лидеров партии предопределялись их позицией по вопросу о войне. По этой причине меньшевики, по мнению «The Times», являлись «настоящими марксистами и социал-демократами», а большевики – «экстремистами».

Ключевые слова: большевики, В. Ленин, меньшевики, И. Церетели, сепаратный мир, «Таймс».

The leaders of the Russian Social-Democratic Movement and the Russian Revolution of 1917 in the coverage of «The Times»

Abstract. The February Revolution in Russia aroused great interest in the society of Great Britain. Influential London newspaper «The Times» paid great attention to the leaders of the Russian Social Democratic Workers' Party (RSDRP), their role in the Revolution and subsequent political

[112] Feeding huge armies // The Times. 1917. September 21. P. 5.

events. Analysis of publications has shown that evaluations of the leaders of RSDRP were predetermined by their position on the question of war. For this reason, according to «The Times», the Mensheviks were «the true Marxists and the Social-Democrats», but Bolsheviks were defined as «extremists».

Keywords: the Bolsheviks, V. Lenin, the Mensheviks, I. Tsereteli, a separate peace, «The Times».

События Февральской революции в России вызвали большой интерес у общественности Великобритании. Падение царизма, декларации Временного правительства, формирование Советов рабочих и солдатских депутатов бурно обсуждались в парламенте во второй половине марта 1917 г., а высказывания депутатов свидетельствовали о том, что они были не готовы к стремительно развивавшимся событиям в России. В частности, депутат от либеральной партии Вильям Андерсон в своем выступлении отмечал: «Нам... говорили, что революция раньше июня не случится, что в середине войны революции быть не может»[113]. В этом высказывании явно содержался намек на доклад члена военного кабинета лорда А. Милнера, вернувшегося из России[114] и утверждавшего, что революция, скорее всего, неизбежна, но произойдет уже после окончания войны, и что «в разговорах о революции в России очень уж много преувеличений»[115].

22 марта 1917 г. в палате общин было принято приветственное обращение в адрес Государственной думы, в котором британские парламентарии «сердечно поздравляли» русский народ с установлением «свободных институтов». В документе выражалась твердая уверенность, что произошедшие изменения будут не только способствовать «быстрому прогрессу русской нации», но и более яростной борьбе против «оплота милитаризма, угрожающего свободе Европы»[116]. Таким образом, по словам канцлера казначейства Э. Бонар Лоу, Россия, чьей «выносливостью и храбростью» восхищались в Англии, вошла в «круг свободных наций человечества»[117]. А видный представитель либеральной партии Чарльз Тревельян, цитируя манифест Временного правительства от 16 марта 1917 г., провозгла-

[113] Great Britain. Parliament. Hanzard's Parliamentary Debates 5th series (далее – HPD). House of Commons. Vol. 92. London, 1917. Col. 1435.

[114] Подробно о «миссии Милнера» см.: *Алексеева И. В.* Миссия Мильнера // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 143–148; *Давидсон А. Б.* Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 181–197.

[115] *Gollin A. M.* Proconsul in Politics. A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. Hertfordshire, 1964. P. 529.

[116] HPD. House of Commons. Vol. 91. Col. 2085.

[117] HPD. House of Commons. Vol. 92. Col. 1670.

сивший свободу слова, печати и рабочих союзов, обращался с запросом к премьер-министру, спрашивая, когда и в Великобритании будут провозглашены те же свободы, которых жители страны были лишены в условиях военного времени[118].

Интерес широкой общественности к событиям в России был также значительным. Ответы на волновавшие вопросы обыватели могли найти в печатных изданиях. Наиболее достоверным источником новостей для английских читателей в это время была ежедневная лондонская газета «The Times», выступавшая в отличие от большинства британских изданий в качестве независимого печатного органа. С самого начала революции «Таймс» информировала общественность о положении дел в России, публикуя подробные корреспонденции и статьи, касающиеся отречения императора, состава Временного правительства, формирования Советов рабочих и солдатских депутатов. Первоначально событиям в Петрограде давались оценки самого общего плана, смысл которых сводился к победе идей демократии над царизмом. Спустя некоторое время читатели «Таймс» смогли познакомиться с аналитическими обзорами, в которых характеризовались ведущие российские партии, их лидеры, высказывались прогнозы относительно дальнейшего развития событий.

Значительный интерес корреспонденты газеты проявляли к программным заявлениям социал-демократический партии, высказывали предположения относительно роли РСДРП и ее лидеров в будущих событиях.

Наибольшую обеспокоенность, с точки зрения перспектив утверждения «парламентского режима» в России, у обозревателей «Таймс» вызывали «экстремисты» или «максималисты», к которым они относили представителей большевиков[119]. Наиболее типичными были оценки следующего рода: «они простые доктринеры, но их возможность навредить огромна, особенно в период, подобный нынешнему»[120], «очевидно, что члены партии составляют явное меньшинство, но они энергичны... и обладают влиянием, непропорциональным их реальной силе»[121].

Редакцию, а вместе с ней и читателей газеты волновал тот факт, что «эти максималисты призывают войска сложить оружие, выступают против новых военных кредитов, предлагают пролетариям объединиться и продолжить войну против враждебных классов, доведя ее до победы». В этой связи «Таймс» не могла не процитировать предостережения генерала Корнилова, заявившего, что «Россия не

---

[118] HPD. House of Commons. Vol. 92. Col. 2014.

[119] Понятие «большевик» как синоним «экстремиста» впервые было употреблено в «The Times» 21 августа 1917 г.

[120] The Times. 1917. 16 March. P. 8.

[121] The Times. 1917. 17 March. P. 7.

сможет продолжить войну, если в войсках будет распространяться такая агитация»[122].

Именно от деятельности этих, «далеко зашедших» политиков, по мнению обозревателей газеты, зависело будущее российской революции, которое выглядело «угрожающим» в том случае, если «экстремисты захватят власть»[123]. В июльском номере «Таймс» подчеркивалось, что пока «кадеты действовали конституционно... максималисты призывали народ и воинские гарнизоны выйти на улицы, именно они способствовали кровопролитию... они действуют как враги революции, нанося удар в спину революционной армии»[124].

Ну и конечно же, газета не могла обойти вниманием лидера большевиков. За период с 1 марта по 1 сентября личность В. И. Ленина упоминается на страницах газеты около 50 раз в различных контекстах. С учетом того, что «Таймс» являлась и является многостраничным и ежедневным изданием, мы можем констатировать отсутствие в это время пристального интереса к лидеру большевиков. Оценки, даваемые Ленину, не отличались особым разнообразием. Корреспонденты газеты называли его «экстремистом», «известным максималистом», «беглецом», «германским агентом», «известным анархистом, вернувшимся в Россию после объявления всеобщей амнистии и по специальному разрешению Германского правительства», «его имя ассоциируется с беспорядками в Петрограде»[125], он выступает за мир «любой ценой».

Другие представители большевиков интересовали английских журналистов в меньшей степени. В июльских–октябрьских номерах «Таймс» встречаются имена Л. Каменева и Л. Троцкого, которых неизменно определяли в качестве «лидеров экстремистов» и «яростных максималистов». Помимо этого, в одной из заметок Л. Троцкий характеризовался как «политик, недостойный уважения»[126], а Л. Каменев – в качестве участника (вместе с В. Лениным и Г. Зиновьевым) «германского заговора против России»[127].

Как мы видим, суждения журналистов «Таймс» относительно роли большевистского крыла РСДРП и их лидеров в политической жизни России после Февральской революции, отличались резкостью и негативизмом.

При этом о меньшевиках корреспонденты центрального британского издания писали со слабо скрываемой симпатией, подчеркивая, что оппоненты большевиков являются более многочисленными и ми-

---

[122] The Times. 1917. 26 March. P.7.
[123] The Times. 1917. 17 March. P. 7.
[124] The Times. 1917. 19 July. P. 7.
[125] The Times. 1917. 9 May. P. 5.
[126] The Times. 1917. 16 October. P. 7.
[127] The Times. 1917. 28 July. P. 5.

ролюбивыми, готовы поддержать Временное правительство и участвовать в выборах в Учредительное собрание. Лидеров меньшевистской фракции РСДРП обозреватели называли «настоящими марксистами и социал-демократами», «влиятельными мужчинами», чьи личные качества свидетельствовали о полной готовности служить государству. К таким политикам они относили «грузина по рождению и идеалиста по темпераменту», «лидера промышленных рабочих» Н. Чхеидзе; «представителя Грузии», «наиболее влиятельного члена исполнительного комитета Петросовета» И. Церетели; «умного» М. Скобелева; «раннего апостола» марксизма Г. В. Плеханова.

В обзоре газеты, опубликованном 9 мая, журналисты «Таймс» утверждали, что меньшевики должны преодолеть угрызения совести, отбросить политические и другие мотивы и войти в состав Временного правительства для его усиления.

Чем же объясняются такие полярные оценки в прессе представителей социал-демократической партии? Анализ публикаций в «Таймс» показал, что риторика журналистов в отношении лидеров партии предопределялась позицией последних по вопросу о войне. Этот же вопрос был актуален и для депутатов британского парламента, которые выражали беспокойство: сможет ли Россия при «новом порядке» продолжать войну, «бороться за право свободных людей жить самостоятельно»[128]. Официальные круги Великобритании публично старались поддержать обозначенную решимость новых российских властей выполнять все прежние соглашения и обязательства. В свою очередь, комментарии в английской прессе звучали в унисон заявлениям официальных лиц: «Мы с облегчением отмечаем, что все партии высказали стремление продолжать войну с большей силой, чем это было до революции»[129]. Корреспонденты и обозреватели разных изданий писали «о сохранении дисциплины, боеспособности русской армии», о том, что «солдаты и офицеры сознают свою ответственность перед нацией и союзниками», и, как следствие, выражали «надежду и уверенность в том, что новая Россия сможет одержать быструю победу над общим врагом»[130].

По мнению обозревателя «Таймс», именно программное положение меньшевиков «мир без аннексий» означало как восстановление и сохранение в будущем «территориальной целостности свободной России», так и продолжение войны против Германии до установления в ней республики. Выводы журналиста подтверждались публикацией больших фрагментов выступления И. Церетели 4(17) июня 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депута-

---

[128] HPD. House of Commons. Vol. 92. L., 1917. Col. 1677.
[129] The Times. 1917. 16 March. P. 7.
[130] The Times. 1917. 29 March. P. 6.

тов. Важным было то, что этот видный политик отражал не только позицию своей партии, но и мнение Временного правительства, членом которого он стал в мае 1917 г., получив должность министра почт и телеграфов. В его речи, в частности, говорилось: «Мы желаем ускорить процесс подписания нового мира, в котором принципы, провозглашенные российской демократией, будут учитывать внешнюю политику союзников... Наихудшим результатом борьбы за всеобщий мир было бы заключение сепаратного мира с Германией, который бы уничтожил результаты российской революции и был бы гибельным для целей международной демократии. Сепаратный мир невозможен. Он ввергнет Россию в новую войну на стороне германской коалиции. Этот мир будет означать разрыв с одной коалицией, чтобы вступить в другую»[131].

Напротив, выступление Ленина на этом же съезде не публиковалось, а давалось лишь небольшое резюме его выступления. По словам собственного корреспондента «Таймс», лидер большевиков определял готовящееся Временным правительством наступление на фронте в Галиции как предательство интересов международного социализма и предлагал собственные меры по спасению страны. Журналист указывал на высказывание Ленина о готовности его партии сформировать правительство. Такое заявление не могло не вызвать беспокойства у общественности страны в связи с лозунгами большевиков, звучавшими ранее.

Как до этого съезда, так и после него корреспонденты газеты обращали внимание на призывы «максималистов во главе с Лениным» к «миру без аннексий и контрибуций», отмечали факты, когда солдаты отказывались воевать под воздействием «зловредной пропаганды сторонников Ленина»[132]. Также подчеркивалось, что эти лозунги сопровождались воззваниями к пролетариям «объединиться и продолжить войну против враждебных классов». Такая позиция большевиков объяснялась прямой заинтересованностью Германии в прекращении военных действий на Восточном фронте, что сопровождалось финансовой поддержкой сторонников Ленина. В газете публиковались данные о суммах денег, переводимых из Германии на счета большевиков через Стокгольм, с целью поощрения их деятельности, нацеленной на дискредитацию Временного правительства и агитацию за выход из войны.

Журналисты стремились подчеркнуть устойчиво-негативное отношение к Ленину в самых широких слоях общества. Характеризуя пацифистский митинг, состоявшийся в Петрограде в конце апреля 1917 г., корреспондент газеты указал на наличие лозунгов, адресо-

---

[131] The Times. 1917. 19 June. P. 7.
[132] The Times. 1917. 12 June. P. 6.

ванных Ленину: «Возвращайся обратно к Вильгельму». Он не преминул заметить, что Ленин обещал присутствовать на этом мероприятии, но не приехал[133]. Рассказывая о майской манифестации в Петрограде, обозреватели «Таймс» отмечали, что участники шли с лозунгом: «Ленин должен разделить судьбу Распутина»[134]. Освещая работу конгресса Донских казаков, состоявшегося 22 июня, корреспондент подчеркнул, что казаки «призвали принять меры против пропаганды Ленина и других анархистов, которых определили как предателей России»[135].

С некоторой долей тревожности корреспонденты «Таймс» характеризовали события, произошедшие в России в июле 1917 г., усматривая в них новый виток дестабилизации ситуации в стране. Долго готовившееся наступление русской армии на Юго-Западном фронте закончилось провалом. Военные неудачи омрачились событиями в Петрограде. В организации многотысячной демонстрации 3(16) – 5(18) июля 1917 г. и последовавших жертвах корреспонденты обвиняли «экстремистов» во главе с Лениным, действовавшим в интересах Германии[136].

В этой ситуации обозревателям «Таймс» было важно успокоить общественное мнение Британии в отношении перспектив продолжения войны Россией. С этой целью в газете публиковались интервью и статьи авторитетных западных политиков, утверждавших, что партия, возглавляемая Лениным, не имеет достаточных сил для влияния на события Российской революции. Собственные обозреватели газеты отмечали, что большевики представляли меньшинство в Советах, а их «анархистские ячейки и организации» в стране находятся «вне закона».«Таймс» опубликовала распоряжение Временного правительства об аресте Ленина и его соратников по обвинению в связях с германским штабом, отметив, что лидеру «экстремистов» удалось скрыться[137].

В августе 1917 г. обеспокоенность корреспондентов газеты происходившими в России событиями стала нарастать. По их мнению, преодоление политического кризиса в стране было возможно при единой поддержке социалистическими партиями (за исключением максималистского меньшинства) правительства Керенского. В противном случае, по мнению обозревателей, «Россия может получить такой удар, от которого не оправится»[138]. К этим же выводам приходили обозреватели и других изданий.

---

[133] The Times. 1917. 30 April. P. 7.
[134] The Times. 1917. 1 May. P. 5.
[135] The Times. 1917. 22 June. P. 6.
[136] The Times. 1917. 20 July. P. 6; 28 July. P. 5.
[137] The Times. 1917. 23 July. P. 8.
[138] Цит. по: Belfast News-letter. 1917. 9 August. P. 5.

Некоторые надежды на стабилизацию ситуации в стране обозреватели «Таймс» связывали с итогами работы Демократического совещания. В очередной раз они подчеркивали конструктивную роль меньшевиков, указывая на их стремление к созданию широкой демократической коалиции. Корреспонденты отмечали исключительные способности и заслуги Н. Чхеидзе в организации работы Совещания в такой непростой обстановке.

При этом неоправдавшиеся к сентябрю 1917 г. надежды журналистов «Таймс» на лидеров меньшевиков в качестве будущих лидеров страны обусловили ироничные комментарии в адрес этих политиков. Если в апреле корреспонденты писали про «влиятельных мужчин», то осенью они напоминали, что Н. Чхеидзе – «бывший крепостной, который должен был стать юристом»; Церетели – «представитель благородного грузинского рода, формально руководил Советом, за которым маячили экстремисты»[139].

В сентябрьско-октябрьских номерах собственные корреспонденты «Таймс» с сожалением отмечали рост влияния большевиков в стране, подчеркивая, что «их умение взаимодействовать с разными силами, их террористические навыки и деструктивная позиция, хорошо организованная армия демагогов и агитаторов дают им значительное преимущество»[140]. В редакторском обзоре газеты даже присутствовали нотки фатализма: «Возможно, приход большевиков к власти – это неизбежное зло; это неизбежное испытание, через которое Россия должна пройти, прежде чем основная масса людей осознают тот факт, что большевики и есть настоящие контрреволюционеры, которые делают все возможное, чтобы окончательно развалить страну»[141]. Про лидера большевиков журналисты «Таймс» в этот период «не вспоминали». Лишь в информационной колонке, посвященной работе Демократического совещания, были приведены слова Каменева, просившего для Ленина гарантий неприкосновенности.

Октябрьские события в Петрограде редакция «Таймс» определяла как «агонию России», ставшую следствием «захвата власти экстремистами». Тем не менее, еще в ноябре 1917 г. журналисты газеты с уверенностью писали о том, что упорядоченная жизнь, воинская слава России и ее былое влияние будут восстановлены[142].

Таким образом, мы видим, что оценки британскими журналистами фракций Российской социал-демократической партии определялись, в первую очередь, тем, какая из них сможет обеспечить исполнение Россией союзнических обязательств. По этой причине идея «мира без аннексий и контрибуций», пропагандируемая боль-

[139] The Times. 1917. 21 September. P. 5.
[140] The Times. 1917. 28 September. P. 7.
[141] Ibidem.
[142] The Times. 1917. 9 November. P. 7.

шевиками, вызывала опасения. Обозреватели газеты стремились подчеркнуть, что все происходящее в России – дело рук германского правительства, а лозунги лидера большевиков не находят поддержки в стране. Напротив, позиции меньшевиков и их лидеров в этом вопросе находили одобрение, и на протяжении долгого времени перспективы развития революции в сторону демократии связывались именно с представителями этого крыла РСДРП.

Голиков А. Г.

Источниковедческие проблемы изучения революционных событий 1917 года в России

Аннотация. В статье прослежено формирование источниковой базы изучения революционных событий 1917 года в России. Обоснована роль П. Н. Милюкова и М. Н. Покровского в исследовании этой темы. На примере анализа публикаций об А. Ф. Керенском в газетах и журналах 1917 г. показаны возможности существенного повышения информационной отдачи источников.

Ключевые слова: источниковедение революции 1917 г. в России, П. Н. Милюков, М. Н. Покровский, образ А. Ф. Керенского в прессе 1917 г.

Events of the Russian Revolution of 1917: source study issues

Abstract. The article traces the formation of the source base of the study of the revolutionary events of 1917 in Russia. The role of the P. N. Milyukov and M. N. Pokrovsky in the study of this theme is substantiated. The analysis of publications about A. F. Kerensky in newspapers and magazines in 1917 made it possible to show the possibility of significant increasing of the information efficiency of sources.

Keywords: source study of revolution of 1917 in Russia, P. N. Milyukov, M. N. Pokrovsky, the image of A. F. Kerensky in the press in 1917.

Революционные события 1917 г. в России получили отражение в огромном количестве источников. За прошедшие сто лет значительная их часть выявлена учеными и введена в научный оборот в исследованиях и научных публикациях. Возможности экстенсивного расширения источниковой базы изучения темы в конечном счете ограничены. Поэтому на современном этапе ее историографии все более актуальной задачей источниковедения становится получение нового знания в результате повышения информационной отдачи источников.

Современникам событий были доступны главным образом материалы периодической печати. Они составили основу источниковой базы работы П. Н. Милюкова, который первым из профессиональных историков предпринял попытку написать историю революции. Вынужденный покинуть Петроград, историк и политик взялся за перо уже в конце ноября 1917 г. в Ростове-на-Дону, куда стекались добровольцы, составившие первые отряды будущей белой армии. В силу объективных для Милюкова причин подготовка рукописи затянулась. Только в декабре 1920 г., получив доступ к парижской коллекции русских периодических изданий, он счел работу завершенной. Книга была издана в трех выпусках в 1921–1923 гг. в Софии под названием «История второй русской революции».

В Предисловии Милюков отметил, что «назвал свой труд „Историей", хотя хорошо сознает, что для истории революции в строгом смысле время не скоро настанет. Выбирая это заглавие, он хотел лишь сказать, что его цель в этой книге идет дальше личных „Воспоминаний"... „История" ставит себе иную задачу, чем „Мемуары". Она принципиально отказывается от субъективного освещения и заставляет говорить факты»[143].

Цель предпринятого им исследования автор видел в том, чтобы представить читателю «возможно точное и подробное фактическое описание» совершившегося на его глазах. «Те недостатки описания, которые усмотрит в нем последующий историк, отчасти вознаградятся чертами, для будущего историка этой революции уже недоступными: элементом личного свидетельства очевидца-наблюдателя и отчасти близкого участника совершившихся событий»[144].

Как историк, Милюков отдавал себе отчет в том, что «в самой группировке фактов уже дает известный комментарий к событиям». По признанию автора, анализ описываемых событий дан им «с точки зрения определенного понимания их... Из рассказа, несомненно, вытекал определенный политический вывод»[145]. При этом, по оценке исследователей, в Милюкове «политик влиял на историка. Это особенно сказалось в трудах, вышедших из под его пера в послеоктябрьский период»[146].

В 1920-е годы в Советской России была начата целенаправленная работа по собиранию, организации хранения, изучения и публикации материалов по истории революционных событий 1917 г. После того как Гражданская война была завершена, закрепив победу советской власти в стране, в сентября 1920 г. в Москве был создан Государственный архив РСФСР (1920–1925) «для хранения важнейших

---

[143] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 10.
[144] Там же. С. 22.
[145] Там же. С. 11.
[146] *Думова Н. П.* Предисловие // Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 12.

документов РСФСР, а также наиболее ценных материалов предшествующих режимов»[147].

В том же 1920 г. постановлением СНК РСФСР при Наркомате просвещения учреждается Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии – Истпарт. С декабря 1921 г. комиссия перешла в ведение ЦК РКП(б). Первым хранилищем ее документов был Государственный архив РСФСР, где в Архиве Октябрьской революции специально организуется отдел «Документы по истории РКП(б)». На местах создаются филиалы Истпарта. В 1928 г. Истпарт был объединен с Институтом В. И. Ленина – с 1931 г. Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б). В 1939 г. местные истпарты как самостоятельные организации были ликвидированы и их архивы переданы из ведения ИМЭЛ при ВКП(б) соответствующим обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик.

Параллельно с организацией сети архивных учреждений в РСФСР после окончания Гражданской войны возникают эмигрантские архивы. Наиболее крупным собранием документальных материалов по истории России за ее границами стал образованный в 1923 г. в Праге Архив русской эмиграции (с октября 1924 г. – Русский заграничный исторический архив – РЗИА). Целенаправленный поиск и приобретение документов обеспечивали представители архива и более 1,5 тысячи его корреспондентов в 44 странах, где проживали эмигранты из России. В 1946 г. собрание РЗИА было передано СССР как дар правительства Чехословакии.

Поступавшие на хранение материалы публиковались в журналах и сборниках документов. В Москве при Истпарте издавался журнал «Пролетарская революция (1921–1941), при Центрархиве – «Красный архив» (1922–1941). В Берлине выходили белоэмигрантские сборники материалов под названием «Архив русской революции» (1922–1934).

К десятой годовщине Октябрьской революции в Государственном издательстве СССР, наряду с тематическими сборниками (такими как: «Рабочее движение в 1917 г.», «Крестьянское движение в 1917 г.», «Разложение армии в 1917 г.»), изданием протоколов заседаний первого и второго Всероссийских съездов рабочих и солдатских депутатов, протоколов заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, увидела свет семитомная публикация «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году

---

[147] Цит. по: *Добровольская А. В., Горбунов И. Ю., Мироненко С. В.* Государственный архив Российской Федерации: история формирования и комплектования (1920–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 4.

в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства» (М.; Л., 1924–1927).

Тогда же, в 1927 г., под грифом «Истпарт. Отдел ЦК ВКП(б)» были напечатаны под общей редакцией М. Н. Покровского «Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института красной профессуры». Принципиально значение этого двухтомного издания заключалось в том, что впервые в историографии основу источниковой базы изучения революционных событий 1917 г. в России составили документальные комплексы, поступившие на хранение в архивы. А. Л. Сидоров вспоминал: «Выполняя тему „Влияние первой мировой войны на экономику страны", я получил от М. Н. Покровского совет использовать, помимо печатных источников, и архивные материалы... В помещении Сената находились нужные мне материалы „Особого совещания по обороне". Они были еще не разобраны и не описаны. Приходилось просматривать тысячи дел, чтобы отобрать необходимые мне журналы этого совещания...»[148].

Работа исторического семинара Покровского в Институте красной профессуры стала первым опытом коллективной научной разработки истории революции 1917 г. В Предисловии к «Очеркам» Покровский констатировал: «По истории революции 1917 года имеется огромное количество печатного материала. Еще большее количество материала лежит до сих пор в архивах... Прочесть все эти материалы по истории нашей революции одному человеку есть вещь абсолютно и ни при каких условиях невозможная. Изучить хотя бы небольшой участок этих материалов, историю одного события или группы связанных между собой событий, одного учреждения за определенную эпоху его деятельности – для одного человека работа многих лет. *Коллективная разработка архивов* есть единственное средство использовать их для настоящего времени... Только много людей при тщательном разделении труда могут использовать архивы в сколько-нибудь обозримое время»[149].

Намеченное Покровским направление изучения революционных событий 1917 г. на основе, прежде всего, отложившихся в архивах источников, стало главным в отечественной историографии. Коллективными усилиями ученых были выявлены и введены в научный оборот многие тысячи документов. Только в связи с сорокалетием Октября, в 1957–1958 годах, в республиках и областях вышло в свет более 100 томов документальных материалов по истории ре-

---

[148] *Сидоров А. Л.* Некоторые размышления о труде и опыте историка // Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 17–18.

[149] *Покровский М. Н.* Предисловие // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 1. М.; Л., 1927. С. III–IV.

волюции. В 1957–1965 годах издана подготовленная под руководством Института истории АН СССР фундаментальная 10-томная публикация, посвященная Октябрьской революции. В 1990-е годы как дополнение к опубликованным в СССР документам РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС в рамках проекта «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» осуществлено издание, сделавшее общедоступными материалы российских правых, буржуазных и мелкобуржуазных партий, архивные фонды которых ранее находились на специальном хранении.

По мере складывания представительной источниковой базы изучения истории революционных событий 1917 г. в России внимание источниковедов должно быть обращено, прежде всего, на нахождение путей повышения информационной отдачи уже известных источников. Теоретическое обоснование содержательной неисчерпаемости исторических источников дал И. Д. Ковальченко. Он разъяснял: «Многообразие и безграничность взаимосвязей, присущих явлениям объективного мира, обуславливает то, что в исторических источниках, несмотря на избирательное отражение ими действительности, содержится в сущности неисчерпаемый объем скрытой информации, характеризующей взаимосвязи явлений действительности. Анализ этих взаимосвязей на основе информации, непосредственно выраженной, позволяет выявлять информацию скрытую. Это создает возможность для неограниченного повышения информационной отдачи источников и преодоления избирательности непосредственно выраженного отражения источниками действительности. Очевидно, – заключает Ковальченко, – что информационная неисчерпаемость присуща всем историческим источникам»[150].

Истинность этого вывода доказана, в частности, источниковедческими исследованиями материалов периодической печати. Для историка периодическая печать – источник, содержащий сведения практически по любой теме второй половины XIX – начала XXI века. Информация, зафиксированная в газетах и журналах, полифонична. Каждый их экземпляр представляет собой единство многих, различных по происхождению и по содержанию материалов. Газеты и журналы 1917 г., сообщая современникам о происходящем, «формировали общественное мнение, прежде всего, путем соответствующей ориентации публиковавшейся ими повседневной информации о текущих событиях»[151].

При многообразии задач, для решения которых могут быть использованы материалы периодической печати, успех работы иссле-

---

[150] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. Изд. 2. М., 2003. С. 132.

[151] *Бовыкин В. И.* Предисловие // Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 1997. С. 3.

дователя в значительной степени определяется его способностью разработать и применить методику, оптимальную для конкретного случая. Рассмотрим это на примере публикаций о А. Ф. Керенском в отечественной прессе.

Февральская революция 1917 г. вывела на авансцену российской истории новые, прежде сравнительно малоизвестные фигуры. Об их деятельности в дни революции массы информировали крупные буржуазные газеты, издававшиеся в Петрограде и в Москве значительными тиражами и имевшие штат опытных журналистов. Они формировали в общественном сознании определенный образ этих людей.

Одним из тех, кто оказался в фокусе общественного внимания, был 35-летний Александр Федорович Керенский. В марте–октябре 1917 г. он сделал головокружительную карьеру – от товарища председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и одновременно министра юстиции Временного правительства до министра-председателя и Верховного главнокомандующего вооруженными силами страны.

Публикации о Керенском в периодической печати позволяют проследить, как воспринималась его личность современниками и какой образ Керенского-министра формировали в массовом общественном сознании газеты и журналы. Двуединая функция прессы – информировать современников о наиболее важных событиях и одновременно давать их оценку – обусловила жанровое разнообразие публикаций: статьи, хроникальные заметки, репортажи, отчеты, фельетоны, стихотворения, рисунки, фотографии и т. д. (их соотношение менялось со временем). При этом местоположение в номере – первая полоса газеты или обложка журнала, жанр передовой (редакционной) статьи – указывали на первостепенную важность материала, а лексика текстов выражала авторскую позицию журналиста.

В марте–апреле 1917 г. пресса знакомила читателей с повседневной деятельностью министра-демократа, подчеркивая те ее аспекты, которые позитивно воспринимались массами. Сообщалось, в частности, что во всех канцеляриях министерства юстиции по распоряжению Керенского сняты портреты прежних царей, что чинам ведомства воспрещено именовать начальство «превосходительствами и тому подобными званиями». При этом себя Керенский приказал называть скромно – «господин министр». Было замечено, что направляясь в кабинет, он запросто здоровался за руку со старшим курьером; в Сенате был в пиджаке; для выступлений в «социалистической» аудитории надевал «неофициальную» темную рабочую куртку со стоячим воротником, а для выступлений перед солдатами – защитного цвета куртку без погон и английскую фуражку-кепи без кокарды.

В газетах печаталось подробное изложение речей Керенского. Он чутко улавливал общественные настроения и в яркой эмоцио-

нальной форме доносил их до жадно внимавшей ему аудитории. Газеты зафиксировали отчетливо обозначившуюся тенденцию роста его популярности. Было отмечено, что концерты-митинги с его участием неизменно дают полные сборы, в то время как «даже гастролеры с именами теперь не привлекают публику».

Популярный иллюстрированный литературно-художественный журнал «Огонек», издававшийся в Петрограде как приложение к газете «Биржевые ведомости», опубликовал в одном из мартовских номеров рисунок «В дни Великой революции в Таврическом дворце». На рисунке, поясняла подпись, изображена «встреча представителей нового и старого режима» – арест министром юстиции Временного правительства Керенским последнего председателя Государственного совета Российской империи И. Г. Щегловитова.

Лексика отзывов прессы о А. Ф. Керенском в это время позитивна: «вестник новой народной свободы», «прообраз молодой демократической России», «носитель лучших народных чаяний, светлых надежд на будущее».

Назначение А. Ф. Керенского в мае 1917 г. на пост военного и морского министра, утверждалось в передовой статье, печатавшейся миллионным тиражом газеты «Русское слово», вручило судьбу армии «в руки вождя русской революционной демократии». Публикации о А. Ф. Керенском выходят на первые полосы газет, ему посвящаются передовые статьи, в поездках его сопровождают собственные корреспонденты крупнейших изданий, хроникальные заметки о его деятельности, ранее печатавшиеся эпизодически, теперь помещаются постоянно.

Май, бесспорно, апогей славы Керенского, «популярнейшего представителя коалиционного правительства». Поэты посвящают ему восторженные стихи. Ему внимают тысячные толпы. Его слова падают на благодатную почву массовой иллюзии революционного оборончества: он – «бог, кумир, неприкосновенный фетиш, ниспосланный небом для спасения России».

Начавшееся 18 июня наступление русских войск вызвало всплеск публикаций о военном министре. Сообщения следовали одно за другим: вот он воодушевляет солдат в непосредственной близости от линии огня; с аэроплана наблюдает за ходом боевых действий; вручает красные знамена полкам 8-й армии, взявшим под командованием генерала Л. Г. Корнилова Галич. На обложке журнала «Огонек» публикуется специально подготовленный для еженедельника рисунок художника П. Жилина «К наступлению русской армии». На нем Керенский изображен рядом с прославленным полководцем генералом А. А. Брусиловым – верховным главнокомандующим. Почти всю площадь следующего номера занимает фотография, сделанная собственным корреспондентом «Огонька», запечатлевшим выступление

военного министра перед солдатами на фронте. Фотодокумент должен был засвидетельствовать личное участие Керенского в подготовке наступления.

Несмотря на поражение на фронте, политическая карьера Керенского продолжилась: в июле он был назначен министром-председателем Временного правительства с сохранением должности военного и морского министра. Вина за провал наступления и развал фронта возлагается на большевиков. ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦК Всероссийского Совета крестьянских депутатов объявляют коалиционное правительство Керенского кабинетом «спасения революции», признают за ним «все неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии».

Для буржуазной прессы Керенский еще не утратил ореол сильной личности, для нее он по-прежнему «герой русской революции», «символ новой революционной России». Газеты цитируют его слова на Государственном совещании в Большом театре в Москве в августе 1917 г.: любые попытки антиправительственных выступлений «будут прекращены железом и кровью». Однако в комментариях печати в эти дни впервые отчетливо прозвучала неудовлетворенность политикой Временного правительства.

Симптоматичен факт появления на страницах иллюстрированных сатиристических журналов карикатур на министра-председателя. Художник Д. С. Орлов (Моор) в напечатанном московским журналом «Будильник» рисунке-аллюзии знаменитого «Медного всадника» Фальконе создал гротескный образ всероссийского «калифа». Он изобразил Керенского с портретным сходством в хорошо известном публике его «военном» костюме (френч, галифе, сапоги), усадив «героя»... на свинью с конской головой, гарцующую в болотной жиже. Съежившаяся фигурка «лихого наездника», не позаботившегося даже о седле и шпорах, смотрится и смешно, и жалко. Зрителю ясно, что от такого «ездока» ждать ничего путного не приходится. Но в карикатуре две составляющие – рисунок и текст, которые существуют в неразрывном единстве[152]. Подпись под рисунком Моора: «Коалиционное порождение» полностью совпадает по смыслу с изображением, усиливая эмоциональное воздействие на читателя-зрителя.

Провал попытки генерала Корнилова установить военную диктатуру и большевизация Советов создали в стране новую политическую ситуацию. Это изменение чутко уловила и сразу отметила пресса: «Керенский оказался политически висящим в воздухе». Он по-прежнему много выступает. Газеты печатают изложение его

[152] См.: *Голиков А. Г.* Рисунок и текст в политической карикатуре отечественных дореволюционных сатиристических журналов // История отечественных СМИ. Ежегодник. 2016. Вып. 1. Т. 1. С. 17–29.

речей, посвящают их комментированию передовые статьи, предлагают вниманию читателей личные впечатления присутствовавшего в зале журналиста. Форма публицистических заметок позволяла периодической печати не только высказать мнение внимательного слушателя-наблюдателя о содержании выступления, но также сообщить о том, как оно было воспринято. Осенью 1917 г. произошла перемена жанра публикаций о Керенском. Он становится «героем» фельетонов. В публикациях прессы глава Временного правительства все чаще характеризуется как: «говоритель», «верховный заклинатель», «актер, махающий мечом картонным». Буржуазная печать, используя богатый арсенал средств и приемов воздействия на массовое общественное сознание, отразила разочарование различных слоев во вчерашнем кумире.

Очевидно, что возможности расширения источниковой базы изучения революционных событий 1917 г. не исчерпаны. Так, В. М. Магидов обратил внимание исследователей на тот факт, что дополнительная информация в этом отношении содержится в кинофотофонодокументах. Например, сохранившиеся фотографии июньской демонстрации в Петрограде позволяют «определить масштабность данного события: в нем участвовали сотни тысяч людей... среди демонстрантов на Невском проспекте подавляющее большинство составляют рабочие, солдаты и матросы... среди многочисленных лозунгов нет ни одного, призывающего к доверию Временному правительству»[153].

До сих пор, констатировал ученый, кинофотофонодокументы используются бессистемно, и главным образом, в качестве иллюстраций. В монографии Магидова не только указаны сведения о местонахождении этих источников в составе Архивного фонда РФ, но также обозначены источниковедческие проблемы, решение которых позволит существенного повысить их информационную отдачу.

Зезегова О. И.

Народ vs интеллигенция в ходе Великой Российской революции (по дневникам В. В. Бирюковича)

Аннотация. Дается описание повседневной жизни Петрограда в революционном 1917 г. глазами интеллигента. На основе дневниковых записей будущего видного историка В. В. Бирюковича вы-

[153] *Магидов В. М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. С. 122.

являются варианты взаимоотношений между народом и интеллигенцией, выясняются причины их недоверия друг к другу. Бирюкович верит в возможность просвещения народа, его культурное обогащение. Именно этому он посвятил свою трудовую деятельность.

Ключевые слова: повседневность в 1917 г., интеллигенция, дневники, В. В. Бирюкович.

People vs Intelligentsia during the Great Russian Revolution (following the V. V. Biryukovich's Diaries)

Abstract. The article gives a desciption of the Petrograd daily life. Versions of relationships between common people and intellectuals, based on future historian V. Birukovitchdiaries, are inquired. The work figures out the reasons of distrust between people and intellectuals. Birukovitch believes in possibility of people' s enlightement and cultural enrichment. This is what he devoted his activities to.

Keywords: daily life in 1917, intellectuals, diary, V. Birukovitch.

19(31) декабря 1893 г. в Санкт-Петербурге в семье чиновника, журналиста и педагога Владимира Васильевича Бирюковича родился первенец – Владимир. В. В. Бирюкович умер в 1906 г. за четыре дня до своего пятидесятилетия: его старшему сыну Владимиру было двенадцать лет, а младшему Георгию – два года. Все заботы о детях легли на его супругу, Эмму Альфонсовну, происходившую из знатного рода Фредерикс.

В 1903 г. Владимир поступил в Санкт-Петербургскую гимназию Я. Г. Гуревича, считавшуюся одной из лучших в столице, которую окончил в 1911 г. с серебряной медалью. В тот же год он подал прошение о зачислении его в студенты историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. К началу XX века на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета сложился уникальный коллектив преподавателей, имена которых вошли в отечественную и мировую науку: А. И. Введенский, Н. О. Лосский, Н. И. Кареев, Ф. Ф. Соколов, И. М. Гревс, Б. А. Тураев, М. И. Ростовцев, И. В. Лучицкий, В. А. Бутенко.

В январе 1917 г. В. В. Бирюкович получил выпускное свидетельство, согласно которому он мог сдавать государственный экзамен. Россия между тем мчалась к великим событиям своей многострадальной истории. Чтобы разобраться в калейдоскопе совершающегося, В. В. Бирюкович начинает вести дневник. В летний субботний день 10 июня 1917 г. он сделал первую запись. Она появилась в связи с посещением им дачи Дурново, штаб-квартиры анархистов: «И вот сего дня отправился в самое гнездо всех волнений, – на дачу Дурново, с обитателями которой связано столько ожиданий, опасений и

вражды со стороны интеллигентного петроградского общества». Публицист Н. Н. Суханов отмечал: «Дачу эту они [анархисты] уже захватили давно и держали крепко. Это анархическое гнездо пользовалось в столице завидной популярностью и репутацией какого-то Брокена, Лысой Горы, где собирались нечистые силы, справляли шабаш ведьмы, шли оргии, устраивались заговоры, вершились темные – надо думать – кровавые дела»[154]. 5 июня анархисты захватили типографию буржуазной газеты «Русская воля», которая издавалась на деньги крупных банков царским министром внутренних дел А. Д. Протопоповым[155]. Они согласились освободить помещение и сдаться властям только после вмешательства делегации I съезда Советов. По версии командующего Петроградским военным округом генерала П. А. Половцова решающую роль в прекращение инцидента сыграл ультиматум, предъявленный им анархистам. Кроме того, по свидетельству Половцова, страх перед контратакой сообщников арестованных анархистов был так велик, что каждая тюрьма придумывала отговорки, чтобы не брать их к себе[156].

После этого правительство решило покончить с анархистами. Министр юстиции потребовал в 24 часа очистить помещение, но власти не учли популярности анархистов у рабочих, а также того, что в этом помещении располагались многочисленные рабочие, профсоюзные и просветительные организации, а парк – любимое место отдыха местного населения. Об этом парке пишет В. В. Бирюкович: «Длинные, прямые, обставленные высокими старыми липами и кленами аллеи под тенистым сводом густой листвы, ясные зеленые поляны, покрытые цветами и окруженные березками с чистыми белыми стволами, – оазис радостной природы среди камня и железа фабрик. Посредине парка во всю его длину протекают [ручейки], то разделяя и образуя островки, то соединяясь в узенькие канальчики, через эти канальчики перекинуты легкие белые березовые мостики, островки, приподнятые насыпями и утыканные острыми камнями – должны, видимо, изображать скалы. Все старинные барские затеи. От них веет романтикой английских парков, которые так прелестны своей наивной и милой ложью и которыми я еще в детстве восхищался в [моем любимом] Царском Селе. Но для романтики необходима некоторая пустынность, придающая таинственность и томную меланхоличность всем этим вальтер-скоттовским декорациям. А здесь, о боже, как хорошо, что я не чистый эстет, не участник Мейерхольдовской студии, не сотрудник „Аполлона", иначе я умер бы от одного взгляда, здесь огромное общество и не бледных дам и не

[154] *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 4. М., 1991. С. 281.

[155] Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). Справочник. М., 1957. С. 299.

[156] *Половцов П. А.* Дни Затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 76.

мечтательных юношей со стихами Бодлера в голове, а наши русские „демократы". На солнечных полянах под тенью деревьев расположились семьи рабочих: мужья спят, подложив шляпы под голову и расстегнув жилеты, спят или болтают жены, роются в разбросанных повсюду грязных бумагах и истоптанных папиросных коробках детишки, два солдата взобрались на каменную урну, один играет на гармошке, другой сонливо посматривает и болтает ногами, ударяя каблуками сапог по животу поддерживающей снизу урны „каменной нимфы". По избитым дорожкам с расползшимися вытоптанными краями бесконечной вереницей шагают толпы демократов, подымая облака тяжелой серовато-желтой пыли. Двое мальчишек, перекликаясь звонкими голосами, в маленькой черной лодке, подгребая одним веслом, плывут по темной воде канальчика, то скрываясь за островком, то снова появляясь среди прямых зеленых берегов. Одним словом романтика погибла, оскорбленная самыми ужасными диссонансами, но демократам это и в голову, конечно, прийти не может. Все чувствуют себя как дома и благоденствуют в жаркий летний день, развлекаясь и наслаждаясь каждый на свой лад. Политика совсем на втором плане, она заслоняется этим кусочком природы, который, как он ни мал и искусственен, таит в себе долю ее могущества и привлекательности. Все располагает отдаться простому и непобедимому влечению к зелени, воздуху, позабыв о том, что делается за спиной в гнезде анархистов»[157].

Молодого историка, оказавшегося очевидцем разворачивающихся на его глазах событий, интересуют любые детали: «Я с любопытством вглядываюсь в лица и прислушиваюсь к разговорам. Ведь это те люди, которые, возможно, через несколько дней выйдут с оружием на улицы города, это материал для разрушительных банд, появление которых все предчувствуют и перед мыслью о которых все тревожатся в моем кругу. Что происходит в их душах? Но ни лица, ни разговоры не выдают никаких интересных для меня душевных переживаний. Все обыденно, каждый инстинктивно и без всякой мысли наслаждается солнечным теплом, мягкой травой, тенью, чистым воздухом, разговоры не выходят из круга мелких и непонятных мне, случайному слушателю, интересов и забот. Может быть, так же не рассуждая, так же по-животному, как эти люди теперь греются подобно ящерицам на солнце, они вскоре возьмут вложенные им в руки ружья и, отдавшись пассивно всколыхнувшейся в душах рабской ненависти, пойдут убивать на мостовых женщин и детей. Ведь для этого не нужно ни душевного подъема, ни работы мысли»[158].

---

[157] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. / Сост. О. И. Зезегова. Сыктывкар, 2015. С. 48–49.

[158] Там же. С. 50.

Автор заметок на протяжении всего своего повествования больше внимания уделяет не описанию конкретных событий (подробное изображение событий – редкость), а размышлениям о них. Одна из тем, которая красной нитью проходит через весь дневник, – взаимоотношения народа и интеллигенции в ходе революционного процесса. Факт расхождения интеллигенции и народа отмечается В. В. Бирюковичем уже в первой записи: «Ожидали кровавых столкновений на улицах. Нужно заметить, что интеллигенция ожидала с некоторым злорадством – надеялись на короткую и окончательную расправу с рабочими низами, на которые стали уже смотреть с открытой ненавистью... Интеллигент загоняет как можно глубже на дно души этот зловещий голос и в пьяной растерянности и [с] недоумением шепчет: „Так дальше быть не может, нужно возмездие, успокоение, но что дальше никто не знает, да, да, мы живем в страшное время и нельзя загадывать о будущем"»[159]. Самоощущение автора дневника, как представителя корпорации интеллигенции, таково: «...ненависть, „рабскую злобу"... интеллигент встречает в себе, на улице, в трамвае, в рабочих кварталах, в солдатских казармах и погромных большевистских газетах»[160].

Многие современные авторы пытаются найти истоки желания загладить перед «мужиком» вину векового «барства-интеллигенции», стремления «возвратить долг народу». Так, Ф. П. Фурман прослеживает процесс от народопоклонения к изучению народа и введению народа в нужное советской власти русло[161]. Нащупал эти тенденции в повседневной жизни, сопровождавшейся экстремальными событиями 1917 г. и последующих лет, В. В. Бирюкович. Он отмечает: «Рабочий и солдат, взбунтовавшиеся рабы и хамы в глазах интеллигента, и интеллигент, превратившийся в разъевшегося на народной крови хитрого буржуя в глазах рабочих и солдат, противостоят теперь уже почти как открытые враги...»[162].

Вместе с тем В. В. Бирюкович верил в возможность культурного обогащения народа: «в созидателя культурных благ мы обязаны превратить полудикого идола – „народушку", готового в своем диком состоянии пожрать все наше культурное достояние от фабричных машин до школьных библиотек, лишь бы было насыщено его многовековое голодавшее „священное" чрево»[163]. По мнению В. В. Бирюковича, это пробуждение народа вызывало ненависть большевиков. В этом про-

---

[159] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. / Сост. О. И. Зезегова. Сыктывкар, 2015. С. 45.

[160] Там же. С. 60.

[161] *Фурман Ф. П.* Народничество: от народолюбия к народоведению – к народоводству // Дискурс Пи. 2007. № 1. Т. 7. С. 52–55.

[162] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг... С. 44.

[163] Там же. С. 65.

буждении они винили интеллигенцию, создавали ей, как и царский режим, образ «врага народа», «эксплуататора народного труда», «поработителя народа». Навешивание этих ярлыков В. В. Бирюкович объясняет страхом перед демократической интеллигенцией: «Большевики почуяли в оппозиции демократ.[ической] интеллигенции угрозу своей власти. Они осознают опасность, которая грозит их разрушительному делу со стороны носителей „духа оппортунизма", как они их называют, т. е. от носителей духа общенародного надклассового, какими носителями и должны являться представители демократической интеллигенции»[164]. В связи с этим он отрицает большевизм, подвергает критике его лидеров. Оценка вождей Октябрьской революции, называемых им «лилипутами мысли» с «крохотным блошиным кругозором», с особой ясностью показывает отрицательное отношение историка к новой власти. Он считает глупостью идею Чернова с «учредилкой», говорит о необходимости подчинения народа дисциплине с помощью принуждения и о том, что «для нас до зарезу необходим капитализм и буржуазная культура и буржуазный порядок»[165]. Иными словами, по мнению В. В. Бирюковича, советская власть намеренно создавала «бездну между народом и интеллигенцией». Формировался новый государственный аппарат из рабоче-крестьянской среды, который первый Председатель Н. И. Бухарин называл «г...»[166].

Вторая причина таится в разности культурных предпочтений: особый у каждой группы склад воззрений, нравственные устои, отсутствие общего языка. Это явно заметил В. В. Бирюкович, прогуливаясь по парку дачи Дурново: «Оратор – тщедушный рабочий с сутулой спиной, весь мокрый от поту, стал на ящики и, сгибаясь то направо, то налево, говорит тусклым и безразлично презрительным тоном о предательстве социалистов-министров, продавшихся буржуазии, о том, как надувают министры народ, выпуская все новые и новые бумажки. Говорит неровно и сбивчиво, перескакивая с предмета на предмет. Когда попадает в колею простонародного инстинкта, говорит ясно, находит подходящие грубые и хлесткие простонародные выражения, сам воодушевляется и вызывает сочувствие слушателей... Как только пускается в отвлеченные, чуждые книжные рассуждения, пропадает вся и ясность, и язык, и воодушевление. Мысль и язык беспомощно путаются, сам он, сознавая свою беспомощность, говорит уныло, говорит о „бюрократизме", „аграрном вопросе" и говорит только потому, что и все другие ораторы об этом говорят и коли взялся быть оратором, то уж этого не минуешь, иначе что за оратор? Смотрю на публику. Слушают не внимательно.

---

[164] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг... С. 65–66.
[165] Там же. С. 70.
[166] *Бухарин Н. И.* Избранные труды. М., 1990. С. 312.

Переговариваются друг с другом достаточно громко и лущат почти поголовно семечки. Слышно беспрерывное потрескивание и сплевывание, а шелуха лежит под ногами пустым слоем – прямо новый геологический слой революционной формации»[167]. Интересно, что лузгание семечек народными массами, солдатами – часто упоминается в дневниках или воспоминаниях современников[168]. Народ не внимает речам ораторов, политика для народа на втором плане.

Третья, и главная причина – поражение интеллигенции в экономической борьбе: «Уже с начала войны интеллигент стал... косо посматривать на физических тружеников: презрение к физическому труду, которое было всегда в ненормальной степени присуще нашей интеллигенции, несмотря на народнические симпатии, разжигало теперь еще сильнее обиду побежденного в экономической борьбе интеллигента – и умственный труженик затаил тайную, но больную и все время раздражаемую ненависть, презрение и зависть к физическому труженику. Стали поговаривать с неодобрением о мастерах, догоняющих заработок до 12 тысяч, еще более чувствительно обижались на прислугу, требовавшую все большего и большего жалования – это уже прямо било по тощему карману...».

О снижении экономического статуса интеллигента свидетельствуют статистические данные, приводимые в дневнике: «Заработок рабочего удвоился. Сопоставление цифр 200 рубл.[ей] метельщ[икам] трамв.[аев] (знам.[енитые] московск[ие] метельщ[ики]!) и 120–150 начинающ[его] чиновника, 250–300 средняя фабричн.[ому] рабоч.[ему] и 150–200 гимназического учителя, 700–900 рубл.[ей] волжских грузчиков и 250–300 профессора, кричало интеллигенту о его унижении, о несправедливости, и дороговизна нажимала на него валютной рукой, подтверждая это»[169]. Новая власть поддерживала низы и порой провоцировала низы на выпады против интеллигенции. В. В. Бирюкович отмечает на страницах дневника: «Клеймя большевиков все спасшиеся от убийственной заразы большевизма демократы и устно, и в печати отмечают две характерные стороны большевистского засилья, роднящие его самым поразительным образом со старым царским правительством: во-первых, признаком, простирающимся до наглого попрания всякой гражданской свободы и политических прав (всеобщее изб.[ира-

---

[167] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг... С. 46-47.

[168] Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (3). *Носович А. Л.* Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Цит. по: *Ганин А. В.* «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А. Л. Носовича из Красной армии // Клио. 2017. № 1. С. 165–175.

[169] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. ... С. 43–44.

тельное] право) и, во-вторых, ненависть и подозрительное отношение к интеллигенции, выходящее до натравливания против нее народных масс („саботаж" чиновников, юнкера – „помещичьи сынки", студенты – „контрреволюционеры" и т. д.)»[170]. Таким образом, мы можем констатировать не только снижение экономического положения, но потерю социального веса русского интеллигента.

Несмотря на то, что февральские события не нашли отражения в дневниковых заметках В. В. Бирюковича, из последующих записей становится понятно, что события 1917 г. он воспринимает как непрерывный процесс «нашей революции». В октябре 1917 г. В. В. Бирюкович сделал такую запись: «С первых дней революции обозначились два разных понимания переворота, было выкинуто два разных знамени: на одном из них было написано: русская революция – начало революции всемирной, она сигнал для победной борьбы за мир международной демократии с империалистической буржуазией, другое гласило, что наша революция – это победа здорового народного духа, стремящегося к осуществлению своих национальных исторических задач над гнилым антинациональным царским бюрократическим режимом. Под первое знамя встала наша революционная демократия, под второе – наши либералы. И сразу стало очевидно, что именно эти два знамени, эти два разных понимания сущности происшедшего переворота разделяют сильнее, чем все другое, наш прогрессивный лагерь, раскалывая его на два враждебных лагеря, более чем другие разногласия обусловили противоположность тактики и отношения к событиям тех и других»[171]. Уже через несколько недель после Октябрьского переворота,12 ноября 1917 г. В. В. Бирюкович обнаруживает «перерождение освобождающейся революционной стихии в дикий произвол»[172].

В. В. Бирюкович на протяжении всего времени ведения дневниковых записей, под воздействием голода, унижения, душевных переживаний, никак не может определиться в своем отношении к народу. То толпа у него «живет всегда фикцией и ложью», то он поражается «бурному и стихийному процессу выделения личности из массы, из толпы», «повышенным стремлением к индивидуализму, требованием уважения к его (человека из народа. – *О. З.*) только что осознанным потребностям». Что касается интеллигенции, то В. В. Бирюкович отмечает, что раньше она изнывала под бременем старого режима, а в настоящее время позорно склонилась под политическим господством городского пролетариата и батраков. Но при этом он призывает русскую демократическую интеллигенцию первой пре-

---

[170] *Бирюкович В. В.* Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. ... С. 59.
[171] Там же. С. 50–51.
[172] Там же. С. 60.

рвать молчание, оставить недоговоренности и приступить к расширению кругозора и сознания народа. Именно этим и начинает заниматься В. В. Бирюкович. Благодаря педагогической работе он смог найти свою социальную нишу в трансформирующемся обществе. В 1920 г. он начинает преподавать в Военно-политическом инструкторском институте (с 1925 г. – Военно-политическая академия), с которым связывает свою судьбу на всю жизнь: придя работать лектором, в 1940 г. становится профессором, возглавляет кафедру всеобщей истории, получает военное звание полковника.

Иванова Р. М.

Великая Российская революция 1917 года: проблемы методологии истории и историографии

Аннотация. В статье рассматриваются различные методологические подходы к изучению Революции 1917 г. Так и не удалось уйти от политизированных оценок. Остаются актуальными проблемы концептуального и категориального аппарата, концепция России как «государства-цивилизации» в эпоху революций и глобальных противоречий, сохранения исторической памяти и национального самосознания.

Ключевые слова: концепт «революция», проблемы методологии, корректность понятийно-категориального аппарата, историческая память и самоидентификация граждан.

Great Russian Revolution of 1917: Problems of History and Historiography Methodology

Abstract. The article deals with the various methodological approaches to the revolution movement in Russia in 1917. Politicization of history is still preserved. The actual problems are: conceptual and categorical apparatus, concept of Russia as a «state-civilization» in the century of the revolutions and the global contradiction, historical memory and national identity.

Keywords: the concept of «revolution», the problem of methodology of historical researches, a systematic approach to research, problems of conceptual and categorical apparatus, historical memory and identity of citizens.

Великая российская революция 1917 г. – одно из ключевых событий истории России и нашего исторического сознания. О ней написаны тысячи книг и статей. Однако она так и остается до конца не

понятым историческим событием, а следовательно, остаются непонятыми ее исторические уроки и последствия. В научном сообществе нет полного представления об этом историческом феномене, как и единой концепции того, что же произошло в 1917 г.

В процессе изучения Великой российской революции 1917 г. таки не удалось уйти от политизированных, идеологических оценок. Отсюда и диапазон ее понимания «от цивилизационной катастрофы» до «Великой революции» по своим масштабам, глубине произошедших в результате социально-политических трансформаций, последствиям и всемирному значению»[173]. Одни исследователи считают события 1917 г. революцией, другие – переворотом[174]. Современной тенденцией зарубежной историографии является рассмотрение Великой Российской революции 1917 г. как исторического процесса, включающего Гражданскую войну и другие этапы[175]. Такая позиция сейчас разделяется и рядом наших исследователей.

По мнению Е. Г. Пономаревой и Г. А. Рудова: «сегодня очевидна тщетность попыток найти некую новую универсальную теорию и методологию изучения истории революционного процесса 1917 года в России... „сущность классической революции" в ее традиционном понимании содержится в особой революционной идее, новой идеологической доктрине, формирующей высшие ценности и верховный смысл существования человека, в новом историческом проекте, практическая реализация которого и есть революция, революционный процесс»[176].

Видимо, только через какое-то время будут поняты ее смыслы. Бесспорно одно: никто из профессиональных историков, как в России, так и за рубежом, не считал Российскую революцию 1917 г. случайностью. Ведь революция обнажила глубинные социально-экономические, политические и духовные противоречия в развитии России. «Революция была следствием не только непримиримых классовых противоречий, но и цивилизационного противостояния. Она изначально отвергла прежнюю самоидентификацию России, ее систему ценностей, историческую форму и смысл предшествующей цивилизации» (А. В. Торкунов)[177].

В целом без понимания драмы 1917 г. и того, какое государство было создано в результате, мы не знали общества, в котором жили.

---

[173] *Фельдман М. А.* Была ли Октябрьская революция 1917 г. пролетарской? Проблемы истории и историографии // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 113.

[174] www.sovsekretno.ru./news/id/1839.

[175] *Бэдкок С.* Переписывая историю Российской революции: 1917 г. в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.

[176] *Пономарева Е. Г., Рудов Г. А.* «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель-Observer. N 3. 2012. С. 38.

[177] http://mgimo.ru/about/news/main/torkunov-vozglavil-orgkomitet-1917.

Так пришла катастрофа 1991 г. Распад СССР, ликвидация российского варианта социализма в условиях проигрыша в информационной войне привели к падению статуса Российской революции 1917 г. Радикальные перемены в общественной жизни России в 90-е годы вызвали пересмотр ключевых событий российской истории. Как дореволюционное, так и советское прошлое стало неприемлемым для новой власти[178].

Обратимся к историко-культурному стандарту (ИКС) и Концепции нового УМК по отечественной истории 2013 г.[179]. В соответствии с ним Российская революция 1917 г. включается в раздел «Россия в годы великих потрясений, 1914–1921». Правда, за ней закрепляется название Великой российской революции 1917 г. Таким образом, Великая российская революция 1917 г. рассматривается не как поворот в мировой и отечественной истории, что характеризовало историографию советского периода, а как часть мировых глобальных кризисов, начавшихся с Первой мировой войны. Вероятно, принималось во внимание, что «государство-цивилизация Россия» в годы Первой мировой войны утратила прежний геополитический статус.

1917 год был сакральной датой в советском историческом календаре. С него начинался период Новейшей истории[180]. Для западноевропейской же историографии это имело не столько содержательное, сколько временное, хронологическое значение[181]. О содержательном наполнении этих понятий вопрос был поставлен в 1990-е годы. Историкам предлагалось рассматривать Первую мировую войну и Российскую революцию 1917 г. вехой, отделяющей Новую историю от Новейшей истории.

Для понимания сложности изучения концепта Великой российской революции 1917 г. остановимся на состоянии самой исторической науки. Парадоксальность ситуации состоит в том, что «кризисное состояние исторического познания возобновляется уже на протяжении более ста лет. Фактически с того момента, когда были предприняты серьезные попытки обосновать ее научный статус»[182].

---

[178] *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 39, 226–227.

[179] Концепция нового УМК по отечественной истории//http://histrf.ru/biblioteka/book/kontsiia.kontsieptsiia-novogho-uchiebno-mietodichieskogho-komplieksa-pootiechiestviennoi-istorii#_edn. Раздел V. Россия в «годы великих потрясений». 1914–1921 гг.

[180] Всемирная история: в 10 т. Т. 5 / Отв. ред. Я. Я. Зутис. М., 1958. С. 7.

[181] *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 83.

[182] *Зубова И. П.* Современное состояние исторической науки: о некоторых результатах поиска новых парадигмально-методологических ориентаций //Фигуры истории, или «общие места историографии». Вторые Санкт-Петербург. чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 57.

Тогда же и обозначился кризис позитивизма. Кризисные явления в исторической науке усматривались как в отсутствии общепризнанной парадигмы, так и единого научного стандарта исторических исследований. Дело в том, что историческая наука под воздействием самых разных причин постепенно видоизменяет свой традиционный облик. Так, в гуманитарном знании чаще, чем в естественных науках, происходят процессы выделения новых дисциплин, а с ними и изменения категориально-понятийного аппарата. Одной из причин этих явлений стали методологические повороты. Наиболее важными из них были антропологический и культурный[183]. Однако методологические повороты, меняя логику исторического мышления, привели к конфликтам интерпретаций, методов, понятий, т. е. фактически явились попыткой постепенной ликвидации самой истории как науки. Представляется, что «историческая наука обладает собственным уровнем теории, т. е. уровнем категориального знания, соответствующим ее познавательным функциям и определяемым коллективным опытом осмысления прошлого»[184].

Большое значение для исследователей имеет понятийно-категориальный аппарат. Являясь частью теории исторической науки, он описывает исследуемые процессы не вполне адекватно. Дело в том, что более полувека в мире господствовало европоцентристское восприятие событий. Сейчас европоцентристский понятийный аппарат размывается. Евроцентризм стал сейчас только одним из возможных углов зрения. Происходят масштабные изменения в расстановке сил на мировой арене. Наряду с европоцентризмом появились исламоцентризм, азиацентризмы и др., быстрого роста которых невозможно было предвидеть. Возрастает запрос на свою национальную историю. Появилось множество национальных исторических школ[185]. Особо остро необходимость совершенствования и корректного использования понятийного аппарата стала восприниматься во второй половине XX–начале XXI века. Возрастает неопределенность в терминологии. Филологи приводят массу терминов из англо-русского словаря, ставших «ярлыками» целой эпохи: «ваучер», «фейк» и др. Однако не всегда корректно используются и научные термины: «либерализм», «демократизм», «либерально-демократическая», «буржуазно-демократическая» или «демократическая революция». Пока не очень понятен термин «социальная революция», отсутствует единое определение терминов «переворот», «революция», «контрреволю-

---

[183] *Селунская Н. Б.* Методологическое знание и профессионализм историка //Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 25.

[184] *Бобкова М. С.* О природе исторических терминов // Терминология исторической науки. Историоописание. М., 2010. С. 9.

[185] *Давидсон А., акад.* История – поле споров и битв // http://www.istpravda.ru/interview/9776.

ция» и т. д. Очевидно, что история «государства-цивилизации России» не может исследоваться только с позиций европоцентризма. Ведь Россия является самостоятельным цивилизационным феноменом. Именно недооценка этого факта способствует различной интерпретации ее истории, тем самым размывая и ослабляя историческую память наших граждан.

Радикальные перемены в общественной жизни России в 90-е годы XX века еще более обострили проблему методологии исторических исследований. Основная тематика исследований, как правило, инициировалась Западом, получая затем интерпретацию российских ученых. Таковы теории модернизации, конвергенции, глобализма, мультикультурализма и др. Смутные и противоречивые представления исторической памяти о Великой Российской революции 1917 г. позволили властям наполнить ее либеральным содержанием. Поражение социалистической идеи в СССР поколебало веру в формационный подход, который был монопольным в советском обществоведении более 70 лет. Тем не менее, доминирующее положение формационная теория фактически сохраняет и в современной российской историографии. И хотя этот подход не исчерпал своих возможностей, его прогностический потенциал вызывает все большее сомнение. К формационному подходу в определенном отношении близок и цивилизационный подход. Однако до сих пор не удалось сформулировать объективных критериев, по которым выделяются цивилизации[186].

Примером могут быть исследования двух известных историков. Один – российский родоначальник современного цивилизационного подхода, автор учебных пособий И. Н. Ионов. Он считает, что «свой цивилизационный выбор в октябре 1917 г. Россия сделала... в пользу основателя собственной глобальной цивилизации, построенной на уравнительных ценностях социалистической цивилизации... Этот выбор можно рассматривать как цивилизационный кризис, затруднивший вхождение России в мировую цивилизацию»[187]. Другой – известный историк, автор учебных пособий, также опирающийся на принципы цивилизационного подхода, Л. И. Семенникова придерживается иной точки зрения. По ее мнению, концепция мировой цивилизации отрицает многовариантность развития в человеческом обществе: «...под флагом концепции единой мировой цивилизации в немарксистском варианте вновь предлагается идея унифицированного развития, только вместо формационного коридора

---

[186] *Ковальченко И. Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновленных подходов // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М., 1995. С. 25.

[187] *Ионов И. Н.* Российская цивилизация. IX–XX века. М., 1995. С. 313.

присутствует цивилизационный. В конце коридора, в марксистско-ленинском понимании был коммунизм, а в не марксистском – западный образ жизни»[188].

Таким образом, после 1990-х годов российские ученые не имели четкого представления о подходах к изучению истории и тенденциях развития современной историографии. Стало очевидно, что без повышения теоретико-методологического и конкретно-исторического уровня научных исследований нельзя добиться существенных сдвигов в развитии исторической науки. Переходный период в российской историографии иллюстрируют данные анализа кандидатских и докторских диссертаций по отечественной истории, выполненных в 1990-е годы. Новизна их исследований заключается в отказе от формационного подхода к интерпретации исторического процесса (61 %), в опоре на цивилизационный подход (73 %), в синтезе формационного, цивилизационного и культурологического подходов (28 %), во всестороннем рассмотрении предмета исследования (14 %)[189].

Одной из основных традиций изучения Российской революции 1917 г., сложившихся в рамках советской историографии, было исследование объективных предпосылок революции. Было доказано, что к рубежу XIX–XX веков в Западной Европе и США капитализм переживал переходный период. С одной стороны, там завершался переход от традиционного общества к капиталистическому. С другой стороны, – уже проявились черты его цивилизационного кризиса. Это привело к первой в истории человечества мировой войне как следствии глобальных межцивилизационных противоречий. Было выявлено, что российская цивилизация была «периферией» мировой капиталистической системы. Ведь в мире уже сложилась система «метрополия–периферия»[190]. Среди ведущих держав разворачивался контроль над периферией.

Вслед за В. И. Лениным видные советские ученые академик И. Д. Ковальченко, К. Н. Тарновский и др. всесторонне исследовали особенности капиталистической эволюции России[191]. Однако полученные результаты советских ученых фактически были преданы заб-

---

188 *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Изд. 3. Брянск, 1999. С. 18.

189 *Зверева Г. И.* Конструирование культурной памяти: «Наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 67–85; *Логунов А. П.* Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. М., 2001. С. 8–9.

190 *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1998. С. 98–121.

191 *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 506; *Тарновский К. Н.* Социально-экономическая история России в конце XIX – начале XX вв.: советская историография середины 50–60-х гг. М., 1990. С. 8.

вению политиками. Именно непонимание и недооценка объективных предпосылок Великой российской революции 1917 г. имело негативные последствия после событий 1991 г. в России, приведших к появлению «авантюрного», «олигархически-чиновнического капитализма».

Из достижений советской историографии следует отметить завершение к 60-м годам XX века процесса научного переосмысления революционных событий 1917 г. В результате исследований Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали рассматриваться как единый революционный процесс, оставаясь при этом разными его этапами[192]. Правда, периодически мифологические представления о демократическом потенциале Февраля 1917 г. использовались в годы «перестройки»[193].

После 2000 г. в качестве базовой идеологии в России был признан общественный консенсус, идея великодержавности, патриотизма, консолидация общества и элиты вокруг фигуры президента В. В. Путина. Как пример, можно привести монографию В. А. Никонова. Повествуя о крушении Российской империи, она базируется на популярной сейчас теории конспирологии, в которой дворцовые заговоры сочетаются с внешнеполитическим вмешательством. Основной причиной предреволюционного кризиса в событиях 1917 г. называется «элитный раскол»[194].

Надо отметить, что с конца 1990-х годов российские историки, изучая предреволюционные события, Первую мировую войну, стали исследовать самого человека, его менталитет, психологию, духовную сферу, культуру. Одной из первых попыток изучения менталитета и социального поведения народных масс России в этот период стала монография О. С. Поршневой[195]. Она провела комплексный анализ влияния войны на эволюцию менталитета и социальной психологии народных масс России накануне и в годы Первой мировой войны. О. С. Поршнева доказывает, что в условиях военного времени сформировалось особое массовое сознание, которому были присущи противоречивость, сочетание ценностей и установок различных слоев «народного менталитета». Это подтвердило, что Россиян и по внутренней структуре, ни по менталитету населения не является западной страной.

---

[192] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *Он же.* Вторая русская революция. М., 1971.

[193] См.: *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 2 ноября 1987 г. М., 1987. С. 6.

[194] *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2011.

[195] *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

И. В. Купцова развивает такое направление изучения Первой мировой войны, как историко-культурный подход[196]. Известно, что в России в начале XX в. пропасть разделяла в культурном отношении образованные слои, с одной стороны, и массы крестьянства и рабочих – с другой. До революционных событий удалось лишь немного расширить сферу демократической городской культуры. В этом разрыве также виделась будущая трагедия России. В целом же необходимы дальнейшие фундаментальные исследования социальной и исторической психологии, духовной сферы, культуры.

Сейчас в мире распространяется глобалистское мировоззрение, которое пытается поменять все представления о XX веке, переписав историю. Эта политика, с использованием новых технологий борьбы с российской государственностью, нацелена на отрицание «государства-цивилизации России» как исторического явления. В обществе насаждается мировоззрение, которое должно усилить борьбу по стиранию исторической памяти и исторического сознания российских граждан. Поэтому необходимо национальное согласие российских ученых по переломным и спорным вопросам истории. Надо прекратить «гражданскую войну, обращенную в прошлое», восстановить единство национальной истории России. История Великой российской революции 1917 г. должна стать прерогативой профессиональных историков, а не предметом мировоззренческих противоборств. Важно, чтобы она не отрывалась от исторического опыта нашего народа, служащего основой объективности исторического знания. В условиях информационно-психологической войны это будет способствовать сохранению исторической памяти, исторического сознания, самоидентификации граждан России.

Костриков С. П.

Отражение событий февраля–октября 1917 года на страницах русской прессы

Аннотация. Опубликованная в периодике информация при всех свойственных ей неточностях, а нередко искажениях отдельных фактов, в целом объективно отражает событийную канву исторической действительности. Поэтому мы можем рассматривать русскую периодическую печать как самостоятельный многомерный исторический источник. Особенно возрастает значение прессы с появле-

[196] *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России: размежевание и исход. СПб., 1996.

нием партийно-политической печати. Автором были рассмотрены наиболее авторитетные русские периодические издания того времени, включая «толстые журналы». Основное внимание было обращено на узловые вопросы политической борьбы, возникавшие в период от февраля до октября 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция, русские газеты и журналы начала XX столетия, периодическая печать как источник.

Events of February–October 1917 in the coverage of the Russian press

Abstract. Published in periodicals information with all the inherent inaccuracies, and often the distortion of certain facts, on the whole objectively reflects the event outline of the historical reality. Therefore, we can consider the Russian periodical press as an independent multidimensional historical source. Especially increases the importance of the press with the advent of party-political press. The author considers the most respected Russian periodicals of that time, including the «thick journals». Focus is on the key issues of the political struggle that occurred during the period from February to October 1917.

Keywords: February revolution, Russian Newspapers and magazines of the early twentieth-century periodicals as a source.

История журналистики и история конкретных исторических событий представляют собой «самостоятельные и притом отдаленные друг от друга области исторических знаний», отмечал известный советский историк В. И. Бовыкин. Он подчеркивал, что опубликованная в периодике информация далеко не всегда была вторичной. Эта информация при всех свойственных ей неточностях, а нередко искажениях отдельных фактов, в целом объективно отражала событийную канву исторической действительности[197]. Поэтому мы можем рассматривать русскую периодическую печать как самостоятельный многомерный исторический источник.

С началом XX столетия пресса становится все более заметным явлением в политической жизни России. Особенно возрастает значение прессы с появлением партийно-политической печати. К 1917 г. в России имелось достаточно газет и журналов, отражавших весь спектр политической жизни во всех его оттенках. Февральская революция стимулировала процесс развития и радикализации русской прессы, выплеснув в общество огромное количество политической информации, которая и отражала взгляды, царившие в общественном мнении, и влияла на него.

---

[197] См.: *Кострикова Е. Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. М., 1997. С. 3.

Автором были рассмотрены наиболее авторитетные русские издания: либеральные газеты «Русское Слово», «Утро России» и «Биржевые Ведомости», близкая к прежним правительственным кругам газета «Новое Время». Анализировались материалы когда-то практически официального издания «Московские Ведомости», а также близких к правому крылу кадетов «Русских Ведомостей» и популярных «толстых» журналов «Вестник Европы», «Русская Мысль» и «Русское Богатство».

Основное внимание было обращено на узловые вопросы политической борьбы, возникавшие в период от февраля до октября 1917 г.: оценка Февральской революции и сложившегося двоевластия, кризисы Временного правительства, возрастание роли большевиков в революционном процессе, события на фронтах Первой мировой войны и их влияние на политическую ситуацию в России, экономический кризис, переходящий в разруху, нарастание контрреволюционных тенденций и Корниловский мятеж, потеря Временным правительством политической инициативы, нарастание нового политического кризиса и Октябрьская революция, оценка ее причин и победы политическими оппонентами большевиков. В настоящей статье мы останавливаемся на двух важных вопросах, которые касаются победы и поражения Февральской революции, подробно освещенных и прокомментированных русской прессой.

Февральская революция в России, свергнувшая самодержавие, была результатом глубочайшего экономического, социального, политического, морального кризиса, поразившего романовскую монархию к концу 1916 года. Первая мировая война довела непримиримые противоречия, уже в течение десятилетий раздиравшие страну, до такой крайности, которую не смог перенести даже сверхтерпеливый русский народ, осознавший полное пренебрежение власти к его судьбе и ее абсолютную неспособность дальше управлять. Кризис охватил все структуры государства, все сферы общественной жизни. На страну накатывалась угроза голода и хозяйственной разрухи. Из публикаций русской прессы видно, что в этих условиях в России все предпосылки революции созрели в полной мере. Революционная ситуация в стране сложилась очень быстро. Государственное руководство разложилось. Ему не верили даже монархически настроенные граждане. Авторитет царя и царской семьи резко упал из-за откровенного влияния Распутина на власть, из-за постоянной смены министров, из-за явного непонимания происходящего. Кризис верхов был столь глубоким, что выход из него дворцовым переворотом или полумерами был невозможен. А политическая готовность населения была такова, что у самодержавия практически не осталось сторонников.

Либеральный журнал «Вестник Европы» писал в декабрьском номере за 1916 г.: «На стороне правительства нет ни одной законода-

тельной палаты, ни одного сословия, ни одной партии, кроме безнадежно и быстро тающей группы крайне правых, ни одного органа печати, кроме содержимых на казенные средства, ни одной общественной организации, кроме окончательно дискредитированных союзов, именующих себя монархическими, но менее всего служащих истинным интересам монархии».

Его поддерживал другой либеральный журнал «Вестник Европы» (январь 1917 г.): «Условия внутренней жизни России в начале наступившего года еще более тяжелы, политический горизонт еще более мрачен, чем год тому назад... Движению власти назад соответствует столь же решительное движение вперед, охватившее не только большинство Госуд. Думы, но и большинство Госуд. Совета (в прежнем его составе), отразившееся в среде объединенного дворянства, в целом ряде общественных организаций, в широких кругах населения».

Издания разных направлений довольно подробно освещали происходившие революционные события и давали им свои комментарии. Газета «Русские Ведомости» от 2 марта 1917 г. (даты указаны по старому стилю): «Экстренное сообщение: Падение старого строя. Учреждение Временного правительства. Последние известия: Здание Зимнего дворца заняли революционные войска. Падение Кронштадтской крепости... Французский и английский послы вступили в деловые сношения с исполнительным комитетом Государственной думы по текущим вопросам». Влиятельная газета «Русское Слово» в номере от 2 марта 1917 г. отмечала: «Великие, исторические дни переживает великая Россия в настоящий момент. Чаша долготерпения многострадального русского народа переполнилась... Анархия, которую сознательно сеяло правительство изменников и врагов народа в стране, подрывая успехи доблестной, героической русской армии и дезорганизуя страну внутри, лишая ее хлеба и предметов первой необходимости, – эта анархия перед лицом грозного врага вынудила, в конце концов, страну вступить на путь самозащиты... Итак, да здравствует Государственная Дума и правительство национальной обороны...».

Самодержавие пало. Уже 28 февраля (по старому стилю) железнодорожный телеграф разнес эту весть по всей стране. Начиная с 1 марта в Москве и большинстве городов центра России устанавливается новая власть. Революционное движение охватывает тыловые соединения и гарнизоны. 3 марта начались революционные волнения в войсковых частях Ставки в Могилеве. Революционные выступления разворачивались в деревне и на национальных окраинах. Весть об отречении Николая II была повсюду встречена с энтузиазмом. Газета «Русские Ведомости» от 6 марта сообщает о торжествах в Москве: «Парад на Красной площади в Москве. К часу дня Красная площадь переполнена. Вдоль Торговых рядов и кремлевских стен – сплошные черные массы народных толп; впереди них серым четы-

рехугольником стоят полки с хорами музыки и развернутыми знаменами, с полным командным составом в строю. Ни народа, ни войск полностью Красная площадь вместить не могла, – войска протянулись своими рядами вплоть до Устьинского моста, публика заняла все прилегающие к площади улицы, усеяла окна, балконы и даже крыши соседних домов. Везде – красные флаги с лозунгами многочисленных организаций... Два красных знамени на памятнике Минину и Пожарскому, возле которого собралось духовенство в торжественных облачениях и митрах, с хоругвями, иконами и хором певчих Чудова монастыря...». Духовенство под красными знаменами, духовенство, приветствующее революцию! Такое представить трудно. Тем более в наши дни, когда царская семья канонизирована, а революционеров, не важно – буржуазных или пролетарских – иначе как «агентами» иностранных держав или пособниками масонов современные последователи монархистов не называют.

Но перед нами факт. Представители церкви и революцию приняли, и анафему на Временное правительство не возвели. Более того, многие высокие служители Русской православной церкви выступили с весьма красноречивыми заявлениями. Газета «Биржевые ведомости» в № 57 за 1917 г. опубликовала «Братское слово к петроградскому духовенству» члена Государственной Думы протоиерея Ф. Филоненко, в котором, в частности, отмечалось: «...Темные силы цезарепапизма, державшие церковь Христову в тяжких тисках гнета и насилия, – рухнули. Совесть русского православного духовенства и всех православных чад церкви отныне свободна. Приветствую вас, дорогие братья, с этой зарей свободы, несущей благо и счастье родной стране и Церкви».

Журнал «Вестник Европы» в номере за март 1917 г. отмечает еще один интересный момент, характеризующий разложение прежней власти и предрекающий ее неизбежный конец: «Во Франции (речь идет о годах Великой французской революции. – *С. К.*) первыми эмигрантами явились принцы королевского дома; у нас члены бывшей императорской фамилии поспешили признать новый государственный строй».

Правая газета «Новое Время» в номере от 7 марта публикует статью М. О. Меньшикова, талантливого публициста, убежденного монархиста и русского националиста, известного независимостью мнений, которого трудно заподозрить в симпатиях к революции и революционерам, под красноречивым названием «Жалеть ли прошлого». Автор пишет: «Спрашивается, стоит ли нам жалеть прошлого, если смертельный приговор ему был подписан уже в самом замысле трагедии, которую переживает мир? И не один, а два приговора, ибо, в самом деле, не мог же несчастный народ русский простить старой государственной сухомлиновщине (Сухомлинов – военный министр

царского правительства. – *С. К.*) того позора, к которому мы были подведены параличом власти? Мне кажется, последний наш император поступил совершенно благоразумно, подписав свое отречение от престола. Обреченность самодержавия гремела в мире, начиная уже с севастопольского погрома (т. е. поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. – *С. К.*), подтверждена была с подавляющею убедительностью на полях Маньчжурии (т. е. в русско-японской войне 1904–1905 гг. – *С. К.*) и трубой архангела удостоверена в катастрофе 1915 года... (речь идет о поражениях в Первой мировой войне. – *С. К.*). Жалеть ли прошлого, столь опозоренного, расслабленного психически-гнилого, заражавшего свежую жизнь народную только своим смрадом и ядом? Я думаю, жалеть о многовековом омуте, из которого мы только что выскочили, не приходится».

Революция ускорила развитие общественно-политических процессов в стране. Эйфория революционного единения рабочих, солдат, а фактически – крестьян в солдатских шинелях, и буржуазии против ненавистного самодержавия угасала. На первое место выходили классовые интересы, которые требовали от классов, общественных слоев и политических партий определить свое отношение к ближайшим целям и задачам революции. Последующие сложные, острые, противоречивые, драматические события после Февраля 1917 г. находят такое же подробное и эмоциональное освещение на страницах русской прессы.

Постепенно становится ясно, что ни буржуазный, ни мелкобуржуазно-социалистический составы Временного правительства не справляются с обрушившимися на Россию проблемами.

Тем, кто рассуждает сейчас об утраченных в 1917 г. перспективах «демократического пути развития России», которому якобы «помешали большевики», следует признать, что русская буржуазная демократия оказалась полным банкротом, не годной ни к чему в государственном смысле политической силой. Сами лидеры, которых она выдвинула, в короткий срок из героев превратились в посмешища.

Промонархические «Московские Ведомости» 10 октября 1917 г. так описали открытие Временного совета Российской республики (иначе – «Предпарламента»): «Как все надоело, как это опошлено и скучно! Кажется странным только одно: до чего эти люди не меняются. Их ничто не может вразумить: ни все разрастающийся военный позор, достигший теперь грандиозного размера, ни утрата нами Балтики, ни нависшая над Петроградом угроза, ни анархия в стране, ни начинающаяся по городам и селам резня, ни могильное отчаяние народа русского. Все это нипочем!.. Даже и тут люди не могут отказаться от желания потеатральничать, щегольнуть дешевым эффектом, вызывающим брезгливую гримасу у зрителей. „Пристав, – возглашает Керенский [на заседании Предпарламента], – кто

в собрании старейший? – Брешко-Брешковская!". И вот на председательское место направляется старая психопатка, по-институтски обожающая „мальчика" Керенского, эта комическая старуха наших скорбных дней... Какая пошлость!».

Пожалуй, трудно дать более яркую картину полного провала власти Керенского, чем это сделал обозреватель «Московских Ведомостей».

Не только монархисты, но и представители крупной буржуазии констатировали политический провал Временного правительства. Из газеты крупных промышленников «Утро России» от 11 октября: «Да, теперь уже несомненно, что группа людей, волею судьбы фактически стоящих во главе России, – так называемая „революционная демократия" и ее „полномочные органы", – одержима тяжелой формой прогрессивного паралича. Немощная и бессильная, убогая и духовно и физически».

Либеральный журнал «Вестник Европы» в номере за сентябрь–декабрь 1917 г. подвел некоторые итоги деятельности Временного правительства, отметив, что оно «спокойно наблюдало, как отдаляются от него народные массы и каким злобным недоверием и раздражением проникается к нему рабочий класс... Оно вздумало... прибегнуть к тем мерам беззакония, которые наиболее возмущали оппозицию при старом режиме. Не имея уже никакой реальной власти над армией и над народными массами, оно пожелало восстановить смертную казнь для свободных граждан-солдат, административную ссылку для беспокойных полноправных обывателей, право произвольного закрытия неприятных оппозиционных газет и даже совершенно невозможное в принципе и неосуществимое на практике право высылки отдельных лиц „за пределы Российского государства", как будто чужие страны обязаны принимать у себя русских граждан, неудобных или нежелательных почему-либо для своего правительства».

Заметим, что эти меры были предложены и осуществлены «демократическим» правительством, которым руководил социалист-революционер, а добрую половину кабинета составляли иные «социалисты». «Вестник Европы» писал там же: «Временное правительство... создало лишь опасный прецедент для своих преемников и тем самым лишило себя права протестовать против однородных репрессивных мероприятий своих противников, если бы последние временно восторжествовали».

Осознав неотвратимость всеобщего краха, трезво оценив политическую ситуацию, даже представители правой журналистики увидели надежду на спасение страны в единственном организованном классе России – пролетариате. Из газеты «Новое Время» от 4 октября: «В условиях настоящего момента государственная власть России неизбежно должна опираться на доверие пролетариата. Только

тогда она не будет калифом на час, только тогда она будет властью... Сила фактически в руках пролетарских масс... Малейшая попытка принудительного осуществления власти – и правительство, рискнувшее на нее... будет свергнуто».

На этом фоне все отчетливее проявляется роль большевиков и их лидера В. И. Ленина. Некоторые современные авторы пытаются принизить роль Ленина в революционных событиях 1917 г. В частности, они ухватились за фигуру Троцкого, пытаясь именно ему приписать главную роль в Октябрьской революции. Видимо, им стоит прислушаться к свидетельствам современников, тем более, что эти свидетельства исходят из лагеря противников большевиков, которые не могут быть заподозрены в симпатиях к вождю пролетариата. Вот как откликнулось буржуазное «Утро России»11 октября на возвращение В. И. Ленина в Питер: «Троцкий, бросив свою последнюю изумительно-проникновенную фразу о Совете Республики – „Не место нам в лакейском собрании", – раскололся пополам, и из его утробы вышел... сам Ленин. И как только он заговорил, всем стало ясно: вот кто является в действительности „революционным мозгом страны". Вот чьи гениальные изречения повторял лишь г. Троцкий и вот почему не было должной экспрессии в его жестах и движениях: чревовещатели всегда немного скучны... Ленин начал с того, что сразу же со страниц „Рабочего Пути" возвестил: „Сомнения невозможны, мы накануне революции в мировом масштабе... За нас – армия, народ, рабочие и крестьяне... Должно приступить немедленно к делу". Увы, Н. Ленин (так звучал в то время его псевдоним. – *С. К.*) упорен и неумолим».

В стране происходит новая революция – Октябрьская социалистическая. А как оценили большевистскую революцию ее противники из буржуазно-либерального лагеря? Неужели они тоже, как нынешние сторонники разных «заговоров против России» полагали, что во всем виноват германский Генштаб и батальоны финских наемников пополам с английской разведкой? Оказывается – нет. Они оказались честнее. И им не позавидуешь. Они были у власти, а стали лишь наблюдателями. И, конечно, для них октябрьские события – тоже переворот, переворот всей жизни, личная политическая трагедия. Журнал «Русская Мысль» за ноябрь–декабрь 1917 г.: «Эти строки пишутся на второй день переворота, совершенного большевиками. В виду полной неопределенности положения судить о непосредственном будущем – дело, само собой разумеется, до крайности трудное. Зато момент для ретроспективных размышлений очень подходящий для тех, кто вынужден быть только зрителем совершающихся событий... Тяжелую вину должны осознавать за собой... политические группы, начиная с прогрессивного блока последней Гос. Думы и кадетов... И если выразить в немногих словах сущность

ошибки, совершенной всеми группами, в той или иной мере активно принимавшими участие в событиях после 27 февраля текущего года, придется сказать, что каждая из них повинна в том, что она стремилась навязать народному движению содержание, ему в действительности совершенно чуждое».

Популярный журнал «Русское Богатство» в номере № 11–12 отмечает: «Была тень власти. Приблизительно за две недели до начала выборов в Учредительное Собрание и за месяц до официального открытия его исчезла и тень. Она сметена ударом, произведенным одновременно в Петрограде и в провинции, в тылу и на фронте...».

Известный русский философ и экономист, теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов Петр Струве так оценивал события, произошедшие 24–25 октября 1917 г. в журнале «Русская Мысль» за ноябрь–декабрь: «Трагедия, переживаемая Россией, сводится к тому, что безумие павшей монархии и безрассудство общественного движения даже в его наиболее умеренных элементах, привели к революционным событиям внутри страны во время величайшей и тягчайшей войны... Я знаю, что принято во всех переживаемых нами бедах винить либо старый порядок и старую власть, либо большевиков. Я последний склонен оправдывать старую власть, которая ради сохранения своих отживших прерогатив, преступно задерживала культурное и политическое развитие нации. Мое отношение к большевикам тоже достаточно известно. Но если всероссийский погром 1917 г. угодно называть русской революцией, то я скажу прямо: главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной. Справедливость, однако, требует прибавить: в этом преступлении соучаствовала вся прогрессивная русская интеллигенция тем безразборчивым и безрассудным характером, который она придала своей борьбе со старым порядком...».

И хотя далее г-н Струве с классовой прямотой сбросившего демократические маски буржуазного либерала предлагает «выжечь революционную заразу», захватившую страну, что вполне естественно вытекает из его миропонимания, но акценты в отношении «старого порядка», который довел страну до революционного взрыва, и роль «прогрессивной русской интеллигенции», т. е. русских либералов и мелкобуржуазных деятелей, не сладивших со свалившейся на них властью, он определил вполне искренне.

Наш главный вывод заключается в том, что русская периодическая печать всех политических направлений – еще мало оцененный источник объективной информации, позволяющий пролить дополнительный свет на революционные события 1917 г. Он помогает дать ответы на многие вопросы, в том числе – самые острые, спорные, наиболее обсуждаемые в наше время.

Лю Сяоин

Переосмысление исторического значения Октябрьской революции

Аннотация. Споры по поводу Октябрьской революции не прекращаются до сих пор. Марксизм начал воздействовать на Китай через Октябрьскую революцию. Октябрьская революция – это пролетарская революция, а Китайская революция – новая демократическая революция пролетариата. И Октябрьская революция, и китайская революция произошли в бедных странах, которые встали на социалистический путь раньше западных развитых стран. Октябрьская революция является одним из решающих событий в истории мира. Это переломный момент в развитии России, а также в развитии всего мира.

Ключевые слова: переосмысление революции, пролетарская революция, строительство социализма в Китае.

Rethinking the Historical Significance of October Revolution

Abstract. The significance of October Revolution is the subject of discussions up to nowdays. Marxism began to influence China via October Revolution. The October Revolution is a proletarian revolution and the Chinese Revolution is the new democratic revolution held by the proletariat. Both the October Revolution and the Chinese Revolution occurred in poor countries, embarking on the socialist road before western developed countries. The October Revolution provides a powerful impetus for the process of the world's revolution. The October Revolution is one of the decisive events in the history of the world.

Keywords: rethinking the revolution, proletarian revolution, building socialism in China.

Во все времена и во всех странах любая революция имеет историческую основу, глубокие социальные корни, а также объективные и субъективные причины. С тех пор, как свершилось мега-событие XX века, Октябрьская революция, споры по поводу нее не прекращались. Никто не мог отрицать значение Октябрьской революции для XX века и социального развития. Однако значение Октябрьской революции стало умаляться со времени распада Коммунистической партии Советского Союза и социалистического лагеря в 1990 г. Является ли Октябрьская революция историческим прогрессом или историческим регрессом? Ученые придерживаются разных объяснений и разных точек зрения. В год 100-летия Октябрьской революции необходимо сделать выводы о ее значении для истории и современности.

Предпосылки Октябрьской революции в России

Россия начала сложный процесс модернизации после отмены крепостничества в 1861 г. К началу XX века российский капитализм добился значительных успехов: по объему промышленного производства страна занимала пятое место в мире и четвертое в Европе. В более ранней версии теории модернизации «модернизация» часто приравнивалась к «индустриализации» или воспринималась как чисто экономический рост. Однако модернизация включает не только экономические показатели, но также изменения социальной структуры, качества жизни, качества населения, социальной среды, правопорядка и другие аспекты целого комплекса показателей. Между тем по этим показателям Россия серьезно отставала от большинства капиталистических стран. Самодержавный строй был главным препятствие на пути модернизации России, что не могло не привести к непримиримым противоречиям.

Россия была точкой концентрации различных противоречий в начале XX века. Противоречия включали: 1) классовые противоречия между подавляющим большинством крестьян и помещиками, между наемными рабочими и капиталистами; 2) политика русификации приводила к этнической напряженности; 3) противоречие между Россией и другими империалистическими странами. Царское самодержавие потерпело поражение в русско-японской войне, что сделало политическую ситуацию еще более напряженной.

Октябрьская революция

В Феврале Временное правительство объявило о свободе слова, печати, собраний, объединений и отменило национальные ограничения, доказав, что буржуазно-демократическая революция была большим шагом вперед. Однако первоначально лидерами Временного правительства были октябрьская партия и кадеты, представляющие интересы помещиков и крупных буржуа. Принципиально внутренняя и особенно внешняя политика не изменилась. Партия эсеров и меньшевики, представляющие мелкую буржуазию, не могли представлять интересы народа, и главная задача русской революционной истории легла на плечи большевиков.

Основными причинами победы большевистской партии в Октябрьской революции были следующие: во-первых, большевистская партия во главе с Лениным состояла из наиболее просвещенных и передовых элементов пролетариата. Во-вторых, Декрет о мире и Декрет о земле получили поддержку масс, что значительно усилило авторитет партии большевиков и обеспечило советской власти «триумфальное шествие». В-третьих, сочетание марксистской и русской практики, включение самых передовых идей и научных достижений человечества. Развитие марксизма вступает в новый этап – ленинский.

Октябрьская революция не только сделала подавляющее большинство рабочих и крестьян в России свободными, избавила от рабства и стала утверждать принцип социальной справедливости, равноправия. Революция поддерживала территориальную целостность, превращая Россию в одну из глобальных индустриальных держав в очень короткий срок и создавая прочную основу для продвижения вперед. После Октябрьской революции советский режим ускорил темпы индустриализации, превратив отсталую сельскохозяйственную страну в промышленную державу в течение короткого периода времени – трех предвоенных пятилеток. Советскому Союзу потребовалось всего несколько десятилетий, чтобы завершить процесс индустриализации, тогда как у западных стран он занял сотни лет. По промышленному производству Советский Союз вышел на второе место в мире и первое место в Европе.

Октябрьская революция – это глубокая социальная революция, начатая рабочими и крестьянами с целью уничтожить эксплуатацию и угнетение под знаменем марксизма и ленинизма и Коммунистической партии Советского Союза. Она свергла власть капитализма над 1/6 частью земного шара, это имело значение для всего мира. Непосредственным результатом Октябрьской революции является появление первой в мире социалистической страны. Развитие Советского Союза прошло через консолидацию социалистической системы, индустриализацию и культурную революцию, он победил немецких фашистов и сумел восстановить экономику. Нет сомнения, что без социалистической системы и руководства Коммунистической партии Советский Союз не мог быть сильным.

Октябрьская революция и Китай

Марксизм начал воздействовать на Китай через Октябрьскую революцию. В 1919 г. появилось патриотическое движение «четвертое мая», в 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая, а в 1949 – Китайская Народная Республика. Все это воплощало великую победу революции. Председатель Мао сказал: «Китайская революция является продолжением Октябрьской революции». Октябрьская революция – это пролетарская революция, а Китайская революция – новая демократическая революция пролетариата. И Октябрьская революция, и китайская революция произошли в бедных странах, которые встали на социалистический путь раньше западных развитых стран. После основания КНР Председатель Мао сочетал основные принципы марксизма с конкретной практикой Китая, который вступил на путь социализма. Обобщая исторический опыт, Китай искал способы, подходящие для его собственного развития.

В наши дни социализм с китайской спецификой является творческим применением и развитием ленинских идей о социализме пе-

риода НЭПа, а также продолжением и развитием социализма, открытого Октябрьской революцией.

Опыт Октябрьской революции

Можно сказать, что Октябрьская революция, как по ширине, так и по глубине, была намного масштабнее, чем Французская революция и Парижская коммуна, которые оказали огромное влияние на развитие человечества. После Октябрьской революции Советы, не имея никакого опыта для этого, попытались проложить путь социалистического строительства. Независимо от того, оказалась ли эта попытка успешной или нет, опыт и уроки являются ценным достоянием человеческой цивилизации.

Октябрьская революция дала мощный импульс мировому революционному процессу, ускорила кризис западной колониальной системы, выдвинув перспективу национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Поэтому Октябрьская революция является одним из решающих событий в мировой истории. Победа китайской народной революции в 1949 г. явилась следствием и развитием духа Октябрьской революции. Опыт социалистической модернизации показывает, что не нужно подражать модели Запада, процесс государственного строительства может быть полностью основан на собственных культурных ценностях и традициях. Китай встал на путь строительства социализма с китайской спецификой посредством реформ и открытости, в то время как Советскому Союзу не удалось избежать дезинтеграции. Однако дух Октябрьской революции все еще играет важную роль в развитии современного Китая и всего мира.

Сидорова Л. А.

1917 год и проблема смены научных поколений в исторической науке России

Аннотация. В статье поставлена проблема влияния революционных событий 1917 г. на историческую науку России, на деятельность двух основных поколений историков, работавших в науке в постреволюционные годы, – «старой» и «красной» профессуры. Показано, что 1917 год нарушил поступательность процесса смены генераций в исторической науке России, их преемственность. Вместе с тем, специфика научной жизни и индивидуальность ученого способствовали сохранению и восстановлению исследовательских традиций.

Ключевые слова: историческая наука России, сообщество советских историков, «старая профессура», «красная профессура», марксистский «искус».

1917 and the issue of scientific generational change in historical studies in Russia

Abstract. The article poses the problem of the influence of the revolutionary events of 1917 on the historical science of Russia, on the activities of two main generations of historians who worked in the post-revolutionary years – the «old» and «red» professors. It is shown that in 1917 the generation change process in the historical science of Russia, their continuity, was violated. At the same time, the specificity of scientific life and the individuality of the scientist contributed to the preservation and restoration of research traditions.

Keywords: historical science of Russia, community of Soviet historians, «old professors», «red professors», Marxist «temptation».

Рассуждая о революции и науке, нужно сразу оговориться, что речь пойдет именно о революции социальной. Если революция в науке традиционно ассоциируется с прогрессом, открытием новых горизонтов в исследовательской деятельности, то роль революции социальной в развитии научного знания может быть не столь однозначно позитивной.

Попробуем оценить влияние революционных событий 1917 г. на одну из важнейших сторон институционального изменения исторической науки России в постреволюционный период – ее трансформации в советскую историческую науку – с точки зрения произошедших в ней генерационных изменений.

1917 год прервал эволюционный характер смены научных поколений в России, что проявилось, в первую очередь, в гуманитарной сфере – в философии, праве, экономике и других отраслях знания и, конечно, в исторической науке. Русские историки, такие как М. М. Богословский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Н. Г. Бережков, Б. А. Романов, А. А. Новосельский, С. В. Юшков и многие другие, в одночасье и вне зависимости от возраста, превратились в представителей «старой школы». Им была противопоставлена еще только формировавшаяся, но уже ощущавшая себя главной в российской исторической науке генерация молодых историков-марксистов, главной кузницей которых стали новые вузы – коммунистические университеты, Институт красной профессуры и пр.

Замещение поколений в науке даже при благоприятных и поступательных условиях развития сообщества ученых – процесс не всегда безболезненный и гладкий для обеих генераций – укоренившейся в науке и идущей ей на смену. Научное рвение и ригоризм молодых ученых, опыт, традиции и устои их предшественников и учителей нередко приходят в противоречие, не носящее, тем не менее, непримиримого характера.

В качестве примера обратимся к событиям, связанным с состоявшимся в мае 1892 г. диспутом по магистерской диссертации П. Н. Милюкова[198], и суждениям, прозвучавшим по этому поводу. 17 мая Павел Николаевич защитил диссертацию по изданной в том же году монографии «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Эта книга получила самые благоприятные отзывы, и ее автор был удостоен премии имени С. М. Соловьева. Но в присуждении докторской степени за это исследование П. Н. Милюкову было отказано. Особенно резко выступил В. О. Ключевский, его учитель, что «на многие годы охладило»[199] их отношения.

На эти события остро отреагировал А. Е. Пресняков, в то время – студент Петербургского университета. В своем письме матери он изложил свой взгляд на существо произошедшего. «В воскресенье был я на диспуте Милюкова – и остался недоволен, потому что от него требовали того, чего он и не думал давать, упрекали, что он не ответил на вопросы, которые он не ставил в своей работе. Объясняю я это тем, что в точке зрения Милюкова столько нового, что со старых точек зрения его и оценивать нельзя»[200].

В словах будущего маститого историка отразилось присущее молодому поколению стремление найти свой взгляд на историю, отличный от воззрений предшественников. Однако степень научных разногласий не достигала критических значений и не воздвигала непреодолимого барьера между поколениями, укладываясь в рамки развития научных школ и преемственности поколений.

Иная ситуация была создана событиями 1917 г. Классовые битвы в стране привели к тому, что историческая наука стала «фронтом», на котором друг другу противостояли две генерации советских историков – «старая» и «красная» профессура. Молодые историки-марксисты были нацелены на вытеснение «буржуазных» историков, оставшихся жить и работать в России. 1920-е годы стали временем вынужденного, до времени, «мирного сосуществования» этих поколений. Политика в области советской исторической науки, неразрывно связанная с деятельностью М. Н. Покровского, предельно обострила отношения между историками-марксистами и учеными «старой школы», апофеозом которых стало «Академическое дело», чему в последние годы посвящен ряд исследований[201].

---

[198] Подробнее об этом см.: *Вандалковская М. Г.* Милюков Павел Николаевич (1859–1943) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 363.

[199] Там же.

[200] А. Е. Пресняков – М. П. Пресняковой. 14 марта 1894 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 37.

[201] См., напр.: *Сидоров А. В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М., 1998; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред.

Однако отметим еще одну особенность в противостоянии данных поколений, которая пока еще не получила своего освещения в историографии. Она состоит в том, что революция 1917 г. выступила катализатором скрытых до времени настроений среди части студенческой молодежи, неудовлетворенных «профессорской» наукой, которая не соответствовала вызовам нового века. В определенном смысле почва для осуществления «марксистского проекта» в российской исторической науке была частично подготовлена в предреволюционные годы, чему способствовало ощущение кризиса исторической науки России, которое в начале XX века овладело многими русскими учеными. Произошедший социальный переворот произвел революцию в мироощущении многих будущих историков, изменив их отношение к своим наставникам.

В этом отношении весьма красноречивы строки из дневника М. В. Нечкиной. 27 ноября 1920 г. Милица Васильевна, слушательница Казанского университета, написала: «От меня бесконечно далек университет. Боюсь сказать, но я не люблю его. Это не совсем точно, конечно. Я бесконечно люблю его старое здание, колонны, темные длинные коридоры, библиотеки и мелькающие за стеклами корешки книг, лестницы... Но я отношусь с холодной неприязнью к факультету, к профессорам, к манере преподавания и к общему его духу ...Каста, мертвечина и личные счеты»[202]. И это писал человек, по своему происхождению, воспитанию и семейным традициям находившийся в рамках профессорской культуры. Однако жажда нового метода, могущего стать нитью Ариадны в поиске исторической истины, заставляла ее отвергнуть казавшуюся безнадежно устаревшей дореволюционную историческую науку и привела к марксизму.

Что уж говорить о молодых историках-марксистах, которые ковались в коммунистических вузах из пролетарско-крестьянской молодежи, пришедшей на университетские скамьи, имея за плечами не гимназическое образование, а опыт революционной борьбы. А. М. Панкратова, ярчайший представитель этой категории молодых советских историков, вспоминая о своих первых годах в науке, писала, что она и ее товарищи решали «большую партийную задачу – подготовить себя, как марксистски выдержанную профессуру, для наших советских вузов, где орудовали враждебные нашему делу старые буржуазные профессора, либо саботировавшие, либо вре-

---

В. П. Корзун. Омск, 2005; *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005; *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008; *Тихонов В. В.* Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М., 2014 и др.

[202] «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013. С. 120.

дившие в то время нам, не желающие принимать ни нашего строя, ни нашей идеологии»[203].

Дневник историка-марксиста С. А. Пионтковского фиксировал напряженность межгенерационных отношений между историками-марксистами и «старой» профессурой. Так, имея в виду непревзойденного знатока петровской эпохи М. М. Богословского, С. А. Пионтковский уничижительно отзывался о нем, сравнивая его со средневековыми алхимиками, которые «и теперь... варят историю о том, сколько пуговиц было на штанах у Петра Великого»[204].

Конечно, можно было бы признать это частным эпизодом, характеризовавшим взаимовосприятие этих двух конкретных историков, тем более что их отношения осложнились еще со времени сдачи С. А. Пионтковским государственных экзаменов в Казанском университете, председателем на которых был М. М. Богословский.

Кстати сказать, М. М. Богословский в своем дневнике также оставил крайне нелестный отзыв о С. А. Пионтковском. 26 сентября 1915 г. он записал, что в тот день его работе над биографией Петра Великого помешал «явившийся из Казани оставленный там при университете С. А. Пионтковский», который и раньше показался ему «весьма недалеким, и оставлен был ради того, что сын профессора: „по отцу и сыну честь"». В своем мнении он еще раз, теперь уже в Москве, и был принужден убедиться[205].

Для С. А. Пионтковского и его единомышленников ученые типа М. М. Богословского – пережиток времени. «Из всех сил старается коммунистическая часть, в особенности аспирантура в РАНИОНе, вести борьбу с этим устарелым типом и выработать новый тип ученого работника, прежде всего организатора, руководителя коллективной работы, участника коллективного труда», – писал он, сетуя, что «это поддается слабо»[206].

М. М. Богословский, напротив, полагал, что «методы не поколеблешь общественным движением» и что «наука – одна из твердых скал»[207] в революционной стихии. Выраженная в этом мнении ученого позиция большинства историков его поколения не могла не придти в столкновение с credo молодых историков-марксистов, которое ретроспективно предельно откровенно сформулировала А. М. Панкратова: «Товарищи считали, что выполняют свой партий-

---

[203] Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 186. Л. 29.

[204] Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А. Л. Литвина. Казань, 2009. С. 133.

[205] *Богословский М. М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 83–84.

[206] Дневник историка С. А. Пионтковского. С. 133.

[207] *Богословский М. М.* Дневники. С. 323.

ный большевистский долг, когда они в известной мере прикрашивают историю»[208].

На фоне этих межгенерационных противоречий меркли разноречия внутри поколений. Историки «старой школы» сплачивались под натиском историков-марксистов, хотя в дореволюционные годы это поколение не было столь единым. С. Ф. Платонов, вводя своего ученика А. Е. Преснякова в профессиональный круг, разъяснял младшему коллеге особенности сложившейся в России к началу XX века корпорации ведущих историков. Сергей Федорович обратил внимание на существование двух основных кружков историков – его собственного, в который он и привлекал А. Е. Преснякова, и А. С. Лаппо-Данилевского.

Он подчеркнул, что эти кружки русских историков различались двумя признаками. Вокруг А. С. Лаппо-Данилевского группировались «дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям»[209].

Своих единомышленников в науке С. Ф. Платонов относил к другому социально-культурному срезу. По его словам, «платоновцы» – «разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личною дружбой, а не каким-нибудь общим credo, связанные между собой». Продолжая свою характеристику, Сергей Федорович добавил, что «по характеру ума» его сторонники – «скептики, недовольные ныне господствующими порядками» не менее историков, входящих в окружение А. С. Лаппо-Данилевского, но «они не видят средств бороться и переносят их по внешности равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременного согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным»[210].

Касаясь вопроса о взаимодействии обоих кружков, С. Ф. Платонов заметил, что входящие в его кружок историки «не сторонятся другого кружка», в то время как группировавшиеся вокруг А. С. Лаппо-Данилевского историки «игнорировали их», а предпринятые попытки платоновцев к сближению «кончились обидой для них же»[211].

Спустя пять лет после этого разговора со своим университетским наставником А. Е. Пресняков пришел к выводу, что историческая

---

[208] Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 70. Л. 303.

[209] А. Е. Пресняков – М. П. Пресняковой. 14 марта 1894 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 133.

[210] Там же.

[211] Там же.

наука в его понимании – «это совсем не платоновская наука». «Не моя вина, – писал Александр Евгеньевич, – что без глубоко философского элемента... история меня не увлекает... И близкие для меня по интересам – это Милюков, Лаппо-Данилевский, отчасти Форстен. Учеником Платонова в настоящем смысле слова – я не могу быть»[212].

Но даже оставившие свои разногласия в стороне историки «старой школы» – и теоретики, и фактологи, они не могли противостоять напору все набиравшего административный вес и усиливавшего свое положение в советской исторической науке поколения «красной профессуры».

1917 год в судьбах историков «старой школы», как уехавших в эмиграцию или высланных из страны, так и оставшихся в Советской России, стал рубежом, за которым они все больше и больше сталкивались с проблемой нереализованных до конца своих научных возможностей. Здесь сказалась сразу большая группа факторов – изменение общественного статуса и условий жизни «старой профессуры», сложности в доступе к литературе и архивам (в первую очередь для историков-эмигрантов), ограниченность возможностей публикации и транслирования своих взглядов на историю.

Для молодого поколения историков-марксистов революция 1917 г. стала временем старта в науке. Они стали участниками уникального научного проекта, целью которого было освещение отечественной и мировой истории с позиций марксизма. «Марксистский искус» имел для этого поколения советских историков как свои сильные стороны, – в первую очередь, мобилизацию усилий большого коллектива исследователей, работавших в рамках единой методологии, так и предопределил неизбежность стагнации в науке, обусловленной замкнутостью методологических исканий.

Таким образом, 1917 год нарушил поступательность процесса смены генераций в исторической науке России, поставил под удар преемственность в ее развитии, однако, и это следует подчеркнуть, особенности науки – ее многообразие и индивидуальность ученого, способствовали тому, что исследовательские традиции сохранялись. По мере отдаления от 1917 г. поколения-антагонисты, работавшие, тем не менее, на одной исторической ниве, силою обстоятельств (изменение с середины 1930-х годов политики власти по отношению к ученым «старой школы») и реальной совместной научно-исследовательской работы в рамках университетов и академических институтов сближались. Вступавшее в научную жизнь послевоенное поколение историков в определенной мере примирило две столь резко противостоявшие друг другу в 1920-е годы генерации советских историков.

---

[212] А. Е. Пресняков – М. П. Пресняковой. 11 октября 1899 г. // Там же. С. 305.

Томашевич О. В.

Великая русская революция и хроника одной жизни

Аннотация. Статья основана на опубликованных автором документах из Архива Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, посвящена судьбе известного русского египтолога Владимира Михайловича Викентьева (1882–1960), уехавшего из России в 1922 г. в командировку за границу и оставшегося в Каире в 1926 г. На родине Викентьев успел сделать довольно много, причем в его деятельности ярко отразился тот культурный подъем, который испытала молодая Страна Советов в первые постреволюционные годы.

Ключевые слова: В. М. Викентьев, египтология, Исторический музей, ГМИИ имени А. С. Пушкина, Р. Штайнер, Русское Антропософическое общество, Серебряный век, отец П. Флоренский.

The Great Russian Revolution and a timeline of one life

Abstract. The article is based on the documents from the Archive of the A. S. Pushkin State Museum of Fine Arts, published by the author. It is covers the destiny of the well-known Russian egyptologist Vladimir Mikhailovich Vikentiev (1882–1960) who left Russia in 1922 for a research trip and settled in Cairo in 1926. While at the home country V. Vikentiev managed to do a lot, and his work was greatly influenced by the cultural upraise of the young Soviet state during the first post-revolutionary years.

Keywords: V. M. Vikentiev, egyptology, History Museum, A. S. Pushkin Museum of the Fine Arts, R. Steiner, Russian Anthroposophic Society, Silver Century, Fr. P. Florensky.

Статья, построенная на основании данных Архива Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина[213], посвящена судьбе Владимира Михайловича Викентьева (Кострома, 6.07.1882 – Каир, 8.02.1960), одного из известных русских египтологов, оставшегося за границей в 1926 г. и по понятным причинам практически забытого на родине. До своего отъезда на стажировку в Европу и Египет, Викентьев успел сделать довольно много, причем в его деятельности ярко отразился тот культурный подъем, который испытала молодая Страна Советов в первые постреволюционные годы. С юности он был знаком со многими известными учеными и яркими представи-

[213] Личное дело В. М. Викентьева хранится в Архиве ГМИИ имени А. С. Пушкина (далее – А ГМИИ), в Ф. 36. Подробнее о В. М. Викентьеве см.: *Томашевич О. В.* Египтолог Владимир Викентьев – создатель музея нового типа // Памятники и люди. М., 2003. С. 141–172.

телями творческой интеллигенции и смог в своей работе сочетать науку и искусство. Несмотря на энергичность натуры, Викентьев проявлял почти полное равнодушие к происходящим в стране политическим катаклизмам, хотя небезуспешно пытался вписаться в новую ситуацию. Представляется, что в Каире он остался волею обстоятельств, по крайней мере, его отъезд явно не был запланированным бегством.

С профессией В. М. Викентьев определился не сразу: учился недолго в трех разных институтах, бегал в университет на лекции П. К. Коковцова, занимался философией и «премудростями до черной магии включительно». Семья не была богатой, но отец оплачивал «поиски себя» сыном[214].

Накануне рокового для России 1905 г. отец старается предостеречь сына от увлечения революционными идеями, которые, похоже, последнего вовсе не волновали: «...не на пользу послужил доступ [в институты] совершенно свободный... молодежи, особенно умных девиц-курсисток, от подстрекательства которых уже не впервые разгорается бор.... институт для ученья, а не ради политики». Еще жестче отец отзывается о народе: служить ему «не стоит – он гадок»[215]. Учеба Викентьева в Политехническом институте Санкт-Петербурга была прервана событиями 9 января, но в «революцию» он, в отличие от многих молодых интеллигентов, не пошел.

Первое свидетельство его увлечения Древним Египтом зафиксировано в переписке с сестрой (1903 г.). Вера Михайловна Викентьева работала в библиотеке Сабашниковых в Москве; ей брат обязан разнообразной помощью, в том числе, похоже, контактами с творческой интеллигенцией Серебряного века. В частности, он был хорошо знаком с Маргаритой Сабашниковой, племянницей книгоиздателей, талантливой художницей, ставшей в 1906 г. женой поэта Максимилиана Волошина. Богато одаренный в художественном отношении В. М. Викентьев профессионально рисовал, изящно писал. Занятия поэзией в юности, организация литературного журнала в Политехническом институте не были случайны: впоследствии центральной темой его научной работы стала древнеегипетская литература, а в Каире он опубликует на французском языке роман «Хроника одной жизни», повести и новеллы[216].

В 1906–1907 гг. наш герой отправился в длительное заграничное путешествие: семь месяцев он изучал древнеегипетские памятники Лувра, год – Британского музея. Скорее всего, под влиянием Сабашниковой[217], он увлекся идеями известного немецкого философа-спи-

---

[214] А ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154–193, 465.

[215] Письмо 1902 г. – А ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 167.

[216] La Revue du Caire (номера за октябрь 1947 – январь 1948 и ноябрь – март 1949).

[217] Недавно была переведена с немецкого книга ее воспоминаний «Зеленая змея. История одной жизни» (М., 1993).

ритуалиста, создателя антропософии, гуманиста и мистика Рудольфа Штайнера (1861–1925). Викентьев посещал его лекции в Париже и даже мистерии (уже в Германии), что предполагает определенный уровень посвящения. Лекции Штайнера были весьма необычны как по содержанию, так и по форме (аудитория для них особо декорировалась, что сказалось позднее на деятельности Викентьева). Яркая, искренняя натура Р. Штайнера, его гуманизм, многосторонние глубокие знания, убежденность в духовности мира, мысли о сохранении человеческим разумом воспоминаний о предыдущих жизнях и иных эпохах произвели сильнейшее впечатление на В. Викентьева. Воображение уже «зараженного Египтом» Владимира Михайловича волновали упоминания доктором таинственной Изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста, священного текста в Обществе розенкрейцеров, активным членом которого состоял Штайнер. В Архиве ГМИИ сохранились интересные документы, свидетельствующие о серьезности увлечения В. Викентьева: билет в Теософское общество Берлина от 15 ноября 1910 г. за подписью самого Штайнера; черновики писем к «Hoch gelehrter Lehrer und Führer» с просьбами об установлении более тесной «эзотерической» связи и советах; рукопись «Конституции Русского Антропософического общества»; недатированное письмо Л. Эллиса (Л. Л. Кобылинского), превозносящего учение как последнюю надежду русской интеллигенции.

Переписка свидетельствует, что с 1910 по 1915 г. В. М. Викентьев принимал деятельное участие в основании и работе Русского Антропософического общества и издании журнала «Вестник теософии»[218]. В 1915 г. после долгих и мучительных раздумий он покинул Совет Общества, будучи недоволен отсутствием в нем «соборности»[219]. Одним из научных результатов увлечения Викентьева учением Р. Штайнера стала публикация «Собрания масонских предметов Российского Исторического музея» (Москва, Синодальная типография, 1918).

Но академические интересы возобладали: по совету двух знаменитых профессоров – И. В. Цветаева и Б. А. Тураева – в 1910 г. Викентьев отправляется в Берлин, где в университете был лучший в мире центр египтологии[220]. Завершает образование В. М. Викентьев на Историко-филологическом факультете Московского Императорского университета. Все это время он продолжал консультироваться у Б. А. Тураева[221].

---

[218] А ГМИИ.Ф. 36. Оп. 1. Д. 12–17, 425, 445, 452, 462, 463, 482. С января 1912 по 1915 г. в Москве работал кружок по изучению розенкрейцеровской философии.

[219] Там же. Д. 292.

[220] *Томашевич О. В.* Египтолог Владимир Викентьев. С. 142–144; *Он же.* Берлинская школа // Историография истории древнего Востока. Т. I. М., 2008. С. 55–62.

[221] *Томашевич О. В.* И было его жития 51 год... // Тураев Б.А. Древний Египет. М., 2007. С. 442–451.

16 февраля 1915 г. В. М. Викентьев получил место помощника хранителя восточных коллекций в Историческом музее имени имп. Александра III и начал активно заниматься вопросами их хранения и пополнения[222]. В конце 1915 г. он вместе с А. А. Флоренским, братом отца Павла Флоренского, планирует экспедицию при штабе Кавказской армии по изучению и спасению древностей[223]. Молодого ученого волновала судьба гибнущих в огне военных действий памятников Армении и Персии, а на его родине уже тлели искры революционного пожара...

В эти роковые для страны годы Викентьев активно организует различные чисто научные общества. Так, обращаясь к М. В. Сабашникову за поддержкой, он пишет: «В России есть отдельные крупные ученые, но нет сплоченных и жизненных научных ассоциаций»[224]. Нигде в переписке по этому поводу речь не идет о сложной обстановке в стране, разделяющих ученых политических взглядах, лишь высказываются опасения относительно В. В. Струве (из письма М. А. Харузина от 4 декабря 1916: «...не совсем уверен, может ли он сочувствовать идее общества идущего в курсе современной русской культурной и общественной жизни, т. е. борьбы с немецким влиянием в нашей науке?»)[225].

Усилия Викентьева увенчались успехом: 4 июня 1917 г. в Москве на его квартире состоялось первое собрание Кружка по изучению древних культур (позднее – одноименного Общества), где он сделал два научных сообщения[226]. Любопытно, что входная плата составляла 1 рубль «в пользу Библиотеки Кружка» (позднее она поднялась до 6 руб.). Книги жертвовали ученые, издатели; сохранилось уведомление от 6 августа 1918 г. о выделении 5000 руб. на книги для Общества за подписью Валерия Брюсова, заведовавшего Библиотечным отделом Наркомпроса[227]. Второе собрание прошло 14 февраля 1918 г. В Историческом музее Викентьев становится уже «зав. Отделением религиозных древностей» (и «посему является ответственным работником»)[228].

---

[222] А ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 455.

[223] По инициативе Викентьева, на одном из собраний Восточной комиссии А. А. Флоренский сделал сообщение о состоянии археологических памятников в Армении (где геройски проявил себя, спасая женщин и детей от резни). Любопытно его мнение об отце Павле: «Я очень рад, что Вы познакомились с моим братом, так как верно поймете друг друга. ... Мой братец странный человек – он все, что ему нравится, подводит под рубрику богословия. А мне многое из того, что он делает кажется игрой в архаизм, убеганьем от «Социал-демократа»» (25 апреля 1917 г. из действующей армии. – А ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 415).

[224] А ГМИИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 101. Л. 4–9.

[225] Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 421.

[226] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 5. Подробнее см.: *Томашевич О. В.* Египтолог Владимир Викентьев. С. 148.

[227] Там же. Д. 100. Л. 3; Д. 105. Л. 12.

[228] Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–6.

Экстренное заседание 7 июня 1920 г. посвящается памяти приват-доцента Петроградского университета И. М. Волкова (эту безвременную смерть, возможно, приблизил арест в 1918 г. отца Волкова, священника). Б. А. Тураев избирается председателем Общества, а В. М. Викентьев – его товарищем. Среди почетных членов Общества были: В. В. Бартольд, П. Лихачев, Н. Я. Марр, С. А. Жебелев, Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, С. Ф. Ольденбург, Б. В. Фармаковский; а среди действительных: В. Н. Лазарев, А. В. Живаго, А. А. Захаров, В. И. Авдиев, Г. Я. Кобранов[229].

Параллельно с Обществом по изучению древних культур в конце 1918 г. амбициозный В. М. Викентьев организует Музей-Институт Классического Востока в помещении Исторического музея. К нему явно благоволили в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса: 27 мая 1919 г. его назначили заведующим[230]. Викентьев разрабатывает план по созданию в России школы классического востоковедения на базе МИКВ как учебного и научно-просветительского центра изучения восточных древностей, «исследовательской лаборатории и музея нового типа, где предметы не воспринимаются пассивно, а где на них подлинно и систематически учатся»[231]. Поражает размах представленных начальству планов: в круг исследования Викентьев включает Передний Восток, Крит, Микены, Кавказ, Юг России, Индию, Китай, Древнюю Америку и Океанию! МИКВ должен был покоиться на четырех «устоях»: наряду с наукой, Древний Восток рассматривается в нем под углом зрения искусства, истории религии и философии.

Время было удивительное: в 1920 г. создается Историко-Археологическое отделение Дворца искусств[232]. На первом заседании 1 августа 1920 г. Викентьева не было из-за болезни (его доклад по оккультизму поэтому сняли). Заведующим избрали давнего знакомого нашего героя – Андрея Белого[233], его помощниками – В. В. Эйснера и В. М. Викентьева. Протокол зафиксировал присутствие будущего «всероссийского старосты» М. А. Калинина. Отделение планировало чтение лекций по памятникам литературы, диспуты на естественно-научные темы, устройство выставок. Лекции по истории древних культур, сопровождаемые соответствовавшими музыкальными выступлениями (например, из «Аиды»), должны были проходить в театре «Эон», на заседание 14 августа был приглашен В. С. Немирович-

---

229 А ГМИИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 14; Д. 97. Л. 3.

230 Там же. Д. 1. Л. 1–3, 13. Подробнее см.: *Томашевич О. В.* Египтолог Владимир Викентьев. С. 153–156.

231 Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

232 Там же. Д. 91. Л. 4–6, 8, 10–12; Д. 92. Л. 4–5, 10–11.

233 В письмах Б. Бугаев обращается к Викентьеву «Дорогой и глубокоуважаемый» и подчеркивает, что «очень-очень хочется Вас видеть» (Ф. 36. Оп. 1. Д. 474–478).

Данченко... Дух Рудольфа Штайнера витал над Дворцом искусств. Подчеркну: в Историко-культурное отделение входили практически те же люди, что и в Общество по изучению древних культур. Судя по планам, они еще верили в светлое будущее...

А настоящее ставило перед небогатой интеллигенцией задачи выживания в прямом смысле этого слова. Например, Б. А. Тураев, светоч нашей науки, попал в 4-ю категорию лиц, снабжаемых пайком по остаточному принципу в последнюю очередь (порой это было меньше, чем в блокаду!). В какой-то момент лишили и этого... Не случайно на Западе писали о смерти Тураева от голода: увы, в этом больше правды, чем политической пропаганды. В ночь перед кончиной академика 23 июля 1920 г. представители власти пришли проверять его трудовую благонадежность. Вот что о положении ученых в России в конце 1920 г. пишет М. И. Ростовцев из Америки Н. П. Кондакову в Болгарию: «живы до первой болезни, которая косит всех, не разбирая»[234]. Показательно, что в 1918–1922 гг. лишения уносили из жизни совсем молодых людей (например, из учеников Б. А. Тураева: И. М. Волков, А. Л. Коцейовский, М. А. Вильев, В. В. Ершов, Ф. Ф. Гесс)[235]. Но если бы проблемы ограничивались только бытом...

В. М. Викентьев концентрируется на работе в своем Музее-Институте и достигает определенных успехов[236]. В 1921 г. над МИКВ нависла угроза в связи с идеей объединения всех древневосточных коллекций, но он энергично защитил свое детище[237]. Викентьев разворачивает борьбу за памятники – борьбу, в которой, похоже, он был не всегда прав. В результате его действий в 1919–1922 гг. в МИКВ поступили древнеегипетские памятники из многих музеев и частных коллекций. Надеясь на благоволение к нему в Наркомпросе, Викентьев 25 октября 1922 г. обратился с заявлением к заведующему Главнаукой с требованием переноса Голенищевской коллекции египетских древностей из Музея изящных искусств в МИКВ. В нем перечислены переживаемые музеем трудности: он «в течение 4 лет не отапливался и была совершенно повреждена система снеготаялок, находящаяся на крыше, здание окончательно просырело и каждую весну регулярно затапливается водой»[238]. Здание Музея было повреждено в результате артиллерийской и ружейной стрельбы 26 октября–3 ноября 1917 г. и еще тогда возникла идея о переносе коллекции в

---

[234] Подробнее см.: *Томашевич О. В.* И было его жития 51 год... С. 474–479. Яркие документы о бытовых проблемах сотрудников Музея изобразительных искусств см.: *Томашевич О. В.* Т. Н. Козьмина-Бороздина // Памятники и люди. М., 2003. С. 131.

[235] *Томашевич О. В.* И было его жития 51 год... С. 473–475.

[236] Подробнее см.: *Томашевич О. В.* Египтолог Владимир Викентьев. С. 156–157.

[237] А ГМИИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75.

[238] Там же. Д. 75. Л. 3.

Исторический музей[239]. Заявление 1922 г. полно преувеличений; причем хранение памятников в МИКВ тоже осуществлялось не на должном уровне, о чем свидетельствуют документы[240].

Заведующий МИКВ планировал штат из пяти сотрудников. В этом составе Институт почти не работал: страшное время вносило свои коррективы. 11 марта 1921 г. Викентьев обращается в Главмузей Наркомпроса с просьбой об «ускоренном освобождении» Евгения Яковлевича Кобранова, арестованного по распоряжению ВЧК[241]. Чем закончилась эта история, мне, к сожалению, неизвестно.

В Отчете МИКВ за 1921 г. говорится о пяти публичных лекциях, трех группах слушателей курсов древнеегипетского и одной – древнееврейского языков; составлении иероглифического каталога, работе по переводу «Книги мертвых». Викентьев помнил о лекциях Штайнера и искал новые подходы: «для наиболее рельефного и живого воссоздания перед аудиторией в 150–200 человек сконструирована пробная камера для перспективных реконструкций памятников искусства и быта Древнего Востока»[242]. Он добился организации рентгенологического изучения мумий людей и животных доктором Э. В. Лютером из 1-й Градской больницы (только сейчас, 100 лет спустя, вновь планируется научное изучение коллекции мумий ГМИИ).

В Отчете за 1922 г. говорится не только о лекциях. В серии «Творческое воспроизведение духовной культуры» была поставлена «оригинальная драма» Викентьева «Владыка ужаса» из эпохи создания великого Сфинкса (это первая часть трилогии «Восходящее Солнце», охватывавшей всю историю Египта)[243].

Велась и научная работа. Еще в 1917 г. Викентьев опубликовал первую монографию – «Древнеегипетская повесть „О двух братьях"». Не все из научных трудов увидели свет: в том же 1917 г. он пытался с помощью отца Павла Флоренского издать древнеегипетский словарь в типографии Сергиева Посада. В ответе ему от 5 июня 1917 Флоренский пишет: «Нахожусь в смущении с Вашим словарем. Наборные дела столь скверны сейчас, что даже простой русский текст набрать затруднительно, а Ваш я не смею и показать в типографии, тем более, что у нас сейчас стачки рабочих и положение очень напряженное. Вид словаря со многими разными знаками может привести в неистовство то-

---

[239] *Томашевич О. В.* Т. Н. Козьмина-Бороздина. С. 129.

[240] А ГМИИ.Ф. 5. Оп. 1. Д. 397. Л. 9. Примечательно, что крыша протекла и в годы перестройки.

[241] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 89. Л. 4. Об арестах в этой среде см.: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003; *Томашевич О. В.* И было его жития 51 год... С. 474–476.

[242] А ГМИИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

[243] Там же. Д. 11–12. Д. 82. Л. 2.

варищей, которые не суть товарищи ни мне, ни Вам, ни тем более египетской грамоте»[244].

Понимая, что наступает эра актуальности совсем других тем, Викентьев, подобно В. В. Струве, пишет статью «Революция в Древнем Египте» для первого номера журнала «Новый Восток». Этой революции, «наметившей все основные линии современного социального переворота», Викентьев посвятил одну из своих публичных лекций в МИКВ. В списке присутствовавших на ней в воскресенье 12 февраля 1922 г. находим имена известных в дальнейшем ученых (В. И. Авдиев, Б. Р. Виппер, Д. Г. Редер, Р. И. Рубинштейн, И. Г. Франк-Каменецкий). Однако подобная тематика была очень далека от интересов нашего героя[245].

С начала 20-х годов В. М. Викентьев начинает добиваться командировки за границу, мотивируя ее необходимость отсутствием в Москве научной литературы и нарушением контактов. Главной его целью был Египет, но Викентьев разумно хотел сначала посетить Европу и Америку. В письме к народному комиссару по просвещению он подчеркнул: «в лице выдающегося американского египтолога, директора Восточного Музея в Чикаго, проф. Джеймса Брестеда моя работа по созданию Музея-Института встретила настолько живой интерес, что он посвятил ей специальную заметку в нью-йоркском журнале (New Republic, May 22, № XXX), в которой призывает американских ученых к поддержке Музея-Института путем посылки книг и проч., причем отмечает важность его создания и изумительность (для него и вообще для американцев!) факта создания подобного учреждения в такое трудное в экономическом отношении для России время»[246].

Поездка в Америку не состоялась, но 10 августа 1922 г. В. М. Викентьев был командирован за границу. В Музей он присылает отчеты, свидетельствующие об активной работе в немецких музеях, Париже, Каире, закупках книг; шлет заметки об археологических находках в гробнице Тутанхамона, о раскопках в Библе для журнала «Новый Восток» (1923. № 3, 5).

В это время в Главнауке решили объединить древневосточные коллекции под крышей Музея изящных искусств и заведующим нового Отдела сделать В. М. Викентьева[247]. В письме из Каира от 17 марта 1924 г. он пишет о готовности вернуться, хотя работа его в Египте не закончена и он остро нуждается в средствах. В музее сочли, что необходимости в приезде нет, и отправили Викентьеву 50 фунтов. Осенью 1924 г. Викентьев трижды обращается к директору музея Н. И. Романову с просьбой о помощи в предоставлении

[244] А ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 417.
[245] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–2.
[246] Там же. Л. 2–3.
[247] Там же. Д. 75. Л. 5, 9.

ему визы и денег на обратный билет в Москву[248]. Похоже, визы он так и не получил.

17 января 1926 г. В. М. Викентьев написал Н. И. Романову о своем намерении остаться в Каире. С работой ему помог великий русский египтолог В. С. Голенищев, уехавший из России еще в 1915 г. Большинство научных трудов Викентьева посвящены проблеме сравнительного изучения фольклора и литературы, публикации архаических египетских памятников, обзорам археологических раскопок.

8 февраля 1960 г. профессор Каирского университета Владимир Михайлович Викентьев скончался в Египте и был похоронен на старом греческом кладбище в русской часовне. Он тосковал по России, как показывают изредка присылаемые В. И. Авдиеву, его заместителю в МИКВ, открытки. Но если бы он вернулся, хроника его жизни, скорее всего, была бы намного трагичнее.

Трифонова Е. К.

Концепт «нация» и национальный вопрос в России в публицистике П. А. Сорокина в период Революции 1917 года

Аннотация. В статье рассмотрены идеи П. А. Сорокина о взаимосвязи национального и социального в контексте его политических и социологических воззрений. Раскрывается предложенное П. А. Сорокиным понимание федерации как универсальной формы социальной солидарности не только в рамках отдельных государств, но и в сфере международных отношений.

Ключевые слова: П. А. Сорокин, автономия, федерация, нация, революция, партия социалистов-революционеров, социальная солидарность, неопозитивизм.

The concept of nation and national question in Russia in the journalism of P. A. Sorokin during the Revolution of 1917

Abstract. In the article P. A. Sorokin's ideas about interrelation of the national and social phenomena in the context of his political and scientific theories are considered. Sorokin's concept of federation as universal form of social solidarity in national and international relations are revealed.

Keywords: P. A. Sorokin, autonomy, federation, nation, revolution, party of socialists-revolutionaries, social solidarity, neopositivism.

[248] А ГМИИ. Ф. 36. Оп. 6. Д. 6.; Оп. 1. Л. 1–5.

П. А. Сорокин принадлежит к той когорте российских интеллектуалов, наследие которых остается актуальными при осмыслении проблем современного общества[249]. Наукометрические данные об исследованиях, посвященных его творчеству, показывают, что идеи этого выдающегося социолога, связанные с разработкой им исторических и теоретических аспектов национального вопроса, находятся на периферии когнитивной системы отечественной гуманитаристики[250], хотя наиболее часто используемые для реконструкции взглядов П. А. Сорокина по этой проблематике работы публикуются в начале 1990-х годов в связи с острейшими дискуссиями о перспективах существования СССР и постсоветской России в качестве полиэтнических государств[251].

В немногочисленных исследованиях встречается неоднозначная оценка как значимости, так и сущности трактовок концепта «нация» в работах П. А. Сорокина. К исходу XX века итогом первых изысканий отечественных философов стал вывод об изменении позиции П. А. Сорокина по этому вопросу: от отрицания в 1917 г. нации как реального социального актора до признания за ней этой роли спустя полвека, в одной из своих последних работ[252]. Утверждение о том, что «национальный вопрос не только никогда не был в фокусе его исследований, но и не рассматривался им в качестве проблемной области социологии или других наук о духе», основывается на анализе только одной работы П. А. Сорокина «Проблема социального равенства», опубликованной в 1917 г. В ней и сформулировано его представление о том, что национальный принцип деления общества не является одним из наиболее фундаментальных, которое «выдает его как либерального мыслителя, в возможном противостоянии личности и группы отдающего предпочтение первой». Интерес П. А. Сорокина к теории нации объясняется социальными катаклизмами, вызванными Первой мировой войной и Революцией 1917 г. в России[253].

Что касается другой работы ученого, «Автономия национальностей и единство государства», также опубликованной, вероятно, в

---

[249] Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международ. науч. конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г. Сыктывкар, 2014.

[250] *Лазебная К. П.* Основные направления исследований творчества П. А. Сорокина в России: наукометрические и историографические данные // Наследие. 2014. № 1 (4). С. 83–93.

[251] *Сорокин П. А.* Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке // Молодая гвардия. 1990. № 10; *Он же.* Национальность, национальный вопрос и социальное неравенство // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

[252] *Кумыков А. М.* Проблема нации и национальной идентичности в социально-политической мысли русского зарубежья. Дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1999.

[253] *Тонкова Е. Г.* П. А. Сорокин о национальном вопросе как производной социального неравенства // Наследие. 2011. № 1. С. 130–141.

первой половине 1917 г., то она привлекала внимание специалистов по истории государства и права, социологов и политологов, а также историков[254].

Ее значение рассматривается в контексте влияния идей П. А. Сорокина о необходимости федерализации России среди эсеров[255]. Кроме того, ретроспективный анализ программы решения национального вопроса в революционной России, который был предложен в этой работе, рассматривает ее как актуальную и для современной России[256].

Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века», проводившаяся на родине ученого к его 125-летию в августе 2014 г., стимулировала интерес к выявлению философских и социологических аспектов его взглядов по проблемам нации[257]. Выводы о «чрезвычайной близости» или даже тождественности интегрализма Сорокина и философии евразийства, в том числе и по этому вопросу, исходят из того, что интегрализм – это итог американского периода ученого и наиболее ярко проявляется в использовании этой концепции при характеристике русской нации, представленной, как уже отмечалось выше, в одной из последних работ П. А. Сорокина.

Общим для всех работ, посвященных взглядам П. А. Сорокина по проблемам нации и национального вопроса, является игнорирование его публицистики, представленной статьями в изданиях партии эсеров «Дело народа» и «Воля народа», опубликованных в марте–декабре 1917 г.

Большая их часть была введена в научный оборот благодаря одному из инициаторов возрождения социологического образования в современной России, первому декану социологического факультета СПбГУ А. О. Бороноеву. Эта работа была продолжена профессором СыктГУ имени Питирима Сорокина В. П. Золотаревым[258].

Сто сорок три статьи П. А. Сорокина затрагивают широкий круг проблем, среди которых важное место занимает и национальный вопрос.

---

[254] *Курач Т. Л.* Государство и право в системе социологии Питирима Сорокина // Наследие. 2011. № 1. С. 142–149; *Ломоносова М. В.* Комментарии. Автономия национальностей и единство государства // Наследие. 2011. № 1. С. 106.

[255] *Жеребцов И. Л.* Питирим Сорокин и Дмитрий Батиев: параллели судьбы // Наследие. 2011. № 1. С. 107–118.

[256] *Канев А. Н.* «Автономия национальностей» П. А. Сорокина как возможность преодоления «парада суверенитетов» // Наследие. 2013. № 3. С. 44–50.

[257] *Бадмаева М. В.* Питирим Сорокин и философия евразийства // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения). С. 410–421; *Трифонова Е. К., Лабунова О. В.* Концепт «нация» П. А. Сорокина в контексте российской интеллектульной традиции XIX – начала XXI века // Там же. С. 492–499.

[258] *Сорокин П. А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000; *Он же.* Неизвестные газетные статьи 1917 г. М., 2016.

Изучение этой части наследия выдающегося социолога позволяет существенно уточнить представления молодого ученого, который в 1917 г. стремительно врывается в ряды лидеров партии эсеров. Его статьи публикуются на первой полосе эсеровских газет. Именно в этот период он получает возможность непосредственного участия в деятельности Временного правительства в качестве секретаря А. Ф. Керенского.

В первые дни революции П. А. Сорокин обращается к вопросу о значении «национально-этнического начала» в связи с перспективами послевоенного устройства мира.16 марта 1917 г. в статье «Грядущая вселенская федерация» он излагает идеи, которые на протяжении 1917 г. он развивал и конкретизировал в зависимости от быстро меняющейся ситуации в революционной России. Ключевым в понимании П. А. Сорокина принципом решения сложнейших международных и внутриполитических проблем, обусловленных существованием таких полиэтничных образований, как империи, являлась теория социальной солидарности. В соответствии с ней прогресс человечества определялся преодолением конфликтов, результатом которого становилось появление новых социальных и политических институтов, включавших все более и более обширные группы людей и снимающих существовавшие между ними противоречия. Эта теория была популярна среди западных социологов. Она являлась основой социологических исследований М. М. Ковалевского, учеником которого был П. А. Сорокин.

Итогом «расширения социально замеренных кругов» станет, по его мнению, создание «единого мирового государства». Пути решения межнациональных противоречий не только в России он рассматривает, исходя из такого представления о конечной цели прогресса.

Именно поэтому для него неприемлемым является сохранение статус-кво в международных отношениях, субъектами которых после окончания войны по-прежнему будут являться «суверенные государства», лишь изменившие свои границы, но не устранившие «государственного эгоизма».

Самоопределение народов в рамках моноэтничных государств также является шагом к «распылению», а не объединению человечества. Невозможность создания таких государств, по мнению П. А. Сорокина, связано с наличием территорий со смешанным населением и отсутствием критерия национальности. Продвижением к конечной цели – единому мировому государству (вспомним идею стоиков о космополисе) П. А. Сорокин считал расширение числа федеративных государств, создание европейской федерации («сверхгосударства»)[259].

[259] *Сорокин П. А.* Неизвестные газетные статьи 1917 г. С. 38–41.

Сохранение России как единого полиэтничного, преобразованного в федерацию государства являлось, таким образом, шагом на пути к этому идеалу и стало лейтмотивом всех размышлений П. А. Сорокина о нации и национальном вопросе в 1917 г.

Усиление сепаратизма в России, сначала в Финляндии, польских землях, Украине, затем на Дону рассматривалось им в статьях в апреле–сентябре 1917 г. как «распыление революции», «первое веяние анархии и гражданской войны, «растаскивание революционных сил», «усиление национального эгоизма», «возвращение к варварству»[260]. В своих статьях, прямо или косвенно, П. А. Сорокин полемизировал с позицией большевиков по национальному вопросу, а также с левыми эсерами, которые, по его мнению, отказались от идей народничества как основы деятельности партии. Монистической теории большевиков, упрощавшей представление о соотношении «трех линий общественного водораздела»: классовой, национальной и государственной, он противопоставляя многофакторный подход, классиками которого он считал П. Лаврова и В. Чернова[261].

Более детально П. А. Сорокин изложил свои взгляды в двух брошюрах, которые, вероятно, вышли в период с марта по июнь 1917 г., и которые, как уже отмечалось выше, наиболее часто использовались современными исследователями для анализа его взглядов по национальному вопросу.

Сравнение его взглядов, представленных в этих работах, позволяет сделать следующие выводы.

Эйфория первых дней революции отразилась в представлении П. А. Сорокина о возможности преобразования России на основе принципа «автономии национальностей». Национальность, нация и народ использовались П. А. Сорокиным как равнозначные понятия. «Самобытность» этой общности определяется под влиянием идей И. Гердера и находит проявление в «языке, обычаях, верованиях и праве». Обращаясь к опыту различных федеративных государств, он подчеркивал необходимость учитывать при федерализации России отличия в уровне развития ее многочисленных народов. Такая точка зрения отстаивалась и его наставником, выдающимся социологом и одним из столпов российского либерализма М. М. Ковалевским. Общность позиции П. А. Сорокина со взглядами кадетов о принципах «автономизации» России проявилась и по вопросу о полномочиях автономных областей. Они должны были превышать полномочия, существующего тогда в России органов городского земского управления[262].

---

[260] *Сорокин П. А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика.СПб., 2000. С. 34–36, 72–75.

[261] Там же. С. 87.

[262] *Сорокин П. А.* Автономия национальностей и единство государства. Пг., 1917. С. 2–12.

Нарастание центробежных тенденций в России привело к активизации национальных движений, что, как уже отмечалось, крайне негативно оценивалось П. А. Сорокиным. Возможно, что для того, чтобы показать несостоятельность аргументации противников сохранения единого полиэтничного Российского государства, П. А. Сорокин и предпринял попытку на теоретическом уровне развенчать укоренившиеся к исходу второго десятилетия XX в. в интеллектуальной традиции Европы многочисленные определения нации. Теоретической основой его анализа стал неопозитивизм. Многофакторность в интерпретации М. М Ковалевского предполагала понимание фактора не как субстанции, а как функциональной связанности причин. Фактор выступал как методологически независимая переменная. Логика критических рассуждений П. А. Сорокина подчинена доказательству того, что все существующие к тому моменту трактовки нации отталкиваются от абсолютизации одного фактора, что не подтверждается эмпирической реальностью. Более того, нация предстает как совокупность ряда факторов; выявить конкретную единичную субстанцию нации невозможно. Первоосновой всех социальных феноменов выступает человек во всем многообразии его социальных ролей и функций[263].

Такая позиция давала обоснование для подтверждений характерного для народничества представления о том, что приоритетным является ликвидация всех форм социального неравенства на основе равенства прав. Несмотря на то, что такой подход соответствовал идеям эсеровской идеологии, для которых политическая свобода и политическая демократия составляли основу их программы, позиция П. А. Сорокина была подвергнута критике на третьем съезде партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 г.) как политически нецелесообразная[264].

В сентябре–первой половине октября 1917 г. он констатирует распад России как единого государства и подчеркивает, что это грозит ей разгромом в результате наступления Германии. Таким образом, единство Российского государства в период революции 1917 г. рассматривалось им как условие существования свободного государства. Поддержка левыми эсерами требований Стокгольмской конференции о преобразовании России на основе самоопределения наций рассматривалась им как шаг, ведущий к ее разделу в интересах Германии и Австро-Венгрии, так как в отличие от России они сохраняли свою целостность. Таким образом, П. А. Сорокин апеллировал

---

[263] *Сорокин П. А.* Национальность, национальный вопрос и социальное неравенство // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 245–248.

[264] *Трифонова Е. К., Лабунова О. В.* Концепт «нация» П. А. Сорокина в контексте российской интеллектульной традиции XIX–начала XXI веков // Там же. С. 494–495.

к получившей распространение в российском обществе точке зрения о большевиках как о немецких агентах[265].

После победы большевиков их критика в решении национального вопроса П. А. Сорокиным усилилась. По его мнению, в итоге Россия превратилась из великой державы в колонию. Реакцией на исчезновение России как государства, прежде всего русского народа, стала борьба против большевиков на Украине и среди казачества. Распад России, дезинтеграция ее как единого экономического пространства привели П. А. Сорокина в конце декабря 1917 г. к отказу от принципа автономии национальностей, который он пропагандировал в начале революции. По его мнению, единственной перспективой в случае выживания России по-прежнему должна являться федерация. Однако ее основой должны стать отдельные территории, представляющие собой единое экономическое пространство[266]. Можно предположить, что такой подход стал результатом влияния кадетской программы решения национального вопроса[267]. Кроме того, дальнейшего исследования требует сравнение этой позиции П. А. Сорокина со взглядами его ближайшего друга и единомышленника, выдающегося экономиста Н. П. Кондратьева.

Таким образом, на протяжении 1917 г. П. А. Сорокин пропагандировал создание федерации как единственный вариант решения национального вопроса в России. Менялись лишь его представления о принципах ее преобразования. Эти изменения во взглядах П. А. Сорокина обуславливались переменами во внутри- и внешнеполитическом положении страны. Представление ученого и политика о государствообразующей роли русского народа наиболее ярко проявились после победы большевиков и отражали его оценку их политики как антинациональной и антигосударственной. Создание России как полиэтничного федеративного государства, по мнению П. А. Сорокина, являлось шагом на пути прогресса, к достижению вечного мира.

Челнокова А. Ю.

Война и революция в религиозно-философской и политической публицистике С. Л. Франка

Аннотация. Семен Людвигович Франк, великий русский философ, в период с 1914 по 1923 г. пишет серию политических и религиозно-философских статей, в которых размышляет о Первой миро-

[265] *Сорокин П. А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., Алетейя, 2000. С. 34–36, 72–75.

[266] Там же. С. 249–250.

[267] *Спирин Л. М.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 134–135.

вой войне и Революции 1917 г. в России, особое внимание уделяя смысловому содержанию этих эпохальных событий.

Ключевые слова: С. Л. Франк, два вида демократии, пассивность религиозной культуры, выбор России, политические перемены.

War and revolution in S. L. Frank's religious-philosophical and political journalism

Abstract. Semen Lyudvigovich Frank, the great Russian philosopher, in the period of 1914–1923 wrote a series of political and religious-philosophical articles, in which reflects on the First world war and the 1917 Revolution in Russia, paying special attention to the semantic content these momentous events.

Keywords: S. L. Frank, two types of democracy, passivity of religious culture, Russia's choice, political change.

Отношение к войне было главным вопросом для российской интеллигенции. П. Б. Струве собрал у себя на квартире группу авторов «Русской мысли» для дискуссии о войне. Религиозный философ Д. В. Болдырев назвал ее «христианской войной», другой мыслитель, Д. Муретов, отстаивал этику национализма, а историк Е. Д. Гримм окрестил войну зоологической борьбой за выживание. С. Л. Франк говорил о необходимости быть верным абсолютным нравственным принципам[268]. П. Б. Струве придерживался империалистического взгляда на войну, хотя никогда не одобрял антигерманских настроений: «Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание»[269].

В 1914–1915 гг. С. Л. Франк публикует в «Русской мысли» серию статей «О поисках смысла войны», «О духовной сущности Германии», «Мобилизация мысли в Германии». Франк размышляет о том, что Россия права, ведя эту войну, но истолковывать войну как битву двух национальных идей нельзя: «...Война идет не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа – и его хулителями и разрушителями. Лишь в этом сознании можно обрести истинное оправдание великой европейской войны»[270].

Начало Февральской революции Франк приветствовал: «Первые дни революции были ярко окрашены духом благородства. Народная душа, после пронесшейся грозы, прояснилась, подобрела, облагородилась; стало легко дышать, люди стали внимательнее и вежливее

---

[268] *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 105.
[269] *Струве П. Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 107.
[270] *Франк С. Л.* О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 132.

друг к другу... Во главе России стали лучшие русские люди, дорогие, всеми ценимые имена»[271].

Падение монархии не огорчило Франка, его привлекала идея преобразования России в общество, основанное на принципах права и демократических выборов. Вместе с тем, Франк с большой тревогой наблюдал за развитием революционных событий. Свое беспокойство он выразил в статье «Демократия на распутье», опубликованной в первом номере журнала «Русская свобода», который начал издавать П. Б. Струве в марте–апреле 1917 г.

Франк рассуждает о том, что произошла замечательная революция, объединившая в одно движение столь разные группы, как националисты и эсеры. Однако теперь Россия оказалась перед выбором между двумя нравственными путями, двумя совершенно разными видами демократии: «Демократия может осуществлять религиозный идеал народовластия, как всенародного свободного строительства высшей правды на земле. Для этого идеала власть народа есть не самоуправство, не самодавлеющее хозяйничание народа, не ведающего узды для своих вожделений, а такое же бескорыстное, самоотверженное, ответственное служение высшей правде, каким должна быть всякая власть...

Другой путь есть путь материалистического жизнепонимания. Для него демократия есть лишь средство, чтобы сделать народ хозяином материальных благ страны и тем дать ему сполна насладиться жизнью. Власть есть здесь для народа лишь его право и могущество, а не обязанность и служение. В своем осуществлении этот путь обожествления народа и его материальных интересов ведет, с одной стороны, к жестокой якобинской тирании некультурных масс над образованными слоями общества: с другой стороны, он ведет к разнузданию эгоистических страстей... Это есть путь ненависти и произвола, путь разнуздания темных, низменных инстинктов. Можно с уверенностью предсказать, что если дело фанатиков, идейно организующих классовую ненависть, осуществиться до конца, они сами будут в конечном итоге сметены уже чисто стихийной волной пугащевщины»[272].

По мнению Франка, большевики воплощали тот же дух беззакония, что и немцы во время войны. И те и другие верили в превосходство насилия. «„Сила выше права", „все решит бронированный кулак" – лозунг ли это одного лишь германского императора? Разве мы не видели на этих днях, на улицах Петрограда, как этот лозунг в русском переводе красовался на автомобилях, нагруженных малень-

---

[271] *Франк С. Л.* О благородстве и низости в политике // Русская свобода. 1917. № 2. С. 28.

[272] *Франк С. Л.* Демократия на распутье // Русская свобода. 1917, март, № 1. С. 15–16.

кими русскими Вильгельмами, которые напоминали своим врагам о расправе „булатом"»?[273].

«Русская революция никем не была подготовлена, – писал он, – она осуществилась как-то чисто рефлекторно; ее совершили не люди, а инстинкт народной души»[274]. В русской душе, полагал Франк, происходила битва между силой и правом.

В июне 1917 г. Франк пишет короткую статью «Мертвые молчат», в которой утверждает, что революцию вызвала память о павших в Первой мировой войне. Эта память, по его словам, жива в народной душе и непременно связывается с образом родины, за которую павшие пожертвовали собой. Смерть их неотомщена и неоплачена, размышляет Франк, но если теперь их жертву перестанут уважать, если новая нация, живущая благодаря этой жертве, позволит «демократизированное мародерство», «бессмысленный и бессовестный пир на их кладбище», они могут страшно отомстить, – можно «в каждое мгновение... ждать нового внезапного сотрясения исторической почвы, которое в своей стихийной слепоте может разрушить и стереть с лица земли не только зло, но и добро всей нашей новой жизни»[275].

События октября 1917 г. С. Франк сравнивал «с грозными, полными библейского ужаса мировыми событиями внезапного разрушения великих древних царств»[276].

Такое ощущение философ передает в одной из важнейших своих статей «Deprofundis», вошедшей в сборник публицистики «Из глубины», который, по сути, представлял собой продолжение знаменитых «Вех» и создавался по инициативе П. Б. Струве как выражение оппозиции большевизму.

Авторы сборника подвели итоги произошедшей пролетарской революции и предрекли катастрофу гражданской войны. В целом статьи носили различный характер, но через всю книгу красной нитью проходили религиозная и национальная темы, а также скорбь о судьбе, постигшей Россию. Это была реакция на то, что Франк назвал «самоубийством великого народа»[277].

Основная мысль политической статьи Франка заключалась в том, что Россия скатилась в духовную пропасть и нуждается в воскрешении. Интеллектуальная концепция: революция – следствие секуляризации европейского общества. Однако Франк считал, что у Рос-

---

[273] *Франк С. Л.* Нравственный водораздел в Русской революции // Русская свобода. 1917. № 2. С. 27.

[274] Там же. С. 35.

[275] *Франк С. Л.* Мертвые молчат // Русская свобода.1917. № 7. С. 17.

[276] *Франк С. Л.* De Profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 301.

[277] Там же. С. 311.

сии, в отличие от Запада, нет глубоких духовных традиций, которые служат корнями западных реформ и придают им стабильность.

По мнению философа, у русского либерализма и консерватизма одни и те же слабости. Оба недостаточно опираются на глубокий духовный мир. Франк полагал, что политический мир – не главная сила в истории; политические партии, правительство и народы не являются целью жизни. Скорее, они – продукт жизни, основанной на истинных началах. По Франку, либералы и консерваторы могут иметь один и тот же духовный фундамент, несмотря на то, что их партии выражают различные взгляды. Политические партии сами по себе не имеют фундаментального значения. Главное – на какие начала они опираются.

Недостаток духовных начал в образе мыслей политических партий, по мнению Франка, усугубляется пассивностью религиозной культуры: «Русское религиозное сознание постепенно уходило от жизни и из жизни, учась и уча терпеть и страдать, а не бороться и творить жизнь; все лучшие силы русского духа ушли на страдание и терпение, пассивность и бездеятельные мечтания... Русский религиозный дух с давних пор перестал поддерживать людей в их повседневных трудах, перестал питать их мирские экономические и правовые отношения нравственной энергией».

Это означало процесс насаждения бездуховности: «Здоровый и в основе реалистический инстинкт народа оторвался от духовного корня жизни и стал находить удовлетворение в неверии, в чисто отрицательной освобожденности»[278]. Интересно, что Франк говорит здесь не о церкви, а о религиозном духе народа. Это соответствует не только его философии, но и его теологии: сущность церкви составляет не институт как таковой, а религиозный дух, лежащий в его основе.

Политика, пишет Франк, зависит от двух вещей: вдохновенного меньшинства, берущего на себя руководство, и нравственного, интеллектуального, культурного состояния масс: «Общий политический итог всегда, следовательно, определен взаимодействием между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства»[279].

Таким пониманием природы политической власти проникнута его статья «Из размышлений о русской революции», где главным образом говорится о необходимости обращения к духовным основам народа: «Только тот сможет победить революцию и свергнуть установленную ею власть, кто сможет овладеть ее внутренними силами и направить их на рациональный путь. Только тот, кто сможет – как в свое время большевики – найти отправную точку для собственных

---

[278] *Франк С. Л.* De Profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 327–328.

[279] Там же. С. 314.

устремлений... только тот сможет победоносно утвердить собственные политические идеалы»[280].

В этом смысле Франк видел силу большевиков в их великом умении овладевать общественным сознанием страны и использовать его. Сущность революции, писал он, – «преодоление одной веры другою»[281], и, добившись этого, большевики сумели завладеть умами населения и захватить власть.

В более поздних работах «Крушение кумиров» (была написана летом 1923 г.) и «Смысл жизни» (была закончена в Берлине в августе 1925 г.) Франк предпринял попытку определить причины трагических событий в России и наметить некий новый путь.

Обе книги по большей части повторяют основные темы «Вех» и религиозной философии Франка. Автор заявляет, что упор на внешние, а не на внутренние преобразования и главенство политических перемен над духовными приводят к обожествлению мирских целей и заканчиваются в итоге тиранией. Боги современного мира – революция, политика, общество и культура. Их нужно заменить единым истинным Богом... Единственная настоящая цель есть Бог...

Яковлева С. И.

Дискуссионные проблемы Российской революции 1917 года в трудах П. А. Сорокина

Аннотация. В статье на основе анализа работ П. А. Сорокина рассматриваются хронологические рамки, типические фазы, причины, определение понятия революции; продолжительность и содержание двоевластия; причины победы и политической силы большевиков в 1917 г.

Ключевые слова: П. А. Сорокин, фазы и понятие революции, причины революции 1917 г.

Controversial issues of the Russian Revolution of 1917 in P. A. Sorokin' works

Abstract. The article, based on the analysis of the Pitirim Sorokin's works, examines chronological framework, typical phases, causes, definition of «revolution»; duration and content of the period of «dual power»; reasons for the victory and political power of the Bolsheviks in 1917.

Keywords: P. A. Sorokin, phases and definition of «revolution»; causes of the Russian revolution of 1917.

---

[280] *Франк С. Л.* Из размышлений о Русской революции // Русская мысль. 1923. № 6–8. С. 256.

[281] Там же. С. 258.

Российская революция 1917 г. ее истоки, причины, продолжительность, последствия для судеб страны и мира по-прежнему вызывают интерес и дискуссии исследователей. Представляет несомненный интерес трактовка событий 1917 г. П. А. Сорокиным – непосредственным очевидцем и активным участником революции, с одной стороны, и ученым-социологом – с другой. Свои воспоминания об этом периоде автор озаглавил «Бойня: революция 1917 г.»[282]. Впоследствии им была создана собственная концепция революции, изложенная в книге «Социология революции»[283].

Революция вовлекла Сорокина в самую гущу политических событий. В 1917 г. он был членом партии социалистов-революционеров (вступил в нее в 1906 г.), причем занимал позиции «социал-патриотов», или «оборонцев», которым противостояли «интернационалисты». Вспоминая эти споры через полстолетия, Сорокин писал: «Если бы в 1915–1917 гг. я имел свои нынешние представления о большинстве правительств мира, включая и советское, как о циничных, маккевиалистических, национально-эгоистических, хищных, недальновидных машинах власти – я бы вполне возможно примкнул бы к „интернационалистам"»[284]. После решения Петроградской конференции эсеров (22 апреля) о необходимости прекращения войны и образования коалиционного правительства П. А. Сорокин вышел из редакции ЦО ПСР «Дело Народа», одним из редакторов которого он являлся в марте–апреле 1917 г. Более того, он стал одним из создателей и главным редактором газеты «Воля Народа», которая стала главным органом правого крыла эсеров. Таким образом, апрельский кризис и его последствия окончательно оформили раскол в партии эсеров. П. А. Сорокин окончательно солидаризируется с правыми и дистанцируется от левых.

Оказавшись в положении, когда его взгляды не совпадают с мнением большинства как в партии, так и в Советах, Сорокин направляет свои усилия на организацию Всероссийского съезда крестьян, «который должен был бы послужить контрбалансом столичному Совету бездумных рабочих и солдат»[285]. Он пишет о съезде: «Крестьянский съезд начал свою работу, собрав почти тысячу реальных представителей крестьянства и солдат». Настроения крестьян он оценивает как несравненно более сбалансированные и здравые, чем рабочих и солдат». П. А. Сорокин был избран в Исполком Всероссийского съезда крестьянских депутатов, делегирован им в Особое совещание по подготовке Положения о выборах в Учредительное

---

[282] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. // Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

[283] *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2005.

[284] *Голосенко И. А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991. С. 101.

[285] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. // Человек, цивилизация, общество. С. 231.

собрание. 20 июля было сформировано новое, второе коалиционное правительство во главе с А. Ф. Керенским. Глава правительства предложил П. А. Сорокину на выбор три поста: товарища министра внутренних дел, директора русской телеграфной службы и секретаря премьер-министра. «После надлежащих размышлений я остановил свой выбор на последнем, хотя и очень сомневался, что при нынешних условиях смогу оказать большую службу стране. В этом смысле, как помощник Керенского, я, пожалуй, смог бы сделать максимум возможного»[286]. Однако вскоре Сорокин приходит к заключению, что информативные обзоры о ситуации в стране, подготовленные для Керенского, он делает зря, так как премьер «не предпринимал никаких конструктивных действий, занятый вместо этого обрамлением резолюций для несуществующего правительства».

П. А. Сорокин «выламывался» из коллективного портрета типичного революционера. Да, в его жизни были кружки, подполье, тюрьма, вера в республику, но он был свободен от узкого фанатизма и нетерпимости и никогда не жил обособленно от прочих людей и народа[287]. Особенностью П. А. Сорокина было и то, что благодаря своим учителям, прежде всего М. Ковалевскому, он общался с представителями и лидерами различных партий, не только революционных, но и либеральных. Понятно, что Питирим Сорокин не мог быть беспристрастным в исследовании и описании потрясений и трагических последствий русских революций, но в то же время, как сложившийся исследователь, крупный ученый, он дает всесторонний и глубочайший анализ этих событий в жизни общества – их причин и предпосылок, деформации поведения людей, деградации населения, раскола в социальной структуре, радикальных перемен в управлении, в экономических процессах, в духовной жизни общества[288].

Российскую революцию 1917 г. П. А. Сорокин относит к числу великих, эпохальных революций, в каждой из которых просматриваются три типические фазы. В 1917 г. он был участником и наблюдателем первой и второй фаз. Согласно мнению П. А. Сорокину, первая фаза характеризуется «радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ». На смену ей приходит вторая, деструктивная фаза. В третью, конструктивную фазу, русская революция вступила лишь в конце 1920 г. Таким образом, события 1917 г. автор рассматривает как составную часть единой революции, хронологические рамки которой – 1917–1923 гг. В то же время он использует понятия «Февральская революция», «Октябрьская революция».

---

[286] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. // Человек, цивилизация, общество. С. 239.
[287] *Голосенко И. А.* Указ. соч. С. 92.
[288] *Яковец Ю. В.* Анатомия и физиология революции: истоки интегрализма // Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 5–6.

В современной литературе продолжается дискуссия о понятии «революция». На основе анализа русских революций 1917–1923, 1905 гг., Французских революций – 1870–1871, 1848, 1789 гг., Германской 1848 г., Английской революции XVII в., ряда средневековых и античных революций, которые, действительно, обнаруживают ряд сходств и общих закономерностей, П. А. Сорокин дает определение понятию «революция». Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменения в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора. В-третьих, это деформация всей структуры общества. В-четвертых, революция привносит сдвиги в фундаментальные социальные процессы[289].

Вторую революцию в России ожидали и прогнозировали все политические силы, тем не менее, началась она неожиданно и стихийно, без явного руководства каких-либо политических партий и партийных лидеров. Растерянность и неопределенность первых часов и дней революции находят подтверждение в дневниковых записях П. А. Сорокина. На его вопрос, обращенный к депутату формирующегося Совета рабочих и солдатских депутатов: «кто-нибудь пытается возглавить революцию?», он получает ответ: «Никто. Она развивается совершенно спонтанно»[290]. Подтверждается этот тезис и в «Социологии революции»: «Революцию никто специально не готовил, но все ждали, как стихию, не зная ни дня, ни часа ее прибытия. Как стихия – она и пришла...»[291].

Дискуссии по-прежнему вызывает вопрос о причинах российской революции. Основываясь на бихевиористской методологии, П. А. Сорокин исследовал поведение людей в революционные периоды. Необходимыми и достаточными условиями наступления революций он считал: 1) рост ущемления «главных инстинктов», 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов[292]. Применяя свою теорию к российской действительности, автор пишет: «Что мы имели перед русской революцией 1917 г.? 1) Сильнейшее ущемление инстинктов индивидуального самосохранения у 15–16 миллионов мобилизованных солдат, производимое ужасающей войной, ее смертоносностью, холодом, голодом, окопами, лишениями и т. д. 2) Сильнейшее ущемление инстинктов группового самосохранения у 90 % населения, вызванное неудачами войны, бездарностью власти и даже изменой ее агентов. 3) Сильнейшее ущемление инстинктов пищевых, вызванное расстройством на-

[289] *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 32.
[290] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. С. 225.
[291] *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 386.
[292] Там же. С. 323.

родного хозяйства и ростом голода в городах, резко выявившимся в конце 1916 г. 4) Сильнейшее ущемление „инстинктов свободы" военными положениями, введением для всей России с 1914 г. военной цензуры, военными судами, произволом агентов власти и т. д. 5) Ущемление рефлексов собственности, вызванное обеднением обширных групп населения в ходе войны (рабочих, государственных чиновников, интеллигенции, части буржуазии и крестьян), с одной стороны, и обогащением небольшой кучки спекулянтов, нажившихся на войне, – с другой, ростом вмешательства власти в регулирование имущественных отношений, – с третьей (государственный контроль промышленности, твердые цены на хлеб, как всегда отстававшие от рыночных и т. д.). 6) Ущемление» „половых рефлексов" населения распутством на верхах и „распутинством"»[293].

Для наступления революции необходимо не только массовое ущемление основных инстинктов, но также наличие второго условия – недостаточного и неумелого торможения революционного взрыва, стимулируемого ущемленными инстинктами. Под недостаточностью и неумелостью торможения Сорокин подразумевает неспособность власти и правящих групп: а) противопоставить усиливающемуся давлению ущемленных инстинктов контрдавление, уравновешивающее первое; б) удалить или ослабить причины, вызывающие «ущемление»; в) разбить и разделить «ущемленные» группы на части, противопоставить их друг другу (divide et impera) и тем самым ослабить противника; г) дать выход другим ущемленным инстинктам в формах не революционных[294].

Предреволюционные эпохи просто поражают исследователя бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление инстинктов, ни канализировать его в формах, отличных от революции. Все предреволюционные правительства отмечены печатью какой-то «бледной немочи». Импотентность, нерешительность и колебание, неумелость, растерянность, легкомысленная беззаботность, с одной стороны, испорченность, развращенность и изнеженность, с другой, – таковы черты предреволюционных правящих классов. А разве не то же самое происходило перед началом русской революции? Николай II – копия Людовика XVI. Александра Федоровна – копия Марии-Антуанетты. Придворные, все эти дряхлые Горемыкины, бездарные Штюрмеры, психически больные Протопоповы, сексуально-ненормальные Вырубовы и т. д. – что все это, как не ухудшенная копия придворных Людовика XVI?

---

[293] *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 385–386.
[294] Там же. С. 394.

Ни одного волевого и умного министра; перед нами собрание физических и психических «импотентов», бездарных правителей, изнеженных и цинических карликов[295].

В своем дневнике П. А. Сорокин пишет о формировании двоевластия. 28 февраля, после разговора с членом Исполкома Думы И. Н. Еферемовым, П. А. Сорокин приходит к выводу: «борьба между Комитетом и Советами началась всерьез и... двоевластный контроль над ходом революции – факт объективной реальности». А 1 марта он выражает неуверенность в правоте А. Ф. Керенского, выступившего посредником между Советами и Временным правительством. Уже на третий день революции Сорокин приходит к выводу: «двойственное правление Временного правительства и экстремистов из Советов не продлится долго. Одна сила должна поглотить другую. Но кто кого? Для меня было очевидно, что Советы». Констатируя оформление двоевластия, он выступает за поддержку Временного правительства. На первом собрании старых членов партии, состоявшемся в начале марта, он «отверг предложение экстремистского крыла и постарался уговорить собравшихся принять резолюцию о поддержке правительству»[296]. За нее и проголосовало большинство.

Весьма своеобразно Сорокин интерпретирует и события конца апреля 1917 г., известные как апрельский кризис Временного правительства. Вот его запись от 21 апреля: «Правительство заявило об отставке Милюкова. А это значило, что правительство пало, ибо первая уступка толпе и большевикам свидетельствовала о конце Временного правительства»[297]. Подобное высказывание можно интерпретировать как признание окончания двоевластия, хотя автор и не пишет об этом прямо. Последствия апрельского кризиса оказались значительными как для дальнейшего хода событий в революционной России, так и для самого Сорокина. В начале мая в России было образовано первое коалиционное правительство с участием представителей социалистических партий меньшевиков и эсеров, которые получили 7 из 18 портфелей. За коалиционное Временное правительство высказалась сначала Петроградская конференция (22 апреля), а затем и III съезд партии эсеров (конец мая 1917 г.).

Вопрос об окончании двоевластия по-прежнему вызывает споры как в отечественной, так и зарубежной историографии. В исторической литературе высказываются следующие точки зрения по поводу его конечного рубежа: 1) в октябре 1917 г., с приходом к власти большевиков и арестом членов Временного правительства; 2) в июле 1917 г., в результате июльского кризиса Временного правительства;

---

[295] *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 395–398.
[296] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. С. 226, 228, 229.
[297] Там же. С. 232.

3) в конце апреля 1917 г. Наиболее обоснованной представляется точка зрения З. Галили[298], которая утверждает, что двоевластие закончилось в апреле, так как вхождение социалистов в правительство ставило под вопрос сам принцип двоевластия. Таким образом, мнение П. А. Сорокина по данному вопросу существенно отличается от вышеизложенных по сути, так как он оценивает окончание двоевластия именно с точки зрения поражения Временного правительства, а не вхождения в него представителей социалистических партий.

26 августа, когда генерал Корнилов предъявил Керенскому ультиматум с требованием передать ему всю военную и гражданскую власть, П. А. Сорокин оценивает как «день катастрофы, титанического катаклизма». Политические противники Корнилова события конца августа называли «заговором», контрреволюционным мятежом. Другие современники, к числу которых следует отнести и П. А. Сорокина, полагали, что это был не неудавшийся «сговор Керенского с Корниловым». «Для меня вся корниловская афера виделась трагедией, а его мотивы... были абсолютно чистыми и патриотичными. Они были совершенно далеки от контрреволюционной идеи»[299]. В то же время П. А. Сорокин принял активное участие в деятельности созданного 27 августа Комитета народной борьбы с контрреволюцией, куда он был избран. В этот чрезвычайный орган вошли и большевики, и мы, констатирует автор, «оказались в ненормальной ситуации сотрудничества с „красными"».

Современники и исследователи, независимо от оценки характера событий конца августа, единодушны в том, что последствия случившегося были велики: во-первых, были дискредитированы «правые», окончательно потерявшие доверие масс. Подрыв авторитета офицерства, сочувствовавшего Корнилову, усиливал развал армии; во-вторых, политический урон понесли меньшевики и эсеры, долгое время выступавшие за сотрудничество с «правыми»; в-третьих, вырос авторитет партии большевиков, произошла большевизация Советов (31 августа Петроградский, 5 сентября – Московский Советы впервые приняли большевистские резолюции). Провал «правой» альтернативы не снимал задачу наведения порядка в стране, но теперь это могли сделать лишь «левые», которых возглавляли большевики. В этом смысле можно говорить о том, что поражение Корнилова открывало путь для завоевания власти большевиками. Именно это с сожалением и констатирует П. А. Сорокин: «Теперь триумф большевиков становился делом времени. Правительство, утратившее доверие среди всех несоциалистических сил, повисло на волоске, и его падение было предначертано».

---

[298] *Галили З.* От группы кружков до зенита политического влияния. М., 1993.
[299] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. С. 241.

Приход к власти большевиков был вполне ожидаем П. Сорокиным. «Наконец, наступил хаос. Большевики победили. Все было предельно просто», – пишет он 25 октября. Тем не менее события 25 и 26 октября настолько потрясли Сорокина, что он написал первую статью «о захватчиках, клеймя позором убийц, бандитов и грабителей». Причем статью он подписал своим полным именем, осознавая насколько это опасно, вопреки протестам своих друзей. «Пускай так останется, – заявил я им, – в любом случае мы все перед лицом смерти»[300].

Причины победы большевиков П. А. Сорокин рассматривает не столько как их заслугу, сколько как слабость сил, противостоящих им, – Временного правительства и умеренных социалистов, возглавивших Советы. Вот что он писал о правительстве еще в марте: «Правительство? Лучше ничего не говорить об этих людях. Они были высокого самомнения и идеалистически настроены, они не знали даже основ грамоты науки управления. Они не всегда сознавали, что творят, а если и знали, чего добиваются, то никогда не доводили до конца». Тогда же, в марте, по отношению к Советам правительство «вело себя в равной мере наобум и беспомощно... с каждым днем Временное правительство теряло под собой почву». И эти суждения были высказаны еще за месяц до начала первого, апрельского, кризиса Временного правительства. Такое же критическое отношение мы видим у Сорокина и в отношении Советов. «Советы, вербованные из таких „героев" (имеются в виду бывшие политзаключенные, вернувшиеся из ссылок и тюрем), буквально на глазах теряли чувство реальности... Речи их лидеров и манеры вести себя были наполнены помпезным абсурдом. Казалось, у них нет ни толики чувства юмора, ни способность увидеть весь комизм своей позы со стороны»[301]. В то же время П. А. Сорокин признает, что политическая сила большевиков заключается в их способности поддерживать и использовать все жестокие, преступные и деструктивные инстинкты толпы, создавая условия для их разрядки, а потом обуздания их. П. А. Сорокин осудил большевистский переворот, не принял Октябрьскую революцию. Вместе с тем в конце своей жизни в специальной статье он развернул серию аргументов в доказательство того, что победа большевиков, совершенно не скрывающих своих целей относительно захвата государственной власти, была в известной степени закономерной и даже неотвратимой.

После Октября все политические надежды П. А. Сорокина связывались с Учредительным собранием, которое он, как и многие оппоненты большевиков, рассматривал как последний шанс демократического развития страны. Он был избран депутатом от Вологод-

---

[300] *Сорокин П. А.* Бойня: революция 1917 г. С. 241–242.
[301] Там же. С. 230–231.

ской губернии и набрал более 90 % голосов. После роспуска Учредительного собрания и ареста П. А. Сорокин оставляет политическую деятельность, занимается наукой и преподает. Однако в сентябре 1922 г. под угрозой нового ареста и гибели он, как и многие другие интеллектуалы, вынужден был покинуть страну.

Анализируя причины и природу революции, Сорокин приходит к заключению: вместо революционных путей и экспериментов есть другие пути улучшения социальных условий и проведения смелых реформ. Эти пути сводятся к следующему канону социальной реконструкции.

1. Никакая реформа не должна насиловать человеческую природу и противоречить основным ее инстинктам. Русский коммунизм, как и большинство революционных опытов, пример обратного.

2. Любая реформа должна считаться с реальными условиями. Большинство революционных реформ представляют собой грубое нарушение этого условия.

3. Практическому осуществлению реформы должно предшествовать внимательное изучение положения дел и конкретных условий. Революции полностью игнорируют и это условие.

4. Реформационный опыт должен быть испробован сначала в малом масштабе и только тогда, когда в этом малом масштабе он даст положительные результаты, возможен переход к опытам в большом масштабе. Революции, конечно, игнорируют это условие.

5. Реформы должны проводиться только легальными и конституционными методами, элемент насилия должен в них отсутствовать или допустим в совершенно ничтожном размере. Революции – полное отрицание этого правила. Несоблюдение этих правил обрекает всякую попытку реформы на большую или меньшую неудачу[302].

---

[302] *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 35.

Раздел 7

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Борисенко В. В.

Информационно-пропагандистское воздействие на население во время Великой русской революции (на примере революционного плаката)

Аннотация. Рассматривается значение плакатного искусства как основного оперативного и мобильного средства воздействия на умы населения в годы Великой Российской революции, которое использовали в своих целях все политические силы. Показана роль плаката в формировании в массовом сознании политических мифов. Делается вывод о важной мобилизационной и информационной функции плаката в условиях малограмотности большинства населения России в начале XX в.

Ключевые слова: пропаганда, партийная агитация, общественное сознание, плакат, политический миф, мобилизация

The impact of propaganda on the population during the Great Russian Revolution: a study of the Revolutionary poster

Abstract. The significance of poster art is considered as the main operational and mobile mean of influence on minds of the population during the Great Russian Revolution. It was used by all political forces. The role of poster in the formation of political myths in the mass consciousness is shown. The conclusion is made about the important mobilizational and informational function of poster considering the illiteracy of the majority of the population of Russia at the early 20th century.

Keywords: propaganda, party agitation, public consciousness, poster, political myth, mobilization.

В современном мире роль информации представляется настолько важной с точки зрения достижения определенных политических целей, а способы, методы и приемы ее подачи до такой степени многообразны, что сначала ученые, а за ними и политики с полным основанием заговорили об информационных войнах[1]. События начала третьего тысячелетия в разных частях планеты показывают, что с помощью определенным образом поданной информации можно убедить в правильности принятых решений не только население своей страны, но и мировое сообщество, авторитетные международные организации. Поэтому в последние десятилетия все более востребованными становятся научные оценки влияния политической агитации и пропаганды на современников.

Говорить, что информационное воздействие на умы людей является изобретением только последнего времени, нельзя. Уже в конце XIX века французский психолог и социолог Г. Лебон опубликовал свою знаменитую работу «Психология народов и масс», в которой довольно подробно и убедительно показал особенности психологического восприятия информации населением той или иной страны и методику воздействия на массовое сознание[2]. С 20-х годов XX века У. Липпман[3], Г. Лассуэлл[4] и другие американские ученые начали изучать технику целевой направленности пропаганды, в том числе через средства массовой информации. Результатом их работы стало представление о пропаганде как о мощном и крайне эффективном методе манипуляции общественным сознанием. Современный российский социолог и политолог С. Г. Кара-Мурза сравнивает ее с войной «небольшой, хорошо организованной и вооруженной армии чужеземцев против огромного мирного населения, которое к этой войне не готово»[5], подчеркивая, тем самым, что успех определяется не количественными, а качественными показателями.

Такое сравнение представляется закономерным. Война, как и любое другое масштабное потрясение, например революция, затрагивает интересы больших масс населения. Участие как отдельного человека, так и значительных масс людей в столь масштабных событиях, готовность идти на жертвы, включая собственную жизнь, ради достижения определенных целей во многом определяется грамотной мотивацией. Поэтому особый интерес для исследователя представляет изучение форм и методов пропагандистского воздействия

---

[1] *Волковский Н. Л.* История информационных войн: в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 2.

[2] *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.

[3] *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.

[4] *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. М.; Ленинград: Государственное издательство, 1929.

[5] *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2005. С. 56.

на общественное сознание именно во время крупных исторических событий. Революция начала XX в. в Российской империи не является исключением.

Современные возможности для формирования общественного мнения в годы Великой революции в России отсутствовали, однако инструментарий для проведения такой работы был довольно широк – печатные СМИ, пропагандистские плакаты, музыкальные произведения, художественная литература. В условиях безграмотности подавляющего большинства населения империи в пропаганде борьбы против царизма, а затем и за построение нового общества социальной справедливости наибольший эффект имели создаваемые зрительные образы. Самым мобильным и оперативным средством их распространения были журнальные и газетные рисунки, а также плакаты, снабженные коротким, энергичным текстом, понятным массам и призывающим к действию. В. Полонский, которого можно назвать первым исследователем советского революционного плаката, в первых же строчках своей монографии 1925 г. отмечал, что в истории пролетарской революции плакат сыграл немалую роль[6].

В становлении российского плакатного искусства важную роль сыграли лубо́чные картинки XVIII–XIX веков, сатирическая журнальная графика и рекламные объявления конца XIX–начала XX века. О популярности плаката свидетельствует проведенная в 1897 г. в Петербурге первая Международная выставка афиш, на которой было представлено 700 плакатов из 13 стран мира[7]. Но они, по сути, представляли собой рекламную продукцию. В качестве государственного агитационного и пропагандистского инструмента (с соответствующим финансированием) плакат начал широко использоваться в годы Первой мировой войны. По мнению ряда современных российских ученых именно с этого времени ведет свой отсчет так называемый «век пропаганды»[8]. В 1914 г. издатель самой читаемой в России газеты «Русское слово» И. Сытин в сотрудничестве с художниками начал выпускать патриотические плакаты, которые издавались миллионными тиражами. Ярким примером этой деятельности может служить широко известный рисунок Н. Рериха «Враг рода человеческого», изображавший германского императора Вильгельма II в виде чешуйчатого черта, держащего в каждой руке по черепу и написанными рядом названиями городов, завоеванных его армией. Активно тиражировалась также работа Д. Моора (Орлова) «Немецкие зверства», представлявшая немцев хладнокровными са-

---

[6] *Полонский В.* Русский революционный плакат.М., 1925. С. 3.

[7] *Голубович А. Г.* Белорусский советский плакат. Минск, 2014. С. 15.

[8] *Жданова И. А.* «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года // Российская история. 2008. № 3. С. 127.

дистами, которым нужны новые колонии для сбыта своих товаров и для расселения избытка населения[9].

Воздействие на настроения людей в годы войны оказывали карикатуры в сочетании со стихотворным текстом. В 1914 г. группа российских авангардистов, включающая Казимира Малевича, Владимира Маяковского и Александра Лентулова, создала объединение «Сегодняшний лубок», которая выпускало сатирические антигерманские и антиавстрийские плакаты, доступные и понятные для народных масс. Особое место занимали агитационные плакаты, призывающие подписываться на военные займы.

После февральских событий военный заем получил название «Заем свободы» (плакат 1917 г. Б. М. Кустодиева[10]), а лозунг «Война до победного конца» стал официальным лозунгом новой власти. Но в силу экстремальных обстоятельств 1917 г., да и краткосрочности своей истории, Временное правительство не смогло уделить значительного внимания наглядной художественной популяризации своих действий и планов, поэтому пропагандистская работа с населением превратилась в основном в дело политических партий, готовящихся к выборам в Учредительное собрание. Открытое и широкое проведение партийной агитации за государственные средства в либеральном государстве, которым, по сути, являлась Россия в этот период, было невозможно[11]. Основной темой плакатов поэтому стала предвыборная борьба, они рассматривались многочисленными партиями как важное средство на пути к власти. Среди них есть и предвыборный плакат «Все сознательные граждане Российской республики голосуют за список РСДРП» – первый образец агитационной продукции большевиков. Использование идей торжества идеалов справедливости в качестве основного элемента позволило всем без исключения социалистическим партиям упрочить свои позиции в массах, значительно расширить круг своих активных приверженцев (плакат неизвестного художника «Партия социал-революционеров. В борьбе обретешь ты право свое» (1917 г.)[12]).

В постфевральское время появились и первые плакаты на революционную тематику, которые были выполнены в привычном для народа лубочном стиле, носили нередко сатирический характер и отражали огромный рост социальной активности, критическое отношение масс к власти, революционную романтику ожидания и надежд, связанных с демократизацией страны, стремление к миру и стабильности. Они способствовали созданию в массовом сознании малограмотного населения различных политических мифов (пла-

---

[9] *Волковский Н. Л.* История информационных войн: в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 2. С. 112–113.
[10] Галерея «Плакаты. Ру». 2017 // http://www.plakaty.ru.
[11] *Жданова И. А.* Указ. соч. С. 140.
[12] Галерея «Плакаты. Ру». 2017 // http://www.plakaty.ru.

каты неизвестного художника «Памятка народной победы. Николай Романов отдает корону своим победителям» и А. М. Зальцмана «Да здравствует свободная Россия» (1917)[13]).

Октябрьские события привели к глубочайшему расколу в обществе, предопределили бескомпромиссную и жестокую борьбу за новое «светлое будущее», за разрушение «старого мира». Политические плакаты стали играть роль одного из главных инструментов большевистской агитации, призывающей вести непримиримую борьбу за свободу и справедливость, поднимать боевой дух народа. Они были своего рода солдатами революции, неутомимыми пропагандистами и страстными глашатаями большевистских идей[14]. Советская власть рассматривала агитационную плакатную продукцию в одном ряду с прессой, радио и кино, так как она обладала неоспоримыми возможностями массового распространения и охвата широкой аудитории. Отсюда и строгий контроль за ее производством и тематикой. Соответствующим декретом была введена монополия на платную печать объявлений на афишах и в периодических изданиях[15].

Одной из важнейших задач советской власти являлось пробуждение социальной активности масс, их включение в формирование нового социалистического миропорядка. Действенным средством должна была стать мечта о скором светлом будущем, мирной и зажиточной жизни, которая будет длиться вечно. Яркими примерами создания посредством плакатов подобных мифов служит работа художника А. П. Апсита «Год пролетарской диктатуры» (1918), показывающая дымящиеся трубы многочисленных фабрик и богатые урожаем поля, которые принадлежат освобожденным от эксплуатации рабочим и крестьянам, а название плаката Ю. Бонди «Верю, сотую годовщину встретим» (1920 г.) говорит само за себя[16].

Сам факт стремления к новому справедливому обществу предполагал существование весьма неприглядного настоящего, которое необходимо было искоренить (плакат А. П. Апсита «1 мая. Рабочим нечего терять кроме своих цепей, а приобретут весь мир», 1919 г.). Однако, создавая справедливое будущее для трудящихся, предстояло не только освободиться от старых оков, но и от всех тех, кто препятствовал этому движению вперед – врагов внешних и внутренних, которые не могли примириться со строительством нового справедливого общества (плакаты 1920 г.: Н. М. Кочергина «Врангель идет!

---

[13] Галерея «Плакаты. Ру». 2017 // http://www.plakaty.ru.

[14] *Чаус Н. В.* Советские плакаты 1917–1920 гг. основное средство пропаганды социалистической идеологии // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6. С. 221.

[15] *Лежень Е. Е.* Плакат как средство политической агитации в 1917 – 1930-е годы // Вестник Саратовс. гос. социально-экономич. ун-та. 2013. Вып. № 3. С. 123.

[16] Галерея «Плакаты. Ру». 2017 // http://www.plakaty.ru.

К оружию пролетарий!», Д. Моора «Смерть мировому империализму», С. Давыдова «Преступник тот, кто режет молодняк...»[17]).

В годы Гражданской войны плакат получил широкое распространение как у «красных», так и в рядах Белого движения, превратившись в средство манипуляции общественным сознанием в борьбе противостоящих друг другу сторон, привлечения на свою сторону населения. По данным Н. В. Волковского на территории РСФСР за 1918–1922 гг. было выпущено 854 агитационных плаката. Только литературно-издательский отдел Политуправления Революционного военного совета республики выпустил 117 агитационных плакатов, тиражом свыше 5,5 миллиона экземпляров. Основными художественными чертами плакатов периода Гражданской войны стали выразительность, простота линий и яркость красок. «Надпись его коротка, как вскрик. Рисунок элементарен, как схема»[18]. Технически произвести такое количество плакатной продукции, выходящей миллионными тиражами, можно было только подключив большие коллективы единомышленников, которые включали в себя художников, граверов, журналистов, поэтов, типографских рабочих.

Плакаты, отправляемые на фронты Гражданской войны, аллегорично сравнивались с патронами и снарядами, они являлись мощным оружием психологического воздействия на сознание людей. Порча и уничтожение плакатов причислялись к контрреволюционным действиям и карались со всей строгостью. В июне 1920 г. всем политотделам железных дорог республики под грифом «военного циркуляра» были посланы телеграммы, предписывающие вести борьбу против уничтожения плакатов вплоть до привлечения всех срывающих их к трибуналу[19]. (В конце 2012 г. в московской художественной галерее «Проун» была представлена выставка В. Дени, одним из экспонатов которой был известный плакат «Капитал» со стихотворением Д. Бедного. Примечателен стоящий в левом нижнем углу плаката красный штамп с надписью: «Всякий срывающий этот плакат или заклеивающий его афишей, – совершает контрреволюционное дело»[20].)

Важнейшей задачей того времени являлось обеспечение воюющих армий пополнением. В течение всего периода Гражданской войны неоднократно объявлялись военные мобилизации с целью укрепления действующих фронтов. Агитационно-призывные плакаты были действенным звеном вербовочной кампании. Один из самых запоминающихся и популярных образов, властно призывавший встать на защиту завоеваний Советской республики, был создан Д. Моором

---

[17] Галерея «Плакаты. Ру». 2017 // http://www.plakaty.ru.

[18] *Волковский Н. Л.* Указ. соч. С. 136.

[19] *Чаус Н. В.* Указ. соч. С. 221.

[20] Виктор Дени. Плакаты, которые свергали режим // Русская Планета. 2012 // http://rusplt.ru/articles/culture/culture_1601.html.

в конце июня 1920 г., за одну ночь. Это плакат «Ты записался добровольцем?»[21]. В то время контрреволюция сжимала Советскую Россию с двух сторон: Врангель, занявший почти всю Северную Таврию, шел на Донбасс, а с запада наступали войска Польши. В. Полонский оценивал эту работу как лучшую из революционных плакатов: «Ударная надпись, повелительный взгляд и твердый жест, неотступно следующие за прохожим, сообщают плакату большую силу. Его нельзя не заметить даже издали; его нельзя забыть, раз увидев; нельзя уклониться от вопроса, заданного в упор»[22]. Отметим правда, что Д. Моор не был пионером в создании столь эффектного пропагандистского приема. Уже в годы Первой мировой войны и в Великобритании, и в США, и в Германии были созданы плакаты, призывающие вступать в ряды армии с характерным указующим пальцем. Подобный образ присутствовал и в мобилизационных плакатах Белого движения[23].

Кроме «классических» агитационных плакатов особое место в молодой Советской республике заняли плакаты, которые давали возможность адаптировать и передавать новостную информацию самой широкой массовой аудитории – знаменитые «Окна Российского телеграфного агентства (РОСТА)», названные так в связи с тем, что они выставлялись в пустовавших витринах магазинов, окнах первого этажа здания телеграфного агентства. «Окна» – совершенно новый и абсолютно оригинальный вид искусства, были придуманы художником М. Черемных. По своей сути это была иллюстрированная газета, откликавшаяся на все события политической и общественной жизни. Несмотря на то что «Окна РОСТА» выходили непродолжительное время – с сентября 1919 по январь 1922 г., было изготовлено 1600 плакатов, каждый из которых был размножен в 150 копиях[24]. Выпускались они ежедневно, иногда по несколько в день, а тиражировались вручную. Распространялись не только в Москве, но пересылались и в другие города, как в готовом виде, так и виде трафаретных форм.

В октябре 1919 г. в «Окна РОСТА» пришел В. В. Маяковский. «Окно сатиры РОСТА № 5. Рабочий! Глупость беспартийную выкинь...» с запоминающимся восьмистишьем – первый лист в его исполнении. Именно благодаря влиянию поэта, создававшего яркие, лаконичные рисунки и подписи с использованием рифмованных слоганов, «Окна» пользовались огромной популярностью среди на-

---

[21] Галерея «Плакаты. Ру». 2017 // http://www.plakaty.ru.

[22] *Ласвель Г.* Указ. соч. С. 14.

[23] Пропаганда // Первая мировая война.2016 // http://www.firstwar.info/posters; История социальной рекламы в России в эпоху Гражданской войны // Социальная реклама в России. 2017 // http://www.sociama.ru/stati/istoriya-sotsialnoj-reklamy-v-rossii-v-epohu-grazhdanskoj-vojny.

[24] *Николаева М. Ф.* Советский плакат (1917–1941): между искусством и медийной технологией // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2012. № 3. С. 129.

селения. Маяковский принес в них дух авангарда. Он уходил в рисунках от излишней детализации к абстракции. В основу изображения была положена условность. Он, например, пользовался обобщенными образами рабочего, крестьянина, красноармейца, изображая их в виде однотипных красных контуров. Через подобное упрощение поэт и художник старался достичь ясности восприятия зрителями главного смысла произведения. Именно Владимир Маяковский создал этот новый стиль плакатного искусства – особый, ни на что не похожий и легко узнаваемый «стиль Окон Роста»[25].

Таким образом, плакат в революционные годы в силу своей наглядности и доходчивости выполнял очень важные пропагандистские функции. Во-первых, он формировал образ нового «светлого будущего» в массовом сознании и помогал избавиться от тех негативных явлений, которые достались от «старого мира», во-вторых, в тяжелейшем социально-общественном противостоянии в годы Революции и Гражданской войны выполнял мобилизующую роль и, наконец, информировал население об актуальных событиях, не выходя, при этом, за очерченные пропагандистскими установками рамки.

Буданова Н. Ю.

Мотив андрогинности в русском искусстве первой трети XX века: трансформация идеала

Аннотация. Мотив андрогинности приобрел особую актуальность в русском изобразительном искусстве первых десятилетий XX века. В статье исследуется процесс постепенной трансформации этой темы от выражения утопических надежд на грядущее появление нового преображенного человека до создания идеологизированного штампа в ранней советской художественной культуре.

Ключевые слова: андрогинность, гендерная идентификация, элитарное искусство, пролетарское искусство, маскулинизация женских образов.

The Androgyny Motives in the Russian Art of the First Third of the 20th century: Transformation of Ideal

Abstract. The motif of androgyny acquired special prominence in the Russian visual art of the first decades of the 20th century. The article covers the process of the gradual transformation of this theme from utopian

[25] Маяковский. Окна РОСТА и ГлавПолитПросвета, 1919–1921 / Авт.-сост. А. Морозов. М., 2010. С. 3–4.

hopes of the imminent advent of a new transfigured individual to its assertion as an ideologised cliché within Soviet art culture.

Keywords: androgyny, gender identity, elite art, proletarian art, masculinisation of female images.

В качестве вступления хотелось бы вспомнить два широко известных произведения раннего советского периода, в которых отчетливо прозвучала тема андрогинности. Эль Лисицкий, автор плаката-афиши Русской выставки декоративного искусства в Цюрихе (1929), в качестве персонификации новой социалистической идентичности создал двуглавое исполинское существо, чьи мужская и женская ипостаси объединены, вполне буквально, общим пространством и сознанием: надпись «Советский Союз» пересекает чело этих диковинных сиамских близнецов, а их совместный взгляд (один глаз у них общий) устремлен в светлое будущее.

Мотив андрогинности возникает и в одном из эпизодов повести Сергея Булгакова «Собачье сердце», завершенной в первой половине 1925 г. Речь идет о сцене первого столкновения профессора Преображенского с представителями нового домоуправления в составе четырех скромно одетых молодых людей. Самый юный из них, «персикового вида», пытается вступить с раздраженным профессором в полемику, чем провоцирует последнего на неожиданный вопрос: «Вы мужчина или женщина?» «Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших – блондин в папахе».

И Лисицкий, и Булгаков, каждый на свой лад, апеллируют к одной из главных задач коммунистического строительства, которая, по словам Л. Троцкого, виделась в том, чтобы «поднять человека на новую биологическую ступень, создать более высокий общественно-политический тип»[26]. Цель эта предполагала не только стирание социальных, идеологических и культурных различий между людьми, но и преодоление традиционной иерархической дуальности полов.

Нетрудно заметить, что оценочное отношение Лисицкого и Булгакова к подобной идее прямо противоположно. Попытки отменить биологически-детерминированную бинарность полов изображаются Булгаковым как нелепый маскарад, неизбежно обреченный на провал. Не случайно в приведенном выше эпизоде краснеет не только «персиковый юноша», но и блондин в папахе, чьи чувства к товарищу по революционной работе очевидно выходят за рамки чисто деловых. Гигантский андрогин Эля Лисицкого, напротив, призван пропагандировать происходящие в Стране Советов кар-

[26] *Троцкий Л.* О культуре будущего // Собр. соч. Т. 21. М.; Ленинград, 1927. С. 448.

динальные перемены, включая изживание традиционной иерархии полов.

Приведенные примеры иллюстрируют несколько важных моментов. Во-первых, они свидетельствуют об актуальности мотива андрогина в культуре первых постреволюционных десятилетий. Во-вторых, они указывают на разные сферы его бытования. Так, в повести Булгакова речь идет о «повседневной» андрогинности как о примете времени. На плакате же Лисицкого андрогинность выступает в качестве символа революционного преображения общества, а следовательно, принадлежит сфере идеально-утопического. Наконец, восприятие андрогинности может варьироваться от негативного признака упадка и вырождения, как у Булгакова, до пропагандистки-позитивного свидетельства преодоления иерархической оппозиции мужского–женского, как у Лисицкого.

Необходимо отметить, что интерес к андрогинности проявился в русской культуре за несколько десятилетий до революционных потрясений 1917 г. Серебряный век был временем, в котором кризис ценностей сопровождался утопическими надеждами на наступление эпохи всеобщей справедливости и процветания, и проблема конструирования преображенного субъекта как главного действующего лица грядущего мироустройства приобретала особую актуальность. На фоне заметного роста участия женщин в профессиональной, общественной и культурной жизни страны гендерный аспект играл весьма заметную роль в концепции «нового человека».

Античный миф об андрогине предлагал привлекательную альтернативу бинарной разобщенности полов. В живописи одним из первых русских художников, обратившихся к этому мотиву, стал Михаил Врубель. В центральной для его творчества теме Демона Врубель, по свидетельству его младшего современника Николая Прахова, стремился воплотить не столько демоническую сущность, сколько мятущуюся человеческую душу. Эта душа, бунтующая и возвышенная, виделась художнику сочетающей в себе и мужское, и женское начала[27]. Характерно, что результат творческих поисков Врубеля вызывал далеко неоднозначную реакцию современников. Известно, например, что отец художника испытал острое разочарование, увидев в одном из ранних вариантов «Демона Сидящего» не идеал, а похотливую, отвратительную старую женщину[28].

Если творческие искания Врубеля лежали в поле метафизического осмысления андрогинности, то у других мастеров Серебря-

---

[27] *Прахов Н.* Страницы прошлого. Очерки-воспоминания о художниках. Киев, 1958. С. 94.

[28] А. Врубель. Письмо Анне Врубель, февраль 1885 // М. А. Врубель: письма сестре. Воспоминания о художнике. Отрывки из писем отца художника. Ленинград, 1929. С. 58.

ного века этот мотив чаще всего не нес столь глубокой философской нагрузки. В работе Константина Сомова «Пьерро и дама» (1910) андрогинность изображена как куртуазная игра, позволяющая на время нарушить установленные нормы поведения. По сути, андрогинность персонажей сводится здесь к трансвеститизму: в этой пикантной сценке герои просто прячут свою истинную гендерную идентичность за маскарадными нарядами.

Маска Пьеро встречается в мужских и женских автопортретах Серебряного века, вероятно, в силу того, что этому андрогинному характеру приписывалась особая чувствительность и эмоциональность. Название автопортрета Александра Яковлева «Пьеро» (1923) акцентирует внимание зрителя на душевной хрупкости художника, его стремлении к красоте и поэзии. А Зинаиде Серебряковой этот маскарадный костюм сообщает интригующую раскрепощенность, не умаляя при этом ее женственную прелесть.

Мотив андрогинности часто выполнял функцию психологической нюансировки модели. В портрете Феликса Юсупова кисти Валентина Серова (1903) декадентская манерность позы, изысканность костюма и миловидность юного лица указывает на особенности характера персонажа, известного своим пристрастием к трансвеститизму и бисексуальности.

На пастельном портрете Зинаиды Гиппиус, выполненном Леоном Бакстом в 1906 г., эпатажность облика модели достигается не только ее мужским костюмом, но и нарочитой раскованностью позы в сочетании с надменно-самоуверенным выражением лица. Андрогинность Гиппиус у Бакста точно отражает авторскую стратегию поэтессы, которая умело манипулировала комплементарной моделью мужского–женского не только для создания запоминающегося публичного имиджа, но и для конструирования особой творческой субъектности. Как известно, Гиппиус обыкновенно подписывала свои критические статьи псевдонимом Антон Крайний, а литературные произведения – своей фамилией, не расшифровывая при этом имя: З. Гиппиус, тем самым заставляя непосвященного читателя гадать о гендерной идентичности автора. Даже в частной жизни Гиппиус, чей брак с Мережковским оставался «белым», ставила целью преодолеть биологическую детерминированность гендерных отношений и сложившихся традиций. Идея о глубинной андрогинности креативной личности занимала важное место в ее творчестве и философии. В своем дневнике она записала: «В моих мыслях, в моих желаниях, в моем духе – я больше мужчина, в моем теле – я больше женщина. Но они так слиты, что я ничего не знаю»[29].

---

[29] Between Parisand St Petersburg: selected diaries of Zinaida Hippius/ Transl. and ed. by T. Pachmuss. Urbana&London, 1975. P. 77.

Стратегия Гиппиус как творческого субъекта, стремящегося уйти от навязанных стереотипов поведения, была тесно связана с философским осмыслением проблем пола и гендера в рассматриваемый период. Можно вспомнить, что особое внимание этой проблематике уделяли русские религиозные философы Сергей Булгаков и Николай Бердяев, настаивая на том, что личность творца в равной мере обладает и мужскими и женскими чертами, т. е. является неким «духовным андрогином»[30].

Гиппиус может считаться успешным примером реализации подобных идей женщиной. Что касается мужчин, интересной представляется иконография и творческая биография известного в свое время танцовщика Александра Сахарова. Проживая преимущественно в Мюнхене, Сахаров принадлежал к русскому артистическому кругу, сформировавшемуся вокруг художников Марианны Веревкиной и Алексея Явленского. Работая в жанре экспрессивного танца, в своих выступлениях он сочетал элементы классического балета и акробатики. Явную андрогинность сценического образа и публичного имиджа Сахарова зафиксировали многочисленные портреты, как фотографические, так и выполненные его друзьями М. Веревкиной и А. Явленским (оба в 1909 г.). В трактовке обоих художников Сахаров предстает как декадентский образ «фам фаталь», излучающий опасную и холодную эротику. Это обстоятельство подчеркивает, насколько тонка бывает грань между идеалом и гендерной девиантностью при попытках художника заострить внимание на андрогинных чертах модели.

Тем более интересно сравнить упомянутые портреты Сахарова с другим его изображением, где он запечатлен в паре со своей постоянной партнершей и супругой Клотильдой фон Дерп. Эта рекламная афиша гастролей Сахарова и фон Дерп, выполненная Мстиславом Добужинским около 1920 г., основана на иной модели андрогинности, когда слияние мужского и женского начал мыслится не в пределах одной личности, а представляет собой комплементарную творческую пару мужчины и женщины, чье единение в творческом акте рождает произведение искусства. Прокреация таким образом сублимируется в креативность, в реализацию творческого потенциала каждого из участников тандема. То, что современники способны были именно так интерпретировать выступления дуэта Сахаров–фон Дерп, подтверждает цитата из рецензии немецкого критика Фриц Гайзе, опубликованной в 1924 г.: «Сахаров не обладает выраженной маскулинностью. Многие считают его женственным. С другой стороны, и Кло-

[30] Вл. Соловьев.«Смысл любви», 1892; Н. Бердяев«Смысл творчества. Опыт оправдания человека», 1916. Для анализа проблематики см. также: *Матич О.* Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.

тильда фон Дерп не наделена особенной женственностью. Танец должен быть не сексуальным, а нейтральным, ярко-андрогинным»[31].

Подводя итог краткому обзору темы андрогина в художественной культуре Серебряного века, хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, в данный период этот мотив встречался в изображениях как мужских, так и женских персонажей. Во-вторых, при всем разнообразии трактовок, андрогинность использовалась как индивидуальная характеристика, выделяющая изображаемую личность из толпы и делающая ее уникальной. Посему в последние предреволюционные десятилетия мотив андрогинности принадежал прежде всего сфере элитарного искусства.

После Февральской революции и последовавшей деконструкции многих устоявшихся идеологических и культурных дискурсов, тема андрогина претерпевает существенные изменения. Самая значимая трансформация связана с тем, что данный мотив проникает в сферу массовой культуры, в частности, в агитационную графику. Это безусловно связано с тем, что утверждение нового политического строя неизбежно повлекло за собой и поиски новых символов коллективной идентичности. Идеал андрогинности, предполагающий равенство своих бинарных составляющих, являлся для революционной России весьма привлекательной идеологической и пропагандистской моделью.

Интересен с этой точки зрения плакат Алексея Кравченко «Подписывайтесь на заем свободы» (1917) – один из первых примеров визуальной репрезентации республиканской России. Перед художником стояла непростая задача соединить идею революции, традиционно соотносящуюся со стихийным женским началом, и агитационный лозунг о продолжении крайне непопулярной в обществе войны. А война, как известно, имеет столь же стойкие ассоциации со сферой исключительно мужской деятельности. Кроме того, Кравченко необходимо было уйти в своей работе от иконографических стереотипов свергнутого режима и предложить обновленную персонификацию национальной идентичности. В результате художник создал весьма неортодоксальную пару, наделив революционера и солдата ярко выраженной женственностью. Вероятно, подобный образ призван был олицетворять преображенную революционно-патриотическую гражданственность – менее агрессивную, по-женски более терпимую и добросердечную. Таким образом участие России в ненавистной войне наделялось новым смыслом: кровавая мировая бойня превращалась в праведное сражение до победного конца, требующее поддержки всех сознательных граждан революционного отечества, как мужчин, так и женщин.

---

[31] Цит. по: Die Sacharoffs: Zwei Tänzer aus dem Umkreisdes Blauen Reiters: Two Dancers within the Blaue Reiter Cirle/ Ed. by F.-M. Peter, R. Stamm/Cologne, 2002. P. 38–39.

Поиски новой коллективной идентичности с активным использованием мотивов андрогинности продолжились и после Октябрьской революции. Для первых послеоктябрьских лет свойственны попытки найти адекватное визуальное выражение гендерного баланса в репрезентации человека нового общества. В работах мастеров авангарда еще ощущается отзвук духовных поисков Серебряного века с его провидениями идеала преображенного человека, преодолевшего дуалистические противоречия пола и гендерную иерархию. Такова, например, серия станковых работ Варвары Степановой 1919–1921 гг., где художница исследует динамику движения через изображение предельно геометризированных человеческих фигур. Гендерные характеристики здесь хотя и различимы, но явно второстепенны. А иерархическая оппозиция мужского и женского полностью отсутствует. Фигуры, которые при всей их схематичности можно без труда маркировать как мужские или женские, абсолютно равноправны в своем ритмическом динамизме, напоминая в этом смысле комплементарную андрогинность дуэта Александра Сахарова и Клотильды фон Дерп.

Подобной же логике подчиняется и уже упоминавшийся плакат-фотомонтаж Эля Лисицкого, где две половинки когда-то разделенного мифического андрогина соединяются в своей устремленности к светлому будущему. Но даже эти романтически-утопические образы уже демонстрируют важный сдвиг в визуальной репрезентации андрогинности – от элитарно-индивидуального к стандартизировано-обезличенному, тем самым отражая новую духовную реальность – неуклонное движение от индивидуального «Я» Серебряного века к безликому коллективному «Мы» из антиутопии Евгения Замятина.

Та же тенденция сдвига в сторону обезличенности, выраженная через мотив андрогинности, очевидна и в произведениях художников фигуративного направления. Это особенно заметно в репрезентациях советской молодежи в качестве некоего андрогинного коллектива, самозабвенно увлеченного общим делом. И хотя подобный коллектив, как правило, состоит из представителей обоих полов, различия между мужскими и женскими персонажами сознательно стираются. Такова группа играющих в работе Павла Кузнецова «Пушбол» (1931), где гендерные характеристики молодых людей никак не маркируются. Их просто невозможно воспринимать как отдельные персонажи, до такой степени доведена их обезличенность. Той же внутренней логике следует и Александр Самохвалов в картине «Военизированный комсомол» (1932–1933), несмотря на то, что в этом случае пол участников милитаризованной игры вполне четко обозначен соответствующей одеждой: брюки у юношей, юбки у девушек. Но и только. Во всем остальном – и в поведении, и в демонстрируемых навыках, и даже в чертах лиц – между представителями разных

полов нет никаких различий. Все они являют собой один обобщенный типаж под названием «советская молодежь» – эдакий андрогинный композит.

Работа Самохвалова служит прекрасной иллюстрацией еще одного нового аспекта, утвердившегося в трактовке образа андрогина в раннем советском искусстве. В то время как мужские свойства весьма часто акцентируются применительно к женским персонажам, наделение положительных образов советских мужчин чертами, ассоциирующимися с женским началом, отныне исключается полностью. Таким образом, маскулинность и связанные с ней характеристики – мужественность, отвага, инициативность, телесная сила – становятся приоритетными составляющими идеала нового человека, как это очевидно в эскизе мозаичного панно для Дворца Советов (1946) работы Павла Корина.

Очевидная маскулинизация женских образов наблюдается как в агитационной графике, так и в живописи. Стоит упомянуть того же Александра Самохвалова, который довольно оригинально продолжил тему андрогинности, теперь уже применительно к исключительно женским персонажам в серии акварельных работ под общим названием «Метростроевки» (1937–1938). Его титанические красавицы представляют необычный для ранней советской живописи женский тип, наделенный изрядной долей сексуальности в сочетании с подчеркнуто мужской мускулистостью, недюжинной физической силой и твердостью характера. И, похоже, именно наличие качеств, ассоциирующихся с героической маскулинностью, делает очевидную эротичность изображаемых персонажей более приемлемой для официальной идеологии.

Параллельно с утверждением репрезентативного типа мужественной женщины идет и активная разработка мотива социалистической андрогинной пары – мужчины и женщины, связанных не сексуальным или романтическим влечением, а преданностью общему делу. Таковы, например, коммунисты в одноименной работе Бориса Иогансона (1933), где зритель не сразу может разгадать женщину в коренастой фигуре в тулупе. Только мягкие черты лица и выбившая прядь волос указывают на представительницу прекрасного пола. И хотя оба коммуниста кажутся готовыми мужественно встретить свою трагическую судьбу, по сравнению с подчеркнуто-дерзкой позой матроса сцепленные руки женщины выдают внутренний трепет. В этом смысле работа Иогансона является наглядным свидетельством того, как постепенно в условиях укрепляющегося культа тоталитарной власти женское начало утрачивает позиции паритета с мужским, переходя на второстепенные роли.

Знаковое произведение эпохи – знаменитая скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» (1937) – следует именно этой новой

концепции образа советской андрогинной пары. Показательно в этой связи, что мужчина представляет здесь класс-гегемон, в то время как женщина персонифицирует класс колхозного крестьянства, который в советской идеологической иерархии занимает важное, но не главенствующее место.

Высшим человеческим идеалом становятся вожди нового строя, а репрезентативную функцию социалистической андрогинной пары как символа новой национальной идентичности нередко начинает выполнять тандем Сталин–Ворошилов, который можно считать зримым воплощением супер-маскулинной власти, которую русский философ Иван Ильин называл «сверхмужеским волевым клубком безрелигиозного тоталитаризма»[32]. В то же время в работах, где Сталин изображен вместе с женскими персонажами, последние как правило выполняют не более чем роль фона, удачно оттеняющего идеализированную мужественность вождя и учителя, что свидетельствует о неуклонном возвращении к традиционным гендерным стереотипам, основанным на гегемонии маскулинного над феминнинным.

Поиски гармонического союза мужского и женского как необходимого условия создания нового преображенного человека и общества не увенчались успехом. Эту реальность горько констатировал Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», изданной в эмиграции в 1937: «Чуда рождения новой жизни не произошло, ветхий Адам остался и продолжает действовать, лишь трансформируя себя»[33].

Вакар И. А.

Беспочвенные и укорененные. Отношение художников к быту и собственности в эпоху революции

Аннотация. Революция 1917 г. не только изменила повседневную жизнь, но и выявила различное отношение к ней художников. В статье рассматривается восприятие сферы быта традиционалистами и авангардистами и высказывается предположение о влиянии этого фактора на выбор творческой позиции.

Ключевые слова: художники авангарда, традиция, повседневность, аскетизм, революция духа.

---

[32] *Ильин И.* О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе // Ильин И. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6, кн. 3. М., 1997. С. 193.

[33] *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма, М., 1990. С. 190.

Rootless and rooted: the artists' attitude to everyday life and property in the Revolutionary epoch

Abstract. The revolution of 1917 not only changed everyday life, but also revealed the different attitudes of artists towards it. The article explores the perception of the sphere of conventional life by traditionalists and avant-garde artists and considers the possibility of influence of this factor on the choice of their creative stands.

Keywords: avant-garde artists, tradition, everyday life, asceticism, revolution of the spirit.

В январе 1918 г. Александр Бенуа, приглашенный Луначарским в Зимний дворец на совещание, красочно описал в дневнике обстановку, в которой оно проходило: «...весь состав нашего совещания incorpore, не переставая обмениваться мнениями, пробиваясь сквозь стену просителей, отправляется в заднюю комнату, где мы садимся за стол, покрытый грязной скатертью, и где Луначарский принимается при нас улепетывать (уплетать. – *И. В.*) неаппетитного вида битки с гречневой размазней, угощая и других, послав предварительно дворцового лакея в устроенную при царской кухне общественную столовку за тарелками, вилками, ложками... Знакомые дворцовые лакеи за спиной у... новых особ первого ранга корчили мне гримасы, как бы говоря: „Вот до чего мы дожили!"»[34].

Эта сцена – яркое свидетельство не только ломки «старого быта», естественной в условиях смены власти, но и реакции художника: «Должен сознаться, – добавляет Бенуа, – что вся эта дикая суматоха показалась мне чрезвычайно забавной (я любитель до всяких курьезов)»[35].

Бенуа привлекали не только курьезные, но и любые другие проявления бытового поведения людей; в соответствии со своими персоналистскими установками он рассматривал эту сторону жизни как чрезвычайно показательную для характеристики личности. Бывая в это время в разных петербургских домах, он постоянно оценивает «искусство жить» или его отсутствие: не забывает описать жилище (например, «голые стены»), качество обеда и вин, интеллектуальный уровень и стиль беседы, и т. п. Ключевым понятием для него является «уют». «Уютность» складывается из многих составляющих, включает и хотя бы минимальное благополучие, и неформальный характер общения, взаимопонимание (особенно единство вкусов), и художественность предметного окружения. Вообще отношение Бенуа к быту – не прагматическое, а скорее эстетическое, оно тесно связано с понятием культуры: «...самое ценное в культуре, – считает

[34] *Бенуа А. Н.* Мой дневник 1916–1917–1918. М., 2003. С. 435–436.
[35] Там же. С. 436.

он, – это *быт*, это основы нашего существования, это общественно-жизненные *инстинкты*, выработанные бесконечным, веками созданным опытом»[36]. Чувство быта проникнуто историческими токами, включает в себя память о традициях дома, интимное переживание прошлого. С особой силой оно дает себя знать, когда Бенуа (уже в начале 1920-х) живет в гатчинском дворце, в комнатах императорской семьи. В целом быт для художника – не рутина, а необходимая живительная атмосфера, дающая импульсы для творчества.

Не удивительно, что люди, иначе воспринимающие бытовую сторону жизни, вызывают у Бенуа недоумение и отторжение. Познакомившись с одним из художников авангарда, Бенуа делает следующую запись: «У них... (у наиболее умных среди них) где-то в глубине души должно жить ощущение *полной* непригодности рядом с полным игнорированием общества. Они *абсолютно беспочвенные*, это уже сплошной и голый эстетизм, не имеющий никаких жизненных корней»[37].

Беспочвенность – емкое понятие, его можно рассматривать в разных аспектах, в том числе и в философском (вспомним книгу Льва Шестова). Но в данном случае, как представляется, Бенуа проводит антитезу беспочвенности и укорененности; людям традиционной культуры он противопоставляет тех, чье искусство не укоренено в жизненной сфере и потому не сопричастно «человеческому» началу.

Бенуа прав. Если мы возьмем в качестве примера его антагониста Казимира Малевича, то различие покажется разительным. Где бы ни жил Малевич – на съемных квартирах (в 1900-е и 1910-е годы), «в холодной даче» (1917–1918) или в роскошном доме Мятлевых (с 1923 г.), – изменение условий жизни никак не сказывалось ни на его внутреннем самочувствии, ни на его творчестве. Хотя из мемуарных свидетельств мы знаем, что художник ценил комфорт, в его записях упоминание бытовых подробностей почти не встречается. По значимости быт для него на одном из последних мест, он никак не характеризует человека, тем более его искусство.

Большинство художников авангарда в той или иной мере разделяли такую позицию. Состоятельные Лентуловы обитали в полупустой квартире, поскольку Лентулов не любил загромождать жилище, а мебель в стиле модерн казалась ему верхом безвкусия[38]. Ларионов и Гончарова принимали гостей в мастерской, где все пространство занимали стеллажи с картинами. «Пол был покрыт циновками, мебели почти не было, за исключением стола и нескольких стульев»[39]. Хозяйка дома, Наталия Гончарова признавалась, что не создана для

---

[36] *Бенуа А. Н.* Дневник. 1918–1924. М., 2010. С. 157 (здесь и далее курсив А. Н. Бенуа).

[37] Там же. С. 135.

[38] См.: *Лентулов А. В.* Воспоминания. СПб., 2014. С. 38.

[39] *Романович С. М.* Каким его сохранила память // Русское искусство: XX век / Исследования и публикации / Отв. ред. Г. Ф. Коваленко. М., 2008. С. 861–862.

быта; очень любившая фамильную усадьбу Полотняный завод, сама она никогда не испытывала потребности «свить гнездо» по его образцу. Спустя много лет Гончарова так описывает свою обстановку: «...моя комната в обычном беспорядке, хотя туфли еще и не залезли на стол, а только в несимметричной позе посередке комнаты свидетельствуют о своем независимом существовании»[40]. Татлин в 1910-е годы то снимает комнату у Веры Пестель, а обедать ходит к Веснину, то в доме приютившей его Валентины Ходасевич хочет отнять «заднюю ногу» у рояля ради создания нового контррельефа[41]. Позднее Ходасевич, зайдя в его квартиру в Гинхуке, застает чудовищную картину: разрушенная печь (для изучения устройства дымохода), залитый водой пол, где размачивается глина, дрожащие от холода жена и новорожденный сын...[42].

Настоящим рекордсменом безбытности был, конечно, Филонов (с ним в этом плане мог соперничать только Хлебников). Почти все мемуаристы выразительно описывают его жилище. Вот два свидетельства. Валентин Курдов: «Вся обстановка комнаты художника состояла из стола и нескольких деревянных табуреток, мольберта и железной солдатской кровати. Холодно и неуютно в этой келье. Все подчинено искусству – думы, жизнь, быт. У мольберта за работой сидит одинокий человек. Посреди комнаты – железная печь-буржуйка, на которой греется закопченный чайник.... Везде и всюду холсты...»[43]. Вера Кетлинская: «...я вступила в темноватую, холодную, почти пустую комнату, где естественным центром был широкий стол, заваленный рисунками, рулонами, папками. ...Жилого духа в комнате не было – только рабочий. И рабочим, мастером-одиночкой выглядел хозяин...

...Он был аскетичен? Да, судя по его комнате, лишенной всякого уюта и всяких признаков быта. Вряд ли он ел досыта и уж наверняка мало думал об этом, были бы холсты, бумага, краски, угли, карандаши»[44]. Мечтой Филонова была мастерская, «свет в которую шел бы со всех сторон»[45], а пределом комфорта – свежая побелка, которая вызвала у его жены характерную реплику: «...так чисто, так опрятно, хоть операции делай...»[46].

Итак, контраст налицо. Но чем он обусловлен? Связано ли это различие взглядов с творчеством или коренится только в социаль-

---

[40] Н. С. Гончарова – О. И. Розенфельду (1933). – ОР ГТГ. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 833.

[41] *Ходасевич В. М.* Портреты словами. М., 1995. С. 119.

[42] Там же. С. 176–177.

[43] *Курдов В. И.* Памятные дни и годы. Вхутеин (1920-е) // Павел Филонов: реальность и мифы / Сост., вступ. ст. и коммент. Правоверовой Л. Л. М., 2008. С. 208.

[44] *Кетлинская В. К.* Вот что это такое! // Павел Филонов: реальность и мифы. С. 268–269.

[45] *Глебова Е. Н.* Воспоминания о брате // Павел Филонов: реальность и мифы. С. 66.

[46] Там же. С. 77.

ном происхождении и имущественном положении? Можно ли утверждать, что, грубо говоря, революционеры в искусстве чаще всего безбытны, а традиционалисты любят и поэтизируют быт? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо расширить круг примеров.

Константин Коровин вырос в деревне, и его идеалом была жизнь «в природе». Эту мечту он осуществил, построив небольшой домик в Охотине, где с равным наслаждением писал, ловил рыбу, охотился и принимал друзей. Один из его мемуарных рассказов начинается так: «Лето. У крыльца моего дома во Владимирской губернии сижу я под большим зонтиком и пишу красками с натуры рыб – золотых язей. Сзади сидят на траве приятели [крестьяне]...

На деревенской террасе накрывают стол к обеду... ставим на стол графин полынной, березовку, рябиновку, окорок своего копчения, маринованные белые грибы, словом – дары земли...»[47]. Далее описывается спор двух гостей: один, усталый и раздраженный, возмущается эстетической неразвитостью крестьян и декламирует «Печной горшок тебе дороже», но другой снижает тему. «Да что ты, Николай... Как же это с рыбой вишневку? Совсем спятил... А еще Пушкиным пугаешь. Нет, брат, Пушкин ценил леща в сметане и трюфеля, и Аполлона... А ты наливку с лещом. Противно смотреть»[48].

В этом описании трапезы, летнего дня и дружеской атмосферы (которую не может разрушить даже любитель высокого искусства) каждая, сугубо бытовая деталь окрашена коровинским вкусом к жизни, невольно вызывая в памяти и его живопись, столь же «вкусную» и так же тесно связанную с впечатлениями реальности. Коровин культивировал в себе и других умение радоваться простому и каждодневному; как писал Сергей Герасимов, «...Константин Алексеевич понимал, очень ценил, чувствовал и работал над понятием самой жизни»[49]. Можно сказать: радость жизни для Коровина – и источник, и главная тема его творчества.

Возьмем не столь однозначный пример. Петров-Водкин в искусстве занимал позицию, равно удаленную от традиционализма и авангарда. Его живопись 1910-х годов лишена бытового измерения, и в этом его творческий и жизненный посылы совпадают: он путешествует по Европе, ездит в Африку, женится на парижанке, занимается самообразованием, а главное, упорно преодолевает в себе негативные черты среды, из которой вышел («...все мое детство я провел в таком кругу, где сильно разграничивалась разница между слугой и господином и где все мне говорило о каком-то идиотском величии

[47] Константин Коровин. Жизнь и творчество, письма, документы, воспоминания / Сост., вступ. статья Н. М. Молевой. М., 1963. С. 349.

[48] Там же. С. 351.

[49] Там же. С. 308.

„хозяев”»[50]). И все же связь с «корнями» остается прочной, художник часто пишет матери, строит дом в окрестностях Хвалынска; после Октябрьской революции, по язвительному замечанию Бенуа, «пуще прежнего теперь щеголяет, что он из мужиков»[51].

В конце 1910-х годов происходят изменения и в его живописи: в натюрмортах, серии «детских» возникает неожиданное, полное первозданной свежести переживание повседневной реальности, обычные предметы на столе, пространство залитых светом комнат увидено каким-то обновленным зрением. И не случайно в эти годы художник все чаще вспоминает «уюты» своего детства (так называется глава в книге «Пространство Эвклида») и мысленно постоянно возвращается в родные места. Вообще для всех перечисленных художников значим «гений места»: Петербург для Бенуа, русская деревня для Коровина, Волга для Петрова-Водкина. А Игорь Грабарь нашел такое счастливое пристанище в подмосковном имении Дугино, куда приехал погостить, но зачарованный уютностью усадьбы и красотой ее окрестностей, остался здесь на 13 лет, создал свои лучшие полотна и в конце концов женился на подросшей племяннице хозяина!

Вернемся к художникам авангарда. Здесь особенно часты случаи «измены» семейно-бытовым традициям, желания оторваться от «корней». Некоторые начинали бунтовать уже в детстве. Филонов, ребенком попавший в «богатую буржуазную обстановку», «не хотел спать на матраце, сбрасывал его на пол... закалял себя. ...И как это пригодилось ему потом, – замечает его сестра,– Всю жизнь он спал без матраца, чтобы не «переспать», иметь больше времени для своей работы»[52]. Малевич, сын техника-сахаровара, не желал вести себя, как заводские дети, и «подражал всей жизни крестьян». Вообще, по мысли Малевича, художником его сделало не то, что было фатально запрограммировано происхождением, а то, что необъяснимо выделило из среды, семьи, превратило в одиночку, «выродка времени».

Тот же психологический феномен демонстрирует увлечение жизнью моряков (вот уж где можно обрести беспочвенность в прямом смысле!): в матросы идут Татлин, Иван Ларионов; юному Родченко, мечтающему о будущем жилище, особенно нравится комната, похожая на каюту[53]. Потомок столпов академии Лев Бруни, даже не покидая своего исторического жилища, умудряется превратить его в «Квартиру № 5» – штаб авангардного искусства. Бенуа после знакомства с последними работами этого «юного гения» печально заключает: «...спасти его едва ли возможно. Да, может, и не

---

[50] *Петров-Водкин К. С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Н. Селизаровой. М., 1991. С. 52.

[51] *Бенуа А. Н.* Мой дневник 1916–1917–1918. С. 350.

[52] *Глебова Е. Н.* Воспоминания о брате // Павел Филонов: реальность и мифы. С. 45.

[53] *Родченко А. М.* Опыты для будущего. М., 1996. С. 26.

стоит? А со стен той комнаты, в которой он меня принимал, глядели на нас превосходные акварели его прадеда, Петра Федоровича Соколова»[54]. Настоящим врагом Бенуа становится другой деятель авангарда, тоже из «хорошей семьи» и так же резко порвавший со своей средой, – Николай Пунин. Именно он, будучи «комиссаром» от искусства, в 1919 г. провозгласит войну с бытом: «Быт по существу своему полярен творчеству; быт это трупный яд, быт – это шлаки... это та костная омертвевшая ткань, которая... тысячью рук тянет нас ко вчера»[55].

С революцией героическая эпоха авангарда завершается, уходит время одиночек, бунтарей-изгоев. «Измена своему прошлому» (слова Хлебникова) для многих становится вынужденной. Но о художниках авангарда этого не скажешь. К примеру, Любовь Попова и Надежда Удальцова, обеспеченные и далекие от политической левизны, на удивление легко отказываются от прежнего образа жизни, имиджа, семейных традиций. Почему? Отчасти они ориентировались на лидеров – Татлина, Малевича, Родченко. Но еще важнее был их собственный опыт мастеров «нового искусства». Выбрав путь, ведущий ко все более радикальным открытиям, экспонируя на выставках беспредметные работы, заведомо не рассчитанные на продажу, они сознательно отказывались от принятых отношений художника и общества – т. е. от участия в функционировании художественного рынка, как раз в 1910-е годы переживавшего настоящий бум. Именно об этом разрыве с обществом (буржуазным обществом, строящимся на рыночных отношениях) писал Бенуа. Авангардисты вообще выводят искусство из экономической сферы, для них оно не может быть связано с институтом частной собственности; «изобретатели и приобретатели», по Хлебникову, – принципиально разные категории людей. Художник-новатор, считает Филонов, не может продавать свои произведения и брать заказы (в дальнейшем он будет отказываться от того и другого), так как материальная зависимость несовместима с задачей творческого «исследования».

Точка зрения традиционалистов была прямо противоположной. Бенуа считал, что культура не может существовать «вне психологии личной заинтересованности»[56]. Больше того, он писал: «в глубине души я... убежден, что *вся культура зиждется на институте частной собственности*»[57]. Художники его круга даже в трудные революционные годы продавали и покупали, собирали предметы искусства (кроме Бенуа, коллекции собирали Рерих, Браз и другие, сам Бенуа

---

[54] *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. С. 90. (Запись от 25 января / 7 февраля 1917).

[55] Цит. по: *Сидорина Е. В.* Сквозь весь двадцатый век. М., 1994. С. 285.

[56] *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. С. 365–366.

[57] Там же. С. 294.

занимался дилерством и экспертизой); их жизненный уклад, даже стесненный новой властью, оставался эстетически оформленным.

Личные коллекции давали важный импульс собственному творчеству. Так, собранные Судейкиным игрушки становились персонажами его картин, полукитчевые, наивные раритеты, найденные на Александровском рынке (Вера Судейкина называет его посещения самыми счастливыми минутами), тут же переносились на холсты. Мирискусники любили вместе рассматривать коллекции, показывать друг другу новые приобретения, обмениваться рисунками. (В среде авангардистов это было редкостью – можно ли себе представить, допустим, Малевича и Татлина, которые обмениваются понравившимися работами? Мне попалось только одно упоминание об обмене рисунками – между Кандинским, Родченко и Шевченко, но это очевидное исключение[58]).

Значит ли это, что левым художникам в принципе было чуждо то чувство «трепетности и интимности»[59], какое вызывало у Бенуа личное общение с произведениями из собственной коллекции? Насколько вообще художнику-изобретателю необходимо «держать перед глазами» картины других авторов? На этот вопрос не так легко ответить. У Татлина, по словам Пестель, «нет ни одной работы Ларионова, ни одной репродукции. Книги, репродукции вообще для него не существуют»[60]. Малевич, напротив, постоянно смотрел живопись в музеях и в книгах. Экстер в 1920 г. просила у Родченко «какую-нибудь его картину на время дать ей повисеть у себя в комнате»[61]. Пожалуй, можно назвать только одного страстного коллекционера среди авангардистов – это Ларионов, но его собирательство было так же нетрадиционно: из-за хаоса в квартире он не мог не только систематизировать и изучать, но вообще пользоваться своими сокровищами.

Возвращаясь к Бенуа, заметим, что революция вносит некоторые коррективы в его отношение к собирательству. В начале 1918 г., побывав у Горького в надежде услышать суждения тогдашнего властителя дум о текущем моменте, Бенуа разочарован обывательским характером общения: все мы «вели исключительно коллекционерские разговоры... Поистине в таком виде коллекционерство есть зло, и недаром я совершенно от того (от действительно коллекционирования) отстал»[62]. И это, несомненно, перекликается с его настроениями

---

[58] *Степанова В. Ф.* «Человек не может жить без чуда». М., 1994. С. 104.

[59] *Бенуа А. Н.* Дневник. 1918–1924. С. 674.

[60] *Пестель В. Е.* Фрагменты дневника. Воспоминания. «О художественном произведении» // Амазонки авангарда / Отв. ред. Г. Ф. Коваленко. М., 2001. С. 247.

[61] *Родченко В. А.* О Варваре Степановой, ее друзьях и жизни // Амазонки авангарда. С. 228.

[62] *Бенуа А. Н.* Дневник. 1918–1924. С. 31.

этих лет – отвращением к опостылевшему заказу (для Казанского вокзала), мечтой о некоем внутреннем обновлении. Однако для Бенуа это было временным отступлением от своих жизненных принципов.

Коллекционирование – только одна, не самая существенная сторона проблемы отношения искусства к быту и собственности, которую поставила большевистская революция. Ее решение было радикальным. Раз устойчивый, традиционный быт невозможен вне принципа собственности, его основы должны быть пересмотрены (интересно, что этим занимаются именно художники и теоретики искусства). Конструктивизм выдвигает идею создания «нового быта», призванного преобразовать психологию масс, личный аскетизм становится концептуальной основой стиля, а безбытность и беспочвенность, по существу, программно распространяются на рядовых обывателей. Искусство покидает жилище человека, больше того – само его существование ставится под сомнения. Эта утопия никогда не будет до конца реализованной (вспомним хотя бы пьесу Маяковского «Клоп»).

Однако это, на мой взгляд, только последствия, идеологические выводы из тех предпосылок, о которых говорилось выше. А сами эти предпосылки коренятся в психологии творчества. При всей схематичности предпринятого сопоставления, думаю, можно в какой-то мере признать, что творческий склад двух типов художников внутренне различен. Но в чем корень их непримиримого антагонизма, который обозначился уже за несколько лет до революции, например, в столкновении Бенуа и Малевича на выставке «0,10»? Ответ достаточно ясен: это разное отношение к жизни, по Бенуа – источнику творчества, по Малевичу – «харчевому делу» (он пишет в одном месте: «так называемая жизнь»). Для Бенуа «беспочвенны» все, кто живет в мире идей, а не в реальности, он видит революционное время как торжество «доктринеров» и «прожектеров», оторванных от всего *живого* (причем включает сюда и политиков).

И – снова повторю – с ним отчасти можно согласиться; нужно только сменить знак в оценке нового искусства и не смешивать результаты этих далеких и никак не связанных друг с другом сфер деятельности. Да, для Малевича, Татлина, Филонова и других творцов нового искусства область идей, виртуальная действительность несопоставимо насыщеннее и ярче того, что их реально окружает, создаваемое – интереснее существующего; отсюда их поразительное равнодушие к материальному благополучию, быту, уюту. Конечно, великие одиночки, взрывающие традиции, существовали всегда – вспомним хотя бы Врубеля. Но здесь перед нами уникальная историческая ситуация, когда целая плеяда людей с задатками бунтарей, фанатиков, аскетов и утопистов оказалась в эпицентре художественного процесса. И тот факт, что подобная ментальность была присуща и организаторам политической революции, позволяет, не

сближая эти явления, немного прояснить вопрос о хронологических и содержательных параллелях между нею и искусством русского авангарда, который мы сегодня называем революцией духа, а Бенуа заклеймил как беспочвенность.

Веселова С. С.

Судьбы русского садового искусства в 1920-е годы

Аннотация. Творения садового искусства начала 1920-х годов сыграли не меньшую роль в деле советской агитации, чем произведения живописи, графики, плаката, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, призванные на художественный фронт ленинским «Планом монументальной пропаганды» (1918). Рассмотрены ландшафтные композиции Марсова поля, Смольного, Сада памяти жертв 9 января в Петрограде, а также мемориальный комплекс у Кремлевской стены в Москве и некоторые другие образцы ландшафтной архитектуры и садового искусства первых послереволюционных лет.

Ключевые слова: садовое искусство, ландшафтная архитектура, мемориальный ансамбль, композиция, «монументальная пропаганда».

The fate of Russian landscape art in the 1920s

Abstract. In the early 1920s, works of garden art played an equally important role for Soviet agitation as paintings, graphics, posters, sculptures, and decorative and applied arts, which had been called up for the artistic front by Lenin's «Plan of Monumental Propaganda» (1918). The article examines the landscape compositions of the Field of Mars, the Smolny, and the Memorial Garden of the Victims of 9 January 1905 in Saint Petersburg, the memorial ensemble at the Moscow Kremlin wall, and some other objects of landscape architecture and garden art of the first post-revolutionary years.

Keywords: garden art, landscape architecture, memorial ensemble, composition, «monumental propaganda».

Перестройка сфер общественной и культурной жизни после 1917 г. затронула все виды творческой деятельности. Изменения хорошо заметны на примере садового искусства, которое, сведя к минимуму частное садоводство, стало, наряду с архитектурой, носить ярко выраженный общественный характер. Оно в значительной мере оказалось связанным с деятельностью государственных органов управления, подчиняясь им и воплощая, как и агитационные формы искусства изобразительного, новый взгляд на мир, новые идеалы и символы.

После победы Октябрьской революции, с первых же дней установления советской власти вопросы использования объектов ландшафтного искусства не остались вне сферы внимания руководства страны. Часть вопросов была затронута Декретом о земле (1917), согласно которому бывшие дворцовые и частновладельческие сады и парки были экспроприированы и открыты для трудящихся. Многие прежние усадьбы были отданы под размещение в них домов-коммун, детских домов, а также новых советских курортов, санаториев и домов отдыха для народа. В 1921 г. В. И. Лениным был подписан Декрет об охране памятников природы и садово-парковых территорий.

В то же время проводились мероприятия по расширению городских зеленых насаждений, началось планомерное развитие их многообразных форм, порой изменение их прежних функций. В достаточно короткие сроки удалось добиться больших результатов в данной области. Это стало возможным, прежде всего, благодаря профессиональному опыту, накопленному в предреволюционный период. За годы первых пятилеток в городах только Российской федерации площадь зеленых насаждений общего пользования возросла более чем в два раза[63]. Сюда входили парки культуры и отдыха, специальные детские парки, озелененные территории постоянных и временных выставок, парки и скверы мемориального характера, прославляющие подвиг погибших в годы революции и гражданской войны.

Если парки культуры и отдыха, начиная с Московского ЦПКиО им. А. М. Горького, открытого в 1928 г. и ставшего важнейшим образцом для подражания, в последнее время постоянно находятся в центре внимания исследователей, как, впрочем, и архитектурно-ландшафтный комплекс ВСХВ – ВДНХ, то самый ранний послереволюционный период развития садового искусства на сегодняшний день изучен недостаточно.

Так исторически сложилось, что советское ландшафтное искусство начинается с трагической ноты, – а именно, с проектирования и художественного оформления революционных некрополей, среди первых – Марсово поле в Петрограде. Мемориальный ансамбль был распланирован в 1919–1920 гг. Как известно, это произошло не на пустом месте, еще на рубеже XVIII–XIX вв. здесь сформировался комплекс, прославляющий воинскую доблесть российской армии, начиная с замысла и установки памятника А. В. Суворову в 1801 г. И именно здесь 5 апреля 1917 г. состоялась многотысячная демонстрация и торжественные похороны 184 солдат и рабочих, погибших в дни Февральской революции. А 1 мая – митинг, на котором В. И. Ленин выступил с речью о значении солидарности трудящихся

[63] Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 года. Справочник. М., 1938. С. 26.

и о задачах русской революции. 1 июля 1917 г. на Марсовом поле прошла очередная массовая демонстрация.

К прославлению военных подвигов в прошлом добавилась тема памяти о жертвах текущей революции, которая и далее получила развитие[64]. В 1918 г. на Марсовом поле были похоронены В. Володарский и М. С. Урицкий, а также жертвы мятежа в Ярославле; в 1919-м – участники обороны Петрограда от войск генерала Юденича и т. д. Параллельно с формированием революционного некрополя шло оформление ландшафтного пространства.

Уже в 1918–1919 гг., в соответствии с Ленинским планом монументальной пропаганды[65], архитектором Л. В. Рудневым был подготовлен проект памятника «Борцам революции» на Братской могиле. В его разработке принимал участие художник В. А. Конашевич, текст был написан А. В. Луначарским, шрифт разработан художником В. В. Лебедевым. Этот объект[66] стал композиционным центром партерного сада[67] площадью 10,9 га, чья разбивка осуществлялась по плану архитектора И. А. Фомина в 1920–1923 гг., а озеленение – под руководством потомственного мастера-садовода Рудольфа Францевича Катцера. Работы были начаты 1 мая 1920 г. в ходе первого общегородского коммунистического субботника.

Фотографии середины 1920-х годов демонстрируют большое и относительно свободное прямоугольное пространство сада, в котором доминируют ровные зеленые поверхности газона, пересеченные дорожками. Здесь господствовала тишина, даже шум города как будто обходил стороной это открытое пространство условной «пустоты», которое навевало чувство утраты. Это было сознательным приемом – использование редких посадок невысокого кустарника[68], больших «пауз» между ними, медленных ритмов композиции. Из деревьев было посажено лишь 4 дуба[69] в центре круглых площадок, а также ряды лип по длинным сторонам сада – вдоль Садовой улицы и

---

[64] Первый замысел захоронения был связан с Дворцовой площадью, были начаты работы по разбору брусчатки и выкопке могил. Среди выступивших против реализации этого замысла был А. М. Горький. Он говорил о необходимости сохранить архитектурный ансамбль Растрелли–Росси без изменений, предложив использовать более уместное пространство Марсова поля.

[65] Декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции («О памятниках республики»)» был утвержден декретом СНК 12 апреля 1918 г. В литературе этот документ принято связывать с «ленинским планом монументальной пропаганды».

[66] При его строительстве были использованы гранитные блоки разобранного ранее здания Сального буяна.

[67] Вечный огонь, который является смысловым центром композиции сегодня, был зажжен в 1957 г. – из печи мартеновского цеха Кировского (Путиловского) завода.

[68] Были осуществлены посадки сирени, чубушника, барбариса, кизильника, калины.

[69] Дубы были выкопаны и перенесены сюда из Михайловского сада, находящегося рядом. Оттуда же была взята плодородная почва для использования при посадках.

фасада Павловских казарм. Протяженные дорожки, редкие скамьи вызывали естественную усталость от преодоления обширного пространства при движении к центру композиции – скульптурному мемориалу, а здесь возникало искомое эмоциональное состояние – боли, печали, усиленное тяжестью (в прямом и переносном смыслах) мощных каменных блоков[70].

Обновленное Марсово поле, или Площадь Жертв Революции (как оно называлось до 1940 г.), стало выразительной частью ландшафтных композиций Петрограда – объединив исторические Летний и Михайловский сады, в свою очередь изменявшиеся со временем, в единый зеленый массив в центре города, представляющий различные эпохи и стилевые приемы.

Большие идейные и художественные задачи, несколько иного эмоционального звучания, были решены тем же садовым мастером Р. Ф. Катцером при создании сада у Смольного[71]. После упразднения Института благородных девиц в 1917 г. Смольный становится местом важных революционных событий: в августе здесь разместились ВЦИК Советов и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, осенью 1917-го здесь неоднократно проходили съезды и конференции, отсюда В. И. Ленин руководил октябрьским восстанием, после которого Смольный стал резиденцией советского правительства. Здесь же располагался ЦК РСДРП(б). После переезда правительства и ЦК в Москву в марте 1918 г. в здании были размещены Петроградский совет и высшие партийные органы губернии и города.

В 1922–1924 гг. перед зданием был распланирован партерный сад. Собственно ландшафтная композиция состояла из двух зон: это пространство курдонера – в непосредственной близости к фасадам здания и территория, находящаяся на некотором расстоянии и занимающая обширную площадь. Прежде в курдонере, как можно видеть на дореволюционной фотографии, располагался небольшой садик, вполне уместный перед главным входом в женское учебное заведение. На новом этапе он уже не мог соответствовать характеру и функциям здания и претерпел эволюцию в сторону усиления строгости и парадности. Это было сделано с помощью изменения планировки и уничтожения круглого цветника, на его месте позднее был установлен памятник В. И. Ленину (1927) и устроен новый прямоугольный цветник.

С целью обновления масштабной композиции второй – и более обширной части – архитектором А. И. Гегелло и садоводом Р. Ф. Катцером также использованы приемы регулярной планировки, в основу

[70] Позднее близкий прием был использован при устройстве мемориального Пискаревского кладбища.

[71] Архитектурные формы здания принадлежат эпохе ампира (1806–1808 гг., арх. Дж. Кваренги). До лета 1917 г. в нем располагался Институт благородных девиц.

которой были положены прямые аллеи, обсаженные молодыми деревцами со сформированными кронами. По боковым осям располагались фонтаны, придававшие облику партерного сада особо репрезентативный характер. Здесь же размещались скамьи в небольших зонах отдыха и парадные цветники правильной геометрической формы. По краям газонов устроены бордюры, напоминающие в рисунке упрощенный меандр. Все использованные приемы отсылают нас к стилистике исторических садов французского регулярного типа[72].

Вход на территорию сада оформлен пропилеями, исполненными по проекту В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейха. Перед их возведением был проведен конкурс, в котором также принял участие архитектор Л. В. Руднев, чей проект не прошел, но по-своему интересен. Классицистические традиции прослеживаются в обоих проектах.

Острые социально-экономические и классовые противоречия предреволюционных лет привели к контрасту в застройке центральных исторических районов Петрограда и неблагоустроенных рабочих окраин – за Московской заставой, за Невской и Нарвской заставами, на Выборгской стороне. Эти территории начинают активно осваиваться в 1920-е годы. Наряду со строительством ведется озеленение, разбиваются новые парки и скверы. Так, на проспекте Стачек был заложен Сад имени 9 Января. Этим было отмечено одно из трагических событий в нашей истории. Отсюда 9 января 1905 г. рабочие Нарвской заставы двинулись с петицией к Зимнему дворцу. У площади Нарвской заставы (ныне пл. Стачек) царские войска расстреляли участников шествия.

Автором проекта, так же как и упомянутых выше садов, был Р. Ф. Катцер. Под его руководством рабочие Нарвской заставы в день первого коммунистического субботника 1 мая 1920 г. произвели разбивку будущего сада[73] площадью 10,5 га и осуществили первые посадки. В его планировке и пространственном решении в наибольшей степени чувствуется влияние прежних работ мастера, с их уравновешенными, стремящимися к гармонии композициями. Таковыми были устроенные Катцером Казанский(1899–1900) и Исаакиевский (1910–1913) скверы. Но если в прежних проектах господствовала симметрия, предопределенная близостью масштабных архитектурных сооружений (соборов), то в новом саду при отсутствии доминирующего здания предлагалась живописная планировка, с асимметричными линиями дорожек, разнообразными очертаниями газонов и клумб, а также вписанным водоемом сложного рисунка. Центральная часть предполагалась относительно открытой благодаря низкой растительности – цветам, кустарникам и лишь редким деревьям.

[72] В начале 1930-х годов садовые композиции были дополнены бюстами Маркса и Энгельса.

[73] В 1936 г. здесь был открыт бюст В. П. Алексеева.

Более густо деревья должны были располагаться ближе к границам сада. Стоит отметить, что при реализации проекта он был несколько упрощен, рисунок элементов стал отличаться от предварительных чертежей, что привело к большей «правильности» композиции.

В 1924 г. по проекту архитектора Л. А. Ильина со стороны проспекта Стачек была установлена кованая решетка, перенесенная сюда от Зимнего дворца (1899–1901, арх. Р. Ф. Мельцер). Прежде она ограждала небольшой «собственный садик» императорской резиденции со стороны Адмиралтейства. Снятая со своего привычного места и утратившая декоративные украшения в виде двуглавых орлов и вензелей решетка была использована с прежним назначением отделения одного пространства от другого. Как «осколок старого мира» она хорошо просматривалась, пока зеленые насаждения были молодые и своими тонкими стволиками и небольшими кронами не заслоняли этой малой архитектурной формы (она видна на фотографиях середины 1920-х годов). Таким образом, и в композиции сада, и в деталях его оформления можно видеть связь с предшествующими традициями.

В годы Великой Отечественной войны деревья в саду были вырублены, а его территория успела побывать и рубежом обороны, и огородом, разделив судьбу многих других садов и парков Ленинграда в те сложные времена. В послевоенные годы парк был восстановлен, благоустроен, значительно расширен и в 1954 г. передан детям. Высокие ноты их голосов, звонкий смех, наряду с развлекательными аттракционами, привнесли оптимизм и радость в парковое пространство, изначально овеянное печальными нотами воспоминаний. Это, на наш взгляд, практически полностью лишило сад его *исторической памяти*. Первоначальное длинное название – «Сад в память жертв расстрела 9 января 1905 года» – было сокращено, и в Ленинграде появился «Детский парк имени 9 января».

Но вернемся к началу 1920-х. Близкие процессы формирования новых и изменения прежних ландшафтных территорий протекали и в Москве, особенно активно – после возвращения ей столичного звания. Следует отметить, что и в Москве тенденции развития молодого советского садово-паркового искусства были тесным образом связаны с решением задач, поставленных партией и правительством в соответствующих документах. Прежде всего, речь идет об упомянутом ранее Плане монументальной пропаганды. Как известно, для осуществления плана была создана специальная Комиссия из сотрудников Наркомпроса и Наркомата имуществ республики, работавшая во взаимодействии с художественными коллективами Москвы и Петрограда. Хорошо известны факты участия художников и скульпторов в создании проектов памятников, гораздо реже упоминаются или не упоминаются вовсе имена мастеров садового искусства, привлекавшихся к разработке композиций. Масштаб их вклада был раз-

личен – от небольших цветочных клумб или газонов до обширных ансамблей, что было показано на примерах Петрограда.

30 июля 1918 г. Совет народных комиссаров утвердил список памятников, включавший 69 имен новых героев. Два из них – памятники А. И. Герцену и Н. П. Огареву – были выполнены из временных материалов (бетон, мраморная крошка) скульптором Н. А. Андреевым и поставлены в курдонере главного корпуса Московского университета в 1922 г. Ландшафтные работы здесь были минимальны, скульптуры введены в готовые угловые участки садовой композиции вместо прежних деревьев.

Цветной бульвар в Москве, появившийся в 1830-е годы, изначально был связан с цветочной торговлей и садовым искусством. Здесь существовали оранжереи и теплицы, из которых поставлялись растения как для уличных посадок в летние месяцы, так и на продажу. На территории Цветного бульвара в 1913 г. в честь 300-летия дома Романовых была развернута садовая выставка, ее главным экспонатом, демонстрировавшим достижения в этой сфере, стал временный «Цветочный обелиск», исполненный мастером-садоводом Василием Бежановым.

В 1918 г. на Цветном бульваре были установлены две статуи, названные их автором, скульптором С. Д. Меркуровым, – «Мысль»[74] и «Достоевский»[75]. Произведения были выполнены еще до революции, но не нашли применения в прежнее время, теперь они были предложены мастером в рамках проводившегося в жизнь «ленинского плана монументальной пропаганды». Несмотря на тот факт, что обе скульптуры были выполнены из гранита, а не из временных материалов, они простояли здесь недолго. В 1934–1936 гг. в связи с реконструкцией бульвара, они были перенесены на другие места[76]: статуя «Достоевский» – на Божедомку (ныне ул. Достоевского), во двор бывшей Мариинской больницы, к дому, где родился писатель (ныне здесь музей), а статуя «Мысль» после некоторых перемещений[77] была установлена на могиле скульптора, ее автора.

Серьезные изменения коснулись самого центра Москвы – Красной площади, которая, как Смольный и Марсово поле в Петрограде, стала эпицентром революционных событий[78]. Здесь состоялись кровопролитные бои и появились многочисленные жертвы. Победив-

---

[74] Изначально эта работа представляла собой памятник философу Владимиру Соловьеву.

[75] При создании этой скульптуры, также оставшейся не востребованной из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны, скульптору позировал певец и актер Александр Вертинский.

[76] *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958. С. 427.

[77] См. об этом: *Соболевский Н.* Скульптурные памятники и монументы в Москве. М., 1947. С. 63.

[78] События этого времени подробно изложены в изданиях: *Абрамов А. С.* У Кремлевской стены. М., 1974; *Бондаренко И. А.* Красная площадь Москвы. М., 1991.

шая советская власть постановила устроить похороны на Красной площади, и первые захоронения у кремлевской стены состоялись в ноябре 1917 г., чему сопротивлялись представители Русской православной церкви. Они предлагали устроить могилы на одном из московских кладбищ, но и в этом вопросе новая власть одержала победу.

9 января 1918 г. на Красной площади прошла массовая демонстрация и митинг трудящихся в память жертв «Кровавого воскресенья». В этот день Красная площадь вновь обагрилась кровью рабочих, так как контрреволюционерами был устроен теракт, и появились новые жертвы, похороненные там же.

Значение Красной площади особенно возросло после того, как в марте 1918 г. в Москву из Петрограда переехало советское правительство. Кремль вновь стал политическим центром страны. Начался его ремонт и частичная реконструкция[79]. К проведению торжественных мероприятий разрабатывались проекты праздничного оформления Красной площади, в том числе при участии известных архитекторов (например, проекты к 1 мая 1918 г. братьев А. и В. Весниных).

В мае 1918 г. Московским советом был объявлен «Конкурс на сооружение монумента Пролетарской революции и павшим товарищам-бойцам на Красной площади». Через месяц проект оформления братских могил был утвержден. Они заняли вытянутую вдоль стены приподнятую над уровнем площади террасу – между Спасской и Никольской башнями. На открытую центральную зону этой террасы перед Сенатской башней предполагалось подвести широкую лестницу. Здесь, в центре симметричной композиции, в нижней части башни, решено было укрепить мемориальную доску, на проект которой также объявили особый конкурс[80]. К осуществлению был принят проект скульптора С. Т. Коненкова, представлявший собой цветной барельеф (материал – цемент) с надписью «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Торжественное открытие состоялось в день празднования первой годовщины Октября 7 ноября 1918 г. Позднее центр революционного некрополя был дополнен портретами Маркса и Ленина.

Празднования годовщины Октября и Первомайские демонстрации проходили на Красной площади ежегодно. В 1919 г. праздник 1 Мая был объявлен также «днем древонасаждения», и в его программу было включено озеленение Красной площади[81]. Уже стал легендарным факт посадки липы В. И. Лениным, вышедшим вместе с другими участниками в тот день на площадь для ее благоустройства.

После смерти вождя важнейшей частью ансамбля стал Мавзолей. Сначала временный – деревянный, возведенный в 1924 г. по проекту

---

[79] *Бондаренко И. А.* Указ. соч. С. 201.
[80] Там же. С. 202.
[81] Там же. С. 208.

арх. А. В. Щусева. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют, в частности, о том, что в начале 1920-х годов в основном была сохранена форма посадок, присущая этому месту со времен реконструкции площади после пожара1812 г. по проекту О. И. Бове. Но вместо прежней одной были устроены две параллельные липовые аллеи, обсаженные деревьями так, что они напоминали строй солдат, выстроенных для отдания памяти. Аллеи позволяли пройти вдоль всех захоронений и вернуться, осуществив торжественный «круг почета».

От площади мемориальный некрополь отделялся невысокой стриженой изгородью, которая фиксировала условную границу и в то же время – создавала ощущение слитности со всем ансамблем Красной площади. Молодые тогда деревца символизировали юность и энергию строителей нового мира, и тех, кто отдал свою жизнь, и тех, кто продолжает начатое дело. Причем со временем – по мере роста деревьев и по мере удаления от событий прошлого, масштаб произведения ландшафтного искусства – как, можно предполагать, и было задумано, – зримо увеличивался бы, тем самым подчеркивая повышение значимости созданного ансамбля. А вместе с этим – повышалось бы и значение событий, память о которых он хранит.

Некоторые могилы в то время были украшены цветниками. Регулярный характер общей композиции придавал строгость всему ансамблю, и в то же время зеленая листва в теплое время года настраивала на миролюбивый лад. Со временем некрополь получил дальнейшее развитие, и сегодня ему присуща несколько иная эмоциональная окраска. Первоначальный замысел не сохранен в полной мере.

В заключение остановлюсь на нескольких примерах малых форм садового дизайна начала 1920-х годов, которые имеют непосредственную связь с решением идеологических задач. Еще англичане называли цветники «душой сада», а на Руси и в России на протяжении всех этапов развития садово-паркового искусства они всегда были особо любимы. Цветники способны отзываться на веяния садовой моды: в подборе растений, в рисунке посадок, в колорите. После революции цветники широко применялись в оформлении улиц, площадей и скверов. Во-первых, они не требовали больших затрат, так как садовое хозяйство Москвы и Петрограда было в хорошем состоянии, несмотря на некоторые сложности в период Первой мировой войны. Многочисленные теплицы давали необходимый растительный материал, а опытные садоводы были готовы вкладывать свое мастерство в новые проекты. Во-вторых, при остающейся неизменной форме клумбы ее облик можно изменять ежегодно, исполняя рисунок посадок в духе времени, к определенным датам, как это было сделано в уже упоминавшемся цветочном обелиске на Цветном бульваре в 1913 г.

Его автор Василий Бежанов приобрел известность и имел большой успех на садовых выставках еще в 1910-е годы. За исполнение портретов Л. Н. Толстого – в 1911 г., Александра I и Наполеона – в 1912 г. Бежанову было присвоено почетное звание «садового живописца», или «художника-садовода»[82]. После революции мастер продолжил работу в Москве. В течение ряда лет под его руководством осуществлялось создание одного из парадных цветников в центре города. Речь идет о сквере на Театральной площади, который был разбит на месте плаца перед Большим театром еще в 1910–1913 гг. Украшением сквера были яблони, особенно эффектно выглядевшие весной, в пору цветения. Но подобной лирической красоты было недостаточно для новой функции площади, получившей имя Я. М. Свердлова после его смерти в 1919 г. В 1924 г. здесь появился первый временный памятник Свердлову – цветник в виде земляной пирамиды[83], на четырех гранях которой В. Л. Бежановым в разработанной им технике цветочного панно были изображены деятели мирового рабочего движения: Фердинанд Лассаль, Жан Жорес, Вацлав Воровский и Яков Свердлов.

В 1925 г. тот же цветник выглядел уже иначе[84]: появилось символичное изображение кремлевской башни и части стены, а также красноармейца, рабочего и крестьянина. Эти образы имеют множество параллелей в изобразительном искусстве того времени, и прежде всего в декоративно-монументальном. При этом можно подчеркнуть, что с точки зрения языка «революционных» цветников они оказываются ближе к традиционному повествовательному началу и реалистическому изображению, как в произведениях С. Д. Меркурова и И. Д. Шадра в скульптуре и Б. М. Кустодиева в живописи, нежели к авангардной манере.

Еще один пример цветочного оформления демонстрируют фотографии сада Лесного института в Петербурге–Петрограде, где по сложившейся традиции ежегодно производились посадки в парадном цветнике. В течение ряда лет работы выполнялись под руководством известного российского дендролога и многолетнего научного сотрудника Института – Эгберта Людвига Вольфа. До революции в качестве главного элемента оформления рисунка цветника могла быть использована королевская лилия – типичный образец декора регулярных партеров. После революции появились новые советские символы – пятиконечная звезда, серп и молот. Их изображение также высаживалось с помощью растений, имеющих различные оттенки стеблей, листвы и цветов. Посадки осуществлялись в соответствии с намеченным рисунком, в колористике преобладали красные тона[85]. В подоб-

[82] См.: Огонек. № 31. 29 июля 1912 г.

[83] См.: Красная нива. № 34. 16 августа 1924 г.

[84] См.: Красная нива. № 30. 19 июля 1925 г.

[85] Использовались шалфей блестящий, сорта герани и др.

ной же манере был выполнен и цветник, заложенный Р. Ф. Катцером на Марсовом поле – с теми же изобразительными мотивами[86] и в той же цветовой гамме. Рисунок цветников не может не напомнить оформления произведений агитационного фарфора 1920-х годов.

В заключение приведем еще один характерный пример – цветник в виде портрета Володи Ульянова. В творчестве садового мастера Василия Бежанова, который был его исполнителем, он знаменует начало нового этапа. В качестве сотрудника Треста озеленения г. Москвы в последующие годы Бежанов создаст целый ряд портретов вождей, в том числе известные образы Ленина и Сталина в парке Горького, и др. А портрет юного Ленина, выполненный в год смерти вождя, вошел в практические пособия по садоводству и повторялся в московских парках вплоть до 1970-х годов.

Садовые композиции, о которых шла речь, в наше время либо претерпели изменения, либо не сохранились вовсе. Письменные и изобразительные источники позволяют «реконструировать» этот непростой период. Приведенные примеры показывают, насколько тесно садовое искусство соприкасалось с агитационными формами других видов искусства, насколько прочно оно было вписано в идеологическую систему воспитания трудящихся, что на несколько десятилетий определило направление одной из линий развития советского декоративного садоводства.

У представленного материала о «революционных» цветниках есть еще один аспект – подобные приемы вновь оказались востребованы сегодня: гербы и лозунги, различные символы и знаки снова наполняют сады, парки и скверы, показывая, как могут быть актуализированы традиционные формы садового искусства в соответствии с требованиями времени.

Воскресенская В. В.

Идеально-утопическое миростроение как преломление революционного «космизма»: художественное сознание и искусство в России 1920-х годов

Аннотация. Статья посвящена исследованию ведущей тенденции постреволюционного периода отечественной художественной культуры – миростроения. Грандиозные попытки ее реализации вырази-

[86] Звезда выполнена с помощью периллы, хорошо поддающейся стрижке и имеющей густой бордово-красный цвет листьев, что позволяет сохранять форму и цвет на протяжении летнего сезона.

лись в проектах переустройства социума, человека, искусства. В масштабности мыслимых преобразований и декларировании взаимосвязи социокультурной жизни с мирозданием проявилась национальная специфика этой идеи. Различные ракурсы этой проблематики прослеживаются в экспозиции разных аспектов художественного сознания и искусства (преимущественно, живописи) 1920-х годов.

Ключевые слова: искусство России 1920-х годов, художественное сознание, революция 1917 г., миростроение, утопия, космизм.

Ideal and Utopian worldbuilding as the refraction of the Revolutionary «cosmism»: artistic consciousness and the arts in Russia in the 1920s

Abstract. This article concerns the fundamental tendency of the post-revolutionary period of national art culture – the universe-creation. The grandiose attempts of its realization are expressed in projects of society, man, art reconstruction. The national specifics of this idea was shown in large scale of imaginable transformations and declaration of the interrelation of sociocultural life with the universe. Different perspectives of these problematics are traced in exposition of various aspects of artistic consciousness and art (mainly, painting) of the 1920s.

Keywords: Russian art of the 1920s, artistic consciousness, revolution of 1917, universe-creation, utopia, cosmism.

В современной ситуации концептуального и методологического релятивизма наук о культуре и искусстве обращение к основообразующим художественным векторам XX века способствует прояснению и систематизации разнообразного проблемного поля культуры прошлого столетия. Одной из таких смыслообразующих тенденций представляется традиция русской культуры «искусство как строительство жизни». Она фокусирует комплекс проблем, мотивов и смыслов в истории отечественной культуры: традиции просветительства и мессианства, постулирование основополагающей роли художественного творчества в установлении идеального миропорядка, понимание особого места художника в самосознании культуры.

Понятие «миростроение» как умозрительная концепция построения мира присутствовало в размышлениях и теориях символистов и мастеров авангарда, русских философов и космистов первой трети XX века: «жизнестроительство», «жизнетворчество», «миротворчество», «теургия» – у В. Соловьева, Н. Бердяева, А. Белого, Вяч. Иванова и др. Художественное сознание наследует свойственный романтической и символистской эстетике проект пересоздания мира творчеством через соединение искусства и жизни. Сохранялась и национальная специфика – отстаивание общественного служения, создание коллективного, социально действенного искусства.

Именно в постреволюционную эпоху, 1920-е годы предпринимались попытки реализации этой проблематики, выразившиеся в грандиозных проектах переустройства социума, человека, искусства.

Неотъемлемая черта этого комплекса идей – утопизм, пронизывающий все основные направления художественного авангарда[87]. Центральный утопический мотив программы авангарда – идея строительства нового мира – в России получает яркую интерпретацию. В этом аспекте на смысловую и практическую корреляцию утопии и революции, и далее советской культуры указывали многие исследователи[88].

Изучение российского художественного сознания и искусства указанного периода предполагает обращение и к фигурам известных творческих деятелей, и к «фону» эпохи, что расширяет представление о художественном процессе и подчеркивает российскую специфику феномена миростроительства. Репрезентацию этой проблематики планируется рассмотреть в экспозиции вариантов миростроения преимущественно в живописи.

Утопичность постреволюционного художественного сознания

В фокусе российского общественного сознания революционного времени находился духовно-интеллектуальный сплав устремлений предыдущих десятилетий: идеи романтизма и марксизма, концепции символистов, богостроительство, теософия, «общее дело» Н. Федорова и др. Мессианство, убежденность в особом предназначении России, желание радикального изменения мира отличали сознание и деятелей Серебряного века, и поэтов-авангардистов, и большевиков.

Значительная часть творческой интеллигенции восприняла революционные события 1917 г. как грандиозный всеприродный катаклизм, ведущий к наступлению свободы общества, человека, Земли. Важность переживаемого момента сопоставлялась с «христианской революцией» начала эры, выразившись в библейской образности: в поэме А. Белого «Христос Воскресе»; «вселенском торжестве религиозной идеи» в «Пришествии», «Преображении», «Инонии» С. Есенина.

Утопические традиции русской культуры, идея «революции духа» создают энтузиастическое мировидение российской интеллигенции, воодушевленной созиданием нового мира силами современного искусства. Представители разных областей художественного

---

[87] *Батракова С. П.* Искусство и утопия: Из истории западной живописи и архитектуры XX века. М., 1990. С. 20–21.

[88] См.: *Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993; *Морозов А. И.* Конец Утопии: Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М., 1995; *Гирин Ю. Н.* Картина мира эпохи авангарда; Авангард как системная целостность. М., 2013; и др.

творчества принимают активное участие в пропагандистской деятельности, обозначенной призывами и со стороны новой власти, и со стороны самих деятелей искусства. Массовый «выход» художников в городскую среду в 1918–1919 гг. знаменует переход от умозрительных образов революции к конструированию новой жизни.

В русле праздничного восприятия Октября кристаллизуется пролеткультовская концепция «массового действа», где процесс творения искусства равносилен творчеству самой реальности. Она реализуется в практике революционных празднеств – художественно оформленном городском пространстве, украшенных колоннах демонстрантов, платформах с костюмированными участниками.

Многочисленные инсценировки, театрализованные агитшествия носили мистериальный характер, репрезентируя тему рождения нового мира, моделируя будущее. Так, грандиозность нового мира и искусства воспроизводилась в музыкальном действе «Симфония гудков» в Баку (1922, замысел А. Аврамова): здесь принимал участие Каспийский флот, две артбатареи, роты красноармейцев, пулеметная команда, гидропланы.

Часть представителей творческой интеллигенции воспринимает лозунг «Искусство в производство!» и пытается реализовать его в новых условиях – выдвигается задача применить мастерство художника в создании утилитарных, эстетически совершенных вещей. Художественный конструктивизм во многом связан с лефовской доктриной «производственного искусства», перекликавшейся в свою очередь с концепцией «массового действа» Пролеткульта. Эта доктрина манифестировала последние установки поддержавшего Октябрь футуризма: принявшие революцию футуристы, ранее провозглашавшие самоценность искусства, теперь полагают его производством предметов быта «художниками-пролетариями».

Поворот интеллигенции после революции к коллективизму, к ориентации на массы получает дополнительное обоснование в процессах урбанизации. Достижение социальной гармонии нередко видится в контексте научно-технического прогресса. Призывы Д. Ветрова «породниться с машиной», «авиаторские стихи» В. Каменского, «поэзия аэропланов и машин» В. Маяковского выражают этот вариант мировидения.

Приверженность конструктивистов к техницизму, лозунгу жизнестроения актуализируется в сфере дизайна, проектировании нового жилища. Архитекторы-конструктивисты опираются в своих экспериментах на ожидания коллективизации быта, исчезновения домашнего хозяйства при социализме. Яркий пример – Дом для работников Народного комиссариата финансов СССР (Наркомфина) на Новинском бульваре, 25 в Москве (1928–1930, архитекторы М. Гинзбург и Н. Миллинис).

В ракурсе идей о сверхупорядоченном «машинизированном быте» и человек предстает «социальной машиной». «Психотехники» желают преобразовать сущность людей путем научной организованности и образования. Инициатор создания Института Труда (1921) А. Гастев декларирует приоритет «методичного, строго рассчитанного технизированного труда», ставя задачу «интегрировать все достижения психо-физиологических исследований» в этом деле, где основанное им учреждение должно стать творцом «нового социального инженеризма»[89]. В основе его концепции НОТа (новой организации труда) – идеи всеобщности проблем организации, рационализации деятельности и доктрина «трудовых установок».

В то же время часть интеллигенции пытается опротестовать рационализаторские усилия по изменению природы человека. Е. Замятин в романе «Мы» (1920) описывает Единое государство будущего с личностью Благодетеля и прочими гражданами-«номерами», у которых вырезается фантазия для приведения их к стандарту единообразия, определяемого идеалом полезности власти. В этом плане показательна и эволюция взглядов А. Платонова. Если в ранних статьях он выступает энтузиастом электрификации, «умных машин», в статье «Об изменении климата» пропагандирует его преобразование в масштабах планеты, то уже в «Потомках Солнца» и последующих произведениях подвергает ревизии последствия «механических» преобразований и утопию коллективного строительства нового мира. Однако, в постреволюционные годы критическая линия не перекрывает пафоса «космически-реформаторской» настроенности, особого эйфорического состояния «полетности» российского человека.

Утопическое миростроение как преломление революционного космизма

Желания грядущего обновления мироздания и человека получают опору в вере во всесилие науки. Размышления В. Вернадского о взаимосвязи жизни на Земле и космоса, космическая ритмология, гелио- и космобиология А. Чижевского, нестационарная космология А. Фридмана, разработка К. Циолковским стратегии выхода человека в космос меняют картину мироздания. Постулируется восходящий характер эволюции, необходимость новой, сознательно-активной ее ступени – «регуляции природы»(Н. Федоров) / ноосферы (В. Вернадский) / пневматосферы (П. Флоренский) / «мыслезема» (В. Хлебников).

Глубокие прозрения о тесной взаимозависимости человека и универсума отмечают в это время мысль многих научных и культурных деятелей. К. Циолковский связывает прогресс человечества с качественными изменениями в физической структуре космоса и струк-

[89] *Гастев А.* Наши задачи. М., 1921. С. 7, 9, 11.

туре психического восприятия человека. В его гипотезе будущего расселения человечества в Солнечной системе важнейшее место уделено биохимической перестройке людей: это будет «лучистое человечество», когда «идея» заполнит пространство космоса.

На взаимосвязь закономерностей физического космоса и творческой деятельности человека указывают Н. и Е. Рерихи в философско-эстетической системе «Агни-Йога». Эта неразрывность реализуется через развертывание форм от первооснов мироздания до образов человеческой психики и их воплощения, с вершиной этой связи в принципе вселенской красоты, искусстве.

Показательно совпадение мыслей Н. Рериха и В. Вернадского о предстоящем процессе ноокосмогенеза. Согласно В. Вернадскому, человек, частица биосферы и космоса, является и специфической формой живой материи, с присущими этой форме свойствами и законами развития. Человек XX века своей деятельностью преобразовывает биосферу в царство разума – ноосферу, безгранично расширяет ее пределы, из геологического фактора становясь космическим. Биогеохимическая энергия культуры получает космический статус.

Идущее от русской софиологии созерцательно-благоговейное отношение к космосу и взгляд на Вселенную как на сферу приложения трудовых усилий выливаются в социальное и творческое утопическое реформаторство.

Несомненно наследование этой проблематики идеям регуляции природы Н. Федорова. Его установки на сознательное управление эволюцией, на труд как основное средство планетарно-космического преобразования находят отклик как в деятельности «психотехников», так и в исследованиях группы «федоровцев»: А. Горского, Н. Сетницкого, В. Муравьева, – также разрабатывающих вопросы научной организации труда. Вслед за учителем они утверждают важность в деле регуляции природы «перестройки» прежде всего человека. Так, А. Горский исследует психологию творческого акта, видя путь к новой жизни в работе над обретением нового тела – духовного, всемогущего, не подверженного распаду. В. Муравьев рассматривает человеческую деятельность как «времяобразующий фактор», противостоящий «слепой космической силе разрушения». Целью трудовых усилий он определяет «преобразование мира в виде замены нисходящих процессов, ведущих к рассеянию энергии и к гибели всех мировых образований, активным восходящим движением, сосредотачивающим энергию в неисчерпаемом богатстве жизненных форм»[90].

Аккумуляция идеи всеобщности проблем организации в тотальном плане – в «Тектологии» (1913–1922) А. Богданова, которую он

---

[90] *Муравьев В. Н.* Овладение временем: Избранные философские и публицистические произведения. М., 1998. С. 263.

представлял как попытку установления единства многообразного опыта новой познавательной системы координат, приняв за ее начало собственно идею организации. Говоря об «организационном развитии человечества», А. Богданов ставит целью преодолеть «несовершенство приспособлений (таких, например, как сон, делающих человека беззащитным против вражеских сил и т. п.), стихийно созданных подбором в ограниченной среде»[91].

В русле актуальной тенденции преображения человеческой природы – и система восприятия мира М. Матюшина «ЗОР+ВЕД» (зрение + ведание). «Задействовав» весь организм в комплексном восприятии окружающего новое видение раскроет человеку-художнику иное ощущение пространства, – что представлялось возможным осуществить путем интенсивной тренировки всей системы восприятия и мозга.

Биокосмисты: П. Иваницкий, А. Святогор (псевдоним А. Ф. Агиенко), А. Ярославский – совмещают традиции «Философии общего дела» и анархическую революционность. Они провозглашают программу «грядущей эволюции человечества»: достижение физического бессмертия, освоение людьми Вселенной, способность управлять временем, победу над стихийными силами природы. Эти положения они проецируют на свое стихотворное творчество, провозглашая «иммортализм и интерпланетаризм языка, стиля», создавая «биокосмические ряды слов», а «ряд же есть начало космоса»[92]. Такие эксперименты олицетворяли и обретение свободы искусства через слияние с освобождающими от рациональности космическими ритмами.

Желание распространить прогрессивную деятельность человека по Вселенной порождает общественный интерес к проблемам межпланетных сообщений, способствует взлету научной фантастики. Тема освоения космоса привлекает А. Толстого, фантазирующего о полете на Марс в «Аэлите» (1922), А. Ярославского, сюжет «Аргонавтов Вселенной» (1926) которого – путешествие на Луну, и др. Воплощение космических устремлений 1920-х годов – одержимость аэронавтикой, нашедшая выражение в увлечении авиацией В. Каменского и В. Татлина, фантазиях В. Маяковского об авиоболе и ловле детьми комет в «Летающем пролетарии», проекте «городов-аэропланов» с людьми «землеводами и солнцеводами» В. Муравьева. Конструктивисты проектируют объемно-геометрические летательные аппараты (А. Родченко «Летящая форма» (1919), К. Медуницкий «Конструкция» (1921)), не говоря уже о моделях непосредственного назначения, как «Станция межпланетной связи» (1919) В. Люшина.

Вариации грядущей жизни поощряют фантастическое визионерство в интерпретациях «нового мира». Развивая тему генезиса

---

[91] *Богданов А.* Всеобщая организационная наука: Тектология. Т. 2. Л.; М., 1927. С. 206.
[92] *Святогор А., Иваницкий П.* Биокосмизм: [Материалы]. № 1. М., 1921. С. 8–9.

мироздания от раннего цикла «Сотворение мира» (1908–1909), К. Юон в «Новой планете» (1921–1922) создает грандиозную космически-социальную утопию. В. Чекрыгин в графической серии «Воскресение» с экстатической виртуозностью передает процесс восстания мертвых из праха в грядущем универсуме.

В стремлении представить энергии и ритмы мироздания художники из группы «Амаравелла» (1922–1930) в своем искусстве во многих аспектах соприкасаются с творчеством М. Чюрлениса, А. Скрябина, с идеями русского космизма. Они моделируют другие миры – с иными условиями, параметрами, формами. В графическом цикле «Прозрачность» (1922–1923) Б. Смирнова-Русецкого материя как бы развоплощается, за ней проступает пространство космоса – первоисточника формообразования. В картине А. Сардана «Поэма изобилия» (1920) Вселенная раскрывается как творчески активная система, в которой непрерывно созидается жизнь и красота, воплощающаяся в различных формах.

Вариации миростроения в отечественной живописи 1920-х годов

Визуальные манифестации утопического миростроения репрезентируются в обновленных «системах координат» его творцов: и в новаторских пластических системах как радикальном моделировании мира, и в новой образности, базирующейся на освоенных художественных средствах. Многообразие пространственных концепций в отечественной живописи 1920-х годов демонстрирует обилие миростроительных вариантов в художественном сознании этого времени. Отметим некоторые из них.

К. Малевич варьирует возможности формообразования в не-земных условиях, предполагая проложить своим искусством путь к новой реальности. В его супрематических композициях при разрыве с визуальным опытом, абстрагировании от предметов, дано ощущение пространства – выраженное соотношением отвлеченных геометрических фигур. Пространство его работ – априорная бесконечность, соотносимая с абсолютной пустотой. Но и здесь, на умозрительном уровне, присутствует тема гармонизации целого и его фрагментов, связанная с философией всеединства В. Соловьева, установками русского космизма.

В начале 1920-х годов в ряде трактатов К. Малевич разрабатывает концепцию беспредметного мира. Супрематизм выступает у него теорией мироздания, супрематическая пластическая система – средством ее формирования. Устранение предметности как индивидуальных характеристик явлений приведет мир к стройной организованной системе – такова утопическая модель идеального мироустройства.

В. Кандинский, создавший новую систему изображения – взаимодействие в пространстве освобожденных от предметно-изобразительной достоверности форм-фигур, – в эти годы развертывает живописное сопоставление атома и вселенной в серии гравюр «Малые миры» (1922). В тексте «Точка и линия на плоскости» (1926) он постулирует эту связь: «...все „мироздание" можно рассматривать как замкнутую космическую композицию, которая, в свою очередь, составлена из бесконечно самостоятельных, также замкнутых в себе, последовательно уменьшающихся композиций. Последние же, большие или малые, тоже складываются в конечном счете из точек»[93]. В. Кандинский в абстрактной живописи – акте жизнетворчества – претворяет пространство духовной жизни универсума, где свойства различных феноменов корреспондируют друг с другом.

Дополняя принципы «аналитического искусства» теорией «знающего глаза», П. Филонов совершенствует свою «атомистическую» живопись в художественной утопии «формул» предстоящего «мирового расцвета». Космос П. Филонова подобен образу мира в трудах В. Вернадского и К. Циолковского: сложное устройство мирового пространства, заполненного полями и излучениями, картина миграций элементов, составляющих живое вещество биосферы.

П. Филонов отходит от геометризма, инициируемого современным технизированным миром. Пространство в его произведениях – фантазийно-визионерское. Следуя «от частного – к общему» в желании подражать методам природы, мастер воспроизводит картину становящегося мироздания – рождающиеся природно-произрастающие формы, генерирующие материю бытия.

Согласно разработанной К. Петровым-Водкиным «науке видеть» художник выступает выразителем сопричастности изображаемого Вселенной, – что достигалось посредством отклонения от распространенной горизонтально-вертикальной схемы построения картины. В специфике перспективы, вызванной «живым смотрением», художник стремится найти структурные основы мироздания: «сферичность», «чашеобразность» – в силу своего планетарного мировидения. И потому вроде бы реальный массив травяной зелени в полотне «Утро. Купальщицы» (1917) предстает и целым зеленым миром, словно наблюдаемым с высоты. А уходящий в сиреневые дали пейзаж с деревнями, пашнями, оврагами, косогорами – фон изумрудно-зеленого холма первого плана – в картине «Смерть комиссара» (1928) выступает символом прекрасной страны, ради которой погибает человек.

Своеобразная «космичность» наполняет и пластический проект созданной А. Дейнекой, Ю. Пименовым, А. Самохваловым панорамы героического строительства с широчайшими потенциаль-

---

[93] *Кандинский В.* Точка и линия на плоскости. СПб., 2001. С. 223.

ными возможностями для его творца – активного, гармоничного, физически совершенного нового человека. Строго выстроенные композиции, четкий ритм, определенный «канон» изображения действующих лиц фиксируют в мотиве шествия движение к новому мироустройству, как «процессия» в «Обороне Петрограда» (1927) А. Дейнеки, фриз рабочих на первом плане в «Даешь тяжелую индустрию!» (1927) Ю. Пименова. Более того, персонажи «Милиционера» (1923) К. Вялова, «Кондукторши» (1928) А. Самохвалова выражают, по мысли Т. Маловой, программную роль «организатора быта»[94] – центра и творца нового мира.

Стремлением воплотить «панораму современности» были движимы многие мастера этого времени. В работах художников ОСТ сочетаются грандиозный размах, протяженность пространства и тщательная разработка деталей. Пространство выстраивается через предметные формы, качественно преобладающие над средой, – автономные фигуративные изображения.

Соратники П. Кузнецов и М. Сарьян, новаторски претворившие в 1910-е годы образ Востока как «земли обетованной» гармонического всеединства бытия, и в 1920-е годы экспонируют картины слияния мироздания и человечества.

Целостность всего сущего П. Кузнецов подчеркивает «обволакиванием» всех предметов воздухом, цветовым согласованием крупных фигур первого плана и разворачивающегося за ними наполненного динамикой жизни, вибрирующего многокрасочного пространства – как бы «иного мира» и прекрасной страны праздника труда. В картинах «Сбор винограда» (1928), «Крымский колхоз» (1928) световоздушные потоки «эйдоса» формы пронизывают людей, включая их в общеприродную гармонию.

Определяющими характеристиками полотен М. Сарьяна становятся выделенные насыщенными цветовыми плоскостями, далеко развернутые пространственные планы, охватывающие огромные просторы: горы, долины с садами и пашнями, реки, пастбища со стадами животных («Армения», 1923; «Арагац», 1925). Точка зрения с большой высоты, как бы раздвигающая просторы маленькой Армении, фокусирует «панорамное» видение, благодаря которому образ обретает планетарный размах.

Образ идеальной земли, где реалии природы сочетаются с вымыслом, создает К. Богаевский, посвятивший свое творчество Киммерии. Еще в «гобеленном» цикле второй половины 1900-х годов обратившись к теме «золотого века», он в 1920-е годы в альбоме крымских ав-

---

[94] *Малова Т. В.* Динамические пространства ОСТа // Русское искусство: XX век: Исследования и публикации / Отв. ред. Г. Ф. Коваленко. М., 2008. С. 420. (Русское искусство: XX век; Т. 2).

толитографий (1923) претворяет космичность мироздания. Художник пишет грандиозные ландшафты с горными массивами, каменистыми утесами, лесами, долинами и фантазии на темы истории планеты («Атлантида», «Vanitas»). Контрасты масштабов, светотени передают величественность земных форм. Лишенная бытовых примет крымская природа предстает осиянной благодатным светом страной счастья и гармонии в рамках творимого мастером мифа о чудесной земле.

Искания представителей отечественной творческой и научной общественности 1920-х годов сближало остро актуальное тогда «вселенское» мировоззренческое устремление. Идеи строительства нового мира, нового искусства, нового человека – суть этого грандиозного утопического эксперимента.

1920-е годы отмечены темой образования новой художественной модели вселенной, где место Бога-творца, вселенского разума, Логоса занимает человек–художник–демиург. Творчество мыслилось в широчайшем контексте управления жизнью, психикой человека, созданием произведения, космосом. Наследующий национальной традиции эстетической реорганизации мира на основе универсальной гармонии, творчества как преображения планетарного масштаба, русский авангард явил новаторские формообразующие системы мироустройства (конструктивизм, супрематизм).

Понимаемый в идеально-утопическом ключе, основополагающий аспект постреволюционного периода – миростроительство – широко и разнообразно преломился в художественной практике. Дальнейшее развитие идеи миростроения претерпевает метаморфозы в связи с трансформацией культуротворческих потенций авангарда и общественно-идеологическими изменениями, ознаменованными партийной регламентацией художественной жизни в СССР. И в продолжение традиции русской культуры – искусства как строительства жизни – уже в русле социалистического реализма художественному творчеству предписывается функция корректирования мира, воспитания «нового человека».

Гусева А. С.

Фотомонтаж в Советской России: к вопросу о форме и методе. Теория и практика Г. Клуциса

Аннотация. Проведенное исследование, в том числе в архивах России, Греции и Латвии, позволило составить наиболее полное представление о методологии работы художника Густава Клуциса. Были выявлены приемы и формы, наиболее часто используемые в

фотомонтаже 1920-х годов. Изучение истории нового художественного языка тесно связано с анализом теоретических работ Клуциса, в которых обобщается практика становления нового направления в искусстве после революции.

Ключевые слова: Густав Клуцис, советское искусство 1920-х годов, советский плакат, латышские стрелки, метод фотомонтажа.

Photomontage in Soviet Russia: on the issue of form and method. Gustav Klutsis' theory and practice

Abstract. Based on the results of research carried out in many archives of Russia, Greece and Latviaan idea emerged of the methology of art work by Gustav Klucis. Forms and techniques were evaluated which were used more often in photomontage of the 1920s. Further examination of new artistic language is connected with analysis of theoretical works of G. Klucis, in which he generalized the practice of building a new movement in art after the Revolution.

Keywords: photomontage, G. Klucis, soviet art of the 1920s, soviet poster, Latvian rifleman, method of photomontage.

Фотомонтаж – революционный язык искусства, который стал результатом творческих поисков русского авангарда и соединил в себе технологические достижения начала XX века. Одним из первых в СССР начинает говорить об агитационных задачах искусства Густав Густавович Клуцис, бывший латышский стрелок, преподаватель дисциплины «Цвет» во ВХУТЕМАСе и, как сам он себя называл, «основоположник политического Фотомонтажа в СССР, работающий над созданием положительного образа в фотомонтаже». Он считал себя основателем нового вида изобразительного искусства, а сам метод – средством агитации и «оружием нового искусства», которое активно использовалось с начала 1920-х годов.

Сегодня революционные методы искусства тех лет привлекают большое внимание исследователей по причине их недостаточной исследованности. Наследие Г. Клуциса после его расстрела в 1938 г. было частично утрачено и разрознено. Значительная часть работ и архивов художника была изъята при аресте и долгое время оставалась недоступной для исследователей. Именно поэтому особый интерес представляют архивные материалы, которые открывают новые факты жизни и творчества Г. Клуциса.

В первую очередь речь идет о материалах Российского государственного архива литературы и искусств. Результативными стали поиски в фонде поэта-футуриста А. Е. Крученых[95], где была обнаружена большая серия эскизов и подготовительных зарисовок будущих фо-

[95] РГАЛИ. Ф. № 1334.

томонтажей Г. Клуциса. Вероятно, художник подарил или отдал эти документы на сохранение своему другу-поэту. К сожалению, многие из этих эскизов и зарисовок не подписаны, поэтому невозможно идентифицировать некоторые изображения, тем не менее часть фонда с авторским текстом Г. Клуциса и его черновиками представляет большой интерес.

Результативным оказался и поиск в архиве Национального художественного музея в Риге. Там обнаружен второй дневник Г. Клуциса с подготовительными набросками. Кроме того, в этом архиве хранится много материалов, переданных в 1980-х годах музею женой художника Валентиной Кулагиной и относящихся как к раннему периоду творчества Клуциса (1918–1920 годы), так и живопись 1936–1937 гг.

Довольно большой пласт работ был обнаружен в собрании Костаки, переданном в Музей современного искусства города Салоники. В этом собрании хранятся, например, ранняя работа «Динамический город», выполненная на деревянной доске, серия фотографий и негативов, при помощи которых создавались фотомонтажи. Кроме того, там находятся графические серии, позволившие выявить некоторые закономерности в творчестве художника, который, в частности, нередко повторял свои работы, чтобы добиться наилучшего результата.

Архивный поиск помог сформировать круг материалов, связанных с Клуцисом, которые позволяют оценить разнообразие и количество работ, выполненных в разных жанрах (чертежи для агитационных установок, фотомонтажные заготовки, плакаты, живопись).

При этом удалось выявить недостающие для полноценной научной работы документы. Прежде всего речь идет о дневнике жены Клуциса – Валентины Кулагиной, который по непонятным причинам хранится в частной коллекции и до сих пор недоступен для исследователей.

Изучение истории нового художественного языка тесно связано с анализом теоретических работ Клуциса («Мастерская революции», «О новых методах агитационного искусства»), в которых обобщается практика становления нового направления в искусстве после революции. Клуцис, в частности, писал: «Я был убежден, что революция требует от искусства совершенно новых форм, не существовавших никогда раньше... освободиться от груза прошлого, от старой школы и найти новые формы для настоящего».

Революционность фотомонтажа в творчестве Г. Клуциса глубоко связана с традициями русского авангарда. Особое значение художник придает форме и цвету, хотя фактором первостепенной важности считает «задачу», то есть идею, идеологию.

Еще в 1918 г., вероятно, благодаря общению с Элем Лисицким Клуцис попадает под влияние «конструктивистов». Взгляд на новую реальность, которую он «строил», и способы визуализации послереволюционного мира довольно полно проявились в композиции «Динамический город» 1919 г.

Русские художники той эпохи остро чувствовали перемены и необходимость переосмысления действительности. Они ставили своей задачей поиск границ нового мира в новой системе координат. В «Динамическом городе» художник, тогда еще студент, на деревянной доске «строит» новый мир, возникавший после революции. Тот факт, что композиция выполнена на деревянной доске, не может не привлечь внимания исследователей своей отсылкой к традициям иконописи.

Продолжая серию работ «Динамический город», молодой художник точно вписывается в тенденцию объемного супрематизма, демонстрируя неизбежное влияние Казимира Малевича. Ощущение движения сферы в пространстве возникает благодаря построению композиции, которая «движется» слева направо. Подвижная, послойная композиция со сферическим объемом, несомненно, была навеяна исканиями современников-авангардистов. Фон ее – белый с бледно-серым оттенком – соотносится с белыми фонами супрематистов. При этом художник использует метод коллажа, аккуратно компонуя и разделяя изображение планами разных цветов, тонов и текстур, словно исследователь, изучающий свойств материалов, фактурности и сочетания цветов. Клуцис усиливает это впечатление, смешивая чужеродные элементы, например, песок или бетон и называя свои работы «картина-вещь». Использование песка и бетона – материалов из самой современной тогда строительной индустрии – подчеркивает связь изображения с новой реальностью.

Это изображение будущего города знаменует отказ от предыдущих идей художника, который теперь по-новому смотрит на будущее, на жизнь, какой она может стать. Добавив еще и фотографии (первый опыт фотомонтажа, как о нем позднее отзывается сам автор), художник сделал изображение более актуальным.

При этом следует заметить, что, хотя Родченко и Клуцис стали прибегать к фотомонтажу примерно в одно время, сравнивать их творчество, на наш взгляд, нельзя. Художники, как известно, общались, Клуцис показывал коллеге свои работы, но Родченко занимался книжным фотомонтажом, был новатором в книжном оформлении, фотографией же занялся чуть позднее, в 1924 г. Густав Клуцис ставил перед собой и искусством фотомонтажа другую задачу – усиление актуальности плаката.

Увлечение Клуциса созданием трехмерных конструкций из реальных материалов было, несомненно, порождено его дружбой со

скульптором Наумом Габо. В августе 1920 г. Клуцис участвует в выставке «Новых реалистов»[96], которая проходила 15 августа на Тверском бульваре. Кроме того, еще одним источником вдохновения для Клуциса послужила модель Башни Третьего Интернационала Владимира Татлина, которая выставлялась на Восьмом съезде Советов в Москве в начале 1921 г.

Летом 1920 г. Клуцис становится членом группы УНОВИС – «Утвердителей нового искусства». В автобиографии он отмечает: «1921. Участие на выставке „Уновиса" – выставлены цветотоны, плоскостно-пространственные построения и в рельефе из разных материалов, в дальнейшем развитии положившие начало новому методу организации художественно-производственной вещи».

Опыт супрематизма и художников мастерской Малевича позволил Клуцису начать движение в сторону конструктивизма, проектирования «предметов для реальности». Конструктивисты считали эти трехмерные конструкции «лабораторной работой», полагая, что эксперименты с материалами и структурой помогут им разработать функциональные объекты для массового производства и таким образом принять участие в строительстве новой коммунистической среды.

Их работа была воссоздана в Национальном художественном музее Риги по фотографиям. Особенно интересно проследить, как этот опыт повлиял на разработку эскизов для «агитационной малой архитектуры» – складных киосков, радио-ораторов и других носителей информации...

После вступления в Институт художественной культуры (Инхук) Густав Клуцис отказывается следовать идеям супрематизма под руководством К. Малевича, отрицая станковую живопись как «явление буржуазное, индивидуалистическое, пассивное и не нужное», и ставит перед собой новую цель: «После периода абстракции, который закончился в 1920 году, направление моего дальнейшего развития было направлением развития агитационного и массового искусства».

В его первых фотомонтажах («Динамический город», «Ленин и электрификация всей страны», «Мир старый и мир вновь строящийся»), где за счет супрематических форм, фотомонтажа и лозунга отображается политическая мысль, идея, закладываются основы метода, которые определили дальнейшее творчество художника и его роль в конструировании образа власти в последующее десятилетие.

Клуцис считал себя основателем метода фотомонтажа, а сам метод – средством агитации и «оружием нового искусства». Советский плакат создавался для тиражирования, никакого намека на рукотворность или особенность тут быть не могло. И Г. Клуцис с при-

---

[96] *Шатских А. С.* Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922 гг. Дисс. ... докт. иск. М., 2001. С. 188

сущей ему аккуратностью и основательностью сознательно готовил проекты для легкого последующего тиражирования.

Фотомонтаж – технологически сложное искусство, и это ограничивало разнообразие его методов. Много времени приходилось тратить на разработку действенных технических приемов для массового тиражирования плакатов. Методы, выработанные автором к концу 1920-х годов, несомненно, революционны. Это и использование диагональных линий, выражающих движение, и разворачивающиеся из «точки» спирали и «активизация цветом», и использование геометрических конструкций для построения композиции, и выделение значимых символов размером, и тщательная работа с разномасштабностью изображения. Развитие этих методов можно проследить по черновикам, сохранившимся в РГАЛИ и фонде художественного музея в Риге.

В 1922 г. Клуцис развивает свои идеи в следующей серии агитационных установок в честь празднования годовщин Октября и Коминтерна, в которых художественные идеи были использованы для достижения политических, пропагандистских целей. Клуцис создал дополняющую серию агитационных стендов, трибун, «радиоораторов», радиотрибун и кино-фотостендов, которые включали трехмерные динамические слоганы и должны были размещаться на московских улицах в течение праздников.

Эти работы представляют интерес как с точки зрения изучения, так и для последующей реконструкции. Стенды, как предполагают их названия, создавались для выполнения специфических агитационных функций за счет изображения и звука. В проектах «Экран–трибуна–киоск к 5-й годовщине Октябрьской революции», «Установка к 4-му конгрессу Коминтерна», «Радиооратор Т. Зиновьев № 3», выполненных сериями, особый интерес представляют варианты построения текста и сочетания шрифтов, а также идеи специальных экранов, которые должны были транслировать изображение Ленина.

Ранние работы Г. Клуциса воплощают экспериментальность послереволюционного искусства и демонстрируют процесс становления нового искусства, впитавшего в себя идеи искусства дореволюционного.

В работах «Под знаком комсомола. Литературный альманах. № 2 1924» и «РКПб» 1924 года одним из стилеобразующих факторов становится использование в композиции агитационных установок из проектов художника 1922 г. Применение фотомонтажа позволило поместить проекты визуально в правильную среду и сделать их актуальными. Становится ясно, что геометрические формы совершенно иным образом организуют пространство плаката, и к этой мысли художник будет возвращаться в своем творчестве еще не раз.

В 1922 г. Клуцис делает фотомонтаж «Спорт», одну из наиболее удавшихся ранних работ, в которой, по мнению самого художника, до-

стигается сочетание цветов и форм совершенно авангардного толка. Развитие идеи движения начинается из центра, из точки и усиливается за счет спирали и фотомонтажей, дополняющих друг друга по диагонали. Явно просматривается влияние книжной иллюстрации.

Говоря о разработке методов, которой занимается художник в первые годы становления нового искусства, стоит обратить внимание на круг единомышленников Клуциса. Его жена, художница Валентина Кулагина, без сомнения, использует его методы, актуализируя плакат за счет фотографии и создавая иллюзию движения теми же способами, что и Клуцис (наклон руки, движения слева направо). Впрочем, она использует меньше фотографического материала, а основные фигуры выполняет в живописной, «отсталой» технике.

Власть в плакатах Г. Клуциса благодаря использованию фотомонтажа представлена четко, масштабно, что придает особую значимость этому символу. Рабочие, наоборот, представлены в меньшем масштабе, что создает контраст простого народа и политика или политиков. Среди изображаемых субъектов власти присутствуют в основном лидеры: В. И. Ленин (его изображение играет в работах Клуциса самую важную роль до 1931 года), И. В. Сталин (его изображение начинает появляться в плакатах Клуциса с начала 1930-х годов). Власть как символ силы изображается в виде руки или в виде субъекта власти, направляющего руку в призыве к действию. Важно отметить, что цвет используется как метафора, отсылающая к режиму революционной власти и ярко отражающая эмоциональное отношение к ней.

В таких работах, как «Рабочие и работницы. Все на перевыборы Советов» 1930 г., власть и сила символически представлены в виде руки, взывающей к действию. Путем уменьшения масштаба линией сверху вниз предполагается обезличивание роли человека-одиночки и создается ощущение единства народа, объединенного коммунистической идеей.

Цвет для Клуциса играет особую роль при разработке фотомонтажей. Как преподаватель практической части учения о цвете во ВХУТЕМАСе, он придает большое значение использованию цвета для активизации изображения.

В работе «Под знаменем Ленина – за социалистическое строительство» 1931 г. художник использует прием двойной экспозиции, совмещая портреты Ленина и Сталина. В этой работе Клуцис впервые обращается к изображению Сталина, заменяя один привычный визуальный образ власти, другим. В дальнейшем Клуцис придерживается концепции двух вождей Страны Советов – Ленина и Сталина.

Клуцис подчеркивает инновационную функцию фотомонтажа, который он считал важной вехой на пути развития революционного искусства: «Только благодаря фотомонтажу стал возможен новый тип политического плаката, обогащенный «новыми социальными

элементами». Под ними Клуцис понимал, конечно же, образ рабочего, нового социалистического человека, а также представления о строящемся коммунистическом государстве.

Примером работы, представляющей интерес с точки зрения применения фотомонтажа, является «Социалистическая реконструкция» и черновики к ней. Сама работа выполнена в 1927 г. в честь 10-летия Октябрьской революции. Сначала она была исполнена в цвете, с наклоном фигуры, благодаря чему динамичность композиции была выражена сильнее. Но в финальном варианте работы автор на первый план в левый нижний угол выносит динамическую фотомонтажную композицию, которая совершенно по-другому организует пространство, добавляет динамичности данной композиции. Она становится многоплановой в основном за счет цветового усиления. Внутреннюю динамику «Социалистической реконструкции» придает соединение горизонтальных и вертикальных элементов, на первом плане композиции движение идет сверху вниз, а основная линия развития динамики – параллельно снизу-вверх, перекрестное движение создает ощущение нарастания динамичности.

Художник тут подошел к построению композиции принципиально другим методом, но сам фотомонтаж выполнен с использованием легко узнаваемых изображений объектов и персоналий с добавлением крупноплановых постановочных фотографий, что ведет к минимизации информативности, предельной лаконичности образов, упрощая понимание зрителем общей идеи. Выделение фигуры рабочего подчеркивает важную роль каждого человека в строительстве нового государства, а уменьшение масштаба фигур на первом плане проясняет роль общества в строительстве нового государства.

Интересно рассмотреть работы, выполненные Клуцисом вместе с Сергеем Сенькиным. Вероятно, Клуцис и Сенькин сближаются на почве общих интересов, вместе ездят в Витебск. Но их творческие манеры развиваются по-разному. Сенькин увлекался супрематизмом, пытаясь создать свою концепцию, не связанную с идеями Малевича. По окончании ВХУТЕМАСа Сенькин и Клуцис в 1921–1923 гг. основывают независимую экспериментальную мастерскую «Нового практического реализма» и начинают заниматься агитационным искусством.

В фотомонтаже «РКП» Клуцис решает задачи агитационного искусства, которые он и С. Сенькин ставили перед собой, когда в 1923 г. боролись за организацию Мастерской Революции во ВХУТЕМАСе. Применяя двухкрасочный фотомонтаж, используя в композиции изображения агитационную трибуну, Клуцис в своем творчестве связывает лозунг и агитустановку, совмещает в плакате разномасштабные фигуры и за счет цвета добивается глубины изображения. В подготовительных рисунках к данной работе видно, как Клуцис ищет наилучшее композиционное решение, выделяет фигуру вождя на

плакате цветом и формой. Здесь цветовые акценты расставлены несколько другим образом, но основное композиционное решение остается неизменным. Очевидно влияние конструктивизма и агитационных установок.

В 1927 г. Клуцис и Сенькин активно начинают сотрудничать и вместе разрабатывают действенные методы фотомонтажа. Работа над плакатом «Актив учись. Иди за советом в ячейку» нашла отражение в письме к жене художника от 11 июня 1927 г.: «Мы должны были закончить работу, которую мы с Сережей начали создавать уже давно. И представить эскизы в Министерство культуры, но мы это постоянно откладываем». Клуцис начал эту работу с Сенькиным, но под угрозой срыва заказа был вынужден делать ее в одиночку. Плакаты, выполненные Сергеем Сенькиным отдельно, несомненно, можно отнести методологически к кругу художников Густава Клуциса. Особенно стоит отметить методы диагонального расположения, выделения масштабом и активизации цветом.

Основное в методе фотомонтажа заключается в использовании фотомеханических свойств фотоаппарата и химии в целях создания изобразительной формы – фотомонтажа, вместо рисунка от руки. В этом самая существенная разница между фотомонтажом и другими видами искусства для Густава Клуциса.

В прениях к докладу 1931 г. «Фотомонтаж как новая проблема агитационного искусства» обсуждаются особенности взаимодействия художников и типографии, важность понимания технологического процесса несомненна с точки зрения художника. Сам фотомонтаж, столь трудный технологически в 1920-е годы, отмечается художником как важнейшее звено при создании работы. Об этом пишет: «Творческая деятельность художника проявляется уже при фотосъемке того или иного объекта, в выборе точки зрения, экспозиции, в регулировке химических процессов проявления, позволяющей выделить либо затушевать ту или иную особенность модели в соответствии с целевой установкой – идеей». Техническая составляющая была очень важна для художника как для практика. И она определяется у него формой и идеей.

Всю жизнь Густав Клуцис постоянно пытался осмысливать свое творчество теоретически, проблематизировать, намечать тенденции его развития. Однако аналитическая составляющая в его текстах подчинена не только личным эстетическим пристрастиям, но и идеологии, которую он разделяет. Таким образом, его доклады представляют интерес, в первую очередь, как артефакты и часть художественной практики.

Фотомонтаж для художника был ответом на беспредметничество, романтизацию и идеализацию образов рабочих в искусстве. Он считал, что «старые виды искусства (живопись, рисунок, гравюра) были

аполитичны и медлительны, надо было разработать для службы нуждам революции новый вид». В ходе своего творчества он создал новый метод организации плоскостного листа, особенность которого заключается в скомплексировании ряда политически актуальных материалов: политический лозунг, социально актуальное фото (в том числе и документальное) как изобразительная форма, цвет – как элемент активизации, графические формы, увязанные единой целевой установкой – достичь максимума выразительности, политической остроты и силы воздействия.

Говоря о форме и методе, Клуцис уже в зрелом периоде своего творчества отмечает: «Фотомонтаж не форма, а метод, метод, который своей исходной точкой имеет не форму, а условия, определяющие всякую форму – назначение данного плаката...». Метод для художника полностью определяет форму, и он сам считает фотомонтаж своим методом, который напрямую связан с условиями, назначения и места.

Особый интерес вызывает желание Г. Клуциса поставить «искусство фотомонтажного плаката на научной базе». Он предлагает организовать экспериментальные мастерские, лаборатории, чтобы изучать специфические свойства революционного плаката, воздействие на зрителя цвета, чтобы найти специфические особенности для плаката колхозно-совхозного, для городского, для цехового, для уличного и клубного. Он чувствует, что воздействовать на разных людей надо разными методами, но не может понять, какими методами и в чем их особенность.

В исследовании творчества и обстоятельств жизни Г. Клуциса остается еще немало пробелов. Но совершенно ясно, что он шел от практики к теории, от эксперимента к написанию своего незаконченного труда «Право на эксперимент», пытаясь понять, каким образом средствами эксперимента удалось задать тренд всему искусству 1930–1940-х годов.

Еремеева А. Н.

Проблема сохранения культурного и природного наследия в условиях революционных событий 1917 года

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения культурного и природного наследия в условиях Революции 1917 г. (с Февраля по Октябрь). В фокусе внимания – деятельность столичных и провинциальных научных объединений, их взаимодействие с властными структурами революционной России. На основе анализа материалов центральных и региональных архивов, периодической печати автор

реконструирует практики противостояния разрушительным тенденциям, инициативы в области формирования базы исторических документов и материальных свидетельств революционной эпохи.

Ключевые слова: Революция 1917 г., сохранение культурного наследия, охрана природы, музеи, архивные комиссии, научные общества.

The issue of preserving cultural and natural heritage in the context of the Revolutionary events of 1917

Abstract. This article concerns the main directions in the protection of cultural and natural heritage in the conditions of the Revolution of 1917 (from February to October), the activity of scientific societies in Russian capitals and in provincial areas, collaboration of scientific intelligentsia with institutions of revolutionary Russia. The text is based on the documents from the funds of central and regional archives, periodical publications. Author reconstructs the practice of confronting the destructive trends, initiatives in the field of forming the collections of historical documents and material evidence of the revolutionary era.

Keywords: Revolution of 1917, preservation of cultural heritage, protection of natural resources, museums, archival commissions, scientific societies.

Проблема сохранения культурного и природного наследия актуализировалась в годы Первой мировой войны в связи с разрушительными военными действиями, эвакуацией ценностей с западных и южных территорий. Важным фактором стали также государственный курс на мобилизацию внутренних ресурсов, пропаганда ценности и необходимости рационального использования отечественного потенциала, интенсификация исследования природных ресурсов России, курортное строительство. Поскольку события 1917 г. происходили на фоне продолжавшейся войны, начнем с характеристики охранных мер военного времени.

В ноябре 1914 г. была образована специальная академическая комиссия по охране ценных для науки памятников. В ее состав вошли представители как естественнонаучного, так и гуманитарного знания: академики И. П. Бородин, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, Ф. И. Успенский, Н. В. Насонов, А. А. Шахматов.

Важной задачей стала эвакуация ценностей из находящихся вблизи линии фронта городов. Например, экспонаты военно-исторического музея «Храм Славы» были размещены в 21-м вагоне и перевезены из Тифлиса в Ставрополь, а архив Кавказского наместника из Тифлиса «переехал» в Екатеринодар.

Много делалось для спасения ценностей с польских территорий Российской империи. Польское общество охранения древностей обращалось с воззваниями с просьбой сохранять и предоставлять сведения о памятниках польской старины, искусства и литературы, уже погибших вследствие военных действий, и тех, которым грозит гибель. Министерство народного просвещения выделяло средства на сохранение польских ценностей, препятствовало их продаже на железнодорожных станциях. Академию наук привлекали к получению сведений о предметах искусства, вывезенных из Лазенковского дворца, о вывозе старинных книг из Варшавской главной библиотеки[97]. Правление общества в годы войны получило в дар большое количество ценных предметов искусства.

Важной задачей представлялось также сохранение исторических памятников на территориях, находившихся под контролем русской армии. Многие научные объединения, в т. ч. Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины, поручали своим членам, отправлявшимся на фронт, вести регистрацию памятников[98].

На Западный фронт был командирован историк Е. Ф. Шмурло для охраны и вывоза ценных предметов, а также инвентаризация библиотек, древлехранилищ и музеев в Привислинском крае, Галиции и Буковине. Совместным проектом Академии наук и Русского археологического общества стали экспедиции в Трапезунд 1916 и 1917 гг. под руководством академика Ф. И. Успенского. Летом 1916 г. по инициативе Русского археологического общества была организована экспедиция на Ван под руководством Н. Я. Марра и О. А. Орбели. Главным ее итогом стало изучение надписи урартского царя Сардура II (VIII в. до н. э.). Турецкая южная Грузия стала территорией экспедиции Грузинского общества истории и этнографии под руководством Э. Такаишвили.

Историко-этнографические и памятникоохранные мероприятия на территориях, занятых российской армией, широко освещались в прессе. Они противопоставлялись вандализму держав – противников России, прежде всего Германии. Данная деятельность сочетала в себе научные и политические цели, способствуя формированию привлекательного имиджа России.

Проблема охраны природы в условиях войны неизбежно отошла на второй план, хотя затрагивались учеными, общественными деятелями, официальными лицами в связи с вопросами рационального

---

[97] Отражения войны // Старые годы. 1916. № 10–12. С. 158

[98] См.: *Еремеева А. Н.* Охрана культурного наследия на территориях подконтрольных русской армии как составляющая национальной и конфессиональной политики (1914–1917 гг.) // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи / Отв. ред. И. И. Горлова. М.; Краснодар, 2015. С. 181–205.

природопользования, образовательными задачами. Давал о себе знать мощный природоохранный импульс последних предвоенных лет. Особую активность в годы войны проявляли региональные научные организации краеведческого профиля. Внимание заинтересованных лиц привлекалось к необходимости постоянного контроля за состоянием объектов природного наследия.

Влияние затянувшейся войны с применением новой техники и технологий смерти на ландшафт и атмосферу осмысливалось современниками. Интересно послание начала 1917 г. Пензенского общества любителей естествознания следующего содержания: «Наблюдайте влияние войны на природу! Уже более двух с половиной лет ведется разрушительная война. Бесконечные лабиринты глубоких траншей, взрывы... снарядов, ядовитые облака удушливых газов, паутина проволочных заграждений с электрическим током... Вся эта война не может не оказывать известного влияния на окружающую людей природу...». По мнению составителей данного текста, влияние войны ощущалось даже на территориях «за десятки тысяч верст от зоны боевых действий». Члены общества решили «немедленно приступить к собиранию точных фактов по Пензенской и граничащих с ней губерний» и обратилось к единомышленникам из других регионов за содействием, выражавшимся в заполнении специальной анкеты[99]. Судьбу данного исследования проследить не удалось, однако сам факт свидетельствует о достаточно развитом экологическом сознании провинциальной интеллигенции.

Ученые и общественные деятели били тревогу по поводу сохранения действующих заповедников и инициировали формирование новых.

По инициативе Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО в 1916 г. был принят закон о заповедниках. Непосредственно перед Февральской революцией в Забайкальской области был основан государственный Баргузинский соболиный заповедник. Разрабатывалось положение о Кавказском государственном заповеднике «для сохранения на вечные времена в первобытной неприкосновенности местной природы с ее представителями растительного и животного царства, особенно зубров»[100].

Февральская революция, как любое социальное потрясение, несла в себе разрушительную силу. Деструктивная энергия масс нацеливалась, прежде всего, на то, что напоминало о самодержавном прошлом: дворцы с их интерьерами и произведениями искусства, памятники царям. По всей России имели место случаи вандализма. В Крыму матросами были разрушены памятники Александру II и в

---

[99] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 88. Л. 15.
[100] РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 2.

честь 300-летия династии Романовых; под угрозой оказался и ханский Бахчисарайский дворец. Памятник Екатерине II сняли с пьедестала в Нахичевани-на-Дону. В Ставрополе был поврежден памятник Александру II. Вновь созданные государственные структуры, а также научные общества призывали предотвратить уничтожение культурных ценностей.

В разосланном в провинцию воззвании от 27 марта Московского Археологического общества «всем ученым обществам и учреждениям, всем просвещенным людям» предлагалось «избрать из своей среды представителей в Комитеты общественных организаций... дабы дать таким образом культурному элементу возможность защищать памятники прошлого»[101]. Реагируя на него, председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич заявил: «Необходимо теперь, когда страсти так возбуждены, обратиться ко всему населению губернии с особым воззванием, в котором все жители Тавриды приглашались бы к бережному отношению к памятникам древности, старины и искусства»[102].

В июле и августе 1917 г. МВД Временного правительства составило и разослало всем губернским и областным комиссарам циркуляры об охране художественных ценностей. В них отмечалось, что ввиду имеющихся случаев порчи и уничтожения, необходимо сдать в местные архивные комиссии предметы, представляющие художественное или историко-археологическое значение. В случае отсутствия губернской комиссии, рекомендовалось привлечь к охране ценностей местные художественно-просветительские учреждения[103].

В условиях эскалации анархии значительно усилилась созидательная работа местных архивных комиссий. В новых вузовских центрах к их деятельности привлекались ученые, приехавшие из столиц. Историки Б. Д. Греков и Г. В. Вернадский, работая в 1917 г. в Пермском университете, были вовлечены в этот процесс. Г. В. Вернадский писал отцу – академику В. И. Вернадскому: «Вчера было заседание здешней архивной комиссии. Меня выбрали товарищем председателя (председателем – Грекова) и заведующим архивом. Главное, когда будут мирные времена, много тут работы, т. к. надо привести в известность, а частью собрать много архивов по всему краю»[104].

В июле 1917 г. в Петрограде прошло межведомственное совещание по вопросу о современном положении губернских Ученых ар-

---

[101] ГААО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 88. Л. 20.

[102] *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005. С. 423.

[103] Государственный архив Ростовской области. Ф. 136. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–3.

[104] Институт рукописи Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского НАН Украины. Ф. 1. Д. 26906. Л. 1.

хивных комиссий, постановившее созвать в текущем году съезд архивных деятелей России и отпустить средства Союзу архивных деятелей. В октябре 1917 г. министр народного просвещения сообщал Временному правительству: «В Министерство непрерывно поступают от всех местных архивных организаций ходатайства о немедленном созыве съезда для выяснения как положения их в связи с переживаемыми событиями, так и для выработки общего систематического плана охраны местных архивных материалов и древностей, подвергающихся повсюду опасности окончательного уничтожения»[105]. Однако Временное правительство доживало последние дни.

Активная работа в области охраны памятников развернулась на Украине. Инициативная группа из числа деятелей науки и культуры разработала проект Центрального комитета охраны памятников старины и искусства. В апреле по решению Центральной рады Комитет был основан. Его члены обратились к украинским гражданам с призывом не вывозить за рубеж исторические ценности, поручили губернским управлениям концентрировать в музеях предметы старины и искусства, связанные с историей украинского народа, беречь от повреждений, разграбления и разрушения исторические и архитектурные памятники. Во второй половине 1917 г. представители комитета провели обследование памятников в Киеве, Чернигове, Переяславе и других городах. Комитет создал при Академии художеств Украинскую национальную картинную галерею. Основой ее стали картины, переданные из частных коллекций[106].

По решению Центральной Рады члены Комитета, изучив фонды петроградских музеев, составили перечень художественных и исторических памятников, ранее принадлежавших украинскому народу, в том числе связанных с историей казачества XVI–XVIII веков, для возвращения на Украину[107].

Лидеры и участники крымскотатарского движения рассматривали охрану памятников национальной культуры как важную составляющую развития национального самосознания. Временный крымскотатарский (мусульманский) исполнительный комитет взял под свое управление Бахчисарайский дворец. «Было бы грешно с нашей стороны... бросать на произвол судьбы те памятники в виде построек, старинных книг, художественно-промышленных изделий, монет, утвари, оружия и проч. памятники, в которых таится все будущее счастье татарского народа, весь его дух, традиции и вся его ис-

---

[105] РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 389. Л. 23.

[106] *Розовик Д. Ф.* Центральна Рада й українська культура // Український історичний журнал. 1993. № 2. С. 26; *Нестуля О. О.* Охорона пам'яток України за доби Центральної Ради // Український історичний журнал. 1993. № 10. С. 104–117.

[107] См.: Українські культурні цінності в Росії: Перша спроба повернення. 1917–1918 / Упрояд. С. Кот, О. Нестуля. Київ, 1996.

тория» – подчеркивал в докладе на заседании исполкома директор дворца художник и археолог У. А. Боданинский[108]. Обращалось внимание и на другие ценные исторические памятники татар – в Евпатории, Карасубазаре...

Вырабатывались планы усовершенствования старых и создания новых музеев, в основном естественнонаучного и технического профиля, музеев наглядных пособий. Ростовская городская дума на заседании 7 декабря 1917 г., обсудив представление культурно-просветительной комиссии, постановила учредить в Ростове-на-Дону музей промышленности и сельского хозяйства. Для этого требовалось содействие научных и иных учреждений. Мотивы создания музея излагались следующим образом: «В богатом и оригинальном крае Юго-Востока России, промышленность и сельское хозяйство которого после войны должны занять в жизни края, но и всей страны выдающееся значение – создание музея промышленности и сельского хозяйства, как культурно-просветительного центра, безусловно, необходимо». Гласные думы, осознавая, что «своевременность организации музея с первого взгляда может вызвать сомнения и возражения в условиях переживаемого момента», считали, однако, «немедленную организацию музея целесообразной»[109]. Музей был открыт в 1918 г.

Осознание важности происходивших политических событий стимулировало подготовку к созданию музеев революции (или войны и революции) как в столицах, так и в провинции. В Архив и библиотеку Академии наук передавались ценные документы, рукописи, книги, в т. ч. материалы по истории освободительного движения и революции[110].

Уже 12 марта на имя председателя Архангельского общества изучения Русского Севера В. В. Шипчинского поступило письмо члена-корреспондента этого Общества А. Н. Попова о том, что «великие события последних дней неизбежно вовлекают в водоворот момента и Общество изучения Севера» и необходимо срочно начать сбор «материалов по истории Архангельска в дни переворота» и «по государственному строительству новой России». В качестве немедленной задачи предлагалось изучение «памятника отжившего прошлого – архива местного жандармского управления». Он должен быть передан в распоряжение научной организации ввиду «возможных покушений»[111].

---

[108] *Зарубин А. Г.* Из истории Бахчисарайского дворца-музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 211; *Ефимов А. В.* Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Там же. С. 221.

[109] Государственный архив Ростовской области. Ф. 521. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–1 об.

[110] *Есаков В. Д.* От императорской к российской: Академия наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6. С. 128–129.

[111] ГААО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 88. Л. 21–21 об.

Ставропольская Ученая архивная комиссия призывала население и политические организации присылать летучки, объявления, призывы или обращения к членам политических партий, брошюры, телеграммы и т. д.[112].

«Кубанский Третьяков», основатель и директор Екатеринодарской картинной галереи Ф. А. Коваленко выступил с инициативой создания на ее базе музея Великой революции и призвал население активно участвовать в формировании новых фондов – приносить газеты, журналы, прокламации, фотографии революционной поры[113].

Либерализация режима воспринималась частью населения как вседозволенность не только по отношению к памятникам истории, но к природным объектам. Журнал «Природа» печатал тревожные сводки следующего содержания:

«Вследствие аграрных движений, связанных с революцией, и высокой ценности мяса и кож, опасность истребления зубров чрезвычайно повысилась. Академия наук ходатайствует перед Временным правительством о скорейшем принятии необходимых мер для охраны.

Вследствие аграрных волнений в Таврической губернии угрожает опасность степному заповеднику, устроенному Ф. Э. Фальц-Фейном близ Аскания-Нова... Ходатайства об охране были направлены по адресу Временного Правительства, в частности, министру земледелия, а также в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Правительством был командирован специальный комиссар для расследования и принятия необходимых мер»[114].

Новороссийское и Бессарабское общества естествоиспытателей совместно с Крымско-Кавказским горным клубом, Южнорусским энтомологическим обществом разработали текст обращения об охране памятников южнорусской природы «путем объявления их национальной собственностью». Обращение было разослано не только в официальные инстанции, но и «большинству российских естествоиспытателей, различным ученым учреждениям». Особое внимание обращалось на защиту заповедника Аскания Нова[115].

Харьковское общество любителей природы выпустило в виде плаката составленное профессором В. И. Талиевым (назначенным комиссаром по охране природы Харьковской губернии) воззвание к русским гражданам о необходимости охраны русской природы, «особенно настоятельной в наше тревожное время». Общество пред-

---

[112] Государственный архив Ставропольского края. Ф. 198. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

[113] Кубанская жизнь. 1917. 30 марта. С. 2.

[114] Хроника // Природа. 1917. № 7–8. С. 883–884.

[115] Отчет о деятельности Общества Естествоиспытателей при Новороссийском университете за 1917 г. // Записки Новороссийского Общества Естествоиспытателей. Т. 42. Одесса, 1918. С. 4.

лагало выслать этот плакат всем желающим распространить его бесплатно[116].

На общероссийских и региональных съездах естественнонаучных организаций 1917 г. подчеркивалась общенациональная важность охраны природы, роль в этом представителей государства – охранных комиссаров, необходимость создания комиссии по устройству заповедников, представления в Учредительное собрание проекта закона об охране природы.

Обсуждался вопрос о специальном съезде по охране памятников природы. На заседании Кавказского общества акклиматизации животных с участием представителей Кавказского отдела РГО в Тифлисе 1 сентября 1917 г. подчеркивалась необходимость созыва съезда «не позже созыва Всероссийского Учредительного собрания», «желательно в одном из южных городов России – Харькове или Ростове-на-Дону». Участники заседания постановили «добиваться на съезде выработки мер к осуществлению действительной возможности охраны как уже объявленных на Кавказе памятников природы (Эльдарской сосновой рощи, Пицундской сосновой рощи, Лагодехского ущелья, рощи итальянской сосны близ сел. Наджвия Артвинского округа, Мазитского ущелья в Арешском уезде и Тифлисских лесных заказников), так и тех, которые пока только намечены к охране (роща крымской сосны близ сел. Архипо-Осиповка Черноморской губ., заросли царственного папоротника близ Адлера, Ткварчельское ущелье с зарослями тисса и самшита, лавровая роща на г. Урта в Зугдидском уезде, сосновые заказники близ Сарыкамыша, озеро Гей-Гель близ Елизаветполя, роща на Гунибе, сосновая роща на Шоанинской скале, Кавказский государственный зубриный заповедник, Бештаугорская лесная дача и защитный парк под Эльбрусом, окрестности Красной Поляны, исполинский чинар близ Шуши, исполинский бук близ Гагр и зимовье птиц в Кизил-Агачском заливе Каспийского моря». Кроме того, планировалось возбудить ходатайство о признании заповедными ряда новых территорий, в т. ч. «участка около 800 десятин на острове Сары, около Ленкорани, озера Ах-чала в низовьях Аракса для охраны гнездовий чаек и другой морской птицы; участка около ст. Далляр – для охраны турачей; окрестностей сел. Муганло Сигнахского уезда в Иорской долине – для охраны фазанов»[117].

В Записке с приложением карты от 2 октября 1917 г. члена КЕПС, географа В. П. Семенова-Тян-Шанского (сына знаменитого путешественника) «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» обосновыва-

---

[116] Хроника // Природа. 1917. № 7–8. С. 884.

[117] Съезд по охране памятников природы // Известия Кавказского отдела РГО. Т. XXY. № 2–3. Тифлис, 1917. С. 377–378.

лась необходимость основания в России не менее 46 национальных парков, в т. ч. в Европейской России с Крымом – не менее 22, на Кавказе – не менее 4, в Сибири не менее 14, в Средней Азии не менее 6[118].

Смена власти, начало Гражданской войны, с одной стороны, оттеснили проблемы, связанные с охраной памятников истории и культуры, с другой – еще больше актуализировали работу в этом направлении.

Зимин И. В.

Эвакуация императорских сокровищ в 1914–1917 годах, или «Путешествие из Петербурга в Москву»

Аннотация. Статья посвящена нескольким волнам эвакуации ценностей из Зимнего дворца за период с июля 1914 г. по октябрь 1917 г. Упомянутые ценности включали как коронационные регалии и коронные бриллианты Романовых, так и художественные ценности Императорского Эрмитажа. Статья основана на неопубликованных ранее архивных документах.

Ключевые слова: эвакуация ценностей, коронационные регалии, коронные бриллианты, Императорский Эрмитаж, Зимний дворец.

Evacuation of Imperial treasures in 1914–1917 or «Journey from St. Petersburg to Moscow»

Abstract. This article concerns the problem of few phases of moving of valuable items from the Winter Palace since July 1914 to October 1917. These values included coronation regalia and crown diamonds of Romanovs, as well as artistic values of the Imperial Hermitage. The article is enriched by unpublished information of original historical resources.

Keywords: evacuation of valuable items, Coronation regalia, Crown diamonds, Imperial Hermitage; Winter Palace.

Штурм Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. сразу же породил множество мифов, как «красных», так и «белых». Одним из самых устойчивых мифов, стало утверждение, что «большевики все разграбили». Так ли это?

Эвакуация ценностей из Зимнего дворца и Императорского Эрмитажа шла в несколько этапов. Первая волна эвакуации была связана с вывозом из Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца коронных драгоценностей и коронационных регалий в июле 1914 г. Это

[118] РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 14–20.

было вполне оправданное решение, поскольку речь шла не просто о бриллиантах и каратах, а о важнейших символах власти императорской России.

Императорские регалии и коронные бриллианты, а также важнейшие документы упаковали в восемь сундуков, которые 23 июля 1914 г. отправили по Николаевской железной дороге в Москву. 24 июля 1914 г. весь груз, прибывший в Москву из Зимнего дворца, принял хранитель Оружейной палаты Московского Кремля В. К. Трутовский. В числе восьми сундуков, вывезенных из Петербурга, были и два сундука с коронными драгоценностями. В сундуках № 4 и 5 были упакованы родословные книги Романовых и важнейшие документы. В этот же день чиновники Оружейной палаты составили «Акт о приеме на хранение в Оружейную палату ценностей, присланных из Камеральной части Кабинета Его Императорского Величества». Кроме восьми сундуков с ценностями из Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца, в Москву доставили и другие «грузовые места», в которые поместили наиболее значимые ценности из Кладовой № 2 Камерального отделения. Эти сундуки также отправили из Петербурга в Москву 23 июля 1914 г., но другим поездом.

В мае 1915 г. фронт, удерживаемый русской армией, был прорван, и началось отступление, продолжавшееся до осени 1915 г. В этой ситуации руководство Императорского Эрмитажа возобновило упаковку ценностей, продолжавшуюся несколько месяцев. Предполагалось, что ценности, особенно крупногабаритные, будут вывозиться из Эрмитажа и Зимнего дворца водным путем на баржах. Однако стабилизация ситуации на фронте к сентябрю 1915 г. привела к тому, что эти планы были заморожены. Об этом свидетельствует секретная переписка начальника Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог с помощником Министра императорского двора, которого извещали, что «согласно сообщению Начальника Штаба Верховного Главнокомандования от 8.09. за № 1613, общее положение дел на театре военных действий не представляет ничего угрожающего для резиденций Его Императорского Величества... по мнению генерала от инфантерии Алексеева, в настоящее время не имеется никаких оснований приступить к фактической эвакуации дворцового имущества. По сим соображениям, вопрос о вывозе из Петрограда драгоценностей Императорского Эрмитажа и Зимнего дворца водным путем до закрытия навигации текущего года отпадает»[119]. Вместе с тем, в документе оговаривается, что, тем не менее, «должны быть приняты меры своевременной предусмотрительности» и рекомендо-

[119] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 88. Л. 1. Секретная переписка с начальником Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог, о приобретении и ремонте судов и барж для эвакуации ценного имущества Эрмитажа и Зимнего дворца. 16 сентября 1915 – 17 июня 1917 гг.

валось приобрести две баржи «грузоподъемностью до 80 000 пудов», которые предполагалось использовать в «навигацию весною будущего года, если к тому встретится надобность. 14 сентября 1915 г.». На закупку указанных барж отпускалось 20 000 руб.

К марту 1916 г. две закупленные баржи уже стояли у Смольного монастыря. При этом все чиновники Министерства императорского двора помнили, как «пережитые уже в минувшее лето нашей столицей страхи и тревоги», так и «укладку вещей летом 1915 г.». А ситуация на фронте виделась чиновникам Императорского двора «туманной и неопределенной», в виду «весьма возможных попыток наступления нашего врага на Двинск и Ригу»[120].

К этому времени, как следует из записки с грифом «Секретно», составленной директором Эрмитажа обер-церимониймейстером графом Д. Толстым, «Работы по принятию чрезвычайных мер по охране сокровищ Императорского Эрмитажа от возможных опасностей войны к 8 сего марта представляются в следующем виде:

По галерее фарфора и серебра: сделано 104 ящика и куплено 53 баула, всего 157 вместилищ, в которые уложены все предметы галереи, за исключением орденского сервиза, некоторых статуэток из бисквита и статуэток Императорского фарфорового завода, изображающие народности России; По галерее драгоценностей: в 89 ящиках уложена большая часть собрания и наиболее ценные предметы из числа комнатной обстановки, как-то бюро, часы, вазы и пр. остается еще для укладки незначительное число изделий из слоновой кости, малахита (собрание императрицы Александры Федоровны) и некоторое количество изделий из камня, имеющих второстепенное значение. Для этих предметов имеется 10 свободных ящиков; По отделению средних веков: наиболее ценная часть собрания уже уложена в 56 ящиков, а для остальных (преимущественно предметов собрания оружия) имеется 12 готовых ящиков; По отделению древностей: уложены золотые клады и коллекции античного стекла в 71 ящик. Заготовлено 20 ящиков для разных камней и 55 ящиков для античных расписных ваз; По монетному отделению: изготовлено 142 ящика, из коих уложено 40 и остается свободными 102 ящика; По отделению новейшей скульптуры: изготовлено 19 ящиков, наиболее драгоценных статуй; По картинной галерее: изготовлены для Эрмитажных картин, разделенных по степени ценности на 5 очередей – 73 ящика и валы для накатки 13 картин большого размера; Всего изготовлено (с отправленными в Москву 9 сундуками) 714 ящиков, из коих упакованных 422.

В настоящее время намечается ряд подготовительных работ по упаковке наиболее драгоценных предметов комнатного убранства и

[120] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 88. Л. 15.

музейных вещей, входящих во вторую очередь, причем, все-таки, еще остается некоторое количество вещей, хотя и представлявших известную ценность, но которые технически крайне трудно было бы вывезти, как например статуи, главную массу предметов обстановки (канделябры, столы, вазы, стулья и пр.).

Остаток отпущенного в мое распоряжение аванса в настоящее время равняется 424 руб. 10 коп., на продолжение же работы потребуется еще, приблизительно, до 2 000 руб.»[121].

Однако ситуация на фронте во второй половине 1916 г. внушала оптимизм, и вопрос об эвакуации ценностей Эрмитажа и Зимнего дворца был отложен. Но при этом упакованные ценности так и оставались лежать в ящиках в залах Зимнего дворца.

После Февральской революции 1917 г. и отречения Николая II Временное правительство озаботилось судьбой ценностей, хранящихся в Зимнем дворце и Эрмитаже. Поэтому уже 17 марта 1917 г. от чиновников бывшего Министерства императорского двора потребовали немедленно сообщить «подробные и самые точные описи находящегося в подведомственных бывшему Кабинету Его Величества установлениях ценного, художественного и иного имущества, составляющего личную собственность бывших Государынь императриц, детей быв. Императора и членов быв. Императорского Дома»[122].

Наряду с составлением списков «личной собственности», чиновники Кабинета составили «Ведомость драгоценным вещам, находящимся в кладовой бывшего Кабинета Его Императорского Величества». Полная инвентаризация драгоценных вещей закончилась летом 1917 г. В указанной ведомости перечислено огромное количество различных ювелирных изделий с «разносом» цен в тысячи рублей. Итоговая стоимость всех этих «кабинетных» предметов – 1 484 068 руб. 47 коп.[123]. Все эти ценности хранились в кладовых Камерального отделения вплоть до сентября 1917 г.

Кроме этого, в Зимнем дворце на половине Николая II также имелись ценности и среди них часть знаменитой коллекции пасхальных яиц, принадлежавшей императрице Александре Федоровне. Так, в Угловом кабинете Александры Федоровны, находившемся на втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца, находилась угловая витрина, стоявшая между дверью, ведущей в спальню и окном. На полках этой витрины, в числе прочего, хранилось и де-

---

[121] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1190. Л. 1. Записка директора Императорского Эрмитажа о принятии мер по охране сокровищ на случай войны. 1914.

[122] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1409. Л. 1. С препровождением в особое делопроизводство Кабинета описи вещей и пакетов, сданных в разное время на хранение в Камеральную часть, составляющих личную собственность бывших Государынь императриц, детей быв. Императора и членов быв. Императорского Дома. 1917.

[123] Там же. Л. 43.

сять пасхальных яиц, знаменитой императорской серии. Эти пасхальные яйца были изъяты в мае 1917 г. и помещены на хранение в сейфы Камерального отделения С. Е. И. В. Кабинета.

Непосредственным поводом к изъятию царских драгоценностей из Зимнего дворца стало нарастание политической нестабильности в Петрограде весной 1917 г. («апрельский кризис» 1917 г.). 10 мая 1917 г. начальник Петроградского Дворцового управления генерал-лейтенант В. А. Комаров направил комиссару Временного правительства «над бывшим Министерством Императорского Двора» Ф. А. Головину записку, в которой испрашивал разрешение «передать на хранение в Камеральную часть б. Кабинета Е. В. находящиеся в помещениях Зимнего Дворца большой ценности вещи, составляющие собственность б. Императора и Императрицы, согласно прилагаемому списку»[124]. Ф. А. Головин, после соответствующих консультаций, «дал добро» на передачу императорских ценностей на хранение в Камеральное отделение Кабинета.

Сам процесс изъятия ценностей состоялся 17 мая 1917 г. Изымала драгоценности комиссия, в состав которой входил сам Карл Густавович Фаберже, который и составлял описания изымавшихся драгоценностей, в том числе и 10 пасхальных яиц императорской серии. Но политическая ситуация в Петрограде менялась так быстро, что даже специально оборудованные хранилища Кабинета не гарантировали сохранности драгоценностей.

Решение о «путешествии» царских драгоценностей «из Петербурга в Москву» было связанно с очередным политическим кризисом в Петрограде, который принято называть «корниловщиной». После подавления в конце августа 1917 г. корниловщины руководство Кабинета поставило перед Временным правительством вопрос о необходимости срочной эвакуации всех ценностей, хранимых в Камеральном отделении, Зимнем дворце и Эрмитаже из Петрограда в Москву. Временное правительство согласилось с предложением, после чего началась экстренная подготовка к эвакуации художественных ценностей.

Поскольку в Зимнем дворце и Эрмитаже хранились колоссальные ценности, которые полностью вывезти было невозможно, то для отбора наиболее ценных произведений искусства в июне 1917 г. образовали художественно-историческую комиссию. По свидетельству директора Эрмитажа Д. И. Толстого: «После долгого и всестороннего обсуждения всех вопросов, связанных с эвакуацией было решено распределить все собрания Эрмитажа на очереди с тем, чтоб

[124] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1410. Л. 5. Л. 1. О принятии из бывших учреждений Министерства Двора на хранение в Камеральную часть разных ценных вещей, составляющих собственность бывшего Императора и Императрицы. 1917 г.

поторопиться с вывозкой наиболее драгоценных и пустить их в первую голову»[125].

К середине сентября 1917 г. политическая ситуация в Петрограде обострилась настолько, что 12 сентября 1917 г. руководству Камеральной части предложили «командировать уполномоченное от Части лицо, для открытия бриллиантовой кладовой для приготовления вещей к отправке с 7 часов утра. Погрузка в пятницу 15 сентября в 8 ч. утра»[126]. 15 сентября 1917 г. спецпоезд «для нагрузки эвакуируемого из Петрограда в Москву ценного имущества б. Дворцового ведомства» был подан к 8 часам утра на товарную станцию Николаевской железной дороги. Эвакуируемые ценности погрузили и в ночь с 15 на 16 сентября 1917 г. из Петрограда в Москву отправился железнодорожный состав, вагоны которого были наполнены императорскими сокровищами. В ночь с 16 на 17 сентября 1917 г. «золотой поезд» прибыл в Москву и драгоценности сдали на хранение в кладовые Оружейной палаты Московского Кремля[127].

Второй эшелон с дворцовыми ценностями отправили из Петрограда в Москву в ночь с 6 на 7 октября 1917 г. Отправленный груз включал: разные часы, канделябры, вазы (17 ящиков), каминные украшения, ковры (9 тюков), 20 гобеленов (10 пакетов), скульптура и изделия из бронзы и драгоценных металлов до 200 предметов (61 ящик), драгоценности с икон часовни Спасителя на Петроградской стороне (1 ящик); в особом ящике венчик и риза, украшенные драгоценными камнями, к образу Спасителя при первоначальном дворце Петра I и вещи, пожертвованные к образу Спасителя; альбомы с рисунками и семейными фотографиями Романовых (5 ящиков), по отделу музея Эрмитажа (26 ящиков), по библиотеке Эрмитажа (10 ящиков); по архиву Эрмитажа (10 ящиков); по отделу гравюры и рисунка (10 ящиков); несколько десятков предметов художественной мебели. В итоге 134 ящика направлялись в Оружейную палату Московского Кремля, 56 – в Исторический музей.

Примечательно, что 11 октября 1917 г. рассматривался вопрос об эвакуации ценностей из Петрограда не в Москву, а на юг России. При этом, все места, обозначенные, как «желательные для эвакуации» являлись портовыми городами или резиденциями, расположенными близ моря: Ливадия, Массандра, Таганрог, Керчь, Феодосия. Вряд ли это случайно. Вполне вероятно, что рассматривая провинциальные Таганрог, Керчь или Феодосию в качестве мест возможного хранения

---

[125] *Толстой Д. И.* Революционное время в Русском музее и Эрмитаже // Российский архив. СПб.–М., 1992. Т. II-III. С. 346.

[126] РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1408. Л. 21. Переписка с Петроградским Дворцовым управлением об эвакуации имущества из бриллиантовой кладовой Зимнего дворца в Москву. 10–13 сентября 1917 г.

[127] Там же. Л. 21.

ценностей, имелась в виду и их дальнейшая эвакуация «за кордон». Видимо тогда, в октябре 1917 г. для проработки этого варианта элементарно не хватило времени. Поэтому очередной «золотой эшелон» вновь начали готовить для отправки в Москву.

16 октября 1917 г. последовало распоряжение бывшего Министерства двора о срочной эвакуации в Москву еще двух вагонов с предметами убранства Зимнего дворца. Погрузку ценностей, упакованных в ящики и складированных в помещениях близ Комендантского подъезда Зимнего дворца, планировалось завершить к 20 октября. Однако в силу ряда причин отправить поезд 20 октября не удалось, и отправку груза перенесли на 26 октября 1917 г.

Когда в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. матросы, солдаты и красногвардейцы ворвались в Зимний дворец, то в Комендантском подъезде они наткнулись на заколоченные ящики с дворцовым имуществом, подготовленным к отправке в Москву. В этой ситуации начались «эксцессы исполнителей», столь ярко описанные американским журналистом Джоном Ридом, который, как настоящий корреспондент, был в рядах штурмующих Зимний дворец.

Джон Рид констатирует, что после того, как большевики вошли во дворец, все входы были блокированы караулами, которые не только не пускали никого внутрь, но и начали вытеснять из Зимнего дворца случайную публику, которая желала одного – спокойно заняться мародерством. Д. Рид пишет, что выгоняли всех, «предварительно обыскивая»[128]. Во время обысков «были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры, писанные масляными красками, пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одеяла»[129]. Как видно из этого перечня, грабеж, что называется, имел место, но торопливый, случайный, когда хватали и шпагу с золотой рукояткой, и кусок мыла. Следует подчеркнуть, что грабеж Зимнего дворца продолжался буквально несколько часов и разграблению подверглись в основном комнаты на втором этаже резиденции, расположенные по западному «императорскому» фасаду.

Когда суета «штурма» улеглась, американский журналист не мог не пройтись по дворцу. В парадных залах, выходивших окнами на Неву, он увидел: «Картины, статуи, занавеси и ковры огромных парадных апартаментов были не тронуты. В деловых помещениях, наоборот, все письменные столы и бюро были перерыты, по полу валялись разбросанные бумаги. Жилые комнаты тоже были обысканы, с кроватей сорваны покрывала, гардеробы открыты настежь... В одной комнате,

---

[128] *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 98.
[129] Там же. С. 99.

где помещалось много мебели, мы застали двух солдат, срывавших с кресел тисненую испанскую кожу. Они сказали нам, что хотят сшить из нее сапоги. Старые дворцовые служители в своих синих ливреях с красной и золотой отделкой стояли тут же, нервно повторяя по старой привычке: „Сюда, барин, нельзя... воспрещается"...»[130].

Журналист вбежал во дворец с первыми штурмующими колоннами во втором часу ночи, а покинул его в четвертом часу утра. На «душевный» грабеж у штурмующих просто не было времени. Конечно, в октябре 1917 г. Зимний дворец понес утраты, но при этом, следует подчеркнуть, что шедевры Императорского Эрмитажа, включая вещи Галереи драгоценностей, остались нетронутыми.

Представляется, что пассажи некоторых современных авторов о том, что «Захваченный в ночь с 25 на 26 октября красногвардейцами, солдатами и матросами, дворец трое суток находился во власти толпы хулиганствующих люмпенов, расхитивших и обезобразивших значительную часть его внутреннего убранства», являются, мягко говоря, преувеличением.

Кроме журналистских записок Джона Рида имеются и документальные свидетельства, зафиксировавшие утраты нанесенные имуществу Зимнего дворца в результате его «штурма». Дело в том, что уже 26 октября 1917 г. члены Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце Верещагин и Пиотровский попытались проникнуть во дворец, но не были допущены туда воинскими караулами. Но 27 октября 1917 г. члены комиссии Надеждин и Пиотровский были вызваны (!) комендантом резиденции для выяснения ущерба, нанесенного Зимнему дворцу.

Вместе с председателем комиссии Верещагиным и библиотекарем В. В. Гельмерсеном в присутствии комиссаров Совета рабочих и солдатских депутатов Г. С. Ятманова и Б. Д. Мандельбаума и особо приглашенного известного русского художника А. Н. Бенуа они произвели осмотр помещений Зимнего дворца и результаты изложили в «Журнале Художественно-Исторической комиссии при Зимнем Дворце».

Отметим эту открытость большевиков. К осмотру резиденции не только привлекли мало симпатизировавших большевикам деятелей культуры, но и позволили им опубликовать собранные материалы. Совершенно очевидно, что новые власти были заинтересованы в этом, поскольку все их противники уже несколько дней проливали слезы над «дымящимися руинами» Зимнего дворца. Обследование продолжалось и в последующие дни. Эти материалы были опубликованы в «Журнале Художественно-Исторической комиссии при Зимнем Дворце». Фиксировалось также состояние помещений служебного характера: квартир и различных кладовых в пригородных им-

[130] *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 100.

ператорских резиденциях[131]. Например, 15 декабря 1917 г. в рапорте смотрителя Казика указывается, что «во время разгрома винной кладовой в октябре и ноябре месяце с. г. уничтожены погромщиками все тома описных книг и материальные книги... все вина, спирт, водки, разные напитки и минеральные воды, похищены, а также вылиты во всех помещениях погреба до последней бутылки»[132].

В кладовых Оружейной палаты Московского Кремля ценности пролежали до весны 1922 г. После этого началась их инвентаризация, а затем и распродажи. В ходе этих распродаж большая часть коронных бриллиантов была для России потеряна.

Кайкова О. К.

Московский Кремль и Революция 1917 года: дискуссии и практика формирования нового статуса

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования статуса Московского Кремля как государственной резиденции в послереволюционный период. Выделяются этапы этого процесса, показывается, какие факторы оказывали на него основное влияние, почему другие альтернативы оказались нереализуемыми. Также прослеживаются истоки масштабных разрушений многих древних памятников на кремлевской территории в конце 1920-х–первой половине 1930-х годов.

Ключевые слова: Московский Кремль, государственная резиденция, Большой Кремлевский дворец, советское правительство, охрана памятников, архитектурный ансамбль.

Moscow Kremlin & Revolution of 1917: discussions and activities of the forming new statuses

Abstract. The article covers the problem of forming the status of the Moscow Kremlin as a state residence after the revolution of 1917. The stages of this process are shown. The author analyzes the factors that had the main impact on it as well as the origins of the destructions of many ancient monuments in the Kremlin in the late 1920s – first half of the 1930s.

Keywords: Moscow Kremlin, state residence, Grand Kremlin Palace, the Soviet government, protection of historical monuments, architectural ensemble.

---

[131] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2274. Л. 3. Акт и переписка по обследованию помещений и имущества бывшей Гофмаршальской части, поврежденных и уничтоженных во время Октябрьского переворота. 31 октября 1917 – 13 апреля 1918 г.

[132] Там же. Л. 6.

Революция 1917 г. вернула Московскому Кремлю утерянный в XVIII столетии статус постоянной действующей государственной резиденции и тем самым положила начало новому этапу его истории. Обретение нового статуса происходило в сложных исторических условиях, на фоне глубинных и противоречивых преобразований в политической, социально-экономической, культурной и духовной сферах жизни Российского государства и общества.

В историографии тема Московский Кремль и Революция 1917 г. затрагивается преимущественно в двух аспектах. Прежде всего – как кульминационный момент установления советской власти в Москве, которое, как известно, сопровождалось кровопролитными боями, апогеем которых стал артиллерийский обстрел и штурм Кремля революционными силами. Этот сюжет хорошо известен и описан еще в советские годы. Кстати, во многом благодаря опубликованной еще в 1917 г. брошюре епископа Нестора Камчатского (Н. А. Анисимова) об этих драматических событиях[133]. На современном этапе история Кремля в революционный период привлекает, как правило, музейных специалистов, которые обращаются к ней в контексте судьбы кремлевских памятников и музеев[134]. Среди этой группы работ следует выделить публикации В. В. Павленко[135], которые проанализировали несколько проектов музеефикации Кремля первых послереволюционных лет и показали палитру подходов и мнений на проблему возможного будущего Московского Кремля в этот период.

В то же время необходимо взглянуть на этот период истории Московского Кремля через призму становления его нового статуса – государственной резиденции. Для этого целесообразно обозначить основные этапы формирования нового статуса Кремля в послереволюционный период. Рассмотреть, как реально происходил этот процесс, какие факторы оказывали на него основное влияние и почему предлагаемые альтернативы оказались нереализуемыми. Один из

---

[133] *Еп. Нестор Камчатский.* Расстрел Московского Кремля. М., 1995. (репринт. изд.).

[134] См. напр.: *Сергеева Е. Н.* Обеспечение сохранности исторических памятников Московского Кремля в первые месяцы Советской власти (из истории деятельности Комиссии Моссовета) // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Вып. 4. М., 200.; *Тенютюков В. И.* К истории разработки постановления Совета Народных комиссаров о превращении Большого Кремлевского дворца в музей // Мир источниковедения: Сборник в честь С. О. Шмидта. М.; Пенза, 1994; *Тутова Т.* Большой Кремлевский дворец в Москве: к истории организации музея в первые годы Советской власти (1917 – 1924 гг.) // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 71–78.

[135] *Павленко В. В.* Проекты музеефикации Московского Кремля в 1917–1918 гг. // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Тезисы докладов науч. конф. (Москва, 10–12 мая 2000 г.). / Под общей ред. Н. С. Владимирской. М., 2000; Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Вып. 4. М., 2001.

самых актуальных и болезненных вопросов истории Кремля в советские годы – снос исторических памятников на его территории. Наиболее сильная волна этих разрушений пришлась на тридцатые годы XX века. В связи с этим имеет смысл попытаться проследить, когда впервые зародились тенденции, получившие впоследствии реализацию в виде масштабных разрушений многих древних памятников на кремлевской территории.

Дискуссия о будущем Кремля началась сразу после Февральской революции, проходила как на уровне культурной и научной общественности, так и в государственных кабинетах. Конечно, широкая общественность достаточно быстро оказалась отстраненной от этого процесса, но она никогда не была равнодушной к тому, что происходило с Кремлем, и пыталась по мере возможности донести свой взгляд. Очевидно, что начальный этап в дискуссии о новом статусе Московского Кремля приходится на период между февральскими и октябрьскими революционными событиями 1917 г.

После Февральской революции имущество императорской фамилии перешло в собственность государства. Московская Городская Дума образовала комиссию по охране Кремля и московских дворцов и приему дворцового имущества под председательством Д. Д. Дувакина. В ее состав вошли известные архитекторы, искусствоведы, художники, историки, коллекционеры и представители общественности: Роман Иванович Клейн, Игорь Эммануилович Грабарь, Алексей Петрович Ланговой, С. С. Шестаков, Апполинарий Михайлович Васнецов, Василий Дмитриевич Поленов, Сергей Владимирович Бахрушин, Серей Иванович Щукин, Е. Ф. Вишневский, И. С. Кузнецов, В. И. Оловянишников, М. В. Челноков, Н. В. Тесленко. В июне 1917 г. комиссия разработала «Проект приспособления зданий Московского Кремля под музейный город»[136]. Авторы (архитектор Р. И. Клейн, искусствовед и реставратор И. Э. Грабарь, коллекционер Е. Ф. Вишневский, профессор МГУ и искусствовед А. П. Ланговой, архитектор и коллекционер И. С. Кузнецов), заимствуя западноевропейский опыт превращения королевских резиденций в национальные музеи (Лувр и Версаль – во Франции, Венецианский дворец Дожей – в Италии, Эскориал в Испании и др.), предлагали аналогичную модель для Московского Кремля. Согласно проекту, в Кремле предполагалось разместить коллекции Третьяковской галереи, Румянцевской галереи, галереи С. И. Щукина и других крупных

[136] Проект приспособления зданий Московского Кремля под Кремлевский Музейный город. Московская городская тип., [1917]. Также проект опубликован, см.: Музейное дело. Музееведение России в первой трети XX в. Сб. научных трудов. Вып. 24. М., 1997. С. 76–87; Нереализованный проект: Московский Кремль как музейный город // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6(55). С. 111–126.

московских частных собраний живописи и произведений искусства. В Кремлевском Арсенале, где в центральной части еще ранее было запланировано размещение Музея 1812 г., остальные помещения предлагалось отвести под «музей текущей войны», т. е. Первой мировой, и «музея быта и художественной обстановки». Старое здание Оружейной палаты предназначалось для периодических художественных выставок.

В неизменном виде в Большом Кремлевском дворце предлагалось оставить только парадные залы, собственные апартаменты и дворцовые храмы, а все прочие помещения отвести под музейные коллекции. Наиболее подходящими зданиями в Кремле для музейных целей рассматривались: Большой Кремлевский дворец, Кавалерский корпус, Арсенал и казармы (старое здание Оружейной палаты). В то же время предполагалось парадную часть Большого Кремлевского дворца использовать как апартаменты для официального представительства нового главы государства во время его пребывания в Москве.

Этот проект снискал одобрение в заинтересованных общественных кругах, через газеты началось активное информирование широкой общественности о нем, предлагалось вынести его на обсуждение Городской думы. Проект появился в июне, а уже в октябре 1917 г. в стране вновь произошли радикальные изменения.

Октябрьские революционные события вновь актуализировали вопрос о статусе и назначении Московского Кремля. Общеизвестно, что в ходе установления советской власти в Москве 27 октября–3 ноября 1917 г., Московский Кремль оказался в эпицентре уличных боев и подвергся штурму и артобстрелу. В результате архитектурному ансамблю был нанесен существенный ущерб, что повлекло справедливое возмущение общественности и актуализировало проблему дальнейшего статуса Московского Кремля.

Одной из первых на эти события последовала реакция Поместного собора Русской православной церкви, которые инициировали, во-первых, фиксацию разрушений в Кремле в результате революционных событий, во-вторых, предложили свой план охраны памятников Московского Кремля. Поместный собор предлагал объявить Кремль собственностью народа, вывести за пределы его территории все военные учреждения, а помещения передать культурным и благотворительным учреждениям[137].

Параллельно начала свою деятельность Комиссия по охране памятников искусства и старины при Моссовете, которая существовала

[137] См. подробнее: *Павленко В. В.* Проекты музеефикации Московского Кремля в 1917–1918 гг. // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Вып. 4. М., 2001. С. 76.

с ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г., явившись одной из самых первых в советской России организаций по охране памятников истории и культуры. Комиссия по охране памятников искусства и старины была образована на базе бывшего художественно-просветительского отдела по постановлению Президиума Моссовета[138]. Она сразу приступила к ликвидации последствий обстрела и штурма Кремля, реставрации памятников, учету имущества. На реставрацию Московского Кремля Совнаркомом были выделены значительные для того времени средства – 450 тыс. руб.[139].

В ноябре–декабре 1917 г. на заседаниях Комиссии вновь поднимался вопрос о превращении Кремля в единый музейный комплекс. Теперь эта идея получила воплощение в виде превращения Кремля в «Акрополь и Пантеон русского искусства»[140]. В Кремль начали свозить реквизированные художественные собрания.

Однако вскоре произошло событие, которое вновь кардинально поменяло ситуацию вокруг Московского Кремля. В феврале 1918 г. советское правительство принимает решение о переезде из Петрограда. 11 марта 1918 г. в Москву прибывает первый поезд с членами Совнаркома во главе с В. И. Лениным. Местом своей резиденции большевики выбрали Московский Кремль. Помимо высших органов государственной власти и управления в Кремль на постоянное место жительства вселились руководители государства, сотрудники правительственного аппарата, военнослужащие кремлевской комендатуры, подразделений государственной охраны, многочисленный обслуживающий персонал.

Уже к середине лета 1918 г. в Московском Кремле постоянно проживало более 1100 человек, из которых 450 вселилось после революции. Только в Большом Кремлевском дворце к концу 1918 г. официально прописались 59 человек. Общее количество постоянных кремлевских жителей к началу 1920-х годов составило более 2000 человек[141].

Размещение государственных учреждений и превращение уникальных кремлевских памятников в жилые помещения вызвало протест не только научной общественности, число противников такого назначения древнего Кремля пополнилось и представителями новой

---

[138] *Гарнюк С. Д.* Московская власть: Советские органы управления. Март 1917–октябрь 1993: Справочник. М., 2011. С. 193.

[139] РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 327. Л. 29.

[140] См. подробнее: *Павленко В. В.* Указ. соч.; *Сергеева Е. Н.* Указ. соч. // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Вып. 4. М., 2001. С. 76–77, 83.

[141] См. подробнее: Московский Кремль – цитадель России. М., 2009. С. 210–216; *Кайкова О.* «Непрерывная борьба из-за квартир...». Повседневная жизнь Кремля в 1920–1930-е годы // Родина. 2011. № 8. С. 33–42.

власти. Нарком просвещения А. В. Луначарский приехал в Москву позже других членов Совнаркома, и когда в Петрограде узнал о превращении Кремля в правительственную резиденцию, предпринял попытку противодействовать этому решению. Уже 19 марта 1918 г. он телеграфировал Ленину: «Согласно мнению художников, ученых, а также моих сотрудников и моему просил бы не обращать Кремлевский дворец в резиденцию правительства»[142]. А спустя еще несколько дней, 23 марта поддержал и направил на рассмотрение Совнаркома обращение петроградской коллегии по охране памятников старины, в котором выражалось опасение за сохранение Кремлевского архитектурного ансамбля: «Со временем произошедших политических переворотов в России, опытом установлено, что место пребывания правительства, как место наиболее интенсивной политической жизни, неизбежно влечет гибель многих памятников старины и искусства по условиям крайней ненормальности жизненной обстановки в моменты созидания государства на новых началах. Поэтому занятие Кремля правительством создает чудовищную угрозу целости величайших по своему мировому и исключительному значению памятников, какими являются башни, стены, соборы, дворцы и сокровища, собранные в Кремле, во всей их совокупности. Коллегия считает нравственным долгом обратиться к правительству с решительным призывом к безотлагательному освобождению Московского Кремля от размещенных уже в нем учреждений»[143]. Дважды в повестку дня заседания Совнаркома включался, но не рассматривался вопрос об освобождении Кремля от правительственных учреждений[144]. Несмотря на то, что эти попытки успехом не увенчались, борьба за музеефикацию отдельных кремлевских памятников продолжилась.

С момента переезда в Кремль и выбора его в качестве государственной резиденции начинается качественно новый этап его становления в новом качестве. Принципиальное изменение статуса и функции Московского Кремля вновь поставило вопрос о судьбе и назначении его памятников.

До окончания Гражданской войны наиболее заметно переплетение нескольких тенденций в решении этой проблемы. Во-первых, происходит формирование новой системы управления и обеспечения безопасности Кремля как государственной резиденции; во-вторых, складывается особый порядок внутренней жизни и бытовой инфраструктуры для обеспечения нужд проживавших на его территории; в-третьих, в ином виде, но оказалась востребованной идея превращения Московского Кремля в музей.

---

[142] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 660. Л. 1.
[143] Там же. Д. 191. Л. 4.
[144] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 88. Л. 19; Д. 93. Л. 69.

С первых дней приезда большевиков в Москву вокруг назначения кремлевского ансамбля в целом и его отдельных памятников началось противостояние.

Летом 1918 г. оформилась система подведомственности памятников Кремля. Наркомпрос настоял на передаче их в его ведение. В структуре Наркомпроса в мае 1918 г. создали специальный отдел, который развернул активную деятельность в Кремле – Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины.

Острейшее междуведомственное противоборство развернулось вокруг судьбы Большого Кремлевского дворца. Сторонниками превращения БКД в музей помимо Наркомпроса, выступали Наркомат имуществ Республики, Наркомат госконтроля, Комиссия по охране памятников искусства и старины Моссовета. Их усилия увенчались принятием 3 декабря 1918 г. Совнаркомом постановления «О превращении Большого Кремлевского дворца в музей»[145]. В январе 1919 г. дворец открыли для публики[146], но поскольку в нем по-прежнему оставались жильцы, а парадные помещения использовались при проведении многочисленных государственных мероприятий, претворение в жизнь постановления в намеченном виде не состоялось. Межведомственная борьба за Большой Кремлевский дворец протекала вплоть до середины 1920-х годов. Свои права предъявляли: Наркомпрос, отстаивавший музейное назначение дворца, комендатура Московского Кремля, отвечавшая за охрану Кремля и безопасность разместившихся здесь государственных учреждений и руководителей государства, и ВЦИК в лице Административно-хозяйственного отдела (АХО), занимавшийся хозяйственным обеспечением кремлевского хозяйства. Точку в этом споре поставила передача в 1924 г. дворца из Главнауки Наркомпроса в ведение ВЦИК и принятие положения о Большом Кремлевском дворце и инструкции, разграничивших сферы влияния ведомств[147].

Очевидно, что успех борьбы ведомств «за Кремль» напрямую зависел от политического расклада. Наиболее активным проводником идеи музеефикации Кремля выступал Отдел музеев и охраны памятников Наркомпроса, которым руководила Н. И. Троцкая, супруга

---

[145] См. подробнее: *Теньтюков В. И.* Указ. соч. С. 349–352.

[146] См. подробнее: *Тутова Т.* Указ. соч. С. 71–78.

[147] 12 сентября 1924 г. Президиум ВЦИК принял «Положение о Московском Большом Кремлевском дворце». Большой Кремлевский дворец (БКД) оставался «в целом зданием музейного значения», но состоял в ведении ВЦИК и обслуживался в административном и хозяйственном отношении АХО ВЦИК. При АХО ВЦИК учреждалась должность коменданта Большого Кремлевского дворца. Обязанности коменданта и круг его полномочий регламентировался особой инструкцией, утвержденной 1 октября 1925 г. Секретарем ВЦИК. Отдельный раздел инструкции регулировал взаимоотношения комендатуры БКД с комендатурой Кремля // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 133. Д. 307. Л. 28, 64–67.

Л. Д. Троцкого. Именно Н. И. Троцкая, апеллируя к полученному от правительства заданию по «организации целого ряда новых музеев» (Национального музея русского искусства, Музея народного искусства и быта, Музея восточного искусства и др.), написала Ленину, что в городе Москве отсутствуют помещения, удовлетворяющие требованиям музейного дела и способные «открыть широкий доступ народным массам к собранным в музеях художественным сокровищам». В связи с этим она обратила внимание на Кремлевский дворец. Ленин поддержал это начинание, наложив следующую резолюцию: «Я за передачу этого дворца под музей...» (26 ноября 1918 г.)[148]. После этого и состоялось постановление о передаче Большого Кремлевского дворца под музей в декабре 1918 г. Свои позиции в Кремле Отдел музеев заметно начал сдавать с 1923 г., когда на фоне серьезной болезни Ленина начался новый виток политический борьбы, и расстановка политических сил изменилась не в пользу Троцкого и его сторонников.

Тем не менее, именно в недрах Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса на исходе Гражданской войны появился очень любопытный документ, который можно рассматривать как первый шаг к осуществленной впоследствии масштабной реконструкции кремлевского ансамбля, предполагавшей снос сооружений на его территории.

В 1920 г. Отдел разработал и передал в кремлевскую комендатуру план Кремля, на котором свою подпись поставила Н. И. Троцкая. На нем все кремлевские памятники и сооружения разделялись на четыре группы, основным критерием выступала их археологическая и художественная ценность, конечно, с точки зрения советского руководства.

К первой группе «исключительного археологического и художественного значения» были отнесены 45 памятников: все кремлевские стены и 20 башен; полностью ансамбль Соборной площади; церкви и храмы Чудова и Вознесенского монастырей, колокольня Чудова монастыря; церковь Двенадцати Апостолов и Патриарший дворец; Теремной дворец, Грановитая палата и Золотая Царицына палата, все храмы Большого Кремлевского дворца и собор Спаса на Бору; ц. Благовещения и ц. Константина и Елены; домовая церковь в Малом Николаевском дворце; Потешный дворец и Царь-колокол.

Во вторую группу – просто «ценных в археологическом и художественном отношении» памятников вошли: Малый Николаевский дворец, здание Сената, в котором расположились ВЦИК и Совет народных комиссаров, Арсенал, часть зданий Чудова монастыря; Большой Кремлевский дворец, Оружейная палата; бывшая стрелецкая гауптвахта.

---

[148] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7525. Л. 1–3.

Третья группа классифицировалась как «частично древние» сооружения: помещения Вознесенского монастыря «с древним подвалом и частию 1-м этажом», часть помещений Чудова монастыря с древним 1-м этажом; Синодальная библиотека.

В последнюю группу, «не имеющих археологического значения», включили: часть зданий Чудова и Вознесенского монастырей, Потешный корпус, старое здание Оружейной палаты, Кавалерские, Офицерский, Кухонный, Гренадерский, Конюшенный корпуса[149].

Очевидно, что создатели этого плана не рассматривали архитектурный ансамбль Московского Кремля как единый комплекс, который необходимо сохранять в существующем виде. Наоборот, предложенное деление памятников фиксировало утверждение прагматичного подхода и открывало возможности для изменения облика Кремля. И следующий шаг в этом направлении будет сделан уже через несколько лет.

В «Генеральном плане Кремля» (1925) кремлевские памятники делились уже на три группы и не только по художественно-историческому значению, но и «способу их использования». К высшей категории относились первые две группы. Памятники первой группы признавались образцами зодчества музейного значения, «не подлежащими приспособлению под жилье или иные цели». Их ремонт должен был осуществляться только под контролем Отдела музеев Наркомата просвещения.

По сравнению с первым планом, в эту группу вошло на два памятника меньше. Звонница колокольни Ивана Великого и Потешный дворец включили во вторую группу – памятников зодчества, «используемых под жилье, иные цели» по согласованию с отделом музеев Наркомпроса, но «без изменения их внешнего вида и капитальных частей внутреннего убранства». Капитальный ремонт и покраска фасадов проводились, как и в первой группе, под наблюдением Отдела музеев. В числе этих памятников оказался Чудов монастырь и храм Екатерины XIX века. Внутри первых двух групп памятники делились по категориям: высшая, первая и вторая. Основным критерием в данной классификации выступало преимущественно время создания. Вот и получилось, что Большой Кремлевский дворец причислили к памятникам 2-й категории, а Стрелецкую караульную – к 1-й категории.

В третью группу отнесли памятники, «не имеющие художественно-исторического значения, подлежащие всякому использованию». Как указывалось в пояснении к плану, снос или капитальные

---

[149] План опубликован: *Девятов С. В.* Московский Кремль. Памятники и святыни. М., 2015. С. 113; *Кайкова О.* «Место пребывания правительства... неизбежно влечет гибель многих памятников старины и искусства...». Московский Кремль в начале советской эпохи // Родина. 2012. № 8. С. 104.

изменения их облика следовало согласовывать с Отделом музеев Наркомата просвещения «только ввиду некоторого значения в общем ансамбле Кремля». Кроме многочисленных служебных построек, в этом списке оказались: жилые корпуса Чудова и Вознесенского монастырей, Синодальная библиотека (XIX в.), Кавалерские, Офицерский, Кухонный, Гренадерский, Конюшенный, Потешный корпуса, погреб около Константино-Еленинской башни, памятник Александру II, электрическая станция Кремля, жилой дом при станции и сторожка. Всего 30 сооружений[150].

Логика такого деления кремлевских памятников позволяла надеяться на сохранность по крайней мере первых двух групп памятников, однако это деление оказалось условным. В 1925 г. начинается разборка шатра памятника Александру II, который в плане значился в группе сооружений «не имеющих художественно-исторического значения», а в течение 1928–1929 гг. Президиум ВЦИК принимает решение о сносе целого комплекса памятников Московского Кремля, относившихся к категории особо ценных.

Таким образом, к середине 1920-х годов стало очевидно, что статуирование Московского Кремля прежде всего как государственной резиденции, которая должна быть прежде всего практична и безопасна для работы правительственных учреждений, завершилось.

Межведомственное противоборство за контроль над Кремлем, в котором каждая из сторон отстаивала свою концепцию его назначения, завершилось в пользу сторонников использования Кремля исключительно как государственной резиденции, и музейная составляющая в последующие годы сводится к минимуму. В течение 1928–1929 гг. Президиум ВЦИК принимает решение о сносе целого ряда памятников Московского Кремля, относившихся к категории особо ценных.

Наиболее значительными утратами Кремля в первой половине XX века стали: Чудов (XIV в.) и Вознесенский (основан в конце XIV в.) монастыри, храм Спаса Преображения на Бору (первая пол. XIV в.), церковь св. Константина и Елены (XVII в.), Малый Николаевский дворец (XVIII в.), церковь Благовещения на Житном дворе (XVIII в.), Красное крыльцо (заложено в XV в., перестройка XVIII в.), в Большом Кремлевском дворце (XIX в.) были объединены два парадных орденских зала – Андреевский и Александровский, а их убранство уничтожено. Уничтоженные сооружения приносились в жертву интересам безопасности и удобства правительственных учреждений и кремлевских обитателей. Так, на месте Чудова и Вознесенского монастырей, а также Малого Николаевского дворца появилось административное здание. Вместо двух парадных залов, Андреевского и Александровского, появился Зал заседаний более чем на 2000 мест для проведения

[150] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2076. Л. 36.

партийных съездов и пленумов, сессий Верховных Советов СССР и РСФСР. На месте Собора Спаса Преображения на Бору – гостевая пристройка; вместо Красного крыльца, служившего парадным входом с Соборной площади в Святые Сени и Грановитую палату, – столовая для делегатов, депутатов и служащих кремлевских учреждений.

К началу 1930-х годов набирает силу и процесс выселения кремлевских жителей, растянувшийся на несколько десятилетий. Последние из высокопоставленных кремлевских жильцов покинули его территорию во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов.

Кокшенева К. А.

«Театральный Октябрь» и концепции преобразования сценического искусства: 1917–1921

Аннотация. Революции 1917 г. (Февральская и Октябрьская) привели к дифференциации театральной жизни, к «революции в театре». Раскол ее происходил, прежде всего, по линии ценностей и смыслов.«Подчинение искусства политике» или «подчинение политики искусству»? – на этот главный постреволюционный вопрос театральная интеллигенция отвечала, конечно, исходя из своего дореволюционного художественного опыта.

Ключевые слова: пролетарский театр, агитационный спектакль, «левые театры», академические театры, «Театральный октябрь», В. Э. Мейерхольд, К. С. Станиславский.

«Theatrical October» and the concept of transformation of performing arts: 1917–1921

Abstract. Revolutions of 1917 (both February and October) led to stratification of theatrical life, to «revolution in theatre». Its split folowed first of all artistic values and meanings. «Should the art be submitted to politics?» or «Politics should be submitted to the art»? The answer to this question depended on pre-revolution artistic experience.

Keywords: proletarian theatre, propaganda performance, «left» theatres, academic theatres, theatrical October, V. Meierkhold, K. Stanislavsky.

Предвестия и предчувствия

Революции 1917 г. (Февральская и Октябрьская) не могли не привести к изменению представлений об актуальных задачах искусства. Если Февральская революция в театральной среде была встречена с определенным воодушевлением, то Октябрь был воспринят более

сложно и скорее оппозиционно. В первом (январском) номере за 1917 г. театральный критик и издатель журнала «Театр и искусство» А. Р. Кугель пишет: «Мы тщетно ждем великих повторений. Их нет и быть не может... Сейчас оскудение потому, что мы накануне самоопределения новой демократии, новых общественных и народных слоев... Сейчас в искусстве, подобно промотавшимся кутилам, мы переписываем векселя».

К Октябрю 1917 г. русский театр пришел с огромным багажом. Во-первых, это были императорские театры, составляющие славу и историю отечественного театра (Малый и Александринский, Большой и Мариинский). Во-вторых, были театры негосударственные, частные, которые при этом существенно обновили эстетику национальной театральной культуры, как Московский Художественный театр или «Театр Суворина». И наконец, многие деятели «Театрального Октября» были связаны с эстетическими исканиями начала XX века. В отечественном дореволюционном театре был свой Серебряный век. Это была последовательность эстетических состояний, имеющая свою логику смены, свой алгоритм: условный театр, символистский театр, старинный театр, мистический театр, соборный театр. Если Золотой век русской культуры был веком «моцартианским», веком божественной гармонии, то Серебряный век – «сальерианским», давшим изобретательных художников: виртуозов, конструкторов, мистификаторов и богоискателей. Это была уже или «рукотворная гармония», а чаще та самая «алгебра искусства», формулу которой можно найти и «в театре исканий»[151]. Вместе с тем, в последней четверти XIX века появилось такое новое явление как «власть пера» и понимание современности как «модерна». Не просто «современность», в которой жили Станиславский и Москвин, Южин и Ермолова, но из современности выделяется ***нечто***, имя которому «модерн». Нам легко это понять: сегодня мы тоже видим, как из «современности» выделяется «актуальное искусство», «новая драма», «актуальные формы». «Модерн», «актуальность», «авангард» – это некая «особенная современность», передовой отряд ее.

В театральной культуре предреволюционной поры «передовой отряд современности» договорился до полного отрицания театра как устаревшей театральной формы, зависимой от литературы. Был объявлен «кризис театра» и потребована реформа – «вплоть даже до такой радикальной, как изгнание со сцены актеров и замен(ы) их марионетками...». Сборник «В спорах о театре» 1914 г. представлял, с

[151] В 1908 г. выходит сборник статей под названием «Книга о новом театре», где представлены самые различные концепции развития театра от «социалистического театра будущего» А. Луначарского и «условного театра» В. Мейерхольда до «театра одной воли» Ф. Сологуба и мистического театра Г. Чулкова.

одной стороны, «отрицателей»(Ю. Айхенвальда с его статьей «Отрицание театра»), а с другой стороны, тех, кто готов был оказать серьезное сопротивление взгляду на театр как на «отраду плебса»(А. Южин-Сумбатов).

А что же принес Февраль?

Никаких существенных эстетических концепций в театре не появилось. Театр освободился от духовной цензуры и цензуры вообще. Первыми на новые условия жизни откликнулись фарсовые театры. Они немедленно воспользовались свободами, что дала февральская революция. Невский и Троицкий фарсы, как и многие другие, объявили «бунт против стеснительных приличий». Злободневный репертуар фарсовых театров, театров оперетты, миниатюры и обозрения выглядел так: «Крах торгового дома Романов и Ко», «Вова-революционер», «партийный фарс» «Большевик и буржуй», «Царские грешки», «Ночные оргии Распутина»,«Царскосельская грешница», «Гришкин гарем», «Гришка Распутин, мужик всероссийский», «Распутин в аду», «Чай у Вырубовой» и пр. Пошлость тут прикрывалась модным лозунгом «разоблачения старого режима».

Впрочем, в московский сезон 1917 г. пьеса Анатолия Каменского «Леда» стала тоже «боевиком». Спектакль играли на сцене Камерного театра, и сопровождался он лекцией автора на тему «Социализация красоты». Артистка в роли Леды выходила на сцену полностью обнаженной. И это был главный «кунштюк», олицетворявший свободу, прежде невозможную в публичном пространстве. Каменский с этим спектаклем после московского успеха, отправился в турне по провинции. Помимо «запрещенной» «Леды» на сцене оказался «Хоровод» австрийского писателя еврейского происхождения Артура Шницлера[152], также прежде запрещенный «по соображениям нравственности». «Хоровод» страстей и похоти этой пьесы вполне отразил увлечение автора Фрейдом.

Фетишизация сексуальности всегда сопровождает революции.

Февральская революция в театре была, прежде всего, административной. И административно-юридическую реформу продолжила революция Октябрьская. 9 ноября 1917 г. был издан декрет Совета народных комиссаров о передаче всех российских театров в ведение отдела искусств Государственной комиссии по просвещению. А 26 августа 1919 г. появился декрет о национализации театров, – впервые в истории России театр полностью стал делом государственным. Ведущим театрам присваиваются звания академических: в 1919-м – Малому театру, в 1920-м – МХТ и Александринскому (переиме-

[152] Артур Шницлер (1862–1931) – австрийский драматург, прозаик и поэт, не относится к числу великих писателей своего времени. «Хоровод» был написан в 1896–1897 гг.

нованному в Петроградский Государственный академический театр драмы). Открываются новые театры. В Москве – 3-я Студия МХАТ (1920, впоследствии театр им. Вахтангова); Театр Революции (1922, позже – театр им. Маяковского); театр им. МГСПС (1922, сегодня – театр им. Моссовета); Московский театр для детей (1921, с 1936 – Центральный детский театр). В Петрограде – Большой драматический театр (1919); ГОСЕТ (1919, с 1920-го переезжает в Москву); Театр юных зрителей (1922).

Особенно сильно раскачивалась ситуация именно со «старыми театрами», объявленными наследием «придворно-аристократических затей». Ров между прошлым и настоящим активно рыли сами художники (или, можно сказать, сооружали высокую стену, каким стал 1917 год в культуре нашей страны). Режиссер Федор Комиссаржевский не стеснял себя в выражениях: «Казенные театры реакционны. Они консервативны. Они в своем, управлении и в деле сценического творчества самодержавны, ибо в них всегда царствует власть сильного, власть того, кто имеет... „привилегию", патент на „первача"»[153].

Идея свободы и классового антагонизма опиралась, как казалось «левым» художникам, и на идею справедливости. Революционное раздражение вызывали регалии, чинопочитание, титулы, «развратные гонорары знаменитостей», привилегии первых артистов труппы, «красная строка» на афишах. В противовес такому актеру (он был объявлен «буржуазным») выдвинулся «свободный» художник и гражданин.

Лозунг «демократизации искусства» имел абсолютную власть после Октября, причем под «демократизацией» понимали как борьбу «с привилегиями», так и политизацию эстетических концепций. Театральный октябрь, в сущности, начался гораздо раньше, нежели он был сформулирован и представлен «левыми» художниками как отдельная театральная программа.

«Театральный Октябрь»

Кто первым двинулся навстречу революции и активно принялся строить новый революционный театр?

Уже 7 ноября (ст. стиля) 1917 г. в Смольный на заседание ЦИК пришли Блок, Маяковский, Мейерхольд и Альтман (и ряд других художников), которые прямо заявили: революцию принимаем, новую власть приветствуем. С января 1918 г. Мейерхольд работает уже в ТЕО (Театральный отдел) Наркомпроса. В августе он вступил в РКП(б). В это же время при ТЕО открывает Курсы мастерства сценических постановок (Курмасцеп). Именно здесь формируются новые советские кадры режиссеров и теоретиков театра. Здесь же Мейерхольд со студийцами ставит «Зори» бельгийского символиста

[153] http//teatr-lib.ru/Library/Historia_T_1/History.

Э. Верхарна (пьеса 1897 г.). А к годовщине революции ставит в Театре музыкальной драмы «Мистерию-буфф» Маяковского. Эту пьесу он успел прочитать труппе Александринского театра, но актеры, «крестясь и тихо ужасаясь» предпочли откровенному богоборчеству «Мистерии-буфф» «Петра Хлебника» Л. Толстого (и этот спектакль тоже ставит Мейерхольд в 1918 г.). В сущности, пьеса Маяковского была «антимистерией», а мистерией был «Каин» Байрона 1920 г. в Московском Художественном театре.

Иван Бунин о революции писал в «Окаянных днях»: «Каин России, с радостно-безумным остервенением бросивший всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью». В театре искали ключ к теме Каина долго и трудно. Для Станиславского была важна духовная тема: «Разъясняя смысл мистерии, он прибегает на репетициях к сравнениям, которые волнуют исполнителей. Например: „Ленин испытывает то же, что Каин. Он мечется со своей программой, а Сухаревка его побеждает"... Станиславский хотел провести знакомую каждому „параллель". между утверждением большевиков, что они „несут благо мира (работа, добро, красота)", а на самом деле ведут „братоубийственную войну". В результате Каин „не принимает того, что есть", и это становится итогом пьесы»[154]. Критика не поняла глубокого ассоциативного ряда режиссера. Постановку подвергли жесткой критике «за опрощение». Каин для революционного, налитого кровью глаза, представлялся бунтующим героем, а его Московский Художественный театр давал как «маленького человека».

На другом полюсе театрального пространства ставились иные цели. «...Основной задачей настоящего является переоценка всех театральных ценностей на основе завоеваний Октября. А при таковой переоценке нельзя довольствоваться изучением игры Щепкина или Мочалова и замыкаться в узком кругозоре индивидуалистического театра XIX века. Ибо современный театр берет на себя отражение и художественное оформление сложнейших вопросов, связанных с классовой борьбой и далеко выходит из границ мировоззрения мещанства, купечества и интеллигенции дореволюционной России», – анализируя недавний опыт, писал критик А. Гвоздев[155].

«Театром политической мысли» видит Мейерхольд новый революционный театр. Он мечтает о театре международного Пролеткульта, а пока дает труппе Вольного театра новое название – Первый театр РСФСР. Предполагается, что театр станет массовым и «серийным», т. е. вслед за первым появятся РСФСР-2, РСФСР-10 и т. д. (была тут аналогия и с армейскими подразделениями, имеющими поряд-

---

[154] Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1919–1943. Ч. 1: 1919–1930 / Сост. О. А. Радищева, Е. А. Шингарева. М., 2009. С. 15.

[155] Театральный октябрь: Сб. 1. Л.; М., 1926. С. 3.

ковые номера). Мейерхольдовский Театр РСФСР-1 (ликвидирован в 1921 г.); театр С. Радлова «Народная комедия», студийное движение, в котором участвовали Вахтангов, Бебутов, Соловьев, Московский Теревсат (Театр революционной сатиры) – все это «передовые дозоры культурной революции».

Но театральная практика закреплялась как в театральной пропаганде, так и в теоретических высказываниях, которые транслировали идея революционного театра.

Программа «Театрального Октября была выдвинута В. Э. Мейерхольдом в 1920 г. Сторонниками «Театрального Октября»[156] выступили деятели «левого» театрального движения, идеологи футуризма и авангардных течений: Н. Пунин, пролеткультовцы, критик В. Блюм, теоретики С. Мокульский, А. Гвоздев, Н. Извеков, Вяч. Иванов, практики Ю. Анненков, Н. Евреинов, С. Радлов, Н. Петров, Н. Охлопков, Е. Габрилович и др. В этот период не только происходит демократизация и политизация театра, но и активно развивается направление агитационно-площадного уличного театра, – это так называемые «массовые зрелища». В Петрограде поставлены «Действо о III Интернационале» (1919), «Мистерия Освобожденного Труда», «К Мировой коммуне», «Взятие Зимнего дворца» (все – 1920); в Москве – «Пантомима Великой революции» (1918); в Воронеже – «Восхваление революции» (1918); в Иркутске – «Борьба труда и капитала» (1921) и др. Лозунг массовости искусства привел к огромному росту театральной самодеятельности – это театры Пролеткульта, позже – ТРАМы (Театра рабочей молодежи) и коллективы «Синяя блуза».

Революция, как тотальный социальный сдвиг, изменила смыслы и задачи творчества. Если для К. С. Станиславского, представляющего тип национальной культуры, творческий акт не был возможен без сочетания мышления понятийного и непосредственной интуиции, то для художников интернационального («левого») типа творческий акт был предельно рационализирован, когда «борьба за идею» становилась самой могущественной силой, творчески возбуждающей художника. (Новые театральные формы были «практичны», «полезны», предельно формализованы, а делание спектакля должно было напоминать любое иное производство).

Своеобразный революционный романтизм, «военно-коммунистические иллюзии» сблизили театр и реальность в это время до опасного расстояния – театры понимали себя агитаторами и публицистами. Подражание новым социальным формам – одна из смысловых и эстетических основ «левого» театра.

Программа «Театрального Октября» с ее «эстетическим демократизмом», с принципом «равенства всех перед культурой» отка-

[156] Название программы предложил критик В. И. Блюм.

зывала в актуальности «старым театрам», среди которых оказался не только Малый, Александринский, но и МХТ. Разрушение культурных ценностей – блоковский вопрос «стихии и культуры» – встал во весь свой трагический рост. Оперирование понятиями «буржуазный театр» и«акстарье» (академическое старье), «пролетарский театр» и «пролетарская культура» приводило к серьезным практическим результатам: в старой культуре не находили «ничего достойного жить», а потому ее пытались полностью разрушить. В первые послеоктябрьские годы, по существу, шла гуманитарная и политическая борьба со смыслами и традиционными концептами русской культуры ради «оптимистического искусства» мирового коммунистического интернационала.

В этот период издание ТЕО Наркомпросса – «Вестник театра» – стал пропагандировать исключительно программу «Театрального Октября». Передовая статья «Вестника театра» от 27 января 1921 г. так прямо и называлась: «Гражданская война в театре». В ней насаждались следующие «правильные мысли»:

«Как и следовало ожидать, театральный Октябрь, подобно своему великому отцу – Октябрю семнадцатого года, оказался чреват *гражданской войной*...

Смертельная опасность стянула в один лагерь вчерашних яростных противников, – и под святым покровом ассоциации гостеатров возлегли на лоне „академизма" А. Я. Таиров вкупе и влюбе с А. И. Южиным... И правильно: под угрозой надвигающегося *классового* врага такими несущественными представляются буржуазно-парламентские разногласия! Мелочной дрязгой стало казаться то, что разделяло, напр., Малый и Камерный театры, как только забрезжили первые пламенеющие зори театра РСФСР.

И *буржуазный* театр – истинная театральная контрреволюция – приступает к организации своих сил, вербует армию, развивает наступление и собирается вести позиционную войну...

Мы имеем резко обозначенный *театральный фронт*...

Гражданская война в театре бушует вовсю»[157].

И уже в следующем номере в передовой статье «Лозунги Октября искусств» (от 8 февраля 1921 г.) утверждалось:

«*Октябрь искусств* – преодоление *гипноза мнимых традиций*, прикрывающих собой неприятие новых форм, вредную косность, а зачастую вражду к принципам коммунистического строительства.

Октябрь искусств – борьба с шаблонной узкопросветительной тенденцией, которая насильственно втягивает пролетариат в плен феодальной, крепостнической и буржуазной идеологий.

---

[157] *Золотницкий Д. И.* Зори театрального Октября. Л., 1976 (http://teatr-lib.ru/Library/Zolotnitsky/Zori).

Октябрь искусств устанавливает подлинно марксистский подход к искусству в области его производственных отношений.

Октябрь искусств – это искание форм для вулканирующего содержания современности.

Да здравствует Великий Октябрь искусств!»[158].

Спектакль-митинг – вот эстетический и революционный идеал той поры.

Огромное значение для концепции революционного «левого искусства» имел «новый зритель». Опираясь на него, режиссеры и театры защищали свою претензию на тождество «левого искусства» с социально-политической программой Октябрьской революции. Принцип «массового общения» зрителя с искусством, увлеченность театров исторической активностью «коллективного зрителя» из рабочих, крестьян, красноармейцев продолжалась в художественной практике театров установкой на общее, вне личное – спектакли не подразумевали индивидуального впечатления частного человека. На спектакли приводили красноармейские части и «другие отряды организованного зрителя» «со своими знаменами и оркестрами»[159]. «Новый зритель» – это фетиш революционного театра. Но стоит решительно отметить, что революционный спектакль «Мистерия-буфф» (а позже «Зори» в Театре РСФСР-I) были приняты этим самым «новым зрителем» довольно холодно, что отразили анкеты.

«Торжественно и грозно раздаются звуки похоронного марша, – демонстрировал «власть пера» Э. М. Бескин. – Я видел, как зрители-красноармейцы инстинктивно снимают шапки. В театре ощущается биение общего пульса, общий ритм. А когда над гробом убитого руки рабочих ударами молота сокрушают колонну власти старого мира, весь зал и актеры сливаются под звуки „Интернационала" в клятве построить новый мир»[160].

Анкеты с опросом красноармейцев, посетивших мейерхольдовские спектакли, свидетельствовали отнюдь не о такой радужной картине, что рисовала «левая» критика. Да, о митинге как главном впечатлении о спектакле, говорится во всех анкетах, но оценка дается иная: «Слишком видна агитация – даже для малолетних. Получается не спектакль, а одна агитация, которую приходится довольно часто слышать, а хотелось бы развлечь себя, отдохнуть душевно от утомительной работы»; «мне понравилось как коммунисту, что театр может служить агитационным пунктом. Но если мы будет искать в театре искусство, то, к сожалению, искусство здесь отсутствует. Мы

---

[158] *Золотницкий Д. И.* Зори театрального Октября. Л., 1976 (http://teatr-lib.ru/Library/Zolotnitsky/Zori).

[159] *Февральский А.* Театральный Октябрь и «Зори» // Советский театр. 1931. № 1. С. 6.

[160] *Фамарин К.* [Э. М. Бескин]. Драма в Москве // Вестник работников искусств / 1920 / № 2–3. С. 62.

видим здесь как красивое топчут ногами. Пора опомниться». Зритель хотел «красоты» и «переживания» актера; зритель хотел правдоподобия» – всего того, что Мейерхольд с соратниками относили к старым и буржуазным театральным формам. «Спектакль не понравился – чересчур балаган», – припечатал другой зритель[161].

Станок и футуристическая конструкция – вместо декорации; динамика и механика в актерской игре – вместо «переживания роли»; новая «система движений», «новый жест» вместо психологического жеста, связанного со словом. «Левый театр» двигался от «демократизации искусства» в сторону его «пролетаризации», а дальше – к идеям конструктивизма, к созданию «производственного искусства» («конструктивизм есть современное мировоззрение», а грядущий «пролетарский театр» будет строить «образцы быта и модели людей», тем самым станет «лабораторией новой общественности»). Массовая «групповая игра», акробатика и пантомима – вместо «индивидуализма актера старого театра»; звуковой, световой монтаж, пересмотр основ современной драмы – создание «сценической драматургии», которая опиралась бы в своей идеологии на классовое сознание пролетариата и в то же время являлась бы составной частью «нового театра», – все это казалось бесспорным и «мощным орудием организации общественности» в руках режиссера. Деятели «Театрального Октября» опираются на традиции народного театра, т. е. на цирк, мюзик-холл, шумовой оркестр, эксцентрику, – отмечает критик С. Мокульский.

Появление в актуальном контексте слова «традиция» не случайно. Носители идеалов революции в театре к середине 20-х годов попытались найти уже более твердую опору, чем революционный пафос – они заговорили о традициях, «фундаментируя» свое театральное направление. Монополия «левых» на истину в искусстве раздражает партийно-государственное руководство театрами. Позиция власти отразил А. В. Луначарский: «Значит, резюмируем так, – сказал он, – все более или менее добропорядочное в старом искусстве – охранять. Искусство не музейное, а действенное – театр, литература, музыка – должны подвергаться некоторому не грубому воздействию в сторону скорейшей эволюции навстречу новым потребностям. К новым явлениям относиться с разбором. Захватничеством заниматься им не давать. Давать им возможность завоевывать себе все более видное место реальными художественными заслугами. В этом отношении елико возможно помогать им»[162].

«Театральный октябрь» свернут в 1921 г., а в 1923 г. Луначарский выбросит лозунг «Назад к Островскому».

---

[161] Опросные листы. Анкеты зрителей с отзывами по постановке драмы Э. Верхарна «Зори». – ЦГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 9/1.

[162] *Луначарский А. В.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1964.С. 488.

Котеленец Е. А., Сергеева М. О.

Творческая интеллигенция Серебряного века о Революции 1917 года

Аннотация. В статье анализируется отношение российской творческой интеллигенции к революционным событиям 1917 г. Использованы дневники и мемуары И. Бунина, Н. Бердяева, М. Горького, Ф. Степуна, З. Гиппиус и др. Рассматривается динамика отношений интеллигенции к революции – от восторга до полного отрицания, а также причины, подтолкнувшие творческую интеллигенцию к эмиграции.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, революция, эмиграция, мемуары.

Artistic Intelligentsia of the Silver Age about the Russian Revolution of 1917

Abstract. The article analyzes the attitude of the Russian creative intelligentsia to the revolutionary events of 1917. We study the diaries and memoirs by Bunin', Berdyaev', M. Gorky, F. Stepun, Z. Gippius etc. The dynamics of the relationship of intellectuals towards the revolution, from delight to complete denial, is being studied in the article. We study the reasons that pushed the creative intelligentsia in exile.

Keywords: creative intelligentsia, revolution, emigration, memoirs.

Историческая память – это один из важнейших факторов, объединяющих любое общество. Н. Бердяев отмечал, что «личность человеческая, не связанная памятью в нечто единое, не дает возможности опознать душу человеческую как некоторую реальность»[163]. Несомненно, 1917 год – это особый период в истории России. За сравнительно короткий промежуток времени произошли масштабные события, изменившие историю не только нашей страны, но и всего земного шара. Впервые появилась возможность превратить коммунистическую идею из утопии в реальность. Россия предложила альтернативу капиталистическому миру. Кардинальные перемены коснулись как общественной, так и личной жизни каждого человека. Для того чтобы составить полную картину происходивших событий, важно понимать, как к Великой русской революции относились различные слои общества.

Цель исследования – проследить, как менялось отношение к революционным событиям 1917 г. у представителей творческой интеллигенции Серебряного века. Высокий уровень образования, широчайший кругозор и осознанная эмпатия позволяли им достаточно

[163] *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М, 1990. С. 25.

полно анализировать проблемы, назревавшие в российском обществе. В данной статье была предпринята попытка понять и осмыслить события 1917 г. через воспоминания творческой интеллигенции Серебряного века, через их мемуары, письма, дневниковые заметки. В ходе исследования были изучены труды И. Бунина, Н. Бердяева, М. Горького, Ф. Степуна, З. Гиппиус и многих других.

Уровень образования и кругозор давали им возможность смотреть шире на проблемы государственного и политического управления, составлять более полную картину того, что происходило в стране. Как отмечал М. Гаспаров, представители интеллигенции были «осознавателями общественных движений», они чувствовали все то же, что и народ, «но в силу лучшего образования лучше это осознают и дают этому выражение»[164]. Представители интеллигенции были «русскими европейцами»[165]. В статье «Русская интеллигенция как отводок европейской культуры» М. Гаспаров отмечал, что «общественную роль интеллигенции стоило бы определить не словом «оппозиционность», а более широким: «авангард, разведка, эксперимент». Будучи шире образованной, более динамичной, менее закоснелой в традиционном мышлении, она выступает на первый план в те моменты, когда общество оказывается в непривычной критической ситуации, и реакции накопленного массового опыта не срабатывают»[166], что необычайно точно описывает ситуацию, сложившуюся накануне 1917 г.

Представители творческой интеллигенции Серебряного века мечтали о качественных изменениях в своей стране, считали, что революция – единственное спасение от стагнации, разложения, смерти государства, в конечном итоге. Многие сравнивали революцию с «лекарством», со спасительной «полостной операцией»[167]. Профессор Петербургского университета С. Аскольдов писал о революции: «это даже не болезнь, а некоторая стадия в процессе многих общественных болезней, именно та стадия, когда жизнь подавляется теми распадами и нарушениями физиологических отправлений, которые уже грозят смертью»[168]. П. Струве подчеркивал, что

---

[164] *Гаспаров М. Л.* Интеллигенция и революция // Записи и выписки. Новое литературное обозрение. 2012. С. 84.

[165] *Межуев В. М.* Интеллигенция и демократия // Свободная мысль. 1992. № 16. С. 34.

[166] *Гаспаров М. Л.* Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Международ. конференция «Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология»; май 1997, Неаполь / Сост. Б. А. Успенский. Новая серия под. ред. Н. Г. Охотина. Вып. 2(10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 20.

[167] *Бордюгов Г. А.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. М., 2012. С. 43.

[168] *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. (Сб. статей о русской революции). М., 1991. С. 211.

«недуг заложен глубоко» и «идейный кризис нельзя лечить ни ромашкой тактических директив, ни успокоительным режимом безыдейной культурной работы»[169].

Существовала ли определенная динамика в отношении творческой интеллигенции к революции? Как изменившийся политический и социальный «климат» приводил лучшие умы страны к мысли о неизбежности эмиграции? Почему интеллигенция так быстро разочаровалась в идее революции? Все эти вопросы встают перед нами спустя век. Тема революционных событий 1917 г. привлекала множество исследователей. Однако, большая часть работ направлена на анализ взаимоотношений интеллигенции и власти, многие из которых, в особенности советского периода, имеют яркую политическую окраску. Д. Лихачев отмечал: «Мы слишком часто употребляем выражение „гнилая интеллигенция", представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих „классом-гегемоном". Но в следственных делах оставались лишь те документы, которые играли на руку следовательской версии, выбитой из подследственных иногда пытками, и не только физическими»[170].

Необходимо отметить, что начало XX века в России характеризовалось социальным и психологическим кризисом. Представители творческой интеллигенции пытались найти смысл своего существования в культуре и искусстве других стран. Никогда раньше русские художники, поэты и писатели столько не путешествовали. Н. Гумилев открывал нашим соотечественникам чудеса Африки, И. Бунин завораживал рассказами об Индии, А. Белый путешествовал в Египет, К. Бальмонт – в Мексику. Вместе с тем, рос интерес к собственной истории, к своим корням, к народному творчеству, которое выглядело не менее экзотичным и интригующим. В. Васнецов писал картины на сюжеты русских народных сказок, А. Рябушкин вдохновлялся образом боярской Москвы, в творчестве Н. Рериха явственно прослеживался интерес к языческой Руси. Можно проследить также влияние допетровской России в музыке К. Лядова, Н. Римского-Корсакова, И. Стравинского[171].

На этом фоне Первая мировая война выглядела для них особенно трагично, к тому же, она была очень тяжела для России в экономическом плане. Творческая интеллигенция пыталась переосмыслить свое место в мире, найти свой вектор развития. Уже к 1915 г. в

---

[169] *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины (Сборник статей о русской революции). М., 1991. С. 163–164.

[170] *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 4.

[171] *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России: размежевание и исход. СПб., 1996. С. 23.

дневниках интеллигенции появляется предчувствие будущей катастрофы. З. Гиппиус в начале 1917 г. пишет в «Петербургских дневниках»: «Через год, через два, но будет что-то, после чего: или мы победим войну, или война победит нас. Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать»[172]. Ф. Степун в «Бывшем и несбывшемся» писал: «Всем было ясно, что Россия может быть спасена только радикальными и стремительными мерами. Но на такие меры власть была окончательно неспособна. Тень себя самой, изнутри безвольная, а потому и во вне бессильная, она, словно тяжело больной, лихорадочно металась от либеральной подачки к реакционной урезке и обратно»[173]. Это был «канунный час»[174].

Почти все представители творческой интеллигенции Серебряного века видели спасение в революции, она представлялась единственно возможным выходом из войны. Ф. Степун писал об этом так: «Я никогда не был революционером, больше того: во мне никогда не угасал как инстинктивный, так и сознательный протест против тех левых демократов, марксистов и социалистов-революционеров, среди которых протекала моя гейдельбергская жизнь. Несмотря на такое отношение к революции, я принял весть о ней радостно, в чувстве, что над мрачным унынием изнутри разлагающейся войны внезапно воссиял свет какого-то ниспосылаемого России исхода. В безвыходные минуты мы всегда склонны принимать новое за светлое»[175].

Февраль воспринимался как очищение, свобода, «чудо», революция для них была «светлой, как первая влюбленность». Новый вектор развития страны, надежда выйти из кризиса, все это окрыляло творческую интеллигенцию, которая считала себя ответственной за изменения в России. Ярче всего эта идея прослеживается в дневниках З. Гиппиус, которая беспрестанно пишет: «Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать»[176]. В начале 1917 г. все дневники и мемуары дышали тревогой и беспокойством, но уже в марте все они были полны восторгом. Очищение» и «обновление» – вот что виделось за этим катаклизмом»[177]. Ф. Степун отмечал, что «революция представляет собою нечто более реальное, чем Россия. Интеллигенция мечтала о демократии, об обновлении, развитии России. Революция в их глазах была «чудом рождения новой жизни». Горький отмечал, что «судорогой, за которою должно сле-

---

[172] *Гиппиус З. Н.* Петербургский дневник.М., 1991. С. 62.
[173] *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1956. С. 129.
[174] *Гиппиус З. Н.* Указ. соч. С. 54.
[175] *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 170.
[176] *Гиппиус З. Н.* Указ. соч. С. 78, 95, 62.
[177] *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 2016. С. 27.

довать медленное и планомерное движение к цели, поставленной актом революции»[178].

Однако, надеждам творческой интеллигенции не суждено было сбыться. В 1917 г. история предложила народу России две формы демократии. Первую – «европейскую», которую представляло собой Учредительное собрание, опиравшееся на думские традиции. И вторую, ранее не известную и не опробованную в истории, – советскую, созданную народом, снизу. Однако, очень скоро первые подчинились белым генералам с их стремлением реставрировать монархию, а вторые пришли к принципу однопартийности и милитаризма. И, в результате, страна выбирала не между двумя формами демократии, а между двумя формами диктатуры: «красной» и «белой»[179]. Этот выбор был этически неприемлем для большей части творческой интеллигенции.

Нужно понимать, что отношение интеллигенции к революции было неоднозначным и неоднородным. Были те, кто еще до революции поддерживал большевистские идеи и приветствовал становление советской власти. Например, К. Тимирязев, А. Блок, В. Мейерхольд, В. Брюсов, А. Таиров, В. Маяковский. Среди представителей интеллигенции были, также, «колеблющиеся», те, кто не мог провести резкую черту между «красным» и «белым». Однако, большая часть не смогла принять Октябрьскую революцию. Среди них – будущий первый русский нобелевский лауреат И. Бунин, известный авиаконструктор И. Сикорский, художник М. Шагал и другие. Других ждали «философские пароходы». Но, как ни парадоксально, те, кто боялся, ненавидел, проклинал большевистский режим, именно эти люди больше всего жаждали революции, ждали ее и возлагали на нее все свои надежды.

Последовавший кризис подтолкнул интеллигенцию к пересмотру позиций. Голод, невозможность найти работу, замкнутая бюрократическая система, – все это принуждало творческих людей эмигрировать из страны. Так, М. Шагал, вначале поддержавший революцию, писал в дневнике: «Голодные глотки славят октябрь», «я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включат ток?»[180]. Об этом же писали и многие другие представители интеллигенции. Все они сходились на мысли, что «все переходило в состояние бесформенности и разложения. Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции»[181]. Повсюду звучало одно слово: «голодно»[182]. Русская эмиг-

---

[178] *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 187; *Гиппиус З. Н.* Указ. соч. С. 92; *Горький М.* Указ. соч. С. 89.

[179] *Бордюгов Г. А.* Указ. соч. С. 34.

[180] *Шагал М. З.* Моя жизнь. М., 2000. С. 77.

[181] *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М, 1991. С. 153.

[182] *Шагал М. З.* Указ. соч. С. 40.

рантка А. Рэнд писала: «Красная власть взнуздывала страну», «тень растущего безымянного страха висела над городом, навалившись словно тяжелый туман на неосвещенные уличные углы»[183].

Особенно трагичным в сложившейся ситуации было то, что разрыв между крестьянством и интеллигенцией становился все больше. Возможно, если бы художественная интеллигенция смогла преодолеть эту пропасть, приблизиться к остальному миру России, история могла бы сложиться иначе. В обществе начала развиваться индустрия развлечений, массовая культура. Уровень театров-кабаре, кино, садов отдыха был откровенно низким, «на потеху толпе». Но интеллигенция лишь увеличивала разрыв, создавая произведения элитарной культуры, не только непонятные, но и недоступные простому обывателю.

Для творческой интеллигенции Серебряного века в одночасье наступили «противные, черные, страшные и стыдные дни»[184]. Надежды и восторги в дневниках уступили место всепоглощающему страху, «оргии смерти» и «дьявольского мрака»[185]. М. Горький, положительно принявший революцию, начал задаваться вопросом: «А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?»[186]. Ф. Степун с леденящим спокойствием описывал весь ужас, творившийся вокруг: Очереди на гроба были так же длинны, как на хлеб. Только одного было вдоволь – трупов в анатомическом театре. По свидетельству известного врача, у большинства из них были прострелены затылки. Таков был апокалиптический круг, в котором протекала наша жизнь. Описывая ее, я в дальнейшем буду сознательно оставлять в тени ее кровавые ужасы. Ужасами теперь никого не удивишь: подлинный, инфернальный ужас нашей нынешней жизни в том и заключается, что мы окончательно перестали ужасаться творящемуся в мире безумию»[187].

Представители утонченной, образованнейшей интеллигенции лицом к лицу столкнулись с голодом, смертью, лишениями. Это их ужаснуло. Не даром, готовя к публикации свои дневники, И. Бунин дает будущей книге название «Окаянные дни». «Какое громадное место занимает смерть в нашем и без того крохотном существовании!» – пишет он в апреле 1919 г. «А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти»[188]. А. Рэнд писала: «победу над нами одержала вошь», «мы народили извивающихся ничтожеств», «построили затхлую кухню с одной старой печкой... поста-

---

[183] *Рэнд А.* Мы живые. М, 2016. С. 11–12.
[184] *Гиппиус З. Н.* Указ. соч. С. 115.
[185] *Бунин И. А.* Окаянные дни. М., 2014. С. 70.
[186] *Горький М.* Указ. соч. С. 163.
[187] *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 255.
[188] *Бунин И. А.* Указ. соч. С. 70.

вили на огонь чайник и стали готовить варево из крови, пепла и стали»[189].

Интеллигенция мечтала о религиозном, возвышенном празднике, о духовном освобождении. А встретила слуг, крестьян, «босяков», которых не понимала и в тайне презирала за их малограмотность, ограниченность, простоту. Мир изменился и, вопреки ожиданиям интеллигенции, в нем не осталось места для «интеллектуальной элиты». По меткому определению Ф. Степуна, «все, как мыши, сидели в захлопнувшихся мышеловках и с замиранием сердца ждали того часа, когда кухарка, уже ставшая, согласно ленинской формуле, „министром внутренних дел", ошпарит их кипятком и выбросит на помойку»[190].

Надежда, экстаз, разочарование, ужас, эмиграция, – таков «жизненный цикл» революции в дневниках и воспоминаниях интеллигенции. Не все были готовы к голоду, всепоглощающей бедности, «раскулачиванию». Лишения, ненависть «бывших кухарок», во многом основанная на зависти, – все это подталкивало большую часть творческой интеллигенции Серебряного века, если не к бегству, то к эмиграции. Все это разочаровывало, угнетало и ужасало «романтиков революции». К тому же, они не могли творить в условиях несвобод. В атмосфере Гражданской войны и классовой ненависти представители творческой интеллигенции Серебряного века оказывались в невероятно сложной ситуации. Интеллигенция оказывалась перед дилеммой: «совесть» и «целесообразность». На одной чаше весов были совесть, честь, достоинство, – внутренние ограничители, которые определяли саму суть жизни творческой интеллигенции. А на другой чаше – целесообразность, необходимость подстраиваться под изменившиеся условия и социальную систему. Многие из представителей творческой интеллигенции Серебряного века не могли принять то, как изменилась их страна и общество.

Во Франции, Германии, Китае, США, Канаде – везде, где обосновывались русские эмигранты, появлялась новая культурная жизнь. До последнего вздоха эти люди отдавали самое себя Родине. Они стремились сохранить «свою» Россию для потомков. Так, как могли, там, где могли. Представители творческой интеллигенции Серебряного века создавали позитивный имидж своей страны за рубежом. Они искренне любили свою Родину и работали над популяризацией ее культуры, печатали книги, создавали кружки, школы и академии. Они надеялись, что однажды исчезнет ужас Октября и «русский народ обвенчается со Свободой»[191].

---

[189] *Рэнд А.* Указ. соч. С. 381.
[190] *Степун Ф. А.* Указ. соч. С 259.
[191] *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 2016. С. 5.

Купцова И. В.

Массовая культура и Революция 1917 года

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития массовой культуры в 1917 г. Революционные события способствовали ее активизации. Власти рассматривали ее как средство пропаганды, мобилизации и коммуникации с обществом. По своей форме массовая культура 1917 г. имела много общего с карнавальной моделью культуры (по М. Бахтину). Ее развитие характеризовалось эстетическим плюрализмом, символической размытостью, отсутствием идеологической цельности, активным диалогом с народной и элитарной культурами.

Ключевые слова: массовая культура, Революция 1917 г., диалог культур, карнавальная модель культуры.

Popular culture and the Revolution of 1917

Abstract. The article considers features of development of mass culture in 1917. The revolutionary events contributed to its revitalization. The authorities saw it as an instrument of propaganda, mobilization and communication with the society. The form of mass culture in 1917 had common features with the carnival model of culture (according to M. Bakhtin). Its development was characterized by aesthetic plurality, symbolic vagueness, lack of ideological integrity, an active dialogue with folk and elite cultures.

Keywords: mass culture, the Revolution of 1917, the dialogue of cultures, carnival model of culture.

Массовая культура – стандартная, не требующая специального образования для своего понимания культура, рассчитанная на массовое потребление[192]. Генезис российской массовой культуры большинство исследователей относят к рубежу XIX–XX вв.[193]. Большую роль в ее развитии сыграла Первая мировая война. Это объяснялось заинтересованностью со стороны властей в использовании ее пропагандистского потенциала, продолжающимся ростом городского населения и психологической потребностью общества в получении информации и в развлечениях. А. Коен считал важным фактором формирования массовой (публичной) культуры развитие гражданского общества, а также расширение публичной сферы и изменение самих форм искусства в силу массовой мобилизации[194]. И. В. Купцова

---

[192] *Лебедева В. Г.* Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2007. С. 6.

[193] *Зоркая Н. М.* На рубеже столетий. У истоков массовых искусств в России (1900–1910 гг.). М., 1976; *Лебедева В. Г.* Указ. соч.; *Соскин В. Л.* Советская массовая культура: у истоков (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2001.

[194] *Cohen A. J.* Imaging the unimaginable: World War, Modern Artand the Politics of Public Culture in Russia 1914–1917. Lincoln, University of Nebraskapress, 2008. P. 17–18.

указывала на процесс «профессионализации» массовой культуры и активизации ее диалога с элитарной культурой[195].

1917 год ознаменовал новый этап в развитии массовой культуры, что обусловливалось следующими причинами.

Во-первых, изменилось место массовой культуры «в результате революционной ломки устойчивого баланса популярных субкультур»[196]. В императорской России она была на периферии духовной жизни, ведущие позиции занимала элитарная культура. Сужение сферы последней в ходе революционных событий создало условия для развития массовой культуры.

Во-вторых, расширилось художественное пространство массовой культуры за счет неэстетических объектов, переноса деятельности художника на площади и улицы, где происходили основные события, где революционные массы пытались разобраться в них, высказать свое отношение на многочисленных собраниях, митингах, манифестациях.

В-третьих, произошло количественное увеличение потребителей массовой культуры за счет активных и пассивных участников революции.

Наконец, в активизации массовой культуры оказались заинтересованы власти. Идеологический фактор начал играть важную роль в политической жизни. Власть отводила массовой культуре не только роль пропагандиста и агитатора, ретранслятора политического мифа, но и активного участника процесса формирования репрезентативного образа, формы коммуникации власти и общества[197].

Культуру периода 1917 г. можно квалифицировать как «карнавальную». Понятие «карнавала» было введено в научный оборот М. М. Бахтиным, который определял его как народную культуру периода Средневековья и Возрождения, оппозиционную официальной христианской культуре[198]. Им же были сформулированы и основные черты карнавальной культуры: связь с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества, человека; конкретно-чувственный характер зрелищ, наличие сильного игрового элемента при неразрывной связи с реальной жизнью; всенародный характер, освобождение от господствовавшей правды и существовавшего строя, временная отмена всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов, особый язык символов и форм[199].

---

[195] *Купцова И. В.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 128.

[196] *Лебедева В. Г.* Указ. соч. С. 175.

[197] *Шелаева Н. В.* Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е годы: социокультурный аспект. Дис... докт. ист. наук. Саратов, 2014. С. 73.

[198] *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

[199] Там же. С. 16.

«Карнавальная» культура 1917–весны 1918 г. – это не классический карнавал, но, вместе с тем, она имела многие его черты. Кризисность эпохи, всеобщий характер массовой культуры, особый язык символов и форм не вызывают сомнения. Наличие игрового элемента можно увидеть как в создании искусственного художественного пространства, так и в активном использовании театрализованных представлений. Революция сама по себе знаменовала собой отмену всех иерархических отношений. Если в императорской России народ выступал лишь в роли зрителей, то теперь он стал полноправным участником культурного процесса. Особенностью «карнавальной» культуры 1917 г. стала ее инициатива не снизу (как в средние века), а сверху, со стороны властей, которые стремились через включение в искусственную атмосферу «карнавала» приобщить народные массы к революции. Поэтому она не была оппозиционной, а напротив, была частью официальной культуры.

«Карнавальный» вариант массовой культуры 1917–весны 1918 г. наиболее полно воплотился в форме революционного праздника. Он смог объединить различные виды художественной деятельности – архитектуру, живопись, театр, музыку, скульптуру, кинематограф.

Можно сказать, то праздник стал тотальным экспериментом массовой культуры, в котором оказались заинтересованы как сменяющие друг друга власти, так и художники. После февраля 1917 г. праздничная культура рассматривалась властью не только как механизм коммуникации с обществом, но и как способ легитимации, ритуализированная модель поведения человека, инструментарий для популяризации идеологии, развития революционной психологии народных масс. Площадка праздника предоставляла место для всех и каждого, независимо от эстетических пристрастий.

Для массовой культуры рассматриваемого периода были характерны: эстетический плюрализм (участие различных художественных группировок), многообразие форм, символическая размытость и отсутствие идеологической цельности, активный диалог с другими культурами, наличие (хотя и постепенно сокращающееся) свободы творчества.

Для «карнавальной» культуры в празднике была важна, в первую очередь форма, а не содержание, которое также изменилось после февраля 1917 г. Появились новые виды государственных праздников. Первый вид праздников можно назвать революционными: праздник свободы (10 марта), день похорон жертв революции (23 марта), праздник Интернационала (день рабочих) (18 апреля), с 1918 г. – день русской революции (12 марта) и день рабочих (1 мая). Основная задача здесь состояла в объединении различных социальных слоев населения и общественно-политических сил.

Второй вид праздников – патриотические, связанные с участием России в Первой мировой войне: Займ свободы (июнь–июль), «Праздник ударных батальонов» (14–15 августа). Их задачей была демонстрация патриотических настроений и сбор пожертвований. В 1917–1918 гг. формами праздничной культуры были: митинг-концерт, шествия, манифестации, демонстрации, митинги, народные гуляния. Праздник должен был охватить максимально большое количество людей. Поэтому он представлял собой полицентрическое пространство, хотя официально в Петрограде центром было Марсово поле, а в Москве – Красная площадь, локальные центры были размещены по всему городу.

В первые месяцы после Февраля праздники не отличались разнообразием, почти не содержали элементов театрализации и состояли из шествия под знаменами с оркестром и коллективного пения. Постепенно, ближе к 1918 г. они начали носить характер массовых театрализованных действий, посвященных важным революционным событиям. Праздники 1917 г. во многом отличались спонтанностью, отсутствием единого центра и сценария. Впервые эти признаки проявились в подготовке к 1 мая 1918 г. Именно с этим праздником М. Рольф связывает появление новой эстетики, использование символики и атрибутики советской власти, массовые шествия, плакаты и агитационные конструкции, временные памятные сооружения и декорации[200].

Особенностью первых послереволюционных праздников стала тесная связь с религиозными торжествами. Это нашло отражение в использовании крестных ходов и молебнов, сакрализации героев революции и мест их захоронения (организация похорон жертв революции 23 марта 1917 г. на Марсовом поле), участии духовенства. Слияние религиозного и политического сознания можно увидеть и в сравнении революции с Пасхой[201]. Включение старого праздничного канона в советский праздник и революционную культуру позволило власти точнее донести до рабочих и крестьян не только смысловую, но и политическую символику и «облегчить коммуникацию новой власти с народом»[202].

Для карнавальной культуры характерен игровой компонент. Например, В. П. Лапшин отмечает участие в первомайской демонстрации 1917 г. ряженых, которые в «живых картинах» отображали события и лозунги времени. Одна группа была одета в национальные костюмы народов, населяющих Россию, а другая изображала бывший царствующий двор[203].

---

[200] *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. С. 69.

[201] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 82.

[202] *Рольф М.* Указ. соч. С. 43.

[203] *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 121.

Важное место в «карнавальной» культуре занимает декоративная составляющая. В «карнавальной» культуре 1917–весны 1918 гг. она имела принципиальное значение. Именно через нее происходило усвоение массовым сознанием символов новой власти. Для украшения города к празднику использовались разнообразные средства массовой культуры: плакаты, лозунги, транспаранты. Формирование новой эстетики и семантики шло в процессе активизации диалога культур.

Можно увидеть активной диалог массовой культуры с народной. Традиционной формой их взаимосвязи был лубок. Лубок как форма массовой культуры, популярная в годы Первой мировой войны, постепенно утратил свое значение. Лубочные картинки оказались слишком малы для уличного пространства, поэтому они имели хождение в виде открыток (например, А. Постнова «Так вот что такое – императорский трон. Перед пугалом, значит, дрожали. Зачем же проклятую стаю ворон мы кровью своею питали?»; А. Радакова «Самодержавный строй»; его же: «Сказка о том, как жил-был царь Репка. В землю русскую засел крепко»). Но отдельные лубочные приемы (дробность формы, наличие больших текстовых фрагментов) начали активно использоваться художниками в написании плакатов (например, агитплакаты А. Апсита, выпущенные издательством ВЦИК в 1918 г.)[204].

Другой формой диалога с народной культурой стало активное использование символов и героев народного эпоса: солнца, радуги, Жар-Птицы, богатырей, Георгия Победоносца, образов военных и колонизационных подвигов из прошлого (Дмитрий Донской, Ермак). Например, в плакате Г. Пашкова использован образ святого Георгия – символ верности традиции и вера в неизбежную победу над злом[205].

Активизировался диалог массовой и элитарной культур, проявившийся в эклектичном смешении элементов различных стилей. Например, в оформлении площадей и улиц к 1 мая 1918 г. использовались барочные и классические арки, обелиски, триумфальные ворота, трибуны[206]. Определенную стилизацию модерна можно увидеть в плакатах Д. Моора, В. Дени, С. Иванова. В советском плакате некоторые мотивы и символика стиля модерн использовались в ином идеологическом значении или обретали в соответствии с актуальным коммуникативным контекстом новые функции, определявшиеся политической самоидентификацией общественной жизни[207].

---

[204] *Бабурина Н. И.* Искусство русского плаката XX века. Реальность и утопия. М., 2004. С. 76.

[205] Там же. С. 52.

[206] *Немиро О. В.* В город пришел праздник. Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л., 1973. С. 9.

[207] *Бабурина Н. И.* Указ. соч. С. 79.

Например, часто использовались аллегории Свободы, Справедливости, Победы.

Для придания большей убедительности революционной символике происходил активный диалог между формами массовой культуры. Например, можно говорить и об активном заимствовании изобразительным искусством приемов игрового кино. Под влиянием киноискусства претерпела изменение перспектива: центральный объект в композиции стали давать крупным планом, часть изображения – обрезать рамкой, создавая тем самым эффект пространственного расширения и динамики[208].

Наряду с процессом «цитирования» старых художественных образов и средств происходил естественный отбор и закрепление в массовом сознании новых символов. В дни Первомая 1918 г. серп и молот получил широкое распространение в оформлении улиц. Их помещали на флагах, панно, плакатах, триумфальных арках. Например, М. Добужинский в проекте оформления Адмиралтейства нарисовал двуглавого орла с красной звездой вместо царской короны, держащего в когтях серп и молот[209].

Другим важным символом стал красный цвет – символ жизни, свободы, победы, цвет Интернационала. Например, к празднованию Первомая 1918 г. Кутафья башня в Москве была обвита красной материей, вдоль Троицкого моста располагались два ряда красных флагов, в центре Троицкой башни – огромное панно с изображением могучего красного витязя[210].

Актуализируется понятие нового героя – солдата, рабочего и крестьянина. Становление этих образов происходило постепенно. Н. И. Бабурина считает, что впервые визуальная апробация образа новых героев появилась в плакатах, посвященных военным займам, целью которых было формирование позитивного образа патриота[211].

Важную роль в появлении новой символики обрело слово. Значительная агитационно-пропагандистская роль принадлежала лозунгам и призывам, которыми сопровождались панно, плакаты, транспаранты. Таким образом, происходил процесс сакрализации текстов (Коммунистического Манифеста, слова «Интернационала» и революционных песен, высказывания политических лидеров).

Для усиления зрелищности в праздниках широко использовалась характерная для карнавалов XVIII–XIX веков иллюминация. 1 мая 1918 г. на фасаде Николаевского вокзала в Петрограде ярко свети-

---

[208] *Бабурина Н. И.* Указ. соч. С. 48.
[209] *Немиро О. В.* Указ. соч. Л., 1973. С. 13.
[210] Агитационно-массовое искусство. Оформление праздников. М., 1984. С. 45.
[211] *Бабурина Н. И.* Указ. соч. С. 48.

лись буквы лозунга «Да здравствует Интернационал!». Прожекторы освещали знамена, склоненные над братскими могилами Марсова поля[212]. В искусстве светового оформления сочетались использование живого огня и электроосвещения.

Таким образом, в «карнавальную» модель массовой культуры 1917–весны 1918 г. оказались вовлечены декоративное искусство, плакат, театр, музыка, скульптура.

Несколько особняком стоял в этом ряду кинематограф, сохраняя независимые позиции. Вместе с тем, необходимо отметить его устойчивую популярность на протяжении всего рассматриваемого периода. Например, в Москве в 1917 г. был 71 электротеатр общей вместимостью 23 782 места. В день кинотеатры могли дать до 10 сеансов. Репертуар столичных кинотеатров в 1917 г. состоял из 514 фильмов[213]. Кино, как форма досуга была востребована. Репертуар отличался разнообразием – от военных хроник («Великие дни Российской революции от 28 февраля по 4 марта 1917 года», «Полное обозрение Петроградской революции», «Россия в дни великой русской революции», «Деятели великой русской революции», «8 марта – День работниц в Петрограде», «Первое мая в Петрограде»), до уголовно-приключенческих («Аввакум-кровопийца», «Свекор-душегуб и красотка Настя», «Погиб я, мальчишка, погиб навсегда») и любовных драм («Люди знойных страстей», «Любовный шквал», «Не разум, а страсти правят миром», «В угоду молоху любви», «Последний поцелуй смерти», «Ваши пальцы пахнут ладаном»). В репертуаре кинематографа Б. В. Аксенов отмечает появление весной 1917 г. нового термина – «распутинада», под которым подразумевалось появление огромного числа низкокачественной продукции (главным образом, кинематографической), созданной в угоду моменту[214].

Подводя итоги развития массовой культуры 1917 – весны 1918 г., можно сделать следующие выводы. Рассматриваемый период занимает особое место в истории отечественной культуры. В этот короткий переходный период массовая культура получила новый импульс развития. Именно она наладила диалог с народной и элитарной культурами, сохранив преемственность. Она смогла обеспечить необходимое равновесие различных эстетических платформ, создать атмосферу сотрудничества власти и художников, сохранить свободу творчества и в итоге благодаря «карнавальной» форме обеспечить коммуникативное единство общества.

---

[212] *Немиро О. В.* Праздничный город. Л., 1987. С. 60.

[213] *Аксенов В. Б.* 1917 год: социальные реалии и киносюжеты // Отечественная история. 2003. № 6. С. 7.

[214] Там же. С. 10.

Лиманова С. А.

Столичные памятники императорам и Революция 1917 года: коммеморативное противостояние

Аннотация. В статье анализируется изменение функциональности и восприятия памятников императорам в столичной городской среде накануне и в ходе Революции 1917 г. Поэтапно рассмотрен процесс складывания имперской коммеморативной практики, а затем причины и последовательность ее замены на новую, советскую. Особое внимание уделено трансформации монументальных образов монархов из династии Романовых, включая уникальную судьбу отдельных памятников.

Ключевые слова: памятники императорам, Романовский обелиск, коммеморативная практика.

Metropolitan monuments to the emperors and the Revolution of 1917: commemorative confrontation

Abstract. The article analyzes the change in the functionality and the perception of monuments to the emperors in the Russian capitals on the eve and during the Revolution of 1917. The process of the imperial commemorative practice formation is gradually considered, and then the causes and the sequence of its replacement by a new, Soviet one. Particular attention is paid to the transformation of monumental images of Romanov dynasty monarchs, including the unique destiny of some monuments.

Keywords: monuments to the emperors, Romanovsky obelisk, commemorative practice.

Борьба за переустройство государственного порядка в Российской империи начала XX в. включала множество аспектов. Одним из ее проявлений было оспаривание, а затем и физическое уничтожение символов самодержавной власти, к числу которых принадлежали имперские памятники. Традиция их возведения и открытия, начало которой было положено в XVIII в., в течение двух столетий превратилась в настоящее городское торжество. Особенной красочностью отличались церемонии открытия памятников в столичных городах – Петербурге и Москве.

Идея маркирования столичного пространства имперскими памятниками была заимствована Петром I из западных стран, которые опирались на культурные образцы и опыт Древнего Рима. Не желавший отставать от Европы российский монарх заказал скульптору Б. К. Растрелли три памятника самому себе, однако в продолжение царствова-

ния Петра I данное начинание не было реализовано. Первый памятник великому преобразователю возвели во второй половине XVIII в.: по заказу Екатерины II скульптор Э. М. Фальконе создал широко известный ныне образ «Медного всадника». При Павле I появился другой памятник Петру I – перед Михайловским замком. В XIX в. увековечивание деяний предшествующего монарха стало традиционным для ныне царствующего. В Петербурге были установлены памятники Александру I (Александровская колонна) на Дворцовой площади, Николаю I на Исаакиевской площади, Екатерине II на Александринской площади (ныне – площадь Островского), Александру III на Знаменской площади (ныне – площадь Восстания). На рубеже XIX–XX веков памятники императорам появились и в Москве: Александру II в Кремле и Александру III у храма Христа Спасителя. Скульптуры напоминали о достижениях каждого правления и способствовали воплощению определенного образа самодержавия.

Появление нового памятника на одной из столичных площадей с последующим закреплением его вида и локации в ментальных картах горожан подразумевало три основных этапа: «возведение», «торжественное открытие» и «вторичную мемориализацию». «Возведение» охватывало наиболее длительный период – с момента зарождения идеи до ее воплощения в виде конкретной скульптуры или скульптурной композиции, включая создание специального Комитета по сооружению памятника, сбор «народных лепт» на строительство, проведение конкурса, выбор места для установки памятника, наконец, его торжественную закладку в присутствии членов императорской фамилии. Возможность материального участия в возведении монумента уже делало тех, кто сдавал пусть и незначительные средства, сопричастными этому событию. Но самое интересное происходило во время «торжественного открытия».

Эта до деталей продуманная церемония была рассчитана на привлечение как можно большего числа зрителей. В ней участвовали император и его приближенные, высшие государственные чиновники, церковнослужители, представители войск и все желающие. Торжество сопровождалось праздничным декорированием улиц и площадей, церковными песнопениями и полковыми маршами. Кульминационным моментом было падение завесы с памятника. Хорошо отработанные церемонии открытия постепенно превратились в доступный и понятный столичным обывателям городской ритуал, а появлявшиеся имперские монументы становились городскими символами. «Вторичная мемориализация» осуществлялась посредством дублирования изображений – намеренного многократного воспроизведения видов памятников на монетах, открытках, фотографиях. Запечатленные в скульптуре образы становились частью повседневной жизни.

К концу XIX века эта уже устоявшаяся и вполне успешная коммеморативная практика впервые столкнулась с явными проявлениями недовольства. На страницах дневника А. А. Половцова, видного государственного деятеля, находим такую характеристику установленного в 1898 г. в Кремле памятника Александру II: «Памятник неважный... фигуру императора, окруженную с трех сторон галереями, приходится отыскивать и усмотреть можно лишь с лицевой стороны. Издалека видна лишь верхняя часть статуи; так что император не то сидит в ванне, не то увяз в болоте»[215]. Граф А. А. Игнатьев упоминает о хулиганской выходке, совершенной накануне дня торжественного открытия того же памятника. На прилегавшем заборе появилась выполненная углем надпись:

Безумного строителя
Бездарный выбран план –
Царя-Освободителя
Поставить в кегельбан[216].

На следующий год в ходе студенческих беспорядков распространилось большое количество подпольных революционных стихотворений. Среди них был вольно переделанный «Памятник» А. С. Пушкина, в котором всем известные строки приобрели новый смысл. Если изначальная идея памятника была тождественна идее возвеличивания, то теперь она походила, скорее, на уничижение:

Вознесся выше он главою смехотворной
На Невском [высшего] фонарного столба[217].

Высмеиванию подверглась высшая власть, не вызывавшая «чувства добрые», а «прославившаяся» лишь жестокостью, бескомпромиссностью и самодурством. Рифма не везде соблюдалась, но посыл прочитывался ясно: навязываемый образ монархии не соответствовал истинному положению дел. Критические суждения в адрес самодержавия усиливались.

Первую революционную волну 1905–1907 гг. удалось подавить, но недовольство продолжало накапливаться. Одним из ярких его всплесков стала общественная реакция на открытие в 1909 г. памятника Александру III. Появившийся на Знаменской площади памятник расценили как карикатуру на самодержавие. Критике подверглось все: место установки монумента, грузная фигура императора, топчущийся на месте конь и даже «по-кавалерийски обрезанный» лошадиный хвост, ставший предметом особых насмешек. Поэт А. С. Рославлев выразил это хлесткой эпиграммой:

---

[215] *Половцов А. А.* Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 214.
[216] *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 105.
[217] АРАН. Ф. 647. Оп. 1. Д. 152.

Третья дикая игрушка
Для российского холопа:
Был царь-колокол, царь-пушка,
А теперь еще царь-...[218].

Были и другие нелицеприятные отзывы художников, литераторов, публицистов. Как вспоминал скульптор И. Я. Гинцбург: «Публика первое время тоже с негодованием говорила о лошади и ее хвосте, утверждая, что это не лошадь, а бегемот. Но постепенно все стали привыкать к памятнику, и многие, сначала с некоторыми оговорками, стали его хвалить. В особенности поднялась популярность памятника, когда распространился слух о том, что Трубецкой (автор памятника. – *С. Л.*), вложил в эту работу особенную идею, и что памятник является символом России при Александре III: Россия, придавленная тяжестью одного из реакционнейших царей, пятится назад. Это толкование было подхвачено всеми с особенным удовлетворением, ибо оно соответствовало тогдашним настроениям русской интеллигенции»[219]. В 1909–1910 гг. В. В. Хлебников написал поэму «Памятник», главным действующим лицом которой вновь стала конная статуя Александра III. Целью произведения, полностью построенного в гротескном ключе, было показать всю бессмысленность самодержавного строя. Эту же мысль продолжил в опубликованном в 1913 г. стихотворении «Три Кумира» В. Я. Брюсов. По мнению поэта, три конные скульптуры Петербурга – памятники Петру I, Николаю I и Александру III – стали наглядным олицетворением угасания царского величия. В то время как Петр I «*скачет*... с царственно протянутой рукой», Николай I «правит *скоком сдержанным* коня». Что же касается Александра III, то он и вовсе «недвижимо, сжав узду, *стои́т*»[220].

Безликой казенщиной общественное мнение окрестило и второй памятник Александру III, установленный в Москве у храма Христа Спасителя в 1912 г. Сотрудник «Нового времени» М. О. Меньшиков, консервативный публицист, в письме издателю А. С. Суворину так охарактеризовал Александра III и воздвигнутые в его честь памятники: «До войны (русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – *С. Л.*) он ничем не выдался, на войне ничем не выдался, сделавшись царем, тоже ничем не выдался. И за это ему в Петербурге и Москве ставят памятники... причем в бронзе он выходит таким же симпатичным, как живой». Кроме того, автор письма выражал свое негодование по поводу того, что «в Москве нет еще памятника ни Ивану Калите, ни Дмитрию Донскому, ни Ивану III, который был Великий Государь и

---

[218] Русская эпиграмма. М., 1990. С. 256.

[219] *Гинцбург И. Я.* Паоло Трубецкой // Гинцбург И. Я. Из прошлого. Ленинград, 1924. С. 151–152.

[220] *Брюсов В. Я.* Избр. соч. М., 1955. С. 362. (Курсив мой. – *С. Л.*).

начинатель Империи. Нет памятника величайшему уроженцу Москвы Петру Великому. А обоим незначительным Александрам (Александру II и Александру III. – *С. Л.*) воздвигли – правда, незначительные памятники»[221].

Царское правительство будто не слышало раздававшиеся с разных сторон критические суждения. Напротив, помимо памятников императорам, в начале XX в. стали появляться другие виды имперских памятников – представителям императорской фамилии, проявившим себя на государственной или военной службе, и тем, кто имел особые заслуги перед монархией. Так, были открыты памятники великому князю Сергею Александровичу на территории Московского Кремля, «белому генералу» М. Д. Скобелеву на Скобелевской (Тверской) площади (1912), великому князю Николаю Николаевичу Старшему около Михайловского манежа в Петербурге (1914). Видимо, они должны были преподать «монументальный урок» служения Царю и Отечеству, еще больше возвеличив династию. Однако в реальности идеологическое сопротивление лишь возрастало, достигнув своего апогея в 1917–1918 гг.

В тревожные дни 1917 г. имперские памятники, бывшие доминантами городского пространства, стали ориентирами и трибунами революции. В воспоминаниях участников революционных событий зачастую именно благодаря упоминанию памятников удается понять, где происходил тот или иной описываемый эпизод. Аналогично обстоит дело с фотографиями и кинопленкой: если бы на них отсутствовали монументы, то вряд ли можно было бы с легкостью определить, где находился запечатленный людской поток и куда он двигался. Характерные изображения моря человеческих голов и возвышающихся над ними монументов стали сюжетом ряда революционных картин и шаржей. И здесь сама собой напрашивается аналогия с пушкинским «Медным всадником», безмолвно взиравшим со своей высоты на разбушевавшуюся стихию.

Но «безмолвными» памятники оставались недолго. Уже в марте 1917 г. в прессе появились заметки, свидетельствующие о том, что их использовали в качестве трибун для революционных речей. «На набережной, у Храма Спасителя, толпа, – сообщал корреспондент газеты „Утро России", – На коленях бронзовой фигуры Александра III стоит, выпрямившись, рыжеватый рабочий в летнем пальто. Машет красным платком.

– Товарищи! Отсюда, с этого чугунного кресла, на вас глядит это чугунное засилье веков, тяжелый, железный режим, то, что переко-

[221] «Нужны действительные торжества, действительные успехи власти»: отклики на приезд Николая II в Москву в мае 1912 г. // Исторический архив. 2002. № 5. С. 207.

вывало свободу нашу в [цепи], что проповедывало рабство и держало Россию в кандалах... товарищи...

– Удивительное зрелище! – говорит офицер, мой спутник. – Социал-демократ на коленях жесточайшего абсолютиста».

«То же самое, – добавляет автор заметки, – было в Петрограде. Ораторы взбирались на тупозадого буцефала, на котором сидит на страже Николаевского вокзала тот же монарх, глядящий на сибирскую линию...»[222].

Похожую картину воспроизводила газета «Петроградский листок» в июне 1917 г., помещая на своих страницах изображение памятника Екатерине II с взобравшимися на него революционерами. Подпись к рисунку гласила: «На одном из митингов, которые ежедневно устраиваются на Невском, около памятника Екатерины II, несколько наиболее пылких ораторов взобрались по гладкому постаменту на вершину памятника и отсюда, из-за спин екатерининских вельмож, держат речь к собравшимся гражданам»[223].

Красная одежда ораторов или красные платки в их руках представляли новую политическую символику. Красный флаг даже пытались закреплять на имперских памятниках, сведения об этом также попадали в газеты. В «Петроградском листке» за апрель 1917 г. была помещена зарисовка – конный памятник Александру III с огромным развевающимся флагом. Изображение было черно-белым, но из обширного обличительного комментария становилось ясным, какого цвета флаг: «Великолепный памятник работы кн[язя] Трубецкого Александру III на Знаменской площади ярко подчеркивает тупой и сокрушительный гнет самодержавия. Разумейте языцы и удивляйтесь, как давит царский битюг русскую землю! – говорит он. Увы, непрочной оказалась эта сила, основанная на угнетении народа. Красный флаг свободы развевается победно теперь в руке бывшего самодержца»[224].

Привычные имперские памятники воспринимались теперь по-новому. Возможность забраться на «чугунного исполина» и безнаказанно говорить любые «вольности», мелкий вандализм в виде отбивания декоративных деталей, визуальное выделение красного цвета на фоне металлической громадины, – все это изменяло сознание горожан, порождало чувство перемен и вседозволенности. И в Петербурге, и в Москве старались поскорее избавиться от прежней символики, демонстративно сжигая имперские флаги, уничтожая лепные бюсты императоров, которые повсеместно красовались на балконах и в окнах домов во время празднования Романовского юбилея в 1913 г.

---

[222] Утро России. 1917. № 59. С. 4. (Здесь и далее особенности стилистики, орфографии и пунктуации газетных публикаций сохранены. – *С. Л.*).

[223] Петроградский листок. 1917. Прибавление к воскресному номеру от 18 июня.

[224] Петроградский листок. 1917. № 85. С. 8.

Впрочем, несмотря на возросший уровень агрессии в столицах не наблюдалось спонтанных случаев сноса имперских памятников, как это происходило в других городах империи (например, уничтожение памятника Александру III в Феодосии или «народный суд» над памятником П. А. Столыпину в Киеве). Более того, сознательная часть горожан в лице археологов, искусствоведов, архитекторов, краеведов, историков пыталась на законодательном уровне отстоять посягательства на культурное наследие, для чего создавались и функционировали различные комиссии. И если в отношении «дворцовых сокровищ» после прихода к власти большевиков в конце концов были приняты соответствующие постановления, то имперские памятники оказались исключенными из категории объектов государственной ценности.

14 апреля 1918 г. был опубликован Декрет СНК «О памятниках Республики», где в первых же строках четко прописывалось: «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг, и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»[225]. Под действие данного постановления попали в первую очередь московские памятники, так как именно Москва стала резиденцией новой власти.

В 1918 г. и позднее были уничтожены памятники Александру II и великому князю Сергею Александровичу на территории Кремля, Александру III у храма Христа Спасителя, генералу М. Д. Скобелеву на Скобелевской (Тверской) площади, которая была переименована в Советскую. Петербургские памятники пострадали в меньшей степени: в основном досталось скульптурам Петра I, установленным в ходе празднования 200-летия С.-Петербурга («Саардамский плотник» и др.), и памятнику великому князю Николаю Николаевичу Старшему. По поводу последнего в мемуарах филолога Л. В. Успенского есть такая запись: «Если спросить сто первых встретившихся на Невском – знают ли они, где возвышался некогда памятник „Николаю Николаевичу Старшему", – то почти наверняка девяносто из них пожмут плечами: „Представления не имеем!" А семьдесят пять руками разведут: „А кто такой этот „старший"? Что, и „младший" тоже был?"»[226]. Изменения в ментальных картах – это как раз тот результат, к которому стремилась советская власть, превратившая разрыв с имперским прошлым тоже в своеобразный городской ритуал.

После обнародования декрета о памятниках снос имперских монументов стал законодательно разрешенным и даже поощряемым делом. Инициатива исходила «сверху», все совершалось по вполне

---

[225] Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 95–96.

[226] *Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 437–438.

определенному «сценарию». Предварительно собиралась группа рабочих и идейных людей, которые при помощи специальной техники разрушали памятник. Через некоторое время после того, как место оказывалось расчищенным, на нем в присутствии партийных деятелей происходила закладка будущего нового советского монумента. Главным было провести церемонию «очищения» городского пространства, подготовить его для более достойных увековечивания дел и лиц[227]. «Жаль только, – писал корреспондент газеты „Анархия", – что это делается по внушению свыше, а не сам народ в пылу и пламени восстания разбивает этих истуканов в дребезги и тащит их к Москвереке, как некогда тащил своих Перунов к Днепру...»[228].

Зачастую такого рода мероприятия превращались в намеренную, широко освещаемую публичную акцию. Так, 1 мая 1918 г. при непосредственном участии В. И. Ленина был отправлен «на свалку» памятник-крест великому князю Сергею Александровичу. С мая 1919 г. стали проводиться регулярные коммунистические субботники. 1 мая 1920 г. был организован Всероссийский субботник, в котором также личное участие принимал В. И. Ленин – разбирали памятник Александру II в Кремле. Это событие, от которого сохранились киносъемка, многочисленные фотографии и восторженные описания, долгое время было предметом коммунистической пропаганды, став символом обновления. Таким образом происходила трансформация коммеморативной практики, а вполне вероятно, и подготовка общественного мнения к новостям о расстреле императорской семьи. Развенчание и уничтожение образа становилось равнозначным физическому уничтожению. Публицист Д. И. Заславский в 1918 г. сравнивал петербургские конные статуи со всадниками апокалипсиса: на белом коне – Петр I, на рыжем – Николай I, на вороно́м – Александр III, за ними следует бледный конь, а всадник на нем... без головы[229].

В заключение следует лишь добавить, что судьба некоторых столичных памятников оказалась весьма нетипичной. В частности, «карикатурный» петербургский памятник Александру III благополучно пережил все революционные потрясения и сохранился в изначальном виде вплоть до наших дней, несмотря на то, что регу-

---

[227] С 1918 по 1941 г. на Советской (Тверской) площади возвышался монумент Советской конституции; у храма Христа Спасителя планировали установить памятник «Освобожденному труду», затем появился проект здания Дворца Советов, но ни один из них не был реализован; по всей стране сносились имперские монументы, на их постаментах водружали статуи революционных деятелей, один из ярких примеров – установка памятника В. И. Ленину на постаменте памятника 300-летия династии Романовых в Костроме.

[228] Анархия. 1918. № 51. С. 2.

[229] *Заславский Д. И.* Четыре всадника // Москва – Петербург: pro et contra. СПб., 2000. С. 392–395.

лярно становился объектом глумления, особенно в ранние советские годы. Не менее интересна судьба московского Романовского обелиска, поставленного в Александровском саду в 1914 г. в честь 300-летнего юбилея династии. В советское время выбитые на памятнике-обелиске имена царей и императоров были заменены именами «выдающихся мыслителей и деятелей борьбы за освобождение трудящихся». В 2013 г. памятник вновь реконструировали, вернув первоначальную надпись[230]. В настоящее время тенденция переосмысления дореволюционного прошлого наблюдается повсеместно. Последнее ее проявление – открытие и освящение в Кремле в мае 2017 г. в присутствии Президента В. В. Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла воссозданного памятника-креста великому князю Сергею Александровичу.

Ментюкова О. К.

Революция в письмах, дневниках и воспоминаниях художников (по материалам ОР ГТГ, ОР ГРМ, РГАЛИ)

Аннотация. В статье проанализировано, как и почему менялось отношение к Революции 1917 г. русских художников (среди них – В. Д. Поленов, Б. М. Кустодиев, К. С. Петров-Водкин, М. В. Нестеров, К. А. Коровин, К. С. Малевич, М. З. Шагал, Н. А. Удальцова, А. Н. Бенуа и другие). Материалом для исследования послужили опубликованные источники, а также малоизвестные документы, хранящиеся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: отношение русских художников к революции, власть и интеллигенция, художественная жизнь России в 1917 г.

Russian revolution of 1917 in comprehension of artists

Abstract. The article gives a detailed analysis of shifting attitude to Russian revolution (1917) of Russian artists (V. D. Polenov, B. M. Kustodiev, K. S. Petrov-Vodkin, M. V. Nesterov, K. A. Korovin, K. S. Malevich, M. Z. Shagal, N. A. Udalcova, A. N. Benua etc.). The research is based on

[230] Качество проделанной работы вызывает большие вопросы у специалистов. По мнению «Архнадзора», «„реставрация" ... состоялась без какого-либо открытого экспертного и общественного обсуждения ее замысла и проекта», в итоге «подлинник 1914 года не воскрес, а подлинник 1918 года погиб. В Александровском саду теперь красуется муляж, не являющийся памятником никакой эпохи» (Архнадзор. 6 ноября 2013 г.).

published documents and also little-known documents kept in archives of Moscow and Saint-Petersburg.

Keywords: the attitude of Russian artists to the revolution, power and intellectuals, the artistic life of 1917 Russia.

Художники и деятели культуры отозвались на революцию не только своими произведениями и работой по реорганизации художественных институтов, но и письмами, дневниковыми записями, а потоми воспоминаниями. Эпоха преломляется в этих документах под разными углами, в зависимости от взглядов живописцев, их возраста, проблем их семьи, от того, что важно им в окружающей действительности, а художники выступают одновременно современниками революции, ее летописцами и философами. В рамках заявленной темы будет проанализировано отношение художников к революции в 1917–1918 гг. и причины его изменения.

Отношение русских художников к революции, хотя и было объектом пристального внимания в советском искусствознании, остается свежей и актуальной темой для исследования. В советские годы многие «опасные» письма и документы, где живописцы высказывали неоднозначные, а зачастую и резко негативные суждения о революции, были пропущены или изданы с купюрами (в данной статье многие подобные «пропуски» будут восстановлены). Кроме того, отдельного интереса заслуживает сопоставление точек зрения разных художников и деятелей культуры на одни и те же события. Документы, которые будут использованы в работе, частично собраны в архивах Москвы и Санкт-Петербурга (ОР ГТГ, РГАЛИ, ОР ГРМ) или выверены по хранящимся в них оригиналам, частично – дополнены уже опубликованными[231]. В статье будут проанализированы наиболее полные и подробные из выявленных материалов. Необходимо отметить, что свидетельства живописцев, которые в годы революции были молоды, в целом скудны. Именно этим вызван перевес в пользу документов старшего поколения художников.

Как и значительная часть художественной интеллигенции, живописцы приветствовали Февральскую революцию. В. Д. Поленов в письме к Л. В. Кандаурову 16 марта 1917 г. писал: «...я несказанно счастлив, что дожил до этих дней, лишь бы они не сменились тьмой,

[231] Поиск и изучение данных материалов проводились в рамках работы над проектом Третьяковской галереи – подготовке документального раздела в издании к выставке «Некто 1917», которая откроется осенью. Хотелось бы выразить благодарность моим коллегам: организаторам выставки – Ирине Анатольевне Вакар и Елене Воронович, с учетом чьих рекомендаций и подсказок подбирались материалы, а также моей коллеге по отделу рукописей Марии Валовой, которая помогла мне завершить работу.

как это бывало прежде...»[232]. Восторженно отозвались на революцию Б. М. Кустодиев[233] и К. С. Петров-Водкин[234].

Не менее воодушевленно встретило революцию младшее поколение художников. Для М. З. Шагала она означала «полную свободу», по его воспоминаниям он был «как в чаду», ожидал, что «все теперь пойдет по-новому», и «совсем забросил живопись»[235]. Н. А. Удальцова назвала революционные дни «необычайными», «каким-то сном»[236]. А. Н. Самохвалов, Ф. С. Богородский, как и многие другие живописцы, состоявшиеся уже при советской власти, в воспоминаниях часто затушевывали встречу ими именно Февраля, приветствуя революцию как бы в целом[237].

В то же время некоторые художники сразу высказывали опасения по поводу произошедшего переворота. Эти документы во времена СССР, как правило, не были опубликованы и становятся широко известны в основном сейчас.

А. Н. Бенуа в марте 1917 г. оставил в дневнике запись: «У меня противное чувство, что мы куда-то катимся с головокружительной быстротой! Всего неделю назад мы жили в самой что ни на есть „абсолютной монархии", а ныне мы чуть ли не в „федеративной республике"! Не то надо радоваться такой перемене, а не то – мы ударимся в какой-то хаос, из которого не выбраться...»[238]. М. В. Нестеров 2 апреля 1917 г. писал Александру Владимировичу Жиркевичу: «Я был бы счастлив, если бы верил... в благо переворота. Увы! Этой веры во мне нет...»[239].

Максимиллиан Волошин еще весной 1917 г. выступал с критикой социализма: «...Социализм, который, к[о]нечно, восторжествует, принесет с собою лишь более крепкие узлы еще более жестокой государственности... и „буржуазия", и „пролетариат" – это едино, ибо основано на том же эгоизме и жажде благополучия»[240].

При этом художники в целом были солидарны в том, что касается падения дома Романовых. Даже М. В. Нестеров, в письмах 1917 г. за-

---

[232] *Сахарова Е. В.* Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М., Л., 1950. С. 413.

[233] Б. М. Кустодиев – В. В. Лужскому. 6 марта 1917 г., [Петроград]. – ММХАТ. Архив В. В. Лужского. № 18826. Л. 1–2 об.

[234] К. С. Петров-Водкин – А. П. Петровой-Водкиной. 25–26 марта 1917 г., Петроград. – ОР ГРМ. Ф. 105. Ед. хр. 4. Л. 84–85.

[235] *Шагал М.* Моя жизнь. М., 1994.

[236] *Удальцова Н.* Жизнь русской кубистки. Дневники, статьи, воспоминания. М., 1994. С. 36.

[237] *Самохвалов А. Н.* Мой творческий путь. Л., 1977. С. 43–47; Ф. С. Богородский. Воспоминания художника. – ОР ГТГ. Ф. 185. Ед. хр. 59. Л. 20–26.

[238] *Бенуа А. Н.* Дневник 1916–1918. М., 2010. С. 119.

[239] М. В. Нестеров. Продолжаю верить в торжество русских идеалов. Письма к А. В. Жиркевичу / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. Г. Подлесских // Наше наследие. 1990. № . III (15). С. 21.

[240] *Волошин М. А.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Письма. 1913–1917. С. 583.

явивший о себе как об убежденном монархисте[241], признавал: «Последнее, крайне неудачное (едва ли сознательно преступное) царствование подорвало монархическую идею с такой силой, как не удалось бы сделать и „большевикам" за 100 лет»[242].

Однако первые суждения о революции могли совершенно естественным образом поменяться со временем. В частности, восторженно откликнувшись на Февральскую революцию, далеко не все позднее так же отнеслись к Октябрьской. Хотелось бы подробно остановиться на причинах, по которым художники корректировали свои взгляды.

Это, во-первых, та повседневность, в которой они жили в послереволюционные годы. Чаще всего живописцы рассказывали о сложностях с продовольствием, особенно в Петрограде, где проблема голода встала особенно остро. Среди других проблем – холод, сложности в поставке дров. Характерный случай описал москвич К. А. Коровин: «Я пришел в некое хозяйственное учреждение просить дров...

– Вас зачислят в артель по разбору деревянных домов и заборов на окраинах Москвы, в порядке трудовой повинности...

Я попытался объяснить, что мне не по силам такая работа: всю жизнь занимался другим, да и стар...

– Вы отнимаете у меня время ненужными объяснениями....

Племянник мой притащил мне дров... Однако ночью все дрова у меня были украдены, и я стал топить мебелью...»[243].

Среди других упоминаемых проблем – перебои в доставке писем, грязь и разбой на улицах, исчезновение прислуги.

Отношение к бытовым трудностям в целом было различным. Например, К. С. Петров-Водкин считал их временными[244], а М. А. Волошин отозвался на них почти равнодушно: «В Феодосии погромы, пьянство, разбивают погреба... До нас еще пока не дошло, хотя рано или поздно, конечно, дойдет.... Но к этим возможностям мы относимся спокойно: от судьбы не уйдешь. Хотя я вполне готов и к разрушению дома, и к сожжению библиотеки...»[245].

В то же время для других художников, таких как К. А. Коровин, Б. М. Кустодиев, необходимость постоянно думать о хлебе насущном не давала посвящать себя творчеству.

Более драматическая ситуация складывалась в семье Надежды Удальцовой. Отец художницы, Андрей Тимофеевич Прудковский,

---

[241] М. В. Нестеров – А. А. Турыгину. 30 марта 1917 г., Москва. – ОР ГРМ. Ф. 136. Ед. хр. 29. Л. 8–9 об.

[242] М. В. Нестеров. Продолжаю верить в торжество русских идеалов... С. 21.

[243] *Коровин К. А.* То было давно... там... в России... Воспоминания, рассказы, письма. Кн. 1. «Моя жизнь»: Мемуары; Рассказы (1929–1935). М., 2001. С. 152.

[244] К. С. Петров-Водкин – А. П. Петровой-Водкиной. 29 ноября/12 декабря 1918 г. – ОР ГРМ. Ф. 105. Ед. хр. 4. Л. 91–92 об.

[245] *Волошин М. А.* Собр. соч. С. 700.

служил жандармским генералом и в марте 1917 г. был арестован. Хотя вскоре он был освобожден из тюрьмы и вышел в отставку, в 1918 г. его снова арестовали и осенью того же года расстреляли.

Помимо «рутины», на взгляды художников влияли и определенные события, свидетелями которых они становились.

Это, во-первых, уличные перестрелки и беспорядки, начавшиеся в Петрограде во время Февральской революции, которых никто из художников не ожидал. Профессор Академии художеств Д. Н. Кардовский вспоминал о первых днях революции в Петрограде, что когда он, проходя мимо Исаакиевского собора, услышал звуки выстрелов, они со знакомым поначалу спорили, что это: шум ветра наверху собора или же хлопки досок в телеге, едущей по тряской мостовой[246]. Однако скоро для жителей столицы перестрелки стали обыденностью, упоминания о них встречаются и у А. Н. Бенуа, и в записных книжках К. А. Сомова.

Но все же эти беспорядки на тот момент многими воспринимались как бы неминуемым «спутником» давно желанного переворота.

Совсем другой масштаб перестрелок был во время Октябрьского вооруженного восстания в Москве, и художники-москвичи высказались по поводу этих событий гораздо яростнее.

Нестеров 23 ноября 1917 г. писал А. В. Жиркевичу: «Вы хотите знать, что сделали „завоеватели" с Москвой... О! они ее сильно покалечили. ...В мою квартиру попало две пули, едва не убив прислугу. ...Но мы „Буржуи" все же и по сей день под угрозой, и как „сознательные" телята – ждем своего часа»[247].

Не менее возмущенно отзывалась Надежда Удальцова, оставившая следующие записи: «Очень может случиться, что разорвавшийся снаряд через несколько часов снесет нашу крышу и нас вместе. ...Черт знает что, лучше бы на фронте сражались. ...Кто кому дал право распоряжаться моей жизнью, моим временем, моим здоровьем?»[248].

Часто в своих заметках художники рассуждали о различных политических реформах и задачах. Причем молодое поколение этих вопросов практически не касалось – похоже, их занимало в основном все то, что относилось к преобразованию художественной жизни. Конкретными вопросами политической жизни интересуется в основном старшее поколение.

Отмена смертной казни стала одной из таких реформ. Занимали живописцев и церковные вопросы. К. С. Петров-Водкин после революции предвещал: «Чудесна будет и церковь! Без всяких посред-

---

[246] *Кардовский Д. Н.* Впечатления и события дней революции 1917 г. в Петрограде и Царском [селе]. – ОР ГТГ. Ф. 101. Ед. хр. 255. Л. 2 об.

[247] М. В. Нестеров. Продолжаю верить в торжество русских идеалов. С. 21–22.

[248] *Удальцова Н.* Жизнь русской кубистки. С. 38.

ников вознесет она свои молитвы прямо к Царю Небесному!»[249]. М. В. Нестеров же, напротив, одной из важнейших реформ того времени считал возрождение института патриаршества – и очень много обращался к этому в своих письмах.

Стоит отметить, что даже старшее поколение живописцев писало о реформах не очень много – по сравнению с другими мемуаристами эпохи. Возможно, это связано с особым типом восприятия – художественным, которое в первую очередь образно, эмоционально.

Вероятно, по той же причине многие высказались по одной из самых больных проблем революционного времени – о войне. Единой позиции в суждениях живописцев не обнаруживается.

Так, некоторые из них выступили против войны. Бенуа в своем дневнике восклицает: «...вся причина бед – в войне, ...не покончив с ней, мечтать об оздоровлении России нельзя»[250]. Удальцова писала: «...О, Боже, когда же конец этой бесчеловечной бойне? Неужели трудно народам сказать всем „довольно". Русский народ сказал же всему миру „довольно"»[251].

Другие живописцы – Нестеров, Петров-Водкин – желали победы над Германией, причем мысль о возможности сепаратного мира, похоже, просто не приходила им в голову.

Некоторые художники видели в сепаратном мире предательство. Так, Волошин делился: «...что меня уязвило – это дух предательства по отношению к союзникам»[252].

А после октябрьского переворота некоторые художники и деятели искусств с ужасом признавались, что ждут прихода немцев как освободителей от власти большевиков. Кустодиев, в частности, писал: «Будешь уж сидеть и дожидаться врагов, которые, быть может, окажутся более гуманными, чем эти люди в образе товарищей»[253].

Можно вкратце отметить, что многие художники не только рассуждали о войне, но и участвовали в ней, и у них также не было единой позиции по этому вопросу.

Часто художники не рассказывали о каких-то конкретных событиях и явлениях, а мыслили образами. Центральный образ, возникший в их записях, – образ народа и его роль в революционных событиях (по мере развития событий он также менялся). О русском народе как о чем-то цельном художники задумывались еще до революции. Малевич в 1916 г., вернувшись с военной службы в Смоленске, писал Ма-

---

[249] К. С. Петров-Водкин – А. П. Петровой-Водкиной. 25–26 марта 1917 г., Петроград. – ОР ГРМ. Ф. 105. Ед. хр. 4. Л. 84.

[250] *Бенуа А. Н.* Дневник 1916–1918. М., 2010. С. 443.

[251] *Удальцова Н.* Жизнь русской кубистки. С. 37.

[252] *Волошин М. А.* Собр. соч. С. 611.

[253] Б. М. Кустодиев – В. В. Лужскому. 12 октября 1917 г., [Петроград]. – ММХАТ. Архив В. В. Лужского. № 18829. Л. 1 об.

тюшину: «Я еще больше полюбил и больше увидел громадную нависшую энергию. Громадную силу, силу, которая может сделать чудеса. Любя ее, очень больно мне смотреть, что воля, воля целого большого народа раздроблена на мелкие кусочки, парализована и спит...»[254].

После Февральской революции многие живописцы отмечали двойственность народного характера. Нестеров, работавший незадолго до этого над картиной «На Руси (Душа народа)», писал своему другу Турыгину: «"Душа народа" была, есть и будет у нашего народа – многогранная, сложная – еще Достоевский про нее говорил, что русский человек – „озорник" и озорства ради – наплюет и в чашу с Св. дарами – но он же, одумавшись, способен дать такой подвиг душевный, какого душа европейского человека и помыслить не в состоянии!..»[255].

Коровин же сразу был настроен довольно пессимистично: «Никогда раньше я не видел в России таких самодовольных, надменных лиц, как в дни этого интеллигентского пустословия и фальшивых свобод...»[256].

После Октябрьской революции многие живописцы вслед за Коровиным стали рассуждать о народе гораздо однозначнее и жестче.

Поленов в октябре 1917 г. вопрошал: «русская революционная толпа не есть ли просто шайка взбунтовавшихся рабов»[257]. Ему вторил Нестеров: «От... умного, даровитого, гордого народа – осталось что-то фантастически-нелепое, варварское, грязное и низкое... или мы были слепы... и как слепые судили о народе нашем, его разуме, сердце... перед нами встала действительность – торжествующий народ с его властителями... их идеалами и достижениями»[258]. Надежда Удальцова 9 ноября записала в дневнике: «Во что превращаются мирные хорошие люди, крестьяне, зачем такая нечеловеческая злоба, нет, не злоба, а какое-то извращение. Невежество? Но когда жители городов, образованные и культурные, тоже теряют лик... Страшно воистину».

Наконец, отношение художников к революции менялось вместе с их отношением к властям. Многие живописцы, приветствовавшие Февральскую революцию, позже писали о своем разочаровании в Керенском. Среди них Волошин, Бенуа, Поленов. Ф. С. Богородский, в 1917 г. вступивший в партию большевиков, крайне пренебрежительно писал о восприятии солдатами Керенского, когда тот приехал в воинскую часть, где служил художник.

---

[254] Малевич о себе. Современники о Малевиче. Т. 1. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. М., 2004. С. 96.

[255] М. В. Нестеров – А. А. Турыгину. 30 марта 1917 г., Москва. – ОР ГРМ. Ф. 136. Ед. хр. 29. Л. 8 об.

[256] *Коровин К. А.* То было давно... С. 152.

[257] В. Д. Поленов – Л. В. Кандаурову. 16 сентября 1917 г. [Борок]. – ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 143. Л. 1.

[258] М. В. Нестеров. Продолжаю верить в торжество русских идеалов. С. 21.

События Октября вызвали новый всплеск эмоций. Можно сказать, что к концу 1917– началу 1918 г. у большинства художников старшего поколения и некоторых молодых наступило разочарование в революции. Некоторые художники (Поленов, Бенуа) отмечали, что свобод стало еще меньше, чем было до революции. М. А. Волошин проводил исторические параллели между октябрьским переворотом и захватом власти якобинцами[259]. Кустодиев с горечью писал: «...во что выродились наши долгожданные свободы... это наше милое время пролетарско-крестьянского-коммунистического рая на нашей несчастной бывшей „Русской" земле...»[260]. Надежда Удальцова утверждала: «Пока жизнь и личность человека не сделаются святыней, до тех пор немыслима настоящая человеческая жизнь. Человек должен стать человеком. А сейчас человек превратился в зверя...»[261].

В то же время некоторые живописцы высказывали надежду, что все трудности преходящи.

В. Д. Поленов писал: «Конечно, очень бы хотелось, чтобы события совершались без той грубости, которой так были богаты прежние века. ...Все это ослабляет и умаляет силу и величие совершающегося. ...А мне кажется, что это не только не конец, а пожалуй, начало новой жизни. Что, может быть, наступят времена лучшие...»[262].

Петров-Водкин предсказывал: «...буря пронесется, и люди примутся снова за честный, благородный труд, и то, что сейчас происходит, будет на пользу, умудрит людей и выяснит их взаимные отношения»[263].

Оптимистично было настроено и большинство молодежи, сравнительно мало рефлексировавшее по поводу происходивших событий и желавшее изменять мир с помощью искусства, а в отдельных случаях – и более прямым путем, например, с помощью службы в ВЧК, как это сделал Ф. С. Богородский.

Такую эволюцию прошло отношение художников к революции в 1917–1918 гг. В последующие годы оно также могло меняться, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данного исследования.

Отдельное место в документальном наследии занимают размышления живописцев, связанные с искусством, – сферой, которую они могли преобразовывать. Эта тема заслуживает отдельной статьи, поэтому в рамках данной работы хотелось бы лишь по-

---

[259] *Волошин М. А.* Собр. соч. С. 720.

[260] Б. М. Кустодиев – В. В. Лужскому. 29 апреля 1918 г., Петроград. – ММХАТ. Архив В. В. Лужского. № 18830. Л. 1 об. – 2.

[261] *Удальцова Н.* Жизнь русской кубистки. С. 39.

[262] В. Д. Поленов – В. И. Полю. 24 января 1918 г. [Борок]. – ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 999. Л. 1.

[263] К. С. Петров-Водкин – А. П. Петровой-Водкиной. 5/18 февраля 1918 г., Петроград. – ОР ГРМ. Ф. 105. Ед. хр. 4. Л. 89 об.

пытаться ответить на вопрос: чем было для художников искусство в годы революции.

Оно, безусловно, было отдушиной в тяжелые времена. Об этом пишут Нестеров, Кустодиев, Удальцова.

Для многих молодых художников искусство было формой существования и инструментом преобразования мира. Показательны воспоминания А. Н. Самохвалова: «Мы с великой верой обращались к творению нового искусства революции... Мы верили, что общими усилиями, опираясь на опыт мастеров, создадим будущее искусство»[264].

В документах художников более старшего поколения часто звучит тема долга по отношению к искусству: к сохранению художественного наследия (Бенуа), к реформированию и становлению системы художественного образования в России (Кардовский, Петров-Водкин, Шагал).

Наконец, многие художники задавались вопросами о предназначении искусства в новом обществе, о системе управления искусством. Профессор Академии художеств Д. Н. Кардовский вопрошал: «Можно ли вопросы не только искусства вообще, но даже направления художественного образования решать плебисцитом?.. В искусстве все единицы. Равенство тут применимо меньше, чем где бы то ни было»[265].

В завершение хотелось бы привести строки из письма К. С. Малевича М. В. Матюшину от 8 сентября 1917 г.: «Что ждет нас и что ждет Искусство наше? Куда оно пойдет, и что новый народ потребует от художника и от него. Оно ли к нему пойдет или он пойдет к нему. Что скажут новые сеятели, и что скажут жнецы. Дни бегут за днями, и солнце скрывает в тени пробегший день, а мне хочется или я иду вскрыть новые тени и дни на новых полях Искусства...»[266].

Морозова Е. Н.

Революция 1917 года: начало формирования культурной политики Советского государства

Аннотация. Статья посвящена процессу становления культурной политики Советского государства. Особое внимание уделяется ее стратегическим целям: изменению менталитета общества, воспитанию советского человека с новым набором ментальных характеристик. В статье прослеживаются тактические особенности достиже-

[264] *Самохвалов А.* Мой творческий путь. С. 47.

[265] Рукопись Д. Н. Кардовского «Впечатления и события дней революции 1917 г. в Петрограде и Царском [селе]». – ОР ГТГ. Ф. 101. Ед. хр. 255. Л. 12 об.

[266] К. С. Малевич – М. В. Матюшину. 8 сентября 1917 г. – ОР ГТГ. Ф. 25. Ед.хр. 9. Л. 21.

ния этой задачи. К началу 1930-х годов культура становится средством и объектом государственной политики. Одним из результатов целенаправленной культурной политики стало появление двух полей культуры: официального и неофициального.

Ключевые слова: культурная политика, механизмы управления культурой, дидактические функции искусства, русский авангард.

Revolution of 1917: beginning of formation of Soviet State's cultural policy

Abstract. The paper regards the process of formation of the Soviet State's cultural policy. Special attention is paid to its strategic goals: change of the social mentality and upbringing of the Soviet citizen with a new set of mental characteristics. The author traces back the tactical peculiarities of achieving this major task. By the early 1930s culture becomes the means and the object of the state policy. One of the results of the expedient cultural policy was appearance of two areas of culture: official and informal.

Keywords: cultural policy, mechanisms of ruling culture, didactic functions of culture, Russian avant-garde.

Прошло 100 лет с начала Великой русской революции. Но острые дискуссии по всем проблемам мощного цивилизационного сдвига, затронувшего не только Россию, но и весь мир, продолжаются до сих пор. Однако культурные аспекты революции в современном дискурсе привлекают не столь большое внимание ученых, как политико-экономические сюжеты. Эти проблемы особенно остро встают в годы глобальных общественных перемен. Н. Бердяев пророчески предсказывал: «На исторических перевалах, в эпохи кризисов и катастроф приходится серьезно задумываться над движениями исторической судьбы народов и культур»[267]. К таким великим переменам в судьбах России относится приход к власти большевиков, когда изменились не только политический режим и отношения собственности, но впервые в истории страны стала проводиться целенаправленная культурная политика.

Термин «культурная политика» в отечественной науке появился лишь в постсоветский период[268], ибо ранее существовало понятие

---

[267] *Бердяев Н.* Русская идея. М., 1996. С. 127.

[268] См., напр.: *Левшина Е. А.* Механизмы поддержки художественной культуры в контексте культурных парадигм. М., 1999. С. 104; *Богатырева Т.* Глобализация и императивы культурной политики современной России. // http://www.rags.ru/akadem/all/19-2002-90.html; Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему. М., 1998; *Астафьева О. Н.* Глобализация по «модели» культуры // Конкурентноспособность России в условиях глобализации. М., 2006. С. 379–385.

«партийно-государственное руководство культурой», что означало пути, формы и методы осуществления культурной революции в рамках построения социализма.

Наиболее репрезентативным кажется определение культурной политики, данное В. С. Жидковым и К. Б. Соколовым, которую они представляют как«специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, цель которой – стремление сохранить или изменить картину мира человека таким образом, чтобы она соответствовала интересам субъекта культурной политики». Поскольку наиболее сильным субъектом культурной политики является государство, считают авторы, постольку оно осуществляет свое воздействие путем «управления религией, наукой, искусством через выработку и транслирование государственной идеологии с помощью системы образования и средств массовой коммуникации». По их мнению, государство располагает не только наибольшим объемом ресурсов, но и разнообразными управленческими структурами, способными влиять на различные сферы культурной жизни[269].

Большевики, осуществив политический переворот, не имели четкой программы культурных преобразований. Но основные концептуальные элементы сложились задолго до октября 1917 г. В 1905 г. В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» сформулировал принцип партийности литературы. В годы Первой мировой войны лидер РСДРП(б) выдвинул свою общеизвестную теорию двух культур в каждой национальной культуре, где очевиден принцип классового подхода к культуре, начиная от морально-нравственных ценностей и заканчивая областью художественного творчества. «Критерий наш, – утверждал Л. Троцкий, – отчетливо политический, повелительный и нетерпимый», и партия «не остановится перед тем, чтобы наложить свою руку на любое течение искусства, которое, при всех своих формальных достижениях, грозит внесением разложения в революционную среду»[270].

Эти принципы неизбежно вели к формированию важной концептуальной установки: воспитательной, прикладной роли культуры. VIII съезд Коммунистической партии (1919) в своей резолюции отмечал: «Нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с величайшими идеями коммунизма и работой по созиданию коммунистического хозяйства»[271]. Абсолютизация политической доктрины означала отказ от собственно эстетических задач художественной культуры, выдвигала на первый план пропагандистские

---

[269] *Жидков В. С., Соколов К. Б.* Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. М., 2001. С. 62.

[270] *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1923. С. 9.

[271] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 8 т. Т. 1. М., 1985. С. 356.

функции; культура выступала как «орган социальной педагогики», направленный на изменение общественного сознания. Поэтому в качестве долговременной перспективы большевиками выдвигалась задача создания нового человека, нового общества с особым типом культуры – социалистической. Но ее выполнение шло настолько сложными путями, что борьба за овладение культурой сравнивалась с военными действиями. «Культурный фронт является третьим[272] не только потому, что он третий в отношении нашей заботливости, – утверждал А. В. Луначарский, – но и потому, что он третий по медленности процессов, в нем происходящих, и, наконец, третий по высоте и окончательности своих целей»[273].

Политика власти в области культуры в 1920-е годы имела целый ряд особенностей. Главная из них – своеобразный прагматизм, связь с текущим историческим моментом. Существенные различия можно подметить в эпоху Гражданской войны, проведения новой экономической политики и перехода к плановому хозяйству. Далее, в самой партии не существовало единства во взглядах на формы и методы проведения культурной политики. Условно можно выделить сторонников «жесткой» и «мягкой» линии в этой сфере. Общеизвестен протест А. В. Луначарского против бомбардировки Кремля во время октябрьских событий в Москве. В то же время, большевики были вынуждены считаться с позицией интеллигенции, ибо в большинстве своем она не поддержала октябрьский переворот, но без ее привлечения нельзя было приступить к реализации долгосрочных планов в области культуры. Стремлению большевиков монополизировать, огосударствить культуру мешало и многообразие культурных процессов, и в частности, в сфере художественной жизни.

Одним из важных направлений культурной политики большевиков стала борьба за сохранение национального культурного наследия, что должно было в итоге привести к созданию новой культурно-просветительской среды. В 1920-х годы был принят целый ряд нормативно-правовых актов, исходящих от различных государственных и партийных органов (Всероссийского Центрального исполнительного комитета, Президиума ВЦИК, Совета Народных комиссаров, Совета труда и Обороны, Наркомпроса). К ним можно отнести Декрет СНК от 19 января 1918 г. «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу»; Декрет от 17 июля 1918 г. «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР»; Декрет от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины; Декрет СНК от 13 июля 1918 г.

---

[272] К первым двум фронтам относили политику и экономику.

[273] Цит. по: *Жидков В. С.* Театр и власть 1917–1927. От свободы до осознанной необходимости. М., 2003. С. 357.

«О конфискации имущества низложенного Российского императора и членов бывшего российского императорского дома»; Декрет от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»; Декрет СНК от 31 мая 1918 г. «О национализации художественной галереи имени братьев Третьяковых»; Декрет от 26 ноября 1918 г. «О научных, литературных и художественных произведениях»; Декрет СНК от 29 октября 1918 г. «О национализации художественной галереи Щукина; Декрет СНК от 20 апреля 1920 г. «О национализации „Дома Льва Толстого"» в Москве; Декрет от 20 апреля 1920 г. «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевской лавры»; Декрет от 20 апреля 1929 г. «О национализации запасов книг и иных печатных учреждений» и др.

Вследствие «декретной лихорадки» первых послереволюционных лет была проведена национализация культурно-просветительных учреждений, имущества императорского дома, «культурных гнезд» российского дворянства. Таким образом, принятые узаконения о национализации определяли культурное наследие как национальное достояние государства и народа.

Но альтруизм власти в этой сфере нельзя преувеличивать. «Революция вправе, когда нужно, разрушать мосты и художественные памятники», – утверждал Л. Троцкий[274]. Вместе с тем, А. В. Луначарский подчеркивал, что необходимо охранять «все более или менее добропорядочное в старом искусстве»[275]. Большевики, с одной стороны, спасали культурное наследие от «святой злобы народа», с другой – от экстремистской части творческой интеллигенции, заявлявшей: «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, растопчем искусства цветы...». Для партийно-правительственного руководства деятельность по охране культурного наследия дала возможность привлечь часть художественной интеллигенции к ее решению. Прежде всего, на сотрудничество с новой властью пошли авангардисты, чьи глобалистские притязания как в сфере художественных устремлений, так и в переустройстве мира, совпадали с политической доктриной большевизма. Постепенно представители авангарда заняли руководящие позиции в отделах изобразительного и театрального искусства (К. Малевич, В. Кандинский, Вс. Мейерхольд) Наркомпроса и в сфере художественного образования, что обострило борьбу между различными художественными группировками. Кстати сказать, эта внутрихудожественная борьба облегчила большевикам достижение собственных целей культурной политики.

---

[274] *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1923. С. 9.
[275] *Луначарский А. В.* Собр. соч. В 8 т. Т. 3. С. 123.

Важной составляющей культурной политики большевиков являлось создание аппарата управления культурой, которое шло методом проб и ошибок. В частности, абсолютно неоправданным было создание двух, параллельно действующих учреждений: Государственной комиссии по просвещению как законодательного органа и Наркомпроса в качестве исполнительного органа. Эта ситуация сохранялась до 1919 г., когда Наркомпрос стал центральным государственным органом по руководству культурой[276]. Госкомиссия была упразднена.

Кроме государственных учреждений, культурой руководили и партийные органы. Специальным органом, сосредоточившим в своих руках руководство духовной и художественной культурой являлся агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) – Агитпроп, созданный в августе1920 г. По Положению об Агитпропе (ноябрь 1921 г.) в его структуре создавалось четыре подотдела: агитации, пропаганды, печати и нацменьшинств. В соответствии с этим, в местных комитетах партии также создавались агитационно-пропагандистские отделы – «боевые центры за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах»[277]. Наркомпрос, под контролем Агитпропа, осуществлял политическую линию ЦК РКП(б) и Совнаркома в сфере культуры.

Эта система управления культурой существовала до февраля 1921 г. Но в соответствии с политикой «военного коммунизма» была проведена реформа Наркомпроса в русле «главкизма», свойственного периоду Гражданской войны. На основе положения СНК от 11 февраля 1921 г. о Народном комиссариате просвещения РСФСР, руководство искусством было разделено между пятью Главками. Главное управление социалистическим воспитанием (Главсоцвоз) подчинило себе совет по художественному воспитанию; Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) занималось профессионально-художественным обучением; Государственный ученый Совет (ГУС) координировал направления развития искусства; Главное управление политического просвещения (Главполитпросвет) занималось проблемами агитации и пропаганды; Главнаука занималась основными проблемами науки.

Главполитпросвет являл собой стержень управления культурой. В резолюции X съезда партии (1921) указывалось, что «центр тяжести работы Главполитпросвета и его органов должен лежать в агитационно-пропагандистской работе, среди внепартийных масс и в их культурном просвещении»[278]. Ему подчинялись театральный

---

[276] См.: *Фомин А. И.* Культурное строительство в первые годы советской власти (1917–1920). Харьков. С. 14.

[277] См.: Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1919. С. 479–480.

[278] КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 379.

отдел, отдел изобразительных искусств, музыкальный отдел, литературный отдел, отдел кинематографии, отдел музеев и памятников, отдел пролетарской культуры, государственное издательство, Центральная распределительная комиссия, Центральный Отдел распространения издательств[279]. В феврале 1921 г. Главролитпросвету предоставлялось право накладывать политическое вето на всю текущую продукцию в области искусства и науки[280], который стал «аппаратом партии в системе государственных органов культуры»[281].

Таким образом, в результате реформы Наркомпроса был ликвидирован единый центральный орган, ведавший делами управления, регулирования и контроля в области художественного производства и художественного образования. Его функции отныне распределялись между отдельными Главками, что не могло не способствовать параллелизму в управлении культурой. Луначарский отмечал, что отсюда «часто возникают недоразумения: как будто границы между деятельностью государства и партии надо наносить на какую-то карту. Это неверно, партия должна присутствовать везде, подобно библейскому духу Господню»[282]. Это высказывание лишний раз доказывает, что шло формирование тандема «партия–государство», где партия, являясь основным звеном, стремилась иметь всю полноту власти в стране, в том числе, и в сфере культуры.

Но одновременно нарком просвещения в целях согласования художественной политики, проводимой государством, предлагал создать новый орган – Главискусство[283]. Однако до 1928 г. система управления художественной культурой существенно не менялась.

Дальнейшие изменения были связаны с началом сталинской модернизации страны. Идея централизованного управления была реализована лишь в мае 1928 г., когда СНК принял постановление об организации в системе Наркомпроса единого органа по организационному и идеологическому руководству всеми вопросами искусства. В июне того же года коллегией НКП РСФСР было принято положение о Главном управлении по делам литературы и искусства, которое в 1929 г. преобразовали в Совет по делам художественной литературы и искусства. Его компетенция заключалась в усилении государственного руководства за деятельностью всех художественных, литературных объединений; в идеологическом руководстве в

---

[279] См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. С. 479–480.

[280] См.: *Голомшток И. Е.* Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 41.

[281] *Галин С. А.* Исторический опыт культурного строительства в первые годы советской власти (1917–1925 гг.). М., 1990. С. 27.

[282] Цит. по: *Голомшток И. Е.* Указ. соч. С. 41–42.

[283] *Луначарский А. В.* Не пора ли организовать Главискусство? // Искусство трудящимся. 1925. № 6.

сфере художественного творчества; идеологическом контроле над репертуаром театров.

Новый этап в культурной политике привел к замене А. В. Луначарского, фигуры компромиссной, «единственного либерала в нелиберальном правительстве» (В. Ходасевич) А. С. Бубновым (бывшим начальником Политуправления РККА, членом РВС РСФСР), который железной рукой стал управлять Наркоматом просвещения. Власть его в этом учреждении, по словам Н. К. Крупской, была безграничной[284].

Важнейшим элементом культурной политики большевиков являлась цензура, которая, по выражению А. Мазаева, далеко опередила Третье отделение по этой части[285]. Знаменитый русский философ Г. Федотов, характеризуя этот институт, отмечал, что государство сознательно губит старую культуру: «Система цензуры, созданная им, действительно превосходит николаевскую», пытаясь учить и назидать; «дает социальный заказ и печется о малых сих»[286].

Декрет «О печати» от 28 октября 1917 г.[287] определил нормы, по которым использование прессы в контрреволюционных целях каралось трибуналом. Это привело к закрытию всех буржуазных газет, массовым «очисткам от вредных» изданий государственных, общественных и частных библиотек[288].

Следующим шагом новой власти в сфере цензуры явилось создание Народным комиссариатом юстиции революционного трибунала печати (18 декабря 1917 г.), целью которого являлась борьба с «преступлениями против народа, совершаемыми путем использования печати». Меры наказания имели широкий спектр: денежные штрафы, лишение свободы, политических прав, высылка за пределы страны. Решения трибунала объявлялись окончательными и не полежавшими обжалованию[289].

Практическое применение ленинская теория двух культур нашла свое выражение в создании Госиздата (20 мая 1919 г.), который должен был обеспечить приоритетное развитие культурных тенденций, отражавших классовые интересы пролетариата. Редакционная коллегия (позже Политотдел) ГИЗа имел цензорские функции, искоренявшие не только политическую крамолу, но и оценивавшие художественные достоинства произведения[290].

---

[284] Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. Т. 1. М., 1969. С. 483–484.

[285] *Мазаев А. И.* Искусство и большевизм 1920–1930-е гг. Проблемно-тематические очерки и портреты. М., 2004. С. 57.

[286] *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избр. статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. С. 119.

[287] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 24–25.

[288] *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР 1917–1991. М., 2002. С. 163.

[289] *Жидков В. С.* Театр и власть... С. 496.

[290] Там же. С. 499.

Роковымв ужесточении цензуры явилось начало 1920-х годов. 27 марта 1922 г. на заседании Политбюро было принято решение о необходимости объединения всех видов цензуры «в одном центре, во главе с лицом, им назначенным»[291]. Декретом СНК от 6 июня 1922 г. учреждалось Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомпросе РСФСР. Постановлением Совнаркома (9 февраля 1923 г.) при Главлите был создан Главреперткомом, без разрешения которого ни одно произведение не могло быть допущено к публичному исполнению. Нарушение каралось по ст. 224 УК РСФСР, в том случае, если театр ставил пьесу из запрещенного репертуара или, по мнению цензоров, неверно трактовались содержание пьесы и роли актеров. Усиление цензурного гнета правящая верхушка, используя свою обычную демагогию, объясняла тем, что действует в интересах многообразия художественных процессов: «При бдительной революционной цензуре – широкая и гибкая политика в области искусства, чуждая кружкового злопыхательства»[292].

Таким образом, создание тотальной цензуры являлось показателем нормативно-инструментального характера управления искусством, который, естественно, должен был привести к возникновению новой эстетики.

Именно поэтому весьма сложной для новой власти представлялась задача превращения искусства «в приводной ремень идеологии». Общеизвестно, что 1920-е годы характеризовались многоцветьем художественных течений и группировок с претензиями на универсальность своих творческих методов. Своей главной цели – придания искусству агитационно-пропагандистских функций партийно-правительственное руководство добивалось на протяжении всего указанного периода. Резолюция ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925 г.), которая распространялась и на другие сферы художественной культуры, внешне носила компромиссный характер, декларируя «свободное соревнование творческих группировок» в области художественной формы[293]. К. Аймермахер приводит восторженные тексты коллективных писем представителей разных художественных направлений[294]. Даже А. Белый назвал эту резолюцию «гибкой и гуманной»[295].

Часть исследователей считает эту резолюцию компромиссной, отвечавшей политическому курсу того периода – новой экономической политике. Вместе с тем, ряд современных ученых категориче-

---

[291] *Горяева Т. М.* Указ. соч. С. 170.

[292] *Троцкий Л. Д.* Указ. соч. С. 10.

[293] В тисках идеологии (Антология литературно-политических документов. 1917–1927). М., 1992. С. 376–380.

[294] Там же. С. 380.

[295] См.: *Жидков В. С.* Театр и власть... С. 465.

ски не согласен с подобной оценкой. В частности, А. И. Мазаев утверждает, что этот многословный, разделенный на 16 параграфов, документ совершенно обошел вниманием проблему свободы художественного творчества и связанную с ней проблему цензуры. Исследователь отмечает «хитрость» этого постановления, которую не смогла понять большая часть художественной интеллигенции. Сущность искусства в этом документе, отмечает автор, сводилась к мастерству, к художественно-техническому умению воплощать угодную партии идею: в классовом обществе не может быть нейтрального искусства, ибо только пролетариат имеет единственно верную идеологию[296].

До конца 1920-х годов советское правительство, проводя свою культурную политику, не скрывало своих намерений подчинить своему полному влиянию художественную жизнь страны. Но целый ряд факторов, о которых говорилось выше, мешал этому, включая борьбу в высших эшелонах власти, развернувшуюся в указанный период.

Следующая резолюция ЦК ВКП(б) от 1928 г. в качестве основной ставила задачу борьбы со всеми проявлениями буржуазной идеологии в сфере культуры: «В условиях неослабного роста культурных запросов литература, театр, кино, живопись, музыка... все должно быть продвинуто в самые широкие слои населения и использовано в борьбе за новые культурные навыки, новый быт, против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии... против рабского подражания буржуазной культурности»[297].

Это постановление знаменовало явление «нового рационализма»: создание самого справедливого общества на земле требовало «переделки» человека, непригодного в своем настоящем виде к вхождению в светлое будущее, а, следовательно, новый человек должен создаваться с помощью государства, которое насильственным образом формировало новую картину мира[298].

Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932) распустило все художественные группировки. Справедливости ради следует сказать, что этот акт – плод творчества не только властных структур, он был инициирован и снизу: «неистовыми ревнителями», представителями вульгарно-материалистического похода (литературные группы «Октябрь», РАПП), сторонниками «героического реализма» в изобразительном искусстве (РАПХ, АХРР).

Как отмечает И. В. Кондаков, политический утилитаризм большевиков в отношении культуры, их стремление во что бы то ни

---

[296] *Мазаев А. И.* Указ. соч. С. 58.
[297] КПСС в резолюциях... Т. I. С. 386.
[298] *Жидков В. С., Соколов К. Б.* Культурная политика России. М., 2001. С. 552.

стало «огосударствить» культуру приняло в СССР невиданные масштабы, культура стала важным элементом большого механизма политики. Возник приоритет политики над культурой, над человеческой личностью и ее неповторимым духовным миром[299].

В целом, соглашаясь с выводами автора, все же следует отметить, что в первой половине 1920-х годов стремление к «одномерности» проявлялось скорее как тенденция, нежели целенаправленные действия. Это было связано и с отсутствием четкой программы культурного переворота, и с многообразием культурных процессов этого периода, которые во многом продолжали традиции Серебряного века. Во второй половине 1920-х годов складываются основные принципы, формы культурной политики, механизмы управления культурой, которые, несколько видоизменяясь, существовали на всем протяжении существования советского государства. Но одновременно с возникновением предпосылок для создания официальной советской культуры с ее идейно-эстетическим единством появились условия для возникновения другого поля культуры – культуры неофициальной, которая не вписывалась в рамки соцреалистического канона.

Мусянкова Н. А.

Пролетарское искусство и супрематизм: опыт мастерских ИЗОРАМ

Аннотация. В статье сделана попытка проследить связи в области художественного образования между рабочими – участниками кружков изобразительной самодеятельности, и мастерами авангарда, учениками и последователями К. С. Малевича. Показано практическое применение идей авангарда в процессе обучения рабочих, а также в оформлении быта и праздников на улицах Ленинграда в начале 1930-х годов.

Ключевые слова: ИЗОРАМ, самодеятельность, пролетарское искусство, ученики Малевича, М. С. Бродский.

Proletarian art and Suprematism: the experience of the ISORAM workshops

Abstract. The articletraces the connections in the sphere of art education between the workers-participants of the amateur art circles, and the avant-garde masters, disciples and followers of K. S. Malevich. It shows the practical application of avant-garde ideas in the process of training

[299] *Кондаков И. В.* Культурология. История культуры России. М., 2003. С. 427.

workers, as well as in the design of everyday life and holidays on the streets of Leningrad in the early 1930s.

Keywords: isoram, independent activity, proletarian art, students of Malevich, M. S. Brodsky.

Опыт исследования кружков ИЗО рабочей молодежи (ИЗОРАМ) позволяет проследить связи между самодеятельностью и мастерами авангарда в области художественного образования, а также показывает практическое применение идей авангарда в оформлении повседневной жизни и праздников на улицах Ленинграда в начале 1930-х годов.

Объединение под названием ИЗОРАМ было создано по инициативе комсомольской организации и получило широкую известность в конце 1920–начале 1930-х годов[300]. Коллектив рекрутировался из рабочей молодежи, которая после основной заводской смены участвовала в клубной самодеятельности. Задачей этой организации было воплощение плана агитационно-массовой пропаганды нового образа жизни. Художественная политика требовала обновления образов и форм в изобразительном искусстве, которые необходимо было моментально внедрять в повседневную жизнь. К рисованию плакатов и писанию лозунгов чаще всего привлекались простые рабочие, имеющие весьма скромные художественные способности. Во главе такой группы стоял профессиональный художник, который выполнял роль руководителя и педагога. Такая система «изоядер» и художественных кружков быстро распространилась по всей стране.

По словам современника, предполагалось, что «из растущей тяги рабочей молодежи к изоискусству, из художественного движения вокруг газет, из движения рабочих-самоучек будут черпаться для профессиональной квалификации пролетарские художественные силы, выросшие в гуще производственной общественной политической жизни, способные воплотить в искусстве идеи и образы классовой борьбы»[301]. Творческие интересы изорамовцев были достаточно широки и многообразны. Наряду с агитационно-пропагандистским и монументально-декоративным искусством они занимались проектированием мебели, фотомонтажом, книжной иллюстрацией, театрально-декорационными работами. При этом важно понимать, что изорамовцы так и не стали профессиональными художниками.

---

[300] См.: Искусство рабочих: Каталог выставки. ГРМ/Вступ. ст. С. Исакова, М. Бродского, Н. Пунина, Вс. Воинова. Л., 1928; ИЗО рабочей молодежи Ленинграда: ГТГ. Каталог выставки / Вступ. ст. А. Федорова-Давыдова, С. Исакова, М. Бродского. М., 1929; *Гущин А. С.* Самодеятельное изоискусство. М.; Л., 1931; *Иоффе И. И.* Новый стиль. М.; Л., 1932; *Маца И. Л.* Ленинградский ИЗОРАМ. М.; Л., 1932; Советское искусство за 15 лет: Мат. и док. / Под ред. И. Л. Маца. М.; Л., 1933. С. 463–473.

[301] Павел Филонов. Дневники / Вст. ст. Е. Ковтуна. СПб., 2001. Комм. № 136. С. 368.

Основателем ИЗОРАМа в Ленинграде был Моисей Соломонович Бродский (1896–1944). Окончив Одесское художественное училище в 1917 г., он начал активно участвовать в культурной жизни. Обозреватель «Одесских новостей» Н. Инбер отмечал вторичность и неоригинальность работ выпускников училища на выставке Общества независимых художников, похожих друг на друга и напоминающих «до иллюзии» картины Брака, Метценже и Леже[302]. Поначалу Бродский в своем творчестве придерживался принципов кубизма. Кубистическое построение формы можно наблюдать в ранних портретах («Ленин», «Человек с трубкой»). При построении композиций он уже тогда избирает прием противопоставления (панно «Рабочие и буржуи»). Позже М. С. Бродский переключился на сценическое оформление революционных постановок в рабочих клубах. Театральные проекты Бродского 1920-х годов интересны своим лаконизмом и энергией цвета (декорации к пьесе Шекспира «Макбет»).

В 1923 г. М. С. Бродский переехал в Петроград, где стал работать художником в Доме политического просвещения им. Плеханова, а затем в Доме политпросвета им. Герцена инструктором ИЗО. Там же в 1925 г. открылись мастерские рабочей самодеятельности, из которых и вырос ленинградский ИЗОРАМ. До 1931 г. он входил в систему организаций Пролеткульта, а позже был включен в ленинградское отделение Российской ассоциации пролетарских художников (РАПХ), а после 1932 г. преобразован в техникум с художественно-оформительскими мастерскими, в которых работали его выпускники, и просуществовал до 1942 г. М. С. Бродский делал плакаты, занимался фотомонтажом, осуществлял общее руководство и вел занятия в декоративно-монументальной, а затем и в плакатно-фотомонтажной мастерской. Художник Борис Федорович Семенов вспоминал: «Моисей Соломонович – художественный руководитель ИЗОРАМа – был наделен какой-то сверхактивной силой и умел заряжать ею всех без исключения. А было ему лет под сорок; смуглорозовый, чубатый, русая бородка торчком. Одевался чисто, неброско, но элегантно: короткое кожаное пальто, красивый галстук, бриджи в клеточку... Все знали его деловитость, замечательную реакцию, быстроту движений»[303]. Если ученики-рабочие относились к М. С. Бродскому с открытой симпатией, то профессиональные художники часто выражали ему свое недоверие. В частности, П. Н. Филонов публично выступал против деятельности Бродского, называя его соратников «бандой», которая «надувала много лет партию и Советское правительство». «Очевидно, – писал художник в своих дневниках, – у них есть где-то сильная поддержка по партий-

[302] Одесские новости. 1918. 3 дек.

[303] *Семенов Б. Ф.* Время моих друзей. Л., 1982. С. 218.

ной линии, и обман в педагогике кем-то санкционируется и культивируется... Я был объявлен вредителем, злостным кулаком, а себя они аттестовали как друзей пролетариата, „больше пролетариев, чем сами пролетарии”»[304].

Метод обучения в ИЗОРАМе должен был учитывать специфику его практических целей: в кратчайшие сроки рабочие должны были освоить навыки монументального оформления клубов, рабочих уголков, праздничных шествий, сценических площадок. Очевидно, что для воплощения новых идеологических требований метод традиционного обучения рисунку и живописи не походил. Поскольку в тот период «художником номер один» в Петрограде считался К. С. Малевич[305], то Бродский взял на «вооружение» разработанную им систему обучения в Витебском народном художественном училище. Значительное количество работ учеников Малевича, входивших в группу «Утвердителей нового искусства» (УНОВИС), были показаны в 1923 г. в Петрограде в составе обширной «Выставки картин петроградских художников всех направлений за 5-летний период деятельности 1918–1923» в залах Академии художеств. С 1923 по 1926 г. в Петрограде Малевич и его ученики работали в ГИНХУКе, где занимались выработкой «универсальной художественной методологии». Результаты этих исследований имели выход в производство (текстиль, мебель, графика) и в сферу преподавания искусства (создание метода преподавания вне зависимости от индивидуальности преподавателя).

М. С. Бродский, стремясь следовать новым веяниям в искусстве, привлек к работе в Доме политпросвета им. А. И. Герцена учеников Малевича – Илью Чашника и Дмитрия Санникова, а также выпускников Одесского художественного училища – Эдуарда Криммера, Давида Загоскина, Леонида Каратеева, лекции по истории искусств читал искусствовед Александр Гущин.

Оправдывая заимствования авангардных форм и методов в обучении рабочих, М. С. Бродский говорил, что «аналитическая работа новейших художественных течений вскрыла элементы изо-организма, и если раньше эти элементы являлись самоцелью, то мы их используем как средство для осуществления более широких задач. Изокружки, могут обслуживать многообразные художественные запросы клуба, а одновременно в процессе обслуживания прививать необходимые приемы и навыки кружковцам и таким образом давать им общее художественное развитие. Принцип – обучение в процессе про-

---

[304] Павел Филонов. Дневники. Запись от 5–6 июня 1931 г. С. 224.

[305] *Безобразов Б. Б.* На лекциях Малевича// Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика / Авторы-сост/ И. А. Вакар, Т. Н. Михиенко. Т. 2. М., 2004. С. 383.

изводства»[306]. Таким образом, на систему обучения в ИЗОРАМе значительное влияние оказали также идеи производственного искусства, разрабатываемые Б. Арватовым, А. Ганом, Б. Кушнером и др.

В сохранившихся воспоминаниях изорамовца Бориса Алексеевича Белозерова[307] подробно излагаются стадии обучения мастерству композиции. Интересно, что о супрематизме не упоминается вовсе, но надо помнить, что воспоминания писались им в 1970-е годы, время социалистического «застоя», когда имя Малевича было сознательно забыто.

На первом занятии М. С. Бродский знакомил учащихся с основными изоэлементами. Он выделял круг, квадрат, треугольник, прямоугольник и линейку.

Объяснение начиналось так: «Возьмем лист бумаги и чиркнем на нем линию. Покажи это любому человеку, и он скажет: „кто-то случайно чиркнул". Но если параллельно провести еще несколько линий или, хотя бы одну, впечатление изменится. Появится нечто сознательное, организующее начало. Проявляется какое-то волевое начало»[308]. Затем давались друг за другом ряд заданий, в которых по принципу усложнения требовалось вписать в заданную форму геометрические фигуры: круг, квадрат, треугольник, и уравновесить их друг с другом. Дальше следовали задачи на движение, покой и ритм. Наряду с этим проводились занятия по цвету, давались понятия о гамме, колорите, фактуре.

После знакомства с вводным курсом рабочий-изорамовец получал задание сделать плакат или эскиз монументально-декоративного оформления клуба. Затем, не имея еще навыков и нужного умения, он с помощью руководителя разбирал данное задание на его «элементы». Шаг за шагом выполнял отдельные части задания – шрифт, предметы, фигуры, которые зарисовывал с натуры, – и из них выполнял сначала простую, а затем более сложную композицию (вначале в черно-белом варианте, а затем в цвете). Конечной целью декларировалась идея самостоятельного революционного оформления жилища и общественного пространства. По словам М. С. Бродского, «при умении оперировать элементами изоорганизма каждый сможет организовать свое жилье, наметить цвет и формовую сторону его по своему желанию и характеру»[309]. В тезисах к докладу на Президиуме совета ТРАМов ленинградские изорамовцы подтверждали свою приверженность идеям производственного искусства: «самодеятельное искусство – есть форма органической связи искусства с обществен-

---

[306] Ленинградский ИЗОРАМ. Воспоминания В. О. Мейера и Б.А. Белозерова. – Архив А. А. Мейера, Пермь.

[307] Там же.

[308] Там же.

[309] Цит. по: *Маца И. Л.* Указ. соч. С. 9.

ным бытием пролетариата – новая форма бытования искусства, разрушающая капиталистический профессионализм и являющаяся уже в настоящее время первичной, начальной формой социалистического искусства»[310].

Однако процесс обучения рабочих менялся и представлял собой сплав различных, иногда противоречащих друг другу систем: супрематического метода жизнестроительства, заложенного Малевичем, идей производственного искусства, разрабатываемых в Пролеткульте, отголосков конструктивизма и попыток создания искусства нового общества, основанного на новейших социологических теориях. Остановимся более подробно на идеях и методах УНОВИСа.

Если сравнивать методы обучения в ИЗОРАМе с деятельностью УНОВИСа, то можно обнаружить несколько сходных черт. В обоих организациях предполагались учебно-практические занятия и дискуссии, а также обязательное участие учеников в художественно-культурной жизни города (печатная графика, сценография, стенгазета, оформление массовых празднеств). Учебная программа УНОВИСа также все время совершенствовалась, уточнялась и детализировалась, о чем писала в свое статье Т. В. Горячева[311]. Педагогическая система К. С. Малевича отражала последовательное «восхождение» от «абстракции вещей» – цвета, формы, композиции, объема, через изучение кубизма и футуризма к постижению социоэстетической доктрины супрематизма. Приняв на себя функции официального художественного центра Витебска, Народная художественная школа получила задание от местных властей декорировать фабричные и заводские предприятия, мастерские, склады, магазины и витебский Большой театр для торжественного заседания делегатов и рабочих Комитета по борьбе с безработицей. Для театра члены УНОВИСа расписали супрематический занавес, вошедший, по словам автора хроники общественной жизни объединения, «новым ярким миром в серое огромное помещение». Для общества МПО уновисцы разработали супрематические вывески. УНОВИСом было сделано и праздничное оформление города к 1 мая 1920 г. «Наступил первый май, и город зацвел новым супрематическим цветом. Расписаны все трамваи, расписаны трибуны ораторов на площадях», – сообщается в обзоре уновисских свершений[312].

Экспериментальная деятельность К. С. Малевича и его последователей имела высшую цель, которая состояла в реализации грандиозной утопии – построении беспредметного супрематического

---

[310] *Маца И. Л.* Указ. соч. С. 40.

[311] *Горячева Т. Г.* Уновис: «Мы будем огнем и дадим силу нового» // В круге Малевича. Соратники. Ученики. Последователи в России 1920–1950-х. Каталог выставки. ГРМ. СПб., 2000. С. 13–23.

[312] Там же.

мира. Была разработана программа архитектурно-технического факультета, занявшего в иерархии ценностей УНОВИСа ведущее место[313].

Как и все «уновисы», И. Г. Чашник (1902–1929) участвовал в оформлении городской среды к революционным празднествам в Витебске и Смоленске в 1919–1922 гг. Переехав в Петроград в 1922 г., он продолжил тесное сотрудничество с К. С. Малевичем в ГИНХУКе и одновременно работал на Государственном фарфоровом заводе, где исполнил большое количество эскизов для разнообразных типов посуды. Рзнообразные виды деятельности он сочетал с нелегкой работой в ИЗОРАМе, где возглавлял плакатную мастерскую[314].

Как свидетельствуют его письма, он подрабатывал там из-за жестокой нужды. В частности, жене он сообщал: «клубы изрядно надоели, и с большим трудом заставляешь себя ходить, особенно в Зиновьевский, где только с оболтусами имеешь дело. Вероятно, к ленинским дням совсем измучают»[315]. Скорее всего, молодого художника утомляли однообразное писание лозунгов и изготовление агитационных материалов. «Предполагается еще... работа по оборудованию выставки плаката, которая если не треснет, то даст возможность заработать тебе на пальто», – писал он жене в Витебск[316]. В другом письме от 27 июня 1927 г., сообщая о заказе на покраску школы, художник выражает надежду, что будет хороший заработок, который «позволит бросить клубы и не зависеть от этого мерзавца Бродского»[317]. Видимо в отношениях между Чашником и руководителем ИЗОРАМа Бродским уже тогда существовала напряженность[318]. По словам В. Ракитина, Бродский ценил Чашника за его большую помощь в реализации наполеоновских планов сделать из банальных рабочих кружков особую отрасль современного искусства[319]. Ранняя смерть художника в 1929 г. не позволила воплотить многие творческие планы.

Дмитрий Николаевич Санников (1902–?) также обучался в Витебском народном художественном училище (1919–1922), член УНОВИС. В 1922 г. вслед за Малевичем переехал в Петроград, где продолжил обучение в Академии художеств на полиграфическом факультете, но окончил его. В 1924–1926 гг. Санников вел активную научную и прак-

---

313 *Горячева Т. Г.* Уновис: «Мы будем огнем и дадим силу нового» // В круге Малевича. Соратники. Ученики. Последователи в России 1920–1950-х. Каталог выставки. ГРМ. СПб., 2000. С. 13–23.

314 Ленинградский ИЗОРАМ. Воспоминания В. О. Мейера и Б. А. Белозерова. – Архив А. А. Мейера, Пермь.

315 Письмо И.Чашника к Ц. Гродневой в Витебск от 7 января 1926 г. // Ракитин В. Илья Чашник. Художник нового времени. М., 2000. С. 101–102.

316 Там же.

317 Там же.

318 Архив семьи Чашника находится в Риме в семье З. Эндер-Мазетти.

319 *Ракитин В.* Илья Чашник. Художник нового времени. М., 2000. С. 101.

тическую деятельность в ГИНХУКе, а также работал руководителем кружков изобразительных искусств Василеостровского и Выборгского Домов просвещения, предшественников ИЗОРАМа. За свою общественную деятельность он был отмечен в журнале «Жизнь искусства» (№ 40 за 5 октября 1926 г.). В 1926 г. художник был призван в Красную армию. О его произведениях после середины 1920-х годов известно только из воспоминаний художника К. И. Рождественского: «Работал дома; приносил свою живопись для беседы с К. С. (Малевичем). Выразительные бело-веронезные гаммы футуристических ритмов. Один холст „Киноаппарат" Малевич оставил и повесил в своем кабинете»[320]. Последнее свидетельство о Санникове встречается в дневнике Льва Александровича Юдина и датируется февралем 1928 г. В воспоминаниях участников ИЗОРАМа его фамилия не упоминается, и поэтому пока не удалось установить степень его вовлеченности в преподавательскую деятельность среди рабочих.

Эдуард Михайлович Криммер (1900–1974), также как и М. С. Бродский, был выпускником Одесского художественного училища и приехал в Петроград в 1923 г. Здесь он нашел работу в издательстве «Радуга», где иллюстрировал детские книги и журналы «Чиж» и «Еж». В 1929 г. он занимался у Малевича в Кружке по изучению новой западной живописи[321]. К. С. Малевич высоко ценил рисунки своего ученика за индивидуальность в колорите и цвете, и относил их к сезановской категории.

В 1928–1929 гг. Э. М. Криммер был создателем и руководителем модельно-проектировочной мастерской в ИЗОРАМе, которая занималась конструированием мебели. Этот род художественно-конструкторской деятельности изорамовцы считали одним из важнейших в деле социалистической реконструкции обобществленного и индивидуального секторов быта. Одним из первых шагов, предпринятых ими в этом направлении, был проект трансформирующейся мебели, показанный на московской выставке[322]. Была сделана небольшая модель 30×20×15 см, которая показывалась на выставках[323]. Этот предмет обихода был спроектирован для малогабаритного жилья, в котором недостаток площади заставлял соединить несколько типов мебели, смежных по назначению. Он собирался из стандартных мебельных частей на конструктивной основе «козлы-бруски на болтах», на которую крепились двусторонний перевертывающийся пружинный матрац с чехлами двух систем, выдвижной столик к кровати, ящики открытые и закрытые для белья и принадлежностей туалета

[320] Малевич о себе. Современники о Малевиче... Т. 2. С. 431.

[321] Там же. Прим. 2. С. 401.

[322] Имеется в виду выставка «Изо рабочей молодежи Ленинграда», состоявшаяся в 1929 г. в Государственной Третьяковской галерее.

[323] Архив А. А. Мейера, Пермь.

и, даже платяной шкаф с выдвижной вешалкой[324]. В зависимости от потребности этот предмет мог быть диваном, кроватью или шкафом. Впоследствии по эскизу мастерской ИЗОРАМа были изготовлены несколько вариантов мебели на фабрике «Древтрест»[325].

В модельно-проектировочной мастерской, руководимой Криммером, был также выполнен эскиз «Площадки для массовых выступлений на площади», идея пространственной спиральной композиции которого восходила к знаменитой Башне III Интернационала В. Е. Татлина и к проекту «Трибуны Ленина» Л. М. Лисицкого, с ярко выраженным диагональным движением.

Давид Ефимович Загоскин (1900–1942), руководивший графической мастерской ИЗОРАМа (1926–1929), имел опыт преподавания в Саратовском ВХУТЕМАСе (1920–1922). Одновременно с работой в ИЗОРАМе он вел педагогическую деятельность в Ленинградском ВХУТЕИНе (1922–1936). Также он являлся членом правления общества «Круг художников», занимал должности председателя секции ИЗО и члена правления Центрального Дома искусств до 1931 г. Как один из ведущих мастеров объединения «Круг художников», он выступал за поиск «стиля эпохи», отражение в станковом искусстве современных тем и событий. По воспоминаниям Б. А. Белозерова, его мастерскую в ИЗОРАМе посещали в основном девушки, которые занимались изготовлением гравюр и печатных агитационных лубков[326].

Успешной была деятельность ИЗОРАМа по оформлению агитационно-политических кампаний. Были широко известны плакаты В. О. Мейера, М. Б. Белявского, С. Волкова и других, призывавшие к героическому труду и обороне страны. Панно К. И. Савищенко «Красноармеец» и «Физкультура и фокстрот» экспонировались на зарубежных выставках советского искусства в Милане, Амстердаме и Париже в начале 1930-х годов. Изорамовцы одними из первых начали экспериментировать в области объемно-пространственных конструкций для праздничного оформления городских площадей. Так, например, в 1931 г. они соорудили на площади Островского в Ленинграде многометровую агитационно-информационную установку. Ее новшеством были радиофикация и оборудование изменяющимся освещением. Неосуществленным остался проект выставки «Пятилетка» для Центрального парка культуры и отдыха, где, как вспоминал В. О. Мейер, «последовательно развертывался рассказ о том, как Россия от скифов дошла до наших дней. В экспозицию включали картины, панно, панорамы, диорамы, звучащее слово и му-

---

[324] Изо рабочей молодежи Ленинграда. М., 1929. С. 67.

[325] Об этом см.: *Маца И. Л.* Указ. соч.; *Мартыненко В.* Изорам. Из опыта наглядной агитации // Декоративное искусство СССР. 1984. № 8. С. 26.

[326] Ленинградский ИЗОРАМ. Воспоминания В. О. Мейера и Б.А. Белозерова. – Архив А. А. Мейера, Пермь.

зыку, кино и др.»[327]. В 1931–1932 гг. ИЗОРАМу доверили оформление к революционным торжествам главной площади Ленинграда – площади Урицкого (Дворцовой). Темой многометровых изоустановок была борьба старого и нового, буржуазии и пролетариата.

Изорамовцами руководили художники-профессионалы, которые прививали им новый изобразительный язык, основанный на принципах модернизма – лаконизм деталей, крупные обобщенные формы, разбивку на плоскости, устранение объема и светотени, использование ярких локальных цветов. Сюжеты вероятно придумывали сами рабочие, таким образом, происходило соединение новых художественных форм с пролетарским содержанием. Именно за «формализм» вскоре начали критиковать Изорам. И УНОВИС, руководимый Малевичем, и ИЗОРАМ, ведомый Бродским, по терминологии того времени, были проводниками «левого» метода в искусстве.

Развернувшаяся после выставки в Третьяковской галерее (1929) дискуссия об ИЗОРАМе прошла в Коммунистической академии и подвергла критике художественные методы обучения рабочих. В своем выступлении А. А. Федоров-Давыдов, заведующий отделом новейших течений в ГТГ, говорил о намеренном сопоставлении двух выставок, проходивших одновременно в Третьяковской галерее: работ участников ИЗОРАМа и персональной выставки К. С. Малевича: «Мне кажется, что сам Малевич, т. е. смысл и ценность его вещей, становится понятным, когда мы рядом показываем, какое значение имеет эта культура, левое искусство в самодеятельном рабочем искусстве. С другой стороны, мне хотелось показать рядом эти вещи для того, чтобы можно было их сравнивать»[328]. М. С. Бродский был против такого сопоставления и чинил всевозможные препятствия, стремясь разъединить эти выставки по времени. Скорее всего, он предчувствовал упреки в формализме и чрезмерном эстетизме, что и произошло в процессе дискуссии. Яркое декоративное начало, присутствующее во всех работах изорамовцев, в те годы интерпретировалось критиками как признак буржуазного искусства. «Их работы очень красивы, слишком красивы. Они не могут дать того стиля, которого мы требуем от рабочей молодежи», – утверждал с трибуны венгерский художник-коммунист Бела Уитц[329]. А. А. Федоров-Давыдов видел основную ошибку ИЗОРАМа в ориентации на станковизм. Самыми главными видами искусства того времени известный искусствовед считал фото и кино.

С авангардными теориями начала XX века, в частности с супрематизмом Малевича, ИЗОРАМ объединяет наличие обязательной идеологической программы. В выступлениях ИЗОРАМа в печати и

---

[327] Цит. по: *Мартыненко В.* Указ. соч. С. 26.

[328] Вопросы развития пролетарского искусства.. М., 1932. С. 93.

[329] Выступление Б. Уитц // Вопросы развития пролетарского искусства. С. 99.

на конференциях четко прослеживается приоритет идеи над изобразительной формой. Каждый элемент панно нес символическую нагрузку, обозначал победу пролетариата, главенство нового пролетарского языка искусства, символизировал победу старого над новым, утрату позиций буржуазного общества перед наступлением рабочего класса, символизировал глобальный сдвиг, произошедший в русском обществе. Общим с установками Малевича были и геометрические основы в изображении человеческих фигур. В основе каждой фигуры выделялись простые геометрические формы, и из них впоследствии составлялись масштабные фигуры для панно. Общим моментом было и отношение к результатам своего творчества как проявлениям наивысшего развития искусства.

ИЗОРАМ использовал традиционную структуру художественного учебного заведения, разделенного на мастерские по видам искусства, что ранее применялось также в Витебском художественно-практическом институте, где обучались преподаватели ИЗОРАМА И. Г. Чашник и Д. Н. Санников. В то же время, в отличие от Витебской школы и мастерских УНОВИСа, где в процессе обучения была очень важна индивидуальность преподавателя, ИЗОРАМ тяготел к коллективному сотворчеству. Изорамовцы утверждали, что их творчество это «форма органической связи искусства с общественным бытием пролетариата – новая форма бытования искусства, разрушающая капиталистический профессионализм и являющаяся уже в настоящее время первичной, начальной формой социалистического искусства»[330].

Современники по-разному оценивали деятельность ИЗОРАМа, усматривая в ней и попытку оживить идеи Пролеткульта, и создание некоей новой формальной школы. Сторонник формально-социологического метода исследования искусства И. И. Иоффе[331], подробно описавший в своей книге работы ИЗОРАМа[332], настаивал на том, что их творческие поиски являются прообразом всего будущего советского искусства[333]. На материалах деятельности ИЗОРАМа Иоффе разработал теорию нового стиля, названного им «диалектическим реализмом» (термин соцреализм появился позже) и обосновал социальную функцию каждого панно изорамовцев.

---

[330] Это определение было сформулировано в тезисах к докладу ленинградского Изорама на президиуме Совета ТРАМов. Цит. по: *Маца И. Л.* Указ. соч. С.40.

[331] Иоффе Иеремия Исаевич (1888–1947) – историк искусства, профессор филологического (кафедра искусствоведения) и исторического (отделение истории изобразительных искусств) факультетов Ленинградского университета (в 1939–1947 гг.). Иоффе был последовательным марксистом и сторонником «синтетических» методов исследования «синтетической» техники – кино.

[332] *Иоффе И. И.* Новый стиль. М.; Л.,1932.

[333] См.: там же.

Кроме того, в философском плане деятельность рабочих кружков, о которой тогда много писали, дала импульс к возникновению семиотики, которую начинали разрабатывать М. М. Бахтин и В. Н. Волошинов:«...достаточно было бы изобразить на паровом молоте советский герб (серп и ручной молот), а на танке – двуглавого орла да прибавить еще группу рабочих, пускающих в ход этот паровой молот, и кучу генералов, в панике, выскакивающих из танка, – то смысл такой, как обычно говорят, „аллегорической" картины нам стал бы немедленно понятен: диктатура пролетариата уничтожила контрреволюцию. Здесь паровой молот является знаком, „символом" всей мощи и неотвратимости пролетарской диктатуры, а раздавливаемый танк – символом крушения белогвардейских замыслов. Равным образом серп и молот являются не просто изображением орудий производства, а символом пролетарского государства. Двуглавый же орел – символом царской России... Знаки так же – единичные материальные вещи, и, как мы видели, любая вещь природы, техники или потребления может сделаться знаком, но при этом она приобретает значение, выходящее за пределы ее единичного существования (вещи природы или определенного назначения (служить той или иной производственной или потребительской цели)»[334]. Надо при этом отметить, что о значении живописного произведения как *знака нового* писал еще Л. М. Лисицкий в Альманахе № 1 УНОВИСа, изданном в Витебске в 1920 г.

Обобщая все выше сказанное, мы можем утверждать, что в практике ИЗОРАМа воплотились не только идеи производственного искусства, но и явные отзвуки идей К. С. Малевича и его метода обучения в Витебском художественно-практическом институте. Кроме того, на примере произведений изорамовцев проводились попытки создать теорию нового пролетарского искусства (И. И. Иоффе) и теорию знака (М. М. Бахтин и В. Н. Волошинов). Значение деятельности ныне забытого ИЗОРАМа еще предстоит оценить.

Салиенко А. П.

Испытание авангардом. Искусство революционной эпохи: от «пластического ощущения» к образу-символу

Аннотация. В статье прослеживается связь искусства революционного десятилетия с наследием русского авангарда. Простейшие геометрические фигуры, предложенные в качестве основы языка ис-

[334] *Волошинов В. Н.* Слово и его социальная функция // Литературная учеба. 1930. № 5. С 45–46.

кусства мастерами авангарда (квадрат, круг, крест, треугольник), рассматриваются как иконические знаки, универсальные для искусства, ищущего новый художественный язык, способный отразить революционную эпоху. Основное внимание уделяется наиболее часто встречающейся в изобразительном искусстве указанного времени форме круга (круг, шар, колесо, мяч и др.). На примере круга анализируется превращение пластического мотива в образ-символ.

Ключевые слова: искусство авангарда, советское искусство 1920-х годов, искусство и революция, образ-символ, круглый предмет, «новое небо», «новая земля».

Examination by avant-garde. Art of the Rrevolutionary era: from «figurative feeling» to symbol-image

Abstract. In this article we can see the connection between the art of the decade of Revolution, and the heritage of the Russian avant-garde. The Simpliest geometric figures, suggested as a basic artistic language by avant-garde artists (squares, circles, crosses, triangles), are considered to be a cross-functional iconic signs for a new art seeking new artistic language which wouldill be capable off or representing the Rrevolutionary era. During the discourse, the main attention is paid to on the forms of the circle (circle, sphere, wheel, ball etc.) which occur mostre often in art of the mentioned period. Transformation of figurative motive into symbol-image is analyzed using on the example of circle.

Keywords: avant-garde art, soviet art of the 1920s, art and revolution, symbol-image, circular object, new sky, new land.

Анализ произведений изобразительного искусства, материал так называемых тонких иллюстрированных журналов, в которых репродукции картин и рисунки соседствуют с фотографией и текстами, позволяют нам выявить определенные тенденции и закономерности искусства 1920-х годов, найти художественные образы, ставшие символами эпохи. Тонкие иллюстрированные журналы, в свое время оставшиеся вне поля внимания искусствоведов, стали своего рода трансляторами того нового, что рождалось в искусстве из хаоса визуальных впечатлений, обрывков всевозможных влияний и новых тенденций и приемов, которые формировались тогда в изобразительном искусстве, фотографии и кинематографе. Кинематографическим источником в данном контексте служат для нас документальные фильмы Дзиги Вертова, в первую очередь, «Человек с киноаппаратом» 1929 г.

Очевидные пересечения дают основания говорить о «рефлексе восприятия действительности» (Н. Тарабукин), как будто «случайно» составленной формуле зрительного опыта, фиксирующей реальность в виде образа-символа. Хотя в искусстве 1920-х годов еще не

сформировалась своя мифология, анализируемый материал позволяет предположить, что в рассчитанных на массового читателя тонких журналах уже сложился определенный «репертуар символов», которые позже лягут в основу языка соцреализма.

Ставя перед собой задачу проследить связь советского искусства 1920-х годов с наследием русского авангарда, мы рассматриваем простейшие геометрические фигуры, предложенные в качестве основы языка искусства мастерами авангарда – «беспредметные, внеобразные, внеидейные» «чистые» «пластические ощущения» (К. Малевич), как абстрактные пластические знаки, универсальные для искусства, ищущего новый художественный язык, способный выразить революционную эпоху.

Решение новых задач Л. Гинзбург видела в «...той борьбе, которую литературное поколение 1920-х гг. вело против еще не изжитого наследия символизма с его потусторонностью и против эстетизма 1910-х гг. Все мы терпеть не могли всяческое эстетство, „красивость", стилизаторство, – все это были бранные слова... В начале 1928 г. была опубликована декларация обэриутов, призывавшая поэтов освободиться от „литературной и обиходной шелухи"... Жажда увидеть мир заново, содрать с него шелуху привычного присуща была в искусстве многим молодым школам. Особенно сильной, понятно, она была у поэтов послереволюционного времени. Новый поэт среди крушения старых ценностей должен все сделать сам и все начать с начала»[335].

В декларации обэриутов Заболоцкий предлагает поэту посмотреть «на предмет голыми глазами». Слово без определения, слово, освобожденное от ореолов и не нуждающееся в расшифровке, то есть, «голое слово» ценится выше слова, наполненного символическими и таинственными смыслами. Понятно, что подобные тенденции характерны не только для литературы, и проблема эта затронута здесь не случайно.

В поисках «образной пластики революции» художники стремятся к максимальной выразительности за счет минимальных средств. Художник и теоретик В. Фаворский учил студентов ВХУТЕМАСа: «...живописный пластический образ должен быть прост, реален и лишен литературности»[336].

Создателями новой эстетики, нового художественного языка являлись «люди без художественных традиций, довольно оппозиционно настроенные против академической и старой живописи» – так писал Дейнека о студентах ВХУТЕМАСа[337]. Человек революцион-

---

[335] *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 490.

[336] *Фаворский В. А.* О композиции // Творчество. 1967. № 2. С. 15.

[337] *Дейнека А.* Жизнь, искусство, время. Литературно-художественное наследие. Т. 2. М., 1989. С. 73–74.

ного поколения снова ощущает себя «Адамом, дающим имена вещам» (О. Мандельштам), сравните с Б. Лавреневым: «А мы вновь родившиеся. Голые человеки на голой земле» («Гравюра на дереве», 1928). Как заметил В. Топоров, для архаического самосознания высшим престижем обладает то, что сакрально и ритуально[338]. Вопреки стараниям конструктивистов, настаивающих на том, что «Вещь у нас не имеет никакого символического значения – она ценна лишь постольку, поскольку удобно и полезно ее употребление»[339], язык художников революционного поколения в каком-то смысле иероглифичен и ритуален, он неизбежно несет в себе хранящийся в памяти зрительный опыт, накопленный веками.

К. Г. Юнг вспоминает «случай с профессором, у которого было внезапное видение, и он подумал, что нездоров.

Он явился ко мне в состоянии полной паники.

Мне пришлось взять с полки книгу четырехсотлетней давности и показать ему выгравированное изображение его видения.

„Нет причин беспокоиться о своей нормальности, – сказал я ему. – Они знали о вашем видении 400 лет назад".

После этого он сел, уже окончательно сбитый с толку, но при этом вполне нормальный»[340].

Вслед за цитатой, взятой у Юнга, слова Малевича возвращают нас к «голому» слову обэриутов: «Науке, искусству нет границ, потому что то, что познается, безгранично, бесчисленно, а бесчисленность и безграничность равны нулю»[341].

Высказанная Сезанном мысль, что «все в природе лепится в форме шара, конуса, цилиндра, надо учиться писать на этих простых фигурах, и, если вы научитесь владеть этими формами, вы сделаете все, что захотите», стала молитвой для русских художников начала века. В свою очередь, обращаясь к натюрморту Сезанна, Ю. Лотман заметил, что сами предметы – «слова на неизвестном языке. Они значительны, так как непонятны»[342].

Триада Василия Кандинского – красный квадрат, синий круг, желтый треугольник, – представленная в работе «Точка и линия на плоскости» (1923), легла в основу его теории об абстрактном искусстве: «квадрат, круг, треугольник, ромб, трапеция и бесчисленные другие формы, которые становятся все более сложными и не имеют матема-

---

338 *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 11.

339 *Бродский В.* Вещи в быту. Л., 1929. С. 5.

340 *Юнг К. Г.* Символическая жизнь. М., 2003. С. 256.

341 *Малевич К.* Супрематическое зеркало (1923) // Малевич К. Черный квадрат. М., 2001 (http://ruslit.traumlibrary.net/book/malevich-kvadrat/malevich-kvadrat.html).

342 *Лотман Ю. М.* Натюрморт в перспективе семиотики // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). СПб., 2002. С. 348.

тических обозначений» есть «чисто абстрактные существа»[343], как и его размышления о том, что «Каждый формальный элемент обладает абсолютным психическим эффектом (= ценностью)»[344].

В качестве трех основных супрематических фигур Малевич выделяет квадрат, круг, крест и настаивает на том, что «новое Искусство есть яркое доказательство того, что оно есть результат пластического ощущения, в нем нет никаких признаков социального строя»[345]. Сведенные к крайним позициям (чистая плоскость, квадрат, круг, крест), до предела экономные фигуры-формы есть основа нового языка Малевича, которым он мог выразить «целую систему мировоззрения».

Много позже, не ссылаясь ни на Малевича, ни на Кандинского, Р. Барт скажет: «высшей формой художественной выразительности оказывается стремление к буквальности, то есть в конечном счете к своего рода алгебре; каждая форма должна тяготеть к абстракции, что, как известно, отнюдь не мешает ей быть чувственной»[346].

Как мы видим, абстрактный язык геометрических тел оказывается рассчитан на «психический эффект», вызывает «беспредметные ощущения» и апеллирует к нашим чувствам.

К тем же квадрату, кругу и треугольнику обращается в своих «живописных экспериментах» А. Родченко. В проекте Башни III Интернационала В. Татлин использует три геометрических объема: стеклянные куб, пирамиду и цилиндр, заключенные в стальную спираль.

Избегая обращения к европейской традиции (это большая тема и длинный разговор), отметим, что те же простейшие геометрические формы встречаются в древнерусском искусстве. К примеру, в новгородской церкви Сергия Радонежского XV века на стене мы видим изображение круга и квадрата. В основе конструкции крестово-купольного храма лежит круг, вписанный в квадрат (крест). Таким образом, пребывающий в храме человек, находится внутри куба, взгляд его ориентирован вверх, где в полусфере купола, символизирующего небо, он обретает изображение Бога. В иконографии «Спас в силах» используются три геометрические фигуры: четырехугольник, овал (сфера) и ромб, символизирующие землю, небо (Царство небесное) и божественный огонь. Примеры, конечно, можно множить. Однако этот пример, как свидетельство генетической памяти, в настоящем контексте («Они знали о вашем видении 400 лет назад») для нас имеет значение.

---

[343] *Кандинский В.* О духовном в искусстве. М., 1992. С. 50.

[344] *Кандинский В.* Автохарактеристика. Впервые: Das Kunstblatt (Potsdam). 1919. № 6. S. 172–174. См. комментарии к [«Автобиографии»]. Т. 1. С. 408–409. Пер. с нем. В. С. Турчина (http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva63.html).

[345] *Малевич К.* Супрематизм (1927) // Малевич К. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. М., 1998. С. 123.

[346] *Барт Р.* Мифологии. М., 2000. С. 210.

О «зрительно-графическом способе выражения понятий», «в которых конкретные изображения становятся знаками и символами идей», упоминает П. Флоренский, в начале 1920-х годов выдвигающий идею «строго научного метода обследования символического наследия» («Словарь символов»). С точки зрения Флоренского «графический образ, подобно слову, может служить для выражения определенных идей в самых различных планах сечения, но сами по себе эти идеи и их носители – графические образы – лежат вне индивидуальных интерпретаций, они составляют достояние всего человечества»[347]. В составленную Флоренским схему «графических образов», разумеется, входят квадрат, круг, треугольник, направленный острием вверх, треугольник, направленный острием вниз, крест, куб, пирамида, конус, спираль и др. Однако первая и единственная статья словаря посвящена «простейшему графическому символу» – точке, как «Началу первоосновному», «точка и есть и не есть»[348].

Композиционные ракурсы снизу вверх и сверху вниз тоже дают простейшую фигуру – конус или треугольник. При этом взгляд зрителя вслед за взглядом художника направлен вверх. В картине Лучишкина «Шар улетел» (1926) блокирована линия горизонта и ничто не уводит взгляд зрителя вглубь, поскольку он сталкивается с горизонтальным препятствием в виде забора, что заставляет его поднять глаза к небу, чтобы следить за удаляющимся красным шаром, то есть, его «зрение избирает вертикальное» (Р. Арнхейм[349]). Тот же ракурс «вертикального зрения» использует А. Тышлер в картине «Девушка и аэроплан» (1926), вытягивая шею девушки, завороженно следящей за полетом аэроплана, и укутывая ее шарфом, обернутым вокруг шеи спиралью. В картине Н. Денисовского «Первое правительство пролетарской диктатуры», опубликованной в журнале «Прожектор» (1927, № 20) применен тот же принцип, что и в картине Лучишкина, но вместо улетающего в небо шарика, центр трапеции поставленной вертикально столешницы венчает фигура Ленина.

Наше особое внимание будет сосредоточено на одной из доминирующих в искусстве 1920-х годов форм – форме круга (круг, шар, колесо, мяч и другие предметы, имеющие форму круга). На примере круга мы будем анализировать превращение пластического мотива в образ-символ. С этим символом могут быть связаны такие ключевые понятия эпохи, как «новое небо» и «новая земля».

Размышляя о «феноменологии круглого», Г. Башляр цитирует К. Ясперса: «Всякое бытие в себе кажется круглым»[350]. Формула,

---

[347] *Флоренский П. А.* Symbolarium (Словарь символов) // Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 570.

[348] Там же. С. 574.

[349] Цит. по: *Даниэль С. М.* Искусство видеть. СПб., 2006. С. 77.

[350] *Башляр Г.* Избранное: поэтика пространства. М., 2004. С. 198.

предложенная Башляром: «Круглое существо распространяет округлость, распространяет покой, присущий всякой округлости», объясняет, почему ностальгирующий по ушедшим временам, «истерзанный» булгаковский Василиса («Белая гвардия») «видел сон нелепый и круглый. Будто бы никакой революции не было, все была чепуха и вздор». У поэта Павла Когана овал ассоциируется с равнодушием («как равнодушье, как овал»): «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал» (1936).

Очень часто шар встречается у Д. Хармса, не случайно М. Ямпольский в книге о Д. Хармсе[351] посвящает шару большую главу, много рассуждая на тему шара, начиная традиционно с того, что «круг – это воплощение идеи тела как вечности», а «шар – воплощение наиболее совершенной геометрической фигуры». «Шар, круг до такой степени самодостаточны, их смыслы настолько свернуты внутрь их самих, что о них как бы нечего говорить, достаточно просто повторять: шар, шар, шар», – пишет М. Ямпольский. А. Платонов, стоя на краю «Котлована», размышляет об истине: «э-э, скажите, пожалуйста, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот продукт – в круглом или жидком?». Нам придется исключить обширный дискурс, посвященный образу шара в философской интерпретации, так как эта тема бесконечна. К тому же, символика рассматриваемого здесь искусства настолько ограниченна и примитивна («голые человеки на голой земле»), что в рассматриваемом случае едва ли стоит усложнять интеллектуальными догадками имеющуюся в нашем распоряжении «округлость».

Занесенный историей в революционную эпоху, свободный от груза воспоминаний, мечтающий о революционном и универсальном языке нового искусства, о сотворении новой формы реальности, художник 1920-х в своем стремлении зафиксировать зрительные ощущения в виде образа напоминает Платоновского «мальчика, сидевшего в окне и мазавшего пальцами по стеклу, воображая что-то непохожее на свою жизнь» («Чевенгур»). У Ю. Олеши («Зависть») тоже есть такой мечтающий персонаж – Иван: «И врал Иван о мыльном пузыре. Он будет большой, как воздушный шар». О новом мечтали молодые художники, которые не могли пройти мимо авангардных экспериментов старших современников и, как известно, не прошли.

Одно из заманчивых противоречий эпохи: фотография фиксируется глазом, смотрящим в объектив («небольшое отверстие», по выражению Р. Барта; «фото-глаз», «кино-глаз» – глаз, глядящий в объектив Дзиги Вертова, вспомним заодно эксперименты Робера Делоне, который рассматривал живопись, как прямой аналог сетчатки), в то же время Фаворский учил студентов ВХУТЕМАСа «растаращиться»,

[351] *Ямпольский М.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998.

«цельно воспринимать, видеть и изображать разнопространственное и разновременное»[352]. И тех, и других, то есть, фотографов и художников, ищущих новый язык, объединяет одна идея – изобразить мир в движении, чем были увлечены еще футуристы. Однако, если футуризм в целях передать движение дробил форму, искусство 1920-х годов стремится сохранить облик реальности. То есть, колесо остается колесом. Если оно что-то символизирует, то триумф машины, техники вообще. Много колес все вместе создают кинетический эффект. Подобные изображения не нуждаются в толкованиях, грозящих обернуться банальностями. Колесо эффектно, но прозаично показывает созидательную деятельность пролетариата на земле.

В картинах К. Юона «Новая планета» (1921), К. Редько «Полуночное солнце» (1925) и ряде других шар является символом космического масштаба. В картине С. Никритина «Старое и новое» (1935) человек, помещенный на первом плане, держит в руках шар голубого цвета – глобус, символизирующий земной шар. Один из героев скульптурной композиции «Октябрь» А. Матвеева (1927), в поисках нового пластического языка, апеллирующего к античной классике, тоже держит в руках шар, означающий планету. Для сравнения привожу постановочную фотографию, опубликованную в журнале «Красная нива» (1925, № 25), на которой советский Дорифор, как и полагается греческому герою, несет копье, тогда как Диадумен, вместо надеваемой им в течение столетий победной повязки, венчает свою голову шаром, символизирующим планету – землю или солнце. Солнце – наиболее вероятно, учитывая, что фотография сопровождает текст, в котором рассказывается о пользе солнечных ванн и физических упражнений на свежем воздухе. Обнаженные пролетарии, неуклюже принимающие позы древнегреческих атлетов, выглядят настолько абсурдно, что центральный герой мог бы служить иллюстрацией к Хармсу: «я вынул из головы шар, положь его обратно». «Вот я и победил!» – «Ну победил и успокойся!» (1933).

В «Натюрморте с конфетами» (1919) Д. Штеренберг запускает конфетные муляжи в путешествие по столешнице как по орбите луны, созерцая их как космические объекты, как планеты неведомой галактики. Конфета пустая внутри, обертка послушно складывается по привычным контурам-складкам, оставшимся в памяти оберегавшего ее фантика, повторяя очертания своей бывшей владелицы. Космическое соединяется с прозаическим – это обман, голодная галлюцинация, призрачный мираж, недосягаемая и вожделенная мечта, фантастическая греза.

Карикатура Кукрыниксов «Космическая яичница с луком», иллюстрирующая статью «Современное советское искусство» А. Михай-

[352] *Фаворский В. А.* О композиции // Искусство. 1933. № 1–2.

лова («На литературном посту». 1928, № 6), отчаянно выступающего против всякого рода мистики, включая даже мистику красного цвета, как проявления «мелкобуржуазной психологии», пародирует планетарный пафос картин Лабаса и натюрмортов Штеренберга.

Девушки Ю. Пименова («Девушки с мячом», 1929) держат в руках мячи. Воспринимать их как чисто пластический элемент мешает цвет большого мяча – он голубой и вызывает ассоциации с глобусом, хотя включение в композицию двух кубообразных предметов в левом нижнем углу напоминает о «Девочке на шаре» П. Пикассо, хранящейся тогда в ГМНЗИ. Поэтому для сравнения возьмем другую картину Пикассо («Купальщица с поднятыми руками», 1929), в которой шар – лишь пластический элемент, и ничего не отвлекает зрителя от испытываемого им «пластического ощущения», не побуждает и не заставляет его искать и усложнять смысл произведения.

Как признается героиня Хармса (1933):

«Мне кажется
я просто дура.
Мне шар напоминает мяч».

В упомянутых иллюстрированных журналах помещается много фотографий, запечатлевших коллективную возню с шарообразным предметом, будь это мяч или воздушный шар. Разумеется, много спортивных игр, часто встречается футбол. В 1926 г. журнал «Красная нива» рассказывает о появлении в Москве нового вида спорта – пушбола. Так называется картина П. Кузнецова («Пушбол», 1931). Воздушные шары/аэростаты становятся частью городского пространства. Их запуск осуществляется также при большом скоплении народа. Толпа, коллективный человек, становится главным героем революционной эпохи. В то же время, мотив шара, улетающего в небо (С. Лучишкин «Шар улетел»), дает нам один из самых понятных примеров одиночества.

Мы же снова возвращаемся к кругу, «пластическому ощущению» и образу-символу. Я предлагаю применить «Супрематическую композицию» Малевича (1915), состоящую из нескольких геометрических фигур – абстрактных геометрических знаков – к ряду изображений, которые будем анализировать, и использовать ее в качестве формулы, действующей по принципу абстрактное–конкретное. При этом, руководствуясь завещанием Малевича, мы будем вращать его картину, в зависимости от того, как нам потребуется, помня о том, что «философия супрематизма не рассматривает мир, не осязает его, не видит, но только ощущает»[353].

[353] *Малевич К.* Супрематизм (1927). С. 119.

Итак, Малевич отказался от реального образа и свел все к пластическому знаку = геометрической фигуре. «Художник освободился от всех идей, образов и представлений и проистекающих от них предметов и всей структуры диалектической жизни», – писал Малевич в 1927 г.[354]. В своем сочинении о гоголевском Плюшкине В. Топоров размышляет: «Страшнее всего на этой земле – соблазн беспредметности, и никогда не лишним будет предмет, пусть малый и случайный, который нас над этой пропастью держит»[355]. Малевич тоже понимал это, когда писал, имея в виду резонанс, вызванный его «Черным квадратом»: «Общество пыталось найти слова заклятия совместно с критикой, чтобы ими уничтожить пустыню и вновь вызвать на квадрат образы тех явлений, которые восстанавливают мир, полный любви предметных и духовных отношений»[356].

Искусство 1920-х годов, от опыта авангарда сохранившее «пластическое ощущение», возвращает предмет в искусство, будто бы заново облекая в предметы распредмеченные геометрические фигуры. Что-то подобное описывается в абсурдистском тексте Д. Хармса «Смерть старичка»: «у одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок нагнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка изо рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка». За мышкой последовали прутик и маленькая птичка. Таким образом, беспредметная (абстрактная, «супрематическая») композиция из «шарика», «квадратика» и «палочки» дополняется «случайными предметами» (В. Топоров) мышкой, прутиком и птичкой, которые, скорее всего, ничего не символизируют и не обозначают, кроме абсурдности происходящего. Старичок умирает, и эти «пусть малые и случайные» предметы для читающего эти строки переводят его смерть из области абстрактного в область реальности. Вслед за вновь обретенными «реальными» предметами включается «код узнавания», помогающий нам распознавать и трактовать изображение, позволяющий устанавливать значения зрительных образов и интерпретировать содержащиеся в них идеи.

В изучении нового языка искусства неизбежно возникают такие ситуации, когда «слова не называют вещи и идеи, а как бы намекают на них, давая одновременно понять невозможность подобрать точное для них название», и в этих случаях «спасательным кругом» для

---

[354] *Малевич К.* Супрематизм (1927). С. 105.
[355] *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 90.
[356] *Малевич К.* Супрематизм (1927). С. 106.

интерпретатора становится введенное Ю. Лотманом определение «и еще что-то»[357] как «маркирующий признак... стиля, который строится на бесконечных уточнениях и оговорках, ничего, однако, не уточняющих, а лишь демонстрирующих невозможность конечного уточнения»[358].

В рассматриваемом нами контексте культуры новой революционной эпохи («голые человеки на голой земле») отсутствие предмета мы можем ассоциировать с отсутствием смысла. Так, герой А. Платонова Вощев («Котлован») с грустью сообщает: «Мне все кажется, что вдалеке есть что-то особенное или роскошный несбыточный предмет, и я печально живу».

Л. Чупятов («Рабочий», 1928) манипулирует геометрическими фигурами: кубообразная фигура человека и большой красный круг, который он держит над головой в одном случае и шарообразный предмет полностью заслоняющий его лицо, поставленный вместо головы – в другом. Картина прочитывается на уровне пластических ощущений, но смысл ее остается неясным, не прочитываемым, не разгадываемым, то есть, отсутствующим. Отсутствие литературности блокирует возможности интерпретации образа, оставляя зрителя наедине только с формой и цветом.

Подобный мотив встречается у Платонова («Чевенгур»): «А я думал, это так себе, мертвый кругляк, – произнес Кеша. – А это, оказывается, котел!». Платонова интересует предмет: «мертвый кругляк» становится предметом, вещью, используемой в быту, с которой связаны тактильные ощущения: «будто котел поймали чьи-то живые руки и сохранили его». Во второй картине Чупятова единственным «живым» предметом среди господствующей геометрии являются руки, крепко сжимающие обод котла, от чего в них напряглись мышцы и вздулись вены. Мы продолжаем прочитывать картину на уровне чисто пластического ощущения, отдавая отчет в абсурдности происходящего: живой человек, имеющий вместо головы огромный котел, глубина которого такова, что за ним просто не может быть головы, и мы не можем разгадать смысл изображения. На самом деле, голова есть, но надетую на голову кепку можно принять за ручку котла. Герой «Котлована» Платонова переживает, что «весь земной шар, вся его мякоть скоро достанется в четкие, железные руки, – неужели он останется без влияния на всемирное тело земли?». В сочетании со словом «мякоть» «тело» воспринимается нами не как объект или понятие, а как органическое тело, имеющее мякоть, то есть,

---

[357] Лотман Ю. М. приводит цитату из «Идиота» Ф. Достоевского: «Это ведь очень хорошие чувства, только как-то все тут не так вышло; тут болезнь и еще что-то». – *Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. XXI. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. С. 16.

[358] Там же. С. 16.

«живое тело», в неживых, механических «железных руках». В обоих случаях Платонова интересует пластическая комбинация: руки держат круглый предмет – живое («живые руки», «мякоть тела») – мертвое («мертвый кругляк», «железные руки»).

Другой пример – из «Зависти» Ю. Олеши: «День сворачивал лавочку. Цыган в синем жилете, с крашеными щеками и бородой нес, подняв на плечо, чистый медный таз. Диск таза был светел и слеп. День шел медленно, таз легко покачивался, и день поворачивался в диске». Однако ни Олеша, ни Чупятов не стремятся проникнуть в глубь явлений, такой подход лишен всякой мистики. За этой пустотой («слепотой») не скрывается ничего, кроме отсутствия смысла. Хотя у Олеши все же обыгрываются возможности отражающей поверхности, то есть, зеркала, чего нет у Чупятова.

В уже упомянутой выше постановочной фотографии «Игра в мяч» (фото-илл. к статье М. Симоновича «Человек и солнце» в журнале «Красная Нива». 1925, № 25) пятеро загорелых атлетов подбрасывают мячи в воздух. Мы можем применить к изображению универсальный геометрический модуль Малевича и получится определенная ритмичная система: фигура – мяч или прямоугольник – круг. Отсутствие еще одного мяча, который логически должен здесь быть, вызывает недоумение или дискомфорт. Его отсутствие нарушает ритм и вносит определенный диссонанс в восприятие изображения, в котором оказывается не все на своих местах. Отсутствующий или несуществующий предмет привлекает внимание зрителя как нематериальный носитель смысла. В своей книге о Хармсе М. Ямпольский размышляет над словами Д. Хармса из его «Паскалии № 1» (1937): «тихая вода покачивалась у моих ног. Я смотрел в темную воду и видел небо. Тут на этом самом месте Лигудим скажет мне формулу построения несуществующих предметов». Герой Хармса занят созерцанием невидимого умозрительного предмета – предмета, не имеющего ни формы, ни временного измерения. Отсутствующая фигура наполняется смыслом по принципу «и что-то еще», обретенному Лотманом у Достоевского, как универсальный прием русской литературы. Подтверждением, уже в интересующую нас эпоху, удачно названную В. Топоровым «пустотосозидающей», может служить платоновское «Прочие не слушали и побрели вразброд, чувствуя, что каждому чего-то хочется, только неизвестно – чего» («Чевенгур»).

В картине П. Пикассо «Девочка на шаре» присутствуют два геометрических объема: куб и шар. Девочка балансирует в пространстве, стоя на шаре и помогая себе руками, поднятыми вверх. Советский художник заимствует прием, меняя направление верх-низ, вручая персонажу мяч, тем самым заполняя его пустые руки и ориентируя взгляд зрителя вверх, неизбежно к небу. Шар на фоне неба становится устойчивым мотивом искусства 1920-х годов. Герои

Хармса «Комаров и художник Миккель Анжело... сидят... в траве... держат друг друга за руки и смотрят на небо. А с неба грохочет: „Это шар"»[359].

Художники возвращают небо в живопись, но их небо неизбежно помнит супрематический эксперимент быть чистым белым фоном, «беспредметной пустыней» (К. Малевич). Шар на фоне неба из «пластического ощущения» превращается в образ-символ чего-то, что требует интерпретации. В искусстве 1920-х годов снова и снова мы наблюдаем следующий пластический сюжет: руки людей подняты вверх, то есть, к небу, они бросают или ловят, наверное, единственный пригодный в этом контексте предмет – мяч. Либо другой вариант решения этой же пластической задачи: человек держит круглый предмет над головой. На первый взгляд такой предмет ни к чему не отсылает, ничего не означает, он чистая геометрическая абстракция, выполняющая пластическую функцию. Отсутствие семантической информации становится сильным искушением понять смысл предмета или обрести его даже в том случае, если его не существует, поскольку нами обуревает «тревога отсутствия смысла» – «бытие человека предполагает его связь со смыслами» (П. Тиллих)[360]. Эта недосказанность, неопределенность, дезориентация – часть культуры 1920-х годов. Обращаясь к литературным примерам, мы затеваем риторический дискурс, отчасти выходящий за пределы визуального ряда, отчасти связанный с ним, напоминая при этом героев А. Платонова «уходивших в поле и там что-то тщетно воображавших своей фантазией».

Художник заставляет зрителя следовать за развитием жеста фигуры (фигур), переводя его взгляд вверх. Таким образом, шарообразный предмет в поднятых руках, вознесенный над головой (головами), является предметом, осуществляющим переход к трансцендентному. Мы уже вспоминали о том, что находящийся внутри храма человек, поднимая голову вверх, в полусфере купола видел изображение Бога. Если следовать определению «революция как восстание против Бога» (Ю. Лотман), взгляд «снизу вверх» уже не может символизировать Бога, в то же время, небо не должно оставаться пустым. Малевич отождествляет Бога и небо: «Очевидно, человеку, свергающему Бога, нужно строить мир свой, небо свое на совершенно новых началах»[361].

Е. Замятин «Мы»: Все глаза были подняты туда, вверх:... Это с небес нисходил к нам Он – новый Иегова на аэро, такой же мудрый и любяще-жестокий, как Иегова древних». Герой Ю. Олеши «Тибул

---

[359] *Хармс Д.* О явлениях и существованиях. N 1. 1934.

[360] *Тиллих П.* Мужество быть // http://www.razvivaysja.narod.ru/Muzhestvo.html.

[361] *Малевич К.* Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой (1921–1922) / Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 2000. С. 301.

посмотрел и увидел высоко-высоко в ослепительной синеве маленький оранжевый шар». Оранжевый шар встречается у Олеши еще раз в «Зависти»: отец мечтателя Ивана «увидел в небе «большой оранжевый шар», который принял за мыльный пузырь Ивана, хотя это был летящий над городом аэростат». Таким образом, мыльный пузырь («оранжевый шар») – символ надежды и мечты, превращается в реальный предмет – аэростат, наделенный тем же семантическим значением.

В романе Платонова «Чевенгур» упоминание неба, противопоставляемого земле («неба, непохожего на землю») встречается множество раз: «могущественное», «пустынное», «бесплодное», «безвыходное небо, делавшее весь мир порожним местом», «небо, которое своим равнодушием обозначает уединенное сиротство людей на земле»; «безлюдное небо угрюмо холодало... и ничего нигде не радовало».

Простор, беспредельность, бескрайность, безграничность неба – неисчерпаемая поэтическая тема. Однако за пустотой неба скрывается отсутствие смысла. Это беспокоит героев Платонова («Котлован»): «Мы все живем на пустом свете, разве у тебя спокойно на душе?» Трактуя коммунизм в России, как «племенной коллективизм», Пауль Тиллих объясняет сущность системы тем, что «мужество быть частью она навязывает народным массам, жившим в условиях усиливающейся угрозы небытия и растущего чувства тревоги» Эту тревогу безграничного, бесформенного пространства, в которое человек бесконечно падает, не зная куда, Тиллих называет тревогой губительной открытости[362]. О «небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба», – рассуждает Платонов («Котлован» написан в 1930 г.).

Человек в искусстве 1920-х годов тянется к шару, осваивая новое небо. Неизбежно следующей фазой обращения к шару и вглядывания в небо, в котором ничего нет, становится отрыв от земли и самостоятельный полет, о чем свидетельствует множество примеров. Одним из наиболее часто встречающихся в искусстве становится мотив прыжка в воду. Художник фиксирует тот момент, когда человеческая фигура оказывается в воздухе, стремясь запечатлеть полет, а не падение (на самом деле, прыжок вниз). Одним из ключевых эпизодов повести Ю. Олеши «Три толстяка» является эпизод, в котором «Продавец детских воздушных шаров был унесен шарами на воздух. – Ура! Ура! – кричали дети, наблюдая фантастический полет».

У А. Платонова солнце – «единственный свет среди бесплодного неба», при этом, оно – «скучный искусственный предмет», «работающий на небе»: «Что-то долго никак не рассветало, а уж должна быть

[362] *Тиллих П.* Указ. соч.

пора новому дню. Чепурный затих и начал бояться – взойдет ли солнце утром и наступит ли утро когда-нибудь, – ведь нет уже старого мира!».

Если рассматривать и толковать иллюстрацию В. Конашевича к «Краденому солнцу» К. Чуковского в этом контексте, на ней запечатлен символический момент: напуганные пережитой потерей звери приколачивают гвоздями солнце к небу, чтобы оно снова не пропало...

Струкова А. И.

Первые знамена революции и художники Петрограда в 1917 году

Аннотация. Статья посвящена формированию символики и эмблематики Февральской революции на примере знамен, созданных в этот период. Рассматриваются бытование знамен, типология, иконография и стилистика изображений, помещавшихся на них, а также символика цвета первых знамен революции. Выделены два крупных центра производства знамен – Академия художеств и мастерская членов общества «Искусство, революция». Деятельность последней освещена на основании ранее не публиковавшихся архивных материалов.

Ключевые слова: знамена Февральской революции, общество «Искусство, революция», В. М. Ермолаева, Н. Ф. Лапшин, Академия художеств, А. Н. Самохвалов.

The first Banners of the Revolution and Petrograd Artists in 1917

Abstract. The article concerns the formation of the symbolism and emblematics of the February revolution on the example of the banners created in this period. The existence of banners, typology, iconography and stylistics of images drawn on them, as well as the symbolism of the color of the first banners of the revolution are considered. Two large centers ofr the production of banners were singled out: the Academy of Arts and the workshop of members of the society «Art, Revolution». The activities of this society are described on the basis of archival materials, previously unpublished.

Keywords: the banners of the February Revolution, the society «Art, Revolution», Vera Ermolaeva, Nikolay Lapshin, Academy of Arts, Alexander Samokhvalov.

Кардинальная смена власти нуждается в новой геральдике и эмблематике. События Февральской революции включали в себя ниспровержение символов и знаков царской власти – знамен, гербов на государственных учреждениях и императорских резиденциях, порт-

ретов представителей царствующего дома и памятников им. На освободившемся месте формировалась новая геральдика, которая воплотилась, в первую очередь, в революционных знаменах. Они были очень востребованы, изготавливались в колоссальном количестве, их бытование отличалось большой вариативностью. Знамена использовались во время демонстраций, праздничных и траурных шествий, самыми крупными из которых в 1917 г. в Петрограде были похороны жертв революции (23 марта) и первомайская демонстрация (18 апреля). Знаменами обменивались рабочие и солдаты, что указывало на их единение и взаимную поддержку. Они имелись при фабриках, заводах, в цехах, типографиях, на участках, у профсоюзов. Красными полотнищами украшали города, перешедшие на сторону революции, в том числе их буквально вкладывали в руки памятникам старого режима[363]. Несмотря на то что эти знамена сохранились в очень небольшом количестве, они, а также фотографии, произведения изобразительного искусства, мемуары, письма, позволяют до некоторой степени восстановить события раннего этапа формирования революционной геральдики.

Использование красного знамени опиралось на традицию, восходившую к событиям Великой французской революции, затем Парижской коммуны 1871 г. В России его появление было впервые зафиксировано 6 декабря 1876 г. на митинге у Казанского собора в Санкт-Петербурге. Широкое распространение красного знамени в Российской империи связано с событиями первой русской революции 1905–1907 гг. Знамя было небольшого размера и неопределенных пропорций. «Как правило, в этот период оно не имело никаких надписей и знаков, что объяснялось соображениями конспирации»[364]. Существовала определенная связь революционных стягов 1917 г. с воинскими знаменами. Это соединение крупномасштабного изображения в центре полотнища и надписей, а также прочих изображений, расположенных симметрично по отношению к основному элементу композиции.

Известны даже такие курьезы, как исправленные знамена. Например, Знамя дружин государственного ополчения (1917[365], ГЦМСИР)

---

[363] Из письма Ольги Лешковой Михаилу Ле-Дантю от 20 марта 1917 г.: «Кто-то из демонстрантов накануне додумался до великолепной, очень забавной и безобидной идеи: проезжая мимо Екатерининского сада я увидала к моему великому восторгу, что Екатерина Великая держит в руке большой красный флаг, развевающийся по ветру. Говорят, что такие красные флаги и знамены были розданы всем нашим царям. Это куда забавнее, чем уничтожение их, как это было в некоторых Густопомойсках». (РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Е. хр. 17. Л. 20 об.).

[364] *Похлебкин В. В.* Происхождение и история создания государственного флага нашей Родины // Встречи с историей. М., 1987. С. 7.

[365] Поскольку статья посвящена знаменам Февральской революции, все упомянутые в ней памятники относятся к 1917 г., далее дата не указывается.

представляет собой воинское знамя с изображением Георгиевского креста, на котором символика Российской империи и слово «царя» в девизе «За веру, царя и Отечество» были зашиты красной тканью после Февральской революции. Часть революционных знамен, как впрочем и воинских, имела форму церковной хоругви.

Источники ранней революционной иконографии разнообразны. Это боги и герои Древней Греции и Рима, а также персонажи в античных одеждах с соответствующими атрибутами. Они были связаны как с собственно античной образностью, так и с темой Великой французской революции, которая в поисках своей эмблематики постоянно обращалась к античности в связи с преобладавшим в искусстве конца XVIII века стилем классицизм. На знаменах Февральской революции 1917 г. популярным символом были две руки, пожимающие одна другую, такое изображение восходило к знаменам восстания Спартака. Также встречались Прометей, разрывающий оковы, фригийские «шапки свободы», факелы, пальмовые ветви, лавровые венки и прочее. В данном случае сложно отделить собственно античные коннотации от апелляций к Великой французской революции. Тема гражданских доблестей и сам образ свободного гражданина опирались на комплекс представлений классицизма, который естественно был в первую очередь актуализирован в связи с практикой академического обучения художников, использовавшей античные образцы и античные же сюжеты. При этом многие древнегреческие и римские образы были «нагружены» ассоциациями с Великой французской революцией, именно с ней часто проводили параллели организаторы революционных шествий и празднеств, воспринимая ее как основу революционной традиции[366]. Как и знамена начального этапа Великой французской революции, знамена Февральской имели несколько «литературны» – отвлеченные понятия были персонифицированы в образах людей. Среди знамен, в которых была задействована античная образность и стилистика классицизма, – Знамя железнодорожного цеха Путиловского завода, Дарственное знамя от рабочих Путиловского завода гвардии Павловскому резервному полку (оба – ГМПИР), Знамя рабочих завода Михельсона (ГЦМСИР).

Популярными были и аллегорические изображения в национальном духе: освобожденная Россия в образе женщины в русском костюме, похожая на царевен или княжон из оперных постановок (Знамя-плакат с надписью: «Да здравствует демократическая рес-

[366] «Идеи французской революции, идеи равенства, братства и свободы, пережитые человечеством, не забывались. Эти идеи, раз воспринятые сознанием человечества, не умирают; они ложатся тем фундаментом, на котором строится дальнейшее здание человеческой мысли». (*Лобанов В. М.* Французская революция. М., 1917. С. 31.)

публика!», ГМПИР). Женский персонаж, олицетворяющий Россию, всегда был представлен в кокошнике на голове и длинном платье (Знамя трубной мастерской Ижорского завода, ГМПИР; Знамя одного из профсоюзов петроградских железнодорожников[367]). Символика и эмблематика знамен были тесно связаны с их стилистикой. Художники, избравшие определенный круг образов, как правило, ориентировались в их изображении на определенную традицию. В отличие от упоминавшихся выше памятников академического круга, сцены с Россией-матушкой, демонстрация единения рабочих и крестьян, стоящих тесной группой, перековывающих мечи на плуги, пожимающих друг другу руки и т. п., были производным мещанской лубочной изобразительной культуры. В плакате, газетной и журнальной иллюстрации времен Первой мировой войны постоянно использовали прием персонификации стран-участниц в образе людей, в большинстве случаев женщин (например, плакат «Согласие», ГЦМСИР). Эта массовая хромолитографированная продукция создавалась на базе лубочных мастерских. И новый лубок, несколько изменивший стилистику в соответствии с новыми вкусами и условиями производства, продолжил свое существование в знаменном искусстве. Сюжетность (часто развернутый рассказ) и «связь изобразительной части с текстовыми пояснениями», «лаконизм и насыщенность цвета», «экспрессивно-статический характер выражения», когда общая неподвижность композиции нарушается порывистыми движениями отдельных персонажей, – эти черты лубка, выделенные Николаем Тарабукиным[368], актуальны для большинства изображений на знаменах 1917 г. Их авторы в большей (Знамя Красной гвардии завода Лангензиппена, Знамя с надписью: «Да здравствует социализм! Перекуем мечи на плуги», оба – ГМПИР) или меньшей (Знамя учеников Петроградского механического завода «Новый Лесснер», ГЦМСИР; Знамя северо-западных железных дорог, ГМПИР) степени владели профессиональными навыками художника, но важно не это, а то, что их глаз в принципе был воспитан в иной системе координат, нежели у студентов и выпускников Академии художеств[369].

На знаменах часто встречались символические изображения свержения самодержавия (сломанный скипетр, чудище с отрубленной головой), освобождения (разорванные цепи, выбитые решетки темницы), зари новой жизни (восходящее солнце), конец

---

[367] Опубликовано в статье: *Боровский А.* Долгая жизнь «искусства дня» // Декоративное искусство СССР. 1978. № 11. С. 2.

[368] *Тарабукин Н. Н.* Искусство дня. М., 1925. С. 40–47.

[369] «Плакат, реклама, афиша, газета создаются ради практического назначения. Это не формы „выражения" творческих устремлений художника, а средства воздействия для достижения определенных целей». (Там же. С. 2).

войне (сломанное оружие[370], пальмовая ветвь мира). Земной шар на знамени указывал на интернациональный характер революции в будущем и настоящем. Цветы возвещали грядущий расцвет или служили приношением на могилы павших за революцию. Существовали и более авторские подходы: изображение гибнущей тьмы[371], пролетарий поднимает надгробную плиту и выходит из могилы[372]. Спокойное море на знаменах, возможно, символизировало всеобъемлющий характер революции, поскольку «море народного гнева», по-видимому, должно было изображаться бурным. В истории революционных знамен присутствовала и национальная составляющая: латышский певец в народной одежде, играющий на гуслях на фоне восходящего солнца, был нарисован на знамени, с которым беженцы из Латвии участвовали в демонстрации в Пскове в период Февральской революции (хранится в Национальном музее истории Латвии, Рига).

Поскольку многие знамена изготавливались по заказу профессиональных объединений, на них присутствовали изображения предметов и объектов, которые символизировали определенную сферу деятельности, – большие товарные весы, поезд (объединение железнодорожников), завод. Причем мчащийся локомотив нередко имел более широкую трактовку, он указывал на связь идей революции и прогресса. На похоронах жертв революции в Петрограде финские и шведские старинные цеховые знамена использовались в новом контексте – с ними в шествии принимали участие члены финских общественных организаций[373].

На то, что революцию поддерживают разные сословия и армия, указывало изображение представителей рабочих, солдат, крестьян, занятых общим делом или скрепляющих свой союз рукопожатием, а также их скрещенные атрибуты – молот, зубчатое колесо, кирка, лопата, рельсы, топор, якорь (от рабочих); штык, меч (от солдат); серп, грабли, коса, колосья пшеницы (от крестьян). Длительное время появление одного из главных символов советского государства – скрещенных серпа и молота – было принято относить к более позднему времени, к 1918 г.[374]. Но в вексиллологии 1980-х пер-

---

[370] На Знамени завода «Старый Лесснер» (ГМПИР) изображена разломанная пополам морская мина.

[371] Знамя 4-го Нарвского подрайона (ГМПИР).

[372] Знамя одного из профсоюзов петроградских железнодорожников (ГМПИР).

[373] О. И. Лешкова – М. В. Ле-Дантю, 22–24 марта 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 24 об.

[374] *Симкин М. П.* Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты // Труды научно-иссл. института музееведения. М., 1963. С. 120; *Поцелуев В. А.* История развития советских гербов (1917–1977 гг.). Автореф... канд. ист. наук. М., 1977. С. 12; *Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3. С. 91.

вые примеры использования этих атрибутов были отнесены к периоду Февральской революции[375].

Большинство образов, представленных на знаменах, имели литературную подоснову, тесную связь с революционной поэзией[376].

В подавляющем большинстве случаев революционные знамена были красными, причем оттенок имел значение: «Цвет выбран такой красный, чтобы оттенок подходил ближе к пылающему огню, а не имел синего оттенка, который символизирует потухающий огонь»[377]. Некоторые знамена имели черный цвет (Знамя Петроградской юношеской организации, ГМПИР), большой комплекс траурных знамен включает в себя памятники с черной каймой или черным полем. Одно из знамен было фиолетовым[378]. Символическое значение цвета знамени на фотографии солдат Западного фронта в 1917 г. получило следующую интерпретацию: «можно предположить, что половина знамени была белого цвета – цвета мира, а вторая – красного – цвета революции»[379].

Если сохранившиеся памятники имеют – пусть и не очень обширную – историю описания и изучения, то создатели этих знамен в большинстве случаев неизвестны. В литературе по этому вопросу встречаются упоминания об участии в изготовлении знамен художников Колобова[380], С. В. Чехонина, С. В. Ильинской[381], В. С. Рожновского[382], Л. В. Руднева, П. А. Шиллинговского, А. Н. Самохвалова[383].

Ранее неопубликованные архивные материалы позволяют расширить круг этих мастеров, прибавив к ним членов общества «Искусство, Революция», которое было основано в марте 1917 г. художниками В. М. Ермолаевой, Н. Ф. Лапшиным, Е. И. Туровой, Л. А. Бруни,

---

[375] *Корнаков П. К.* Знамена февральской революции // Геральдика. Мат. и исследования. Сб. научных трудов / Науч. ред. Г. В. Вилинбахов. Л., 1983. С. 19–21; Реликвии борьбы и труда: Каталог знамен / Сост. П. К. Корнаков, Э. Ф. Мичурина. Л., 1985. С. 25.

[376] «Образы молота, кузнецов, Прометея, разорванных цепей, пламени, молнии, „мозолистой руки" и солнца были навеяны произведениями поэтов революции – Г. М. Кржижановского, Л. П. Радина, А. Я. Коца, Ф. С. Шкулева, А. В. Луначарского и др.». (*Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3. С. 91).

[377] Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел. Краткий указатель коллекции / Сост. П. И. Белавенец. Л., 1927. С. 34.

[378] Знамя молодых рабочих завода «Л. Нобель» (1917, ГМПИР).

[379] *Симкин М. П.* Указ. соч. С. 123.

[380] Там же. С. 131. Имя художника или его инициалы в тексте не указаны.

[381] *Боровский А.* Долгая жизнь «искусства дня» // Декоративное искусство СССР. 1978. № 11. С. 2.

[382] *Корнаков П. К.* Автограф художника. (Установление автора двух революционных знамен 1917 г.) // Музейное дело в СССР. Научные основы работы музеев исторического профиля. М., 1980. С. 140–146.

[383] *Корнаков П. К.* Знамена февральской революции. С. 25.

а также И. М. Зданевичем и О. М. Бриком. Идея изготовления знамен, по-видимому, принадлежала Ермолаевой. «Вера Мих.<айловна> мечтает насадить русскую рабочую геральдику, – предприятие более, чем хорошее, но думаю, что это будет не так легко, как думают, – заказчиков заедает символизм и политика (пока еще), а дальше неизвестно, что будет. Я не совсем согласна с этими элементами в геральдике, т. к. они однообразны. В будущем быть может удастся внушить другие требования, в том числе, хотя бы изображение производств, что гораздо интереснее осточертевших Прометеев»[384], – писала Ольга Лешкова, которая дружила с многими членами общества «Искусство, Революция» и принимала активное участие в художественной жизни Петрограда[385].

В мастерскую по изготовлению знамен и плакатов была превращена комната в квартире Екатерины Туровой, где Лапшин, Турова и Ермолаева принимали заказы от депутаций заводов, обществ, кружков. Заказчики приносили материалы. Первоначально работа выполнялась бесплатно, но поскольку «это служило поводом к недоверию», некоторое время знамена изготавливались за деньги (50–70 руб. за знамя)[386], позднее Лешкова опять писала об отсутствии денежного вознаграждения за этот труд[387]. Она же оставила описание одного знамени, созданного Лапшиным и Туровой: «знамя, которое мне так понравилось – белое, на красном треугольнике сноп, молоток и, кажется, штык, а внизу серые тяжелые разорванные цепи (тень-деньция – по заказу рабочих трубочного завода)»[388]. По этому единственному свидетельству сложно судить о том, какие знамена выполнили художники-авангардисты. Во многом их работа определялась пожеланиями заказчика, поэтому в целом она оставалась в рамках общей «тенденции» и не отличалась экстравагантными решениями. По отдельным замечаниям корреспондента ясно, что участники этой своеобразной артели стремились говорить языком обобщений и создать символику революции, по возможности избегая аллегорических композиций в духе творчества учеников Академии художеств. Последним Лешкова давала уничижительные

---

[384] О. И. Лешкова – М. В. Ле-Дантю, 20 марта 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 20.

[385] Лешкова Ольга Ивановна (1883–1942) – литератор, автор текстов авангардного журнала «Бескровное убийство», а также музыки к спектаклю «Янко крУль албАнскай».

[386] О. И. Лешкова – М. В. Ле-Дантю, 20 марта 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 20.

[387] О. И. Лешкова – М. В. Ле-Дантю, 10–14 апреля 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 29 об.

[388] О. И. Лешкова – М. В. Ле-Дантю, 16 апреля 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 31 об. Описание этого же знамени – в письме от 20 марта 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 20.

оценки, свидетельствующие об антагонизме двух центров построения знамен Февральской революции. Из ее замечаний, однако, ясно, что фигуративные изображения с литературной подосновой в большей степени отвечали вкусам публики: «Иногда [заказчики] приходят с готовыми программами, в большинстве случаев тенденциозными, вроде – изобрази мол им отрока на фоне восходящего солнца или Прометея, разорвавшего цепи. Между прочим, „Прометея" уже ухватила и замурзала Академия, ученики которой тоже принимают такие заказы, там так густо-прометейно, что не продохнешь. Иногда изображение доверчиво поручается самим художникам»[389].

Популярность образа Прометея среди учеников Академии – крупнейшего центра по изготовлению знамен в Петрограде – подтверждает Александр Самохвалов. Его повесть «В годы беспокойного солнца», написанная на основе дневниковых записей и воспоминаний автора, позволяет осознать масштаб явления и восстановить многие детали: «Мы с товарищем Кравецем взяли конкурс на знамя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. ...Знамя было такое: Прометей на коне зажигал свой факел об огонь неба, чтобы передать его людям. Копыта коня упирались в половину земного шара, и на нем было написано: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" А через фигуру Прометея шла надпись: „Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов". Несколько дней и ночей мы творили это знамя»[390]. И далее: «Открыли громадный зал, который был долго заперт. ...С утра весь пол в красном. Кто-то натащил, набил гвоздиками... Над красным склонялись студенты с кистями, капали краской и в красном отражались буквами и знаками труда: молотками, серпами, шестернями, наковальнями. Так в первый день было до двенадцати. Во второй до трех. Потом всю ночь. Потом опять всю ночь. Еще ночь. Еще. Еще и... Еще ночь, всю до утра. Потом пришли солдаты и уносили красное с буквами и знаками революции. Прибивали знамена к древкам. Ждали. Спали на полу. В циркуле. В коридорах. По всем этажам. Друг на дружке. По двое, по трое... по пять, по двадцать... по множеству. Их будили. Они вскакивали и уносили красное. Друг за другом, караванами. Серое, красное, серое, красное... цепью»[391].

В Академии над производством знамен работали студенты, которые в особо ответственных случаях участвовали в конкурсах, проводившихся заказчиками. Среди них были не только художники, но и архитекторы. Имена, которые известны в этой связи, – А. Н. Самохвалов, С. М. Кравец, В. С. Рожновский – принадлежали именно ар-

---

[389] О. И. Лешкова – М. В. Ле-Дантю, 10–14 апреля 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 29 об.

[390] *Самохвалов А. Н.* В годы беспокойного солнца. СПб., 1996. С. 52–53.

[391] Там же. С. 73–74. Менее поэтично эти события изложены в книге: *Самохвалов А. Н.* Мой творческий путь. Л., 1977. С. 44.

хитекторам[392]. По эскизам Рожновского были выполнены два знамени[393]. Рисунок для Дарственного знамени от рабочих Путиловского завода гвардии Павловскому резервному полку был исполнен в формах русского ампира. Помимо призыва к «социальной революции» и построению Интернационала на знамени были вышиты строки из стихотворения Дмитрия Мережковского:

...и у смерти, у жизни учись
Не бояться ни жизни, ни смерти...[394]

Такой широкий спектр источников и свобода обращения с ними характерны для знаменного искусства 1917 г., в котором соединились и образы революционной поэзии (и даже поэзии символизма), и городской изобразительный фольклор, и плоды академической выучки, и опыты авангарда. Стилистическая (и идеологическая) полифония наиболее внятно выразились в этой, самой востребованной области творчества времени Февральской революции. Требовалось искусство мобильное, гибкое, мгновенно реагирующее на исторические события. Ключевой становится роль заказчика, массовое творчество отражало вкусы масс. В создание знамен включились маргинальные группы художников, пока в полной мере не состоявшихся профессионально и склонных к экспериментам. Этот пласт изобразительного искусства в основном остался в своем времени, он лишь частично поддается реконструкции, тем более ценно для нас каждое историческое свидетельство.

Хорошева А. В.

Физическая культура и спорт в первые годы советской власти

Аннотация. Статья посвящена развитию физической культуры и спорта в первые годы советской власти. Особое внимание уделяется деятельности Всевобуча в этой области в 1917–1923 гг., а также проблеме сращивания физкультуры с военной подготовкой и ее ключевая роль в деле создания новой «советской культуры». Прослежива-

[392] Александр Самохвалов учился на архитектурном факультете Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств (1914–1917).

[393] Дарственное знамя от рабочих Путиловского завода гвардии Павловскому резервному полку (Государственный музей политической истории России) и Знамя строительного цеха Путиловского завода (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи).

[394] Слегка измененные строки стихотворения Д. С. Мережковского 1891 г. «Что ты можешь? В безумной борьбе...».

ется, как большевики пытались избавляться от «буржуазного наследия», а также как формировалась научно-методическая основа физкультурного движения.

Ключевые слова: советский спорт, физическая культура, Всевобуч, Высший совет физической культуры, Красный спортивный интернационал.

Physical culture and sports of the time of the first years of Soviet power

Abstract. The article considers the development of physical culture and sports in the first years of Soviet power. Particular attention is paid to activities of Vsevobuch in this field in 1917–1923, as well as to the problem of combining physical education with military training and its key role in creating a new «Soviet culture». The paper traces how they tried to get rid of the «bourgeois heritage», as well as how the scientific and methodological basis of the physical culture movement was formed.

Keywords: Soviet sport, physical culture, Vsevobuch, the Supreme Council of Physical Culture, the Red Sports International.

1917 год разделил историю нашей страны на «до» и «после». Перемены были столь масштабными, что со всей беспощадностью и неотвратимостью вторгались в жизнь каждого человека. Спорт, ставший до революции неотъемлемой частью культуры российской повседневности, сразу же попал в поле зрения советской власти. Большевики заменили понятие «спорт» на «физическую культуру», которая стала государственным делом «исключительной важности, обеспечивающим физическое и культурное возрождение страны»[395]. Новый термин должен был подчеркивать то, что физическое развитие человека – это умение правильно пользоваться своими физическими возможностями и забота о них, т. е. неотъемлемая составляющая его жизни.

Физическую культуру развивали исходя из практических соображений, прежде всего, чтобы создать сильный и выносливый резерв армии. На страницах газет информацию о спорте можно было найти не только в специальной колонке на последней полосе, но и в заметках о проведении недели обороны. Для реализации декрета 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении воинскому искусству» было создано Главное управление Всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии (Всевобуч). Первым его начальником был назначен Л. Е. Марьясин. В 1919 г. его сменил на этом посту Н. И. Подвойский, для того чтобы очистить ряды «всевобучистов-физкультурников от враждебных чуждых элементов»[396]. В рамках

[395] РГВА. Ф. 65. Оп. 2. Д. 134. Л. 52.

[396] *Подвойский Н. И.* Ленин и физическое воспитание // Красный спорт. 1940. 21 янв.

Всеобуча был организован отдел, занимавшийся вопросами спорта, преобразованный в 1920 г. в Высший совет физической культуры (ВСФК). В 1923 г. он стал самостоятельным органом, подчиненным напрямую ВЦИК РСФСР.

Основной задачей было подготовить физически сильных, выносливых, ловких защитников революционных завоеваний. Органы Всевобуча установили контроль над всеми спортивными организациями, совместно с Российским коммунистическим союзом молодежи (РКСМ) боролись с аполитичностью в них. При Всевобуче и Наркомпросе были созданы курсы инструкторов, которые могли на местах руководить допризывной военной подготовкой. Благодаря их деятельности с 1918 по 1920 г. было подготовлено около 6000 человек. В Декларации и Положении о единой трудовой школе, принятых в 1918 г., вводились обязательные уроки физкультуры в школе, тем самым подрастающее поколение изначально получало продуманное физическое воспитание. Были созданы и специальные высшие учебные заведения. В 1918 г. открылся Институт физической культуры в Москве, а в 1919 г. бывшие курсы П. Ф. Лесгарфа были преобразованы в Институт физического образования в Петрограде. В 1920 г. была создана Главная военная школа образования трудящихся на базе Московской школы инструкторов.

Для того, чтобы привлечь как можно больше человек в физкультурное движение необходимо было заменить аполитичные дореволюционные спортивные общества, новыми формами объединений. Ими стали военно-спортивные клубы, организовывавшиеся по территориальному принципу и кружки физической культуры при предприятиях, где параллельно с любыми формами физической активности шла идеологическая и воспитательная работа. В частности, усилиями М. И. Фрунзе, видного политического и военного деятеля были созданы военно-спортивные клубы «Спартак» в Костроме и «Спорт» в Иваново-Вознесенске. Всего же в 1918 г. было создано 352 спортивных общества[397]. В. И. Ленин, придававший огромное значение физкультуре в деле создания сильной армии и укрепления здоровья населения, дал указание председателю ВЧК при СНК Ф. Э. Дзержинскому взять под особый контроль все спортивные организации и «идеологически правильное» воспитание их членов[398].

Советская власть хотела получать стабильно высокие результаты, а потому с самого начала уделялось огромное внимание не только практическим занятиям, но и теоретической базе. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют о том, что ставка в обучении делалась на овладение не только методикой физических

[397] РГВА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5. Л. 138.
[398] *Подвойский Н. И.* Указ. соч.

упражнений, но и широким комплексом медицинских и педагогических знаний и, конечно, на правильное идейное воспитание. Среди предметов учебного плана Главной военной школы были анатомия, физиология, гигиена, педагогика, экспериментальная психология, история физической культуры, методика физических упражнений, краткая патология, антропометрия, подача первой помощи, советское строительство и политическая грамотность[399].

Даже в условиях Гражданской войны проводились изыскания в теории спорта. Особое внимание уделялось практическим испытаниям различных усовершенствований и изобретений в области физической культуры во время проведения тренировок и спортивных соревнований[400]. 3–8 апреля 1919 г. в Москве проходил I Всероссийский съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке, который сыграл важнейшую роль в организационно-методической перестройке физического воспитания. В его работе принимали участие представители Всевобуча, Наркомздрава, Наркомпроса, учебных заведений, занимающихся подготовкой физкультурных кадров, а также спортивных обществ и клубов.

Несмотря на то, что Подвойский на своем посту должен был бороться с влиянием «буржуазного спорта», он активно использовал дореволюционный и зарубежный опыт для того, чтобы достигнуть как можно более высокого качества подготовки. В плане работ Всевобуча значился пункт о пересылке любых заграничных сведений о спорте ему[401], кроме того, была командирована его сотрудница В. Д. Кочетова в отдел печати Наркомпроса для получения иностранных газет – «для понимания постановки дел физического воспитания за границей»[402]. К сотрудничеству была привлечена редакция дореволюционного журнала «Русский спорт». Его главный редактор Клавдия Ковзан симпатизировала новой власти, воодушевленная вниманием большевиков к проблемам физического воспитания. С 9-го номера за 1919 г. в названии журнала появился подзаголовок, что он с этого момента становится печатным органом, обслуживающим задачи Всевобуча. Подвойский отыскал и привлек к работе известных представителей дореволюционного спорта, например, Г. А. Дюперрона, Н. Владимирова, Я. Ф. Мельникова, В. А. Ипполитова и многих других.

Поскольку нарком здравоохранения Н. А. Семашко полагал, что «без врачебного контроля нет советской физкультуры», а задачи физкультуры учить советского человека «правильно работать, спать,

---

399 РГВА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об.
400 Там же. Л. 83.
401 Там же. Оп. 2. Д. 134. Л. 17.
402 Там же. Л. 21.

отдыхать, закалять свой организм, соблюдать правила гигиены»[403], было решено создать научную медицинскую школу, занимающуюся данной проблематикой. В организации изысканий в этой области приняли участие врачи, еще до революции занимавшиеся проблемами, связанными со спортом: профессор В. В. Гориневский, Д. В. Ненюков, В. К. Стасенков, В. В. Гориневская и др.[404]. Они активно изучали проблемы врачебного контроля, определения норм физических нагрузок в зависимости от пола и возраста человека, правил гигиены и т. п. и давали конкретные предписания.

Советское руководство также осознавало роль спорта как объединяющего фактора, поэтому он просто не мог остаться вне политики. От имени Всевобуча Подвойский выступил с инициативой создания Пролетарского Спортивного союза под эгидой III Интернационала для объединения всех трудящихся масс на почве создания пролетарской физической культуры[405]. В 1921 г. был создан Красный спортивный Интернационал (КСИ). Его деятельностью до конца 1920-х годов руководил Подвойский. В уставе этой организации было сказано, что физическая культура и спорт не являются самоцелью ее существования, а лишь средством в пролетарской борьбе[406]. КСИ соперничал со схожей организацией – Люцернским спортивным Интернационалом (ЛСИ), созданным социал-демократическим Интернационалом в 1920 г.

Кроме того, советские физкультурники попытались громко заявить о себе на самых важных международных спортивных соревнованиях – Олимпийских играх. В 1920 г. в самом разгаре Гражданской войны, когда судьба нового государства была неясна, восемь спортсменов из РСФСР без приглашения МОК приехали в Антверпен, чтобы принять участие в VII летних Олимпийских играх. Однако сделать этого они не смогли, так как организаторы соревнований поставили такие условия, что выполнить их было невозможно[407]. Но даже сам факт, того что подобная попытка имела место быть говорит об амбициях Всевобуча довольно много.

Развитие физической культуры должно было способствовать не только подготовке советских граждан к труду и обороне, укреплению интернациональной солидарности, но и бороться с отрицательными бытовыми явлениями, среди которых наиболее остро стояла проблема пьянства. Лозунг «Чем больше спортивных пло-

---

[403] *Семашко Н. А.* Физическая культура и здравоохранение в СССР // Избр. произв. М., 1954. С. 263–264.

[404] *Суник А. Б.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010. С. 422–423.

[405] РГВА. Ф. 65. Оп. 2. Д. 134. Л. 52.

[406] ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

[407] *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры. М., 1982. С. 253.

щадок, тем меньше больниц!» хорошо отражает официальную позицию этого времени. Физкультура должна была способствовать оздоровлению населения. Для того, чтобы решить эту проблему, советским руководителям надо было превратить физкультуру в массовое явление.

Вокруг того, как этого достигнуть, и разгорелись споры. Дискуссионными были вопросы: нужны ли спортивные соревнования, какие виды спорта полезны, а какие вредны? Главными оппонентами стали Н. И. Подвойский и Н. А. Семашко. Первый во время своего руководства Всевобучем признавал роль спортивных состязаний в качестве способа популяризации спорта. Так, например, сохранились распоряжения Всевобуча об организации в Москве «Всероссийской Олимпиады как средства популяризирующего идею физического развития и воспитания населения республики». В этих документах предписывалось прислать в столицу определенное количество участников, которые освобождались от основной работы на время подготовки и проведения соревнований, а также выделялось 200 тыс. рублей на ее проведение[408]. Всевобучу не удалось провести Олимпиаду в тех масштабах, как это было запланировано. Однако даже тот факт, что такая идея возникла в 1920 г., очень примечателен.

Нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко считал, что «рабочая молодежь не должна потеть в удушливых помещениях, портя себе сердце и упражняясь в совершенно неестественных движениях, делая акробатические мосты, занимаясь, например, тяжелой атлетикой или футболом. «Физуродование» от буржуазной физкультуры, пресыщенность зрелищами, погоня за выделением «Я» среди других, преклонение перед всяким, срывающим успех – пагубно. По его мнению, необходимо осторожно смотреть на то, что делается на Западе и прокладывать свои пути. Зарубежный спорт он критиковал за индивидуализм. Правда, им допускалась идея проведения дружеских встреч с зарубежными представителями рабочего спорта для укрепления солидарности[409].

Противостояние, развернувшееся между Семашко и Подвойским, было во многом основано на личной неприязни. Соответственно, в зависимости от ситуации их точки зрения могли меняться. Не только нарком здравоохранения допускал исключения из правил. Начальник Всевобуча, в одном своем докладе мог писать, что легче всего воспринимаются и укореняются в трудовых массах упражнения, носящие эмоциональный характер с оттенком удовольствия, способные быстро поднимать настроение (спортивные игры и гимнастика), причем состязательное начало, по его мнению, входит в

[408] РГВА. Ф. 65. Оп. 2. Д. 134. Л. 5, 15, 31, 53.
[409] ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 3. С. 101.

игру и не противоречит общественно-психологическим свойства человека, пока не переходит предела, возбуждая тщеславие и зависть[410]. С другой стороны, увидев, что его оппонент смягчил свою позицию и начал уделять внимание развитию состязательных видов спорта. Подвойский тут же обрушился на Семашко с критикой, что он протаскивает чуждые элементы «олимпизма», порожденного английским аристократизмом «на сытое брюхо и от нечего делать»[411].

Всевобуч активно поддерживал организацию спортивных соревнований, хотя и не было единого мнения относительно целесообразности их проведения. В большинстве случаев удавалось это реализовывать на основе энтузиазма активистов, так как в условиях Гражданской войны было не до создания спортивной инфраструктуры или массового производства инвентаря. Хотя именно в 1921 г. был заложен Красный стадион на Воробьевых горах, но проект оказался настолько амбициозным, что реализовать его так и не смогли. Одной из любимейших форм проведения спортивных мероприятий были массовые праздники физической культуры, где соревнования соседствовали с гуляниями и развлечениями. Кроме того, организовывались массовые спортивные мероприятия, такие как велопробеги, гимнастические выступления и т. п. Уже в эти годы начали проводить физкультурные парады. На первом параде в 1919 г. на Красной площади в честь годовщины создания Всевобуча присутствовал В. И. Ленин.

Что же касается дискуссии относительно необходимости развития тех или иных видов спорта, жизнь сама расставила все по своим местам. Выше уже говорилось о том, физическую культуру развивали, прежде всего, для повышения уровня обороноспособности страны. Поощрялось развитие видов спорта, имевших практическое применение в военном деле: велоспорт, мотоспорт, стрельба, лыжи, а также повышающих выносливость человека, например, легкая атлетика. В то же время, критике подвергались футбол, теннис, тяжелая атлетика, бокс. Забегая вперед, следует отметить, что хотя споры о необходимости существования и развития тех или иных видов спорта продолжались вплоть до конца 1920-х годов, тяжелая атлетика и бокс в итоге были реабилитированы, так как нашли свое применение в военной подготовке, а теннис стал одной из любимых форм досуга советских граждан. Футбол, так не нравившийся советским идеологам повышенной эмоциональностью зрителей, собирал стадионы и был любимым развлечением рабочих еще с дореволюционных времен[412], а потому искоренить этот вид спорта было невозможно.

---

[410] ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 28. Д. 33. Л. 41–43.

[411] Там же. Л. 88, 100.

[412] *Эдельман Р.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. М., 2008. С. 60–64.

Подводя итоги, следует отметить, что усилия Всевобуча уже в первые годы существования советской власти дали плоды. Свыше 1,5 миллиона человек прошли обучение на пунктах допризывной подготовки. Была организована массовая работа в трудовых коллективах и армейских частях. Естественно, наиболее активными участниками физкультурного движения становилась молодежь. Активно помогали активизации населения РКСМ, профсоюзы и местные Советы. Организовывались спортивные кружки и общества, а также военно-спортивные клубы. Но при этом в любой физкультурной организации велась активная идеологическая работа.

Деятельность Всевобуча, хотя и была связана с конкретно-историческим моментом, определила основные особенности развития физической культуры в нашей стране на десятилетия вперед. Физкультура и спорт оказались под пристальным контролем государства, были военизированы, но при этом развивались на основе хорошей теоретико-методологической базы, обеспечивающей стабильно высокие результаты.

Швец Т. Д.

Православный храм как центр сохранения национального самосознания в годы Великой русской революции

Аннотация. В статье рассматривается положение Русской православной церкви в годы Революции 1917 г. Жесткий диктат в отношении церкви после Февраля 1917 г., безжалостная борьба с религией в послеоктябрьский период лишили церковь возможности осуществлять религиозно-нравственное образование и воспитание народа. Шесть посланий Патриарха стали реакцией на беззаконие и попрание прав верующих людей.

Ключевые слова: гонения на церковь, Поместный Собор, избрание Патриарха Тихона, шесть посланий Патриарха.

Orthodox temple like a center of saving of national identity during the Great Russian Revolution

Abstract. The article deals with the situation of the Russian Orthodox Church during the Revolution of 1917. Strict control of church's work after the February of 1917 and the ruthless struggle to religion after the October of 1917 deny the Church the possibility of implementation of religious and moral education of people. Six messages of Patriarch be-

came an acute reaction to the lawlessness and violation of believers' rights.

Keywords: Persecution to the Church, the Local Council, election of Patriarch Tikhon, six messages of Patriarch.

Православная вера в России исторически стала основой государственной идеологии. Сложилась тесная связь между этническим (национальным) самосознанием и осознанием государственной и национальной принадлежности.

В формировании русского национального самосознания важное место занимала идея жертвенности. С этой идеей связано и своеобразное восприятие православия русским народом, у которого «святые» – это или великие мученики, или высоконравственные люди, те, кто был верен идее и всячески противился насилию.

Накануне русской революции 1917 г. политическое положение Церкви было нелегким. Либеральная оппозиция воспринимала ее придатком государственного аппарата, архиереев – «синодальной бюрократией» и «распутинцами», требовала перестройки всего церковного здания на началах демократии. Февральская революция изначально имела антимонархический характер. Что в дни революции мог предпринять Святейший Синод? Победа революции в столице оказалась молниеносной. Синод оказался в изоляции. Лишь 2 марта он принял решение связаться с Временным комитетом Государственной думы, сделав это последним из всех петроградских учреждений. Однако, несмотря на лояльность по отношению к Временному правительству, положение церковной иерархии после Февраля только ухудшилось. Образ «архиереев-распутинцев» не без участия революционной власти прочно закрепился в революционном сознании того времени.

7 марта Временное правительство по докладу обер-прокурора Владимира Львова поручило ему инициировать разработку ряда церковных реформ. Предполагалось провести приходскую и епархиальную реформы с переустройством управления «на церковно-общественных началах». Новая революционная власть стала диктовать Синоду, епископату и всему духовенству свои жесткие условия дальнейшего существования Русской церкви. Так называемая«свобода церкви» на деле оборачивалась жестким диктатом в отношении нее. Эта ситуация подвигла шесть архиепископов, являвшихся членами Синода,(включая Сергия (Страгородского) и святителя Тихона (Белавина), 8 марта обратиться с заявлением к обер-прокурору. Они выражали протест против постановления Временного правительства. Архиереи напоминали о свободе Церкви и отмечали, что Синод во всем пошел навстречу обещаниям правительства, издав успокоительное воззвание к российскому народу, а также совершил другие акты,

необходимые для успокоения умов. Острейший конфликт между Львовым и Синодом закончился их полным разрывом и роспуском дореволюционного состава Синода.

Новая власть провела ряд мер по секуляризации общества. 20 марта 1917 г. были отменены национальные и вероисповедные ограничения. Теперь для занятия важных государственных должностей и для коммерческой деятельности не требовалось принадлежать к православной вере. 14 июля был принят закон о свободе совести, в котором впервые в российской истории предусматривалось и невероисповедальное состояние. Это было нормальное буржуазное законодательство, однако оно свидетельствовало о глубокой секуляризации в обществе. 25 июля Временное правительство наконец-то отменило синодальную систему управления. Однако вместо нее было создано министерство по делам религий, в подчинении которому продолжала оставаться Церковь. РПЦ получила большую самостоятельность и смогла организовать созыв Собора.

В ходе внутрицерковных реформ в епархиях образовывались исполнительные епархиальные комитеты, ограничивавшие власть епископата, вводился выборный порядок замещения духовных и административных должностей. Таким образом, в жизнь Церкви вводилось соборное начало, причем происходило это по инициативе «снизу». Если в царское время соборы не собирались более 200 лет, то теперь на организацию собора ушло всего несколько месяцев. Но вскоре приход к власти большевиков остановил церковное возрождение.

Поместный собор РПЦ 1917–1918 гг. открылся в праздник Успения Пресвятой Богородицы 29 августа 1917 г. в Успенском соборе Кремля. Всего в Соборе принимало участие 564 депутата, либо избранных, либо назначенных по должности, причем миряне численно преобладали над представителями духовенства (266 человек). Собор проходил в три сессии с августа по сентябрь 1917 г., и в итоге был разогнан большевиками. Участники Собора пережили много испытаний. Во время боев, проходивших в Москве между противостоящими политическими силами, в результате артиллерийского обстрела Кремля российские святыни получили тяжелые повреждения. На Соборе были приняты важнейшие постановления по возвращению к соборному началу в жизни Церкви и восстановлению патриаршества, по реформированию жизни РПЦ.

10 ноября 1917 г. Собор принял историческое решение о необходимости избрания патриарха. Еще в 1891 г. Василий Иванович Белавин (1865–1925) был пострижен в монашество с именем Тихон (в честь св. Тихона Задонского), и в том же году он стал иеромонахом. После успешного выполнения ряда церковных послушаний, в 1897 г. св. Тихон был хиротонисан в сан епископа. С 1898 по 1907 г. святитель был правящим архиереем Алеутским и Аляскинским в США. На

этом поприще св. Тихон добился огромных успехов, по сути дела, заложив основы для полноценного функционирования Православной церкви в Северной Америке. В 1907–1913 гг. святитель занимал Ярославскую, в 1914–1915 гг. Виленскую, а в 1917 г. был избран на Московскую кафедру, а потом и на первосвятительский престол.

Архипастырь пользовался всеобщим уважением и любовью за свои высокие нравственные качества, имел несомненные организаторские способности, был известен своей аполитичностью, поэтому христиане надеялись, что он сможет вести диалог с новой властью в новых условиях. Св. Тихон был наилучшей кандидатурой на патриарший престол.

События Октября 1917 г. прервали процесс реформирования Церкви. Большевики начали безжалостную борьбу с религией. Эта борьба с самого начала носила принципиальный характер, так как само существование Церкви в советском обществе не соотносилось с новой идеологией. В соответствии с ней РПЦ являлась орудием управления и господства эксплуататорских классов над трудящимися. Советская власть ставила перед собой задачу как можно быстрее ослабить влияние РПЦ на общество и полностью уничтожить ее. Новая власть декларативно отвергала прямую борьбу с религией, заявляя о невмешательстве во внутрицерковную жизнь, но на практике все обстояло совсем иначе. В «Декларации прав народов России» Церковь отторгалась от всех сфер гражданской и общественной жизни. Полностью отменялись все религиозные привилегии и ограничения. Декретом от 11 декабря 1917 г., подписанного Лениным, у РПЦ конфисковались все учебные заведения, а их имущество переходило государству. Церковь лишалась возможности осуществлять религиозно-нравственное образование и воспитание народа, готовить кадры духовенства. Система духовного просвещения в России была уничтожена. 7–18 декабря были приняты декреты по брачному законодательству, в соответствии с которыми юридическую силу получал лишь гражданский брак. Регистрация рождений, браков, разводов и смертей осуществлялась теперь только государственными органами, а процедура заключения браков и разводов максимально упрощалась. Это привело к общему падению нравственности и в значительной мере обусловило появление беспризорных детей. 16 января 1918 г. новым декретом был ликвидирован институт духовников в вооруженных силах. Церковь последовательно вытеснялась из всех сфер общественной жизни, а представители духовенства часто оставались вовсе без средств к существованию.

23 января 1918 г. был опубликован декрет «О свободе совести», в котором утверждался принцип отделения Церкви от государства и школы от Церкви. В соответствии с этим документом РПЦ теряла свой привилегированный статус. Провозглашалась свобода совести.

Граждане могли исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, никто не мог, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей (в том числе и службы в армии). Школа отделялась от Церкви, преподавание религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы, было запрещено. Все религиозные общества стали относиться в глазах государства к частным и подчинялись соответствующему законодательству. Вводился запрет для религиозных организаций на право владеть собственностью, а все имущества Церквей и религиозных обществ объявлялись народным достоянием.

Последовавшие постановления советской власти еще более усугубили дискриминацию РПЦ. В Конституции 1918 г. духовенство и монашествующие лишались избирательных прав. Многих прав лишались и дети духовенства (в частности, им запрещалось поступление в высшие учебные заведения). 24 августа 1918 г. инструкцией к декрету от 23 января ответственность за приходскую жизнь возлагалась на группу мирян из 20 человек («двадцатка»), чем подрывалась власть настоятеля. Настоятель теперь был поставлен под контроль мирян. 19 апреля 1918 г. была создана специальная ликвидационная комиссия при народном комиссариате юстиции для проведения в жизнь декрета от 23 января.

В 1917–начале 1918 г. Патриарх и Собор с тревогой наблюдали за действиями большевиков, направленными против Церкви. Патриарх обратился к народу через послания, в которых давал оценку происходившему и наставлял верующих.

Первое послание Патриарха Тихона вышло 19 января 1918 г. сначала как его личное обращение к обществу. Чуть позже Собор придал ему статус соборного документа. В послании Патриарх охарактеризовал происходившие события как гонение на Церковь, которое «воздвигли на истину Христову явные и тайные враги ее». С сердечной болью Первосвятитель писал о зверствах, творимых безбожниками: «Забыты и попраны заповеди Христовы... ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных людей... с беспощадной жестокостью, без суда, с попранием всякого права и законности... Остановитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы, все, что творите вы... поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы геенне огненной в жизни будущей и страшному проклятию потомства в жизни настоящей», – смело обличала преступников Церковь устами Патриарха[413]. Святой Тихон предал анафеме всех христиан, которые творили насилие над

[413] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 82–85.

невинными людьми или принимали участие в гонениях против Церкви. Далее Патриарх призвал русский народ противостать врагам Церкви, встать в ряды духовных борцов и, если потребуется, пострадать за дело Христово. В соборном послании нет ни слова о большевиках и советской власти, здесь анафематствуются все, совершающие беззаконие, к какой бы партии они не относились. Послание было направлено к народу, людям, которые пошли за коммунистами, но, как надеялся патриарх, сохранили в душе веру и способность к покаянию. После выхода в свет послания новая большевистская власть стала видеть в св. Тихоне одного из своих главных и опасных противников.

25 января 1918 г. Собор принял постановление, угрожавшее анафемой всем, кто принял бы участие в реализации декрета от 23 января, как подвергающего Церковь гонению. В тот же день было принято постановление, по которому патриарху предоставлялось право самостоятельно и тайно избрать себе преемника с полнотой патриарших прав. Массовые репрессии новой власти против РПЦ побудили Собор принять постановление 26 марта 1918 г. и создать Комиссию для выяснения истинных масштабов террора, развязанного против представителей духовенства. Предполагалось вести учет репрессированным и помогать их семьям, что на практике было очень трудно сделать. 18 апреля Собор решил осуществлять поминовение новомучеников в храмах за богослужением и установить их ежегодное поминовение 25 января. В той ситуации это было открытое осуждение гонений богоборческой власти. Весной и летом 1918 г. Собор пытался установить диалог с советской властью, однако большевики не желали идти на компромисс, ожидая скорого распада церкви. Власти даже официально не отреагировали на обличительное второе послание Патриарха по поводу Брестского мира, появившееся в марте 1918 г.[414].

8 мая 1918 г. при наркомате юстиции был создан 8-й (позднее 5-й) отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства во главе с П. А. Красиковым, юристом по образованию. На местах создавались соответствующие низовые структуры. А 30 августа 1918 г. постановлением наркомата юстиции РПЦ официально лишалась прав юридического лица, у нее отбиралось все не богослужебное имущество, в церковной жизни вводился ряд ограничений.

Несмотря на все трудности времени, Собор пытался продолжать свою деятельность, принимая решения, которые обличали преступления власти. Поистине мужественным поступком со стороны руководства Церкви стало принятие решения от 19 июля о служении па-

[414] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 107–109.

нихид по расстрелянному императору (о гибели всей царской семьи тогда еще не было известно).

15 августа было принято определение о недействительности лишения сана по политическим мотивам. 21 августа Собор постановил, что в связи с повсеместными закрытиями храмов службы, в том числе и Литургия, могут совершаться в частных домах. Эти решения сыграли огромную роль в сохранении литургической жизни Церкви в период самых жестоких гонений. Но дни Собора были уже сочтены. Советская власть не желала иметь ни малейшего противодействия своим беззакониям. Большевики, раздраженные активностью и независимостью Собора, 20 сентября 1918 г. разогнали его.

Третье послание патриарха Тихона вышло в свет 26 июля (8 августа) в связи с наступающим Успенским постом. Патриарх призвал христиан ко всеобщему покаянию, указывая на то, что попытка построения рая на земле без Бога привела Россию к страшным бедствиям. Послание было написано в скорбном тоне, скорбит же Патриарх о продолжающейся нераскаянности народа[415].

Четвертое послание патриарха Тихона появилось 13(26) октября 1918 г., в годовщину прихода к власти большевиков. Прямой причиной написания послания стали открытые гонения против Церкви и преступления со стороны властей. Это послание отличалось открытым обличительным тоном и было обращено к Совету народных комиссаров. Патриарх обвинял власть в причинах разрухи и голода, которые переживала страна, в подписании позорного мира с немцами, в политике террора, истреблении ни в чем не повинных людей, разрушении нравственных устоев общества. «Наша великая Родина завоевана, умалена, расчленена. Любовь Христову вы заменили ненавистью и искусственно разожгли классовую вражду. Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертию, часто даже без вашего упрощенного суда. Казнят заведомо невиновных людей, взятых в качестве „заложников", этих несчастных убивают за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не винных, а просто по огульному обвинению в расплывчатой контрреволюции», – бесстрашно обличал Первосвятитель. «Вы толкнули народ на открытый и беззастенчивый грабеж. Вы отуманили совесть темного и невежественного народа возможностью безнаказанной наживы, вы заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями ни прикрывалось злодеяние – убий-

[415] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 144–147.

ство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами.

Вы обещали свободу, но ваша свобода заключается во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы подавлены вами беспощадно», – вскрывал он сущность советской власти.

Далее Патриарх описывал чудовищное разорение страны вследствие абсурдной экономической политики большевиков, голод, холод, болезни, свирепствующие в России, указывал, что причина этих невзгод – безбожная власть. Но Патриарх не призывал к открытой борьбе против новой власти, принципиально не хотел ввергать Церковь в пучину политической борьбы. Он лишь призывал большевиков: «отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры»[416].

Важно, что еще летом 1918 г. Патриарх отказался благословить Белое движение, чтобы избежать вовлечения Церкви в политическую борьбу. Для Церкви все, и «красные» и «белые», оставались ее детьми (пусть даже и заблудшими), и Первосвятитель ни при каких обстоятельствах не желал благословлять братоубийственную войну. В ноябре 1918–январе 1919 г. Патриарх находился под домашним арестом, после чего был выпущен на свободу. Власть не решилась расправиться с ним, ведь слишком велик был его авторитет.

Пятое послание патриарха Тихона вышло 3(21) июля 1919 г. и было обращено ко всем чадам Церкви. Выход послания был связан с успешным наступлением на Москву армии генерала Деникина, когда казалось, что большевистская власть скоро рухнет. Описав испытания, обрушившиеся на РПЦ, Патриарх призвал народ к милосердию по отношению к поверженному противнику. В этом послании говорится о подлинной христианской любви Церкви к своим заблудшим чадам. Вновь поражает высочайшая нравственность Патриарха, который даже в тех тяжелейших условиях думал только о спасении душ заблудшей паствы[417].

Шестое послание Патриарха датируется 25 сентября (8 октября) 1919 г. и адресовано всем архипастырям. В тот момент наступление «белых» уже выдохлось. Перед Церковью встала задача налаживания отношений с безбожной властью, спасения РПЦ от уничтожения. Поэтому Патриарх заявлял о лояльном отношении Церкви к советской власти, так как «Церковь не связывает себя ни с каким опреде-

---

[416] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 149–151.

[417] Там же. С. 160–161.

ленным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение», служители же Церкви должны «стоять выше и вне всяких политических интересов». Патриарх призвал подчиняться велениям советской власти,«поскольку они не противоречат вере и благочестию»[418]. Первоиерарх напомнил клиру и пастве многими позабытую истину, что главной задачей Церкви является не политическая борьба, а спасение душ.

Седьмое и последнее послание Патриарха периода Гражданской войны увидело свет 28 августа (10 сентября) 1920 г. Оно было посвящено закрытию национальной русской святыни – Троице-Сергиевой лавры. В нем Патриарх, опечаленный равнодушием народа к гонениям на Церковь, заявил: «мы только носим имя, что живы, а на самом деле мертвы» и призвал народ к покаянию[419]. Но народ не услышал своего Первосвятителя, поэтому и власти игнорировали его протесты.

Итак, Церковь и до, и после февральских событий неизменно пыталась бороться за сохранение государственного порядка и не допустить братоубийственной вражды. Тогда, в 1917 г., ее голос не был услышан.

---

[418] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 163.

[419] Там же. С. 167.

ОБ АВТОРАХ

Абрамова Надежда Григорьевна, к. и. н., доцент, заместитель заведующего кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Агеева Елена Александровна, старший научный сотрудник Музея истории МГУ имени М. В. Ломоносова, куратор темы «Старообрядчество» Православной энциклопедии.

Алексеев Виктор Владимирович, к. и. н., доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Аннин Анатолий Геннадьевич, д. и. н., доцент, и. о. заведующего кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор кафедры государственного и муниципального управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал.

Бабкин Михаил Анатольевич, д. и. н., профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Байбаков Сергей Александрович, д. и. н., профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Байбакова Лариса Вилоровна, д. и. н., профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Белоусов Лев Сергеевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, чл.-корр. Российской академии образования.

Белоусова Ольга Владимировна, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории России XIX–начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Березкина Оксана Степановна, к. пол. н., доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Березко Владимир Эдуардович, к. ю. н., доцент кафедры государственного управления и права МГИМО МИД России.

Богданов Владимир Павлович, к. и. н., с. н. с. лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Борисенко Владимир Васильевич, к. и. н., доцент, декан историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова.

Борисёнок Юрий Аркадьевич, к. и. н., доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Бочарова Зоя Сергеевна, д. и. н., профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем и возникающих социальных и этических вызовов для больших городов и их населения факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.

Буданова Наталья Юрьевна, PhD, член координационного совета CCRAC (Центр русского искусства Кембридж-Курто), Лондон.

Булатов Башир Булатович, д. и. н., профессор, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв., декан исторического факультета Дагестанского государственного университета.

Бурнашева Наталия Ивановна, д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Сибирского отделения РАН, сектор истории Якутии.

Вакар Ирина Анатольевна, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи.

Вандалковская Маргарита Георгиевна, д. и. н., главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук.

Ватлин Александр Юрьевич, д. и. н., профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ватыль Николай Викторович, к. пол. н., доцент кафедры трудового и социального права юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Вдовин Александр Иванович, д. и. н., профессор кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Вершинин Александр Александрович, к. и. н., преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Вершинина Инна Альфредовна, к. соц. н., доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Веселова София Сергеевна, старший научный сотрудник кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Воскресенская Виктория Владимировна, к. иск., старший научный сотрудник Государственного института искусствознания.

Гайда Федор Александрович, д. и. н., доцент кафедры истории России XIX–начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Галкин Павел Владимирович, д. и. н., доцент Государственного социально-гуманитарного университета.

Галкина Ольга Игоревна, к. и. н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна).

Ганин Андрей Владиславович, д. и. н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гасанов Магомед Магомедович, д. и. н., профессор, проректор по учебной работе Дагестанского государственного университета.

Голиков Андрей Георгиевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Головин Юрий Алексеевич, д. пол. н., профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Голубева Мария Исааковна, к. и. н., доцент кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна, д. филол. н., профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М. В. Ломоносова.

Горская Наталья Ивановна, д. и. н., доцент, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета.

Гришаева Лидия Евгеньевна, д. и. н., профессор кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Данилова Елена Николаевна, к. и. н., доцент кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Дубровина Ольга Владимировна, PhD, преподаватель университета Модены и Реджо Эмилии (Италия).

Еремеева Анна Натановна, д. и. н., профессор, главный научный сотрудник НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Южный филиал.

Ермишина Светлана Александровна, к. и. н., доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Закатов Александр Николаевич, к. и. н., доцент кафедры истории отечества, государства и права гуманитарного факультета Московского государственного университета геодезии и картографии.

Запальский Глеб Михайлович, к. и. н., доцент кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Зезегова Ольга Ивановна, к. и. н., доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

Зимин Игорь Викторович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории ПСПбГМУ им. И. П. Павлова.

Зоитакис Афанасий Георгиевич, к. и. н., доцент кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Иванова Раиса Михайловна, к. и. н., доцент кафедры истории Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ).

Кайкова Ольга Константиновна, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Коваленко Валерий Иванович, д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Козлов Олег Владимирович, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета.

Кокшенева Капиталина Антоновна, к. иск., д. филол. н., руководитель Центра наследования русской культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Комкова Галина Николаевна, д. ю. н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Корунова Евгения Валерьевна, к. и. н., старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Костриков Сергей Петрович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Государственного университета управления.

Котеленец Елена Анатольевна, д. и. н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Купцова Ирина Валентиновна, д. и. н., профессор кафедры регионального и муниципального управления МГУ имени М. В. Ломоносова.

Лавринович Дмитрий Сергеевич, д. и. н., профессор, первый проректор Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова.

Леонов Дмитрий Евгеньевич, к. и. н., преподаватель истории Ярославского железнодорожного колледжа.

Леонова Лира Степановна, д. и. н., профессор, заведующая кафедрой истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Лиманова Светлана Андреевна, к. и. н., младший научный сотрудник Архива Российской академии наук.

Листиков Сергей Викторович, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Лю Сяоин, факультет марксизма Шанхайского университета финансов и экономики.

Магадеев Искандэр Эдуардович, к. и. н., доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета Международных отношений МГИМО (У) МИД РФ.

Македонская Вера Александровна, д. и. н., доцент, профессор кафедры «История», заместитель заведующего кафедрой, начальник Культурно-исторического центра «Наше наследие» Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ).

Малышева Ольга Геральдовна, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Мамаев Андрей Владимирович, к. и. н., старший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Манухин Алексей Анатольевич, к. и. н., доцент кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана.

Матвеев Геннадий Филиппович, д. и. н., заслуженный профессор МГУ, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ментюкова Ольга Константиновна, заведующая научно-информационным сектором отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Миньяр-Белоручев Константин Валерьевич, к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Миронова Елена Михайловна, к. и. н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Мирослав Радивоевич, магистр истории, докторант Отделения истории Философского факультета Белградского университета.

Митяева Ольга Ивановна, д. и. н., профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Морозов Константин Николаевич, д. и. н., профессор кафедры истории российской государственности Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ.

Морозова Елена Николаевна, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Муромцева Людмила Петровна, к. и. н., доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Муса Джафар оглу Гасымлы, профессор, директор Института кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана.

Мусянкова Надежда Александровна, к. иск., научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Государственная Третьяковская галерея.

Набокина Марина Евгеньевна, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории ИГНиУ ГАОУ ВО МГПУ.

Наумов Николай Васильевич, д. и. н., профессор кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Наумова Наталья Николаевна, к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Невежин Владимир Александрович, д. и. н., в. н. с. Института российской истории Российской академии наук.

Обухов Леонид Аркадьевич, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Омельченко Николай Алексеевич, д. и. н., заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий Государственного университета управления.

Омельянчук Игорь Владимирович, д. и. н., профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета.

Остапенко Александр Иванович, к. и. н., доцент кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Пейч Дмитрий Игоревич, к. и. н., историк, ООО «Архэксперт».

Подпрятов Николай Вячеславович, д. и. н., доцент, профессор кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Полякова Светлана Викторовна, к. ф. н., доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Рамазанова Дильшад Шагидиновна, к. и. н., доцент кафедры истории России XX–XXI вв., заместитель декана по магистратуре исторического факультета Дагестанского государственного университета.

Романишина Вероника Николаевна, к. и. н., доцент, помощник сенатора, Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Романова Екатерина Владимировна, к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Салиенко Александра Петровна, к. иск., доцент кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Сафонов Михаил Михайлович, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Сергеева Мария Олеговна, научный куратор выставок, заочный Народный университет искусств.

Сидорова Любовь Алексеевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Симонов Вениамин Владимирович, д. э. н., профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, заведующей кафедрой истории Церкви исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Скотони Джорджо Ренато – д. и. н., доцент кафедры истории России гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета.

Смирнова Юлия Валерьевна, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории ИГНиУ ГАОУ ВО МГПУ.

Стадник Владимир Александрович, ст. преподаватель Донецкого высшего общевойскового командного училища Вооруженных сил Донецкой Народной Республики» («ДВ ОВКУ ВС ДНР»).

Стариков Сергей Валентинович, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета.

Струкова Александра Ивановна, заведующая отделом графики XX века, Государственная Третьяковская галерея.

Суслопарова Елена Алексеевна, к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Таканова Надежда Сергеевна, специалист первой категории, Государственный архив Российской Федерации.

Тимофеев Алексей Юрьевич, д. и. н., доцент отделения истории Белградского университета (Сербия).

Томашевич Ольга Владимировна, к. и. н., доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Трифонова Елена Константиновна, к. и. н., доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Ховалыг Салимаа Сергеевна, к. и. н., доцент кафедры документоведения и архивоведения Тувинского государственного университета.

Хорошева Анна Владимировна, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Царуски Юрген, научный сотрудник Института современной истории, Мюнхен–Берлин, главный редактор журнала «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» («Ежеквартальник современной истории»).

Челнокова Алла Юрьевна, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета, Институт гуманитарных наук и управления.

Чернов Олег Александрович, к. и. н., доцент кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета.

Чжан Цзяньжун, к. филол. н., старший научный сотрудник Института международных исследований Шанхайской академии общественных наук.

Чжан Чжунминь, декан факультета марксизма Шанхайского университета финансов и экономики.

Швец Татьяна Дмитриевна, к. и. н., доцент кафедры «История» Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ).

Шеляг Анна Ивановна, первый секретарь МИД РФ.

Шефов Николай Александрович, к. э. н., научный сотрудник Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Яковлева Светлана Ильинична, к. и. н., доцент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Яхшиян Олег Юрьевич, к. и. н., доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления.

Научное издание

Труды исторического факультета МГУ, вып. 108
Серия II. Исторические исследования, 60

Столетие Революции 1917 года в России

Научный сборник

Часть 1

Редактор: *Кошелева Г. В.*
Технический редактор: *Рудь А. Ф.*
Корректор: *Виноградова В. А.*
Компьютерная верстка: *Улитина Е. С.*

Подписано в печать 05.02.2018.
Формат 60×90/16. Гарнитура NewBaskervilleC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 58,12.
Тираж 500 экз. Заказ № 3824.

Издательство АО «РДП»

Отпечатано в Акционерном обществе
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ISBN 978-5-88697-280-1

9 785886 972801